

**В.Н. Уйманов**

**ЛИКВИДАЦИЯ И РЕАБИЛИТАЦИЯ:**

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ  
В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СИСТЕМЕ  
БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ВЛАСТИ  
(КОНЕЦ 1919–1941 г.)**

**Научный редактор Н.С. Ларьков, д-р ист. наук, проф.**

*4-е издание, дополненное и переработанное*

Настоящее издание удостоено дипломов в номинациях:  
на Международном отраслевом конкурсе изданий для высших учебных заведений  
«Университетская книга: социально-гуманитарные науки–2014»  
«**Лучшее научное издание по истории и археологии**»;  
на V Сибирском межрегиональном конкурсе изданий высших учебных заведений  
«Университетская книга–2014» –  
«**Лучшее научное издание по гуманитарным, общественным  
и социальным наукам**» и «**Лучшее полиграфическое исполнение**»;  
на VII Общероссийском конкурсе изданий для вузов «Университетская книга–2015» –  
«**Лучшее издание по историческим наукам**»;  
на VIII Общероссийском конкурсе изданий для вузов  
«Университетская книга – 2018» в номинации  
«**Лучшее историко-биографическое краеведческое научное издание**»



Издательство Томского университета  
2023

УДК 94(571.1/5) : 316.325  
ББК 63.3(2Р5)716  
У11

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. *В.С. Зиновьев*,  
д-р ист. наук, проф. *Э.И. Черняк*

**Уйманов В.Н.**

У11 Ликвидация и реабилитация: Политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919–1941 г.). – 4-е изд., доп. и перераб. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2023. – 760 с.

ISBN 978-5-7511-2424-3

DOI: 10.17223/9785751124243

В монографии представлен опыт исторического исследования периода политических репрессий в СССР в масштабе Западно-Сибирского региона.

Целенаправленное и плановое изучение документов и материалов фондов семи сибирских архивов позволило автору предметно рассмотреть политику Советского государства по уничтожению потенциальных противников режима, описать механизм репрессий (нарушение процессуальных норм, фальсификация материалов и т.д.), раскрыть логику принимавшихся решений, проследить влияние местных особенностей на организованные в масштабе страны кампании, деятельность подразделений пенитенциарной системы. Рассматривается деятельность органов ФСБ и МВД России по вопросам организации работы по реабилитации жертв политических репрессий, анализируются условия и результаты проведения этой работы.

Для научных работников, преподавателей, студентов и всех, кто интересуется советским периодом в истории России и Сибири.

УДК 94(571.1/5) : 316.325  
ББК 63.3(2Р5)716

*Автор выражает искреннюю благодарность  
ОАО «Томская домостроительная компания  
(генеральный директор – Александр Карлович Шпетер)  
за помощь в издании дополнительного тиража монографии.*

ISBN 978-5-7511-2424-3

© Уйманов В.Н., 2023

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Впервые к теме массовых репрессий мне довелось непосредственно прикоснуться на рубеже 1980–1990-х гг. Знакомство с многочисленными публикациями в периодической печати, теле- и радиопередачами, посвященными этой теме, заставляли тогда задуматься о происходившем в стране в советский период, но в целом картина не складывалась. Все продолжало оставаться каким-то отдаленным на фоне изменений в нашем обществе – страну сотрясали очередная революция и смена существовавшей системы, оставившие глубокий след в судьбах всего населения страны. «Перестройка», цели которой продолжают и сегодня оставаться непонятными для миллионов россиян, распад «империи», как на Западе называли Советский Союз, крушение руководящей и направляющей силы советского общества – всемогущей КПСС, попытки государственных переворотов, кампания приватизации, переход к рыночным отношениям и «шоковая терапия» в экономике, разгул криминалитета, все в большем объеме проявлявшиеся противоречия и разногласия на национальной почве в отдельных регионах и многие другие события невольно отодвигали тему необоснованных репрессий на второй план. Бытие определяло сознание.

Шоком, по большому счету, стало знакомство с архивными делами, хранившимися в Управлении ФСБ по Томской области, которых оказалось более десяти тысяч, причем многие из них были «групповыми», а также поток заявлений и обращений граждан из разных концов страны, в том числе и из бывших республик СССР. В каждом письме были чья-то боль и страдания и всегда надежда – получить хоть какое-то известие о судьбе дорогих и близких людей. В поисках нужной информации приходилось внимательно изучать архивно-следственные дела, часто многотомные и многостраничные. Листая пожелтевшие страницы, все больше начинал ловить себя на мысли, как такое могло случиться, почему, по чьей воле, во имя чего. Особенно поражали материалы проверок по большинству дел в прежние годы, когда в абсолютном большинстве из них присутствовал один вывод – материалы сфальсифицированы следователями, ведущими дела, а осужденные невиновны. Но и в этих случаях родственникам сообщали заведомо ложные сведения о судьбах репрессированных. Еще острее воспринимались беседы и встречи с заявителями, в глазах которых почти всегда можно было видеть страх, неверие и тревогу и всегда слезы, когда им предоставляли возможность непосредственно ознакомиться с делом или в случае возвращения каких-либо личных вещей репрессированного деда, отца, матери, брата, сестры или другого дорогого им человека. И последним аргументом в осознании происшедшего было четкое представление, что **таких архивных дел** только в архивах Управлений ФСБ страны **сотни тысяч**.

На рубеже тысячелетий произошло разделение российского общества на «богатых» и «бедных», зародился средний класс, однако многое из величайшего

наследия наших предшественников, в частности в области культуры, было утрачено. Стали размываться и обесцениваться понятия чести, долга, патриотизма, национальной и религиозной терпимости, обострилась проблема межнациональных конфликтов, выросшая до масштабов вооруженных столкновений. Стали широко применяться террор и диверсии против мирного населения, когда ни пол, ни возраст, ни национальная или конфессиональная принадлежность потенциальных жертв преступников не интересовали.

Пережив всплеск эмоций и эйфорию от свобод и проявлений различного рода вседозволенности, мы так и не стали пока демократическим государством. Тем не менее в политической жизни страны начинают возобладать явления, свидетельствующие об укреплении государственности, стремлении отстаивать позиции России на международной арене. Однако следует учитывать, что развитие общества предполагает четкое осознание предыдущего опыта в целях недопущения имевших место ошибок в будущем. Поэтому необходимо продолжать глубокое целенаправленное изучение массовых политических репрессий в СССР, выявление и анализ не только их причин, но и последствий, оказавших серьезное влияние на развитие советского государства и общества.

Теме политических репрессий в СССР посвящены тысячи работ – научных, научно-публицистических, документальных, художественных, огромное количество кинофильмов, теле- и радиопередач. Авторы использовали возможность донести до читателя или зрителя собственное восприятие событий тех лет, опираясь на определенные источники и материалы, а также на собственные жизненный опыт и мировоззренческую позицию, накопленный багаж знаний и навыки исторического исследования. Однако вряд ли кому удастся охватить и изучить весь спектр документов, посвященных тому или иному аспекту рассматриваемой темы. По этой причине авторы предлагают (на основе собственного отбора источников) свое видение и понимание происшедшего, доказывая правомерность своих выводов.

Сегодня все публикации, посвященные теме политических репрессий в СССР, можно разделить на две группы: рассматривающие события в целом по стране и посвященные отдельным регионам. Первые обычно строятся на основе материалов центральных архивов, когда тема раскрывается на подборе «нужных» фактов, часто вырванных из контекста событий, без учета конкретных обстоятельств и местных особенностей. Примеры могут быть «удобными» только для самого автора, но не отражать суть явления в целом. Этим, в частности, грешат отдельные работы зарубежных авторов, имеющих ограниченный доступ к документальным источникам; попасть в большинство местных архивов нашей страны для них является проблемой. Нельзя не учитывать и того, что такие работы рассчитаны в первую очередь на читателей их собственных стран, а посему несколько тенденциозно освещают события. Читателю часто предлагается их односторонняя трактовка. Иногда такие работы содержат непроверенную или противоречивую информацию, имеют место курьезы вследствие незнания административно-территориального деления СССР.

Другая часть работ представляет большой интерес. Рассматривая те или иные события в отдельных регионах, авторы полнее и глубже прорабатывают «местные» документы, хранящиеся в региональных архивах. В этих случаях легче по-



нять механизм, логику принимавшихся решений и последовательность тех или иных действий, явлений и событий. В таких работах можно проследить влияние местных особенностей, например национальных, на проводившиеся в масштабах страны кампании. И не всегда полученные в ходе исследования «местные» результаты вписываются в общегосударственные.

В предлагаемой книге предпринята попытка в рамках Западно-Сибирского региона рассмотреть политику советского государства по уничтожению потенциальных и мнимых противников большевистского режима. Такими противниками, в первую очередь, оказались «бывшие» – представители офицерского корпуса, интеллигенции, духовенство и сектанты, а также члены политических партий и движений, многие из которых были сподвижниками большевиков в борьбе с самодержавием, но после Октября 1917 г. их объявили врагами. Автор рассматривает механизм репрессий (нарушение процессуальных норм при ведении следствия, фальсификация материалов при «раскрытии» и ликвидации всевозможных «контрреволюционных» организаций, прямое участие всей государственной системы в борьбе с «врагами народа»).

В процессе работы над этим изданием монографии были дополнительно проработаны материалы архивов ГАТО и ОГКУ ЦДНИ Томской области, преимущественно связанные с вопросами расселения, трудоустройства и обеспечения спецпереселенцев, прибывавших в районы Томской области (в рамках современных границ) в рассматриваемый период времени. По результатам анализа вновь выявленных документов отдельные коррективы и дополнения были внесены практически во все главы монографии. Это позволило подтвердить и усилить отдельные выводы и заключения, продемонстрировать результаты новых исследований по вопросам увековечения памяти жертв репрессий, в данном случае по проекту «Сибирские спецы», связанному со ссылкой и депортацией в нашу область наших соотечественников из других регионов Советского Союза. Кроме того, были внесены уточнения и дополнительные сведения по установочным данным отдельных участников описываемых событий.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца 1919 г. (освобождение Западной Сибири от колчаковщины) до первой половины 1941 г. (начало Великой Отечественной войны, резко изменившей политику государства во всех сферах жизни). Другой период – 1950–2000-е гг. – связан с вопросами государственной политики по реабилитации жертв массовых политических репрессий в СССР.

Географические рамки работы ограничены территорией Западно-Сибирского региона и включают современные Алтайский край, Кемеровскую, Новосибирскую, Омскую и Томскую области, Республику Алтай. В рассматриваемый период все эти субъекты практически представляли единое целое в рамках Сибирского, а затем Западно-Сибирского края. Однако материалы исследования в отдельных случаях имеют отношение к соседним регионам, в частности к Красноярскому краю, Тюменской и Иркутской областям, северным районам Казахстана (в современных административно-территориальных границах), поскольку

ку часть этих территорий в определенные периоды времени входила в рассматриваемый регион.

Основными источниками при написании работы послужили документы и материалы фондов 7 сибирских архивов, многие из которых впервые введены в научный оборот. Впервые в таком объеме использованы, особенно при обработке статистических материалов, автоматизированные базы данных о репрессированных жителях Республики Алтай, Алтайского края, Кемеровской и Томской областей. Использовались также опубликованные сборники документов, периодическая печать, воспоминания.

Идея может быть благовидной в теории  
и губительной на практике...

*Эдмунд Бёрк*

## **Глава 1. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОПЕРАТИВНАЯ ОБСТАНОВКА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1919–1941 гг.**

---

### **1.1. Основные особенности социально-политической и оперативной обстановки**

Двадцатые годы прошлого века стали для молодого советского государства годами становления и серьезных испытаний. Не успела завершиться Мировая война, в которой России была отведена одна из ведущих ролей, как страна погрузилась в ожесточенную Гражданскую войну, сопровождавшуюся иностранной военной интервенцией. В войну были, так или иначе, втянуты практически все политические силы, все население страны. В мировой истории произошел социальный катаклизм, кардинальным образом затронувший не одно Российское государство.

Сегодня не только в исторической науке, но и в общественном мнении возобладали точка зрения, согласно которой вина за развязывание Гражданской войны практически полностью возлагается на большевиков. Но не меньшая вина лежит и на Временном правительстве, допустившем захват большевиками власти. Складывается впечатление, что эту власть им «преподнесли на блюдечке», позволив расшатать и обрушить основы одного из крупнейших государств мира. Массовое выступление различных социальных групп населения в начале 1917 г. большевики сумели использовать для достижения своих целей. Пассивность политических оппонентов позволила большевикам достаточно быстро убрать их с политической арены. К началу второй половины 1920-х гг. на территории Советского Союза не было уже ни одной серьезной оппонирующей большевикам партии или движения из числа действовавших в России в октябре 1917 г.

Последствия Гражданской войны были ужасны. Война, болезни, голод, террор в общей сложности сократили население страны на 10–12 млн чел., из них около 8 млн убитых, искалеченных, умерших от ран, голода и эпидемий. Потери участников вооруженной борьбы с обеих сторон составили до 2,5–3,3 млн солдат и офицеров, погибших на полях сражений и умерших от ран и болезней, включая потери со стороны белополяков во время боевых действий в 1920 г. По данным

академика С.Г. Струмилина, потери Красной армии на 1 июля 1920 г. составили 170 тыс. чел. убитых и умерших. По другим данным, число погибших в Красной армии в 1918–1920 гг. составило более 1 200 тыс. чел., но эти цифры, несомненно, завышены. Из России эмигрировало от 1,5 до 2 млн гражданских лиц и военных, в том числе почти вся политическая и финансово-промышленная элита до-революционной России, представители научной и творческой интеллигенции<sup>1</sup>.

Полные данные о хозяйственной разрухе представить сложно. Общий ущерб, нанесенный народному хозяйству страны за годы Гражданской войны и иностранной интервенции, составил, по разным данным, от 39 до 50 млрд золотых рублей, что равнялось более одной четверти всех её довоенных богатств. К 1920 г. промышленное производство в стране сократилось по сравнению с 1913 г. в 7 раз, добыча угля – в 4 раза, выплавка чугуна – в 36,5 раза, стали – в 26,3 раза. Особенно пострадали топливная и металлургическая промышленность, машиностроение, транспорт. Остановилась работа на предприятиях легкой промышленности, не хватало мыла, керосина, обуви, спичек и многих других товаров первой необходимости. Хлопка собрали в 27 раз меньше, чем в 1913 г., посевные площади льна сократились на 63,2%, конопли – на 69,2%. Уменьшение поголовья скота и потеря инвентаря в ходе Гражданской войны в денежном выражении определялись в 1 200 млн золотых рублей. Объем валовой продукции сократился в 16 раз, а в сельском хозяйстве в 1921 г. составил 60% от уровня 1913 г. Транспортные перевозки сократились втрое, так как подвижной состав не имел нормальных условий для работы. Парк паровозов стал вдвое меньше (9 532 из 19 280 ед.), вагонов – на 71% (356 360 из 502 101 ед.). Выпуск новых паровозов сократился в 6,8 раза (с 609 до 90 ед.), вагонов – в 23,8 раза (с 20 429 до 859 ед.). Было разрушено 80% железнодорожной сети, 1 700 км железнодорожных путей, почти 4000 мостов, сотни вокзалов, депо и других объектов транспортной инфраструктуры.

В Сибири в 1919 г. прекратили работу 20,3% предприятий. По отношению к 1913 г. промышленность Сибири давала не более 25% продукции, добыча угля (по сравнению с 1917 г.) сократилась вдвое, в полное расстройство пришла железнодорожная промышленность, прекратилась разработка медных, свинцовых и цинковых рудников. Сильно пострадала Транссибирская магистраль. Полностью или частично были уничтожены 167 железнодорожных мостов, 66 водокачек, сотни километров железных дорог, многие вокзалы и другие объекты. Из строя были выведены две трети паровозов (1 400 из 2 000), свыше 13 тыс. вагонов из 59 тыс. Ущерб, причиненный Сибири (до Байкала), составил около 4 млрд довоенных рублей. Посевы пшеницы и овса к 1922 г. сократились на 49 и 62% соответственно. Зерна собрали в два раза меньше, чем в 1917 г. В 1920 г. (без учета Украины и Казахстана) недоставало почти 3 млн плугов. Поголовье скота только за период с 1917 по 1920 г. (без учета Дальнего Востока) сократилось на

---

<sup>1</sup> Подробнее см.: Урланис Б.Ц. История военных потерь. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. (историко-статистическое исследование). СПб., 1994. С. 399; Население России в XX веке : исторические очерки : в 3 т. Т. 1: 1930–1939. М., 2000. С. 94–98, 139.

2 млн (10%), а в 1920–1922 гг. по крупному рогатому скоту – на 17%, коровам – на 25, лошадям – на 13, овцам – на 10, свиньям – на 50%<sup>1</sup>.

Сибирь к 1917 г. занимала особое место в экономике Российского государства. Здесь проживало 9 млн чел., 90% из них занимались сельским хозяйством. Длительный период оторванности сибирского хлебного рынка от европейских рынков по причине слабой развитости транспортной инфраструктуры региона и существовавшего на железной дороге челябинского «тарифного перелома» способствовал специализации сибирского сельского хозяйства в области животноводства. По развитию молочного хозяйства Западная Сибирь опережала все другие регионы страны. Перепись 1917 г. показала, что на 100 сибиряков приходилось 40,9 коровы, в то время как в Европейской России лишь 17,5. За границу вывозили от 80 до 90% производимого в Сибири животного масла. В 1909–1913 гг. Сибирь поставляла 16% мирового экспорта масла и 60% российского. Экспорт сибирского масла за границу в 1917 г. составил 3 521 тыс. пудов.

Отмена челябинского тарифа привела к увеличению площади пахотных земель и посевов зерна. В 1917 г. на 100 чел. населения здесь приходилось по 96 десятин посевов, тогда как в черноземной зоне Центральной России – по 65, а в нечерноземной – по 34 десятины. Накануне революции из Сибири вывозилось ежегодно до 90 млн пудов зерна. Посевные площади в период с 1913 по 1917 г. за счет крупных и крепких хозяйств увеличились с 7,5 до 8,7 млн десятин, поголовье скота – в 1,3 раза, овец – в 1,8, свиней – в 3 раза, что превышало показатели других регионов страны. Рост посевных площадей продолжался вплоть до 1920 г., когда составил 113% от уровня 1913 г. К весне 1920 г. поголовье крупного рогатого скота равнялось 76% от уровня 1916 г., овец и коз – 81%, свиней – 84%<sup>2</sup>.

По переписи 1917 г. на каждые 100 хозяйств в Сибири приходилось свыше 11 жаток, 0,6 рядовой сеялки, 63 плуга и буккера, 7,5 сохи. В производстве хлеба и продуктов животноводства доля сибирского «кулачества» превышала 50%<sup>3</sup>.

Гражданская война оказала столь же разрушительное воздействие на экономику Сибири, как империалистическая и Гражданская войны в Европейской России, поскольку главные потери были вызваны отрывом сотен тысяч мужских рабочих рук от мирного труда. Однако это не привело к утрате регионом позиций стратегической продовольственной «кладовой», которую большевики стали активно эксплуатировать сразу после своей победы.

<sup>1</sup> См.: Большая советская энциклопедия. М., 1972. Т. 7. С. 688; Гражданская война и военная интервенция в СССР : энциклопедия. М., 1987. С. 485–487, 540, 599; История Сибири. Т. 4: Сибирь в период строительства социализма. Л., 1968. С. 151; Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск, 2010. Т. 3. С. 49 и др.

<sup>2</sup> Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3. С. 48–49; Шуклецов В.Т. Сибиряки в борьбе за власть Советов. Новосибирск, 1981. С. 10–14.

<sup>3</sup> Трифонов И.Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921–1923 гг.). Ч. 1: Борьба с вооруженной кулацкой контрреволюцией. Л., 1964. С. 81. В период с 1900 по 1914 г. в Сибири продали сельхозмашин более чем на 150 млн рублей. Например, в Томской губернии в 1910 г. на 100 крестьянских хозяйств приходилось 589 сеялок (так в тексте. – В.У.), 24 жатки, 26 молотилок, 20 веялок и 32 сенокосилки, в европейской части России – соответственно 67, 25, 32, 8 и 183 ед. См.: Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3. С. 48–49.

Активные боевые действия на территории Сибири завершились в феврале 1920 г., но угроза новых вторжений оставалась вполне реальной. В Забайкалье и на Дальнем Востоке находилась почти 150-тысячная группировка интервентов, в Забайкалье осели крупные вооруженные формирования Семёнова, а на сопредельных с Сибирью территориях – Анненкова и Бакича (в Сынцзяне), Унгерна (в Монголии).

Основными потерями Сибири в эти годы явились преимущественно человеческие ресурсы. Так, в годы Первой мировой войны в Алтайской губернии было мобилизовано 53,7% трудоспособных крестьян-мужчин, в Томской – 54,5, в Тобольской – 50,9, в Иркутской – 49,6, в Енисейской – 38,9%, в Акмолинской и Семипалатинской областях – соответственно 60,6 и 49,3%. Всего было призвано в армию и прошло военную службу более миллиона человек, или около 10% сельского населения с учетом младенцев, стариков и женщин. Возвратилось же из старой армии по демобилизации немногим более 250 тыс. чел.<sup>1</sup>

Были потери и другого рода. В Омской губернии пострадали 15 337 крестьянских хозяйств, ущерб составил 5 млн золотых рублей. Было истреблено и угнано более 630 тыс. голов рогатого скота. На территории Алтая разрушено 14,6 тыс. крестьянских хозяйств, около 60 тыс. крестьянских дворов лишились сельхозинвентаря, лошадей, коров, семенного материала<sup>2</sup>.

Кровавый след колчаковцы оставили и в других губерниях Сибири. Их карательные действия носили настолько зверский характер, что командующий американскими войсками в Сибири генерал В. Гревз в 1932 г. в своей книге «Американская авантюра в Сибири (1918–1920)» писал: «Жестокости такого рода, что они, несомненно, будут вспоминаться и пересказываться среди русского народа и через 50 лет после их свершения». Не менее жестокими были и ответные действия со стороны партизан.

Тяжелейшее социально-экономическое положение в стране стало главным дестабилизирующим фактором социально-политической и оперативной обстановки в Сибири.

1920-е гг. для Советской России и Союза ССР ознаменовались многими важными событиями. Это, в первую очередь, политика «военного коммунизма», в ходе проведения которой выяснилось, что многие из постулатов марксизма на практике не нашли своего подтверждения, так как национализация всей промышленности, слом старой государственной машины и т.д. не привели к подъему экономики, развитию и упрочению социалистических начал управления и усвоения социалистической идеологии. Обострились отношения между городом и деревней. «Красногвардейская атака на капитал» позволила большевикам удержаться у власти, но не способствовала выводу из кризиса, подъему и развитию экономических отношений в стране. Принятие новой экономической политики привело к созданию и нового механизма управления народным хозяйством, главными элементами которого стали утверждение рыночных отношений и хозяйственный расчет. Проведение новой экономической политики позволило добиться серьезных результатов: за 5–6 лет во многих областях производства были достиг-

<sup>1</sup> Ларьков Н.С. Начало Гражданской войны в Сибири: армия и борьба за власть. Томск, 1995. С. 32–33.

<sup>2</sup> Тимонин Е.И. История Сибири : учеб. пособие. Омск, 2004. С. 67.

нуты довоенные объемы производства, выросли уровень производительности труда и реальные доходы населения. Но и нэп не позволил разрешить стоявшие перед большевиками проблемы в управлении экономикой.

Что касается Сибири, то в 1925 г. на её территории обрабатывалось уже 72% посевных площадей от довоенного уровня. Если в 1917 г. с десятины получали 46 пудов, в 1920 г. – 21 пуд, то в 1925 г. – уже до 60 пудов. Если численность поголовья крупного рогатого скота в 1920 г. составляла 4,5 млн голов, т.е. 81% от довоенного, то в 1925 г. – уже 5,15 млн (96,5%). Число овец в 1925 г. по отношению к 1917 г. увеличилось на 136% и составило 8,5 млн голов и т.д.<sup>1</sup> Все это лишний раз подтверждало, что нэп дал серьезный толчок к подъему народного хозяйства, особенно сельского. Однако изменение акцентов политики государства в пользу развития промышленности привело к обострению проблемы «ножницы цен» – дорогие промышленные товары для села и низкие заготовительные цены на сельскохозяйственную продукцию. Начался «зажим» частника как в городе, так и на селе. В стране появился дефицит товаров. Нэп не мог разрешить всех проблем хозяйственного механизма страны, так как изменения в рыночной экономике были по сути своей урезанными. В этих условиях руководство страны во главе с И. Сталиным предприняло шаги по изменению курса – к концу 1920-х гг. новая экономическая политика была свернута, ей на смену пришла командно-административная система управления. Индустриализация и коллективизация страны проводились уже в условиях её действия.

Политика коренной перестройки всего хозяйственно-экономического механизма страны потребовала срочного изыскания дополнительных финансовых поступлений в казну государства. Единственно надежной возможностью их получения была продажа хлеба за границу. Государство начало наступление на крестьянство, применяя чрезвычайные меры для изъятия хлеба. Крестьянство встретило это наступление сопротивлением – от ропота до открытых выступлений. По мере усиления нажима государства сопротивление росло и ширилось, принимая самые ожесточенные формы.

Насильственная коллективизация встретила еще большее сопротивление со стороны крестьянства, в первую очередь зажиточного, в котором власть видела своего потенциального противника, способного активно поддержать силы, заинтересованные в реставрации капитализма. Наступая на «кулака», власть решала одновременно две задачи – получение хлеба и уничтожение возможного противника, численность которого в масштабах страны представляла значительную силу. Реальной возможностью уничтожения этого «врага» был подрыв его матери-

---

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 46. Л. 28. Максимальные показатели (к 1917 г.) по количеству овец были превышены в 1924 г., крупного рогатого скота и посевных площадей – в 1926 г., числу коров – в 1928 г., но дореволюционный уровень конского поголовья восстановлен так и не был. Выросла обеспеченность сельскохозяйственным инвентарем. В 1928 г. сенокосилок было на 84%, жнеек – на 61, сеялок – на 119, плугов и буккеров – на 57% больше, а сох, косуль и сабанов – на 71% меньше, чем в 1917 г. См.: Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3. С. 49.

альной базы. Коллективизация явилась комплексом мер, предназначенных для решения этой двудеиной задачи.

Индустриализация предполагала скорейшее развитие промышленности, которое было невозможным без прочной материально-сырьевой базы. Для экономии средств новые промышленные предприятия планировалось размещать как можно ближе к источникам сырья. Для строительства этих предприятий необходимы были не только значительные материальные средства, но и рабочие руки, на начальном этапе строительства преимущественно неквалифицированные, которых очень часто в районах будущих строек не было совсем. Этими «руками» и должны были стать «кулаки».

Обстановка в стране стала осложняться с весны 1928 г. – с момента введения чрезвычайных мер в ходе хлебозаготовок, которыми были затронуты не только кулаки, но и середняки. С осени 1929 г. зажиточное крестьянство, как бы предчувствуя грядущие кардинальные изменения в его жизни, стало предпринимать активные меры по самоликвидации – забивать скот, распродавать имущество и менять место жительства, бросая все нажитое годами тяжелого труда. Многие зажиточные крестьяне стремились переехать в город, где можно было устроиться на промышленные предприятия или многочисленные стройки, развернутые на территории Западной Сибири. Кто-то, пытаясь скрыться от возможного преследования, выезжал в отдаленные районы, в том числе и в Нарымский край. Например, за период с 15 по 31 января 1930 г. через Баксинский район в таежные районы проследовали до 2 тыс. подвод. Согласно официальным данным краевых органов в первой половине 1930 г. среди раскулаченных хозяйств до 7% были самоликвидировавшимися, более 10% выявленных «кулаков» бежали из мест проживания целыми семьями либо бросая семьи.

К бегству крестьян понуждало само государство. Еще в период хлебозаготовительной кампании 1929/30 гг. были арестованы и осуждены многие главы крестьянских семей. С осени 1929 г. до января 1930 г. в Сибири в рамках только этой кампании были осуждены 5,8 тыс. чел., около 2 тыс. из них – к высылке, остальные – к лишению свободы<sup>1</sup>.

После выхода 5 января 1930 г. Постановления ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» обстановка обострилась еще больше; «кулаки» были противопоставлены основной массе крестьянства, что вызвало их крайнее озлобление и привело к активному сопротивлению проводимой по отношению к ним политике – политике их уничтожения. Необходимо учитывать и то, что критерии, по которым крестьянские хозяйства относились к категории кулацких, были неконкретными и расплывчатыми, что не позволяло отделить «кулаков» от зажиточных середняков.

Изданный в феврале 1930 г. ОГПУ приказ № 44/21 «О мероприятиях по ликвидации кулачества как класса» гласил: «В целях наиболее организованного проведения ликвидации кулачества как класса и решительного подавления всяких попыток противодействия со стороны кулаков мероприятиям Советской власти по социалистической реконструкции сельского хозяйства – в первую очередь в

---

<sup>1</sup> Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). Новосибирск, 2004. С. 339–340.



районах сплошной коллективизации – в самое ближайшее время кулаку, особенно его наиболее богатой и активной контрреволюционной части, должен быть нанесен сокрушительный удар. Соппротивление кулака должно быть и будет решительно сломлено.

Осуществление этой исторической задачи потребует исключительного напряжения по всем основным линиям партийной и советской работы. Особо серьезны, сложны и ответственны задачи, возлагаемые партией на органы ОГПУ.

От наших органов больше, чем когда-либо, потребуются исключительное напряжение сил, решительность и выдержка, исключительно строгая классовая линия, четкость и быстрота действий».

Приказ предусматривал развертывание мероприятий органами ОГПУ по двум основным направлениям:

– немедленная ликвидация **контрреволюционного кулацкого актива** из числа членов контрреволюционных и повстанческих организаций и активных одиночек (первая категория);

– массовое выселение наиболее богатых кулаков и их семейств, в первую очередь из районов сплошной коллективизации, в отдаленные районы страны и конфискация их имущества (вторая категория).

Первая категория включала в себя достаточно обширный перечень групп кулаков – «наиболее махровые и активные, противодействующие и срывающие мероприятия партии и власти по социалистической реконструкции хозяйства», активные белогвардейцы, повстанцы и бывшие бандиты, проявлявшие активность бывшие белые офицеры и каратели, активные члены церковных советов, религиозных и сектантских объединений, ростовщики, спекулянты, бывшие помещики, крупные земельные собственники и иные активные противники советской власти. По отдельным регионам СССР предполагалось изъятие от 49 до 60 тыс. чел. Вне всякого сомнения, «невод» был заброшен с мелкой ячеей, под указанные категории можно было «подобрать» многих.

Следствие по делам арестованных по этой категории окружными и областными отделами ОГПУ должно было завершаться в срочном порядке. Рассмотрение же дел было отдано на откуп «троек», создававшихся при Полномочных представительствах ОГПУ. Основная масса фигурантов названных дел должна была направляться в концлагеря, а наиболее «злостный и махровый актив» подлежал физическому уничтожению – расстрелу.

Выселение повсеместно проводилось в плановом порядке с контрольными цифрами и показателями, но на местах разрешалось устанавливать свои «контрольные» цифры. Например, в дополнении к постановлению Сибкрайисполкома с грифом «Совершенно секретно» «О переселении кулачества внутри 17 округов» от 1 марта 1930 г. отмечалось, что «общее количество переселяемых внутри округов на новые земли явно кулацких хозяйств, за вычетом выселенных на Се-

вер, определяется по краю в 50 000...»<sup>1</sup>. Расчет делался из того, что, по данным того же крайисполкома, число кулацких хозяйств в крае достигало 100 тыс.<sup>2</sup>

Однако уже практика первых недель зимней высылки 1930 г. показала наличие целого ряда вопросов, требовавших внесения корректив в механизм высылки. В частности, отсутствие трудоспособных членов в высылаемых семьях делало невозможным их обустройство в местах расселения. Первоначально на это внимание не обращалось, хотя у целого ряда высылаемых главные кормильцы либо работали на предприятиях в городе, либо были арестованы, либо бежали в ходе высылки. 1 марта 1930 г. ОГПУ направило в свои территориальные органы директиву, в которой указывалось, что «семьи кулаков[,] не имеющих трудоспособных членов[,] на Север выселению не подлежат... [в] указаниях [по] партийной линии имелось разрешение оставлять [на] местах женщин [и] детей выселяемых кулаков при согласии местных органов власти»<sup>3</sup>.

К концу апреля 1930 г. в итоговой докладной записке информотдела ПП ОГПУ края об экспроприации кулачества отмечалось, что «суммарно мы имеем до 60 000 кулацких хозяйств, оставшихся на местах, сейчас экономически разорённых и неустроенных, озлобленных, представляющих собою... готовый материал для всякого контрреволюционного движения, базу выдвигания новых кадров контрреволюционного актива на борьбу с Совластью»<sup>4</sup>.

Такая постановка «проблемы» неудивительна. Очередной начатый эксперимент состоялся, недочеты имеются, но устранимы во имя сохранения установленного в стране режима, собственного благополучия местечковых «вождей» и иных представителей власти. А испытуемые? Они всего лишь расходный материал этого эксперимента, а то, что среди них десятки тысяч стариков, женщин и детей, – фактор вторичный. «Расходный материал» – этим сказано все. Но ведь немало было и тех, кого выслали ошибочно либо в угоду чьих-то интересов либо сводя личные счёты.

Приказ ОГПУ предусматривал решительную и немедленную ликвидацию всех действующих контрреволюционных кулацко-белогвардейских и бандитских кадров, а также созданных ими организаций, группировок и банд, о чем директивы на места были направлены по телеграфу.

Уже 21 февраля 1930 г. полпред ОГПУ по Сибкраю Л.М. Заковский<sup>5</sup> докладывал в Центр о ликвидации накануне контрреволюционной повстанческой ор-

<sup>1</sup> Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. Новосибирск, 1992. С. 51.

<sup>2</sup> См.: Куперт Ю.В. Проблемы классовой борьбы в западносибирской деревне накануне и в годы коллективизации (1927–1937 гг.) // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Курган, 1971. С. 219. Не подлежали конфискации и выселению кулацкие хозяйства и семьи (обеих категорий) в случае прохождения службы в Красной армии кого-либо из членов семей «кулаков»; если высылаемые относились к иноподданным стран, с которыми у СССР были нормальные дипломатические отношения; бывшие красные партизаны и участники Гражданской войны, имевшие ранения и иные заслуги (за исключением случаев их «превращения» в «кулаков», ведших активную борьбу с коллективизацией, и т.п.). Также не подлежали конфискации и переселению семьи татаро-бухарцев, немцев, латышей, эстонцев и латгальцев, если села и районы их проживания полностью еще не перешли к сплошной коллективизации (См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г... С. 51).

<sup>3</sup> Маргиналы в социуме... С. 295.

<sup>4</sup> Спецпереселенцы в Западной Сибири... С. 117.

<sup>5</sup> Заковский Леонид Михайлович (Штубис Генрих Эрнестович), 1894 г.р., латыш, из семьи лесника, образование начальное. Член партии большевиков с 1913 г., активный участник революционного движения. В органах ВЧК со дня образования, комендант ВЧК, сотрудник по особым поручениям. С 1920 г. в Одесской губЧК, с апреля 1921 г. – начальник Подольской губЧК, с марта 1923 г. – начальник Одесского

ганизации из с. Умыган Иркутского округа, которая «готовилась к вооруженному выступлению 17 февраля. Арестовано 26 человек, из них кулаков 22, середняков 4, изъято оружие (количество неизвестно). [Всего выявлено] кулацких группировок 36, по ним арестовано 311 человек... одиночек 1 054, из них кулаков 931, середняков 27, попов 33, бывших белых 20, прочих 43, арестовано кулаков за попытку продажи имущества 35, бежавших с места жительства 83, итого арестовано за пятидневку 1 540 человек, а с начала кампании 6 113 человек, из них по контрреволюционным организациям 456, группировкам 1 878, одиночек 3 093, за попытку продажи имущества 315 и бежавших с места жительства 377».

Кроме того, в записке были приведены примеры случаев стихийного раскулачивания, «сопровождаемого по-прежнему голым расширительным в сравнении с наметкой контрольных цифр раскулачиванием... грубейшими извращениями партийных установок», что выражалось в подведении под экспроприацию вместе с кулаками значительного числа середняков и даже бедноты. В отдельных селах раскулачиванию подверглись 80–90% кулацких хозяйств вне зависимости от перехода села, района на сплошную коллективизацию. Практиковался «отбор у экспроприруемых полностью всего имущества вплоть до белья, ложек, снимая последние пимы, шапки, [требуя] немедленного при этом выселения, выгоняя семьями из домов в ночное время, не предоставляя помещения, нового места поселения»<sup>1</sup>. Среди прочих «недочетов» проведения кампании значились факты грубости, издевательств, расхищения и присвоения имущества, бесхозяйственного обращения с имуществом, граничившие с явным мародерством, в чем были замешаны отдельные члены партии и комсомольцы. Все эти проявления негативно влияли на население.

Ретивых исполнителей подобных приказов всегда находилось предостаточно. Отдельные из них были инициативными и предприимчивыми в свою пользу, отбирая все или почти все у выселяемых.

В июне 1930 г. в газете «Советская Сибирь» накануне 5-й краевой конференции ВКП(б) сообщалось, что «...удалось выявить 5 с половиной тысяч хозяйств, неправильно обложенных и поэтому раскулаченных. Эта работа еще не закончена..., но и эти цифры показывают, как преступно, небрежно подходили места к применению закона о сельхозналоге... Прокуратура плелась в хвосте... редко вмешивалась в действия комиссии, очень нерешительно боролась за восстановление нарушенных прав... Ограничивалась чаще всего бюрократическими запросами, адресованными сельсоветам, РИКам, и на этом успокаивалась...»<sup>2</sup>.

---

губотдела ОГПУ. В январе 1926 г. был назначен полпредом ОГПУ по Сибкраю. С 1932 г. возглавил ОГПУ–НКВД Белоруссии, с декабря 1934 г. – начальник УНКВД по Ленинградской области. В январе 1938 г. назначен начальником Московского УНКВД и первым заместителем наркома внутренних дел. В период с 20 по 30 апреля 1938 г. – начальник строительства Куйбышевского гидроузла НКВД СССР. Комиссар госбезопасности 1-го ранга. Член Верховного Совета СССР. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени (дважды) и Красной Звезды, медалью «XX лет РККА», двумя знаками «Почетный работник ВЧК–ГПУ». Арестован в апреле 1938 г. Расстрелян. Не реабилитирован.

<sup>1</sup> Спецпереселенцы в Западной Сибири... С. 48–49.

<sup>2</sup> Советская Сибирь. 1930. 5 июня.

Подобные действия со стороны власти негативно встречались достаточно большой частью населения, подталкивая к активному противодействию, еще больше расслаивая крестьянство, обостряя ситуацию в деревне. Именно произвол на местах часто вызывал ответную реакцию крестьян в форме разного рода «волынок», «бабьих бунтов» и открытых вооруженных выступлений (например, Муромцевское восстание). Коллективизация стала своего рода продолжением Гражданской войны.

Газеты региона постоянно публиковали сводки потерь с «фронта». Например, в «Советской Сибири» практически через несколько дней после принятия инструкции ЦИК и СНК СССР (гриф «Совершенно секретно») «О мероприятиях по выселению и раскулачиванию кулаков и конфискации их имущества» от 4.02.1930 г. сообщалось, что в деревнях Васильевке, Узунгуль, Бобринке и Орловке по требованию батраков, бедняков и середняков проведен показательный процесс над 28 кулаками, уничтожившими 7 коров, свиней, машины и эксплуатировавшими батраков. Кулаки были приговорены к высылке из пределов округа. По Чановскому району раскулачено и выслано по требованию колхозников более 100 кулаков<sup>1</sup>.

В мае в Тальменском районе Барнаульского округа были избиты кулаками во время сортировки зерна весовщик Борисов и агроном райзо Семёнов. В с. Зубково Родинского района совершено покушение на убийство председателя крестьянского комитета, в Ивановке пытались расправиться с учителем-активистом, в с. Кубарево Усть-Чебулинского сельсовета «кулак» Ефим Тайченачев с братом-подкулачником пьяные явились на квартиру председателя колхоза «Красные соколы» Основа, но, не застав его дома, избili жену и детей, стреляли в них...<sup>2</sup>

В с. Первая Покровка Покровского р-на Рубцовского округа восемь «кулаков» на почве мести убили из винтовки коммунара – активного общественника, после чего зашли в дом, где убили его жену и взрослую дочь, прикололи холодным оружием грудного ребенка, а второго – трехлетнего – повесили. Затем подожгли дом и скрылись<sup>3</sup>.

Были ли участники описанных выше событий «кулаками», сегодня определить сложно, но идеологическая машина сделала их таковыми в глазах населения, в первую очередь крестьянского. Именно средства массовой информации активно формировали общественное мнение о «кулаке» как первоочередном враге советской власти и всего крестьянства. Еще до начала массовой кампании, 22 января 1930 г., газета «Советская Сибирь» опубликовала статью «Ленин о борьбе с кулаком и об уничтожении классов». Статья содержала выдержки из работ Ленина по этому вопросу, была, по убеждению власти, своевременной, актуальной и злободневной. Использование авторитета Ленина позволяло партийно-советскому активу открыто вести речь о необходимости борьбы с кулачеством и его уничтожении. При этом не учитывалось, что ленинские работы отно-

<sup>1</sup> Советская Сибирь. 1930. 9 февр.

<sup>2</sup> Там же. 1930. 18, 23, 30 мая.

<sup>3</sup> Из письма Сибкрайисполкома окрисполкомам, райисполкомам и сельсоветам края о мерах по пресечению вредительской деятельности кулачества от 9 июля 1930 г. // Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири (1927–1937 гг.): Документы и материалы. Томск, 1972. С. 163.

сились к первым годам советской власти, но никак не к началу четвертого десятилетия XX в.

Таким образом, создавалась идеологическая основа формирования образа врага в лице «кулака». К началу кампании коллективизации обстановка в деревне была достаточно накаленной.

Справедливости ради следует заметить, что значительная часть опубликованных материалов имела под собой реальную основу. Многие исследователи этого периода советской истории отмечали «кулацкий террор» как одну из активнейших и острейших форм противодействия зажиточного крестьянства проводимой по отношению к нему государственной политики<sup>1</sup>.

Борьба с кулачеством, имевшая место после победы революции в Октябре 1917 г., после некоторой «оттепели» периода нэпа, в конце 1920-х гг. развернулась с новой силой. Только в октябре–декабре 1929 г. и только за саботаж твердых заданий по хлебозаготовкам в Сибкрае были оштрафованы в пятикратном размере около 13 тыс. «кулаков» и зажиточных крестьян<sup>2</sup>; 15,3 тыс. чел. были осуждены по ст. 61 УК РСФСР (отказ от выполнения повинностей, общегосударственных заданий или производства работ, имевших общегосударственное значение).

Ужесточение карательной политики со стороны государства не могло не вызвать ответной реакции со стороны крестьянства. Только за три последних месяца 1929 г. число «кулацких» акций сопротивления увеличилось в 1,7 раза по сравнению с предыдущими месяцами года. По сравнению с 1928 г. более чем в полтора раза выросло число террористических актов – с 703 до 1 135 случаев. Количество «контрреволюционных» преступлений по сравнению с периодом 1926–1928 гг. увеличилось в 8 раз (35% приходилось на «контрреволюционную агитацию», 30% – на убийства с «контрреволюционными» намерениями, 25% – на поджоги общественного имущества и 10% – на прочие).

Отдельной проблемой стали бандитские проявления. В четвертом квартале 1929 г. только судебными органами были осуждены 898 чел. из 156 уголовных банд. К высшей мере наказания приговорены 157 из них, в том числе 26 «кулаков» и 119 воров-рецидивистов<sup>3</sup>. Все это способствовало тому, что в ноябре 1929 г. Сибирь была объявлена «неблагополучной по бандитизму» на три месяца. Следствием этого явилось введение чрезвычайных мер в борьбе с этим явлением.

Нередко выступления против раскулачивания перерастали в массовые стихийные выступления со стороны крестьян. После выхода Постановления ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» в феврале–марте в СССР, без учета Укра-

<sup>1</sup> Гуцин Н.Я. Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне (1926–1933 гг.). Новосибирск, 1972; Гуцин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне. 1920-е – середина 1930-х гг. Новосибирск, 1987; Куперт Ю.В. Руководство Коммунистической партии общественно-политической жизнью западносибирской деревни в условиях социалистической реконструкции. Томск, 1981; Данилов В., Ильин А., Тепцов В. Коллективизация: как это было // Урок дает история. М., 1989; Новокионов В. Крестьянская ссылка в Сибири. 30-е годы // Сибирские огни. 1989. № 12 и др.

<sup>2</sup> На ленинском пути. 1930. № 2. С. 23.

<sup>3</sup> Гуцин Н.Я., Ильиных В.А. Указ. соч. С. 185, 196–197.

ины, произошло около 1 700 массовых антиколхозных выступлений, в которых приняло участие более полумиллиона человек. По данным Н. Гуцина, в первом квартале 1930 г. в стране произошло 2 638 выступлений, в том числе в Сибири имели место 65 антиколхозных и антисоветских «кулацких» акций неповиновения<sup>1</sup>. Опираясь этими цифрами, мы не должны забывать, что в исследованиях советского периода преобладал принцип классового подхода к рассматриваемым событиям, а по этой причине присутствовало вольное или невольное преувеличение трактуемых событий и фактов, так как полагалось «необходимым» показывать ожесточенность классовой борьбы. В целом же крестьянство в основной своей массе было традиционно законопослушным, а посему безропотно подчинялось властям, в том числе и в случае применения к нему мер репрессивного характера.

В марте 1930 г. ЦК ВКП(б) вынужден был принять Постановление «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении». Этим документом вина за допущенные нарушения на местах возлагалась на местные партийные организации и отдельных коммунистов, тем самым партийная верхушка отводила удар от себя за ранее принятые решения и развернутую кампанию. Однако одновременно, 18 марта 1930 г., вышел приказ ОГПУ СССР, предписывавший территориальным подразделениям продолжить оперативные действия без превращения их в массовые операции. Но остановить набравшую ход «машину» было нелегко. Именно в марте–апреле 1930 г. Томским оперсектором ОГПУ были арестованы и привлечены к уголовной ответственности, а 2 июня «особой тройкой» ПП ОГПУ по Сибкраю осуждены по ст. 58-10-11 УК РСФСР 203 участника контрреволюционной повстанческой организации, якобы существовавшей на территории бывших Зачулымского, Ново-Кусковского и Зырянского районов. К высшей мере наказания приговорены 186 участников так называемого «Зачулымского дела»<sup>2</sup>.

В ГАТО в фонде «Прокурор Томского округа» хранится очень интересный и важный документ – список заключенных Томской закрытой колонии с домом заключения, осужденных и расстрелянных только в марте–апреле 1930 г. в г. Томске. В списке 329 фамилий жителей Томска и округа, большей части из них было инкриминировано совершение преступления по ст. 59 УК (преступления против порядка управления), где п. 2 (массовые беспорядки, сопряженные с явным неповиновением законным требованиям властей или с противодействием исполнению последними возложенных на них обязанностей) и п. 3 (организация вооруженных банд и участие в них) были наиболее часто применяемыми<sup>3</sup>.

С.А. Красильников в работе «Серп и Молох», ссылаясь на документы ОГПУ, рассматривает вопрос адекватности репрессивных действий со стороны режима в ответ на сопротивление крестьянства. Его выводы однозначно не в пользу государства. Так, если потери представителей власти разного уровня от крестьянского сопротивления составили (по 1930 г.) убитыми 1 345 чел., ранеными 1 107 чел., пострадавшими в «различной форме» 6 621 чел., всего 9 073 чел., то потери со стороны крестьян были

<sup>1</sup> Гуцин Н.Я., Ильиных В.А. Указ. соч. С. 217.

<sup>2</sup> Материалы дела были сфальсифицированы сотрудниками Томского оперсектора ОГПУ. За фальсификацию материалов дела начальник контрразведывательного отдела сектора Б.Д. Грушецкий был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу, а уполномоченный ОГПУ по Зырянскому району Михайлов за необоснованные аресты в 1933 г. осужден к 10 годам лишения свободы.

<sup>3</sup> Из истории земли томской. Народ и власть. 1930–1933: сб. документов и материалов. Томск, 2001. С. 298–303.

несоразмерно большими. Только «тройками» ОГПУ к высшей мере наказания приговорены 18 966 чел. (10,6%), к заключению в тюрьме – 99 319 (55,3%), к ссылке – 38 179 (21,3%), к высылке – 8 869 (4,0%), приговорено условно и передано в органы НКЮ и освобождено 14 287 чел. (7,9%); всего 179 620 чел. Еще несколько сот тысяч человек были изъяты из сельской местности и подвергнуты иным репрессивным мерам<sup>1</sup>.

Начало 1931 г. ознаменовалось новым наступлением на кулачество. В Западной Сибири крайком ВКП(б) 27 апреля принял постановление «О ликвидации кулачества как класса», а 5 мая вышло совершенно секретное постановление крайисполкома с таким же названием. В соответствии с этим документом в период с 10 мая по 10 июня было выселено 39 788 кулацких хозяйств<sup>2</sup>. Какого-либо разделения на категории при этом не делалось, выселению подлежали жители не только деревень, но и городов. К моменту выселения в колхозах состояли 2 422, в совхозах – 586, на промышленных предприятиях работали 928, в государственных учреждениях – 226 «кулаков». Все они были выселены. Всего в 1930–1931 гг. в северные районы Западной Сибири (Нарымский край) было переселено 42,5 тыс. кулацких хозяйств, т.е. примерно 193 тыс. человек.

Полпред ОГПУ края Л. Заковский 5 июня 1931 г. направил очередную докладную записку в ОГПУ СССР о результатах экспроприации и выселения кулаков в Запсибкрае. Операции предшествовала двухмесячная подготовительная работа, что позволило привлечь кроме кадровых сотрудников ОГПУ еще до 200 чел. из числа «чекистов запаса». Во всех 150 районах края работали «райпятерки», в каждый сельсовет были направлены райуполномоченные, надзор над которыми осуществляли 130 уполномоченных из числа «руководящего краевого актива». Была организована двойная «филтрация» всех подлежащих выселению, что позволило только в 27 районах «отсеять» более 2 тыс. хозяйств. Непосредственно в ходе операции произошло «77 активных случаев антисоветских проявлений», в том числе 25 «массовых волынок» с целью недопущения отправки высылаемых, 20 активистов получили ранения и были избиты, один погиб. Избежать большего числа противостояний удалось лишь благодаря тому, что с января по май 1931 г. органами ОГПУ в крае были изъяты около 10,5 тыс. человек.

Депортации в северные (нарымские) комендатуры подверглись 39 788 хозяйств (170 734 чел.), или 3,8% от числа крестьянских хозяйств в крае. В ходе следования также имели место акции неповиновения – 17 мая на территории Колпашевского района кулаки Смоленского района пытались обезоружить конвой и вывести караван в Обскую губу, а 30 мая категорически отказались выгружаться с баржи и следовать к месту выселения<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2009. С. 40; Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы. 1927–1939: в 5 т. Т. 2. С. 704, 809.

<sup>2</sup> Куперт Ю.В. Проблемы классовой борьбы в западносибирской деревне накануне и в годы коллективизации... С. 219.

<sup>3</sup>

Дополнил записку Л. Заковского начальник Комендантского управления ПП ОГПУ И. Долгих<sup>1</sup>, который сообщал, что во время пути следования караванов преимущественно на почве желудочных заболеваний умерло около 500 стариков и детей. Вину за эти смерти он возложил на Крайздрав – «почти все лекпомы... не имели ни грамма медикаментов и по существу превратились в беспомощных свидетелей смертности». Уже на новых участках расселения смертность возросла ещё более и достигла 1 тыс. чел.<sup>2</sup>

Тысячи крестьян, 90% которых были определены «кулаками» и «зажиточными», осуждены за «злостный срыв хлебазаготовок».

Ответная реакция крестьянства – нападения на колхозы; в Западной Сибири нападению подверглись 1 138 из 2 688 (42,3%) колхозов. Отмечено 1 642 антиколхозных выступления со стороны «кулаков», из них 742 – террористические акты против партийно-советского актива, 399 – поломка сельхозмашин, 347 – поджог колхозного имущества, 154 – отравление скота<sup>3</sup>. В отдельных районах края произошли вооруженные выступления крестьян.

На протест крестьянства власть ответила новым ужесточением репрессивных мер. В процессе кампании по ликвидации кулачества для оперативного решения вопросов, связанных с выселением, конфискацией имущества и др., на местах создавались «тройки», в состав которых входили первые секретари РК ВКП(б), председатели РИКов и представители местных подразделений ОГПУ. Решения этих внесудебных органов заменяли приговоры и отмене не подлежали. Крестьянин практически лишался надежды на какую-либо помощь или защиту от государства и его органов. Дальнейшему наращиванию репрессивных мер в значительной степени способствовало принятие на январском (1933 г.) Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) решения, в котором подчеркивалось, что «хозяйственно-разбитый, но еще не потерявший окончательно своего влияния кулак, бывшие белые офицеры, бывшие попы, их сыновья, бывшие управляющие помещиков и сахарозаводчиков, бывшие урядники и прочие антисоветские элементы из буржуазно-националистической и в том числе эсеровской и петлюровской интеллигенции, осевшие на селе, всячески стараются разложить колхозы, стараются сорвать мероприятия партии и правительства в области сельского хозяйства, используя в этих целях несознательность части колхозников против интересов общественного, колхозного хозяйства,

---

<sup>1</sup> Долгих Иван Иванович, 1896 г.р., ур. г. Барнаул, возглавил отдел трудпоселений ПП ОГПУ по ЗСК в августе 1930 г., перейдя на эту работу с должности начальника административного отдела Барнаульского окрисполкома. С марта 1938 г. по октябрь 1944 г. занимал руководящие должности в ряде лагерей ГУЛАГа. Был переведен в Москву и назначен на должность заместителя начальника Главного управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных, **хотя отдельные исследователи приписывают ему руководство всем ГУЛАГом** (ГУ ИТЛ и колоний МВД СССР в 1951–1954 гг. возглавлял его однофамилец – генерал-лейтенант И.И. Долгих. См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 105–106). В 1945–1946 гг. возглавлял спецлагерь МВД № 0324 в г. Шатуре Московской области. С марта 1946 г. по март 1947 г. в резерве кадров, будучи пенсионером МВД, затем возглавил Южжубаслаг, в августе 1950 г. был уволен по болезни в звании полковника. Умер в 1956 г. Награжден тремя орденами и медалями. В 1937 г. «за успешное проведение хозяйственного и политического освоения трудпоселений в необжитой Нарымской тайге» представлялся к награждению орденом Ленина, но награждение не состоялось. В 1939 г. «за досрочное выполнение правительственного задания по строительству особых объектов промышленности» был награжден низшей их государственных наград – медалью «За трудовое отличие». См.: История Сталинского ГУЛАГа... Т.2. С. 127, 621.

<sup>2</sup> Маргиналы в социуме... С. 323.

<sup>3</sup> См.: Гуцин Н.Я., Ильиных В.А. Указ. соч. С. 239, 247–248.



против интересов колхозного крестьянства»<sup>1</sup>. Такая оценка обстановки в стране не могла не привести к новому витку репрессий.

В этом же году в МТС и совхозах были созданы политотделы, заместителями начальников которых назначались кадровые сотрудники ОГПУ. В их обязанности входило решение задач по борьбе с контрреволюционными проявлениями, а также по освещению производственно-хозяйственной деятельности МТС и совхозов.

Резкий рост репрессий на пороге четвертого десятилетия XX в. объясняется вступлением в решающую фазу борьбы государства с трудовым крестьянством, когда ломался хребет «старого» сельского хозяйства, шло приручение крестьянства к новым условиям жизни, а точнее – выживания.

Участие органов ОГПУ в коллективизации и укреплении колхозного строя в стране не было обусловлено объективными причинами, а имевшие место нарушения социалистической законности в ходе реализации этой политики были прямым следствием конкретных политических установок партийно-советского руководства страны.

Спланированное и реализованное государством переселение кулацких хозяйств в труднодоступные и необжитые районы страны потребовало перестройки деятельности практически всех звеньев хозяйственного механизма, в том числе и пенитенциарной системы, которая и должна была на практике реализовать политику государства. Переселение сотен тысяч семей «кулаков» и некоторых других категорий лишенцев предполагало организацию их охраны, быта, трудовой занятости и т.п. в местах расселения. Труд спецпереселенцев должен был стать основой для экономического развития преимущественно отдаленных регионов страны.

В конце 1920-х гг. был принят целый ряд документов ВЦИК и СНК СССР, регламентировавших ужесточение карательной политики и создание новых мест лишения свободы в отдаленных малонаселенных районах страны. Их организация предполагала, в частности, колонизацию необжитых территорий и их промышленное освоение. Главной целью было создание значительных контингентов трудовых ресурсов для строительства объектов промышленности и развития транспортной инфраструктуры.

Несмотря на значительное увеличение числа лагерей в 1930-е гг. и постоянно растущее число заключенных, основную массу эксплуатируемого государством населения составили спецпереселенцы. По данным ГУЛАГа НКВД, только в 1930–1931 гг. на спецпоселение были отправлены 391 026 семей общей численностью 1 803 392 чел.<sup>2</sup> В районы Западной Сибири были выселены 17 859 семей из европейской части СССР. Еще 52 091 семья была переселена на новые места жительства в пределах Западной Сибири. Таким образом, число переселенных в крае составило 69 950 семей, или 17,9% от общего числа выселенных семей. Если на 1 января 1932 г. в Западной Сибири на учете состояло 265 846 спецпереселенцев (14,7%), больше было только на Урале – 484 380 чел.<sup>3</sup>, то на

<sup>1</sup> КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 6. С. 78.

<sup>2</sup> Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954 гг.) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 118.

<sup>3</sup> Подсчитано В.Н. Уймановым по материалам: Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки»... С. 119–122.

1 декабря 1933 г. в Запсибкрае числилось 288 630 переселенцев, в том числе старого контингента – 216 731 чел. и нового – 71 899 чел. 174 768 ссыльных были расселены по северным комендатурам (60,55%).

Только в 1930–1931 гг. в Западной Сибири было расселено 363 238 спецпереселенцев, или 82 457 семей, 284 146 чел. (78,22%) из которых были направлены на сельскохозяйственное расселение в Нарым и северные районы края. С их водворением население там увеличилось на 114,1%<sup>1</sup>.

В конце 1929 г. на ноябрьском Пленуме ЦК ВКП(б) была принята новая точка отсчета внутренней политики советского государства. Все нити руководства жизнью государства и общества сосредоточивались в руках партийных органов. Отныне любой шаг советских, хозяйственных или общественных органов должен был получить одобрение партийной структуры соответствующего уровня. Резко возросло влияние Сталина на внедрение в повседневную практику его идеологических установок. Это было возможно, в частности, по причине резкого форсированного роста численности партийных рядов. Если в 1925 г. она превысила 1 млн чел., то в 1930 г. составила почти 2 млн чел., а в 1933 г. – 3,2 млн чел. Рост численности партии отрицательно сказывался на качественном составе её рядов. Не только рядовые коммунисты, но и многие руководители были необразованными, не имели опыта практической работы и воспринимали марксистско-ленинское учение как аксиому. Эти люди принимали как истину любое слово партийных лидеров и были готовы выполнить без раздумий любой приказ. Членство в партии не только накладывало обязательства, но давало определенные привилегии и льготы. Вся эта масса коммунистов воспитывалась в духе обязанности выполнять волю вышестоящих органов и партийных лидеров беспрекословно. Путем отбора готовили тех, кто должен управлять народом, быть заместителями партии на местах. А такое положение в обществе обязывало ко многому. Время от времени ряды руководителей «чистили», избавляясь от тех, кто по каким-то качествам не смог удержаться на заданном уровне или не соответствовал потребностям момента. Так, в связи с Постановлением ЦК ВКП(б) от 27 июня 1929 г. «Об организационном построении сельскохозяйственной кооперации» в Барнаульском округе была проведена проверка деревенских ячеек. По её итогам из названных ячеек были исключены 395 членов и 230 кандидатов в члены ВКП(б), что составило 25,7% от числа проходивших чистку. Отдельные из них были объявлены социально чуждыми, кулацкими или окулачившимися, примазавшимися к партии лицами<sup>2</sup>.

Умело обыгрывался и фактор наличия угрозы со стороны капиталистического окружения первого в мире социалистического государства. Международные отношения СССР складывались достаточно сложно. Идея мировой революции так и осталась идеей. Мировой пролетариат не был готов к преобразованиям, по-

<sup>1</sup> Секретная докладная записка начальника ОТП УНКВД И. Долгих о передаче хозяйственной деятельности отдела в ведение Новосибирского облисполкома от 5 февраля 1938 г. // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938. Новосибирск, 1994. С. 219.

Подробнее вопросы, связанные с расселением, трудоустройством и т.д. спецпереселенцев, рассмотрены в гл. 4.

<sup>2</sup> *Кладова Н.В.* Региональные особенности реализации политики коллективизации и «ликвидации кулачества как класса» (на примере Барнаульского округа Алтайской губернии) // Алтайская деревня в 20–30-х гг. XX века : сб. науч. тр. Барнаул, 2010. С. 71–72.

добным тем, что произошли в России. Мировое сообщество, особенно на первых порах, предпринимало все усилия, чтобы задушить молодое государство. В последующие годы, по сути до начала Второй мировой войны, политика конфронтации была продолжена, хотя и претерпела изменения, в большей степени перешла в плоскость политическую, выражавшуюся в недопущении СССР к решению многих международных вопросов. Сближение происходило в экономических отношениях, иначе и быть не могло, так как Советский Союз при наличии огромного экономического потенциала и многолетних реально устоявшихся связей был нужен этому сообществу. В рассматриваемый период десятки стран установили дипломатические отношения с СССР, что привело к дальнейшему развитию торгово-экономических связей.

Одновременно многие из этих государств активным образом усиливали разведывательно-подрывную деятельность против нашей страны, забрасывали десятки агентов с заданиями по сбору экономической и военной информации, организовывали антисоветское подполье, диверсионную и террористическую деятельность. Кроме того, на территориях большинства стран Европы, Японии и Китая активно действовали лидеры белой эмиграции, стремясь всеми силами и средствами добиться уничтожения советской власти и восстановления прежнего строя. На территории многих сопредельных с Советской Россией государств иностранными разведывательными органами и иными специальными службами активно создавались и организовывались опорные базы и пункты для подготовки разведывательных, диверсионно-террористических и просто бандитских групп из числа белоэмигрантов и уголовных элементов для последующей засылки на территорию нашей страны с целью проведения подрывной деятельности и дестабилизации обстановки в целом. С финансовыми затратами на создание, подготовку, вооружение, содержание и практическую деятельность этих групп и отрядов не считались, полагая, что цель оправдывает средства.

Особая активность была проявлена в начале 1920-х гг., когда были зафиксированы многочисленные случаи нарушения государственной границы. На северо-западной границе в первой половине 1920-х гг. неоднократно происходили боестолкновения с отрядами финнов и карельских националистов. На границе с Эстонией и Латвией было проведено несколько операций по разгрому белоэмигрантских групп, перебросенных в РСФСР для организации восстаний и осуществления диверсионных актов.

На западной границе приходилось выдерживать провокации и вылазки групп белорусских и украинских националистов, отрядов Савинкова, Булак-Булаховича, Петлюры и др. В отдельных случаях численность этих групп достигала нескольких сот человек. В Средней Азии активно проявлялись басмачи, борьба с отдельными отрядами которых продолжалась и в начале 1930-х гг. На Дальнем Востоке приходилось вступать в схватки с белогвардейскими отрядами, бандами хунхузов и группами, охранявшими контрабандистов.

В целом же за период с 1921 по 1941 г. на всей границе СССР было задержано 932 тыс. нарушителей и ликвидировано 1 319 вооруженных банд<sup>1</sup>.

Дальнейшее обострение ситуации было, в частности, связано с присоединением к СССР западных районов Украины. А. Колпакиди со ссылкой на работы украинских исследователей – Д.В. Веденева, Г.С. Биструхина и др. по истории ОУН и УПА, вышедших в 2005–2006 гг., приводит примеры о многочисленных попытках ОУН организовать антисоветские восстания.

Деятельностью организации ОУН на Украине руководили многочисленные эмиссары, проникшие на территорию СССР и создавшие штаб и разветвленную систему управления, большинство из них владели навыками конспирации и были подготовлены к вооруженной борьбе. В 1940–1941 гг. аресту подверглись 400 таких эмиссаров, ликвидированы 200 разведывательно-диверсионных групп, пытавшихся пересечь советско-польскую границу.

Разруха в народном хозяйстве, обнищание населения, недовольство политикой большевиков, неготовность масс к грандиозным переменам в жизни, к которым звала новая власть опять-таки через лишения и страдания, активно использовались заинтересованными международными силами, внешней и внутренней контрреволюцией для активизации борьбы с советской властью путем заговоров и восстаний. В борьбе с ненавистными большевиками оказывались возможными немислимыми ранее (даже теоретически) союзы и объединения, достаточно серьезные изменения претерпевали принципы и моральные нормы, становились приемлемыми самые дикие и безжалостные приемы и способы.

В 1924 г. среди членов XII съезда РКП(б) на правах рукописи был распространен документ (с грифом «Совершенно секретно») «Численность и краткая характеристика заграничных классовых вооруженных организаций буржуазии (краткий перечень)». Согласно этому документу к странам, имевшим «наиболее организованную вооруженную классовую силу», были отнесены Германия, Австрия, Италия, Польша, Финляндия. Америка, Англия, Венгрия, Латвия, Литва, Франция, Бельгия, Япония, Румыния, Дания, Швеция и Норвегия были определены как страны, где «организация классового резерва буржуазии продвигается вперед довольно быстрыми темпами, охватывая широкие круги населения». Это не полный перечень стран, имевших «классовые организации буржуазии», просто еще не были получены необходимые данные о них. Все организации подразделялись на организации буржуазии, военные, террористические, фашистские и иные. В перечень включались даже те организации, чье участие в подрывной деятельности против СССР предположить было сложно: например, Союз немецких инвалидов, Ку-Кукс-Клан (так в тексте. – В.У.) и некоторые другие. По неполным данным, свыше 5 млн чел. были отнесены к «классовому резерву буржуазии», а с учетом того, что по многим организациям не было цифровых сведений, число предположительно увеличивалось вдвое<sup>2</sup>.

Вне всякого сомнения, подобная информация с перечислением десятков «подрывных» организаций, с данными об их численности, целях и задачах способствова-

<sup>1</sup> Велюв А.С. К истории ВЧК–ОГПУ. Без вымысла и купюр. СПб., 2011. С. 202–205; Часовые советских границ: Краткий очерк истории пограничных войск СССР. М., 1979. С. 73, 77–85, 91; Пограничники. М., 1973. С. 28; Колпакиди А. Ликвидаторы КГБ. М., 2009. С. 74.

<sup>2</sup> ГАТО. Ф. Р-579. Оп. 1. Д. 83. Л. 6–9. Этот экземпляр находился в пользовании у начальника штаба ЧОН губернии.

ла формированию у допущенных к ней людей чувства тревоги и опасности. Несомненно и то, что получение делегатами данной информации предполагало доведение её до населения, пусть и в неконкретной форме. Все это умело обыгрывалось руководством страны в оправдание проводимых в стране часто непопулярных мер.

В 1926–1929 гг. завершилось объединение белой эмиграции в различные «союзы», «объединения» и другие организации, финансировавшиеся империалистическими государствами и их спецслужбами. Наиболее крупными белоэмигрантскими организациями являлись «Российский общевоинский союз» (РОВС) во главе с генералами Кутеповым и Миллером, «Союз офицеров русской армии и флота», поддерживавший претендента на русский престол Кирилла Романова, «Республиканско-демократическое объединение», возглавляемое Милюковым и Керенским, объединявшее сторонников установления в России буржуазно-демократической республики, «Братство русской правды» – глубоко законспирированная организация, целью которой было восстановление монархии в России путем организации вооруженного восстания, и др.

В целях организации молодежи в 1927 г. при РОВС был создан «Союз русской национальной молодежи», развернувший активную антисоветскую деятельность вместе с членами РОВС.

Основными целями, например РОВСа, была подготовка государственного переворота в Советском Союзе, организация террора в отношении руководителей СССР и партийно-советского актива, ведение разведки и др. Для их достижения предполагалось создание на территории СССР широкомасштабного антисоветского подполья, где главную роль должны были играть представители «бывших» – дворянства, чиновников разного уровня, крупных представителей промышленно-банковского сектора, офицерского корпуса, жандармско-полицейских органов и др., кого не устраивал режим, установленный в стране большевиками. Особое место в достижении поставленных целей отводилось оставшимся в СССР родственникам эмигрантов и кадровому офицерству, перешедшему на службу в Красную армию либо осевшему в различных советских органах власти. С ними, практически на протяжении всех 1920-х гг., предпринимались активные попытки установления так необходимых РОВС контактов. Благодаря такой «настойчивости», органы ВЧК–ГПУ–ОГПУ смогли организовать и успешно реализовать несколько оперативных комбинаций, направленных на дискредитацию действовавших за границей антисоветских центров и организаций, выявление их методов подрывной работы и подавление в стране неугодных режиму лиц, в частности представителей различных социальных групп из числа «бывших»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Примером разработки оперативной комбинации может служить ситуация с находящейся в ссылке в Нарымском крае «С», которая по срочному указанию из Москвы была в течение суток освобождена из ссылки и на уходящем на следующий день последнем пароходе выехала из Колпашево в Томск и далее. Причина – наличие связи с родственницей одного из руководителей «РОВС», с которым последняя имела письменную связь. Дело на «С» хранится в ИЦ УМВД России по Томской области. Кроме того, с одним из видных деятелей «РОВС» в Константинополе А.Н. Каховым поддерживала письменную связь его сестра «М», также отбывавшая ссылку в Нарымском крае.

Активную работу против Советского государства проводили заграничные центры кавказских эмигрантов («Комитет освобождения Кавказа») и организации украинских националистов. В Средней Азии активно проявляли себя вооруженные отряды басмачей.

Результатами деятельности всех этих формирований явились провокации различного рода – от конфликта на Китайско-Восточной железной дороге до налетов на советские дипломатические и торговые представительства в Лондоне, Берлине, Шанхае, Пекине и других городах, убийств советских дипломатов и т.п.

Умелое использование этих факторов позволило Сталину укрепить новую систему управления страной и свою личную власть, максимально централизовать руководство страной, ограничивать демократические права и нормы.

В эти годы была организационно сформирована система правоохранительных органов советского государства – органов государственной безопасности (ВЧК–ГПУ–ОГПУ), милиции, суда и прокуратуры. Становление их также оказалось делом сложным, так как у лидеров большевистского государства не было единой концепции их формирования. Английский исследователь П. Соломон подробно рассмотрел процесс становления и развития системы судебных учреждений и органов прокуратуры в 1920–1950 гг., продемонстрировав на многочисленных примерах борьбу различных позиций и точек зрения, проанализировал возникавшие при этом проблемы<sup>1</sup>.

Главной особенностью силовых структур, на мой взгляд, явилось установление над ними партийного контроля практически с первых дней их образования. Это сыграло значительную роль в решении вопросов борьбы коммунистической партии с политическими оппонентами, а также представителями внутрипартийной оппозиции. С конца 1920-х гг. правоохранительные органы стали важнейшим звеном командно-административной системы, инструментом подавления любого сопротивления правящему режиму.

## 1.2. Бандитизм

В 1920-е гг. важнейшими для власти оставались вопросы активизации бандитизма. После Февральской революции 1917 г. из мест лишения свободы вышли десятки тысяч заключенных, преимущественно уголовников. В условиях развала органов правопорядка и отсутствия новых подобных структур эта масса уголовного элемента буквально терроризировала мирное население.

В первые годы советской власти в России не было ни одной губернии, в которой бы не действовали многочисленные банды разных окрасок и мастей. Отдельные из них провозглашали политические лозунги, но по сути своей оставались уголовными. Социальный состав банд был разношерстным – от бывших военнослужащих, в том числе офицеров, военных чиновников, дезертиров Красной армии – до простых уголовников и представителей люмпенизированной части населения. Многие банды можно охарактеризовать как уголовно-политические, причем подобные «объединения» зачастую носили временный характер. В числе непримиримых врагов советской власти было немало тех, кто для достижения цели не гнушался союзов с уголовниками. Уголовный элемент,

---

<sup>1</sup> Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 1998.

сталкиваясь с «идейными» попутчиками, часто договориться с ними не мог, а возникавшее «непонимание сторон» разрешал достаточно просто – физически уничтожал таких попутчиков.

Банды, как правило, были хорошо вооружены, поэтому справиться с ними было нелегко.

Борьба с бандитизмом в Сибири велась на протяжении 1920-х гг., что оказывало серьезное влияние на оперативную обстановку. К причинам длительности борьбы, на мой взгляд, можно отнести следующие: 1) наличие значительного числа вышедших на свободу представителей уголовного мира; 2) отсутствие сложившейся действенной системы органов безопасности и правопорядка; 3) попытка реализации государством возобладавших в области проведения пенитенциарной политики на протяжении 1920-х гг. идей постоянного отмирания преступности и возможности перевоспитания или «перековки» «оступившихся» граждан, в частности из числа «социально близких»; 4) «конфликт» отношений между «нэпманами» и основной частью населения в условиях разрухи, массовой безработицы, дефицита промышленных товаров и продуктов питания; 5) наличие «кампанейщины» в борьбе с бандитизмом.

Несколько раз Сибирь объявлялась «неблагополучной по бандитизму». Для подавления бандитских выступлений привлекались регулярные части Красной армии. Отдельные проявления бандитизма фиксировались еще в начале 1930-х гг. Главное отличие бандитизма начала и конца 1920-х гг. заключалось в том, что он стал преимущественно «оседлым».

Поскольку милиция не могла справиться с разгулом бандитизма, решение задачи было возложено на органы ВЧК–ОГПУ. При этом резко были расширены и их права. В Постановлении ВЦИК от 16 октября 1922 г. говорилось: «...В целях скорейшего искоренения различного рода бандитских налетов и вооруженных ограблений **предоставить ГПУ право внесудебной расправы вплоть до расстрела** (выделено мною. – В.У.) в отношении всех лиц, взятых с поличным на месте преступления при бандитских налетах и вооруженных ограблениях...»<sup>1</sup>. Для борьбы с бандитами создавались вооруженные отряды из партийно-советско-комсомольского актива – части особого назначения, расквартированные практически в абсолютном большинстве губерний и областей, а также войска внутренней охраны и, как уже отмечалось выше, регулярные части Красной армии.

После освобождения от колчаковцев Сибирь представляла собой «котел», в котором одновременно «варились» сотни тысяч людей, представлявших разные социальные слои и группы, с различными политическими взглядами и целями, приверженцы разных религиозных верований и учений. Каждый вынужден был бороться за выживание всеми возможными способами. Одни тайно надеялись на возвращение «светлого прошлого», другие прилагали все силы и средства для возможного бегства от большевиков, третьи приспособлялись к новым условиям, поступая на службу к новой власти. Те, кто не мог смириться с произволом большевиков, беззаконием

---

<sup>1</sup> См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

и хаосом, вставали в ряды борцов с режимом, создавая подпольные организации, поддерживая любые формы сопротивления, активно выступая с оружием в руках против большевистской власти. В своем протесте они не щадили никого – ни противника, ни своих сторонников, ни себя.

Но были и те, кто выбирал путь насилия, грабежа и разбоя, оседая в городах или уходя в «леса», туда, где они могли чувствовать себя в безопасности после возвращения из набегов на мирные села, лавки и магазины, обозы, почтовые отделения, железнодорожные станции и т.п.

В отличие от европейской части России, бандитизм в Сибири во многом имел черты обычной уголовщины (грабеж мирного населения, налеты на склады, магазины, потребительские общества и т.п.). Банды чаще всего были малочисленными и очень маневренными, легко уходили от погони, растворяясь в массивах сибирской тайги, а часто и среди мирного сельского населения, которое в силу запуганности, родства или круговой поруки не выдавало бандитов.

Все органы ВЧК на местах в информационных сводках, которые составлялись каждые две недели для вышестоящих чекистских органов и партийно-государственных структур, обязаны были освещать положение с бандитизмом. Допускалось сообщать не только проверенную и подтвержденную фактами информацию, но и подчас предположительную<sup>1</sup>. Например, в сводке Мариинского политбюро за первую половину октября 1921 г. сообщалось, что «массового бандитизма не наблюдается. Замечены случаи появления в Тисульском районе бандитов группами [по] 6 человек. На границе Ачинского уезда и Тамбарской волости курсирует банда численностью 6 человек. По сведениям банда оперирует в окрестностях пос. Кургусуюл и по реке Урюпу Ачинского уезда. В ночь с 6-го на 7-ое октября было произведено нападение на указанный поселок. Жертв нет. В ночь на 12 октября на разъезде Каштаново близ ст. Итат разобрано неизвестными лицами три звена рельс... Кем разобран путь, не выяснено. По добытым аг[ентурным] сведениям в пределах Мало-Песчанской волости братья Горелкины занимаются грабежом, воровством, изнасилованием женщин, разбоем и т.п., к выяснению приняты меры»<sup>2</sup>.

Справиться с бандами органы милиции оказались не в состоянии. Милиционеры попросту не хватало, у большинства из них отсутствовал опыт оперативно-следственно-розыскной работы, поскольку основу советской милиции составляли бывшие партизаны, слабо знавшие и нередко игнорировавшие законы. Нельзя не учитывать и то, что службу в милиции продолжали и старые кадры, для некоторых из них новая власть так и не стала близкой. Служили в милиции даже бывшие военнопленные – венгры, поляки, немцы и т.д.<sup>3</sup> Многие руководители милиции также не имели практических знаний, умений и опыта. Вот как, например, характеризовались отдельные из них: «О Брокаре – начальнике милиции

<sup>1</sup> См.: ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 100. Л. 4, 9, 12, 24, 45 и др.

<sup>2</sup> См.: Там же. Л. 206.

<sup>3</sup> Материалы переписки Томской городской РКСМ позволили установить, что весной 1920 г. в ней служили 30 мадьяр, 6 немцев, 5 латышей, 3 поляка, по 2 эстонца и серба, по одному литовцу, французу и венгерцу (так в тексте). Изучался вопрос о привлечении на службу китайцев, находившихся в Томске. См.: ГАТО. Ф. Р-279. Оп. 2. Д. 118. Л. 243, 358; Оп. 3. Д. 11. Л. 548; Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 57. Л. 2. В Бийске по решению уездного ревкома в милицию были приняты сразу 50 венгров. См.: Николаев П.Ф. Советская милиция Сибири (1917–1922). Омск, 1967. С. 169 и т.д.



Кемеровского рудника: малограмотен, политически не развит, революционер, настойчивый, увлекается начальствующим положением, администратор, слабый нескладный оратор-энтузиаст (так в тексте. – В.У.). О М.И. Малаховском – начальнике Прокопьевской милиции: вспыльчив, но дисциплинирован, малоинициативен, не изжита мелкобуржуазная идеология. Целесообразно использовать по номенклатуре ответработников в области районного масштаба – отрасль карательная. О В.С. Кожевникове – помощнике начальника Кузнецкой уездной милиции: службу знает, но малоинициативен, хорош как боевик. О И.П. Зыбченко – начальнике Щегловской, а затем Мариинской уездной милиции: с работой не справляется, так как не опытен, плохо развит и не имеет специальной подготовки. Лучше использовать на административно-хозяйственной работе»<sup>1</sup>.

А вот как охарактеризовал в июле 1924 г. начальника Барнаульского уголовного розыска Табанакова прокурор губернии Сухов: «Член РКП(б), образование низшее, крестьянин, стаж с 1921 г., в должности с сентября 1923 г. ... является в розыскной работе сведущим лицом, но благодаря слабости к спиртным напиткам недостаточно внимателен к деятельности сотрудников, что отражается на работе, всякие предупреждения никаких реальных результатов не дали, и губком уже постановил снять его с работы Угольрозыска...»<sup>2</sup>.

Необходимо также отметить, что зарплата инспектора уголовного розыска в Сибири в 1925 г. составляла 22,5 руб. в месяц при средней зарплате служащего в промышленности в 78,2 руб.<sup>3</sup> Возможно, это стало причиной того, что в 1925 г. сотрудниками милиции и уголовного розыска Сибири было совершено 164 преступления, в том числе по присвоению и растрате – 33, взяточничеству и подлогу – по 8, т.е. практически каждое четвертое преступление имело характер корыстного<sup>4</sup>.

В 1920-е гг. вооружение милиции было устаревшим, главным образом винтовки «Бердан» и «Гра», а всего на вооружении числилось 20 разных систем оружия. Сотрудники милиции при выездах на операции очень часто от этих винтовок отказывались, а каждая захваченная у бандитов боевая винтовка ценилась на вес золота. Одной из причин плохой вооруженности милиционеров было то, что боевое оружие у них было изъято и направлено в части Красной армии, не хватало боеприпасов. У милиции не было обмундирования, продовольственных пайков и т.п.<sup>5</sup>

В приведенной выше сводке Мариинского политбюро отмечалось: «По ликвидации банд в уезде принимаются меры милицией совместно с членами комячеек... Но здесь нужно отметить положение милиции, что милиционеры в большинстве

<sup>1</sup> ГУВД Кемеровской области. 1917–2002. Страницы истории. Кемерово, 2002. С. 24.

<sup>2</sup> Из отчета прокурора Алтайской губернии Н.М. Сухова за 1-е полугодие 1924 г. См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 19. Л. 14.

<sup>3</sup> Угроватов А.П. Уголовный розыск в Сибири. 1920–1926 гг. См.: ГУВД Кемеровской области... С. 93.

<sup>4</sup> Подсчитано автором по материалам хранящегося в ГАНО Д. 19 (Ф. Р-20. Оп. 2).

<sup>5</sup> Доклад начальника милиции Сибири Веселовского начальнику Главного управления советской рабоче-крестьянской милиции о деятельности сибирской милиции за период с 1 по 20 сентября 1920 г. См.: ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 188. Л. 76–76 об., 10; Николаев П.Ф. Указ соч. С. 175.

своём совершенно разуты и раздеты и семьи их голодают. С наступлением холодов милиционеры не могут иметь возможности выйти на службу или встать на пост, благодаря чему пополнение штата милиции идет слабо»<sup>1</sup>.

Чрезвычайно высокой была текучесть кадров. В отдельных подразделениях она достигала 100%. Так, в Омской губернии за 11 месяцев 1923 г. только из уголовного розыска было уволено 200, а принято 207 чел. В целом по уголовным розыскам Сибири текучка в 1924 г. составила 64,7%, в 1925 – 60%, в 1926 – 44,4%. В Томской уездной милиции с 1 октября 1923 г. по 1 октября 1924 г. уволилось 136 из 159 милиционеров (85,5%), а принято на службу 127 (74,9%)<sup>2</sup>. Подобная картина складывалась повсеместно. Даже к концу 1929 г. «текучка» среди начальников райотделений милиции в стране составляла 58%. Более 90% из них имели начальное образование и были выходцами из крестьян<sup>3</sup>.

Некомплект штатов приводил к тому, что, например, в Новониколаевской губернии один милиционер обслуживал территорию площадью в среднем 800 кв. км, в Енисейской – 6 250 кв. км, а в Кузнецком и Горно-Шорском районах Кузнецкого округа – 3 500 кв. вёрст. В Алтайской губернии на одного милиционера приходилось 16 тыс. чел. обслуживаемого населения<sup>4</sup>. Участковых милиционеров было 67% от нормы – 993 чел., на одного участкового милиционера приходилось 7 468 чел. местного населения<sup>5</sup>.

Два события – попытка отряда П. Лубкова в ходе восстания осенью 1920 г. перерезать движение по Транссибирской магистрали и успешный захват её в 1921 г. в ходе Западно-Сибирского восстания – вынудили сибирские власти задуматься о принятии срочных мер по защите практически единственной транспортной артерии. На заседании Сиббюро ЦК РКП(б) 28 февраля 1921 г. был рассмотрен вопрос «О мерах обороны Сибири от кулацких восстаний и охране железных дорог» и решено разработать план обороны городов и опорных пунктов по Сибирской железной дороге.

Выполняя директивы Сиббюро ЦК РКП(б), партийные организации на местах организовали дежурства и несение караульной службы в населенных пунктах и на железной дороге. Усилия партийно-советских органов направлялись на привлечение всех возможных сил, включая беспартийный актив, для борьбы с «контрреволюцией» и бандами. Из губерний в уезды в необходимых случаях направлялось подкрепление в виде воинских подразделений, частей особого назначения и вооруженных отрядов из партийного и комсомольского актива<sup>6</sup>.

Руководители Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома определяли суть и содержание карательной политики по отношению к бандам и их участникам. Сибревком 12 февраля 1921 г. своим приказом возложил ответственность за сохранность

<sup>1</sup> См.: ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 100. Л. 206.

<sup>2</sup> Угроватов А.П. Уголовный розыск в Сибири... С. 94; Ларьков Н.С., Чернова И.В., Войтович А.В. Двести лет на страже порядка (Очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа и области в XIX–XX вв.). Томск, 2002. С. 261.

<sup>3</sup> Соломон П. Указ. соч. С. 106. В Сибири процент сотрудников милиции, имевших низшее образование, достигал 90,96%.

<sup>4</sup> См.: ГАО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 19. Л. 271–272.

<sup>5</sup> Там же. Оп. 1. Д. 136. Л. 16.

<sup>6</sup> Трифонов И.Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921–1923 гг.). Ч. 1. Борьба с вооружённой кулацкой контрреволюцией. Л. 1964. С. 185.

железнодорожного пути на население, проживавшее на прилегающей территории, из среды этого населения брались заложники – кулаки. В случае повторных налетов на железную дорогу заложники подлежали расстрелу без суда, а их имущество – конфискации<sup>1</sup>. Но еще 9 февраля подобный приказ был отдан Ишимским уездным исполкомом советов, который содержал те же «указания» по охране железной дороги. Отличием его от Сибревкомовского стали практическая конкретизация волостей, граждане которых отвечали конкретно за сохранность дороги, и конкретная угроза: «за непредоставление заложников к указанному сроку деревни, прилегающие к линии желдороги, **будут обстреляны орудийным огнем** (выделено мною. – В.У.)»<sup>2</sup>. За убийство одного коммуниста или совработника предполагался расстрел десяти крестьян.

Институт заложников просуществовал еще не один год и активно эксплуатировался большевистской властью. Так, начальник штаба ЧОН Томской губернии направил в сентябре 1923 г. в адрес губкома РКП(б) почтотелеграмму, содержавшую разведсводку о нахождении банды Пермикина. Сводка содержала информацию о численном составе банды, её вооружении, возможных планах и намерениях. На оборотной стороне телеграммы карандашом была наложена следующая резолюция: «Вызвать Филат[ова] (начальник губотдела ГПУ. – В.У.), Цепл[яева] (командующий ЧОН губернии. – В.У.). Взять в заложники **детей бандитов** (выделено мною. – В.У.), объявить, что они будут расстреляны, если только банда сделает хотя бы еще нападение. Предложить сдать под гарантию жизни. В. К[алашников] (секретарь Томского губкома РКП(б). – В.У.)»<sup>3</sup>.

Брать детей в заложники – неоправданная жестокость, но, видимо, Пермикин своими действиями сильно беспокоил власть. Называя себя командиром партизанского отряда, он регулярно посылал либо оставлял в местах своего пребывания письма, в которых клятвенно заявлял о готовности выйти из леса: «Мы сознаем, что советская власть даст жизнь как для нас, так и для всех... мы... должны жить и помогать... советской власти, а вы должны простить эту нашу ошибку». Письмо такого содержания, в частности, было оставлено в феврале 1924 г. на одной из заимок, но еще в августе и октябре можно было встретить в сводках информацию о

<sup>1</sup> Богданов М.А. Разгром западносибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г. Тюмень, 1961. С. 58–59. Об этом же гласил и приказ № 10 командующего советскими вооруженными силами района Омск–Тюмень комбрига Рахманова и военкома Корнякова. По причине того, что повстанцы регулярно портили железнодорожные пути и рвали телеграфные провода, железнодорожные линии Омск–Тюмень и Омск–Челябинск были разделены на определенные участки, ответственность за целостность которых лежала на местном населении в прилегающей 10-верстной полосе по обе стороны от железной дороги. См.: За советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии. 1921: сб. документов. Новосибирск, 2000. С. 206; Трифонов И.Я. Классы и классовая борьба... С. 194. Институт заложничества получил развитие в советской России в 1918 г., когда стали арестовывать наиболее крупных представителей буржуазии и генералитета, видных деятелей царского режима и активных участников антисоветских организаций в ответ на развязывание «белого» террора. Эта мера считалась временной, но получила распространение. Например, расстрелы заложников практиковались в начале 1920-х гг. в период борьбы с «антоновщиной», на Кубани и в некоторых других регионах. См.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. Т. 1: 1918–1922. М., 2000. С. 41.

<sup>2</sup> За советы без коммунистов... С. 156–158.

<sup>3</sup> См. : ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 107. Л. 114.

деятельности Пермикина и его отряда. Завершилась бандитская «эпопея» Пермикина только в конце года. За его поимку Тисульский райком РКП(б) на заседании 10 декабря 1924 г. объявил благодарность председателю райисполкома Яблонскому и начальнику милиции Тимофееву<sup>1</sup>.

Разгром ряда крупных антисоветских восстаний в начале 1921 г. дал большевикам лишь небольшую передышку, так как на территориях восстаний остались десятки мелких разрозненных отрядов и групп. Они уже были не способны представлять серьезную угрозу для власти как организованная сила. В создавшихся условиях все эти отряды и группы все больше и больше скатывались к обычной уголовщине. Но и в таком положении они были опасны, поскольку всегда находились лица, готовые прийти им на помощь, а то и влиться в их ряды, о чем, в частности, сообщал секретарь Енисейского губкома РКП(б) в телеграмме от 3 июля 1921 г., направленной в Сиббюро ЦК РКП(б): «Бандитское движение принимает значительные размеры [в] Ачинском [и] Минусинском даже Красноярском уезде тчк Банды пополняются инородцами тчк... Стоим перед вопросом замен состава милиции [в] Минусинском [и] Ачинском уезде...»<sup>2</sup>.

Развитию бандитизма способствовали и действия отрядов ОГПУ и ЧОН, которые направлялись для ликвидации банд. Незаконными конфискациями имущества и расстрелами они обостряли отношения с местным населением и настраивали его против новой власти. Это приводило к постоянному притоку в банды новых участников и к озлоблению против коммунистов и новой власти. Так, в Хакасии главными виновниками создавшегося положения были отряды под командованием Лыткина, Дзерве, Ковригина и др.<sup>3</sup> Подобная ситуация сложилась и в Кузнецком уезде. Обследовавшие уезд член президиума Томского губисполкома Бабинцев и член президиума губчека Беляев сообщали в губком РКП(б): «...Необходимо обновить весь **бандитский штат милиции** (выделено мною. – В.У.) тчк Сделать это необходимо для скорейшего восстановления престижа Соввласти в Кузнецком уезде»<sup>4</sup>.

Рост численности банд заставил Сибревком 22 сентября 1921 г. принять постановление о мерах по ликвидации этого явления. В частности, ушедшие в банды объявлялись преступниками, их имущество конфисковывалось, а семьи подлежали заключению в лагеря принудработ<sup>5</sup>.

Активное участие в реализации карательной политики большевистской власти принимали части особого назначения, формирование которых было организовано во всех сибирских губерниях. Их участие в подавлении бандитизма в Сибири было значительным, что не могло не сказаться на уменьшении проявлений бандитизма. Так, если в октябре, по данным правоохранительных органов, на

<sup>1</sup> См.: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 136. Л. 19, 20, 39, 126; ГУВД Кемеровской области... С. 257. Подробнее институт заложничества рассматривается в статье А.И. Савина и А.Г. Теплякова «Заложничество в Сибири в начале 1920-х годов». См.: [providenie.narod.ru/1106.html](http://providenie.narod.ru/1106.html) (дата обращения: 26.01.2016 г.).

<sup>2</sup> Телеграмма Енисейского губкома РКП(б) в Сиббюро ЦК РКП(б) от 3 июля 1921 г. См.: ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 166. Л. 4.

<sup>3</sup> См.: Становление органов безопасности в Сибири: сб. статей. Новосибирск, 2007. С. 108.

<sup>4</sup> См.: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 33. Л. 95.

<sup>5</sup> Сибирский революционный комитет (Сибревком). Авг. 1919 – дек. 1925 г.: сб. документов и материалов. Новосибирск, 1959. С. 65–66.

территории Сибири насчитывалось 29 банд общей численностью 945 чел., то к январю 1923 г. их уже было только 10 и объединяли они всего 150 чел.<sup>1</sup>

В связи с этим чекисты и милиция изменили формы и методы борьбы с бандитами – перешли к методам агентурного проникновения, организации акций по физическому устранению руководителей бандформирований и т.п.

Повышению эффективности работы милиции способствовали следующие мероприятия: чистка кадров, проверка командного состава на предмет профессиональной пригодности, «омоложение» кадрового аппарата, в частности, через привлечение на службу мобилизованных красноармейцев, а также положительно себя зарекомендовавших представителей рабочей и крестьянской молодежи и т.п. Повсеместно была организована учеба милиционеров с уклоном на правовую подготовку. В работе появилась плановость. Начальник уголовного розыска Новониколаевской губернии Кравчик на 2-м губернском съезде работников юстиции в декабре 1923 г. докладывал: «...В губернии оперировали 13 шаек бандитов. В декабре и январе шайки были ликвидированы... В феврале очистились от грабителей. В марте перебросили работу на борьбу с конокрадством. Этим краж совершалось в месяц от 500 до 600. Послали в уезд три группы агентов; выяснили шайку Мавлитова, арестовали до 100 человек. После ликвидации шайки число конокрадов сократилось на 50%»<sup>2</sup>. В цифрах итоги розыска характеризовались следующим образом: раскрыты 7 из 8 действовавших шаек, 21 из 20 вооруженных грабежей (один еще в 1922 г.), 14 из 20 грабежей простых. Число задержанных угрозьяком составило 1 602 чел., в том числе 244 бандита (15,2%), из них мужчин – 209 (из 1 204 задержанных мужчин 17,4%), женщин – 22 (из 269 – 8,2%), подростков – 13 (из 129 – 10%).

В 1923 г., возможно, впервые, были предприняты шаги по координации действий уголовных розысков сибирских губерний, хотя решение этого вопроса потребовало вмешательства прокурора Сибири П.Г. Алимова и выхода циркуляра для губернских прокуроров. Еще в октябре Томское губернское совещание по борьбе с преступностью приняло постановление о необходимости установления связи с уголовными розысками соседних губерний в целях обмена информацией о преступности, новых методах, применяемых преступниками, их передвижении и т.п., проинформировав об этом соответствующие структуры соседних регионов Сибири. Неполучение ответов на разосланные письма подтолкнуло томского губпрокурора Б.М. Гуровича к активизации действий по выходу циркуляра<sup>3</sup>. Эта

<sup>1</sup> Николаев П.Ф. Указ. соч. С. 251.

<sup>2</sup> См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 12. Л. 102–103. Конокрадство и скотокрадство в начале 1920-х гг. получили большое распространение, особенно в приграничных районах. Борьба с этими преступлениями отнимала много сил и требовала постоянного внимания. Крестьяне при поимке коно- и скотокрадов обычно устраивали самосуды, убивая их, так как доверия к власти не было, а лошадь для крестьян всегда была кормилицей.

<sup>3</sup> Обращение томского губпрокурора Б.М. Гуровича к прокурору Сибири от 1 декабря 1923 г. и циркуляр прокурора Сибири от 27 декабря 1923 г. губпрокурорам края о необходимости поддержки инициативы Томского губсовещания по борьбе с преступностью от 19 октября 1923 г. о взаимном обмене информацией. См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 10. Л. 22, 27.

инициатива была полезной и полностью себя оправдала, так как банды постоянно кочевали из уезда в уезд и без объединения усилий и постоянного обмена информацией бороться с ними было сложно.

Анализ отчетной документации чекистов и милиции позволяет сделать вывод, что в период с конца 1922 до 1924 г. бандитские проявления носили подчас характер одиночных случаев, при этом отдельные банды действовали на протяжении 3–4 лет. В 1924 г. наметилась тенденция активизации банд, наиболее явно – в Иркутской губернии. Основной причиной стало проведение разгрузки мест заключения в соответствии с циркуляром ЦИК СССР. Только в Томске в мае–июне было освобождено 465 чел.<sup>1</sup> Прокурор Иркутской губернии в отчете о результатах работы за 1-е полугодие 1924 г. охарактеризовал сложившуюся ситуацию следующим образом: «Утрата [у] бандитизма популярности в крестьянских массах, отказ даже кулацкого элемента, занятого в настоящее время почти исключительно борьбой на экономической почве, от материальной поддержки скитающихся кое-где еще по губернии мелких группок и, наконец, как следствие, все ухудшающееся положение последних, ставших перед необходимостью добывать себе средства к дальнейшему существованию принудительным отбором – грабежом, определили их деятельность, выкристаллизовавшуюся по тактике и методам в рядовую деревенскую уголовщину. Конокрадство и сбыт уведенных лошадей на городских и других рынках получило право гражданства в бандитской среде и послужило побудительным стимулом (личная нажива) к исключительно увеличению их численности присоединением к ним уголовных элементов деревни»<sup>2</sup>.

Отчет за 2-е полугодие 1924 г. в части борьбы с бандитизмом уже больше похож на сводку с театра военных действий. В отчете дан анализ деятельности банд и названы меры, предпринимаемые по их ликвидации. Активность банд привела к необходимости создания чрезвычайного органа – «губтрройки» по борьбе с бандитизмом, деятельность которой была направлена на координацию действий отдела ОГПУ, уголовного розыска, милиции и других органов по борьбе с бандитизмом. В Иркутске при губотделе ОГПУ была создана коллегия по борьбе с бандитизмом под председательством начальника отдела ГПУ, её членами были председатель губисполкома и начальник секретно-оперативной части губотдела ОГПУ. Работа коллегии контролировалась прокуратурой. По её результатам были вынесены постановления: к смертной казни – 1 чел., в концлагерь – 11 чел., в административную высылку – 2 чел. Обращает на себя внимание заключение прокуратуры о работе коллегии: «Приходится сказать, что создание коллегии не дало того результата, который бы мог получиться от рассмотрения таких дел в порядке ускоренных показательных процессов с применением той же меры наказания»<sup>3</sup>.

Создание названных органов действительно было делом необходимым, так как во втором полугодии бандиты совершили 9 налетов и ограблений хозяйственно-административных органов (в первом полугодии всего 2), 17 убийств, в том числе четырех коммунистов, расстреляли 12 крестьян (шестерых на почве

<sup>1</sup> См.: Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Западной Сибири (1920–1941 гг.). Томск, 2011. С. 92–93.

<sup>2</sup> ГАО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 21. Л. 4.

<sup>3</sup> Там же. Л. 54 об.

мести за доносы), ранили 9 чел. Потери со стороны бандитов – 16 убитых; захвачено 13 лошадей, 12 винтовок, другое имущество и вооружение<sup>1</sup>.

Ситуация в Сибири обострилась к октябрю 1925 г., что, возможно, было вызвано разгрузкой мест заключения. Распредкомиссиями Сибкрая на 180 заседаниях только во втором полугодии 1925 г. было рассмотрено 4 332 вопроса о досрочном освобождении осужденных<sup>2</sup>. В те годы комиссии чаще всего выносили положительные решения. Прокурор Сибкрая П.Г. Алимов направил обращение в прокуратуру страны с просьбой не возражать против применения расстрела к активной части уголовных банд, сообщая при этом, что он уже дал согласие на направление дел для внесудебной расправы – расстрела<sup>3</sup>. Одновременно с его обращением в ОГПУ ушла шифротелеграмма за подписью заместителя полномочного представителя ОГПУ по Сибкраю Б.А. Бака<sup>4</sup>, секретаря крайкома А.К. Лепы<sup>5</sup> и заместителя председателя Сибревкома Р.И. Эйхе<sup>6</sup>: «...[за] последнее время чрезвычайно усилился уголовный бандитизм особенно [в] сельских местностях тчк Возникло 6 новых банд численностью около 50 человек зпт имеется тенденция роста их [в] дальнейшем тчк Банды пополняются преимущественно уголовниками-рецидивистами[,] бежавшими [из] тюрем тчк 30 сентября уголовной шайкой устроено крушение товарного поезда около Иркутска зпт бандиты предполагали ограбить скорый поезд[,] которым ехала Японская Комиссия[,] но ошиблись во времени тчк [В] Улале ограблена почта зпт ...произведена попытка ограбления Щегловского Отделения Госбанка тчк [За] последние два месяца зарегистрировано 19 случаев ограблений Потребобществ[,] РИКов[,] больниц[,] 6 случаев устройства крушений поездов зпт 2 случая нападений на села зпт ...Просим поставить [перед] ЦК вопрос [о] разрешении направления дел

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 21. Л. 54.

<sup>2</sup> Отчет прокурора Сибкрая об итогах работы во 2-м полугодии 1925 г. // Там же. Оп. 2. Д. 19. Л. 301.

<sup>3</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 4. Л. 16.

<sup>4</sup> Бак Борис Аркадьевич, 1897 г.р., еврей, ур. Иркутской губ., из семьи ссыльного счетовода, образование среднетехническое. Большевик с 1917 г. В органах ВЧК с декабря 1919 г. – зам. председателя Томской, а затем Иркутской губЧК. Работал в Омске и Новониколаевске, с декабря 1927 г. – в Москве. Возглавлял ОГПУ по Средне-Волжскому краю, зам. начальника УНКВД по Московской области, с конца 1936 г. – начальник УНКВД по Северному краю. Комиссар госбезопасности 3-го ранга. Награжден орденом Красного Знамени и двумя знаками «Почетный работник ВЧК–ГПУ», знаком «Почетный работник РКМ». Избирался членом ВЦИК, делегатом XV–XVII съездов ВКП(б). Арестован в 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован посмертно в 1957 г. в связи с прекращением дела за отсутствием состава преступления.

<sup>5</sup> Лепя Альфред Карлович, 1896 г.р., в партии большевиков с 1914 г. В 1925–1929 гг. – второй секретарь Сибкрайкома ВКП(б), в 1929–1933 гг. – второй секретарь ЦК КП(б) Узбекистана, в 1933–1937 гг. – первый секретарь Татарского обкома ВКП(б). В 1934–1937 гг. – кандидат в члены ЦК ВКП(б). Арестован в 1937 г. Расстрелян в мае 1938 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Реабилитирован в партийном порядке КПК при ЦК КПСС 30 ноября 1955 г.

<sup>6</sup> Эйхе Роберт Индрикович, 1890 г.р., участник революционного движения в Латвии. В партии большевиков с 1905 г. После революции на ответственной работе в Наркомпроде, с 1924 г. – зам. председателя Сибревкома, в 1925 г. – председатель Сибкрайисполкома, в 1929–1937 гг. – 1-й секретарь Сибкрайкома, Запсибкрайкома ВКП(б). Избирался членом ЦИК СССР. С 1935 г. – кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). В октябре 1937 г. назначен наркомом земледелия СССР. Арестован в апреле 1938 г. Расстрелян 4 февраля 1940 г. Реабилитирован посмертно в 1956 г.

[на] активный уголовный элемент [в] ОГПУ для вынесения внесудебных приговоров [о] высшей мере наказания...»<sup>1</sup>.

Сибревком направил всем председателям окружных комиссий по районированию, председателю Иркутского губисполкома и краевому прокурору циркуляр № 267/с, в котором требовал обратить особое внимание на борьбу с бандитизмом, оказывать помощь «силовикам», прекратить досрочное освобождение рецидивистов и т.д.<sup>2</sup>

На губернском совещании по борьбе с преступностью в ноябре 1925 г. обсуждался всего один вопрос: состояние бандитизма и меры борьбы с ним. Был сделан анализ борьбы с бандитами, рассмотрены «узкие места», намечены мероприятия, выполнение которых предполагало окончательную ликвидацию вооруженного бандитизма. По итогам совещания были приняты решения о необходимости выделения дополнительных денежных средств на секретно-оперативные нужды уголовному розыску и почтово-телеграфные расходы следственным органам. В качестве еще одной меры активизации борьбы с бандитизмом стало решение об обращении в губисполком с просьбой об увеличении зарплаты работникам низовых органов милиции и «снабжении их необходимыми перевозочными средствами»<sup>3</sup>.

Однако проблема бандитизма стояла не только перед сибирскими властями, так как еще 9 мая 1924 г. Президиум ЦИК Союза ССР принял секретное постановление «О расширении прав ОГПУ в целях борьбы с бандитизмом». На ОГПУ возлагалось руководство этой борьбой во всесоюзном масштабе, предоставлялись особые полномочия через оперативное подчинение местных органов милиции и уголовного розыска; направление в любые районы страны специально уполномоченных для предварительной разработки и подготовки кампаний по борьбе с бандитизмом, а также специальных ударных вооруженных отрядов; предоставление этим уполномоченным права внесудебной расправы – от высылки из данной местности до заключения в концлагерь и расстрела.

ЦИКам союзных республик предлагалось распорядиться о делегировании органам ОГПУ (в том числе и местным) прав на использование всех материалов милиции и угрозыска по борьбе с бандитизмом, изъятие этих материалов, а также на руководство всей секретной агентурой уголовного розыска. Начальники милиции обязывались отчитываться перед уполномоченными органов ОГПУ, а остальные органы должны были оказывать всемерное содействие в деятельности агентов и уполномоченных ОГПУ.

Кроме того, постановлением предусматривалась возможность объявления ЦИКом местностей, «неблагополучных по бандитизму», таковыми сроком на 2 месяца с возможностью пролонгации данного срока еще на один месяц. Органам ОГПУ в этих местностях давалось право «решать по своему усмотрению любое дело по бандитизму, независимо от того, когда возникло или в чьем ведении находится...».

---

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 4. Л. 24.

<sup>2</sup> Там же. Д. 10. Л. 1.

<sup>3</sup> Протокол № 6 (гриф «Секретно») Иркутского губсовещания по борьбе с преступностью от 21 ноября 1925 г. // Там же. Д. 17. Л. 52–54.



Предполагалось назначение в данную местность особого уполномоченного с правами, указанными выше<sup>1</sup>.

Говоря об этом постановлении, необходимо вспомнить еще об одном событии, имевшем к принятию документа непосредственное отношение. 8 мая 1924 г., буквально накануне принятия постановления, зам. председателя ОГПУ СССР Г. Ягода направил в Президиум ЦИК СССР проект, приложив записку, адресованную секретарю Президиума ЦИК, в которой просил **«провести этот проект без заседания Президиума, так как он уже согласован с прокуратурой и НКВД и рассмотрен на заседании Политбюро»** (выделено мною. – В.У.). На следующий день проект постановления был утвержден без каких-либо дополнений и изменений<sup>2</sup>.

ОГПУ со ссылкой на данное постановление разработало и разослало в органы ОГПУ на местах инструкцию о порядке «оперативного подчинения» милиции и уголовного розыска. На основании этих документов в ряде губерний были предприняты шаги по введению милиции и уголовного розыска в состав органов ОГПУ. НКВД страны потребовался почти год, чтобы добиться отмены таких решений.

Настойчивые обращения сибирского руководства привели к тому, что 16 октября 1925 г. Президиум ЦИК СССР своим постановлением объявил Сибирь «неблагополучной по бандитизму» сроком на 2 месяца<sup>3</sup>. Особым уполномоченным по борьбе с бандитизмом был назначен полномочный представитель ОГПУ по Сибири И. Павлуновский<sup>4</sup>, а заместителем – его зам. по ПП ОГПУ по Сибири Б. Бак<sup>5</sup>, которые при участии прокурора края могли выносить приговоры на ссылку и высылку в пределах края пособников бандитов.

Работа закипела. Об этом свидетельствуют материалы дела фонда Управления краевой прокуратуры Сибири<sup>6</sup>, в котором собрано много различного рода постановлений, заключений по материалам уголовных дел и обвинительных за-

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 3. Л. 94–96.

<sup>2</sup> Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С. НКВД–МВД Российской Федерации. М., 2000. С. 15.

<sup>3</sup> В состав созданного в декабре 1925 г. Сибкрая вошли Ачинский, Барабинский, Барнаульский, Бийский, Каменский, Канский, Киренский, Красноярский, Кузнецкий, Минусинский, Новониколаевский, Омский, Рубцовский, Славгородский, Тарский, Томский, Тулунский и Хакасский округа, Иркутская губерния и Ойротская автономная область общей площадью 3 776 043 кв. км с населением в 7 736 716 чел. На территории края действовали 269 РИКов и 5 899 сельсоветов. См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 135. Л. 159 (Из письма прокурора края П. Алимова прокурору Республики).

<sup>4</sup> Павлуновский Иван Петрович, 1888 г.р., ур. Курской губернии, русский. Член партии большевиков с 1905 г., активный участник революционного движения. В органах ВЧК с августа 1918 г. – начальник Особого отдела 5-й Армии на Восточном фронте, возглавлял ЧК в Казани и Уфе, с 1919 г. – зам. Ф. Дзержинского по Особому отделу ВЧК. В январе 1920 г. назначен полпредом ВЧК по Сибири. В 1926 г. возглавил ОГПУ Закавказья, с 1928 г. – начальник военно-морской инспекции и зам. наркома по делам оборонной промышленности. С 1931 г. – кандидат в члены Президиума ЦИК, с 1934 г. – кандидат в члены ЦК ВКП(б). Награжден двумя орденами Красного Знамени и орденом Красной Звезды, тремя знаками «Почетный работник ВЧК–ГПУ». Арестован 28 июня 1937 г. Расстрелян 30 октября 1937 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР 26 ноября 1955 г..

<sup>5</sup> Шифротелеграмма в адрес прокурора края от 29 октября 1925 г. из ПП ОГПУ Сибири // ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 4. Л. 17.

<sup>6</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 4. Л. 17.

ключений по делам на банды и по отдельным бандитам. Например, по банде Калмыкова, в составе которой насчитывалось 28 участников, за грабежи и разбойные нападения в Иркутском уезде; по разбойному нападению Фёдорова и Уткина на двух женщин около Ново-Омска (пытались убить, перерезав горло); по обвинению Чернышева (колчаковский каратель) за грабежи и убийства в Томском округе; по действовавшей на территории Барнаульского округа банде Плотникова (8 чел.), обвинявшейся в убийстве 10 красноармейцев, секретаря сельского совета и т.д.<sup>1</sup>

Что касается вынесения постановлений о высылке лиц из мест проживания, то этот процесс был поставлен на «поток», так как тексты их идентичны (поскольку в деле хранятся только копии, можно лишь предполагать, что это были формализованные бланки), менялись лишь установочные данные на лиц, указанных в постановлениях, а вместо номеров дела и статей Уголовного кодекса у всех стояли многоточия. Видимо, указание на то, что такой-то является «уголовником-рецидивистом», уже было достаточным обоснованием<sup>2</sup>. Названное определение могло относиться к лицам, дважды и более раз судимым, сведения о которых передавались в окротделы ОГПУ сотрудниками уголовного розыска и милиции. Иные высылаемые проходили как пособники бандитов. Так, только из Зиминского уезда Иркутской губернии в Нарымский край было выслано в сентябре 1925 г. (до начала кампании. – В.У.) 82 пособника<sup>3</sup>.

К объявленной в октябре кампании по борьбе с бандитизмом подход был самым серьезным, о чем опять-таки свидетельствуют документы. Ежедневно составлялись оперативные разведсводки ПП ОГПУ по Сибири с информацией о дислокации банд на территории Сибири. Но эти сводки не были документами внутреннего пользования органов ОГПУ. Почтотелеграммами они направлялись в Москву, в ПП ОГПУ по Дальневосточному округу (г. Хабаровск), по Уралу (г. Свердловск), по Казахской ССР (г. Оренбург), в Новониколаевск заместителям председателя Сибревкома Эйхе и Позднышеву, секретарю Сибкрайкома РКП(б) Лепе, помощнику командующего войсками Сибирского военного округа Гайлиту, а также во все округа края, в Иркутский губернский и в Ойротский областной отделы ОГПУ и в обязательном порядке прокурору Сибкрая Алимову<sup>4</sup>. Вне всяких сомнений, рассылка информации преследовала цель координации деятельности, так как для бандитов границ не существовало, они могли временно скрываться в соседних округах и губерниях.

В последующие годы подготовка и рассылка оперативных разведывательных сводок вошли в практику повседневной деятельности чекистских органов.

Из докладной записки начальника информационного отдела ОГПУ Г.Е. Прокофьева «О движении бандитизма в СССР за период с 1 января по 1 октября 1925 г.» видно, что ситуация в Сибири заметным образом отличалась от таковой в других регионах страны и не являлась проблемной. Так, на 1 октября активно действу-

<sup>1</sup> Заключение краевой прокуратуры по делам банд // ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 4. Л. 129–130, 214–215, 404, 427, 586 и др.

<sup>2</sup> Постановления о высылке... // Там же. Д. 15. Л. 9–10.

<sup>3</sup> Доклад иркутского губпрокурора Я.А. Шмидта прокурору Сибири № 1072 от 17 ноября 1925 г. и сводка о борьбе с бандитизмом в Иркутской губернии // Там же. Л. 51, 53.

<sup>4</sup> Там же. Д. 47. Л. 1–3.

ющими в Сибири считались только 6 банд (94 чел.): «...значительное снижение бандитизма мы имели по Сибири, где, по сравнению с январем, когда насчитывалось 24 банды в 689 чел., на 1 октября состояло на учете всего лишь 6 банд». Лучше ситуация была только в Ленинградском военном округе, где значилась активно действующей всего одна банда из 9 чел., во всех других субъектах численность банд была в два и более раз выше, чем в Сибири<sup>1</sup>. За указанный в справке период были учтены убитые, раненые, расстрелянные, захваченные и арестованные, а также добровольно сдавшиеся 10 352 бандита, из них на Сибирь приходилось всего 161 чел. (для сравнения: на Украину и Крым – 5 435, Центр – 1 671 чел.)<sup>2</sup>.

Однако согласно отчёту краевого прокурора Сибири П.Г. Алимова за 2-е полугодие 1925 г., для рассмотрения в порядке Постановления ЦИК СССР от 16 октября 1926 г. и приказа ОГПУ № 172 было направлено 1 010 дел<sup>3</sup>. Такое большое количество дел объяснялось «ударной кампанией по борьбе с бандитизмом», но при этом было замечено, что в практической деятельности имели место некоторые недоразумения, вызванные «расширительным толкованием органами ГПУ директив краевого центра по борьбе с бандитизмом». Скорее всего, именно за этим выводом и крылись «успехи» в борьбе с бандитизмом, когда проведение кампании было использовано органами ОГПУ края для борьбы с уголовной преступностью в целом.

Сложно заподозрить сотрудников ОГПУ в сокрытии реальной ситуации в Сибири. Вероятно, имела место инициатива партийно-советско-чекистских органов региона в организации борьбы с бандитизмом, возможно, чтобы продемонстрировать «сложность» ситуации, в которой приходилось этим структурам решать вопросы управления и хозяйствования. Под этим углом зрения следует, видимо, рассматривать и запрашивание санкции на применение расстрела к активным участникам банд.

Еще одним важным документом той кампании явился циркуляр (с грифом «Совершенно секретно») Сибирского краевого административного отдела № 16/ЦС от 22 декабря 1925 г. «О порядке ведения агентурных дел о бандитизме и отчетности по ним», направленный начальникам областных, губернских и окружных отделов уголовного розыска. Есть все основания полагать, что разработка циркуляра явилась инициативой административного отдела, так как копия его (а не информация об исполнении) была направлена в Центральное административное управление НКВД.

В преамбуле документа была определена цель его издания: «Для более успешного проведения работы по ликвидации оперирующих на территории Сибкрая организованных банд, как уголовных, так и уголовно-политических, соответственного руководства этой работой Сибирский краевой административный отдел в развитии циркуляров ЦАУ № 50/к, 466/69/с – 24 г. и 7/102/с,

<sup>1</sup> Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 2. С. 338–339.

<sup>2</sup> Там же. С. 339.

<sup>3</sup> ГАНУ. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 19. Л. 237, 239.

364/609/с – 25 г. предлагает принять к точному и неуклонному руководству по ведению агентурных дел...»<sup>1</sup>, а далее следовал перечень мероприятий. Например, планировалось на каждую оперирующую банду численностью не менее трех человек заводить агентурное дело, группировать все официальные и агентурные материалы, а также издаваемые распоряжения. Документы рекомендовалось накапливать строго в хронологическом порядке. В деле должны были обязательно присутствовать материалы по истории возникновения банды с момента её организации; постановление о заведении агентурного дела; план разработки дела; задания; точный (по заданию) список лиц, проходивших по делу, с указанием ФИО и клички, причастность к банде (активный, рядовой участник, укрыватель, наводчик и т.п.); место жительства (адрес); примечания, куда заносились соответствующие изменения в составе банды (убийство отдельных бандитов, их арест и т.п.). В деле, кроме официальных документов, накапливались материалы о проведенных бандой налетах, грабежах и убийствах.

На каждое дело ежемесячно составлялся меморандум, по которому начальник уголовного розыска обязан был давать заключение с последующим представлением в уголовный розыск Сибирского краевого административного отдела. Меморандум в копии мог предоставляться заинтересованному округу, что предполагало повышение уровня взаимного информирования и большую плановость в работе по ликвидации банд. В случае оперирования банды на территории нескольких округов в каждом из них заводились дела-дублиеры. Меморандумы должны были представляться в Сибкрайдмотдел к 10 числу каждого месяца.

Когда разработка приближалась к завершающей стадии (ликвидация банды), составлялся ликвидационный план, утверждение которого и позволяло приступить к непосредственному уничтожению банды. Причем в плане должны были отражаться все моменты, с которыми могли столкнуться те, кому поручалась ликвидация. В случае успешного завершения операции дело закрывалось и сдавалось в архив.

С профессиональной точки зрения этот циркуляр являлся серьезным нормативным документом, так как предусматривал четко определенный перечень вопросов, решение которых позволяло организовать работу на плановой основе. Документ требовал постоянного аналитического сопровождения по делу, учета особенностей и факторов, могущих повлиять на проведение операций по ликвидации банд, защите её участников от разного рода случайностей. Кроме того, сохранение материалов в архиве также могло быть использовано сотрудниками, в частности уголовного розыска, при решении многих оперативных ситуаций в последующий период.

Попытка контроля деятельности бандформирований была уже не первой. Еще 17 июля 1921 г. приказом ВЧК № 216 были созданы отделения по борьбе с бандитизмом, которые, в частности, были обязаны заниматься организацией борьбы с повстанческими формированиями и вооруженными бандами, внедрением в них сотрудников ВЧК и агентуры, ликвидацией главарей и активных членов и т.п. Названные отделения должны были также предоставлять следующие сведения:

- о причинах возникновения банд;
- районе действия каждой банды с точным указанием расстояния и направления от ближайшего уездного города или крупной узловой станции железной дороги;

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 10. Л. 12–13.

- главарях (партийность и политическая окраска, профессия, образование, бывшее сословие, имущественное положение и т.д.);
- количественном составе участников с учетом их классового состава;
- количестве оружия и источниках его получения;
- политической окраске участников сопротивления, их лозунгах и целях;
- схеме организации повстанческого формирования, дисциплине в его рядах и методах деятельности;
- проявлениях конкретной деятельности банд;
- организации в ней разведки, связи и т.д.;
- возможности связи с другими бандами и организациями;
- отношении повстанцев к населению; проводилась ли реквизиция предметов снабжения у крестьянства или, наоборот, осуществлялась ли раздача захваченного;
- отношении населения к бандам (добровольное пополнение повстанческих отрядов, снабжение их продовольствием или оказание сопротивления мобилизации и реквизициям со стороны повстанцев)<sup>1</sup>.

Анализ документа однозначно свидетельствует о том, что в тот период власть не делала какого-либо различия в проявлениях бандитизма, не отделяла чисто уголовные действия от организованных антибольшевистских выступлений.

Ясно, что без глубокой проработки, без оперативного проникновения в среду бандитов либо поддерживавшего их населения собрать данную информацию было практически невозможно. Решение этой задачи требовало серьезного аналитического сопровождения по каждой банде.

Кампания по борьбе с бандитизмом завершилась в январе 1926 г., так как была продлена еще на один месяц, «штурмовщиной». К 560 арестованным за бандитизм в январе добавились ещё 433, но в феврале – уже только 98 чел. На 1 марта 1926 г. оставалась неясной судьба 18 бандитов, проходивших по 23 (!) делам<sup>2</sup>. Итоги кампании были рассмотрены на заседании бюро Сибкрайкома ВКП(б), на котором с докладом «О результатах борьбы с бандитизмом» выступил зам. полномочного представителя ОГПУ по Сибири Б. Бак. В постановлении бюро было отмечено, что кампания проведена своевременно и это позволило добиться положительных результатов (разгромлен ряд крупных бандитских шаек, города Сибири очищены от уголовного элемента и т.п.); борьба с бандитизмом в деревне оказала оздоравливающее влияние, подняла авторитет власти, предупредила начавшиеся самосуды.

ПП ОГПУ и краевому прокурору было поручено продолжить работу в данном направлении и разработать мероприятия по борьбе с хулиганством (еще одна большая беда тех лет). Судебно-следственным органам рекомендовалось и в дальнейшем проводить жесткую карательную политику в отношении уголовного бандитизма<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Становление органов безопасности в Сибири... С. 109.

<sup>2</sup> Подсчитано автором по сводным таблицам дел и арестованных за январь–февраль 1926 г. всеми окружными отделами ОГПУ края. См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 67. Л. 59, 61.

<sup>3</sup> Там же. Д. 47. Л. 9.

К заседанию бюро Сибкрайкома ВКП(б) за подписью начальника КРО ПП ОГПУ по Сибкраю Г. Вaleyко<sup>1</sup> был подготовлен краткий обзор, в который вошла информация о 22 ликвидированных бандах (в Иркутской губернии и Бийском округе – по 4, в Красноярском округе – 3, в Кузнецком и Хакасском – по 2, в Барнаульском, Ачинском, Канском, Рубцовском, Томском, Минусинском и Новониколаевском – по 1). Отдельные банды, как уже отмечалось выше, активно действовали на протяжении 3–4 лет и насчитывали в своих рядах до 30 участников, а в банде Афанасьева, действовавшей на территории Бийского округа, числилось 80 чел. На счету этих банд десятки убийств советских ответственных работников и рядовых граждан, сотни грабежей и налетов на волостные и сельские исполкомы, потребительские общества, лавки, магазины, поезда и т.д. Только бандой Неймана, действовавшей на территории Иркутской губернии, и только за 2-е полугодие 1925 г. было совершено 325 вооруженных ограблений<sup>2</sup>.

К обзору прилагалась сводка по округам Сибири с информацией о наказаниях, понесенных бандитами (табл. 1).

Таблица 1

Приговоры, вынесенные в ходе кампании по борьбе с бандитизмом в Сибири (окт. 1925 г. – янв. 1926 г.)

Наименование округов	Приговор			
	Расстрел	Концлагерь	Ссылка	Освобождение
Новониколаевский	49	26	41	22
Омский	29	5	50	–
Томский	21	10	61	8
Барнаульский	62	11	34	1
Красноярский	59	19	64	9
Иркутский	157	18	167	16
Минусинский	42	6	9	1
Ойротский	29	2	8	5
Бийский	68	8	47	5
Рубцовский	33	9	8	3
Барабинский	7	3	18	–
Хакасия	62	1	29	7
Канский	27	6	38	10
Ачинский	52	32	19	4
Кузнецкий	19	3	9	4
Славгородский	5	–	–	1
Каменский	20	2	21	5
Итого	741	161	623*	101

\* В документе 629.

Источник: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 47. Л. 14.

<sup>1</sup> Вaleyко Георгий Осипович (Иосифович), 1897 г.р., украинец, из дворян. Член РКП(б) с 1918 г. Участник гражданской войны. В органах ГПУ с июля 1921 г. – начальник отделения ОО ЗапсиБВО, с ноября 1922 г. – начальник отделения, а затем начальник КРО ПП ОГПУ по Сибири. С сентября 1925 г. одновременно был начальником погранохраны края, с октября 1927 г. до августа 1928 г. – зам. Полпреда ОГПУ по Сибкраю. В 1935–1937 гг. – начальник 24-го Могилев-Подольского погранотряда НКВД, полковник. Награжден орденом Красного Знамени (1936 г.) и знаком «Почетный работник ВЧК-ОГПУ (V)». Уволен в ноябре 1937 г. Последняя запись – в РККА с 29 сентября 1941 г. Дальнейшая судьба неизвестна.

<sup>2</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 47. Л. 10–14. По другим данным были ликвидированы 23 банды общей численностью 529 чел.; были арестованы 1 003 уголовника, совершившие убийства, грабежи и другие тяжкие преступления. См.: Служение Отечеству: воспоминания, статьи, документы. 1917–2005 гг. Кн. 1: 1917–1945. Кемерово, 2007. С. 237.

Анализ таблицы подтверждает наличие наибольшей активности бандитов на территории бывших Енисейской и Иркутской губерний. Так, в ходе кампании по борьбе с бандитизмом на территории Красноярского, Минусинского, Канского, Ачинского округов и Хакасии были осуждены 465 чел. (30,37%), в Иркутском – 342 чел., или 22,3% от общего числа (1 531 чел.) осужденных бандитов по Сибири. На Алтае наиболее «бандитскими» стали Бийский и Барнаульский округа, где осуждены 230 чел. (123 и 107 соответственно). В Новониколаевском округе осудили 116 чел. Привлекает внимание малое число осужденных в Славгородском (5), Барабинском (28), Ойротском (39), Каменском (43) и Рубцовском (50 чел.) округах. Пояснений к таблице дано не было.

Что касается вынесения смертных приговоров, то и здесь названные округа были в числе «лидеров». Например, на территории бывшей Енисейской губернии приговоры к ВМН были вынесены 242 осужденным (32,66%), а в Иркутской – 157 (21,2%). В обоих случаях доли осужденных и приговоренных к расстрелу практически совпадают. Осуждение к ссылке в этих округах также примерно одинаково – 159 (25,52%) и 167 (26,8%) чел. соответственно. На территорию Западной Сибири пришлось 342 смертных приговора (44,15%). Здесь наибольшее число приговорённых к расстрелу на Алтае без учета Ойротии – 188 чел. (25,37%). В ссылку были осуждены 297 чел. (47,67%). Видимо, ситуация в этих губерниях действительно была напряженной и требовала принятия решительных действий.

Следует также отметить, что продление кампании на месяц было вызвано не дальнейшей активизацией бандитских проявлений, а всего лишь задержкой в рассмотрении дел, так как в сводке по результатам борьбы с бандитизмом в крае за период с 29 октября по 25 декабря после указания статистических данных и перечисления ликвидированных банд отмечалось: «В настоящее время по всей Сибири в отношении бандитизма наступило затишье», а чуть выше от руки вписано: «В настоящее время нерассмотренных дел имеется в органах ГПУ и прокуратуре до 400 дел». Если сравнить показатели этой сводки с данными приведенной выше таблицы, то можно январь 1926 г. признать ударным в работе органов ОГПУ и прокуратуры. Число приговоренных к расстрелу увеличилось на 275 чел., к осуждению в концлагерь – на 93, а к высылке – на 484 (возможно, в это число высланных вошли около 400 чел., дела на которых были рассмотрены в порядке приказа ОГПУ № 172). Были освобождены 75 чел.<sup>1</sup>

К докладу прилагалась сводка о числе уголовников, дела на которых были рассмотрены особым уполномоченным ОГПУ, и обзор примеров отношения населения к проведенной кампании. Последний документ интересен хотя бы тем, что в нем приведены мнения не только рабочих и крестьян, но и уголовников. Если первые в целом положительно оценили проведенную кампанию, то уголовники проявили явную враждебность, особенно к расстрелам, высказывая мысли о мести по отношению к власти и мирным жителям (обычно

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 47. Л. 15–15 об.

к своим землякам), которых считали виновными в обрушившихся на них репрессиях. В отдельных случаях уголовные элементы от угроз переходили к конкретным действиям, имели место случаи избиения или даже убийства отдельных граждан<sup>1</sup>.

Несколько приведенных в исполнение приговоров особого уполномоченного ОГПУ в г. Канске вызвали у населения одобрение, сочувствия расстрелянным бандитам не было. Информация о расстрелах распространялась самим населением; среди крестьян бытовало мнение, что грабеж был властью разрешен, тем более что всех преступников следственные органы всегда освобождали. Кроме того, в обзоре приведены примеры самосудов, основной причиной которых была «слабость позиции» милиции, часто отпускавшей преступников после задержания. Так, в с. Решоты Канского округа в ноябре 1925 г. на общем собрании был учинен самосуд над уголовником Федором Хмаренко. Сельское общество объясняло это тем, что милиция его несколько раз арестовывала, но «всегда через несколько времени выпускала, а он продолжал грабить и угрожать тем, кто осмелился ему что-либо говорить, поэтому крестьяне рассуждают: «Раз власть не хотела судить, то мы судили сами»». Хмаренко убивали 8 чел., которым «дали приговор» бить всем обществом. На общем собрании Белоярского сельсовета Хакасского округа избили 8 чел., подозреваемых в краже. В с. Н.-Тимофеевка Омского округа за кражу двух пар пимов и некоторых других вещей у одного из бедняков всей деревней водили воров по деревне, повесив пимы им на шею, приговаривая: «Пока суть да дело, пока суд разберется, мы вас по-своему окрестим». Нанесли побои.

Если у сельского населения одновременно с одобрением расправы над уголовниками и бандитами все-таки проскальзывали нотки беспокойства: «А ну бандиты сведут с нами счёты, если что», то среди рабочих преобладала полная поддержка проводимой кампании. В Татарске рабочие говорили, что «хорошо делает ГПУ, что так поступает (расстреливают. – В.У.), всё равно от них пользы от (видимо, для. – В.У.) общества не будет кроме вреда, а потом они и неисправимы, сколько их не сажай, всё равно будут продолжать своё дело. Вот напрасно только ссылают в ссылку. Всё равно они оттуда сбегут, лучше бы крыли всех подряд – смотришь, и нам спокойнее было бы» и т.д.

Уголовные элементы репрессии в отношении таких же, как они, восприняли негативно, собираясь мстить власти и тем местным жителям, кто выступал против них. В отдельных случаях фиксировались факты сведения счетов с их стороны. У инородческого населения Хакасии грабежи по бытовым условиям преступлением не считались. А с учетом того, что грабили преимущественно русское население, государственные и торговые организации, то к бандитам относились с сочувствием и поддержкой<sup>2</sup>.

Ситуация после проведения кампании несколько улучшилась. Краевой прокурор П. Алимов в своем отчете за 2-е полугодие 1925 г. отмечал, что «происходившая ударная работа по борьбе с бандитизмом в Сибири произвела весьма хорошее впечатление на крестьянство. Крестьянин почувствовал себя и свое хозяйство

<sup>1</sup> Например, в отчете иркутского губпрокурора о результатах деятельности прокуратуры за 2-е полугодие 1924 г. прямо указывалось, что из 12 убитых бандитами крестьян шестеро были убиты «на почве мести за доносы». См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 21. Л. 54.

<sup>2</sup> См.: Там же. Оп. 2. Д. 47. Л. 25–26.



под защитой власти от грабителя и бандита. Были случаи, когда после разгрома какой-либо шайки сразу на месяц и больше прекращались всякие грабежи и кражи»<sup>1</sup>.

Согласно официальным данным (по обзору состояния преступности по Сибкраю за период с 1.10.1925 по 1.10.1926 г.), если в 1925 г. в сравнении с показателями 1924 г. число бандитских проявлений уменьшилось только на 2,9% (366 случаев), то в 1926 г. (по отношению к 1925 г.) – на 44,5% (203 случая)<sup>2</sup>. Кажется бы, достигнуты хорошие положительные результаты и ситуация должна стабилизироваться. Однако к осени 1926 г. ситуация вновь начала ухудшаться. Одним из факторов этого была существовавшая в те годы практика давать отпуска заключенным, в частности для участия в сезонных сельскохозяйственных работах. Анализ состава преступлений, за совершение которых были осуждены лица, получившие отпуск, свидетельствует, что распределкомиссии исключений не делали. Наибольший процент отпускаемых составляли лица, осужденные за имущественные преступления (разбой и грабеж, кража скота и др.), преступления против личности, порядка управления, убийства. Так, процент освобожденных для участия в полевых работах по этим преступлениям в 1925–1926 гг. составил 74,8 (убийства – 20,4%, преступления против личности – 27,1%, разбой и грабеж – 9,3%, кража скота – 4,1%, прочие имущественные преступления – 13,9%)<sup>3</sup>. Сложно заподозрить, что значительная этих лиц, добываясь отпусков, действительно планировала участие в полевых работах. Отдельные из них скрывались, примыкали к бандам. Так, в 1925 г. из отпуска не вернулись 617 чел., что составило 4,24% от общего числа «отпускников». Число невозвращенцев в Сибири было самым высоким по стране<sup>4</sup>.

Необходимо также учитывать, что пополнение банд шло и за счёт бежавших из мест заключения. По информации инспекции мест заключения за период с 1.10.1924 по 1.10.1925 г. из 30 мест заключения бежали «всего» (так в тексте. – В.У.) 679 чел. А в 4-м квартале 1925 г. из 22 мест лишения свободы бежали 144 чел. В 1926 г. только с внешних работ бежали 556 чел., что составило 58,71% от общего числа бежавших (947 чел.), и т.д.<sup>5</sup>

Кроме того, в ноябре 1926 г. Циркуляром ВЦИК СССР № 1011/с, направленным в адрес органов исполнительной власти всех уровней, а также Верховного Суда, НКЮ и НКВД СССР и Центральной распределительной комиссии, предписывалось распределительным комиссиям на местах «рассмотреть дела всех содержащихся в местах лишения свободы по приговорам народных, губернских и соответствующим им судов, а равно военных трибуналов и **применить условно-досрочное освобождение... или замену лишения свободы принудительными работами без содержания под стражей** (выделено мною. – В.У.) в отно-

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 19. Л. 98.

<sup>2</sup> Там же. Оп. 1. Д. 136. Л. 1–2 об.

<sup>3</sup> См.: *Детков М.Г.* Содержание пенитенциарной политики российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 годов. Домодедово: РИПК работников МВД, 1992. С. 116.

<sup>4</sup> Там же. С. 118–119.

<sup>5</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 19. Л. 297; Д. 135. Л. 17–17 об.

шении... заключенных, **хотя бы и не отбывших половины срока**, назначенного судом, которые в данный момент не являются социально опасными...»<sup>1</sup>. Работу подлежало завершить в месячный срок. Результаты этой кампании нашли отражение в протоколе краевого совещания по борьбе с преступностью от 1 сентября 1927 г. (с грифом «Совершенно секретно»). В нем констатировалось, что недостаточно умелое проведение разгрузки мест заключения в ноябре 1926 г. привело к тому, что часть «условно-досрочников» влилась в состав банд и приняла участие в налетах и грабежах.

Другим дестабилизирующим обстановку фактором стал повсеместный рост хулиганских проявлений. Активизация хулиганства была напрямую связана с окончанием периода летне-осенних сельхозработ, когда урожаем убран и появилось больше свободного времени, занять которое часто было нечем, кроме употребления спиртного, что с учётом активного самогонварения в сельской местности проблемой не являлось. А дальше – куда фантазия и пьяные компании уведут.

Информационные сводки уголовного розыска и оперативные разведсводки КРО ПП ОГПУ были полны сообщений об убийствах, грабежах и появлении новых банд и шаек. Все это привело к тому, что по ходатайству сибирских властей Постановлением ЦИК СССР от 9 декабря 1926 г. Сибирь с 1 декабря 1926 г. по 1 февраля 1927 г. была объявлена «неблагополучной по бандитизму в связи с хулиганством». 31 января 1927 г. срок кампании Постановлением Президиума ВЦИК был продлен еще на один месяц.

На период проведения кампании задачей было определено очищение Сибири от уголовных банд, вооруженных и невооруженных шаек и групп хулиганов, уличенных в убийствах и избиениях советских работников, в терроризировании населения, разгромах культурно-просветительных учреждений, разгонах собраний и митингов и прочих преступлениях, направленных против советской общественности, совершенных из хулиганских побуждений.

В связи с началом кампании 18 декабря 1926 г. исполнявший обязанности прокурора края А. Пачколин при Управлении краевого прокурора провел закрытое заседание краевого совещания по борьбе с преступностью. На совещание были приглашены заместитель и старший помощник прокурора Сибири Куприянов и Петровский, полномочный представитель ОГПУ по Сибкраю Заковский, начальник контрразведывательного отдела ПП ОГПУ Валейко, зам. председателя Сибкрайсуда Бранецкий, зам. начальника Сибадмотдела Мирошник и представитель Сибирской РКИ Розенберг. Был рассмотрен всего один вопрос: о борьбе с бандитизмом и хулиганством в соответствии с Постановлением СНК СССР от 29 октября 1926 г.

Л. Заковский считал нецелесообразным объединить вопросы борьбы с бандитизмом и хулиганством по причине того, что до окончания кампании оста-

---

<sup>1</sup> См.: Уйманов В.Н. Пенитенциарная система... С. 93–94. Годом ранее, в ноябре 1925 г., в ходе обсуждения вопроса о борьбе с самосудами на совещании по борьбе с преступностью в Красноярском округе активно обсуждался вопрос о работе распредкомиссий, якобы, они часто досрочно освобождают опасных преступников, а надо быть более внимательными в этом вопросе. Начальник мест заключения, отстаивая позицию членов распредкомиссии, отмечал, что «нельзя... руководствоваться местным мнением в то время, когда из Центральной распредкомиссии имеется предложение **обязательно освободить к 8-й годовщине Октября лиц, отбывших половину срока**» (выделено мною. – В.У.). См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 59. Л. 67. Напомню, что к этому времени Сибирь уже как месяц была в режиме «неблагополучной по бандитизму».

лось всего полтора месяца, а работы по каждому из этих направлений очень много, распыление усилий не позволит полностью выполнить поставленную задачу. Он также сообщил, что в Сибири действуют 16 банд и отдельные бандиты-одиночки, 80 бандитов уже пойманы и содержатся под стражей. Если же еще добавить дела по хулиганству, то работы «хватит в достаточном количестве» на все полтора месяца. Кроме того, кампания по борьбе с хулиганством, особенно в деревне, может повлиять на кампанию по перевыборам советов, так как аресты и задержания хулиганов в деревне могут наделать много шума. Его позицию поддержали А. Пачколин и В. Бранецкий. С учетом того, что в заседании приняли участие все «силовики», были определены первоочередные задачи и мероприятия<sup>1</sup>.

В соответствии с рекомендациями краевой прокуратуры во всех округах были проведены окружные совещания по борьбе с преступностью, проработаны и приняты конкретные планы и мероприятия кампании, разработаны совместные циркуляры окрпрокуратуры, окротдела ОГПУ и окрадмотдела. Так, подобный циркуляр в декабре 1926 г. был разослан всем участковым помощникам прокурора, районным и участковым уполномоченным ОГПУ и начальникам районных административных отделов Томского округа. В нем, в частности, отмечалось, что в связи с проводимой кампанией «все дела о бандитизме должны получить внеочередное движение», чтобы завершить расследование к установленному сроку. Указанные дела должны были быть изъяты из органов дознания и следствия и переданы для расследования соответствующему районному или участковому уполномоченному ОГПУ. Если «количество дел в каком-либо районе окажется большим, чем то, с которым может справиться наличный в данном районе аппарат ОГПУ, надо иметь в виду, что центр тяжести лежит не в том, кто будет производить расследование, а в том, чтобы это расследование было наиболее полным и закончено в срок. ... В этих случаях дела можно поручать расследованием и органам милиции и следователям, но с тем, чтобы... эти дела заканчивали вне всякой очереди, быть может и в ущерб другим уголовным делам».

Ответственность на исполнение циркуляра возлагалась персонально на лиц, коим он был адресован. Однако **«храниться настоящий циркуляр должен в самом секретном порядке и абсолютно никакому оглашению не подлежит, даже самым ближайшим сотрудникам»** (выделено мною. – В. У.)<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 70. Л. 2–3. В обзоре информотдела ОГПУ о политическом состоянии в СССР за сентябрь 1926 г. отмечалось, что в Сибири действовали только 7 банд (50 чел.). См.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 2. С. 453.

<sup>2</sup> ГАНО. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 24. Л. 7–9. Однако кампанейская политика не могла решить проблемы, она лишь на время приглушала её. Борьба с хулиганством постоянно находилась в перечне первоочередных задач, стоявших перед правоохранительными органами. И в начале 1930-х гг. вопросы борьбы с хулиганством регулярно поднимались в совместных циркулярах ПП ОГПУ, милиции и прокуратуры края (№ 3/24-с от 20.10.1931 г., 84/с от 9.07.1932 г. и др.). Так, в соответствии с циркуляром 84/с в городах и промышленных центрах края предлагалось усилить ночные разъезды кавалерийских взводов, обходы работников милиции районов, пораженных как преступностью, так и концентрацией преступного и хулиганствующего элемента. К ним были отнесены: пивные, лавки Центроспирта, площади, кино, театры, клубы и другие объекты. Предлагалось усилить работу по взиманию штрафов, организовывать показательные

Данный циркуляр представляет собой пример подзаконного акта, являющегося по своему содержанию прямым нарушением уголовно-процессуальных норм. Изъятие материалов у профессиональных сотрудников и передача их уполномоченным ОГПУ (непрофессионалам) изначально предполагали вынесение решений «по следствию», исходя из целей и задач проводимой в регионе кампании, с прогнозируемыми результатами.

В марте 1926 г. при Кузнецком окружном административном отделе было проведено совещание начальников Управления раймилиции округа, где вопросы борьбы с хулиганством заняли основное место. Выступивший на совещании начальник окротдела ОГПУ Коновалов, со ссылкой на выступление прокурора округа, отметил, что хулиганство – «это особый вид контрреволюции. Все, что направлено к нарушению революционной законности – имеет контрреволюционную почву»<sup>1</sup>. Анализируя подобное выступления, можно однозначно расценивать его как попытку придать хулиганским проявлениям политическую окраску, что давало органам милиции и ОГПУ возможность упрощения процессуальных действий и применения более суровых санкций к обвинявшимся в хулиганстве.

На майском (1926 г.) краевом совещании по борьбе с преступностью доклад по вопросу «О хулиганстве» делал зам. Полпреда ОГПУ края Б. Бак, содокладчиками выступили зам. начальника СКАО Мирошник и зам. краевого прокурора А. Пачколин. Докладчик подчеркнул, что «хулиганят, как свидетельствуют факты, бедняцкая молодёжь. Причина – в привычке бедняков к командованию в деревне в годы гражданской войны, а затем и на первых порах деревенского строительства (20 и 21 годы). Эта привычка... направила энергию деревенской бедноты на хулиганские выступления. Несмотря на это, характеристика, данная хулиганству ранее как проявлению контрреволюционной активности, остаётся в силе и сейчас, ибо через хулиганство по-прежнему действует деревенское кулачество, направляющее хулиганство по пути контрреволюционных выпадов»<sup>2</sup>. Не все были согласны с докладчиком, но не являлся ли этот посыл подтверждением сделанному выше предположению? Считаю, да, так как в выступлении А. Пачколина уже был поставлен вопрос о применении «внесудебной репрессии»<sup>3</sup>.

Следует заметить, что это было далеко не первое краевое совещание по борьбе с преступностью, на котором рассматривался вопрос о борьбе с хулиганством. Еще 12 февраля 1926 г. газета «Советская Сибирь» рассказала читателям о краевом совещании, где был рассмотрен всего один вопрос – «О борьбе с хулиганством и пьянством». Совещание констатировало, что деревня практически парализована хулиганством, кулачество активно использует хулиганствующий элемент в своих целях. Ответная реакция населения выражалась в

---

процессы общественно-производственных судов по фактам незначительного хулиганства рабочих и колхозников. Расследования по делам о злостном хулиганстве предлагалось заканчивать в течение 3 суток, а о ранениях и убийствах – за 5–8 суток. Интересен вывод – впервые, возможно, было подчеркнуто, что выполнение поставленных задач «вовсе не ограничивается проведением каких-либо временных, кампанийских мероприятий», они должны стать основной частью повседневной работы местных органов ОГПУ, РКМ, прокуратуры и суда. См.: ГАНУ. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 204. Л. 10–13. Но опять-таки главным застрельщиком этой работы был политический орган – ПП ОГПУ края.

<sup>1</sup> Там же. Д. 102. Л. 16 об.

<sup>2</sup> Там же. Д. 87. Л. 6.

<sup>3</sup> Там же. Л. 7.

организации самосудов, что также не способствовало стабилизации обстановки в сельской местности. Решение совещания сводилось к практическим рекомендациям: проводить дознания по делам о хулиганстве в течение 3–7 дней, дела разбирать в недельный срок, а рассмотрение дел организовать в Новосибирске, Омске, Томске, Барнауле и других крупных населенных пунктах в дежурных камерах. Кроме того, предполагалось проанализировать причины хулиганских проявлений, выявить возрастные группы и слои населения, подверженные этому антиобщественному явлению. В качестве первоочередной меры было решено немедленно применить новую редакцию ст. 176 УК (усиление репрессий за хулиганство)<sup>1</sup>.

Газеты были полны сообщениями о фактах хулиганства. Только за одну неделю февраля 1926 г. в газете «Советская Сибирь» было опубликовано 8 материалов по этой теме: «Шесть хулиганов на скамье подсудимых», «Мы деревнюшкой идем, окна хлещем, девок бьем», «Хулиганство в деревне растет», «Хулиганство пошло на убыль», «Борьба с хулиганством», «Против хулиганства» и др.<sup>2</sup>

Постановление Новосибирского окрисполкома от 18 февраля 1926 г. № 12 «О борьбе с пьянством, хулиганством и бесчинством на почве пьянства» предусматривало запрещение распития спиртных напитков, а также появление в нетрезвом состоянии в общественных местах. К виновным предполагалось применение штрафных санкций (до 300 рублей) либо направление на принудительные работы на срок до 3 месяцев и т.п.<sup>3</sup> Практика принятия подобных решений имела место и в других губерниях Сибири.

5 февраля 1927 г. прокурором края П. Алимовым в адрес прокурора республики под грифом «Совершенно секретно» был направлен отчет о ходе кампании. В качестве причин объявления Сибири «неблагополучной по бандитизму» он выделил следующие: огромные территории и отдаленность населенных пунктов друг от друга, в силу чего население не может быть своевременно и полно обеспечено милицейской помощью; слабая транспортная инфраструктура и недостаточность транспортных средств; загруженность народных судов уголовными делами; переполнение мест содержания заключенных (на 9 081 штатное место в ноябре 1926 г. приходилось 16 187 (цифра вписана от руки. – В.У.) чел.) и т.д., что в совокупности не позволяло быстро и своевременно осуществлять разбор дел в судебном порядке и полностью изолировать преступный элемент.

Наиболее пораженными преступностью назывались Минусинский (по 6 делам проходило 36 арестованных), Рубцовский (9 дел – 40 арестованных), Ачинский (19 дел – 60 арестованных) и Кузнецкий (5 дел – 37 арестованных) округа.

В краевую прокуратуру за период с 15 декабря 1926 г. по 1 февраля 1927 г. из ПП ОГПУ поступило 157 дел, 112 из которых (517 обвиняемых) были рассмотрены на 7 заседаниях особого уполномоченного ОГПУ по Сибкраю при участии краевого прокурора или его заместителя (вот они, будущие «двойки». – В.У.). Из

<sup>1</sup> Советская Сибирь. 1926. 12 февр.

<sup>2</sup> Там же. 16, 17, 19, 21, 23 февр.

<sup>3</sup> Там же. 21 февр.

указанного количества обвиняемых были приговорены к расстрелу 321, к заключению в концлагерь – 73, к высылке в Нарымский и Туруханский края – 59; на пятерых материалы были переданы для судебного рассмотрения, освобождено с прекращением дел 56 чел.

Рассмотрев достаточно подробно и конкретно суть примерно 20 наиболее серьезных бандитских проявлений, П. Алимов оценил кампанию с точки зрения её целесообразности и предоставления права внесудебной расправы как своевременную: «Эта мера дает возможность твердо и верно ударить по деревенскому бандитизму в деревне и задержать рост наиболее опасных видов его (погромы, издевательства над личностью и убийства, разбойные нападения, срыв общественных работ и т.п.) и в соответствии с этим предупредить... рост вооруженных налетов и ограблений»<sup>1</sup>.

11 марта 1927 г. П. Алимов направил в адрес прокурора Республики уже итоговые сведения о проведенной кампании за период с 15 декабря 1926 г. по 28 февраля 1927 г. За названный период в краевую прокуратуру поступило 291 дело, 214 из которых были согласованы и направлены на рассмотрение особого уполномоченного, 77 дел возвращены на доследование или для направления в суд. Из числа согласованных дел 191 имело непосредственное отношение к бандитизму, а 23 – к хулиганству. Наибольшее количество дел поступило из Ачинского (40), Иркутского (33), Кузнецкого (22), Бийского (24) и Хакасского (20) округов. Общее число обвиняемых составило 1 078 чел. (в ходе первой кампании их было 1 632. – В.У.), из них 466 были расстреляны, 405 осуждены к заключению в концлагерь, 98 – к ссылке, освобождено (по заключению прокуратуры) 102, на пятерых дела были переданы в суд и двое находились в бегах<sup>2</sup>. К высшей мере наказания – расстрелу – были приговорены 43% обвиняемых. При вынесении приговора о направлении в концлагерь «тройка», как указано в отчете, учитывала не только степень опасности совершенного деяния и социальное положение обвиняемого, но и невозможность быстрой доставки осужденного к месту ссылки в зимнее время, а также целесообразность использования трудоспособного контингента на лесных разработках в концлагере.

Статистика применения к осужденным высшей меры наказания в период проведения кампании по борьбе с бандитизмом в 1926–1927 гг. приведена в табл. 2. По сравнению с кампанией 1925–1926 гг. число расстрелянных уменьшилось на 42,1%. Число расстрельных приговоров выросло в Новониколаевском, Рубцовском, Томском, Каменском и Кузнецком округах, во всех остальных оно сократилось.

Выводы о целесообразности проведения кампании изменений не претерпели. В качестве нового Алимов добавил следующее: «Крайпрокуратура прекрасно понимает все отрицательные стороны внесудебного порядка рассмотрения дел вообще и прежде всего в смысле неизбежности, может быть, персональных ошибок при определении виновности того или иного лица, но поскольку возможно в такой спешке мною принимались все меры к проверке доказательности обвинения и направлению более или менее верных с уликовой стороны дел, чем и объясняется значительный процент несогласования.

<sup>1</sup> См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 152. Л. 54, 56.

<sup>2</sup> Там же. Л. 129, 133.

В процессе проведения кампании наметились некоторые общие выводы о недостаточной еще подготовленности нашего следственно-дозначеского аппарата, безусловной волоките и медленности судебного процесса и слабости охраны в местах заключения особо опасных преступников.

В связи с этим с моей стороны будут приняты практические меры к устранению указанных ненормальностей»<sup>1</sup>.

Таблица 2

Статистика применения высшей меры наказания к осужденным в период кампании по борьбе с бандитизмом в Сибирском крае с 15.12.1926 г. по 28.02.1927 г.

Округ	Количество приговоров		% к общему числу расстрелянных	% расстрелянных в отношении к кампании 1925–1926 гг.
	Бандитизм	Хулиганство, бандитизм		
Новониколаевский	65		15,15	+ 32,7
Рубцовский	41		9,56	+ 24,2
Минусинский	33	5	8,86	– 9,5
Иркутский	30		7,0	– 80,9
Барнаульский	28	2	7,0	– 51,6
Томский	27		6,29	+ 28,6
Каменский	24	13	8,62	+ 85,0
Ачинский	24	2	6,06	– 50,0
Хакасский	21		4,9	– 66,1
Бийский	18	10	6,53	– 58,8
Красноярский	17		3,96	– 71,2
Кузнецкий	16	13	6,76	+ 52,6
Канский	11	1	2,8	– 55,6
Омский	10	6	3,73	– 44,8
Тулунский	3	3	1,4	
Тарский	2		0,46	
Барабинский	1		0,23	– 85,7
Славгородский		3	0,7	
<b>Итого</b>	<b>371</b>	<b>58</b>		

Источник: Материалы отчета П. Алимова (Л. 133 об.). Но в этом же деле (Л. 163) имеется список лиц, приговоренных к ВМН по делам, прошедшим по Томскому округу (35 чел.). Десять последних фамилий внесены в список от руки. Кроме того, по списку арестованных, расстрелянных по постановлению «тройки» при особом уполномоченном по борьбе с бандитизмом при ПП ОГПУ по Сибири, значатся 465 фамилий, из них девять внесены от руки (Л. 147–150). См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 152.

Редкий случай, когда прокурор признал слабые места в работе прокуратуры. Обычно критика доставалась милиции и уголовному розыску, реже – органам ОГПУ на местах.

Результаты борьбы с бандитизмом были рассмотрены и на бюро Сибкрайкома ВКП(б), где были одобрены. С докладом по данному вопросу выступил Б. Бак. В постановлении отмечалось, что оно «целиком и полностью подтверждает своевременность и необходимость проведенных мероприятий». Были отмечены положительные результаты и «оздоровляющее влияние, которое оказала борьба с бандитизмом в деревне, в смысле поднятия авторитета власти, предупреждения

<sup>1</sup> См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 152. Л. 134.

начавшихся самосудов», а также предложено разработать практические рекомендации по борьбе с хулиганством и работе судебно-следственных органов, которым предлагалось дать директиву о проведении жёсткой карательной политики в отношении уголовного бандитизма и в дальнейшем.

В ходе этой кампании, возможно, впервые возникла проблема информирования родственников о судьбах расстрелянных. 4 марта 1927 г. на имя прокурора Сибири поступила срочная секретная телеграмма от прокурора Ачинского округа Г.Н. Митбрейта, который сообщал, что на его имя «поступают заявления от родственников расстрелянных бандитов во время проведения кампании по борьбе с бандитизмом, которые указывают на то, что в Ачинском исправтруддome их заключенных родственников нет, и просят о выдаче справок о месте нахождения последних».

Беспокойство Митбрейта было обоснованным, так как директивой по линии ОГПУ проведение расстрелов в период кампании по борьбе с бандитизмом объявлению не подлежало вообще. В связи с этим ачинский прокурор и просил совета.

Решение этого вопроса оказалось делом непростым. Только 25 марта исполнявший должность прокурора Сибири А. Пачколин направил под грифом «Совершенно секретно. Лично» прокурорам всех округов телеграмму с разъяснениями, в которой говорилось, что в случае запроса справок о судьбах арестованных родственников **«можно объявлять только лично и устно, никаких же письменных справок выдавать не полагается»** (выделено мною. – В.У.). Справки должен был выдавать подотдел ЗАГСa, в который через местные административные отделы были переданы соответствующие разъяснения Центра<sup>1</sup>.

По прошествии еще 3 месяцев (30 июня 1927 г.) помощник крайпрокурора Петровский направил в ПП ОГПУ края секретное письмо с просьбой дать распоряжение окротделам ОГПУ о необходимости своевременной передачи в отделы ЗАГСов информации о расстрелянных на случай обращения родственников последних, «дабы избежать лишних обращений просителей в краевые органы, создающих излишнюю и ненужную переписку»<sup>2</sup>. Данный порядок участия органов ОГПУ в решении проблемы был определен прокуратурой при ОГПУ.

Мне не довелось видеть записи ЗАГСов по описанному случаю, но нет сомнений, что информации о расстрелах в этих справках не было. До 90-х гг. XX в. все ЗАГСы обязаны были выдавать справки о смерти лиц, пострадавших в период репрессий в годы советской власти, с вымышленными причинами смерти. Необходимые приказы по линии НКВД–КГБ СССР имелись.

Еще одним поводом для розыска арестованных родственниками во время кампании борьбы с бандитизмом могли стать случаи обнаружения, в частности на р. Оби, в Томском и Новосибирском округах трупов с перевязанными за спиной руками телефонным проводом и огнестрельными ранениями в голову. В ходе расследования было установлено, что это трупы расстрелянных в кампанию и, очевидно, не похороненных. Организация расследования с целью выявления виновных результатов не дала<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 152. Л. 145, 151.

<sup>2</sup> Там же. Л. 207.

<sup>3</sup> См.: Отчёт прокурора Сибири о наблюдении за органами ОГПУ по Сибири за 1-е полугодие 1927 г. // Там же. Д. 135. Л. 16–17. Вопросы с захоронением трупов репрессированных доставляли «хлопоты» органам НКВД и в годы «Большого террора». Бывший сотрудник 3-го отдела УГБ УНКВД по



Вернемся к событиям 1927 г. Кампания по борьбе с бандитизмом завершилась 28 февраля только официально. На самом же деле практически весь 1927 г. был посвящен борьбе с бандитизмом. Однако власть, даже с использованием жесточайших репрессий, не смогла решить эту проблему. Полпред ОГПУ по Сибкраю Л. Заковский в информации в президиум Сибкрайисполкома отмечал, что по окончании кампании оставались не ликвидированными 4 банды численностью 15 чел. А в июле число банд уже возросло до 24 с численностью 158 участников. Ликвидировано же за этот период времени было только 3 банды, убиты 7 и пойманы 14 бандитов<sup>1</sup>. По заключению и.о. краевого прокурора Куприянова, «аппарат ОГПУ в общем и целом справился с кампанией удовлетворительно, исключая разве моменты чрезмерности репрессий в некоторых случаях»<sup>2</sup>.

Наряду с ростом численности банд шло и повышение их активности – участились случаи крупных грабежей и налетов, были зафиксированы попытки организации крушения пассажирских поездов. Бандиты были вооружены винтовками, револьверами и гранатами. В целом ряде документов тех лет, где речь шла о вооружении банд, употреблялся термин «великолепно вооружены». Примеры наиболее дерзких налетов и ограблений привели зам. Полпреда ОГПУ по Сибкраю Б. Бак в докладной записке на имя председателя ОГПУ В. Менжинского и начальник СКАО Мирошник в докладе на состоявшемся 1 сентября 1927 г. совещании по борьбе с бандитизмом. Следует отметить, что доклад Мирошника представлял собой качественно подготовленный документ аналитического характера на 29 листах с таблицами и приложениями<sup>3</sup>.

Результатом этого совещания, видимо, следует считать направление во все окр. адм.отделы и окротделы ОГПУ края совместно подготовленного и утвержденного циркуляра № 18/цс/9444 от 5 сентября 1937 г. о необходимости избегать несогласованных оперативных действий уголовного розыска и органов ОГПУ по борьбе с бандитизмом. Циркуляр разъяснял, что «ответственность за руководство борьбой с бандитизмом лежит, главным образом, на угрозыске», и рекомендовал избегать параллелизма в работе, указывая на необходимость взаимоинформирования угрозыска и окротдела ОГПУ<sup>4</sup>.

Согласно статистическим данным, в первом полугодии 1927 г. по сравнению с первым полугодием 1926 г. проявлений бандитизма стало больше на 14,6%, а грабежей – на 21,8%.

---

Новосибирской области Ю. Берман в 1939 г. показал на допросе, что в Прокопьевске «колхозники нашли ямы (с расстрелянными. – В.У.) и подняли целый скандал...». См.: Архив УФСБ РФ по Новосибирской области. Д. 18477 о/ф. Т. 7. Л. 342. И это несмотря на проведение обстоятельного инструктажа о порядке захоронения расстрелянных, сделанный руководством УНКВД накануне организации и проведения «массовой операции» на оперативном совещании руководителей оперативных подразделений УНКВД.

<sup>1</sup> Информация ПП ОГПУ Сибкрая Л. Заковского в Сибкрайисполком. См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 152. Л. 221.

<sup>2</sup> Там же. Д. 135. Л. 18.

<sup>3</sup> Протокол (гриф «Совершенно секретно») краевого совещания по борьбе с бандитизмом от 1 сентября 1927 г. См.: Там же. Д. 131. Л. 14–29.

<sup>4</sup> Там же. Д. 126. Л. 145.

Постоянное увеличение численности бандитов происходило за счет заключенных, бежавших из мест заключения либо досрочно освобожденных. В 1926 г. из мест заключения бежали 947 чел., а в первом полугодии 1927 г. – 364 чел. Кроме того, из числа досрочно освобожденных были осуждены: за убийства – 1 179 чел., хулиганство – 2 247, разбой и грабежи – 85, конокрадство и квалифицированные кражи – 578, прочие преступления – 3 039, т.е. всего 6 499 чел. Из них две и более судимостей имели 446 чел. Процент бежавших из мест заключения к числу активных участников банд составил 43,47%<sup>1</sup>.

Анализ переписки партийно-советских и правоохранительных органов осенью 1927 г. однозначно свидетельствует, что предпринимались все возможные меры по объявлению Сибири в очередной раз «неблагополучной по бандитизму»; в частности, руководящими сибирскими органами вопрос об этом был поставлен перед правительством страны<sup>2</sup>. Что касается действовавших на территории Сибири банд, то данные разнятся. Так, в докладе Мирошника (01.09) указывались действующими 14 банд с 69 участниками (в записке зам. ПП ОГПУ по краю Б. Бака – «14 банд, активных насчитывается до 100 чел.», из них на территории Западной Сибири – 6 и 32 соответственно), а в циркуляре Сибкрайсуда и крайпрокурора № 18/4/с от 25.08.1927 г. речь велась о 24 бандах численностью 158 чел. По данным Н. Гущина, к моменту постановки вопроса об объявлении Сибири «неблагополучной по бандитизму» на территории Сибири действовала 31 банда. Среди участников этих банд насчитывалось 90 рецидивистов, 14 участников бывших политических бандитских формирований и еще 42 «прочих лица». Действия их носили преимущественно уголовный характер, но фиксировались и случаи политического бандитизма<sup>3</sup>.

Объяснить эти расхождения сложно, так как не указаны источники получения информации о действовавших бандах, её достоверность и т.д., хотя и М.В.Кожевников, и А.М. Пачколин, подписавшие циркуляр, участвовали в совещании 1 сентября и даже выступали в прениях.

Эти обстоятельства, наряду с ростом террористических проявлений со стороны кулачества, о фактах которых сибирское руководство регулярно информировало Москву, дали СНК РСФСР право в ноябре 1927 г. в очередной раз объявить Сибирь «неблагополучной по бандитизму» сроком на 3 месяца. Но еще до начала очередной кампании по борьбе с бандитизмом были развернуты подготовительные мероприятия. Уже 20 сентября за подписью и.о. крайпрокурора Сибири Куприянова всем окрпрокурорам Сибири и прокурору Ойротской автономной области было направлено указание, в котором отмечалось: «В целях избегания ошибки прошлой кампании (когда большинство главарей банд скрылось от наказания) ПП ОГПУ дало директиву органам ОГПУ немедленно сейчас же приступить к подготовительной работе по выявлению всех бандитов (главным обра-

<sup>1</sup> Протокол краевого совещания по борьбе с бандитизмом от 1 сентября 1927 г. См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 131. Л. 14 об., 17 об.

<sup>2</sup> Информация крайпрокурора всем прокурорам Сибкрая и Ойротской автономной области от 20 сентября 1927 г. и доклад заместителя ПП ОГПУ по Сибкраю Б. Бака председателю ОГПУ В. Менжинскому [сентябрь 1927 г.]. См.: Там же. Д. 128. Л. 12; Д. 143. Л. 96–99.

<sup>3</sup> Там же. Д. 131. Л. 16 об.; Д. 128. Л. 1; Д. 143. Л. 97; *Гущин Н.Я.* Сибирская деревня на пути к социализму. Новосибирск, 1973. С. 183.

зом главарей) и их пособников и **к 10 октября** произвести аресты их... О произведённых арестах к 15 октября сообщить краткой докладной запиской»<sup>1</sup>.

Следует заметить, что после амнистии по случаю 10-летней годовщины революции на свободу вышли около 60 тыс. чел.<sup>2</sup> Безусловно, подобная практика ликвидации бандитизма должных результатов не давала и не могла дать – проведение отдельных кампаний могло только «приглушить болезнь». Большинство причин уже названо, но основная, на мой взгляд, крылась в плоскости социально-экономических проблем развития советского государства (табл. 3)<sup>3</sup>.

Таблица 3

**Количество зарегистрированных бандитских формирований в Сибири в 1923–1929 гг. и число совершенных ими преступлений**

Год	1923	1924	1925	1926	1927	1928	1929	Всего
Количество банд	17	4	20	25	31	18	58 (с учетом грабительских шаек)	173
Число совершенных преступлений (бандитизм)	Сведений нет	377	366	175	206	67	456	1 647

*Источник: Угроватов А.П. Красный бандитизм в Сибири (1921–1929 гг.). Новосибирск, 1999. С. 187–188.*

Некоторое уменьшение количества банд и совершенных ими преступлений в 1928 г. компенсировалось увеличением числа контрреволюционных преступлений – с 71 и 146 в 1926 и 1927 гг. до 364 в 1928 г. (рост в 5 и 2,5 раза соответственно). Вполне возможно, многим уголовным преступлениям придавали политическую окраску, чтобы показать результаты работы и сложность оперативной обстановки, когда «враг» активно сопротивлялся, вставая на путь «прямой контрреволюции».

5 октября 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР вновь объявили в Сибири трехмесячник по борьбе с бандитизмом. Основная причина принятия такого решения – активизация «кулацких» банд. Во второй половине 1929 г. в Сибирском крае было ликвидировано 15 кулацких организаций (145 членов) и 140 контрреволюционных группировок (1 089 чел.). За 9 месяцев 1930 г. зафиксировано 880 случаев организации банд, а за период с 1 февраля по 10 марта 1930 г. «органы советской власти разоблачили и ликвидировали в Сибири 19 повстанческих контрреволюционных организаций и 465 кулацких антисоветских группировок, в которых

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 128. Л. 12.

<sup>2</sup> Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С. Указ. соч. С. 24.

<sup>3</sup> По другим данным, в 1925–1930 гг. в Сибири была ликвидирована 1 231 банда (1925 г. – 20, 1926 г. – 25, 1927 г. – 31, 1928 г. – 67, 1929 г. – 456, 1930 г. – 632). См.: ГУВД Кемеровской области... С. 157. Н.Я. Гуцин, со ссылкой на материалы ГАНО, приводит данные, что в 1928 г. возникло 67 банд, а в 1929 г. – 456. См.: Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 200. Увеличение количества банд в 1929 и 1930 гг. связано, на мой взгляд, не с ростом уголовной преступности, а с сопротивлением населения политике государства в сельском хозяйстве. Государству было легче и удобнее объяснять проводимые против крестьянства репрессии борьбой с бандитизмом. Замечу, что данные Угроватова о числе совершенных преступлений в 1928–1929 гг. совпадают с данными вышеприведенных источников о **количестве банд** в эти же годы.

состояло свыше 4 тыс. кулаков»<sup>1</sup>. Насколько они действительно были контрреволюционными, можно только предполагать. Сложно выделить и уголовную составляющую, выгоднее было ликвидировать политические «банды», тем более что в стране сместились акценты в связи с «обострением классовой борьбы».

Следует отметить, что ПП ОГПУ по Сибири в ходе выполнения директивы ОГПУ № 72 от 10 апреля 1929 г. «Об изъятии оружия в деревне» только за март 1929 г. по краю было изъято 546 винтовок, 57 обрезов, 478 револьверов разных систем, 27 гранат и 2 пулемета<sup>2</sup>.

Анализ многочисленных архивных материалов, в том числе и документов ФСБ и МВД, показывает, что в Сибири преобладал бандитизм преимущественно уголовного характера. Политический бандитизм, направленный на борьбу с советской властью, развития не получил и был представлен небольшим числом вооруженных отрядов, возглавляемых бывшими офицерами – Олиферовым, Зиновьевым и др. Хотя, по данным полпреда ВЧК по Сибири И.П. Павлуновского, из 20 захваченных и убитых в 1921 г. главарей крупных банд все оказались бывшими офицерами в чинах от младших офицеров до полковников<sup>3</sup>.

Действия этих формирований в силу их малочисленности и отсутствия организующего начала (разрозненности) чаще всего не преследовали чисто политических целей и во многом носили уголовный характер. В отчете Прокурору Республики о деятельности прокуратуры за 1-е полугодие 1924 г. констатировалось: «Белобандитизм, который имел место в прошлом в пределах Енисейской губернии и Ойротской области, почти окончательно ликвидирован»<sup>4</sup>. В последующих отчетах этот термин больше не употреблялся. В большей степени политический бандитизм проявлялся в форме преступлений, совершаемых бывшими партизанами, членами РКП(б), сотрудниками милиции и чекистского аппарата по отношению к так называемым контрреволюционерам. Подобное проявление получило название «красный бандитизм».

В первые годы после освобождения Сибири от колчаковщины к числу политических бандитов большевистским руководством Сибири была отнесена часть бывших партизанских командиров, которые, не будучи согласными с проводимой большевиками политикой, пытались бороться с советской властью путем вооруженных выступлений (в советской истории их называли мятежами). К мятежникам власть причислила партизанских командиров Рогова, Новосёлова, Леонова, Лубкова и др. Их действия были обречены на провал, так как часто выступления носили «местечковый» характер, были разрозненными, немногочисленными, без четких целей и задач. Однако борьба с ними велась с применением воинских частей и вооруженных коммунистических формирований. Партийно-советскому руководству было выгодно представлять этих борцов с режимом простыми бандитами, чтобы дискредитировать в глазах населения. С другой стороны, такая позиция позволяла власти без соблюдения правовых норм беспощадно расправляться с ними.

<sup>1</sup> Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 200, 417.

<sup>2</sup> Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 2. С. 924, 1083.

<sup>3</sup> Абраменко И.А. Коммунистические формирования – части особого назначения (ЧОН) Западной Сибири (1920–1924 гг.). Томск, 1973. С. 199.

<sup>4</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 18. Л. 12.

По мере уменьшения числа протестных проявлений менялись формы и методы борьбы с ними. Чаще использовались методы оперативного внедрения в отряды «мятежников» сотрудников чекистских органов, которые должны были выявлять связи и контакты «бандитов», решать вопросы физического устранения руководителей. Так, в Мариинском уезде внедрение в банду Лубкова сотрудников-чекистов позволило физически устранить главаря и полностью ликвидировать это формирование. Все эти методы признавались законными, и губернские прокуроры включали информацию о подобной деятельности в свои отчеты. Например, прокурор Иркутской губернии в отчете о деятельности прокуратуры за второе полугодие 1924 г. писал: «Банда Бакланов[а] – Ершова и группа Сено-трусова ликвидирована оперативно секретным порядком. Таким же порядком убит главный помощник [бандита] Развозжаева банд[ит] Ушаков и ряд участников»<sup>1</sup>. Эти же методы были использованы чекистами Енисейской губернии при уничтожении банды Виноградова, отличавшегося особой жестокостью, и Соловьёва, действовавшего в Ачинско-Минусинском районе<sup>2</sup>.

К середине 1920-х гг. власть все чаще характеризовала деятельность «политических» бандитов уже как «уголовно-политическую». Об этом, в частности, велась речь в циркуляре (с грифом «Совершенно секретно») Сибкрайадмтдела № 16/ЦС от 22 декабря 1925 г. «О порядке ведения агентурных дел о бандитизме и отчетности по ним», направленном во все областные, губернские и окружные отделы уголовного розыска<sup>3</sup>. Однако с конца 1926 г. партийно-советское руководство начинает выделять в бандитских проявлениях политическую составляющую, например при организации кампании по борьбе с бандитизмом и хулиганством в декабре 1926 г. Борьба с бандитами предполагала защиту совработников и советского аппарата, недопущение хулиганских проявлений в учреждениях культуры, на собраниях и митингах, а также совершения «прочих преступлений, направленных против советской общественности»<sup>4</sup>, совершаемых из хулиганских побуждений. А с 1928 г. политическая окраска придавалась многим уголовным преступлениям.

Например, в сентябре 1930 г. прокурор ЗСК Бурмистров направил в адрес всех городских и участковых прокуроров указание, в котором констатировался «рост бандитско-повстанческой, террористической и вредительской деятельности кулацко-белогвардейских контрреволюционных элементов», главным образом в деревне. Только за три летних месяца было зарегистрировано более 180 случаев террора, поджоги совхозного и колхозного имущества (сена, зернохранилищ, машинных сараев) – более 60 случаев, убийств активных советских работников – 18 и т.д.

Отмечалось, что основной базой контрреволюционной террористической деятельности является бежавшее кулачество. Краевая прокуратура, в связи

<sup>1</sup> См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 21. Л. 54.

<sup>2</sup> Становление органов безопасности в Сибири... С. 197.

<sup>3</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 10. Л. 12–13.

<sup>4</sup> См.: Уйманов В.Н. Пенитенциарная система...

с имевшейся по этому поводу директивой ПП ОГПУ по линии окротделов ОГПУ, практически стала организатором борьбы с бегством кулачества, давая установку, что все руководство сосредоточивалось в органах ОГПУ с привлечением аппаратов милиции и уголовного розыска, а также «...2. Периодически устраивать облавы на линии железной дороги: на станциях, небольших станциях и полустанциях. 3. Организовать из сельского актива заставы на дорогах. 4. В местах кулацких поселений комендатурой ввести круговую поруку за побег с посёлков...»<sup>1</sup>.

Таким образом, надзорный орган с правами контроля деятельности органов власти и их структур отдавал указания на целый ряд незаконных действий, тем самым придавая им легитимность. Хотя сложно согласиться, что месть озлобленных крестьян носила политический характер и была направлена против устоев государства. Позиция же государства была иной.

Для решения проблемы ликвидации бандитизма требовались существенные изменения социально-экономической ситуации в стране, повышение благосостояния и культуры населения, чего большевистское руководство страны обеспечить не могло. Что касается деятельности правоохранительных органов, то здесь проблем было не меньше. Необходимо было повышать образовательный уровень и профессиональную подготовку сотрудников «органов», включая руководителей, ликвидировать текучесть кадров вследствие низкого уровня материального обеспечения, организовать подбор новых сотрудников, развивать материально-техническую базу и многое другое.

Государство не имело возможности быстро решить эти вопросы, впереди были другие грандиозные преобразования. У власти появились новые противники. А в официальных документах изменилась даже терминология: «бандитские проявления» сначала стали «кулацко-бандитскими», а затем просто «кулацкими» либо «антисоветскими». Уголовный элемент отошел на второй план, он даже стал социально ближе, чем многомиллионные массы трудового крестьянства («кулачества») и рабочих-«вредителей».

На протяжении целого десятилетия бандитизм оказывал серьезное влияние на оперативную обстановку в Западной Сибири. Даже по прошествии времени сложно выделять чисто уголовную его составляющую, ведь в числе «бандитов» было немало людей, которые не могли и не хотели мириться с установившимся в стране режимом. Будучи в силу различных объективных и субъективных факторов разобщенными, они невольно в борьбе с этим режимом скатывались к простой уголовщине. С началом социалистических преобразований на селе любое антисоветское выступление официально объявлялось «бандитским» или «кулацко-бандитским».

### 1.3. «Красный бандитизм»

В конце 1920 – начале 1921 г. в информационных сводках чекистских органов все чаще и чаще стала появляться информация, что враждебность населения к советской власти вызвана, в частности, партизанским террором: «...террор воз-

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 198. Л. 31.

ник на почве Октябрьской амнистии, согласно которой были освобождены контрреволюционеры и приверженцы таковых, это подтверждают разговоры всех комячеек»<sup>1</sup>. Дело в том, что Постановлением ВЦИК РСФСР была объявлена амнистия по случаю 3-й годовщины Октябрьской революции, согласно которой освобождению подлежали лица, совершившие преступления против советской власти до 7 ноября 1920 г. Предполагалось:

- а) полное освобождение от всех наказаний, не сопряженных с лишением свободы, наложенных судебными и административными органами;
- б) досрочное освобождение из мест заключения с переводом на принудительные работы;
- в) сокращение срока наказания.

Революционные трибуналы должны были пересмотреть списки осужденных: к пожизненному заключению (с заменой на срочное) либо до окончания Гражданской войны (с освобождением или установлением конкретных сроков). Приговоры к высшей мере наказания, не приведенные в исполнение до 7 ноября 1920 г., следовало пересмотреть с целью выяснения возможности смягчения наказания. Органы ВЧК должны были пересмотреть списки заложников и военнопленных Гражданской войны и освободить тех, содержание которых не вызывалось крайней необходимостью<sup>2</sup>.

Гуманные действия советской власти вызывали недоумение населения. Ведь еще недавно с этой «контрой» приходилось сражаться «не на жизнь, а на смерть». Бывшие партизаны считали, что коммунисты и советская власть их предали, если милуют «контрреволюцию». Нельзя забывать, что наиболее проверенные из партизан (примерно 40–45 тыс. чел.), пройдя фильтрацию, в конце 1919 – первой половине 1920 г. были призваны в Красную армию. Другая часть влилась в формируемые войска внутренней охраны (ВОХР). На середину мая 1920 г. в Западно-Сибирском секторе было сформировано 17 батальонов ВОХР с числом в 7 450 красноармейцев, в Восточно-Сибирском – 2 551 красноармеец<sup>3</sup>.

Значительная часть бывших партизан осела в милиции (55% от всего личного состава) и ЧК на местах. Многие были заражены духом «вольности и анархизма», имели собственное мнение о происходивших событиях. И. Курышев считает, что «среди сибирских партизан выделялся мощный слой маргиналов со всеми характерными для него личностно-психологическими чертами (внутренним напряжением, эгоцентричностью, честолюбием и агрессивностью)»<sup>4</sup>. Нельзя забывать и ту часть бывших партизан, кто вернулся домой и занялся мирным тру-

<sup>1</sup> См.: ГАТО, Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 100. Л. 45.

<sup>2</sup> См.: Там же. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

<sup>3</sup> Ларьков Н.С. Руководство Коммунистической партии процессом объединения сибирских партизан с Красной Армией // Партийные организации Сибири и Дальнего Востока: история и современность. Томск, 1991. С. 57–58.

<sup>4</sup> Курышев И.В. Повстанческо-партизанское движение в Западной Сибири в годы Гражданской войны (1918–1922 гг.): к вопросу о нравственно-психологическом облике участников // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и Гражданской войне (1905–1921 гг.): сб. науч. статей. Омск, 2006. С. 143.

дом. Эта группа наиболее остро воспринимала различного рода притеснения со стороны советской власти на местах. Многие из командиров двух последних групп, привыкнув вершить судьбы, казнить или миловать, по окончании Гражданской войны оказались не у дел, а по этой причине достаточно легко вскакивали в седло и хватались за оружие при каждом удобном случае в отместку за «обиды», нанесенные советской властью. Часто именно они вставали во главе крестьянских антибольшевистских выступлений либо присваивали себе права органов следствия и суда, тогда начинали возобладать бандитские понятия и представления о справедливости. Не случайно к таким «борцам за справедливость» часто примыкали участники уголовных банд (для решения своих проблем), бывало и наоборот.

В силу сложившихся социальных условий в Сибири во многих руководящих органах советской власти и РКП(б) на местах численно преобладали выходцы из крестьянской среды, так как промышленные предприятия в основном были сконцентрированы вдоль Транссибирской магистрали (накануне революции на промышленных предприятиях Сибири было занято 163 тыс. рабочих; крупнейшим центром являлся г. Омск – 2 000 металлургов, 4 000 железнодорожников, 2 000 речников, 600 ткачей, 1 100 грузчиков; в Кузбассе насчитывалось около 10 000 шахтеров; относительно крупными городами были Томск, Новониколаевск, Барнаул, Тюмень, где было по несколько тысяч рабочих. Остальные города, по оценке В. Шуклецова, напоминали крупные села с наличием сельского хозяйства, кустарных промыслов, торговли, извоза и т.п.)<sup>1</sup>. Эти руководители активной борьбой с колчаковцами доказали готовность служить победившим Советам, но, к сожалению, опыта и знаний (как общих, так и правовых) у большинства из них было недостаточно, а многие вообще были неграмотными. Необходимо учитывать и то, что законодательная база в стране находилась в стадии формирования, и лишь немногие, преимущественно правоведа, могли разбираться в ней, грамотно применять на практике. Все это и привело к тому, что пользоваться «кнутом» было гораздо легче, чем «пряником».

Однако взяв в руки «кнут», эти руководители уже не останавливались в желании утолить чувство вседозволенности и мести, не надеясь на власть. Самосуды над «контрреволюционерами» стали нормой жизни, уж слишком много накопилось обид за прошлое. Именно с такой формы расправы «красный бандитизм» и начался как массовое явление в Сибири, особенно в сельской местности. По своей сути «красный бандитизм» – форма протеста против действий (бездействия) власти. Таковым он и являлся на начальном этапе. Позднее в число жертв стали попадать и представители власти, не соответствовавшие своему положению по прошлому, в том числе и политическому, образу жизни, поведению и т.п.

Необходимо заметить, что активными распространителями «красного бандитизма» стали вооруженные формирования, в том числе и кадровые части Красной армии, которые активно привлекались для подавления всплеск крестьянского сопротивления и борьбы с уголовно-партизанскими бандами. Об этом,

---

<sup>1</sup> Шуклецов В.Т. Сибиряки в борьбе за власть Советов... С. 15.



в частности, пишут В.П. Булдаков и А.А. Зданович<sup>1</sup>. В Сибири, например, при подавлении сопротивления банд в Горном Алтае фиксировались многочисленные случаи самосудов над «кулаками» и «бандитами», мародерства, незаконной конфискации фуража, продуктов питания, имущества крестьян и т.д., чему в немалой степени способствовала низкая дисциплина в воинских частях и отрядах ЧОН. Зафиксированы случаи убийства алтайцев во время допросов за незнание русского языка. Весной 1922 г. Семипалатинский 1-й коммунистический полк «истребил 4 000 пудов сена, захватил последних лошадей, таратайки, упряжь, седла, колосл дойных и стельных коров, телят, отнимал деньги у жителей, захватил соль... изнасиловал 4 женщин... зарубил трех малолетних детей 6, 11 и 14 лет... старика 73 лет и восемь взрослых мирных калмыков»<sup>2</sup>. Ситуации, подобные описанной, были в начале 1920-х гг. явлением повсеместным, в частности, в период подавления Западно-Сибирского восстания 1921 г., на Алтае и в других районах Сибири.

«Красный бандитизм» был распространен не только в Западной Сибири. Так, в январе 1921 г. газета «Красноярский рабочий» опубликовала статью В. Итина «Дело 128 коммунистов»<sup>3</sup>. 24–26 декабря 1920 г. в г. Канске состоялось заседание выездной сессии Енисейского губернского ревтрибунала, на которой было рассмотрено дело по обвинению 128 членов РКП(б). Впервые судили не врагов советской власти, а тех, кто олицетворял её. Решение о проведении показательного процесса принял Енисейский губком РКП(б). Дело в том, что уездным политбюро была «выявлена контрреволюционная организация, готовая поднять восстание против советской власти»<sup>4</sup>, возглавляемая бывшим подполковником-

<sup>1</sup> Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. 2-е изд., доп. М., 2010; Зданович А.А. Органы госбезопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК–ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934 гг.). М., 2008.

<sup>2</sup> Иванова Н.Ю. Силовые структуры раннесоветского режима и народно-повстанческое движение в Горном Алтае 1920–1922 гг.: особенности противостояния // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и Гражданской войне (1905–1921 гг.): сб. науч. статей. Омск, 2006. С. 231–232.

<sup>3</sup> Красноярский рабочий. 1921. 7 янв. Пафос статьи – партизаны после победы никого из противников не тронули, осудив их условно. Когда же последние нарушили «это молчаливое соглашение, суровый приговор вступил в законную силу».

<sup>4</sup> Кавычки поставлены не случайно. В. Итин в статье ведет речь о банде в 150 чел., имевшей на вооружении 75 винтовок, бомбы и другое оружие (эти данные приведены в приговоре ревтрибунала. См.: ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 188. Л. 11). Но В. Шишкин приводит аргументы, которые заставляют задуматься о реальности существования контрреволюционной организации: неполнота и односторонность материалов следствия, отсутствие документов, подтверждавших наличие организации и конкретные действия по подготовке вооруженного выступления со стороны «контрреволюционеров», и т.п. См.: Шишкин В.И. Красный бандитизм в Сибири // Советская история: проблемы и уроки. Новосибирск, 1992.

Автору, лично принимавшему участие в работе по реабилитации, пришлось просмотреть в архивах сотни уголовных дел тех лет. И практически во всех присутствовали моменты, когда «революционное правосознание», а не законы определяли судьбы людей, доказательства не требовались.

Следует заметить, что для первых лет советской власти **показательные** процессы являлись постоянной практикой. Например, в сентябре–октябре 1919 г. в г. Балашове состоялся политический процесс над одним из известных военачальников Красной армии Ф.К. Мироновым. За невыполнение приказа вместе с ним суду были преданы 430 чел., в том числе 28 членов РКП(б), обвиняемых в организации «контрреволюционного мятежа». Чрезвычайным трибуналом 11 «главных» виновников были приговорены к расстрелу, а остальные – к разным срокам лишения свободы. Вынося приговор о расстреле, трибунал одновре-

колчаковцем Поповым. Но каких-либо превентивных мер со стороны чекистов предпринято не было. Поэтому когда на юге уезда началось вооруженное выступление против советской власти и основная часть местных вооруженных формирований была переброшена туда, оставшиеся коммунисты с целью предупреждения восстаний в селах Рождественском и Шеломках в ночь на 8 ноября произвели аресты 42 участников «контрреволюционной организации».

Однако в эту же ночь на Шеломки напала банда численностью до 40 сабель, и в ходе завязавшегося боя арестованные попытались бежать, но были убиты охранявшими их конвоирами. Одновременно с этим было принято решение (по общему согласию коммунистов) о расстреле арестованных и в с. Рождественском в связи с невозможностью их доставить в Канск. Кроме того, расстрелы были проведены еще в трех населенных пунктах, где также было убито около 20 чел.<sup>1</sup>

О произведенных расстрелах члены Рождественской и Шеломковской комячеек сообщили в Канский уездный партийный комитет, который на заседании 9 ноября принял решение о проведении расследования, о чем и проинформировал губком РКП(б). В конечном итоге все это и привело к вышеупомянутому решению Енисейского губкома РКП(б).

Состоявшийся процесс В. Шишкин описал следующим образом: «В течение трех дней в Канске шел политический спектакль на тему революционной законности по сценарию, написанному в кабинетах уездного и губернского большевистских парткомов. В течение трех дней несколько сотен доверчивых провинциальных зрителей – рабочих и крестьян, не искушенных в хитросплетениях политики, искренне ненавидящих контрреволюцию и сочувствующих коммунистам, внимали каждому слову, звучавшему со сцены. Зал негодующе рокотал, когда государственные обвинители клеймили заговорщиков-контрреволюционеров; зал затихал, когда государственные обвинители обрушили свой гнев на подсудимых; зал замирал от страха, когда от имени подсудимых один из них заявил, что коммунисты признают себя виновными в расстрелах и нарушении закона; сочувственными вздохами он откликался на речи государственных защитников»<sup>2</sup>.

Кульминационный момент наступил при оглашении приговора, согласно которому «все обвиняемые представители беднейших слоёв населения, в большинстве своём бывшие красные партизаны, в продолжение двух лет борющиеся с колчаковскими войсками в дебрях своей тайги, все члены коммунистической

---

менно обращался во ВЦИК с ходатайством о помиловании приговоренных, о чем должен был сообщить осужденным в процессе чтения приговора, но сделано этого не было; выполнялась в данном случае воля Л. Троцкого. Еще до начала процесса им был определен «воспитательный» характер процесса, пусть и через жестокость. См.: *Знаменский А.Д.* Красные дни. Роман-хроника // Роман-газета. 1989. № 2. С. 10–12. Единственным отличием от «дела 128» было то, что мироновцы были помилованы через сутки после вынесения приговора, а 128 оправданы в ходе судебного заседания.

<sup>1</sup> На заседании уездного парткома 25 ноября на вопрос заведующего отдела управления губисполкома Банковича о том, сколько человек расстреляно, кто они и т.д., был получен ответ, что в Ингаше было расстреляно 5, в Нишино – 4, Тасеево, Шеломках и Рождественском – до 60 чел. «Впечатление (о расстреле. – В.У.) самое хорошее. Кто? В Тасеево с уголовным прошлым и монахи, в Шеломках – бывшие офицеры и священник, в Рождественском – интеллигенты, часть крестьян-дружинников Колчака и бывшие офицеры и уполномоченные Губкохоза...». См.: ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 132. Л. 31.

<sup>2</sup> Там же. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 188. Л. 10–11; Оп. 1. Д. 125. Л. 97; *Шишкин В.И.* Красный бандитизм... С. 5–8; *Красноярский рабочий.* 1921. 7

партии, были всецело преданы интересам рабоче-крестьянской власти... Обвиняемым противостояла весьма сильная контрреволюционная организация, руководимая предательскими элементами бывшего офицерства, духовенства и др. интеллигенции, сознательно подрывавшими, пользуясь своим положением служащих различных советских учреждений, доверие к рабоче-крестьянской власти и подготавливая... опасное кулацкое восстание, имевшее целью свержение Советской власти и уничтожения коммунистов. Указанная контрреволюционная организация, как **достоверно показали агентурные сведения** (здесь и далее выделено мною. – В.У.), имела связь с другими бандитами, приурочивая выступление к заранее установленному сроку...»<sup>1</sup>.

Принимая во внимание, что подсудимые раньше всегда были законопослушными гражданами и не нарушали революционную законность, исходя из того, что расстрел заговорщиков «являлся актом самозащиты, а не самосуда», ревтрибунал постановил считать 128 коммунистов оправданными. В ответ зал взорвался громом аплодисментов. Завершилось же все это исполнением «Интернационала».

Одного не знали зрители (на процессе присутствовало около 1 000 чел. – В.У.): губком РКП(б) заблаговременно рекомендовал губревтрибуналу ни в коем случае не выносить обвинительный приговор, что последний и сделал.

8 января 1921 г. доклад о деятельности выездной сессии губревтрибунала в Канске был заслушан на экстренном заседании президиума Енисейского губкома РКП. Протокол совещания выявил одну интересную деталь – **«на процесс были приглашены не все обвиняемые, только часть их»**. Уже этот факт – прямое свидетельство разыгранного фарса, спектакля с заведомо известным финалом – представители власти не воспринимали этот судебный процесс серьезно, но соблюли «правила» игры. Другим подтверждением сказанному стало постановление заседания: «Поручить т. Итину и т. Гринченко самым срочным образом проредактировать приговор в окончательном виде»<sup>2</sup>. Комментарии, как мне кажется, излишни.

Массовое привлечение коммунистов к ответственности не было единичным. Так, в июле 1921 г. секретарь Бийского уездного комитета РКП(б) Фрейлих послал в адрес Сиббюро ЦК РКП(б) телеграмму следующего содержания: «Кражи православных священников (еще одна из форм проявления «красного бандитизма». – В.У.) [в] нашем уезде имели место тчк За самовольные расправы арестовано двадцать восемь коммунистов зпт принимаются энергичные меры по прекращению этого»<sup>3</sup>.

Однако вернемся к описанному выше процессу. Возможно, эти события (расстрелы и процесс, скорее всего, его результаты) способствовали дальнейшему распространению заразной болезни – «красного бандитизма». Следует, на мой взгляд, обратить внимание еще на один результат «дела 128» – разработку и умелую реализацию показательного спектакля, когда зрители, традиционно доверявшие власти, невольно подыгрывали этой власти через свое отношение

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 188. Л. 10.

<sup>2</sup> Там же. Оп. 1. Д. 125. Л. 97.

<sup>3</sup> Там же. Оп. 2. Д. 166. Л. 6.

к происходящему. Вне всякого сомнения, «режиссеры» оценили это и взяли на вооружение, предвосхитив будущие уголовные дела и громкие процессы.

Еще одним «красным бандитом» стал М.Х. Перевалов – активный участник установления советской власти в Итатской волости в 1918 г., участник боев с бело-чехами, командир партизанского отряда. С восстановлением советской власти, будучи беспартийным, он создавал комячейки на юге Ачинского уезда, а с осени 1920 г. стал командиром коммунистического отряда особого назначения, созданного для борьбы с контрреволюцией и сыгравшего значительную роль в разгроме банд Олиферова и Соловьёва. Человеком он был жестоким, беспощадным. Бывший начальник Ачинской уездной милиции И.Г. Фридман на заседании президиума Енисейского губкома РКП(б) в декабре 1920 г. так охарактеризовал его: «Перевалов – человек, безусловно, преданный советской власти, но способный, не моргнув глазом, вырезать 600 контрреволюционеров»<sup>1</sup>. В отряде Перевалова процветали вольница и беззаконие, бойцы занимались мародерством, терроризировали мирное население, нередко чинили самосуд.

Помощник уполномоченного угрозыска и наружной разведки ОРТЧК Боготольского района Томской ж.д. Дрягин 20 марта 1921 г. в рапорте на имя начальника СОЧ ОРТЧК доносил, что на ст. Итат красными партизанами и членами комячейки с заранее обдуманной целью на политической основе были убиты начальник ст. Итат Михайлович, милиционер Нестеров, гражданин ст. Итат Иван Иванов и еще несколько жителей. Дрягин выяснил, что Перевалов организовал через комячейки изъятие «назначенных неблагонадежных элементов», всякий раз инсценируя нападение «белых бандитов». Так, по агентурным данным, из с. Скрипачи Ачинского уезда Енисейской губернии начальником сельской милиции 6-го района Ачинского уезда Ф. Прокудиным и милиционерами Пахомовым и Соломиным были взяты два гражданина – Озернин Михаил и Сербулов Борис – и увезены в неизвестном направлении. Позднее у с. Шарыпово в чаще деревьев было обнаружено около 70 трупов, которые были не расстреляны, а задушены. Таким образом, деятельность бандитов имела место на территории от Тяжинской волости Мариинского уезда до с. Ужур Ачинского уезда, т.е. на территории двух губерний – Томской и Енисейской, «а возможно, еще обширнее».

Поводом для подобной деятельности, по мнению членов комячек, стала Октябрьская амнистия. «ЧК и Политбюро по борьбе с контрреволюцией мер не принимают, а взятых контрреволюционеров и их приверженцев ЧК и Политбюро всех выпустило, и которые в настоящий момент способствуют оперированию белых банд, и, по мнению комячейки, в ЧК и Политбюро позалезли негодные элементы и комячейки открыто говорят, что всех чекистов и Политбюро надо расстрелять»<sup>2</sup>.

Дорожно-транспортная ЧК Томской ж.д. в регулярно составляемой двухнедельной сводке за период с 15 по 31 марта 1921 г. вышеназванные события осветила следующим образом: «За данный период в районе Боготола – Ачинска участились случаи таинственного исчезновения людей и убийства.

<sup>1</sup> Шарыповское дело // Сибирские огни. 1993. № 5–6. С. 118; Шишкин В.И. Красный бандитизм... С. 12.

<sup>2</sup> Из рапорта Дрягина от 20 марта 1921 г. начальнику СОЧ ОРТЧК Боготол Томской ж.д. См.: ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 100. Л. 30.

При обследовании этого явления через осведомительный аппарат выяснилось, что местные красные партизаны совместно с комячейками после освобождения бывших контрреволюционеров 18–19 г. Октябрьской амнистией начали их тайно похищать и убивать. Метод увоза обставлялся довольно остроумно. Въезжали на лошадях несколько вооруженных человек, арестовывали нужных к уничтожению и увозили. После этого местная комячейка в целях защиты организовывала отряд и ехала вдогонку, происходила дугая перестрелка, после чего комячейка безрезультатно возвращалась. **Надо отметить, что в большинстве случаев гибли люди из-за личных счетов и совершенно не принадлежавшие к приспешникам контрреволюции** (выделено мною. – В.У.).

За данный период зафиксировано в лесу около 70 трупов... Крестьяне первое время к таким исчезновениям относились с недоумением, не зная чем это объяснить, но теперь они ясно понимают эти проделки и страшно возмущены на власть, так как участниками являются красные партизаны и комячейки»<sup>1</sup>.

Однако эти документы оказались не единственными. 25 апреля 1921 г. из с. Шарыпово Ачинского уезда Енисейской губернии на имя ВЦИК было направлено письмо от имени крестьянок Т.И. Веселковой и М.З. Лобановой, чьи мужья были в феврале 1921 г. арестованы, а потом найдены в числе убитых в пяти верстах от села со следами веревки на шее. В этот же день письмо на имя Председателя Совнаркома В.И. Ленина написал начальник 8-го милицейского района М.Н. Петренко, который привел те же факты и предположения о самосуде, которые содержались в письме Веселковой и Лобановой. Дополнительно он указал на целый ряд лиц как организаторов самосудов и привел список 23 арестованных и убитых граждан из 7 сел и деревень... Кроме того, Петренко подробно охарактеризовал влияние шарыповских событий на настроение и поведение окрестного населения – одни бросили хозяйство и убежали, другие ушли в банды, в том числе и некоторые члены комячеек.

В июле 1921 г. по указанию Ленина была создана следственная комиссия «из авторитетных членов партии и опытных следователей»<sup>2</sup>. К сожалению, результаты её работы выявить не удалось.

Почти одновременно с этими событиями были установлены факты самовольных расстрелов – самосудов – в Мариинском уезде Томской губернии, производимых милицией с согласия политбюро, а в сельской местности – милицией и членами комячеек. Оформлялось все в виде побегов из-под ареста при переводе арестованных из одного помещения в другое. Расстреливали даже тогда, когда это было запрещено, ссылались на незнание приказов об отмене расстрелов. В отдельных случаях инсценировали «вскрытие антисоветских организаций». Уголовщину также прятали «под политику»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> См. : ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 6 об. –7.

<sup>2</sup> ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 202. Л. 1–6.

<sup>3</sup> ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 100. Л. 259–263. Одной из первых жертв «красного бандитизма» в Мариинском уезде стал П.И. Святочевский, обвиняемый в сотрудничестве с колчаковской контрразведкой. Он действительно давал согласие на сотрудничество с единственной целью – сохранить жизнь, но никаких

Начальник Мариинского уездного политбюро К.А. Зыбко в своем заявлении на имя председателя ВЦИК М. Калинина писал: «Со времени лубковского восстания (от фамилии его руководителя, жителя с. Святославка Мариинского уезда. – В.У.) в Мариинском уезде все время находились войска ЧК. Последние, стоя в уезде, производили массу расстрелов гражданского населения; эти расстрелы, [которые] производили на глазах комячеек и милиции, конечно, не могли не отразиться на психологии последних. Видя то, что войска ЧК расстреливают, последние так же взялись за дело...»<sup>1</sup>.

В другом случае сообщалось о том, что милицией 7-го района (Тисульской) был совершен ряд убийств и других незаконных действий с целью грабежа. В ходе расследования были арестованы начальник милиции Жабров, несколько рядовых милиционеров и членов комячеек как активные участники этих беззаконий. Уголовным розыском были арестованы 11 членов двух комячеек за издевательства и самочинные расстрелы труддезертиров<sup>2</sup>.

Весной 1921 г. «эпидемия красного бандитизма» охватила большинство уездов Томской губернии. Многочисленные группы из бывших партизан, сотрудников милиции, политбюро и советских органов в деревнях преследовали кулаков, а в рабочих поселках и городах – специалистов. Так, сотрудниками Щегловской уездной милиции и политбюро было сфабриковано дело так называемой «первомайской Щегловской контрреволюционной организации» из числа специалистов, 36 членов которой были арестованы и переданы в Томскую губчека. В июне 1921 г. аналогичную операцию по специалистам подготовила и начала осуществлять милиция Анжеро-Судженских копей, но местное партийное руководство сорвало эту акцию<sup>3</sup>.

В 1922 г. в информационном письме за июнь–июль 1922 г. Сиббюро ЦК РКП(б) описано убийство в Кемерове врача Мицкевича, «убийство организованное, [также] предполагалось убийство целой группы технического персонала Кемеровского рудника»<sup>4</sup>. Участниками его были члены РКИ. В ходе следствия установлено, что арестованные по этому делу представляли собой остатки прошлогодней группы, спустившей в шахты трех специалистов<sup>5</sup>. В последующие годы еще немало специалистов стали жертвами проявлений «красного бандитизма».

Следствием подобных проявлений стало падение авторитета советской власти у населения, знавшего о беззаконии, а отсюда – бойкотирование мероприятий власти либо открытые выступления против неё (разного рода восстания и мятежи).

Ситуация все больше выходила из-под контроля, и Сибирское бюро ЦК РКП(б) вынуждено было принять меры, тем более, что только в 1921 г. пришлось дважды докладывать о «красном бандитизме» в ЦК РКП(б). Так, в докладе Пленуму ЦК РКП(б), подписанном Смирновым, Ярославским и Яковлевой, было

---

конкретных действий не совершал. Свидетельством этому может служить резолюция на рапорте о привлечении Святочевского к сотрудничеству начальника губернского управления Государственной охраны (орган политического сыска. – В.У.) генерала Романова: «Полагаю от услуг Святочевского отказаться...». См.: ГАТО. Ф. Р-809. Оп. 1. Д. 2. Л. 53–55. К личности самого генерала Романова вернемся ниже.

<sup>1</sup> ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 142. Л. 200–201.

<sup>2</sup> Там же. Д. 100. Л. 191.

<sup>3</sup> Шишкин В.И. Красный бандитизм... С. 24; Угроватов А.П. Уголовный розыск в Сибири... С. 83.

<sup>4</sup> См.: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 80. Л. 106 об.

<sup>5</sup> Там же. С. 126.

дано определение «красному бандитизму» как «самочинному образу действий отдельных групп населения, берущих на себя в том или ином отношении функции власти. Наиболее частой формой его выражения являются самочинные расправы одной революционно настроенной группы населения против другой, которую она считает контрреволюционной и общественно вредной... В красный бандитизм вовлекаются по преимуществу элементы, во времена Колчака активно боровшиеся в рядах партизан... отчасти рабочие... копей, рудников и прочий поселковый рабочий элемент и ...крестьяне из бедноты или выбитые из хозяйственной жизни колчаковским режимом и партизанщиной; иногда это элементы (большой частью партизанские вожди разного калибра), которых партизанщина пробудила и сделала политически активными, а политическое невежество мешает им проявлять эту активность иначе, как в форме прямых действий». Далее отмечалось, что территориально «красный бандитизм» разлит по всей Сибири, но наиболее ярко и массово проявлялся в Ачинском и Минусинском уездах Енисейской губернии, в районе Черемховских копей Иркутской губернии, Алтайской губернии и отдельных частях Кузнецкого, Щегловского и Томского уездов Томской губернии, т.е. в местах, где было наиболее развито партизанское движение. Практически всегда районы «красного бандитизма» совпадали с районами «белого бандитизма», а в инородческих районах «белый бандитизм» являлся следствием «красного бандитизма».

По мнению докладчиков, «красный бандитизм» в основной своей форме являлся продолжением Гражданской войны. «Посредством него одна из групп населения сводит свои старые со времён Колчака ведущиеся счёты с другой группой населения: рабочие со спецами, более или менее активно проявившими себя в колчаковский период. Партизанские элементы деревни – с кулаками и прочими активно контрреволюционными её элементами: «гадами» на... языке красных бандитов». Однако меры борьбы по отношению к этим элементам со стороны власти их не устраивали, были слишком мягкими. По этой причине «красные бандиты» стремились к поголовному истреблению политических врагов либо к их изъятию и помещению в тюрьмы и лагеря<sup>1</sup>.

Большевистское руководство видело корни «красного бандитизма» в недовольстве политикой государства по отношению к своим врагам, в её мягкости. По мере строительства нового государства это недовольство стало проявляться в более резкой форме. Были установлены факты подготовки террористических актов против советских работников под лозунгами борьбы с «примазавшимися». Так, в Ачинской уездной милиции выявлена группа лиц, ставившая своей целью физическое уничтожение ответственных работников, принимавших меры по наведению служебного порядка и должностной дисциплины<sup>2</sup>.

В докладе Сиббюро упоминались также случаи срачивания «белого» и «красного» бандитизма, назывались наиболее активные участники последнего. Таковыми, в первую очередь, являлись члены РКП: «...вовлекаются почти

<sup>1</sup> См. : ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 277–278.

<sup>2</sup> Шарыповское дело... С. 127.

сплошь милиция и низшие органы чека – политбюро. Более того, эти аппараты советской власти являются теми органами, через которые красно-бандитские элементы держат между собою связь. Причиной этого является... большой процент (от 20 и более) партизанских элементов среди милиции и низкий политический уровень работников политбюро, слишком элементарно понимающих борьбу с контрреволюцией...»<sup>1</sup>.

Как средство борьбы с «красным бандитизмом» предлагались меры по созданию специального фонда снабжения и хозяйственного устройства обнищавших крестьян и облегчения им государственных повинностей, по усилению политико-просветительской работы среди рабочих и крестьянских масс, ликвидации политической безграмотности среди членов партии, а также по упрочению низших органов советской власти – волостных исполкомов и сельских советов. В качестве мероприятий второго порядка предлагалось провести чистку органов милиции и ЧК, организовать несколько показательных процессов, пересмотреть составы комячеек и некоторые другие. Эти мероприятия оказались наиболее легко выполнимыми, они и были реализованы. Например, решением Енисейского губкома РКП(б) в целях оздоровления обстановки в Ачинском уезде все 8 сотрудников политбюро уезда были уволены, возможность их пребывания в РКП(б) должна была определить комиссия по чистке в индивидуальном порядке. А президиум Ачинского уездного комитета РКП(б) принял решение о роспуске комячейки Шарыповской волости по причине невозможности установить личное участие членов ячейки в февральских событиях 1921 г. «из-за круговой поруки»<sup>2</sup>.

Результатом выполнения намеченных мер стали, в частности, чистка рядов милиции, а также пересмотр состава партийных ячеек в 1921 и 1922 гг.

Были организованы и показательные судебные процессы. Первый описан выше. В конце сентября в г. Каинске выездная сессия объединенного Новониколаевского губревтрибунала рассмотрела дело об убийстве 6 членами и кандидатами в члены РКП(б), бывшими партизанами, народного судьи Д.А. Осипова. Причиной для расправы стало добросовестное исполнение последним служебных обязанностей: «...стоя на почве строгой законности, основанной на декретах и распоряжениях советской власти... одинаково сурово относился ко всем нарушителям правопорядка, не считаясь ни с личностью, ни со служебным положением обвиняемого, благодаря чему возбудил к себе неудовольствие местной администрации в лице милиции и особенно местных партизан...». Осипов, в частности, завел несколько дел на работников милиции и на находившегося в отпуске по болезни командира 674-го строевого полка В. Макарова за истязания гражданина Никифорова и «отбирание лошадей» у М. Сафонова.

Вовлеченные В. Макаровым в преступную группу начальник милиции Каинска М. Якушев, инструкторы Каинского уездного комитета РКП(б) И. Макаров и В. Лаптев и др. неоднократно пытались воздействовать на Д. Осипова, вплоть до организации арестов сотрудниками политбюро (дважды в течение весны 1921 г.), но он продолжал честно исполнять свои обязанности. Принципиальность Осипова и заставила преступников организовать его похищение и убийство; 16 июля

<sup>1</sup> Из истории земли томской. 1917–1921... С. 304.

<sup>2</sup> Шарыповское дело... С. 126–127.



1921 г. тело Осипова с огнестрельной раной головы было обнаружено в озере вблизи с. Спасское.

Процесс над группой Макарова продолжался шесть дней. Главным обвиняемым был признан В. Макаров, сознательно организовавший убийство Д. Осипова. В приговоре было отмечено: «В. Макаров имеет высшее образование и не может быть причислен к числу несознательных, что, занимая доминирующее положение в Ключевской комячейке и вообще по всему Усть-Тартасскому (правильно Усть-Таркский. – В.У.) району и даже за пределами его, он тем более обязан был учитывать переживаемый Советской республикой момент... [но] в ослеплении личной вражды забыл долг перед Советской Республикой и занялся личной мстью, для чего использовал бывших партизан, обманывая их будто Осипов контрреволюционер... В. Макаров занимался агитацией против работников, поставленных советской властью, чем дискредитировал советские органы на местах...»<sup>1</sup>.

После установления подозреваемых и доказательства их вины Сиббюро ЦК РКП(б) 26 августа выносит решение, по которому губревтрибуналу была дана установка осудить организаторов убийства к высшей мере наказания, а к остальным подсудимым принять меры воспитательного характера, что и было сделано. Ревтрибунал приговорил четырех человек к высшей мере наказания – расстрелу – и двоих к 5 годам лишения свободы в доме принудработ.

В результате обращения рабочих г. Барабинска, ходатайства заместителя командующего войсками Уральского военного округа, помощника Предвоенсовета главкома и военкома В. Блюхера и просьбы секретаря Президиума ВЦИК А. Енукидзе приведение приговора было отсрочено. А через 8 месяцев дело было пересмотрено по причинам давности преступления (выделено мною. – В.У.) и сокращения красnobандитского движения. Все осужденные участники убийства были освобождены решением Сиббюро ЦК РКП(б)<sup>2</sup>. «Справедливость» восторжествовала.

В этой же газете была напечатана статья ответственного сотрудника Сиббюро ЦК РКП(б) Д. Тумаркина «Красный бандитизм», в которой автор давал анализ этого явления, показывал мотивы, двигавшие участниками. По его мнению, «то обстоятельство, что эти элементы хранили преемственность с партизанским движением, позволяет им прикрывать революционной декламацией свою ненависть к пролетарской диктатуре и проявляющиеся на этой почве возмутительные правонарушения и незаконности... Расправляясь с неугодными им элементами, устраняя с пути тех, кто именем советских законов пытался бороться с такими

<sup>1</sup> См.: Шишкин В.И. Красный бандитизм... С. 55; Советская Сибирь. 1921. 4 окт. В. Шишкин, описывая этот случай, привел данные об осуждении 7 чел. (зав. райотделом соцобеспечения А. Чикилёв был беспартийным). Если в газете сообщалось об осуждении к лишению свободы Н. Сибирцева и М. Якушева, то В. Шишкин, со ссылкой на архивные материалы, указывает на осуждение к лишению свободы Сибирцева и Чикилёва и об объявлении строгого выговора Якушеву.

<sup>2</sup> Шишкин В.И. Красный бандитизм... С. 52–58, 70; ГАНУ. Ф. Р.1096. Оп. 1. Д. 333. Л. 135, 160–161. Главный обвиняемый по делу – Макаров – после освобождения был назначен начальником 2-го охотничьего разведотряда Западно-Сибирского военного округа. См.: ГАНУ. Ф. Р.1240. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

действиями, они на фоне неграмотной и малокультурной сибирской деревни превращались в действительных хозяев положения, перед которыми дрожало местное безоружное население и прихоти которых исполнялись гораздо быстрее и охотнее, чем государственные повинности»<sup>1</sup>.

Автор статьи определил сущность «красного бандитизма» как протест партизанской «вольницы» против порядка и законности в государстве, а действия этих бандитов – как контрреволюционные. На мой взгляд, о контрреволюционности говорить не приходится. Речь следует, видимо, вести о «случайных попутчиках» революции, которые в основном решали свои задачи и удовлетворяли свои амбиции. Таких примеров достаточно.

Появление этих двух материалов не было случайностью, так как они дополняли друг друга, теория и практика объединились, скорее всего, в воспитательных целях. Такой вывод не случаен: Тумаркин высказывал рекомендации, как бороться с «красным бандитизмом», используя возможности партийных организаций и «наших карающих органов». Его статью следовало рассматривать как попытку официальной оценки этого явления и поиск рецепта избавления от него.

Еще одним нашумевшим процессом стало дело М.Х. Перевалова (шарыповские события). Он начался 10 декабря 1921 г. в Красноярском доме просвещения. К суду были привлечены 56 чел., но на скамье подсудимых оказались 53, так как двое находились в бегах, а один был убит. В числе подсудимых были начальник Ачинской уездной милиции и политбюро П.Е. Пруцкий, два начальника районной милиции, 14 милиционеров, три командира коммунистических отрядов, шесть членов волисполкома и 24 члена комячеек.

В ходе предварительного расследования и судебного следствия было установлено: чтобы «обезопасить свой тыл от белобандитов», по указке (в том числе и по мотивам личной мести) председателя волисполкома В.Т. Гайденко, членов местной комячейки М.Ф. Баландина, А. Васинского, Ф.Т. Прокудина и некоторых других милиционеры и коммунисты из отряда Перевалова арестовали 60 чел., якобы враждебно настроенных к советской власти и намеревавшихся уйти в банду. Не проводя следственных действий, в ночь на 15 февраля решили расправиться с арестованными. С этой целью их заводили в одну из комнат волисполкома, предлагали присесть на табурет и задавали несколько малозначащих вопросов. Затем по команде Перевалова стоявший за спиной арестованного милиционер С. Юшков набрасывал на жертву удавку и тащил в соседнюю комнату, где несколько милиционеров добивали её колотушками. Так были убиты 34 чел.

Одежду убитых милиционеры распределили между собой, трупы вывезли за село в болото и произвели по ним стрельбу, чтобы скрыть следы удушения. Для придания законности самосуду по сговору составили постановление, объяснявшее расстрел 34 арестованных острой боевой обстановкой. Кроме того, было инсценировано нападение банды на с. Шарыпово.

Родственникам же сообщили, что арестованные направлены в Ачинский дом лишения свободы либо сбежали в банду. Обман раскрылся через 25 дней, когда вблизи с. Шарыпово были обнаружены трупы со следами удушения<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Советская Сибирь. 1921. 4 окт.

<sup>2</sup> Шарыповское дело... С. 127–128; Шишкин В.И. Красный бандитизм... С. 36, 60–61.

Призывы губернских властей явиться в Красноярск Перевалов проигнорировал, а когда последовало указание об аресте, он выступил против власти – распространил среди жителей Ачинского уезда листовку с воззванием к партизанам, милиционерам и членам комячеек подняться на борьбу с «гадами», пробравшимися к власти под маской коммунистов. В течение двух дней ему удалось собрать около 200 вооруженных людей, поддерживавших его и разделявших его взгляды.

Выступление Перевалова и возможность его блокирования с «бандой» И. Соловьёва, что было вполне возможно, представляло серьезную угрозу для советской власти в губернии. 2 сентября губисполком направил Перевалову ультиматум с требованием прекратить сопротивление и явиться в Красноярск, гарантируя неприкосновенность. В противном случае – применение вооруженной силы и предание суду. Только после этого Перевалов распустил своих сторонников и явился в распоряжение губернских властей<sup>1</sup>.

Подготовкой процесса над Переваловым и его сторонниками занимался непосредственно Енисейский губком РКП(б), определивший время и место проведения суда, состав сессии губревтрибунала, рекомендовал государственного обвинителя и защитников, он же и вынес решение о мере наказания участникам дела. В ходе судебного заседания обвиняемые признавали за собой вину лишь частично либо вообще объявляли себя невиновными, оставляя за собой право убийства любого «контрреволюционера».

14 декабря 1921 г. губревтрибунал вынес приговор: 15 чел. были осуждены к ВМН – расстрелу, 11 – к 5 годам лишения свободы, 12 – на меньшие сроки, остальные были оправданы. Однако, как свидетельствуют документы, еще 28 ноября 1921 г. Енисейский губком РКП(б) вынес принципиальное решение: высшей меры наказания к обвиняемым не применять, поэтому приговор был пересмотрен: «Принимая во внимание заслуги подсудимых перед советской властью, обстановку ожесточенной борьбы, в которой было совершено преступление, и амнистию по случаю очередной годовщины Октябрьской революции», ревтрибунал изменил меру наказания, заменив расстрел заключением на 5 лет в доме лишения свободы, остальным снизил срок наказания на одну треть или наполовину. А 24 ноября 1922 г. в связи с 5-летием революции по амнистии срок был сокращен еще наполовину. В связи с поданным ходатайством 12 января 1923 г. осужденные были помилованы Президиумом ВЦИК и последние 13 чел. освобождены от наказания<sup>2</sup>.

Таким же «строгим» был и приговор по «Мариинскому делу», где были осуждены бывший зав. уездным политбюро К.А. Зыбко, помощник начальника

<sup>1</sup> Шишкин В.И. Красный бандитизм... С. 47–48. В госинформсводке ВЧК в сентябре 1921 г. отмечалось, что в своем воззвании Перевалов обратился «к партизанам, милиции и комячейкам с призывом стать под ружье для борьбы со спецами совучреждений и белогвардейцами, примазавшимися к коммунистам, и с евреями». Несколькими днями позже он организовал собрание членов политбюро, милиции и комячеек партизан, на котором было вынесено постановление **об убийстве коммунистов**, притесняющих милицию, деревенские комячейки и партизан. Согласно сводке численность его сторонников достигала 300. См.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 1. С. 494.

<sup>2</sup>

уездной милиции А.П. Замятин, начальник районной милиции С.А. Калиняк-Гричановский, его помощник М.К. Набойченко и еще 18 чел., в основном сотрудники милиции и политбюро Мариинского уезда. Им было предъявлено обвинение в том, что «в первой половине 1921 г. в пределах Мариинского уезда, состоя в указанных должностях и будучи большинство членами и кандидатами РКП(б), во время мирного строительства РСФСР на фоне грядущих решений экономических задач, когда лозунг «Революционная законность» с непоколебимой настойчивостью проводился центром в жизнь, они, обвиняемые, не считались с распоряжениями Центра, проводили политику «Власть на местах»[,] из-за недоверия к Центральной власти и недовольства её политикой производили без суда убийства лиц, замеченных или подозреваемых в контрреволюционных деяниях, каковыми действиями возбуждали против власти честные[,] только пробудившиеся сознанием массы[,] и тем самым разрушали установленный Центром политический порядок и потрясли экономические взаимоотношения групп населения Республики, причем каждый совершал... конкретные преступные деяния»<sup>1</sup>.

Все началось с писем населения о безобразиях, творимых в уезде представителями власти. Губернские власти направили в уезд комиссию. Достаточно быстро комиссия получила подтверждение фактов беззакония, и 17 августа члены комиссии Беляев и Титов направили в губком РКП(б) шифротелеграмму, в которой сообщали об аресте лиц, занимавшихся «террором». «Допрос[ы] бывших руководителей учмилиции[,] Политбюро[,] ответработников не обнаружили инициаторов... Опрос физических виновников – личная инициатива[,] классовая месть. Пока не установлена причастность [к] инициативе руководителей Политбюро, милиции [в] общей массе подобных дел. 14 [августа] высланы [в] Том[ский дом] прин[удительных] раб[от] Зыбко, Карпенко, арестован[ы] [в] Суслове нач. раймилиции Колняк, его помощник, 4 милиционера, двое членов комячейки как виновники грабежа имущества убитого Константиновского попа... его жены.

...Была обнаружена дутая организация, выколочена увечьем[,] боем [из] крестьян. Установлено, что инсценирование этой организации была цель – терроризирование свидетелей хищения имущества убитого, чтобы скрыть следы убийства»<sup>2</sup>.

В июле 1921 г. состоялось заседание президиума Томского губкома РКП(б) (протокол № 24)<sup>3</sup>, на котором был заслушан доклад Беляева о событиях в Мариинском уезде по результатам работы Особой комиссии, установившей, «что в Мариинской милиции и политбюро творится масса безобразий – беспричинные расстрелы, обыски, аресты. Выясняя состав арестованных, обнаружилось, что большинство крестьяне, самый темный элемент. По детальной проработке показал (так в тексте. – В.У.), что нет никаких белогвардейских организаций, освобождено 82 чел. (из 100).

Контрреволюционные организации являются продуктом создания самого Политбюро, которое, получив сведения, что в какой-нибудь деревне ведется антисоветская агитация, посылает секретного сотрудника, который распускает ложные слухи, заручается доверием недовольных... и становится во главе этой

<sup>1</sup> ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 142. Л. 278.

<sup>2</sup> См. : ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 122.

<sup>3</sup> Точную дату установить не представилось возможным, так как на протоколе она отсутствует, протокол № 23 датирован 23 июля, а протокол № 25 – 24 июля. См.: Там же. Д. 39. Л. 66–68.

организации. При арестах избивают, пытаются. Комиссия установила, что никакого бандитского движения нет. Оно создается милицией и комячейками... Крестьяне запуганы. Боялись выходить даже из тюрьмы... крестьянство вынуждено бежать в тайгу и попадают под влияние белогвардейцев...

...лица, стоящие во главе уездных мариинских учреждений, не пригодны. Большинство из них бывшие эсеры. У рядовых членов партии недовольство их нерешительной тактикой. Необходимо убрать... (далее – перечисление ряда должностей. – В.У.). Аресты среди милиции и коммунистов (красных бандитов) подняли авторитет соввласти и успокоили население»<sup>1</sup>.

Поместив арестованных под стражу, власти удалось несколько успокоить население, но что с ними делать, ясности не было. Участников дела не допрашивали неделями и месяцами<sup>2</sup>. Исходя из такой «активности» следствия, можно было предполагать любой исход дела, но в связи с развернувшейся кампанией по борьбе с бандитизмом арестованных все-таки осудили.

Характеристики, данные в докладе Сиббюро ЦК РКП(б) участникам «краснобандитского движения», можно примерять и к участникам этого дела. Вождизм, пусть и уездного масштаба, был присущ, например, Зыбко. В уже упомянутом обращении на имя М. Калинина он значительное место отводил своей персоне и личным заслугам: «мною был пойман Лубков», «мною были ликвидированы Олиферовская и Лубковская банды» и т.п. Видимо, подобная жизненная позиция и привела к вседозволенности и беззаконию, проявленным им и его подчиненными. Вождизм Зыбко и ему подобных был спровоцирован противоправными действиями власти, как, например, в случае с Лубковым, когда партийным и чекистским руководством было принято решение о его физическом устранении.

Томский губревтрибунал 25 января 1922 г. приговорил 14 чел. к высшей мере наказания, но шестерым сразу заменил эту меру на 5 лет дома принудработ, двоих – к 2 годам дома принудработ с менее строгой изоляцией, троих – к 3 годам дома принудработ условно и еще троих освободил от наказания, так как «действовали без разумения совершаемого ими деяния»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Протокол № 24 заседания президиума Томского губкома РКП(б) // См. : ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 67. Текст протокола противоречит информации, изложенной в приведенной выше шифротелеграмме, т.е. из содержания последней следовало, что аресты сотрудников милиции и др. были проведены в августе. См.: ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 100. Л. 204.

<sup>2</sup> ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 100. Л. 179–202. Так, К.А. Зыбко в 24-страничном письме на имя председателя ВЦИК М. Калинина указывал, что, будучи арестованным, **просидел без допроса с 15 августа** (по официальным документам арестован 20 августа, а по указанной выше телеграмме вообще 14 августа. – В.У.) **по 25 октября**. После того как он по просьбе следователя письменно осветил обстановку в уезде за период своей работы, его **вновь не допрашивали до 23 ноября**.

<sup>3</sup> Там же. Л. 364–367; Из истории земли томской. 1921–1924... С. 72–78. Информация о приговоре заметно разнится. Так, Ем. Ярославский о процессе (Красное знамя. 1922. 27 янв.) писал, что 8 участников были приговорены к ВМН, еще 6 – к ВМН условно, 5 – к разным срокам дома принудработ, а 3 были освобождены. Но уже 28 января в газете «Красное знамя» был опубликован приговор по делу, где 14 чел. были приговорены к ВМН, но шестерым наказание было заменено на лишение свободы сроком 5 лет в доме принудработ, 4 – к 3 годам дома принудработ условно, освобождены 4 чел.

В ГАТО мною обнаружен документ, исполненный в 1922 г., – «Список срочных заключенных Томского ИТД, коим о зачете и нечете предварительного заключения не указано при вынесении приговора»,

На страницах газеты «Красное знамя», посвятившей процессу четыре публикации<sup>1</sup>, обвинительный уклон перемежался с аргументами защиты, при этом последние преобладали. В качестве оправдания назывались политическая малограмотность, отсутствие со стороны партийных и советских органов какого-либо внимания к милиции, малый партийный стаж (в числе обвиняемых были вступившие в партию в 1920–1921 гг.), желание искоренить врагов революции ради счастья трудового народа и т.п.

28 января председатель Томского губревтрибунала И. Макаренко в статье «Суд над Зыбко и др.» написал, что помощники Зыбко – «это в большинстве уголовный элемент, и некоторые попросту явные контрреволюционеры. Напр., Замятин, бывший военный чиновник, Калиняк – какой-то потомок княжеского рода с довольно темным уголовным прошлым, Буторовский – колчаковский служащий и беженец. Могилевчик тоже сначала колчаковский служащий, затем попадает в плен к советским войскам... Работа по разложению милиции есть работа наших врагов, контрреволюционеров, которые, рассосавшись всюду и везде и особенно в милиции, подметив слабую струнку милиционеров-партизан – злобу и ненависть к своим бывшим врагам, играли на этой струнке и сознательно разжигали ненависть с целью **вызвать среди населения восстание**» (выделено мною. – В.У.)<sup>2</sup>.

Хотя Ем. Ярославский и писал о недопустимости заметания следов преступления, последующие события свидетельствовали как раз об обратном. Уже в марте 1923 г. Зыбко был освобожден из-под стражи<sup>3</sup>.

Это были два наиболее «громких» процесса 1921 г. Определенные положительные результаты были достигнуты. Только в Ачинском уезде еще до середины 1921 г. покинули банду Соловьёва и вернулись к мирному труду 125 крестьян

---

подписанный начальником исправтруддома и заведующим арестчастью. По этому списку проходят Зыбко, Замятин, Могилевчик (состав преступления – преступление по должности), Калиняк, Комаровский и Пущилин (состав преступления – «красный бандитизм»). Срок наказания у всех указан 2 года 6 месяцев лишения свободы. См.: Там же. Д. 142. Л. 258.

Такое наказание осужденным было определено по Октябрьской амнистии 1922 г. В феврале 1923 г. Зыбко обращался к Сибпрокурору (без указания установочных данных), что он уже состоит «в разряде образцовых с августа месяца 1922 года» и просил «не найдёте ли возможности освободить меня досрочно». См.: Там же. Д. 100. Л. 409. 16 марта 1923 г. Зыбко, занимавший к этому времени должность заведующего сельскохозяйственной трудовой колонией, был освобожден из заключения по решению ВЦИК как отбывший половину срока наказания. Его поделщики по этой причине были освобождены в период с 24 апреля по 31 мая 1923 г. См.: Там же. Л. 411–412, 423, 451–452, 463–464.

<sup>1</sup> Красное знамя. 1922. 17, 26–28 янв.

<sup>2</sup> Там же. 26–28 янв.

<sup>3</sup> ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 100. Л. 368–412. После образования Кузнецкого округа К.А. Зыбко работал в административном отделе, а 16 июля 1930 г. был назначен начальником этого отдела. См.: ГУВД Кемеровской области... С. 30, 262. Относиться к архивным документам можно по-разному – верить или не верить заложенной в них информации, но в любом случае это официально сохраненные следы давнего или не очень прошлого. В случае с К. Зыбко они позволяют проследить эволюцию его перерождения от сотрудника политбюро до «красного бандита». После вступления в должность в начале 1921 г. он в докладе о работе Марининского политбюро за 1-й квартал 1921 г., анализируя ситуацию, вскрывал причины развернувшегося в уезде террора со стороны членов комячеек, бывших партизан. Населения, не понимая, что происходит, «живут в полном страхе. В последнее время в некоторых местностях замечается большой процент желающих вступить в комячейки, но записываются... не [из] желания быть коммунистами, а из-за страха найти в комячейке защиту от террора самих комячеек». См.: ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 1. Д. 5. Л. 81 об. Оценки и выводы доклада верны и правильны. Но на практике уже летом Зыбко сам стал участником творимого в уезде произвола.

ян, ранее ушедших в тайгу из-за боязни бесчинств и притеснений со стороны сотрудников милиции и отрядов Перевалова<sup>1</sup>. Мариинское политбюро в очередной информационной сводке в октябре 1921 г. сообщало, что «в связи с прекращением самочинных арестов и обысков, производимых на местах милицией и комячейками, настроение населения уезда изменилось в лучшую сторону»<sup>2</sup>. Это отмечал и Ем. Ярославский. Стали возвращаться домой «бандиты» из числа тех, кто просто вынужден был скрываться от Зыбко и его подельников<sup>3</sup>.

Попытки властей в течение 1921 г. как-либо повлиять на проявления «красного бандитизма» более радикальных результатов не дали, наоборот, вызвали на местах негативную реакцию. Так, члены Пачинской волостной комячейки Томского уезда С.А. Климович, А.Ф. Лукьянов и П.И. Подонин, стремясь расправиться с семью жителями деревни Колмогоровой, 12 июля 1921 г. сфабриковали записку и подкинули одному из убитых бандитов. Затем, используя её, арестовали 9 человек, семейных из которых расстреляли на месте как пособников бандитов.

После получения информации о случившемся президиум Томского губкома РКП(б) направил в Пачинскую волость комиссию для расследования. Результатом её работы стал арест участников расстрела и предание их суду революционного трибунала<sup>4</sup>. В ответ на это коммунисты ячейки и советские активисты на волостной конференции в октябре 1921 г., в частности, потребовали освобождения С. Климовича до суда на поруки, приводя в качестве аргумента защиты факт участия Климовича в борьбе с колчаковцами. Более того, в случае отказа они грозились распустить ячейку и снять с себя ответственность перед властью<sup>5</sup>.

В связи с этим ультиматумом Томский губком РКП(б) 9 октября 1921 г. на заседании принял решение о необходимости разъяснить пачинским коммунистам недопустимость выдвижения каких-либо требований и ультиматумов подобного характера, объявив им выговор. Губчека было предложено ускорить рассмотрение дела С. Климовича и др.<sup>6</sup> Заседание выездной сессии губтрибунала состоялось 2 декабря 1921 г. в форме открытого судебного заседания. Все обвиняемые были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу.

По схожим сценариям происходили события в ряде уездов Енисейской и Иркутской губерний, где местные коммунисты проводили собрания и съезды, защищая «проштрафившихся». Как и в первом случае, активно использовались ультиматумы и угрозы. Например, в Красноярском уезде о выходе из партии в знак

<sup>1</sup> Шарыповское дело... С. 126.

<sup>2</sup> ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 100. Л. 204.

<sup>3</sup> Красное знамя. 1922. 27 авг.

<sup>4</sup> См. :ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 300–304. Автору не удалось выяснить судьбу названных лиц. Каких-либо материалов ни в ГАТО, ни в ЦДНИ ТО, ни в архиве УФСБ РФ по Томской области, где хранятся дела или материалы на лиц, осужденных губернским ревтрибуналом, выявить не удалось.

<sup>5</sup> Там же. Д. 33. Л. 4; *Шишкин В.И.* Красный бандитизм... С. 48. На объединенной конференции Пачинской организации РКП(б) с представителями сельских советов присутствовали 4 члена РКП(б), 19 представителей от сельсоветов, 4 – от волысполкома. Райком партии представлял некто Черединов, который, по всей очевидности, занял позицию стороннего наблюдателя. Выписка из протокола была заверена 5 октября 1921 г. секретарем райкома РКП(б).

<sup>6</sup> См. : ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 33. Л. 1.

протеста против арестов и предания суду милиционеров за самовольный расстрел бандитов при конвоировании в г. Красноярск заявили сразу 3 комячейки<sup>1</sup>.

Однако были ультиматумы и несколько иного рода. Сахалинская комячейка Рождественской волости Томского уезда на своем заседании 22 января 1922 г. рассмотрела вопрос о контрреволюционных действиях в дер. Сергеево этой же волости А.С. Пангина и А.О. Шулицкого. Постановление гласило: «Просить Томскую губчека ПРЕДАТЬ ВЫШЕУПОМЯНУТЫХ (здесь и далее выделено в тексте. – В.У.) граждан как производящих своеручно порки, расстрелы и поджоги в 1919 г., а также участвующих в банде Олиферова, высшей мере наказания – РАССТРЕЛУ, а в случае [если они] будут освобождены, то настоящий протокол будет приведен в жизнь Сахалинской комячейкой РКП»<sup>2</sup>. Этот документ хранится в архиве как копия с копии, и на нем имеются только заверительные подписи. Никаких резолюций нет, неизвестна и реакция на этот ультиматум.

Показательные процессы и выездные заседания ревтрибуналов кардинально изменить положение не могли. На местах оставалось еще много «пламенных» борцов с «контрой», чаще всего безоружной. Так, К. Цибульский<sup>3</sup> в докладной записке в Томскую губЧК о ходе борьбы с бандитизмом и деятельности комячек в Мариинском и Щегловском уездах в ноябре 1921 г. писал, что «большинство [бандитов] загнано [в леса] из-за личных счетов на местах. Власть имущие этим пользуются. И вижу: истинно белых в тайге почти не имеется. Я убедился, что большинство скрывающейся публики желают выйти из тайги и жить своим прежним мирным трудом, но трагедия их в том, что многие выходили к властям с повинной, а их убивали и убивают. Поэтому оставшиеся в тайге теперь не верят, что с ними не поступят так же, как с их товарищами (примеры имею).

...Теперь появились храбрецы над мирными жителями и чинят безобразия по отношению крестьянства, чем дискредитируют наше советское правительство, коммунистическую партию. Примеры: кто мог уполномочивать ячейки устраивать «варфоломеевские ночи», когда за одну ночь из нескольких деревень и сел уводились граждане – обыкновенные крестьяне – как бы на допрос или куда-либо, а потом их находили плывущими по реке или брошенными на окраине деревни или села. За примерами далеко ходить не буду, ибо мне об этом говорили лица ответственных постов, устраивавшие эти вещи. Ужас только в том, что в эти ночи расправ уничтожались люди только по личным счетам, и убивали за то, что он интеллигентный человек, умывался три раза в день, носит очки и имеет старое рваное кресло.

<sup>1</sup> ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 80. Л. 12; Шикин В.И. Красный бандитизм... С. 48–50.

<sup>2</sup> См.: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. Л. 10. Каких-либо данных о судьбе А.О. Шулицкого выявить не удалось, а на Пангина Алексея Семеновича, он же Сорокин Николай Иванович, 1874 г.р., ур. дер. Сергеево, в архиве УФСБ РФ по Томской области обнаружены два дела. Первый раз он был арестован в 1922 г. (возможно, это и была реакция на решение Сахалинской комячейки). Осужден к ВМН – расстрелу – с последующей заменой по амнистии ВЦИК на 4 года заключения в исправтруддом со строгой изоляцией и поражением в правах на 5 лет, с конфискацией имущества. Вторично арестован в 1932 г. Осужден на 5 лет концлагерей. См.: Боль людская: Книга Памяти жителей Томской области, репрессированных в 1920-х – начале 1950-х гг.: в 3 т. Томск, 2016. Т. 2. С.499.

<sup>3</sup> Один из руководителей партизанского движения в Томской губернии в период колчаковщины, впоследствии председатель Томского горисполкома.



...Во многих местах пролезли в ячейки отбросы масс, люди-лентяи с худым прошлым...»<sup>1</sup>.

Документов подобного содержания или с информацией о конкретных случаях в архивах Сибири отложилось немало. Брошенные в годы революции и Гражданской войны семена зла дали благодатные всходы, часто беззаконие и произвол декларировались руководителями Советского государства как единственное радикальное средство борьбы с контрреволюцией. Кроме того, к власти, особенно на местах, пришло очень много случайных и сомнительных личностей, готовых самоутверждаться любыми способами, в том числе и за пределами закона, морали и совести. В то же время руководящие органы, в частности Сибири, столкнувшись с фактами и примерами «красного бандитизма», длительное время пребывали в растерянности и не смогли (или не захотели) организовать борьбу с этим явлением гласно, открыто и широко. Чаще всего предпринимались попытки не допускать утечки информации (даже о судах над бандитами) в соседние регионы, а судили бандитов по принципу «революционного правосознания» и «политической целесообразности». Как же судить товарищей по партии (оружию), если они сами таковы и в любой момент могли оказаться на их месте?!

Здесь уместно привести еще один документ, суть которого отражала отношение большевистского руководства к этому явлению. Сибирская областная комиссия по проверке личного состава партии 2 сентября 1921 г. направила во все губернские и уездные комиссии по проверке личного состава и очистке партии в Сибири секретный циркуляр, в котором, в частности, констатировала: «...все чаще и чаще в Сибири стали повторяться случаи самочинных расправ со специалистами, контрреволюционерами и даже ответственными работниками РКП, в которых нередко принимают участие и члены РКП, в особенности деревенских ячеек.

Были случаи, что такие выступления поощрялись и даже руководились ответственными работниками. Нередко выступлениям помогали милиционеры и чекисты»<sup>2</sup>.

Особое место в циркуляре было отведено деревенским комячейкам, которые в отдельных случаях препятствовали вывозу продуктов, вмешивались в распределение и даже организовывали разграбления ссыпных пунктов. Были случаи, когда такие акции завершались открытым выступлением против советской власти.

Комиссия, оценивая подобные события Сиббюро ЦК РКП(б) как «красный бандитизм», робко упоминала в циркуляре лишь о наличии «зачатков этой заразы» и ставила задачу, не преувеличивая её значения, изолировать «зараженных». Особое внимание следовало обратить на предрасположенных к «красному бан-

<sup>1</sup> См.: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 290.

<sup>2</sup> Секретный циркуляр Сибирской областной комиссии по проверке личного состава партии всем губернским и уездным комиссиям по проверке личного состава и очистке партии // ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 166. Л. 17; *Боженко Л.И.* Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне (конец 1919 – 1927 г.). Томск, 1969. С. 87. Возможно, результатом деятельности комиссии явился отмеченный в Госинфсводке ВЧК в январе 1922 г. факт роспуска в Щегловске сельской комячейки «за краснобандитские тенденции». См.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 1. С. 565.

дизму» членов партии, так как большинство участников этого явления – всего лишь жертвы провокации в силу ограниченности собственного кругозора.

Комиссия допускала санкцию «изгнание из партии» только для ответственных и грамотных членов партии, отчетливо отдававших себе отчет в совершаемых действиях и причастных к бандитизму. Другой категорией подлежащих изгнанию были провокаторы, вожаки и кулаки, «воодушевляющие незнатных членов на бандитизм». После прочтения последнего тезиса возникает несколько вопросов: как и по каким признакам отличить вторую группу от «отдававших отчет в своих действиях»; в чем суть провокаторства и о каких кулаках речь, если партия объединяла в своих рядах наиболее передовую (чаще всего бедняцкую. – В.У.) и сознательную часть населения; кто принял этих «кулаков» в партию? А судьи кто? Речь шла о привлечении «опытных партийных товарищей», но могли ли они дать действительно четкую оценку произошедшему, с чем они могли сравнивать и какой нормативно-правовой базой воспользоваться?

Комячейки, члены которых «поголовно заражены бандитизмом», подлежали роспуску и последующей проверке. Интересно, что члены таких ячеек могли вновь возбуждать ходатайства о приеме в партию, но с оговоркой: в установленном для приема новых членов партии порядке. Предполагалось каждое ходатайство всесторонне и тщательно проверять.

В отношении остальных «виноватых» целесообразными считались: направление в партийные школы; изоляция – перевод для работы в районы, «не зараженные бандитизмом» (какая же это изоляция, да и были ли в Сибири места, не пораженные этой бациллой вседозволенности? Л.И. Божено указывал, что в 1921 г. не оказалось ни одной губернии в Сибири, где не были бы отмечены факты террористическо-бандитских актов); перемена рода работы (например, для чекистов и милиционеров из рабочих или крестьян-бедняков на другую советскую или партийную работу); направление в ячейки, зараженные бандитизмом, старых партработников для производства отбора и т.д. (не указано, какого отбора и куда).

Появление подобного документа не способствовало борьбе с «красным бандитизмом». Его авторы, вне всякого сомнения, согласовали текст с «инстанциями». О каких кардинальных мерах борьбы можно было вести речь, если даже за открытые выступления против советской власти эта самая власть лишь «грозила пальчиком». Видимо, по-другому и быть не могло, ведь наказывать надо было своих товарищей, а к каким последствиям это наказание могло привести, оставалось лишь предполагать.

Предложенные Сиббюро ЦК РКП(б) мероприятия по борьбе с «красным бандитизмом» так и остались на бумаге. Можно сделать вывод, что в основном меры по локализации проявлений «красного бандитизма» носили характер половинчатости и были непоследовательными. Принимаемые решения не доводились до логического завершения, отстаивание «чести мундира» присутствовало практически при любом рассмотрении дел по фактам самоуправства партийных и советских работников и активистов. Не зная, как искоренить это явление, «верхи» вынуждены были предпринимать отдельные действия, но в итоге создавалось впечатление не конкретной работы, а видимости её. Возможно, отдельных руководителей такая форма «борьбы с контрреволюцией» устраивала, так как не тре-

бывалось ни соблюдения законов и иных правовых норм, ни проведения следственных действий и судебных заседаний.

На 5-й Алтайской губернской конференции, состоявшейся в феврале 1922 г., один из её участников, некто Репалов, в своем выступлении по поводу убийства Мамонтова заявил: «Мы должны наказать 1 000 кулаков, иначе он [Репалов] сам станет красным бандитом»<sup>1</sup>. Эта его позиция получила, похоже, одобрение участников конференции. По крайней мере, в протоколе не зафиксировано, чтобы кто-либо из делегатов отреагировал на это заявление, осудил либо разъяснил преступность и пагубность такой позиции. Позицию Репалова можно рассматривать как вполне естественную для того времени.

Другим свидетельством и подтверждением отмеченного выше могут служить многочисленные факты, когда при всей суровости приговоров (опять-таки исходя из указаний «верхов») все завершалось смягчением этих приговоров, а через некоторое время, исчислявшееся несколькими месяцами, полным освобождением от наказания. Лишь единицы были расстреляны.

Явления «красного бандитизма» отмечались в Сибири еще несколько лет, опустившись на более низкий уровень исполнителей, особенно в сельской местности. Так, по данным ПП ОГПУ по Сибири, только в Новониколаевском уезде «красный бандитизм» и его проявления летом 1922 г. были отмечены в 15 волостях. Одним из центров «красного бандитизма» в 1921–1923 гг. стал Кузнецкий уезд, где нарушения закона переходили в произвол, участие в котором принимали и ответственные работники, и рядовые коммунисты. На почве пьянства среди руководящих работников уезда процветало сведение личных счетов, практиковались смещения с должностей и аресты по самым незначительным поводам. Сельские коммунисты устраивали «японские землетрясения», в ходе которых производили массовые аресты и облавы, разрушали крестьянские дома, совершали грабежи и разбои<sup>2</sup>.

Летом 1923 г. газета «Советская Сибирь» рассказала о фактах бандитизма со стороны членов коммуны Усть-Каменогорского уезда и бывшего командующего ЧОН Новониколаевской губернии Внукова и его адъютанта. В первом случае некий Гордиенко сформировал отряд из 10 коммунаров, но вместо поиска бандитов в Таинтинской волости разогнал съезд сельсоветов, начал обыски, отобрал ружья у охотников, а у лесной стражи – револьверы и винтовки. Когда начальник районной милиции попытался урезонить Гордиенко, то был избит. Все эти беззакония творились в связи с якобы обнаружением отрядом Гордиенко банды<sup>3</sup>.

В другом случае, как установило следствие, произошло следующее. В июле 1922 г. в Горном Алтае Внуковым и членами его отряда было реквизировано имущество у населения, из которого он продал 30 лошадей, 12 коров и 6 баранов. Были проданы и 900 пудов овса, принадлежавшего отряду. Вырученные деньги Внуков тратил на личные нужды. Когда ему стало известно, что за ним следят, он

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 435. Л. 12 об.

<sup>2</sup> Угроватов А.П. Уголовный розыск в Сибири... С. 104–106.

<sup>3</sup> Советская Сибирь. 1923. 28 июля.

подделал документы и сбежал, но был задержан в Саратове. Неправомерность своих действий он понимал, так как имел незаконченное юридическое образование. Отягощалась его вина служебным положением, которое он занимал, и членством в РКП(б), пусть и бывшим<sup>1</sup>. Возможно, последнее его и спасло. Если Гордиенко и его помощник Любаев были приговорены к ВМН, то Внукову приговор к ВМН по амнистии был заменен на 10 лет лишения свободы.

О событиях этого периода, получивших огласку позднее, сообщала газета «Советская Сибирь». Так, временно исполнявший должность председателя сельского совета пос. Липовского Каргатского уезда Тихон Астапов, зная об истинных убийцах своего брата, ложно заявил **окружающим ячейкам** (выделено мною. – В.У.), что убийство совершили заговорщики – контрреволюционеры. Под этим предлогом он создал группу из 12 чел. (2 милиционера, несколько бывших председателей сельских советов, волисполкомов и земельных органов), к моменту выхода публикации уже исключенных из членов РКП(б), и начал производить незаконные обыски, изъятие имущества и избиения крестьян, не имевших отношения к убийству.

Для демонстрации того, что коммунисты находятся в опасности, 9 января 1923 г. убили «мучительным способом» коммуниста Лукьянчикова, его жену и троих малолетних детей. Приговор по делу был суров, но дело даже не в том, что преступники были изобличены и наказаны, а в том, что преступления совершили люди, облеченные (или облеченные ею раньше) властью, осознанно и обдуманно<sup>2</sup>.

К периоду 1922–1923 гг. относились события, связанные с действиями бывшего секретаря партиячейки и председателя Худяковского сельского совета Щегловского уезда П.В. Худякова, терроризировавшего население, проводившего со своими друзьями-помощниками (такими же, как он, активистами) самочинные аресты, имитацию расстрелов с непосредственной стрельбой в направлении «приговоренных к казни». Все это сопровождалось регулярными пьянками, понуждением к сожительству, использованием служебного положения в личных целях, т.е. своими действиями Худяков дискредитировал советскую власть. Решением контрольной комиссии он был исключен из партии, материалы по делу были переданы в следственные органы<sup>3</sup>. Чем завершилась эта история, установить не удалось.

В начале 1924 г. в трех волостях Кузнецкого уезда была проведена чистка партийных организаций. Из 296 членов и кандидатов в члены РКП(б) получили взыскания 202 (68,2%), 173 из них (85,6%, или 58,4% от общего числа коммунистов) были исключены из партии. В числе исключенных оказались секретарь Кузнецкого уездного партийного комитета Травников, начальник уездной милиции Рогов, зам. председателя уисполкома Осипов. В отдельных уездах распускались целые партийные организации, а члены их исключались из партии и отдава-

<sup>1</sup> Советская Сибирь. 1923. 17 авг.

<sup>2</sup> Выездной сессией Новосибирского губсуда в с. Каргат из 18 членов группы двое были приговорены к ВМН – расстрелу, 13 – к различным срокам лишения свободы, двое оправданы, а один – убийца Лукьянчикова, брат главного обвиняемого, И. Астапов, скрылся, судьба неизвестна. См.: Советская Сибирь. 1924. 6 июня.

<sup>3</sup> «Дело Худякова (письмо из Щегловска)» // Там же. 1926. 16 февр. В 1924–1926 гг. в Сибири прошла очередная волна судебных процессов над ответработниками и коммунистами, совершившими красnobандитские преступления в 1921–1923 гг. «Советская Сибирь» регулярно сообщала об этих делах.

лись под суд; например, были распущены Решетовская и Черновская волостные организации в Каргатском уезде Новониколаевской губернии<sup>1</sup>.

В 1924–1927 гг. по решению краевой контрольной комиссии из рядов коммунистической партии были исключены 6 670 чел., в том числе 965 – за уголовные преступления, 513 – за должностные и 685 – за растраты. Среди привлеченных к уголовной ответственности были и лица, привлекаемые за «красный бандитизм» в 1921–1922 гг. В апреле–сентябре 1924 г. Новониколаевская губернская контрольная комиссия рассмотрела подобные дела на 20 коммунистов, все были исключены из партии. Но говоря о борьбе за чистоту рядов, нельзя не учитывать, что партийно-советское руководство защищало своих провинившихся коллег, тормозило следственные и иные действия, направленные на установление истинной виновности. Так, в 1924 г. в Новониколаевской губернии самый короткий срок рассмотрения таких дел (93 дела) составил 3 месяца, для 133 дел – вдвое больше, для 205 дел – 12–14 месяцев, рассмотрение 64 дел – от 2 до 3 лет.

Вот один из характерных примеров. Уполномоченный Каменского окрисполкома Сполохов избивал в катажной камере крестьян, задержанных в связи с возбуждением дела по ст. 107 УК РСФСР. За нарушение социалистической законности Сполохов был арестован, что привело к конфликту в руководстве округа. За «жертву» вступился временно исполняющий должность секретаря Каменского окружкома партии, член бюро окружкома, начальник окротдела ОГПУ Узликов, который с угрозами потребовал от окружного прокурора освобождения Сполохова. Мотив: прокурор не имеет права арестовывать окружных работников. И это заявил человек, для которого защита законности была одной из основных служебных задач. Для разрешения возникшей конфликтной ситуации потребовалось вмешательство краевого прокурора; Сполохов все-таки был осужден на 2 года лишения свободы. А сколько «сполоховых» ушло от наказания, можно лишь предполагать<sup>2</sup>.

После 1925 г. «красный бандитизм» перестал носить массовый характер. Причины во многом продолжали оставаться прежними – недовольство отдельных граждан гуманным отношением власти к преступившим закон. И если в первые годы негативное отношение вызывала «недобитая контра», то теперь преобладающими стали «хозяйственно-бытовые» мотивы, т.е. связанные с преступлениями обычного уголовного характера (конокрадство, воровство, а также сведение личных счетов и т.п.). Весной 1925 г. в с. Солоновка Сычевского района Алтайской губернии по сговору секретаря сельской партиячейки, секретаря райкома партии и начальника уездной милиции был убит крестьянин Попов, объявленный бандитом и хулиганом. В ходе следствия было установлено, что председатель Солоновского кооператива Лукин брал на учет всех, кто в какой-либо мере выступал против него (таковых оказалось 9 чел.), затем справлялся с ни-

<sup>1</sup> Угроватов А.П. Уголовный розыск в Сибири... С. 115.

<sup>2</sup> Там же. С. 139, 143, 152.

ми, в том числе убивая неугодных. До убийства Попова все предыдущие убийства раскрыты не были<sup>1</sup>.

Наряду с произволом со стороны представителей власти было немало фактов самосудов со стороны населения, потерявшего надежду найти защиту у власти от «лихого» люда; даже задержанных на месте преступления власть наказывала, по мнению населения, несоизмеримо мягко с тяжестью совершенного, а иногда и вообще освобождала от наказания по разным причинам. Так, 21 ноября 1925 г. на имя временно исполняющего должность прокурора Сибири А. Пачколина поступила шифротелеграмма за подписью заместителя полпреда ОГПУ по Сибири Б. Бака и начальника КРО ШП ОГПУ Г. Валейко, содержащая копию шифротелеграммы из Бийского окротдела ОГПУ: «[В] ночь [с] 12 на 13 [ноября у] села Марушка пойман крестьянами совместно [с] ячейкой конокрад-рецидивист Буздалкин. 13 [ноября] кандидатом [в члены] партии[,] временно исполняющим [обязанности] секретаря ячейки Гапоненко [он] расстрелян. Дело расследовано специальной комиссией. Подробности почтой. Вольфрам»<sup>2</sup>.

В информационных материалах Сибкрайкома РКП(б) к предстоящему докладу Сибирской краевой прокуратуры на бюро крайкома в разделе «Самосуды и красный бандитизм» отмечалось, что секретарь кандидатской ячейки Гопаненко (так в тексте. – В.У.) во время публичного допроса Буздалкина подстрекал толпу крестьян к самосуду. Буздалкина вытащили на улицу, и начался самосуд, но задержанного отстоял милиционер. На следующий день Гопаненко и еще один член сельского совета увели Буздалкина на кладбище, где Гопаненко последнего и застрелил. Комиссия Бийского окружного комитета партии установила, что Гопаненко после убийства Буздалкина пытался скрыть следы преступления. Сельская ячейка отнеслась к происшедшему безразлично, никак не отреагировала. Причина крылась в том, что население потеряло надежду избавиться от Буздалкина, который продолжал заниматься кражами и бесчинствовать, угрожая оружием. На вопрос комиссии сельскому собранию, правильно ли поступил Гопаненко, забывая, что есть суд и специальные органы, ведавшие этими делами, «собрание молчало, за исключением одного гражданина, который вместо ответа крикнул: “Воров бей”»<sup>3</sup>.

Еще более страшный по своей жестокости случай произошел в Аларском аймаке Бурмонгольской области, где под предводительством милиционера и нескольких вооруженных комсомольцев (все буряты) производились обыски у русской части населения и аресты, а трое пойманных, подозреваемых в воровстве, были убиты.

При допросах применялись избияния прикладами ружей, револьверами, кулаками, палками, высказывались угрозы расстрела. Из ближайших улусов стали стекаться любопытные, принявшие участие в избииении (до 100–150 чел.). Комиссия констатировала, что «во время избияния применялись самые зверские выходки, как, например, арестованные из числа убитых обливались кипятком, а в задний проход забивали палки и прочее, арестованных... гоняли по улусу, гоняясь

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 4. Д. 2. Л. 95, 98.

<sup>2</sup> Там же. Л. 28.

<sup>3</sup> Информационные материалы Сибкрайкома ВКП(б) к предстоящему докладу Сибирской краевой прокуратуры на бюро крайкома ВКП(б) «О революционной законности». См.: Там же. Д. 19. Л. 64–65.

за ними верхами, заставляя арестованных бежать до изнеможения, и когда они бежать не могли, их начинали бить, на арестованных клали жерди и на них качались...». В избивании принимали участие все «кому не лень вплоть до маленьких ребятишек»<sup>1</sup>.

Ни советские, ни партийные органы выводов не сделали, мер не предприняли, на президиуме аймачного комитета в качестве информации было доложено: «Ничего серьезного не было, убили только 3 уголовных преступников». Все арестованные по убийству к моменту приезда комиссии были освобождены и успели предпринять шаги по сокрытию следов преступления. И в этом случае комиссия сделала вывод, что причина подобных действий населения кроется в неверии власти и безнаказанности преступников.

В дер. Н.-Шипуново Рубцовского округа проявлением «красного бандитизма» стало убийство двумя членами сельской партичейки гражданина Зайцева. 18 октября 1925 г. после распития самогона возникла ссора, а затем драка между И. Зайцевым, коммунистами М. Казанцевым и братьями И. и Д. Новиковыми. Отец И. Зайцева в 1919 г. исполнял обязанности волостного старшины и подозревался партизанами в предательстве, за что и был казнен. Убийство И. Зайцева произошло на почве имевшейся у партийцев боязни мести с его стороны за убитого во время партизанщины отца. И вновь никаких мер по отношению к убийцам-коммунистам<sup>2</sup>.

Если в первой половине 1920-х гг. государство пыталось бороться с проявлениями «красного бандитизма», пусть и достаточно бессистемно, то во второй половине 1920-х гг. оно даже исключило этот термин из оборота. Утрата политического аспекта, первоначально содержавшегося в проявлениях «красного бандитизма», привела к частым случаям злоупотребления либо превышения служебных полномочий, нарушению революционной законности и некоторым иным противоправным действиям.

Данное явление изжить до конца так и не удалось, благодатная почва беззакония первых лет советской власти взрастила хороший урожай. Легче всего было жить по законам военного времени, многие активисты так и не смогли забыть ту легкость, которая позволяла им вершить судьбы, не задумываясь о последствиях. Они гордились своим «заслуженным» прошлым.

Начавшийся в 1928 г. хлебозаготовительный кризис заставил государство забыть о какой-либо законности. Перед властью на местах были поставлены задачи выполнить план хлебозаготовок любыми способами, каждому органу власти определены участок и направление работы. И вновь начались беззаконие и произвол: незаконные обыски, реквизиции, давление на крестьянство через административные рычаги (закрытие магазинов и кооперативных лавок, запрет приема молока на переработку и т.п.). Заметно возросло число должностных преступлений, каждый ответработник хотел выжить в этой «драке», но выжить за счет ко-

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 19. Л. 66–67.

<sup>2</sup> Там же. 69; *Угроватов А.П.* Уголовный розыск в Сибири... С. 126.

го-либо другого, тем более, что вышестоящая власть сама показывала и учила закрывать глаза на Закон – цель оправдывала средства.

А.П. Угроватов в исследовании, посвященном «красному бандитизму» в Сибири, выделил 4 этапа его развития, охватывавших период с 1921 по 1929 г. Первый этап ограничивался 1920–1921 гг. – до проведения в Сибири политики нэпа. Второй этап – 1921–1924 гг. – начало реализации нэпа. Власть начала предпринимать попытки борьбы с «красным бандитизмом», но не столь активные, чтобы победить его. К концу 1924 г. наблюдается снижение красnobандитских проявлений. Третий этап – 1924–1927 гг. – период активного проведения нэпа. Четвертый этап – 1928–1929 гг. – завершение нэпа и целый ряд кризисов в стране, вновь вызвавших это явление к действительности<sup>1</sup>. За эти годы «красный бандитизм» заметно изменился.

Приведенную периодизацию можно считать достаточно условной. На мой взгляд, при оценке явления «красного бандитизма» доминирующими следует признать социально-политические условия. Следовательно, речь необходимо вести о степени проявления этого явления по его «активности» и направленности. Таким образом, «красный бандитизм» как социальное явление можно делить на следующие периоды: 1920–1922 гг. – заключительный период Гражданской войны, период ярко выраженного «политического» характера – сведение счетов с бывшими сторонниками прежнего режима и противниками периода Гражданской войны. Главенствующую роль в этот период играли преимущественно представители партийно-советского актива, сотрудники ВЧК–ГПУ и милиции. Второй период – 1923–1926 гг. – период «борьбы» преимущественно с уголовной преступностью, который характеризуется ростом активности местного населения, увеличением числа незаконных расправ и самосудов при активном участии в них представителей органов власти. Проявление стихийности и «инициативы» отдельных должностных лиц и местного населения можно объяснить необходимостью самостоятельно защищать себя от уголовных элементов.

Вплоть до начала массовой коллективизации считаю уместным вести речь уже о наличии «государственного» следа в нарушении законности. Все чаще эти нарушения становятся следствием указаний, поступавших «сверху». Государство через партийно-советский аппарат при поддержке правоохранительных органов, в первую очередь прокуратуры, стало ужесточать требования к выполнению поставленных задач, что развязывало руки исполнителям на местах. Вновь стали проявляться политическое расслоение и противостояние в обществе. В этих условиях необходимо говорить уже не о проявлениях «красного бандитизма», а о фактах государственного террора. Вновь стали создаваться чрезвычайные органы – всевозможные «тройки», «пятерки», выездные группы и бригады из работников суда и прокуратуры, аппараты особо уполномоченных из числа партактива и сотрудников ОГПУ.

Один из ведущих исследователей этого исторического феномена доктор исторических наук В.И. Шишкин в работе «Красный бандитизм в советской Сибири»<sup>2</sup> показал причины его возникновения и масштабы проявления, отношение

<sup>1</sup> Угроватов А.П. Уголовный розыск в Сибири... С. 206.

<sup>2</sup> См.: Советская история: проблемы и уроки : сб. статей. Новосибирск, 1992. С. 3–79.



к нему властных органов, рассмотрел социальный состав его участников и подчеркнул пагубность этого явления для населения Сибири. Ем. Ярославский, характеризуя «красный бандитизм» в своих работах, определял его как социально-политическое явление: «Красным бандитизмом мы называли такие преступления, как грабежи, тайные убийства, расправы и другие факты, совершаемые не белыми, а “красными” или бывшими “красными” партизанами, или членами РКП(б), причем [совершающие] эти преступления люди пытаются их представить не просто как зверское убийство или уголовный грабеж, а изображают их как благородное и необходимое дело, как борьбу будто бы с контрреволюцией... На самом же деле красный бандитизм – самое вредное явление, он иногда вреднее даже белого бандитизма, он часто – родной ему брат»<sup>1</sup>. Еще более жестко «красный бандитизм» охарактеризовал Л.И. Боженко, оценив его как «глубоко контрреволюционный»<sup>2</sup>.

Анализируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что явления, характеризующиеся как «красный бандитизм», носили неслучайный характер и не были единичными. Эти «проявления» представляли собой сложившуюся систему отношений. Сибирь не была исключением в этой системе отношений, здесь лишь были использованы «наработки» и опыт предыдущих лет из регионов европейской части страны. Проявления «красного бандитизма» проявлялись повсеместно, будучи порожденными борьбой большевиков за власть, гражданской войной и её результатами. К объективным причинам проявлений «красного бандитизма», вне всякого сомнения, можно отнести последствия противостояния и борьбы в годы Гражданской войны, сложную экономическую и политическую обстановку в Сибири накануне и в первые годы нэпа, тяжелое экономическое положение большей части сельского населения, низкий уровень общего и культурного развития и др. Субъективными причинами являлись: наличие классовой злобы и ненависти малоимущих и обездоленных к «угнетателям»; то, что «красный бандитизм» носил характер целенаправленной, идеологически обоснованной и регулярно «подкармливавшейся» постулатами о классовой борьбе и её развитии политики, пусть и не всегда организуемой и поддерживаемой «верхами»; наличием большого числа людей, для которых «работа с оружием в руках» стала делом всей жизни, тем более, что достаточно часто действия этих «активистов» на местах получали молчаливое одобрение руководителей партийных и советских органов.

Даже по прошествии многих лет сложно оценить ущерб и моральный вред, нанесенный этой уродливой формой борьбы за «светлое будущее». Вне всякого сомнения, «красный бандитизм» способствовал воспитанию у рядовых граждан чувства страха и боязни, а у непосредственных участников беспредела – чувства вседозволенности и безнаказанности. Многие из них, не будучи серьезно наказанными за свои преступления в 1920-е гг., проявили себя, сумев впоследствии подняться выше

<sup>1</sup> Ярославский Ем. О красном бандитизме: (Маринское дело). Томск, 1922; См. также: Боженко Л.И. Об одной из форм классовой борьбы в Сибири накануне и в первые годы новой экономической политики // Тр. Том. гос. ун-та. Сер. ист. 1969. Т. 214, вып. 4. С. 226–236.

<sup>2</sup> Шишкин В.И. Красный бандитизм... С. 4.

по партийной и советской служебной лестнице, получив больше прав и возможностей командовать большим числом людей, а главное, распоряжаться их судьбами.

#### 1.4. Крестьянское сопротивление

На селе большевикам пришлось столкнуться с сопротивлением зажиточной части крестьянства. Выход был найден и в этой ситуации – наиболее активных противников относили к кулакам, спекулянтам и т.п. и ограничивали в правах, например, лишали права голоса. По Конституции РСФСР не могли быть избранными:

- а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли;
- б) лица, живущие на нетрудовой доход;
- в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники;
- г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов;
- д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений;
- е) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором<sup>1</sup>.

Пункты «а» и «б» прекрасно подходили к зажиточному крестьянству, да и крепкому середняку.

Факторы административного давления и ограничения в правах сыграли немаловажную роль в создании основы антибольшевистских выступлений крестьянства. Напряжению обстановки в Сибири способствовала и мобилизация мужского населения в армию, когда десятки тысяч человек вновь были вынуждены надеть шинели и защищать советскую власть, для многих еще не ставшую «родной и близкой», на Южном и Западном фронтах. Как и в годы колчаковщины, часть мужского населения дезертировала и уходила в леса, что привело к организационному началу процесса формирования уголовных, а в отдельных случаях и уголовно-политических банд.

С освобождением Сибири от колчаковщины на её территорию была распространена политика «военного коммунизма», основанная на системе ограничений и принуждений всех членов общества к трудовой повинности и принудительному уравниванию их материального положения. Поддерживаемая беднотой, эта политика у зажиточного крестьянства вызывала резкое недовольство, так как ограничивала возможности торговли по свободным ценам и, главное, позволяла государству обирать его. Введенная в Сибири разверстка имела более 30 видов: на зерно, овощи, мясо, яйцо, кожи и т.д. и предполагала в конечном итоге сломать богатое крестьянство.

Предлогом для изъятия продуктов служил голод в центральных районах России. Для сбора продовольствия при Сибревкоме был создан Сибирский продовольственный комитет (Сибпродком) во главе с П.К. Кагановичем, а на местах – губернские и уездные продкомитеты. К изъятию продуктов были подключены партийно-советский аппарат, армия и чрезвычайные комиссии, которым были даны права применения любых мер принуждения к тем из крестьян, кто не выполнял разверстку. В декрете СНК РСФСР № 171 от 20 июля 1920 г. «Об изъятии

<sup>1</sup> Конституция (Основной Закон) РСФСР от 10 июля 1919 г. Разд. IV, гл. 13, ст. 65 // Декреты Советской власти. Т. 2: 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959. С. 562.

хлебных излишков из Сибири» предлагалось уклоняющихся «... карать конфискации имущества и заключением в концентрационные лагеря...»<sup>1</sup>.

На помощь сибирским большевикам из европейской части России были направлены 6 тыс. продотрядовцев, 9 тыс. продармейцев, 20 тыс. рабочих. В распоряжение Наркомпрода выделялись вооруженные подразделения в количестве 9 000 штыков и 300 сабель. К маю 1920 г. в Сибири реквизировали 16 млн пудов хлеба, 5 из которых к 28 мая уже вывезли<sup>2</sup>.

Появление такого числа «помощников» явилось следствием обращения Сибревкома к советскому правительству с просьбой о формировании в центральных губерниях России «обмолоточно-заготовительных отрядов» численностью в 20 тыс. чел. и направлении их на помощь сибирским крестьянам. Требовалась ли эта помощь в действительности, никого не интересовало. В декрете СНК от 20 июля 1920 г. «Об изъятии хлебных излишков в Сибири» просьбы Сибревкома были учтены. Декрет обязывал крестьян Сибири незамедлительно приступить к обмолоту и сдаче всех свободных излишков хлеба прошлых лет с доставкой до железнодорожных станций и паромных пристаней. Предполагалось привлечь к обмолоту практически все население. Уклонявшихся предполагалось карать как изменников делу революции.

В целях облегчения обмолота хлеба маломощным хозяйствам и семьям красноармейцев военно-продовольственное бюро ВЦСПС при содействии Главкомтруда обязывалось привлечь и направить для продработы в Сибирь продотряды численностью до 6 тыс. человек. Наркомтруд, в свою очередь, обязывался мобилизовать и направить в распоряжение сибирских властей до 20 тыс. крестьян и рабочих, организованных в уборочные дружины.

Уже в сентябре 1920 г. на «помощь» сибирскому крестьянству прибыли 12 446 чел., 5 222 чел. из них остались в Омской губернии. На период «командировки» за членами продотрядов сохранялись их рабочие места и средний заработок, выдавались суточные. Оставшиеся члены семей пользовались правами рабочих данных предприятий или учреждений, в том числе и всеми видами довольствия. Члены обмолоточных дружин за выполнение разверстки в установленные сроки получали по окончании работ премию в размере 10 пудов муки или зерна по твердой заготовительной цене. Кроме того, они имели право еще и на одну посылку продуктов домой – один пуд муки или зерна. Это удобная возможность для власти «подкормить» хотя бы часть голодных рабочих и членов их семей, при этом оставаясь в стороне от происходившего. Подобное стимулирование, несомненно, играло роль в активизации работы продотрядов. Необходимо учитывать, что «продотрядовцы» сами кормились из фондов собранного. И все это ложилось на плечи сибирского крестьянина.

Т. Галкина, ссылаясь на материалы Госархива Омской области, привела ряд примеров плохой организации продработы: проведение заготовительной работы

<sup>1</sup> Сибирский революционный комитет... С. 289; Гришаев В. Ф. За чистую советскую власть. К истории крестьянских мятежей на Алтае. Барнаул, 2001. С. 28.

<sup>2</sup> Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. С. 264.

несколькими отрядами в одних и тех же районах, хищения собранных продуктов членами заготовительных аппаратов. Такие примеры имели место в Тюкалинском уездном продкоме, где между членами продотрядов были поделены 150 пудов окороков и 170 пудов сыра, а в дер. Евгашино (правильно Евгашино. – *В.У.*) (по инициативе агента хлебофуражного отдела и по постановлению местного исполкома были таким же образом «распределены» 70 пудов масла.

Часть дружин могла быть вооружена Сибпродкомом. В каждый заготовительный район направлялись одна дружина численностью 120 чел. и вооруженный рабочий продотряд военизированной охраны (ВОХР) в 25–50 чел. Эти отряды должны были в случае необходимости не позднее 48 часов прийти на помощь уборочным дружинам, а в случае отсутствия необходимости сами занимались продработой на местах<sup>1</sup>.

Наличие такой армии «помощников» не могло не сказываться на выполнении продразверстки на местах. Члены продотрядов и дружин практически выколачивали продукты из населения, так как на добровольную сдачу хлеба рассчитывать почти не приходилось. Такая политика отрядов, конечно же, вызывала протест населения, отдельные проявления которого носили экстремистский характер (избиения и даже убийства «продотрядников»). Недовольство проявляла большая часть крестьянского населения, но виновником безоговорочно объявлялось «кулачество».

«Выколачивание» разверстки из крестьян стало одним из основных моментов, приведших к началу Западно-Сибирского восстания. Хлебные запасы изымались до последнего фунта, конфисковывались лошади, коровы и другой скот без учета семейного положения крестьян. К «несознательным» применялись порки и угрозы оружием. Следователь реввоен трибунала Сибири Е.И. Михалаш в заключительном постановлении по делу о вооруженном восстании в Ишимском уезде в феврале 1921 г. вынужден был конкретно сформулировать обвинения в адрес отдельных продработников, совершавших явно незаконные действия и подлежавших суду, – М.А. Лауриса, В.Г. Соколова, А.С. Крестьянникова, И.М. Гуськова, М.Г. Заплетина и С.А. Полякевич. Все отличались грубостью и жестокостью, были зафиксированы многочисленные случаи избиения крестьян, угрозы физической расправы и уничтожения имущества, а некоторые из них были уличены в хищении имущества и продуктов питания<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> *Галкина Т.И.* Продовольственные отряды Омской губернии в борьбе за хлеб (1920–1921 гг.) // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск, 1965. Вып. 4. С. 137–139, 145.

<sup>2</sup> За советы без коммунистов... С. 58, 69–70, 80–82, 112–113, 244–249 и др. В ходе ликвидации восстания подобными действиями уже «отличались» коммунистические отряды и воинские части. Об этом, в частности, докладывали уполномоченный Сибревкома и штаба Помглавкома по Сибири А.П. Кучкин председателю Сибревкома И.Н. Смирнову 16 мая 1921 г., а также член «тройки» Тюменской губЧК А.Ф. Семенович в губком РКП(б) в начале августа 1921 г. В информационной сводке Тюменской губЧК за 1 июня – 1 августа 1921 г. отмечалось: «Разнузданность и полное отсутствие дисциплины и политработы среди красноармейцев дают себя чувствовать, особенно среди крестьянских масс. Действующие части по ликвидации бандитизма... производят массу мародерства и грабежа, обирая крестьянское население. ...Производили самочинные захваты упряжи, повозок, фуража и проч., съестные продукты со взломом замков, угрожая оружием... Сломал два замка, забрали масло, яйца, сметану, хлеб... унесли все съестные продукты и зарезали двух овец. Под силой оружия... **вынудили готовить ужин, по окончании которого остатками сметаны и проч. вымазали стоящую кузницу** (выделено мною. – *В.У.*)». См.: За советы без коммунистов... С. 450–451, 509–510, 513–514 и др.

В целом в Сибири планировалось к 1 марта 1921 г. заготовить 110 млн пудов хлеба (24% разверстки страны), по 7 млн пудов мяса и масла, 830 тыс. штук овчин, 220 тыс. пудов шерсти, 1,2 млн штук кожи, 7 млн штук пушнины и т.д. Уровень разверстки по сбору хлеба в Сибири был очень высоким – 45%, тогда как по стране – 21%<sup>1</sup>. Изъятие происходило не из наличия излишков, а из потребностей. Достаточно часто изымались продовольственный и семенной фонды.

Введение продразверстки вызвало рост протеста как против самой разверстки, так и против участников её реализации. Начальник Томской уездной милиции в апреле 1921 г. обобщил сведения об оперативной обстановке по уезду за период с 1917 г. В разделе об отношении крестьян к «переживаемому моменту» он писал, что после освобождения от колчаковщины крестьянское население встретило освободителей с большим торжеством и готово было оказывать частям Красной армии различную помощь, в том числе и продовольствием, были даже случаи добровольных пожертвований продуктов. Но введение разверстки как общегосударственной повинности крестьянству «очень не понравилось», так как за отданные продукты крестьяне взамен практически ничего не получали. Запрещение торговли продуктами привело к тому, что часть деревенского населения была поставлена в безвыходное положение – остались без хлеба. Обмен вещей на продукты способствовал росту спекуляции. «Хлеб отбирался и сдавался на ссыпные пункты. Неимущие и вообще крестьяне до крайности обозлились против такого явления и действий. Слышались ропоты и недовольства по адресу власти вообще, а главное – на представителей на местах. В июне... 1920 года, когда был объявлен обмолот старых кладей, крестьяне совершенно взволновались...

... в июле... [в] связи с продполитикой возникали уже вспышки[,] выразившиеся в открытом вооруженном кулацком восстании против власти. После ликвидации упомянутого восстания как-то в заобских районах, а равно и там [,] где побывали банды Лубкова, крестьяне стали занимать выжидательную позицию...»<sup>2</sup>.

Другой причиной недовольства продразверсткой стало поведение членов продотрядов, допускавших «ненормальные действия».

По мнению начальника милиции, бедняки стали сочувственно относиться к советской власти и охотнее сдавать разверстку, кулаки же «обозлились до крайности».

События 1921 г. ситуацию обострили еще больше. Разверстка выполнялась только за счет отрядов, в отдельных случаях привлекалась милиция на местах.

<sup>1</sup> Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Очерки истории сибирской деревни. Новосибирск, 1995. С. 221. Разверстка только по Алтаю выглядела следующим образом: хлеба – 31 млн пудов, 140 586 голов крупного рогатого скота, 250 361 голова мелкого скота, 93 570 свиней, 590 277 пудов масла, 111 609 818 штук яиц, 2 100 000 пудов картофеля, 115 000 пудов льна, 45 700 пудов шерсти грубой, 4 275 пудов шерсти поярковой, 37 000 штук конских кож одного года, 36 800 штук скотских кож от года и выше, 154 700 штук телячьих кож от одного года, 71 700 штук овчин и козлятин, 48 100 штук мерлушек, 4 576 000 пудов сена, 2 750 000 пудов соломы. Отдельные из названных показателей составляли треть от общесибирской разверстки. Многие крестьяне просто не понимали, почему они должны даром отдавать результаты своего труда. См.: Гришаев В.Ф. За чистую советскую власть... С. 27–37.

<sup>2</sup> Сведения о наблюдении по Томскому уезду за весь период существования Советской власти по 25 апреля сего 1921 года. См.: ГАТО. Ф. Р-278. Оп. 2. Д. 11. Л. 2–3.

Характеристика этого периода формулировалась фразой: ...массы на разверстку и продполитику смотрели и смотрят со злостью – враждебно.

По истечении месяца ситуация еще более усугубилась. Настроение масс в уезде по отношению к советской власти враждебное. Население находилось в тяжелых экономических условиях. Кроме экономических проблем, фиксировались многочисленные случаи недовольства неумелым ведением дел на местах, на представителей власти смотрели с большим недоверием по причине проявления «комиссарства» отдельными руководителями. «Волокита наблюдается везде и всюду. Крестьяне говорят, что ответственные посты занимают явные саботажники[,] бывшие белогвардейцы, а если и рабочие, то закомиссарились и обюрократились... появились также обобдиралы и буржуи, хотя и рабочие... ненормальностей действительно довольно и крестьяне до некоторой степени вполне правы...»<sup>1</sup>.

В кампанию 1920/21 г. только за период с 1 сентября по 31 декабря 1920 г. было арестовано 6 985 граждан, конфисковано: лошадей – 4 387, крупного рогатого скота – 3 416 голов, мелкого рогатого скота – 5 268, свиней – 988. В кампанию 1921/1922 года продовольственные сессии осудили 23,1 тыс. граждан, в том числе 677 с полной и 4 733 с частичной конфискацией имущества. Решениями судов 539 чел. были выселены за пределы мест проживания. По судебным приговорам у сельских налогоплательщиков изъято 15,3 тыс. пудов хлеба, 1 005 лошадей, 12,1 тыс. свиней и овец. Общее число административных взысканий на злостных неплательщиков достигло 50,5 тыс.<sup>2</sup>

Замена продразверстки продналогом на первых порах также была встречена «в штыки». О положении в Сибири Ф. Дзержинский писал в ЦК РКП(б): «С начала декабря [1921 г.] до настоящего времени [февраль 1922 г.] выполнение продналога протекало исключительно под сильнейшим неослабным нажимом, переходившим всякие пределы... – приговорами ревтрибуналов, широкой конфискацией имущества движимого и недвижимого, высылка [с] места жительства [для] работы на шахтах, вынесение смертных приговоров (таковые приходилось отменять). Стремление работников выполнить во что бы то ни стало 100% при невероятном сопротивлении налогоплательщиков местами проявлялось [в] крайне жестких мерах, как-то: сажание [в] холодные амбары, вымораживание на снегу, симуляция расстрелов, прочие сверх всякого закона репрессии»<sup>3</sup>.

А вот как описывал произвол продотрядовцев в октябре 1922 г. бывший сотрудник Барнаульского оперпункта ГПУ Кузнецов: «Проезжая с продотрядом по Локтевской волости, я увидел человек 30 крестьян арестованных, которых гнали

<sup>1</sup> Секретный рапорт начальника Томской уездной РКСМ начальнику Томской губмилиции № 521 от 27 мая 1921 г. См.: ГАТО. Ф. Р-278. Оп. 2. Д. 11. Л. 91.

<sup>2</sup> Угроватов А.П. Уголовный розыск в Сибири... С. 72.

<sup>3</sup> ГАНУ. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 98. Л. 5; Угроватов А.П. Уголовный розыск в Сибири... Немало примеров беззакония и беспредела, творимого продработниками, приведено в документальном сборнике «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД...». Например, в дер. Улыбинской Новониколаевской губернии уполномоченные продтройки водили крестьян топить (С. 554), в Омской губернии избивали женщин «до потери сознания, закапывали голыми в снег, производили насилие» (С. 573), в Омском уезде «райуполномоченный... в с. Самойловском арестовал без ведома волревкома почти все население. Крестьян гнал с красным знаменем за 20 верст до штаба, отстающих подгоняли прикладами, угрожая расстрелом» (С. 575), в Каменском уезде один из председателей сельсовета был посажен голым на лед, отчего и умер (С. 578) и т.д. Но, по мнению Омского губкома РКП(б), злоупотребления продработников не имели состава преступления, по этой причине расследование было прекращено (С. 573).

по всей волости, начиная с самого Локтя... и опять в Локоть. Там... арестованных посадили в амбар. Оттуда ночью выводили по одному и начинали бить кулаками и стегать плетью. В селе Локоть [уполномоченным упродкома] Кулагиным был арестован весь сельсовет... которых били кулаками, прикладами винтовок. Стегали плетью и топтали ногами. В числе избитых были и коммунисты... Одного крестьянина (в с. Веселоярском. – В.У.) били-били плетью, прикладом винтовки, а потом подняли его за плечи и ноги кверху и стукнули об пол так, что у него пошла кровь из носа и рта, из ушей. Из комнаты его вытащили полумертвого... Много незаконных требований. Так, в селе Локоть в час ночи Кулагин потребовал от председателя сельсовета... меду, масла, яиц... Иногда требуют самогонки... В Локте Кулагин в кооперативе набрал мануфактуры... за счет налогоплательщиков и отправил её домой. Всеми такими подлостями крестьяне возмущены и открыто говорят, что теперь вы с нас шкуру дерете, а потом мы с вас будем драть...»<sup>1</sup>.

Неприятие политики государства вылилось в цепь многочисленных крестьянских восстаний или, как было принято называть их ранее, мятежей. Недовольство крестьян умело использовали представители оппозирующих большевикам партий.

Так, в марте 1920 г. вспыхнуло восстание в Тюкалинском уезде Омской губернии. В начале мая крупное выступление крестьян Причулымья «подожгло» Барнаульский уезд. Основную массу мятежников составили бывшие партизаны соединения Г.Ф. Рогова и его сподвижника по партизанской борьбе И.П. Новосёлова, который, используя авторитет Рогова, с помощью других партизанских командиров – Леонова, Соколова, Некрасова, Габова, Мурзина, Возилкина, Сизикова – поднял на восстание около 2 тыс. чел., еще большим было число сочувствующих.

Восстание охватило более 30 волостей Барнаульского, Бийского, Кузнецкого и Новониколаевского уездов, проходило в основном под анархистскими лозунгами: «Долой всякую власть», «Да здравствует анархия – мать порядка». Социальный состав восставших был разнородным<sup>2</sup>. Мятежники совершали налеты на населенные пункты, разгоняли ревкомы, громили учреждения, убивали коммунистов, грабили население. Только привлечение особого батальона ВЧК и отдельных подразделений 26-й дивизии Красной армии позволило к концу июня подавить восстание. Рогов был убит, а Новосёлов с небольшой группой повстанцев ушел в Кузнецкий уезд.

Естественным было то, что возглавляли восстания бывшие партизанские командиры. Эти люди обладали необходимыми для лидеров качествами и большим авторитетом, заработанным в ходе боев с колчаковцами. После освобождения Сибири не для всех из них у новой власти нашлось место, многие оказались невостребованными. По этой причине в июне 1920 г. на заседании Сиббюро ЦК РКП(б) был рассмотрен вопрос «О партизанах». Член Сибревкома В.М. Косарев отметил, что «благодаря нетактичному отношению некоторых губкомов РКП(б) к бывшим руководителям партизанских отрядов, на местах партизан начинают

<sup>1</sup> Гришаев В.Ф. За чистоту советской власти... С. 86–87.

<sup>2</sup> Жертвы политических репрессий в Алтайском крае: в 7 т. Т. 1: 1919–1930. Барнаул, 1998. С. 20.

просто травить и тем самым толкают их вновь к созданию партизанских отрядов, но уже против соввласти»<sup>1</sup>. В качестве конкретной меры он, в частности, предлагал подготовить циркуляр-письмо, в котором предложить губкомам создать для партизан условия, чтобы они могли спокойно работать.

Кроме того, от «новой власти они увидели только притеснения крестьянства, выходцами из которого они в своем большинстве и являлись, у которого изымались результаты его труда практически без какой-либо компенсации. Отношение крестьян к нам недоброжелательное и даже враждебное. Вызвано это главным образом тем, что мы у крестьян берем все, а им ничего не даем. Некоторые губпродкомиссары своими приказами способствуют возникновению восстаний. Необходимо поставить их на место...». Таким образом, проблема недовольства крестьян была понятна. При решении её председатель Сибревкома И.Н. Смирнов поставил на первое место выработку плана борьбы с партизанщиной, а лишь затем – план снабжения крестьян предметами первой необходимости. Еще более кардинально «лечить партизанскую болезнь» предложил полномочный представитель ВЧК по Сибири И. Павлуновский: по отношению к восставшим применить высшую меру наказания; **заявить всем начальникам действующих против партизан частей, что они будут наказаны, если не выполнят приказ о применении высшей меры наказания к партизанам.** Результат коллективного обсуждения вылился в решение о создании оперативно-политической тройки для руководства подавлением партизанского движения.

Местное население постоянно обращалось к партизанским вожакам за советами и защитой от притеснений со стороны советской власти, точнее, её представителей.

Сибирское коммунистическое руководство, реально оценивая возможности и опыт партизан, предпринимало все усилия, чтобы не допустить объединения их, как, например, не допустило проведения съезда руководителей антиколчаковского партизанского движения. Эта идея была первоначально поддержана Алтайским и Енисейским губбюро РКП(б), но председатель Сибревкома И. Смирнов добился на заседании Сиббюро ЦК РКП(б) 2 июля 1920 г. принятия решения о нецелесообразности организации и проведении этого съезда: «...таковой съезд даст возможность партизанам сорганизоваться, и поэтому он абсолютно недопустим... созыв съезда может дать только отрицательные результаты»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Выписка из протокола № 48 заседания Сиббюро ЦК РКП(б) 11 июня 1920 г. См.: *Шишкин В.И.* Сибирская Вандея: вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году. Новосибирск, 1997. С. 29. Лояльное отношение большевистского руководства к красным партизанам сохранялось практически до окончания нэпа. Но уже с начала кампании хлебозаготовок в 1928 г. все чаще и чаще партизаны начинали роптать на проводимую политику, на их съездах и собраниях стала звучать критика раскулачивания, появились призывы к борьбе с режимом. Многие из них были «вычищены» в ходе партийной чистки 1929 г., в частности, за отношение к политике коллективизации и раскулачивания. См. подробнее: *Климук Я.А.* Раскулачивание и красные партизаны Алтая в 1928–1933 гг. // Алтайская деревня в 20–30-е годы XX века : сб. науч. тр. Барнаул, 2010. С. 142–151. В течение 1930-х гг. власть через органы ОГПУ–НКВД уже не выпускала красных партизан из поля своего зрения, понимая, что многотысячная армия недовольных властью может создать серьезную угрозу для режима. По данным В. Разгона, в 1928–1933 гг. партизаны составили 3% от числа всех осужденных в эти годы, т.е. несколько сот человек. См.: *Разгон В.Н.* Коллективизация и раскулачивание на Алтае: репрессивная социальная политика и жизненные стратегии крестьян (1928–1933 гг.): постановка проблемы // Там же. С. 39–40.

<sup>2</sup> Выписка из протоколов № 56 и 57 заседания Сиббюро ЦК РКП(б) от 2 и 9 июля 1920 г. См.: *Шишкин В.И.* Сибирская Вандея... С. 38, 35–36.



Следует заметить, что до осени 1920 г. практически во всех официальных документах массовые организованные выступления назывались партизанским движением, а отряды восставших – партизанами. О «бандитах» или «бандитизме» речь не велась.

Одним из наиболее крупных антисоветских выступлений 1920 г. явилось так называемое Колыванское (Вьюнско-Колыванское) восстание, начавшееся 6 июля 1920 г. в Новониколаевском и Томском уездах. Возглавили восстание колчаковские офицеры, которые в сговоре с кулаками и торговцами смогли поднять недовольных разверсткой крестьян. Для руководства восстанием был создан повстанческий окружной временный исполком, который объявил воинскую мобилизацию мужского населения в возрасте от 18 до 45 лет. Численность восставших только за счет мобилизации в г. Колывани достигла 6 тыс. чел., а с восставшим населением прилегающих волостей превышала 10 тыс. чел.<sup>1</sup> Отказывавшихся от мобилизации расстреливали, иногда с семьями. Военными действиями руководил Комитет борьбы с коммунистами<sup>2</sup>, состоявший из бывших офицеров-колчаковцев. Были захвачены Колывань и несколько соседних волостей, что создавало угрозу захвата Транссибирской магистрали и водного пути по р. Оби (в руках мятежников оказались 5 пароходов – «Богатырь», «Барнаул», «Ермак», «Мельник» и «Киргиз»). Восстанием были охвачены 11 волостей Новониколаевского уезда с населением около 18 тыс. чел. На территории Томского уезда в зоне восстания оказалось 103 населенных пункта семи волостей, но эти волости находились на значительном расстоянии от Томска и Новониколаевска, что, конечно, отразилось на ходе восстания.

Местное советское руководство имело сигналы о подготовке восстания, но не предприняло серьезных шагов по его предотвращению. Еще 22 июня 1920 г. разведчик 327-го отдельного стрелкового батальона войск ВОХР г. Томска И. Васильев докладывал руководству, что в дер. Подоба Томского уезда выявил «несколько вредных элементов для советской власти», у которых находилось «некоторое оружие: 5 винтовок, 70 бомб и 7 револьверов, и они готовятся к выступлению, и их скрывает местная власть»<sup>3</sup>. Командир батальона предложил начальнику милиции провести обыски и арестовать тех, у кого оружие будет найдено. Но каких-либо действий предпринято не было.

На сообщение по «прямому проводу» 5 июля 1920 г., т.е. накануне восстания, Новониколаевского уездного военкома томскому губвоенкому М.А. Атрашкеви-

<sup>1</sup> Л.И. Боженко называет цифру в 15–20 тыс. участников, так как были мобилизованы все мужчины в возрасте от 18 до 60 лет, но при этом, со ссылкой на газету «Знамя революции» от 15 июля 1920 г., отмечает, что действительной активной силой были всего 1,5 тыс. добровольцев. См.: *Боженко Л.И.* Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне (конец 1919 – 1927 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та. 1969. С. 71.

<sup>2</sup> В.И. Шишкин в «Сибирской Вандее...» (С. 364) пишет об искусственно созданной новониколаевскими чекистами организации Комитета борьбы с коммунистами в целях собственной реабилитации «за грандиозную попойку с ночной стрельбой», которые затем «под предлогом ликвидации... расстреляли более трех десятков неповинных граждан, взятых ранее в качестве заложников». Среди расстрелянных лишь один имел отношение к Комитету борьбы с коммунистами.

<sup>3</sup> Из истории земли томской. 1917–1921... С.

чу о «брожении кулаков на почве разверстки» в с. Коченёво и планируемом на 10 июля выступлении кулаков-бандитов последний отреагировал следующим образом: «Не придавайте большого значения происходящему вокруг той банды, которая, может быть, имеет целью что-нибудь повредить и помешать работе. **Серьезного ничего нет, откуда бы ни было стремление восстать, оно будет подавлено, на этот счет сил у нас достаточно** (выделено мною. – В.У.). Безусловно, меры охраны... и общее бдительное наблюдение установите, этого требует вообще обстановка...»<sup>1</sup>. В ответе сквозят нескрываемые самоуверенность и пренебрежение. Позднее все это привело к многочисленным человеческим жертвам.

В захваченных селах восставшие разгоняли местные Советы (вместо них создавали свои «комитеты»), учиняли расправы над коммунистами, работниками советских учреждений и активистами. Только в Колывани и Вьюнах было убито 100 чел. Разгромлены коммуны «Краснореченская», «Интернационал», «Энергия». При этом в организации РКП(б) Краснореченской коммуны было убито 20 её членов<sup>2</sup>. Всего было замучено около 300 чел., включая женщин и детей. Бывший председатель Томской губЧК А.В. Шишков<sup>3</sup>, находившийся на захваченном пароходе «Богатырь», не желая сдаваться, застрелился.

Новониколаевск в связи с угрозой наступления повстанцев 9 июля был объявлен на осадном положении.

Партийное руководство Сибири было вынуждено мобилизовать все имевшиеся силы. В район восстания были стянуты части Красной Армии, войск внутренней охраны (более 800 чел.) и вооруженные отряды из партактива. Для руководства всеми силами и действиями по подавлению восстания был создан военно-революционный комитет, в состав которого вошли председатели ЧК и исполкома, а также начальник Новониколаевского гарнизона. Изучая материалы по Колыванскому восстанию, невольно приходишь к выводу, что, по крайней мере, испуг у сибирских руководителей был нешуточным. Полпред ВЧК при Сибревкоме И. Павлуновский отправил телеграммы губвоенкомку М. Атрашкевичу с приказом о немедленном взятии Колывани: «...Если 10 июля до 12 часов дня Колывань не будет взята, начальник отряда, руководящий операцией против Колывани, будет расстрелян за медленное ведение операции и невыполнение моего и тов. Смирнова приказа о решительных действиях по подавлению восстания, виновные же в нерешительных действиях по подавлению восстания будут преданы полковому суду»<sup>4</sup>.

В достаточно короткий промежуток времени восстание было подавлено; 10 июля была взята Колывань, а 18 июля уничтожены последние очаги сопротивления в прилегающих волостях. Слабо вооруженные и недостаточно организованные крестьянские отряды были бессильны перед регулярными воинскими

<sup>1</sup> Из истории земли томской. 1917–1921... С. 228–229.

<sup>2</sup> Шуклецов В.Т. Сибирь в борьбе за власть Советов... С. 261.

<sup>3</sup> Шишков Александр Васильевич, 1888 г.р., член партии большевиков с 1904 г., профессиональный революционер. В 1917 г. устанавливал Советскую власть в Томске и губернии. После разгрома Колчака – председатель Томской губЧК. Погиб, когда ехал к месту нового назначения на должность председателя Иркутского губисполкома.

<sup>4</sup> См.: Из истории земли томской. 1917–1921... С. 232.

частями<sup>1</sup>. Как следствие – сотни убитых и раненых из числа восставших. По сообщению Новониколаевской уездной ЧК, были арестованы все руководители восстания – около 1 000 чел. В Томской губчека самостоятельного дела по Колыванскому восстанию не велось, и число арестованных составляло 15 чел. – мобилизованных крестьян, «вооруженных пиками собственного изделия... Все они были мобилизованы и по приказаниям восставших охраняли захваченных в плен коммунистов»<sup>2</sup>. Однако позднее участники июльского «кулацко-офицерского восстания» в Томском уезде были также причислены к участникам Колыванского восстания, так как поддерживали с последними организационную связь, что, впрочем, соответствовало действительности.

Последствия участия в восстании для многих «аукались» еще долгие годы. В анкетах арестованных в графе о фактах арестов после революции часто можно было встретить записи: «1920 год, за участие в Колыванском восстании» или просто «участник Колыванского восстания». Так, например, в марте 1928 г. «пятеркой» Сибкрайкома ВКП(б) по назначению к слушанию дел по ст. 58-10 УК РСФСР, связанных с хлебозаготовками, в Коллегию ОГПУ были направлены документы на двух жителей дер. Вахрушево Коченевского района Новосибирского округа – Ф.Г. Ломова и И.А. Аржанова, обвинявшихся во враждебном отношении к советской власти, систематической агитации, направленной на подрыв мощи Советского Союза, и угрозе террористических проявлений. В качестве дополнительного фактора отмечалось их участие в 1920 г. в Колыванском восстании, в ходе которого они «активно принимали участие в свержении Советов и вылавливании сочувствующих соввласти... Ломов был командиром роты повстанцев (белогвардейцев), на своих лошадях подвозил снаряды... для борьбы с коммунистами и сочувствующим им. Аржанов... вел агитацию против власти Советов и призывал крестьян к свержению таковой, говоря: “Нужно бить коммунистов, это восстание нужно поддерживать всеми силами, чтобы не допустить опять соввласти”»<sup>3</sup>.

Обвинение серьезное, однако в приведенной характеристике политического и социального лица обвиняемых отмечалось, что Аржанов вообще не судился, а Ломов, будучи председателем правления маслоартели деревни и одновременно уполномоченным Госторга по сбору сырья в районе, действительно арестовывал-

<sup>1</sup> В оперативной разведке штаба сводной группы советских войск от 10 июля 1920 г. М. Атрашкевич о вооружении повстанцев докладывал следующее: «...повстанцы вооружены 1/3 винтовками, 2/3 берданами, дробовиками, самодельными копьями, вилами, топорами, косами и даже ухватами и дубинами; мобилизованные вооружены предметами хозяйственного быта. Из двух тысяч колыванских повстанцев около пятисот имеет винтовки и дробовики, прочая же тысяча пятьсот человек – примитивным оружием, конных до пятисот человек из общего числа. Из всего вышесказанного явствует вывод: бандиты не дисциплинированы, отсутствует единство и связность действий, плохое вооружение...». См.: Из истории земли томской. 1917–1921... С. 232–233; *Шишкин В.И.* Сибирская Вандея... С. 347.

<sup>2</sup> Информационное сообщение Новониколаевской уездной губЧК [до 26 августа 1920 г.] и выдержка из двухнедельной информсводки Томской губЧК за 1–15 июля 1920 г. См.: *Шишкин В.И.* Сибирская Вандея... С. 395, 378.

<sup>3</sup> Протокол № 2 заседания «пятерки» крайкома ВКП(б) [не позднее 10] марта 1920 г. См.: ГАНО. Ф. Р-1027.

ся в 1920 г. за участие в Кольванском восстании, но был оправдан. «Пятерка» внимание на этом не акцентировала, учла только моменты обвинительного характера.

Более 200 повстанцев были расстреляны, еще около 600 заключены в концлагеря<sup>1</sup>. Только Кольванским отделением Новониколаевской ЧК в ходе двух заседаний (23 и 29 июля) было рассмотрено 263 дела. К высшей мере наказания были приговорены 49 чел., в отношении 77 чел. дела были направлены на следствие, 137 чел. освобождены от наказания<sup>2</sup>.

В Томске «белогвардейский заговор» был раскрыт в ночь на 11 июля. Организация имела четкую структуру, конкретный план выступления против советской власти, действовала конспиративно. Были проведены аресты, в частности в момент движения групп на сборный пункт в районе дер. Белобородово. Однако это не смогло остановить начавшееся в южной части Томского уезда (территория нынешних Шегарского и Кожевниковского районов Томской области) восстания, во главе которого стояли бывшие офицеры и представители зажиточного крестьянства. Основными причинами начала восстания, как и во многих других случаях, послужило нежелание крестьян выполнять продразверстку. Губернские власти смогли в кратчайшие сроки мобилизовать на подавление этого выступления партийный актив, надежные воинские части, милицию<sup>3</sup>. Восставшие потерпели поражение.

В газете «Знамя революции» в августе 1920 г. было напечатано объявление Томской губчека, что «в связи с ликвидацией кулацко-офицерского восстания в Томском уезде... чрезвычайной комиссией... приговорены к высшей мере наказания – расстрелу – [28 чел.], в громадном большинстве деревенские богатеи, кулаки и спекулянты»<sup>4</sup>. Еще 89 чел. приговорены к заключению в дом принудработ на сроки от 6 месяцев до 5 лет. В целом же число репрессированных участников этого восстания значительно больше. В ЦДНИ ТО в фонде Томского губкома РКП(б) в одном из дел хранятся списки лиц, расстрелянных в ночь на 13–14 августа 1920 г. за участие в белогвардейской организации. По этим спискам проходят не менее 145 чел. (подсчитано автором, цифра неточна по причине отсутствия одного листа с фамилиями расстрелянных). По этим же спискам проходят 92 чел., осужденных на различные сроки лишения свободы за то, что участвовали в вооруженном восстании, «но не активно, притом будучи одурачены ложными и провокационными слухами, распущенными белогвардейцами». Еще 14 чел. «белогвардейцев из конной сотни караульного полка ввиду их классового положения и малосознательности...»<sup>5</sup> были осуждены на сроки от 1 до 2 лет лишения свободы. Часть фамилий установить не представилось возможным по причине ветхости листов со списками. Но и этими списками репрессии не завершились, так как имелась помета, что дела по остальным на следствии.

<sup>1</sup> Бударин М.Е. Чекисты. Омск, 1987. С. 104–141; Призвание – Родине служить! Новосибирск, 1997. С. 25–26; Томская область: Исторический очерк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. С. 291–292.

<sup>2</sup> Шишкин В.И. Сибирская Вандея... С. 382.

<sup>3</sup> В ликвидации восстания принимал участие сводный отряд томской милиции в составе 200 чел. Подсчитано автором по материалам дела. См.: ГАТО. Ф. Р-279. Оп. 2. Д. 118. Л. 161, 163–165, 167, 169–170, 172.

<sup>4</sup> Знамя революции. 1920. 20 авг.; Объявление Томской губЧК [до 20 августа 1920 г.]. См.: Шишкин В.И. Сибирская Вандея... С. 393–395.

<sup>5</sup> См.: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 22–31.

Такая жестокость объяснялась населению тем, что ведется борьба с польской и японской буржуазией. Томский губревком издал в июле 1920 г. приказ о решительном подавлении антисоветских выступлений и наказании сел, участвовавших в восстаниях. Приказ гласил, что в дни тяжелых испытаний «нашлись люди, призывающие крестьян не давать хлеб для Красной армии и голодающим рабочим городов. Они сеют смуту, поднимают восстания, разгоняют сельские Советы, арестовывают и убивают советских работников... Они ждут палача Семенова и японцев». Этими «людьми» объявлялись колчаковские офицеры, бежавшие из мест заключения и сеявшие смуту среди крестьян то открыто, то под видом разного рода социалистов, а также деревенские кулаки, распускающие слухи о близком конце большевиков. В этих условиях «томский революционный комитет... твердо решил железной рукой стереть с лица земли изменников и предателей рабоче-крестьянской России... Все захваченные бывшие колчаковские офицеры и другие предатели расстреливаются на месте. Все, не сдавшие Красной армии огнестрельное оружие, расстреливаются без суда. Крестьяне сел, примкнувших к изменникам, **обязаны немедленно, безотлагательно, безоговорочно** (выделено мною. – В.У.) выполнить предполагавшуюся по закону разверстку. Кулаки, подбивавшие на восстание, немедленно выполняют разверстку... в двойном размере. Вся работа по обмолоту, ссыпке и подвозу хлеба возлагается на восставшие села. С не исполняющими этот приказ будет поступлено без всякой пощады... Восставшие села, сознавшие свое предательское поведение, принесяшие повинную, освобождаются от кары, за исключением руководителей, которые будут преданы суду революционного трибунала»<sup>1</sup>.

В это же время на юге Западной Сибири активно действовали «банды» Плотникова, Шишкина, Сухорукова, на Бухтарме – атаманов Козлова, Бычкова и др.

Так, в июле начался мятеж в Славгородском уезде, где восставшие захватили Михайловскую, Каипскую, Покровскую, Ключевскую, Родинскую и Вознесенскую волости. Главным лозунгом был «Да здравствует Учредительное собрание и свободная торговля». Возглавил мятеж правый эсер Плотников, поддержку ему оказали бывшие командиры партизанских отрядов Смолин и Кожин. Идейное руководство осуществлял один из организаторов Сибирского крестьянского союза эсер В. Игнатьев<sup>2</sup>. Отряд Плотникова насчитывал до 600 чел. После ряда ударов частей Красной армии плотниковцы были разбиты, остатки отряда вместе с руководителем ушли от преследования и примкнули к так называемой Повстанческой народной армии, одним из руководителей которой был есаул Шишкин. Исполь-

<sup>1</sup> См.: Из истории земли томской. 1917–1921... С. 243–244.

<sup>2</sup> Игнатьев В.И. – член ЦК партии народных социалистов, председатель Петроградского комитета. В бытность свою губернским комиссаром в Архангельске, при так называемом Северном правительстве, сформированном в 1918 г. и состоявшем преимущественно из меньшевиков и эсеров, был председателем Северного областного отдела Союза возрождения (см.: Воспоминания В.И. Игнатьева // Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 2. С. 94–131). Неоднократно арестовывался при Советской власти, в 1935 г. по постановлению ОСО при НКВД СССР был осужден к 3 годам ссылки (отбывал в с. Колпашево). Вновь арестован в 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 20 декабря 1955 г. См. : Боль людская... 2-е изд. Т. 1. С. 550.

зование партизанской тактики налетов и вылазок позволяло мятежникам контролировать значительную территорию. Численность отрядов достигала 10 тыс. чел., вооруженных не только ружьями и винтовками, но и пулеметами. Это выступление стало самым крупным в Западной Сибири летом 1920 г.

Учитывая размах мятежа, к боевым операциям по его подавлению были привлечены силы 26-й стр. и 13-й кавалерийской дивизий, отряд курсантов Высшей военной школы Сибири, а также части 47-й и 87-й бригад ВОХР. Бои были жестокими, так как мятежники были организованы по принципу воинских частей. Пополнение своих рядов они вели за счет насильственной мобилизации крестьянства и казачества из прииртышских станиц. В районе селений Волчиха, Большая и Малая Владимировки восставшие были разбиты и потеряли убитыми до 1 500 чел. Есаул Шишкин с небольшой группой численностью до 100 чел. бежал в Монголию<sup>1</sup>. Другой руководитель – эсер Плотников – скрылся на территории Барнаульского уезда, где позднее и был убит<sup>2</sup>.

В сентябре 1920 г. восстал ряд волостей Мариинского уезда Томской губернии. Очередное выступление возглавил бывший партизанский командир П.К. Лубков. Распространенное им воззвание гласило: «Товарищи, крестьяне, рабочие и все партийные, настало время нам соединиться всем вместе и защищать народные интересы, партия же коммунистов одна захватила власть в свои руки и неумелым своим правлением заставила нас голодать и ходить раздетыми. Дальше жить так нельзя, поэтому все крестьянство восстало и вступает в народную армию под командой т. Лубкова и просит всех присоединиться к ней. Всем будет дарована жизнь и свобода, и совместно мы (сможем) свергнуть власть коммунистов и жидов»<sup>3</sup>.

Этот призыв был услышан, так как затрагивал самые болевые точки крестьян, а авторитет Лубкова был достаточно высок. Все это позволило ему собрать в рядах своей народно-крестьянской армии до 2 000 крестьян (два батальона, 17 рот с полным комплектом (в это сложно поверить. – В.У.) командного состава из числа бывших офицеров).

В районе ст. Ижморская восставшие предприняли попытку перерезать Транссибирскую магистраль и в течение нескольких часов ст. Ижморскую удерживали в своих руках, приблизились к Анжеро-Судженским копиям. И только привлечение регулярных частей Красной армии, войск внутренней охраны и оперативных подразделений Томской губЧК позволило окружить и разгромить восставших. В решающем бою 25 сентября 1920 г. у дер. Михайловка Зырянской волости было убито до 500 крестьян. Раненый Лубков вырвался из окружения и скрылся в тайге; его небольшая группа из 6–7 чел. просуществовала до июня 1921 г., когда

<sup>1</sup> Николаев П.Ф. Указ. соч. С. 232–233; Абраменко И.А. Коммунистические формирования – части особого назначения (ЧОН)... С. 215–220. Что касается численности бежавших с Шишкиным в Монголию, то Абраменко назвал цифру «более 10 000 человек». Л.И. Боженко писал, что «Шишкин с отрядом в 1 200 чел. ушел в Горный Алтай, оттуда в Монголию». См.: Боженко Л.И. Соотношение классовых групп... С. 69. Полагаю цифры, несомненно, завышенными.

<sup>2</sup> У убитого Плотникова в найденном полуразмокшем блокноте обнаружили запись следующего содержания: «Ничего не выходит. Никто не восстает. Придется, видно, пропадать, как собаке. А тут еще лошадь ушла – совсем хоть пропадай...». См.: Кобелев А.И., Чернов А.С. Забвению не подлежат! / Главное управление внутренних дел Алтайского края. Барнаул, 2002. С. 20.

<sup>3</sup> Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... С. 761; Из истории земли Томской. 1917–1921... С. 252.

была выслежена чекистами. 21 июня 1921 г. (по другим данным – в ночь на 23 июня) близ дер. Святославка Мариинского уезда П. Лубков был убит внедрившимся в его группу чекистом С. Первышевым. У него обнаружили список активных помощников, согласно которому и начались аресты. Чтобы убедить местное население в смерти Лубкова, было принято решение возить его труп по селам<sup>1</sup>. Заметка об этом была опубликована 10 июля 1921 г. в газете «Коммунар».

Во второй половине октября 1920 г. волна антикоммунистических выступлений прокатилась по Иркутской губернии. Наибольшее распространение восстания получили в пяти волостях Балаганского уезда. Одним из организаторов восстания был правый эсер Охотин, сумевший привлечь на свою сторону целую группу бывших офицеров. Восставшие обезоруживали милицию, продотряды, арестовывали, а в отдельных случаях убивали коммунистов. Несколько уездов были охвачены восстанием и в Черемховском уезде. В с. Голуметь был создан руководящий орган восставших – «Военный штаб крестьянской армии Голуметского района», осуществлявший всю полноту военного и гражданского управления населением. Основные командные должности были заняты бывшими офицерами. В связи с тем, что подготовка отрядов была достаточно высокой, а действия советских войск неудачными, разгрома восставших достичь не удалось, так как без особых потерь повстанцы ушли в тайгу.

Следствие в отношении задержанных участников восстания было скорым, и уже в декабре по Голуметскому восстанию перед губревтрибуналом предстал

<sup>1</sup> ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 100. Л. 66, 361; Томская область: Исторический очерк... С. 292–293; *Ларьков Н.С.* Сибирский Махно // Народная трибуна. 1991. 18 июня; *Штырбул А.А.* Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века: Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика. Ч. 2: 1918–1925. Омск, 1996. С. 125; *Боженко Л.И.* Соотношение классовых групп... С. 76–77. Убийство Лубкова было, скорее всего, преднамеренным, так как практика показала, что физическое устранение руководителей, а не задержание и аресты, способствовало быстрейшему разгрому повстанческих формирований и прекращению сопротивления с их стороны. С учетом авторитета Лубкова этот вариант для властей оказался самым удобным и приемлемым.

Кроме того, вызывает сомнение и наличие списка «активных помощников». На мой взгляд, данные о подобной категории лиц нет смысла переносить на бумагу, их знают и так, а в условиях преследования его чекистами держать такие списки при себе было небезопасно и нецелесообразно. Память о себе Лубков оставил крепкую. В 1931 г. Томским оперативным сектором ПП ОГПУ по Запсибкраю на территории Зырянского района была ликвидирована очередная «контрреволюционная организация». Оперативная разработка носила название «Лубковцы».

Сопоставление материалов и работ, посвященных этому восстанию, позволяет выявить наличие расхождений при оценке событий. Например, в информационной сводке секретного отдела ВЧК за 20–25 октября 1920 г. указывалось, что 22 сентября «банда Лубкова напала на станцию Ижморку, где ею был задержан поезд, шедший на запад. В поезде были вооруженные, которые после перестрелки отогнали банду». Эта информация позволяет поставить под сомнение наличие цели и реальной попытки лубковцами перерезать Транссибирскую магистраль. Что касается командного состава восставших, то о полном его комплекте из числа бывших офицеров в этой сводке речь также не велась: «**в построении военной силы Лубкова усматривается рука белогвардейского офицерства**». См.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... С. 337. Но необходимо заметить, что составители этого документального издания, опираясь на конкретные документы и материалы, ввели в научный оборот ничем не подтвержденные данные. Так, в комментариях по данному восстанию они позволили заявить, что «П.К. Лубковым была проведена мобилизация мужского населения в Народную армию от 17 до 60 лет. **Силы повстанцев достигали 10–20 тыс. человек**», что, конечно же, не соответствовало действительности // Там же. С. 761.

261 чел., в январе 1921 г. по делу о вооруженном восстании в Ново-Удинской волости были осуждены 27 чел., 14–23 января в Черемхове слушалось дело о 138 крестьянах, принимавших участие в вооруженном восстании в селах Евсеевском и Табарсуке<sup>1</sup>, и т.п.

В ноябре выступили крестьяне с. Серж Ачинского округа Енисейской губернии, недовольные продрозверсткой и мобилизацией молодежи в армию. Большинство жителей поддержало выступление, активно участвуя в подготовке к боям, в организации снабжения, рытье окопов, несении караульной службы.

В захваченном селе, как отмечалось в приговоре выездной сессии военно-революционного трибунала Восточно-Сибирского сектора войск ВНУС, заседавшего в г. Ачинске в декабре 1920 г., была учинена жестокая расправа над сельскими коммунистами и активистами: прикладами расплющивали головы, ломали руки и ноги, обрезали носы, уши, распластывали животы. Убитых невозможно было узнать. И таких жертв было несколько десятков. Некоторых, уже замученных, кололи вилами, резали, пороли штыками... Перебив коммунистов, бандиты выдвинули лозунги: «Бей жидов и коммунистов, да здравствует советская власть!», «Да здравствует Учредительное собрание!», «Да здравствует царь-батюшка!».

Для подавления восстания были задействованы подразделения войск ВНУС, Ачинской школы младшего комсостава, отряды коммунистов (всего 848 штыков, одно орудие, 10 пулеметов, 18 авторужей и 25 конных). Потребовалось три дня, чтобы выбить восставших из укрепленного села, при этом наступавшие потеряли 32 чел. убитыми и 52 ранеными. Потери повстанцев – 150 убитых и 104 чел. взято в плен. Через неделю в районе ст. Чернореченской мятежники были разгромлены, многие арестованы.

По приговору трибунала 75 чел. (пятеро заочно, находились в бегах) были приговорены к расстрелу, 45 – к 20 годам принудительных общественных работ под конвоем с конфискацией имущества, 54 – к 10 годам принудработ под конвоем, в том числе 5 – с конфискацией имущества, 9 – к 5 годам принудработ при местных исполкомах, 7 чел. получили публичный выговор<sup>2</sup>, всего 190 чел. Позднее тем, кто был осужден к ВМН, расстрел заменили лишением свободы на разные сроки<sup>3</sup>.

Вслед за Сержским восстанием поднялись крестьяне Канского уезда – «голопуповский мятеж», в котором приняло участие до 500 чел. Будучи плохо подготовленным, он был ликвидирован в кратчайшие сроки. В назидание другим по решению губернских властей летом 1921 г. в г. Канске состоялся показательный политический процесс над участниками мятежа, на котором 10 подсудимых приговорили к высшей мере наказания и расстреляли, около 70 чел. получили различные сроки наказания, связанные с лишением свободы, 143 были освобождены.

<sup>1</sup> См.: Шишкин В.И. Сибирская Вандея... С. 687–695, 663, 622, 565–569.

<sup>2</sup> Доклад командира 31-й отдельной стрелковой бригады войск обороны железных дорог П. Ананьева начальнику войск обороны железных дорог 5-й армии от 20 ноября 1920 г.; Приговор выездной сессии военно-революционного трибунала Восточно-Сибирского сектора войск ВНУС от 8 декабря 1920 г. См.: Сибирская Вандея. 1920–1921 гг. Документы: в 2 т. / под ред. А.Н. Яковлева; сост. В.И. Шишкин. М., 2001. С. 534–543, 547–550. В.И. Шишкин писал о 312 подсудимых, из которых 133 были освобождены практически сразу за отсутствием улик.

<sup>3</sup> Чекисты Красноярья : сб. статей. Красноярск, 1991. С. 71.



Серезское восстание было названо типичным эсеров-кулацким восстанием на экономической основе. На участие представителей партии социалистов-революционеров указывали приговор и другие документы процесса, но в действительности среди участников восстания был только один представитель партии эсеров – А.Т. Милицин<sup>1</sup>.

Основной причиной массовых выступлений крестьян против коммунистов и представителей советского аппарата стали многочисленные факты злоупотреблений и нарушений революционной законности в повседневной работе партийно-советских органов на местах. Приведенные примеры были характерны и для других сибирских губерний. Отсутствие подготовленных кадров стало причиной того, что власти добивались нужных результатов чаще всего через репрессии, через кнут; со временем для руководителей всех уровней это стало нормой жизни и поведения, они с легкостью и непринужденностью распоряжались судьбами простых смертных.

Антибольшевистское движение повсеместно охватило Сибирь, крестьяне отказывались выполнять продразверстку, уничтожали продотряды. Для подавления восстаний были привлечены более 25 тыс. красноармейцев, не считая сотрудников ЧК, милиции, мобилизованного партактива.

В течение 1920 г. в Западной Сибири произошло пять, а в Восточной – шесть крупных крестьянских выступлений (табл. 4).

Таблица 4

**Повстанческое движение в 1920 г. на территории Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского военных округов (по данным разведывательных органов Красной армии)**

Дата (к)	Количество повстанцев в округах, чел.	
	Западно-Сибирский	Восточно-Сибирский
15 июля	19 090	2 183
1 августа	21 090	2 183
15 августа	14 120	2 349
1 сентября	10 110	3 415
15 сентября	11 410	3 415
1 октября	8 250	3 750
15 октября	4 280	2 840
1 ноября	4 510	4 320

*Примечание.* Таблица составлена автором по материалам разведсводки. См.: Сибирская Вандея... С. 61.

В исторической литературе наиболее часто упоминается организованное эсерами восстание в Тамбовской губернии, охватившее территорию пяти уездов. Число восставших определялось почти в 50 тыс. чел. В ходе восстания были разорены 60 совхозов и десятки кооперативов, уничтожены железнодорожные и промышленные объекты<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Шишкин В.И. Сибирская Вандея... С. 534, 547, 587.

<sup>2</sup> Во время Тамбовского восстания убито около 2 000 коммунистов. В Запорожской и Полтавской губерниях только за два месяца 1920 г. махновцами были убиты до 250 продработников (за 9 месяцев число убитых продработников увеличилось почти до тысячи), 177 милиционеров, свыше 190 незаможников (неимуций, бедный. – В.У.). В первом полугодии 1921 г. в 10 губерниях Украины были разграблены и

В 1921 г. ситуация в Сибири практически не изменилась, повсеместно продолжались антибольшевистские выступления. В 1921 г. в Западной Сибири произошло 5 крупных выступлений, в Восточной – 1. Так, в январе 1921 г. началось вооруженное выступление отряда подполковника Олиферова в 50–60 верстах к северо-западу от г. Мариинска. Первое проявление деятельности отряда относилось к концу 1920 г.: в северо-восточной части губернии в с. Максимовское были захвачены лошади и около 800 пудов хлеба. Уклонившись от боя с отрядом ЧОН, олиферовцы ушли на территорию Енисейской губернии. В короткое время численность отряда, в основном за счет зажиточной части крестьянства, выросла до 600 чел. Отряд состоял из двух рот и был хорошо вооружен. Появление его в Щегловском и Минусинском уездах в 1921 г. сопровождалось жестокими расправами над коммунистами и советским активом. Только в Мариинском уезде пострадало 254 семьи, зверски убиты более 60 членов сельских ячеек РКП(б), 17 членов продотрядов и милиции, 21 советский служащий<sup>1</sup>.

Мариинское политбюро в информационной сводке за период с 15 по 30 января 1921 г. сообщало в Томскую губЧК и представителю ВЧК по Сибири Павлуновскому: «Банда... Олиферова, численность около 700 чел. (цифра вписана от руки. – В.У.), хорошо вооружены, в погонах, с лозунгом «С нами бог и Михаил второй», состав бандитов из офицеров, дезертиров и разных контрреволюционеров, и среди них было 7 попов, заняли Медодатскую волость, двинулись на Зырянскую, Мало-Песчанскую, Бериккуль и Козеюльскую волость. При прохождении... деревень они на своем пути расстреливали, с применением самых невероятных способов истязали коммунистов и других совработников, разграбив их имущество, что не могли увезти, то разбивали вдребезги. С бандитами были несколько священников, которые с крестом в одной руке, а в другой с винтовкой издевались над арестованными коммунистами и применяли над ними, совместно с бандитами, варварские приемы, резали их, кололи штыками и т.п. ...Отношение кулачества к банде: в более кулацких местностях... их приняли с радостью и оказали им самое активное содействие, снабжая хлебом и др. вещами, указывая на коммунистов, некоторые даже активно помогали им разыскивать совработников. Средняки заняли неопределенную позицию, бедняки же всецело стояли на стороне Соввласти... Жертвы и убытки, причиненные бандой, велики и не вполне установлены...»<sup>2</sup>.

Олиферовцы были разбиты в Кузбассе в районе рудника «Центральный», а окончательно уничтожены объединенными силами войск ВЧК и ЧОН около дер. Яковлевка в 110 км юго-восточнее г. Минусинска. «Банда» Олиферова поте-

---

сожжены 60 советских учреждений. В числе убитых 636 красноармейцев и 9 командиров Красной армии, 199 совслужащих, 56 прод-работников, 108 милиционеров, 78 членов исполкомов советов и комитетов неземных селян, 26 рабочих и 468 простых граждан, т.е. почти полторы тысячи человек. В Подольской губернии во второй половине 1921 г. было совершено 107 налетов на села, советские учреждения и предприятия, в ходе которых были убиты 176 красноармейцев, партийных и советских работников, несколько десятков мирных жителей. Численность погибшего мирного населения была гораздо большей. См.: История советских органов государственной безопасности: макет учеб. пособия. М., 1967. С. 83.

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Ф. 10. Д. 85. С. 116; *Абраменко И.А.* Боевые действия коммунистических отрядов – частей особого назначения в Западной Сибири (1920–1923 гг.) // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск, 1965. Вып. 4. С. 83.

<sup>2</sup> ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 100. Л. 12 об. Отрядом Олиферова было уничтожено 68 членов РКП(б) и 40 продармейцев. См.: Томская область: Исторический очерк... С. 293.

ряля убитыми свыше 450 чел., только у дер. Яковлевка на поле боя осталось 98 трупов; захвачено 5 пулеметов, 289 винтовок, большое количество боеприпасов и другого имущества<sup>1</sup>.

Значительную роль в подготовке и организации крестьянских выступлений играл Сибирский крестьянский союз, организация, созданная в соответствии с решениями ЦК партии эсеров. Целью Союза были подготовка к вооруженному восстанию и свержение советской власти. Филиалы организации были почти во всех сибирских губерниях. На Алтае одним из организаторов и вдохновителей Союза В. Игнатьевым (о нем рассказано выше) готовилось восстание в Каменском и Бийском уездах.

В настоящее время отдельные историки, в частности В.И. Шишкин в «Сибирской Вандее», ставят под сомнение реальность организационной деятельности СКС. Он и те, кому он оппонирует, приводят свои аргументы и доказательства. Вне всякого сомнения, организация СКС существовала и достаточно активно действовала на территории Сибири. После тщательного изучения многолетнего архивно-следственного дела Сибирского крестьянского союза, хранящегося в отделе спецдокументации Управления архивного дела администрации Алтайского края (Ф. Р-2. Оп. 6. Д. 186), с которым В.И. Шишкин также ознакомился, а также нескольких сот архивно-следственных дел, в том числе и по достаточно крупным «контрреволюционным» организациям, хранящимся в архивах ряда управлений ФСБ Сибири, считаю, что с большой долей уверенности можно говорить о том, что чекисты Сибири еще не могли, просто не умели «создавать» организации всероссийского уровня. Да и никто этого от них не требовал. С другой стороны, судя по материалам дела, чекистами было допущено преувеличение значимости СКС и его влияния на оперативную обстановку в Сибири. Причины этого, на мой взгляд, кроются в следующем. Раскрытие подпольной контрреволюционной организации – уже результат, а если организация возглавлялась прямыми политическими оппонентами большевиков, то значимость раскрытия заметно возрастала. Завышение количественных показателей, характерное для документов тех лет (широко применялось самыми разными властными структурами), и преувеличение размаха деятельности СКС – это показатель «сложной» оперативной обстановки и «активной деятельности» чекистов и сибирских партийных органов.

В декабре 1920 г. многие из участников организации, в том числе и В. Игнатьев, были арестованы. Но подготовленное выступление предотвратить не удалось. Центром восстания стало с. Сорокино, где был создан штаб Народной армии под руководством бывшего офицера Астафьева. Активное участие в этом выступлении принял бывший партизанский командир И. Новосёлов, возглавлявший в тот период движение Федерации алтайских анархистов и готовый на всевозможные компромиссы и союзы с любыми силами антикоммунистической направленности, даже с бывшими колчаковцами. Действия последних в ходе вос-

---

<sup>1</sup> Абраменко И.А. Коммунистические формирования – части особого назначения... С. 238.

стания, их жестокость и беспощадность, в частности по отношению к пленным, в конечном итоге опугнули часть партизан и крестьянской бедноты. Восстание было организовано под лозунгами «Советы без коммунистов» и «Чистая советская власть без коммунистов».

В ночь с 17 на 18 января 1921 г. крестьяне в с. Сорокино разоружили части 26-го полка 26-й стр. дивизии. Началось восстание, в котором, по разным источникам, приняли участие от 5 до 10 тыс. чел. и которое охватило десятки сел в нескольких волостях. Подавлено оно было в конце января – начале февраля 1921 г. после ожесточенных боев с регулярными частями Красной армии и коммунистическими отрядами, насчитывавшими в своих рядах в общей сложности более 2 000 чел. – два пехотных полка и кавалерийский эскадрон. В ходе боев повстанцы потеряли только убитыми несколько сот человек. В плен было взято почти 3 000 чел., захвачено 1 000 лошадей, 4 пулемета, 500 винтовок и другое имущество<sup>1</sup>. О степени ожесточения населения свидетельствовало признание начальника Алтайской губЧК Х.П. Щербака, сделанное им в докладе на пленуме губкома РКП(б) в январе 1921 г. Он доложил, что в Сорокинском районе «началось восстание, крестьяне идут без оружия стеной на продотряды»<sup>2</sup>.

Число погибших участников подавления восстания достигло 300 чел., еще больше было ранено.

В начале 1921 г. очередное – «Западно-Сибирское» – восстание вспыхнуло на территории нынешних Тюменской и Омской областей и севера Казахстана.

Причинами стали непродуманная деятельность партийно-советских органов по выполнению планов продразверстки, жестокое обращение с населением в ходе сбора, точнее, выколачивания разверстки, попрание правовых норм и моральных принципов, угрозы оружием и имитации расстрела, реквизиции и конфискации предметов одежды, мебели и т.п. Часто допускались случаи умышленной порчи и уничтожения крестьянского имущества. Примеры исчислялись десятками и сотнями, облеченные в форму конкретных документов распорядительно-исполнительного характера<sup>3</sup>. Большинство из них имели место в декабре 1920 г., т.е. в случае своевременного реагирования властей можно было решительными, энергичными действиями снять напряженность и разрядить обстановку, а возможно, и не допустить самого восстания. На мой взгляд, партийно-советское руководство не только не захотело увидеть серьезную проблему, оно её не считало проблемой.

Первые организованные выступления крестьян произошли 31 января в двух волостях Ишимского уезда, тогда же появились первые убитые и раненые. Почти одновременно началось выступление на границе Тобольского и Тарского уездов. К 6 февраля «попыхал» весь север Ишимского уезда. В последующие дни выступление распространилось на другие районы. К середине февраля оно охватывало обширную территорию Тобольского, Тарского, Ишимского, Ялуторовского, Тюменского, Петропавловского, Кокчетавского и

<sup>1</sup> Абраменко И.А. Коммунистические формирования – части особого назначения... С. 240; Штырбул А.А. Указ. соч. С. 91–93.

<sup>2</sup> Жертвы политических репрессий в Алтайском крае... С. 20–21.

<sup>3</sup> Сибирская Вандея... Т. 2. С. 38, 74, 642; документы 92, 104, 113 и др.; За советы без коммунистов... С. 56–59, 68–70, 79–83, 112–113 и др.; Шишкин В.И. «Разбейся в доску – сдай разверстку». Советская продовольственная политика в Ишимском уезде Тюменской губернии (сент. 1920 – янв. 1921 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. Сер: Отечественная история. Новосибирск, 1999. № 2. С. 63–64, 67.

других уездов. Восставшие захватили Петропавловск, Тобольск, Кокчетав, под угрозой захвата оказались города Ишим, Курган, Ялуторовск, были перерезаны линии железной дороги Омск – Тюмень и Омск – Челябинск. Связь с центральными районами России была прервана более чем на две недели, что создало острый продовольственный и топливный кризис в Москве, Петрограде и других городах центра России.

Выступление достигло таких масштабов в силу слабости партийных и советских органов. Организации РКП(б) в основе своей состояли из сельских партийных ячеек, а крестьяне представляли большую часть членов партии. Партийный стаж абсолютного большинства исчислялся несколькими месяцами, одним-двумя годами. Партийно-политическая работа была поставлена слабо, руководящие органы не могли адекватно оценивать обстановку, допуская серьезные просчеты, в частности при проведении продразверстки, несвоевременно реагируя на перегибы и произвол со стороны уполномоченных продорганов либо вообще оставляя их без внимания. Нельзя не учитывать и то, что «пуговина», связывавшая большинство этих коммунистов со средой их обитания, порвана еще не была.

Неподготовленная, без соответствующей разъяснительной работы, с попытками решения проблемы «нахрапом» кампания не могла не вызвать недовольства крестьянства. В характеристике Сибирского крестьянского союза отмечалось, что изъятие хлеба больно ударило по карману зажиточной части крестьянства, привыкшей «глядеть на полные закрома хлеба и трястись над ними»<sup>1</sup>.

Ситуация усугублялась тем, что не соблюдались условия хранения собранного по разверсткам. Так, на совещании продработников Петуховского района Ишимского уезда 23 декабря 1920 г. отмечалось, что из-за плохой подачи вагонов хлеб мог остаться на ссыпных пунктах, «...хлеб урожая 20 года весьма низкого качества и сыпается со снегом и льдом, потому что не вовремя производится обмолот, при дальнейшем отсутствии тары при первой оттепели... грозит ужасная катастрофа. Хлеб может загореться, и таким путем не исключается возможность, что весь хлеб в количестве до **1,5 миллионов пудов** (выделено мною. – В.У.) будет испорчен... Мы даже сейчас не можем сказать с уверенностью, что хлеб уже не горит, так как проверить его при помощи щупа нет возможности, ибо щуп невозможно загнать даже на 3 арш[ина] в глубину, потому что хлеб смерзся...»<sup>2</sup>. В таком же положении находились мясо, конопля и пушнина. Подобная ситуация не могла оставить крестьян равнодушными.

Первые успехи восставших особой тревоги и озабоченности у коммунистических руководителей Сибири не вызвали. Свидетельством этому явились телеграммы, направляемые в Центр – в Президиум ВЧК, в Совнарком, лично В. Ленину. Так, ПП ВЧК по Сибири И. Павлуновский 6 февраля 1921 г. сообщал в Президиум ВЧК, что в Тюменской и Омской губерниях «вспыхнуло восстание крестьян. Прерваны провода. Повстанцы вооружены достаточным количеством

<sup>1</sup> УАД ААК. Ф. Р-2. Оп. 6. Д. 186. Т. 16. Л. 159.

<sup>2</sup> См.: За советы без коммунистов... С. 68–69.

пулеметов и винтовок... **Вообще пока ничего страшного нет**» (здесь и далее выделено мною. – В.У.).

Председатель Сибревкома И. Смирнов 9 февраля 1921 г. направил из Омска Председателю Совнаркома В. Ленину телеграмму следующего содержания: «Восстание [в] Тюменской губернии носит **стихийный характер**, вызвано тяжестью продразверстки и гужевой повинности. Прервано ж/д сообщение, надеюсь, восстановим [в] ближайшие два дня. **Движение [в] этой губернии считаю неопасным...**»<sup>1</sup>. В двух последующих телеграммах Ленину (12 и 16 февраля) Смирнов вновь подчеркивал стихийный и неорганизованный характер крестьянского движения и обещал подавить его в ближайшее время. Налицо излишние самоуверенность и самоуспокоенность, отсутствие реальной оценки ситуации.

Хотя созданные отряды не имели особого желания далеко и надолго отрываться от родных мест, от родного хозяйства, к середине февраля было сформировано несколько крупных, но автономных вооруженных группировок, именовавших себя армиями и дивизиями (народная армия, народно-крестьянская зеленая армия, курганская освободительная дивизия и т.п.). Съезд представителей казачества и крестьянства ряда уездов, проходивший в с. Юдино 22 февраля 1921 г., принял постановление о необходимости подчинения высшему командованию и сосредоточении общего руководства в руках Главного штаба, возглавляемого бывшим начальником Петропавловского «боевого района» эсером Родиным. Все отряды и формирования повстанцев были организованы по принципу воинских подразделений – в роты, батальоны, полки и т.п.

Что касается численности восставших, то исследователь восстания Н.Г. Третьяков (1994) называет цифру ~ 40 тыс. чел. По другим источникам, в восстании приняли участие от 60 до 100 тыс. чел. Подавляющая часть населения наблюдала за происходящим со стороны. Доля восставших составляла от 2 до 5% всего населения района восстания<sup>2</sup>. Число добровольных участников было еще меньшим.

Пополнение рядов восставших велось несколькими путями. Первый – мирный – через провозглашение восстановления частной собственности и возврат бывшим владельцам национализированных советской властью предприятий, отобранных у зажиточного крестьянства земель и угодий. Для привлечения середняка активно использовались лозунги «Долой продразверстку», «Да здравствует свободная торговля». Другим форматом привлечения населения стали воззвания, распространяемые в районах, сопредельных с районом восстания: «К гражданам и гражданкам сел и деревень Великой Сибири», «К красноармейцам», «К рабочим», «К коммунистам» и к населению Сибири в целом. Основная суть всех воззваний заключалась в разоблачении «грехов» коммунистов, восхвалении своих успехов и призыве переходить на сторону восставших.

<sup>1</sup> Сибирская Вандея... Т. 2. С. 120, 128, 177, 198.

<sup>2</sup> См.: Щетинов Ю.А. Крушение мелкобуржуазной контрреволюции в Советской России (конец 1920 – 1921 г.). М., 1984. С. 80–84, 87; Третьяков Н.Г. Состав руководящих органов Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. Новосибирск, 1994. № 2. С. 22–23. Более точной информации о количестве участников восстания получить не представляется возможным по причинам разрозненности движения, отсутствия учетных данных о «подразделениях» и их личном составе, постоянной текучки участников, не желавших отрываться от родных мест и своего хозяйства,

Иным способом убеждения был террор. С одной стороны, против коммунистов и советского актива, которых при поимке или захвате чаще всего не расстреливали, а забивали кольями, замораживали живьем, кололи пиками, вспарывали животы, отрезали уши, нос и т.п. Так, в Петропавловске было убито 150 коммунистов, а в Тобольске – после пыток и издевательств до 200 советских и партийных работников. На телах некоторых погибших насчитывали от 30 до 150 штыковых ран<sup>1</sup>. Были уничтожены все коммунисты в Архангельской и Красногорской волостях. В районе Красногорской волости расстреляно около 50 чел., вырезана Красновская коммуна в с. Спасском Шатровской волости. Из 33 чел., увезенных из Красногорской волости, возвратился один, у которого оказалось до 50 ран<sup>2</sup>.

В.И. Шишкин обнаружил значительное число документов, свидетельствовавших о жестоких расправах с семьями коммунистов, когда жен и детей избивали, выгоняли из домов, помещали в каталажные камеры, расстреливали или зверски убивали целыми семьями<sup>3</sup>.

С другой стороны, террор как «форма убеждения» использовался и по отношению к мирному населению. Добровольцев было немного, приходилось прибегать к насильственным мобилизациям мужского населения в возрасте от 18 до 45 лет. На медицинскую комиссию должны были являться все мужчины, в том числе и инвалиды. Мужчины в возрасте от 45 до 60 лет мобилизовывались для несения местных караулов и постов, женщин назначали возчиками. Уклонявшихся от мобилизации и исполнения наложенных повинностей направляли в военно-следственную комиссию, которая и решала их судьбу и судьбу их близких.

Однако отдельные коммунисты занимали в повстанческих органах руководящие должности. В данном случае определяющую роль играли личные, деловые качества и участие в непопулярных среди населения акциях. Например, начальником повстанческих отрядов на северо-востоке Ишимского уезда был помощник военкома Готопутовской волости бывший комбат красных войск коммунист Иноземцев<sup>4</sup>.

Н.Г. Третьяков, анализируя состав руководящих органов восстания, приводит целый ряд примеров, когда в гражданских и военных органах власти повстанцев руководящие должности занимали местные советские работники. Среди командиров повстанческих отрядов насчитывались десятки членов сельсоветов и волисполкомов, а командиром одной из «дивизий» ишимской народной армии был работавший до начала восстания председателем Казанского волисполкома некто Бардаков<sup>5</sup>.

---

<sup>1</sup> Корушин Т.Д. Дни революции и советского строительства в Ишимском округе (1917–1926 гг.). Ишим, 1926. С. 52; Богданов М.А. Указ. соч. С. 36.

<sup>2</sup> См.: Шишкин В.И. Сибирская Вандея... Т. 2. С. 709.

<sup>3</sup> Там же. С. 421, 643, 686 и др.

<sup>4</sup> Общий обзор повстанческого движения в Тюменской губернии ... С. 706.

<sup>5</sup> Третьяков Н.Г. Состав руководящих органов Западно-Сибирского восстания 1921 г. С. 22–23.

Вооружение восставших состояло преимущественно из ружей и винтовок, на первом этапе преобладало самодельное, в виде колюще-режущего. Позднее появились пулеметы и орудия. Часть оружия была захвачена в ходе боевых действий, другая – в результате разоружения небольших воинских подразделений и органов власти в районе восстания<sup>1</sup>. Но в целом его было недостаточно для ведения активных боевых действий.

Для ликвидации восстания при Сибревкоме была создана полномочная «тройка» в составе председателей Сибревкома (И. Смирнов), СибЧК (И. Павлуновский) и помглавкома по Сибири (В. Шорин), которой были подчинены все воинские силы и местный советский аппарат в районе восстания. Действовали и другие чрезвычайные органы – военно-революционные комитеты, революционные «пятерки» и «тройки», военно-революционные штабы. В их состав входили представители партийных органов, исполкомов Советов и военного командования. К задачам, которые они решали, относилось поддержание порядка, оказание помощи Красной армии в борьбе с бандитами, охрана средств связи и сообщения, проведение агитационно-пропагандистской работы среди населения и целый ряд других.

Охваченная восстанием территория была объявлена на военном положении. Повсеместно была начата мобилизация коммунистов и комсомольцев для участия в подавлении восстания и несения караульной службы на ряде важных объектов. Из воинских частей были задействованы несколько полков и батальонов, бронепоезд. Во второй половине февраля были дополнительно привлечены 21-я стр. дивизия, несколько стрелковых и кавалерийских полков и ряд других подразделений. Общее число красноармейцев достигло 23 тыс. чел. Для восстановления железнодорожного сообщения были задействованы 4 бронепоезда, восстановительные поезда и телеграфно-строительные роты<sup>2</sup>.

После перегруппировки сил было начато наступление, и уже 16 февраля освобожден Петропавловск, а к началу марта восстановлено железнодорожное

---

<sup>1</sup> В сводке Дубровинского повстанческого штаба Ишимского уезда (до 15 февраля 1921 г.) указывалось, что «в Петропавловске нами **взято... два орудия**». Командующий Петропавловской группой советских войск Н.И. Корицкий в разговоре по прямому проводу с помощником главкома по Сибири В.И. Шориным 16 февраля 1921 г. докладывал, что «у батареи до моего приезда было **взято два орудия**, одно – испорченное...». **Два орудия** упоминались и в разведсводке штаба группы обороны ж.д. Омск – Челябинск 20 февраля 1921 г. См.: Сибирская Вандея... Т. 2. С. 180, 199, 242. М.А. Богданов (Указ. соч. С. 27) и Т.Д. Корушин (Указ. соч. С. 50) вели речь о захвате артиллерийской батареи.

Разночтения могли возникнуть по причине путаницы терминологии и использования непроверенных данных. Так, в докладе В.И. Шорина в апреле 1921 г. отмечалось, что объектом «для действий повстанцев явились **два наших артиллерийских дивизиона**, стоящих в Петропавловске и Исиль-Куле». Председатель Тюменской губчека И.П. Студитов в общем обзоре повстанческого движения в Тюменской губернии указал, что повстанцы взяли в Петропавловске **8 пушек трехдюймовых**. В сводке донесений командиров и штабов отрядов народной повстанческой армии Ишимского и Петропавловского уездов (не ранее 24 февраля 1921 г.) сообщалось, что «в Петропавловске [взято] две батареи и в ст. Ново-Павловке – три батареи...». А в информационной сводке повстанческого штаба Вознесенской волости Ишимского уезда речь шла вообще о **захвате в Петропавловске трех «в полной готовности к употреблению» батарей**. В этих случаях, на мой взгляд, допущено преувеличение собственных успехов, так как в Ново-Павловке было захвачено две, а не три батареи. По этой причине возможно и преувеличение информации по Петропавловску. См.: Сибирская Вандея... Т. 2. С. 179, 284, 657, 707.

<sup>2</sup> Щетинов Ю.А. Указ. соч. С. 138; Богданов М.А. Указ. соч. С. 42, 46, 56; Николаев П.Ф. Указ. соч. С. 239.



сообщение по линии Омск – Челябинск. 5 марта был освобожден Кокчетав, 8 апреля – Тобольск, а во второй половине мая – Сургут и Обдорск.

Основные силы восставших были разгромлены уже к концу февраля, но в ряде районов продолжали действовать мелкие отряды и группы, осуществлявшие налеты на населенные пункты, убивавшие представителей партийно-советского актива и мирных жителей. Все это не позволяло перейти к мирной жизни, так как оставалась угроза социального и политического напряжения. К июлю наиболее крупной из группировок стал отряд Шевченко, сумевший сплотить вокруг себя несколько других мелких групп.

В результате «принятых мер» отряд Шевченко был разгромлен. Несколько позднее были уничтожены «бандитские» отряды Евсеева, Сикаченко, Булатова, Шевчука и др. Эти отряды смогли продержаться до конца 1921 г. только по причине недостаточного внимания к этой проблеме со стороны власти и неразберихи во взаимоотношениях и подчиненности чекистских и военных органов<sup>1</sup>.

В протоколе № 49 Ишимского уездного комитета РКП(б) от 3 сентября 1921 г. по докладу комбрига Буриченко о разгроме отряда Шевченко было записано следующее: «...Указал, что Шевченко зарублен и [вместе с ним зарублено] 111 человек бандитов... Бандитов живых не брал, за исключением двух женщин; рубилось все, что попадало под руку... И всего мной изрублено 130 человек за это время. Находили бандитов дома по имеющимся у нас спискам, которые были отобраны от бандитов. Может быть будут на меня жалобы, но я сам скажу: обращение было самое жестокое, вызванное необходимостью, для скорейшей ликвидации бандитов...»<sup>2</sup>.

Факты, изложенные в докладе, – яркий пример реализации на практике «революционного правосознания». Буриченко лично решал судьбы «бандитов» без суда и следствия, без определения вины. Уверенный в своей правоте, он олицетворял следственные и судебные процессы. Чрезмерная жестокость не воспринималась как нечто из ряда вон выходящее. Убийство десятков и сотен человек многих не пугало, так как воспринималось как обыденное явление. И.С. Кузнецов, характеризуя людей, подобных Буриченко, привел слова М.И. Калинина, сказанные в середине 1920-х гг. в связи с кампанией по укреплению революционной законности: Гражданская война «...создала громадный кадр людей, у которых единственным законом является целесообразное распоряжение властью. Управлять для них – значит распоряжаться вполне самостоятельно, не подчиняясь регламентирующим статьям закона»<sup>3</sup>.

Следует отметить, что наступавшие части Красной армии и коммунистические отряды во многих местах жестоко расправлялись с повстанцами. Председатель Тюменской губЧК Студитов и зав. секретно-оперативным отделом Бойко

<sup>1</sup> См. : ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 80. Л. 4–5; Щетинов Ю.А. Указ. соч. С. 138–139.

<sup>2</sup> Сибирская Вандея... Т. 2. С. 575–576.

<sup>3</sup> Кузнецов И.С. «Проклятьем клейменные?». Социально-психологические предпосылки российского тоталитаризма. Новосибирск, 1994. С. 50.

вынуждены были, в частности, обратиться к командиру 61-й стр. бригады войск ВНУС А.В. Полисонову, командующему советскими вооруженными силами Тюменской губернии, с запиской, в которой содержалась просьба: «...пока не дана полная и безошибочная оценка движения [не] с тюменской колокольни и пока не установлена политическая физиономия всего движения», приказать начальникам отрядов не расстреливать задержанных главарей и активных повстанцев, а направлять в губчека. **«Также прекратить массовые расстрелы и бесшабашные расправы над крестьянами в местностях, уже очищенных от повстанцев»** (выделено мною. – В.У.)<sup>1</sup>.

Соответствующие телеграммы Полисонов уже на следующий день направил во все вверенные ему подразделения, но информации об их исполнении не имеется. Видимо, исполнены они если и были, то лишь отдельными подразделениями.

Еще одним темным пятном на действия частей Красной армии, подразделений ВНУС и коммунистических отрядов легли многочисленные случаи грабежей, мародерства и насилия над мирным населением, в том числе уже после ликвидации восстания в период борьбы с отдельными мелкими отрядами и группами мятежников.

Партийное руководство и военное командование Сибири видели эту проблему, пытались с нею бороться, приказами и распоряжениями, грозными телеграммами и циркулярами обязывая командиров и комиссаров частей в корне пресечь подобные действия, виновных и командный состав, укрывавший виновников, направлять в трибуналы, злостных – расстреливать на месте. Однако беспредел продолжался.

Судьбы повстанцев решали трибуналы сразу после начала восстания. Первые приговоры предполагали одну меру наказания – расстрел. К такому наказанию решением чрезвычайного полевого ревтрибунала 17 февраля 1921 г. за активное участие в восстании были приговорены 23 чел., приговор приведен в исполнение в тот же день. Реввоен трибунал Сибири в двадцатых числах февраля приговорил к расстрелу 51 чел. Выездная сессия военно-революционного трибунала Приуральского военного округа 28 февраля приговорила к расстрелу шестерых жителей Мендерской волости Курганского уезда. Были и другие трибуналы, выносившие подобные приговоры. Позднее приговоры стали смягчаться. Высшую меру наказания заменили лишением свободы в концлагерях и домах принудработ. Так, по постановлению Коллегии ПП ВЧК по Сибири и ревтрибунала Сибири по разбору дел повстанцев Ишимского уезда 9 апреля 1921 г. к одному году принудительных работ с лишением свободы, с последующей заменой на условную меру наказания, были осуждены по **списку № 7** (выделено мною. – В.У.) 18 «неактивных» участников восстания<sup>2</sup>.

Замечу, что в последующие годы органы ВЧК–НКВД постоянно отслеживали судьбы участников восстания через составление и обновление различного рода списков лиц – участников восстания или подозреваемых в контрреволюционной деятельности и участии в восстании. Для их выявления активно использовались

<sup>1</sup> Сибирская Вандея... Т. 2. С. 242, 293, 316.

<sup>2</sup> Там же. С. 231, 262, 266, 304–310, 461, 472–475. В ГАНО (Ф. П-1. Оп. 9. Д. 15а) имеется еще несколько подобных постановлений. Что касается списков, то их было несколько десятков с общим числом в несколько сот человек.

Государственные архивы и архивы органов госбезопасности и милиции<sup>1</sup>. Данные учеты «контрреволюционеров» были хорошей и «уже проверенной» базой потенциальных врагов Советского государства.

Западно-Сибирское восстание стало одним из самых острых по противостоянию и большому количеству жертв. В Тюменском округе погибло почти 20 тыс. крестьян, в Ишимском уезде убито и покалечено 6–7 тыс. чел.<sup>2</sup> В Тюменской губернии погибло более 15 тыс. партийных и советских работников, коммунаров и бойцов продотрядов. На XI съезде РКП(б) в апреле 1922 г. отмечалось, что из 7 000 коммунистов Тюменской организации, стоявших на учете на 1 января 1921 г., к июлю в живых осталось 3 500<sup>3</sup>. В Ишимском уезде восставшие убили почти 500 коммунистов и около 400 комсомольцев. Столько же коммунистов погибло и в Курганской партийной организации, значительные кадровые потери понесли и другие партийные организации. Потери в частях Красной армии, по данным оперативного управления штаба помглавкома по Сибири, к концу марта 1921 г. составили до 2 тыс. чел.<sup>4</sup>

Экономический ущерб был еще более значительным. У крестьян в ходе восстания были реквизированы тысячи лошадей (только в Ишимском уезде 5 тыс.), зарезаны тысячи коров, свиней, овец и иной живности, изъяты тысячи пудов других продуктов питания для «защитников крестьянства» (следует учитывать и «помощь» со стороны советских частей). К февралю 1922 г. только в Ишимском уезде число голодающих достигло 100 тыс. чел., включая 7 000 детей<sup>5</sup>.

В советской исторической науке это восстание было однозначно квалифицировано как «белогвардейское, кулацко-эсеровское», руководящую роль в его организации отводили представителям антибольшевистских партий, бывшим белым офицерам, кулакам и иным эксплуататорам трудового народа. И эти оценки в соответствии с идеологическими штампами тех лет воспринимались как аксиома. Исследование, проведенное Н.Г. Третьяковым, заставляет посмотреть на данные оценки с иных позиций. Действительно, высшие ко-

<sup>1</sup> В работе «Сибирская Вандея» (т. 2) В. Шишкин назвал целый ряд этих списков, составленных уже в 1930-е гг.: «Список-справочник на лиц, состоящих в Северном повстанческом отряде Ф.Я. Слинкина, выявленных по материалам Тобольского филиала Государственного архива (74 чел.)», «Список-справочник (для местного розыска) участников мятежа 1921 г., выявленных по материалам Тобольского филиала Госархива УМВД по Тюменской области (164 чел.)», «Список участников эсеровско-кулацкого восстания в Тюменской губернии (Ишимское восстание) в 1921 г. (составлен по архивным материалам УНКВД по Омской области (5949 чел.)» и др. См.: документы № 734, 866, 867, 869–871). В последующем эти учеты были использованы для розыска и арестов «врагов народа». В опубликованном в 1991 г. в газете «Труд» интервью с начальником Омского управления госбезопасности приведены данные, что из 17 тыс. репрессированных в Омской области у трети в обвинении указано участие в восстании 1921 г. (Труд. 1991. 7 февр.).

<sup>2</sup> Трифонов И.Я. Классы и классовая борьба... С. 125; Корушин Т.Д. Указ. соч. С. 70.

<sup>3</sup> Бударин М.Е. Указ. соч. С. 7.

<sup>4</sup> Корушин Т.Д. Указ. соч. С. 36, 40; Богданов М.А. Указ. соч. С. 106.

<sup>5</sup> Корушин Т.Д. Указ. соч. С. 70. К сожалению, невнимательность И.Я. Трифонова привела к тому, что не обратив внимания на опечатку в работе Корушина, а она была отмечена в списке замеченных опечаток, он ввел в научный оборот цифру 1 млн чел. голодавших, которая позднее была использована другими исследователями.

мандные должности достаточно часто занимали бывшие офицеры или представители небольшевистских политических партий, поскольку имели боевой и управленческий опыт и были грамотными. Однако высокие должности занимали и выходцы из местного крестьянства: «...не менее половины командиров повстанческих отрядов, начальников штабов, комендатур и военных советов (особенно местных) являлись крестьянами»<sup>1</sup>, что уже не позволяет говорить о преобладающей роли бывших офицеров.

Что касается небольшевистских партий, то, вне всякого сомнения, их политические программы и установки наложили отпечаток на деятельность восставших. В отдельных случаях представители этих партий даже играли ведущие роли в организации движения, например в Тобольске, где в числе руководителей народной власти, пусть и не на начальной стадии восстания, было 14 представителей этих партий.

Таким образом, восстание все-таки носило преимущественно крестьянский характер и не являлось результатом целенаправленной подготовительной работы со стороны какой-либо антисоветской силы. Скорее всего, оно было следствием недальновидной и непродуманной политики сибирского партийно-советского руководства, вызывавшей резкое недовольство крестьян. Хотя согласно официальной версии восстание было подготовлено. Так, командир 85-й стрелковой бригады Н.Н. Рахманов в докладе помощнику главкома по Сибири В.И. Шорину о подавлении повстанческого движения в Тюменской губернии в разделе «Организаторы восстания» писал, что не подлежит сомнению существование свободного подпольного центра, подготовившего восстание. В качестве аргумента он приводил пример однотипного повстанческого аппарата на охваченной восстанием территории и делал еще один вывод: о наличии «на периферии агентов заговорщицкого центра, при первой вести о начавшемся восстании немедленно выполнивших ранее полученные директивы своего центра»<sup>2</sup>.

Такая позиция была выгодна всем, по чьей вине вспыхнуло восстание, так как легче было оправдываться, ведь «враг был силен», а затем и похвалиться своими успехами, ведь «враг» был все-таки уничтожен. Вывод Рахманова, скорее всего, был его личным мнением и подтверждения фактического не получил, в том числе и в чекистских документах.

Устойчивым очагом сопротивления большевикам на протяжении почти двух лет (1920–1922 гг.) был Горный Алтай, здесь действовал отряд А.П. Кайгородова. По данным полномочного представителя ВЧК по Сибири И. Павлуновского, в Алтайской губернии к началу 1922 г. насчитывалось до 12 банд общей численностью до 3 000 чел. Для подавления политического бандитизма в 1921 г. были задействованы 4 полка Красной армии, сводный отряд ВЧК и несколько других воинских формирований; под ружье поставлены около 90% местных коммунистов, введено военное положение. В ходе операции удалось разгромить отряд Кайгородова, а его самого убить. Он был обезглавлен, его голову, обложенную льдом, сначала доставили в с. Алтайское для демонстрации начальству, а затем

<sup>1</sup> Третьяков Н.Г. Состав руководящих органов... С. 21–25.

<sup>2</sup> Сибирская Вандея... Т. 2. С. 644, 711, 707.

отправили в Барнаул для этой же цели, а также проведения процедуры опознания женой погибшего, находившейся в это время в тюрьме в качестве заложницы<sup>1</sup>.

На территории Томской губернии в это же время действовал целый ряд антибольшевистских групп и формирований, в рядах которых основную массу составляли крестьяне.

Так, в северо-восточной части Кузнецкого уезда действовал отряд колчаковского полковника Зиновьева численностью до 250 чел., на территории Мариинского, Кузнецкого и Щегловского уездов – отряд урядника И.Н. Соловьёва, имевший четкое деление на взводы и в наличии 7 пулеметов. Оба эти отряда планировали объединиться с отрядом анархиста Новосёлова для консолидации сил и совместных действий, но разгром последнего не позволил этим планам сбыться. Отряд Соловьёва окончательно был разгромлен только в 1924 г., сам Соловьёв убит в перестрелке.

Кроме того, на территории Томской губернии действовали отряды Табашникова, Аргудеева, Ларионова, Сафронова, Булавина, Родионова и некоторые другие. Части особого назначения и войска ВЧК в 1921–1923 гг. приняли участие в ликвидации 70 активных выступлений различного рода антибольшевистских формирований только на территории Томской губернии<sup>2</sup>.

Справедливости ради необходимо заметить, что многие из этих формирований были обычными уголовными бандами, присоединявшимися к более крупным отрядам на определенных этапах для извлечения личной выгоды и т.п. Еще одним фактором затянувшейся борьбы с «кулацкими» проявлениями стало то, что небольшие отряды мятежников были очень маневренными, поскольку состояли из местных жителей. Когда регулярные части Красной армии начинали их «поджимать», они легко уходили от преследования: расходились по домам до очередного выступления либо скрывались по заимкам в тайге. Часто в таких бандах присутствовал «семейный след», т.е. наличие значительного числа родственников, явно не заинтересованных в выдаче своих близких.

В отдельных уездах очаги сопротивления просуществовали 2–3 года, и даже отмена продрозверстки не могла остановить антибольшевистских выступлений. Подавив одно сопротивление, большевики вынуждены были почти сразу переключаться на другое. За 1921–1922 гг. в Сибири повстанцами было убито 3 744, а ранено 11 459 красноармейцев<sup>3</sup>. Потери из числа коммунистов, советских работников и активистов были еще большими.

Подобная ситуация была вполне естественной, так как власть с первых шагов по реализации разверстки не допускала возможности установления контактов с крестьянством, поиска приемлемых вариантов решения возникавших проблем. По-иному быть и не могло, взамен государство крестьянину ничего предложить не

---

<sup>1</sup> Кобелев А.И., Чернов А.С. Забвению не подлежат!.. С. 14–15. Операцией по разгрому отряда А. Кайгородова руководил И. Долгих, будущий начальник отдела трудовых поселений ПП ОГПУ по ЗСК.

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Ф. 10. Д. 85. С. 116.

<sup>3</sup> Новиков П.А. Указ. соч. С. 278. Только в 1921 г. в боях с разного рода бандами погибли 365 милиционеров Сибири. См.: Там же. С. 253.

могло. По этой причине уже в августе 1920 г. руководство Сибпродкома обратилось с докладной запиской к председателю Сибревкома И.Н. Смирнову и помглавному по Сибири В.И. Шорину, в которой высказывало озабоченность возможностью организованных восстаний крестьян в Омской, Томской, Алтайской и Семипалатинской губерниях по причине политического настроения и неурожая: «В целях пресечения в корне осложнений в этих 4 губерниях необходима крупная, хорошо организованная вооруженная сила, которая могла бы в любой момент такие осложнения ликвидировать. Между тем в распоряжении продорганов имеются лишь незначительные части войск ВОХР и отчасти других воинских частей, которые при сильном некомплекте людей и недостаточном вооружении не в состоянии даже справиться со своей прямой работой»<sup>1</sup>. К этому времени в этих губерниях имелись 10 батальонов ВОХР и 3 этапных батальона. По мнению Сибпродкома, необходимы были еще 3 хорошо вооруженные дивизии.

Эта просьба, видимо, была услышана, так как, по данным оперативного управления штаба войск ВНУС Сибири, 1 октября 1920 г. на охрану продотрядов было выделено 16 батальонов, 4 кавалерийских эскадрона общей численностью 9 892 чел. Из войск Красной армии с июля 1920 г. на продработках были полностью задействованы 3 этапных батальона, обслуживавших железные дороги Кокчетав – Петропавловск – Омск, Семипалатинск – Омск, Новониколаевск – Красноярск, 13-я кавалерийская дивизия (4 338 сабель) и 26-я стр. дивизия (19 645 штыков и сабель). На каждый уезд приходилось не менее одной роты «поддерживающих» проведение разверстки. Так, в Томской губернии насчитывалось 35 продотрядов (1 010 чел.), а в Алтайской – 28 (1 085 чел.), 35% членов отрядов были вооружены. В Омской губернии отрядов было 62 (1 762 чел.), 38% из них имели оружие.

В 1921 г. в Сибири для обеспечения потребностей губпродкомов работали 101 ревтрибунал и 15 выездных нарсудов. Непосредственно в распоряжении губпродкомов находились воинские формирования численностью в 9 350 штыков, в том числе 3 450 – в Омской, 1 150 – в Томской, 2 000 – в Алтайской, 1 150 – в Семипалатинской и 1 200 – в Енисейской губерниях. В их задачи входило сопровождение продотрядов при проведении изъятия продуктов питания у населения, охраны ссыльных пунктов и т.п.<sup>2</sup>

Привлечение властью крупных сил было оправданным, так как практически повсеместно изъятие продуктов сопровождалось прямым насилием, что не могло не вызвать недовольства крестьян, которые, не забыв навыков борьбы с колчаковцами, очень быстро поднимались по команде «в ружье» на борьбу с новым врагом, олицетворением которого являлись продармейцы.

Замена продразверстки на продналог сыграла значительную роль. Но крестьянство оставалось недовольным политикой государства из-за высоких ставок продналога и принудительного обмена сельхозпродуктов на промышленные товары.

Ситуацию, сложившуюся в Сибири к февралю 1922 г., достаточно подробно изложили в телеграмме наркомпроду Н.П. Брюханову Сиббюро ЦК РКП(б) совместно с членом ЦК РКП(б) Ф.Э. Дзержинским. Они констатировали, что на пер-

<sup>1</sup> Шишкин В.И. Сибирская Вандея... С. 49–50.

<sup>2</sup> Николаев П.Ф. Указ. соч. С. 209–211.

вом этапе (в октябре – ноябре) выполнение продналога шло большей частью безболезненно. Меры репрессии носили исключительно закономерный характер, но уже с декабря **«выполнение продналога протекало исключительно под сильнейшим неослабным нажимом, переходящим всякие пределы** (здесь и далее выделено мною. – В.У.), [а] именно приговорами Ревтрибуналов, широкой конфискацией всего имущества движимого [и] недвижимого, высылка [с] места жительства [на] работы [в] шахты, вынесение смертных приговоров (таковые приходилось отменять). Стремление работников выполнить во что бы то ни стало процентов при невероятном сопротивлении налогоплательщиков местами проявлялось [в] крайне жестких мерах, как его [налогоплательщика] **сажание в холодный амбар, вымораживание на снегу, симуляция расстрелов, прочие сверх всякого закона репрессии**»<sup>1</sup>.

Основной причиной невероятного сопротивления налогоплательщиков большей части районов Сибири явилось крайнее недовольство определением «разрядов урожая», установленных Совнаркомом, когда недород в целом ряде сел и волостей Новониколаевской, Томской, Енисейской и Омской губерний вообще не учитывался. Тяжесть налога, как всегда, ложилась на крупные хозяйства, которые были обречены владеть жалкое существование в том числе по причине недосева и отсутствия скота, обмененного на хлеб для сдачи налога.

Недовольство крестьянства тяжестью налога проявлялось в недоверии ко всем мероприятиям местной власти, было зарегистрировано свыше ста случаев убийств продработников, партработников и совработников.

Негативным результатом кампании стала деморализация частей Красной армии, бойцы которой, будучи в абсолютном большинстве выходцами из крестьянской среды, были свидетелями репрессий. В телеграмме не приведены конкретные примеры, но можно предполагать, что речь шла о недовольстве политикой, фактах неподчинения, отказа выполнять приказы.

О сложности обстановки того периода свидетельствует письмо М. Багаева, направленное весной 1922 г. Председателю Совнаркома В. Ленину (лично знакомы с 1905 г.). В письме говорится о том, что урожай в Николаевской губернии, несмотря на недород хлеба, был отнесен к 7-му разряду, без конкретных оценок по каждой волости. Хлеба не хватало на прокорм. По меньшей мере три четверти крестьян не возвратили даже семян. Продотряды «выбивали» налог (применяли оружие, сажали налогоплательщиков в холодные бани при 25-градусном морозе, оставляли по колено в снегу на всю ночь, избивали). Ревтрибуналы выносили приговоры о конфискации имущества, принудительных работах и ссылке без всякого разбора. Среди осужденных оказывались и бедняки, у которых конфисковывали единственную корову или лошадь.

---

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 106. Л. 199.

Чтобы отдать налог, крестьяне вынуждены были покупать хлеб в других местах, продавая скотину, сельскохозяйственные машины и инвентарь; многие питались травой<sup>1</sup>.

Из секретариата Совнаркома письмо было отправлено для рассмотрения в Сибревком, откуда 6 июня 1922 г. в приемную Совнаркома был направлен ответ, подписанный председателем Сибревкома М.М. Лашевичем: «Сибревком сообщает, что указываемые в письме Багаева факты могли иметь место, так как в исполнении приказов Сибревкома об энергичном взимании продналога действительно агенты продкомов могли выходить и выходили за пределы, установленные декретами. **Привлечь виновных к суду – значит прежде всего судить Сибревком, который дал на места [приказ] проводить твердую политику взимания продналога** (выделено мною. – В.У.).

Преступные действия отдельных продовольственных агентов, конечно, обращали внимание местной власти, и ряд продагентов был в свое время предан суду. В настоящее время возбуждение новых дел Сибревком не считает целесообразным<sup>2</sup>.

Власть, судя по письму, ничему не научилась. Во взаимоотношениях с крестьянством упор продолжали делать на приказы, угрозы и репрессии, не считаясь с обстановкой на местах, нормами права и морали. Крестьянин продолжал оставаться, с одной стороны, мелкой сошкой, с которой можно было делать что угодно, с другой – «дойной» коровой, обязанной давать «молоко».

Переход к новой экономической политике не сразу, но снизил накал антикоммунистических, антисоветских проявлений, положил начало процессам разложения повстанческого движения. Многие его участники стали возвращаться к мирной жизни, заметно сократилась помощь со стороны местного населения. Так, если в феврале 1921 г. численность участников антисоветского повстанческого движения достигала в РСФСР 130 тыс. чел., то в марте их было уже 123 тыс., в апреле – 35 тыс., в сентябре – 12 тыс., а в декабре – 8 тыс. чел.<sup>3</sup> Что касается Сибири, то в конце апреля 1921 г. здесь насчитывалось 16 тыс. повстанцев, а в июле – только 2,5 тыс.<sup>4</sup> Можно предположить, что в числе последних оставались либо самые непримиримые противники большевизма, либо те, у кого руки были «по локоть в крови» и кому на прощение или снисхождение рассчитывать не приходилось, многие из них были уголовниками.

Социально-политическую обстановку того периода хорошо иллюстрируют информационные сводки местных политбюро в вышестоящие органы ВЧК. В соответствии с директивой ВЧК их составляли два раза в месяц, подробно освещая положение дел на обслуживаемой территории (отношение различных социальных групп населения к советской власти, наличие антисоветских проявлений, состояние преступности и т.д.). В качестве примера приведу выдержку из сводки Мариинского политбюро за период с 15 по 30 декабря 1920 г.: «...настроение рабочих... по большей части сочувственное к соввласти. Среди

<sup>1</sup> Мальшева М.П., Познанский В.С. Бывший соратник открывает глаза Предсовнаркому // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. 1994. № 2. С. 55–57.

<sup>2</sup> Там же. С. 59; ГАНУ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 750. Л. 33.

<sup>3</sup> Щетинов Ю.А. Указ. соч. С. 97.

<sup>4</sup> Новиков П.А. Указ. соч. С. 278.



рабочих... ропота из-за недостатка предметов первой необходимости не замечается за исключением отдельных случаев. Благодаря агитационно-просветительской работе по разъяснению массам цели и основных принципов строительства соввласти... даже менее сознательные рабочие начинают понимать всю важность текущего момента...

Служащие же советских учреждений к соввласти относятся недоброжелательно, так как они в большинстве своем обывательщина и советский строй со своей строгой дисциплиной им нежелателен, это наблюдается из того, что большинство служащих на исполнение порученного им дела... смотрят халатно, как на пустое времяпровождение – отслуживание установленных часов... не проявляют ни малейшей инициативы к работе... Поздно приходят на занятие, во время занятий занимаются частными разговорами... уходят со службы по частным делам. Некоторые ответственные служащие и спецы пропитаны бюрократизмом, к посетителям относятся невнимательно, а иногда и грубо...

Обывательщина... к соввласти настроена враждебно, постоянно в ожидании чего-то. Некоторые обыватели с целью скомпрометировать соввласть, а некоторые по своей темноте, распространяют провокационные слухи...

Настроение крестьян к соввласти разное: местами безразличное, местами даже враждебное. Недовольство крестьян, главным образом, вызывает разверстка и то, что их не снабжают необходимыми для крестьянства предметами. Почти повсюду крестьяне жалуются на то, что власть не оставляет им семена для посева... на продагентов смотрят враждебно, а хлеб свой стараются поспрятать.

Особенно широкую агитацию (контрреволюционную. – В.У.) ведут среди населения беженцы гражданской войны, в большинстве своем бывшие буржуи и спекулянты...

Отношение населения к коммунистической партии по большей части враждебное...

Отношение духовенства к соввласти и коммунистической партии враждебное...

Восстаний и заговоров за текущий период не раскрыто»<sup>1</sup>.

Особо в сводках выделялось отношение населения к коммунистической партии и коммунистам. Антикоммунистические лозунги стали одним из вернейших способов привлечения недовольного крестьянства в ряды участников антисоветского движения. В концентрированном виде отношение к коммунистам выразила информационная сводка Мариинского уездного комитета партии в начале 1922 г.:

«Враждебно разнохарактерное. **Ненависть к коммунистам вселилась просто хронически в самой злостной, прямо-таки припадочной форме** (выделено мною. – В.У.), тогда когда-либо чем задевает ее интересы, в выполнении государственной повинности и т.п. В этот момент вся злость выливается в наружную форму, тут же против настраивают подпольно гады, кулачье и попы. За последнее время наблюдается страшное восстановление массы защитников в кавычках.

---

<sup>1</sup> ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 100. Л. 8–9.

А при развитии самогонного употребления в это время, от буйства, расходившегося в пьяных людях, выливается открыто и вся злоба, накопившаяся за время трезвости. В таком виде готовы бросаться, как разъяренные звери. Но еще не разошлись, их удерживает страх»<sup>1</sup>.

Обстановка действительно была чрезвычайно сложной, быстро переломить ситуацию в свою пользу власть не могла.

Для координации действий в борьбе с «кулацкими» вооруженными выступлениями в январе 1921 г. была создана Центральная междуведомственная комиссия по борьбе с бандитизмом под председательством Ф.Э. Дзержинского. О важности этой комиссии свидетельствует факт, что её работой руководил триумvirат (ЦК РКП(б), Совнарком и ВЦИК).

Комиссия имела право оценивать ситуацию и принимать решения, по согласованию с «верхами» отдавать конкретные указания и распоряжения. О результатах повседневной деятельности один раз в три недели триумvirату представляли отчет с мест. Комиссия сыграла значительную роль в разгроме и подавлении антисоветских выступлений. К лету 1922 г., когда ситуация в стране стала стабилизироваться, Комиссия прекратила свое существование<sup>2</sup>.

Если эта чрезвычайная комиссия играла координирующую роль в масштабах страны, то крестьянское сопротивление 1920–1921 гг., в частности в Западной Сибири, вызвало к жизни целую систему чрезвычайных властных органов. Всю работу организовывали Сибревком и его уполномоченные на местах. Председатель Сибревкома входил в состав полномочной «тройки». К концу 1921 г. потребность в них отпала, но в последующие годы чрезвычайные «тройки», «пятерки», различные комиссии создавались при появлении у власти проблем, пусть и не очень сложных. Почти в каждом случае возрождения этих «чрезвычайек» следом вводились чрезвычайные меры и особые полномочия исполнителей, ограничивались права и свободы граждан – становилось возможным проведение репрессий.

Изменение обстановки в стране по мере укрепления власти вело и к изменению отношения к ней. Информационные сводки все реже содержали информацию о негативном отношении к власти, о вооруженных группах (в абсолютном большинстве случаев речь велась об уголовных бандах). Фраза «восстаний и заговоров не выявлено» стала в сводках привычной, а затем исчезла совсем.

Новый подъем крестьянского сопротивления начался в конце 1920-х гг. в связи с кампаниями хлебозаготовок и коллективизацией. Кампании коллективизации и раскулачивания еще более поляризовали крестьянство. Практически повсеместно фиксировались стихийные проявления недовольства. Любое выступление со стороны крестьянства рассматривалось как акция неповиновения, имеющая антисоветскую направленность, организованная кулачеством или антисоветскими силами. Реакция власти строилась на оценке ситуации как обострение классовой борьбы в деревне. Циркуляр крайсуда и крайпрокуратуры № 3/с-1/с от 10.12.1928 г. давал четкую установку на развертывание активного противодействия кулачеству. «Преступления, совершённые кулачеством, растут и становятся исключительно дерзкими и, будучи направленными против основ-

<sup>1</sup> См. : ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 87. Л. 35.

<sup>2</sup> Трифонов И.Я. Классы и классовая борьба... С. 210.

ных принципов политики советской власти, являются ярким выражением обострившейся... классовой борьбы в деревне. При таком положении борьба с преступлениями кулачества должна носить ярко выраженный политический характер, характер решительного классового отпора против обнаглевшего классового врага».

Основными условиями, которые должны были обеспечить успех в борьбе против кулачества, объявлялись **быстрота расследования и жестокость репрессий** (выделено мною. – В.У.) по ним. В связи с этим преступления такого характера следовало рассматривать незамедлительно по получении информации и заканчивать следствие в двухнедельный срок. Работу вести во взаимодействии с органами ОГПУ. Любое действие против советских и общественных активистов и селькоров (избиения, угрозы и т.п.) следовало рассматривать так же, как и террористический акт, т.е. по ст. 58 УК<sup>1</sup>.

Под активизацию деятельности кулачества прятали все промахи, недочеты и собственное головотяпство. Анализируя работу органов прокуратуры в период кампании перевыборов советов, Прокурор Республики Н. Крыленко прямо указывал на это: «...не только прямые террористические выступления со стороны кулачества. Но и целый ряд чрезвычайно удачных маневрирований, маскированных вылазок с целью дезорганизации наших рядов, с целью прямого срыва избирательной кампании, наряду со стремлением исказить классовую линию...». «Действия» кулацких и антисоветских элементов в целях срыва кампании представлялись в качестве целой системы мер, что, конечно же, не соответствовало действительности. Ведя речь о методах борьбы кулачества, он вновь указывал на «целую систему мероприятий со стороны кулачества», а в числе приведенных примеров с мест упоминал и наш регион. Так, «в Борисовском районе Омского округа баптисты (видимо, как элемент системы. – В.У.) через своих соглядатаев достали план отчётных перевыборных собраний и в те же дни и часы назначали свои молебственные собрания, обставляя их с большой торжественностью».

Это ли не пример головотяпства организаторов перевыборной кампании, если таковой факт имел место в действительности. Хватало, видимо, и формализма в подходе и организации проведения собраний в случае объективного изложения действий баптистов. Проявлялся он и в случаях организации избирательных комиссий, когда в них произвольно вводились представители различных организаций. По этой причине в Томском округе была распущена и создана заново часть сельизбиркомов. А по причине засоренности сельизбиркомов «чуждыми» элементами только в Сибкрае было заменено около 200 членов комиссий<sup>2</sup>.

Представители органов власти на местах часто сами настраивали против себя население. Например, целый ряд решений вопросов о лишении избирательных прав были оценены как «халатное, а порой преступно-небрежное отношение к такому серьёзному вопросу». Если в с. Петропавловское Томского округа не лишили избирательных прав псаломщика, то в одной из деревень Барабинского округа общее собрание избирателей лишило прав всех бедняков как «принадле-

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 183. Л. 72–74.

<sup>2</sup> Там же. Оп. 2. Д. 164. Л. 251–254.

жащих к нетрудовому элементу». Многочисленные примеры по другим регионам также подтверждали правильность данной оценки<sup>1</sup>.

В иных случаях, опять-таки ссылаясь на просочившихся «в нашу среду» классовых врагов и их происки, органы прокуратуры края фиксировали многочисленные случаи «произвола, перегибов и искривления классовой линии». К этим явлениям были отнесены аресты бедняков и середняков, осмелившихся высказать какие-либо сомнения по поводу организации колхозов, многочисленные случаи расхищения и присвоения изымаемого у кулаков имущества, угрозы расстрелом и ссылкой крестьянам в случаях их несогласия вступать в колхоз, ночные налеты и выбрасывание ночью на мороз не только кулацких, но иногда и середняцких семей, применение физического насилия и т.д.<sup>2</sup>

Несомненно, такое поведение представителей органов власти и активистов из числа бедноты не добавляло им авторитета, не могло не вызвать чаще всего стихийных акций протеста и неповиновения, мести в различных формах её проявления. Борьба с подобными администраторами и нарушителями «социалистической законности» чаще всего велась на бумаге – циркулярами и указаниями о недопущении перегибов впредь, в том числе и вышеприведенных. К суду же привлекались единицы, но и они редко получали реальные сроки наказания, что, в свою очередь, еще больше озлобляло крестьянство. Тем более что освободившиеся места ретивых исполнителей часто занимали подобные им.

Эти явления, более характерные для периода Гражданской войны, так и не были изжиты. Так, в докладе о классовой борьбе в колхозном строительстве и подготовке сева 1932 г. прокурором края Г. Мерэном только на примере одного Косихинского района были приведены многочисленные случаи перегибов (аресты, обыски, незаконное изъятие хлеба и пр.), вызывавшие недовольство у крестьян. «Корни перегибов, административного произвола... в Косихинском районе... залегли очень глубоко, ...в отдельных сельсоветах перегибы в различных формах проявляются до сих пор...». Попытки же по линии прокуратуры пресекать эти явления встречали недовольство сельсоветов и ячеек вплоть до направления жалоб в крайком ВКП(б). Перегибы, правда в меньших размерах, имели место и в ряде других районов, «в отдельных случаях они вызывали недовольства, которые выливались в так называемые женские массовые беспорядки»<sup>3</sup>. Но часто сопротивление и недовольство крестьян выражались в формах открытого неповиновения, уничтожения колхозного имущества, порче сельхозинвентаря, избивания и убийствах отдельных представителей власти и сельского актива.

«Кулацким» проявлениям и выступлениям придавалось самое серьезное значение и информация о них постоянно тиражировалась через разные источники информации. А в регулярно выпускаемых Информационном бюллетене и Информационных сводках краевого прокурора этому вопросу был специально выделен раздел. Однако чаще всего информация сводилась к простому перечислению фактов и примеров без указания причин и условий их совершения. Тем не

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 164. Л. 257–258.

<sup>2</sup> Там же. Д. 198. Л. 10.

<sup>3</sup> Там же. Д. 205. Л. 33–36.

менее часто упоминалось сведение «кулаками» личных счетов с кем-либо из пострадавших сельских активистов<sup>1</sup>.

Сопротивление крестьян приобрело размеры не меньшие, чем в начале 1920-х гг., выступления исчислялись сотнями. Они были не такими массовыми, более локальными, но менее ожесточенными не стали, вновь приводя к многочисленным жертвам с обеих сторон. По данным контрразведывательного отдела ПП ОГПУ по Сибкраю, в период с октября 1929 г. по апрель 1930 г. в крае были ликвидированы 46 контрреволюционных организаций чисто повстанческого характера и 24 политические банды. К уголовной ответственности привлечены более двух тысяч участников, 782 из которых расстреляны<sup>2</sup>.

Отдельно хотелось бы остановиться на вооруженных выступлениях крестьянства в ряде районов Западной Сибири против политики государства. В Сибири с конца 1929 до середины 1931 г. таковых произошло более полутора десятков<sup>3</sup>.

Самым массовым по численности участников (до 1 500 чел.) и масштабам развития (28 населенных пунктов) стало Муромцевское восстание (ныне Омская обл.) в марте 1930 г. Причины его крылись в многочисленных нарушениях, допущенных в ходе кампании по раскулачиванию, когда, например, число высланных по «1-й категории» втрое превысило число высланных по «2-й категории», отсутствовали какие-либо учеты по экспроприруемому имуществу и т.д. Не могли не повлиять на рост напряженности и проведенные накануне аресты 24 «участников контрреволюционных кулацких группировок» в селах Кондратьевское, Бакмакское (возможно, речь идет о с. Бергамак. – В.У.) и Ляпуновка. Поводом для выступления послужило выселение кулаков на Север. С.А. Красильников в своем исследовании «Серп и Молох» отмечает: партийно-советские органы Барабинского округа вынуждены были признать, что восстание порождено крайне низким авторитетом партийных и советских организаций в деревне, проявлением с их стороны элементов формализма в работе и грубейшими извращениями политики партии. В действиях мятежников прослеживалась тенденция самозащиты от произвола и мародерства представителей власти. Свидетельством этому были лозунги, выдвинутые восставшими: «Долой

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 200. Л. 7–9. 18, 52 и др.

<sup>2</sup> Красильников С.А. Серп и Молох... С. 41. Следует учитывать, что эти «результаты» были достигнуты преимущественно в период проведения в Сибири очередной кампании по борьбе с бандитизмом. По этой причине, видимо, число действительно «политических» несколько меньше заявленных. Кроме того, Н.Я. Гуцин привел данные, что только в период с 1 февраля по 10 марта 1930 г. органы советской власти разоблачили и ликвидировали в Сибири 19 повстанческих контрреволюционных организаций и 465 кулацких антисоветских группировок численностью свыше 4 тыс. чел. См.: Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму... С. 417. Только за последнюю декаду марта 1930 г. в четырех округах Западно-Сибирского региона были арестованы 492 участника «контрреволюционных» организаций. А за первую декаду апреля 1930 г. только в пяти субъектах были осуждены к ВМН – расстрелу – 99 участников 12 «контрреволюционных» организаций и группировок. См.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 3, кн. 1. С. 273–275, 297–299.

<sup>3</sup> Гуцин Н.Я. «Раскулачивание» в Сибири. 1928–1933 гг.: методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. 1996. № 2. С. 36.

коммунистов из советов!»; «Долой деревенский актив!»; «За возвращение кулаков из ссылки!» и др.

Власти удалось подавить восстание в течение пяти дней. Точное число погибших крестьян установить не представилось возможным. По официальным данным, в ходе боестолкновений восставшие потеряли 31 чел. убитыми и 4 тяжелоранеными. Потери «победителей» составили 6 чел. убитыми<sup>1</sup>.

Расправа с участниками восстания была жестокой. Аресту подверглись 1 010 чел., из которых после проведенной фильтрации были освобождены 568 чел. (128 бедняков, 395 середняков, 3 батрака и 43 чел. прочих – члены кулацких семей и несовершеннолетние). Осуждению «тройкой» ПП ОГПУ по Сибкраю подверглись 441 чел. из 442 привлеченных к ответственности. Согласно приговору к ВМН – расстрелу – был осужден 61 чел., еще 43 расстрел был заменен заключением в концлагерь сроком на 10 лет, около 100 чел. осуждены условно, а остальные – к иным срокам лишения свободы. Кулаков в числе осужденных было 90, остальные – бедняки и середняки<sup>2</sup>.

Однако не соглашусь с некоторыми выводами С.А. Красильникова. Констатируя факты жестокого подавления восстаний, он пишет, что при этом физически уничтожались каждый десятый участник мятежа, и в качестве подтверждения приводит данные о Муромцевском восстании. Однако приведенные цифры не вполне корректны, так как названный им показатель невозможно получить даже при суммировании числа погибших и расстрелянных. В другом случае он отмечает, что восставшие, действуя стихийно, не сумели развернуть наступательных действий, хотя и были вооружены. Возникает вопрос, о каких наступательных действиях речь? Ведь описание целей и событий восстания, примеры лозунгов прямо свидетельствовали о его локальном характере (в рамках одного района); восставшие и не планировали наступательных операций. Кроме того, если говорить о вооруженности восставших, то сам автор приводит данные о наличии у них только охотничьего оружия: дробовиков, берданок и малокалиберных винтовок в количестве до 350 стволов, т.е. в лучшем случае один ствол на четверых. Целей довооружения мятежники не ставили. Воевать, а тем более наступать при таком вооружении было смерти подобно. Это также является свидетельством локального характера выступления<sup>3</sup>.

В это же время произошло восстание в Уч-Пристанском районе. Организовал и возглавил его сотрудник Бийского окротдела ОГПУ по Уч-Пристанскому району Ф.Г. Добытин. Он начал подготовку к свержению со-

<sup>1</sup> В оперсводке № 7 СОУ ОГПУ о ходе «ликвидации контрреволюционных кулацко-белогвардейских и бандитских элементов» за вторую пятидневку марта 1930 г. указывалось, что в боях было убито 75 «бандитов» и взято в плен 442. См.: Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД... Т. 3, кн. 1. С. 249.

<sup>2</sup> См.: Красильников С.А. Серп и Молох... С. 41–47.

<sup>3</sup> Красильников С.А. Серп и Молох... С. 41, 46. Не верен, на мой взгляд, и вывод С.А. Красильникова по событиям в Индерском районе Новосибирского округа, что жестокость к участникам «волынки» обусловлена, в первую очередь, личной мстью представителей местной власти, в панике бежавшей от недовольного населения. Эта власть к вынесению приговора никакого отношения не имела – они не члены «тройки». Просто было необходимо запугать население района с целью недопущения повторения описанных событий, о чем далее и пишет С.А. Красильников и с чем уверенно соглашусь.

ветской власти с объединения раскулаченных. По версии, изложенной в обвинительном заключении, он установил связь с уже действовавшими в районе контрреволюционными организациями и создал свою антисоветскую группу. Добытин заверил единомышленников, что их выступление будет поддержано в других округах, т.е. вызовет «цепную реакцию», хотя конкретных действий для этого не предпринимал.

Восстание началось в ночь на 10 марта 1930 г., крестьяне смогли захватить 80 винтовок и патроны к ним, арестовали более 100 коммунистов, комсомольцев и руководителей различного уровня, расстреляли 9 из них. Но поднять планировавшиеся Добытиным 2 500 «сторонников» не удалось, на призыв откликнулись не более десятой части. Понимая, что восстание обречено на поражение, он скрылся в неизвестном направлении. Мятежники еще пытались организовать недовольных властью в окрестных селах и деревнях, но собрать удалось не более четырехсот человек.

Уже 11 марта отрядами милиции и вооруженных коммунистов восставшие были отеснены от Уч-Пристани, а через несколько дней окончательно разбиты у дер. Антоньевка. В ходе подавления восстания убито 90 чел., 168 арестованы, 163 из них преданы суду «тройки» ПП ОГПУ по Сибкраю. К ВМН – расстрелу – были приговорены 75 наиболее активных участников восстания, к заключению в концлагерь сроком на 10 лет – 24 чел., на 5 лет – 44, на 3 года – 3, к 5 годам условно – 8 и к 3 годам условно – 6 чел., 3 чел. были осуждены к высылке в Туруханский край. Материалы в отношении двух граждан направлены на исследование. В тюрьме Новосибирска три месяца провели отец, два старших брата, жена Добытина и некто Ф. Почуев; позднее они были из-под стражи освобождены за отсутствием состава преступления. Судьба Ф. Добытина осталась неизвестной<sup>1</sup>.

Согласно информационной сводке прокурора края № 43 от 27.12.1930 г. подготовка к восстанию была пресечена и в Косихинском районе, где 10 декабря органами ОГПУ была ликвидирована контрреволюционная организация численностью более 60 чел. из числа раскулаченных и их родственников. «Штаб» организации находился в с. Озеро Красиловое, а «звенья» организации имелись во многих населённых пунктах района<sup>2</sup>.

Массовым выступлением спецпереселенцев стало восстание на территории Чаинского района Нарымского края летом 1931 г. Причины выступления были отражены в спецсводке СО ОГПУ: «На участках Парбигской комендатуры (самой крупной по численности на лето 1931 г. – 33 тыс. чел.) продовольственных запасов нет. Последние выдавались посуточно. Были перебои. Последние 10 дней (накануне восстания. – В.У.) на ряде участков не было соли. Паек до последних дней выдавался в размере только 300 г муки на каждо-

<sup>1</sup> Жданова Г.Д. Применение статьи 58 УК в ходе коллективизации и раскулачивания на Алтае (1928–1933 гг.) // Алтайская деревня в 20–30-е годы XX века: сб. науч. тр. Барнаул, 2010. С. 96–98; Гришаев В.Ф. За чистую советскую власть... С. 200–212; Кобелев А.И., Чернов А.С. Указ. соч. С. 40–46.

<sup>2</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 199. Л.

го едока. Хозяйственно переселенцы не устроены. Живут исключительно в шалашах, жилых построек не имеется»<sup>1</sup>.

В материалах дела<sup>2</sup> оперуполномоченным оперотдела Томского оперсектора ОГПУ Ушаковым было указано, что в нем приняло участие около 1 000 чел.

Для ликвидации восстания власти направили кавалерийский взвод Томской милиции и партотряды Колпашевского, Кривошеинского и Чаинского районов. Руководство осуществлял начальник Томского оперсектора ОГПУ М. Плахов<sup>3</sup>. За время восстания со стороны восставших было убито более 100 чел., со стороны партийных отрядов убито 4 чел. и ранено трое<sup>4</sup>.

Неточное отражение фактов в материалах дела не позволяет определить число жертв со стороны восставших. Считаю, что названная цифра приближительна, но соответствует реальному положению дел. Ведь ликвидация крупного антисоветского выступления – это достижение, а значит, награды, повышения по службе и т.п. Резона занижать цифры вроде бы и нет, но это все-таки предположение. С другой стороны, могли наказать за то, что просмотрели подготовку крупного восстания и допустили его проведение.

У восставших было изъято **около** (здесь и далее выделено мною. – В.У.) 10 трехлинейных винтовок и **более** 100 единиц «разного охоторужия». При стычках под Высоким Яром и Крыловкой был отбит обоз, **около** 300 подвод. Хотя один из участников восстания на допросе показал, что «оружие в банде было небольшое – 15 винтовок и 200 охотничьих ружей и 1 воз боеприпасов (порох и дробь)»<sup>5</sup>.

Следствие по делу началось практически сразу после разгрома восстания. Первые допросы датированы 1 августа. Было задержано несколько сотен человек (в деле имеются два списка, в каждом из них более ста фамилий).

Официальное обвинение по ст. 58-2 УК РСФСР («активное участие с оружием в руках в кулацко-бандитском вооруженном восстании против советской власти») было предъявлено 149 участникам. Позднее 14 чел. были освобождены из-под стражи в связи с недоказанностью участия в совершении преступления, четверо умерли от болезней в период следствия в тюремной больнице. Остальные (131 чел.) были 21 октября 1931 г. осуждены «тройкой» ПП ОГПУ по ЗСК. Виновными себя не признали 43 чел., но на вынесение приговора это не повлияло. К 10 годам концлагерей приговорены 9 чел., еще 45 – к срокам 3 и 5 лет концлагерей, остальные – на 5 лет концлагерей условно со ссылкой на Север. Уже после вынесения приговора в тюремной больнице скончались от болезней еще 10 чел.<sup>6</sup>

<sup>1</sup> Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 3, кн. 1. С. 835.

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-14075. Т. 2. Л. 744–763.

<sup>3</sup> Плахов Михаил Афанасьевич, 1898 г.р., ур. Орловской губ., русский, образование низшее, в РКП(б) с 1919 г. В органах ВЧК с декабря 1920 г., служил на Украине, Урале, с 1929 г. – начальник Барабинского окротдела ОГПУ. С 1 октября 1930 г. – начальник Томского оперсектора ОГПУ, в апреле 1932 г. вновь переведен на Урал. В 1937 г. исключен из рядов ВКП(б), уволен из органов НКВД и арестован. Через 23 месяца следствия в мае 1939 г. дело было прекращено, из-под стражи освобожден. Дальнейшая судьба неизвестна.

<sup>4</sup> Томский историк В.П. Бойко считает, что общее число потерь поселенцев и местных жителей не менее 200–250 чел. См.: *Бойко В.* Чаинское восстание крестьян // Народная трибуна. 1991. 8, 10, 13 авг.

<sup>5</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-14075. Т. 1. Л. 14–15.

<sup>6</sup> Подсчитано автором по материалам архивно-следственного дела. См.: *Уйманов В.Н.* Без права на жизнь // Земля чаинская : сборник научно-популярных очерков к 100-летию с. Подгорное. Томск, 2001.



Уместно привести выдержку из резолюции бюро Чаинского райкома ВКП(б) от 10 августа 1931 г. (с грифами «Закрытая часть» и «Совершенно секретно»), в которой отмечалось, что «районная оперативная тройка приняла решительные меры (в борьбе с восстанием. – *В.У.*) – организовала партотряды, своевременно известила ПП ОГПУ и ближайшие районы Колпашево и Кривошеино, последние быстро справились с посылкой партотрядов на помощь Чаинской организации, томский оперсектор правильно учёл положение, выбросил резерв томской милиции, посылка дивизиона войск ПП ОГПУ из Новосибирска также своевременна и оказалась необходимой поддержкой, особенно морально воздействовала на повстанцев и как необходимое средство борьбы с рассеившимся в открытом бою кулачеством по огромной территории тайги Чаинского района». Далее отмечалась активная роль колхозников, в том числе и женщин-колхозниц, в подавлении восстания, которые «дружно вооружились» и «стойко дрались с бандами восставшего кулачества»<sup>1</sup>.

Этот документ интересен своим пафосом. Конечно через десять дней после подавления восстания, когда у местных руководителей исчезли преобладавшие в дни восстания в их действиях растерянность и испуг за возможное развитие событий, можно было докладывать вышестоящему начальству, что оказывается это «районная оперативная тройка» приняла все необходимые меры для подавления восстания, что никак не соответствовало действительности. Не могло это руководство не доложить «на верхи» и о том, что «колхозники в огромном большинстве оправдали своё доверие партии, стали действительной, прочной, надёжной опорой Советской власти и партии»<sup>2</sup>. Всего несколько фраз, а перед нами документ, полностью оправдывавший бессилие партийно-советских органов в сложившейся ситуации, реляция о единстве «партии и народа», о преодолении

---

С. 205–227. Исследователь И.Н. Кузнецов без ссылки на источники (с названным делом не знакомился) указал, что руководители восстания были расстреляны, а остальные его участники получили от 5 до 10 лет исправительно-трудовых лагерей. См.: *Кузнецов И.* Знать и помнить (историческое исследование массовых репрессий и реабилитации жертв террора 30-х годов). Томск, 1993. С. 12. Составители сборника документов «Спецпереселенцы в Западной Сибири» в томе за 1933–1938 гг. назвали цифру участников восстания от 1,5 до 2 тыс. (С. 297), а в томе за 1939–1945 гг. со ссылкой на журнал «Исторический архив» (1994. № 3) привели информацию, что в восстании участвовало «до полутора тысяч человек... Организаторы были осуждены, часть активных участников (несколько сотен человек с семьями) отправлены на поселение в отдаленную штрафную Александрово-Ваховскую комендатуру» (С. 299).

Все вышеприведенные цифры завышены, возможно, для «усиления» информации. Хотя в документальном сборнике «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... (Т. 3, кн. 1) в обзоре ПП ОГПУ по ЗСК «О политическом положении края по состоянию на 15 августа [1931 г.]] число участников восстания ни разу не превысило 200 (С. 753). Сомнительно, что сотрудники ПП ОГПУ умышленно занизили число участников восстания. Кроме того, названная комендатура, по крайней мере по материалам дела, не значилась штрафной, и автором, непосредственно работавшим с архивно-следственным делом и материалами реабилитации, хранящимися ныне в ЦДНИ ТО, информации о высылке осужденных в названную комендатуру обнаружено не было. См. подробнее: *Уйманов В.Н.* Пенитенциарная система Западной Сибири... С. 207–219.

<sup>1</sup> Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание 1927–1939. Документы и материалы: в 5 т. М., 1999–2004. Т. 3. С. 173. В отличие от следователя ОГПУ партийное руководство района считало руководителя восстания Г. Ускова живым, скрывшимся в тайге с наиболее активными участниками восстания.

<sup>2</sup> Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание 1927–1939... Т. 3. С. 173.

в принципе несущественных проблем и трудностей на пути построения «светлого будущего».

Важнейшей деталью данного документа, на мой взгляд, следует считать информацию о привлечённых для подавления восстания сил и средств – от сотрудников силовых ведомств до отрядов партийно-советского и комсомольского актива. Эта информация – прямое подтверждение реальности восстания спецпереселенцев и боязни местной власти за его исход непосредственно для них.

В последующие годы несколько участников восстания вновь прошли «круги ада» государственного террора. Например, в 1934 г. 10 лет ИТЛ получил Ф.Д. Манаков, в 1937–1938 гг. только на территории нынешней Томской области были расстреляны 8 чел.<sup>1</sup> Участие в восстании им также «припомнили». Возможно, где-то в других краях и областях кто-то еще был осужден за участие в нем. Уже в 1945 г. на 8 лет ИТЛ и 3 года поражения в правах был осужден рабочий Молчановского райздравотдела М.Н. Морин, скрывавшийся несколько лет по подложным документам. В своих показаниях он признал, что ни в каком заговоре против Советской власти не состоял, но «был настроен к Советской власти настолько враждебно, что был готов пойти на любую борьбу против Советской власти, [в] восстании я охотно принял на себя роль организатора повстанческого отряда в деревне Вшивка, имея целью вооружённым путём свергнуть Советскую власть и организовать буржуазный строй. При этом я поверил..., что такие восстания организованы в Омске, Кузнецке, Новосибирске, Томске, и думал, что восстал весь народ... Но как только я пришёл к практической работе по организации повстанческого отряда, так сразу же понял несостоятельность этой затеи, и поэтому сформированный отряд послал на восстание, а сам скрылся. При этом, имея в виду в случае того, если меня поймут и чтобы хоть немного смягчить свою вину, я освободил из-под ареста коменданта ОГПУ, которого вначале, когда арестовывал, имел в виду не просто убить, а уничтожить постепенно, с голоду заморить...»<sup>2</sup>. Последняя фраза говорит о многом. Человек готов был мстить самым, по его мнению, страшным способом – голодом. Это ли не свидетельство тяжелейших условий проживания спецпереселенцев в тайге и болотах Нарымского края.

Отношение населения к этому событию было неоднозначным – от поддержки до непосредственного участия в подавлении выступления (преимущественно местные активисты). Так, последние активно привлекались для задержания бежавших в тайгу спецпереселенцев. В отдельных случаях их действия носили уголовный характер. Например, группа активистов дер. Тунгусово (ныне Молчановский район Томской области) в период с 1 августа по 15 сентября творила самосуды и мародерствовала в «охоте» за спецпереселенцами и ехавшими к ним родственниками. В ходе расследования было установлено, что данной группой было убито 15 чел., а добытые в результате грабежа лучшие по качеству вещи распределялись между членами группы, худшие – сдавались в сельпо для последующего распределения между колхозниками. Заместитель райуполномоченного ПП ОГПУ Станкевич в докладной записке секретарю райкома партии признал

<sup>1</sup> Подсчитано автором по материалам Книги Памяти «Боль людская».

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-14075. Т. 5. С. 215..

факт превращения «боевой группы для самообороны деревни и колхоза» в группу «красных бандитов», обвиненных по ст. 59-3 УК РСФСР<sup>1</sup>.

Далеко не все страницы неординарного по всем меркам события открыты, но это свидетельство, что не все безропотно сносили произвол и беззаконие. Наверняка многие из участников восстания понимали свою обреченность, но нашли в себе силы и мужество бросить вызов государству и его мощной репрессивной машине. Изучение материалов дела однозначно свидетельствует, что восстание было актом отчаяния, не было у повстанцев ни четкой организации, ни вооружения, ни реальных планов реализации своего демарша. Не все из них разделяли позиции Ускова и его ближайшего окружения, не все понимали сути выступления и своего места в нём, но «бытие» определило это выступление, – по сути, голодный бунт. А уж следователи постарались, у них все «причесано и гладко» – враги, да еще какие. Они не стеснялись усиления информации, приписывая то, чего и не было, вкладывая в показания обвиняемых нужную им информацию. Многое шито «белыми нитками», но «гуманный суд» не захотел этого увидеть, да и наказания, если смотреть по персоналиям, раздавали так же, особо не задумываясь<sup>2</sup>.

В качестве эпилога к описанному событию. В августе 2015 г. газета «Красное знамя» рассказала на своих страницах о том, что в Бакчарском районе был установлен Поклонный крест в память о тех трагических событиях, так как в районе проживают потомки участников восстания. Идея установить крест родилась

<sup>1</sup> Красильников С.А. Серп и Молох... С. 194; Из истории земли томской. 1930–1933... С. 351–352. Не известно, чем закончилось следствие по данной группе, но отдельные из ее участников арестовывались в более поздние сроки. Так, Захожий К.Т. вновь был арестован в июне 1938 г., освобожден из-под стражи в мае 1939 г. – оправдан по суду (См. : Боль лодская... 2-е изд. Т. 1. С. 509); Изотёнок И.А. арестован в 1938 г., расстрелян. Реабилитирован 4 октября 1956 г. (Там же. Т. 1. С. 552); Лысых Х.Л. арестован в 1944 г., осужден на 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах. Реабилитирован 10 декабря 1992 г. (Там же. Т. 2. С. 295). Обложко Е.С. арестовывался ранее – в ноябре 1929 г., но был освобожден в апреле 1930 г. в связи с прекращением дела. Реабилитирован 26 декабря 2002 г. (Там же. Т. 2. С. 466).

<sup>2</sup> Реабилитация участников растянулась на 31 год. В марте 1968 г. было вынесено решение о реабилитации первых 4 участников восстания, в июле – ещё 65 чел. за отсутствием состава преступления либо за добровольный отказ от совершения преступления. И только в феврале 1999 г. прокуратурой Томской области были реабилитированы последние 66 чел., проходивших по делу.

Последствия и отзвуки восстания ещё не единожды можно было обнаружить в архивно-следственных делах Томского УФСБ. Так, в 1933 г. были осуждены 11 жителей посёлков Черемхово и Коломинские Гривы за участие в контрреволюционной повстанческой организации, созданной на территории района при участии «специально приехавших» из с. Озерно-Кузнецово Угловского р-на ЗСК членов контрреволюционной организации, существовавшей в этом селе на Алтае, С. Березикова, К. Новичкова и П. Ефименко. Последний на допросе показал, что «в Нарыме среди кулаков летом 1931 г. существовала большая организация, ставившая своей целью вооружённое восстание и свержение Советской власти, но часть этой организации рано выступила и была разбита. Наши кулаки в числе выступивших не попали и хорошо сделали, так как они до сих пор остались не открытыми и сейчас будут вести подготовку с нами вместе, добиваясь одной цели – свержение Соввласти. В Нарыме все кулаки готовы к выступлению, нам тоже здесь нужно подготовиться и уже выступать общими силами, чтобы не было таких провалов, как летом у кулаков в Нарыме...».

Аналогичные показания дали и другие обвиняемые по этому делу. Но что интересно, 10 чел. из числа осужденных виновными себя не признали. По непонятной причине, возможно в погоне за показателями, но материалы на участников организации не были объединены в одно уголовное дело. Участники организации были осуждены на разные сроки лишения.

у жителей с. Крыловка в 2013 г., когда на сходе граждан зашел разговор об истории села и о восстании 1931 г. При установке Поклонного креста иереем Свято-славом и певчими церковного хора был совершен чин по его освящению и лития за упокоение жителей района, погибших в те страшные годы<sup>1</sup>.

Практически одновременно с Чаинским произошло восстание в бывшем Чумаковском районе ЗСК. Летом 1931 г. на севере бывшего Чумаковского района стали группироваться спецпереселенцы, бежавшие из мест поселения. К ним прикнули «банды» Горчакова, Деветиярова, Зубкова и др., действовавшие на территории северного района края. В отряды активно вовлекали местных крестьян, в том числе середняков и бедноту. В сжатые сроки число повстанцев достигло 300 чел., а затем и 600. Вооружение главным образом состояло из гладкоствольных охотничьих ружей, примерно 30 винтовок и обрезов. Занимая села и поселки, расправлялись с коммунистами и сельхозактивом, захватывали оружие. Но уже через несколько дней в район восстания были стянуты партотряды из сел Чумаково, Каргат, городов Барабинска и Каинска (ныне г. Куйбышев Новосибирской области). Из Новониколаевска прибыл конный взвод ОГПУ в составе 35 чел.

В течение пяти дней восстание было ликвидировано. Во время боестолкновений восставшие потеряли убитыми 83 чел. Потери со стороны партийных отрядов и формирований ОГПУ составили 12 убитых и 2 раненых. Было захвачено в плен более 200 участников восстания, взяты трофеи – 15 винтовок, 5 револьверов и около 300 охотничьих ружей, большое количество боеприпасов. В ходе следствия было арестовано около 400 чел., 349 из которых помещены под стражу. К различным срокам наказания Коллегией ОГПУ по ст. 59-3 УК РСФСР осуждены 190 мятежников, т.е. в отличие от «чаинцев» участники этого восстания были признаны обычными бандитами, а это другая статья по отчетам, руководство ПП ОГПУ по ЗСК понимало это очень хорошо<sup>2</sup>.

Согласно отчетам прокурора Сибири И. Баркова по надзору за органами ОГПУ в разделе о работе «тройки» ПП ОГПУ за 1–3-й кварталы 1933 г. следовало, что основную массу рассмотренных «тройкой» дел составляли дела по контрреволюционным преступлениям, причем наибольшее количество обвиняемых было по делам **повстанческим** (здесь и далее выделено мною. – В.У.) – табл. 5. Из 12 326 обвиняемых были преданы суду «тройки» за контрреволюционные преступления 7 435 чел. (60,4 %), в том числе по делам **повстанческим** – 4 151 (55,83 %), ещё 671 (5,6 %) – за бандитизм. Очень высок процент осужденных из числа «социально близких – «некоторый рост... относится, главным образом, за счёт **повстанческих дел**»<sup>3</sup>. Рост в первом квартале 1934 г. объяснялся увеличе-

<sup>1</sup> Красное знамя. 2015. 19 авг.

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Новосибирской области. Д. 13672; Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... (Западная Сибирь в конце 20-х – начале 50-х годов). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. С. 40–41. В отчете ПП ОГПУ по ЗСК о политическом положении в крае отмечалось, что во время боестолкновений «банда потеряла свыше 60 убитыми, 12 ранеными, захвачено в плен до 115 чел., выловлено скрывшимися после разгрома до 130 чел. связчиков, пособников и бандитов, в том числе кулаков – 75, середняков – 115, бедняков – 37, служащих – 10, кустарей – 2 и невыявленных – 6, а также взято 91 един. оружия, 16 лошадей и прочего имущества» (С. 754). И в первом, и во втором случаях источниками информации по Чумаковскому восстанию были документы органов ОГПУ, однако понять причину разночтения данных не представлялось возможным.

<sup>3</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 209. Л. 102–103.

нием количества преступлений, связанных с антисоветской агитацией, со стороны колхозников, в частности оживлением антисоветской деятельности в районах, населенных немцами, среди которых «усиленно распространяются «гитлеровские марки», сопровождаемые агитацией против колхозов и подготовки к весеннему севу и за реэмиграцию в гитлеровскую Германию»<sup>1</sup>.

Таблица 5

## Сведения о движении дел в 1933 г. и 1-м квартале 1934 г. и вынесенные приговоры

Год	К-во первичных дел	К-во обвин. по ним, чел.	Состав преступления, чел.*		Приговор *			Осуждение «социально близких», %
			Контр-рев. прест-я	Бандитизм	ВМН		10 лет ИТЛ	
					Контр-рев. прест-я	Бандитизм		
1-й кв. 1933 г.	2 084	12 326	7 435	671	Нет свед.	Нет свед.	76	38,7
2-й кв. 1933 г.					1 206/364	Нет свед.	60	44,6
3-й кв. 1933 г.					Нет свед.	193/16	56	46,5
4-й кв. 1933 г.	282	1 211	394/184	311/65	–	206/16	34	46
1-й кв. 1934 г.	378	1 192	459/257	404/74	–	146/3	32	56
<b>Всего</b>	<b>2 744</b>	<b>14 729</b>	<b>8 288</b>	<b>1 386</b>			<b>258</b>	

\* В знаменателе указаны представители «социально близких».

Источник: Отчеты прокурора края И. Баркова Прокурору СССР И. Акулову по надзору за органами ОГПУ. ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 209. Л. 102–105; Д. 214. Л. 13–15.

К лишению свободы во 2-м квартале были осуждены 47% от числа преданных суду, что на 30% меньше показателей 1-го квартала и на 18% – третьего. Уменьшение произошло по причине того, что по **повстанческим** делам, с учётом значительного числа проходивших по ним «социально близких», было учтено «при определении меры социальной защиты... изменение в положительную сторону политнастроения в крае (успешный ход посевной кампании, благоприятные виды на урожай и т.д.)». К высшей мере, однако, были приговорены (по данным 2-го квартала) 29,9% из числа «социально близких», а из осужденных за бандитизм (за 3–4-й кварталы 1933 г. и 1-й 1934 г.) – 8; 7,8 и 2,1% соответственно. Заметное снижение числа осужденных к предельному 10-летнему сроку лишения свободы с 76 до 32% объяснялось опять-таки «тем же изменением политнастроения основной массы населения». Преобладающей мерой социальной защиты по контрреволюционным преступлениям сделали лишение свободы на сроки 5–3 года. До минимума были сокращены ссылки – в октябре 1933 г. – марте 1934 г. на 3 374 чел. осужденных только 20 случаев вынесения такого приговора<sup>2</sup>.

К сожалению, но неоднократное упоминание об участии «социально близких» в повстанческих делах никак не было прокомментировано, что не

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 214. Л. 13.

<sup>2</sup> Там же. Д. 209. Л. 104–105; Д. 214. Л. 14–15.

позволяет получить какого-либо официального объяснения этому. Вывод, который напрашивается, исходя из анализа оперативной обстановки, – рост недовольства населения проводимой в стране политикой, в частности в сельском хозяйстве.

Подобные восстания были единичными, так как спецпереселенцам было сложнее объединиться и выступить, чем населению, постоянно проживающему на конкретной территории. Причин этого, на мой взгляд, несколько. Во-первых, последствия мощного психологического стресса вследствие разрушения уклада жизни, разграбления хозяйства, моральных унижений и физических страданий. Во-вторых, срабатывал извечный инстинкт самосохранения – выжить любой ценой. В-третьих, давление со стороны представителей власти через систему постоянного контроля и неусыпного надзора, когда местное население воспринимало спецпереселенцев в качестве «незваных гостей», если уж не в качестве врагов, каковыми их объявила власть. В-четвертых, разрозненность, так как далеко не всегда ссыльные из одних мест селились в одних поселках. Преодоление этого фактора усложнялось наличием первых трех. В-пятых, плохое знание мест расселения и окрестностей и отсутствие возможности реально вооружиться, если уж действительно выступать против власти. Местное население мало в чем могло помочь, так как не было готово оказывать подобную помощь «врагам». В силу названных причин спецпереселенцы не имели практически никаких шансов на победу. Будучи недостаточно организованными и слабовооруженными, они заранее были обречены на поражение и не могли противостоять вооруженным отрядам партийно-советского актива и регулярным воинским формированиям. Отсюда и столь несопоставимые потери противоборствующих сторон.

Другой формой сопротивления режиму было бегство спецпереселенцев из мест расселения. Борьба с ними была постоянно в поле зрения органов ОГПУ-НКВД. Массовое переселение десятков тысяч семей «кулаков» при отсутствии должной подготовки и организации, особенно по расселению высылаемых вело к массовым неоправданным жертвам и к протесту в форме побегов, как по пути движения, так и с мест расселения. По этой причине регулярно издавались директивы, циркуляры и приказы по борьбе с побегами. Так, 17 августа 1931 г. был издан циркуляр ГУЛАГа № 192752 о борьбе с побегами, в котором отмечалась недостаточная работа по борьбе с побегами. При этом признавалось неудовлетворительным «нынешнее материально-бытовое положение спецпереселенцев» и предлагалось «добиться перелома и улучшений» в их положении путем поднятия «материального благополучия, улучшения жилищных условий и санитарно-медицинского обслуживания». Также предлагалось обратить внимание на вопрос соединения глав семей с семьями, что должно было уничтожить один из серьезных стимулов к побегам. Но основные мероприятия в борьбе с побегами были связаны с усилением охраны и организацией агентурно-оперативных мероприятий. Также предлагались меры по усилению ответственности за побеги и поощрительные (населению) – за помощь в поимке беглецов<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах / Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. М., 2004. С. 144-155. Названный приказ не содержал ничего нового в организации борьбы с бегством с мест поселения. ОГПУ еще в июле 1930 г. за № 223/106 был издан приказ, требовавший от местных органов вести «решительную работу по выявлению незаконно возвратившихся... принятию мер по их задержанию, усилению мер репрессии в отношении их». Для заин-

Так, в справке начальника ОТСП УНКВД по Новосибирской области капитана госбезопасности Бурлака от 1 июня 1943 г. было отмечено, что в период с 1930 по 1942 г. число бежавших из трудссылки «кулаков» составило 113 800 чел., из них 77 041 чел. возвращены не были<sup>1</sup>.

В стране, по данным начальника ОТП ГУЛАГа НКВД Тишкова, «за время существования трудовой ссылки [до 1939 г.] из трудпоселков бежало 637 893 человек[а], задержано и водворено обратно 215 445 человек (33,8%). Продолжая розыск и задержание беглецов, обнаруживаем факты, когда трудпоселенцы бежали целыми семьями и к настоящему времени благоустроены на новом месте...»<sup>2</sup>.

Немногом ранее, в феврале 1939 г., руководство этого же отдела в докладной записке в ЦК ВКП(б) констатировало: «Пользуясь ослаблением режима, многие трудпоселенцы разъехались из трудпоселков, проникли на заводы оборонного значения, электростанции и другие предприятия в краевых, областных центрах и различных городах. Снятие их оттуда и водворение в трудпоселки встречает затруднения в связи с тем, что они работают на этих предприятиях ряд лет, приобрели квалификацию, многие сумели получить паспорта, вступили в брак с другими рабочими и служащими и обзавелись в ряде случаев своими домами и хозяйством»<sup>3</sup>.

Выдержка интересна хотя бы постановкой проблемы – слабый режим (видимо, «рук не хватало», не успевали за всем смотреть), «враги проникли» на режимные предприятия и т.п., а так ли это? На практике же никто не мог «разъехаться» без документов, так как без ведома комендантов шагу ступить не могли. Более того, агентура занималась, в частности, отслеживанием этих процессов. Конечно же, подобными формулировками маскировали побег трудпоселенцев, часть из которых находила свое место на свободе.

тересованности местного населения в поимке бежавших кулаков предусматривалось «соответствующее премирование». В сводке ГУЛАГа ОГПУ о побегах спецпереселенцев в 1931 г. в целях противодействия побегам были названы мероприятия: введение системы премирования населения за поимку беглецов, создание осведомительской сети, расстановка на путях возможного бегства скрытых застав и опергрупп и др. См.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 3, кн. 1. С. 15, 773. Что касается премирования за поимку беглецов, то премия составляла от 30 руб. и выше. Для сравнения – среднемесячный заработок спецпереселенцев в Западной Сибири летом-осенью 1931 г. колебался от 40 до 75 руб. См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г.... С. 316.

<sup>1</sup> Совершенно секретная справка УНКВД по Новосибирской области об изменениях в составе трудссылки за период 1930–1943 гг. по состоянию на 1 июня 1943 г. // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945... С. 206. Однако в справке СПО ОГПУ о бежавших и задержанных в 1930–1933 гг. спецпереселенцах указывалось, что в данный период число бежавших в Запсибкрае составило **133 700** чел. (в 1933 г. – 48 200), а было задержано **33 400** из них (в 1933 г. – 12 600), т.е. только каждый четвертый. См.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 3, кн. 2. С. 563.

Бежали не только из тайги, но и с промышленных предприятий. По причинам разделения семей, отсутствия элементарных условий для проживания и оплаты труда в 1930 г. с предприятий бежали 22 тыс. «кулаков». К концу года были пойманы и возвращены в ссылку менее половины. См.: *Папков С.А.* Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012. С. 100.

<sup>2</sup> Записка начальника ОТП ГУЛАГа НКВД в НКВД СССР о необходимости принятия нового Положения о трудпоселенцах от 4 марта 1939 г. // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945... С. 34. По данным зам. начальника ГУЛАГа И.И. Плинера в докладной записке Н. Ежову о результатах размещения и трудового использования спецпереселенцев за 1930–1935 гг. бежали 625 412 чел., а возвращены – около 200 тыс. чел. См.: История сталинского ГУЛАГа... Т. 5. С.43.

<sup>3</sup> *Земсков В.Н.* Судьба «кулацкой ссылки»... С.

Отдельные из выживших переселенцев так характеризовали режим проживания в ссылке. Уроженка Алтайя В.Г. Королёнок (Рябова) рассказывала, что до Томска везли в товарных вагонах, там «перегрузили на пароход “Усиевич” и везли до Парабели». Далее, в дремучую тайгу их доставили на моторной барже. Среди непроходимой тайги были образованы несколько поселков – Смелый, Болотный, Щука, Сочига и др. Управляли поселенцами коменданты – «строгий режим хуже заключения». Свобода передвижения была ограничена, регулярно надо было отмечаться в комендатуре, не всегда расположенной на территории поселения, – «пешком ходили в Парабель по 30 км отмечаться или взять пропуск, [чтобы] менять вещи по деревням Парабели»<sup>1</sup>.

По данным В. Земскова, основанным на материалах ГАРФ, число бежавших в 1932–1940 гг. составило 629 042 чел., из них было возвращено к местам поселения 235 120, т.е. 37,38%. Число «невозвращенцев» составило 393 932 чел., т.е. 62,62% (табл. 6). Число беглецов в Западной Сибири все годы было очень большим. Так, в 1934–1935 гг. число бежавших в регионе составило 47 992 чел., т.е. более 1/3 общего числа бежавших из ссылки – 36,72% (от 130 687 чел.). В 1936–1938 гг. бежали 16 026 «сибиряков», что составило 25,15% (от 63 714 чел.). А в целом за 1934–1938 гг. каждый третий беглец был из Западной Сибири (32,93%)<sup>2</sup>.

Таблица 6

Динамика бегства спецпереселенцев в СССР в 1932–1940 гг.

Год	Всего спецпереселенцев, чел.	Число бежавших, чел. / %	Число возвращенных, чел. / %	Разница между бежавшими и возвращенными, чел.
1932	1 317 022	207 010 / 15,7	37 978 / 18,35	– 169 032
1933	1 142 084	215 856 / 18,9	54 211 / 25,11	– 161 645
1934	1 072 546	87 617 / 8,17	45 443 / 51,86	– 42 184
1935	973 693	43 070 / 4,42	33 238 / 77,17	– 9 832
1936	1 017 133	26 193 / 2,58	23 075 / 88,09	– 3 118
1937	916 787	27 809 / 3,03	17 384 / 62,51	– 10 425
1938	877 651	9 712 / 1,10	10 939 / 112,63	+ 1 227
1939	938 552	7 345 / 0,78	8 290 / 112,86	+ 945
1940	997 513	4 430 / 0,44	4 562 / 102,97	+ 132
<b>Всего</b>	<b>629 042</b>	<b>629 042</b>	<b>235 120 / 37,38</b>	<b>– 393 932/62,62%</b>

*Примечание.* Таблица составлена автором по материалам: Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954 гг.) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 124–125.

Данные таблицы отражают тенденцию резкого падения количества побегов уже с 1934 г. – почти в 2,5 раза по сравнению с 1933 г. (в Западной Сибири число беглецов сократилось, как видно из вышеприведенных данных, втрое). Тем не менее Полпредство ОГПУ по ЗСК в июне 1934 г. издало приказ об усилении борьбы с побегами в связи со значительным их увеличением. Так, в марте – апреле из Прокопьевской комендатуры бежало 308 спецпереселенцев, из коих за-

<sup>1</sup> Ермакова Л.И. Значение воспоминаний родственников репрессированных для изучения истории политических репрессий // Политические репрессии в Алтайском крае. 1919–1965. Барнаул, 2005. С. 361.

<sup>2</sup> Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М.: Наука, 2003. С. 66. В справке ОГПУ от 7 февраля 1931 г. о количестве бежавших с мест высылки кулаков 2-й категории указывалось, что (по данным на 20 декабря 1930 г.) из 35 783 чел., вселенных в Запсибкрай, бежавшими числились 21 тыс. чел. (58,5%), число же пойманных составило 6 860 чел., или 33%. Больше число беглецов – 39 743 чел. (17,3% от числа вселенных) – зарегистрировано только в Севкрае, 24 285 чел. (61%) из них были пойманы. См.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 3, кн. 1. С. 612; История сталинского ГУЛАГа... Т. 5. С.339.



держано всего 50. В Кузнецкой комендатуре число сбежавших за этот же срок составило 629 чел., а задержано 259. В Колпашевской комендатуре в связи с «систематическим невыполнением установленной отчетности» вообще отсутствовала информация о побегах. Коменданты данных комендатур были привлечены к дисциплинарной ответственности. В связи со сложившейся ситуацией приказ требовал «работу по борьбе с бегством спецпереселенцев переключить на боевые рельсы», пересмотреть расстановку постов и мобилизовать внимание всех работников комендатур, «не допуская расхлябанности и бездеятельности в борьбе с бегством спецпереселенцев»; через местные органы власти привлечь к этой работе местное население, а из молодежного актива из спецпереселенцев организовать группы содействия борьбе с бегством<sup>1</sup>.

Ранее, в марте 1937 г., в адрес всех областных, окружных, городских и районных прокуроров, оперсекторов, райотделений ОГПУ, РУМов и ИТУ и комендантам трудпосёлков края за подписью и.о. крайпрокурора Дозорца, заместителя ПП ОГПУ и начальника ЗСКУМ Домарева были направлены разъяснения по вопросу задержания и этапирования бежавших из трудпосёлков кулаков «в целях уточнения и ликвидации каких-либо недоразумений»<sup>2</sup>. Видимо, действительно число бежавших с мест расселения кулаков было значительным, а «головная боль» у правоохранителей края серьёзной.

Однако побегии продолжались. К решению проблемы подключались партийные организации комендантских подразделений. Так, С.А. Красильников описал, как рассматривался вопрос борьбы с побегами на заседании партячейки Ново-Кусковской комендатуры 25 марта 1935 г. Участковый комендант Собин доложил, что в январе число побегов стало увеличиваться. Причина, по его мнению, заключалась в «экономической плоскости» – создание лучших материальных условий трудпоселенцам должно сократить число побегов. При этом он отмечал: «Милиция бездействует в борьбе с побегами. Группы содействия засорены[,] и достаточной работы с ними не проводится. Необходимо стимулировать членов группы содействия, премируя обувью, одеждой, хлебом. Беглецы задерживаются в старожильческих поселках, население их укрывает, необходимо произвести облаву в некоторых поселках Зырянского и Асиновского районов. Установить засады на дорогах, жел[езно]дор[ожных] станциях и на реках весной...»<sup>3</sup>.

Некоторый рост числа побегов в 1937 г. (27 809 чел.), по сравнению с предыдущим годом (26 193 чел.), можно, на мой взгляд, объяснить начавшейся кампанией массовых арестов в соответствии с приказом НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». То же самое можно сказать и об уменьшении побегов в 1938 г. (9 712 чел.), т.е. почти в три раза. Если до 1937 г. за побег судили по ст. 82 УК РСФСР и обычным наказанием были сроки до 3 лет лишения свободы или условное наказание, то в соответствии с директивой НКВД от 17 декабря 1937 г. дела на беглецов стали

<sup>1</sup> Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938... С. 197–198.

<sup>2</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 213. Л. 6.

<sup>3</sup> Красильников С.А. Серп и Молот... С. 232.

рассматриваться «тройками» с вынесением приговоров о ВМН – расстреле. В отдельных случаях ст. 82 УК могли заменить на ст. 58-14 УК – «контрреволюционный саботаж», но приговор был таким же: ВМН – расстрел<sup>1</sup>.

Одновременно наблюдалась тенденция обратного порядка – рост числа «возвращенных» беглецов, а в 1938–1940 гг. их число даже превышало число бежавших. А всего за период 1939-х гг. почти 400 тыс. беглецов выявлены не были<sup>2</sup>.

Что касается ситуации в Западной Сибири, то она представлена в табл. 7.

Таблица 7

Динамика бегства спецпереселенцев в Западной Сибири в 1932–1940 гг.

Год	Всего спецпереселенцев, чел. / %	Число бежавших, чел. / %	Число возвращенных, чел. / %	Разница между бежавшими и возвращенными, чел. / %
1932	265 846/20,2*	40 205/19,4*	9 398/24,7	– 30 807
1933	227 684/19,9	49 718/23,0	12 647/23,3	– 37 071
1934	289 431/27,0	29 567/33,7	12 773/28,1	– 16 794
1935	252 513/25,9	13 945/32,4	9 592/28,9	– 4 353
1936	219 657/21,6	5 856/22,4	5 334/23,1	– 522
1937	159 451/17,4	5 024/18,1	4 244/24,4	– 780
1938	145 829/16,6	2 211/22,8	3 068/28,0	+ 857
1939	199 090/21,2	1 118/15,2	2 322/28,0	+ 1,204
1940	201 164/20,2	1 103/24,9	1 199/26,3	+ 96
<b>Всего...</b>		<b>148 747/23,6**</b>	<b>60 577/25,8**</b>	<b>– 88 170/59,28</b>

\* В знаменателе процентное отношение от данных по стране;

\*\* Процентное отношение от числа бежавших и возвращенных по стране.

Примечание. Таблица составлена автором по материалам: Маргиналы в социуме... С. 329–330.

По данным ОГПУ (справка от 7 февраля 1931 г.) на 20 декабря 1930 г. из 9 102 семей (35 873 чел.) кулаков, вселенных в ЗСК (так в документе, правильно

<sup>1</sup> Директива НКВД СССР, НКЮ СССР и Прокурора СССР от 28 апреля 1941 г. за № 87/06/ПР/29 в целях усиления борьбы с побегами заключенных из ИТЛ НКВД предлагала рассматривать побег в качестве одной из наиболее злостных форм саботажа и дезорганизации лагерной жизни и производства. Всех беглецов надлежало судить по ст. 58-14 УК РСФСР, принимая по отношению к ним, на основании п. 3 Указа ПВС СССР от 15 мая 1939 г., суровые судебные меры наказания до ВМН включительно. Высшую меру наказания предполагалось применять в первую очередь в отношении контрреволюционеров, бандитов, грабителей и других опасных преступников и заключенных других категорий, совершивших повторный побег.

2 июля 1941 г. во все «силовые» структуры были направлены разъяснения, что Директива распространяется и на бежавших из ИТК и других мест заключения. Более того, Директива распространялась и на осужденных, совершивших побег из мест заключения до её издания. Только побег несовершеннолетних преступников из трудколоний НКВД надлежало рассматривать по ст. 82 УК РСФСР. См.: ГАТО. Ф. Р-597. Оп. 4. Д. 146. Л. 13, 19. В качестве примера, отделением краевого суда при Сиблага НКВД в 1935 г. за побег были осуждены 687 чел. по 551 делу. В числе осужденных: деклассированный элемент – 322 чел., рабочие – 119, служащие – 104, колхозники – 27 чел. и т.д. К 3 годам лишения свободы были приговорены 336 чел., к 2 годам – 180, к 1 году – 41, к 6 месяцам – 1 129 чел. были осуждены к заключению в штрафной изолятор (ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 226. Л. 46).

<sup>2</sup> См.: Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки»... С. 124–125. В ноябре 1943 г. за подписью заместителя начальника ГУЛАГа НКВД СССР полковника госбезопасности Завгороднева была подготовлена докладная записка в НКВД СССР с грифом «Совершенно секретно» о состоянии работы по борьбе с побегами из трудпоселков, в которой указывалось, что за период с 1930 г. по 1 июля 1943 г. из трудпоселков бежало 632 971 чел., а далее даны расчеты по годам, начиная с 1932 г. по указанную выше дату. Число бежавших в эти годы на 89 чел. больше первоначальной цифры, а ведь еще не были указаны данные по 1930–1931 гг. См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг. С. 150–151.

в Сибкрай – В.У.) бежали 21 000 (58,5%), поймано 6 860 (33%), числились в бегах 14 140 чел.

А в справке ОГПУ от 9 февраля 1931 г. о результатах вселения и расселения в отдельных местностях кулаков второй категории отмечалось, что в северные районы Сибкрая было вселено 27 637 семей (132 723 чел.), в том числе 11 612 (49 801 чел.) из других областей и 16 025 (82 922 чел.) внутри края. Однако «полная хозяйственная неустроенность кулаков в местах расселения и чрезвычайно тяжелые материальные и бытовые условия вызвало массовое бегство кулаков с места расселения. В ряде случаев уходили из поселков не только одиночки и отдельные семьи, но и целыми поселками по 200-400 и более человек»<sup>1</sup>.

За 1932–1940 гг. в Западной Сибири были поселены 555 728 чел., из которых 148 747 (26,7%) бежали<sup>2</sup>.

Приведенные таблицы однозначно свидетельствуют, что тенденции, характерные для страны в целом, распространялись и на Западно-Сибирский регион. Исключение составили данные всего по 2 позициям – в СССР в 1937 г. бежало больше, чем в 1936 г., а в Западной Сибири было возвращено в 1934 г. на 126 чел. больше, чем в 1933 г. Почти каждый четвёртый из бежавших и возвращённых в СССР был из Западной Сибири, однако процент возвращённых по стране в 1,5 раза выше (37,38%), чем в нашем регионе.

Сокращение числа побегов в 1934 г. не было случайностью. Поиск бежавших требовал огромных материальных затрат и отвлечения тысяч сотрудников милиции, пенитенциарной системы, ОГПУ и др., поэтому потребовалось принятие мер, которые могли бы сократить число побегов. Так, в частности, 9 февраля 1933 г. был издан с грифом «Совершенно секретно» приказ ОГПУ № 0056 «О соединении заключенных исправ[ительно]-трудов[ых] лагерей ОГПУ с их семьями, выселенными в порядке спецпереселения в спецпоселки»: «...в целях уменьшения побегов из спецпоселков и закрепления хозяйственного устройства семей спецпереселенцев, главы или трудоспособные члены которых осуждены и находятся в исправительно-трудовых лагерях ОГПУ... заключенных, находящихся в исправительно-трудовых лагерях, соединять с их семьями, высланными в порядке спецпереселения в спецпоселки, **независимо от срока, статьи и осуждения и времени отбытия срока** (выделено мною. – В.У.) в лагерях ОГПУ». Ограничением для воссоединения могли служить: отрицательные характеристики в период отбытия наказания, совершение в это время новых преступлений, а также участие в контрреволюционной деятельности<sup>3</sup>.

Принятие этого документа несомненно сыграло определенную роль в улучшении ситуации, так как в семьи возвращались главы семей или иные трудоспо-

<sup>1</sup> История сталинского ГУЛАГа... Т. 5. С. 135-136, 140.

<sup>2</sup> Маргиналы в социуме... С. 365.

<sup>3</sup> Приказ был издан во исполнение Директивы ОГПУ № 337 от 21 октября 1931 г. о досрочном освобождении и направлении на спецпоселение осужденных на срок не свыше 3-х лет глав семей спецпереселенцев, предполагавшей проведение тщательной индивидуальной проверки заключенных, по рядку статей УК. См.: История сталинского ГУЛАГа... / Т. 2. Карательная система: структура и кадры... С. 99, 93.

собные члены, кормильцы, добытчики, чьи рабочие руки, конечно же, могли облегчить участь остальных.

С другой стороны, снижение численности побегов было вызвано тем, что постепенно сосланный народ начинал обживать, обустриваться, «прирастать к земле», чего, кстати, власть и хотела. Второй момент: стоило ли (и для чего) бежать на родную землю, где все порушено и разграблено, ведь там снова начнут ловить и опять-таки вернуть на «новую родину», а может быть, отправят в еще более страшные места. В-третьих, как бежать? Из тайги и болот, не имея карт, компаса, по бездорожью бежать решится не каждый, вероятна смерть, а не свобода. Кроме того, хватало «охотников за головами» даже за небольшое вознаграждение. Всегда находились желающие отличиться – ведь ловили не людей, бедолаг и страдальцев, а «врагов народа». Не все из возможных беглецов решались на побег по причине нежелания бросать родных и близких, испытывавших нужду, в эти трудные годы. Не надо забывать и про комендантов, их помощников, всевозможную охрану, партийно-комсомольский актив и т.п., которые и получали «хлеб» за порядок и недопущение побегов.

Если сравнивать информацию о побеге из справки начальника ОТП ГУЛА-Га Тишкова и архивных данных, приведенных В. Земсковым, то особой разницы, казалось бы, не видно – у Тишкова на 8 тыс. побегов и 20 тыс. возвращенных больше, но в абсолютных цифрах это не играет особой роли. Однако у него нет четких хронологических рамок, а у В. Земскова отсутствуют данные за 1930–1931 гг. Поэтому с учетом того, что В. Земсков использовал данные 1939–1940 гг. (бежавших за это время 11 775 чел., возвращенных – 12 852), вызывает сомнение результат: в 1930–1931 гг. бежало всего около 20 тыс. человек, рост показателя в 10 раз в 1932 г. объяснить нечем, так как условия были практически одинаковыми.

В подтверждение этого можно привести ряд фактов. Так, в первые месяцы 1930 г. в Кулайской комендатуре из 8 891 поступившего спецпереселенца к августу осталось 1 607 чел. – бежавшими значились 6 222 чел.<sup>1</sup> В докладной записке Новосибирского административного отдела от 27 июля 1930 г. «О состоянии кулацких поселков по реке Шегарке» отмечалось, что с марта по июнь 1930 г. из 6 754 поселенцев сбежали 301 мужчина, 246 женщин и 685 чел. молодежи – всего 1 232 чел. (18,3%). Число побегов сократилось лишь после того, как стало известно, что при возвращении на прежние места жительства беглецов арестовывают. В отдельных случаях число беглецов достигало 500 чел. Еще более мрачная картина описана в докладе комендантского отдела Западно-Сибирского краевого административного управления в НКВД СССР в октябре этого же года: «Отсутствие стационарного местожительства, хозяйственная неустроенность, разрыв с семьями, бесперспективность вместе с классовой непримиримостью породили огромную текучесть (около 22 000 чел.). Силами ОГПУ и адморганов поймано и водворено около 11 000 человек»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 28; Макшеев В.Н. Спецы. Исследование. Томск, 2007. С. 21.

<sup>2</sup> Красильников С.А. Серп и Молох... С. 181, 247; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. .... С. 211.

В обоих случаях перед нами официальные документы. Но с учетом опыта, в частности, описанного выше (некоторая свобода в датах, цифрах документов ОГПУ–НКВД), считаю данные В. Земскова более объективными.

Только по прошествии десяти лет, с момента выхода первых нормативных документов по вынесению мер наказания в отношении бежавших с мест поселения, эта система претерпела серьезные изменения. Так, совместным приказом НКВД СССР и Прокурора СССР от 9 января 1941 г. «О порядке возбуждения розыска и предания суду лиц, бежавших из трудовых и специальных посёлков НКВД» были четко прописаны все процессуальные действия и нормы в отношении беглецов, оформленные в 10 пунктах приказа. Был очерчен круг лиц, подлежащих и не подлежащих розыску, категории лиц, бравшихся на оперативный учет, но освобождавшихся от уголовной ответственности, и др. Наказание за побег стало вновь выноситься по ст. 82 УК РСФСР, предполагая меру наказания до 3 лет лишения свободы с последующим возвращением в спецпоселки. Политическая 58-14 ст. УК («контрреволюционный саботаж») с возможностью применения ВМН – расстрела – более за побег не инкриминировалась. Но для бежавших из ИТЛ НКВД заключенных эта статья УК применялась, в отдельных случаях до приговора к ВМН – расстрела<sup>1</sup>.

Таким образом, можно сделать вывод, что на протяжении 1920-х и начала 1930-х гг. власть постоянно сталкивалась с активным сопротивлением со стороны крестьянства. По этой причине постоянно фиксировались случаи неповиновения, «волынок», «бабьих бунтов», террористических актов, уничтожения или повреждения имущества и жилья сельских активистов, а впоследствии и колхозного. Резко увеличилось число «бандитских» проявлений, что привело к неоднократному объявлению Сибири «неблагополучной по бандитизму» и введению чрезвычайных мер. Коллективизация и раскулачивание дали примеры массовых

---

<sup>1</sup> В начале 1930-х гг. за побег из ИТЛ преимущественно увеличивали срок наказания, а бежавших с мест поселения «кулаков» по ст. 82 УК РСФСР осуждали в ИТЛ сроком на 3 года. В отдельных случаях могли подвергнуть и расстрелу. С.И. Кузьмин приводит пример, когда в 1931 г. расстрелу подверглись 8 заключенных, осужденных за бандитизм, контрреволюционные преступления и групповые вооруженные побег из лагерей. Решение было вынесено ОГПУ СССР на основании Постановления Президиума ЦИК СССР от 13 июня 1930 г. «Об ответственности административно-технического персонала исправительно-трудовых лагерей и об ответственности лиц, совершивших побег из ИТЛ». Согласно этому документу мера ответственности за побег вторично или лицом вооруженным, или с насилием над стражей, или группой лиц, срок наказания увеличивался до 10 лет, а к лицам, осужденным за контрреволюционные преступления или бандитизм могла быть применена высшая мера – расстрел. См.: Кузьмин С.И. Побег заключенных как форма протеста против карательной политики и условий содержания в местах лишения свободы в 30–50 гг. XX в. // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление: науч.-практ. и информ. изд. 2013. № 6. С. 29.

Более того, с целью совершенствования борьбы с побегами 29 августа 1932 г. ОГПУ СССР был издан приказ № 828с «О слиянии аппаратов военизированной охраны исправительно-трудовых лагерей с информационно-следственными отделами лагерей на местах и в центре и о переименовании последних в секретно-оперативные отделы». Однако следует отметить, что никакие предупредительно-заградительно-карательные меры проблему побегов решить не могли. А выносимые за побег наказания в большей степени зависели от мест и районов, откуда они совершались, и от позиции должностных лиц, имевших право определять эту меру наказания.

вооруженных выступлений со стороны крестьянства. Ссылка сотен тысяч человек в малообжитые и труднодоступные районы вызвала волну бегства к местам прежнего проживания. При этом тысячи беглецов погибли в тайге и болотах Нарымского края. Но точного числа этих жертв политики Советского государства, направленной на «колонизацию» новых земель и территорий, установить не представляется возможным.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что социально-политическая и оперативная обстановка в Западной Сибири, как, впрочем, и в целом по стране, в 1920–1930-е гг. была сложной и напряженной. Советскому государству пришлось предпринимать колоссальные усилия, чтобы защитить себя от внешних и внутренних врагов. На протяжении первых лет существования страна пережила Гражданскую войну, многочисленные восстания, организованные различными антибольшевистскими силами, тогда еще верившими, что все можно изменить и вернуть «прошлое». Эти же силы активно вовлекали в борьбу с большевизмом население России, преимущественно крестьянское, «разжечь» которое, при наличии крестьянской стихийности, особого труда не составляло; этому способствовало и проведение коммунистическим руководством страны непопулярных мероприятий и кампаний, прямо влиявших на ухудшение положения народа. В Сибири, несмотря на освобождение её территории от колчаковцев, начало 1920-х гг. можно характеризовать как продолжение Гражданской войны в особых формах и проявлениях. Десятки крестьянских восстаний, в отдельных из которых число участников превышало десятки тысяч человек, заставили большевистское руководство, в первую очередь сибирское, применить жесточайшие репрессии и террор, чтобы остановить вспышки крестьянского гнева и недовольства. Применялись всевозможные законные (но чаще по праву целесообразности) и незаконные меры, часто очень жестокие.

Отмечая условия, влиявшие на социально-политическую и оперативную обстановку, необходимо отметить размеры территории, о событиях на которой идёт речь. На 1 января 1926 г. территория Сибирского края равнялась почти 4,14 млн кв. км, а созданного в июле 1930 г. Западно-Сибирского края – более 1,26 млн кв. км. В Сибкрае расстояние от административного центра края до «столиц» округов в отдельных случаях достигало сотен километров (до Славгородского – 772, Красноярского – 777, Хакасского – 976, Минусинского – 985, а до Иркутской губернии – 1 773 км). В свою очередь, расстояние от окружных до районных центров – до с. Угловского – 277, с. Даурского – 397, с. Чебаки – 296, с. Усинского – 303, с. Бодайбо – 1 750 км соответственно. В ряде округов расстояние до райцентров измерялось от 504 (с. Кош-Агач) до 886 км (с. Богучаны)<sup>1</sup>.

С учетом неразвитой транспортной и социальной инфраструктуры, наличия устоявшихся условий традиционного проживания, катастрофической нехватки квалифицированных специалистов, при наличии смешения различных религий с традиционными многочисленными разноплеменными обычаями и обрядами, строить новый государственный уклад и новое общество на основе коренной ломки взаимоотношений при наличии классовых и социальных различий было весьма сложно. В силу названных и ряда иных факторов социальные преобразо-

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 135. Л. 159–160.

вания шли медленно, преодолевая активное сопротивление населения, не согласного с их проведением. А их сопротивление, как отмечалось выше, подавлялось путем активного применения силы, в том числе и воинских частей.

В этих условиях стал складываться особый тип людей, чаще всего руководителей («вожди-лидеры» разного уровня), которые продолжали воспринимать реалии мирной жизни через призму отношений, характерных для условий Гражданской войны, брали на себя ответственность и присваивали право решать судьбы других людей. На 1 января 1927 г. почти 91% сотрудников административных органов и милиции (3 522 чел.) имели низшее образование, были выходцами из сельской местности 2 621 чел.<sup>1</sup> (67,7%). Не лучше обстояли дела и в органах исполнительной власти. Не будучи профессионально и политически подготовленными, подчас без достаточного жизненного опыта, они вершили судьбы людей, исходя из собственных представлений на основе классового подхода и политической целесообразности.

Член Коллегии Наркомата земледелия К.Д. Савченко, владевший информацией о ситуации в сельском хозяйстве страны, в мае 1927 г. обратился с письмом к И. Сталину, в котором затронул вопрос о сельском партийно-советском активе. Он писал: «Наши товарищи деревенские партийцы в большинстве превратились в сухих официальных, если не сказать больше, деревенских чиновников, не ищут разрешения вопроса безработицы в деревне, не ищут разрешения вопроса поднятия производительности труда, не ищут поднятия благосостояния деревни, не создают укрепления базы народного хозяйства, укрепления фундамента промышленности, как снабжение её сырьем, так и укреплением рынка сбыта товаров, а ищут кулака, кулаком занимаются как спортом, местами чуть не всякого сытого крестьянина считают кулаком, считают его жупелом коммунизма, понимают коммунизм в нищете и в невежестве деревни: чиновник с партбилетом дрожит за свое местечко (призрак безработицы его пугает), и они наперебой один за другим стараются отыскать больше кулаков, ибо их работу часто расценивают по количеству отысканных кулаков»<sup>2</sup>.

Явление, известное как «красный бандитизм», серьезно и глубоко поразило сибирские партийно-советские органы, борьба с ним потребовала значительных усилий и многих лет. Однако ростки вседозволенности и беззакония так и не были уничтожены. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. они дали активные всходы и были востребованы сформировавшейся командно-административной системой.

В Инструкции всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры, объявленной Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) 8 мая 1933 г., в частности, отмечалась инициатива ряда руководителей краев и

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 136. Л. 21.

<sup>2</sup> Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 208; *Папков С.А.* Обыкновенный террор... С. 34. Однако он указал, что обращение К.Д. Савченко зачитывалось на февральском (1927 г.) Пленуме ЦК ВКП(б), хотя докладная записка в Наркомземе была зарегистрирована только 31 мая 1927 г., а поступила в ЦК ВКП(б) 2 июля 1927 г. М.И. Калинин на пленуме зачитывал письмо родного брата Савченко – Мирона Демьяновича Савченко. См.: Известия ЦК КПСС... 1988. № 8. С. 210.

областей о продолжении кампании по массовому выселению из деревни. Кроме того, продолжались и массовые беспорядочные аресты в деревне «в практике наших работников. Арестовывают председатели колхозов и члены правлений колхозов. Арестовывают председатели сельсоветов и секретари ячеек. Арестовывают районные и краевые уполномоченные. Арестовывают все, кому только не лень и кто, собственно говоря, не имеет никакого права арестовывать. ...При таком разгуле практики арестов органы, имеющие право ареста, в том числе и органы ОГПУ, и особенно милиция, теряют чувство меры и зачастую производят аресты без всякого основания...».

Причина этого, по мнению партийно-советского руководства страны, крылась в том, что «в областях и краях... ещё немало товарищей, которые не поняли новой обстановки и всё ещё продолжают жить в прошлом. ...Эти товарищи цепляются за отживающие формы этой работы, уже не соответствующие новой обстановке...». Однако здесь следовал посыл об обострении классовой борьбы в деревне и необходимости усиления её в борьбе с классовым врагом, но для этого следовало «улучшить старые способы борьбы, рационализировать их и сделать наши удары более меткими и организованными»<sup>1</sup>.

Инструкция, содержащая в себе некий анализ и прогноз ситуации в стране, не стала программой действий, да и государство каких-либо действий не предполагало. «Погрозив пальчиком» своим «нукерам», оно продолжало проводить начатые преобразования посредством уничтожения и подавления всех настоящих, потенциальных и мнимых противников и оппонентов, всякого инакомыслия путем насаждения системы страха и покорности. А в этом случае не возникало реальной потребности в смене «команды», следовало (для острастки и демонстрации заботы о ближних) лишь дать укорот не в меру ретивым исполнителям, что и было продемонстрировано.

Но ни выход этого серьезнейшего документа, ни развернутая активная кампания по его реализации не остудили пыл и рвение многих из руководителей на местах. Так, в июне 1933 г. в крайком ВКП(б), крайисполком и краевую контрольную комиссию ВКП(б) была направлена докладная записка прокурора края И. Баркова о «нарушениях революционной законности в Усинском, Крутинском и Купинском районах» во многом со стороны районных руководителей. О нарушениях в Крутинском районе он выразился достаточно резко: «Как можно иначе, как не контрреволюционным саботажем директив партии и правительства, расценить... факты», а далее шло перечисление – и необоснованное лишение избирательных прав, и окулачивание хозяйств на основе подложных справок (в Чекишевском сельсовете были восстановлены как середняки 80% окулаченных хозяйств), и незаконное исключение в массовом порядке из колхозов, и вмешательство отдельных районных руководителей в оперативную работу прокуратуры, следствия и милиции и т.д.<sup>2</sup>

В Называевском районе по факту кражи 4 рабочих лошадей розыск и «следствие» возглавил председатель колхоза, и он же секретарь ячейки Проворкин. В процессе поисков посланные им колхозники «вышли на след» похитителей из

<sup>1</sup> ГАТО. Ф. Р-597. Оп. 4. Д. 73. Л. 107.

<sup>2</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 210. Л. 24–27.



Казахстана, куда и отправились, организовав избиение подозреваемых, их родственников, проведение несанкционированных обысков, захват заложников и т.д. Отдельные из названных действий сопровождались стрельбой, в том числе и имитацией расстрела. После освобождения всех незаконно задержанных ими лиц прокурором Булаевского района (заехал случайно), Проворкин продолжил «следствие», направив на розыск новую группу, которая, в свою очередь, задержала, а затем убила уже другого «подозреваемого». Информация об убийстве была известна целому ряду должностных лиц, но никто никаких мер не принял. Только вмешательство начальника ОГПУ Булаевского района позволило арестовать виновников из числа рядовых участников названных событий, а после вмешательства прокурора руководителя Называевского района позволили задержать Проворкина и некоторых других должностных лиц<sup>1</sup>.

Каждый маленький «вождь» сам определял и проводил политику, исходя из имевшихся возможностей и масштабов, и никакие указания не были нормой, которую следовало неукоснительно соблюдать.

Сибирские руководители как представители одной «команды» ничем не отличались от иных подобных «команд» и в этих условиях слепо копировали (но четко выполняли, несмотря ни на что) действия и шаги высшего руководства страны, а иногда выступали инициаторами отдельных акций на пути строительства государства новой формации. Часто эти действия были непродуманными, ошибочными по содержанию и форме реализации, но исполнялись, ломая при этом миллионы человеческих судеб и навсегда меняя облик Сибири.

Именно в Западной Сибири «Большой террор» побил все «рекорды» (в сравнении с другими регионами) по развертыванию массовых необоснованных репрессий и уничтожению преимущественно наиболее передовой части её населения. Реализация этой политической кампании партийно-советского руководства страны активно влияла на социально-политическую и оперативную обстановку.

---

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 210. Л. 30–34.

История – сокровищница наших деяний,  
свидетельница прошлого, пример и поучение  
для настоящего, предостережение для будущего.  
*Мигель де Сервантес Сааведра*

## Г л а в а 2. «СОЦИАЛЬНО ЧУЖДЫЕ»

---

В первые годы после Октябрьской революции Сибирь стала убежищем для сотен тысяч россиян; это были осколки классов, некогда управлявших великим государством, бежавших из центральных районов страны от наступающих большевиков. Кроме того, по данным Сибэвака, в Сибири находилось более 200 тыс. иностранных подданных, в том числе 63 тыс. польских граждан. Не учитывать этот фактор на фоне сложных и напряженных отношений между Россией и Польшей было нельзя<sup>1</sup>. Только бывших военнопленных на 1 марта 1920 г. в Сибири насчитывалось 160 тыс. чел.<sup>2</sup> Газета «Знамя революции» писала: «В Сибири после разгрома колчаковщины оставались не менее 40 000 карателей, контрразведчиков и офицеров белой армии, в том числе до 6 000 этого сброда рассредоточилось в различного рода учреждениях Томской губернии»<sup>3</sup>. Цифры, по мнению многих историков, очень сильно завышены. Тем не менее мужчин, носивших в недалеком прошлом офицерские погоны, в Сибири оказалось тогда действительно немало, если учесть, что в годы Первой мировой войны были произведены в офицеры десятки тысяч студентов, инженеров, служащих, мелких чиновников<sup>4</sup>. И вся эта человеческая масса по сути дела была отторгнута новой властью, люди в одночасье превратились в «социально чуждых».

С первых дней советской власти была организована работа по сбору информации о всякого рода «бывших», кого власть рассматривала в качестве настоящих или потенциальных противников. К их числу были отнесены сотрудники жандармского и полицейского корпусов, офицеры царской и белых армий, чиновники царского и белых правительств, дворяне, помещики, служители культа, представители промышленной и банковской элиты, специалисты, интеллигенция и пр., кто, по мнению большевиков, жил за счет эксплуатации (прямой или кос-

---

<sup>1</sup> Накануне Февральской революции на территории Сибири и Дальнего Востока находилось 240 950 военнопленных периода Первой мировой войны: в Омске – 14 000, Новониколаевске – 12 000, Красноярске – 13 000, Иркутске – 8 800, Канске – 6 000, Томске – 5 200, в Кургане, Тюмени, Тобольске и Семипалатинске – по 5 000, Барнауле – 2 500, Бийске – 3 000, Ачинске – 2 750 и т.д.<sup>1</sup> Кроме того, в Сибири были размещены и гражданские пленные из числа жителей Пруссии, в частности в Нарымском и Туруханском краях. См.: Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. 1. С. 517–520; Призвание – Родине служить! Новосибирск: Writer, 1997. С. 21.

<sup>2</sup> Николаев П.Ф. Указ. соч.. С. 168.

<sup>3</sup> Знамя революции. 1921. 19 янв.

<sup>4</sup> В небольшой Армении, например, только в 1920 г. было арестовано 1,5 тыс. офицеров. См.: Карта // Российский независимый исторический журнал. 1994. № 4. С. 11.

венной) труда простого народа. На протяжении 1920-х гг. шло накопление оперативных данных и систематизация учетов в системе ГПУ–ОГПУ. К началу 1930-х гг. в условиях обострения «классовой борьбы» была проведена своеобразная ревизия данных, накопленных на «врагов» советской власти. В 1931 г. в ОГПУ СССР была разработана и введена в действие инструкция по учету так называемых антисоветских и контрреволюционных элементов в стране. Так началась очередная кампания по выявлению всех «социально чуждых» и «социально опасных» для большевистского руководства страны элементов. «Наведение порядка» в учетах давало возможность в случае необходимости быстро и легко организовать изъятие неугодных режиму контингентов. К таковым, в соответствии с партийными установками, были отнесены:

- члены русских и национальных антисоветских партий;
- антипартийные контрреволюционные элементы – троцкисты, сапроновцы, мясниковцы, шляпниковцы;
- участники террористических организаций и террористы-одиночки из представителей различных политических партий и антипартийных группировок;
- антисоветский и контрреволюционный элемент на промышленных предприятиях и на сезонных работах среди рабочих, служащих и административно-технического персонала;
- участники кулацких террористических и повстанческих организаций и группировок, а также террористы-одиночки, антисоветский и контрреволюционный элемент в индивидуальном и социалистическом секторе деревни, кулачество, как сосланное и переселенное, так и нераскулаченное;
- лица, подозреваемые в организации, руководстве и активном участии в городских и массовых выступлениях;
- церковные служители всех конфессий (белое и черное духовенство), проповедники и руководящий состав церковных и сектантских организаций, а также весь антисоветский и контрреволюционный элемент среди церковников и сектантов;
- бывшие провокаторы, охранники, жандармы, полицейские, тюремщики и каратели царского и белого правительств, бывшие члены черносотенно-погромных организаций, защищавших царя;
- фашистские, монархические и кадетские элементы;
- антисоветский и контрреволюционный элемент среди городского и неорганизованного населения, т.е. бывшие чиновники, бывшие фабриканты, бывшие торговцы, кустари, ремесленники, пенсионеры, лица без определенных занятий;
- антисоветский и контрреволюционный элемент в масштабе села, района, области, республики, в профсоюзном и кооперативном аппаратах и добровольных обществах;
- антисоветский и контрреволюционный элемент среди городской и сельской интеллигенции, студенчества, учащихся различного рода образовательных школ<sup>1</sup>.

Обширность перечня позволяла любого гражданина в случае необходимости «подвести» или «привязать» к одной из этих категорий. Надо полагать, что по-

---

<sup>1</sup> Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2010. С. 62–63.

ставленная партийно-советским руководством задача по налаживанию учета оперативного контингента требовала колоссальнейших усилий и материальных затрат, но, видимо, цель оправдывала средства. Поставленная задача, конечно же, была выполнена, что позволило уничтожить миллионы наших сограждан за их прошлое, за несоответствие требованиям, предъявляемым к ним большевистским руководством страны, и т.п.

События середины 1930-х гг. показали, что доля «социально чуждых» среди арестованных в 1934–1936 гг. устойчиво составляла от 26 до 30%, т.е. заметно превышала многие другие категории репрессируемых<sup>1</sup>.

## 2.1. Первые жертвы новой власти после освобождения Сибири от колчаковщины

Придя к власти, большевики начали делать то, что уже неоднократно происходило в истории после революционных катаклизмов: принялись уничтожать противников, в первую очередь представителей свергнутых классов. Гражданская война подтвердила «правильность» такой политики, так как сопротивление «бывших» достигало огромных масштабов и представляло действительную угрозу для победителей. Поэтому и в Сибири для органов ВЧК в ряду задач по обеспечению восстановления разрушенного хозяйства и иных первоочередной стала борьба с исторической контрреволюцией: участниками свержения советской власти в Сибири в 1918 г., лицами, служившими во властных структурах верховного правителя Сибири А. Колчака и интервентов, а также с многочисленными подпольными организациями из «бывших» – царских и колчаковских офицеров, полицейских, чиновников, служителей культа и т.п.

Одним из первых дел по разоблачению белогвардейской организации, видимо, можно считать дело об омских артиллерийских складах, следствие по которому было начато 16 декабря 1919 г. – практически через месяц после освобождения города от колчаковцев. В организацию входили бывшие: штабс-капитан Твердохлебов, коллежский регистратор Аристов, надворный советник Шитиков, оружейный техник коллежский регистратор Зыков, начальник отдела ручного оружия надворный советник Сучков и др. Все они являлись активными членами подпольной организации под названием «Военно-спортивный кружок», участвовавшей в свержении советской власти в Омске в 1918 г. (поставляли отрядам Красной гвардии испорченное оружие и артиллерийские снаряды иного калибра, чем требовалось, а исправное оружие и боеприпасы передавали белоказакам). 29 декабря 1919 г. Коллегия СибЧК признала предъявленное участникам организации обвинение доказанным, и материалы были переданы суду революционного трибунала<sup>2</sup>.

В Томске первые семь врагов советской власти были расстреляны 19 февраля 1920 г.<sup>3</sup>, т.е. через два месяца после освобождения города от колчаковцев. Они

<sup>1</sup> Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 66–67.

<sup>2</sup> Бударин М.Е. Чекисты... С. 66–72.

<sup>3</sup> В Сибири, как на территориях, прилегающих к фронту, смертная казнь отменена не была. Кроме того, из доклада М. Левитина о порядке применения высшей меры наказания следовало, что в томской

представляли разные слои и сословия: Шпилярский Леонид Иванович – мировой судья, Барахович Михаил Борисович – студент Томского университета, Вольхин Филипп Ефимович – владелец лавки, подполковник Дементьев Николай Александрович – интендант, генерал-майор Римский-Корсаков Евгений Матвеевич – штаб-офицер для поручений при начальнике артиллерийского управления армии Колчака (кстати, ранее возглавлял омские артиллерийские склады. – В.У.), генерал-майор Трегубов Евгений Эммануилович (без указания должности), Сороко (он же Миронов) Северин Иванович – помощник начальника дистанции на строительстве Кольчугинской железной дороги.

Генералов расстреляли за «прежние заслуги», за преданность царю-батюшке и службу у белых. Е.М. Римскому-Корсакову следственной комиссией при Особом отделе ВЧК при 5-й Армии было предъявлено обвинение по 2 пунктам: участие в подавлении революционного движения в г. Казани в 1905 г., когда во время службы в военном училище он по приказу начальника выкатил на площадь перед зданием городской думы орудие (без снарядов), чем деморализовал группу рабочих, занявших здание думы и вступивших в перестрелку с юнкерами, и в организации взрыва артиллерийского имущества в г. Омске при отступлении Белой армии. Вывод был «единственно верным»: убежденный контрреволюционер, даже при задержании отказался признать советскую власть<sup>1</sup>. А у генерала Е.Э. Трегубова в протоколе № 2 заседания Томской уездной Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности 16 февраля 1920 г. в качестве обвинения было указано: «Трегубов Евгений Емануилович, генерал-лейтенант, доброволец белой армии, председатель офицерского собрания при Колчаке, командир 6-го корпуса русско-германской войны, председатель военно-полевого суда над генералом Эповым. Обвиняется в службе у белых и контрреволюционной деятельности. Арестовывал коммунистов на Украине во время Октябрьской революции»<sup>2</sup>. Однозначно напрашивался вывод: враг. Что же касается суда над генералом Эповым, то из материалов дела видно, что судили его без Трегубова, так как тот был отозван из состава суда<sup>3</sup>, но это уже детали.

В июле 1920 г. в Омске был расстрелян генерал М.Г. Грузевич-Нечай<sup>4</sup>. В январе 1920 г. он был арестован в Иркутске, но вскоре освобожден «под надзор вверенного коменданту города управления». В конце января уволен с военной службы, но уже в феврале был прикомандирован к инженерному управлению. В марте ему было поручено формирование саперного батальона, чем он успешно и занимался. Однако 5 апреля его вновь арестовали по обвинению в участии

---

тюремь на 19 февраля 1920 г. находилось 780 заключенных, из них 320 контрреволюционеров, 35 бандитов, 160 преступников по занимаемой должности и такое же количество [из] бывших карательных отрядов. (См.: Из истории земли томской. 1917–1921 гг. С. 65).

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-13052. С. 6.

<sup>2</sup> Там же. С. 22.

<sup>3</sup> Там же. С. 5.

<sup>4</sup> Грузевич-Нечай М.Г., 1865 г.р., ур. Киевской губ., после окончания военного училища в 1885 г. начал службу в армии, участник войны с Японией, был награжден четырьмя орденами, за участие в боевых действиях на фронтах Первой мировой награжден еще двумя орденами и произведен в генерал-майоры. После ряда злоключений – служба у Колчака – принимал участие в борьбе против народной власти.

«в авантюре Скоропадского» (некоторое время он занимал должность корпусного инженера Киевского округа в войсках гетмана), но в связи с тем, что обвинение «вполне не установлено», Грузевича этапировали в Омск к представителю ВЧК Павлуновскому. Омская губЧК также пришла к выводу, что его участие в авантюре Скоропадского не вполне доказано, однако постановила оставить его в тюрьме и передать Особому отделу. Далее события приняли неожиданный оборот. Его обращение о готовности служить новой власти было оставлено без ответа, а уже 22 июля помощник уполномоченного Особого отдела составил заключение по делу, кратко описав службу Грузевича у Скоропадского, в частности, инкриминировал ему формирование саперного батальона (получалось, что, формируя это войсковое подразделение, он приносил вред советской власти). Никто из членов коллегии губЧК на нелепость обвинения внимания не обратил или не захотел обратить, было вынесено постановление о его расстреле как «активного контрреволюционера», которое и было И. Павлуновским утверждено<sup>1</sup>.

Интенданта Н.А. Дементьева судили «за службу в осведомительном отделе» и за то, что в 1899–1906 гг. был приставом в г. Астрахани, с должности этой уволился по болезни<sup>2</sup>. Студента М.Б. Бараховича, монархиста по убеждениям, – за активную поддержку Колчака и активное сотрудничество при Временном правительстве и Колчаке в газетах «Сегодня» и «Понедельник», он осуждал советскую власть за репрессивную политику в отношении офицерского корпуса и усиленную пропаганду классовой борьбы. В обвинении по делу указывалось: «талантливый вдохновитель белогвардейских газет...»<sup>3</sup>.

При вынесении приговора всем семерым подсудным «судьи» руководствовались, видимо, только «революционным правосознанием», ведь следователи, за исключением следственной комиссии Особого отдела ВЧК при 5-й Армии, не предлагали применять к обвиняемым высшей меры наказания. Сегодня все указанные лица реабилитированы, но объективности ради следует заметить, что двое из них не должны были, видимо, подлежать реабилитации, так как, судя по материалам дел, «на их руках была кровь». Так, С.И. Сороко (он же Миронов), прибыв с карательным отрядом в Кольчугино, принимал участие в допросах задержанных рабочих и одного из них на допросе, будучи пьяным, убил из револьвера. Кроме того, по его собственному признанию, принимал участие в поисках рабочих – участников апрельского восстания<sup>4</sup>. Сегодня можно оспаривать как действия самого С.И. Сороко, так и действия и решения сотрудников ЧК и ревтрибунала. В 1993 г. при рассмотрении этого дела в прокуратуре Томской области во внимание было принято, что не были допрошены свидетели и не были установлены все обстоятельства, при которых был убит рабочий, т.е. «следствие было проведено поверхностно». С.И. Сороко реабилитирован<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Забвению не подлежит: Книга Памяти репрессированных жителей в Омской области: в 11 т. Омск, 2000–2003. Т. 2. С. 359–363.

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-13021. С. 22.

<sup>3</sup> Там же. Д. П-11947. С. 18.

<sup>4</sup> Там же. Д. П-11698. С. 4.

<sup>5</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-13021. С. 11.

На совести же Ф.Е. Вольхина – «участие» в убийстве комиссара Д.И. Кривоносенко весной 1918 г. во время инцидента во дворе женского монастыря. Свидетели однозначно подтвердили, что Вольхин бросал в Кривоносенко камни и попал последнему кирпичом в затылок, отчего тот упал. После этого кто-то выстрелом из револьвера убил Кривоносенко. В этой части и проявляются расхождения. Один свидетель заявил, что стрелял именно Вольхин, другие описали какого-то студента. Сам же Вольхин от всего отказался, заявляя, что вообще из своей лавки не выходил. Очные ставки ясности также не внесли. Выяснилось, что у некоторых свидетелей сложились с ним неприязненные отношения, что могло привести к оговору. Несмотря на то, что материалов было собрано много, следователь в заключении отметил: «Вопрос о том, был ли Вольхин среди первых покушавшихся на жизнь Кривоносенко или же он участвовал лишь по случаю в озверевшей толпе, причем по своей мещанской натуре выразил злобу мелкого буржуа в кидании камней в комиссара Кривоносенко, выяснить невозможно через 2 года после переворота. Применение к... Вольхину высшей меры наказания, по уже приведенным мотивам, считаю слишком суровым»<sup>1</sup>. Но и этом случае «революционное правосознание» оказалось выше доводов следователя.

Через 78 лет после случившегося в заключении по делу сделан вывод: «Вина Вольхина Ф.Е. в убийстве Кривоносенко не доказана»<sup>2</sup>. Просматривая эти документы, убеждаешься в их предвзятости.

Дело мирового судьи Л.И. Шпилярского можно рассматривать в качестве яркого примера сведения личных счетов. Будучи арестованным председателем Молчановского волостного ревкома, Шпилярский на допросе показал: «За что арестован, я не знаю. Арестовал меня **18 декабря 1919 года** (выделено мною. – В.У.) именовавший себя в то время председателем волостного исполкома, бывший до того дня секретарем волостной управы, Федосеев, не раз получавший от

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-13030. В декабре 1924 г. Сибирь отмечала очередную годовщину освобождения от колчаковщины, чему было посвящено большое количество газетных публикаций, в основе своей представлявших воспоминания очевидцев. Так, 14 декабря в газете «Советская Сибирь» был опубликован материал «Первые жертвы белогвардейского террора в Сибири», в котором первым был назван Д.И. Кривоносенко. Газета писала, что 24 мая 1918 г. белогвардейцы, «главным образом эсеры», начали будоражить население Томска, чтобы вызвать восстание в связи с реквизицией части продуктов в женском монастыре для голодающих инвалидов империалистической войны. Когда последние подъехали к монастырю, белогвардейцы ударили в набат, собралась толпа, которую эсеры стали подстрекать к выступлению, распространяя слухи, что большевики хотят забрать золото из монастыря и уничтожить иконы. Томский Совет направил к монастырю отряд милиции, но первыми туда прибыли Д. Кривоносенко и его товарищ В. Нонява и решили успокоить толпу. Эсеры, узнав Кривоносенко, начали кричать: «Бей его, это большевик!» Полетели камни, посыпались палочные удары, раздались выстрелы. Раненые Кривоносенко и Нонява начали отступать, отстреливаясь, и даже кого-то убили. «В Кривоносенко попали несколько пуль, и он упал на мостовую. Из толпы отделился один эсер, впоследствии уличенный и казненный (подчеркнуто мною. – В.У.) и выстрелом в упор покончил с Кривоносенко...». Сибирское партийное руководство этой публикацией закрепило за Д.И. Кривоносенко на долгие годы образ мученика, погибшего за народ во имя светлого будущего. Но при этом его имя было использовано в интересах партии через обвинение в его убийстве эсеров, «смыкавшихся в годы реакции с белогвардейцами», через показ «предательской сущности» этой партии. Расхождения с материалами уголовного дела Вольхина явные, поскольку в нем не содержится ни единого упоминания ни о белогвардейцах, ни об эсерах, ни о какой-либо перестрелке, ни о принадлежности Вольхина вообще к какой-либо партии.

<sup>2</sup>Там

же.

С.

меня служебные замечания, быть может, и в резкой даже форме. В этом аресте я допускаю возможность сведения личных счетов»<sup>1</sup>.

Следователь предложил заключить Л.И. Шпилярского в концлагерь до окончания Гражданской войны, но рукой чекиста М. Левитина этот текст зачеркнут и красными чернилами написано: «Расстрелять». Уездная ЧК с этим согласилась, хотя в деле практически отсутствовали доказательства контрреволюционной деятельности Шпилярского, а обвинение ему не предъявлялось вообще.

Следующие расстрелы в Томске были произведены уже в марте 1920 г.

Победившие большевики практически с первого дня освобождения Томска начали аресты классовых противников. Если не брать в расчет названного выше Шпилярского, арестованного в с. Молчаново, то первым арестованным (по материалам архива Томского управления ФСБ) следует считать бывшего начальника Боготольской милиции А.М. Упеника, арестованного 20 декабря 1919 г. и обвинявшегося в преследовании большевиков. С позиций современных процессуальных норм сложно судить о качестве следствия по его делу; возможно, следователь использовал все имевшиеся тогда у него возможности, в частности, направив запросы в Боготол и Тяжин. Полученные ответы позволили ему в заключении по делу указать, что Упеник «при царе был агентом сысканого отд[еления], стоял за монарх[ический] строй, брал взятки за винокурение и поощрял последнее, применял телесное наказание к крестьянам, что касается политическ[их] лиц, то принимал меры к их изолированию, но однажды освободил целую партию якобы большевиков, т.к. признал все сведения личных счетов.

...Упеник был противником сов[етской] вл[асти] и однажды арестовал одного красноармейца, который впоследствии был расстрелян.

Принимая во внимание незначительность обвинительного материала, в особенности относящегося к человеку, занимав[шему] довольно видный пост и довольно продолжительное время заключ[енного] в тюрьме, нахожу возможным Упеника из тюрьмы освободить со взятием на учет, дело следствием прекратить»<sup>2</sup>.

«За систематическую травлю рабочих и крестьян» Упеник 17 марта 1920 г. был приговорен к заключению в концлагерь до окончания Гражданской войны. В декабре 1920 г. Томская губернская ЧК изменила это решение и вынесла постановление о заключении Упеника в дом принудительных работ на 5 лет с зачетом предварительного заключения<sup>3</sup>.

Всего за неполные две недели 1919 г. в Томске было арестовано 10 чел. В следующем году число арестованных увеличилось до 1 034, 226 из которых были расстреляны (табл. 8).

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-11738. С. 8. В ГАТО (Ф. Р-118. Оп. 1) имеются дела (31, 135, 174, 197, 267 и др.) на жителей Томской губ., осужденных в 1920–1921 гг. за контрреволюционную агитацию и контрреволюционную деятельность, ныне реабилитированных. Но никто из них не подвергался арестам, нет данных и об их освобождении. Причины возбуждения названных дел – заявления отдельных граждан, проживавших с обвиняемыми либо знакомых с ними, большинство этих заявлений основаны на личной неприязни.

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-11190. С. 21.

<sup>3</sup>

Там

же.

С.



Число арестованных и расстрелянных «контрреволюционеров» в Томске в 1920 г., чел.

Месяц	Арестовано	Расстреляно	Месяц	Арестовано	Расстреляно
Январь	99	–	Июль	252	9
Февраль	105	7	Август	133	85
Март	80	24	Сентябрь	20	16
Апрель	71	10	Октябрь	23	1
Май	148	11	Ноябрь	14	1
Июнь	75	59	Декабрь	14	3

*Примечание.* Автор использовал материалы электронной базы данных «Репрессированные жители Томской области».

Увеличение числа арестованных в мае–августе вызвано арестами членов офицерских организаций Гавриловича и Кузьминых (Караваева).

В целом Томской губернской ЧК только за период с 14 января по 1 октября 1920 г. было арестовано 6 138 чел., из них 4 084 – за контрреволюционную деятельность, за бандитизм и другие тяжкие уголовные преступления – 1 376. Такие цифры привел в статье «Борьба с контрреволюцией», посвященной годовщине Великого Октября, Б. Бак: «Из всех арестованных расстреляны как неисправимые и злейшие враги рабоче-крестьянской власти 330 человек»<sup>1</sup>.

Несовпадение цифр можно объяснить следующим образом. Во-первых, возможен вариант усиления информации, как в случае «40 000 офицеров». Во-вторых, не обязательно, что 330 расстрелянных – это «контрреволюционеры», бандитизм доставлял хлопот властям не меньше. В-третьих, на основе собственного опыта могу утверждать, что за все годы работы по реабилитации и подготовки Книги Памяти «Боль людская» не было случая, чтобы кто-либо из репрессированных не был установлен, требовалось лишь время на поиски информации по обращениям граждан. Для сравнения: в эти же сроки Красноярской губернской ЧК было заведено 2 574 дела, из которых 2 022 были закончены производством<sup>2</sup>. Десятки этих дел были групповыми (на членов подпольных офицерских групп и организаций), так как еще свежа была память о проявленных армией в годы колчаковщины зверствах, вина за которые полностью возлагалась на представителей офицерского корпуса.

Но кроме дел на организации, в архивах органов госбезопасности находятся тысячи дел на отдельных россиян из «бывших». Ведь только в Томске в 1920 г. было арестовано 1 034 чел. А в Красноярске губчека за 1920–1921 гг., проведя 124 заседания, рассмотрела 4 640 дел (в 1922–1923 гг. рассмотрено только 242 дела), по которым было осуждено более 5,5 тыс. чел.<sup>3</sup> В их числе оказалось много тех, кто принимал участие в карательных акциях в период колчаковщины в составе отрядов Короткова, Мальчевского, Красильникова, Гусева, Соколова-Свиридова и др.

<sup>1</sup> Знамя революции. 1920. 7 нояб.

<sup>2</sup> Грани. Чекисты Красноярья от ВЧК до ФСБ. Красноярск, 2000. С. 46.

<sup>3</sup> Там же. С. 77.

Возможно, одной из колоритнейших личностей, павших жертвой «революционного правосознания» в г. Томске, стал С.А. Романов, бывший до 1911 г. начальником Томского жандармского управления, а в период колчаковщины исполнявший обязанности начальника Управления Госохраны. Результатом необъективного и поверхностного расследования явилось заключение по его делу:

«Романов Сергей Александрович, 63 лет, дворянин, генерал монархического времени, в период власти Колчака занимал видный пост начальника Томского отдела Государственной охраны.

Факт нахождения Романова во главе учреждения, выполнявшего функции правительственного органа, преследующего сторонников советской власти, заставляет нас смотреть на обвиняемого как на активного противника рабоче-крестьянского правительства; принадлежность же Романова к николаевскому корпусу жандармов и служба в полицейских охранных управлениях в период самой темной реакции 1908 и последующего годов еще более выпукло очерчивает политическую физиономию Романова как врага не только коммунистической партии, но и других социалистических групп.

Считая, таким образом, бывшего генерала Романова не только непримиримым противником советской власти, но и участником массового истребления и избиения рабочих и крестьян, нахожу необходимым применение к нему высшей меры наказания – расстрела»<sup>1</sup>.

Обвинение же на заседании уездной ЧК было сформулировано так: «Романов Сергей Александрович. Начальник Томского Отд[ела] государств[енной] охраны, генерал, старый жандарм»<sup>2</sup>. В деле нет ни анкеты Романова, ни одного свидетельского показания, только изъятые личные документы и протоколы допроса самого Романова. Не было учтено и то, что он добровольно явился в следственную комиссию уже 5 января 1920 г., просидев потом более трех с половиной недель без допроса. 6 марта 1920 г. С.А. Романов был расстрелян.

Одновременно с ним был расстрелян за службу в контрразведке и Госохране П.А. Ведерников<sup>3</sup>, арестованный 3 января 1920 г. В ходе следствия не было получено конкретных доказательств совершения им какого-либо преступления, а служба в Госохране, по заключению военного прокурора Сибирского военного округа, пересматривавшего дело Ведерникова, «состава преступления не образует»<sup>4</sup>.

Еще более трагична судьба В.П. Зубковой<sup>5</sup>, которая в августе 1921 г. была приговорена к расстрелу за участие в 1918 г. (ей не было и 18 лет. – В.У.) в белогвардейской организации и службу в контрразведке при Колчаке. От наказания она была освобождена, дав согласие работать секретным сотрудником губчека.

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-11729. С. 11.

<sup>2</sup> Там же. С. 13.

<sup>3</sup> Там же. Д. П-12049. Ведерников Павел Андреевич, 1895 г.р., ур. дер. Жарковщина Уржумского уезда Вятской губ., проживал в г. Томске, младший агент Госохраны. Арестован в 1920 г. Расстрелян. Реабилитирован 6 декабря 1996 г. См.: Боль людская... 2-е изд. Т. 1. С. 234.

<sup>4</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-12049. С. 16.

<sup>5</sup> Зубкова-Тышкевич Вера Павловна, 1900 г.р., ур. г. Переяславль Полтавской губ., проживала в г. Томске, служащая. Арестована в 1921 г. Расстреляна. Прокуратурой Томской области 16 марта 2005 г. в реабилитации отказано. См.: Боль людская... 2-е изд. Т. 3. С. 561.

Выполняя задания сотрудников губчека, указала на установление связей с антисоветскими организациями в городах Омске и Кузнецке, что, как выяснилось позднее, абсолютно не соответствовало действительности. За прежние преступления и «ложные сведения во время службы в ЧК» В.П. Зубкова была расстреляна.

В первые годы советской власти органы ВЧК–ГПУ очень часто использовали в оперативной работе агентов, завербованных из числа «бывших», так как у последних не было выбора – смерть, лагеря либо жизнь в качестве агента, которому много легче внедряться в ряды собратьев по классу или сословию, чем выходцам из пролетарской среды.

Еще одной группой, отнесенной к «исторической контрреволюции», с которой активно боролись органы ВЧК–ОГПУ, были сотрудники жандармских, охранных управлений и контрразведывательных органов белых армий, а также лица, активно сотрудничавшие с этими структурами.

Как уже отмечалось, проблем с «контингентами для работы» у органов не было. В ходе поиска врагов, в частности «исторических», активно разрабатывались архивы жандармских управлений периода царизма в целях установления лиц, сотрудничавших с ними либо там служивших. Кроме того, использовали архивы контрразведывательных органов белых армий. Так, молодому омскому чекисту П. Зутису удалось захватить в штабном вагоне поезда с отступающими колчаковцами несгораемый сейф с картотекой колчаковской контрразведки<sup>1</sup>.

Основная масса колчаковских архивов была захвачена еще в 1919 г. меньшевиками и эсерами в Иркутске и была передана в иркутский университет, откуда и была изъята сотрудниками Сибирской ЧК. В процессе их разбора было выявлено и объявлено в розыск 5 750 белогвардейцев, карателей и контрразведчиков. Среди захваченных документов оказались списки подпольных белогвардейских организаций Сибири, выступивших против Советов в 1918 г., фрагменты картотеки агентуры. Результаты обработки указанных архивов были изданы в 1922 г. Полномочным представительством ВЧК по Сибири в виде почти 250-страничной книги – «Сводки материалов белогвардейских архивов по Сибири (1918–1920 гг.)», в завершающей части которой был помещен алфавитный список лиц, упоминаемых на её страницах, с указанием занимаемых ими должностей, возраста, кличек и других сведений, могущих представлять интерес при организации их поиска. Это одно из доказательств того, что результаты исследования колчаковских архивов носили прикладной характер, их целью была организация розыска врагов советской власти.

Поиск всякого рода «бывших» начался с первых дней освобождения Сибири от колчаковщины. Информация рассылалась в соседние регионы по линии органов ВЧК и милиции. Например, из г. Камень Алтайской губернии была разослана секретная ориентировка следующего содержания: «Препровождая при сем список лиц, принимавших активное участие в жестокое подавлении повстанческого движения в районе Каменского уезда Алтайской

---

<sup>1</sup> Бударин М.Е. Чекисты... С. 62.

губ., убедительно прошу Вас сделать тщательные розыски таковых и в положительном случае препровождайте их в Мое распоряжение... на предмет предания суду Революционного Трибунала. Поименованных в... списке лиц перед занятием гор. Камень партизанами и частями Гарнизона отпустили в сторону гор. Н-Николаевска, откуда под давлением войск Центрального Российского фронта они вынуждены были на лошадях уехать до гор. Красноярска, правда, многие, не достигнув цели, по дороге скрывались»<sup>1</sup>. В списке 72 фамилии, часть из которых была вписана уже, видимо, после составления основного списка. У отдельных фигурантов была указана только фамилия, у некоторых – инициалы либо имена и отчества полностью, часто вписанные от руки; кто-то был вписан, а затем вычеркнут. Иногда давались приметы: «косой на глаза», «совершенно лысый, усы большие красные».

Начальник Томской уездной милиции И.В. Чубарро уже 3 марта 1920 г. разослал копии списков начальникам районов ст. Тайги и Нарымского края с указанием немедленно произвести розыски упомянутых в списке лиц и непосредственно сообщить начальнику Каменской уездной милиции. Позднее, согласно достигнутой договоренности, был налажен постоянный обмен информацией о лицах, подлежащих розыску, между органами милиции Сибири.

По линии ВЧК в органы милиции приходили ориентировки о розыске шпионов, контрреволюционеров, уголовников, расхитителей народных денег либо на участников враждебных советской власти организаций, как, например, на 23 члена Тюменского отдела Союза возрождения России<sup>2</sup>.

На рубеже середины 1920-х гг. данное направление работы информационно-справочных подразделений органов ОГПУ вновь было актуализировано. Так, результаты деятельности этих подразделений выразились в возбуждении уголовных дел. В отчете и.о. прокурора Сибири Куприянова о работе по наблюдению за органами ОГПУ по Сибири за 1-е полугодие 1927 г., сравнивая показатели работы со 2-м полугодием 1926 г., он отмечал, что «если отбросить дела по бандитизму, рассмотрение в ПП ОГПУ в порядке исключительного закона, то и в этом случае мы имеем увеличение общего числа дел в 1927 г. почти на 50%». При этом число дел на провокаторов увеличилось вдвое – с 8 до 15, «что объясняется проводимой разработкой архивов быв. Жанд. Управлений (Иркутск, Томск и др.)»<sup>3</sup>.

В целях актуализации этой работы в 1927 г. органами ОГПУ был издан «Список бывших членов отдельного корпуса жандармов», включавший в себя

---

<sup>1</sup> Список лиц, гр[аждан] г. Камня[,] проживавших, участвовавших в активных действиях с белыми и подавлявших восстание Советской Власти, составленный 16 февраля 1920 г. См.: ГАТО. Ф. Р-278. Оп. 3. Д. 4. Л. 24–26.

<sup>2</sup> Там же. Д. 60. Л. 17–19. В деле 22 фонда Управления Томской уездной РКСМ Отдела управления Томского губисполкома (1920–1923 гг.) автором было выявлено 17 списков по линии ВЧК (на 4 857 чел.), один – по линии милиции (отдел Центрозоиска) на 109 чел. Списки касались многих городов и губерний России, отдельные из них содержали более пятисот и даже тысячи фамилий. Здесь же было подшито розыскное дело на отдельных лиц (например, Карасевича-Незнамова), но с разными составами преступления, были также многочисленные расписки от председателей сельсоветов и иных должностных лиц с мест отсутствия на их территории разыскиваемых лиц. См.: Там же. Оп. 2.

<sup>3</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 135. Л. 5.

сведения о 1 448 чел., в 1929 г. – «Список бывш[их] унтер-офицеров, филеров жанд[армских] управл[ений] и охран[ных] отделений, чинов бывшего Департамента полиции», включавший только в первой своей части данные о 3 504 чел., а также «Список секретных сотрудников б[ывших] охранных отделений и жандармских управлений». В нем содержались сведения о лицах, сотрудничавших с этими структурами и выполнявших задания в революционной среде. Удалось обнаружить только вторую часть издания, но и этого достаточно для определения уровня и размаха проведенной сотрудниками ОГПУ работы. Только эта часть содержала информацию о 5 472 лицах. В 1930 г. увидел свет еще один справочник – «Список контрразведчиков, милиции, официальных чинов Министерства внутренних дел белых правительств» с установочными данными о 3 491 чел. И перечень этих справочников далеко не полон. Серьезность подхода к этой работе подтверждалась и фактами: все эти справочные издания выпускались типографским способом на достаточно высоком профессиональном уровне, тиражи их были значительными.

Обмен информацией о «бывших» осуществлялся и на местах. В ГАТО хранится документ, подписанный заместителем начальника окротдела ОГПУ Н.М. Будой<sup>1</sup> и направленный в общеадминистративный отдел Томского окрисполкома на ранее поступивший запрос. В документе содержались сведения о 27 лицах, лишенных избирательных прав, в частности, бывших служащих полиции, жандармерии, охранного отделения, в основном это были агенты охраны, низшие чины полиции, но один полицмейстер и жандармский полковник. Многие были безработными, но бывший агент Томского сыскного отделения И.Н. Андреев занимал должность заведующего регистрационным бюро Томского губернского розыска. Более того, в сопроводительном письме указывалось, что часть сведений (о священнослужителях и иностранцах, прибегавших к наемному труду с целью извлечения прибылей) не могла быть передана, так как регистрация таковых ранее проводилась губернским административным отделом, а последний их в окротдел не передал<sup>2</sup>. Содержание письма позволяет сделать вывод о том, что учет «бывших» велся не только правоохранительными органами, но и органами исполнительной власти.

---

<sup>1</sup> Буда Николай Мартемьянович, 1886 г.р., ур. Канского уезда Енисейской губ., из семьи служащего солеваренного завода, образование начальное, член партии большевиков с октября 1917 г. В период колчаковщины – один из организаторов партизанского движения, был награжден орденом Красного Знамени. С июня 1924 г. – начальник губмилиции и одновременно начальник административного отдела Енисейского губисполкома. После образования Сибкрая переведен на должность начальника административного отдела в Томске, откуда был отозван в конце 1926 г. Все последующие годы трудился на руководящих постах в советских и хозяйственных органах. Арестован и расстрелян в 1937 г. в г. Красноярске. Реабилитирован посмертно.

<sup>2</sup> Сведения о служащих в царской и белой полиции, жандармерии, охранном отделении и членах царствовавшего дома, не снятых с учета ОГПУ по состоянию на 1-е июля 1925 года. См.: ГАТО. Ф. Р-1135. Оп. 1. Д. 19. Л. 26–28. Целый ряд таких списков в отношении бывших офицеров, служителей культа, лишенных прав и т.п., хранится в деле 6 «а» фонда Административного отдела губисполкома Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Губадмотдел) г. Томска (1923–1925 гг.). Что касается сведений о священнослужителях, то таковые были переданы в окротдел ОГПУ из окружного административного отдела только в марте 1926 г., в списке значился 61 чел. См.: Там же. Д. 41. Л. 81–82.

8 января 1921 г. Ф.Э. Дзержинский подписал приказ № 10 «О карательной политике органов ЧК», в котором шла речь о смещении акцентов в борьбе с врагами революции. Открытые выступления должны были подавляться беспощадно, а бандитские шайки подлежали уничтожению, но в борьбе с подпольными организациями требовались новые приемы работы, внутреннее осведомление и т.п. «Старыми методами, массовыми арестами и репрессиями, вполне понятными в боевой обстановке, при изменившемся положении Чека будет только лить воду на контрреволюционную мельницу, увеличивая массу недовольных. **Всех подозрительных, которые могут принять участие в активной борьбе, беспартийных офицеров или лиц правозсеровского или тому подобного толка нужно держать на учете, выяснять, проверить. Это гигантская информационная работа, которая должна выступить на первый план...** (выделено мною, подчеркнуто в тексте. – В.У.). Надо знать, что делает такой-то, имярек, бывший офицер или помещик, чтобы его арест имел смысл; иначе шпионы, террористы и подпольные разжигатели восстаний будут гулять на свободе, а тюрьмы будут полны людьми, занимающимися безобидной воркотней против советской власти»<sup>1</sup>.

Этот приказ потребовал от органов ВЧК на местах перестройки всей деятельности. На первый план вышла оперативная работа, требовавшая серьезного информационно-аналитического сопровождения и наличия хорошо поставленных учетов; речь велась не о выявлении «бывших» врагов, а о сосредоточении усилий на обнаружении новых потенциальных противников. Практически все население страны проводилось через различные формы регистрации путем заполнения всевозможных анкет (прием на работу, постановка на воинский учет, вступление в общественные организации и т.п.). Руководители организаций и учреждений в строго установленные сроки обязывались подавать сводные данные на всякого рода «бывших» в органы ВЧК–ОГПУ.

В последующие годы учетно-справочные массивы правоохранных органов постоянно расширялись и пополнялись новыми контингентами подлинных и мнимых «врагов» советской власти.

Списки были систематизированы (для их подготовки были задействованы практически все архивные подразделения страны и специалисты, работавшие в них), содержали краткую информацию о каждом упоминаемом лице с указанием компрометирующей информации, имели грифы «Совершенно секретно» и пометку «Хранить наравне с шифром».

Последним таким справочником стал «Справочник-список офицерского и рядового состава жандармских управлений, охранных отделений, агентов охранной агентуры дворцового коменданта и чинов Департамента полиции Министерства внутренних дел царской России», выпущенный Главным архивным управлением НКВД СССР в 1940 г. Причинами его выпуска послужили крупные изменения в административно-территориальном делении страны, выявление центральными государственными и областными архивами новых сведений о лицах, имевших

<sup>1</sup> История сталинского ГУЛАГа... / Т. 2. Карательная система: структура и кадры... С. 159; Исторический архив. 1958. № 1. С. 14.

отношение к вышеназванным структурам, а также утрата ранее выпущенными справочниками 1927 и 1929 гг. оперативной ценности. Кроме того, вновь созданные чекистские органы в новых союзных республиках вообще не имели справочных материалов и вынуждены были вести обширную переписку по интересующим их контингентам. Главной целью данного справочника было «облегчение справочной работы по выявлению и разработке данных о службе в жандармских управлениях подучетных контингентов органов НКВД».

В справочник включены данные на четырнадцать с лишним тысяч человек. Но составители оговорились, что в него не были включены лица, родившиеся ранее 1860 г. и «имеющие недостаточные исковые данные». Количество информации о каждом лице разнилось: в одних случаях – достаточно подробное описание установочных данных и служебного пути, в других – только должность и приблизительный возраст. Наряду с кадровыми сотрудниками указанных структур упоминались сотрудники вспомогательных подразделений и технический персонал – сторожа, письмоноscopy, письмоводители, курьеры, переводчики и т.п.

Анализ списков позволил установить, что к моменту выпуска справочника в нем содержались сведения о 427 жителях Иркутской, Томской, Енисейской и Омской губерний, а также служивших в жандармских структурах на Сибирской железной дороге (соответственно 122, 98, 51, 33 и 123 чел.). Но за время работы над составлением справочника, например, четверых томичей органы НКВД «достали» еще в 1937 г., все были расстреляны по решению «тройки». Более глубокая проработка списков позволила выявить, что иногда свою жизнь с этими ведомствами связывали целые семьи. Так, филерами Томского охранного отделения были по три брата Гридошко и Куклины и два брата Агафоновы, в Нижнем Новгороде – три брата Клементьевы, в Иркутске – две сестры Куцых, в Красноярске – отец и сын Журавлевы. Но не все занимали низшие должности, например, двое братьев Маматказиных смогли дослужиться до должностей начальников отделений жандармско-полицейских управлений на железной дороге. И это далеко не полный перечень семей и династий.

Указанные в названных списках лица в случае их установления подлежали немедленному аресту и преданию суду. Что касается рядового состава полицейско-карательных органов России, то репрессии коснулись их в незначительной степени, в первые годы советской власти многие из них продолжали служить в милиции, в системе мест заключения, в различных советских учреждениях. В 1937 г. в г. Томске был арестован, а затем по решению «тройки» расстрелян И.В. Таныгин, работавший на момент ареста сторожем на железной дороге, ранее служивший надзирателем – и при царизме, и при Колчаке, и при советской власти<sup>1</sup>. Объективности ради замечу, что были примеры и иного плана. Так, Н.И. Трудолобов, прошедший путь от простого рассыльного до заведующего складом Сибпочтателя в Новосибирске, в 1928 г. был лишен избирательных прав по причине того, что в 1911 г., выполняя служебное поручение, передал три письма в

---

<sup>1</sup> Пример Таныгина и некоторых других описан автором в монографии «Пенитенциарная система Западной Сибири...» С. 56–58.

Особый отдел<sup>1</sup>. Такой же случай имел место в Томске. Эти люди не служили в карательных органах, но власть наказала их по причине определения в «осведомители». В 1929 г. в Сибири проживало 5,4 тыс. чел., лишенных избирательных прав как бывшие агенты полиции, жандармерии, белые офицеры и т.п.<sup>2</sup>

Пощадив эту категорию людей в 1920-е гг., власть вспомнила о них в 1930-е гг., когда сотрудникам НКВД необходимо было выполнять контрольные цифры по арестам. Наличие в биографии упоминаний о службе в полицейско-карательных органах было беспроигрышным предлогом для ареста.

На местах органами ВЧК также велся поиск сотрудников контрразведывательных органов белых армий или данных об этих лицах. Так, начальник отделения районной транспортной ЧК (РТЧК) станции Боготол Томской железной дороги 21 марта 1921 г. переслал в РТЧК (г. Томск) списки чинов различных управлений при штабе верховного главнокомандующего г. Омска 1919 г., «полученные для курения гр-ном г. Боготола Масленниковым Артемьем во время пребывания последнего в г. Томске от фотографа Губвида Бейцмана Бориса Абрамовича, служившего у уполномоченного Губчека т. Домненко»<sup>3</sup>. 24 марта списки были переданы в Томскую губчека «для разработки». К сопроводительному письму прилагался подлинный полный список чинов Главного штаба, включая контрразведчиков, составленный для получения сахара, чая и спичек за июль 1919 г.

Первое уголовное дело по ст. 58 УК РСФСР в г. Томске было возбуждено против агента охраны А. (кличка Тонконогий)<sup>4</sup>, осужденного в 1927 г. на 3 года концлагерей.

Можно констатировать, что с первых дней освобождения Сибири от колчаковщины советская власть через карательные органы вела активную борьбу с исторической контрреволюцией, встав на путь «сведения счетов» со своими противниками. Жертвами становились представители всех слоев и социальных групп населения, число арестованных исчислялось тысячами, трибуналы не успевали рассматривать дела, многие из которых делами и назвать-то было нельзя. Чаще всего это были несколько листов бумаги – газетной, оберточной, бланков прежних «властей» и т.п., на которых содержались установочные данные на арестованного, ордер на обыск и арест, один-два протокола допроса арестованного, крайне редко допросы свидетелей и заключительные акты об окончании следствия. «Венчался» такой набор выпиской из решения трибунала. Но этого было достаточно для того, чтобы кардинальным образом изменить судьбу человека. Если арестованный не был осужден к высшей мере социальной защиты – расстрелу, то попадал на учет чекистских органов и подвергался притеснениям и репрессиям в будущем.

<sup>1</sup> Маргиналы в социуме... С. 81.

<sup>2</sup> Гуцин Н.Я., Ильиных В.А. Указ. соч. С. 190.

<sup>3</sup> Колосов И.В. История контрразведки России от Ивана III до Колчака. Северск, 2003. С. 180–181.

<sup>4</sup> Список секретных сотрудников бывших охранных отделений и жандармских управлений. Ч. 2. М., ОГПУ, 1929. С. 3. (Архив УФСБ РФ по Томской области. Ф. 16. Д. 60).



Другой группой «врагов» для власти стали сотрудники различных полицейских органов царской власти и белых правительств. Эту категорию граждан разыскивали на протяжении всего рассматриваемого периода весьма активно. Для их выявления были задействованы все архивные подразделения СССР; в случае обнаружения следовали немедленный арест и осуждение. Однако следует заметить, что одновременно с уничтожением этих противников власть создавала многочисленную армию им подобных из числа советских граждан. К сожалению, сегодня сложно определить число репрессированных представителей исторической контрреволюции. Опыт исследования репрессий показывает, что очень часто вопросы социальной принадлежности репрессируемых определяли следователи. Решение этой проблемы становится возможным по мере создания электронных баз данных репрессированных. Такая работа ведется в целом ряде субъектов страны.

## 2.2. Бывшие офицеры и полицейский корпус

Представители офицерского, жандармского и полицейского корпусов были в числе объектов первоочередного внимания чекистских органов. Они имели подготовку и обладали навыками обращения с оружием, принятия решений при управлении массами людей, владели специальными знаниями и опытом организации и подготовки различного рода акций и операций, которые могли быть использованы против советской власти. Для выявления и изоляции данной группы лиц активно использовались архивные документы, списки разных представительных органов, материалы периодической печати, информация очевидцев и свидетелей карательных акций и экзекуций, а также собранные во время колчаковщины подпольщиками-большевиками сведения о «социально чуждых» и «неблагонадежных». Кроме того, в начале 1920 г. города Сибири были переполнены беженцами, в основном «бывшими», не успевшими уйти с отступавшими на восток колчаковцами, среди них встречалось немало бывших офицеров, полицейских, жандармов и их агентов<sup>1</sup>. Массы людей мигрировали с места на место в поисках лучшей доли. Так, в феврале 1920 г. в Томске значилось проживавшими 122 тыс. чел., к осени – 91 тыс., а по городской переписи 1923 г. – менее 76 тыс. чел.<sup>2</sup> Любой человек в военной шинели со споротыми погонами или одетый «по-буржуйски» мог привлечь внимание со стороны чекистов или иных ярых борцов с контрреволюцией.

Недовольство значительной части населения политикой «военного коммунизма», а затем распространением обязательной продразверстки, проявлявшееся в форме активного сопротивления властям, использовалось, в частности, бывшими офицерами и политическими противниками большевиков для создания подпольных вооруженных организаций, подготовки и организации

<sup>1</sup> Н.С. Ларьков приводит данные, что уже на следующий день после освобождения г. Томска от колчаковцев было взято на учет свыше 500 офицеров белой армии, «и еще больше – на другой день». См.: Ларьков Н.С. Сибирский белый генерал. Томск. 2017. С. 236.

<sup>2</sup> Томская область: Исторический очерк... С. 306.

вооруженных выступлений. В этих условиях органам ЧК на местах работы было предостаточно.

В апреле 1920 г. в г. Красноярске была ликвидирована контрреволюционная белогвардейская организация во главе с бывшим штабс-капитаном контрразведки Колчака Эглит-Симбортом и подпрапорщиком карателем Лисенковым-Кочуриным. Члены организации планировали уничтожить штаб 5-й Армии, захватить оружие и свергнуть советскую власть. К уголовной ответственности было привлечено 22 чел. Судя по тому, что связи этой организации в других сибирских регионах и имя Эглит-Симборта упоминались в десятках уголовных дел тех лет, с которыми лично ознакомился автор, эту организацию считали «главной» в Сибири, а может быть, «сделали» главной.

В мае 1920 г. была выявлена другая подпольная организация, ставившая своей целью свержение советской власти. Газета «Красноярский рабочий» в августе 1920 г. писала: «Во главе организации стоял знаменитый своими зверствами бывший полковник, один из казачьих атаманов. Организация имела вполне сформированный отряд, хорошо вооруженный винтовками, гранатами и пулеметами и состоящий почти исключительно из офицерства, отличившегося в прошлом своими подвигами против трудового народа»<sup>1</sup>. Названный отряд насчитывал в своих рядах 80 чел. и укрывался в тайге в 30 км от города. В результате боевой операции отряд был разгромлен, многие его участники арестованы. Чекисты потеряли одного сотрудника, еще несколько были ранены. 29 июля Красноярская губчека на своем заседании рассмотрела дело организации, считая факт преступления доказанным и признав всех обвиняемых врагами РСФСР, и постановила расстрелять наиболее активных участников организации.

В результате оперативной комбинации, проведенной сотрудниками Томской губчека в мае 1920 г., была вскрыта подпольная организация, возглавляемая меньшевиком А.И. Гавриловичем<sup>2</sup>, который, прикрываясь мандатом агента райлескома по заготовке дров, организовал в Калтайском бору трудовую «артель» из нескольких десятков бывших офицеров и солдат, ставшую основой нелегальной белогвардейской организации. Главную роль в ходе выявления организации и последующего следствия по делу Гавриловича и др. сыграли секретные сотрудники Томской ЧК, внедренные в организацию. Выход на организацию Гавриловича стал возможным после разгрома красноярской офицерской организации. Полученные в ходе следствия материалы о наличии сообщников в других городах Сибири не позволили сразу выйти на подпольную организацию. Лишь после выявления связника между организациями Томска и

---

<sup>1</sup> Грани... С. 46–48. В 1920 г. в г. Красноярске чекистами были раскрыты 3 крупные подпольные контрреволюционные организации, ставившие целью свержение советской власти. Большинство их участников были арестованы, осуждены к лишению свободы или расстреляны. См.: Красноярский рабочий. 1921. 1 янв.

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-11240. Гаврилович Альберт Игнатьевич, 1880 г.р., ур. г. Киева, проживал в г. Томске по ул. Б. Подгорной, 39, агент райлескома. Арестован в 1920 г. Расстрелян 25 июня 1920 г. Реабилитирован 16 марта 1993 г. См.: Боль людская... 2-е изд. Т. 1. С. 293.

Красноярска, которым оказалась машинистка штаба 5-й Армии Т.О. Горвиц<sup>1</sup>, бывшая баронесса Вреден, жена начальника контрразведки штурмовой колчаковской бригады поручика Чинаева, арестованного в Красноярске, чекисты смогли выйти на томскую организацию. В дальнейшем удалось получить план захвата Томска, выявить время выступления заговорщиков, их силы и средства. В ночь на 14 мая 1920 г. были проведены аресты участников организации. Число арестованных превысило 100 чел., в том числе: бывших военных – 100, из них офицеров – 29, колчаковских контрразведчиков – 8, монархистов – 8, эсеров – 2, меньшевиков – 1. Были изъяты оружие и боеприпасы.

Проведенное сотрудницей Томской губЧК В.П. Брауде<sup>2</sup> следствие позволило установить, что организация имела группы в губвоенкомате, на пехотных курсах, в комендатуре, в бронеполку, в других организациях и учреждениях. Даже в губчека была выявлена участница организации – А.И. Колмакова<sup>3</sup>. В поле зрения чекистов она попала еще в марте 1920 г., когда была задержана в процессе облавы в составе группы из восьми лиц во главе с бывшим капитаном Оргиним, сотрудником Тобольской контрразведки<sup>4</sup>. В ходе следствия заявила: «...виновной себя в принадлежности к белогвардейской организации не признаю, о существовании такой не знала. Признаю себя виновной в том, что не заявила в Чека, что мой муж и Бобров (участник организации. – В.У.) служили в контрразведке»<sup>5</sup>. Колмакова была расстреляна 25 июня 1920 г.

Одновременно с организацией Гавриловича была ликвидирована организация в дер. Яшкино Томского уезда (ныне Кемеровская обл.), где брат одного из членов штаба организации Гавриловича создал группу из беженцев-крестьян Пермской губернии, местных кулаков и скрывавшихся офицеров. Группа готовилась к вооруженному восстанию, для чего было взято на учет все оружие, захваченное крестьянами при отступлении белых, зарытое в землю и припрятанное в других местах. При ликвидации группы её участниками было оказано вооруженное сопротивление. В ходе обысков изъято 70 винтовок, несколько ящиков с патронами, револьверами и снаряжением и около 10 гранат. Были арестованы 100 чел., из которых священник В.В. Моцалов приговорен к заключению в концлагерь на 10 лет, 10 чел. – к заключению на 5 лет, 5 – к 1 году, а остальные были освобождены «за недоказанностью и малосознательностью»<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Горвиц Тамара Оскаровна в июне 1920 г. была приговорена к высшей мере наказания за участие в контрреволюционной организации. В декабре 1920 г. по представлению СибЧК «за услуги, оказанные по раскрытию заговора» была полностью амнистирована и освобождена. Реабилитирована 15 декабря 1993 г. См.: Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-11726. С. 36, 39; Боль людская... 2-е изд. Т. 1. С. 346.

<sup>2</sup> Дело о контрреволюционной организации на Омских артиллерийских складах расследовала также она. Брауде (Булич) Вера Петровна, родилась в 1890 г. в г. Чистополе, из дворян. С 1905 г. в революционном движении, неоднократно арестовывалась и осуждалась к ссылкам. С марта 1918 г. на работе в ЧК (Казань, Омск, Томск и т.д.). Майор госбезопасности. Умерла в Москве в 1961 г.

<sup>3</sup> Колмакова Анна Ивановна, 1898 г.р., ур. Могилевской губернии, проживала в г. Томске по ул. Гоголя, 53-8, регистратор канцелярии Томской уездной ЧК. Арестована в 1920 г. Расстреляна. Реабилитирована 15 марта 1993 г. См.: Боль людская... 2-е изд. Т. 2. С. 104.

<sup>4</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-11235. С. 9.

<sup>5</sup> Там же. С. 39.

<sup>6</sup> Из истории земли томской. 1917–1921... С. 222–223.

18 августа 1920 г. в Томск на имя председателя губЧК М. Бермана<sup>1</sup> поступила телеграмма следующего содержания: «Банда которой шла речь предыдущих телеграммах ликвидирована. Пойман Сибирский живым, пять убито, двое пойманы живы и по сообщению не хватает лишь одного розыска, пока безрезультатны меры, приняты лично представлю сегодняшним парходом и будет задержан Сотрудник Крестьянинов»<sup>2</sup>.

Телеграмма свидетельствовала об успешном завершении операции по ликвидации очередной офицерской организации, ставившей своей целью поднять восстание в Томской уезде. Построенная на принципах строгой конспирации (например, была разработана система переименовывавшихся паролей), финансово поддерживаемая представителями слоя зажиточного крестьянства, организация представляла серьезную силу. Возглавлял её бывший подпоручик М.Ф. Кузьминых-Караваев («корнет Караваев»)<sup>3</sup>. Члены организации поддерживали контакты с организацией Гавриловича и др. А упоминаемый в телеграмме Сибирский – это поручик А.С. Аркашев («есаул Сибирский»)<sup>4</sup>, назначенный Кузьминых начальником всех вооруженных сил в Томском уезде<sup>5</sup>.

Для организации руководства отрядами восставших на местах из Томска в уезд были направлены 16 офицеров<sup>6</sup>. Начавшееся выступление в районе с. Кольвани заставило организацию ускорить подготовку выступления, назначив его в ночь с 10 на 11 июля. Но именно в эту ночь все участники заговора были арестованы, причем руководители задержаны по дороге на сборный пункт, находившийся в с. Белобородово (в 15 км севернее Томска). Число арестованных достигло нескольких сот человек.

Но Аркашеву удалось собрать и организовать выступление в уезде, захватив часть волостей Заобского района (восстанием в разной степени были охвачены 103 села). Отряд численностью до 500 чел., в основном из крестьян Богородской и соседних с ней волостей, поднял восстание в Богородской волости (ныне тер-

<sup>1</sup> Берман Матвей Давыдович, 1898 г.р., ур. Читинского уезда Забайкальской обл., еврей, из семьи владельца кирпичного завода. В партии большевиков с июня 1917 г., в органах ВЧК с августа 1918 г. За период службы прошел путь от помощника начальника секретно-оперативной части Екатеринбургской губЧК до заместителя наркома НКВД СССР. В 1932–1937 гг. возглавлял ГУЛАГ ОГПУ–НКВД. Комиссар госбезопасности 3-го ранга. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды и Трудового Красного Знамени УзбССР, двумя знаками «Почетный работник ВЧК–ОГПУ». На момент ареста в декабре 1938 г. нарком связи СССР. Расстрелян. Реабилитирован в 1957 г. в связи с отменой приговора и прекращением дела за отсутствием состава преступления.

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-13011. С. 2.

<sup>3</sup> Там же. Д. П-14001. Кузьминых-Караваев Михаил Федорович, 1894 г.р., ур. Уфимской губ., русский, проживал в г. Томске по ул. Воскресенской, 11-2, без определенных занятий. Арестован в 1920 г. Осужден к ВМН – расстрелу. Судьба неизвестна, так как в деле нет отметки о приведении приговора в исполнение. Реабилитирован 8 декабря 1998 г. См.: *Боль людская...* 2-е изд. Т. 2. С. 199.

<sup>4</sup> Аркашев Александр Семенович. 1889 г.р., ур. г. Омска, сын чиновника Сибирского казачьего войска, в 1912 г. окончил Оренбургское юнкерское училище, участник Первой мировой войны. Награжден двумя орденами. В 1918–1919 гг. воевал в Семиречье, во время отступления колчаковцев оказался на территории, освобожденной частями Красной армии. В Томске вступил в подпольную офицерскую организацию, возглавил антибольшевистское восстание. Арестован в 1920 г. Расстрелян. Реабилитирован 9 сентября 1998 г. См.: Там же. Т. 1. С. 70.

<sup>5</sup> Знамя революции. 1920. 21 авг.

<sup>6</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-14001. С. 52.

ритория Шегарского района Томской области), но 20 июля 1920 г. близ с. Богородское (ныне с. Мельниково), где планировалось захватить почтовое отделение, телеграф и проходящие по р. Оби пароходы, а затем двинуться на Томск, плохо вооруженные крестьяне потерпели поражение от сводного отряда Томского гарнизона, ЧК и коммунистов Богородской волости и разбежались. Часть мятежников погибла в бою, многие утонули в болотах при отступлении, более 200 были пленены вместе с Сибирским и его штабом. 23 июля операция по подавлению восстания была завершена<sup>1</sup>.

По результатам следствия 39 из 68 арестованных участников организации были расстреляны, в том числе 11 чел. из числа организаторов и руководителей – в Щегловске (ныне г. Кемерово)<sup>2</sup>.

К настоящему времени Гаврилович, Кузьминых-Караваев и Аркашев реабилитированы, т.е. признаны невиновными, так как их «контрреволюционные» преступления доказаны не были. Но, видимо, следует признать, что только некомпетентное (по современным меркам) оформление следственных материалов в те далекие годы позволило органам прокуратуры в наши дни принять такое решение без должной оценки совершенного ими. А ведь это действительно были антигосударственные нелегальные организации<sup>3</sup>, пытавшиеся реализовать преступные замыслы против (пусть и нелегитимно установленной большевиками)

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-13011. С. 50; *Абраменко И.А.* Боевые действия коммунистических отрядов... С. 80.

<sup>2</sup> Томская область: Исторический очерк... С. 291; Из истории земли томской. 1917–1921... С. 288–291. Приведенные данные о числе расстрелянных неточны. В ЦДНИ Томской области в фонде Томского губкома РКП(б) мною обнаружены списки лиц, расстрелянных по приговорам Томской губчека. Согласно этим спискам в ночное время 13 и 14 августа были произведены расстрелы членов раскрытой 11 июля 1920 г. в Томске белогвардейской офицерской организации, готовившей открытое вооруженное выступление против советской власти. Подсчеты показали, что было расстреляно не менее 145 чел. (отсутствует одна страница, так как следующая за ней имеет нумерацию на две единицы больше). Кроме того, к различным срокам лишения свободы – от 6 месяцев до 5 лет – были приговорены 106 чел. Еще несколько человек (на оборванной странице осталось только две фамилии) были осуждены к заключению в концлагерь до окончания Гражданской войны. Все осужденные к лишению свободы были признаны принимавшими участие в вооруженном восстании, «но не активно... будучи одурачены ложными и провокационными слухами, распущенными белогвардейцами». Также была сделана помета, что дела по остальным членам организации находились на следствии. В конце списков указывались еще три фамилии ранее расстрелянных за принадлежность к организации Гавриловича. См.: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 22–31.

<sup>3</sup> А. Тепляков в своей работе («Непроницаемые недра»: ВЧК–ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М., 2007. С. 15) обвиняет целый ряд исследователей, в том числе и меня, в некоей предвзятости – вере в наличие всевозможных заговоров против советской власти: «...в ряде сочинений последнего времени признаются достоверными фальсифицированные сведения о заговорах». Но тогда позволю одно замечание в сторону А. Теплякова: в России были тысячи патриотов, в частности офицеров, преданных присяге людей, готовых бороться с новой большевистской властью «не щадя живота своего». Приведу пример. В сборнике документов ЦХАФ АК о деятельности Алтайской губЧК «Руководствуясь революционной совестью» на с. 132 приведено заключение президиума ВЧК от 1 октября 1920 г. по делу Барнаульской белогвардейской организации. Часть членов организации была приговорена к расстрелу, часть – к длительным срокам лишения свободы. **Прокуратурой Алтайского края в 1992, 1993 и 1996 гг. была реабилитирована только часть членов названной организации**, остальным в реабилитации было отказано. Замечу, что неоднократное рассмотрение материалов в отношении членов организации является прямым свидетельством того, что действия участников организации действительно носили противоправный характер, ими совершались преступные действия, не позволявшие вести речь о реабилитации даже по прошествии многих десятилетий. Возможно, их действия носили уголовный характер, но эти действия допускались ими в борьбе с новой властью, а в годы гражданского противостояния меры в борьбе не выбирались.

власти в стране всеми способами, в том числе и чисто уголовного характера. Но нельзя и забывать, что шла Гражданская война и каждая из противоборствующих сторон отстаивала свою позицию, исходя из убеждений и собственного понимания правоты предпринимаемых действий. Очень глубоко и полно, на мой взгляд, обстановку тех дней характеризует резолюция на прошении Аркашева. Приведу этот документ полностью.

«Председателю Томской Губчека.

Желаю искупить вину и заслужить полное прощение за совершенные грехи перед советской властью, от лица своего и заключенных за причастность к противосоветской организации, прошу войти с ходатайством о разрешении отправки нас на Западный фронт на борьбу с поляками. Условия, гарантирующие нашу верность перед советской властью, следующие: 1. Круговая порука. 2. Ответственность ближайших родственников за измену каждого. 3. А в случае нарушения данного слова одним или несколькими лицами – приведение приговора в исполнение.

Кроме того, согласны будем со всеми предъявленными нам условиями (кроме провокаторских – вставка после текста. – В.У.). От себя могу написать воззвание в газете ко всем лицам, причастным к организации, скрывающимся, для привлечения их в ряды защитников на Западный фронт. Сообщаю список лиц, изъявивших желание на фронт:

1. Иванов Николай<sup>1</sup>.
2. Завадовский Николай<sup>2</sup>.
3. Соскин Петр<sup>3</sup>.
4. Ланский Гавриил<sup>4</sup>.
5. Реут Константин<sup>5</sup>.
6. Кузьминых Михаил.
7. Березовский Виталий<sup>6</sup>.
8. Виллисов Владимир<sup>6</sup>.
9. Лебедев Ал-др<sup>7</sup>.
10. Аркашев Ал-др.

/Подпись/»

---

<sup>1</sup> Иванов Николай Петрович, 1900 г.р., род. г. Томск, проживал в с. Вороново Томской губ., делопроизводитель наробраза. Расстрелян 13 сентября 1920 г. Реабилитирован 21 июля 1993 г. См. : Боль людская... 2-е изд. Т. 1. С. 540.

<sup>2</sup> Завадовский Николай Андреевич, 1899 г.р., место рождения неизвестно, проживал в г. Томске, помощник начальника 5-го района городской милиции. Осужден к ВМН – расстрелу с последующей заменой наказания по амнистии ВЦИК на 3 года дома принудработ. Реабилитирован 8 декабря 1993 г. См. : Там же. Т. 1. С. 490.

<sup>3</sup> Соскин Петр Васильевич, 1901 г.р., род. с. Самарово Тобольской губ., проживал в г. Томске, матрос парохода № 102. Расстрелян 13 сентября 1920 г. Реабилитирован 9 сентября 1998 г. См. : Там же. Т. 3. С. 181.

<sup>4</sup> Ланский Гавриил Гаврилович, 1899 г.р., род. г. Иркутск, проживал в г. Томске, студент Томского университета. Расстрелян в сентябре 1920 г. Реабилитирован 4 февраля 1994 г. См. : Там же. Т. 2. С. 233.

<sup>5</sup> Реут Константин Григорьевич, 1903 г.р., род. с. Александровское (о. Сахалин), проживал в г. Томске, учащийся 2-й советской школы. В августе 1920 г. осужден на 5 лет концлагерей. В ноябре 1921 г. по амнистии ВЦИК срок наказания сокращен до 3 лет 4 месяцев. Реабилитирован 24 марта 1993 г. См. : Там же. Т. 3. С. 26.

<sup>6</sup> Вилесов (Вилисов) Владимир Петрович, 1900 г.р., род. г. Пермь, проживал в г. Томске, студент 1-го курса ТТИ. Расстрелян в сентябре 1920 г. Реабилитирован 22 ноября 1993 г. См. : Там же. Т. 1. С. 250.

<sup>7</sup> Лебедев Александр Константинович, 1896 г.р., род. г. Красноярск, проживал в г. Томске, студент ТТИ. Расстрелян 13 сентября 1920 г. Реабилитирован 4 февраля 1994 г. См.: Там же. Т. 2. С. 241.

В ответ на это рукой Б. Бака написано: «В Советской республике фронт не наказание, а почетный долг и обязанность.

Белое офицерство, которое порвало все старые цепи, — оно с нами на передовых линиях. Вы же, поднявшие в тылу позорное восстание, достойны только лишь смерти. Предгубчека Б. Бак. 28 /VIII.»<sup>1</sup>.

Вот так в те далекие годы очень часто заканчивались «идеологические споры». Хотя известны случаи, когда руководители Советского государства проявляли в подобных случаях решительность и соглашались с просьбами арестованных об отправке на фронт. Но такие случаи были нечастыми, а решения принимали первые лица, но не «винтики» огромного механизма.

Летом 1920 г. в г. Омске сотрудниками губЧК была вскрыта подпольная организация, в основном из числа бывших офицеров, общей численностью 580 чел. Возглавляли её бывшие белые офицеры Драчук (псевдоним Орлеанов) и Шелютга. Организация ставила своей целью свержение советской власти и отделение Сибири от России. Была установлена связь с атаманом Семёновым, эмигрантскими кругами, Москвой. Члены организации имелись во всех воинских учреждениях, в большинстве дислоцированных в Омске воинских частей, в том числе среди командного состава. Организация на территории Омского уезда располагала несколькими отрядами из числа бывших офицеров, дезертиров и казаков.

---

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-13011. С. 51. Подобные обращения с просьбой об отправке на фронт не были единичными. Например, 16 июня 1920 г. письмо подобного содержания было направлено в Алтайскую губчека арестованным С.А. Чухланцевым. В своем заявлении он писал: «Я, бывший офицер русской армии, томясь здесь в заключении, узнаю о том возмутительном факте, что панская Польша осмеливается наложить свою дерзкую лапу на свободу Советской России и, принимая во внимание, что на фронте наступает решительный момент, когда каждый боец дорог, я, имеющий служебный и боевой опыт, прошу коллегия Алтгубчека о скорейшем разборе моего дела и войти с ходатайством перед надлежащей инстанцией об отправке меня на красный фронт. Смело надеяться, что Рабоче-крестьянское правительство не сочтет меня врагом пролетариата и позволит мне грудью защищать Советскую Россию... и умереть за истинную свободу трудового народа.

Подтверждаю настоящее заявление своим честным словом, я уверен, что Алтгубчека не оставит мое заявление без последствий, тем более, что... образовавшееся в Москве Государственное совещание под предводительством [генерала] Брусилова призывает всех бывших офицеров честно послужить Советской Республике, и Совнарком опубликовал воззвание к русскому офицерству... перейти на сторону рабочих при условии, что им простится вина, которую они имеют за собой по отношению к Советской власти.

Я горю желанием защищать РСФСР. Я с нетерпением жду того момента, когда мне разрешат встать под Красное знамя, тем более, что **я не принадлежу к буржуазному классу**, ибо у меня нет никакого состояния, поэтому интересы трудового народа являются в то же время и моими, что подтверждается еще тем, что **при Колчаке я не служил на военной службе и до сих пор не принимал никакого участия в гражданской войне...**». См.: «Руководствуясь революционной совестью...»: сб. док. по истории Алтайской губЧК. 1919–1922. Барнаул, 2006. С. 251–252.

Анализируя написанное, полагаю его заявление искренним желанием патриота быть полезным Родине; сложно предположить, что оно написано замаскировавшимся врагом. К сожалению, авторы сборника не указали причину ареста Чухланцева, его биографические данные, дав лишь сноску, что 17 июля 1920 г. он был осужден, а уже 18 июля расстрелян. Реабилитирован прокуратурой Алтайского края 31 декабря 1996 г.

Для координации действий в Омск прибыли представители эмигрантских кругов и атамана Семёнова, а также 14 японских офицеров, проживавших нелегально под видом китайцев, занимавшихся торговлей табаком.

Омская губЧК располагала информацией об организации, её целях, численности, руководителей, не было только известно о точной дате намеченного восстания. Однако за два дня до запланированного организацией выступления в Калачинском уезде во время ликвидации группы дезертиров были арестованы эмиссары подпольщиков, прибывшие в уезд для объединения групп дезертиров, от которых и стало известно о планах заговорщиков.

В ночь на 19 августа были проведены аресты членов организации, её руководители – Драчук, Шелюттэ и полковник Мерецкий, оказавшие вооруженное сопротивление, были убиты во время задержания. В ходе операции была арестована настоятельница Ачаирского женского монастыря, которая на территории монастыря хранила оружие и знамя заговорщиков. Аресты продолжались до ноября 1920 г., всего было арестовано около 400 чел.<sup>1</sup>

В августе 1920 г. сотрудниками ЧК был раскрыт и ликвидирован белогвардейский заговор в Щегловском уезде. В организацию входило свыше 300 бывших колчаковских офицеров (данные, несомненно, завышены. – В.У.), возглавлял её эсер Н.Н. Щеглов, служивший при Колчаке начальником милиции 5-го района. Члены организации вели активную агитацию против хлебной разверстки и, используя служебное положение, облагали крестьянство большими повинностями, провоцируя его недовольство советской властью. Восстание намечалось на 3 августа, но организация была разгромлена<sup>2</sup>.

Бывшие офицеры в своей решительности к борьбе с советской властью готовы были к объединению с любой иной силой, встававшей на путь борьбы с большевиками<sup>3</sup>. Так, созданный эсерами Союз трудового крестьянства (СКС) насчитывал до 400 ячеек в Сибири и готовил к весне 1921 г. вооруженное восстание в семи губерниях Западной Сибири. Во многих ячейках активное участие принимали бывшие офицеры, а в состав омского отдела СКС в сентябре 1920 г. вошла в полном составе офицерская организация, возглавляемая бывшим колчаковским офицером – капитаном Н. Густомесовым (по другим данным – поручиком), поддерживавшим связь с Драчуком и Шелюттэ. В Красноярской губернии в ядро военной организации СКС вошли 89 бывших офицеров<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Становление органов безопасности в Сибири... С. 15–17; Бударин М.Е. Были о чекистах. Омск, 1976. С. 160–163. По его данным, к августу 1920 г. антисоветская организация насчитывала уже до пятнадцати тысяч человек – офицеров, кулаков, атаманской верхушки казачества. Заговорщики имели не только винтовки и револьверы, но и несколько пулеметов. Организация была действительно массовой, но приведенную Бударинным цифру в пятнадцать тысяч участников считаю завышенной.

<sup>2</sup> Абраменко И.А. Коммунистические формирования – части особого назначения... С. 228.

<sup>3</sup> Подтверждением этому может служить информация, что когда в декабре 1918 г. частями генерала А.Н. Пепеляева был взят г. Пермь, то в кратчайшие сроки «был оперативно сформирован Пермский офицерский полк четырёхротного состава численностью около 360 человек... Всего же, по данным А.Н. Пепеляева, в Перми в его корпус влился 701 офицер из числа ранее служивших в Красной армии». См.: Ларьков Н.С. Сибирский белый генерал... С. 123.

<sup>4</sup> Щетинов

Ю.А.

Указ.

соч.

С.

51–52.



Активное участие приняли офицеры и в Западно-Сибирском кулацко-эсеровском мятеже 1921 г. Отряды восставших формировались по армейскому принципу – в роты, батальоны, полки и т.д., что, несомненно, играло значительную роль при организации и ведении боевых действий. Полномочный представитель ВЧК по Сибири И.П. Павлуновский отмечал высокую организацию работы повстанческих штабов: «Обращает на себя внимание быстрая и отлично налаженная связь. Сводки, донесения, переписка носят исключительно деловой характер. Сводки написаны полно и понятно. Обмен ими производится регулярно... Обращает на себя внимание масса мелких донесений... Насколько ценны в боевой обстановке эти кажущиеся мелкие донесения, доказывать не приходится»<sup>1</sup>. Высокий уровень оперативной работы повстанческих штабов стал возможным благодаря участию в них бывших офицеров. Так, в средней по размерам Сибирской казачьей дивизии их было 50, в том числе два полковника царской армии. Такая оценка, с учетом размаха восстания и участия в нем по разным данным от 60 до 100 тыс. чел., несомненно, очень высока.

20–21 марта 1921 г. была ликвидирована белогвардейская организация «Всероссийский комитет по борьбе с советской властью», филиал которой в Красноярске (боевая группа) насчитывал в своих рядах 108 чел. и действовал, кроме Красноярска, в Енисейской губернии, Монголии и Урянхайском крае. Вдохновителем организации был Политик – бывший начальник штаба раскрытого в 1920 г. в г. Омске белогвардейского заговора. Красноярскую группу возглавляли Ф.А. Емелин – казак, монархист, секретарь профсоюза извозчиков,

---

<sup>1</sup> Там же. С. 82–83; Третьяков Н.Г., например, отмечал, что достаточно часто на сторону восставших переходили бывшие офицеры, уже служившие в рядах Красной армии. Так, на сторону повстанцев перешли около 20 офицеров из 33-го батальона полевого строительства Красной армии, размещавшегося в Ишимском и Ялуторовском уездах. Целый ряд руководящих должностей занимали офицеры из числа казаков и т.п. Бывшие офицеры своей грамотностью и профессионализмом смогли внести элементы стройности и порядка в деятельность органов управления повстанческих подразделений, что подтверждается словами И. Павлуновского. Однако не менее половины командиров отрядов повстанцев, начальников штабов, комендатур и военных советов являлись местными крестьянами. Более того, офицеры могли оказываться в подчинении у младших по званию либо вообще штатских лиц, а в отдельных случаях просто отстранялись от должностей, а иногда и устранялись физически своими же бывшими подчиненными. См.: Третьяков Н.Г. Состав руководящих органов Западно-Сибирского восстания 1921 г. С. 21–25. Однако В.И. Шишкин считает, что роль офицерства в сопротивлении режиму сильно преувеличена в силу проведения целенаправленной идеологизации и усиления данной информации большевиками. Он приводит данные, что в целом ряде значительных антикоммунистических выступлений офицеры вообще не принимали участие – их не оказалось в Причерном крае у Рогова (800 мятежников), среди повстанцев Сержской волости Ачинского уезда (около 400 чел.), среди участников Сорокинского мятежа (Причерный край – около 5 тыс. чел.). Лишь по одному офицеру было в числе 18 тыс. повстанцев Народной армии Степного края и 2 тыс. «лубковцев». Всего пять офицеров он насчитал среди участников Кольванского восстания и не более 20 – в Западно-Сибирском восстании. См.: Шишкин В.И. «Белый» след в красной Сибири // История белой Сибири : тезисы III науч. конф. Кемерово, 1999. С. 149–150. С подобной оценкой участия бывших офицеров в сопротивлении режиму в начале 1920-х гг. согласиться можно отчасти. Что касается Западно-Сибирского мятежа, цифра в 20 офицеров явно занижена, отсутствие в других восстаниях, возможно, связано с особенностями их участников – преимущественно крестьянское население и не в самых развитых районах, где, с одной стороны, офицеров могло просто не быть, а с другой – население после колчаковщины само не было готово к «сотрудничеству» с бывшими «врагами» и «палачами». Кроме того, эти выступления явно не были готовы к свержению советской власти в масштабах страны, они носили преимущественно локальный характер, не выходя за рамки одного или нескольких уездов.

А.И. Кольванов-Ратмиров – бывший сотник, монархист, служащий губпродкома, Копылов – «крупный спекулянт», С.П. Богданов – бывший капитан, начальник поезда Колчака, и П.М. Сапожников-Рачков – бывший поручик, служащий губпродкома.

Своими методами организация избрала создание вооруженных групп, анти-советскую агитацию и разложение аппарата советских учреждений, саботаж и умышленную порчу продуктов питания. В феврале 1921 г. началось объединение мелких групп в более крупные, составлялись списки коммунистов и руководителей советских учреждений. До открытого выступления дело не дошло, так как губернской ЧК удалось внедрить в организацию своих сотрудников, что позволило быть в курсе планов организации и своевременно провести её ликвидацию.

Газета «Красноярский рабочий» 5 мая 1921 г. опубликовала большую статью «От Красноярской Чрезвычайной Комиссии», в которой сообщалось, что в феврале и марте были вскрыты тайные контрреволюционные организации, руководителями и вдохновителями которых являлись бывшие каратели, скрывавшиеся офицерство и эсеры, служившие в различных советских учреждениях. Организации поддерживали связь с бандами, скрывавшимися в тайге, и планировали свержение советской власти в губернии и «истребление ответственных работников». В процессе ликвидации организации было арестовано более 300 участников. По приговору ревтрибунала большая часть из них была осуждена к лишению свободы на разные сроки, а 34 наиболее активных участника были расстреляны, в их числе – 19 бывших офицеров, 2 колчаковских милиционера и другие «бывшие»<sup>1</sup>.

И. Абраменко привел данные, со ссылкой на И. Павлуновского, что из 20 главарей крупных банд, захваченных и убитых в 1921 г. на территории Сибири, все оказались бывшими белогвардейскими офицерами, среди которых были полковники, штабс-капитаны, поручики и прочие (так в тексте. – В.У.)<sup>2</sup>. К сожалению, более подробных сведений об этих «главарях» нет, по этой причине приходится обходиться простой констатацией факта.

Приведенные выше примеры в большей степени относятся к достаточно «чистым» подпольным офицерским организациям. Анализ иных вооруженных выступлений, направленных против советской власти, имевших место в 1921–1924 гг. на территории Сибири, позволяет выделить в абсолютном большинстве из них в качестве организационного и руководящего начала представителей офицерского корпуса. Их знания и военный опыт охотно использовались всеми антисоветскими силами.

Участие бывших офицеров в борьбе с советской властью было осознанным и целенаправленным. Они не могли забыть унижений, которые им пришлось пережить в первый послереволюционный год. Защитники России на фронтах Первой мировой, многие из которых были отмечены боевыми наградами за ратный труд и ранены в боях, оказались выброшенными в неизвестность, стали

<sup>1</sup> Красноярский рабочий. 1921. 5 мая; Грани... С. 53.

<sup>2</sup> Абраменко И.А. Коммунистические формирования – части особого назначения... С. 199.

изгоями в родной стране. А таковых было ни много ни мало 250 тыс. чел. Подписание же большевиками Брестского мира для многих патриотично настроенных офицеров стало пощечиной, унижающей их человеческое достоинство, и воспринималось как предательство интересов России.

В ходе антиофицерской кампании были отменены воинские звания, запрещалось ношение наград и знаков отличия, офицеры были приравнены к рядовому составу и подлежали разоружению. Затем были отменены выдача жалованья и пайков, что незамедлительно отразилось на семьях офицеров. Изгоняемые из армии офицеры, возвращаясь к прежним местам жительства, оказывались безработными и вынуждены были объединяться в различного рода союзы и артели (наподобие артели Гавриловича в Томске), чтобы каким-либо образом поправить материальное положение. Но это, в свою очередь, способствовало и консолидации сил на антисоветской основе, а все эти объединения являлись хорошим легальным прикрытием антибольшевистской деятельности.

Перечисленные факторы стали движущей силой и опорой для бывших офицеров в их борьбе с большевизмом, они охотно бросались в объятия тех, кто звал на борьбу или планировал какие-либо действия по организации этой борьбы. Многие из них искренне верили, что большевики могут быть уничтожены и появится возможность возвращения условий, когда офицеры вновь будут востребованы и уважаемы, вернется прежнее благополучие.

Томский историк – исследователь периода Гражданской войны в Сибири Н.С. Ларьков в своей монографии показал качественный и количественный состав офицерского корпуса, оказавшегося в Сибири после Октябрьской революции, а на основе глубокого анализа выявленных материалов – условия, в которых оказались офицеры, и предпринимаемые ими шаги по противодействию новой власти<sup>1</sup>. С его выводом, что «основная масса сибирского офицерства едва ли не автоматически оказалась отброшенной в антисоветский лагерь»<sup>2</sup>, нельзя не согласиться.

Необходимо также отметить и то, что на 1 января 1921 г. в Красной армии офицеры царской и белых армий составляли 34% руководящих кадров всех уровней; многие «военспецы» занимали высшие командные, штабные и административно-хозяйственные должности. В первые годы после окончания Гражданской войны началось резкое сокращение армии, в том числе и офицеров. Если на 1 января 1921 г. их в армии насчитывалось около 12 тыс., то к концу 1922 г. – менее 2 тыс. Увольнение происходило на основании специальной инструкции Штаба Реввоенсовета Республики от 21 мая 1921 г., предварительно согласованной с Особым отделом ВЧК. В этих условиях бывшие белые офицеры, по мнению большевистского руководства, требовали к себе особого внимания. По этой причине еще в октябре 1920 г. в Особом отделе ВЧК было создано специальное

<sup>1</sup> См.: Ларьков Н.С. Начало Гражданской войны в Сибири...

<sup>2</sup> Там же. С. 55. Однако следует учитывать, что уже в первые месяцы 1918 г. на службу в Красную армию перешли около восьми тысяч генералов и офицеров, что было достаточно для комплектования двадцати дивизий численностью в десять тысяч штыков каждая. См.: Петров С.П. Упущенные возможности. Гражданская война в восточно-европейской части России и в Сибири, 1918–1920 гг. М., 2006. С. 51.

отделение для решения вопросов, связанных с бывшими белыми офицерами. Именно в этом подразделении были разработаны и направлены на места инструкции по механизму их фильтрации и созданию соответствующих учетов.

По утверждению бывшего генерала царской армии А. Снесарева, само положение «военспецов» лишало их надежды на будущее, на обеспеченную жизнь после выхода на пенсию. Введение нэпа вселило некую надежду на перерождение и падение советской власти. Говоря о бывших генштабистах, он отмечал, что «будучи людьми строгого отбора... отшлифованными для всех одинаково продуманной системой воспитания, испытанными в чистоте монархических убеждений... офицеры Генштаба вошли в новую для них обстановку советской власти... организованной и сплоченной группой»<sup>1</sup>.

Именно группирование бывших офицеров и представляли наибольшую угрозу для победителей. В инструкции к приказу № 200 от 1 сентября 1922 г. по наблюдению за комсоставом РККА конкретно указывалось на необходимость контроля за «элементами группирования» в среде бывших офицеров, которые в необходимых случаях через возможности командования следовало «раскассировать» при соблюдении контроля за наиболее активными членами группирования. Задача подобного характера ставилась и в 1925 г. заместителем начальника Особого отдела ОГПУ Р. Пилляром на Втором Всесоюзном съезде особых отделов ОГПУ.

Полпред ОГПУ по Сибири И. Павлуновский на 8-й Сибирской конференции начальников губотделов ОГПУ с начальниками ДТО ОГПУ и начальниками ОО дивизий и губотделов в марте 1924 г., характеризуя положение в армии, отмечал «контрреволюционное оживление среди штабного элемента, его активное влияние на спецовский комсостав и на верхушку всей спецовской интеллигенции и профессуру, ...массовое развитие среди кадрового офицерства бытовых группировок... в потенции... ячейки офицерских союзов, ...изоляция кадровым офицерством красного командного состава и политсостава, вытеснение кадровым офицерством краскомов» и т.д.<sup>2</sup> С учётом наличия этих факторов следовало внимательно отслеживать процессы в среде бывших офицеров через агентурный аппарат с целью недопущения их использования контрреволюционными силами. В мае 1924 г. с докладом такого же содержания на 4-й губконференции уполномоченных губотделов ОГПУ и уполномоченных по информированию Новониколаевского губотдела ОГПУ выступил зам. Полпреда ОГПУ по Сибири Б. Бак.

Таким образом, любое группирование со стороны бывших офицеров рассматривалось в качестве одного из признаков подготовки к оформлению антисоветской группы.

Начиная со второй половины 1921 г. информация об офицерских организациях исчезает из информационных сводок органов ВЧК и переписки партийных и советских структур. Причин этому, на мой взгляд, несколько.

1. Наиболее крупные организации были ликвидированы, а прошедшие по ним процессы, в совокупности с информацией в печати, заставили бывших офицеров

<sup>1</sup> Зданович А.А. Указ. соч. С. 100–103.

<sup>2</sup> ГАО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 4. Л. 1–2.

либо действовать более осторожно, либо временно отказаться от активных действий по причине боязни репрессий против них или членов их семей.

2. Фронты Гражданской войны все дальше откатывались к границам России, так как белые армии, несмотря на активную помощь и поддержку Антанты, терпели поражение за поражением.

3. Многочисленные выступления с оружием в руках на территориях, контролируемых Советами, носили разрозненный, стихийный характер, так как амбиции многих «атаманов» не распространялись далее границ уезда или губернии.

4. Репрессивный аппарат рос количественно и качественно, что позволяло более результативно «бить врага».

5. Весь государственный аппарат был настроен на организацию строжайшего контроля за «бывшими», в том числе и через осуждение и направление в лагеря для отбытия наказания, где они были «под присмотром». Кроме того, в стране была задействована четкая система регистрации всех «бывших», в частности военнослужащих. Так, в 1920 г. на основании приказа РВСР № 1728/326 и приказа Народного комиссариата труда № 660 во всех гражданских учреждениях устанавливался особый учет бывших белых офицеров и военных чиновников в органах ВЧК–ОГПУ, Управлении командного состава РККА, в мобилизационных отделах военкоматов. Только в последние месяцы 1920 г. в органы ВЧК на места были направлены около ста приказов, телеграмм и директив, в той или иной степени имевших отношение к судьбам бывших офицеров. В это же время ОО губЧК были арестованы за контрреволюционную деятельность 714 чел., в том числе 291 красноармеец, 161 бывший офицер, 104 советских работника, 75 крестьян, 34 рабочих и 29 кулаков. А особыми отделами фронтов и армий аресту подверглись 89 офицеров<sup>1</sup>.

Под личную ответственность руководителей организаций и учреждений заполнялись по разработанной форме именные списки и анкеты, два экземпляра которых передавались в военкоматы. Форма анкеты по приказу № 1728/326 предполагала получение информации по 38 позициям. Из них десять носили общий характер, четырнадцать касались военной службы, три – отношения и участия в революциях начиная с 1905 г., пять – наличия родственников, их служебной деятельности, в том числе в полиции, у белых и т.д. Например, при ответах на вопросы о военной службе необходимо было указать, когда офицер поступил на военную службу, получал ли военное образование, пошел на войну в 1914 г. добровольцем, по мобилизации или был кадровым офицером. Надо было сообщить о чинах и званиях как до Февраль-

---

<sup>1</sup> Белыми офицерами и военными чиновниками считались те, кто хотя бы короткое время служил в частях, штабах, управлениях, учреждениях и заведениях армий Временного Сибирского правительства, Колчака, Деникина, Врангеля, Юденича и др. Система учетов постоянно совершенствовалась. Так, только в период с сентября 1920 г. по май 1921 г. РВСР издал пять специализированных приказов на этот счет. Более того, в 1921 г. военным ведомством была проведена Всероссийская перепись, в ходе которой были учтены более 400 тыс. чел., материалы на которых были переданы в особые отделы. Анкета содержала всего 15 позиций, но обработка их затянулась, и к середине 1922 г. удалось обработать для постановки на учет анкеты только на 115 680 чел. Наибольший интерес вызывали данные о службе в царской армии. См.: Зданович А.А. Указ. соч. С. 336–337, 341.

ской революции, так и до пленения, если попал в плен, то персонально или при массовой сдаче, какие должности занимал с 1 марта по 25 октября 1917 г., очень подробно описывалась служба в Белой армии.

При ответах на вопросы об участии в революциях полагалось сообщать не только об участии в них, начиная с революции 1905 г., но и о своем отношении к ним. Требовалось также указать свое «политическое настроение» на момент заполнения анкеты. Завершалась анкета примечанием о необходимости её заполнения в трех экземплярах. Лица, давшие неверные сведения в анкете или уклонившиеся от прямых ответов, подлежали строжайшей ответственности<sup>1</sup>.

К 20-му числу каждого месяца необходимо было передавать в установленном порядке информацию со всеми изменениями по данной категории лиц (прибытие, убытие, перемещения по службе и т.п.)<sup>2</sup>.

Начало 1921 г. для бывших офицеров в Сибири ознаменовалось новыми притеснениями. В органы губмилиции и Учрабсилы в апреле 1921 г. поступила секретная телеграмма от Наркомата труда и начальника Центрорабсилы страны, подписанная заместителем председателя Сибтруда Звездовым и начальником Сибучрабсилы Ситниковым об организации особого учета бывших белых офицеров и военчиновников. Телеграмма передавала для исполнения секретную телеграмму Наркомтруда, согласованную со штабом РККА и Особым отделом ВЧК, согласно которой в дополнение секретной телеграмме № 660 от 11 февраля 1921 г. предлагалось объявить всем ответственным руководителям учреждений, что бывшие белые офицеры не могут перемещаться в пределах губернии (даже губернии. – В.У.), помимо губрабсилы и губчека. Перемещение в другие губернии было возможно губрабсилой только с разрешения Наркомтруда при обязательном информировании органов ВЧК по старому и новому месту службы. Согласно телеграмме не допускались даже временные командировки бывших белых офицеров, отпуска по болезни разрешались, но без права выезда куда-либо. Какие-либо ходатайства с мест службы о разрешении на выезд запрещались. Был определен механизм учета и информирования губернских военных комиссариатов и органов ЧК<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Анкета для бывших офицеров белых армий при постановке на особый учет. См.: ГАТО. Ф. Р-279. Оп. 1. Д. 78 «а». Л. 1–2.

<sup>2</sup> Инструкция ведения особого учета бывших белых офицеров и военных чиновников. См.: Там же. Л. 9; Из истории земли томской. 1917–1921... С. 130–131.

<sup>3</sup> ГАТО. Ф. Р-278. Оп. 3. Д. 5. Л. 167. Четкая система учетов бывших белых офицеров часто давала веские аргументы в решении тех или иных вопросов оперативно-служебной деятельности подразделений чекистских органов. Так, в октябре 1928 г. начальник Кузнецкого окротдела ОГПУ Новак и начальник информационного отделения Капотов использовали эти учеты для обоснования необходимости расширения аппарата окротдела. В письме секретарю окружкома ВКП(б) Прокофьеву отмечалась озабоченность присутствием большого количества антисоветских элементов, к которым причислялись «бывшие каратели белых армий, бывшие офицеры старой и белой армий, бывшие дружинники колчаковской армии, бандиты белой армии». См.: Служение Отечеству: воспоминания, статьи, документы. 1917–2005 гг.: в 2 кн. Кемерово, 2005. Кн. 1. С. 258.

В отношении бывших офицеров действовали и другие ограничения. Например, при их назначении на гражданскую службу следовало учитывать, чтобы их общая численность в каждом учреждении не превышала 15% личного состава; не рекомендовалось назначение на работу по местам рождения или постоянно-

Серьезность подхода к этой работе подтверждается другим документом. Томский уездный военком 16 декабря 1921 г. обратился к председателю Томской губЧК почтотелеграммой, в которой сообщил, что «затребованные в боевом порядке от гражданских учреждений списки на бывбелых офицеров и чиновников не представлены до сего времени следующими учреждениями: Губпродкомом, Умилицией, Сибуглем, Губземотделом, Губкомом РКП, Губсоюзом, Гормилицией. Означенное непредставление списков не дает... возможности установить особый учет... каковой имеет государственно-политическое значение. Донося о вышеизложенном, прошу содействия в деле понуждения и скорейшем предоставлении требуемых списков...»<sup>1</sup>.

На местах органами ВЧК была организована система картотечного учета, суть которой заключалась в том, что на каждого человека заполнялись карточки, содержащие следующие реквизиты: 1) ФИО; 2) возраст; 3) партийность; 4) профессия; 5) постоянное место жительства; 6) когда и откуда приехал; 7) где служил с июля 1918 г. по ноябрь 1919 г., точно указывалось место службы и занимаемая должность; 8) где служил с декабря 1919 г. с указанием мест службы и должностей; 9) адрес и т.д. Эта информация выделялась из анкетных листов, которые в обязательном порядке заполнялись на всех работников организаций и учреждений страны<sup>2</sup>.

Для состоявших на особом учете в отделах ГПУ бывших белых офицеров обязательной была периодическая явка в органы ГПУ. Поскольку многие проживали в сельской местности и не могли своевременно являться на регистрацию, начальники милиции всех районов должны были брать этих офицеров под надзор, делать ежемесячные отметки об их явке и докладывать о них к первому числу каждого месяца в отдел ГПУ<sup>3</sup>. В каждый район начальнику милиции направлялся список бывших белых офицеров, проживавших на обслуживаемой территории. В списках указывались место жительства офицера, место службы и последний чин. На практике в списки включали не только офицеров. Например, в Томском уезде проживали 112 чел.: подполковников – 2, чиновников военного времени – 14, штабс-капитанов – 7, штаб-ротмистров – 1, поручиков – 14, подпоручиков – 27, прапорщиков – 32, юнкеров – 9, помощников регистратора – 1, коллежский регистратор – 1 (хотя Инструкция не предполагала ведение особого учета чиновников военного времени и портупей-юнкеров. – В. У.). На ст. Тайга таких подучетников проживало 8 чел., в Нарыме – 4<sup>4</sup>.

В последующие годы преемники ВЧК – ОГПУ и НКВД только совершенствовали эту систему учета. Налаживалась она целенаправленно. С одной стороны, легко искать среди «бывших» тех, с кем необходимо было расправиться за

---

го проживания и т.д. См.: *Пыстина Л.И.* «Буржуазные специалисты» в Сибири в 1920-е – начале 1930-х годов (социально-правовое положение и условия труда). Новосибирск, 1999. С. 17.

<sup>1</sup> ГАТО. Ф. Р-279. Оп. 1. Д. 78 «а». Л. 4.

<sup>2</sup> Инструкция «Проекты, схемы и работа по секретно-информативной части», подписанная заведующим Маринским политбюро [1921 г.]. См.: ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 100. Л. 179.

<sup>3</sup> Указание заместителя начальника Томского отдела ГПУ начальнику Томской горюездной милиции (литер «а») № 7162 от 17 октября 1923 г. См.: Там же. Ф. Р-278. Оп. 1. Д. 38. Л. 2.

<sup>4</sup> ГАТО. Ф. Р-278. Оп. 1. Д. 38. Л. 3–5, 8–9.

прошлые «заслуги», с другой – постоянный контроль, если вдруг контрреволюция попытается использовать их знания и опыт во враждебных советской власти целях. Кроме того, система ложилась тяжелым гнетом на плечи бывших офицеров, так как жить под тотальным контролем сложно.

В связи с амнистией ВЦИК от 3 ноября 1921 г. ВЧК издала три приказа о порядке применения амнистии по отношению к бывшим белым офицерам. Например, в декабрьском приказе предлагалось освободить всех «бывших», не занимавших должности командиров частей и не принимавших активного участия в борьбе с советской властью. Остальных офицеров и военных чиновников приказывалось заключить в концлагеря на срок до двух лет. В приказе от 10 февраля 1922 г. предписывалось исключить амнистированное лиц, служивших в контрразведывательных и иных карательных учреждениях. Что касается остальных, то осужденным и находившимся в тюрьмах или концлагерях необходимо было сократить сроки наказания, осужденные на срок до одного года подлежали освобождению. Но пункт пятый приказа гласил, что амнистированные с особого учета не снимаются, а передаются местным отделам труда для использования и на них распространяются все ранее изданные приказы и распоряжения.

Находившиеся на особом учете бывшие белые офицеры не имели права самостоятельно менять место жительства, даже если для этого имелись веские причины. Они также становились первыми кандидатами на сокращение или увольнение со службы в ходе «чисток», в частности советского аппарата. Каждая «чистка» вызвала много проблем, в первую очередь для власти. Так, при «чистке» 1922 г. в категорию безработных могли попасть многие специалисты из числа бывших белых офицеров: они состояли на особом учете в органах ВЧК, поэтому не могли свободно менять места жительства и работы. Абсолютное большинство из них не могло рассчитывать и на пособие по безработице. По этим причинам в январе 1922 г. Наркоматом труда и ВЧК на места была направлена телеграмма с грифом «Совершенно секретно», призывавшая властные органы относиться с большой осторожностью к увольнению бывших офицеров – только в исключительных случаях, а при ходатайстве учреждений – возвращать уволенных на работу<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2а. Д. 29. Л. 6. Однако, например, Томский губком РКП(б) на закрытом заседании 12 декабря 1922 г. рассмотрел вопрос об увольнении из высших учебных заведений всех белых офицеров, состоявших на особом учете. Протокол № 22 сохранил краткое и лаконичное решение: «Признавая **принципиально необходимым** выполнение данного приказа, предложить провести в жизнь комячейке ВУЗ». См.: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 73. Л. 84. В начале 1923 г. во все губернии поступило для немедленного проведения в жизнь циркулярное распоряжение Управления милиции Республики оставить на службе в милиции только снятых с особого учета бывших офицеров и военчиновников либо имевших особые заслуги перед советской властью. Но это было возможно только после согласования «в каждом отдельном случае» с особыми отделами ГПУ и немедленного возбуждения ходатайства через Главное управление милиции и ОО ГПУ с «указанием, когда и какие именно заслуги были проявлены». Все остальные «бывшие», несмотря на наличие разрешений особых отделов ГПУ и возможно возбужденных ходатайствах об оставлении на службе, подлежали  
немедленному  
увольнению.



Несмотря на то, что официально была продекларирована оценка личных и деловых качеств, на практике возобладала оценка социального происхождения и прошлой деятельности. На местах это противоречие носило ярко выраженный характер, поэтому упоминание о военном прошлом чаще всего вызывало негативную реакцию. «Чистка» 1924 г. наглядно продемонстрировала это. Например, в Сибири проверке подверглись более 42 тыс. чел., 4,7 тыс. из которых были уволены (11,2% от числа проверенных). При этом из аппарата учреждений разного уровня было уволено 630 бывших белых офицеров, что составило 13,4% от общего числа уволенных. В целом по политическим мотивам («социально чуждые») было «вычищено» 37,8% служащих. Это не может не свидетельствовать о проведении целенаправленной кампании<sup>1</sup>.

И в ходе генеральной «чистки» советского аппарата в 1929–1931 гг. не остались в стороне бывшие офицеры. Из госаппарата края на 1 сентября 1930 г. были «вычищены» 212 офицеров белых армий (15% от общего числа). «Опередили» их только торговцы и домовладельцы – 25,5%, судившиеся за должностные преступления – 22,9% и кулаки – 15,8%. По числу вычищенных из краевого и окружного аппаратов офицеры составили уже 21,3%, «уступив» только торговцам и домовладельцам – 27,0%<sup>2</sup>. Хотя предполагалось, что «чистка» должна была привести к освобождению от профессионально несостоятельных и плохо работавших кадров, т.е. оцененных по деловым качествам. На практике вновь возобладал классовый подход на основе оценки прошлого жизненного пути и происхождения.

Но одновременно действовали причины и иного свойства. Разрушенное хозяйство нуждалось в квалифицированных кадрах, коих среди бывших офицеров было значительное число, так как основную массу офицерского корпуса составляли не кадровые военные, а офицеры военного времени, рекрутируемые из числа инженеров, техников, служащих, студентов вузов и т.п. После краткосрочных курсов они получали первое офицерское звание и направлялись на фронт для замены выбывавших в ходе боев кадровых офицеров. В годы Гражданской войны многие вновь были отобилизованы в войска белых армий, одни из них попали в плен и стали служить новой власти, другие перешли на сторону красных добровольно либо дезертировав от белых. По окончании Гражданской войны значительное их число смогло устроиться на работу в учреждениях советского аппарата (репрессиям начала 1920-х гг. в первую очередь подвергались офицеры, не служившие в Красной армии), тем более что нехватка специалистов заставила большевиков взглянуть на офицеров и военчиновников по-иному. Например, отдельные из них после прохождения фильтрационных мероприятий направлялись

<sup>1</sup> Маргиналы в социуме... С. 182.

<sup>2</sup> Там же. С. 191. По данным Ю.И. Голикова, со ссылкой на те же материалы ГАНУ (только на Л. 87, а не 88 Д. 311«б», как у авторов материала «Маргиналов...»), число «вычищенных» бывших белых офицеров составляло 1,5% от общего числа не прошедших «чистку». См.: *Голиков Ю.И.* Генеральная «чистка» советского аппарата Сибири в конце 20-х – начале 30-х гг. // *Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–30-е гг.)* : сб. науч. тр. Новосибирск, 1994. С. 196. Скорее всего, им допущена техническая ошибка. В числе «вычищенных» оказались 22,9% служивших в царской армии, 26,1% – в белых, 11,7% – в РККА, в том числе офицеров – соответственно 32,0; 29,6 и 11,7%. См.: Там же.

в распоряжение местных органов власти для последующего трудоустройства. Так, в связи с острой нехваткой квалифицированных кадров Сибревком 29 апреля 1920 г. направил в штаб Западно-Сибирского военного округа докладную записку с просьбой об откомандировании из лагерей военнопленных в распоряжение Сибирского земельного отдела специалистов сельского хозяйства. Штаб 5-й Армии передал в земорганы из числа бывших офицеров агрономов, инструкторов по сельскому хозяйству, лесоводов, землеустроителей, работников других специальностей<sup>1</sup>.

В июне 1921 г. Сибтруд рекомендовал губернским организациям края отбирать из числа стоявших на учете белых офицеров тех, кто по служебному и образовательному цензу мог быть привлечен к работе в органах областного уровня. В частности, предполагался учет лиц с образованием не ниже среднего, занимавших ранее ответственные посты, а также профессионалов со стажем не менее двух лет<sup>2</sup>.

Новые проблемы для бывших офицеров породил 1926 г., так как по Инструкции ВЦИК от 4 ноября 1926 г. они были включены в перечень лиц, подлежащих лишению прав. Эта инструкция потребовала от властей на местах лишать избирательных прав офицеров, уже многие годы работавших на благо страны в советском аппарате. Не облегчило их положения и объявление в 1927 г. по случаю 10-летней годовщины Октябрьской революции амнистии бывшим белым офицерам. Они были сняты с особого учета, но поставлены на учеты в военкоматах согласно возрасту, имевшемуся опыту и т.п. При этом **впервые** четко было определено,

<sup>1</sup> См.: *Осташко Т.Н.* Государственное регулирование профессиональной деятельности интеллигенции в период «военного коммунизма» // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири... С. 17. Л.И. Пыстина сообщает о направлении из Красноярска в Омск в марте 1920 г. в распоряжение Сибревкома эшелона военнопленных, прошедших фильтрацию. В нем было 110 чел., распределенных преимущественно в распоряжение земельных органов и отделов Сибсовнархоза. См.: *Пыстина Л.И.* «Буржуазные специалисты»... С. 17. Авторами использованы разные архивные источники, но, возможно, речь идет об одном и том же откомандировании бывших военнопленных.

<sup>2</sup> Маргиналы в социуме... С. 176. Что касается службы в армии, то колчаковских офицеров по рекомендациям ВЧК не назначали на командные должности до проведения специальной проверки. Их надлежало заключить в концлагеря, а после проверки назначать главным образом на административно-технические должности, назначение на командные должности было возможным только для тех, кто смог доказать свою преданность и лояльность советской власти. См.: *Ильинский М.М.* Нарком Ягода. М., 2005. С. 340. В мае 1921 г. во все воинские части Сибири по распоряжению члена РВСР Сибири Давыдова была направлена телеграмма Военкома Штареспублики Данилова о необходимости самого серьезного отношения к проведению мероприятий, связанных с увольнением из военного ведомства бывших белых, согласно приказу РВСР НР 1128/202ск. Предлагалось «**комиссарам** (в основу взята политическая, а не военная специальная составляющая. – В.У.) всех частей и учреждений... возбуждать ходатайства и давать благоприятные отзывы... об оставлении [на службе] лишь [в] самых исключительных случаях при установлении полной независимости и лояльности». В случае увольнения «бывших» при наличии у них заслуг перед «рабоче-крестьянской властью порядок и техника увольнения должны быть по возможности просты и не причинять увольняемому затруднений и ущерба». См.: ГАО. Ф. П-302. Оп. 1. Д. 78. Л. 16.

В 1923 г., со ссылкой на этот приказ РВСР, в Томский губком РКП(б) обратился губвоенком с ходатайством о выдаче двум бывшим офицерам «ввиду их полной лояльности по отношению к советской власти, их добросовестной, энергичной работы...» удостоверений, гарантирующих возможное поступление на службу в гражданские учреждения страны (См.: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 111. Л. 18–19). Решение по обращению неизвестно, имеется отметка, что губком партии обратился с запросом в губотдел ГПУ.

что при снятии с учета бывшего офицера, вне зависимости от причин, военкоматы либо работники райисполкомов обязаны незамедлительно сообщать об этом в соответствующий орган ОГПУ на местах в установленной форме<sup>1</sup>. Указания об информировании были даны военкоматами в местные органы исполнительной власти.

Кому и с какой целью нужна была такая амнистия? Невольно напрашивается вывод о планово проведенной государством перерегистрации участников «мероприятия» в интересах силовиков.

На местах проведение амнистии было расценено как автоматическое выведение бывших офицеров из круга «лишенцев», но ВЦИК разъяснил, что это не так и отклонил просьбу Сибкрайисполкома о предоставлении прав бывшим офицерам, не служившим в Красной армии, но являвшимся ценными специалистами. Руководство Сибкрайисполкома продолжало настаивать на своей просьбе, подключив к решению вопроса Сибкрайком ВКП(б). В ЦК партии на имя С.В. Косиора секретарь Сибкрайкома С.И. Сырцов направил телеграмму, в которой просил сделать исключение для 1 608 бывших белых офицеров и военных чиновников белых армий, не служивших в Красной армии, но работавших учителями, агрономами, врачами и другими специалистами в советском аппарате. Он также подчеркивал, что огульное лишение избирательных прав нарушает нормальную работу и жизнь края. Следствием проявления решительной позиции сибирских руководителей стало указание ЦК ВКП(б) и ВЦИК страны разрешить в отдельных случаях предоставлять избирательные права данной категории лиц при условии их лояльного отношения к советской власти, наличии пятилетнего трудового стажа и членства в профсоюзах<sup>2</sup>.

Нет ничего удивительного в позиции сибирского партийного и советского руководства. Дефицит квалифицированных кадров заставлял проявлять настойчивость и требовательность, так как на местах реально представляли последствия, которые могли вызвать увольнения тысяч специалистов. Замены им просто не было.

М.С. Саламатова обработала более двух тысяч дел и создала банк данных «лишенцев» г. Новосибирска и ряда районов области, обратившихся с жалобами и ходатайствами в избиркомы по вопросу восстановления в правах. Анализ собранных ею данных позволил сделать вывод, что по образовательному уровню бывшие белые офицеры составляли самую образованную группу среди «лишенцев». Высшее и неполное высшее образование имели 31% из них, среднее и среднее специальное – 56% и только 13% имели начальное образование; 98% бывших офицеров состояли в профсоюзах, 89% активно участвовали в общественной жизни, антирелигиозных кампаниях и кампаниях по ликвидации неграмотности, выступали с лекциями перед населением, организовывали кружки, секции, библиотеки и т.п. Наличие такого потенциала власть не могла игнорировать, поэтому абсолютному большинству из них избирательные права возвращались.

---

<sup>1</sup> Из истории земли томской. 1925–1929... С. 253–254.

<sup>2</sup> Маргиналы в социуме... С. 31–32.

При этом следует отметить, что во второй половине 1920-х гг. в Омске, Красноярске, Томске и Новосибирске доля бывших белых офицеров, лишенных избирательных прав, была выше, чем в других городах страны. В среднем по стране их удельный вес среди «лишенцев» не превышал 5%, тогда как в Новосибирске в 1927 г. – 24%, а в 1929 г. – 7%. Одной из причин, и с этим необходимо согласиться, М. Саламатова называет наличие большого числа осевших на жительство после Гражданской войны бывших офицеров, что и явилось местной особенностью<sup>1</sup>.

Не могу согласиться с ней только в том, что невозможно установить судьбы бывших офицеров в период массовых репрессий 1930-х гг. Считаю, что сделать это возможно, пусть и не сразу, с большой долей точности. Созданная автором этих строк база данных репрессированных по политическим мотивам жителей Томской области (более 21 тыс. чел.) позволяет отследить судьбы всех репрессированных, так как их социальное положение до революции является одним из реквизитов созданной базы. Проблема здесь в другом: названный банк данных продолжает оставаться в числе немногих официально созданных на основе полной обработки архивов управлений ФСБ. В Западной Сибири работа подобного характера проведена только в УФСБ по Кемеровской области и Республике Алтай, а также в Управлении архивного дела администрации Алтайского края<sup>2</sup>.

После некоторого «затишья» в середине 1920-х гг. органы ОГПУ вновь «вспомнили» об офицерах и других военнослужащих бывших белых армий, тем более что проведенная в ходе чисток «ревизия» позволяла это легко сделать.

Гнет и контроль со стороны советского государства по отношению к русско-му офицерству не ослабевали на протяжении 1920-х гг. Произошло убийство в Польше Полпреда СССР П.Л. Войкова, и последовала незамедлительная реакция партийно-советского руководства. Сталин шифртелеграммой в адрес В. Молотова дал указание об ужесточении карательной политики: «...всех видных монархистов, сидящих у нас в тюрьме или концлагере, надо немедленно объявить заложниками. Надо теперь же расстрелять пять или десять монархистов... Надо дать ОГПУ директиву о повальных обысках и арестах монархистов и всякого рода белогвардейцев по всему СССР с целью их полной ликвидации всеми мерами.

<sup>1</sup> Маргиналы в социуме... С. 63–64.

<sup>2</sup> В 2002 г. в г. Нижнем Тагиле состоялась международная конференция по вопросу создания электронного банка данных всех репрессированных граждан Советского Союза. Присутствовавшие участники из Казахстана, Украины и ряда других бывших республик СССР вносили свои предложения по категориям граждан, которые должны быть включены в этот банк, но опять-таки с учетом «специфики» своих стран, чаще всего имел место политический оттенок. Тем не менее при обсуждении структуры банка данных было принято однозначное решение о необходимости включения позиций о социальном происхождении и социальном положении жертв репрессий до революции. Предполагалось это делать в целях последующего анализа и облегчения поиска родственниками пострадавших сведений для получения компенсаций за изъятое или конфискованное имущество и т.п. К моменту проведения конференции работа по созданию подобных банков данных уже активно велась в ряде регионов страны, в том числе и при участии архивных учреждений, архивов органов госбезопасности и милиции.

Убийство Войкова дает основание для полного разгрома монархистских и белогвардейских ячеек во всех частях СССР всеми революционными мерами. Этого требует от нас задача укрепления своего собственного тыла»<sup>1</sup>.

Последнее предложение объясняет многое, если не все. Партийно-советское руководство испытывало серьезные опасения, что в стране есть силы – тысячи граждан, обиженных и униженных этим руководством, способных к организации и сопротивлению режиму. Разгром названных врагов предполагалось осуществить не на законных основаниях, не в рамках правовых отношений, а «всеми революционными мерами», т.е. по принципу «наличия» чрезвычайных обстоятельств и особых условий судопроизводства.

Уже на следующий день состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором было принято постановление по вопросу «О мероприятиях в связи с белогвардейскими выступлениями». Документ предполагал в числе прочих мероприятий проведение органами ОГПУ массовых обысков и арестов белогвардейцев, публикацию сообщения ОГПУ о расстреле двадцати (Сталин писал о пяти или десяти. – В.У.) видных белогвардейцев, «виновных в преступлениях против советской власти», и предоставлял ОГПУ право вынесения внесудебных приговоров вплоть до расстрела виновных в преступлениях белогвардейцев и т.д.<sup>2</sup>

Попытка промышленного рывка, предпринятая в СССР во второй половине 1920-х гг., изначально была сопряжена с преодолением многочисленных проблем. Строительство тысяч промышленных предприятий, в том числе очень крупных, требовало не только огромных материальных затрат на приобретение оборудования и развитие технического парка, но и наличия высококвалифицированных специалистов, которых как раз катастрофически и не хватало. Все это, с учетом воли и желания «вождей» всех уровней как можно быстрее запустить эти объекты в действие и добиться выполнения (и перевыполнения) намеченных планов, вело к многочисленным авариям, неполадкам, нарушениям технологической дисциплины и т.п. Главная же причина всех этих проблем крылась в так называемом «человеческом факторе»: не могли недавние безграмотные крестьяне, не имевшие опыта, навыков и знаний, успешно трудиться на станках, у доменных печей и прокатных станов, на линиях сборки и другом оборудовании, давая нужный результат. Для приобретения опыта подчас требовались годы труда, в данной ситуации совмещаемого с учебой, а не дни и месяцы.

Но и руководители предприятий, прекрасно понимая сложившуюся ситуацию, не могли, а чаще не хотели заявлять об этом громко во весь голос, ибо подобные заявления могли «бумерангом» вернуться к ним, но уже с обвинениями в плохой организации производственного процесса, неумении «организовать и поднять» людей, научить их работать и т.д. Следует учесть, что многие из этих «командиров производства» сами не имели достаточных знаний и ранее никогда не занимали

<sup>1</sup> Шифротелеграмма И.В. Сталина В.М. Молотову от 8 июня 1927 г. См.: Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. М., 2003. С. 133.

<sup>2</sup>

См.:

Там

же.

С.

133–134.

больших должностей, в частности на производстве. В такой ситуации удобнее всего было списывать все возникавшие трудности и промахи на вредительство и вылазки замаскировавшихся врагов. Несколько крупных политических процессов, организованных в стране над специалистами и инженерно-техническим персоналом, только «подтверждали» это.

Объективные трудности в своем развитии в те годы переживала и оборонная промышленность, но, как «показала жизнь», все проблемы крылись опять-таки во «вредительстве», что и было «доказано» органами ОГПУ в ходе следствия по делу о контрреволюционной вредительской организации, действовавшей в военной промышленности. По названному делу был арестован 91 чел., в том числе ряд руководящих работников во главе с бывшим генералом царской армии В.С. Михайловым. Политбюро ЦК ВКП(б) 21 октября 1929 г. согласилось с предложением ОГПУ о расстреле Михайлова и других участников организации и необходимостью опубликования информации о разоблачении вредительской организации в печати, которое и было опубликовано на следующий день. В нем сообщалось, что органами ОГПУ раскрыта и ликвидирована контрреволюционная вредительская и шпионская организация в военной промышленности СССР. В информации акцентировалось внимание на том, что организация в подавляющем большинстве состояла из бывших высших чинов царской армии. Пятеро «руководителей» были приговорены к ВМН – расстрелу, остальные участники организации – к различным срокам заключения в концлагерь<sup>1</sup>.

Опубликованное сообщение, как и подобные ему по другим делам и процессам, демонстрировало рядовому гражданину, что все в стране в порядке, но вот «бывшие» не могут смириться со своим поражением и всячески вредят советскому народу, строящему «светлое будущее». Конечно же, проблемы решены не были, но население страны было «убеждено», что органы не дремлют – «враги» разоблачены и понесли заслуженное наказание.

Вне всякого сомнения, зная сегодня о формах и методах следствия в те годы, можно предполагать, что список «врагов» не ограничился названным числом арестованных. В ходе следствия назывались фамилии родственников, знакомых, бывших сослуживцев, коллег, которые оставались сотрудниками ОГПУ «про запас» для будущих дел. Хотя арестованные называли их с одной целью – собственного оправдания и подтверждения своей невинности.

Начавшаяся в стране коллективизация, проводимая с применением насильственных методов, вела к многочисленным нарушениям законности. Все это на фоне инициированных самим же руководством страны разговоров о возможной интервенции против СССР, проведении ряда процессов по вредительству в народном хозяйстве обостряло социально-политическую ситуацию. В этих условиях осенью 1930 г. органами ОГПУ была начата реализация оперативной разработки «Весна» («Штаб повстанческих войск левобережья»), в ходе которой были

<sup>1</sup> Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД... С. 800–801; Мозохин О.Б. ВЧК–ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. М., 2004. С. 323–324.

арестованы около 3 500 командиров Красной армии, преимущественно из числа бывших офицеров и генералов. Также учитывалась их бывшая социальная и партийная принадлежность<sup>1</sup>.

Согласно материалам следствия ядро контрреволюционной организации находилось в Украине (Киев, Харьков), но аресты затронули и ряд регионов центральной части России. По мере увеличения числа арестов росло и число «соучастников», об этом, например, сообщал Сталину В.А. Балицкий<sup>2</sup> в телеграмме о «заговоре военных»: в ходе ликвидации Харьковского «филиала» были арестованы ряд лиц из числа командного состава инженерных войск, которые сознались в совершении преступлений контрреволюционного характера и «указывают на ряд военных и гражданских лиц»<sup>3</sup>. Связи от харьковчан тянулись и в Москву.

Операция «Весна» не вышла за пределы вышеназванных территорий, т.е. не была распространена по стране. Возможно по причине того, что инициатором дела можно считать ПП ОГПУ по УССР. Несмотря на проведенные многотысячные аресты «участников» организации, эта операция не была «озвучена» должным образом наряду с другими процессами тех лет. Она была рядовой даже для сотрудников органов госбезопасности – органы ОГПУ «вскрыли на Украине националистическую организацию «Украинский националистический центр», «Украинскую военную организацию» и ряд других»<sup>4</sup>. Так описана эта операция в учебном пособии для сотрудников органов госбезопасности СССР.

---

<sup>1</sup> Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД... С. 805; *Наумов Л.А.* Борьба в руководстве НКВД в 1936–1938 гг. («Опричный двор Иосифа Грозного»). М., 2006. С. 73; *Ильинский М.М.* Указ. соч. С. 420.

<sup>2</sup> Балицкий Всеволод Аполлонович, 1892 г.р., ур. г. Верхнеднепровска Екатеринославской губ., украинец (в анкете в 1922 г. указал «русский»). Член РСДРП(м) в 1913–1915 гг., в партии большевиков с 1915 г. Образование незаконченное высшее. В органах ВЧК с 1919 г., службу проходил на Украине, дослужившись до должности наркома внутренних дел УССР, в мае 1937 г. назначен начальником УНКВД по Дальневосточному краю. Комиссар госбезопасности 1-го ранга. Награжден тремя орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Трудового Красного Знамени УССР, двумя знаками «Почетный работник ВЧК–ГПУ», знаком «Почетный работник РКМ». Арестован в июле 1937 г. Расстрелян. Не реабилитирован.

<sup>3</sup> Телеграмма Полпреда ОГПУ СССР по УССР Балицкого Сталину от 15 февраля 1931 г. о «заговоре военных». См.: Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД... С. 262.

В ходе следствия по делу «Весна» от военспецов Н. Какурина и И. Троицкого были получены компрометирующие материалы на будущего маршала СССР М. Тухачевского. Сталин организовал очную ставку Тухачевского с ними, провел ряд встреч и бесед с представителями высшего командования Красной армии, по результатам которых оправдал Тухачевского. Но в 1937 г. он вспомнил об этом случае и «признал» правоту «доносчиков», что сыграло важную роль в судьбе опального маршала. См.: *Ильинский М.М.* Указ. соч. С. 456; *Зданович А.А.* Указ. соч. С. 387–390. Однако А. Бушков обвинил самого Тухачевского как организатора этой операции. См.: *Бушков А.* Россия, которой не было: загадки, версии, гипотезы. Москва; Санкт-Петербург; Красноярск, 1997. С. 548–549.

<sup>4</sup> История советских органов государственной безопасности... С. 238. И.Я. Трифонов отмечал, что в начале 1930 г. был организован процесс над контрреволюционной организацией «Союз освобождения Украины» во главе с академиком Ефремовым, профессором Гермайзе и др. В актив организации входили 46 офицеров царской армии, 22 деникинских офицера, 17 жандармов, 214 петлюровцев. См.: *Трифонов И.Я.* Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа (1921–1937). М., 1960. С. 162–163. Академик А.Н. Яковлев произвольно, без ссылок на какие-либо документальные источники, расширил границы проведения операции до Новосибирска, назвав при этом число «уничтоженных» по делу офицеров –

Операция «Весна», введенная в научный оборот украинским историком Я. Тинченко<sup>1</sup>, исследователями оценивается по-разному. Одни считают её прямой фальсификацией со стороны органов ОГПУ, другие занимают половинчатую позицию («что-то все-таки было»), выражая сомнения по целому ряду вопросов. Более объективной полагаю возможным считать позицию А. Здановича<sup>2</sup>, который в гл. 3 своей монографии бывшим офицерам как объекту оперативного воздействия органов ОГПУ посвятил отдельный параграф. Он отмечал, что анализ архивных документов, хранящихся в ФСБ России, показывает, что у чекистов были все основания для разработки отдельных бывших офицеров и контроля их поведения и деятельности, так как существовала реальная угроза, что они могли захватить командные высоты в армии и на флоте, организовать проведение мероприятий по развалу военного аппарата и подрыву боеготовности вооруженных сил страны.

У сотрудников ВЧК–ГПУ из опыта Гражданской войны была твердая уверенность, что «бывшие» в какой-то момент все-таки перейдут к активным действиям против советской власти. По этой причине бывшие офицеры рассматривались как потенциальные противники. Приказ ГПУ № 7 от 10 марта 1922 г. «О текущем моменте и задачах органов ГПУ по борьбе с контрреволюцией» отмечал выявление намерений эмигрантских кругов по сплочению и завоеванию военспецов в Красной армии для подрывной деятельности. В приказе отмечалось, что много опасений внушают штабы и флот, где главным образом сосредоточено кадровое офицерство. Но уже в сентябре 1922 г. издается еще один приказ по наблюдению за комсоставом. Пункт 26 Инструкции, утвержденной этим приказом, определял задачу Особых отделов не только в выявлении персональных преступников, но и в общем наблюдении за возникающими группировками лиц комсостава, могущими при случае причинить вред Красной армии.

В этих условиях контрразведывательным отделом ОГПУ в 1924 г. и было заведено дело «Военные круги», позднее переименованное в «Генштабисты». Дело было агентурно-наблюдательным и не предполагало каких-либо активных оперативных мероприятий. Главная задача была определена по сбору информации о «бывших», их отношении к происходящим в стране событиям, контролю за возможным формированием группировок из их числа и т.п.

---

«свыше десяти тысяч». См.: Яковлев А.Н. Сумерки. М., 2005. С. 204. Полагаю это прямой фальсификацией в угоду каких-то политических целей.

В 2015 г. невольное подтверждение своему предположению обнаружил в работе Ю. Мухина, который со ссылкой на доктора исторических наук А.Н. Колесника, разделяя его позицию, писал, что последний «утверждал, приводя конкретные примеры, что тот же [А.Н.] Яковлев, ближайший соратник М. Горбачёва по перестройке, совершенно осмысленно менял общественный строй СССР. Причем в кругу своих подчиненных, которым он верил, откровенно ставил задачу по фальсификации советской истории и даже не сильно скрывал, что эта фальсификация (выделено мною. – В.У.) проводится именно для обеспечения смены строя». См.: Мухин Ю.И. Если бы Сталина не убили... Вождь в России должен жить долго! М., 2011. С. 54. К Ю. Мухину и его работам можно относиться по-разному, но в данном случае наши позиции совпадают.

<sup>1</sup> См.: Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства. 1930–1931 годы. М., 2000.

<sup>2</sup>

См.:

Зданович

А.А.

Указ.

соч.



О проведении какой-либо специальной операции против бывших офицеров речь не велась<sup>1</sup>.

Следует отметить, что с 1922 г. Особые отделы были обязаны в воинских частях и подразделениях в соответствии с приказом ВЧК № 85 от 23 февраля 1922 г. (Инструкция по госинформированию) уделять особое внимание освещению настроений всех групп населения и факторов, влияющих на изменения этих настроений, в частности по мероприятиям советской власти. А согласно Инструкции ОГПУ от марта 1924 г. при определении политико-морального состояния подразделений требовалось конкретное освещение вопросов наличия членов антисоветских партий, бывших белых и т.п., их деятельности и влияния на массы. Что касается группирований бывшего и белого офицерства, то необходимо было освещать формы их и сущность деятельности, национальные шовинистические устремления, развитие национальной самостийности и некоторые другие аспекты. В 1925 г. органы военной контр-разведки получили конкретные указания о разработке отдельных категорий командного состава, к каковым были отнесены:

- а) классово чуждый элемент, т.е. бывшие дворяне, помещики, фабриканты, купцы, люди свободных профессий, служители культа и т.п.;
- б) бывшие кадровые офицеры царской армии;
- в) бывшие белые офицеры и военные чиновники, служившие в Белой армии или проживавшие на территории, занятой белыми;
- г) военнслужащие иностранного происхождения, в частности из Румынии, Польши, Эстонии, Латвии и других государств;
- д) бывшие члены антисоветских партий и группировок (эсеры, меньшевики, укаписты, сионисты, анархисты и т.п.);
- е) лица, имевшие судимость;
- ж) скомпрометировавшие себя в контрреволюционном шпионаже, должностных преступлениях, участии в группировках, систематическом пьянстве и т.п. поведении, разлагающем армию<sup>2</sup>.

Особенность работы Особых отделов в данном направлении заключалась в том, что перед ними была поставлена задача не **выявления** лиц по данному перечню, а именно **разработка**, что предполагало целый комплекс оперативных мероприятий, в том числе с привлечением оперативных источников. Разработка же одной из первых задач требовала установления круга лиц, с которыми объект интереса общался. При этом автоматически расширялся список лиц – связей объекта, в данном случае из числа командиров и сослуживцев. А это, в свою очередь, грозило уже им неприятностями в обозримом будущем по причине поддержания связи или контактов с лицом (лицами), скомпрометировавшим себя, т.е. они попадали в круг потенциальных врагов.

В 1926 г. от оперативных источников стала поступать информация, что многие бывшие офицеры в условиях обострения международной обстановки доста-

<sup>1</sup> См.: Зданович А.А. Указ. соч. С. 376–380.

<sup>2</sup> Там же. С. 273–275; Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД... С. 805.

точно четко определяют свою позицию по отношению к советской власти. Они полагали, что в случае развязывания войны крах советской власти неизбежен, иным вариантом, по их мнению, было начало новой гражданской войны. Следует отметить, что на 109 фигурантов дела «Генштабисты» приходилось более 30 секретных сотрудников ОГПУ, преимущественно из числа таких же, как они, «бывших».

Возможно, именно по этой причине руководство страны в 1929–1930 гг. организовало «чистку» командного состава Красной армии. Её задачи и процедуры были определены в середине 1928 г. в директиве РВС СССР № 065652/СС. Изъятию из армии подлежали социально чуждые и классово враждебные элементы. Уже в январе 1929 г. из армии были уволены 4 029 чел. В ходе основного этапа чистки в 1930 г. только за первые шесть месяцев были уволены 5 703 чел. Общее число уволенных, преимущественно из числа «бывших», составило 16 695 военнослужащих. Органами ОГПУ вскрыты и ликвидированы 594 контрреволюционные организации и группировки, подвергнуты аресту 2 603 чел. Об истинном характере и деятельности упомянутых выше организаций и группировок остается лишь высказывать предположения, так как только конкретный разбор дел по каждой из них может внести окончательную ясность. К концу 1933 г. число «изъятых» из армии составило 36 938 чел.<sup>1</sup>

К началу 1930 г. органы ОГПУ располагали обширной информацией о возможности развязывания польско-советской войны, к чему Польшу активно подталкивала Англия, выделяя значительные средства. Кроме того, была получена информация о возможной подготовке восстания на Украине. Так, участникам созданной чекистами мнимой антисоветской организации польская сторона передала полтора пуда пироксилина и партию револьверов. В это же время со складов одного из стрелковых полков было похищено 327 винтовок и 3 пулемета; это не могло не настораживать власть и органы ОГПУ. В этих условиях и была начата активная агентурная разработка «Весна».

Активизации работы способствовал и приказ ОГПУ № 251/119 от 9 августа 1930 г., в котором указывалось, что «за последнее время контрреволюционный элемент всех направлений и оттенков уделяет все больше внимания вопросам контрреволюционной работы в Красной армии. Особо необходимо отметить работу ряда кулацких белогвардейских и бандитско-повстанческих... организаций».

---

<sup>1</sup> *Зданович А.А.* Указ. соч. С. 313; *Воронцов С.А.* Правоохранительные органы и спецслужбы Российской Федерации. История и современность. Ростов н/Д, 1999. С. 184. К.М. Александров, со ссылкой на архивы РГВА, ЦА ФСБ, ЦА МО РФ, приводит данные, что особые отделы постоянно фиксировали рост «отрицательных настроений» в армейской среде. При этом если в 1932 г. их число составило 313 762, то в 1933 г. – уже 346 741, из них с угрозами повстанческого характера – 4 148. В проведении антисоветских разговоров были замечены 230 080 красноармейцев и краснофлотцев, 48 706 младших командиров и 55 777 командиров и начальников среднего звена. В 1932 г. ряды РККА и флота по «инициативе» органов ОГПУ покинули 3 889 представителей «социально чуждого элемента». В 1933 г. число уволенных достигло 22 308 чел., в том числе 2 486 представителей комначполитсостава. См.: *Александров К.М.* Народ, режим и армия. «Великий перелом» 1930–1933 годов / [www.jabloko.ru/mnenija\\_i\\_publicatsii/2009/05/15](http://www.jabloko.ru/mnenija_i_publicatsii/2009/05/15) (дата обращения: 30.06.2015 г.).

Председатель ОГПУ В. Менжинский проинформировал по существу полученных материалов Сталина: посчитал «необходимым представить Вам сообщение о ... организации, открытой Украинским ГПУ, представляющей **выдающийся интерес** (выделено мною. – В.У.)». После такого доклада путей отступления у руководства ОГПУ уже не было, и 6 ноября 1930 г. было дано указание о ликвидации всех разрабатываемых по делу путем арестов. Все полпредства ОГПУ получили указание о развертывании самой активной и углубленной агентурной и следственной проработки связей фигурантов дела.

Все это привело к тому, что уже с февраля 1931 г. «Весна» представлялась как «Всесоюзная военно-офицерская контрреволюционная организация»<sup>1</sup>. Следствие по делу продолжалось до 1934 г. Не все сотрудники ОГПУ верили в его объективность, признавая аресты необоснованными. Более того, в ходе инспекционной проверки на Украине сотрудниками ОГПУ было установлено, что отдельные объекты дела действительно настроены негативно по отношению к советской власти, высказывали различного рода критические замечания об отдельных решениях партии и правительства, но организационно связаны не были. В ходе развернувшейся борьбы группировок в органах ОГПУ многие сотрудники (по инициативе Сталина) были смещены со своих постов. Так, начальник Особого отдела ОГПУ Я.К. Ольский как лицо, усомнившееся в необходимости проведения жесткой репрессивной политики, в первую очередь в отношении «бывших» офицеров, в июле 1931 г. был освобожден от занимаемой должности и назначен председателем объединения Нарпита г. Москвы. В мае 1937 г. был арестован, вины своей не признал, и в ноябре 1937 г. расстрелян<sup>2</sup>. Были также отстранены от должностей начальник СОУ ОГПУ Е. Евдокимов, зам. председателя ОГПУ С. Мессинг, полпред ОГПУ по Московской области Л. Вельский, на периферию направлены почти все начальники отделений Особого отдела.

Решение о смещении с занимаемых должностей было принято на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 25 июля 1931 г. по инициативе Сталина. Уже 10 августа на места – секретарям ЦК, крайкомов и областных комитетов ВКП(б) – было направлено циркулярное письмо Политбюро, в котором отмечалось, что эти сотрудники проводили групповую борьбу против руководства ОГПУ, распространяли не соответствующие действительности слухи о том, что дело о вредительстве в военном ведомстве является «дутым».

Этим решением Сталин и его окружение сделали выбор в пользу Г. Ягоды и его сторонников как наиболее управляемых и послушных «воле партии». Фальсификации уголовных дел и будущим репрессиям был дан «зеленый свет». В ходе перестановок начальником Особого отдела ОГПУ вместо Я. Ольского был назначен главный вдохновитель операции «Весна»

<sup>1</sup> Зданович А.А. Указ. соч. С. 137, 390.

<sup>2</sup> Ильинский М.М. Указ. соч. С. 805–806.

И. Леплевский<sup>1</sup>, а глава ОГПУ Украины В. Балицкий был утвержден заместителем начальника ОГПУ.

Многие из арестованных по делу «Весна» были осуждены Коллегией ОГПУ и «тройкой» ГПУ УССР к исправительно-трудовым работам на срок от 3 до 10 лет либо к ссылке. Но уже в конце 1931 г. и в течение нескольких последующих лет большинство из них были освобождены из заключения и даже возвращены на службу в РККА. Однако часть офицеров и генералов были расстреляны (например, 31 чел. из числа бывших военнослужащих белых и националистических армий, арестованных в Москве в 1930–1931 гг.)<sup>2</sup>.

При такой позиции государства офицеры, где бы они ни проживали, постоянно подвергались угрозе ареста. Так, 31 марта 1930 г. помощником уполномоченного контрразведывательного отдела Томского окротодела ОГПУ Воронковым было подготовлено обвинительное заключение на группу бывших белых офицеров (всего 18 чел.) – участников контрреволюционной офицерской организации в Томске<sup>3</sup>. С обвинительным заключением согласились начальник КРО Б.Д. Грушецкий и ВРИД окружного прокурора И.Р. Стариков, а утвердил его начальник окружного отдела ОГПУ И.А. Мальцев<sup>4</sup>.

Из этого документа следовало, что еще с 1925 г. в Томске стали организационно оформляться в контрреволюционную организацию бывшие офицеры белых армий, работавшие в различных учреждениях города. Участники организации регулярно встречались на квартирах друг у друга, вели антисоветские разговоры и вынашивали планы свержения советской власти. Позднее в организацию были вовлечены несколько бывших офицеров из числа жителей г. Мариинска. Все члены организации вели активную антисоветскую агитацию среди населения, особенно в крестьянской среде. В ходе следствия виновным себя признал только один, но лишь в том, что, зная о действиях своего родственника, никуда не сообщал. Наличие организации следствием доказано не было, хотя в заключительной части обвинения речь об этом шла как о факте установленном. Таким образом, участники ор-

---

<sup>1</sup> Леплевский Израиль Моисеевич, 1896 г.р., ур. г. Брест-Литовска, из семьи резчика на табачной фабрике, еврей, член БУНДА в 1910–1914 гг., в партии большевиков с 1917 г., образование: самообразование. В органах ВЧК–НКВД с 1918 г., службу проходил в Екатеринославской и Подольской губЧК (отделе), в Одесском окротоделе, в ГПУ–ОГПУ Украины, зам., начальник ОО ОГПУ, полпред ОГПУ, начальник УНКВД по Саратовскому краю, нарком НКВД Белоруссии, начальник ОО ГУГБ НКВД СССР, нарком НКВД Украины, служба в центральном аппарате НКВД СССР. Комиссар госбезопасности 2-го ранга. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени (дважды), Красной Звезды, медалью «XX лет РККА», двумя знаками «Почетный работник ВЧК–ГПУ». Арестован в 1938 г. Расстрелян. Не реабилитирован.

<sup>2</sup> *Зданович А.А.* Указ. соч. С. 213–214, 397.

<sup>3</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3843. С. 78–85.

<sup>4</sup> Мальцев Иван Александрович, 1898 г.р., ур. завода Билимбай Екатеринбургской губ. Член РСДРП(б) с октября 1917 г. С 1920 г. – в органах ВЧК, комиссар отдельного батальона, охранявшего границу с Монголией и ДВР. С осени 1921 г. в ЧК–ОГПУ городов Шадринска и Нижнего Тагила, с 1925 г. – начальник Челябинского, а с 1928 – Пермского, с 19 января 1929 г. – начальник Томского окротоделов ОГПУ. С 1930 г. вновь на Урале. В 1934 г. – помощник полпреда ОГПУ Куйбышевского края. С апреля 1935 г. – зам. начальника УНКВД Киргизии. В 1936 г. – начальник УНКВД Адыгейской АО. В 1937 г. – помощник, зам. начальника УНКВД Запсибкрая, с мая 1938 – начальник УНКВД по Новосибирской области. В январе 1939 г. арестован за нарушение социалистической законности и в мае 1940 г. осужден на 8 лет лагерей. В сентябре 1940 г. умер в тюрьме.

ганизации обвинялись по ст. 58-10-11 УК РСФСР («антисоветская агитация и пропаганда» и «организационная деятельность»).

В соответствии с приказом ОГПУ № 172 – 1924 г. дело предлагалось направить в Особую тройку при ПП ОГПУ по Сибкраю для внимательного рассмотрения и вынесения приговора, согласовав предварительно с томским окрпрокурором. Как мы уже отметили выше, согласование прокурора было получено.

Однако в КРО ПП ОГПУ по Сибкраю согласились с этими выводами только частично: постановлением от 7 мая 1930 г. были привлечены к уголовной ответственности лишь семеро «участников» организации – П.И. и А.С. Баховы, Ф.В. Долгоруков, П.Н. Долингер, С.М. Сапожников, А.П. Абрамов-Шабалин и Ф.В. Макаров-Тонский (все получили сроки наказания 5–10 лет концлагерей). Еще по 11 членам организации было предложено Томскому окротделу ОГПУ провести следствие<sup>1</sup>. Видимо, которое проведено не было, так как все они были освобождены, но в 1933 г. семеро из них были вновь арестованы по делу «Белогвардейского заговора»<sup>2</sup>.

Анализ материалов однозначно может свидетельствовать, что названная организация – плод воображения сотрудников Томского окротдела ОГПУ, имевших среди бывших офицеров собственную агентуру, на материалах которой дело и было сфабриковано<sup>3</sup>. Действительно, офицеры собирались, вспоминали, обсуждали, о чем-то мечтали, но практических шагов по созданию контрреволюционной организации не предпринимали. Подобные сборы были делом естественным – ведь они были людьми одного воинского братства, представителями одной профессии, одной социальной группы. А вспоминали и обсуждали они то, что им было близким и дорогим, что у них было отнято революцией и большевиками, что кардинальным образом изменило всю их жизнь. Так, Ф.В. Долгоруков неоднократно говорил при встречах, что «раньше они жили лучше», а братья Зильбербарты жаловались: «Нас разорили, ничего у нас нет, раньше жилось лучше и скоро ли настанет конец всем этим мучениям»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3843. С. 85–87.

<sup>2</sup> В январе 1933 г. ПП ОГПУ по Запсибкраю была «раскрыта» контрреволюционная белогвардейская организация, готовившая вооруженное восстание с целью свержения советской власти. Следствием было «установлено» наличие 238 ячеек этой организации с числом участников 2 114 чел. в 194 населенных пунктах 44 районов края. Социальную базу «Белогвардейского заговора» составляли почти 10 тыс. бывших белых офицеров, проживавших в Сибири. Репрессиям были подвергнуты 1 759 чел. В ходе пересмотра материалов дела установлено, что большинство участников организации осуждены необоснованно, материалы были фальсифицированы. См.: *Боль людская...* 2-изд. Т. 2. С. 649–652.

<sup>3</sup> В марте–апреле 1930 г. сотрудниками Томского оперсектора ОГПУ были привлечены к уголовной ответственности по ст. 58-10-11 УК РСФСР 203 участника контрреволюционной повстанческой организации, якобы существовавшей на территории бывших Зачулымского, Ново-Кусковского и Зырянского районов (территория нынешней Томской области). К высшей мере наказания приговорены 186 участников так называемого «Зачулымского дела» (агентурное дело «Русь»), расстреляны в июне 1930 г. Материалы дела были сфальсифицированы сотрудниками Томского оперсектора ОГПУ. За фальсификацию материалов был приговорен к высшей мере наказания начальник КРО Томского окротдела Б.Д. Грушецкий, подписавший обвинительное заключение и по офицерской организации. Возможно, что по этой причине и не было организовано следования по материалам дела «контрреволюционной организации бывших белых офицеров» (см.: *Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было...* С. 38, 59).

<sup>4</sup> Из обвинительного заключения по делу томской офицерской организации. См.: Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3843. Л. 79.

Определенное подтверждение фальсификации материалов дела можно обнаружить в показаниях ряда членов томского филиала «Белогвардейского заговора». Например, Ф.В. Долгоруков на одном из допросов показал: «В 1930 г. часть контрреволюционной организации [в Томске] в числе 7 человек была разгромлена и осуждена на различные сроки наказания концлагерей... Несмотря на заключение в концлагерь на различные сроки (перечисление 7 фамилий. – В.У.), мы считали, что в основном к-р организация не раскрыта, людской её состав в большинстве остался на свободе...»<sup>1</sup>.

Другой участник «заговора» – Ф.В. Макаров-Тонский<sup>2</sup> – в своем обращении к Прокурору СССР писал, что впервые был арестован по делу группы бывших белых офицеров в 1930 г., назвав несколько раз провокатором М.Н. Пепеляева<sup>3</sup>. Так, в обвинительном заключении по делу Томского филиала «заговора» приведена выдержка из показаний М. Пепеляева: «После произведенных частично арестов **приблизительно в декабре 1929 г.** (выделено мною. – В.У.) [далее идет перечисление 10 фамилий «и др.»] я вместе с другими высказывал опасение о раскрытии нашей к-р организации... По ходу следствия оказалось, что... организация не раскрыта, следственные органы располагают лишь данными о к-р агитации отдельных членов организации, ставших известными в результате неосторожного поведения некоторых лиц из состава нашей организации.

Таким образом, повода даже после вынесения приговора ОГПУ по делу арестованных членов нашей организации к прекращению контрреволюционной деятельности я не видел...»<sup>4</sup>.

На мой взгляд, в этих показаниях много странного. Во-первых, было арестовано 18 чел., а Долгоруков ведет речь о семи членах организации («в числе 7 человек была разгромлена»), но это было осуждено 7 чел., причем уже позднее. Во-вторых, забыть арест сложно, это сильное морально-психологическое потрясение, а Пепеляев «забыл». В-третьих, сколько же человек было арестовано, ведь многие из участников организации вообще не были привлечены к ответственности. В-четвертых, подпольная организация из профессионалов, часть членов которой уже арестовывалась ранее (например, П.Н. Долингер), – и вдруг «неосторожное поведение». В-пятых, все члены организации такие смелые, что даже арест целой группы «соучастников» никого не испугал и они продолжили свою подрывную деятельность.

Сложно во все это поверить. Можно найти еще несколько аргументов, но необходимости в этом нет. Судя по показаниям М. Пепеляева, можно предположить, что он действительно мог быть секретным сотрудником ОГПУ (в деле «Бе-

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3441. Л. 5.

<sup>2</sup> Макаров-Тонский Федор Васильевич, 1901 г.р., ур. г. Барнаула, проживал в г. Томске, инструктор физкультуры в трудколони. Арестован в 1933 г. Осужден на 5 лет концлагерей. Реабилитирован 17 ноября 1959 г. См.: Боль людская... 2-е изд. Т. 2. С. 311.

<sup>3</sup> Пепеляев Михаил Николаевич, 1892 г.р., ур. и житель г. Томска, русский, из дворян, бывший штаб-ротмистр колчаковской армии, художник Дома Красной армии. Арестован в 1930 г. Осужден к ВМН – расстрелу с последующей заменой на 10 лет концлагерей. Реабилитирован 23 июня 1959 г. См.: Там же. С. 516–517.

<sup>4</sup> См.: Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3441. Л. 5–6.

логвардейский заговор» их окажется много больше. – В. У.) и это с его «подачи» либо при его участии сотрудники ОГПУ создали, а затем ликвидировали офицерскую организацию.

С другой стороны, в 1933 г. в Западной Сибири была вскрыта контрреволюционная организация, получившая название «Белогвардейский заговор», насчитывавшая в своих рядах несколько сот бывших белых офицеров. И в этой организации одним из главных «героев» вновь оказался М.Н. Пепеляев.

Невольно возникает вопрос: если следствие по делу «Весна» длилось до 1934 г., то не является ли дело «Белогвардейский заговор» одним из звеньев цепи, умышленным или неумышленным продолжением названной операции? Впервые об этом деле я рассказал в 1991 г. в одной из документальных вставок при составлении именного списка репрессированных жителей Томской области «Большая людская». Более подробно это дело было описано в монографии «Репрессии. Как это было...» (Томск, 1995). И вот очередное обращение к этому делу. В процессе работы с материалами дела возникла мысль, что «родилось» оно без каких-либо указаний из Москвы, по личной инициативе местного чекистского руководства, которому, возможно, хотелось отчитаться «серьезными» достижениями и успехами в борьбе с контрреволюцией. С учетом того, что во многих регионах страны вскрывались и ликвидировались многочисленные контрреволюционные и вредительские организации, Западная Сибирь, где проживало большое число потенциальных врагов, ничем не могла выделиться. По этой причине и были предприняты практические шаги по организации «крупных» дел (например, о вредительстве в сельхозорганах края). Другим массовым делом стало дело против всякого рода «бывших», в первую очередь офицеров, тысячи которых осели на жительство в регионе после освобождения Сибири от колчаковщины. Учитывая наличие отлаженной системы оперативных учетов, когда любое передвижение бывших офицеров (переход на новое место работы, переезд в другой населенный пункт, просто изменение места жительства и т.п.) строго фиксировалось для последующего информирования органов ВЧК–ОГПУ–НКВД, найти их было нетрудно. Следует учитывать, что бывшие офицеры часто поддерживали отношения между собой. Любые неформальные контакты постоянно отслеживались чекистскими органами, к чему их обязывали многочисленные инструкции и приказы. Деятельность этих «кружков по интересам» контролировалась многочисленной агентурой, завербованной из их же рядов.

Вне всякого сомнения, изменение социального статуса бывших офицеров, утрата привилегированного положения в обществе, перенесенные унижения в первые годы советской власти, подконтрольность в обществе, ограничения и сложное материальное положение были поводом для разговоров и дискуссий о ситуации в стране, сетований на незавидную участь, обвинений в адрес большевиков и советской власти. Все это с учетом наличия возможных прожектов – «а вот если бы» – могло однозначно рассматриваться компетентными органами как антисоветская агитация и организационная деятельность, направленная на свержение советской власти и реставрацию старых порядков. Несколько умело и тен-

денциозно подобранных оперативных сводок, «аналитических» справок, протоколов допросов (значения не имело, по каким делам, ведь учитывалось все) позволяли легко «создать» организацию с контрреволюционными целями и планами.

Такой организацией и стал «Белогвардейский заговор», который стараниями сотрудников ПП ОГПУ по ЗСК разросся в «спрута» с многочисленными филиалами, боевыми и отраслевыми ячейками, разбросанными по всей территории Западной Сибири, с выходами на Урал, Дальний Восток и в Восточно-Сибирский край. С раскрытием такого контрреволюционного «монстра» можно было рассчитывать на доброе отношение центрального руководства, награды и повышения по службе.

Зарождение организации, как показали материалы следствия, относилось к 1926 г. В своем развитии организация, по мнению основных фигурантов дела, прошла три этапа. Первый этап относился к 1926–1928 гг., когда еще были надежды на перерождение советской системы (сказывался нэп), шла консолидация сил. Второй этап – 1928–1929 гг. – характеризовался окончательным сплочением и организационным оформлением организации, конкретной вредительской деятельностью в разных областях народного хозяйства. С 1931 г. – начало третьего этапа – ведется конкретная работа по подготовке вооруженного восстания с целью свержения советской власти. Восстание планировалось приурочить к началу интервенции Японии против СССР<sup>1</sup>. С конца 1920-х гг. в стране активно муссировалась информация о возможной войне Советского Союза с какими-либо внешними врагами, о чем, в частности, писали все советские газеты, в том числе местные, которые были обязаны перепечатывать на своих страницах официальные материалы из центральных изданий.

Следуя логике следственных материалов, деятельность организации возглавлялась краевым руководящим центром из Новосибирска. Политическим руководителем и идейным вдохновителем был объявлен бывший верховный главнокомандующий войсками Уфимской директории генерал-лейтенант В.Г. Болдырев<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Из показаний Краснова, Шаврова, Болдырева, лично допрошенного полпредом ОГПУ по ЗСК Алексеевым Митропольского и др. См.: Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3521. Т. 17. Л. 193–199.

<sup>2</sup> Болдырев Василий Георгиевич, 1875 г.р., ур. г. Сызрани Симбирской губ., из крестьян. В 1903 г. окончил Академию Генерального штаба, участник русско-японской войны. В 1911–1914 гг. преподавал в Академии, профессор. С началом Первой мировой войны – начальник штаба дивизии, командующий 5-й Армией на Западном фронте. В 1917 г. арестован и предан суду ревтрибунала за несогласие с действиями большевистского командования по установлению перемирия и подготовке Брестского мира. Приговор – три года тюрьмы, но по медицинскому освидетельствованию освобожден в марте 1918 г. После освобождения уехал в Западную Сибирь, примкнул к группировкам, образовавшим Уфимскую директорию, исполняя полтора месяца обязанности командующего ее войсками. После свержения директории Колчаком был выслан в Японию, где находился до января 1920 г. По возвращении в Россию участвовал в работе действовавших во Владивостоке правительств.

В ноябре 1922 г. В.Г. Болдырев был арестован Приморским отделом ГПУ и направлен в Новониколаевск для завершения следствия и суда. Но «грехов» Болдырева для его осуждения оказалось недостаточно, и в июне 1923 г. дело было прекращено. Несмотря на то, что он не был осужден, было принято решение об его освобождении и амнистировании, что и было сделано; в августе 1923 г. освобожден, а в 1926 г. полностью амнистирован. До ареста в 1933 г. Болдырев проживал в Новосибирске, работал научным консультантом в краевых органах,



В состав центра вошли проживавшие в Новосибирске Х.Е. Бутенко – бывший полковник, на момент ареста коммерческий директор «Лесоснабсбыта», Н.П. Шавров – бывший бригадный врач, профессор и зав. кафедрой Института потребительской кооперации и одновременно директор Химико-фармацевтического института, Г.А. Краснов – бывший товарищ министра финансов правительства Колчака и управляющий ведомством Госконтроля при этом правительстве, зав. сектором крайплана, Г.И. Черемных – бывший видный земский работник, преподаватель и сотрудник редакции «Сибирской советской энциклопедии», И.А. Лаксберг – бывший капитан колчаковской армии, ученый-лесовод организации «Сиблесхим»<sup>1</sup>.

Основными руководителями повстанческой и диверсионной деятельности являлись 14 бывших, преимущественно старших, офицеров и бывший министр туземных дел Сибирского областного правительства М.Б. Шатилов<sup>2</sup>, на момент ареста работавший директором краеведческого музея в Томске<sup>3</sup>.

Организация объединяла десять других «контрреволюционных» групп Алтая, Новосибирска, Томска, Омска и других городов и населенных пунктов Западной и части Восточной Сибири. Влияние организации было распространено на 194 населенных пункта в 44 районах края. Следствие установило 238 боевых ячеек и 2 114 участников (по материалам дела прошли 2 096 чел.) (схема)<sup>4</sup>. Обвинительное заключение по делу насчитывало 228 страниц текста и было предъявлено 225 лицам, преимущественно руководящему составу организации разного уровня. Учитывая размах «вражеской» подрывной работы, следствие по делу вели десятки следователей, но подписали его только зам. начальника Особого отдела

---

занимался научными исследованиями, сотрудничал с редакцией «Сибирской советской энциклопедии», писал статьи и книги. Расстрелян. Реабилитирован посмертно. См.: *Панков С.А.* «Белогвардейский заговор» в Западно-Сибирском крае в начале 1930-х годов («Дело генерала Болдырева») // Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 1. С. 379–383.

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3521. Т. 17. Л. 190–191; *Панков С.А.* «Белогвардейский заговор»... С. 383.

<sup>2</sup> Шатилов Михаил Бонифатьевич (Банифатьевич), 1882 г.р., ур. с. Смоленское Бийского округа Алтайской губ., проживал в г. Томске по пер. Нечевскому, 22-2, директор Томского краеведческого музея. При царизме неоднократно подвергался арестам. После Февральской революции вступил в партию эсеров, начал заниматься политической деятельностью. В архиве Дальнего Востока имеется запись, что в августе 1917 г. он был председателем Томского губисполкома. После падения советской власти в Сибири в июне 1918 г. вошел в состав Временного Сибирского правительства в качестве министра туземных дел. Был арестован и подал в отставку. После восстановления советской власти от политической деятельности отошел и начал работать в Томском университете. Неоднократно арестовывался органами ВЧК–ОГПУ (1920, 1921, 1931 гг.). Последний раз был арестован в 1933 г. Осужден на 10 лет ИТЛ. Отбывал наказание в Соловецкой тюрьме. 25 ноября «тройкой» УНКВД по Ленинградской области осужден к ВМН. Расстрелян 8 декабря 1937 г. Реабилитирован в июле 1955 г. См.: Ленинградский мартиролог. Книга Памяти жертв политических репрессий. 1937–1938: в 5 т. Т. 4: 1937. СПб., 1999. С. 528–529. Если судить по обвинительному заключению, то он был одним из основных организаторов «Белогвардейского заговора», но его фамилия упоминалась всего дважды – как руководителя краевой организации и члена Томской группы. См.: *Славин В.* Томск сокровенный. Томск, 1991. С. 61–69.

<sup>3</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3521. Т. 17. Л. 191–192; *Уйманов В.Н.* Репрессии. Как это было... С. 174.

<sup>4</sup> Составлена автором по результатам изучения материалов архивно-следственных дел П-3441, П-3541. Некоторое несовпадение данных с заявленными по тексту, например в обвинительном заключении, следует отнести на счет следователей, ведших дела.

ПП ОГПУ по ЗСК Роллер и начальник Секретно-политического отдела ПП ОГПУ Ильин.

Ниже их подписи даны две справки, заверенные начальником 4-го отделения СПО Ягодкиным и тем же Ильиным: «По данному делу арестовано 1 759 человек. Представляется на рассмотрение Коллегии 225 активных участников краевой к-р белогвардейской повстанческой организации.

Осуждено уже Коллегией ОГПУ и тройкой ПП ОГПУ по ЗСК<sup>1</sup> 1 057 чел., из них: к ВМН – 219, к 10 годам лагеря – 92 (правильно 295. – В.У.), к 5 годам – 250, к 3 годам – 72, минус двенадцать – 92, условно – 64, ссылка – 14, прочие (освобождение) – 51.

Дела на остальных арестованных в числе 477 чел. по данному делу рассматриваются тройкой ПП ОГПУ по ЗСК».

И вторая: «Материалы в отношении лиц, упоминаемых в обвинительном заключении и не привлеченных по данному делу, выделены в особое производство»<sup>2</sup>.

Авторы обвинительного заключения утверждали, что существовала единая организация, в рамках которой действовали несколько линий: белогвардейская, антисоветски настроенная интеллигенция (бывшие офицеры, чиновники и участники антибольшевистского движения), партизанская (бывшие красные партизаны, недовольные политикой коллективизации и раскулачивания) и церковно-монархическая (священнослужители). Такое построение было характерным только для Алтайского «филиала» организации, но о каком-либо контакте и взаимодействии между этими линиями говорить не приходится, его не было. Более того, офицерское крыло боялось прямых контактов с бывшими партизанами и действовало через посредников. Все остальные «филиалы» имели свои особенности. Так, Новосибирская группа делала упор на бывших офицеров, преимущественно проживавших непосредственно в городе. Омский филиал объединял 59 контрреволюционных ячеек в 26 населенных пунктах ряда районов округа и Омска, число участников 411<sup>3</sup>. Непосредственно в г. Омске было 30 ячеек численностью около (по другим данным – более) 100 чел. преимущественно из числа бывших офицеров. Остальные ячейки находились в Черлакском, Любинском (более 150 участников), Тевризском и Ново-Колосовском (до 100 чел.) районах бывшего Омского округа<sup>4</sup>.

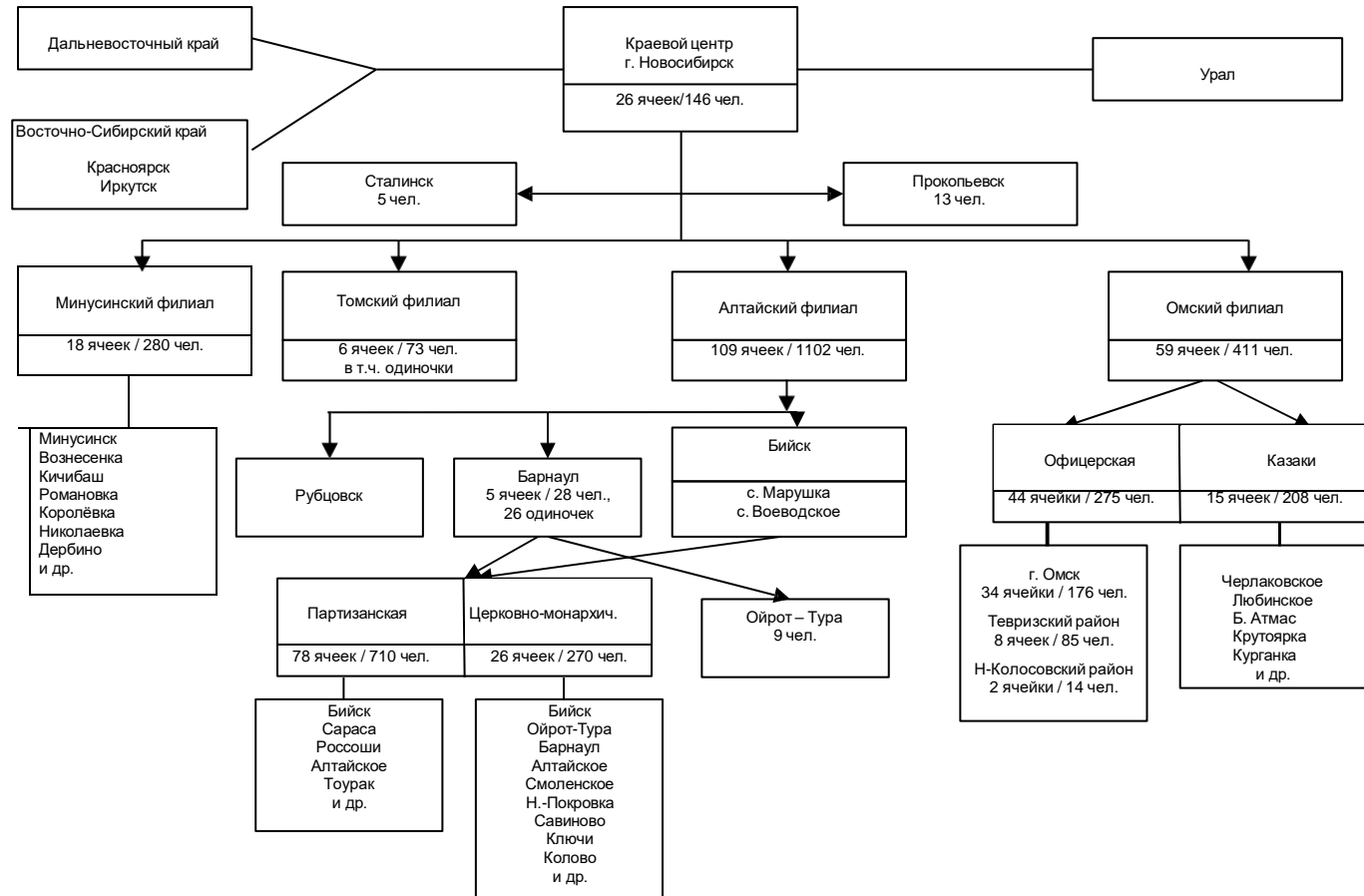
<sup>1</sup> «Тройка» ПП ОГПУ по ЗСК была образована в соответствии с Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 4 апреля 1933 г. «О предоставлении права рассмотрения дел по повстанчеству в Западной Сибири «тройке» ПП ОГПУ по ЗСК». См.: Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД... С. 426.

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3521. Т. 17. Л. 413.

<sup>3</sup> Там же. Л. 349.

<sup>4</sup> Там же. Л. 362. Далее (см. Л. 364, 367) говорилось уже о 31 ячейке в Омске, 10 ячейках и 99 участниках в Тевризском и Н.-Колосовском районах и о 15 и 208 соответственно в Черлакском и Любинском. Кроме того, упоминались еще три ячейки в Омске, по которым были арестованы еще 15 бывших офицеров. Если суммировать эти цифры, то получим 59 ячеек, но 483 участника и 371 арестованного. Исследовавший дело Омского филиала П. Брычков определил структуру организации из 52 ячеек и 408 участников (к уголовной ответственности без учета руководителей ячеек привлекли 352 чел.). См.: Забвению не подлежит... Т. 3. С. 32. Интересно, что в сентябре 1933 г. в ОГПУ было направлено дело о контрреволюционной вредительской организации в системе омских заводов «Сибсельмаш» и ЦЭС, возглавляемой бывшим колчаковским офицером Я.М. Шолоховым, доцентом Омского сельхозинститута. Группа объединяла 15 бывших белых офицеров и 4 кулаков (всего 21 чел.), большинство из которых занимали ответственные административно-технические должности. Но группа по какой-то причине «выпала» из «Белогвардейского

## Структура «контрреволюционной» организации «Белогвардейский заговор»



Если судить по изложенным в материалах дела «фактам и аргументам», то именно Алтайский филиал должен был сыграть важнейшую роль в «заговоре». Во-первых, это самая массовая и организованная часть заговорщиков; во-вторых, три «ветви заговора» – это прямое подтверждение наличия недовольства широкими слоями населения и действительно мощной социальной базы для возможного выступления против советской власти; в-третьих, партизанская «ветвь» имела наибольшую ценность для организаторов восстания, так как это были непосредственные представители народа, имевшие большой авторитет и прекрасно владевшие навыками боевых действий, что с учетом хорошего знания местных условий возможного театра военных действий, несомненно, имело важное значение; в-четвертых, судя по структуре организации, именно на Алтае существовали отработанные связи между крупными населенными пунктами и соседними субъектами, например с Ойротией.

Однако более глубокий анализ ситуации в Алтайском филиале вызывает большие сомнения в объективности изложенного. Объединение бывших офицеров с красными партизанами можно отнести только к «оперативному мастерству» сотрудников ПП ОГПУ. Показания членов организации однозначно говорили о желательности, но почти невозможности такого союза. В соответствии с установками краевого центра алтайским офицерам было «рекомендовано осторожно нащупать связи среди бывших красных партизан и повести среди них специальную работу, но не самими б[ывшими] офицерами непосредственно, а через демократические элементы, причем главной задачей... являлась обработка б[ывших] партизан, разжигание их недовольства советской властью и наталкивание на путь активной борьбы через создание к-р организации...»<sup>1</sup>.

Далее следователи констатировали, что Алтайский филиал начал свою деятельность в этом направлении еще до получения установок из Новосибирска. Такая задача перед бывшим капитаном Папенфусом была поставлена руководителями Алтайского филиала еще в феврале 1931 г. Он, в частности, показал, что на него согласно команде сверху была «возложена обязанность по развертыванию работы в деревне и среди бывших красных партизан. Я против этого предложения не возражал...»<sup>2</sup>. Руководящий центр, учитывая непопулярность среди бывших партизан белоофицерства, привлек для работы местных социалистов-революционеров. «Партизаны представляли для нас исключительный интерес как реальная боевая сила, имеющая опыт повстанческой борьбы, авторитет и широкие связи среди крестьянства. Однако... непосредственное развертывание работы в деревне и особенно среди партизан силами самих бывших белых офицеров было бы обречено на неудачу, т.к. партизаны органически не переносят белых еще по прошлой борьбе и не пошли бы за бывшим офицерством.

В связи с этим нами ставился вопрос о необходимости привлечения в организацию таких элементов, которые бы знали деревню и сумели подойти к крестьян-

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3521. Т. 17. Л. 337–338.

<sup>2</sup> Там же. Л. 154.

ству и бывшим партизанам. Такими элементами мы считали эсеров, и при вербовке в организацию вербовщикам давалась установка на привлечение эсеров и наиболее проверенных лиц из интеллигенции»<sup>1</sup>. Так осветил роль эсеров в работе с партизанами член центра Л.И. Исаков.

Практическая деятельность эсеров среди партизан выразилась в создании двух повстанческих ячеек в селах Марушка и Воеводское Бийского района численностью 11 чел. Полагаю подобные аргументы провалом следователей, так как возникает вопрос: если партизан были сотни, то что собой представляли эти 11 и как эсеры справились с ролью посредников между «белыми» и «красными», пусть и бывшими?

Что касается церковно-монархической организации, то союз между офицерами и священнослужителями был вполне возможен. Только установлению этих контактов между офицерской и церковно-монархической организациями в обвинительном заключении отведено всего пять страниц показаний и комментариев, а самой организации – только 11 строк: «Центр церковно-монархической организации Алтая состоял из 7-ми человек: епископов: Прибыткова Никиты, Коккель Германа, Ливанова Ивана, благочинного Потанина Петра, протоиерея Шалаева Анисима, священника Воронина Федора и протодьякона Кикина Александра.

Членами центра в городе и по периферии вербовались священники, которым давались установки о формировании боевых повстанческих ячеек (полагаю, что роль священнослужителей должна была заключаться в другом, например в «идеологической» работе. – В.У.). В результате деятельности руководящего центра по вербовке в организацию было вовлечено почти полностью духовенство г. Бийска и часть сельского духовенства – в Бийском районе – 13, Алтайском – 5, Смоленском – 4, Троицком – 4 «попа», а также отдельные священнослужители в Солонешенском, Б-Истокском, Старо-Бардинском и Тогульском районах (6 человек). Контрреволюционная ячейка из 4 священников была создана в г. Барнауле. В Ойротской области членом центра священником Потаниным были завербованы 8 попов в г. Ойрот-Туре, Успенском, Майминском, Удалинском и Онгудайском аймаках<sup>2</sup>.

Всего по церковно-монархической линии было создано 26 повстанческих ячеек с количеством участников в 270 человек (арестовано 218 человек)<sup>3</sup>.

Интересно, что офицерские ячейки в целях конспирации формировались преимущественно по принципу «троек», а священнослужители – люди, менее искушенные в таких вопросах и находившиеся на виду у местного населения и представителей органов власти, – целыми «десятками».

«Партизанская» часть в обвинительном заключении была представлена на одной страничке двумя выдержками из показаний-признаний её руководителей о подготовке восстания, вербовке новых участников и разжигании у населения недовольства против советской власти. При этом отмечалось, что бывшие партизаны в количестве 710 чел. были объединены в 78 ячеек, но о практической контрреволюционной деятельности, как, впрочем, и у церковников, не было ни одного упоминания.

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3521. Т. 17. Л. 154–155.

<sup>2</sup> Там же. Л. 148–149.

<sup>3</sup> Там же. Л. 348.

Опять-таки, если верить материалам следствия, три ветви Алтайского филиала (белогвардейская, партизанская и церковно-монархическая) насчитывали 109 ячеек (5, 78 и 26 соответственно) и **1 102** участника (122, 710 и 270 соответственно). Была еще и группа в Барнауле (57 чел.), однако в материалах обвинительного заключения упоминались 5 ячеек (28 чел.) и 26 одиночек, т.е. 54 чел. А уже в следующем абзаце было указано: «из 57 арестованных: б[ывших] б[елых] офицеров – 33, эсеров – 2, торговцев – 1, прочих – 22», т.е. 58 чел.<sup>1</sup> Кроме того, группа из Барнаула была связана с группой в Ойрот-Туре из 9 чел. («8 бывших офицеров и 1 бывший поп»)<sup>2</sup>.

Небезынтересен и тот факт, что центр Алтайского филиала находился в Бийске, что для небольшого городка достаточно необычно.

Из числа других «аргументов» интерес могли представлять следующие:

1. В штаб Алтайской организации не вошли представители партизан (от 710 чел.) и церковников (от 270 чел.), что заставляет задуматься об их роли в «заговоре», так как ни те ни другие не похожи на «массу» людей, которой можно было легко манипулировать. Более того, у партизан были действительно авторитетные руководители (К.Г. Бабарькин, К.В. Зиновьев, М.П. Чухломин, Е.Т. Буньков и др.), которые могли поднять народ и повести за собой, что нельзя было не учитывать при формировании штаба.

2. В обвинительном заключении подробно рассматриваются организации в Бийске и Барнауле, но только через 30 страниц простой констатацией факта определено руководство всем Алтайским филиалом членами Бийской организации.

3. Если штаб «церковно-монархической» организации состоял из служителей церкви, что было естественным, то «партизанская» организация возглавлялась тремя партизанами, одним бандитом и одним кулаком<sup>3</sup>, пусть оба последних и были выходцами из партизан. Если рассматривать этот аспект со стороны следствия, то все легко укладывается в схему, если «по жизни» – то возникают вопросы и непонимание.

Рассмотрим социальный состав арестованных Алтайского филиала: кулаков – 108 чел., зажиточных – 139, середняков – 238, бедняков – 32, кустарей – 18, рабочих – 9, колхозников – 77, служащих – 168, прочих – 69, неустановленных – 79 (**937** чел. – В.У.). Из них бывших партизан – 280, бывших бандитов (участники антисоветских вооруженных восстаний) – 39, бывших офицеров – 76, попов – 46, церковников – 51, бывших карателей – 7, родственников кулаков – 59, бывших членов ВКП(б) – 30 (588 чел. – В.У.)<sup>4</sup>. Простой подсчет позволяет констатировать, что из 937 чел., привлеченных к ответственности (без учета Барнаульской и Ойрот-Турской организаций), были осуждены 852<sup>5</sup>. Возникает резонный вопрос:

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3521. Т. 17. Л. 326.

<sup>2</sup> Там же. Л. 327.

<sup>3</sup> Там же. Л. 163.

<sup>4</sup> Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. 2: 1931–1936. Барнаул, 1999. С. 10. Из бийских «церковников» к расстрелу были приговорены 11 чел., к лишению свободы: на 10 лет – 9 чел., на 5 лет – 4 и на 3 года – 2 чел. См.: *Гришаев В.* Дважды убитые (К истории сталинских репрессий в Бийске). Барнаул, 1999. С. 29–30.

<sup>5</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3521. Т. 17. Л. 164.

если мы говорим о действительных врагах советской власти, вынашивавших планы её свержения, то где остальные несколько сот участников организации? По какой причине они не были привлечены к уголовной ответственности за проведение антигосударственной подрывной деятельности, как, в частности, и 52 члена «церковно-монархической» организации<sup>1</sup>?

Томский филиал состоял из 6 ячеек и нескольких одиночек. Число участников в обвинительном заключении не указано. Арестовано 27 чел., в том числе 21 бывший офицер, 3 бывших белых добровольца, 1 перебежчик и двое прочих<sup>2</sup>.

По материалам дела Томского филиала было арестовано 28 чел.: офицеров – 20, добровольцев – 2, перебежчик – 1, прочих – 5. В целом число участников филиала определялось почти в 100 чел., «ранее служивших в армиях Колчака и Пепеляева», но никто из них по делу допрошен не был<sup>3</sup>, а 20 из 28 арестованных предъявленное обвинение отрицали.

Минусинский филиал охватывал территорию 8 районов с 33 населенными пунктами бывшего Минусинского округа и Хакасской области. Были арестованы 205 участников организации, в составе которой («по политической окраске») было 8 офицеров, карателей и урядников, 4 священника и 193 чел., отнесенных к прочим («кулаки, зажиточные, торговцы, середняки, бедняки, служащие и прочие»)<sup>4</sup>. Хотя на Л. 203 обвинительного заключения есть упоминание о 280 участниках, объединенных в 18 ячеек.

Отличались и программные установки филиалов. «Белогвардейская» её часть планировала свержение советской власти и установление буржуазно-демократической республики, но на переходном этапе предполагалась военная диктатура. Руководитель организации генерал Болдырев в своих показаниях отмечал: «Наиболее приемлемой формой государственного управления мы считали буржуазно-демократическую республику и к ней стремились, но на первое время после свержения соввласти и до закрепления победы над большевиками считали необходимым установить военную диктатуру, опирающуюся на демократические элементы, и таким образом исправить историческую ошибку Колчака»<sup>5</sup>. Подобные показания дали и другие руководители штаба. Однако следует заметить, что заговорщики считали возможным сохранение самих Советов и даже предусматривали возможность привлечения к преобразованиям в стране отдельных коммунистов.

Генерал Болдырев показывал: «Учитывая пятнадцатилетнее существование Советов как органов власти в России и высокую политическую активность населения, обычный западно-европейский тип буржуазно-демократической республики... не удовлетворял бы страну. Мы считали возможным оставить Советы как форму власти, но решительным образом расширить круг избирателей в Советы.

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3521. Т. 17. Л. 163.

<sup>2</sup> Там же. Л. 375.

<sup>3</sup> Там же. Д. П-3441. Л. 539.

<sup>4</sup> Там же. Д. П-3521. Т. 17. Л. 379–380.

<sup>5</sup> Там же. Л. 227.

Восстановить в правах те слои населения, которые при большевиках были лишены избирательных прав. Коммунистическую партию ликвидировать и закрыть доступ коммунистам в Советы. Это... не означало поголовного истребления коммунистов. Мы были уверены, что некоторые здравомыслящие коммунисты, убедившись в утопичности идеи коммунистической партии, могли быть нами использованы и даже легализованы».

Другой участник организации – Г.А. Краснов – необходимость сохранения советов аргументировал следующим образом: «В случае свержения советской власти и закрепления этого положения Центр считал необходимым установление буржуазно-демократической республики, причем **формой власти должны являться советы, которые за 15 лет существования соввласти прочно вошли в сознание населения и достаточно крепко привились как наиболее удачная форма государственного управления**» (выделено мною. – В.У.)<sup>1</sup>.

Такая позиция была вызвана пониманием того, что в случае резкого изменения государственного устройства их ждут большие и серьезные проблемы. В таких условиях легче приспособиться и переориентировать под свои цели и задачи уже действующие институты власти и отдельных их представителей. Организация планировала национализировать землю и сдавать её сельским обществам и частным лицам в аренду. Крупная государственная промышленность должна была остаться в руках государства, средняя и мелкая – денационализироваться. Железнодорожный и водный транспорт оставался в руках государства, но допускалось наличие частного водного транспорта. Монополия на внешнюю торговлю заменялась обычной таможенной политикой. Частная торговля в стране могла развиваться без каких-либо ограничений. Существовавшие колхозы ликвидировались, но могли создаваться новые коллективные хозяйства, равные по отношению к другим формам ведения хозяйства. Из совхозов сохранялись наиболее рентабельные.

Политические установки нашли выражение в выдвигаемых политических лозунгах: «За чистую советскую власть без колхозов, коммун и коммунистов»; «За вольную жизнь»; «Долой компартию, да здравствуют советы без коммунистов»; «За отмену всех налогов с крестьян, за вольную жизнь»; «За нормальные денежные налоги»; «За единоличное хозяйство» и др.

На период войны в целях быстрее развертывания восстания центром были выработаны лозунги, с помощью которых предполагалось мобилизовать массы на борьбу с советской властью. Основными из них были: «Долой коммунистов, долой колхозы, долой заготовки»; «Да здравствует советская власть без коммунистов»; «Долой войну, долой коммунистов – главных врагов народа»; «Главный враг не Япония – главный враг коммунисты, бей коммунистов»; «Да здравствует крестьянская воля» и др.

Согласно обвинительному заключению все «ветви» Алтайского филиала планировали вооруженное восстание и вооруженную борьбу с советской властью. Сомнительно, что такие разноплановые «ветви» были единомышленными

---

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3521. Т. 17. Л. 43.



в своих планах, но если допустить, что их объединяла действительно одна цель – свержение советской власти, то вряд ли их пути после достижения этой цели были едиными. Сомнения возникают хотя бы по той причине, что существовала взаимная неприязнь между офицерами и бывшими красными партизанами, о чем выше уже говорилось. О каком единстве могла идти речь?

Минусинский филиал, судя по показаниям арестованных, разделял взгляды и идеи краевого руководящего центра. Однако изучение личного состава филиала заставляет усомниться в этом, так как крестьянство, представлявшее основу организации, думается, в меньшей степени «мечтало» о буржуазно-демократической республике.

Организация Прииртышского казачества и Омский филиал стояли за восстановление монархии и атаманщины, за сохранение привилегий, которыми пользовалось казачество. Например, руководитель Прииртышской организации М.Д. Назаров<sup>1</sup> показал, что «казачество подчиняется краевому руководящему центру только потому, что считает необходимым совместные действия в целях свержения власти, ибо другого выхода нет, но по вопросу о характере будущей власти казаки будут стоять за атаманство, царя и казачью лихую волю.

Наиболее подробно была изложена программа Томского филиала. М.Б. Шатилов на допросе 26 апреля 1933 г. изложил её по пунктам, системно, затронув все основные сферы государственного устройства, показал роль и место крестьянства и рабочего класса в новых условиях. Отдельно он выделил позицию по отношению к политическим ссыльным, политзаключенным и кулачеству, которые должны были быть немедленно освобождены и возвращены к прежним местам поселения «при известной помощи государства». Особенности деятельности томской организации и её программные установки, по словам Шатилова, были обусловлены тем, что большая часть её членов по своим политическим взглядам были народниками, стоящими на платформе областничества.

Практическая контрреволюционная деятельность организации в материалах следствия представлена следующими видами: шпионаж, диверсионная, вредительская и антисоветская деятельность, террор и т.п. По каждому из них в обвинительном заключении представлено много «свидетельств» и «фактов», но такими их признать трудно.

Так, сотрудники ПП ОГПУ по ЗСК «доказали» наличие связей с японским и германским консульствами, с японцами, например, контакты участниками «заговора» были «установлены» еще в самом начале 1920-х гг. В показаниях обвиняемых много свидетельств о встречах с сотрудниками этих консульств и получении от них шпионских заданий. Тем не менее не зафиксировано ни одного факта передачи собранных сведений. «Шпионами» оказывались участники всех филиалов, но правдоподобие можно обнаружить только в Томском, где собирали данные «по линии артшколы, ДКА

---

<sup>1</sup> Назаров Михаил Денисович, 1891 г.р., ур. ст. Кокпетинской 3-го отдельного Сибирского казачьего войска, русский, образование среднее, проживал в г. Омске, работал преподавателем математики ФЗУ суконного комбината. Арестован в 1933 г. Расстрелян. Реабилитирован посмертно.

(полагаю, Дома Красной армии. – В.У.) и др. частей»<sup>1</sup>. Например, подробную информацию об этом дал М.Н. Пепеляев: «В момент интервенции и в период начала восстания в тылу для нашей к-р организации важно было знать как о степени вооружения частей, технической и боевой подготовке, численном составе частей гарнизона, так и политико-моральном состоянии красноармейцев и командного состава. Поэтому руководящий состав филиала к-р организации в Томске ставил своей задачей всеми возможными мерами заполучить и собрать наиболее полные данные о расположенных в Томске военных частях, вооружении и расположении складов.

Для выполнения этой задачи мною непосредственно проводилась шпионская деятельность и поручались задания как завербованным в организацию кадровому составу, так и членам к-р организации из числа переменного состава из б[ывшего] б[елого] офицерства...»<sup>2</sup>. Далее он сообщал известные ему сведения о воинских частях города, но они носили преимущественно неконкретный характер.

Данные сведения не могли представлять какой-либо ценности для иностранных государств, тем более что речи о передаче их заговорщики даже не вели. Другое дело, что для целей организации эта информация могла иметь значение, если бы они действительно планировали восстание.

Диверсионная деятельность по материалам дела просматривалась на уровне планов на будущее, что подтверждали многие участники. Практическая же сторона ограничивалась изысканием средств (взрывчатки) для взрыва небольших мостов, но никакой взрывчатки при арестах изъято не было. Факт хищения взрывчатых веществ членами контрреволюционной организации «подтвержден» актом о выявлении недостачи 50 кг взрывчатых веществ и нескольких десятков килограммов [огнепроводного] шнура на складе взрывматериалов рудника «Лена-Банк» в г. Прокопьевске, который возглавлял член организации П.С. Корзун<sup>3</sup>.

На этот источник получения взрывчатки организацию вывел Г.П. Молгачев, руководитель действовавшей на территории Западной и Восточной Сибири и Дальнего Востока контрреволюционной организации, который даже дал 10 тыс. руб. для приобретения 10 пудов динамита. Но анализ этой информации порождает несколько вопросов, ответы на которые найти трудно. Во-первых, Молгачев выводил «заговорщиков» на члена своей организации, с которым надлежало связаться, установить контакт и т.п., что заметно осложняло ситуацию. Во-вторых, то, что Корзун работал на складе, еще не гарантировало получения взрывчатых веществ. В-третьих, сотрудниками ПП ОГПУ в деле не была «развита» связь между двумя контрреволюционными организациями, чтобы использовать её в следствии, а фамилия Молгачева больше нигде не упоминалась. В-четвертых, если взрывчатка вообще не была выявлена в ходе арестов и обысков, то была ли она? Или для следствия оказалось достаточным наличия одного акта? В-пятых, одна из диверсион-

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3521. Т. 17. Л. 223, 22–25; Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... С. 178–180.

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3441. Л. 414.

<sup>3</sup> Корзун Павел Семенович, 1873 г.р., ур. дер. Багряцы Лепельского уезда Витебской губ., проживал в г. Прокопьевске, зав. динамитным складом рудника. Арестован в 1933 г. Расстрелян. Реабилитирован посмертно.

ных групп для проведения диверсий должна была выехать по Транссибирской магистрали в восточном направлении от Новосибирска, а «средства для производства диверсионных актов должна была найти на месте у партизан». Речь шла о выезде в Восточную Сибирь группы В.С. Иванцова, но ведь в Минусинской организации «партизан» не было<sup>1</sup>.

Наиболее «успешной» была вредительская деятельность членов организации, но и здесь, например, во многих случаях «факты» вредительства преподносились без пояснений, через простое упоминание актов многочисленных проверок и ревизий, которые подтверждали какие-либо убытки и потери, но ни в коей мере не свидетельствовали об умышленной подрывной деятельности. С другой стороны, вся враждебная вредительская работа почему-то оказалась сосредоточенной в пределах действия Омского филиала. Так, только на территории Черлакского района было расхищено, вредительски забито и пало 2 247 голов колхозного скота, в том числе лошадей – 492 головы, коров – 200, телят – 717, овец – 821, свиней – 107. Остались необранными урожаи разных культур на 322 га колхозных полей, расхищено 343 центнера пшеницы и картофеля и 218 центнеров сена. Общий убыток, принесенный вредительской деятельностью контрреволюционной организацией колхозам Черлакского р-на, выражался в сумме 145 021 руб. в твердых государственных ценах, по Тевризскому району – 171 732 руб.<sup>2</sup>

На Алтае только в Алтайском и Солонешенском районах было расхищено 465 лошадей, 139 коров, 755 голов мелкого рогатого скота, хлеба почти 34 т и т.п. Убытки составили почти 200 тыс. руб.<sup>3</sup>

В реальности, пользуясь представившейся возможностью, местные органы власти списали все, что было потеряно и утрачено в силу объективных и субъективных причин. Это позволило оправдать все огрехи и просчеты, уйти от реальной ответственности за случившееся многим руководителям на местах и в краевых органах.

«Вредили» всюду, где были для этого «условия» и «возможности». Так, по линии редакции «Сибирской советской энциклопедии» – через продвижение идеологически вредных материалов. Вредили в каменноугольной и коксобензольной промышленности, в области энергетики, капитального строительства, в машиностроении, в Радиострое и даже в области музеев, но почти всюду через простое упоминание или перечисление «фактов»<sup>4</sup>. А в Крайсоюзпечати и горбюро Союзпечати г. Новосибирска «вредили» воровством казенных денег, но и это шло в «актив» деятельности организации.

В г. Томске вредительская работа осуществлялась в системе геолого-разведочного треста, горкомхоза, Шахтстроя, в обществе «Друг детей» и в других учреждениях и организациях<sup>5</sup>, хотя в обвинительном заключении приведены примеры только по обществу «Друг детей» и горкомхозу. Обвиняемый

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3521. Т. 17. Л. 94–100, 105–106.

<sup>2</sup> Там же. Л. 304–305; Забвению не подлежит... Т. 3. С. 33.

<sup>3</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3521. Т. 17. Л. 304.

<sup>4</sup> Там же. Л. 107–113.

<sup>5</sup> Там же. Д. П-3441. Л. 410; Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... С. 181.

П.Ф. Ерохин<sup>1</sup> о своей «подрывной деятельности» сообщил: «Мною при разбивке по Томску полигонометрической и полигонной сети самые важные линии проведены по склонам гор, через рвы и буераки, что привело к задержке съемочных работ, нецелесообразной трате средств, приблизительно до пяти тысяч рублей, учитывая стоимость и торможение последующих процессов ГКХ (Горкомхоза. – В.У.).

В конце 1930 г. и начале 1931 г. при выполнении задания по измерению полигонных ходов я провел измерение их с недопустимыми неточностями, выражающимися в определении длины на метр более или менее действительной...»<sup>2</sup>.

Подобная «вредительская» деятельность вряд ли могла дестабилизировать советскую власть, подорвать её основу. Однако следователям и этого оказалось достаточно.

«Заговор» оказался находкой как для ПП ОГПУ по ЗСК, так и для партийно-советских органов края, ведь на его «подрывную контрреволюционную деятельность» были списаны многочисленные провалы хозяйственной деятельности в крае и на местах. Кроме того, в обвинительном заключении имеется несколько справок-отсылок, согласно которым в ходе расследования вскрыты многочисленные факты «контрреволюционной» работы в лесной промышленности (**30 контрреволюционных организаций в 12 леспромхозах** (выделено мною. – В.У.), так как речь велась не о каких-то отделениях (филиалах, ячейках) одной-двух организаций, а **тридцати**, т.е. в одном леспромхозе были 2–3 контрреволюционные организации одновременно), в системе банковского дела, в энергетике, каменноугольной промышленности и т.д. Эти факты были выделены в отдельные производства ЭКО ПП ОГПУ по ЗСК. А по делу контрреволюционной организации в сельхозорганах края ЭКО были арестованы **2 087** чел.<sup>3</sup>

<sup>1</sup> Ерохин Петр Федорович, 1890 г.р., ур. и житель г. Томска, топограф съемочного инвентаризационного отдела горкомхоза. Арестован в марте 1930 г. Освобожден в мае 1930 г. в связи с прекращением дела. Вторично арестован 1933 г. Расстрелян. Реабилитирован 23 июня 1959 г. См.: Боль людская... 2-е изд. Т. 1. С. 465.

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3441. С. 411; Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... С. 181.

<sup>3</sup> По данным ПП ОГПУ по ЗСК, организация начала свою деятельность в середине 1931 г. Основная задача была определена как «вооруженное свержение советской власти и реставрация буржуазно-демократических форм управления страной». Организация строилась по принципу формирования сети низовых повстанческих ячеек, которых было установлено следствием 284: в колхозах – 149, в МТС – 29, в совхозах – 53, в населенных пунктах – 53. По социальному признаку участники делились на: 637 кулаков, 330 твердозаданцев и зажиточных, 45 бывших белых офицеров и карателей, 14 торговцев и спекулянтов, 16 членов антисоветских партий, 557 середняков, 396 служащих и 54 прочих (**2 049**. – В.У.). Было изъято у арестованных 36 боевых винтовок, 32 берданы, 36 револьверов, 18 гранат и 341 единица прочего оружия, какого – не уточнялось. По делу организации были осуждены **2 092** чел., в том числе «тройкой» – 1 954, Коллегией ОГПУ – 138. Из них: к ВМН – 953, к 10 годам лишения свободы – 686, к 5 годам – 248, к прочим срокам – 67 (**1 954** чел., без учета осужденных по решению Коллегии). В другом томе дела (из 356) указано, что к ВМН были осуждены 976 чел., к лишению свободы – 1 114 чел. (**2 090** чел. – В.У.). См.: Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. 2. С. 8–9. Анализ данных по этому делу позволяет провести прямую аналогию с делом «Белогвардейский заговор» – от целей и задач до организационного построения и нестыковки данных по арестованным и осужденным. Брала, видимо, количеством и объемами, в которых терялись детали, качество и объективность. Так, в отчете крайпрокурора Прокурору СССР были упомянуты обе организации, но приведенные цифры не совпадают. См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 209.

Для большинства подрывных антисоветских организаций террор являлся одной из первоочередных задач, так как преследовал цель не просто физического уничтожения отдельных руководителей, а дестабилизацию всей системы управления путем нарушения установившихся связей. В данном деле вся террористическая деятельность свелась к единственному упоминанию о необходимости физического устранения Эйхе и Грядинского<sup>1</sup>. Что-то маловато.

Согласно приговору без учета 225 «руководителей» всех звеньев краевой организации Коллегией ОГПУ и «тройкой» ПП ОГПУ по ЗСК были осуждены 1 057 чел., в том числе к ВМН – 219, к 10 годам лагерей – 92, к 5 годам – 250, к 3 годам – 72, минус двенадцать – 92, условно – 64, к ссылке – 14, к прочим мерам (освобождение) – 51. Простое сложение этих цифр дает «недостачу» в 203 чел.<sup>2</sup>

Если же подсчет вести по вынесенным приговорам, то ситуация становится еще более запутанной. Без учета новосибирских ячеек (146 чел.) и ячеек Сталинска (5 чел.), Прокопьевска (13 чел.) и Ойрот-Туры (9 чел.) число осужденных составило 1 616 чел., а с учетом этих организаций – 1 789 чел., т.е. на тридцать больше, чем общее число арестованных (табл. 9).

Таблица 9

## Приговоры, вынесенные по делу «Белогвардейский заговор»

Мера наказания	Филиалы				Данные справки из обвинит. заключ.	Дело 225 руковод. заговора	Всего чел. / %
	Алтай	Омск	Томск	Минусинск			
ВМН	177	–	–	42	219	28	247/15,3
10 лет к/л	219	124	11	76	<b>92</b>	130*	560/34,6
5 лет к/л	196	146	14	54	250	38	448/27,7
3 года к/л	71	–	–	1	72	23	95/5,9
Минус 12	81	8	–	11	92	–	100/6,2
Условно	61	11	2	3	64	–	77/4,8
Ссылка	10	7	1	4	14	3	25/1,5
Прочие меры	37	–	–	24	51	3	54/3,3
<b>Всего</b>	<b>852**</b>	<b>296***</b>	<b>28</b>	<b>215</b>	<b>1 057</b>	<b>225</b>	<b>1 616</b>

\* С учетом 53 чел., которым расстрел был заменен на 10 лет ИТЛ.

\*\* Согласно подсчетам по картотеке отдела спецдокументации Управления архивного дела Алтайского края, из 1 102 чел., привлеченных к уголовной ответственности, были осуждены 748, в том числе к ВМН – 130 чел., к 10 годам лишения свободы – 199, к 5 – 216, к 3 – 114, к ссылке – 19, к лишению свободы на срок предварительного заключения – 23, к лишению права проживания в некоторых местностях СССР – 47. См.: Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. 2. С. 10.

\*\*\* В деле № П-3521 (Л. 468) названа цифра 256 чел. П. Брычков назвал 288 чел., но при этом привел «расшифровку» этого числа на 296 чел. (см.: Забвению не подлежит... Т. 3. С. 43). Полагаю цифру 296 достоверной.

*Примечание.* Подсчитано автором по материалам уголовных дел и публикациям в Книгах Памяти жертв политических репрессий Алтайского края, Новосибирской и Омской областей.

Таким образом, 2/3 осужденных – 1 103 чел. (68,2%) – были осуждены к лишению свободы в концлагерях, где часть из них позднее получила новые сроки

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3521. Т. 17. Л. 124.

<sup>2</sup> Число осужденных (по справке) определено на основе данных по Алтаю и Минусинску без учета других филиалов. Это и позволяет «найти» 203 чел., так как ошибка произошла при подсчете осужденных на 10 лет концлагерей. При сложении данных по Алтаю и Минусинску должно получиться 295, а не 92 чел.

(в уголовном деле имеются отметки об осуждении в ИТЛ в 1937 г. части осужденных. – В.У.); был освобожден 51 чел., что с учетом осужденных к условным срокам наказания составило 128 чел. (7,92%).

Что касается изъятого оружия, то следует отметить «необстоятельность» и «безответственность» следователей. Несмотря на важность дела, ведь речь шла об организации, преимущественно состоявшей из бывших офицеров и красных партизан, людей обученных и подготовленных к ведению боевых действий, следователями не были до конца выяснены вопросы вооружения заговорщиков. Так, сведения об изъятом оружии указаны только по Омскому и Минусинскому филиалам организации: изъято соответственно 20 и 7 винтовок, 2 и 7 револьверов различных систем, 55 и 103 гладкоствольных ружья. В Томске у арестованных изъяли 8 единиц оружия. Таким образом, на Новосибирск как головную организацию и на Алтай (самый многочисленный филиал) пришлось 345 единиц оружия. Метод простых арифметических действий позволяет определить, что на два этих филиала пришлось около 150 винтовок, примерно полтора десятка револьверов и около 185 ружей. Такая «точность» вызвана тем, что нет верных данных по восьми единицам оружия, изъятым в Томске.

Сложно поверить, что для свержения советской власти участникам организации хватило бы 547 единиц оружия, из которых 2/3 – простые охотничьи ружья. С учетом «планов по довооружению» они должны были захватывать склады, разоружать воинские подразделения и т.п., но, полагаю, эти планы были рождены в головах следователей.

Пересмотр архивно-следственных дел участников «Белогвардейского заговора» был начат в 1956–1957 гг. Дело по «Минусинскому филиалу» организации Красноярский краевой суд прекратил еще в сентябре 1956 г., дела участников организаций из Новосибирской и Омской областей были прекращены Военной коллегией Верховного Суда СССР 29 июля 1958 г.

В постановлении президиума Алтайского краевого суда от 17 декабря 1957 г. отмечалось, что в «фальсификации следствия по делу «Белогвардейского заговора» принимали участие специально подобранные следователи, известные как квалифицированные фальсификаторы. По обстоятельствам дела установлено, что В.Е. Большаков, Я.А. Пасынков, Скворцов, Москвитин, Пархоменко, М.Л. Шорр, Носов, Дюженко, Самородов, Н.Г. Нефёдов, Тешков, Длужинский и Лебединов свои действия направляли на необоснованные аресты и фальсификацию дел»<sup>1</sup>.

В определении Военного трибунала Сибирского военного округа № 602 от 23 июня 1959 г. отмечалось, что «дело по обвинению Болдырева и др. – всего 93 человек проверено и прекращено...»

Определениями Алтайского, Красноярского краевых и Омского областного судов реабилитировано свыше 1 500 чел., незаконно арестованных органами ОГПУ в 1933 году по делу Болдырева. Большая группа лиц, проходящих по делу... реабилитирована Военным трибуналом СибВО.

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3521. Т. 17. Л. 453.

Из показаний бывших ответственных сотрудников ОГПУ Западно-Сибирского края Жабрева<sup>1</sup> и Попова<sup>2</sup> видно, что такой организации в пределах Западной Сибири не существовало, а она была выдумана работниками ОГПУ, а дела на незаконно арестованных советских граждан фальсифицировались<sup>3</sup>.

Создание «заговора» явилось выполнением очередной установки «вождя народов» И. Сталина, который на январском (1933 г.) объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) заявил, что «бывшие люди» по-прежнему представляют опасность. Потерпев поражение, бывшие частные промышленники и торговцы, дворяне и попы, кулаки и подкулачники, белые офицеры и урядники, полицейские и жандармы, буржуазные интеллигенты готовят скрытые атаки против советской власти путем саботажа, вредительства и хищений<sup>4</sup>. Этим своим заявлением он

<sup>1</sup> Жабрев Иван Андреевич, 1898 г.р., ур. Вологодской губ., русский, из семьи рабочего-металлиста, образование начальное. В партии большевиков с 1918 г. В органах ВЧК–НКВД с 1920 г., с 1921 г. – уполномоченный секретного отдела Новониколаевской губЧК. С 1925 по 1933 г. проходил службу в Омском, Бийском и Барнаульском оперсекторах ПП ОГПУ по ЗСК, с октября 1933 г. – начальник СПО ПП ОГПУ по ЗСК, в августе–ноябре 1936 г. – зам. начальника УНКВД по Курской области, с ноября 1937 г. – зам. наркома НКВД БССР, затем начальник УНКВД Каменец-Подольской обл. Майор госбезопасности. Награжден орденом Красной Звезды, знаком «Почетный работник ВЧК–ГПУ». Арестован в 1938 г. Расстрелян. Не реабилитирован.

<sup>2</sup> Попов Серафим Павлович, 1904 г.р., ур. Воронежской губ., русский, из семьи приказчика мануфактурного магазина, образование незаконченное среднее. Член ВКП(б) с 1928 г. В органах ВЧК–НКВД в 1918–1919 гг. и с 1930 г. Служил в СПО ПП ОГПУ по ЗСК, пройдя путь от оперуполномоченного до начальника отдела. С октября 1937 г. по декабрь 1938 г. – начальник УНКВД по Алтайскому краю. Капитан госбезопасности. Депутат Верховного Совета 1-го созыва. Награжден орденом Ленина, знаком «Почетный работник ВЧК–ГПУ». Арестован в декабре 1938 г. Расстрелян. Не реабилитирован.

<sup>3</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3441. Л. 565. А.Г. Тепляков привел данные, что между СПО и ЭКО ПП ОГПУ ЗСК в 1933 г. велось негласное соревнование по вскрытию заговоров (белогвардейского и в сельском хозяйстве). Согласно показаниям С. Попова, эти «соревнование и фальсификация следствия координировались полпредом ОГПУ Алексеевым». См.: *Тепляков А.Г.* Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008. С. 481.

<sup>4</sup> *Сталин И.В.* Соч. М., 1951. Т. 13. С. 206–212. Что касается «капиталистов», то новая власть относилась к ним, как и ко всем «бывшим», – репрессии не обошли их стороной. Но их было много меньше, чем других «бывших», многие успели выехать за границу или уйти с отступающими колчаковцами. Однако в газетах тех лет можно встретить информацию об их арестах и помещении в концлагерь до окончания Гражданской войны. Так, в феврале–марте 1920 г. газета «Знамя революции» сообщала об арестах крупнейших владельцев промышленных предприятий г. Томска А.В. Горохова, А.Е. Кухтерина, Г.И. Фуксмана, Е.Г. Громова и др. (см.: *Знамя революции.* 1920. 21 февр., 9 марта). Интересна судьба Григория Ильича Фуксмана, впервые арестованного чекистами еще в 1920 г., когда он пробыл под следствием 10 месяцев. В октябре 1929 г. в меморандуме секретного отделения Томского окротдела ОГПУ была отмечена деятельность Фуксмана как организатора антисоветской группы, в связи с чем он был арестован по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 58 п. 10 УК РСФСР. Следствие было проведено в кратчайшие сроки, и уже 27 ноября 1929 г. решением особой «тройки» ПП ОГПУ по Сибкраю Г. Фуксман в числе других членов группы был осужден к высылке в Туруханский край сроком на 10 лет. Но следует отметить, что «тройка» ПП ОГПУ, вынося свое решение, изменила обвинение Фуксману и другим членам группы со ст. 58-10 на ст. 58-3,11 УК РСФСР. Если ст. 58-11 УК – «организационная деятельность» – могла соответствовать деянию, так как обвинялись члены группы, то обвинение по ст. 58-3 вызывает сомнение, ведь оно предусматривало «сношение в контрреволюционных целях с иностранным государством или отдельными его представителями, а равно способствование каким бы то ни было способом иностранному государству, находящемуся с Союзом ССР в состоянии войны или ведущему с ним борьбу путем интервенции или блокады». С кем «сносились» обвиняемые, кому и как «способствовали», остается только догадываться, так как материалы дела это не подтверждали.

В 1936 г. срок наказания Фуксману был снижен до 7 лет, но в 1937 г. уже в местах лишения свободы последовал новый арест, и он был расстрелян<sup>4</sup>.

практически дал очередной сигнал к поиску «белогвардейских элементов». В условиях Западной Сибири самым простым оказалось фальсифицирование дела на бывших белых офицеров, тем более что учеты в органах ОГПУ были отлажены, а кандидатов на роль «лидеров» и «вождей» контрреволюционной организации было предостаточно.

Нескольким участникам «заговора» первоначально было оставлено обвинение по ст. 58-10 («Антисоветская агитация и пропаганда»), но в более поздние годы и оно было отменено, все они полностью реабилитированы.

В процессе пересмотра дел установлено, что материалов о реальной антисоветской организационной деятельности не имелось. Имевшиеся в ПП ОГПУ оперативные материалы также не позволяли определить наличие этого. Обвинение построено на признательных показаниях осужденных, не подтвержденных уликовыми материалами, достаточно часто противоречивыми. Многие из «участников заговора» вообще не были привлечены к ответственности ни по этому делу, ни позднее. Например, вышеупомянутый М.Б. Шатилов в собственноручно написанных показаниях признался, что именно он являлся руководителем Томского филиала организации. Но ни один из названных им членов группы не проходил по делу этого филиала, а в деле «Белогвардейский заговор» ни Шатилов, ни названные им лица даже не упоминались. Руководителем же филиала все однозначно называли М.Н. Пепеляева.

Почти все заключения по архивно-следственным делам однотипны – во всех констатировались факты нарушения законности, фальсификации материалов следствия, применения незаконных методов следствия и т.п. Немало подобных примеров отражено в заключении от 26 апреля 1957 г. по Омскому филиалу: по делу «Белогвардейского заговора» на территории Омской области было арестовано и привлечено к уголовной ответственности 367 чел., в том числе 79 – по «делу 225»; осуждены 335 чел. Следователь следственного отдела УКГБ при СМ СССР по Омской области лейтенант Быстров констатировал многочисленные несоответствия дат и «фактов» в показаниях обвиняемых, исправления в протоколах допросов без каких-либо пояснений, в том числе и по отдельным фигурантам (вписывали, вычеркивали). В связи с этим один из «руководителей Омского филиала» бывший полковник Белой армии Гольшев был сотрудниками «разжалован» из руководителей, из списков исключен и к ответственности вообще не привлекался.

Из числа арестованных по названному делу в Омской области были установлены и передпрошены 36 чел. Все они от своих прежних показаний отказались и привели примеры многочисленных нарушений законности во время следствия со стороны следователей ОГПУ.

Во время следствия сотрудники ПП ОГПУ активно использовали секретных сотрудников ОГПУ, Так, один из них – Н.С. Лукиных<sup>1</sup> – 10 октября 1956 г. показал: «...арестовали утром 9 мая 1933 г. На допрос вызвали примерно через две

---

<sup>1</sup> Лукиных Николай Сысоевич, 1892 г.р., ур. дер. Липовка Пермского уезда и губ., проживал в г. Омске, бухгалтер артели «Женский труд». Арестован в 1933 г. Осужден на 5 лет ИТЛ. Наказание отбывал в Бамлаге. Реабилитирован в 1957 г.



недели... Следствию я тогда показания не дал. Вызвавший меня и Гаринова (еще один фигурант по делу. – В.У.) следователь Панасенко задал нам один вопрос: «Советские ли мы люди?» и, получив утвердительный ответ, сказал: «В этом случае пишите мне то, что я вам буду диктовать». И под его диктовку и был составлен протокол допроса.

...Протокол допроса мною подписан в силу следующих причин: во-первых, следователь Панасенко... говорил, что если я советский человек, то должен писать показания, которые он диктует, во-вторых, **я до момента ареста был секретным сотрудником ОГПУ** (здесь и далее выделено мною. – В.У.), поэтому был уверен, что меня, если и арестовали, то никогда не осудят, тем более, что я сам выполнял задания органов ОГПУ по выявлению контрреволюционно настроенных лиц. В силу этого я подписал протокол и рекомендовал подписать его и Гаринову...».

И.В. Антипин<sup>1</sup> в декабре 1956 г. показал, что в 1933 г. подписал протокол после того, как сотрудник ОГПУ К.К. Пастаногов пообещал, что сумеет его реабилитировать и освободить. «Когда я отказался писать, Пастаногов «показал мне протокол допроса **Ольшаневского, который, как и я, был секретным сотрудником и выполнял секретные поручения** Пастаногова, в котором значилось, что Ольшаневский дал показания, что состоит членом к-р организации». Позднее в камеру к Антипину и Ольшаневскому подсадили **Рыбьякова и Шалаева, еще двух секретных сотрудников**, и «пропустили» через их камеру около 70 арестованных из Тевризского района. Они обрабатывали арестованных, чтобы те подписались и признали себя участниками контрреволюционной организации<sup>2</sup>.

Влияние агентуры на арестованных в Омске позволило добиться нужного результата. Так, если по «делу 225» в Томске только двое из девяти не признали своей вины, а в Новосибирске и на Алтае таковых оказалось 38 из 137, то в Омской области – **лишь один из 79 чел.**<sup>3</sup>

Следователем Быстрым было также отмечено, что показания арестованных о проведении ими вредительских действий не проверялись, свидетели не допрашивались. Справки о якобы вредительской деятельности писали председатели сельских советов обычно под диктовку сотрудников ОГПУ.

В заключении также приведены факты случаев избиения арестованных следователями во время допросов, но, к сожалению, фамилии этих следователей не названы.

И еще одно. С заключением лейтенанта Быстрова согласился начальник следственного отдела УКГБ при Совете Министров СССР по Омской области полковник Ильин, но и обвинительное заключение по делу «заговора» было подписано начальником СПО ПП ОГПУ по ЗСК Ильиным. Может быть, это одно лицо?

---

<sup>1</sup> Антипин Иван Васильевич, 1888 г.р., ур. и житель дер. Изюк Тевризского р-на Омского округа, зав. ларьком Коопторга. Арестован в 1932 г. Осужден на 5 лет лишения свободы с отбыванием наказания в трудпоселке. Реабилитирован в мае 1957 г.

<sup>2</sup> Забвению не подлежит... Т. 3. С. 36–37, 42–43; Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3521. Т. 17. Л. 488–490. Перед окончанием следствия по делу Шалаев, Ольшаневский и Рыбьяков были освобождены из-под стражи. Освобождение было оформлено постановлениями, приобщенными к делу.

<sup>3</sup> Подсчитано автором по материалам архивно-следственного дела П-3521.

Таким образом, в процессе пересмотра дела в конце 1950-х гг. была дана правовая оценка **только следственного процесса** «Белогвардейского заговора». Но даже это позволило вести речь о фальсификации материалов дела. Надо учесть, что следователи, пересматривавшие дело, не владели в полной мере информацией, связанной с массовыми репрессиями в СССР, с господствовавшими политическими установками на уничтожение «врагов», да и не ставили перед собой цели выявления нарушений прав и свобод советских граждан. Анализ материалов уголовного дела на основе сопоставления фактов и явлений с учетом знания и понимания механизма репрессий позволяет утверждать, что **«Белогвардейский заговор» был полностью сфальсифицирован** сотрудниками ПП ОГПУ по Запсибкраю, став в Сибири одним из крупнейших дел первой половины 1930-х гг., очередным звеном в цепи уголовных дел, направленных на оправдание ошибок, допущенных в руководстве народным хозяйством и страной. Дело было направлено против «бывших» – офицеров, разного рода чиновников, «спецов». В очередной раз им было показано их место в социальной системе советского государства.

Характеристикой и свидетельством происшедшего с участниками «Белогвардейского заговора» явилось письмо Прокурору СССР заключенного Ф.В. Макарова-Тонского (привожу с некоторыми сокращениями. – В.У.):

«Заявление.

Прокурор! Я отбываю второй срок по одному и тому же делу. Я утверждаю, что являюсь жертвой провокации.

Из 29 лет своей жизни я одиннадцать лет прослужил в рядах Красной Армии. Считался одним из лучших командиров, неоднократно награждался, имел свои печатные труды, окончил Высшую школу.

Первый раз я был арестован Томским оперсектором ОГПУ в марте 1930 года (из армии). Мне было предъявлено обвинение в связи с группировкой белых офицеров. Несмотря на мои протесты, голодовку... ПП Запсибкрая дало мне 5 лет по ст. 58-10-11. (В тюрьме я узнал, что это дело сфальсифицировано белым офицером Пепеляевым.)

После неоднократных заявлений о пересмотре дела, учитывая мою ударную работу... ПП Запсибкрая дело мое пересмотрело, и из лагерей я был освобожден.

И вот через полгода (13 апреля 1933 г.) я был арестован вновь. После ряда допросов весьма грубой формы, на которых, ничего не слушая, мне предлагают «признаться» в какой-то «организации». Мне показали «признание» опять того же провокатора Пепеляева и его друзей – пьяницы, совершенно разложившегося морально Долгорукова, и Абрамова – «слагающих оружие» в аккуратно переписанном заявлении одного (у всех!) стиля и слога с также переписанным «списком организации», где показали мою фамилию... (далее текст на сгибе страницы истрепан, не читается. – В.У.).

...Все следствие, проводимое следователями ПП ЗСК Чигриным и Меламедом, считаю преступным. Утверждаю, что эти люди ясно отдавали себе отчет, что все это «дело» – провокация.

Как гражданин, достаточно показавший свою преданность Советской Стране, я требую пересмотра дела, преследствия и наказания виновников провокации.

Терпеть далее позор обвинения в контрреволюции, чувствовать это даже в лагере, я не могу...»<sup>1</sup>.

Однако этот документ так и не был направлен адресату, а был подшит к материалам дела Томского филиала.

Нанесенный по проживавшим в Сибири «бывшим» удар, по мнению партийно-советского руководства СССР, должен был отбить у них не только «охоту», но и малейшую возможность проявления инакомыслия, заставить жить в тревоге и страхе. С другой стороны, у сотрудников органов ОГПУ была сформирована готовность неукоснительно подчиняться воле Сталина, включая фальсификацию массовых уголовных дел<sup>2</sup>.

Рассмотрим наличие возможной связи между делом «Белогвардейский заговор» и реализованной органами ОГПУ СССР в начале 1930-х гг. оперативной разработкой «Весна», в ходе которой репрессиям подверглись более 3 тыс. бывших офицеров царской и белых армий. Академик А.Н. Яковлев, возглавлявший Комиссию по реабилитации жертв массовых репрессий в СССР, произвольно, без ссылки на источники, расширил границы проведения операции «Весна» до г. Новосибирска, назвав число участников «свыше десяти тысяч», что не соответствует действительности<sup>3</sup>. Анализ архивных материалов позволяет сделать однозначный вывод об отсутствии названного им «расширения границ операции» и вести речь о заговоре как региональной «контрреволюционной» организации, не имевшей ничего общего с операцией «Весна».

Небольшое замечание: государственная машина террора получила в эти годы заказ на политических оппонентов правящей партии, поэтому и сменила вектор деятельности, хотя всегда, попутно, будет вновь и вновь «подбирать» «бывших людей в погонах». «Заговор» остался единственным крупным подобным делом в Западной Сибири. В последующие годы органами НКВД было организовано еще одно «специализированное», хотя с большой долей условности, дело офицерских организаций – дело «Российского общевойскового союза». Но обычно офицеры проходили по другим делам, где их прошлое, конечно же, учитывалось и играло усиливающую роль в ходе следствия<sup>4</sup>.

В 1937 г. органами НКВД в Западно-Сибирском крае в результате оперативной разработки «Аристократы» (на находившихся в ссылке, преимущественно на

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3441. Л. 505.

<sup>2</sup> Л.А. Наумов отмечает, что среди руководящего состава органов НКВД «поразительно высок» был процент лиц с «некоммунистическим» прошлым – выходцев из «чуждых» или «враждебных» классов – 52%, а также принадлежавших в прошлом к различным небольшевистским партиям и движениям, что в середине 1930-х гг. рассматривалось как компрометирующий фактор. Доля руководителей, участвовавших в молодости в деятельности различных партий или служивших белому делу, в 1934 г. составила более 31%, т.е. почти треть, в 1936 г. – почти 22% (см.: *Наумов Л.А.* Борьба в руководстве НКВД... С. 8). Не это ли было одним из побудительных мотивов доказывать свою преданность «вождю народов»?

<sup>3</sup> *Яковлев А.Н.* Сумерки... С. 204.

<sup>4</sup> Такой фигурой, например, оказался бывший генерал Н.А. Эскин, четырежды арестованный органами ВЧК–НКВД за свое прошлое. Последний арест – в 1937 г., обвинен в том, что по поручению Российского общевойскового союза на территории Запсибкрая проводил работу по созданию монархической организации, по предложению Сибирского бюро партии эсеров организовал военную работу нелегальной эсеровской организации и т.д. Расстрелян.

территории нынешней Томской области, лиц дворянского происхождения) была «вскрыта» очередная «контрреволюционная» организация «Союз спасения России». Организация была «создана» проживавшим в г. Томске бывшим князем А.В. Волконским. Органами НКВД были также «выявлены» контакты «аристократов» с отдельными руководителями РОВС за рубежом, по указанию которых и был создан вышеуказанный союз. Начальник УНКВД С.Н. Миронов регулярно информировал о результатах разработки руководство НКВД СССР, где были заинтересованы в раскрытии очередного крупного «заговора». Так, зам. наркома НКВД М.П. Фриновский писал Миронову: «Нарком придает этому делу большое значение. Надо заняться выходами на РОВС». Подобная оценка только способствовала активной фальсификации материалов дела.

О результатах работы по данному «заговору» Н. Ежов информировал И. Сталина. В спецсообщении от 14 июня 1937 г. он докладывал, что бывший генерал-майор Н.А. Эскин, счетчик новосибирского «Горпроекта», по указаниям зарубежного руководства РОВС с 1935 г. принял на себя командование всеми организациями. В состав антисоветских формирований входило и Сиббюро ПСР под руководством бывшего председателя Иркутской земельной управы, преподавателя курсов комсостава Западно-Сибирского пароходства И.Х. Петелина. В его обязанность входило поддержание контактов с японским консулом в Новосибирске. Эскин же «руководил» боевыми отрядами из числа спецпереселенцев Нарыма и Кузбасса, возглавляемых бывшими белыми офицерами. По первоначальным данным Миронова, были сформированы 10 боевых отрядов и две террористические группы<sup>1</sup>.

17 июня 1937 г. справка была направлена С.Н. Мироновым<sup>2</sup> в крайком ВКП(б). В подтверждение наличия социальной базы для выступления против советской власти в справке указывалось, что на территории Нарымского округа и Кузбасса проживает 203 400 чел. высланного кулачества и находятся в административной ссылке 5 350 бывших белых офицеров, активных бандитов и карателей. Повстанческие подразделения формировались из их числа по принципу войсковых подразделений (дивизии, полки, батальоны), были выявлены 26 таких формирований. На момент написания данной справки были арестованы 382 чел. из числа членов «Союза спасения России» и «Сиббюро ПСР». Агентурно-следственным путем были выявлены еще 1 317 членов организации<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 262–263.

<sup>2</sup> Миронов Сергей Наумович (Коган Мирон Иосифович), 1894 г.р., ур. г. Киева, еврей, из семьи ремесленника, в РКП(б) с 1925 г. В органах ВЧК–НКВД с 1920 г., прошел путь от помощника уполномоченного Особого отдела 12-й армии до начальника УНКВД Днепропетровской области и УНКВД по Западно-Сибирскому краю. В 1937–1938 гг. – Полпред СССР в Монголии, затем работа в Наркомате иностранных дел. Комиссар госбезопасности 3-го ранга. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени (дважды), медалью «XX лет РККА» и знаком «Почетный работник ВЧК–ГПУ». Арестован в 1939 г. Расстрелян. Не реабилитирован.

<sup>3</sup> Справка начальника УНКВД ЗСК С.Н. Миронова в крайком ВКП(б) «По делу эсеровско-монархического заговора в Западной Сибири» от 17 июня 1937 г. // Трагедия советской деревни... Т. 5: 1937–1939. Кн. 1: 1937. М., 2004. С. 256–257; Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. 3, ч. 1. С.

Свидетельством «массовости» «Союза спасения России» в регионе является докладная записка начальника Зырянского райотделения НКВД сержанта госбезопасности Денисенко секретарю райкома ВКП(б) Янчуковичу и председателю райисполкома Тяпкину о выявлении в районе вредительских групп по данным на январь 1938 г. Денисенко докладывал, что в числе прочих контрреволюционных организаций в период с мая по декабрь 1937 г. была ликвидирована контрреволюционная повстанческая организации «Союз спасения России» численностью в 215 чел., в том числе и 103 спецпереселенцев. Руководили организацией все бывшие: колчаковский офицер В.И. Менгерт, начальник жандармского управления Я.Н. Улыбушев, белый офицер М.Н. Сербин, прапорщик Белой армии В.Ф. Мащенко, член Государственной думы прапорщик жандармского управления П.Н. Лузин, попы Зырянской и Громышевской церквей – К.Н. Ильинский и А.В. Боголюбов, крупный торговец поручик Белой армии И.Ф. Блинов, черносотенец, шпион жандармского управления И.М. Медведко и фермер, латышский разведчик Я.К. Гайлит.

Не правда ли, «букет» врагов? И это в небольшом отдаленном районе края, где и сегодня проживает чуть более 12 тыс. жителей. А должности в прошлом – прапорщик (младший офицерский чин в **русской армии**, с 1984 г. только в военное время) жандармского управления, шпион жандармского управления? Следует обратить внимание и на период ликвидации организации – с мая 1937 г., а ведь С. Миронов впервые сообщил в крайком ВКП(б) о наличии такой организации только в июне. Сомнительно, что и название организации уже было введено в официальный оборот в системе НКВД в это время. Вопросов возникает много, ответов нет. Единственное, что точно установлено, девять из десяти «руководителей» организации были расстреляны в 1937 г., к лишению свободы на 8 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах был приговорен только П. Лузин<sup>1</sup>.

Формированием повстанческих отрядов и групп, согласно материалам разработки, занимался А. Волконский. Кроме него, в штаб входили князь – бывший штабс-капитан Белой армии Н.А. Ширинский-Шихматов, бывший ротмистр – начальник жандармского управления Г.Л. Левицкий-Щербина, бывший штабс-капитан Белой армии Н.Л. Баландин и бывший кадет Н.А. Слободский. Среди активных членов организации был поэт Н.А. Клюев, «непосредственно осуществлявший и направлявший контрреволюционную деятельность церковников и духовенства, входивший в состав кадетско-монархической организации, писавший клеветнические контрреволюционные сочинения, которые, помимо распространения среди участников организации, нелегально переправлял за границу»<sup>2</sup>.

В ходе следствия также установлено, что после объединения вышеназванных организаций был сформирован повстанческий боевой штаб во главе с бывшими генералами Н. Эскиным и В. Михайловым. О масштабах деятельности штаба

<sup>1</sup> 1937–1938 гг. Операции НКВД: Из хроники «Большого террора» на томской земле. Томск; Москва, 2006. С. 190–191; Биографические справки на расстрелянных руководителей организации см. : Боль лодская... 2-е изд. Т. 1-3.

<sup>2</sup> Боль лодская... 2-е изд. Т. 2. С. 663-664.

можно судить по тому, что филиалы организации действовали на территории современных Новосибирской, Кемеровской и Томской областей, Алтайского и Красноярского краев, в 17 лагерных пунктах Сиблага. В меньших масштабах подобные организации были «выявлены» еще в ряде регионов страны, но основным «местом действия» стала Западная Сибирь<sup>1</sup>.

«Раскрытие» мощной контрреволюционной организации привело к специальному решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 28 июня 1937 г. «О вскрытой в Западной Сибири контрреволюционной организации высланных кулаков» о создании внесудебной «тройки» для преследования и расправы над лицами, арестованными по этому делу. Согласно постановлению предполагалось применить ко всем активистам повстанческой организации среди высланных кулаков высшую меру наказания, а для ускоренного рассмотрения дел создать «тройку» в составе начальника УНКВД С. Миронова (председатель), прокурора края И. Баркова и секретаря крайкома ВКП(б) Р. Эйхе. Инициаторами создания «тройки» были С. Миронов и Р. Эйхе<sup>2</sup>. Уже с 9 июля «тройка» приступила к работе. Будучи созданной для «решения» конкретной задачи, она в последующем рассматривала все представлявшиеся УНКВД дела.

К 5 октября по «ровсовской линии» были арестованы 9 689 чел., из них осуждены 8 047 (83,05%). Доля арестов по этой линии составила 37–38%, а по количеству осужденных – 41% от общего числа репрессированных. На первом этапе наиболее высокую «активность» проявили подразделения УНКВД северных и центральных районов края (табл. 10).

Таблица 10

Удельный вес арестованных и осужденных по делу РОВС в оперсекторах УНКВД по ЗСК на 5 октября 1937 г.

Оперативный сектор УНКВД	% арестованных от общего числа	% осужденных от общего числа	Оперативный сектор УНКВД	% арестованных от общего числа	% осужденных от общего числа
Сталинский	17,2	19,5	Томский	13,5	13
Нарымский	12,4	15	Новосибирский	9,4	8,6
Барнаульский	8	6,5	Кемеровский	7,8	9,3
Бийский	7,9	7,7	Ленинский	6,9	3,5
Ойрот-Тураинский	5,4	3,6	Куйбышевский	5	5
Мариинский	4	4,7	Рубцовский	1	1,2
Славгородский	1,6	2			

Примечание. Составлено автором по данным Н.Н. Аблажей (2009).

Что касается социального «портрета» осужденных, то он был представлен следующим образом: графов и князей – 4, дворян и помещиков – 70, офицеров – 646, карателей и белобандитов – 316, жандармов – 84, провокаторов

<sup>1</sup> Аблажей Н.Н. «Кулацкая» и «ровсовская» операции по приказу № 00447 // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 344.

<sup>2</sup> Е. Прудникова всю «славу» в создании «тройки» и развертывании репрессий отдала Р. Эйхе, тогда как «начальник УНКВД Западно-Сибирского края товарищ Миронов начал искать её (организацию. – В.У.) после появления приказа № 00447». См.: Прудникова Е. Хрущев. Творцы террора. М., 2012. С. 257. Но, как видно из описанного выше, Р. Эйхе лишь стал проводником в передаче информации о «повстанцах» и принятии «нужного» для руководства НКВД и страны решения.

и предателей – 14, купцов и крупных собственников – 236, священнослужителей – 450, кулаков и спецпереселенцев – 1 345. Кроме того, среди осужденных значились 149 членов партии эсеров и 1 733 чел., отнесенных к прочему контрреволюционному элементу<sup>1</sup>. Анализ групп осужденных позволяет сделать вывод, что, несмотря на целевой характер операции по РОВСу, аресту подвергались представители многих социальных слоев и групп, по тем или иным причинам признанные «врагами» советского государства. Более того, возникают вопросы: почему ранее не были осуждены провокаторы, предатели и жандармы, кто они, не слишком ли много в организации представителей духовенства, что за «прочий контрреволюционный элемент» и в чем его контрреволюционность, и т.п.

В Алтайском крае на 25 ноября 1937 г. были арестованы 3 337 чел., осуждены 2 930, в том числе по первой категории – 2 152 чел. (73,4%). В Новосибирской области на 20 декабря число арестованных составило 18 920, было осуждено 15 476 чел., в том числе к ВМН – расстрелу – 12 954 (84%), о чем начальник УНКВД Г.Ф. Горбач<sup>2</sup> доложил спецсообщением И. Сталину. Реакция Сталина была однозначной, как и по предыдущим сообщениям. Знакомясь с составом арестованных и ходом операции по делу РОВС 16 декабря, он наложил резолюцию «Расстрелять всех». (По делу проходили два князя, один контр-адмирал, восемь генералов, 42 полковника, 43 капитана и штабс-капитана, 102 поручика, подпоручика и прапорщика, царских чинов – 61, чинов полиции и жандармерии – 69, дворян – 27, фабрикантов и помещиков – 35, попов – 9.) А на сообщении о ходе операции он написал: «Ежову. Всех бывших офицеров и генералов по записке Горбача нужно расстрелять»<sup>3</sup>.

На начало января число репрессированных по данному делу составило 22 108<sup>4</sup>, в том числе 18 530 (83,8%) – по первой категории. Н. Аблажей считает, что приведенные данные неверны, если учесть, что УНКВД по Новосибирской области настаивало на цифре 20 731. На долю Алтая «пришлось» только 1 377 чел., но ведь уже в ноябре число арестованных там по делу РОВС превысило 3 тыс. чел. На 1 марта 1938 г. число репрессированных по этому делу в УНКВД по Новосибирской области и Алтайскому краю достигло 25 916 чел. Следует отметить, что 1937-м годом «ровсовская операция» не завершилась, а была продлена для 22 регионов, получивших дополнительные лимиты. Кроме того, докладывая

<sup>1</sup> Данные сводки об осужденных «тройкой» при Управлении НКВД ЗСК по эсеров-ровсовскому заговору на 4 октября 1937 г. См.: Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. 3, ч. 1. С. 570.

<sup>2</sup> Горбач Григорий Федорович, 1898 г.р., ур. Прилуцкого уезда Полтавской губ., украинец, из семьи крестьянина-бедняка. В партии большевиков с 1916 г., образование начальное. В органах ВЧК-НКВД с 1920 г. – помощник начальника активной части Особого отдела 5-й Армии. До августа 1936 г. проходил службу на Северном Кавказе. С апреля 1936 г. – зам. начальника УНКВД по Запсибкраю, начальник УНКВД по Омской области, начальник УНКВД по Запсибкраю, а затем по Новосибирской области. С октября 1937 г. – начальник УНКВД Дальневосточного края, начальник ОО ГУГБ НКВД ОКДВА. Старший майор госбезопасности, награжден орденом Ленина, медалью «XX лет РККА», двумя знаками «Почетный работник ВЧК-ОГПУ». Арестован в ноябре 1938 г. Расстрелян. Не реабилитирован.

<sup>3</sup> Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 275.

<sup>4</sup> Сводка № 29 ГУГБ НКВД СССР об арестованных и осужденных на основании оперприказа НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. (не ранее 1 января 1938 г.) // Трагедия советской деревни... Т. 5, кн. 1: 1937. С. 387; Аблажей Н.Н. Указ. соч. С. 349–350.

о завершении операции, Г. Горбач запросил у Центра продолжения работы «тройки» для ликвидации контрреволюционного подполья в Кузбассе, ходатайствуя о новом лимите в тысячу человек. Добро было получено. Именно по этой причине новосибирская «тройка» работала до августа 1938 г.<sup>1</sup>

По данным Н.Г. Охотина и А.Б. Рогинского, в Новосибирской области и Алтайском крае «тройками» по РОВСу были осуждены 29 258 чел., из них к расстрелу – 24 853 (84,2%) и к заключению в лагерь – 4 675 чел. (15,8%), в то время как по «кулацкой операции» доля осужденных к ВМН составляла около 49%. Причина такой разницы крылась в том, что расстрелы по «ровсовской операции» не были лимитированными в отличие от наличия лимитов по «кулацкой операции»<sup>2</sup>.

На территории современной Томской области по делам «Союза спасения России», РОВС и кадетско-монархической организации в 1937–1938 гг. были арестованы 4 927 чел., 4 447 (90,26%) из которых осуждены к ВМН<sup>3</sup>. В Кузбассе Сталинским горотделом НКВД по делу РОВС в июне 1937 г. арестованы 65 чел. из числа бывших офицеров и чиновников колчаковской администрации. Все они обвинялись в принадлежности к «монархической повстанческой организации», созданной работавшим в 1935–1936 гг. в отделе главного электрика Кузнецкого металлургического комбината бывшим князем и белым офицером А.А. Гагариным. Арестованные признались в проведении контрреволюционной деятельности, в частности, в создании в Сталинске и пос. Осиновке повстанческих групп. 19 июля 1937 г. по приговору «тройки» они были расстреляны. В это же время аресты были проведены и сотрудниками Кемеровского горотдела НКВД. Здесь удача была еще большей, так как был арестован С.П. Кутепов – младший брат генерала А.П. Кутепова, возглавлявшего в 1928–1930 гг. РОВС в Париже. Вместе с младшим Кутеповым были арестованы бывшие офицеры М.С. Скворцов, Н.М. Брудинский, Н.М. Зеликман, бывший чиновник МВД России В.И. Бафтальский и др. Все поплатились за «контрреволюционную» деятельность своей жизнью<sup>4</sup>.

В процессе реабилитации жертв политических репрессий еще во второй половине 1950-х гг. дела в отношении лиц, осужденных за участие в организациях («Союз спасения России», «РОВС» и «Сиббюро ПСР»), были прекращены за отсутствием состава преступления. Установлено, что названные организации

<sup>1</sup> *Аблажей Н.Н.* Указ. соч. С. 351–353.

<sup>2</sup> Трагедия советской деревни... Т. 5, кн. 1. С. 597; *Аблажей Н.Н.* Указ. соч. С. 353.

<sup>3</sup> Подсчитано автором по базе данных репрессированных жителей Томской области. Что касается «создателя» «Союза спасения России» бывшего князя А.В. Волконского, замечу, что в ходе проверки материалов на незаконно осужденных жителей области было установлено, что Волконский Андрей Владимирович к уголовной ответственности за организационную и антисоветскую деятельность не привлекался. Проживал в г. Томске с 1931 г., 7 февраля 1935 г. умер, о чем в книге записей актов гражданского состояния г. Томска имеется соответствующая запись от 8 февраля 1935 г. за № 249. В хранящихся в архиве УФСБ РФ по Томской области материалах на А.В. Волконского данных о причастности его к контрреволюционным организациям и о связях с Михайловым, Петелиным, Эскиным не имеется. См.: *Боль людская...* 2-е изд. Т. 2. С. 664.

<sup>4</sup> *Генина Е.С.* К истории дела «РОВС» в Западной Сибири // *История белой Сибири* : матер. 5-й Междунар. науч. конф. Кемерово, 2003. С. 249–250.



в действительности не существовали, а были сфальсифицированы сотрудниками органов НКВД.

Коснулись аресты и проходивших службу в СибВО командиров, в том числе из числа бывших, и лиц рядового состава. Первые «враги» были выявлены в подразделениях Политуправления округа еще в феврале 1937 г., когда аресту подверглись начальники Домов Красной армии: в Томске – Я.М. Сурьян, в Омске – Миронов, в Новосибирске – В.Л. Наханович. А далее по известному сценарию – прошлое, компромат, связи и пр., появлялись новые фигуранты – и опять по названной схеме. В мае 1937 г. по команде УНКВД ЗСК была начата кампания массовых арестов по всем гарнизонам округа – в Новосибирске, Томске, Омске, Кемерово, Красноярске. Отдельные из арестованных оказались «связаны» с фигурантами «заговора военных».

По делу «военного заговора» в СибВО было арестовано 703 чел., в основном военнослужащие и 63 члена их семей (жены), в их числе «шпионов»: немецкой разведки – 9, японской – 49, польской – 19, латышской – 8. Органами НКВД были «ликвидированы» 159 шпионских, диверсионных, террористических, повстанческих и иных контрреволюционных групп и организаций: немецкой разведки – 6, японской – 111, польской – 40, латышской – 2. Участникам «заговора» вменялось совершение 18 крупных диверсий и подготовка еще 25, которые были предотвращены проведением упреждающих арестов, отравление военнослужащих и конского поголовья, вредительство при хранении боеприпасов, вооружения и т.п.<sup>1</sup>

Летом и осенью аресты были продолжены. Начальник Политуправления СибВО дивизионный комиссар Н.А. Юнг (будет репрессирован позднее. – В.У.) в представленном в конце 1937 г. в Новосибирский обком ВКП(б) отчете сообщал, что в Политуправлении округа «разоблачены и арестованы как враги народа 10 человек, в штабе и окружных управлениях – 16 человек». В период с 1 мая по 11 ноября 1937 г. аресту в СибВО подверглись 479 чел., в том числе 249 чел. комначсостава, а остальные – рядовой и младший комсостав.

С осени 1937 г. «чистка» армии приняла новое направление – из армии увольнялись, а затем арестовывались поляки, латыши, немцы, эстонцы и представители некоторых иных национальностей – те, кого государство отнесло к «враждебным» ему национальностям. К концу 1937 г. число арестованных солдат и командиров – участников «контрреволюционных» формирований в частях СибВО – превысило 1 100 чел. В 1938 г. аресты были продолжены<sup>2</sup>. Так, в Новосибирске в 233-м стр. полку 78-й стр. дивизии в ноябре 1937 г. были арестованы 7 красноармейцев – немцев по национальности, которых «свели» в контрреволюционную шпионско-диверсионную повстанческую фашистскую организацию. Арестованные были переданы в 3-й отдел УГБ УНКВД по Новосибирской области, где «признались» во всем. Дело было передано на рассмотрение «тройки»,

<sup>1</sup> См.: Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... С. 82–83.

<sup>2</sup> Папков С.А. Обыкновенный террор... С. 204–209.

по приговору которой всех расстреляли<sup>1</sup>. Аресту в дивизии подверглись более 90 военнослужащих.

Анализ социального состава репрессированных по делу РОВС позволяет сделать вывод о том, что репрессиям подвергались не только представители «бывших» и в первую очередь из военных, но и других слоев населения. Н. Аблажей анализирует социальный состав целевой группы (бывшие военнослужащие царской и Белой армии), подробно разбирает категории репрессированных, но делает вывод, что бывшие военные составили не более 10% от числа репрессированных по «ровсовскому» делу; основную же массу пострадавших составили «кулаки». Приводятся данные, что в ходе одновременно проводимой органами НКВД «кулацкой операции» в числе арестованных процент бывших военных также значителен<sup>2</sup>. Какого-либо целенаправленного, логически оправданного разделения жертв по операциям сотрудники органов НКВД не делали, так как важны были итоговые показатели. По этой причине результаты и принадлежность к тем или иным «операциям» определялись «главными» фигурантами обвинения – вокруг них нарастало «мясо» в виде их связей. Полагаю, что крен в ту или другую сторону по «операциям» мог определяться указаниями и установками московского или местного руководства органов НКВД. Необходимо также учитывать и то, что операция «РОВС» не носила строго обязательного характера для большинства регионов страны. Наоборот, она давала возможность проявлять «инициативу» на местах, а уж «привязать» фигурантов к какому-либо конкретному делу или «операции» было делом техники. Наличие военного прошлого только придавало вес расследуемым делам и всегда играло роль отягощавших вину обстоятельств.

Необходимо, говоря об антисоветских эмигрантских организациях, заметить, что уже к середине 1930-х гг. большинство из них утратили «боевую» направленность по причине укрепления международного положения СССР, а также заметного ухудшения материального положения и ограничения помощи со стороны стран антикоммунистического блока. Многие из этих стран уже установили межгосударственные связи с СССР; осложнение отношений им было невыгодно. В подобной ситуации оказался и РОВС. Сказывались и внутренние конфликты, раздиравшие РОВС в силу объединения различных воинских формирований белого движения. Но в соответствии с официальной доктриной все эти организации

<sup>1</sup> Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... С. 103.

<sup>2</sup> Аблажей Н.Н. Указ. соч. С. 354–358. Бывший сотрудник УНКВД по Алтайскому краю Г.С. Каменских в мае 1954 г. показал, что в период проведения «ровсовской» операции в Бийском районе были составлены списки членов местной организации – 1 100 чел.: «...когда исчерпаны были все агентурные разработки, были посланы по производствам и сельсоветам люди, выявлявшие кулаков, и их арестовывали и присоединяли к «ровсовской» организации». См.: Разгон В.Н. Репрессии против бывших «кулаков» в Алтайском крае в 1937–1938 гг. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2209. С. 88. Г.Д. Жданова, анализируя реализацию приказа № 00447 в Алтайском крае, пришла к выводу, что если до 5 октября 1937 г. «тройка» УНКВД рассматривала дела на членов РОВС отдельно, то в последующий период «ровсовская» и «кулацкая» операции слились и какого-либо деления не было, по крайней мере, в протоколах заседания «тройки», что подтверждает слова Г. Каменских. См.: Жданова Г.Д. Статистический анализ реализации приказа № 00447 в Алтайском крае в октябре 1937 – марте 1938 г. // Сталинизм в советской провинции... С. 722–723.

продолжали играть роль сил, представлявших реальную угрозу для Советского государства.

Уместно также вспомнить и о том, что еще одной формой своеобразной расправы с «бывшими», в том числе с военными, было их увольнение из армии. Под предлогом повышения боеготовности вооруженных сил страны только в 1933 г. из армии были изгнаны 22 308 чел. Важнейшим основанием для этого являлась **социальная принадлежность** военнослужащих, по этой причине (бывшие кулаки и их родственники, духовенство, бывшие офицеры) было уволено более 50%, по **признаку** политической неблагонадежности – 8 828 чел. (т.е. без достаточных и реальных оснований). Это, кстати, для определенной категории военнослужащих было возможностью служебного роста. В 1934–1936 гг. из армии было уволено еще около 22 тыс. чел., примерно 5 тыс. из них были признаны оппозиционерами. Арестам за совершение различных преступлений были подвергнуты еще около 10 тыс. чел.<sup>1</sup>

Все «грехи» бывших военных четко фиксировались соответствующими структурами через системы оперативного учета. И даже в 1940-е гг. государство еще не единожды вспоминало о них, пересчитывая, сколько же их осталось и какую «угрозу» для государства они могли представлять<sup>2</sup>.

Таким образом, репрессивная политика Советского государства имела четкую направленность на ликвидацию той части общества, которая была способна оказать серьезное сопротивление, в том числе и вооруженным путем. Таковыми представителями, по мнению большевистского руководства страны, могли стать бывшие военнослужащие царской и белых армий, которые в результате Октябрьского переворота 1917 г. утратили свои привилегии как представители элитарной части российского общества, материальные блага, а главное, были многократно унижены люмпенизированной частью населения страны. При наличии у основной их массы привитых понятий чести, достоинства, преданности и верности присяге, хорошей военной подготовки они действительно могли представлять угрозу большевикам, что ярко проявилось в первые годы советской власти. Многие кадровые офицеры создавали подпольные организации или бросались во всевозможные авантюры, если те преследовали своей целью борьбу с советской властью.

Власть это помнила всегда, организовав в последующие годы четкую систему контроля за ними практически во всех сферах жизни. Периодически органы ОГПУ–НКВД «вскрывали контрреволюционные организации», вновь и вновь репрессивными мерами устрашая этот контингент, заставляя «покориться» и превратиться в управляемую массу. Подобная политика дала свои результаты, в стране к началу Великой Отечественной войны была практически полностью ликвидирована как активная антикоммунистическая сила эта социальная прослойка.

<sup>1</sup> Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 106.

<sup>2</sup> В 1949 г. в органах МГБ СССР была организована работа по обновлению списков бывших военнослужащих. Так, в Управлении МГБ СССР по Томской области составлена обновленная «Справка о местах концентрации лиц, служивших в колчаковской и других белых армиях, а также чиновников белогвардейских правительств по состоянию на 1 июня 1949 г.». См.: Колосов И.В. Указ. соч. С. 181.

### 2.3. Старые специалисты

Особое отношение у большевистского руководства было к старым специалистам. Многие из них осознанно перешли на сторону новой власти и добросовестным трудом доказывали желание служить своей стране, своему народу. Но большевики специалистов воспринимали как «буржуазную интеллигенцию», используя их опыт и знания с потребительских позиций – выжимать из них все, что было так необходимо в те годы советскому государству, в том числе и участь у них. Одновременно специалистов относили к враждебной группе населения, полагая должным держать их под постоянным контролем как на службе, так и в быту, ставя в определенные рамки. По этой причине практически все первое пятилетие после Октября 1917 г. сопровождалось их активным преследованием, что заставило многих специалистов, так необходимых новому государству, покинуть Россию добровольно либо вынужденно.

Л.И. Пыстина привела данные, что к августу 1919 г. в бюро по учету и распределению технических сил в различных наркоматах было зарегистрировано 29 122 специалиста науки и техники. В 1920 г. на учете состояли уже 50 275 специалистов, в числе которых работников транспорта и строительства – 9 287, электротехнической промышленности – 8 234, химической – 5 123, горно-металлургической – 3 253, специалистов сельского хозяйства – 19 626. В Сибири к ноябрю 1920 г. на учете значился 6 381 специалист (техники и специалисты сельского хозяйства), в том числе около 1,5 тыс. чел. с высшим образованием: горняки, геологи, механики, электротехники, строители, химики, лесоводы и др.<sup>1</sup>

Б.А. Викторов отмечал, что «под классовым врагом в городе имелось в виду около 700 тыс. чел., отнесенных по принадлежности к городской буржуазии, хотя большинство из них служило чиновниками в советском аппарате, – все равно они были “бывшими”, следовательно, “чуждые”... В промышленности насчитывалось 30 тыс. старой интеллигенции, некоторые из них не порывали связей со своими “прежними хозяевами”... В них видели потенциальных агентов международной буржуазии и их разведок»<sup>2</sup>.

Подобная оценка была характерной для многих представителей победивших большевиков и сотрудников ВЧК. Так, председатель ЧК по борьбе с контрреволюцией на Восточном фронте, член коллегии ВЧК М.Я. Лацис в одной из своих статей в журнале «Красный террор» высказал мысль о том, что не следует искать обвинительных улик против отдельных представителей буржуазии и буржуазной интеллигенции, достаточно выяснить происхождение, образование и профессию арестованного. За свое высказывание он был подвергнут Лениным критике, которая, конечно же, не стала широко известной<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Пыстина Л.И. «Буржуазные специалисты»... С. 11, 14.

<sup>2</sup> Викторов Б.А. Без грифа «Секретно». Записки военного прокурора. М., 1990. С. 145.

<sup>3</sup> Велидов А.С. Указ. соч. С. 227–228; Ленин В.И. Маленькая картинка для выяснения больших вопросов // Полн. собр. соч. М., 1975. Т. 17. С. 410. Работа была написана в 1918 – начале 1919 г., но впервые опубликована в 1926 г.

Преследование «спецов» можно объяснить несколькими причинами. Будучи возвращенными в другой среде и в другой системе ценностных ориентаций, они не могли смириться с результатами организованного и успешно реализованного большевиками на практике «социального катаклизма», резко изменившего социальную систему и все её составляющие. Некомпетентность принимаемых большевиками решений, особенно в социально-экономической сфере, еще больше увеличивала разрыв между новой властью и старыми специалистами. Пугала последних и агрессивность внутренней политики, в частности по отношению к крестьянству. Здесь уместно вспомнить, что «спецы» в абсолютном большинстве были людьми аполитичными и беспартийными.

Именно последний фактор, на мой взгляд, рассматривался большевиками в качестве наиболее опасного момента. Высокообразованная «каста», утратившая все блага и привилегии, не принявшая изменений, навязываемых большевиками, продолжала оставаться носителем прежней идеологии, что, по мнению большевистского руководства, могло быть использовано прямыми врагами режима для привлечения этого контингента в свои ряды. Не учитывать этого было нельзя.

В принятой на XII Всероссийской конференции РКП(б) в августе 1922 г. специальной резолюции «Об антисоветских партиях и течениях» говорилось: «Вместе с тем нельзя и отказаться от применения репрессий не только по отношению к эсерам и меньшевикам, но и по отношению к политиканствующим верхушкам мнимо беспартийной буржуазно-демократической интеллигенции, которые в своих контрреволюционных целях злоупотребляют коренными интересами целых корпораций и для которых подлинные интересы науки, техники, педагогики, кооперации и т.д. являются пустым словом, политическим прикрытием... Репрессии... диктуются революционной целесообразностью, когда дело идет о подавлении тех отживающих групп, которые пытаются захватить старые, отвоеванные у пролетариата позиции...»<sup>1</sup>.

Таким образом, можно предполагать, что участь «спецов» была предрешена: они подлежали активному подавлению и угнетению вплоть до физического устранения наиболее активных и последовательных оппонентов режиму, оппонентов идейных, т.е. самых опасных для власти.

Только необходимость в решении важнейших задач по восстановлению разрушенной войнами экономики заставила власть «сменить гнев на милость», пусть и временно, и активно использовать «бывших» как интеллектуальный ресурс. В стране был задействован принцип принудительного привлечения специалистов к выполнению необходимых работ, в том числе и не по их прямой специальности. Все они подлежали обязательной постановке на учет. В Сибири вопросами учета и распределения технических специалистов ведало специальное бюро при Совнархозе (СибБУРТС), подчинявшееся Главному бюро учета в Москве. В подчинении СибБУРТСа находились отделы в Иркутске, Красноярске, Томске, Барнауле, Семипалатинске, Омске и Новониколаевске. Учету подлежали лица, окончившие в России или за границей специальные технические учебные

---

<sup>1</sup> Цит. по: *Викторов Б.А.* Указ. соч. С. 44–45.

заведения, практики без наличия специального образования, но занимавшие не менее двух лет руководящие должности на промышленных, транспортных и сельскохозяйственных предприятиях, студенты технических вузов, получившие специальное образование художники, граверы, декораторы, скульпторы, архитекторы и др. Зарегистрироваться должны были профессора и ассистенты вузов, руководящий персонал предприятий и учреждений и другие руководители. К июлю 1920 г., по неполным данным, в Томской, Омской, Алтайской, Иркутской и Енисейской губерниях было учтено 4 572 специалиста (горняки, геологи, механики, электротехники, строители, химики, специалисты сельского хозяйства и лесоводы, военные специалисты и др.), примерно 58% из них находились в Томской, 24% – в Иркутской и 13% – в Омской губерниях<sup>1</sup>. Не были забыты и специалисты в области сельского хозяйства, медицины, образования и др.

Проведение мероприятий по мобилизации способствовало увеличению численности специалистов, состоявших на государственной службе, но одновременно показало и неэффективность этих мер, так как специалисты не были заинтересованы в результатах своего труда. По этой причине середина 1920-х гг. ознаменовалась смягчением политики по отношению к специалистам, т.е. работал ленинский принцип заключения компромиссов. Так, на III Сибирской краевой партконференции в марте 1927 г. первый секретарь крайкома С.И. Сырцов, выступая с резкой критикой «антиспецовских» настроений, заявил: спецы нам нужны; мы их ценим, поскольку у нас имеется недостаток своих спецов; необходимо их поставить в такие рамки, чтобы они чувствовали, что мы дорожим ими, – таков был набор его аргументаций в пользу специалистов, дополненный угрозой и предупреждением: дорожить, но не заигрывать со спецами до тех пор, пока мы не можем заменить их более подходящими<sup>2</sup>. Прямой прагматизм; оставалось только дожидаться, когда появятся «более подходящие» – уже советские – специалисты.

Однако пока формировалось новое поколение специалистов, пусть и не имевших практического опыта, эксперименты над экономикой (догнать и перегнать и т.п.) привели к тому, что потребовались «козлы отпущения», каковыми и стали «старые» специалисты. На них сваливали все просчеты, неполадки, факты нарушения производственной и трудовой дисциплины, техническую неграмотность рабочих, пришедших к станку от сохи и не имевших профессиональных знаний и навыков, чью-то лень и безответственность, а также имевшие место акты вредительства, диверсий и поджогов, от которых сложно было отделить аварии и происшествия по причинам технических неполадок, сбоях производственных процессов и т.д., т.е. происшествий, вызванных объективными причинами. А «вредительская» деятельность позволяла оправдывать все провалы и упущения, допускаемые руководством всех уровней и новыми «командирами производства».

---

<sup>1</sup> Осташко Т.Н. Государственное регулирование профессиональной деятельности интеллигенции... С. 11–12.

<sup>2</sup> Цит. по: Соскин В.Л. Ученые Сибири в фокусе дискриминации (20-е гг.) // Дискриминация интеллигенции... С. 88.

Необходимо было учитывать и фактор негативного отношения к специалистам как со стороны новых руководящих кадров, так и со стороны рядового персонала. Требования «спецов» строго соблюдать производственную дисциплину, нормы и правила работы на оборудовании часто воспринимались как надуманные придирки. При каждом удобном случае им напоминали, что они «бывшие». Любое происшествие списывалось на их неприятие социалистических преобразований, тем более что печать активно тиражировала тезисы партийно-советского руководства страны о враждебном отношении специалистов из числа «бывших» к новому строю.

Взаимоотношения между «старыми» и «новыми» специалистами четко определены в постановлении закрытого заседания президиума Сибкрайсовнархоза от 24 мая 1928 г.: «...наличие значительного количества специалистов, **чуждых советскому строительству и не приспособленных к нему..., замкнутость и нежелание специалистов, особенно старых практиков, поделиться с молодняком полученным ими опытом**». И далее отмечалась позиция молодых специалистов: «**Наличие в среде молодых специалистов явлений самомнения и отсутствия с их стороны подходов к использованию опыта старых специалистов**»<sup>1</sup>. Постановляющая часть одним из первых пунктов провозглашала необходимость пересмотра имевшихся кадров на предмет замены «буржуазных и неприспособленных к советскому строительству элементов». Этот документ интересен хотя бы тем, что открыто демонстрировал отношение к старым «спецам» как курсу государственной политики. С другой стороны, как-то несерьезно звучит определение молодых специалистов – «молодняк», неоднократно употребляемое в документе, т.е. сквозит некое пренебрежение к новым «командирам производства», если в это определение не вкладывался какой-либо иной смысл.

<sup>1</sup> Постановление закрытого заседания президиума Сибкрайсовнархоза «О кадрах специалистов сибирской промышленности» от 24 мая 1928 г. См.: *Власть и интеллигенция в сибирской провинции. У истоков советской модернизации. 1926–1932 : сб. документов.* Новосибирск, 1999. С. 145–147. Здесь уместно привести предсмертную записку покончившего жизнь самоубийством в октябре 1928 г. технического директора Новосибирского мыловаренного завода Петра Михайловича Жаркова, 1896 г.р., ур. Забайкалья, получившего образование в Швейцарии, Италии, Германии, доктора наук. В записке, адресованной правлению Сибкрайсоюза, давая оценку мерам в отношении старых специалистов, он писал: «При создавшемся положении, когда вместо того, чтобы максимально использовать небольшие ресурсы умственных сил нашей страны, мы занялись истреблением интеллигенции, полагая потворством люмпен-пролетарским и шкурническим элементам упрочить существующий порядок, не остается никаких надежд на социалистический строй. Невежественные РКИ и прокуратура и лишённые чувства ответственности профсоюзные вельможи, не смеющие потребовать от рабочих того напряжения, которое диктуется положением народного хозяйства, не могут, конечно, вести честную борьбу с бузотерами, которые вот-вот овладеют всей жизнью.

Я сделал посильный вклад на общее благо и теперь, не видя возможности продолжать работу, я предпочитаю уйти совсем, положение крепостного раба я не в состоянии далее выносить. Я, будучи нищим, не оставляя семье даже крова, прошу Правление об одном: дать средства на воспитание моего сына. Я сложился на работе Сибкрайсоюза и полагаю, что в этой просьбе не встречу отказа.

Для успешного развития промышленного предприятия необходима единоличная власть в руках знающего дело человека, необходимо отбросить здесь всякое лицемерие. Система двух директоров – нелепость. Тайна прочного существования планового хозяйства [-] соединение знания с властью, у нас они нарочито разъединены[,] и мы гибнем». Там же. С. 316.

С учетом особенного статуса специалистов как потенциальных противников режима, в частности на протяжении 1920-х гг., в стране была организована и четко действовала система их учета, разработанная и реализуемая через решения ЦИК и СНК. Эта система позволяла контролировать любые действия специалистов, связанные со сменой мест работы или жительства, так как целым рядом нормативно-правовых актов (в том числе и местного уровня) предусматривалось обязательное согласование перехода на новое место работы с руководителями организаций и учреждений (где ранее работал и куда собирался поступить на работу или учебу). С начала 1920-х гг. интеллигенция постоянно находилась в поле зрения ВЧК–ГПУ. Особое внимание к ней было вызвано тем, что в силу обстоятельств среду специалистов и служащих пополнили выходцы из дворянства, буржуазии и других ранее привилегированных сословий и групп. Кроме того, лидерами всех политических движений небольшевистской направленности также были представители интеллигенции. По этой причине Ф. Дзержинский в сентябре 1922 г. писал И. Уншлихту: «Надо всю интеллигенцию разбить по группам. Примерно: 1) Беллетристы; 2) Публицисты и политики; 3) Экономисты (здесь необходимы подгруппы: а) финансисты, б) топливники, в) транспортники, г) торговля, д) кооперация и т.д.); 4) Техники (здесь также подгруппы: 1) инженеры, 2) агрономы, 3) врачи, 4) генштабисты); 5) профессора и преподаватели и т.д. и т.д.). Сведения должны собираться всеми нашими отделами и стекаться в отдел по интеллигенции. На каждого интеллигента должно быть дело. Каждая группа и подгруппа должна быть освещена всесторонне... Сведения должны проверяться с разных сторон так, чтобы наше заключение было безошибочно и бесповоротно, чего до сих пор не было... Надо помнить, что задачей нашего отдела должна быть не только высылка, а содействие выпрямлению линии по отношению к спецам, т.е. внесение в их ряды разложения и выдвигания тех, кто готов без оговорок поддерживать советскую власть...»<sup>1</sup>.

В обязательном порядке до начала 1927 г. все организации и учреждения представляли в органы ОГПУ анкеты и автобиографии поступавших на службу специалистов и служащих. С 1927 г. в органы стали направлять списки (помесячные и годовые) всех служащих с обязательным указанием сведений, освещавших их жизненный путь, – от установочных данных до партийной принадлежности в прошлом и настоящем, отношении к воинской обязанности (с указанием мест и времени прохождения службы, наличия воинской специальности), результатов прохождения «чисток» и многого другого. В соответствии с Постановлением ЦИК и СНК СССР (май 1928 г.) «О персональном учете инженеров, техников, агрономов и иных специалистов народного хозяйства» была введена их регистрация в органах Наркомата труда. От работающих специалистов либо поступающих на службу требовалось предъявление документов, свидетельствующих об их постановке на учет. Все это давало государству возможность по мере необходимости привлекать нужных специалистов для решения народнохозяйственных задач – развития новых отраслей промышленного произ-

<sup>1</sup> Цит. по: Красильников С.А. Высылка и ссылка интеллигенции как элемент советской карательной политики (1920-х – начала 1930-х гг.) // Дискриминация интеллигенции... С. 26–27.



водства, организации строительства новых городов и предприятий, освоения необжитых мест и т.п., а чекистским органам – осуществлять за ними оперативный контроль, как и за прочими «бывшими».

В этих условиях особое место отводилось органам ВЧК–ОГПУ, на которых возлагались обязанности организации оперативного (секретного) изучения «спецов», направленного на выявление их политических взглядов, отношения к советской власти, а также сбора компрометирующих материалов. На решение этих задач были ориентированы и «Бюро содействия» чекистским органам, созданные в организациях и учреждениях. Согласно первоначальным планам их предполагалось использовать для работы с конкретными политическими оппонентами большевиков, однако среди специалистов таких было немало. Нарбатываемая информация систематизировалась и накапливалась, чтобы в удобный момент быть извлеченной на свет для использования по назначению, чаще всего в ущерб тому, кого она касалась.

С.А. Красильников привел пример одного такого «целевого обзора» политических настроений интеллигенции<sup>1</sup>. Подготовленная руководством ОГПУ докладная записка в ЦК ВКП(б) давала «срез» реакции представителей разных слоев интеллигенции на государственную политику. Даже простое ознакомление с перечнем разделов документа позволяет сделать вывод о достаточно глубокой проработке вопроса. Авторы записки сообщали об изменении политических взглядов значительной части интеллигенции и об её отказе от явных антисоветских проявлений. На первый план у интеллигенции выдвинулись проблемы неудовлетворенности проводимой в стране политикой и поиск возможных легальных методов борьбы с советской властью.

Характеризуя отдельные слои интеллигенции, авторы записки, например, подчеркивали, что старая профессура представляет собой сплоченную группу, которая зачастую, используя свой научный авторитет, выступает по отдельным вопросам экономической жизни единым фронтом в противовес общественным и партийным организациям вузов. Наряду с вузами центральной части России и Урала упоминался и Томск. В качестве вывода отмечалось, что профессура «советизируется» чрезвычайно слабо: «Тесно спаянная правая её часть... представляет собой явно враждебную соввласти непримиримую группу... Эта враждебность только в отдельных случаях проявляется открыто. Как общее правило – враждебная соввласти политика реакционной профессуры хорошо замаскирована академизмом и аполитичностью»<sup>2</sup>.

В этой оценке профессуры просматривается явная тенденциозность и предвзятость, начиная хотя бы с навешивания ярлыка «реакционная». Содержание записки однозначно свидетельствовало о нежелании представителей новой власти в тех же вузах посмотреть на происходившие в учебном процессе явления, например на систему набора студентов, с позиций «старой» профессуры. Представители её в данной записке рассматривались не как живые люди и

<sup>1</sup> См.: Красильников С.А. Политические настроения послереволюционной интеллигенции в обзоре ОГПУ (лето 1926 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. 1996. № 2. С. 72–80.

<sup>2</sup> Там же. С. 75–76.

специалисты, опыт и знания которых необходимо впитывать и изучать, а как некий неодушевленный придаток одного из «механизмов» советской системы – статисты.

В ЦК ВКП(б) документ не мог остаться без внимания. В самой партии в эти годы не утихали политические баталии, а посему важно было владеть ситуацией в стране, в том числе в высших учебных заведениях. Ведь подготовку будущих советских руководителей и специалистов вели потенциальные противники, идеологически не разоружившиеся в большинстве своем, пусть и грамотнейшие специалисты и ученые. Более того, осторожность оценок настроения интеллигенции и скрытое, но читаемое предупреждение органов ОГПУ об её враждебности к советской власти также не могло не беспокоить партийно-советское руководство страны. Можно согласиться с С. Красильниковым в том, что данная докладная записка могла сыграть важную роль в предыстории преследований «спецов».

Упоминаемую в докладной записке спаянность «бывших» легко объяснить. Это были люди одного круга, одного сословия, объединенные интересами, взглядами, образом жизни, одинаково ущемленные большевиками и все потерявшие при новой власти. Только в общении с себе равными они могли отвлечься от реальных действительности, вспоминать о прошлом, мечтать о будущем.

7 октября 1927 г. Особым совещанием при Коллегии ОГПУ были осуждены по ст. 58-5 УК РСФСР к высылке через ПП ОГПУ в Сибирь (без указания конкретного места) сроком на три года проживавшие в г. Новосибирске Н.А. Щукина, Н.Б. Колюбакин, Д.О. Тизенгаузен и П.В. Бражников. Из материалов дела бывшего барона Д.О. Тизенгаузена, хранящегося в архиве УФСБ РФ по Новосибирской области<sup>1</sup>, стало известно, что в Новосибирске в середине 1920-х гг. сложилось объединение на неформальной основе из числа «бывших». В него вошли вышеназванные лица: Щукина Н.А. – бывшая дворянка, врач; Тизенгаузен Д.О. – бывший дворянин, при царской службе – губернатор в чине статского советника, на момент ареста – консультант по финансово-экономическим вопросам крайплана; Колюбакин Н.Б. – бывший дворянин, Бражников П.В. – бывший офицер, а также Новомбергский Н.Я. – бывший дворянин, профессор Томского университета, в 1918–1919 гг. занимал пост товарища министра внутренних дел в Колчаковском правительстве; Болдырев В.Г. – бывший член Уфимской директории и командующий одной из белых армий (о нем уже было рассказано выше), и другие из числа «бывших». Их объединяла социальная принадлежность, общность политического мыш-

---

<sup>1</sup> Папков С.А. «Социально опасные субботники» барона Тизенгаузена и его друзей. См.: Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 1. С. 358–375. Статья 58-5 УК РСФСР предполагала «склонение иностранного государства или каких-либо в нем общественных групп, путем сношения с их представителями, использования фальшивых документов или иными средствами, к объявлению войны, вооруженному вмешательству в дела Союза ССР или иным неприязненным действиям, в частности: к блокаде, к захвату государственного имущества Союза ССР или союзных республик, разрыву дипломатических сношений, разрыву заключенных с Союзом ССР договоров и т.п.». Полагаю, что совершение чего-либо из перечисленного в условиях Сибири в названный период времени было практически невозможно, однако следствию было видно.

ления и «одинаковость антисоветского отношения к существующему порядку и проводимым мероприятиям советской власти и партии».

Участники организации были арестованы в июне 1926 г. Проведенное уполномоченным КРО ПП ОГПУ Шульделем следствие позволило предъявить четверым «главным» фигурантам обвинение в совершении преступления по ст. 58-5 УК РСФСР, применявшееся на практике крайне редко. Всем было инкриминировано создание группировки антисоветского характера, стремившейся к объединению враждебного существующему порядку элемента с целью всемерного возможного содействия всякой деятельности, клонящейся к подрыву власти и государственного строя.

Заместитель Новосибирского окружного прокурора Иванов с предъявленным обвинением не согласился, отметив: «...добытым материалом НЕ УСТАНОВЛИВАЕТСЯ наличие образования контрреволюционной организации с определенными целями АКТИВНОГО выступления против власти или ОКАЗАНИЯ СОДЕЙСТВИЯ и помощи международной буржуазии, что «субботники» (вечера встреч. – В.У.) устраивались лишь узко определенным кругом лиц антисоветского направления, что деятельность обвиняемых... не выходила из пределов антисоветских рассуждений и брюзжаний... Однако устанавливается, что все четверо обвиняемых безусловно являются АНТИСОВЕТСКИМ элементом, что проявленные ими действия составляют, бесспорно, СОЦИАЛЬНУЮ ОПАСНОСТЬ...». По этой причине он соглашался с предложением Новосибирского окротдела о передаче дела для внесудебного рассмотрения в Особое совещание Коллегии ОГПУ. Кроме того, Иванов отметил и тот факт, что на собраниях группы присутствовали только «свои» люди, т.е. представители одного сословного круга, «иной раз человек до 30»<sup>1</sup>.

А могло ли быть иначе? Сложно представить общую компанию из дворян, князей, чиновников, офицеров и членов большевистской партии, рабочих, крестьян и других представителей новой власти и нового строя. Во-первых, вряд ли нашлось бы что-либо их объединявшее, а во-вторых, классовое размежевание в те годы носило ярко выраженный и обостренный характер.

Судьба членов этого неформального объединения трагична. Еще ранее многие из них арестовывались органами ВЧК–ОГПУ, не избежали они репрессий и в будущем. Так, например, в 1937 г. были расстреляны В.Г. Болдырев и Д.О. Тизенгаузен, оставивший после себя целую серию рассказов и зарисовок, характеризовавших советскую действительность тех лет, что ему и инкриминировалось по настоящему делу.

В конце 1920-х гг. на органы ОГПУ возложили и задачи по борьбе с вредительством, основными «проводниками» которого были объявлены, как уже отмечалось выше, старые кадры специалистов. Уже в 1927 г. партийно-советское руководство страны обязало органы ОГПУ усилить репрессии за халатность, непринятие мер охраны и пожарной безопасности на производстве. Халатность

---

<sup>1</sup> Панков С.А. «Социально опасные субботники»... С. 362–363.

должностных лиц, повлекшая за собой взрывы, разрушения, пожары, порчу оборудования, имущества и т.п., была приравнена к государственному преступлению<sup>1</sup>. Казалось бы, что власть понять можно, так как начавшаяся в СССР промышленная революция очень дорого обошлась государству по причине огромных затрат на возведение промышленных гигантов, закупку дорогостоящего импортного оборудования и его монтаж, оплату труда иностранных специалистов, помогавших возводить эти объекты, и многое другое. В этих условиях на счету был каждый рубль. Но государство, ужесточая политику, как бы «забывало» о самом важном – о кадрах, которым приходилось реализовывать планы экономического прорыва в будущее. Ведь самые опытные и грамотные специалисты из «бывших» не могли справиться с многотысячными технически неграмотными и необученными коллективами. Власть не могла ждать, полагая, что репрессиями сможет придать экономическим преобразованиям нужное ускорение и темпы. По этой причине органам ОГПУ были значительно расширены права при расследовании дел о вредительстве, дано право вынесения смертных приговоров. Практически все дела рассматривались во внесудебном порядке.

К этому же периоду относится введение в практику упрощений трактовки контрреволюционных преступлений. Так, XVIII пленум Верховного Суда СССР 2 января 1928 г. принял постановление «О прямом и косвенном умысле при контрреволюционных преступлениях», которое ориентировало органы суда и прокуратуры на понимание того, что лицо, совершившее указанные действия, не ставя при этом перед собой контрреволюционной цели, подпадало под эти действия. Все это дало судебным органам возможность привлечения к уголовной ответственности лиц при недоказанности факта контрреволюционного умысла<sup>2</sup>.

Результат такого подхода сказался уже летом 1928 г., когда в СССР был организован и проведен политический процесс по так называемому «Шахтинскому делу». К ответственности были привлечены десятки инженеров и техников из числа «бывших» за проведение «вредительской» деятельности. Многим из них, кстати, сроки лишения свободы были заменены на «ссылку» в Кузбасс, где они продолжили работать в угольной промышленности<sup>3</sup>. Реализация этого проекта

<sup>1</sup> В начале второй половины 1920-х гг. в стране были зафиксированы многочисленные случаи пожаров и взрывов на промышленных объектах. Только в январе–феврале 1927 г. на предприятиях государственной важности произошло 157 пожаров, взрывов и попыток данных деяний, в апреле в стране произошло 75 пожаров, 7 взрывов, 51 техническая авария, в июне – 210 происшествий, в ноябре – 14 пожаров, 1 взрыв, 18 технических аварий. См.: История советских органов государственной безопасности... С. 164, 184. Несомненно, основная их часть не имела отношения к умышленным действиям со стороны «врагов» и «вредителей».

<sup>2</sup> *Осташко Т.Н.* Власть и интеллигенция: динамика взаимоотношений на рубеже 1920–1930-х годов // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. 1998. № 2. С. 20–21; *Соломон П.* Указ. соч. С. 130; *Викторов Б.А.* Указ. соч. С. 147–148.

<sup>3</sup> См.: *Папков С.А.* Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Новосибирск, 1997. С. 84–86. Но и в Кузбассе названные специалисты «прижились» не все, многие были репрессированы в последующие годы. В «Информационном бюллетене» № 33 ЭКО ПП ОГПУ по Сибкраю о финансово-производственном состоянии и специалистах Кузбасстреста от 28 апреля 1928 г. отмечалось, что «в связи с раскрытием заговора специалистов в Шахтинском районе производственная деятельность треста, а также участие в ней специалистов была подвергнута анализу в духе шахтинского вредительства. Предпосылки такого анализа... имеются». А в докладной записке ПП ОГПУ «О политическом состоянии горняцких органов Сибкрая» от 7 сентяб-

партийно-советского руководства страны позволила И. Сталину в апреле 1929 г. на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) заявить, что «вредительство буржуазной интеллигенции есть одна из самых опасных форм сопротивления против развивающегося социализма»<sup>1</sup>.

Последующие процессы начала 1930-х гг. («Промпартия», «Трудовая крестьянская партия» («ТКП») и «Союзное бюро ЦК РСДРП (меньшевиков)») явились продолжением политики дальнейшего разгрома кадров научной и производственно-технической интеллигенции<sup>2</sup>. В повседневной прокурорско-судебной практике стало возобладать течение перекалфикации во вредительство простых обвинений в халатности и злоупотребления служебным положением (властью). Даже незначительное выведение из строя оборудования по причине отсутствия квалификации рассматривалось как «мелкое вредительство». Однако определяющим в этом сочетании становилось слово «вредительство».

Еще одним свидетельством особого отношения к специалистам явилось дело «вредителей снабжения», когда по причине ухудшения обстановки с продовольствием в стране была «раскрыта» контрреволюционная организация, ставившая своей целью организацию в стране голода и недовольства широких рабочих масс, чтобы содействовать свержению диктатуры пролетариата. Согласно официальной позиции организацию возглавляли профессора А.В. Рязанцев и Е.С. Каратыгин – специалисты Наркомата торговли СССР. К высшей мере наказания – расстрелу – были приговорены 48 чел., о чем 25 сентября 1930 г. сообщила центральная пресса. Западная Сибирь также не осталась в стороне от борьбы с вредителями в области снабжения, свидетельством тому явилось «мясное дело», которое расследовали сотрудники ОГПУ в 1930–1931 гг.

14 мая 1930 г. за подписью заместителя полпреда ОГПУ по Ивановской промышленной области Бермана и начальника ЭКО ПП Рысина в ЭКУ ОГПУ было направлено с просьбой о принятии мер письмо следующего содержания: «Поступившее за последние месяцы из заготовительных пунктов в Ивпромобласть большими партиями мясо по своему качеству к употреблению в пищу почти со-

---

ря 1928 г. уже конкретно отмечалось, что до событий в Донбассе «ненормальности» на производстве в большинстве случаев объяснялись «объективными причинами», неумением руководителей «наладить горное дело, беспхозяйственностью отдельных администраторов» и т.п. Шахтинское же дело заставило посмотреть на деятельность специалистов со стороны их возможного вредительства. В записке утверждалось, что «полутора-двухлетняя деятельность специалистов, выписанных из Донбасса, привела к целому ряду просчетов, злоупотреблений, преступной халатности», к непроизводительным затратам на предприятиях треста «Кузбассуголь». Отмечались многочисленные случаи вредительства со стороны технического персонала и специалистов. См.: *Власть и интеллигенция в сибирской провинции...* С. 139, 313.

<sup>1</sup> *Сталин И.* Собр. соч. М., 1953. Т. 12. С. 14. Т.Н. Осташко в работе «О правом уклоне в ВКП(б)» заменила слово «буржуазной» на «старой», что не изменяет смысла цитаты «вождя народов», но, на мой взгляд, нарушает принцип объективности.

<sup>2</sup> Академик Н.И. Вавилов в своем письме друзьям за границу 7 октября 1931 г. писал: «**Эта (прошлая ныне) весна была не очень легка для специалистов в СССР. Волна недоверия** в связи с процессами Рамзина, Суханова, Осадчего и др. пошла дальше и **выразилась недоверием вообще к интеллигенции.** Началась суровая и, как правило, несправедливая критика под углом якобы диалектического материализма. Устранено от заведования много специалистов. Часть была даже под арестом в связи с обвинениями в контрреволюции. Это не подтвердилось во многих случаях, но немало людей пострадало зря». См.: *Савина Г.А.* Чистые линии (В.И. Вернадский и Н.И. Вавилов) // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995. С. 19.

вершено непригодно, так как имеет гнилостный запах и следы явного разложения. Мясо засолено преступно небрежно и упаковку имеет скверную. Так, например: мясо хорошее по качеству упаковано в бочках вместе с испорченным; присланная солонина транспортировалась в полуразвалившихся корзинах, худых бочках, завернута солонина в брюшины и кишки, не очищенные от навоза... в поступающих партиях было смешано мясо рогатого скота с кониной, верблюжатиной, бараниной, зайчатинной и дичью. Кроме того, даже попадались в партиях куски вареного мяса, кости и головы коровьих туш. За последние три месяца было заслано... недоброкачественного мяса 56 тонн и 470 килограмм.

Особо недоброкачественно было мясо, поступившее из Новосибирска...

Мясо весенних отправок, прибывающее из Башкирской Республики и Сибири, крайне недоброкачественно и в пищу мало пригодно... В середину бочек, с явно вредительской целью, в хорошее мясо вложены куски совершенно разложившегося.

Распределение по потребителям недоброкачественного мяса вызывает нарекание среди рабочих Ивановской промышленной области. От употребления недоброкачественного мяса имеются случаи заболеваний...»<sup>1</sup>.

Копии этого письма были направлены в партийные органы и ПП ОГПУ по Сибкраю и Башкирский областной отдел ОГПУ, т.е. в регионы, откуда были организованы поставки недоброкачественного мяса.

Уже 25 мая, в соответствии с резолюцией (подпись неразборчива. – В.У.) «произвести строгое расследование и арестовать виновных», ПП ОГПУ по Сибкраю было начато расследование, а вскоре была «раскрыта» контрреволюционная вредительская организация в сибирской системе мясозаготовительных организаций и возбуждено уголовное дело.

После знакомства с многотомным уголовным делом можно с полным основанием предположить, что действительно имели место случаи вредительства. Сложно разглядеть «злой умысел» в действиях Бермана и Рысина, составивших данное письмо, так как в материалах дела представлены многочисленные акты обследования некачественных мясopодуKтов<sup>2</sup>. Однако, на мой взгляд, расследование дела вылилось в поиски «врагов», а не действительных виновников случившегося.

Так, следствие установило, что организация возникла и оформилась в 1929 г. и состояла из бывших владельцев и служащих частных мясоторгующих фирм, быв-

<sup>1</sup> Архив УФСБ по Новосибирской области. Д. 11516. Т. 6. Л. 531.

<sup>2</sup> Там же. Л. 306–323. С.А. Папков в своем рассказе о «мясном деле» ведет речь о том, что крестьянство, «спасая [скот] от коллективизации», стало в массовом порядке забивать и распродавать его, а заготовительные пункты стали скупать резко подешевевшее мясо и скот без всяких нормативов. Отсутствовало какое-либо регулирование этих процессов, «быстро образовавшиеся невероятные запасы сырья перерабатывать не успевали, и продукция начала гибнуть. Порча была огромной. Выбываясь из сил, государственные заготовители на скорую руку производили переработку и засолку мясного товара, чтобы немедленно отправить его в промышленные районы страны». См.: Папков С.А. Сталинский террор в Сибири... С. 87.

Полагаю возможным согласиться только отчасти с этим посылом, так как последней фразой автор практически подтверждает факт вредительства при переработке мяса – «на скорую руку». Можно и на этот момент «закрыть глаза», признав мой довод натяжкой, но как быть со смешиванием видов и сортов мяса, вплоть до зайчатинны с дичью, кусков вареного мяса, костей и голов коровьих туш и т.п. Наличие подобных примеров никак не стыкуется с оценкой ситуации, изложенной С. Папковым.

ших белых офицеров, дворян и прочего чуждого элемента, а возникновению организации способствовала деятельность контрреволюционной вредительской группировки в Сибмясопродукте в 1925 г. К 1929 г. сфера влияния «контрреволюционеров» распространилась на Сибкрайторготдел, Сибживотноводсоюз, Сибкрайсоюз, Сибзбу, а также «на наиболее важные по заготовкам районы – Омское, Славгородское отделения Сибконторы «Союзмясо» и Алтайский животноводсоюз».

Как удалось «выяснить» сибирским чекистам, «вредительская организация... была тесно связана с раскрытой ОГПУ вредительской организацией в продовольствии, возглавляемой проф. Рязанцевым и Каратыгиным (по всей стране в это время шли судебные процессы данной направленности. – В.У.), а также раскрытой ПП ОГПУ к-р организации в с/х-ве Сибирского края, и конечной целью ставила свержение советской власти путем подрыва экономической мощи, создания кризиса в снабжении продуктами питания, вызываемых на этой почве политических осложнений и установление буржуазно-демократического строя...»<sup>1</sup>. Конкретная деятельность сибирских «вредителей» сводилась к дезорганизации мясных заготовок и снабжения населения мясопродуктами, а также систематической порче мясопродуктов при переработке.

Состав организации, вне всякого сомнения, был «контрреволюционным». Так, К.К. Быковский, зам. уполномоченного Сибконторы «Союзмясо», окончил три курса Ленинградского технологического института, из дворян, бывший офицер, дважды судим при советской власти; Г.Г. Соколов – инспектор по нагулу и откорму скота той же организации, имел незаконченное высшее образование, в прошлом – анархист, бывший офицер царской и колчаковской армий, также уже был судим; А.Н. Жданов некогда примыкал к правым эсерам. Остальные члены организации были под стать названным. Все стояли на антисоветских позициях. Например, М.Я. Заруховичу инкриминировалась антисоветская позиция в том, что в 1917 г. он по своим политическим убеждениям сочувствовал Народной партии (трудовиков), хотя в ней не состоял. В своих показаниях он отмечал: «Постепенно с 1920 года, с момента моей работы в советском аппарате, политические взгляды несколько изменились (в сторону советской власти. – В.У.)... но я не согласен с проводимой политикой по организации крупных животноводческих и свиноводческих совхозов. Не согласен я также и с организацией животноводческих колхозов, ибо считаю, что в этих колхозах нет достаточного количества специалистов, которые могли бы поставить на должную высоту разведение животноводства. Не согласен я и с тем, что **почти ко всем специалистам** (выделено мною. – В.У.) относятся с недоверием»<sup>2</sup>.

Применительно к обстановке тех лет эти рассуждения были антисоветскими. Когда вся страна в «едином порыве» строила социализм, скептикам и оппонентам места не было, даже если их аргументы были объективно верными. Кроме того, в материалах дела имеется аналитическая записка М.Я. Заруховича «Мясной вопрос в Сибири», написанная 21 августа 1930 г. скорее всего по просьбе следователей. Он отмечал, что ситуация на мясном рынке в Сибири день за днем

<sup>1</sup> Архив УФСБ по Новосибирской области. Д. 11516. Т. 8. Л. 1–2.

<sup>2</sup> Там же. Л. 23.

ухудшается, показывая объективные и субъективные причины этого явления. Например, к объективным он относил новые формы крестьянского хозяйства, коллективизацию, перегибы в этой области, новые формы заготовки скота, контрактацию, когда крестьяне, не понимая новых методов, забивали в большинстве случаев всю скотину. Органы же Наркомторга «шли по ветру», позволив вдвое превысить план по покупкам и заготовкам мяса. Свои аргументы автор записки подкреплял расчетами и выкладками.

Одной из основных причин создавшегося положения он считал ошибочность действий руководства «Союзмяса», которое за полтора года «...разогнало почти всех специалистов, смеющих иметь собственное мнение, заменив всех более молодыми, не способными отстоять хозяйственную сторону... В настоящее время аппарат Союзмясо разрушен, особенно в округах, людей очень много, но один не знает, что делает другой, и вообще ералаш»<sup>1</sup>. Еще одним моментом, влиявшим на «мясную» проблему, было привлечение к решению этих вопросов теоретиков, заседавших в руководящих органах, а не практиков. На местах выполняли часто не совсем продуманные и обоснованные решения, так как понимали, чем может грозить невыполнение «планов партии и народа». В частности, это проявлялось при контрактации, когда были задействованы политически безграмотные люди, для которых главное – выполнить директивы, а каким образом – неважно.

По итогам анализа ситуации М.Я. Зарухович высказал почти полтора десятка практических советов и рекомендаций. Так, он предлагал доверить организацию работы специалистам, доброжелательно относящимся к государственному строительству, которые за десять лет советской власти доказали свою преданность ей, поручив контроль за их работой членам партии. Его мысль о привлечении специалистов носила явно «антисоветский» характер: пересмотреть аппарат всех организаций при участии специалистов, выбросить всех лжеспециалистов, которые случайно попали на свои места и вместо знаний берут апломбом и нахальством. Признать это – значит признать некомпетентность многих советских чиновников и руководителей – «молодых командиров производства», на которых советская власть и делала упор в своей кадровой политике. Большой крамолы представить было невозможно.

В завершении этого документа М.Я. Зарухович отметил: «Может быть, я написал несколько резко, возможно, внес субъективную оценку в известной степени, но я это дело люблю и совершенно хладнокровно в настоящий момент не смогу подойти к нему. Кроме того, надо сказать, что в течение такого короткого времени и на бумаге все и не изложишь»<sup>2</sup>.

Шесть страниц машинописного текста можно рассматривать в качестве серьезного программного документа патриота, но никак не врага советской власти. Последние слова только усиливают это впечатление, ощущается серьезная оза-

---

<sup>1</sup> В результате чистки госслужащих в 1929 г. аппарат треста «Союзмясо» был совершенно парализован. Из треста были изгнаны все специалисты, остались только «политически благонадежные», но не способные к практической работе. См.: *Папков С.А.* Сталинский террор в Сибири... С. 87.

<sup>2</sup> Архив УФСБ по Новосибирской области. Д. 11516. Т. 6. Л. 528–530.



боченность сложившейся ситуацией. Однако следователи смогли получить документ, подтверждающий враждебность намерений «контрреволюционеров».

Результатом работы следователей явились два заседания Коллегии ОГПУ (20 и 25 апреля 1931 г.) и следующие решения: к высшей мере наказания – расстрелу – были приговорены 6 чел.<sup>1</sup>, двоим из них расстрел был заменен заключением в концлагерь сроком на 10 лет, такое же наказание получили еще 14 чел. К 5 годам концлагерей были приговорены 18 чел., к 5 годам с высылкой в Восточную Сибирь – 1, к 3 годам концлагерей с высылкой в Среднюю Азию – 1, еще 11 чел. получили этот же срок с высылкой в Восточную Сибирь. Двое были осуждены к заключению в концлагерь на три года, а еще троим было запрещено проживание в 12 пп. (пунктах проживания). Всего были осуждены 56 чел. Только в 1936 г. Президиум ЦИК СССР изменил сроки наказания нескольким осужденным<sup>2</sup>.

Данное дело – яркий пример деятельности органов ОГПУ тех лет, когда контрреволюционные организации «разоблачались» регулярно, подтверждая идею обострения классово-борьбы. Выше уже отмечалось, что главными действующими лицами этого уголовного дела стали «бывшие» и политические оппоненты большевиков, многие были ведущими специалистами народного хозяйства, радели всей душой за свою работу. Вне всякого сомнения, не они портили мясо, обрабатывая его и упаковывая, как описано в письме Бермана и Рысина, не они спускали плановые цифры, не они требовали их выполнения всеми возможными и невозможными способами, не они и должны были нести ответственность за происшедшее. Но на их примере было удобно и выгодно преподнести урок другим, чтобы не забывали, кто они и каково их место и положение в обществе, строящем социализм, провозгласившем равенство всех и вся, гарантировавшем соблюдение прав и свобод.

Дело «Трудовой крестьянской партии» стояло в ряду дел «вредителей» особняком, так как «положило» конец спорам о путях развития сельского хозяйства в стране – победа осталась за «планами партии». Результаты этой победы – в разгроме «правого уклона» ВКП(б) и сокрушительном ударе по ученым-аграрникам. В течение первой половины 1930-х гг. в стране прошли аресты в научных организациях и структурах, имевших отношение к сельскому хозяйству. Так, Т.Осташко, со ссылкой на исследование Ю. Борисова, отмечает, что только в Москве действовали девять подпольных групп ТКП: в системе сельхозкооперации, сельхозкредита, в Наркомате земледелия РСФСР, в НИИ сельскохозяйственной экономики, Тимирязевской сельскохозяйственной академии и т.д. Значительное число подпольных групп, по информации ОГПУ, действовало на местах, преимущественно в земельных органах. В регионах по делу ТКП в 1930–1932 гг. было арестовано более 1 000 чел., позднее число арестованных еще увеличилось. А. Тепляков привел свидетельство одного из осужденных по этому

<sup>1</sup> С.А. Папков вел речь о **пяти** приговоренных к расстрелу. См.: *Папков С.А.* Сталинский террор в Сибири... С. 87–88.

<sup>2</sup> Архив УФСБ по Новосибирской области. Д. 11516. Т. 8. Л. 78–79. Э. Радзинский привел выдержку из послания Сталина Молотову от 13 сентября 1930 г.: «Надо бы все показания вредителей по рыбе, мясу, консервам и овощам опубликовать немедленно. И через неделю дать сообщение, что все эти мерзавцы расстреляны. Надо всех их расстрелять». См.: *Радзинский Э.С.* Сталин. М., 1997. С. 269.

делу – Сережникова: «Мы уцелели, хотя побуждение покончить с собой было у многих и многих... Постоянное предложение о сознании со ссылкой на реплику Горького «не сдающегося врага – уничтожить», тяжелое положение семьи и безвыходность положения, с другой стороны – посулы сразу облегчить режим, дать свидание и возбудить ходатайство о выпуске, перспектива спасти семью... привели к тому, что я попросил бумаги и написал признание»<sup>1</sup>. Так он писал журналисту газеты «Известия» Л.С. Сосновскому.

В Сибкрае аресты членов Сибирского филиала ТКП начались в августе 1930 г. К числу «врагов» были отнесены ведущие специалисты земельных органов, научно-опытных учреждений Сибири и преподаватели ряда высших учебных заведений (краевое земельное управление и краевая станция защиты растений, Сибполеводсоюз и управление сельхозкредита, сельхозинститут и краевая опытная станция и т.д.). Руководителями «краевого центра» были объявлены краевой агроном профессор И.И. Осипов и директор краевой опытной сельскохозяйственной станции профессор С.С. Марковский, которые через своих сторонников и «соучастников», в частности большую группу ученых, смогли организовать систематическую контрреволюционную вредительскую деятельность по срыву социалистической реконструкции сельского хозяйства. В отношении С.С. Марковского к моменту ареста был накоплен обширный «компромат». Так, уже в мае 1929 г. в документе СибКК–РКИ «Предложения о чистке по Западно-Сибирской областной опытной сельскохозяйственной станции» утверждалось, что С. Марковский – «...бывший помещик в Омской губернии..., бывший активный деятель партии меньшевиков. В период колчаковщины служил в его армии добровольцем. В 1925 г. по чистке соваппарата уволен с сельскохозяйственной станции. Позднее сумел себя зарекомендовать лояльным советским работником и вновь устроиться на станцию, фактически же **представляет из себя отъявленного контрреволюционера, непримиримого врага существующего политического строя** (выделено мною. – В.У.)»<sup>2</sup>. Далее в документе приводились многочисленные примеры его «контрреволюционности».

В августе–октябре 1930 г. по необоснованным обвинениям во вредительской деятельности в области сельского хозяйства и в принадлежности к ТКП были арестованы и постановлением коллегии ПП ОГПУ от 20 апреля 1931 г. осуждены по ст. 58-4-7-11 УК РСФСР: Сабашников В.В. (директор Енисейской опытной сельхозстанции, профессор) – к высшей мере наказания – расстрелу, Осипов И.И., Генделев А.Е., Скорняков И.Н., Жуйков И.М. (зав. сельхозотделом краевого земельного управления) – на 10 лет, Шилдаев И.С. – на 5 лет концлагерей<sup>3</sup>. Всего по делу Сибирского филиала привлекались к ответственности 69 чел., 35 из которых постановлением Коллегии ПП ОГПУ от 20 апреля 1931 г. были признаны виновными и осуждены по ст. 58-4-7-11 УК РСФСР<sup>4</sup>. Решения по «мясному делу» и делу Си-

<sup>1</sup> Тепляков А.Г. Машина террора... С. 260.

<sup>2</sup> Цит. по: Кузнецов И.С. Сибирские «кондратьевцы» в годы «Великого перелома» // Дискриминация интеллигенции... С. 174–175.

<sup>3</sup> Кузнецов И.С. Сибирские «кондратьевцы»... С. 163.

<sup>4</sup> Осташко Т.Н. Власть и интеллигенция... С. 21–23; Она же. Дело «Краевого филиала ЦК Трудовой крестьянской партии»: политический заказ и его воплощение // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отече-

бирского филиала ТКП Коллегия ОГПУ приняла в один день, тем самым, на мой взгляд, подтвердив их связь между собой как по составу участников – большинство обвиняемых были специалистами из «бывших», так и по характеру предъявленных обвинений.

Дело ТКП было «возрождено» сотрудниками НКВД в 1937 г. Вновь были «выявлены» многочисленные «филиалы и вредительские группы» в научных, плановых и земельных организациях Сибири. Число арестованных составило 3 617 чел.<sup>1</sup>, среди них оказались специалисты-аграрники, уже отсидевшие несколько лет в лагерях по делу Краевого филиала ЦК ТКП.

В архиве УФСБ РФ по Томской области хранится дело контрреволюционной организации в Бактериологическом институте, «планировавшей» проведение террора с применением бактериологических средств. Дело было возбуждено 2 апреля 1931 г., а уже 31 июля оперуполномоченный 2-го отделения ОО ПП ОГПУ по ЗСК Скрипко вынес постановление, в котором констатировал: «Материалами следствия установлено, что в Томском Санбактериологическом институте под влиянием его директора – проф[ессора] Бутягина<sup>2</sup>, проникнутого идеями буржуазно-демократического строя, на основе одинакового мышления, заключающегося в невосприятии существования соввласти как формы государственного правления, сложилась и существовала контрреволюционная вредительская группировка специалистов в составе: директора Бутягина, заведующего вакцинооспенным отделением Силаенкова<sup>3</sup> и исполняющего обязанности заведующего санитарно-гигиеническим отделением Емельянова<sup>4</sup>, всячески саботировавших, дезорганизующих вредительскими своими действиями советские мероприятия

---

ственная история. 1999. № 2. С. 92–94. По социальному положению члены организации – бывшие помещики, фабриканты, дворяне, офицеры и пр., связанные между собой и капиталистическим строем общностью прошлой работы, идеологии и объединившиеся на общем для всех невосприятии советского строя, резко враждебном отношении к советской власти и осуществляемым мероприятиям по социалистическому переустройству хозяйства. В соответствии с приговором двое были осуждены к ВМН – расстрелу, 18 чел. – к 10, 11 – к 5, 3 – к 3 годам концлагерей и один – к высылке в Восточную Сибирь. В последующие годы (1931–1936) 8 чел. были освобождены из-под стражи, а одному мера наказания сокращена до трех лет. В марте 1963 г. все осужденные по делу Краевого филиала ЦК ТКП постановлением президиума Новосибирского облсуда были реабилитированы. См.: *Власть и интеллигенция в сибирской провинции...* С. 290, 342–343.

<sup>1</sup> Отчет УНКВД по Новосибирской области об итогах оперативной работы за 1937 год; *Папков С.А.* Сталинский террор... С. 212. Только в Томске в 1937–1938 гг. были арестованы 37 чел. по делу ТКП (подсчитано автором по материалам банка данных репрессированных жителей области).

<sup>2</sup> Бутягин Павел Васильевич, 1867 г.р., ур. с. Замытое Белецкого уезда Тверской губ., из семьи псаломщика, проживал в г. Томске с 1894 г., профессор университета до и после революции. Реабилитирован 14 марта 1990 г. См.: *Боль людская...* 2-е изд. Т. 1. С. 205.

<sup>3</sup> Силаенков Семен Герасимович, 1893 г.р., ур. Дорогобужского уезда Смоленской губ., проживал в Томске. Реабилитирован 14 марта 1990 г. (См.: Там же. Т. 3. С. 131). М.В. Кликушин, со ссылкой на архивные данные, привел пример, что когда после его ареста жена Силаенкова обратилась в горбюро секции научных работников с просьбой об оставлении детей в детском саду секции, ей было отказано. Причина отказа была оформлена в виде заявления о том, что «за отсутствием мест в детском саду охвачены дети не всех членов секции, а **враг Силоенков** (так в тексте, выделено мною. – В.У.), бывший на учете в СНР, снят с учета как находившийся более 4 месяцев под арестом ОГПУ». См.: *Кликушин М.В.* Летопись арестов: научная интеллигенция Сибири в годы сталинских репрессий // *Дискриминация интеллигенции...* С. 99.

<sup>4</sup> Емельянов Николай Федорович, 1892 г.р., ур. с. Шулка Яранского уезда Вятской губ., проживал в г. Томске. Реабилитирован 14 марта 1990 г. См.: *Боль людская...* 2-е изд. Т. 1. С. 456.

в области здравоохранения, внося тем самым ослабление обороноспособности страны в обстановке назревающей интервенции со стороны капиталистических государств...»<sup>1</sup>. Всем было предъявлено обвинение по ст. 58-7-11 УК РСФСР.

Интересны механизм и причины возбуждения уголовного дела. В обвинительном заключении было указано: «В связи с раскрытием ОО ОГПУ и местными органами ОГПУ в Москве, Ленинграде, на Украине (согласно материалам следствия томичи с 1925 г. имели контакты с сотрудниками Днепропетровского санбактериологического института – членами контрреволюционной организации «Союз освобождения России». – В.У.) и Н[ижне]-Волжском крае, ЦЧО и СКК в декабре 1930 г. к-р вредительской организации, объединявшей реакционную часть профессуры и научных работников в области медицинской и ветеринарной бактериологии, ОО ПП ОГПУ ЗСК **была подвергнута особому обследованию и изучению** (здесь и далее выделено мною. – В.У.) деятельность сан.-бактер. учреждений в Запсибкрае.

**Путем таких мероприятий** к апрелю с/г было **выявлено ряд ненормальностей** в работе краевого сан.-бактериологического института в г. Томске, аналогичных с преступными действиями упоминаемой выше к-р организации бактериологов... Начато расследование, которым установлено: в составе специалистов Томского... института... за небольшим исключением, оказались преимущественно люди, не разделяющие советских мероприятий в силу своего социального прошлого и идеологической враждебности в данное время, проникнутые идеями буржуазно-демократического строя и сторонники последнего»<sup>2</sup>.

Изложенное выше заставляет задать ряд вопросов, хотя ответы вряд ли будут найдены. Во-первых, о каком особом обследовании и изучении речь, если дело касалось очень узкой специализации в области медицины, кто должен был это обследование проводить? Во-вторых, путем каких мероприятий был выявлен «ряд ненормальностей» и в чем их преступность? В-третьих, в чем их аналогичность с преступными действиями другой контрреволюционной организации бактериологов? Объяснение могу найти только по последнему вопросу: скорее всего, ПП ОГПУ была получена какая-либо ориентировка из другого органа ОГПУ; информация из этой ориентировки и была использована в качестве базовой при поисках **аналогичной** информации в Томском институте.

А ключ к пониманию сути раскрытия «контрреволюционной» организации заключался во фразе, характеризующей враждебность работавших в институте специалистов по отношению к новой власти. Прямым подтверждением этого является первый довод следствия, приведенный в обосновании обвинения из показаний заведующего эпидемиологическим отделом института Ломакина: «Рассматривая... штат Томского краевого сан. бактина в целом, под углом зрения его идеологического отношения к советской власти, можно определенно сказать, что Бактин являлся по существу учреждением не советским. Большинство квалифи-

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-2527. С. 317; Из истории земли томской. 1930–1933... С. 337–339.

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-2527. С. 321.

цированных работников являются в большей или меньшей степени противниками соввласти»<sup>1</sup>.

После преамбулы автор обвинительного заключения (неизвестен, так как стоит помета «За» и подпись неразборчива) начал излагать суть избличавших участников организации материалов преступной деятельности. Причем более десяти листов машинописного текста из шестнадцати содержат показания вышеупомянутого Ломакина, еще есть несколько «вкраплений» из показаний обвиняемых и менее половины страницы – показания заведующего сывороточным отделением Князева<sup>2</sup>.

Именно показания Ломакина, знавшего директора института профессора П.В. Буягина еще по совместной работе в дореволюционный период, позволили сотрудникам ОО ПП ОГПУ по ЗСК «слепить» дело и осудить «преступников». Так, зав. вакцинооспенным отделением С.Г. Силаенков был осужден на 3 года концлагерей, директор института Буягин – на 3 года концлагерей с заменой на высылку в Казахстан на тот же срок, а исполняющему обязанности заведующего санитарно-гигиеническим отделением Н.Ф. Емельянову (виновным себя не признал) было запрещено проживание в 12 пп. Западной Сибири и пограничных районах с прикреплением к постоянному месту жительства на 3 года<sup>3</sup>. В отношении проходивших по делу О.И. Шевяковой и И.Р. Ломакина<sup>4</sup> – участников группы «первого состава» обвиняемых – 1 августа дело было прекращено по причине их активного сотрудничества со следствием.

Учитывая серьезность предъявленного обвинения и специфику объекта, на котором была выявлена «контрреволюционная» организация, видимо, «чисто-сердечных показаний» Ломакина оказалось недостаточно для вынесения более сурового приговора. Возможно, руководством ОГПУ было учтено, что в названный период работы подобных институтов имели важнейшее значение для укрепления обороноспособности страны и борьбы с эпидемиями на территории страны при недостаточном количестве высококвалифицированных специалистов, а потому и такое наказание посчитали достаточным. Цель – в очередной раз преподать урок «бывшим» или разделявшим их позиции и взгляды – была достигнута.

Изучение материалов дела позволяет вести речь о том, что судили участников его не за конкретные враждебные дела, а за их социальное прошлое. Подтверждение этому находим в материалах дела, которое велось в 1935 г. в УНКВД по Омской области по группе расхитителей лекарств в аптекоуправ-

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-2527. С. 321.

<sup>2</sup> Там же. С. 321–336.

<sup>3</sup> Там же. С. 345. Известно, что в 1942 г. Н. Емельянов работал профессором в Башкирском медицинском институте, а профессор П. Буягин в годы Великой Отечественной войны по результатам научной деятельности был награжден орденом Красной Звезды и знаком «Отличник здравоохранения».

<sup>4</sup> Ломакин Иван Родионович, 1889 г.р., ур. Польши, проживал в г. Томске, профессор бактериологического и медицинского институтов, повторно арестован в 1937 г. и как «член японо-эсеровской шпионско-диверсионной террористической группы» из 9 чел. расстрелян в Томске в декабре 1937 г. Реабилитирован 13 апреля 1956 г. См.: Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-765; Боль людская... 2-е изд. Т. 2. С. 277. Так сложилась его судьба, в то время как все осужденные по делу организации в бактериологическом институте остались живыми.

лении. Начальник Управления в записке, направленной в СПО ГУГБ НКВД, сообщая о фактах продажи спекулянтам больших партий лекарств и о хищениях, подчеркнул, что из 12 чел., уличенных в воровстве, девять являлись бывшими торговцами, офицерами царской армии. Секретарь заместителя наркома НКВД, прочитав в записке, что расхищались яды и наркотические вещества, сделал пометку следующего содержания: «Разработка интересная. Но мне кажется, что разрабатывать дело нужно не столько под углом зрения хищений и продажи на частный рынок, сколько по линии возможной бактериологической диверсии, особенно учитывая довольно яркий контрреволюционный состав участников группы...»<sup>1</sup>.

Возможно только незнание томским следователем, что такое «бактериологическая диверсия», и спасло участников дела по Бактину от более сурового наказания.

1931 г. ознаменовался в Сибири еще одним разоблачением «врагов от науки». Разгрому подверглось «Общество изучения Сибири и её производительных сил» (ОИС), возникшее в Новосибирске еще в 1925 г. Организация задумывалась как орган планирования и координации научно-исследовательской работы в Сибири. Филиалы ОИС действовали практически во всех крупных центрах Сибири, наиболее активную часть членов Общества составляли известные специалисты и ученые с многолетним практическим опытом из числа «бывших». Во взаимодействии с государственными структурами края, в частности с крайпланом, ОИС были организованы учет и информационное сопровождение практически всех научных экспедиций на территории Сибири в 1927–1929 гг. Общество добилось значительных успехов в работе по изучению производительных сил края, были определены потребности и приоритеты научных исследований, решен целый ряд других задач, имевших важное народнохозяйственное значение, и т.д.

ОГПУ ЗСК в соответствии с установками Центра выявило восемь «отраслевых к.-р. вредительских групп» в рамках ОИС – на Алтае, в Томске, Новосибирске и Омске. Дело ОИС стало частью операции по разгрому Западно-Сибирского отделения Русского географического общества, так как почти все члены ОИС автоматически входили в него<sup>2</sup>. Обе организации были признаны вредительскими, а многие члены ОИС ранее уже привлекались к ответственности органами ОГПУ. Так, профессор Омского сельхозинститута ботаник В.Ф. Семёнов, бывший директор Сибирского краевого НИИ экономики и организации социалистического сельского хозяйства профессор (краевой агроном) И.И. Осипов, экономист-аграрник И.Н. Скорняков – по делу ТКП («сибирская кондратьевщина»), математик А.Л. Иозефер, садовод П.И. Кортусов, метеоритолог П.Л. Драверт и бывший член городской управы Т.П. Белоногов – по делу группировки эсеров в Омске и т.д.

В постановлении от 21 марта 1931 г. о принятии дела к производству отмечалось, что преступная деятельность арестованных выражалась в образовании

<sup>1</sup> См.: Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 66.

<sup>2</sup> Поварцов С. Как это было. Петр Драверт и дело ОИС (по материалам Омского архива ФСБ) // Забвению не подлежит... Т. 3. С. 172.

контрреволюционной группы для противодействия советскому строительству, т.е. подпадала под действие ст. 58 УК РСФСР. Материалы в отношении Драверга и Иозефера были выделены «в особое производство». Несмотря на привлечение в ходе следствия почти полутора десятков свидетелей, направленное в Особое совещание Коллегии ОГПУ дело (по ст. 58-4-7 УК) было возвращено в ПП ОГПУ по ЗСК без обвинительного решения. В новом постановлении следователя ПП ОГПУ было отмечено, что «в процессе следствия сговора и нелегальных организационных связей, а следовательно, организационно оформленной к.-р. вредительской организации не установлено. Выявлено лишь антисоветское настроение обвиняемых, ряд факторов антисоветской агитации с их стороны...». Дело было сдано в архив, арестованные освобождены<sup>1</sup>.

Причина такого решения, вынесенного Особым совещанием, не ясна, но следует признать, что обвиняемым очень повезло, ибо такое решение явилось редчайшим исключением.

В последующие годы ни одно крупное уголовное дело, возбужденное органами ОГПУ в Западной Сибири, не проходило без «участия» в них специалистов из числа «бывших». Так было и по делу «Белогвардейского заговора», по делам в сельском хозяйстве, лесной промышленности и др. Например, по первому из них был арестован М.Б. Шатилов – директор Томского краеведческого музея (более подробно о нем уже говорилось). Казалось бы, при чем здесь директор музея, ведь «заговор» – это дело преимущественно по военным. Но следователи «доказали» и наличие связей с бывшими военными, и проведение вредительства, в частности в музейном деле. Скорее всего, арест Шатилова явился прямым следствием «академического дела». Более того, аресты краеведов и музейных работников органами ОГПУ начались еще с 1927 г. – периферийные краеведческие общества рассматривались ими в качестве филиалов «контрреволюционной» организации «Всенародный союз борьбы»<sup>2</sup>. Эту категорию специалистов «впутать в политику» для сотрудников органов было делом рядовым: интерес этих «спецов» к истории, хранение ими различного рода документов служебного и личного характера и т.п. позволял любого из них легко подвести под «контрреволюцию». Кроме того, в деле Томского филиала имелось много документов в отношении изобретателей: какие-то «мутные» люди – что-то творят и выдумывают.

Сибирь занимала особое место в экономике страны. Промышленность в годы Гражданской войны пришла в упадок. В 1921 г. валовой объем промышленного производства составил всего около 20% от довоенного уровня, а из 1 640 крупных промышленных предприятий работала лишь незначительная часть, да и то не на полную мощность. Наполовину сократилась добыча угля, выплавка

<sup>1</sup> Забвению не подлежит... Т. 3. С. 173–179.

<sup>2</sup> См.: *Перченко Ф.Ф.* Академия наук на «Великом переломе» // Звенья: исторический альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 220–221. В 1929 г. в Томске, например, был арестован и осужден на 6 месяцев лишения свободы зав. главной библиотекой и библиограф университета А.И. Милотин по обвинению в хранении в библиотеке «вредной» литературы. Реабилитирован 8 февраля 1993 г. См.: Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-2606; «Боль людская»... 2-е изд. Т. 2. С. 371. Его арест был проведен по аналогии с делом академика Платонова, обвиненного, в частности, в хранении в библиотеке Академии наук книг «контрреволюционного» характера.

чугуна и стали составляла только около 4% от уровня 1913 г., прекратилась разработка медных, свинцовых и цинковых рудников<sup>1</sup>. Единственным живым «организмом» в этих условиях, несмотря на серьезный кризис (речь об этом ниже), продолжала оставаться Транссибирская магистраль. Руководство страны прекрасно понимало её место и роль в экономической, военной и политической составляющих жизни государства. Здесь в начале 1920-х гг. была сосредоточена основная масса специалистов, от позиции и отношения к службе которых зависело многое. Именно эта группа специалистов-железнодорожников одной из первых попала под жесткий контроль чекистских органов.

За годы Первой мировой и Гражданской войн железнодорожный транспорт пришел в упадок. Уровень работы железных дорог к началу 1920-х гг. был значительно ниже дореволюционного. Во время военных действий было разрушено около 80% железнодорожной сети, свыше 4 тыс. железнодорожных мостов, 59% паровозов и 23% вагонов нуждались в ремонте. Транспорт пострадал в годы войны на сумму, более чем в два раза превышавшую убытки, понесенные всей промышленностью. Резко уменьшилось число перевозок. В 1920 г. грузооборот составлял лишь 27,8% в сравнении с 1913 г., а число аварий в 1921 г. возросло в 6 раз. Железные дороги испытывали острый недостаток топлива. По этой причине в начале 1921 г. остановилось движение на 31 железнодорожной линии. Чрезвычайно сократился объем продукции паровозо- и вагоностроительных заводов. В 1920 г. отечественные предприятия выпустили лишь 61 паровоз и 129 вагонов (соответственно в 15 и 283 раза меньше, чем в 1915 г.)<sup>2</sup>.

В Сибири колчаковцами было разрушено 167 железнодорожных мостов, в том числе через реки Обь, Тобол, Ишим и Иртыш, взорвано 2 000 км железнодорожных путей, выведено из строя 66 железнодорожных водокачек, 70% паровозов и тысячи вагонов, разрушено несколько вокзалов. Оставшийся подвижной состав нуждался в серьезном ремонте (табл. 11).

Таблица 11

Количество паровозов на железных дорогах Сибири (на 25 июня 1920 г.)

Название железной дороги	Данные о количестве паровозов, в том числе:				
	Всего	Исправных	В ремонте	Ожидавших ремонта	% «больных»*
Омская	497	243	151	103	51
Томская	748	394	174	180	47
Забайкальская	483	222	95	166	54
<b>Всего</b>	<b>1 728</b>	<b>859</b>	<b>420</b>	<b>449</b>	<b>50</b>

\* «Больными» считались паровозы, нуждавшиеся и находившиеся в ремонте.

*Примечание.* Таблица составлена автором по данным отчета начальника Сибирского округа путей сообщения в Сибревком о состоянии железнодорожного транспорта (июль 1920 г.). См.: Сибирский революционный комитет... С. 126–127.

К началу 1921 г. ситуация практически не изменилась. Так, на Омской железной дороге продолжали оставаться неисправными 45,3% паровозов, четверть

<sup>1</sup> История Сибири. Т. 4. С. 151, 190–191.

<sup>2</sup> Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография. М., 1983. С. 296.



товарных и около половины пассажирских вагонов. В целом в январе 1921 г. на Транссибирской магистрали исправными были только 716 из 1 403 паровозов<sup>1</sup>.

Что касается вагонов, то на 18 июня 1920 г. на железных дорогах числились 50 999 товарных (из которых «больных» – 9 449 (15,4%), в том числе 1 314 горелых и разбитых) и 1 884 классных вагона, из них «больных» – 661 (34%)<sup>2</sup>.

Чрезвычайно остро ощущался недостаток угля. Зимой 1921 г. топливный голод в Сибири вызвал паралич всей магистрали. Во второй половине 1921 г. запасы угля на Сибирской магистрали сократились с 1 477 тыс. пудов в июне до 409 тыс. пудов в ноябре, что привело к полному прекращению людских перевозок и остановке движения на большинстве участков дороги. Не было возможности даже отправить паровозы со снегоочистителями<sup>3</sup>. На Омской железной дороге маршруты стояли без движения неделями. В январе 1921 г. таких маршрутов было до 38, а в феврале – до 45<sup>4</sup>.

В 1920–1921 гг. грузооборот Сибирской железнодорожной магистрали – главной транспортной артерии России – составлял лишь 10% от уровня 1914 г.<sup>5</sup>

В этих условиях найти «контрреволюцию» было несложно. Например, осенью 1921 г. на Алтае «была нащупана... антисоветская группировка, охватывающая как город [Барнаул], так и железнодорожный район...»<sup>6</sup>. Группировка идентифицировалась как не выявленные ранее участники эсеровского Сибирского крестьянского союза. Были арестованы около 200 чел., в том числе около 50 чел. железнодорожных служащих, преимущественно из числа инженеров, техников, членов комитета профсоюза.

Много арестов проводилось среди сотрудников Томской железной дороги. Дорожно-транспортная чрезвычайная комиссия (ДТЧК) регулярно информировала Томскую губчека о неблагоприятной обстановке среди рабочих и служащих управления дороги<sup>7</sup>. В мае 1924 г. в ходе ревизии Томской губпрокуратуры представители НКЮ отмечали, что только сотрудниками дорожно-транспортного отдела (ДТО) ОГПУ и только в 1923 г. было возбуждено 14 дел по обвинению в контрреволюционной деятельности и 584 дела по обвинению в преступлениях по должности; арестованы 213 чел. (9 и 204 соответственно). В 1924 г. количество дел увеличилось, за первые четыре месяца было возбуждено уже 235 уголовных дел. При этом следует обратить внимание, что в связи с непростой ситуацией на транспорте предлагалось органам следствия и дознания все аресты производить через соответствующие органы транспортных отделов ОГПУ. Такой циркуляр был направлен прокурором Омской губернии Калмыковым всем уездным помощникам прокурора, так как «ввиду особых условий работы на железно-

<sup>1</sup> Богданов М.А. Указ.соч. С. 6.

<sup>2</sup> См.: Отчет начальника Сибирского округа путей сообщения в Сибревком о состоянии железнодорожного транспорта (июль 1920 г.). См.: Сибирский революционный комитет... С. 128.

<sup>3</sup> Халецкая А.А. Экспедиция Ф.Э. Дзержинского в Сибирь (1922 г.). Омск, 1963. С. 7.

<sup>4</sup> Сибирский революционный комитет... С. 243–244.

<sup>5</sup> Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография... С. 214.

<sup>6</sup> Тепляков А.Г. «Непроницаемые недра»... С. 146–147.

<sup>7</sup> Из истории земли томской. 1921–1924... Документы № 8, 9,19.

дорожном... транспорте... снятие с работы сотрудников транспорта влечет за собой перебои в движении»<sup>1</sup>.

Виновными обычно становились специалисты-управленцы. Так, в частности, по делу о контрреволюционной организации на Томской железной дороге в числе других специалистов дважды (в 1921 и 1922 гг.) арестовывался А.Н. Тихомиров. С учетом происхождения – дворянин, награжденный шестью орденами и двумя медалями от царского правительства, – сделать это было легко и просто. В обоих случаях дела в отношении Тихомирова прекращались, но после очередного ареста в 1930 г. он был осужден к 10 годам концлагерей с заменой на высылку через ПП ОГПУ в Западную Сибирь на тот же срок<sup>2</sup>. Вне всяких сомнений, осужден он был не за совершение какого-либо конкретного преступления, а за прошлое – «бывший».

Томская газета «Красное знамя» 2 марта 1922 г. опубликовала статью «Суд над управленцами», в которой было рассказано о состоявшемся в Томском реввоенжелдорводтрибунале рассмотрении дела по обвинению служащих Управления Томской железной дороги в подготовке к всеобщей забастовке, агитации против коммунистов и будировании масс на открытое выступление. Безымянный автор статьи подчеркивал, что враги советской власти (обвиняемые. – В.У.) воспользовались ухудшением материального положения и снабжения продовольствием рабочих и служащих, вызванного неурожаем 1921 г., и предприняли конкретные действия по организации своего выступления.

Сотрудниками ДТЧК были произведены аресты 25 организаторов выступления (исключительно интеллигенты и полуинтеллигенты, среди них – специалисты с высшим образованием, есть и мелкая сошка, «попавшая по глупости»). Главным фигурантом по делу был архитектор чертежного управления бывший кадет Я.Я. Родюков. Большая часть арестованных виновными себя в устройстве заговора не признала, так как «действовала бессознательно, по глупости, от безысходности», а дело носило чисто экономический характер.

Однако приговор был достаточно суров. Я.Я. Родюков, А.А. Семёнов и В.В. Скрылёв (младший) были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу (не знаю, по какой причине, но автор статьи почему-то указал, что приговор в отношении названных лиц был принят в 22.00 28 февраля и вступал в силу через 48 часов<sup>3</sup>. Возможно, были сомнения или разногласия у членов трибунала). Л.П. Скрылёва-Капишникова, Б.С. Скрипов, А.П. Беляева, М.М. Пухарев, Е.И. Колосов и И.А. Ипполитов были осуждены на 5 лет дома принудработ;

<sup>1</sup> Доклад прокурору Республики о результатах ревизии Томской губпрокуратуры, проведенной в период с 15 по 22 мая 1924 г. См.: ГАНУ. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 30. Л. 21 об., 31.

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-9846.

<sup>3</sup> Председатель Реввоенжелдорводтрибунала Чернаков сообщил о вынесении смертного приговора телеграммой с пометами «Вне всякой очереди», «смертная» в Транспортную коллегию Верховного трибунала Республики. Приговоренные были обвинены в «подготовлении восстания против Соввласти под видом достижения удовлетворения экономических требований, срыве [и] прекращении движения на дороге... как главные инициаторы и организаторы для этой цели ряда незаконных собраний». В отличие от газетной информации, было указано «20.20 московского времени». См.: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. Л. 79.

Г.И. Длугач, Д.М. Нестеров<sup>1</sup>, Н.Н. Самойлов и П.В. Шитиков – на 3 года принудработ с содержанием под стражей, еще 5 человек – на 1 год принудработ условно, 7 оправданы. Но это дело в отношении «железнодорожников» было далеко не последним.

Преследования специалистов-железнодорожников в Сибири в начале 1920-х гг. за «политику» были явлением обычным, так как число «бывших» среди них достигало почти 80% (2 371 чел. из 2 599 специалистов, от дорожного мастера до начальника округа). Так, Л.И. Пыстина приводит данные, что в докладах политсекретариата Сибирского округа путей сообщения в 1923 г. постоянно отмечались случаи «враждебных» проявлений со стороны «буржуазных спецов», констатировалось переполение дорог СибОПСа «не только пассивно враждебным, но и прочно контрреволюционным элементом из числа высшего комсостава», бежавшего в Сибирь с Урала и Поволжья. О неблагополучии на железнодорожном транспорте в апреле 1923 г. в циркулярном письме упоминал и нарком путей сообщения Ф. Дзержинский, так как имели место многочисленные случаи увольнения железнодорожников по мотивам политической неблагонадежности. В ходе проведенных в сентябре–октябре «чисток» аппарата железных дорог в Сибири только на Омской дороге были уволены 350 чел.<sup>2</sup> Вне всякого сомнения, отдельные из них были подвергнуты аресту.

Летом 1928 г. были осуждены к лишению права проживания в 6 населенных пунктах с прикреплением к постоянному месту проживания сроком на 3 года «антисоветчики» Н.С. Андреев, Д.А. Бердинский, А.И. Ильин, П.Д. Бессонов и И.Л. Панов – все работники отдела сборов Томской железной дороги. Идеино связанная между собой группа «вела систематическую антисоветскую агитацию, высмеивала все мероприятия советской власти, называла лиц, находящихся у власти, кучкой грабителей, распускала слухи о засилье евреев в госаппарате, утверждала, что освещение в печати успехов развития народного хозяйства является ложью»<sup>3</sup>. Набор обвинений очень серьезный, но определенный «либерализм» при вынесении приговоров еще присутствовал.

Конечно, специалисты-управленцы не были главными «вредителями и контрреволюционерами», тем более что документы подтверждают это. В конце 1920-х гг. ДТО ОГПУ железных дорог страны были обязаны изучать ситуацию на транспорте и докладывать в партийные органы для возможного принятия мер о всех случаях и ситуациях, негативно влиявших на работу железнодорожного транспорта. Подготовленные сотрудниками ДТО ОГПУ аналитические документы очень ярко показывали истинные причины и проблемы, поразившие железные дороги страны, главными из которых являлись техническая отсталость, низкая профессиональная подготовка персонала и слабая трудовая дисциплина. Так, в

<sup>1</sup> Нестеров Дмитрий Михайлович, 1877 г.р., ур. Князепетровского завода Красноуфимского уезда Пермской губ., проживал в г. Томске, старший счетовод материальной службы Управления Томской ж.д. В октябре 1920 г. привлекался к ответственности за принадлежность к партии эсеров. Дело прекращено в декабре 1920 г. за нецелесообразностью привлечения к уголовной ответственности. Реабилитирован 9 июня 2003 г. См.: *Боль людская...* 2-е изд. Т. 2. С. 440.

<sup>2</sup> См.: *Пыстина Л.И.* «Буржуазные специалисты»... С. 42–43.

<sup>3</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-11412.

бюллетене ДТО ОГПУ Томской железной дороги от 31 января 1928 г. отмечалось, что «большая нарушенность трудовой дисциплины объясняется отчасти развитым... пьянством. Имеется ряд случаев появления на службе агентов дороги в пьяном виде; уход с работы до окончания работ; невыход на работу паровозных бригад при вызовах; самовольное оставление машинистами паровозов на кочегарах и проч. Следствием такого отношения... к служебным обязанностям на дороге имеется масса случаев происшествий с движением поездов, происходящих по вине рабочих и служащих: столкновение паровозов и вагонов при маневрах, прием поездов на занятые пути, въезды на станции при закрытых семафорах, пожары на паровозах и проч.»<sup>1</sup>. Как результат подобного положения дел – случаи происшествий с причинением большого ущерба, каковых только в октябре–декабре 1927 г. на дороге было зафиксировано 397.

Подобная ситуация сложилась и на Омской железной дороге<sup>2</sup>.

Эти примеры говорят о многом. Но когда заходила речь о поисках виновных, то начинали действовать принципы классового подхода и деления на «социально чуждых» и «социально близких».

Органы ОГПУ начиная с весны 1928 г. информировали партийное руководство страны о вредительстве на железнодорожном транспорте, представив данные на несколько «вредительских» организаций из числа железнодорожников. По решению апрельского (1928 г.) Пленума ЦК ВКП(б) была организована проверка органами ОГПУ на железных дорогах. Из 7 011 проверенных подлежали увольнению за политическую неблагонадежность 537 чел. (7,6%), перемещению на менее ответственную работу – 654 чел. (9,3%) и т.п., всего около 20% проверенного состава подлежали увольнению или перемещению на более низкие должности. К маю уже было готово обвинительное заключение о контрреволюционной вредительской организации в НКПС<sup>3</sup>. Однако проведенная «зачистка» резко обострила проблему нехватки кадров, и уже в августе–сентябре 1931 г. ОГПУ и НКПС инициируют вопрос об освобождении от наказания ряда ранее осужденных специалистов.

С согласия наркома транспорта Я. Рудзутака весной 1928 г. ОГПУ провело проверку резервного парка. Проверка коснулась в первую очередь техники, включенной в мобилизационный резерв, так как имела угроза возникновения вооруженных конфликтов или развязывания войны. Было установлено, что если в 1925 г. было 6 924 единицы техники, то на 1 мая 1928 г. осталось только 2 200, из которых

<sup>1</sup> Выписка из бюллетеня № 1 ДТО ОГПУ Томской ж. д. [январь 1928 г.]. См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 180. Л. 29. В декабре 1928 г. газета «Красное знамя» констатировала увеличение происшествий на Томской железной дороге. В докладе председателя производственного сектора Управления дороги Витгефта отмечалось, что в 1926–1927 гг. на дороге произошло 1 208 происшествий, а в 1927–1928 гг. – 998, но уже с ноября 1928 г. стал фиксироваться рост происшествий. В 1928 г. произошло 20 столкновений с поездами на дороге, 21 – при маневрах, 55 сходов поездов, 5 пожаров в поездах, 61 нарушение правил движения, 513 разрывов поездов и т.д. (Красное знамя. 1928. 8 дек.). Насколько эти результаты явились следствием вредительской работы, судить сложно. Скорее всего, это следствие сложившейся на дороге обстановки, начиная от вышеназванных причин до простого ухудшения технического состояния и старения парка подвижного состава.

<sup>2</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 180. Л. 32–33.

<sup>3</sup> Мозохин О.Б.

Указ.

соч.

С.

1 000 подлежала сдаче на слом. На Балтийской дороге из 65 паровозов годными к эксплуатации оказались всего два, не лучше была ситуация и на других дорогах<sup>1</sup>.

Боролись с контрреволюцией и иными способами, в частности, путем проведения чисток организаций от нежелательных элементов. В качестве примера можно рассмотреть эту «борьбу» на Томской железной дороге. В июле 1928 г. комиссия из 5 чел., в которую входили два сотрудника ДТО ОГПУ и два «защитника» от профсоюзов, рассмотрела материалы и составила протокол более чем на 100 чел. из числа командного состава правления и линии Томской железной дороги. На каждого человека в протоколе отводилось всего несколько строк, чаще всего негативного, реже нейтрального характера. Часто встречались фразы «настроен антисоветски», «к соввласти относится враждебно», «бывший эсер», «бывший меньшевик» и т.д., затем следовал вывод – «уволить», «подлежит замене», «заменить членом ВКП(б)», «временно оставить» и т.п.<sup>2</sup> Поскольку в комиссии работали сотрудники ДТО ОГПУ, многие из названных в протоколе работников были позднее арестованы по обвинению в контрреволюционной деятельности либо за участие в антисоветских организациях.

В ГАТО хранится документ без указания адресата – «Список служащих управления Томской железной дороги, имевших в прошлом судимость или административные взыскания, а также бывших членов небольшевистских партий, бывших офицеров и т.п.». Документ датирован июлем 1930 г. и содержит краткие установочные данные (ФИО) на конкретных лиц (должности, «компромат» и т.д.). И вновь встречаем: «бывший...», «в прошлом активный враг советской власти», «антисоветский тип», «сын пристава», «в 1924 году обвинялся в халатном отношении к службе, литовец» и т.п.<sup>3</sup> Вне всяких сомнений, документ был подготовлен к очередной чистке. Но важно даже не это. Ну, с бывшими все понятно, а в чем заключалась «активная вражда с советской властью»? А при чем здесь «сын пристава и т.п.», все в стране знали, что дети ответственности за родителей не несут – это ведь из области официальной государственной политики. А национальный вопрос? Не отсюда ли пошли ростки, приведшие в 1937 г. к появлению в недрах НКВД (с прямого указания и благословения коммунистического руководства страны) приказов о проведении репрессивных кампаний по отдельным национальностям?

<sup>1</sup> Зданович А.А. Указ. соч. С. 412.

<sup>2</sup> Из истории земли томской. 1925–1929... С. 265–271. Омским окружным земельным управлением в мае 1929 г. в Сибкрайзу был представлен список с политической характеристикой специалистов. В списке 26 фамилий, все «бывшие» или из кулацких семей. Среди характеристик – «настроен скрыто враждебно», «безразличен, аполитичен», «политическая физиономия не выявлена, скрытый, классовый линии не проводит, идеология кулацкая», «полит-физиономия выявляется, но идеологически нам чужда», «точно не выявлен, но идеологически не наш» и т.п. См.: Власть и интеллигенция в сибирской провинции... С. 248–253. Чтение таких характеристик наводит на мысль об «охоте на ведьм». Подписавшие этот документ заведующие окружного земельного управления и секретной части окрзу вряд ли были профессионалами, давая характеристики ветврачам и директору Сибветбактина (профессору), агроному и другим специалистам. Они «нашли» только политических «противников» (пока еще не вредителей), а не специалистов своего дела, да их и не интересовали личные и деловые качества характеризуемых – «классовая линия» и её проведение были более важными.

<sup>3</sup> Из истории земли томской. 1930–1933... С. 315–318.

Кроме субъективных причин сложной обстановки на железных дорогах, были и объективные. На рубеже 1920–1930-х гг. вырос объем грузооборота в связи с интенсивным развитием страны. Это привело к резкому увеличению числа аварий и происшествий, в отдельные месяцы от 400 до 1 000; причина – суперинтенсивная эксплуатация старого подвижного состава и высокая степень износа железнодорожного полотна, которое давно нуждалось в ремонте и реконструкции. Сибири по планам индустриализации отводилась ведущая роль и как сырьевой базе, и как будущему промышленному центру. По этой причине работе железной дороги, в частности Томской, уделялось особое внимание. Например, по инициативе крайкома ВКП(б) вопрос о положении дел рассматривался на краевом производственном совещании, а также на бюро Томского окружкома ВКП(б), в постановлении которого было отмечено: «Предложить органам прокуратуры, суда и правлению дороги принять самые суровые меры борьбы с проявлениями безответственности и вредительства на дороге. Окружком требует от административных, профсоюзных, партийных работников и рабочих дороги усиления своей классовой бдительности и настороженности в целях предотвращения каких бы то ни было попыток вредительства и срыва работы дороги со стороны врагов рабочего класса»<sup>1</sup>.

Подобные рекомендации и решения по сложившейся практике привели к поиску врагов. По прошествии всего нескольких дней газета сообщила читателям о состоявшемся на станции Тайга суде над группой вредителей в железнодорожных мастерских, трое из которых были осуждены по ст. 58-9, а шестеро – по ст. 111 УК РСФСР<sup>2</sup>.

Отреагировала на создавшееся положение и Москва: приказом Наркомата путей сообщения 23 марта был снят с работы председатель правления Томской железной дороги Челышев, уволены член правления Тихомиров и начальник отдела тяги Соколов, а заместителю председателя правления Горячкову и начальнику эксплуатации Смячину объявлены строгие выговоры<sup>3</sup>. Но еще 18 марта был арестован Тихомиров, а Соколова<sup>4</sup> арестовали 2 апреля.

Через некоторое время газета сообщила о разоблачении в правлении Томской железной дороги контрреволюционной вредительской организации. Возбужденное уполномоченным ДТО ОГПУ Томской железной дороги Новиковым уголовное дело стало в Томске одним из первых дел против старых специалистов. Оно было перспективным хотя бы по причине того, что на дороге каждый день происходило что-нибудь «вредительское» (регулярные происшествия). Дорога играла важнейшую роль в жизни страны, а посему всегда находилась в поле зрения сотрудников силовых структур. Еще в 1927 г. ПП ОГПУ по ЗСК Л. Заковский, выступая на пленуме Сибкрайисполкома, в ответ на запрос 20 членов исполкома заметил: «У нас нет уверенности, что главная магистраль, соединяющая нас с Дальним Востоком, железная дорога, не будет подвергаться... попыткам раз-

<sup>1</sup> Красное знамя. 1930. 21 марта.

<sup>2</sup> Там же. 23 марта.

<sup>3</sup> Там же. 1930. 25 марта.

<sup>4</sup> Соколов Николай Федорович, 1883 г.р., род. г. Москвы, проживал в г. Томске, начальник отдела тяги Томской ж.д. Арестован в 1930 г. Осужден на 10 лет концлагерей. Реабилитирован 9 июля 1959 г. См.: Боль лодская... 2-е изд. Т. 3. С. 168.

рушения. Мы должны быть всегда готовы против всяких выступлений, которые готовит на нас капиталистический мир»<sup>1</sup>.

«Особенность» возбужденного дела заключалась в том, что оно хорошо укладывалось в развернутую в стране кампанию против всякого рода «бывших». К ответственности была привлечена группа из 9 чел., её цель – путем развала транспортного хозяйства привести Томскую железную дорогу в катастрофическое состояние, чем способствовать ослаблению экономической мощи существующего строя, имея в конечном результате надежду на свержение советской власти. Были выявлены истоки организации, они лежали в контрреволюционной группировке НКПС–Центр, ликвидированной в 1928 г.

«Вредительская работа... контрреволюционной вредительской организации была начата в 1926–1927 гг. и выразилась в прямом разрушении и дезорганизации работы Томской ж.д.: а) подрыве её хозяйственной мощи путем физического разрушения паровозного парка; б) срыве рационализаторских мероприятий; в) в удорожании производимых работ; г) срыве плановых позиций по новому строительству; д) недоразвитии пропускной способности дороги – срывая тем самым кампанию по особо важным хозяйственным перевозкам; е) затоваривании дороги неходовыми материалами на миллионные суммы; ж) и, наконец, систематическом составлении нереальных перспективных планов о работе дороги с явным преуменьшением предполагаемого грузооборота и технических эксплуатационных измерителей, что, с одной стороны, ориентировало вышестоящие органы на необходимость крупных капиталовложений в новое паровозовоностроительство, а с другой – создавало успокоенность в отношении развития сибирского транспорта, в итоге являющегося на сегодняшний день «узким местом» в развитии социалистической экономики»<sup>2</sup>.

Обвинение смотрелось серьезно, однако в последнем пункте его присутствовало противоречие. С одной стороны, речь велась о дополнительных капиталовложениях из-за «слабости» дороги, а с другой – чувствовалась «успокоенность в отношении ненужности развития сибирского транспорта». Но никто на это не обратил внимания. Проблемы с развитием транспорта признавал и И. Сталин. На XVI съезде ВКП(б) он говорил, что «несмотря на громадное значение транспорта, хозяйство транспорта, реконструкция этого хозяйства все еще отстает от общего темпа развития. Надо ли еще доказывать, что при таком положении мы рискуем превратить транспорт в «узкое место» народного хозяйства, могущее затормозить наше продвижение вперед?»<sup>3</sup>. Следует признать наличие «единомыслия» у следователя и «вождя народов».

Обвинительное заключение по делу насчитывало более ста листов и состояло из восьми разделов. В этом документе приведены многочисленные выдержки из показаний обвиняемых, статистические выкладки и таблицы. Однако информационная насыщенность доказательной базы не соответствовала выводам. Прак-

<sup>1</sup> Советская Сибирь. 1927. 12 июня.

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-9846. Т. 11. С. 2–3; Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... С. 166–167.

<sup>3</sup> Красное знамя. 1930. 1 июля.

тически все разделы начинались с определения «вредительство», а выводы демонстрировали достижения по большинству позиций в работе правления железной дороги. Так, по плану рационализаторских мероприятий, составленному «вредителями» Бортгаузен<sup>1</sup> и Магницким<sup>2</sup>, среднесуточный пробег вагона и паровоза планировалось увеличить к 1932–33 г. до 130 и 181 км соответственно. По плану, составленному после их разоблачения, эти цифры выросли до 195 и 262 км соответственно<sup>3</sup>. По стране же эти характеристики в 1932 г. соответствовали 97,3 и 164,7 км и даже в 1939 г., когда значительно обновился паровозный и вагонный парк, среднесуточный пробег вагона составлял 145,2 км, а паровоза – 251,2 км<sup>4</sup>.

Что касается Томской дороги, то следователь сам в заключении отмечал: «Среднесуточный пробег товарного вагона по плану на первый год пятилетки 1926/27 г. был принят 100 кил. и на последний год – 1930/31 – 105 кил. Фактическое выполнение в 1926/27 г. было 102,15 и, прогрессивно увеличиваясь, в 1928/29 г. уже было фактическое выполнение 126,03, далеко превысив с первого года плановые предложения.

Среднесуточный пробег паровоза по плану на первый год пятилетки 1926/27 г. – 130 кил. и на последний... – 140 кил. Фактически в 1926/27 г. ...уже было достигнуто 131,22 и, увеличиваясь в последующие годы, достигло 174,06 кил.»<sup>5</sup>.

Приведенные показатели доказывали высокий профессионализм «вредителей», но вывод следователя констатировал наличие вредительства, как и по другим планам работы на дороге. На практике просто выполнялись (и успешно) установки партийно-советского руководства страны по реализации планов индустриализации. Возможно ли все-таки вести речь о вредительстве? Ведь подвижной состав был сильно изношен, а первые советские паровозы, кстати, пассажирские, а не грузовые, появи-

---

<sup>1</sup> Бортгаузен Михаил Николаевич, 1886 г.р., род. г. Ленинграда, проживал в г. Томске, зам. начальника технико-планово-экономического отдела Томской ж.д. Арестован в 1931 г. Осужден на 5 лет концлагерей. Реабилитирован 4 октября 1989 г. См.: *Большая лодская...* 2-е изд. Т. 1. С. 179.

<sup>2</sup> Магницкий Алексей Андреевич, 1886 г.р., ур. и житель г. Томска, начальник экономической группы технико-планово-экономического отдела Томской ж.д. Арестован в 1930 г. Осужден на 3 года концлагерей. Реабилитирован 4 октября 1989 г. См.: *Большая лодская...* 2-е изд. Т. 2. С. 303

<sup>3</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-9846. Т. 11. С. 88; Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... С. 167.

<sup>4</sup> Большая советская энциклопедия. М., 1955. Т. 15. С. 629. К. Шлёгел отмечал, что рост числа аварий на железных дорогах страны был вызван не только физическим и моральным износом техники, но и все возрастающей интенсивностью эксплуатации подвижного состава. Так, в 1936 г. ежедневно в движении находились 87 000 вагонов, что на 32,4% больше, чем в предыдущем году. В целом в 1933–1938 гг. объем ежедневных грузоперевозок увеличился с 51 200 до 88 000 вагонов. Время рабочего цикла вагонов снизилось более чем на два дня, а скорость движения поездов возросла на 9,6 км/ч. С 1933 г. было проложено 5 тыс. км новых одноколейных и 8 тыс. км двухколейных дорог, обновлены 5 тыс. км старых дорог. В эксплуатацию вошли 6 тыс. локомотивов, 186 тыс. товарных и более 5 тыс. пассажирских вагонов. Но обновление подвижного парка не могло решить проблемы снижения аварийности на железных дорогах. Нехватка средств для планового ремонта путевого хозяйства, высокая интенсивность эксплуатации подвижного парка при недостаточном количестве его, несоблюдение графиков движения вызывали авральщину и штурмовщину, в ходе которых росло число допускаемых железнодорожниками нарушений, приводящих к тяжелым последствиям, многочисленным авариям, 40,5% из которых были вызваны разрушением путей. См.: Шлёгел К. Террор и мечта. Москва 1937. М., 2011. С. 170–173.

<sup>5</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-9846. Т. 11. С. 83.



лись лишь в 1925 г. Полагаю, что наверху знали о реальном положении дел, но признавать это не хотели.

Между тем членов группы обвинили в срыве планов нового строительства. В деле приведены десятки планов, схем, графиков и отчетов на сотнях страниц. Так, в докладе начальника планово-экономического отдела о железнодорожном строительстве в Сибири был дан глубокий и всесторонний анализ положения дел на дороге, показаны перспективы развития сети дорог, подкрепленные экономическими расчетами, в том числе и Госплана страны. Например, были высказаны предположения о нецелесообразности строительства линии Кузбасс – Тельбес в узкоколейном варианте; о целесообразности развития линии Кузнецк – Юрга в связи с планируемым пуском в 1932/33 г. Кузнецкого металлургического комбината и, наоборот, об оставлении открытым вопрос о линии Кузбасс – Новосибирск в связи с предполагаемым сокращением добычи угля на 278 млн пудов. В целях организации ритмичной и плановой работы дороги на основании двух последних факторов подчеркивалась необходимость развития Новосибирского узла. Планом предусматривалось решение комплекса вопросов, связанных с ликвидацией лесного «голода» юга Сибири и среднеазиатских республик (только сибирский рынок испытывал недостаток в лесе на 67%), переселением в Сибирь более 2 млн чел. в соответствии с планами правительства и др.<sup>1</sup>

Жизнь подтвердила правоту многих из этих положений. Видимо, уверенность в их правильности и не позволила В.В. Магницкому признать себя виновным.

Характеризуя состав группы, следователь указал, что костяк её составили старые инженеры-транспортники, преимущественно бывшие дворяне, личные почетные граждане из духовного звания и другие элементы социально чуждого происхождения. Практически все они приняли сторону советской власти и честно трудились во благо своего народа, но оказались «социально чуждыми» для руководства страны. Несмотря на то, что многие свидетельствовали в пользу обвиняемых, следователь методично раскручивал обвинительный уклон дела. Ему потребовалось почти 16 месяцев, чтобы «доказать вину» участников группы, да и то трое вину признали частично, а еще трое вины за собой не признали. Тем не менее прокурор Садковский нашел, что следствие по данному делу произведено с достаточной полнотой, факт преступления доказан.

Коллегия ОГПУ 23 августа 1931 г. вынесла решение об осуждении семидесятилетнего «идейного руководителя» группы А.Н. Тихомирова (дворянин, шесть орденов и две медали от царского правительства за безупречную службу, два ареста – в 1921 и 1922 гг. – за «контрреволюцию») на 10 лет концлагерей с заменой на высылку через ПП ОГПУ в Западную Сибирь на тот же срок, а остальных – к заключению в концлагерь на сроки от трех до десяти лет<sup>2</sup>.

Уголовные дела в отношении лиц, работавших на разных отделениях железных дорог Западной Сибири, имели место постоянно и в 1930-е гг., так как положение с подвижным составом, организацией работы, профессиональной подготовкой рабочих и служащих оставляло желать лучшего. К этому вопросу мы еще

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-9846. Т. 10. С. 463–464, 459–460.

<sup>2</sup> Там же. С. 503, 493.

вернемся, только замечу, что единственным отличием от судов 1920-х гг. стало резкое уменьшение среди обвиняемых и подсудимых из числа старых специалистов; от них, видимо, просто избавились всеми возможными способами на рубеже 1920–1930-х гг. Косвенным подтверждением этого могут служить воспоминания И.Н. Филатова, работавшего в 1930-е гг. на Омской железной дороге в числе её руководителей. Он писал, в частности: «Штаб управления был уже не тот. В каждой службе и во всех отделах были специалисты с дипломами. Техническое руководство полностью перешло в руки людей, закончивших советские институты и техникумы...»<sup>1</sup>.

Следует отметить, что ситуация на транспорте оставалась тяжелой. В связи с этим в 1931 г. были организованы специальные линейные суды на железнодорожном и водном транспорте. Прокуратура все чаще к расследованию дел, связанных с происшествиями на транспорте, стала привлекать следователей ОГПУ, но дела множились, а аварии и происшествия продолжались, так как первопричины – устаревший технический парк и его бездумная эксплуатация – оставались прежними. П. Соломон писал, что Л. Каганович в 1935 г. жаловался, что «прокуроры обвиняют, суды судят, а число нарушений растет»<sup>2</sup>.

В ходе регулярных чисток проходил «просев» сотрудников всех железных дорог. Одновременно со следствием по делу названной «контрреволюционной» группы на дороге была организована чистка кадрового аппарата, длившаяся несколько месяцев. Из 763 служащих были уволены более 200, а из дирекции дороги «вычищены» 24 чел.<sup>3</sup> Позднее, в период с 1 июня 1934 г. по 15 мая 1935 г., по материалам ДТО ОГПУ–ГУГБ НКВД Томской железной дороги было уволено 1 424 дорожных рабочих и служащих, в том числе 51 чел. – из аппарата управления дороги<sup>4</sup>. А в сентябре 1935 г. сотрудники Анжеро-Судженского горотдела НКВД информировали секретаря горкома ВКП(б) Тулина об «антисоветских элементах» в транспортном отделе рудоуправления. По их информации, начальник транспортного отдела Н.А. Кожин, «белогвардеец, разоблаченный в порядке проверки партийных документов», подбирал на работу себе подобных. Бывшими белыми оказались начальник эксплуатационного отдела рудоуправления А.Ф. Конинин, дежурный по станции Судженка Г.С. Калашников, сменный диспетчер Журавлёв, имевший семь взысканий за время работы с 1932 г. Бывшими карателями оказались машинист Стефанский и стрелочник Луканин, колчаковцем – руководитель коммерческой группы отдела Гронский, ранее уволенный за

<sup>1</sup> Из прошлых лет (Из рукописи воспоминаний И.Н. Филатова). См.: Забвению не подлежит... Т. 10. С. 116.

<sup>2</sup> Соломон П. Указ. соч. С. 133.

<sup>3</sup> Красное знамя. 1930. 26 мая, 23 авг. Л.И. Пыстина, со ссылкой на архивные материалы, привела данные, что в ходе работы проверочной комиссии в июне–июле 1930 г. в управлении Томской железной дороги были выявлены 192 чел. (из 667) со стажем работы до 1917 г., 17 бывших чиновников и 15 бывших офицеров (из них 13 бывших белых офицеров). См.: Пыстина Л.И. «Буржуазные специалисты»... С. 110. В этом же году была подвергнута «чистке» и Омская железная дорога. Выводы обеих комиссий констатировали наличие в аппарате дорог «чуждых элементов, разложившихся, извращающих советские законы “старых” чиновников, насаждающих “бюрократизм и волокиту”». Там же.

<sup>4</sup> Тепляков А.Г. Органы ОГПУ–НКВД–КГБ в Сибири: структура и кадры (1929–1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2011. С. 37. Только в 1934 г. на разных станциях дороги за контрреволюционные преступления были осуждены 149 чел. См.: Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... С. 171.

развал работы с Томской железной дороги. Политическим оппонентом большевиков оказался бывший эсер Николенко, работавший машинистом-наставником. «Подрывная» деятельность названных «врагов» подтверждалась многочисленными примерами<sup>1</sup>.

В разгар подъема стахановского движения на железнодорожном транспорте группа вредителей была выявлена на ст. Тайга (ныне Кемеровская обл.) Томской железной дороги. Газета «Советская Сибирь» на своих страницах рассказала, что участники группы выводили из строя вагоны, срывали движение поездов. «В результате действий группы на тайгинском участке дороги произошли 126 аварий и крушений поездов. Вожаки вредительской группы подрывали стахановское движение...»<sup>2</sup>. Апрель–май 1936 г. ознаменовались новыми сообщениями в газете о разоблачении контрреволюционных шпионско-диверсионных организаций Медзыховского и Абуашвили, участники которых разрушали путевое хозяйство, срывали планы погрузки-выгрузки, движения поездов и т.п. Их арест был санкционирован Л. Кагановичем приказом по НКПС № 9/ц от 21 января 1936 г. «за подрывную саботажническую деятельность». 27 томов следственного дела «убедили» членов Военной коллегии Верховного Суда СССР в проведении участниками организаций враждебной деятельности. Приговор – шестеро «японских агентов» были приговорены к ВМН – расстрелу, а остальные – к заключению в ИТЛ на сроки от 3 до 10 лет<sup>3</sup>.

Одним из главных «вредителей» на Томской железной дороге был определен органами НКВД А.Л. Ваньян, бывший начальник Управления дороги, арестованный в 1937 г. как резидент японской разведки и троцкист. Будучи ярым «врагом советской власти», орденосец А. Ваньян «создал» на отдельных участках до-

<sup>1</sup> Из справки начальника Анжеро-Судженского горотдела НКВД Политова и оперуполномоченного СПО Балыгина секретарю Анжеро-Судженского горкома ВКП(б) Тулину от 2 сентября 1935 г. (с грифом «Совершенно секретно»). См.: Неизвестный Кузбасс. Вып. 2: Тоталитарная система: Палачи и жертвы : сб. арх. документов Кемерово, 1995. С. 15–18. Интересно, что еще 22 июля Запсибкрайком ВКП(б) информировал Москву об аресте Кожина, который «благополучно прошел партийные чистки, хотя являлся сыном крупного торговца и служил в особом отряде у белых на Дальнем Востоке... возглавил «группу белогвардейцев, занимавшуюся вредительством». См.: *Генина Е.С.* Преследование «бывших белых» в ходе проверки партийных документов в 1935 г. [по материалам Кемеровского горкома ВКП(б)] // История белой Сибири : матер. 6-й Междунар. науч. конф. Кемерово, 2005. С. 267. Транспортный отдел для сотрудников Анжерского ГО НКВД оказался «золотой жилой». Так, в 1937 г. по указанию 3-го отдела УГБ УНКВД по Новосибирской области «была арестована большая группа транспортников, от которой сотрудник отдела Грачёв... взял показания на весь руководящий состав и актив транспортного отдела». Когда летом 1938 г. дело было возвращено из Новосибирска в Анжерский ГО НКВД на следствие, то ни одного свидетеля по этому делу найти не удалось – все они были арестованы (по этим же показаниям) по делу контрреволюционной троцкистской организации правых и троцкистов. В ходе передопросов всех сотрудников отдела и даже рабочих получить каких-либо подтверждающих их контрреволюционную деятельность сведений не удалось, и часть арестованных была освобождена. Из показаний бывшего сотрудника 3-го отдела УГБ... Ю.Д. Бермана от 1 октября 1939 г. См.: Архив УФСБ РФ по Новосибирской области. Д. 18477 о/ф. Т. 7. Л. 329–330.

<sup>2</sup> Советская Сибирь. 1936. 21 янв.

<sup>3</sup> Архив УФСБ РФ по Новосибирской области. Д. 6510. Т. 28. Л. 71; Советская Сибирь. 1936. 2 апр., 9 мая. В 1936 г. только военным трибуналом Томской железной дороги приговоры за «контрреволюционные преступления» были вынесены 102 работникам. Часть специалистов была осуждена и расстреляна в апреле 1937 г. в период работы Выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР. См.: *Папков С.А.* Обыкновенный террор... С. 191.

роги многочисленные контрреволюционные группы и организации. Например, в 1937 г. участником такой организации, впоследствии возглавившим её филиал в томском «Заготзерно», стал А.Т. Гнусин, в прошлом работник КВЖД. На следствии Гнусин показал, что был завербован в контрреволюционную организацию в период исполнения обязанностей начальника станции Алейская Томской железной дороги непосредственно А. Ваньяном. Результат его враждебной деятельности – крушение двух составов и т.д.

В ходе пересмотра уголовного дела в 1956 г. было установлено, что А. Ваньян в шпионской деятельности вообще не обвинялся, а в феврале 1937 г. уволил А. Гнусина с должности начальника станции с преданием суду за преступную дезорганизацию работы станции. Резидент уволил и отдал под суд своего агента – абсурд. Но в 1937 г. при аресте Гнусина важным было его отношение к железной дороге, пусть и в прошлом, и «выход» через его показания на большого начальника – руководителя Управления дороги. А ведь по системе «Заготзерно» дел было возбуждено немало, и Гнусину инкриминировали совершение преступлений и там. Однако выявление врагов на железной дороге – более «крупный улов» для следователей НКВД<sup>1</sup>.

Чистки регулярно проводились во всех учреждениях и организациях. Тысячи работников в стране, в основном из числа служащих, были уволены и навсегда попали в списки неблагонадежных. Это стало удобной формой для расправы с неугодными руками представителей народа, в первую очередь, рабочих, которых на подобные мероприятия обязывали приходить, в том числе и в принудительном порядке. Партийным руководителям необходимо было только создать комиссию из «компетентных» лиц, обеспечить присутствие «массовки» от народа через обязательные разнарядки по предприятиям, организациям, учреждениям и добиться прибытия на «суд» необходимых контингентов.

Чистки задумывались как мероприятия для улучшения работы трудовых коллективов, в частности, путем очистки от «балласта» – удаления профессионально непригодных, морально разложившихся, бездельников и т.п. Однако практически всегда эти мероприятия приобретали политическую окраску и превращались в судилища над «бывшими». Во многих случаях «судьи» не знали «подсудимых», но для принятия решения им было достаточно наличия каких-либо «пятен» в биографии. Одной из главных бед подобных мероприятий было то, что профессионализм, честное исполнение служебных обязанностей, активное деятельное, а не мнимое, участие в жизни коллектива в учет не брались. Прошлое или его отголоски решали все. Чаще всего официальными мотивировками признания виновными были наличие отрицательных личных качеств, непрофессионализм, неблагоприятное поведение и т.п. При рассмотрении персональных дел особое внимание уделялось вопросам социального происхождения, утаивания отдельных фактов биографии (наличие родственных связей с людьми из числа «социально чуждых»), служба в царской или белых армиях, ранее имевшее место

---

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-2096; 1937–1938 гг. Операции НКВД: Из хроники «Большого террора» на томской земле. Томск; Москва: Водолей Publishers, 2006. С. 130–137, 379–384.

членство в иных политических партиях и т.п.). И именно эти факторы имели преимущественное значение при решении судеб тех, кто проходил «чистилище».

Примеров подобных мероприятий в исторической литературе описано множество, по этой причине ограничусь одним. Л. Пыстина на основе анализа доклада СибРКИ в Наркомат РКИ РСФСР рассмотрела процесс «чистки» специалистов в Сибкрайсовнархозе в 1930 г.

Подготовка к чистке длилась более двух месяцев, сопровождалась целым рядом собраний сотрудников Сибкрайсовнархоза, совещаний, в том числе и с редакторами стенгазет трестов. «Комиссия призвала дать ей материалы, характеризующие прострелы и недостатки в руководстве промышленностью, аппаратом и отдельными работниками... С первого момента начала работы Комиссии по чистке... встретились с круговой порукой большинства старых специалистов. Остальная часть аппарата... (партийцы, комсомольцы, молодые специалисты-общественники) отнеслась к вскрытию недостатков безответственно в результате неяснения всей политической важности чистки. Это обстоятельство не могло не отразиться на качестве работы по чистке, ибо круговой поруки среди... части специалистов (инж[енеры], экономисты, бухгалтера, быв[шие] белые офицеры, выходцы из чуждого нам класса) нам не удалось сломать...»<sup>1</sup>.

Уже этой выдержки из архивного документа достаточно для подтверждения ранее сказанного. Чистке подлежали «старые специалисты», в том числе с заранее определенной детализацией отдельных моментов их биографий и подчеркиванием их «чуждости». Характеристика же отношения большинства состава аппарата Сибкрайсовнархоза явилась прямым свидетельством того, что заинтересованность в чистке была проявлена только партийно-советским аппаратом.

Комиссия провела 19 заседаний, на которых были подвергнуты проверке 170 чел. Одиннадцать заседаний прошли вне стен организации, где работали проверяемые. В чистке аппарата Сибкрайсовнархоза приняли участие 655 рабочих, 220 студентов техникума и 70 служащих Сибугля, не считая участников бригад по обследованию (5 бригад – 70 чел.). А вот и «глас народа»: «Активность рабочих была... но характер выступлений сводился к жесткой критике... по причинам социально чуждого нам прошлого проверяемого... Мало рабочие касались (около 40% выступлений) настоящей работы проверяемого... [так как] не знают работы и работников [Сибкрайсовнархоза]». Требуются ли здесь комментарии? Полагаю, что нет.

Результатом чистки явилось «вычищение» 13 чел. (7,4%) из состава проверенных, в частности: бывших офицеров – 3, бывших священников – 1, бывших царских судебных работников – 2, из почетных граждан – 2, из кулаков – 1, неизвестных (это как? – В.У.) – 1, из мещан – 2, из кустарей – 1. В числе «вычищен-

---

<sup>1</sup> Пыстина Л.И. «Чистка» специалистов Сибкрайсовнархоза в 1930 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. 2001. № 2. С. 65–69. В постановлении № 34 Коллегии СибкрайРКИ от 16 мая 1930 г. по докладу о результатах чистки аппарата Сибкрайсовнархоза (гриф «Секретно») в п. 14 отмечалось, что «значительная часть специалистов СКСНХ принадлежит к консервативной части, замыкается в своей касте и открыто противопоставляет свои взгляды мероприятиям и системе взглядов советской части специалистов...». См.: Власть и интеллигенция в сибирской провинции... С. 190.

ных» оказался экономист А.Ф. Баженов – бывший священнослужитель, не опубликовавший в печати официального объявления о снятии сана священника, скрывший факт принадлежности к духовенству и певший в церковном хоре, – работа в сов-аппарате и участие в церковном хоре несовместимы. Еще один экономист – И.И. Самодаров – был «вычищен» за службу в карательном отряде колчаковской армии, так как комиссия сочла неубедительным его заявление, что он находился там по заданию подпольного большевистского комитета. Материалы на него были направлены в ОГПУ, но по результатам дальнейшей проверки Самодаров был оставлен на работе в Сибкрайсовнархозе. Что касается офицеров, то рабочие в ходе своих выступлений выражали сомнения в добровольности их перехода на сторону красных, их лояльности к советской власти и т.п.

Следует заметить, что по результатам чистки были оставлены на службе десять бывших офицеров и четверо представителей духовенства. Чем была вызвана такая избирательность, понять сложно; еще 5 чел. получили взыскания за различные проступки и 10 были переведены на другие должности, преимущественно ввиду несоответствия<sup>1</sup>.

Проведение чистки в стране планировалось с 1 июня 1929 г. по 1 сентября 1931 г., хотя в Сибири она началась уже во второй половине 1928 г. Из намеченных к чистке 2 млн госслужащих к середине 1931 г. проверку прошли 1,6 млн, т.е. 80%. Было «вычищено» 160 тыс. чел. (10%). По Сибири к сентябрю 1930 г. проверено 93,5 тыс. служащих, из этого числа «вычищены» с выборных должностей 15,1 тыс. чел. (16,3%), т.е. даже несколько больше, чем по стране, хотя данные не были полными по причине несвоевременности подачи информации комиссиями по чистке<sup>2</sup>. Основную массу «вычищенных» составили «социально чуждые».

Однако результаты чистки не удовлетворяли власть. Так, Томский окрисполком на заседании президиума уже 17 октября 1929 г. отметил: «...персональное изучение сотрудников проведено слабо, **следствием чего явился значительный процент восстановленных** (выделено мною. – В.У.) на работе...»<sup>3</sup>. Складывается впечатление, что было организовано соревнование, кто больше вычистит. Что это? Глупость, желание выслужиться, удобный способ свести личные счёты? Возможно, и то, и другое, и третье. Те, кто задумывал и организовывал эти мероприятия, изучали результаты и делали выводы: «советская общественность недостаточно был[а] втянут[а] в работу по чистке соваппарата», «профсоюзы не обес-

<sup>1</sup> Власть и интеллигенция в сибирской провинции... С. 322–323. В октябре 1931 г. делопроизводителем секретной части ЗСКСНХ Сидеговой в ПП ОГПУ были переданы «Сведения на бывших торгашей, фабрикантов, купцов и т.д., работающих в Запсибкрайсовнархозе», включавшие в себя данные на 24 чел., из них 20 ранее служили в царской или колчаковской армиях, в том числе и на рядовых должностях. Были указаны установочные данные, образование и основная профессия, место службы, занимаемая должность и с какого времени, прошлое социальное происхождение, служба в царской и Белой армии, домашний адрес. Там же. С. 206–210.

<sup>2</sup> Голиков Ю.И. Служащие в условиях «чистки» госаппарата Сибири в конце 1920-х – начале 1930-х годов // Социально-политические проблемы истории Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 1994. С. 100.

<sup>3</sup> Пыстина Л.И. «Чистка» специалистов Сибкрайсовнархоза... С. 65–68.

печили массовости проверки» и т.п.<sup>1</sup> Пройдет совсем немного времени, и эти «ошибки» будут исправлены, ведь впереди еще «Большой террор», где роль общественности будет основополагающей, от имени и по воле народа будут уничтожаться преимущественно лучшие представители этого же народа. А народ (общественность) будет громогласно на митингах и собраниях клеймить «врагов» и требовать жесточайшей расправы над ними.

Анализ архивных документов позволяет сделать вывод, что в процессе «социальной зачистки» общества, в частности различных групп интеллигенции как категории «социально чуждых», наиболее пострадавшей частью стали технические специалисты, мешавшие пришедшим к власти большевикам осуществить в масштабе страны неподготовленную промышленную революцию, без четкого определения конечных целей, грамотного планирования, технического и экономического обоснования, без наличия достаточного числа квалифицированных специалистов и профессионально подготовленных кадров промышленных рабочих.

Избиения специалистов пошли на спад ближе к середине 1930-х гг. по простой причине: старые кадры нещадно преследовались и «выбивались» из активной производственной деятельности, а «молодые командиры производства» в массе своей не были готовы заменить прежних и организовать работу должным образом. Понимание этой ситуации стало повсеместным на всех уровнях власти. Уже Наркомюст вынужден был издать циркуляр о необходимости осторожного подхода работников прокуратуры и суда к рассмотрению материалов по привлечению к ответственности специалистов. Сталин, видя провалы «экономического скачка», вынужден был поддержать изменение политики в отношении специалистов, заявив, что они стали лояльными по отношению к советской власти и достойны уважения<sup>2</sup>. На практике же преследования продолжались, только крен был сделан в сторону специалистов среднего звена.

<sup>1</sup> Из истории земли томской. 1925–1929... С. 114.

<sup>2</sup> Соломон П. Указ. соч. С. 131. И. Ефимов, со ссылкой на американские исследования, привел данные, что за десятилетие, предшествовавшее «Большому террору», выросло значительное число людей, получивших более или менее сносную подготовку по управлению различными отраслями народного хозяйства. Так, число научных работников к 1937 г. возросло на 570%, инженеров и техников – на 470%, агрономов – на 390%, работников культуры – на 500%. Общая численность специалистов увеличилась в пять раз, достигнув цифры 9,5 млн чел. Но при этом господствовал классовый отбор – выходцам из среды «бывших» места практически не находилось. См.: Ефимов И. «Большой террор» в России // Звезда. 1999. № 5. С. 229. Цифры, несомненно, значительные, но необходимо было учитывать и то, что их профессионализм не был высоким, так как не было основы первичных «начальных» знаний, не было практического опыта, что, конечно же, сказывалось в процессе производственной деятельности новой «элиты», особенно при занятии ими руководящих должностей. Что касается политических кадров, то на начало 1937 г. 70% секретарей областных комитетов партии и 80% секретарей горкомов имели лишь начальное образование. См.: Хлевнюк О.В. 1937 – Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992. С. 78.

С другой стороны, без старых специалистов и прочих «бывших» власть обойтись не могла. Так, в Наркомате тяжелой промышленности на 1 декабря 1936 г., согласно данным, приведенным К. Шлегелем, из 743 членов и кандидатов в члены ВКП(б) были 122 чел. с партийными взысканиями за участие в троцкистской оппозиции, членство в других партиях (бывшие меньшевики, эсеры и пр.), 160 чел. были исключены ранее из партии, 169 беспартийных ранее входили в другие партии, в аппарате трудились 71 бывший белый офицер, 94 сотрудника, ранее судимые за «контрреволюционную» деятельность, и т.д. Трудно даже предположить какой-либо злой умысел со стороны С. Орджоникидзе в таком комплектовании кадров. Просто это были специалисты-профессионалы, без которых, видимо, было не обойтись. Шлегель К. Указ. соч. С. 218.

К концу первой пятилетки термин «специалисты» с подтекстом «старые» стал постепенно вытесняться из обихода. Термин стал применяться для обозначения категории служащих, имевших соответствующее образование и обладавших специальными знаниями, умениями и навыками. Только за годы пятилетки значительно выросло число молодых специалистов. Так, если на 1 января 1929 г. во всей Сибири насчитывалось 6,7 тыс. инженерно-технических специалистов, то к началу 1932 г. только в Западной Сибири их было уже 25 тыс.<sup>1</sup>

Проведение генеральной «чистки» способствовало изменению социального состава специалистов и служащих госаппарата. К концу первой пятилетки доля «рабочих по происхождению» среди инженерно-технических работников увеличилась до 39,2 – 45%, т.е. более чем 1,5 раза по сравнению с данными на 1 января 1929 г. (26,7%). В 1934 г. рабоче-крестьянское происхождение имели уже около 70% инженерно-технических работников. В 1933 г. в руководящих хозяйственных органах работали 117,8 тыс. рабочих, около 60% из них были выдвинуты в годы первой пятилетки. Больше всего рабочих выдвинутых было в советском аппарате, органах управления промышленностью и транспортом<sup>2</sup>. Тем не менее одна из целей «чистки» – кадровая – была достигнута. «Молодые командиры производства» серьезно потеснили «старых» специалистов, сменив их на многих постах и должностях, даже не имея необходимой профессиональной подготовки и практического опыта. Это во многом облегчало партийно-советскому руководству страны перестраивать производственные процессы, «поднимать» промышленность невиданными темпами. А главное, управлять послушными и преданными «командирами». Однако вооруженные только теоретическими знаниями, они еще долго вставали на «ноги» как специалисты, что не могло не сказываться на результатах работы.

В декабре 1933 г. начал действовать Закон о личной ответственности директоров и других руководителей предприятий за производство некачественной и некомплектной продукции, предполагавший привлечение к ответственности на срок до пяти лет лишения свободы. Реализация данного документа на практике была организована прокуратурой страны. Так, зам. Генерального прокурора СССР А. Вышинский разработал директиву, согласно которой на расследование подобных дел отводилось всего 10 дней. И уже за первые два месяца было вынесено 90 приговоров обвинительного характера. Был организован «кликбез» через систему радиопередач, участие в которых приняли А.Я. Вышинский и Прокурор СССР И.Н. Акулов, Председатель Верховного Суда А.Н. Винокуров и нарком юстиции Н.В. Крыленко со своим заместителем Ньюриной. Во всех республиках, краях и областях прокуроры проводили совещания, посвященные этому вопросу. Результатом явилось открытие сотен уголовных дел, но многие из них были вскоре пересмотрены. Так, из 747 дел приговорами завершились только 163. К концу 1934 г. кампания пошла на убыль, а в 1935 г. практически прекратилась; по РСФСР было зарегистрировано всего 92 уголовных дела<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Пыстина Л.И. «Буржуазные специалисты»... С. 115.

<sup>2</sup> Маргиналы в социуме... С. 199.

<sup>3</sup> Соломон П. Указ. соч. С. 134.



Примеров, подобных этим и имевшим повсеместное распространение, можно приводить десятки, а ведь были еще и представители научной и творческой интеллигенции, студенты из «бывших» и т.п.

Тема вредительства была очень удобной для объяснения всех провалов политики государства, в особенности в области промышленного производства, строительства, транспорта и т.д. Казалось бы, что уже «старые» специалисты сменены новыми молодыми энергичными и преданными кадрами, у которых не всегда получалось грамотно управлять и руководить, но объяснять свои ошибки и промахи как-то надо было. «Вредительство» все объясняло и списывало. Сменивший в апреле 1932 г. Л. Заковского в должности полпреда ОГПУ по ЗСК Н.Н. Алексеев<sup>1</sup> активно включился в борьбу с вредителями. На совещании в крайком ВКП(б) 2 июля 1933 г. он привел данные по арестованным «вредителям» за последние шесть месяцев – «арестовано по Запсибкраю примерно 15 тысяч человек, из них уже осуждено около 12 тысяч»<sup>2</sup>.

Активно эксплуатировавшийся тезис о «вредителях» и их подрывной деятельности не потерял своей актуальности и в 1937 г. Д. Мануйльский в журнале «Большевик» (№ 9) писал: «Может ли наша страна забыть... форму скрытой борьбы капиталистического мира против нас – в р е д и т е л ь с т в о? Подлые агенты иностранного капитала затопляли шахты, устраивали аварии, выводили из строя электрические станции, портили дорогостоящее зарубежное оборудование, устраивали взрывы с человеческими жертвами, составляли либо заведомо нереальные, преувеличенные, либо заведомо заниженные планы... Наши успехи на фронте социалистического строительства были бы ещё больше, если бы не эта подрывная деятельность капиталистических государств...»<sup>3</sup>.

Еще дальше в своей «аргументации» наличия вредительства пошел А. Вышинский, выступление которого тысячи сотрудников прокуратуры страны вынуждены были понять не иначе как указание «сверху». В своем выступлении «Методы вредительско-диверсионной работы троцкистско-фашистских разведчиков» он дал «характеристику наиболее распространенных способов вредительско-диверсионной деятельности» и вскрыл «некоторые «основные установки», общие «методические» правила этой преступной деятельности». Изложенные им «аргументы» и «доводы» позволяли взять под подозрение или арестовать тысячи ни в чем неповинных людей, ибо усердие в работе, достижение положительных результатов в работе и даже искренняя преданность советской власти могли быть расценены в качестве маскировки преступных замыслов<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Алексеев Николай Николаевич, 1893 г.р., ур. г. Ржева, из семьи служащих, образование – 2 курса юридического факультета Харьковского университета, член ПСР с 1910 г., в партии большевиков с 1919 г. В органах ВЧК–НКВД с 1921 г., до 1930 г. – на различных должностях в ИНО ГПУ, в СОУ, затем ИНФО и ПП ОГПУ. В 1930–1932 гг. – ПП ОГПУ по Центрально-Черноземной области, 1932–1934 гг. – ПП ОГПУ по ЗСК (одновременно – до мая 1933 г. – начальник ОО ОГПУ СибВО), 1934 – январь 1935 г. – начальник УНКВД по ЗСК, 1935 – апрель 1937 г. – на различных должностях в системе ГУЛАГа НКВД СССР. Старший майор госбезопасности. Награжден двумя знаками «Почетный работник ВЧК–ГПУ». Арестован в июне 1937 г., расстрелян 9 декабря 1937 г. Реабилитирован 20 июня 1956 г. в связи с отменой приговора и прекращением дела за отсутствием состава преступления.

<sup>2</sup> Папков С.А. Обыкновенный террор... С. 128–129.

<sup>3</sup> См.: О капиталистическом окружении и о методах работы иностранных разведок. Новосибирск, 1937. С. 13.

<sup>4</sup>

Главным отличием этого «специалиста» по вопросам вредительства было умелое прикрытие своих посылов цитатами И. Сталина при «правильном» их понимании и трактовке, а также четком представлении об истинных виновниках – «троцкистско-фашистских вредителях и диверсантах».

В условиях разворачивавшегося «Большого террора» подобные заявления можно расценивать в качестве методических указаний для сотрудников НКВД где и кого из врагов искать. Только в Томске в 1937–1938 гг. ст. 58-6 УК («Вредительство») в числе прочих обвинений была инкриминирована 1 341 человеку<sup>1</sup>.

По прошествии лет, уже в бытность свою пенсионером, В. Молотов так объяснил необходимость преследования специалистов: «В значительной части наша русская интеллигенция была тесно связана с зажиточным крестьянством, у которого прокулацкие настроения – страна-то крестьянская. Тот же Туполев (авиа-конструктор А.Н. Туполев. – В.У.) мог бы стать и опасным врагом. У него были большие связи с враждебной нам интеллигенцией. И если помогает врагу и еще, благодаря своему авторитету, втягивает других, которые не хотят разбираться, хотя и думают, что это полезно русскому народу...

Туполев из той категории интеллигенции, которая очень нужна Советскому государству, но в душе они – против, и по линии личных связей они опасную и разлагающую работу вели, **а даже если и не вели, то дышали этим** (выделено в тексте. – В.У.). Да они и не могли иначе! Не пропагандой, а своим личным влиянием они опасны. И не считаться с тем, что в трудный момент они могут стать особенно опасны, тоже нельзя. Без этого в политике не обойдешься...»<sup>2</sup>.

В ходе чисток партийно-советское руководство использовало все возможные способы для претворения в жизнь политики дальнейшего запугивания и подавления «социально чуждых». На достижение этой цели были нацелены весь идеологический партийно-советский аппарат, общественные организации. Чистки превратились в кампании, в ходе которых в собраниях принимали участие тысячи человек, абсолютное большинство которых не знало проходивших «чистку», не имело отношения к организациям и учреждениям, в которых те работали и чем занимались, но «народ» имел право на свое мнение (часто умело и грамотно «подогретое») и право высказать его. А в такой обстановке любое «темное пятнышко» в биографии «чистящегося» могло и принимало размеры «солнечно-го затмения», а уж тут только держись...

С другой стороны, власть призывала население делиться любой информацией, могущей иметь отношение к участникам процесса «чистки», желательно

<sup>1</sup> Подсчитано автором по автоматизированной базе данных репрессированных жителей Томской области.

<sup>2</sup> Цит. по: *Бешанов В.В.* «Летающие гробы» Сталина. «Все ниже, и ниже, и ниже...». М., 2011. С. 99–100. В ноябре 1932 г., выступая на V Всесоюзном съезде ИТС, он говорил, что «в теперешних [технических] кадрах решительное большинство стоит на платформе Октября. Нельзя также забывать о том политическом переломе в нашу сторону, который произошел за последние несколько лет среди старых, наиболее квалифицированных кадров инженеров и техников». Основная задача партии в отношении инженерно-технической интеллигенции – «обеспечить скорейший и окончательный переход всей инженерно-технической массы на сторону диктатуры пролетариата для самого активного участия в деле социалистического перевоспитания масс под руководством большевистской партии». Цит. по: *Пыстина Л.И.* «Буржуазные специалисты»... С. 133–134.

негативной. Методы, как это делалось, известны, нового сказать трудно. Но практика показала, что, как и в предыдущие годы, по сути дела было официально разрешено тем самым сводить личные счеты, что часто и успешно имело место быть. В этой части кампании «гласом народа» клеймились позором бюрократы, чиновники и вредители-саботажники, преимущественно «старые» специалисты, навешивались ярлыки, обыденным делом было «копание в грязном белье», шельмование и оскорбления. И за все это, часто несправедливое и ложное, никто не спрашивал, не укорял, не наказывал. Не отсюда ли выросли события 1937–1938 гг., когда начальник Томского горотдела НКВД И. Овчинников на обвинение в развале агентурной работы парировал тем, что сотрудники не успевали разбирать горы жалоб, заявлений, сигналов, а проще говоря, доносов.

С учётом проведенных в стране в этот период ряда политических процессов, где главное место часто опять-таки отводилось «спецам», представителям интеллигенции, можно вести речь о целенаправленной политике против представителей этой социальной группы, о чем уже было сказано выше.

Таким образом, старые специалисты также были отнесены партийно-советским руководством страны к потенциальным противникам. Будучи определенной кастой в силу наличия образовательного и интеллектуального отличий от общей массы населения, они достаточно плохо поддавались «перевоспитанию». Они, как и бывшие офицеры, были поставлены в особые условия через практически тот же тотальный контроль за их жизнью и даже образом мыслей. До середины 1920-х гг. термин «спецы» имел некое уничижительное значение и политическую подоплёку как характеристику представителя старого общества. В ходе также было употребление терминов «старые специалисты», реже «буржуазные специалисты». Государство признавало, что без них обойтись невозможно, но, используя их опыт и знания, постоянно применяло «метод кнута», пытаясь перевоспитывать их. После очередных «чисток», преследований и проявлений «спецедействия» власть вынуждена была использовать «политику пряника», вновь обращаясь к знаниям и опыту специалистов. Именно специалисты стали первыми жертвами политических процессов, срежиссированных коммунистическим руководством, именно на их примерах всему советскому обществу было продемонстрировано отношение государства к «бывшим». Хотя большинство этих специалистов чаще всего было заинтересовано в реализации собственных планов, научных разработок и замыслов, имело обычную потребность трудиться, приносить пользу во имя прогресса и развития своего государства, а не участвовать в политической борьбе и в заговорах. Целенаправленная политика государства привела к тому, что большая часть старых специалистов была уничтожена физически или морально либо отведена на вторые роли, уступив место представителям новой советской научной и технической «элиты» и буквально «растворившись» (уже с середины 1930-х гг.) в массе советских специалистов.

#### 2.4. Духовенство и сектанты

Следует вспомнить еще об одной группе «бывших», о тех, кто «нес в народ слово божье», — о священнослужителях.

В планах построения большевиками государства нового типа церкви места не нашлось, поэтому служителям культа пришлось пойти по тернистому пути страданий и гонений. Они были причислены к «врагам» – «темным силам реакции». В связи с принятием 23 января 1918 г. Декрета СНК «О свободе совести» церковь была отделена от государства. Согласно этому документу у церкви отбиралось все имущество, включая храмы, запрещалось открытие учебных заведений, кроме предназначенных для подготовки священнослужителей, преподавание в школах Закона Божьего и т.п. Борьба с религией стала одной из первоочередных задач большевиков. Духовенство было объявлено одним из столпов контрреволюции, а посему подлежало прямым репрессиям. Объявление церковного имущества народным достоянием позволило закрывать церкви и монастыри, отдавая их под хозяйственные нужды, а в отдельных случаях – просто разрушать, изымать ценности либо грабить.

Духовенство было привилегированным и весьма состоятельным сословием. В России проживали десятки тысяч служителей различных религиозных верований; к 1915 г. действовали 78 тыс. храмов и часовен, 1 253 монастыря и скита. В составе православного приходского духовенства численность священников, дьяконов и псаломщиков составляла около 120 тыс., кроме того, в монастырях насчитывалось 95 тыс. монашествующих и послушников. Духовных пастырей готовили 57 семинарий и 4 духовные академии<sup>1</sup>. В Сибири накануне Гражданской войны, кроме многотысячного православного духовенства, насчитывались многочисленные служители религий – старообрядческой, католической, протестантской, иудейской, мусульманской, буддо-ламаистской<sup>2</sup>.

Наступление на церковь было подобно лихой атаке. И. Трифонов писал, что в 1917–1920 гг. активно проводились мероприятия по конфискации у церкви земель и другого имущества. По данным НКЮ РСФСР к концу 1920 г. было ликвидировано 673 монастыря, у которых было отобрано 828 тыс. десятин земли. Органами советской власти было изъято у церковью различного имущества и ценностей на 7 млрд 150 млн руб., а у монастырей – 4,3 млрд руб. деньгами, 84 завода, 1 112 доходных домов, 704 гостиницы и подворья, 277 больниц и приютов<sup>3</sup>. Следует оговориться, что все эти мероприятия в большей степени проявились в европейской части страны, где революционные «преобразования» проходили много активнее и агрессивнее, чем в Сибири. Одновременно шло и физическое уничтожение служителей духовенства; их распинали на воротах церковей, душили, топили, закапывали живьем в землю, подвергали жестоким пыткам и истязаниям. Только в 1918 г. было «казнено и растерзано» около трех тысяч священнослужителей<sup>4</sup>. Преследованиям подвергались представители практически всех

<sup>1</sup> См.: Булдаков В.П. Указ. соч. С. 719.

<sup>2</sup> Бударин М. Были о чекистах. Омск, 1976. С. 46.

<sup>3</sup> Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975. С. 89.

<sup>4</sup> Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга Памяти жертв политических репрессий. Кн. 2. М., 1998. С. 17. В 1918 г., в частности, погибли 18 архиепископов и епископов, 102 приходских священника, 154 дьякона и 94 монашествующих; 211 священников и архиереев находились в заключении. См.: Булдаков В.П. Указ. соч. С. 431. Справедливости ради следует заметить, что не только власть преследовала духовенство. Во многих случаях крестьянским населением это делалось инициативно, в одних случаях дохо-

конфессий без какого-либо целенаправленного отбора, достаточно было просто быть лицом, имевшим религиозный сан. Однако следует заметить, что в этот период основной антицерковной силой явилось не государство, а утверждавшийся на местах партийно-советский аппарат.

Подобное ущемление прав церкви и террор против духовенства вызывали протест и яростное сопротивление со стороны многих священнослужителей, которые вставали на сторону противников новой власти, поощряя и поддерживая походы и наступления на «антихристов», и принимали непосредственное участие в боевых действиях белых армий. Так, в белогвардейских армиях активно действовали кадры военного духовенства. Если в армии Деникина было около 1 000 священников, Врангеля – 500, то у Колчака – несколько тысяч военных священников. Ни одно вооруженное выступление против советской власти в стране не обходилось без участия духовенства. Церковники Сибири колокольным звоном во всех городах приветствовали выступление белочехов, восторженно поддержали переворот А. Колчака, режим которого возвратил церкви все их прежние земли, восстановил преподавание в школах Закона Божьего. Духовенству почти втрое были увеличены оклады. В 1919 г. в Сибири были открыты пять новых духовных семинарий и пять училищ.

Церковный Собор Сибири в апреле 1919 г. предал анафеме советскую власть и благословил режим Колчака. Только в 1919 г. в Сибирь переехало более 3 000 священников и 500 мулл, в том числе многие ведущие церковные деятели России.

После освобождения Сибири от колчаковцев продолжали действовать около 2 000 церквей, были национализированы 40 из 52 монастырей<sup>1</sup>. Большевики не могли смириться с этим. Практически все служители культа были поставлены на оперативные учеты ВЧК–ОГПУ, информация о деятельности духовенства регулярно освещалась в сводках политбюро ВЧК. Так, в двухнедельной информационной сводке Мариинского политбюро за первую половину января 1921 г. отмечалось, что «духовенство, хотя открыто не агитирует против соввласти, но почти повсюду в деревнях они среди малосознательного населения имеют авторитет, везде и всегда стараются отпугивать крестьянство от коммунизма, от вступления в комячейку и т.д. Случаев открытой агитации со стороны духовенства не замечено. В городе духовенство не имеет такое влияние на население, как это [имеет место] в деревне. Во время праздников (Рождества) они в своих проповедях ничего политического не затрагивали, но осторожно, чтобы не скомпрометировать, стараются доказать, что соввласть непрочна, кошмарна и т.д. ...»<sup>2</sup>.

В сводке за 2-ю половину июня 1921 г. сообщалось, что «духовенство продолжает вести агитацию среди своих прихожан. Есть случай[,] в селе Николаевке В-Чебулинской волости проживает монах, который в настоящее время арестован, у церковного старосты, которые имеют связь с бандитами. Поп этого села также

---

дило до убийства священников, в других – до захвата церковных и монастырских земель. Там же. С. 190–191, 432, 774–775 и др.

<sup>1</sup> Бударин М. Были о чекистах... С. 46–49.

<sup>2</sup> ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 100. Л. 4.

самое причастен к этому, но пока еще его причастие не установлено. По этому поводу политбюро ведет разработку...»<sup>1</sup>.

Как уже отмечалось, практически ни одно антисоветское выступление не обходилось без участия служителей культа. И это было естественным, так как авторитет священников был всегда достаточно высоким и население, особенно сельское, очень часто обращалось к ним за советами и помощью, через исповедь доверяя зачастую самое сокровенное. Несмотря на наличие многовековых традиций религиозности населения, большевики считали развитие веры у сибирского крестьянства слабым, что, в частности, констатировалось в информационном письме № 4 (январь–апрель 1922 г.) Сиббюро ЦК РКП(б) всем губкомам РКП Сибири<sup>2</sup>. Полагаю, что авторы письма, большинство из которых не являлись сибиряками, просто не владели ситуацией либо пытались выдать желаемое за действительное.

С другой стороны, служители культа, утратив имевшиеся у них блага, не приветствовали советскую власть, а открыто вставали на сторону её противников. Так, решением Алтайской губчека от 15 сентября 1920 г. был приговорен к ВМН и расстрелян священник К.А. Кончиц, который в период колчаковщины «вел самые усиленные меры к уничтожению советских работников и даже сочувствующих советской власти» – составлял и передавал списки названных лиц карателю Бессмертному, четверо из которых были расстреляны в «поповской ограде», заявляя: «Брошу крест, возьму меч и пойду бить красных бандитов». Другой алтайский священник – С.Е. Солнцев – сотрудничал с карательными отрядами. По его инициативе был расстрелян один из жителей с. Филиппово как советский работник. Самое активное участие Солнцев принимал в поджогах имущества, оставшегося от большевиков, и т.д.<sup>3</sup> А священник отец Андрей из Славгорода, вступив в дивизию Анненкова, лично расстреливал мужиков, насиловал их жен, ездил с карательным отрядом для подавления крестьянских выступлений. После пленения красными повесился в тюрьме<sup>4</sup>. В 1921 г. по делу генерала Бакича был осужден омский священник Ф.П. Георгиевский, принимавший уже после освобождения Сибири от колчаковцев активное участие в расправах над мирным населением и попавшими в плен красноармейцами<sup>5</sup>. В 1923 г. по делу Базарово-Незнамовской контрреволюционной организации в Новониколаевске в числе других подсудимых были 6 священников и 4 дьякона<sup>6</sup>.

Но не всегда судьбы задержанных служителей культа решались в правовом поле. Так, 4 февраля 1921 г. президиум Томского уездного исполнительного комитета рассмотрел дело по факту расстрела священника Беляевского и ксендза Грабовского по постановлению Молчановского ревбюро от 28 января 1921 г. Было отмечено, что «принимая во внимание создавшиеся условия в связи с появлe-

<sup>1</sup> ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 100. Л. 93.

<sup>2</sup> См. : ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 80. Л. 76.

<sup>3</sup> «Руководствуясь революционной совестью...». С. 137, 188–190. К.А. Кончиц реабилитирован в 1996 г., данных о реабилитации С.Е. Солнцева авторы сборника не привели.

<sup>4</sup> Бобрнев В.А., Рязанцев В.Б. Палачи и жертвы. М., 1993. С. 49.

<sup>5</sup> Бударин М. Были о чекистах... С. 50.

<sup>6</sup> Советская Сибирь. 1923. 24 апр.

нием и проходом банд в Молчановском районе, по Чулыму, и принимая во внимание необходимость в подобных случаях решительных мер на местах во избежание распространения влияния агитации против рабоче-крестьянской власти среди темных масс, постановил: признать действия Молчановского ревбюро правильными, дело и материал об этом передать в губчека...»<sup>1</sup>.

Видимо, авторитет среди сельчан у этих служителей культа был слишком высоким, что, не дожидаясь наступления каких-либо последствий (возможно, бандиты бы не пришли, изменив маршрут своего движения, и т.п.), члены революционного бюро (кто они?) **просто убили** двух мирных жителей-односельчан без суда и следствия, руководствуясь «революционным правосознанием». Совершили преступление, но были оправданы сотоварищи, так как принятое уездным исполкомом решение другого толкования не дает. Подобные действия только укрепляли чувство вседозволенности у отдельных партийных и советских активистов; развивалось явление, получившее название «красный бандитизм».

В числе жертв оказывались и священнослужители. Так, например, в первой половине 1921 г. сотрудниками Мариинского политбюро, милиционерами и двумя членами комячейки в уезде были без суда убиты несколько лиц, «замеченных или подозреваемых в контрреволюционных деяниях», в том числе священник и его жена, было разграблено их имущество<sup>2</sup>. Секретарь Бийского уездного комитета РКП(б) Алтайской губернии Фрейлих в телеграмме в Сиббюро ЦК РКП(б) сообщал, что «кражи православных священников [в] нашем уезде имели место тчк за самовольные расправы арестовано двадцать восемь коммунистов...»<sup>3</sup>. Репрессии подобного характера отмечались и в других регионах Западной Сибири.

В отдельных случаях священнослужители становились жертвами простого сведения счетов, как, например, произошло в с. Бекишевском Тюкалинского уезда с дьяконом Косьмы-Доминиановской сельской церкви П.Н. Добровольским. По навету двух местных пьяниц он был обвинен в контрреволюционной агитации и выдаче колчаковцам двух местных жителей. Главным свидетелем по делу выступил «сочувствующий РКП(б)» некий М., в свою бытность разоблаченный дьяконом за махинации. За П. Добровольского поручились имуществом все жители села, но он был осужден на 10 лет лишения свободы – для «суда» оказалось достаточным наличие одного заявления и одного свидетеля<sup>4</sup>.

А вот еще один рассказ о судьбах священнослужителей, привожу его без какой-либо корректировки. Этот документ в конце 1990-х гг. передал в Томское УФСБ новосибирский священник отец Виталий (Бочкарёв Виталий Игоревич), которому, в свою очередь, его передал житель г. Новосибирска Н.А. Тимочкин:

<sup>1</sup> Из истории земли томской. 1917–1921... С. 138.

<sup>2</sup> Шифротелеграмма ВРИД начальника СПО Томской губЧК Беляева и председателя исполкома Титова в губком РКП от 17 августа 1921 г. о результатах расследования «Мариинского дела». См.: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 122; *Голоскоков И.В., Уйманов В.Н.* На страже безопасности Государства Российского: очерки истории томских органов госбезопасности в биографиях их начальников. Томск, 2008. С. 79.

<sup>3</sup> ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 166. Л. 6.

<sup>4</sup> *Минеева Г.* «...Попов расстрелять, церкви – под клуб». См.: Забвению не подлежит... Т. 3. С. 185–187.

«Ваше Преосвященство.

Я обязан выполнить просьбу и рассказать Вам страшную трагедию. Мне её рассказал очевидец, житель г. Колпашево, и просил передать в соответствующие органы. Признаться я уже забыл про это. Если бы не случай, который мне напомнил о нем. Это я прочитал в какой-то местной газете статью «Мариинская майна», где расстрелянных жителей бросали в это топкое болото, и только один мальчик спасся чудом и выжил. Он описал эту трагедию. И тут передо мной встал образ того человека, уже в преклонных годах со слезами на глазах рассказывающий мне тоже очень страшную трагедию на берегу Оби. А может, это звено одной и той же цепи, творившийся произвол послереволюционной России. Он юношей работал на буксире матросом. Они тогда буксировали плоты в Новониколаевск и баржи обратно в Колпашево. Это было в 1922 г. или в 1928 г. (точно не помню). Осенью из Новониколаевска буксир притащил баржу, пришвартовал её к старой пристани и быстро ушел обратно. Её охраняли китайцы. Она простояла два дня. В барже были арестанты. Это быстро разнеслось по поселку. Много было любопытных, многие принесли еду, но к барже никого не допускали. Но жители как-то узнали, что это были монахи и священнослужители Новониколаевских церквей. Вечером, продолжал он, я собрался домой. Капитан подозвал меня к себе и сказал – сходи домой и приходи, пойдем вниз с баржой. Я быстро сбежал домой, взял необходимое и вернулся на буксир. Какое-то странное у всех было поведение, никто ни на кого не смотрел. Тогда я подошел к старому капитану и спросил, что случилось? Он затащил меня в рубку и со слезами на глазах сказал, потащим баржу вниз. И вышел из рубки. Потом на буксир поднялись четыре вооруженных человека. Двое из них были с наганами, а двое с карабинами. Которые с наганами, были в кожаных куртках, один из них был с усами и в гетрах. Он, похоже, был старший, потому что его все слушали, говорил только он. Это я хорошо запомнил. Который с усами что-то сказал капитану, и все пошли к рубке. Команда была в сборе. Капитан громко сказал нам, что все были на местах, и пошел в рубку. Начало темнеть, и мы вышли на реку и пошли, где стояла баржа. Подошли и встали ниже баржи. Те двое, которые с карабинами, возились с канатами на корме. Один из них с канатом сошел на берег и поднялся на баржу. Китайцев уже не было. Который был на барже, вернулся на буксир. Мы медленно отошли с баржей от пристани и пошли вниз. Мы шли всю ночь. У меня было предчувствие беды. Сон прошел. Я вышел из машинного отделения. Начало светать, буксир работал на малых оборотах и стоял не вниз, а вверх по течению. Я услышал громкий разговор и ругань на корме и тихо пошел к корме. На корме был тот с усами и в гетрах и громко с матерками разговаривал с теми двумя, которые были с карабинами, они спускались в лодку, которая была привязана к буксиру. Левой рукой он бросил канат, а в правой руке он держал наган. Я быстро отошел назад и нырнул в моторное отделение. Об увиденном я рассказал поммашинисту, мы с ним были в хороших отношениях. Он выругался и сплюнул на пол. Через некоторое время мы услышали шаги и громкий разговор идущих мимо людей. Немного подождав, я вместе с поммашинистом быстро вышли на палубу и пошли к корме. Хотя был легкий туман, но баржу было видно, но странно она была очень низко от поверхности воды. Изнутри баржи слышалось красивое церковное пение. Тут мы догадались в чем дело. Эти двое, которые были в лодке, открыли кингстоны и баржа вместе с людьми медленно уходила под воду. Мы с ужасом смотрели на уходящую баржу под воду, слушая чудесное церковное пение. Тут буксир дал



обороты двигателя и колеса громко захлопали по воде, заглушая пение. Как мы очутились в машинном отделении, мы не помнили. Мы стояли, обнявшись с открытыми глазами, полными ужаса. Старший машинист подошел к нам, посмотрел на нас с удивлением и спросил, что с вами, ребята? Мы ничего ему не сказали. В Колпашево мы пришли вечером. Эти четверо первыми вышли на берег и пошли к пристани. Утром их возница отвез из Колпашево. Потом через несколько дней, утром рано увидели возницу около своего дома. Он погрузил свой скарб на телегу и, взяв жену и сына, уехал в неизвестном направлении. Куда – никто не знал. Уже глубокой осенью из Новосибирска приезжали из ГПУ, расспрашивали про возницу, но никто ничего не знал. Вызывали всех нас по одиночке, но мы тоже ничего не знали. После отъезда людей из ГПУ до нас дошел слух. Не доезжая несколько километров до Дубровино, ночью на них напали вооруженные люди, обезоружили их, а возницу отпустили, а этих четверых куда-то увезли. Свершилось справедливое возмездие! Души невинных монахов и церковных священнослужителей нашли постоянное местожительство в барже на дне Оби. Вечная им память. Мы будем за Вас молиться.

Эту страшную трагедию я услышал в 1969 году, осенью в Колпашево на берегу Оби в катере. Мои напарники ушли в город, а я остался на катере. Тут я и встретил этого человека, который поверил мне и поведал эту страшную трагедию».

К сожалению, каких-либо иных подробностей или деталей выяснить не удалось. История страшная. Произошедшее, скорее всего, относится к началу 1920-х гг., когда в Сибири действительно находилось несколько тысяч китайцев-интернационалистов, состоявших на службе у большевиков, и которые активно привлекались последними для борьбы (и расправы) с классовыми и политическими оппонентами. С другой стороны, сюжет истории несколько неправдоподобен – «совершение преступления – наказание преступников – возмездие свершилось», это не может не вызывать определенных сомнений в правдивости данной истории. Если бы подобное преступление было совершено, то остались бы какие-то документы, да и стоило ли везти этих священников за сотни километров по реке, чтобы просто утопить? Могли бы найти и более простые способы расправы.

«Чуждыми» для советской власти стала и группа молодых людей – участников подпольной противосоветской организации «Союз русских карбонариев», имеющей целью вооруженную борьбу против советской власти. Организация была выявлена сотрудниками Томского губотдела ГПУ и 24 мая 1922 г. «окончательно ликвидирована». Организаторами её стали представители христианской секты «адвентистов» А.Я. Юриксон, 1902 г.р., работавший заведующим дорожным отделением губпродкома, и И.Г. Бурнашев, 1903 г.р., учащийся.

Начало деятельности организации определено следствием как осень 1920 г., когда Юриксон (по показаниям Бурнашева, связанный с белогвардейской организацией, которой руководили военные специалисты) предложил организовать свержение советской власти. «В период с сентября 1921 года Совет Союза собрал вокруг себя группу в 9 человек из числа единомышленников и врагов советской власти, но уже с разными христианскими воззрениями. Для руководства созданной организацией Совет Союза выпустил особый наказ к членам организации, согласно которому каждый член организации входил в определенную тройку, подчиняясь распоряжениям начальника тройки, начальники троек входили в де-

сятку. За измену, предательство своих членов виновный подвергался, согласно наказу, убийству; вошедший в организацию не мог обратно выйти из таковой, выход сопряжен со смертью. Главной целью своей организация намечает сбор вооружения для членов организации и свержение советской власти, не нравившейся населению...

Для большей конспирации в работе союза каждый член... значился... под псевдонимом»<sup>1</sup>.

Попытка создания подобной организации на ст. Ижморской успеха не имела вследствие недоверчивого отношения к ней населения.

К ноябрю 1921 г. у членов организации было 8 единиц огнестрельного оружия и план террора против советских работников, но, кроме одной «попытки», шагов в этом направлении предпринято не было; действия организации свелись к обычной уголовщине – получению по подложным документам муки.

Однако приговор Томского губернского революционного трибунала был достаточно суровым: один из членов организации был приговорен к 8 годам лишения свободы, один – к 6, по двое – к 5, 4 и 2 годам лишения свободы соответственно. На основании ст. 42 УК РСФСР все считались опороченными по суду на 3 года. Проходившая по делу телеграфистка А.К. Цаликова, 1899 г.р., была приговорена к 1 году лишения свободы условно с испытательным сроком на 3 года<sup>2</sup>, а дело на несовершеннолетнего С.С. Зыкова было выделено в отдельное производство.

Сложно судить, насколько эта организация была «противосоветской». Возможно, в те годы следователям важен был факт принадлежности её членов к религиозным общинам, что и было использовано в ходе организованной в стране кампании по преследованию Церкви. В настоящее время в процессе пересмотра дела в реабилитации участникам организации отказано, так как не установлена политическая составляющая их преступной деятельности.

В 1922 г. в стране развернулась кампания, организованная антирелигиозной комиссией ЦК РКП(б). Была создана специальная подкомиссия в составе П.А. Красикова, В.Р. Менжинского и Н.Н. Попова, занимавшаяся рассмотрением дел священнослужителей и прихожан, поддерживавших Патриарха Тихона, многие из которых были подвергнуты административной ссылке. Например, названная комиссия 28 ноября 1922 г. приняла решение об административной ссылке 60 «епископов, попов и мирян, уличенных в активной тихоновщине». К июню 1923 г. в Нарымском крае состояли на учёте 14 ссыльных православных священников разных санов. С 1922 г. здесь отбывали ссылку митрополит Агафанген (А.Л. Преображенский), архиерей Павел Вятский (Борисковский) и др. К началу 1924 г. в крае числились 27 ссыльных из числа духовенства. В 1925–1926 гг.

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. 311. Л. 207. Кроме названных членов организации, по делу были арестованы: Цаликов Г.А., 1897 г.р., приказчик; Новосёлов А.С., 1901 г.р., служащий; Корелин А.К., 1900 г.р., служащий; Новодерёжкин В.А., 1900 г.р., счетовод гублескома; Павлов П.Н., 1902 г.р., конторщик на железной дороге; Яковлев Л.Г., 1901 г.р., инструктор спорта. Последний был арестован вторично в 1937 г. и по решению «тройки» УНКВД расстрелян. Реабилитирован 1 ноября 1960 г. См.: Боль людская... 2-е изд. Т. 3. С. 507.

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. 311. С. 268–269.

в Наркрай были сосланы епископы Венедикт (В.В. Плотников), Иннокентий (Б.Д. Тихонов) и Николай (Н.Ф. Клементьев). К началу 1927 г., по данным прокуратуры, в Сибкрае было 28 административно-ссылных церковников. К середине года их число возросло до 41 чел. К концу года в Барабинском округе – 4, в Барнаульском – 2 и в Иркутском – 1 ссылный священник. В Нарымском крае в феврале 1927 г. находились 19 сосланных представителей духовенства<sup>1</sup>.

Если гонения на церковь в годы Гражданской войны носили преимущественно стихийный характер, то после её окончания эта политика становится планомерной и целенаправленной, что, в частности, наглядно проявилось в ходе кампании по изъятию церковных ценностей: в стране была создана строгая вертикаль органов (различных структур) до уезда включительно с привлечением тысяч официальных исполнителей и еще большим числом «добровольцев». Специального отбора кадров для выполнения миссии не производилось, часто привлекались случайные люди, готовые бездумно выполнить любое указание. Все это наряду с официальной доктриной государства о реакционности духовенства, служившего самодержавию, привело к утрате, расхищению и уничтожению многих памятников и предметов культа, имевших культурное и историческое значение, являвшихся национальным богатством России.

Предпринятое советской властью под предлогом организации помощи голодающему населению Европейской России изъятие церковных ценностей привело к еще большему обострению отношений между большевиками и духовенством. Сегодня можно однозначно констатировать, что изъятие церковных ценностей было спланированной акцией, в которой помощь голодающим была задачей второго плана. В известном секретном письме В. Ленина В. Молотову, написанном в марте 1922 г., отмечалось: «...Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи, трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед давлением какого угодно сопротивления. Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей... Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что **мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий...** (выделено мною. – В.У.). Чем больше число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь прочесть эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели думать»<sup>2</sup>.

Практически в это же время, 25 апреля 1922 г., Верховный трибунал ВЦИК направил на места циркуляр, в котором губревтрибуналам предписывалось в случае выявления фактов агитации против изъятия церковных ценностей

<sup>1</sup> Маргиналы в социуме... С. 247–248.

<sup>2</sup> Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 191–194.

контрреволюционными элементами и оказания сопротивления по изъятию этих ценностей привлекать к уголовной ответственности местное церковное руководство, даже если оно и не было замечено в этой деятельности<sup>1</sup>.

Сопротивление духовенства подавлялось беспощадно. Только в июне 1922 г. и только в одном Петрограде Ревтрибуналом были осуждены 87 церковников, в числе которых были митрополит Кронштадтский, епископы, настоятели Казанского и Исаакиевского соборов, группа «реакционных» профессоров. За активное сопротивление кампании по изъятию церковных ценностей 10 из них были приговорены к расстрелу<sup>2</sup>. Волна столкновений, арестов и «судов» прокатилась по всей стране. К середине 1922 г. в связи с изъятием церковных ценностей состоялся 231 процесс, на скамье подсудимых оказались 732 чел., многие были приговорены к расстрелу<sup>3</sup>.

Активная роль в кампании по изъятию церковных ценностей отводилась периодической печати – основному рупору советской власти. В газетах повсеместно была организована травля священнослужителей. Например, в газете «Красное знамя» (Томск) только в период с 4 по 13 марта 1922 г. были опубликованы статьи и материалы «Церковь и умирающие», «Церковь и голод», «Что думает томское духовенство?», «К изъятию церковных ценностей» и др., а 13 марта почти вся первая страница газеты была посвящена «небывалому митингу во Дворце Труда», когда тысячи верующих «требовали передачи церковных ценностей голодающим». Здесь же была опубликована резолюция митинга об организации изъятия ценностей<sup>4</sup>. Председателем губернской комиссии по изъятию ценностей 28 марта 1922 г. на закрытом заседании губкома РКП(б) был назначен председатель губисполкома Н.П. Теплов. С апреля газета «Красное знамя» начала печатать бюллетени по изъятию ценностей.

Общество раскололось на два враждебных лагеря – верующих и безбожников-атеистов, многие из которых еще совсем недавно были верующими. Последних было много меньше, но за их спиной стояло государство, чью волю они и выражали, а у государства были сила и аппарат подавления, в том числе из десятков тысяч иноверцев-наемников, которым была абсолютно безразлична судьба миллионов верующих и духовенства – рушили и уничтожали не их веру. В этой борьбе многие из верующих заняли выжидательную позицию, и только часть из них была готова принять страдания за то, во что свято верила. Произо-

<sup>1</sup> ГАНО. Ф.Р-1146. Оп. 1. Д. 55. Л. 84.

<sup>2</sup> Трифонов И.Я. Очерки истории классовой борьбы... С. 34.

<sup>3</sup> Бутовский полигон... Кн. 2. С. 18.

<sup>4</sup> Красное знамя. 1922. 4, 6, 11, 13 марта. Копия резолюции была приложена к материалам суда, состоявшегося в июле 1922 г. в Томске. В ней, в частности, отмечалось, что «...томичи, заслушав на митинге доклады на тему «Церковь и голод», учитывая, что спасение голодных волжан есть священный обязательный долг всего народа Советской Республики и каждого гражданина в отдельности, постановили...» категорически немедленно изъять все драгоценные предметы из золота, серебра и камней. Изъятие должны были производить местные Советы при участии комиссии Помгол и групп верующих, священнослужители должны были призвать всех верующих к оказанию помощи голодающим и изъятию ценностей; «**противников этого считать врагами народа, клеймить их позором и заносить на черную доску**». Газета должна была давать отчеты о расходовании имущества. «Председательствующий **Макаренко**, секретарь Войтовецкий». См.: ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 91. Л. 107.

шедший в церкви раскол также внес сомнения и сумятицу в умы многих верующих; это было использовано государством в целях достижения нужного результата.

Священнослужители ответили яростным сопротивлением, пытаясь скрыть от экспроприаторов все, что могли спрятать и сохранить. И как следствие – аресты и судебные процессы над священниками. Газеты того времени подробно освещали эти события. Так, «Красное знамя» в июле 1922 г. сообщало: «...на скамье подсудимых сидят князья церкви, открыто выступившие против изъятия ценностей. Каждый труженик еще раз увидит лицо контрреволюции под церковным флагом, а трибунал воздаст им по заслугам»<sup>1</sup>. Что и произошло. 15–20 июля 1922 г. состоялся суд над 33 священниками и некоторыми из прихожан Томска и Томской губернии по обвинению в том, что «...исполняя исходящее от патриарха Тихона послание, в качестве директив центра контрреволюционной организации духовенства, так называемой православной церкви, – они, по предварительному между собой соглашению, с контрреволюционной целью срыва помощи голодающим Поволжья умышленно злостно оказывали противодействие органам власти при изъятии церковных ценностей в апреле, мае 1922 года по городу Томску и Томской губернии, скрывая разными способами ценности храмов, и агитацией, и непосредственным участием возбуждали население к массовым волнениям и к невыдаче ценностей в явный ущерб диктатуре рабочего класса и пролетарской революции»<sup>2</sup>.

Приговор был суров – 9 чел. приговорены к расстрелу. Поданная осужденными апелляция представляла собой аналитически выверенный документ, раскрывавший предвзятость суда при рассмотрении дела при полном отсутствии доказательств вины осужденных. В ходе судебного следствия были нарушены целый ряд процессуальных норм (например, непредоставление слова защите в ходе судебного заседания). Адвокатами была, на мой взгляд, доказана предвзятость председателя трибунала И. Макаренко, выразившаяся в прямом вмешательстве в дела Епархиального управления, в использовании печати для подготовки общественного мнения в отношении обвиняемых еще до начала суда. Так, 6 июня в газете «Красное знамя» была опубликована статья «Отделение Православной церкви от контрреволюции», в которой епископ Виктор характеризовал-

<sup>1</sup> Красное знамя. 1922. 15 июля.

<sup>2</sup> Фаст М.В., Фаст Н.П. Нарымская голгофа: материалы к истории церковных репрессий в Томской области в советский период. Томск; Москва: Водолей Publishers, 2004. С. 39. В обвинительном заключении по делу приводились примеры, что в губернии имели место «случаи контрреволюционных попыток духовенства сорвать дело изъятия ценностей на помощь голодающим». В Мариинске 7 мая жители не дали вести работу комиссии в соборе, только 8 мая «после окружения собора войсками ГПУ и ЧОН изъятие было осуществлено». В с. Тутальском 31 мая жители не пустили уполномоченного, и изъятие удалось провести только 6 июня под охраной вооруженного отряда. См.: ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 96. Л. 7.

Процесс проходил под контролем губотдела ГПУ, сотрудники которого в информационном бюллетене так описывали события, связанные с началом суда: «14 июля начался процесс... На скамье подсудимых 12 священников, просто верующих 14 (цифры вписаны от руки. – В.У.). По делу проходят свидетелей 36. Настроение рабочих, красноармейцев, служащих и просто граждан спокойное. Несмотря на платность входа – 3 миллиона в пользу голодающих – зал заседания полон. На улицах – не попавшие из-за отсутствия средств группы верующих женщин, ожидающих вестей из зала...». См.: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 87. Л. 499.

ся как монархист и контрреволюционер. А 13 июля в статье «К суду над церковниками» Макаренко объявил обвиняемых контрреволюционерами и приписал им целый ряд преступных деяний контрреволюционного характера, в которых они и были трибуналом под его непосредственным руководством признаны виновными. Даже эти действия заставляют засомневаться в объективности его действий.

Не были судом трибунала доказаны ни организационная, ни практическая стороны контрреволюционной деятельности, показания свидетелей в абсолютном большинстве носили оправдательный для обвиняемых характер. Отдельные конкретные «контрреволюционные» действия опровергались официальными документами органов власти. Но все это не имело значения, так как с самого начала процесс пошел с обвинительным уклоном<sup>1</sup>.

В соответствии с кассационной жалобой<sup>2</sup> 31 октября – 3 ноября 1922 г. состоялись заседания выездной сессии судебной коллегии Сибирского отдела Верховного трибунала. По новому приговору ВМН была оставлена в силе троица – епископу Томскому Виктору (Всеволоду Богоявленскому)<sup>3</sup>, настоятелю Богоявленского храма Константину Лебедеву<sup>4</sup> и священнику из Юрги Борису Стацевичу, но Президиум ВЦИК приостановил приведение приговора в исполнение, а решением от 2 марта 1923 г. заменил ВМН на 10 лет лишения свободы, позднее неоднократно еще снижая сроки наказания<sup>5</sup>. Сроки наказания были изменены и другим осужденным по этому процессу.

Смягчение приговоров вполне объяснимо. Урок духовенству был преподан хороший через суровость приговора, а с другой стороны, властью «проявлена гуманность» через сохранение осужденным жизни<sup>6</sup>. «Гуманность», скорее всего,

<sup>1</sup> Кассационная жалоба осужденных в Сибирское отделение Верховного трибунала. См.: ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 96. Л. 78–81. В жалобе от 14 осужденных говорилось о 8 осужденных к расстрелу.

<sup>2</sup> Обращение было рассмотрено следователем Сиботделения Верховного трибунала ВЦИК Дубинским, который согласился с большинством претензий, заявленных в кассационной жалобе, и вынес решение об отмене приговора от 16 июля 1922 г. и направлении дела на новое рассмотрение. Там же. Л. 93.

<sup>3</sup> Богоявленский Всеволод Семенович, 1854 г.р., в 1924 г. Постановлением ВЦИК от 20 февраля 1924 г. срок наказания был снижен до 5 лет лишения свободы. В этом же году был освобожден и начал управлять Нижнеудинской епархией. Умер в 1928 г. и похоронен в г. Омске. Реабилитирован в 2001 г.

<sup>4</sup> Лебедев Константин Владимирович, 1877 г.р., арестовывался вновь в мае 1930 г., был освобожден в августе 1930 г. в связи с прекращением дела. В 1936 г. был осужден на 10 лет ИТЛ и 3 года поражения в правах. Реабилитирован в 2001 г.

<sup>5</sup> Дмитриенко Н.М. Дело томских церковников 1922 г. // Социально-политическое развитие Сибири (XIX–XX вв.). Томск, 1993. С. 78–79. В мае 1923 г. губернский суд, со ссылкой на приговор от ноября 1922 г., обязал начальников Томской городской и Марининской уездной милиции наложить арест на имущество осужденных. К указанию прилагались выписки из приговора и ст. 38 Уголовного кодекса о конфискации имущества. См.: ГАТО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 1054. Л. 92.

<sup>6</sup> В июле 1923 г. в Президиум ВЦИК с просьбой о помиловании обратились К.В. Лебедев (осужден на 10 лет) и Н.С. Климов (осужден на 8 лет): «С чувством глубокого удовлетворения узнали мы из газет о раскаянии патриарха Тихона в его контрреволюционных деяниях и еще с большим удовлетворением прочитали о акте великодушия Советского Правительства, принявшего это раскаяние и освободившего из-под стражи патриарха... Теперь становится очевидным для нас, что... выполняя все его распоряжения как церковного иерарха, мы... вовлекались в политическую авантюру и становились врагами Правительства Русского Пролетариата...

Присоединяясь к патриарху... мы со своей стороны приносим искренне раскаяние во всем, что в прошлых наших поступках носило характер контрреволюции, вражды и непризнания Соввласти РСФСР. Отныне все наши деяния будут направлены к тому, чтобы работать на платформе соввласти, проводить в жизнь высокие начала братской любви, торжества трудящихся масс, спра-

была вынужденной – большевики не хотели (или боялись) создать новых мучеников за веру. И еще одно: решения в те далекие годы принимались все-таки коллегиально, так как пока не «вырос» тот, кто будет принимать даже самые страшные решения единолично, уже только прикрываясь коллегиальностью.

В целом по Сибири на 1 сентября 1922 г. было возбуждено 12 уголовных дел, по которым проходили 55 чел. – 14 духовных и 41 гражданское лицо. Пять дел к этому числу уже были рассмотрены и 10 чел. приговорены к расстрелу, 27 – к различным видам наказания, трое оправданы (табл. 12).

Наибольшую активность в преследовании лиц по делам об изъятии церковных ценностей проявили Томский и Иркутский ревтрибуналы, никакой работы не отразил Алтайский. Обращает на себя внимание и тот факт, что число привлеченных Томским трибуналом к ответственности гражданских лиц составило 61% от общего числа лиц данной категории и 45,5 % от общего числа репрессированных. Возможно, сказались амбиции местных руководителей, так как Сиббюро ЦК РКП(б) в своем письме губкомам, анализируя ситуацию с изъятием ценностей в губерниях Сибири, приводило примеры более активного, чем в Томске, сопротивления изъятию ценностей.

Таблица 12

Сведения по делам об изъятии церковных ценностей (на 1 сентября 1922 г.)

Трибунал	Кол-во возбужденных дел	Кол-во рассмотренных дел	Привлечено лиц духовных/гражданских	Осуждено к ВМН лиц духовных/гражданских	Осуждено к лишению свободы, чел.		Осуждено к другим мерам наказания лиц духовных/гражданских	Оправдано лиц духовных/гражданских
					До 3 лет духовных/гражданских	Свыше 3 лет духовных/гражданских		
Новониколаевский	1	–	1/–	–	–	–	–	–
Омский	2	–	–/2	–	–	–	–	–
Томский	4	2	10/25	8/–	3/1	–	2/16	–/3
Алтайский	–	–	–	–	–	–	–	–
Иркутский	3	3	2/5	1/1	1/3	–/1	–	–
Енисейский	2	–	1/9	–	–	–	–	–
<b>Итого</b>	<b>12</b>	<b>5</b>	<b>14/41</b>	<b>9/1</b>	<b>4/4</b>	<b>–/1</b>	<b>2/16</b>	<b>–/3</b>

Источник: ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 74. Л. 14. В таблице была графа «Фактически расстреляно», но данных не приведено ни по одному трибуналу.

Так, саботаж по сдаче ценностей проявил архиепископ Дмитрий в Омской губернии, ранее предлагавший подготовить воззвание к населению о сдаче цен-

ведливости и честности во взаимоотношениях граждан Пролетарской Республики и этим способствовать скорейшему наступлению мира и благополучия в жизни русского трудового народа...». См.: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 111. Л. 368. Этот документ – пример того, что политика государства, направленная на подавление и угнетение церкви и её слуг, давала свои результаты, последние вынуждены были сдавать свои позиции.

ностей, но затем отказавшийся его подписать. Более того, по наущению омичей новониколаевское духовенство в целях противодействия сдаче ценностей стало создавать ячейки из числа зажиточных и глубоко верующих лиц. В Барабинске со словами «Бей коммунистов, не отдадим золото» из церкви выгнали коммуниста, призывавшего к изъятию ценностей. В Красноярске и Иркутске отношение к кампании характеризовалось как враждебное, среди населения распространялись провокационные и подстрекательские записки, призывы «Бей жидов», «Красные грабят храмы» и др. В Красноярске народ организовал охрану храмов<sup>1</sup>. В Барнаульском уезде противодействие изъятию ценностей оказали вновь избранные волостные советы. В Рубцовском уезде крестьяне не дали арестовать священника, агитировавшего против изъятия ценностей<sup>2</sup>.

В Омске, согласно Постановлению ВЦИК от 16 февраля и Инструкции ЦК Помгол и НКЮ от 7 марта 1922 г., была организована губернская комиссия, приступившая к работе сразу после пасхальной недели. В большинстве случаев изъятие ценностей происходило без эксцессов, за исключением Тары, где начало работы уездной комиссии сопровождалось набатным звоном. Позднее было объявлено, что виновницей случившегося оказалась психически больная фанатичка, но это не помешало её арестовать и предать суду ревтрибунала. По свидетельствам очевидцев, при разорении церкви в Таре предметы церковного обихода и иконы выбрасывались прямо в снег, с них срывали все, что было похоже на драгметаллы и драгоценности. Подобная картина наблюдалась и в других храмах.

«Активная» деятельность комиссий не была подкреплена мало-мальской дисциплиной, часто не были налажены отбор, учет и контроль изымаемых ценностей. Не обходилось без злоупотреблений и банального воровства, так как всякого рода «помощников» по изъятию всегда было предостаточно. Подтверждением этому может служить отчет председателя губпомгола Крымова в Омгубисполком в августе 1922 г.: «Изъято церковных ценностей на 20 июля: золотых изделий – 36 зол. 48 ф. (786 кг 395 г. – В.У.), золотой монеты – 165 рублей, серебряных изделий – 71 пуд 20 ф. 89 зол. 91 д. (1 164 кг 182 г. – В.У.), серебряной монеты – 6 922 руб. 75 коп. Точных сведений дать не можем, так как канцелярия находится в разбросанном виде, и за правильность настоящих сведений губпомгол не отвечает, так как составлены они приблизительно. Сведения мною не проверены, и от взятия на себя ответственности за таковые до ревизии РКИ воздерживаюсь»<sup>3</sup>. А ведь речь велась о больших ценностях – только драгметаллов было почти две тонны.

В Томске, казалось бы, учет был налажен, но таковым его можно считать условно. Напомню, что в соответствии с резолюцией митинга от 10 марта 1922 г. газета «Красное знамя» должна была печатать бюллетени об итогах изъятия ценностей. Решение митинга было выполнено, и с начала апреля газета постоянно

<sup>1</sup> Информационное письмо Сиббюро ЦК РКП(б) № 4 в адрес губкомов РКП Сибири за январь–апрель 1922 г. См.: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 80. Л. 73.

<sup>2</sup> Из госинформсводки ОГПУ № 41 от 27 мая 1922 г. См.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 1. С. 635.

<sup>3</sup> Краевская И., Черказянова И. От «тьмы» к «свету» предлагала двигаться советская власть, начав бороться с церковью. См.: Забвению не подлежит... Т. 8. С. 37–39.



сообщала о результатах этой работы. Тексты бюллетеней подписывал председатель комиссии и одновременно губисполкома Н. Теплов. Однако чаще всего это было простое перечисление изъятого, даже без указания, за редким исключением, веса и материалов изготовления. Например, 5 апреля газета проинформировала население, что удалось изъять 12 пудов 22 фунта 16 золотников и 6 ден. (примерно 201 кг. – *В.У.*), но чего и из какого металла указано не было. За следующие две недели за счет снятия серебряных риз с икон изъяли еще 22 пуда 17 фунтов 80 золотников серебра (359 кг) – ризы были сняты со 184 икон в десяти церквях города. К 13 мая объемы изъятого достигли 40 пудов, о чем сообщил на пленуме губисполкома Теплов. Кампания проводилась под пристальным вниманием губкома РКП(б), который на закрытом заседании 21 мая своим постановлением потребовал принятия всех мер для завершения кампании к 1 июня<sup>1</sup>.

Сдача ценностей проводилась под постоянным давлением партийно-советских органов на местах. **Правильность их сдачи в губфинотдел предполагалось проверить после завершения мероприятия** (выделено мною. – *В.У.*). Подобная практика была повсеместной, что не могло не сказываться на «качестве» работы; имелись реальные возможности для злоупотреблений при изъятии ценностей и их хищения.

Всего в 1922 г. в стране у церкви было изъято 22 пуда золота, около 24 тыс. пудов серебра, 14 пудов жемчуга, десятки тысяч алмазов, бриллиантов и других драгоценных камней<sup>2</sup>.

Но не всегда все завершалось благополучно. По данным Г.Е. Соколова, только в 1922–1923 гг. в России были уничтожены (полагаю, физически. – *В.У.*) 2 691 священник, 1 962 монаха и 3 447 монахинь<sup>3</sup>, большинство из них пострадали в период проведения кампании по изъятию церковных ценностей, когда пытались противиться произволу.

Еще одним пострадавшим в ходе названной кампании стал житель г. Томска, член РКП(б) Батурич, погибший в результате беспорядочной стрельбы сотрудников милиции, которые пытались разогнать людей (30–40 чел.), собравшихся после митинга 10 марта во Дворце труда. В этой толпе находились губвоенком Репин, член редколлегии газеты «Красное знамя» Азарх и председатель ревтрибунала И.Г. Макаренко. Незаконные действия сотрудников милиции были пресечены только благодаря вмешательству названных лиц. Команду на «разгон толпы» отдал начальник горюездной милиции Б.Я. Бертущ, который даже не пытался разобраться в сложившейся ситуации, а просто проезжая мимо, увидел скопление народа.

Данное происшествие получило широкую огласку и вызвало негативную реакцию со стороны населения. В кратчайшие сроки провели следствие, и уже 26 марта трибунал вынес приговор, согласно которому Бертущ отрешался от

<sup>1</sup> См.: *Фаст М.В., Фаст Н.П.* Указ. соч. С. 30–35.

<sup>2</sup> Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... С. 51.

<sup>3</sup> См.: *Соколов Г.Е.* Кампания 1922 г. по изъятию церковных ценностей (на примере Москвы) // Государство, религия. Церковь в России и за рубежом: Информационно-аналитический бюллетень № 3 (27). М., 2001. С. 106.

должности и лишался права занимать ответственные посты в течение одного года с вынесением ему общественного порицания. Помощник начальника конного отряда милиции Е.А. Коркин также отрешался от должности и был направлен в распоряжение начальника губернской милиции для прохождения курсов командного состава. Пятеро милиционеров конного отряда были осуждены к лишению свободы на 6 месяцев, но, принимая во внимание **«их политическую и общую неразвитость, наказание считать условным, оставить в составе Томгоруездмилиции, обязав начальника последней командировать их на курсы для взрослых для ликвидации безграмотности...»**<sup>1</sup>.

По мере победного шествия социализма по стране борьба с «опиумом для народа» не ослабевала, хотя та часть духовенства, что признала советскую власть («Живая Церковь», или обновленцы), всячески показывала свою преданность новому строю. Об этом было заявлено на Всероссийском съезде группы «Живая Церковь» в Москве в августе 1922 г. 2 октября открылся Всесибирский съезд группы «Живая Церковь», решения которого шли вразрез с канонами православия. Так, председатель Сибирского церковного управления протоиерей П. Блинов был возведен в сан епископа Томского и Сибирского, став первым епископом, возведенным в этот сан из женатых священников. За ним в епископы «последовали» и другие женатые священники.

С подобными действиями не могла согласиться основная часть духовенства Сибири, и в октябре 1922 г. в Новониколаевске на губернском съезде было принято решение о прекращении отношений с Сибирским церковным управлением и создании Сибирской митрополии для сибирских епархий. Новое объединение существовало недолго, так как советская власть не собиралась поддерживать «реакционную часть духовенства»; начались аресты священнослужителей. Одним из первых в декабре 1922 г. был арестован за «мошеничество и помощь контрреволюционерам» Новониколаевский епископ Софроний, в начале февраля 1923 г. – епископ Бийский Иннокентий, обвиненный в призывах к свержению советской власти. М.В. и Н.П. Фаст привели интересный документ в отношении епископа Иннокентия. Алтайский губотдел ГПУ в начале февраля 1923 г. направил в Бийское подразделение телеграмму: «Ввиду того, что Бийская епархия намерена отколоться от СибЦУ, возглавляется **реакционным епископом** Иннокентием, ведущим травлю против «Живой Церкви»: Алтгу-

---

<sup>1</sup> Материалы обвинительного заключения и приговора по делу Б.Я. Бергуша и др. См.: ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 91. Л. 1, 2, 87–88. Наказанием это назвать трудно, тем более что в ходе предварительного следствия был установлен факт изготовления фальсифицированных документов по названному делу сотрудниками милиции. Пытаясь оправдаться, сотрудники милиции сфальсифицировали материалы об участии в этом событии «антисоветчика» профессора Анучина, якобы проводившего активную противосоветскую агитацию. Но в ходе судебного заседания «свидетели» этого со стороны милиции заявили, что Анучина не знают и на митинге не видели, только слышали от других, что он якобы был. Однако сам Анучин на митинге не был и по причине болезни из дома не выходил. См.: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. Л. 118. В рапорте председателя ревтрибунала И. Макаренко в Сиботделение Верхтриба ВЦИК также было отмечено, что «милиция или, вернее, трусливые, тупые и глупые лица последней старались создать ложную картину истинных событий 10-го марта, объясняя, что на улице была громадная толпа, страшно возбужденная, угрожавшая чуть ли не переворотом...», что абсолютно не соответствовало действительности. За защитой «чести мундира» как-то затерялся погибший Батулин.

ботдел настоящим предлагает **изолировать епископа бийского Иннокентия, для какой-либо цели подберите юридическое основание**, что послужит целью воспрепятствования откола последней от СибЦУ. Арестованного Иннокентия направить в Алтгуботдел ГПУ. Основание: почто-телеграмма ПП ГПУ Сибири № 490/с»<sup>1</sup>. Основание было найдено...

В марте 1923 г. состоялся епархиальный съезд Томской губернии; делегаты в своем письме губисполкому выражали благодарность за предоставленную возможность собраться для решения церковных вопросов, осуждали «неискреннюю политику черного епископата, возглавляемого патриархом Тихоном и руководившего тайными вожделениями на возвращение в России старого государственного строя...» и выражали готовность решительно вступить «на путь искреннего признания советской власти и закономерного проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви и всех вытекающих из этого декрета положений»<sup>2</sup>.

Вне всяких сомнений, подобные «съезды» проходили и в других регионах страны, в том числе в Сибири, и подобные письма направлялись в адреса советских органов власти и управления. Все это стало возможным по причине проведения в 1923 г. (по инициативе большевистского руководства страны) Собора, названного Обновленческим, когда произошло официальное разделение православной церкви на обновленческое и тихоновское направления. В постановлении Собора было записано, что «церковным людям не следует видеть в советской власти власть антихристову. Наоборот, собор обращает внимание, что **советская власть** государственными методами **одна во всем мире имеет цель осуществить идеалы Царствия Божия**»<sup>3</sup>. Большевики и советская власть должны были, таким образом, привести паству в «Царство Божие». Обновленцы, пойдя на компромисс с властями, стали получать от нее определенные преференции. Более того, обновленцы во многом стали прямо помогать большевикам в дальнейшем развале и разгроме православной церкви. Тысячи верующих не сразу могли понять суть происходящего и оказались втянутыми в борьбу двух церковных течений, достаточно часто ориентируясь в происходящем только на основе своих личных симпатий к тем или иным священнослужителям. Принадлежность к тихоновскому направлению стала на долгие годы первопричиной многих страданий тысяч православных священников и мирян.

Раскол православной церкви был использован отдельными служителями культа для удовлетворения личных амбиций и своего карьерного роста – ничто мирское им не было чуждо.

В борьбе с духовенством власть большевиков использовала все средства. Одним из них было лишение представителей духовенства избирательных прав. Так, 6 июня 1923 г. за подписью заведующего губотделом управления Семерикова (одновременно и председателя избиркома по перевыборам в Томский горсовет) и секретаря избиркома Дятлова в редакцию газеты «Красное знамя» был направлен

<sup>1</sup> См.: *Фаст М.В., Фаст Н.П.* Указ. соч. С. 53.

<sup>2</sup> Из истории земли томской. 1921–1924... С. 139.

<sup>3</sup> *Минеева Г.* Судьба Владыки Алексия // *Забвению не подлежит...* Т. 6. С. 190.

«Список лиц религиозных культов, лишенных права избирать и быть избранными в томский горсовет, для опубликования в \_\_\_\_\_ номере Вашей газеты». В списке значились фамилии 45 церковнослужителей градо-Томских церквей, 19 монахинь во главе с игуменьей, 5 руководителей Еврейской религиозной общины и 3 старост синагог, 2 имамов и 2 муэдзинов 1-й и 2-й городских мечетей, а также руководитель римско-католического костела – всего 77 чел.<sup>1</sup> Представители этой категории граждан лишались прав повсеместно в числе первых.

На словах никто не покушался на права граждан, в том числе и по вероисповеданию. Сибирская краевая прокуратура в 1925 г. даже подготовила и направила всем окружным прокурорам многостраничный доклад для выступлений на крестьянских собраниях. По делам взаимоотношений с церковью в нем отмечалось, что всякое лицо вправе исповедовать какую угодно религию или не использовать никакой. В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделена от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми. Государство представляет в бесплатное пользование верующих предметы культа и молитвенные дома (представлять можно было, так как основное уже было отнято, закрыто, уничтожено либо приспособлено для использования в других целях. – В.У.). Государство запрещает чинить препятствия верующим исполнять религиозные обряды, в открытии молитвенных домов и храмов и закрытии существующих. Однако **бывают случаи** (выделено мною. – В.У.), когда органы власти или должностные лица допускают нарушения существующих на этот предмет распоряжений советского правительства. Жалобы на действия должностных лиц и государственных органов при разрешении такого рода дел могут быть поданы ближайшему прокурору.

Все просто: имели место «случаи» или «отдельные нарушения», хотя в действительности действовала система. Не только правоохранительные, но и все партийные и советские органы должны были следить за служителями культа и верующими и информировать инстанции обо всем, что происходило в их среде.

На деле бывало так, как отмечалось в докладе краевого прокурора в Сибкрайком РКП(б): «В работе ГПУ среди церковников наблюдаются излишние незаконные аресты попов старого толка и особенно явное покровительство “живоцерковникам”».

Так, например, в Мариинске совершенно без всяких законных оснований местный уполномоченный ГПУ **периодически** (выделено мною. – В.У.) сажал 2 попов старого толка и сделал из них мучеников за веру в глазах местного населения.

Предложения освободить в случае перехода в обновленчество или поступления сексотом – обращение к одному из них – вряд ли осталось тайной для единоверцев этого толка»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> ГАТО. Ф. Р-1135. Оп. 1. Д. 6 «а». Л. 14–16.

<sup>2</sup> Доклад краевого прокурора в Сибкрайком ВКП(б) «О состоянии революционной законности в Сибири» [июль 1925 г.] (гриф «Совершенно секретно»). См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 19. Л. 43. Перекосы в политике по отношению к различным направлениям в православии отмечались, в частности, в постановлении Центрального административного управления НКВД в апреле 1925 г., в котором подчеркивалось, что при проведении мероприятий по отделению церкви от государства на местах был выявлен целый ряд моментов, вызвавших осложнения и конфликты с населением. Например, заявлялись жалобы и протесты

Кроме того, в докладе приводились примеры арестов по инициативе и под давлением ГПУ староцерковников в Новониколаевске и Кургате.

Если первое уголовное дело по ст. 58 нового Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. на территории нынешней Томской области было возбуждено против бывшего агента охранки, то первыми осужденными по этой статье стали К.В. Калугина<sup>1</sup>, Ф.А. Просандеев<sup>2</sup> и Н.Ф. Жалилов<sup>3</sup>. Все в той или иной степени имели отношение к религии. Так, К. Калугина, будучи дочерью священника, неоднократно организовывала сбор средств для ссыльного духовенства и «систематически вела контрреволюционную пропаганду»<sup>4</sup>, которая, по мнению сотрудников окротдела ОГПУ, вызывала панику в среде населения.

Ф. Просандеев, бывший пристав ст. Тайга, также занимался сбором средств для духовенства, но был большим «реакционером» по отношению к советской власти, так как «начиная с 1921 года вел систематически антисоветскую агитацию, используя для своих целей церковную организацию. ...Распространяя провокационные слухи, вроде: “Обдирали, обдирали нас коммунисты, чтобы устроить беспорядки в Китае, где, видно не помогла их дешевая агитация”, Просандеев в разговорах с прихожанами говорил о скором падении советской власти, о гибели ВКП(б) и т.д., в частности: “Ну, недолго нам осталось ждать, скоро начнем вешать коммунистов и жидов на красных арках”, а в разговоре у священника Нестеровского он заявлял: “Скоро одену опять погоны и покажу нашим подлодочникам большевикам, где их место. Веревки и мыло достану. В первый раз в жизни пожертвую коммунистам от чистого сердца”»<sup>5</sup>.

«Антисоветская» деятельность Н. Жалилова, муллы деревни Юрт-Калтай Коларовского района Томского округа, заставила татарскую секцию Томского окружного комитета ВКП(б) обратиться в окружной отдел ОГПУ с просьбой «принять меры». В процессе «принятия мер» старший помощник прокурора Сибирского края Петровский вменил в вину Н. Жалилову распространение агитации, вызвавшей общественную панику (говорил верующим о скорой войне, во время которой коммунистами будут уничтожаться все верующие. – В.У.) и

---

со стороны «тихоновцев» в связи с непредоставлением им в пользование богослужебных зданий и имущества, что стало возможным «на почве применения в практике несогласованных директив, даваемых... по линии ОГПУ, которые предлагали оказывать содействие так называемым обновленцам – живоцерковникам». См.: ГАТО. Ф. Р-1135. Оп. 1. Д. 12. Л. 142. (Секретное постановление Всероссийского съезда начальников губернских и областных административных отделов и начальников губернских и областных п/отделов уголовного розыска «По проведению отделения церкви от государства в части, касающейся административных распоряжений»).

<sup>1</sup> Калугина Клавдия Владимировна, 1901 г.р., род. г. Павлодар, проживала в г. Томске, адвокат. Арестована в 1927 г. Осуждена на 2 года концлагерей. Реабилитирована 11 февраля 1993 г. См. : Боль людская... 2-е изд. Т. 2. С. 22.

<sup>2</sup> Просандеев Федор Артемьевич, 1873 г.р., ур. Балашовского уезда Саратовской губ., проживал в г. Томске, псаломщик Воскресенской церкви. Арестован в 1927 г. Осужден на 2 года концлагерей. Реабилитирован 11 февраля 1993 г. См. : Там же. С. 602.

<sup>3</sup> Жалилов Накшала Фаткуллович, 1892 г.р., род. г. Павлодар, проживал в с. Юрт-Калтай Коларовского р-на Томского уезда, мулла. Арестован в 1927 г. Осужден к ссылке в Калужскую губ. сроком на 3 года. Реабилитирован 11 февраля 1993 г. См. : Там же. Т. 1. С. 471.

<sup>4</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-2110.

<sup>5</sup>

Там

же.

Л.

25.

направленной в помощь международной буржуазии; использование религиозных предрассудков с целью возбуждения недовольства против пионерской организации; преподавание несовершеннолетним религиозных вероучений в школе и мечети и совершении религиозных обрядов без разрешения властей. Он предложил не направлять дело по обвинению Жалилова в Особое совещание ОГПУ, уголовное преследование прекратить и освободить из-под стражи. Заместитель краевого прокурора А. Пачколин с этими предложениями согласился, но Н. Жалилов, тем не менее, был сослан в Калужскую губернию<sup>1</sup>.

На мой взгляд, эти процессы – звенья одной цепи, все они были не случайны. К этому времени «историческая контрреволюция» была обстоятельно придавлена, в том числе и физически, поэтому она не представляла опасности для советской власти. Духовенство же в соответствии с вековыми традициями Российского государства продолжало играть значительную роль в жизни общества, с чем большевики не могли согласиться. Поэтому духовенство и попало в разряд врагов, с которыми боролись всеми доступными способами. Служитель культа любого вероисповедания, действующий или из «бывших», постоянно находился в поле зрения государства. Партийные и советские органы на местах были обязаны постоянно отслеживать все действия и передвижения служителей культа, информируя об этом вышестоящие инстанции. Информации подобного характера: «...в одном из сел Тальменского района поп по переписи верующих ходил по домам и агитировал против Советской власти, а особенно запугивал женщин, у которых некрещенные дети, со словами: “Вот подождите, начнется война, и совласть не устоит” или “Война – это дело хорошее, кого-то почистят, а может и окончательно вычистят, и нам нужно иметь соответствующую подготовку к этому”, либо “Страстным ревнителем религии на селе является местный священник Иванов, только его надо считать головкой всех прочих к.-революц. настроений крестьян. Вокруг священника Иванова сплочена вся кулацко-зажиточная часть деревни, и только он является их идейным вдохновителем. Священник Иванов на селе, можно сказать, сросся с населением, он вмешивается во всякую мелочь в хозяйстве”»<sup>2</sup>.

Эти сведения незамедлительно передавались в местные органы ОГПУ, которые и «принимали» окончательное решение по каждому случаю. Обычно все сводилось к короткому следствию и приговору. Прокуратура, являясь надзорным органом, чаще всего констатировала это как факт и, будучи зависимой и послушной воле Партии, ничего не предпринимала в большинстве случаев, даже явно незаконных. Органы ОГПУ обязаны были следить и за теми представителями духовенства, которые были сосланы в Сибирь по постановлениям ОГПУ. В Нарымском крае в 1927 г. таковых находилось 55 чел.; они «если и не ведут какой-либо вредной работы среди окружающих масс, то во всяком случае пользуются со стороны местного населения сочувствием как “страдальцы за Христа”, а отсюда вывод, что все эти “духовники” живут за счет того, что им дает из жалости само религиозное население. В прошлом отмечались даже фак-

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-2107.

<sup>2</sup> Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. 1. С. 167–168.

ты влияния ссыльного духовенства на местные религиозные общины, в результате чего в Каргаске обновленчество заменено тихоновщиной»<sup>1</sup>.

В этом же году по постановлению ОГПУ в Томск был сослан на 3 года епископ Герман (Кокель), где он, по решению Патриаршей Церкви, возглавил Томскую епархию. Органы, конечно же, не могли оставить церковного руководителя такого ранга без внимания. (Следует отметить, что Томская епархия староцерковников охватывала территории современных Томской и Кемеровской областей. На этой территории было организовано 22 благочиния со 161 храмом, священников было 146, дьяконов – 15, псаломщиков – 51.)<sup>2</sup>

1930-е гг. не изменили политику государства по отношению к представителям духовенства, так как коммунистическое руководство страны прекрасно сознавало, что, несмотря на работу всего идеологического аппарата численностью в сотни тысяч работников, заставить изменить взгляды, убеждения, привычки, всю систему мировоззрения многомиллионного населения страны было сложно. На Руси священник всегда выступал в роли своеобразного врача-психолога, к которому можно было обратиться в любую минуту, поделиться возникшими проблемами и сомнениями, получить совет, сопереживание и утешение. С другой стороны, вся политика Советского государства в предшествовавшее десятилетие сопровождалась насилием и притеснениями, которые страшили население, порождали чувство неуверенности в будущем. Начавшаяся коллективизация только обострила эту ситуацию.

Необходимо было учитывать и то, что «партия церкви» была, в отличие от политических партий и объединений, стройной системой, сформированной многовековой практикой, со строгой дисциплиной и иерархией во взаимоотношениях. И что особенно важно – с четко отработанной мировоззренческой платформой, глубоко проникшей в сознание практически всего населения. В этих условиях переломить образ мыслей и веру у паствы можно было только насильственным путем, сломать и покорить «поводырей» было сложнее. Насильственные методы их «перевоспитания» в 1920-е гг. желаемого результата не дали, хотя и сильно подорвали церковную систему, особенно материально, но «враг» побежден не был. Поэтому в новом десятилетии наступление было продолжено.

Старт новой кампании по «изживанию религиозности» был дан еще в 1929 г., когда секретарем ЦК ВКП(б) Л. Кагановичем было разослано в партийно-советские органы на места директивное письмо «О мерах по усилению антирелигиозной работы», согласно которому духовенство объявлялось политическим противником коммунистической партии. В связи с изменением законодательства – вступлением в силу Постановления ВЦИК и СНК «О религиозных объединени-

<sup>1</sup> Докладная записка на имя заместителя прокурора края Малинина. См.: ГАНУ. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 4. Л. 127–128. В отчете крайпрокурора Сибири «О работе по наблюдению за органами ОГПУ по Сибири за первое полугодие 1927 г.» отмечалось, что к началу 1927 г. в крае находились 28 административно-ссыльных церковников, к середине года их численность увеличилась до 41 чел. (Там же. Д. 135. Л. 14).

<sup>2</sup> *Фаст М.В., Фаст Н.П.* Указ. соч. С. 63. В конце 1920-х гг. в Сибири насчитывалось около 2 800 религиозных общин (из них более 1 000 сектантских), свыше тысячи служителей культа, 15–20 тыс. активистов церковных советов, около 2,5 млн верующих. См.: *Гуцин Н.Я.* Сибирская деревня на пути к социализму... С. 435.

ях» – началось прямое вмешательство в дела церкви. В частности, запрещалось оказание материальной помощи прихожанам, церкви запрещалось иметь свои архивы и библиотеки, деятельность религиозных общин была ограничена стенами молитвенных домов; началась новая волна преследований и притеснений духовенства и верующих. Была активизирована деятельность по изъятию у религиозных общин молитвенных зданий.

В этих условиях многие представители духовенства сняли с себя сан священников по причине активного давления на них со стороны партийно-советского аппарата и общественности, пытались приспособиться к новым реалиям жизни, устраивались на различные должности в организациях и учреждениях, пытались скрыть свое «прошлое», либо уезжали в другие регионы.

Как это было уже отработано в СССР, в кампанию включились все партийные, советские и даже профсоюзные органы. Так, в Томске в апреле 1929 г. окружным профсоюзным бюро был принят циркуляр о проведении антипасхальной кампании, исполнение которого было обязательным для всех профсоюзных органов округа. Кампания преследовала несколько целей: укрепление трудовой дисциплины и повышение производительности труда, борьбу с пережитками старого быта за культурный новый быт, но главное – «разъяснение классового содержания современных религиозных верований и их участие в **антисоветском движении**» (выделено мною. – В.У.). Предполагался целый комплекс мероприятий – от чтения лекций и проведения бесед в клубах, красных уголках (крупных и мелких), общежитиях, ЖАКТах (все эти мероприятия планировались как на дни Великого поста, так и на неделю до и после Пасхи) и организации антипасхальных вечеров с докладами до выставок книг антирелигиозной направленности, на которых вывешивались списки рекомендованной литературы данной направленности, организации художественных постановок в драматических кружках и т.п. В пасхальные дни планировались бесплатные киносеансы, детские утренники, вечера науки и специальные карнавалы<sup>1</sup>.

В связи с проведением выборов в новый состав городского совета был организован сбор наказов от населения, в числе которых достаточно многие имели отношение к делам церкви. В числе предложений, например, были следующие: «оборудовать на месте часовни на базарной площади кино к 1-му Мая», «закрыть Никольскую и Сретенскую церкви, а также и Иверскую часовню», «закрыть молитвенный дом, снести часовню и передать под культучреждения и студ[енческую] столовую», «усилить антирелигиозную работу, проводя снятие колоколов и добиваясь закрытия всех церквей», «снести синагогу на пр. Фрунзе», «закрыть Томский костел на Воскресенской горе, а также использовать имеющийся сад и здание для нужд ФТИ» (физиотерапевтического института. – В.У.) и др.<sup>2</sup> Нет сомнения, что большинство этих предложений было подработано заранее партийно-советским руководством города, а в перечень наказов включены

<sup>1</sup> Циркуляр Томского окружного профбюро от 9 апреля 1929 г. всем профсоюзным органам округа о проведении антипасхальной недели в 1929 г. // Из истории земли томской. 1925–1929... С. 98–101.

<sup>2</sup> Из наказов избирателей г. Томска новому составу горсовета в отчетно-выборную кампанию 1930 г. // Из истории земли томской. 1930–1933... С. 89–91.



лишь для обоснования и организации последующих действий при проведении антирелигиозной кампании. Доказательством этому, на мой взгляд, могут служить опять-таки конкретные документы. Например, Западно-Сибирский крайисполком 20 августа 1930 г. издал циркуляр о регулировании церковного звона и снятии колоколов с церковных зданий. «В целях достижения однообразной практики и наибольшей четкости в проведении мероприятий, связанных с регулированием колокольного звона»<sup>1</sup>, горсоветам и райисполкомам давалось право ограничивать и воспрепятствовать колокольному звону, а колокола молитвенных пунктов в местностях, где воспрепятствовался колокольному звону, подлежали реализации через райфо в металлолом (ранее снятые также должны были быть отправлены в металлолом).

Особое внимание было уделено вопросу закрытия церквей. С первых дней ликвидации колчаковщины в Западной Сибири, как и повсеместно в стране, были организованы перепись храмов, опись церковного имущества, ставился вопрос о закрытии церквей. В Томске, например, в соответствии с приказом Томского уездного ревкома № 120 от 20 апреля 1920 г. началось закрытие всех существовавших в правительственных и общественных учреждениях домовых церквей, к концу 1920 г. были закрыты более двадцати таковых<sup>2</sup>. В Омске в 1923 г. были закрыты, а позднее разрушены Ильинская церковь и Воскресенский собор, в 1924 г. опечатан и закрыт Казачий Никольский собор, Покровскую церковь, находившуюся на территории воинской части, отгородили от верующих забором и в декабре 1927 г. закрыли. С конца 1920-х гг. эта кампания еще более активизировалась: были закрыты три церкви в Томске (снесены в 1930 г.), а в Таре в 1932 г. власти дали добро на разбор шести храмов, была закрыта синагога, запрещены все мусульманские общины. Подобные акции прошли во всех губернских и уездных городах, во многих селах Западной Сибири. Чаще всего решения о закрытии храмов проводились через постановления местных советов по результатам рассмотрения «многочисленных обращений граждан», в частности озабоченных проблемами жилищного кризиса, нехватки помещений под объекты социально-культурного назначения и т.п.<sup>3</sup>

<sup>1</sup> Из наказов избирателей г. Томска новому составу горсовета в отчетно-выборную кампанию 1930 г. // Из истории земли томской. 1930–1933... С. 162–164.

<sup>2</sup> Фаст М.В., Фаст Н.П. Указ. соч. С. 22–23.

<sup>3</sup> Например, в Томске, по данным на декабрь 1925 г., из 21 закрытого церковного здания не были заняты всего два в связи с их ветхостью, шесть зданий были отданы под клубы, четыре использовались для собственных нужд организациями, где эти церкви ранее находились, по два были заняты военным ведомством и губотделом народного образования и т.д. См.: ГАТО. Ф. Р-1135. Оп. 1. Д. 41. Л. 93 (Список помещений закрытых церквей). Следует отметить, что вопрос использования закрытых религиозных объектов был на постоянном контроле у государственных органов. Так, в соответствии с циркуляром ВЦИК от 25 августа 1924 г. Сибкрайадмоддел секретным циркуляром обязал все губернские, областные и окружные административные отделы подготовить информацию по вопросам: сколько всего церквей на территории округа с указанием данных о числе переданных религиозным обществам и группам и числе не занятых; сколько церквей и молитвенных зданий закрыто, по каким причинам и в каких целях они используются; сколько монастырей было и где находится их имущество и т.п. Информация должна была содержать вывод: считают ли окр.отделы работу по учету церквей и их имущества оконченной, а если нет, то по каким причинам. Там же. Д. 34. Л. 10.

Так, президиум Томского окружного исполкома в сентябре 1929 г. утвердил ходатайство Томского горсовета о ликвидации молитвенного здания Богоявленской церкви как религиозного пункта и о передаче указанного здания под клуб водного транспорта. А в октябре этого же года уже президиум Томского горисполкома принял решение обратиться через окружком в Сибкрайисполком с просьбой о закрытии синагоги 1-й общины г. Томска в связи с отсутствием в рабочем районе помещений для «культурно-просветительских учреждений»<sup>1</sup>. Просьба была удовлетворена, и здание синагоги передано под кинотеатр. Но этим дело не ограничилось, так как на заседании президиума горсовета 29 января 1930 г. было принято решение о ликвидации молитвенного здания Троицкого кафедрального собора: «В Томский городской совет поступают массовые требования трудящихся города Томска, **изложенные в протоколах собраний и подписях** (а кто их организовывал? – В.У.), о закрытии Троицкого кафедрального собора, находящегося на пл. Революции, в непосредственной близости от вузов и важнейших государственных учреждений.

Эти настойчивые требования трудящихся вполне обоснованы и по существу давно должны быть удовлетворены в связи с наблюдающимся сейчас в гор. Томске **острым жилищным кризисом, который к тому же прогрессивно растет** (выделено мною. – В.У.).

В результате создавшегося положения вновь открываемые учебные заведения, на которые ложится сейчас особенно ответственная задача по подготовке кадров специалистов, нередко оказываются совершенно не обеспеченными потребной площадью, что, безусловно, вносит резкие перебои в работу ВУЗов»<sup>2</sup>.

В качестве вывода было предложено окружному исполкому обратиться в Сибкрайисполком с ходатайством о принятии решения о закрытии собора и передаче его здания горсовету «под музей, а помещение, занимаемое ныне музеем, передать в учебные заведения». Окрисполком это ходатайство своим решением от 9 февраля 1930 г. поддержал. Решение жилищного вопроса для студентов дело конечно необходимое и важное, да вот закрытие собора, несмотря на инициативу Томского горсовета, решить его не помогло. После закрытия Собор еще три года стоял бесхозным, пока летом 1934 г. не началось его разрушение. И даже после разрушения еще долгие месяцы кучи камней и обломков лежали не убранными в центре города. В 1930-е гг. в Томске были закрыты и частично уничтожены еще девять церквей. В Омске и Таре в 1935–1939 гг. также были закрыты несколько церквей и соборов. К началу Великой Отечественной войны на территории Омской области не осталось ни одной действующей церкви, хотя до

<sup>1</sup> Из истории земли томской. 1925–1929... С. 113–114, 116–117.

<sup>2</sup> Из истории земли томской. 1930–1933... С. 27–28. Летом 1930 г. краевой совет воинствующих безбожников констатировал, что, по данным на 20 июня, только за зиму 1929/30 г. было закрыто 310 церквей, «из них обновленческих 94, ВВЦС и автокефальных 21, сергиевских 194». Также отмечалось, что до сплошной коллективизации было закрыто 25 церквей, а остальные – в последующий период. Многие церкви и молитвенные дома закрывались административно, без постановлений общих собраний верующих и без утверждения окрисполкомами. Допускались случаи поломки и разворовывания церковного имущества, расстреливания икон, угрозы оружием, судом. См.: Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг. Документы и материалы. Новосибирск, 2004. С. 286.

революции их насчитывалось почти четыреста<sup>1</sup>. На Алтае, согласно сохранившимся в Центре хранения архивных фондов Алтайского края спискам, в период с 1931 по 1941 г. включительно были закрыты 369 церквей, причем в 1938–1939 гг. их было закрыто 157 (42,5%)<sup>2</sup>.

В 1929–1931 гг. были закрыты почти все сельские церкви. Часто причинами закрытия оказывались «культурные» действия (надругательства над церковными реликвиями, их физическое уничтожение и т.п.) со стороны сельских комсомольцев и молодежи. В других действиях к закрытию церквей приводили аресты священников – некому становилось служить. А вот как рекомендовал «решать» вопрос закрытия Новосибирский окрисполком: «Для закрытия церквей или молитвенных домов (часто бездействующих, священников уже остается все меньше и меньше) необходимо вывесить на двери церкви объявление, извещающее желающих взять в аренду данное церковное здание, и если в течение 7 дней не найдется желающих верующих взять церковное здание в аренду, объявление снимается. После этого проводится общее собрание граждан, колхозников и принимается решение о передаче этого церковного здания под культурные нужды»<sup>3</sup>. Обычно желающих найти не удавалось, да и как их можно было найти, если расценки аренды были сильно завышенными.

«Инициативы», подобные описанным выше, были характерны для всей страны тех лет – повсеместно находились свои «горсоветы» и «исполкомы», которые от имени и по поручению народа «боролась» с культом и вряд ли могли предложить что-либо взамен, равное по смыслу, содержанию и сути. Попытки большевиков, уничтожая материальное, сломать многовековые традиции и устои, духовное, что так или иначе объединяло российский народ, к окончательному успеху не привели.

Развернутая в стране антирелигиозная кампания велась не только через навязывание населению атеизма и разрушение культовых зданий. Анализ документов

<sup>1</sup> *Минеева Г.* Судьба Владыки Алексия... С. 192. В отчетном докладе Омского областного Союза воинствующих безбожников в январе 1940 г. было указано, что до революции в пределах территории теперешней Омской области было 522 разных церкви. На 1 января 1937 г. их было 166, в Омске – 15 культовых зданий и 46 служителей культа. На 1 января 1939 г. в Омске остались одна синагога и «полудействующая христианская церковь православного толка». См.: Советское государство и евангельские церкви Сибири... С. 361–363.

<sup>2</sup> *Савин А.И., Колесников А.А.* Дело священника. Репрессии в отношении православной церкви СССР // Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. Приказ № 00447. М., 2010. С. 287–288. По данным Комиссии по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР, на 1 января 1936 г. в СССР оставались открытыми 30 543 молитвенных здания, из них функционировало 20 665, не функционировало – 9 878, закрыты административно). В ноябре 1937 г. уже осталось только 6 990 культовых зданий (без указания их принадлежности конфессиям), еще 7 123 церкви бездействовали, не будучи формально закрытыми. По данным В. Хаустова и Л. Самуэльсона, около 10 тыс. церквей были закрыты постановлениями местных советов, но никак не использовались. Там же. С. 291.

Согласно справке секретаря комиссии по культам М. Воробьева о количестве молитвенных зданий в ЗСК на 1 января 1936 г. отмечалось, что если их до революции было 1 518, то на момент написания справки оставались незакрытыми 803, из них действующими считались 374 (с учетом тех, решение по закрытию которых еще не было официально оформлено). В 1934 г. было закрыто 125 церквей, в 1935 – 88, в 1936 (до 2 декабря включительно) – 160. См.: Советское государство и евангельские церкви Сибири... С. 312–313.

<sup>3</sup> *Фаст М.В., Фаст Н.П.* Указ. соч. С. 66–69; Забвению не подлежит... Т. 2. С. 40; Т. 8. С. 39–40.

позволяет сделать вывод, что с этого периода можно вести речь о начале очередной кампании массовых репрессий против священнослужителей.

Уже 29 октября 1929 г. в Томске были арестованы протоиерей Иоанн Беневоленский и другие члены контрреволюционной организации «бывших церковников», всего 9 чел. 12 ноября всем им было предъявлено обвинение в проведении контрреволюционной деятельности (ст. 58-10-11 УК РСФСР), выражавшейся в распространении антисоветской информации и клеветнических измышлений, в изготовлении и распространении листовок и воззваний антисоветского характера (расклеивание листовок подтверждено актом дактилоскопической экспертизы, сделано это было чуть ли не впервые. – В.У.)<sup>1</sup>. Несмотря на наличие таких улик, прокурор Томского округа В.М. Шаповалов посчитал нецелесообразным рассматривать это дело в суде, так как «большинство доказательств являются косвенными уликами, проверка которых в обычном судебном порядке крайне затруднительна, и потому что судебное рассмотрение связано с расконспирацией и приданием широкой огласке некоторых секретных документов...»<sup>2</sup>.

Дело было передано в Особое совещание при Коллегии ОГПУ; в апреле 1930 г. два члена организации (Н.С. Васильев и П.В. Пудовиков) были приговорены к 5 и 3 годам заключения в концлагерь соответственно, шестеро (И.А. Беневоленский, Е.В. Ландышев, Д.И. Васильев, Л.В. Ильина, К.В. Ильина, В.В. Ильина) – к лишению права проживания в Московской и Ленинградской областях, в Харьковском, Киевском и Одесском округах, Северо-Кавказском крае, Дагестане, Томском округе и пограничных округах сроком на 3 года. Все были освобождены в апреле 1930 г. «Легкость» наказания скорее всего вызвана их преклонным возрастом (почти всем за 60 лет) и болезненным состоянием, что подтверждалось медицинскими заключениями. В отношении И.П. Парховникова дело было прекращено за недоказанностью предъявленного обвинения.

Практически в это же время в с. Тарбеево были арестованы священник отец Гавриил (Гавриил Гавриилович Ярославов) и псаломщик В.Ф. Мельников. Ярославов по приговору за контрреволюционную деятельность был расстрелян, а Мельников осужден к 10 годам концлагерей<sup>3</sup>.

В феврале 1930 г. Томским окружным отделом ОГПУ были продолжены аресты священнослужителей и активистов из числа верующих. С перерывом в две недели в Томске были арестованы две группы «врагов» из 69 чел., в числе которых оказались 6 священников (А.И. Артоболевский, В.М. Бердников, А.И. Васнецов, Н.С. Климов, Л.Л. Радиончик, Н.А. Чистосердов), 5 дьяконов и иподьяконов, псаломщики, регент, а остальные – из числа «бывших», в частности бывших членов «Союза русского народа». Около половины верующих представляли церковный актив – церковные старосты, председатели и члены церковных советов. Всем участникам названных групп было предъявлено обвинение по ст. 58-10-11

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-898. Л. 97–102.

<sup>2</sup> Там же. Л. 104.

<sup>3</sup> Там же. Д. П-10975. Мельников Василий Федорович, 1894 (1884) г.р., род. дер. Кудриничи Проскуровского уезда Каменец-Подольской губ., проживал в дер. Тарбеево Асиновского р-на, единоличник. Арестовывался в 1929 г. Осужден на 10 лет концлагерей. Вторично арестован в 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 15 июня 1989 г. См. : Боль людская... 2-е изд. Т. 2 С. 359.

УК РСФСР, все были объявлены непримиримыми врагами советской власти, «махровой черносотенной публикой, сгруппировавшейся вокруг церкви»<sup>1</sup>. Кроме активной антисоветской агитации, в основном среди крестьянства, им была инкриминирована работа по сбору средств и продуктов для последующей пересылки в Нарым ссыльным священнослужителям. Сотрудникам окротдела ОГПУ хватило менее полутора месяцев для окончания следствия и 19 и 30 марта 1930 г. состоялись суды, по приговорам которых 50 чел. были приговорены к ВМН и 30 марта расстреляны, шестеро получили по 10 лет, а один – 5 лет концлагерей. Трое женщин, проходивших по этим делам, были осуждены к ссылке<sup>2</sup>.

Но репрессиями занимались не только органы ВЧК–ОГПУ. Например, 20 января 1930 г. народным судом 4-го участка Томского округа был осужден на 6 месяцев принудительных работ и к штрафу на 100 рублей пастор лютеранской церкви Локкенберг Иван Адольфович<sup>3</sup> за несдачу церковных книг в окружной административный отдел, оказание помощи отдельным членам общины путем сбора денег с членов общины и отправку метрических выписок за границу. На судебном следствии Локкенберг признал себя виновным в сокрытии книг и пересылке метрик за границу, «а в остальном я считаю, что поступал правильно. По нашему церковному закону я считаю себя в остальном невиновным»<sup>4</sup>.

Приговор вступил в силу, но И.А. Локкенберг не отбывал наказание, так как умер.

В марте 1931 г. волна арестов служителей культа прокатилась в г. Омске. Были арестованы почти два с половиной десятка человек, преимущественно члены общин Ильинской и Братской церквей и их приходов, принадлежащих к тихоновскому направлению. Арестованным было предъявлено обвинение в создании контрреволюционной монархической организации, ставившей своей целью, конечно же, свержение советской власти. Поводом для арестов послужили передача старостой Ильинской церкви А. Проскуряковым<sup>5</sup> петиции в итальянское посольство, а также письма от сосланного в Омск священника М. Концевича<sup>6</sup> митрополиту Нижегородскому Сергию.

Обращение к Папе Римскому было вызвано сложной ситуацией у прихожан вышеназванных церквей по уплате налогов и нависшей угрозе закрытия церквей.

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-8805. Л. 2–3.

<sup>2</sup> Там же. Д. П-7884 и П-8805. М. Фаст и Н. Фаст, рассказывая об этом деле, назвали шестерых «осведомителей» органов ОГПУ, в том числе священнослужителей. Вывод об этом был сделан на основе того, что никто из них не был осужден, а обвинение было построено на их показаниях. См.: *Фаст М.В., Фаст Н.П.* Указ. соч. С. 74–75.

<sup>3</sup> По материалам уголовного дела, хранящегося в УФСБ РФ по Томской области, проходит Локкенберг Иоганн Адольфович, 1870 г.р., ур. дер. Беркдорф Херсонской губ., проживал в г. Томске по ул. Торговой, 14, значился безработным. Арестован в 1930 г. Умер во время следствия. См.: *Боль людская...* 2-е изд. Т. 2. С. 276.

<sup>4</sup> См.: *Из истории земли томской. 1925–1929...* С. 335–336.

<sup>5</sup> Проскуряков Александр Васильевич, 1888 г.р., ур. и житель г. Омска. Арестован в 1931 г. и осужден на 3 года концлагерей. Вторично арестован в 1938 г. Расстрелян. См.: *Забвению не подлежит...* Т. 6.

<sup>6</sup> Концевич Михаил Александрович, 1887 г.р., ур. Золотоношского уезда Полтавской губ., проживал в г. Омске. Арестован в июне 1931 г. и осужден по ст. 58-10-11 к 3 годам ссылки в Западную Сибирь. Реабилитирован в 1989 г. См. : Там же. Т.4.

Обращение с просьбой в Омский окружной исполком о нерасторжении договоров с общинами удовлетворено не было. По этой причине члены церковных советов этих церквей и Знаменского собора устроили в сторожке Ильинской церкви тайное собрание (вот она, контрреволюция), на котором вели речь о сохранении церквей и приходов. Было принято решение подать прошения во ВЦИК, в прокуратуру страны и Священный Синод; доставить письма адресатам было поручено А. Проскуракову. На следствии он показал, что, передав письма в два первых адреса, явился с последним письмом в канцелярию Синода, где некий священник объяснил ему, что таких обращений поступает очень много со всех концов страны, но они не решаются, после чего и посоветовал обратиться в итальянское посольство для передачи прошения главе римско-католической церкви. Этот же священник и проводил А. Проскуракова в посольство. Через несколько дней омский курьер был арестован и помещен в Бутырскую тюрьму.

Следствием ареста Проскуракова было возбуждение уголовного дела против омских священников по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Были арестованы девять наиболее выдающихся священнослужителей Омской епархии (К.В. Платонов, А.Д. Мирошниченко, В.А. Таланов, И.Д. Козлов, В.Н. Пляскин<sup>1</sup> и др.), а также административно-сосланный священник М. Концевич.

В процессе следствия поездки верующих в священный Синод и монастыри были интерпретированы как подготовка к заговору, переданное в итальянское посольство прошение – как обращение за помощью к интервенции, совместное обсуждение газет – подготовка к саботажу на железной дороге, в организациях и учреждениях. А приобретенные священником И. Козловым на Соловках навыки по оказанию первой медицинской помощи были преподнесены как знахарство и попытки умерщвления людей.

Немногим позднее были проведены аресты среди монахинь, оказывавших помощь сосланным священнослужителям, но все были освобождены «за недоказанностью вины» за исключением одной, умершей в тюремной больнице от туберкулеза.

Следствие по делу тянулось до декабря 1931 г., но наказание, вынесенное Коллегией ОГПУ СССР, оказалось достаточно «мягким». К трем годам концлагерей были приговорены шестеро осужденных, еще шестеро – к ссылке на такой же срок<sup>2</sup>. Подобную мягкость приговора полагаю возможным объяснить двумя причинами. Во-первых, начавшаяся кампания по раскулачиванию несколько

---

<sup>1</sup> Платонов Константин Вячеславович, 1874 г.р., ур. Казахстана, проживал в Омске, настоятель братской церкви Сергиевской ориентации. Арестован в 1931 г. и осужден на 3 года концлагерей. См.: Забвению не подлежит... Т. 6; Мирошниченко Александр Дмитриевич, 1869 г.р., ур. Киевской губ., проживал в Омске, протоиерей. Арестован в 1931 г. и осужден на 3 года ссылки в Западную Сибирь. Вторично арестован в 1937 г. Расстрелян (Там же. Т. 5); Таланов Владимир Алексеевич, 1875 г.р., ур. г. Нижнего Новгорода, проживал в с. Бакино Седельниковского р-на ЗСК, священник. Арестован в 1931 г. и осужден на 3 года концлагерей (Там же. Т. 8); Пляскин Василий Николаевич, 1874 г.р., ур. с. Витим Киренского уезда Иркутской губ., проживал в г. Омске, настоятель Знаменской церкви. Арестован в 1931 г. и осужден на 3 года ссылки в Запсибкрай (Там же. Т. 6).

<sup>2</sup> Краевская И., Черказьянова И. Указ. соч. С. 40–42.

сместила акценты в репрессивной политике, а во-вторых, видимо, не все «концы» сходились в деле, надуманность обвинений была достаточно явной.

В апреле 1931 г. Томским оперсектором ОГПУ был арестован ксендз-администратор Сибирского викариата Ю.М. Гронский<sup>1</sup> за проведение шпионской и активной контрреволюционной деятельности. Первая часть обвинения «подтверждалась» его связью с Ватиканом, куда он передавал информацию о настроениях «как городского, так и сельского населения, одновременно он... сообщал о мнимом преследовании религий, с задачей усиления таким путем антисоветской кампании за рубежом». Вся подрывная деятельность велась «за крупное денежное вознаграждение». Кроме того, имея район обслуживания на территориях бывших Томского, Новосибирского и части Ачинского округов, Гронский разъезжал по «национальным католическим колониям» и вел активную контрреволюционную деятельность, направленную на срыв и дискредитацию организованных партийно-советским руководством страны мероприятий. Вокруг костелов им создавались контрреволюционные группировки.

Эти «факты» подрывной деятельности послужили причиной его ареста и ареста еще 18 чел. – «шпионов». Следствием вина Гронского была «доказана», и он был осужден на 10 лет концлагерей<sup>2</sup>. Его подельники были осуждены на разные сроки лишения свободы, к ссылке, нескольким в наказание был зачтен срок предварительного заключения. Но фигура Гронского, видимо, действительно была значительной в рядах католических священников, так как весной 1932 г. он был этапирован из лагеря в Бутырскую тюрьму, где решилась его судьба.

Одновременно с Ю. Гронским в апреле 1931 г. был арестован и староста костельного совета С. Пронский, которого обвинили в пособничестве ксендзу и

---

<sup>1</sup> Гронский Юлиан Михайлович, 1877 г.р., ур. Ковенской губ., проживал в г. Томске, арестован в апреле 1931 г. В марте 1932 г. решением Судебной коллегии ОГПУ по ст. 58-6-11 УК РСФСР осужден на 10 лет концлагерей. В 1934 г. во изменение прежнего постановления Коллегии ОГПУ выслан из СССР. Реабилитирован 6 июня 1989 г. См.: Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... С. 201; Боль людская... 2-е изд. Т. 1. С. 372.

<sup>2</sup> Обвинительное заключение по делу Гронского Ю.М. и др. // Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-8556. Т. 2. Л. 111–113. В своих показаниях на допросе 22 мая 1931 г. он объяснил, в чем заключалась «контрреволюционная» деятельность: «Я, как ксендз, выезжал в районы, имея целью поддержать религию в противовес антирелигиозной пропаганде, которая давала о себе знать... призывал верующих сплотиться вокруг религии и не поддаваться антирелигиозным учениям. Призывал, чтобы не верили разным слухам, направленным против веры... В общем, борьба за существование религии была, и я её осуществлял путем чтения проповедей, в которых призывал объединиться вокруг костела и противопоставлять себя коммунистической антирелигиозной пропаганде...» (Там же. Л. 46); Из истории земли томской. Сибирский Белосток: сб. документов и материалов. Томск, 1998. С. 82–83.

Позднее фамилии Гронского и еще одного ксендза – Иеронима Церпенто, 1878 г.р., ур. Виленской губ., исполнявшего обязанности ксендза-администратора от Ватикана по Сибири, арестованного в 1935 г. в г. Красноярске и осужденного по ст. 58-6-11 УК РСФСР на 10 лет ИТЛ по обвинению в шпионаже в пользу Польши, активно использовались сотрудниками НКВД по делам на лиц польской национальности. Так, по делу Партии народных героев – «контрреволюционной» организации, действовавшей на территории Томска и Томского района, указывалось, что организация была создана «при прямой обработке и контрреволюционном влиянии со стороны ксендзов Гронского и Церпенто...». См.: Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... С. 187.

проведении антиколхозной пропаганды. В марте 1932 г. он был освобожден из-под стражи, в наказание был зачтен срок предварительного заключения<sup>1</sup>.

Особенно успешным для сотрудников ПП ОГПУ по ЗСК в борьбе с духовенством оказался 1933 г., когда были реализованы путем возбуждения уголовных дел оперативные разработки «Белогвардейский заговор» и «Сибирское братство». По первому делу, в частности, разрабатывалась в качестве одной из основных так называемая «церковно-монархическая линия», структурно состоявшая из 26 ячеек (270 участников), основную группу «контрреволюционеров» составляли священнослужители. Руководителями организации были «определены» епископ Н. Прибытков, протоиерей А. Шалаев, протодьякон А. Кикин, священник Ф. Воронин, благочинный П. Потанин. В результате проведенной ПП ОГПУ края операции на Алтае были арестованы «46 попов и 51 церковник». Аресту подверглось почти все духовенство г. Бийска, а также Бийского (13 чел.), Алтайского (5 чел.), Смоленского, Троицкого (по 4 чел.) и других районов, а кроме того, священнослужители г. Барнаула и Ойрот-Туры<sup>2</sup>.

В это же время ПП ОГПУ по ЗСК на территории края была ликвидирована старообрядческая контрреволюционная организация, объединявшая старообрядческих священнослужителей, монахов, кулачество и прочий антисоветский элемент, получившая название «Сибирское братство». В число врагов попали поселенцы старообрядческих скитов, расположенных в отдаленных и малопригодных для жилья районах, в глухой тайге по берегам рек. Поиск таких скитов был активно начат в 1932 ст. Тайга буквально прочесывалась силами сотрудников органов ОГПУ при непосредственном участии партийно-советского и комсомольского актива.

В обвинительном заключении по делу было указано, что «практическая контрреволюционная деятельность организации выражалась в:

- 1) в подготовке вооруженного восстания с целью свержения советской власти в момент интервенции путем организации вокруг старообрядцев активного контрреволюционного элемента (бежавшие кулаки, спецпереселенцы и пр.) для использования последних в качестве реальной силы;
- 2) антиколхозной и антисоветской агитации среди крестьянства с целью развала колхозов и срыва хозяйственно-политических кампаний;
- 3) выпуске нелегально печатных контрреволюционных брошюр и в распространении их среди населения...»<sup>3</sup>.

Последнее обвинение вызывает удивление: откуда в таежной глуши типографское оборудование, запасы бумаги и типографских красок и т.п., как и каким образом планировалось распространение «брошюр» и среди какого населения. Не случайно в деле среди небольшого количества вещественных доказательств

<sup>1</sup> Пронский Сигизмунд Иванович, 1881 (1891) г.р., ур. Гродненской губ., проживал в дер. Белосток Кривошеинского р-на, единоличник. Вторично арестован в 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 19 февраля 1960 г. См.: Боль людская... 2-е изд. Т. 2. С. 601; Ханевич В.А. Белостокская трагедия (Из истории геноцида поляков в Сибири). Томск, 1993. С. 141.

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3521. Т. 17. Л. 316, 333–334.

<sup>3</sup> См.: Боль людская... 2-е изд. Т. 2. С. 654.



нет ни одной брошюры, а «труды» членов организации исполнены от руки, чаще всего на оборотной стороне ранее использованной бумаги.

Дальнейшее изучение документа позволяет выяснить, что к концу 1929 г. в городах Новосибирске, Минусинске, Томске, Барнауле и Омске были «созданы» нелегальные ячейки, одной из задач которых была парализация атеистического учения, противопоставление «братства» компартии и комсомолу; главная установка – только путем сплочения организованной силы, могущей побороть коммунизм, можно бороться с атеизмом и носителями этой идеи – компартией и соввластью».

Руководящее ядро «Сибирского братства» организационно оформилось к началу 1930 г. с центром в г. Томске. Период 1930–1932 гг. характеризовался переходом организации к более активным формам контрреволюционной работы. Повстанческие ячейки, следуя логике следователей, насаждались под видом скиотов и монастырей в глубокой Нарымской и Минусинско-Абаканской тайге ЗСК.

Аресты членов организации начались в 1932 г., всего к уголовной ответственности по ст. 58-10-11 УК РСФСР были привлечены почти 300 чел., 283 из которых приговорены к различным мерам наказания, в том числе к ВМН – почти две трети. Социальный состав привлеченных к ответственности: епископов – 3, попов и начетчиков – 32, монахов – 74, кулаков – 77, бывших бандитов – 16, бывших карателей – 12, бывших стражников – 1 и прочих – 68<sup>1</sup>.

В Омской области центром дислокации «Сибирского братства» сотрудниками УНКВД был «определен» г. Тара. По версии следствия участниками организации стало все духовенство, что давало повод проводить аресты среди священников и церковного актива. Были арестованы, осуждены и расстреляны священники Александров, Бурдин, Каешко, Игнатьев, Ревякин и др.<sup>2</sup>

После реализации крупных дел наметился некоторый спад репрессий не только против служителей культа, но и в целом по Западной Сибири. Многие служители культа были осуждены, сосланы в отдаленные северные районы, уехали в другие регионы, сменив род деятельности. По данным М. Фаст и Н. Фаст, в 1934 г. в Нарымском крае отбывали ссылку около 130 священников<sup>3</sup>.

Часто судьбы священнослужителей и целых приходов зависели от представителей партийно-советских органов на местах. В отдельных случаях священники подвергались унижениям и издевательствам, как это случилось со священником Никольской церкви Н.М. Демидовым в Тюкалинском районе Омской области. Материалы дела, в том числе и собственноручно написанные Демидовым показания, свидетельствуют о том, что с ним свел счеты председатель Никольского сельсовета З. Священнику предъявляли незаконное требование о выполнении мясопоставок при отсутствии у него скота, выписывали необоснованные штрафы, публично оскорбляли. Затем Демидова направили на тяжелые физические работы (дорожное строительство), которые ему были противопоказаны по причине инвалидности 2-й группы, в октябре выселили из квартиры, запрещали ве-

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-5690; Боль людская... 2-е изд. Т. 2. С. 654.

<sup>2</sup> Минеева Г. Приняли крестные муки // Забвению не подлежит... Т. 7. С. 156.

<sup>3</sup> Фаст М.В., Фаст Н.П. Указ. соч. С. 78.

сти службы и т.п. Обращения Демидова с жалобами на З. в лучшем случае приводили лишь к некоторой передышке в издевательствах и унижениях. В 1936 г. он был арестован по надуманному обвинению. Следствие по делу длилось четыре месяца – с 8 апреля по 11 августа 1936 г. и завершилось освобождением из-под стражи. Демидов переехал к своей семье в с. Черлак, но и это не спасло его от новых преследований со стороны государства. 24 мая 1937 г. он был арестован вновь по ст. 58-10 УК РСФСР (активная контрреволюционная работа против советской власти). Решением «тройки» УНКВД по Омской области 30 июля Н.М. Демидов был приговорен к расстрелу и 27 августа расстрелян<sup>1</sup>.

Накануне и в годы «Большого террора» за священнослужителей взялись с «новыми силами». Так, в сентябре 1936 г. была ликвидирована контрреволюционная повстанческая организация, возглавляемая Барнаульским епископом Москаевым Иаковом и благочинным священником Носковым Даниилом Матвеевичем. Организация, согласно материалам следствия, охватывала Смоленский, Алтайский и Грязнухинский районы, города Барнаул и Бийск, в неё входило 6 повстанческих ячеек численностью 28 чел. Цель организации, как и абсолютного большинства других «контрреволюционных» организаций, – свержение советской власти путем вооруженного восстания. Были арестованы 26 участников организации, из них служителей культа – 8, без определенных занятий – 4, единоличников – 5, рабочих совхозов – 1, колхозников активных церковников – 7, кустарей – 1. Из них судившихся по ст. 58-2 УК – 1 чел., 58-10-11 – 10 чел., по другим уголовным статьям – 5 чел. В июле 1937 г. решением «тройки» УНКВД по ЗСК 21 чел. были приговорены к ВМН – расстрелу с конфискацией имущества, остальные – на 10 и 5 лет лишения свободы<sup>2</sup>.

27 марта 1937 г. НКВД СССР на места был направлен циркуляр № 23 об усилении работы по церковникам и сектантам. Предлагалось в связи с предстоящими выборами не допустить избрания в низовой советский выборный аппарат ставленников церкви и расширения её деятельности по предоставлению прав наравне с другими политическими и общественными организациями. Необходимо было ограничить её влияние на население<sup>3</sup>.

В ночь с 4 на 5 мая 1937 г. в г. Новосибирске были арестованы члены Сибирского церковно-монархического совета, якобы готовившие вооруженное восстание и формировавшие повстанческие группы. Всем было предъявлено обвинение по ст. 58-2-6-10-11 УК РСФСР. В числе арестованных были архиепископ Новосибирский Сергей<sup>4</sup> и архимандрит Сергей<sup>5</sup>. Архиепископ Сергей был обвинен

<sup>1</sup> Минева Г. «...Попов – расстрелять, церкви – под клуб» // Забвению не подлежит... Т. 3. С. 187–192.

<sup>2</sup> Жертвы политических репрессий в Алтайском крае... Т. 2. С. 13.

<sup>3</sup> Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 68.

<sup>4</sup> Васильков Николай Нилович, 1861 г.р., ур. Псковской губ., ранее дважды арестовывался: в 1927 г. был выслан из Челябинска в Ирбит на 3 года за активную борьбу с обновленцами, а в 1930 г. вновь арестовывался, но осужден не был. С октября 1933 г. – епископ, а с мая 1934 г. – архиепископ Томский. В мае 1935 г. был назначен на Новосибирскую кафедру.

<sup>5</sup> Скрипальщиков Стефан Захарович, 1896 г.р., ур. Енисейской губ., с 1920 г. служил в Новониколаевске. В 1932 г. был арестован и осужден по ст. 58-10 УК РСФСР на 3 года концлагерей. По возвращении из лагеря служил настоятелем в одном из храмов Новосибирского района.

в том, что «будучи правящим архиепископом в ЗСК, окружал себя духовенством, прибывшим из исправительно-трудовых лагерей и ссылки по отбытии срока наказания, которых устраивал на приходы в ЗСК, давая прямые указания на выявление антисоветски настроенных лиц из числа церковников, обработку их в контрреволюционном духе и вербовку в повстанческие и вредительские группы. Сам... окружал себя бродягами монахами и монашками, через которых распространял провокационные слухи и листовки религиозного содержания с к.р. выражениями. Выступал с проповедями, призывая население оказывать организованное сопротивление развертывающемуся безбожию, проводимому советской властью»<sup>1</sup>. В ходе следствия архимандрит Сергей свою вину не признал, но это не имело значения, 29 июля оба священнослужителя были расстреляны. В эти же дни в г. Новосибирске были арестованы еще несколько священников. Всего по делу названной организации, согласно годовому отчету УНКВД по Новосибирской области, были арестованы 1 562 чел.

Активность в борьбе со служителями культа еще до начала «массовой операции» также успел развернуть начальник УНКВД по Омской области Э. Сальнь<sup>2</sup>. На второй областной партийной конференции в начале июня 1937 г., где одним из важнейших вопросов повестки был вопрос «добывания остатков поповско-сектантского мракобесия» и «вскрытие врагов народа, прикрывающихся личиной верующих», он доложил делегатам об аресте в течение прошедшего года 106 церковников и руководителей церковных сект (81 и 25 чел. соответственно). Он рассказал и о вскрытии двух баптистских «повстанческих» организаций в Омске и Ленинском районе и аресте членов молоканской секты<sup>3</sup>. А в ночь с 23 на 24 июля 1937 г. в Ишиме были арестованы все священники, в том числе и бывшие, – всего 75 чел. во главе с епископом Серафимом Звездинским (расстрелян 26 августа 1937 г.)<sup>4</sup>.

В июле 1937 г. в г. Барнауле были арестованы священники Вознесенской, Знаменской, Покровской и Троицкой церквей А.В. Семёнов, Д.П. Пономарёв, А.А. Мерцалов и Г.В. Лупенко, а также священники Сретенской церкви г. Бийска М.А. Босых, церкви г. Рубцовска К.И. Фокин, с. Змеиногорского – П.В. Демидов, с. Белоярска – Н.А. Петров и с. Бельмесово – И.А. Аморантов. Кроме них, были арестованы сторожа церквей, мастера по изготовлению свечей и др., всего 30 чел. Все были объявлены членами кадетско-монархической и эсеровско-

<sup>1</sup> Шабунин Е.А. Духовенство Новосибирской епархии в период сталинских репрессий 1937 г. // Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 2. С. 611–619.

<sup>2</sup> Сальнь Эдуард Петрович, 1894 г.р., ур. Лифляндской губ., латыш, из семьи батрака, образование – церковно-приходское училище, в партии большевиков с 1919 г. В органах ВЧК–НКВД с 1919 г., службу начинал в ОО ВЧК помощником начальника отдела бюро пропусков. 1930–1934 гг. – Полпред ОГПУ по Крымской АССР, с декабря 1934 г. – начальник УНКВД по Омской области. Старший майор госбезопасности. Награжден орденом Красного Знамени, двумя знаками «Почетный работник ВЧК–ГПУ», знаком «Почетный работник РКМ». Арестован в августе 1937 г., расстрелян в августе 1938 г. Реабилитирован посмертно.

<sup>3</sup> Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы: эмиграции и репрессии. Документы и материалы. Новосибирск, 2009. С. 39; Советское государство и евангельские церкви Сибири... С. 324–325.

<sup>4</sup>

Наумов

Л.А.

Указ.

соч.

С.

93.

повстанческой организации, связанной с РОВС. Одним из руководителей «являлся» епископ Барнаульский и Бийский М.В. Дагаев. К ВМН – расстрелу – приговорены 27 арестованных, остальные получили по 10 и 8 лет лагерей.

В это же время в Шипуновском районе были осуждены к ВМН – расстрелу – трое священников и трое церковных старост. В сентябре осуждены и расстреляны шесть жительниц Мамонтовского района – дочь священника и монахини, якобы занимавшиеся контрреволюционной деятельностью по заданию эсеровско-монархической организации. В последующие месяцы аресты священнослужителей в крае были продолжены<sup>1</sup>.

К 1938 г. за два с половиной года органами НКВД Омской области была вскрыта целая сеть «контрреволюционных» организаций, в которых духовенство играло важнейшую роль. Весной 1935 г. был арестован 73-летний омский архиепископ Алексей (Орлов), его арест позволил «создать» группу «церковников-вредителей», в которую входили бывший священник В.М. Сапожников, омский священник П.А. Кузнецов, священник из с. Лосево Исилькульского района С.А. Шалыгин, священник Ильинской церкви Д.А. Топорнин, дьякон этой же церкви П.П. Зайцев и др. Следствием была «доказана» их контрреволюционная деятельность, все осуждены. Архиепископ Алексей сослан на 5 лет в Казахстан, где через два года был арестован вновь и расстрелян<sup>2</sup>. В 1937 г. другой омский архипастырь – Антоний Миловидов – по воле сотрудников УНКВД стал «организатором» мифического движения «Борьба за церковь и религию». Миловидов был осужден на 10 лет ИТЛ, наказание отбывал в Челябинске, где вновь был арестован и обвинен в создании «Партии угнетенных христиан», осужден и расстрелян. В Омске после осуждения Миловидова были продолжены аресты среди священников, но теперь они обвинялись уже в принадлежности к Омскому епархиальному братству<sup>3</sup>.

Позиция руководства НКВД была инициирована и поддерживалась партийным руководством области. А. Савин, со ссылкой на работу В. Самосудова (1988), привел выдержку из выступления в марте 1937 г. на пленуме Омского обкома ВКП(б) секретаря обкома Д.А. Булатова, который заявлял: «Особую активность классовый враг проявляет через служителей религиозных культов, через сектантов, в отдельных случаях успешно спекулируя на убеждениях слабо охваченных нами политической жизнью малограмотных и религиозных людей... Духовенство, сектанты – это тоже контрреволюционные элементы. По нашему подсчету, у нас в области имеется... сектантских общин 26, вокруг них организовано свыше 1 000 сектантов»<sup>4</sup>. Данное выступление, вне всякого сомнения, прозвучало как прямое указание на ликвидацию этих «сектантов», а цифры были целенаправленно подготовлены сотрудниками УНКВД. Выступление Булатова не что иное, как реакция на решения февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП(б), где вопрос борьбы с «церковниками и сектантами» также обсуждался.

<sup>1</sup> Жертвы политических репрессий в Алтайском крае... Т. 3, ч. 1. С. 21.

<sup>2</sup> Минеева Г. Судьба Владыки Алексея // Забвению не подлежит... Т. 6. С. 188–192.

<sup>3</sup> Там же. Т. 7. С. 156.

<sup>4</sup> Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы... С. 39.

В ходе следствия арестованные вели себя по-разному, одни сознавались «во всех грехах» с первой минуты допроса, другие категорично опровергали обвинения, особенно надуманные. В годы, о которых идет речь, к таким неподдающимся применяли пытки морального и физического характера, но и это не всегда позволяло добиваться нужного для следователя результата. К категории стойких можно отнести многих лиц духовного звания – переносить тяготы, лишения и страдания их учила жизнь, их служение Богу. Но и они не всегда могли устоять перед хитростью и находчивостью следователей. Так, например, случилось с епископом старообрядческой церкви А.С. Журавлёвым (отец Анфилофий). Омский следователь Пешков не смог сломить его даже в ходе суточного допроса и пошел на хитрость. В кабинете, где он вел допросы, был освобожден от архивных дел один из ящиков и туда помещен сотрудник маленького роста. Арестованного следовало оставить в кабинете одного, а сотрудник в этот момент должен был подать голос: «Отец Анфилофий, я вижу твои страдания, подпиши, и я тебе все прощу» и показать из ящика икону. Задуманное было осуществлено. Когда Пешков вернулся в кабинет для продолжения допроса, то Журавлёв молча взял протокол и все подписал<sup>1</sup>. Вера оказалась сильнее и выше реалий жизни.

Другим примером стойкости верующих может служить пример по делу «контрреволюционной» организации в г. Тара Омской области. В феврале 1938 г. там были арестованы 16 «контрреволюционеров», девять из которых были женщины, в частности три монахини и жена одного ранее арестованного священника. Средний возраст участников организации – 58 лет, одним из «лидеров» была 81-летняя Т. Алексеева. Подрывная деятельность заключалась в том, что после ареста всех священников и закрытия церковей члены организации стали обращаться в государственные структуры с просьбами о возвращении храмов, собирали заявления верующих. После ареста в ходе следствия ни одна из монахинь не признала своего участия в контрреволюционной деятельности. Так, 61-летняя монахиня Т. Трегубова на все вопросы следователя об её контрреволюционной работе отвечала: «...не признаю, ...не состояла, ...не распространяла». Жена ранее арестованного священника О. Каешко в протоколе допроса подписывала каждый свой ответ, делая приписку «...не занималась, не признаю, ...отрицаю, ...я ничего не знаю».

Однако в ходе следствия все члены организации были «достаточно изобличены свидетельскими показаниями» и по решению «тройки» УНКВД от 4 марта 1938 г. приговорены к расстрелу, приговор был приведен в исполнение<sup>2</sup>.

Мужество и достоинство, с которыми держались в ходе следствия практически все арестованные, вызывают чувство глубочайшего уважения и сострадания...

Чаще же представители духовенства привлекались к ответственности поодиночке либо их включали в состав контрреволюционных организаций, состоявших преимущественно из «бывших» или лиц, отнесенных государством к врагам по

<sup>1</sup> Забвению не подлежит... Т. 9. С. 61.

<sup>2</sup> Там же. С. 155–158. Омским облсудом 11 марта 1957 г. все участники названного дела реабилитированы. Один из следователей по данному делу Шиманов в 1939 г. был приговорен к 6 годам ИТЛ за применение незаконных методов следствия. В отношении другого следователя – Шиповалова – ставился вопрос об ответственности «за фальсификацию дел и применение извращенных методов допроса».

иным причинам. В декабре 1934 г. УГБ УНКВД по ЗСК отчиталось перед секретарем крайкома ВКП(б) Р. Эйхе о результатах оперативной работы в немецких колониях края. Согласно отчету было ликвидировано 5 контрреволюционных фашистских организаций, 84 группировки и 33 одиночки, к ответственности привлечены 577 чел.<sup>1</sup> Только с 15 ноября было ликвидировано 39 группировок и 2 контрреволюционные фашистские организации в 15 районах края с числом участников 258 чел. К числу самых крупных относилась контрреволюционная фашистская организация в Исилькульском районе, насчитывавшая в своих рядах 41 чел., охватившая своим влиянием целый ряд населенных пунктов, где были созданы ячейки. Следствием были вскрыты 10 ячеек с 72 участниками. Возглавлял организацию лютеранский кистер И.Ф. Курц<sup>2</sup>.

Представители мусульманского духовенства оказались участниками другой «контрреволюционной» организации. Сотрудники 3-го отдела УНКВД по Новосибирской области «доказали», что военно-мусульманская контрреволюционно-повстанческая организация «Гаскери Уешма» была создана еще в 1917 г. и объединяла все татарские организации в Сибири. В обвинительном заключении было указано, что организация «сблокировалась» с военно-повстанческой организацией, офицерско-казачьей организацией РОВС и с блоком алтайских националистов; готовилось вооруженное восстание и свержение Советской власти в Сибири; последующей задачей было создание конституционно-монархического государства под протекторатом Японии.

Следствием установлено, что одним из членов руководящего контрреволюционного центра, бывшим членом Государственной думы муллой Хурамшиным в г. Томске и в Чановском районе Новосибирской области были созданы филиалы указанной организации.

Позднее Хурамшина сменил другой мулла из Томска – Ш.Я. Янаров. Контрреволюционные группы состояли из бывших торговцев и лиц, враждебно настроенных к советской власти. Анализ социального положения участников организации показал, что это не соответствовало данным, заявленным сотрудниками 3-го отдела<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> В целом по СССР в 1934 г. было арестовано около 4 тыс. немцев – советских граждан. См.: Хаустов В. Репрессии против советских немцев до начала массовой операции 1937 г. // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М., 1999. С. 77.

<sup>2</sup> Курц Иван Федорович. 1898 г.р., ур. Бессарабской губ., проживал в с. Ново-Алексеевка Исилькульского р-на Омской области. Арестован в 1935 г. и осужден на 10 лет ИТЛ. См.: Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1980-е годы. Новосибирск; Санкт-Петербург, 2006. С. 419–420; Лиценбергер О. Репрессии против лютеранских и католических священнослужителей в СССР // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ... С. 206.

<sup>3</sup> В Томске по обвинению в принадлежности к организации «Гаскери Уешма» были осуждены 67 чел., 59 из которых расстреляны. Всем было предъявлено обвинение по ст. 58-2-6-8-10-11 УК РСФСР. См.: Большая лодская... 2-е изд. Т. 2. С. 686.

Созданная по материалам уголовных дел, хранящимся в архиве УФСБ РФ по Томской области, электронная база данных позволила установить, что последним арестованным за принадлежность к данной организации стал Г.Н. Сафиуллин, 1920 г.р., ур. с. Ордынское Новосибирской области, проживавший в дер. Юрт-Акбалык Кольванского района той же области, тракторист Кандаурской МТС, член ВКП(б). Арестован 10 августа, а осужден 19 октября 1939 г. на 3 года ИТЛ и 3 года поражения в правах. Правда, ему не были инкриминированы шпионская деятельность и террор, т.е. пп. 6 и 8 ст. 58 УК РСФСР.

Преследования верующих продолжались и после «Большого террора». Например, накануне Пасхи (1940 г.) сотрудниками Томского горотдела НКВД были проведены аресты 20 активных верующих с целью «терроризирования церковников», активно занимавшихся нелегальным изготовлением свечей, крестильных крестиков, венчиков и иной православной атрибутики. Арестованные от 5 до 13 дней содержались в здании горотдела НКВД, где подвергались допросам с целью получения от них необходимых сведений для последующего привлечения к уголовной ответственности. Только вмешательство горкома ВКП(б) в июле остановило незаконные действия сотрудников НКВД<sup>1</sup>.

В целом же в Западной Сибири в 1920–1941 гг. были репрессированы несколько тысяч представителей духовенства и церковных активистов из числа мирян. Так, в Алтайском крае за период с 1920 по 1937 г. были подвергнуты репрессиям 504 священно- и церковнослужителя и миряне, имевшие непосредственное отношение к церкви. Только в 1937 г. были репрессированы 172 из них, 165 расстреляны<sup>2</sup>. В Томской области за период с 1920 и до начала 1950-х гг. репрессиям подверглись 340 представителей духовенства и активистов из числа верующих<sup>3</sup>. В Новосибирске установлены имена 560 чел.<sup>4</sup> В Омской области пострадали более 300 священнослужителей и сотни верующих<sup>5</sup>.

В 1937 г. председатель «Союза воинствующих безбожников» Ем. Ярославский заявил: в стране с монастырями покончено. К 1939 г. их действительно не осталось, хотя до 1917 г. насчитывалось более тысячи. Были расстреляны 90 тыс. (по другим данным 100 тыс.) священников<sup>6</sup>. В целом же, по мнению некоторых иссле-

<sup>1</sup> См.: Тепляков А.Г. Машина террора... С. 271.

<sup>2</sup> А.И. Савин и А.А. Колесников приводят данные, что только в период с 5 августа 1937 г. по 15 марта 1938 г. «тройками» УНКВД по ЗСК и Алтайскому краю были осуждены 328 церковников, еще 8 – «тройкой» УНКВД по Новосибирской области. Среди осужденных были 52 женщины (15,9%) – монашки, попадьи, «активные церковницы», церковные старосты и т.п. Из 328 арестованных к высшей мере наказания – расстрелу – были приговорены 302 чел. (92,1%), остальные получили лагерные сроки от 8 до 10 лет. См.: Савин А.И., Колесников А.А. Указ. соч. С. 282, 287.

<sup>3</sup> В Томской области только в 1937 г. были арестованы 282 священнослужителя и мирянина православной церкви, 276 из них были расстреляны, а общее число репрессированных священнослужителей и мирян только православной церкви превысило 600 чел. См.: Фаст М.В., Фаст Н.П. Указ. соч. С. 79–90.

Проведенные мною расчеты по опубликованным М. и Н. Фаст данным этой категории подвергшихся репрессиям (отбывавшие наказание в лагерях и ссылках, члены церковных советов и т.п.) позволили установить, что в 1920–1930-е гг. были репрессированы 458 православных священнослужителей и мирян (60 и 398 соответственно), в том числе 46 женщин. На территории Томской области в рассматриваемый период отбывали ссылку или сроки заключения три митрополита, четыре архиепископа, девять епископов. Девять из них были расстреляны. В 1930-е гг. подверглись репрессиям 144 представителя старообрядческой церкви (мужчин – 94, женщин – 50), 114 из них были расстреляны, в том числе 26 женщин.

<sup>4</sup> Шабунин Е.А. Указ. соч. С. 619.

<sup>5</sup> Сбитнева М. Из бездны небытия // Забвению не подлежит... Т. 10. С. 26.

<sup>6</sup> Дж. Кип и А. Литвин, со ссылкой на работу председателя Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте РФ А.Н. Яковлева «Сумерки» приводят данные, что в 1937 г. были арестованы 136 900 православных священников, 85 300 из которых были расстреляны. См.: Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009. С. 291. Эти цифры завышены и не соответствуют действительности.

В работе «Пенитенциарная система Западной Сибири (1920–1941 гг.)» (Уйманов, 2011) автор дает анализ ряда работ зарубежных авторов по истории России, в том числе и названных, призывая достаточно критически (на основе примеров) относиться к использованию этих источников.

дователей, репрессии 1937–1938 гг. в 20 раз превышали репрессии 1922 г. и в 5 раз – 1930 г.<sup>1</sup>

Вне всякого сомнения, эти данные не являются окончательными. Только глубокая и полная разработка архивов позволит установить более точное число репрессированных священнослужителей и активистов из числа верующих. Многие из них, будучи арестованными, могли указывать и указывали иные профессии.

В борьбе за свою «паству» большевики преследование духовенства относили к числу приоритетных направлений репрессивной политики. Это проявлялось даже в том, куда и как, в частности, духовенство направляли в ссылку. С целью ограничения возможности общаться с населением, их, например, даже пытались концентрировать в одном месте. В ГАТО был выявлен документ, направленный за подписью зам. начальника Каргасокского райотделения ОГПУ Серякова и пом. уполномоченного Пашенко в сельсоветы района с пометкой «Срочно» следующего содержания: «Предложите всем ссыльным попам, дьяконам и т.п. в 5-дневный срок со дня получения настоящей бумаги выехать со всеми вещами в с. Тымск на постоянное жительство (на оставшийся срок). На всех выехавших немедленно вышлите следующие данные: Фамилия, имя, отчество. 2. Когда кончается срок ссылки. 3 По какой ст. УК выслан. 4. Сан (дьякон, поп, псаломщик)»<sup>2</sup>. В одном селе следить за ними и контролировать их действия, несомненно, проще.

Сталин лично акцентировал свое внимание на преследовании духовенства, например, когда в ноябре 1937 г. давал указание Ежову о необходимости «поприжать господ церковников» после ознакомления с письмом бывшего редактора газеты «Звезда» о влиянии церкви в Белоруссии. Уже 15 ноября на места была направлена шифротелеграмма о необходимости дать информацию по арестам церковников в период с августа по ноябрь. В конце ноября обобщенная информация с грифом «Совершенно секретно» была подготовлена для Сталина и доложена ему. За указанный период времени было арестовано 31 359 церковников и сектантов, 13 671 (43,6%) из которых был осужден к ВМН. В числе арестованных были 166 митрополитов и епископов – расстреляны 81 (48,8%), 9 116 попов – расстреляны 4 629 (50,8%), 2 173 монаха – расстреляны 934 (43%), 19 904 представителя «церковно-сектантского кулацкого актива» – расстреляны 7 004 (35,2%).

В справке отмечалось, что почти полностью ликвидирован епископат православной церкви, вдвое сократилось количество попов и проповедников, что в значительной степени ослабило и дезорганизовало церковь. Арестованный контингент представлял «крупные антисоветские организации и группы, вскрытые и ликвидированные» органами НКВД в большинстве республик, краев и обла-

<sup>1</sup> Наумов Л.А. Указ. соч. С. 5. В СССР за первые 20 лет советской власти из 150 лютеранских пасторов были репрессированы 130 чел., из них более 80 отбыли длительные сроки заключения в ИТЛ, 22 умерли в заключении, 15 расстреляны, четверо пропали без вести, более 100 эмигрировали из страны. Своей смертью умерли 30 чел., преимущественно в первые годы советской власти. Добровольно оставили должности 20 пасторов. Судьба 80 неизвестна.

Если в 1936 г. в СССР оставалось 11 лютеранских пасторов и 50 католических патеров, то в 1937 г. не было уже ни одного пастора, проповедовали лишь десять католических патеров, которые были арестованы и осуждены уже в следующем году. См.: Лиценбергер О. Указ. соч. С. 210–211.

<sup>2</sup> См.: ГАТО. Ф. Р–724. Оп. 1. Д. 21. Л. 57.



стей. Западно-Сибирская область (так в тексте. – В.У.) в справке упоминалась дважды. В первом случае речь шла о ликвидации антисоветской фашистской организации толстовцев, субботников и других сектантов, цель которой – создание единого антисоветского фронта из верующих всех религиозных объединений. В другом случае – о ликвидации фашистской шпионско-диверсионной организации – блоке сектантов, евангелистов и баптистов под руководством Кухмана. По делу организации были арестованы 337 «активных участников»<sup>1</sup>.

В статотчете о результатах оперативно-служебной деятельности органов НКВД СССР за 1937–1938 гг. приведены данные о 50 769 репрессированных «церковниках и сектантах» (соответственно 37 331 и 13 438 чел.). А. Савин, комментируя эти цифры, высказал предположение, что в это число вошли только члены «специализированных» сектантских и церковных группировок и организаций, а также «одиночки». Что касается осуждения данной категории по делам иных «контрреволюционных» организаций и по операциям линейной направленности, то священнослужители и актив верующих, прошедших по этим делам, в статистику включены не были<sup>2</sup>.

Считаю, что автор этого предположения не совсем прав. Многочисленные факты и документы свидетельствуют о высокой степени организации учетов спецконтингентов, представлявших оперативный интерес для органов ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Цифра 50 769 репрессированных представителей различных конфессий достаточно верна, так как в ходе «массовой операции» отчет о проделанной работе велся скрупулезно – указывались не только ликвидированные контрреволюционные организации, но и в обязательном порядке демонстрировалась социальная база участников этих организаций. Более того, «враги» (по своему социальному положению) учитывались и в общей статистике по категориям репрессированных. А. Савин сам приводит данные, что к концу «массовой операции» органы НКВД репрессировали **всех** (11 570) «церковников и сектантов» (9 570 «попов» и 2 000 «сектантских проповедников»), которые, по словам Н. Ежова, находились на оперативном учете органов НКВД на конец ноября 1937 г., дополнительно «довыявив» почти 8 000 «религиозников», прошедших в качестве связей объектов интереса органов НКВД<sup>3</sup>.

Другое дело, что названная цифра может быть некорректной по иной причине. Даже частичное изучение репрессированных лиц этой категории в Западной Сибири позволяет определить, что часть из них (и значительная) в прошлом была, например, на военной службе (в том числе бывшие офицеры). И в подобных ситуациях учетные показатели зависели от позиции следователя и его субъективного мнения либо от «целевой направленности» дела, по которому проходили эти лица.

Еще одной группой репрессированных верующих стали представители религиозных общин, многие из которых прекратили свою легальную деятельность в середине 1930-х гг., разделив в годы «Большого террора» с предста-

<sup>1</sup> Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 272, 407–414; Савин А.И., Колесников А.А. Указ. соч. С. 279.

<sup>2</sup> Савин А.И. Репрессии в отношении евангельских верующих в Сибири в 1939–1941 гг. // Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 2. С. 597.

<sup>3</sup> Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы... С. 37; Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 408.

вителями других конфессий весь ужас массовых необоснованных репрессий. Преследование этих «сектантских» организаций, имевшее место и до Октябрьской революции 1917 г., продолжилось и в советский период. Свидетельством этому могут служить подготовленный сотрудником Института истории СО РАН кандидатом исторических наук А.И. Савиным аннотированный перечень архивных документов и материалов по истории меннонитов<sup>1</sup> в Сибири в 1920–1980-е гг. и сборник документов, касающийся периода жизни меннонитов в 1920–1930-е гг.<sup>2</sup> Приведенные им многочисленные документальные источники позволяют достаточно полно и глубоко понять весь механизм, используемый партийно-советским руководством, в данном случае Западной Сибири, с привлечением специальных служб для преследования и подавления «сектантских» организаций.

Преследование членов этих религиозных общин ничем не отличалось от преследования представителей официально разрешенных религиозных конфессий. Активно использовались административный ресурс, средства массовой информации, общественные организации. Органы ОГПУ–НКВД вели оперативные разработки этих общин или отдельных их представителей – руководителей, активистов. Периодически оперативные разработки завершались разоблачением «контрреволюционных» организаций и групп и осуждением их участников. Одна из важнейших причин их преследования, наряду с причинами идеологического, мировоззренческого характера, заключалась в том, что немцы, представлявшие большинство последователей этого учения, в советском государстве рассматривались как основная сила, которую может использовать германская разведка для шпионской и диверсионной работы в нашей стране.

Так, в Славгородском уезде административное давление на меннонитов стало активно проявляться с осени 1920 г., когда проводилась перерегистрация общин, хотя отдельные случаи притеснений имели место и раньше. Например, в июле 1920 г. уездный исполком принял решение занимать молитвенные дома всех религиозных культов для временного размещения войск, и одна из прибывших в уезд для подавления крестьянских выступлений воинских частей сразу же заняла молитвенный дом общин баптистов и меннонитов.

Начало 1921 г. ознаменовалось новым актом произвола со стороны власти. Приказом Славгородского уисполкома, Славгородского политбюро и Омской губЧК от 4 апреля 1921 г. все «религиозные секты» уезда были поставлены в известность, что все религиозные собрания, съезды и конференции могли проводиться только с ведома исполкома. Организаторы подобных мероприятий долж-

---

<sup>1</sup> Меннониты – последователи одной из старейших протестантских церквей. В России в качестве переселенцев проживают с конца XVIII в. К началу XX столетия их численность в России достигала 100 тыс. чел., объединенных в братские и церковные общины. В Сибири проживали двумя компактными группами на Алтае и на территории нынешней Омской области. К середине 1920-х гг. численность меннонитов, проживавших в Славгородском округе, составляла около 14 тыс. чел., в Омском – около 6,5 тыс. чел. из общего числа проживавших на начало 1926 г. в РСФСР 44 тыс. меннонитов. См.: Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы... С. 3.

<sup>2</sup> См.: Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1980-е годы... Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы...

ны были предварительно сообщать о времени, месте собрания и предполагаемых вопросах. Неисполнение приказа влекло привлечение к ответственности «по всей строгости военно-революционного времени».

Деятельность «сектантов» находилась под постоянным контролем сотрудников Славгородского политбюро, о чем дважды в месяц в информационных сводках они сообщали в ОмгубЧК. В частности, в июне–ноябре 1921 г. через агентуру была получена информация об установлении наблюдения за меннонитами и евангелистами, «которые... усиленно ведут противосоветскую агитацию, объединяя вокруг себя малосознательную молодежь города и деревни»<sup>1</sup>. Оперативное обслуживание названных «сектантов» осуществлялось через 370 агентов, работавших в городе (30 чел.) и уезде (340 чел.).

Секретарь Сиббюро ЦК РКСМ Н. Черкасов в отчете за декабрь 1922 – январь 1923 г. отмечал, что наибольшее влияние в Сибири имели баптисты, в среде которых насчитывалось 311 общин и 53 кружка молодежи. Так, в Омской губернии действовали 141 община (6 166 чел.) и 28 кружков (897 чел.); в Новониколаевской – 16 общин (214 чел.) и 3 кружка (21 чел.); в Томской – 9 общин (268 чел.), 2 кружка (24 чел.); в Алтайской – 14 общин (116 чел.), 1 кружок (20 чел.), т.е. всего 180 общин (6 764 чел.) и 34 кружка (963 чел.). В Иркутской и Красноярской губерниях действовали 13 общин (266 чел.) и 2 кружка (23 чел.). Таким образом, Омская губерния стала центром развития баптистского движения среди молодежи. В этом была особенность «политики» баптистов; евангельские христиане, например, имели 200 общин (2 500 чел.) преимущественно в Новониколаевске, Томске, на Алтае и частично в Красноярске, но работа среди молодежи выявлена не была. Среди адвентистов седьмого дня в Томской, Иркутской, Новониколаевской и Омской губерниях действовали 72 общины, насчитывавшие до 5 000 членов, но только в Томской губернии работали 3 кружка молодежи (35 чел.)<sup>2</sup>.

Беспокойство власти по поводу деятельности «сект» объяснялось, в частности тем, что в силу продекларированной льготы (освобождение от военной службы)

<sup>1</sup> Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1980-е годы... С. 48–49.

<sup>2</sup> Выдержка из отчета Сиббюро ЦК РКСМ за декабрь 1922 – январь 1923 г. [не ранее января 1923 г.]. См.: Советское государство и евангельские церкви Сибири... С. 112–113. По докладу ПП ОГПУ на 1 марта 1923 г. в Сибири действовали 305 общин баптистов с числом членов 8 636, 53 кружка молодежи объединяли 1 153 чел. Число евангельских христиан и их общин совпадало с вышеприведенными данными. Что касается адвентистов седьмого дня, то по непроверенным данным они были объединены в 75 общин с 5 000 членов. Еще одно сектантское течение – «Адвентисты Бога Живого» – на территории Сибири распространение не получили, часть общин распалась, но его руководители вели речь о наличии 3 000 последователей. Среди прочих течений упоминались меннониты, пластуны, молокане, дырники, иеговисты, хлысты, скопцы, «Новый Израиль» и др. – по ним велась разработка в «целях выяснения истинной физиономии таковых». Всего на территории Западной Сибири действовали 208 общин и 30 кружков молодежи у баптистов с общим числом членов примерно в 8 000 чел., 145 общин евангельских христиан (более 2300 чел.), примерно 30 общин адвентистов (немногим более 1 000 чел.) и 13 общин «адвентистов Бога Живого» (около 600 чел.). Отмечались случаи перехода в сектантские организации (преимущественно к баптистам) православных в связи с расколом Церкви – недовольство обновленчеством. Так, в Омской губернии, по данным губотдела ГПУ, на учете значились 39 общин (1 056 чел.) и 13 кружков молодежи (217 чел.) (см.: Там же. С. 129–135). Арифметические подсчеты по обоим источникам не позволили подтвердить заявленные цифры – у баптистов не подтверждалось количество общин (завышение примерно на 100) и число участников, причины этого не ясны. В последующий период (на 15.09.1923 г.) число баптистских организаций в регтле сократилось до 197, при увеличении в Новониколаевской и Томской губерниях, но при значительном сокращении в Омской – со 141 до 105 по общинам и с 28 до 13 по кружкам молодежи (Там же. С. 150).

наблюдался рост их популярности и численности. По этой причине в конце 1922 – начале 1923 г. органами ГПУ ряда губерний страны была проведена широкомащтабная акция, направленная на ликвидацию евангельских церквей. Для достижения поставленной цели была использована кампания во исполнение Декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 3 августа 1922 г. и Инструкции ВЦИК от 10 августа 1922 г. по проведению регистрации обществ, союзов и объединений, не преследующих целей извлечения прибыли. Создание административных барьеров не позволило многим общинам пройти эту процедуру. В Сибири, например, была фактически прекращена легальная деятельность всех евангельских конфессий.

Операция продолжалась до апреля 1923 г., и, по заявлению заместителя председателя ПП ГПУ по Сибири Б.А. Бака и начальника секретного отдела Б.Н. Великосельцева, директивы «о закрытии под благовидными предложениями всех верхушечных органов сектантских организаций, их молитвенных домов, роспуск самих общин были проведены в жизнь по всей Сибири»<sup>1</sup>. Только у баптистов в Западной Сибири были опечатаны девять молитвенных домов и распущены общины<sup>2</sup>.

Следствием активного притеснения «сектантов» стал их переход на нелегальное положение. Возможно, по этой причине антирелигиозная кампания была свернута и организована перерегистрация общин<sup>3</sup>, стали открываться ранее закрытые молитвенные дома и т.п., хотя в отдельных случаях местные органы власти продолжали занимать воинственную позицию по отношению к религиозным общинам.

Смягчение антирелигиозной политики привело к тому, что в 1925 г. в Сибири действовали 28 зарегистрированных меннонитских общин: в Славгородском уезде – 22 (5 016 чел.), в Омском – 4 (1 244 чел.) и в Татарском – 2 (373 чел.). Общинами руководили 95 проповедников. По численности меннониты уступали только баптистам

<sup>1</sup> Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы... С. 50–51.

<sup>2</sup> См.: Советское государство и евангельские церкви Сибири... С. 119–122. Материалы однозначно свидетельствовали об искусственности предъявляемых к баптистам и их организациям претензий со стороны органов власти на местах, о целенаправленном создании бюрократических барьеров при перерегистрации.

<sup>3</sup> В ходе подобной кампании было установлено наличие 324 религиозных объединений (двадцаток групп верующих, обществ), действовавших на территории Томска и 25 районов округа. Например, в Верх-Чебулинском районе их было 43, в Коларовском – 37, в Болотнинском – 29, в Томском – 21, в Мариинском – 17, в Тайгинском – 16, в Анжеро-Судженском и Юргинском – по 14 и т.д. Непосредственно в Томске были учтены 25 групп и обществ и 4 органа исполнительных съездов (Епархиальный совет, Томский Мухтасибат, райсовет баптистов и Епархиальный совет Томско-Алтайской старообрядческой епархии). По конфессиональному признаку они подразделялись следующим образом: православные – 260, в том числе 235 «тихоновского» толка и 25 «обновленческого», мусульманские – 32, старообрядческие – 21, евангельских христиан – 12, римско-католические – 10, баптисты – 7, иудеи – 4, лютеранские и адвентисты седьмого дня – по 2 и единоверцы и молокане – по 1. См.: ГАТО. Ф. Р-1135. Оп. 1. Д. 41. Л. 144–170.

В докладе информотдела Сибкрайкома ВКП(б) «О состоянии и деятельности религиозных культов на территории края» отмечалось, что сектантство проявлялось в следующих видах: баптисты были объединены в 168 общин (12 379 чел.), евангельские христиане – в 76 (4 440 чел.), адвентисты 7-го дня – в 13 (849 чел.), меннониты – в 28 (5 299 чел.), молокане – в 11 (2 127 чел.), трезвенники – в 2 (320 чел.), адвентисты 7-го дня Бога Живого – 48 чел., «Новый Израиль» – в 2 общины (244 чел.), иеговисты – 50 чел., иудействующие – в 4 общины (188 чел.), трясуны (пятидесятники) – около 30 чел., мормоны – 150 чел. Таким образом, на территории края действовали более 300 «сектантских» общин, объединявших 26 134 чел. См.: Советское государство и евангельские церкви Сибири... С. 209. К середине 1936 г. в ЗСК насчитывалось до 340 сектантских общин разных толков, а с мелкими группами и одиночками – до 930 активно действовавших точек сектантских религиозных организаций. См.: Там же. С. 303.

и существенно превосходили все остальные евангельские конфессии. Численность всех «сектантов» только в Омской области на начало 1925 г. составляла 15 549 чел.<sup>1</sup>

Проводя политику смягчения репрессивных мер, власть меняла формы и методы работы с конфессиями. Более «тонкими» методами была продолжена работа по дальнейшему расколу и дискредитации евангельских церквей. Для проведения агитационно-пропагандистских акций противосектантской направленности в Омском губкоме РКП(б) была создана специальная «тройка», в нее вошли зав. агитационно-пропагандистским отделом губкома партии, начальник губотдела ГПУ и зав. отделом управления губисполкома.

На органы ГПУ были возложены задачи сбора информации обо всех сферах жизни и деятельности «сектантов», их отношении к политике советской власти и т.п. В необходимых случаях органы ГПУ должны были инициировать отдельные судебные и выборочные административные репрессии. Работа по сбору информации велась не только через агентуру органов ГПУ, но и через привлекаемый для этого партийно-советский актив. Органы ГПУ начиная с октября 1923 г. готовили для партийных органов ежемесячные сводки с обзором деятельности каждой конфессии.

Политика репрессий позволила добиться определенных результатов. Так, руководство евангельских христиан и баптистов, в отличие от меннонитов, пошло в конце 1923 г. на уступки в вопросе признания военной службы обязательной для верующих. В сентябре 1925 г. воинскую службу обязательной для своих последователей признали и адвентисты седьмого дня. В декабре 1926 г. аналогичное решение было принято на съезде и баптистами<sup>2</sup>.

Непоколебимая позиция отдельных «сектантских» конфессий в вопросе об обязательной воинской повинности вынудила власть найти «альтернативу» военной службе. Такой стала мобилизация на общепользные работы. «Отказников», в частности, отправляли на лесные промыслы государственного треста «Лесохим»<sup>3</sup>. Условия работы были тяжелыми, привлеченных не обеспечивали в необходимой мере рабочей одеждой, обувью, питание было весьма скудным, а нормы выработки достаточно высокими (20 кубометров древесины в день на бригаду из пяти человек). Празднование меннонитами 25–26 декабря 1929 г. Рождества было расценено как контрреволюционная вылазка, за которую были осуждены 6 чел.<sup>4</sup>

В конце 1920-х гг. усилились эмиграционные настроения лиц немецкой национальности, тысячи семей срывались с насиженных мест, распродавали

<sup>1</sup> Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы... С. 52.

<sup>2</sup> Там же. С. 53–58.

<sup>3</sup> Приказ НКВД СССР № 108 от 31 мая 1929 г. «Об использовании труда граждан, освобожденных от военной службы по религиозным убеждениям» предполагал призыв таковых граждан после медицинского освидетельствования для работы на лесных промыслах государственного треста «Лесохим» с 10 июня по 15 октября 1929 г. Все привлеченные на работы должны были стоять на продуктовом и денежном довольствии на общих основаниях с красноармейцами рядового состава, отбывавшими действительную службу в армии. На период работы полагалась спецодежда. См.: Советское государство и евангельские церкви Сибири... С. 247–249.

<sup>4</sup> Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1980-е годы... С. 58–59. Судя по материалам дела, привлечение на лесные разработки было продолжено и в более поздние сроки, чем предполагалось по приказу НКВД № 108.

имущество и пытались выехать из СССР. Данное движение активно пресекалось властями, эмигрантов возвращали к местам прежнего расселения<sup>1</sup>, где все было порушено, а отношение к ним чаще всего носило враждебный характер со стороны представителей местных администраций.

Часто попытки вырваться из страны инициировались «сектантскими» проповедниками и руководством общин. По данным ПП ОГПУ, целый ряд меннонитских проповедников привлечены к уголовной ответственности и осуждены на сроки от 5 до 10 лет лишения свободы: Я.Г. Клиппенштейн, Г.Г. Фот, А.Г. Беккер, Я.И. Финк, Г.М. Креймер – на Алтае<sup>2</sup>, в Омске был арестован и осужден на 10 лет концлагерей пастор Мерц<sup>3</sup>. Аресты продолжались и в последующие годы. Так, только в 1930 г. прошла серия арестов и осуждений лидеров эмиграционного движения, в том числе из числа проповедников, в Славгородском округе. В феврале 1933 г. Омским оперсектором ОГПУ были арестованы несколько руководителей-проповедников меннонитской общины с. Красный Дол Немецкого района – Я.А. Ремпель, Г.Г. Гамм, Г.Я. Варкентин и др. По «мнению» сотрудников оперсектора, Ремпель сгруппировал вокруг себя антисоветский актив общины, проводил с ними антисоветскую агитацию против мероприятий в деревне, «распространяя провокационные слухи и суждения о скором падении соввласти», и т.д.

Сам Я. Ремпель показывал, что он говорил немцам о притеснениях религии со стороны советской власти, арестах и осуждении проповедников, отсутствии возможности верить в Бога: «Аресты проповедников и других религиозных лиц я рассматривал как борьбу соввласти с религией, поэтому были случаи, когда на молитвенных собраниях общины мы молились Богу за высланное кулачество и проповедников как пострадавших за слово Божие»<sup>4</sup>. Все это и подвигло его к эмиграционным действиям.

Решением «тройки» ПП ОГПУ по ЗСК от 27 марта 1933 г. все арестованные были осуждены по ст. 58-10-11 УК РСФСР к лишению свободы на сроки от 5 до 10 лет.

На Алтае в с. Мезенцево Тюменцевского района, в пос. Тула и Медведка в начале 1930-х гг. действовали секты, члены которых советскую власть не при-

---

<sup>1</sup> А. Савин, со ссылкой на совместную работу с немецким исследователем Д. Брандесом, привел данные, что к концу 1929 г. из СССР выехали в Германию 5 761 чел. (в том числе 3 885 меннонитов), из них 4 410 выехали из поселений российских немцев в Западной Сибири: из Немецкого района – 2 277, Славгородского – 1 428, Андреевского – 170, Купинского – 290, Ново-Омского и Исилькульского – 245. Одновременно только в Славгородский округ в декабре 1929 г. были насильственно возвращены из Москвы 2 340 чел. См.: Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы... С. 15.

<sup>2</sup> Сводка ПП ОГПУ по Сибири об эмиграционном движении в немецких колониях Сибиряк по состоянию на 14 декабря 1929 г. // Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1980-е годы... С. 329–332.

<sup>3</sup> Лиценбергер О. Указ. соч. С. 206.

<sup>4</sup> Обвинительное заключение Омского оперсектора ОГПУ по делу № 3187 от 10 февраля 1933 г. // Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1980-е годы... С. 395–405. Ремпель (Зудерман) Яков Аронович, 1883 г.р., профессор теологии, видный деятель меннонитского движения в СССР, после осуждения бежал из концлагеря и проживал на нелегальном положении. В апреле 1937 г. Военным трибуналом Северо-Кавказского военного округа по ст. 58-4-6-10-11 УК РСФСР приговорен к ВМН с последующей заменой на 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах. На 1941 г. – заключенный Орловской тюрьмы. Военной коллегией Верховного Суда СССР 8 сентября 1941 г. приговорен заочно к ВМН. Расстрелян 11 сентября 1941 г. См.: Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы... С. 686; Советское государство и евангельские церкви Сибири... С. 291–292.

знавали, считая её порождением антихриста. Саботировали выполнение её решений, отказываясь вступать в колхозы, платить налоги, продавать государству продукты и т.п. В октябре 1933 г. 23 сектанта были осуждены «тройкой» ПП ОГПУ по ст. 58-10-11 УК РСФСР на сроки лишения свободы до 10 лет<sup>1</sup>.

Осенью 1934 г. в Западной Сибири хлебозаготовительная кампания была на грани срыва. В связи с этим партийно-советское руководство страны официально разрешило применять в регионе высшую меру наказания к саботажникам. Инициатором этого предложения был председатель Совнаркома СССР В. Молотов, посетивший в сентябре 1934 г. ряд районов Сибири, а непосредственное участие в его реализации принял Л. Каганович, прибывший в Западную Сибирь в октябре 1934 г. Западно-Сибирским краевым судом только осенью 1934 г. было возбуждено 158 дел по ст. 58-14 УК РСФСР («Контрреволюционный саботаж») и осуждено 779 чел. И только в период с 5 октября по 5 ноября крайсуд провел 108 показательных процессов в сельской местности и 72 – в райцентрах и городах. Результатом стало вынесение 194 смертных приговоров<sup>2</sup>.

В числе организаторов «контрреволюционного саботажа» были и служители культа. Так, 31 октября 1934 г. выездная сессия спецколлегии краевого суда осудила в г. Омске проповедника общины меннонитов с. Глядень № 2 Я.С. Больдта, проповедника братской общины с. Глядень № 3 Д.А. Коопа и казначея общины Г.Я. Дика. Двое первых были расстреляны, а Г. Дик получил 10 лет лагерей<sup>3</sup>. Процесс продемонстрировал стремление властей переложить на «бывших», в данном случае руководителей религиозных общин, вину за срыв хлебозаготовок. В ноябре 1934 г. в числе приговоренных к расстрелу оказался бывший проповедник меннонитской общины, член колхоза «Большевик» в с. Петровка Немецкого района Ф.Ф. Берх. По делу фашистской организации из 36 чел. в Любинском и Седельниковском районах Омской области руководителем организации «прошел» пастор лютеранской церкви В. Лорер. По делу фашистской организации в Родинском районе были осуждены 18 чел., из них четверо – как проповедники меннонитских и баптистских общин, один – как сын проповедника, один – как председатель баптистской общины, а трое – как «активные сектанты». По справке Гляденского сельского совета еще один осужденный проходил в качестве проповедника «секты субботников». Десяти осужденным среди причин осуждения инкриминировались религиозная деятельность и убеждения. Приговоры – от ВМН до длительных сроков лишения свободы<sup>4</sup>. Несмотря на «убедительность» доказательной базы, не могу поверить, что представители разных верований смогли объединиться на идеологической основе фашизма.

Начало 1937 г. продемонстрировало руководству страны провал антирелигиозной кампании. Доктор исторических наук В. Жиромская привела данные, что по материалам Всесоюзной переписи населения в январе 1937 г. 56,7% населения страны старше 16 лет (55,3 млн чел.) заявили о своей принадлежности к тому или

<sup>1</sup> Жертвы политических репрессий в Алтайском крае... Т. 2. С. 13.

<sup>2</sup> Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы... С. 23–24.

<sup>3</sup> Советское государство и евангельские церкви Сибири... С. 297–298.

<sup>4</sup> Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы... С. 25–27.

иную вероисповеданию. В действительности верующих было больше, просто многие боялись давать правдивые ответы. Религиозность была заметнее у людей старшего возраста, менее подверженных атеистической пропаганде. Верующие назвали девять крупных вероисповеданий. Самым распространенным было христианство разнообразных направлений: православие, католичество, лютеранство и армяно-григорианство. Христианами назвали себя 80% верующих. Практически во всех религиях число верующих женщин было выше, чем число верующих мужчин, достигая в названных направлениях христианства ~ 61%<sup>1</sup>.

Из общего числа верующих 392 393 чел. заявили о своей принадлежности к христианским сектам. Заместитель заведующего отделом культуры и образования ЦК ВКП(б) С.М. Тамаркин в январе 1937 г. сообщил секретарям ЦК Л. Кагановичу, А. Андрееву и Н. Ежову об усилении активности «церковников» всех исповеданий и слабости антирелигиозной пропаганды в стране. Он сообщал, что в СССР действовали 20 тыс. церквей и мечетей, 24 тыс. служителей культа и 600 тыс. церковных активистов, которые вели подрывную деятельность; антирелигиозная работа почти повсеместно была свернута.

Это обстоятельство И. Сталин и его окружение не могли не учитывать, и на февральско-мартовском Пленуме (1937 г.) ЦК ВКП(б) «проблема» была обозначена. Руководитель Союза воинствующих безбожников Ем. Ярославский вынужден был признать, что религиозные организации могут представлять серьезную силу в противоборстве с властью. По его информации, в стране было 39 тыс. религиозных общин и групп, объединявших более миллиона человек только «актива», а также несколько сот тысяч незарегистрированных «сектантских» организаций, преимущественно нелегальных<sup>2</sup>.

Наличие хорошо поставленных учетов и «заготовок» в виде оперативных разработок позволяло выполнить подобные указания в кратчайшие сроки. Уже весной 1937 г. начались аресты священнослужителей и «сектантов» (выше об этом речь уже велась). В это же время сотрудниками УНКВД по ЗСК была вскрыта «шпионско-диверсионная организация» сектантов Сибкрая, возглавляемая краевым уполномоченным евангельских христиан О.И. Кухманом<sup>3</sup>, который был арестован 14 апреля. По делу организации арестованы и осуждены, согласно отчету УНКВД, 793 чел.

<sup>1</sup> Жиромская В.Б. Религиозность народа в 1937 г. (По материалам Всесоюзной переписи населения) // Исторический вестник. 2000. № 5. Ноябрь.

<sup>2</sup> Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы... С. 33–34; Вопросы истории. 1993. № 5. С. 14. А.И. Савин и А.А. Колесников привели данные Комиссии по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР (не позднее 14 февраля 1937 г.): на 1 января 1936 г. «зарегистрированного духовенства насчитывается 24 146 чел. (без учета данных по ЗСК, Оренбургской, Омской и Челябинской областям, Казахской и Бурят-Монгольской АССР) и актива, состоящего из религиозных обществ, т[ак] наз[ываемых] двадцаток и пятидесяток (УССР, БССР – 50-тки, а в остальных местах – 20-тки) – 610 860, а всего – 635 000 (цифра округлена)». См.: Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг... С. 280.

<sup>3</sup> Кухман Отто Иванович, 1889 г.р., ур. г. Ковно, немец, из рабочих, образование неполное среднее, по профессии бухгалтер. В 1914 г. за религиозные убеждения высылался в Вятку. В 1920 г. арестовывался Пермской губЧК за участие в окружном съезде евангельских христиан. С ноября 1931 г. – уполномоченный Всесоюзного совета евангельских христиан по Западной Сибири. С 1932 г. проживал в г. Новосибирске. Арестован в 1937 г. Расстрелян.



практически из всех районов Западной Сибири. О. Кухман был обвинен в создании из членов религиозных общин шпионской сети, действовавшей в интересах Германии и Японии. В это же время была реализована арестом участников оперативная разработка «Последователи», направленная на членов общины евангельских христиан рабочего поселка Болотное (руководитель В.С. Попиначенко). В Новосибирске были арестованы 26 баптистов, евангельских христиан и адвентистов седьмого дня, 18 из которых в сентябре 1937 г. расстреляны.

По «делу Кухмана» также прошли члены «фашистской шпионской повстанческой организации» из числа граждан немецкой национальности Купинского и Чистоозерного районов, крупнейшей общины Кузбасса – евангельских христиан г. Прокопьевска, один из руководителей которой – председатель совета общины Ф.Я. Зимонин – якобы возглавлял «контрреволюционную монархическую диверсионную повстанческую организацию»<sup>1</sup> в Прокопьевском и Киселевском районах и т.д. Прокопьевским горотделом НКВД были арестованы 20 чел., 18 из которых расстреляны.

На допросе 3–4 мая 1937 г. О. Кухман показал, что в ЗСК имелось 20 религиозных групп и общин: в Белове, Бийске, Барнауле, Болотном, Гурьевская, а также Кемеровская, Калининская, Ленинск-Кузнецкая, Новосибирская, Прокопьевская, Сталинская, Тайгинская, Томская, Кожевниковская (две), Черепановская, Купинская, Анжерская и Черно-Курьинская. Новосибирская община насчитывала 340 членов. На допросе 29 июня Кухман уже назвал их террористическими, шпионско-диверсионными и повстанческими<sup>2</sup>.

В такой метаморфозе нет ничего особенного. Между этими протоколами – многочасовые допросы, издевательства, угрозы расправиться с семьей, внутрикамерная обработка и многое другое для достижения одной цели – сломать человека. Выстоять в таких условиях было почти невозможно.

Сотрудниками УНКВД только с августа до начала октября 1937 г. в ходе «кулацкой операции» были вскрыты 10 групп численностью 154 чел. (4,4% от числа всех арестованных участников контрреволюционных групп), отнесенных к «церковно-сектантским». За этот же период «тройкой» УНКВД по ЗСК осуждены 222 «попа», 24 монаха и монашки и 167 «сектантов-пресвитеров и проповедников сект», т.е. 3,38% от общего числа осужденных (12 201 чел.)<sup>3</sup>.

В декабре 1937 г. 3-м отделом УГБ УНКВД по Алтайскому краю в рамках «немецкой» операции была вскрыта «контрреволюционная» организация, якобы созданная «майором гестапо» Нейманом и действовавшая на территории Немец-

<sup>1</sup> Савин А.И. Трагедия евангельских христиан. «Дело» пресвитера О.И. Кухмана (1937 г.) // Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 1. С. 394–396. Принцип вынесения наказания понять сложно. Если в данном случае почти все арестованные были расстреляны, то, например, в случае с арестом осенью 1937 г. в с. Чесноковка Барнаульского района шести баптистов, входивших в состав «контрреволюционной» барнаульской организации баптистов, все разрешилось их осуждением на 5 лет лишения свободы с последующим поражением в правах на тот же срок. См.: Советское государство и евангельские церкви Сибири... С. 336–337, 376.

<sup>2</sup> Савин А.И. Трагедия евангельских христиан... С. 398, 400; Советское государство и евангельские церкви Сибири... С. 315–323.

<sup>3</sup> Справка оперсекретариата УНКВД по ЗСК о ходе операции по приказу № 00447 от 4 октября 1937 г. // Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы... С. 656–657.

кого, Славгородского, Андреевского, Ново-Киевского, Знаменского и Хабаровского районов Алтайского края. Были арестованы 298 чел., 290 из которых – немцы-меннониты, лютеране и католики. Среди меннонитов значительное число арестованных проходили как проповедники или сыновья проповедников<sup>1</sup>. В это же время в г. Барнауле и ряде районов края была «вскрыта и ликвидирована контрреволюционная церковно-монархическая повстанческая организация». Аресты начались 14 и закончились 29 декабря 1937 г. На обвинительном заключении по делу организации не было даже даты, но «тройка» 28 декабря вынесла приговор всем 33 арестованным, в том числе и четверым, арестованным 28 и 29 декабря, т.е. все документы по делу были подготовлены заранее, еще до ареста отдельных членов организации. Обвинение всем членам организации предъявлено по ст. 58-2-11 УК РСФСР, по решению «тройки» УНКВД все были расстреляны 7 января 1938 г., в том числе и семь женщин. Одна из них, сектантка-странница Л.И. Тихонова, расстреляна за распространение слухов и диверсионную работу – якобы сожгла пасеку в колхозе. Другая, няня в родильном доме, М.С. Гончаренко, – за «контрреволюционную работу среди женщин-рожениц»<sup>2</sup>.

В 1939 г. деятельность евангельских общин активизировалась: в ходе проведения Всесоюзной переписи 1939 г. верующие отказывались сообщать о себе сведения, а в ходе выборных кампаний в Советы депутатов – отказывались голосовать, активно призывали не голосовать и т.п. Такие факты были отмечены в городах и ряде районов Алтайского края, Новосибирской и Омской областей. Подобные действия верующих не могли не вызвать ответной реакции со стороны органов НКВД, которым удалось вскрыть и ликвидировать несколько «сектантских» контрреволюционных организаций в Новосибирске, Сталинске, Томске и других населенных пунктах<sup>3</sup>; были арестованы несколько десятков верующих. Судебные процессы прошли уже во второй половине 1941 г., но разработка организаций и их членов, аресты и следствие были начаты еще до войны с Германией. Таковым, например, стало дело о нелегальной баптистской общине в г. Новосибирске, по которому к уголовной ответственности привлечены девять человек, еще по 32 следственные материалы были выделены в особое производство. Четверо обвиняемых приговорены к ВМН – расстрелу, один – к 7 и остальные к 10 годам лишения свободы с последующим поражением в правах на 3 года<sup>4</sup>.

Актуальность оперативной работы органов НКВД по «контрреволюционной» деятельности сектантов и церковников была подтверждена подготовкой и выпуском в УНКВД по Омской области двух сборников (октябрь 1939 и август 1940 г.), содержащих аналитические справки-обзоры деятельности протестантских конфессий на территории области. Сборники были предназначены для сотрудников городских и районных подразделений НКВД как

<sup>1</sup> Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1980-е годы... С. 473–474.

<sup>2</sup> Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. 3, ч. 1. С. 8; Советское государство и евангельские церкви Сибири... С. 351–355, 376.

<sup>3</sup> Савин А.И. Репрессии в отношении евангельских верующих... С. 595–605.

<sup>4</sup> Советское государство и евангельские церкви Сибири... С. 364–371, 376.

методические рекомендации по организации работы с членами этих религиозных общин. Начальник УНКВД по Омской области капитан госбезопасности М. Захаров<sup>1</sup> перед выходом «Сборника № 2» утвердил инструкцию «Об агентурно-оперативной работе с контрреволюционной деятельностью церковников и религиозных национальных (немецких) сект», в которой, в частности, отмечалось: «Можно надеяться, что этот сборник, в некоторой части, поможет оперативному работнику лучше распознать методы подрывной деятельности контрреволюционного духовенства и усилить нашу работу и борьбу с этими враждебными проявлениями...

Собранный материал... будет способствовать оперативному работнику обогатиться этим опытом и поможет более активно развешивать агентурно-оперативную работу в наших органах...»<sup>2</sup>.

Следует отметить, что сборники содержали информацию о мировоззренческих основах названных религиозных движений, «контрреволюционной» сущности их деятельности; подчеркивалось обязательное наличие связей с иностранными разведками и различного рода иными подрывными организациями. «Теоретические» послы сборников подкреплялись фактическим материалом с мест. Ценностью «Сборника № 1» были советы-рекомендации по организации и ведению агентурной работы среди «сектантов», в частности баптистов<sup>3</sup>.

Сегодня, к сожалению, нет возможности установить точное число «сектантов», ставших жертвами репрессий в годы «Большого террора», хотя бы по причине далеко не полного выявления и обработки источников, содержащих сведения об этих репрессиях. А. Савин на основе уже ставших доступными источников вывел число репрессированных – около 1 100 чел.<sup>4</sup>, но даже эта цифра является прямым свидетельством преследований и гонений верующих. Преследование баптистов, евангельских христиан, меннонитов, адвентистов седьмого дня, пятидесятников велось системно, с использованием всех официальных и оперативных возможностей органов власти и НКВД. Результатом репрессивной политики по отношению к этой группе верующих в Западной Сибири явилось отсутствие к концу 1940 г. зарегистрированных баптистских общин, а распущенная в феврале 1941 г. община евангельских христиан в Новосибирске, возможно, была последней легальной общиной этой церкви в Сибири. Деятельность религиозных общин стала носить нелегальный характер.

Подтверждением этому может служить оценка их деятельности начальником УНКВД по Алтайскому краю К.С. Волошенко<sup>5</sup> в справке от 4 декабря 1942 г.

<sup>1</sup> Захаров Михаил Егорович, 1908 г.р., ур. Рязанской губ., русский, из семьи крестьянина-середняка. В ВКП(б) с 1928 г., в органах НКВД–МГБ с 1939 г. – начальник УНКВД по Омской области. Последняя должность – начальник УМГБ Курской области. Полковник госбезопасности. Награжден четырьмя орденами, тремя медалями и знаком «Заслуженный работник НКВД». Умер в 1952 г.

<sup>2</sup> Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы... С. 678–679.

<sup>3</sup> Там же. С. 675–686; Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 2. С. 606–607.

<sup>4</sup> Савин А.И. Репрессии в отношении евангельских верующих... С. 597.

<sup>5</sup> Волошенко Константин Исидорович (Сидорович), 1905 г.р., ур. г. Пенза, из семьи слесаря, образование начальное. В ВКП(б) с мая 1930 г. В органах ОГПУ–КГБ с января 1931 г. Службу проходил на различных должностях до января 1956 г. Уволен по служебному несоответствию с должности зам.

об антисоветской деятельности церковников в Алтайском крае: «...после репрессий, особенно в период 1937–1938 гг... оставшиеся враждебно настроенные церковники приняли методы нелегальной антисоветской деятельности, то есть ушли в глубокое подполье и под видом отправления религиозных обрядов продолжают проводить контрреволюционную работу, обрабатывая в этом духе лиц из числа социально близкой им среды»<sup>1</sup>.

Таким образом, пришедшие к власти большевики провозгласили свободу совести и отделили Церковь от государства. Но, продекларировав это, на практике же повели политику лишения её всех прав и разгрома, причислили духовенство к классовым врагам. Были развернуты кампании по закрытию храмов, изъятию ценностей, дискредитации представителей всех конфессий, в том числе и не относящихся к официально признанным. Если в 1920-е гг. государство пыталось через все имевшиеся каналы разлагать конфессии изнутри с целью использования внутренних противоречий для дальнейшей борьбы с ними, то в 1930-е гг. были предприняты попытки физического уничтожения духовенства и разгрома церковных организаций. Первая попытка была предпринята в ходе ликвидации кулачества, когда, согласно приказу ОГПУ СССР № 44/21 от 2 февраля 1930 г., массовому выселению должны были быть подвергнуты, в частности, представители «кулацкого антисоветского актива церковников и сектантов». Только за три с половиной месяца арестованы 5 028 священнослужителей, а всего за 1930 г. осуждены 13 354 священнослужителя всех конфессий<sup>2</sup>.

В 1937 г. они были включены в приказ НКВД № 00447, давший «старт» массовым репрессиям периода «Большого террора». Еще одна группа оппонентов, в данном случае идеологических, активно устранялась партийно-советским руководством страны с «поля боя» за массы, за их умы и мировоззрение. В стране должна быть одна идеология – коммунистическая.

Все приведенное выше позволяет сделать вывод о том, что победившие большевики с первых дней установления новой власти приступили к планомерному уничтожению своих противников, в первую очередь из числа «бывших». Полагая возможным выделить две явные цели, которые при этом преследовались. Во-первых, уничтожение или подрыв социальной базы, могущей оказать сопротивление в борьбе за власть, за Россию. Во-вторых, реализовывалась возможность сведения счетов бывших «порабощенных» со своими «поработителями» (крестьян – с помещиками, рабочих – с фабрикантами, солдат – с офицерами и т.д.). Кроме того, «бывшие» были самыми многочисленными «оппонентами», но доступными для расправы. В борьбе с ними были все средства хороши. Так, председатель Томского губисполкома А.И. Беленец публично заявлял, что «революция – борьба классов. Кто побеждает – тот прав, тот устанавливает свои законы. Нет общей справедливости, есть справедливость класса». А председатель испол-

---

начальника УКГБ по Тульской обл. Полковник. Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды (трижды), 11 медалями, знаком «заслуженный работник НКВД».

<sup>1</sup> Савин А.И. Репрессии в отношении евангельских верующих ..... С. 598.

<sup>2</sup> См.: Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим» // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 28.

кома Красноярского совета Я.Ф. Дубровинский на обвинения в политических репрессиях заявил: «Пока история рассудит нас, рассудим вас мы!». Его соратник М.И. Фрумкин при этом добавил: «Поскольку идет политическая борьба, справедливы все средства. На войне, как на войне»<sup>1</sup>.

Всего три мнения, но ведь это мнения представителей власти, которая должна стоять на защите законности. В этом и проявлялась суть государственной политики по отношению ко всякого рода «бывшим».

Имеющиеся материалы однозначно свидетельствуют о том, что в 1920–1930-е гг. в стране физически и морально уничтожена большая часть тех, кого можно было отнести к «бывшим», тех, кто мог действительно бороться за восстановление прежнего строя. В первую очередь к таковым были отнесены бывшие военнослужащие из числа офицеров царской и белых армий как наиболее организованная, подготовленная и сплоченная группа населения, потерявшая в связи с изменением строя практически все и оставшаяся не у дел. Власть не могла мириться с наличием в стране десятков тысяч «штыков», могущих одновременно решить судьбу молодого Советского государства путем переворота.

Другой группой, представлявшей опасность для большевиков, были старые специалисты, хотя бы по причине их принадлежности к «буржуазной интеллигенции». Необходимо учитывать и фактор их воспитания в другой системе ценностных ориентаций – они не могли принять изменение социальной системы строя, так как это очень сильно затронуло их, лишив возможности быть востребованными, лишив материальных благ, которыми они могли располагать в обмен на труд. Не могли они и соглашаться с некомпетентным руководством представителей новой власти, когда принимаемые решения и проводимые мероприятия шли вразрез с общепринятыми законами, нормами и правилами, что не способствовало их сближению с властью. Настораживала большевиков и аполитичность абсолютного большинства старых специалистов. Будучи «кастой», утратившей блага и привилегии и не принявшей изменения, навязываемые большевиками, «спецы» продолжали оставаться носителями прежней идеологии, что, по мнению партийно-советского руководства страны, могло быть использовано прямыми врагами режима для привлечения их в свои ряды.

Еще одной группой потенциальных противников нового режима были объявлены представители официальных религий и иных религиозных верований. Власть предприняла все возможные меры по уничтожению «оппонента», влияние которого на жизнь общества было очень сильным, устоявшимся за многие века. Очень часто человек прислушивался не к указаниям власти и её представителей, а к советам духовных лиц. «Идеологическое» влияние церкви необходимо было устранить, чтобы «дать дорогу» коммунистической идеологии. В стране была разработана и реализована на практике серьезнейшая антирелигиозная программа, позволившая уничтожить внешние атрибуты религии, но все-таки не победить веру людей во Всевышнего.

---

<sup>1</sup> Цит. по: Ларьков Н.С. Начало Гражданской войны в Сибири... С. 37.

Определив эти три крупнейшие социальные группы населения в качестве основных противников из среды «социально чуждых», государство мобилизовало на борьбу с ними весь партийный и советский аппарат, все общественные организации и силовые структуры. Последние были обязаны отслеживать все стороны жизни представителей этих групп, контролировать их действия, владеть информацией о планах и замыслах. Был задействован весь аппарат оперативных источников, создана четко работавшая система информационных учетов, позволявшая в любой момент найти любого из «бывших». В профилактических целях органы ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД могли проводить превентивные меры по изоляции и физическому устранению отдельных представителей этих социальных групп, для чего были отработаны механизмы показательных политических процессов. В повседневной практике силовых структур активно использовались методы провокации и фальсификации следственных материалов.

Жесткая и даже жестокая репрессивная политика государства дала свои результаты. В результате «социальной зачистки», так можно охарактеризовать репрессии против представителей социально чуждых групп населения, организованной и проведённой в стране большевистским руководством, к началу Великой Отечественной войны практически отсутствовали какие-либо «очаги сопротивления» со стороны «бывших». Уцелевшие в условиях жесточайшего террора, как физического, так и морального, «бывшие» вынуждены были прятаться, любыми способами скрывая свое прошлое и свои прежние заслуги перед Россией. Десятки тысяч представителей военной элиты, интеллигенции, специалистов-профессионалов высочайшего уровня были уничтожены физически, изгнаны из страны, вырваны из созидательного процесса. Целенаправленная «бездушность» политики большевиков привела к разрушению устоявшихся хозяйственных и экономических связей в стране. Несмотря на то, что «бывшие» были «разбиты и подавлены», государство и через десятилетия продолжало держать их в поле зрения, контролируя через репрессивные органы как возможных противников, вновь и вновь жестоко наказывая за их «прошлое».

Кто прощает преступление,  
становится его сообщником.  
*Вольтер*

### **Глава 3. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОППОНЕНТЫ БОЛЬШЕВИКОВ**

---

Особую озабоченность для коммунистического руководства страны представляли политические оппоненты из числа существовавших в стране политических партий. Многие из этих партий уже с первых дней советской власти прекратили свое существование, в рядах других не было единства. Но большевики, пытаясь обезопасить себя, создали мощный аппарат подавления, деятельность которого и позволила «решить» эту проблему. Представители запрещенных демократических партий были отнесены в СССР к категории «политически опасных» и на протяжении многих лет подвергались преследованиям. Оперативная разработка бывших членов ПСР, РСДРП(м) и других партий являлась одной из основных задач секретно-политического отдела ГПУ–ОГПУ–НКВД.

Советская власть в 1920-е гг. всех своих противников четко делила на «бывших» и «политиков», относя к последним только представителей оппозирующих партий; «социально близкие» из числа повстанцев, забастовщиков и т.п. к такому не относились. И именно «политики» в первые годы советской власти будучи «подавляемыми и угнетаемыми» даже в местах лишения свободы продолжали оставаться сплоченными и организованными, постоянно беспокоили режим многочисленными требованиями и претензиями. Многие из «политиков» отбывали сроки наказания без каких-либо приговоров, только за политическую принадлежность к партиям и движениям. Их сплоченность и организованность были «головной болью» большевиков.

Партии эсеров, меньшевиков, трудовиков и другие часто активно поддерживали «белые» режимы, участвуя в различного рода антисоветских правительствах. И по этой причине они были причислены большевиками к врагам и преследовались административными органами, что в конечном результате привело к организационному прекращению их деятельности. Следует заметить, что многие представители партий меньшевиков и эсеров погибли в период колчаковщины.

Уместно напомнить, что в декабре 1920 г. вышел приказ ВЧК № 150 «Об усилении борьбы с контрреволюционным подпольем», констатировавший, что «контрреволюционные круги Антанты, изверившись в возможности свержения советской власти в ближайшее время при помощи российских монархистов и кадетов, приняли решение использовать для этой цели партию социалистов-революционеров. Эсеры приступают к активной работе в контрреволюционном

подполье Советской России, начиная с замаскированной агитации и кончая актами индивидуального террора, в организации которого эсерам, возможно, будут помогать и анархисты в связи с расформированием махновских отрядов и запрещением легального существования анархических групп, не считая универсалистов...»<sup>1</sup>.

Названный приказ обязал все чекистские органы выявлять и иметь на постоянном учете всех лиц, состоящих в партии эсеров – правых, левых и центра, меньшевиков, народных социалистов, объединенной еврейской социалистической партии («Бунд»), «Поалей-Цион» – и в других мелкобуржуазных партиях, всех настоящих и бывших членов евангелически-христианских и толстовских обществ, а также анархистов всех направлений. Предполагалась организация неослабного наблюдения за ними и их связями, а также внедрение в названные партии и организации достаточного количества опытных и вполне компетентных осведомителей в целях контроля деятельности названных организаций, освещения положения в их среде, выявления планов, намерений, организационных структур, связей с другими партиями и т.п. Все это должно было способствовать оказанию практической помощи партийным и чекистским органам на местах в борьбе с политическими оппонентами, а чекистам – отойти от практики массовых облав на «врагов», действовать организованно и планомерно – «бить точно по целям».

### 3.1. Эсеры

Для большевиков на освобожденных от колчаковцев территориях, как, впрочем, и в других районах страны, особую опасность представляли попытки идейно-политических оппонентов, в частности эсеров и меньшевиков, привлечь на свою сторону крестьянское население для открытой борьбы с большевиками. Влияние эсеров в отдельных районах Сибири было значительным по причине их участия в партизанско-повстанческом движении в условиях колчаковщины, например в Степном и Горном Алтае. В тот период они были активными участниками консолидированного движения против режима Колчака большинства политических сил и движений Сибири, а также местного, в том числе и неполи-тизированного, населения.

Борьба с колчаковским режимом для эсеров была лишь очередным этапом в деятельности партии. Их не устраивали ни самодержавие, ни «белые» режимы, ни власть большевиков. По этой причине они боролись с этими режимами чаще всего нелегальными методами и преследовались этими режимами.

В силу значительного влияния ПСР на жизнь в Сибири в её ряды еще в дореволюционный период активно вступала революционно настроенная часть интеллигенции и студенчества. После Октября 1917 г. от организации отошла часть левых эсеров, примкнув к большевикам, а правые, образовав Сибирский краевой комитет, выступили против Советов и создали Сибирскую областную думу. В годы колчаковщины эта группа вела борьбу как с колчаковцами, так и с боль-

---

<sup>1</sup> Приказ ВЧК № 150 (декабрь 1920 г.) (из личного архива автора).



шевиками, но после освобождения Сибири от Колчака основным объектом нападков стали только большевики. Все это привело к тому, что к середине 1920 г. наиболее активные члены Сибирского краевого комитета (Дистлер, Коногоров, Вольфович<sup>1</sup> и некоторые другие) были арестованы и осуждены. Оставшиеся в партийном отношении были малоавторитетными и не играли значительной роли в политической борьбе.

В Западной Сибири только в Томске левые эсеры, выйдя из подполья в декабре 1919 г., сумели оформиться организационно. Они прочно стояли на советской платформе и уже в конце января 1920 г. обратились в томскую организацию РКП(б) с просьбой узаконить их легальное существование. Сначала решение вопроса затянулось, а в мае 1920 г. решением Сибирского областного бюро ЦК РКП(б) их просьба была отклонена. Однако к этому времени организация прекратила существование, так как 7 февраля 1920 г. группа из 14 наиболее активных членов партии левых эсеров опубликовала в газете «Знамя революции» заявление, в котором объявляла о разрыве с партией и вступлении в РКП(б). Коммунисты пошли навстречу бывшим левым эсерам, приняв большинство из них в свои ряды. В Новониколаевске, Омске и других городах Сибири левоэсеровские организации так и не оформились организационно, самораспустились, отдельные их члены вступили в ряды РКП(б)<sup>2</sup>.

Летом и осенью 1920 г. в Сибири были проведены выборы в Советы. Для их проведения потребовалась многомесячная подготовка, в ходе которой большевики смогли отстранить от выборов все или почти все другие политические партии. К этому времени прекратился выход печатных изданий всех оппозиционных партий в связи с их запрещением.

Большевизация Сибири оказалась делом далеко не простым. Несколько легче это происходило в районах, где были расположены части Красной армии, которые в силу слабости сибирского пролетариата и разнородности крестьянства явились носителями и распространителями коммунистических идей. Но чем дальше от Транссибирской магистрали, тем сложнее было большевикам завоевывать и укреплять свои позиции. Коренное население не спешило «бросаться в объятия» новой власти, предпочитая традиционные осторожность и осмотрительность. Лишь крестьяне-переселенцы в отдельных уездах Алтайской и Енисейской губерний практически сразу выступили в поддержку большевиков, возможно, надеясь на укрепление своих позиций в борьбе за землю и её передел.

В этих условиях «политические оппоненты» развернули подпольную деятельность, стараясь найти союзников среди крестьян, недовольных политикой «военного коммунизма». Так, в апреле 1920 г. в Томске в ходе случайного обыска была задержана группа эсеров, у одного из которых обнаружена записка – тезисы проведенной накануне конференции членов ПСР: «1. Военно-партийная диктатура нынешней советской власти по-прежнему является неприемлемой и...

<sup>1</sup> Дистлер Константин Абрамович, 1899 г.р., и Коногоров (Кураев) Павел Филиппович, 1884 г.р., расстреляны в июне 1920 г. Вольфович Файтель Абрамович, 1872 г.р., в июне 1920 г. осужден к содержанию под стражей до особого распоряжения. Все реабилитированы. См. : Боль людская... 2-е изд. Т. 1,2.

<sup>2</sup> Бондаренко А.А. Разгром колчаковщины и самоликвидация левоэсеровских организаций в Сибири // Партийные организации Сибири и Дальнего Востока: история и современность: сб. статей. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. С. 71–72.

не может быть долговременной и прочной, так как не способствует интересам и правосознанию масс.

2. От саботажа и вооруженной борьбы с советской властью в Сибири приходится отказаться, не предвещая дальнейшего поведения.

3. Необходимо работать в советских органах, стараясь корректировать вредные для населения мероприятия, всячески сохраняя связь с населением.

4. Группа должна оставаться **немногочисленной и конспиративной** (выделено мною. – В.У.) до получения определенных указаний из центра»<sup>1</sup>.

И эти указания последовали. Уже летом 1920 г. в Омске начал свою деятельность созданный в соответствии с решениями ЦК партии эсеров Сибирский крестьянский союз (СКС), ставивший основной задачей повсеместную подготовку к вооруженному восстанию. Выполняя указания ЦК партии, эсеровские организации приступили к созданию во всех сибирских губерниях организаций подпольного СКС. Организаторами Союза были достаточно известные деятели ПСР – Юдин, Тягунов, Тяпкин, а также народные социалисты Игнатъев, Савченко и Меринов. Организация имела четкую вертикально выстроенную структуру, свою деятельность строила на конспиративной основе и главной целью ставила свержение советской власти. Наиболее активно работа по созданию низовых ячеек СКС велась в Алтайской губернии, где вдохновителем этой работы являлся инструктор «Сибкредитсоюза» В.И. Игнатъев, бывший губкомиссар, в ведении которого находились военные и гражданская милиция, при так называемом Северном правительстве, сформированном в 1918 г. в Архангельске и состоявшем в основном из меньшевиков и эсеров. К маю 1920 г. на Алтае насчитывалось до 400 низовых подпольных ячеек СКС<sup>2</sup>.

Активная работа велась в частях Красной армии, в частности, в Новониколаевске законспирированные ячейки были выявлены в 46-м полку и прикомандированном к нему лыжном батальоне. Сибирским крестьянским союзом были установлены тесные связи с белогвардейскими организациями на территории Сибири – с омской организацией во главе со штабс-капитаном Густомесовым, с красноярским белогвардейским подпольем, объединение с которым местного филиала Союза привело к образованию Комитета красноярской организации объединенных. В военный отдел созданного комитета вошли 89 бывших офицеров. Аналогичная организация возникла и в Новониколаевске. Названные организации создавали тайные склады с оружием, формировали боевые отряды и подпольные группы<sup>3</sup>.

За полтора месяца до намеченного всеобщего выступления в СКС произошли провалы в ряде низовых ячеек. В середине декабря 1920 г. Барнаульским отделением РТЧК был арестован В. Игнатъев, раскрыты некоторые ячейки Союза в Ишимском и Славгородском уездах. В ходе следствия удалось вскрыть организационную структуру и руководящие звенья Сибирского крестьянского союза,

<sup>1</sup> Из истории земли томской. 1917–1921 гг. ... С. 78–79.

<sup>2</sup> *Абраменко И.А.* Коммунистические формирования – части особого назначения... С. 47–48; *Призвание – Родине служить!..* С. 24–25.

<sup>3</sup> *Призвание – Родине служить!..* С. 26.

выявить его руководителей и активных участников. Накануне намеченного на 8 февраля 1921 г. выступления чекистами были проведены аресты участников СКС в Омске, Новониколаевске, Томске, Барнауле и других городах и населенных пунктах Сибири. Так, на Алтае было арестовано более 700 чел., которые с учетом социально-классового состава были разделены на подгруппы: первая подгруппа – офицеры, вторая – интеллигенция, третья – кулаки грамотные, сознательные, четвертая – кулаки неграмотные, пятая – рабочие и крестьяне (середняки и бедняки) грамотные и шестая – рабочие и крестьяне (середняки и бедняки) неграмотные. По приговору отнесенные к 4–6-й группам были освобождены (180 чел.) либо осуждены к 1 году лишения свободы условно (310 чел.). Семьдесят организаторов и наиболее активных участников осуждены к ВМН – расстрелу, двенадцать – к 5, девятнадцать – к 3, шестьдесят три – к 2 годам лишения свободы, еще шестьдесят семь – к 1 году лишения свободы<sup>1</sup>.

Аресты практически обезглавили организацию, но полностью не могли предотвратить «кулацкие» мятежи и восстания, проходившие под лозунгами «Советы без коммунистов» и «Власть советам, а не партиям».

В конце 1920 – первой половине 1921 г., по неполным данным Ю. Щетинова, в губернских городах России действовало 17 организаций РСДРП, 23 – ПСР, 8 – ПЛСР и 21 группа анархистов; в уездных городах и иных населенных пунктах – соответственно 11, 19, 16 и 22 организации и группы<sup>2</sup>.

Начало 1921 г. ознаменовалось очередным ударом по организациям эсеров и меньшевиков, чему способствовало очередное решение Политбюро РКП(б). В соответствии с этим решением руководство ВЧК издало приказ № 52 «Об усилении борьбы с контрреволюцией» от 28 февраля 1921 г. с грифом «Совершенно секретно», гласивший, что эсеры и меньшевики, используя недовольство рабочих тяжелыми условиями жизни, пытаются организовать массовое забастовочное движение в масштабах страны. По этой причине всем губернским ЧК предлагалось обеспечить разгром организации эсеров и меньшевиков, для чего изъять всех анархистов, эсеров и меньшевиков из интеллигенции, в частности из служащих в земельных отделах, продовольственных органах и распределительных учреждениях, а также изъять эсеров и меньшевиков, работавших на заводах и активно призывавших к забастовкам, выступлениям и демонстрациям. Рекомендовалось аресты рабочих проводить с осторожностью и только при наличии конкретных данных об их контрреволюционной деятельности, согласовывая эти аресты с партийными комитетами. Приказ также

<sup>1</sup> Жертвы политических репрессий в Алтайском крае... Т. 1. С. 21. Новосибирский исследователь А. Тепляков полагает, что практически все «заговоры» в Сибири были спровоцированы сотрудниками ЧК и не имели под собой основы. О деле СКС он пишет: «Коллегия губчека, рассматривая дела большинства «заговорщиков», из-за крайней слабости улик была вынуждена штамповать по преимуществу легкие приговоры. **Около 500 арестованных, среди которых был заметный процент сексотов,** оказались к июню 1921 г. на свободе». См.: Тепляков А.Г. «Непроницаемые недра»... С. 142. Подобное заявление голословно. Если уж автор дает анализ многотомного дела СКС, то следовало проработать этот вопрос глубже и конкретизировать заявленные им данные. Более того, тема СКС рассматривалась многими сибирскими историками, но к единому обоснованному выводу о возможной фальсификации материалов дела они не пришли. Мною также разделяется позиция тех, кто считает, что хотя чекисты и преувеличили масштаб дела, организация действительно существовала и вела противосоветскую деятельность.

<sup>2</sup> Щетинов Ю.А. Крушение мелкобуржуазной контрреволюции... С. 40.

предусматривал ряд совместных мероприятий с партийными и советскими органами, направленных на предупреждение возможных массовых форм протеста.

Кронштадтский мятеж в марте 1921 г. позволил ВЧК реализовать приказ на практике, организовав массовые изъятия и ликвидации эсеровских и меньшевистских организаций в стране. 23 июня 1921 г. ВЦИК издал декрет, в соответствии с которым органы ВЧК получили право лишать социалистов свободы сроком до 2 лет без направления дела в суд только по признаку принадлежности к какой-либо социалистической партии. Число одних только меньшевиков, посланных по этому декрету, составило более 550 чел.<sup>1</sup>

Многочисленные антибольшевистские и антикоммунистические выступления в стране в начале 1921 г. показали «победителям», что значительная часть населения страны не поддерживает их и не готова жить обещаниями, перспективы исполнения которых очень проблематичны и сомнительны. Гражданская война к тому же показала, что новая власть может быть не только жесткой, но и жестокой, а проводимые ею мероприятия непопулярны. Обыватель ко всему этому оказался не готов.

Большевистское руководство понимало, что в этих условиях отдельные партии могут претендовать на определенный реванш. Наиболее серьезной силой большевики считали эсеров. В начале 1921 г. руководители ВЧК направили на места циркуляр, в котором отмечалось, что «среди всех контрреволюционных партий, вступивших в борьбу с диктатурой рабочего класса, партия социалистов-революционеров является самой опасной как потому, что она имеет среди них наибольшую надежду вернуться к власти, так и в особенности потому, что она стремится опереться на самый многочисленный класс русского населения, крестьянство...»<sup>2</sup>.

Начальник дорожно-транспортной ЧК Томской железной дороги в мае 1921 г. сообщал в губком РКП(б) о наличии в Сибири двух течений среди членов ПСР, одна часть из которых готовилась к активной борьбе с Советской властью, для чего планировала создание позиций на транспорте и в продорганах, в сфере культурной жизни. Тактика этого течения, по его информации, выражалась в необходимости «проникать в советы хотя бы под флагом сочувствующих партии РКП и... вести политику невозможности организации массового общесибирского крестьянского бунта весной 1921 г., ставила задачей разложение политики РКП к осени и соответственно достигнутым результатам планирование своей деятельности в последующем»<sup>3</sup>.

В августе 1921 г. X Совет партии эсеров, отмежевавшись от меньшевиков, надеявшихся на реформирование власти большевиков и сотрудничество с этой властью, в резолюции по текущему моменту, разбирая новую экономическую политику советской власти, отмечал, что большевики с целью удержания власти прибегли к союзу с хищнической буржуазией против интересов трудящихся

<sup>1</sup> Виктор Б.А. Без грифа «Секретно»... М., 1990. С. 43.

<sup>2</sup> См.: Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1923–1926): этика и тактика противоборства. М., 2005. С. 151.

<sup>3</sup> См.: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 18.

масс: «В порядке дня ставится вопрос о революционном свержении диктатуры коммунистической партии. Настоящая политика партии с-р должна сводиться к накапливанию сил и организации масс в многочисленные отряды. Восстания терпят неудачу вследствие неорганизованности и политической незрелости масс – на эту сторону с-р должны обратить внимание, используя для этого все возможности легальной работы»<sup>1</sup>. Такой посыл иначе как призывом к подготовке вооруженного выступления против советской власти рассматривать нельзя.

Руководящим органом ПСР стало Центральное бюро, а на местах – региональные бюро. В Сибири таким органом было Сиббюро крайкома ПСР. Преобладающей формой деятельности партии стала нелегальная. После перехода к нэпу эсеры в Сибири жили активной политической жизнью – имели выстроенную вертикаль управления, регулярно проводили рабочие встречи, совещания, советы и иные заседания, поддерживая прочные связи с эсеровскими организациями в других регионах страны.

В конце 1921 г. Сибирское бюро краевого комитета ПСР обратилось ко всем своим партийным организациям с директивным письмом, в котором ставились задачи деятельности на перспективу. Сиббюро подтвердило установки X Совета партии, назвав среди первоочередных задач проведение большой предварительной идейной и организационной работы по охвату масс; на следующем этапе – собирание вооруженных сил во всероссийском масштабе; запрещение собирания сил в данный момент; в случае невозможности предотвращения выступлений крестьян не допускать захвата руководства этими выступлениями чуждым элементом, т.е. брать руководство в свои руки<sup>2</sup>. Этот далеко не полный перечень поставленных перед организациями партии на местах задач однозначно говорит о намерении активной борьбы за власть с большевиками. Однако удар по партии был нанесен серьезный, и в условиях продолжавшегося давления и преследования со стороны органов ВЧК решение этих задач было крайне затруднительным, практически нереальным.

Уполномоченный по политическим партиям Иркутской губчека в докладе «О состоянии политических партий в губернии» в сентябре 1921 г. писал, что «наиболее многочисленной и опасной по местным условиям партией является партия эс-эров. По данным ведущегося в Губчека учета по Иркутской губ., эс-эров насчитывается свыше 500 человек, причем эта цифра далеко не полная, т.к. учет проведен только в некоторых пунктах губернии и главным образом в самом Иркутске, на каковой и падает главная количественная тяжесть скоплений эс-эров... Правая часть эс-эров... безусловно точно и неуклонно придерживается указаний своего ЦК, с которым имеет довольно прочную связь. Постановления последнего о вооруженной борьбе против Советвласти у местных эс-эров находят весьма горячий отклик, и только ряд многочисленных объективных условий не

<sup>1</sup> Информационное письмо № 2 Сиббюро ЦК РКП(б) – март 1922 г. См.: ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 155. Л. 4 об.; *Боженко Л.И.* Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне... С. 93–94.

<sup>2</sup> Информационно-политическое письмо № 3 Сиббюро ЦК РКП(б) от 5 января 1922 г. См.: ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 157. Л. 30; *Добровольский А.В.* Эсеры Сибири начала 20-х годов (1921–1923 гг.). Новосибирск, 1993. С. 9–10; *Он же.* Эсеры и меньшевики Сибири в условиях перехода к нэпу. Новосибирск, 1995. С. 30.

дает им возможности достигнуть более или менее значительного успеха в своих стремлениях»<sup>1</sup>.

Во второй половине 1921 г. органами ВЧК практически повсеместно начали проводиться аресты эсеров. Это стало возможным, как указал Д. Волкогонов со ссылкой на российские архивы, в связи с реализацией указания В. Ленина. И. Уншлихт в июле 1921 г. докладывал на Политбюро РКП: «...в первую очередь ВЧК предлагает продолжать свою систематическую работу по разрушению организационного аппарата партий эсеров и меньшевиков, вылавливать как отдельных подпольных работников, так и руководителей организаций. Необходимо провести массовые операции по указанным партиям в государственном масштабе...»<sup>2</sup>.

В Сибири аресты начались уже в конце лета. Так, в августе–сентябре 1921 г. были проведены аресты активной части эсеров и главных руководителей (до 15 чел.) в Иркутске, что привело к заметному снижению активности партийных организаций<sup>3</sup>. В сентябре–октябре – арест группы эсеров в Томске, в ночь на 7 ноября – аресты активных эсеров в Кольчугино, Барнауле, Новониколаевске и Тайге. В декабре по поручению Енисейского губкома РКП(б) аресту были подвергнуты 27 чел.<sup>4</sup> В Новониколаевске на конец года содержались под стражей не менее восьми видных деятелей партии эсеров, в том числе члены ЦК П.Я. Герштейн и Ф.Ф. Федорович<sup>5</sup>.

Весной 1922 г. аресты членов ПСР были продолжены во всероссийском масштабе. В Сибири разгрому подверглась омская организация, где число арестованных превысило 60 чел. Омское губбюро и горком ПСР прекратили свою деятельность. Обыски и аресты активных членов партии в апреле 1922 г. были проведены во всех городах Сибири<sup>6</sup>.

В информационном письме Сиббюро ЦК РКП(б) в марте 1922 г. отмечалось, что все активные эсеры Сибири изъяты и содержатся в тюрьмах<sup>7</sup>.

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 142. Л. 61–61 об.

<sup>2</sup> Волкогонов Д.А. Семь вождей : в 2 кн. М., 1996. Кн. 1. С. 129–130.

<sup>3</sup> ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 142. Л. 61 об.

<sup>4</sup> Согласно приказу ВЧК № 216 губернские органы ЧК должны были информировать о подобных арестах партийные органы на местах. В ЦДНИ ТО хранятся меморандумы Томской губЧК, в частности № 7, 9, 10 от 31 октября 1921 г., в которых содержится информация об аресте 13 эсеров, 8 меньшевиков и 21 кадета, в том числе видных меньшевиков: Б.В. Тихомирова – бывшего члена городской управы и президиума губкома (См. : Боль людская... 2-е изд. Т. 3. С. 255), А.П. Новицкого – бывшего кандидата в депутаты Государственной думы (См. : Там же. Т. 2. С. 458), В.Е. Воложанина – бывшего редактора газеты «Утро Сибири» (См. : Там же. Т. 1. С. 268), и др. По всем этим группам велась следственная разработка, внутреннее наблюдение для установления всех связей. См.: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 321–322 об.; Добровольский А.В. Социалисты-революционеры Сибири: от распада к самоликвидации. Новосибирск, 1997. С. 22–23. Автор указал, что в сентябре в Томске была арестована группа, в которую входили студенты медицинского института и ответственные сотрудники Губсоюзкооперации. Что касается первого ареста, то он частично подтверждается материалами архива УФСБ РФ по Томской области – арестом Р.А. Блох (См.: Там же. Т. 1. С. 150). Арест Тихомирова и других, названных Добровольским, произошел не в 1921, а в 1922 г. Скорее всего, в 1921 г. проводилось задержание превентивного характера, а не арест.

<sup>5</sup> Папков С.А. «Ликвидация» организации эсеров в Новониколаевске в 1933 г. // Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 1. С. 351.

<sup>6</sup> Было арестовано 34 чел., следствие по ним было закончено, вина доказана и материалы находились на санкции ГПУ в Москве. См.: Добровольский А.В. Эсеры Сибири начала 20-х годов... С. 23.

<sup>7</sup> Информационное письмо № 2 Сиббюро ЦК РКП(б) – март 1922 г. // ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 155. Л. 5; Жертвы политических репрессий в Алтайском крае... Т. 1. С. 21.

В конце 1921 г. в Сиббюро ЦК РКП(б) и Представительство ВЧК по Сибири обратились с заявлением руководителя Крестьянского союза в Сибири: Юдин, Игнатев, Меринов, Дьяконов и др., находившиеся уже длительное время под арестом: «После новых декретов власти – отмена разверстки, признание права крестьянина на свой труд, допущение свободного товарообмена, опора на местах не на бесхозные элементы деревни, а на крестьянина-средняка, восстановление сельскохозяйственной кооперации, изменение промышленной политики – мы считали и считаем, что и в наших основных положениях в отношении к экономической политике, в частности крестьянства, у нас с советской властью существенных разноречий нет и что трудовое крестьянство в результате этих новых мероприятий власти получает возможность осуществлять свои классовые интересы. Отсюда мы делаем один возможный вывод – для отстаивания его классовых интересов создаются легальные формы и, следовательно, должны исчезнуть у крестьянства стимулы к вооруженной борьбе с властью во имя этих интересов, должно прекратиться перманентное взаимоотношение крестьянства и власти как двух борющихся сторон, должно прекратиться состояние перманентной гражданской войны, т.к. в дальнейшем взятый властью новый курс, последовательно ею проводимый по отношению к крестьянству, ведет к дальнейшему укреплению его участия и увеличения его значения в жизни страны»<sup>1</sup>.

Высказанная авторами письма просьба об освобождении из-под стражи не нашла понимания у сибирского руководства. Констатируя несомненное разложение, внесенное в среду лидеров Крестьянского союза, Сиббюро ЦК РКП(б) 21 ноября 1921 г. на закрытом заседании «...признало преждевременным освобождение их из тюрьмы – в условиях новой экономической политики от них мы можем ожидать всего, чего угодно, но только не помощи и не пользы»<sup>2</sup>.

Ранее, в соответствии с указаниями партийных и чекистских органов, все члены официально запрещенных партий и движений были взяты на учет в органах ВЧК. Так, например, в Томске на 1 сентября 1921 г. были учтены 175 эсеров, 31 меньшевик, 58 кадетов и 5 анархистов<sup>3</sup>, хотя ещё по данным на июль эсеров было 230, меньшевиков – 40, кадетов – 65 и анархистов – 6. В Иркутской губернии на учёте состояли свыше 500 эсеров и 300 меньшевиков, на Алтае – 127 эсеров, в том числе 58 правых и 69 левых<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Информационное письмо № 2 Сиббюро ЦК РКП(б)... Л. 5. И. Павлуновский в статье о СКС в журнале «Сибирские огни» привел пример с письмом руководителей Новониколаевской организации СКС, которые, будучи арестованными сотрудниками ЧК, писали: «Только лишь в единении с Российской Коммунистической Партией мы, эсеры Степанов и Гусельников, видим выход Советской России из того положения, в котором она находится. Мы отмежеваемся от нашей авантюры. Заявляем, что только лишь в единении с коммунистической партией мы считаем возможным добиться равенства и братства народов. Мы признаем вину нашей организации, подготовлявшей восстание в Новониколаевске, и заявляем, что впредь таких недоразумений не повторится». См.: Сибирские огни. 1922. № 2. С. 131.

<sup>2</sup> Информационное письмо № 2 Сиббюро ЦК РКП(б)... Л. 5.

<sup>3</sup> Томская область: Исторический очерк... С. 291. По данным запроса ТомгубЧК в губком РКП(б) от 14 октября 1921 г., в Томской губернии на учете состояло 280 эсеров, 40 меньшевиков, 65 кадетов и 6 анархистов. Одновременно с этим был организован учет бывших членов ПСР, «как правых, так и левых, состоявших членами РКП, с указанием места их службы или адреса». См.: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 65; Д. 59. Л. 128.

<sup>4</sup> Добровольский А.В. Эсеры и меньшевики Сибири в условиях перехода к нэпу... С. 28.

В подтверждение этих слов приведу слова А. Солженицына, который писал: «Ни один гражданин российского государства, когда-либо вступивший в иную партию, не в большевики, уже судьбы своей не избежал, он был обречен... Он мог быть арестован в первую очередь, он мог дожить (по степени своей опасности) до 1922, до 32-го или даже до 37-го года, но списки хранились, очередь шла, очередь доходила, его арестовывали или только любезно приглашали и задавали единственный вопрос: состоял ли он... от... до...? (Бывали вопросы и о его враждебной деятельности, но первый вопрос решал все...) Дальше разная могла быть судьба...

...Очередность уничтожения была, однако, справедлива: в 20-е годы им предлагалось подписать письменные отречения от своих партий и партийной идеологии. Некоторые отказывались – и так естественно попадали в первую очередь уничтожения, другие давали такие отречения – и тем прибавляли себе несколько лет жизни. Но неумолимо натекала и их очередь, и неумолимо сваливалась с плеч и их голова»<sup>1</sup>.

Учеты эти постоянно корректировались и обновлялись, так как ни один из потенциальных противников не должен был выпасть из поля зрения органов защиты завоеваний революции.

В 1921 г. была проведена чистка РКП(б), одна из её задач – очищение партии от бывших идейно-политических противников. В Сибири партийные организации «очистились» от 230 выходцев из других партий, в том числе от 72 меньшевиков, 64 левых и 50 правых эсеров, 12 анархистов и т.д. В их числе – редактор меньшевистской газеты при Колчаке Жабров, участник левоэсеровского мятежа в 1918 г. в Москве, эсер с 18-летним стажем Паскевич и др.<sup>2</sup> В стране число «вычищенных» по этому признаку превысило 6 тыс. чел.

Сложившуюся в стране к весне 1922 г. ситуацию К. Морозов охарактеризовал следующим образом: «Рост эсеровской партии... несмотря на волны непрекращающихся в течение нескольких лет арестов, пугал власти, являясь весьма тревожным для неё признаком. Они (власти. – В.У.) пытались переломить ситуацию беспрецедентными полицейскими мерами (включавшими в себя не только слежку, волны арестов и т.п., но и усиление агентурно-осведомительной деятельности в эсеровской среде). О росте партии и о реакции на это властей сообщалось в перехваченном чекистами письме члена ЦК ПСР «Люсьмарина» (Г.К. Петровского) в Заграничную делегацию: “Сейчас наша работа протекает в условиях самой ужасной обстановки, которую вы не можете себе представить, живя вне пределов Совдепии. В связи с процессом наших товарищей и ростом нашей партии, ростом, которого не могут не замечать чекисты, последние бросили всех своих ищек, всех больших и малых шпики и провокаторов на изловление ЦБ, наперекор всем стихиям существующего где-то неподалеку. За всеми товарищами – бывшими, настоящими, не ошибусь, если скажу, пожалуй, и будущими, идет отчаянная слежка, отвратительная по своей неуклюжести и

<sup>1</sup> Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1. М., 1991. С. 39-41.

<sup>2</sup> Демидов В.В. Укрепление сибирской партийной организации в ходе чистки РКП(б) в 1921 г. // Партийные организации Сибири и Дальнего Востока... С. 96.



нахальству. Никто из нас легальных, и полулегальных, и нелегальных, вставая утром, идя по улице, находясь на службе, или ночью, ложась спать, не уверен, что он не очутится в Чека, хотя с последней снята красная помпезная вывеска...»<sup>1</sup>.

Подтверждением слов об усилении чекистами оперативной работы среди членов ПСР может служить и уже упоминавшееся директивное письмо Сиббюро крайкома ПСР, в котором признавалась нецелесообразность создания [на конец 1921 г.] организаций Крестьянского союза по причине «проникновения туда чекистов»<sup>2</sup>.

Приведенные оценки сложившейся ситуации свидетельствовали о том, что коммунистическое руководство действительно начало активные действия по подавлению идейных противников. У большевиков появилась возможность уничтожить последние очаги сопротивления своих политических оппонентов, чему способствовала достаточно продуманная тактика борьбы со стороны РКП(б). К этому времени с явными сторонниками царизма и буржуазии было покончено и нельзя было допустить смычки народа, недовольного экономической и политической ситуацией в стране, с остатками политической оппозиции, которую, в первую очередь, представляли эсеры – более активные, популярные и непримиримые, чем остальные. Позиции большевиков становились все прочнее, и потребность в союзниках, в качестве каковых чаще всего выступали левые эсеры, отпала. Непопулярность полицейских мер подавления какого-либо сопротивления, вне зависимости от их объема и характера, потребовала от большевистского руководства поиска новых путей борьбы с идейными оппонентами, главной целью которых должна была стать дискредитация ПСР в глазах разных слоев и социальных групп населения. Такой формой дискредитации, по сути – расправы, был избран судебный процесс, решение о проведении которого было принято ЦК РКП(б) в декабре 1921 г. по инициативе Ф. Дзержинского. Официальное объявление о процессе было опубликовано в печати в феврале 1922 г. «Подлила масла в огонь» вышедшая в Берлине незадолго до процесса брошюра бывшего члена ПСР Г. Семёнова, в которой он изобличал своих бывших коллег в проведении подрывной деятельности против установленного большевиками в стране режима. На процесс в качестве обвиняемых были выведены 34 видных представителя ПСР, им инкриминировалась террористическая и иная подрывная антисоветская деятельность. Главной целью процесса являлось донесение до общественности, в том числе и мировой, «контрреволюционной» сути одной из наиболее популярных в недалеком прошлом партий в России.

Нужное большевикам общественное мнение начали формировать еще до начала процесса. Так, в конце февраля – начале марта 1922 г. во всех крупных центральных и региональных газетах было опубликовано сообщение ГПУ о контрреволюционной и террористической деятельности эсеров: «...в распоряжение ГПУ в последнее время поступил ряд важных и ценных материалов, подтверждающих имевшиеся давно сведения о террористической и боевой деятель-

<sup>1</sup> Демидов В.В. Указ. соч. С. 154.

<sup>2</sup> ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 157. Л. 30.

ности партии с[оциалистов]-р[еволюционеров] в годы Гражданской войны. За границей на днях опубликована брошюра Г. Семёнова (Васильева), бывшего начальника центрального летучего боевого отряда п[артии] с.-р. и руководителя террористической группы, организовавшей покушение на советских вождей, в частности на тт. Ленина, Троцкого, Зиновьева, Володарского, Урицкого, и ряд экспроприаций. В этой брошюре, вышедшей под названием «Военная и боевая работа п. с.-р. в 1917–1918 гг.», сделаны обширные разоблачения о деятельности роли п. с.-р. в Гражданской войне и её методах борьбы с соввластью. Показания одного из бывших крупных деятелей п. с.-р. Лидии Коноплёвой подтверждают данные брошюры Семёнова.

Ввиду того, что имеющиеся в распоряжении Государственного Политического Управления материалы с несомненностью устанавливают преступления п. с.-р. пред пролетарской революцией, центральный комитет этой партии и ряд её активных деятелей предаются суду Верховного Революционного Трибунала.

Гос. Полит. Управление призывает гражданина Семёнова (Васильева) и всех с.-р., причастных к деяниям этой партии, не понявших её преступные контрреволюционные методы борьбы, явиться на суд над партией социалистов-революционеров»<sup>1</sup>.

Появление этого сообщения можно, видимо, рассматривать как определенную точку отсчета начала массовой агитационно-пропагандистской кампании против партии эсеров. А. Добровольский привел значительное число примеров и фактов, доказывавших целенаправленность кампании по доведению её до максимального напряжения ко времени начала процесса. Отделом агитации и пропаганды ЦК РКП(б) в апреле–мае 1922 г. были выпущены: 10 тыс. экз. тезисов А.В. Луначарского «К процессу правых эсеров», 20 тыс. экз. брошюры И. Вардина «Эсеровские убийцы и социал-демократические адвокаты», 25 тыс. экз. брошюры Ю. Стеклова «Партия социалистов-революционеров», более 40 тыс. листовок о жертвах эсеровского террора – В. Володарском и М. Урицком.

Массовыми тиражами издавались листовки и обращения в Сибири. Так, в Омской губернии была распространена тиражом более 10 тыс. экз. листовка губкома РКП(б) «Почему судят эсеров?», в которой рассказывалось о прошлом партии, её руководителях и выдвинутых обвинениях. Такого же характера (по информационному наполнению) были листовки Томского и Енисейского губкомов РКП(б). Повсеместно распространялись воззвания Исполкома Коминтерна «О процессе так называемых социалистов-революционеров» и «К суду над эсерами».

Особое место отводилось периодической печати. Тон кампании задавали центральные газеты. Только в газете «Правда» за март–май 1922 г. было опубликовано 64 материала об эсерах (11, 4 и 49 в месяц соответственно), 9 из которых были посвящены деятельности эсеров в Сибири. Практически все из них раскрывали роль ПСР в организации антибольшевистских восстаний в Сибири. В газете «Известия» до начала московского процесса появилось 67 различных материалов

---

<sup>1</sup> Красный Алтай. 1922. 18 марта.

о ПСР. Только за последнюю декаду мая «Правда» и «Известия» посвятили эсерам 44 и 41 материал соответственно.

Для региональных изданий в Агитпропе ЦК РКП(б) материалы готовились специально. С марта по июнь 1922 г. «Советская Сибирь» опубликовала 12 таких статей, «Красный Алтай» – 9, «Красное знамя» – 10, «Власть труда» – 17, «Красноярский рабочий» – 9. Кроме этих публикаций, все газеты перепечатывали многие материалы из центральных газет<sup>1</sup>.

Кроме того, ЦК РКП(б) рекомендовал всем губернским комитетам организовать на местах широкомасштабную пропагандистскую кампанию по разоблачению эсеров как врагов советской власти и пособников международного капитала. Выполняя это решение, губкомитеты РКП(б) организовали массовые митинги и демонстрации антиэсеровской направленности. В коллективах предприятий и учреждений читались лекции, организовывались выставки, проводились открытые собрания партячеек и т.п. Например, в Красноярске в мае 1922 г. в соответствии с указаниями Енисейского губкома РКП(б) собрания с докладами о партии эсеров прошли во всех партийных ячейках. В июне на предприятиях и в учреждениях города прошли 36 собраний, о десяти из них отчеты были помещены на страницах «Красноярского рабочего». В Барнауле были проведены общегородское и гарнизонное собрания членов и кандидатов в члены РКП(б). Подобные мероприятия прошли и в других городах и крупных населенных пунктах Сибири<sup>2</sup>.

Число участников антиэсеровских митингов исчислялось десятками и сотнями тысяч: в Москве – до 300 тыс. чел., в Петрограде – 200 тыс., в Харькове – 120 тыс., в Донбассе – 55 тыс., в Новониколаевске – более 10 тыс. чел. Томская газета «Красное знамя» 2 июня 1922 г. объединила материалы под рубрикой «Предателям и убийцам не должно быть пощады» с рассказом о митингах в Мариинске, Боготоле, Анжерке, Кольчугино, в которых участвовали несколько тысяч человек. Практически повсеместно принимались резолюции о применении сурового наказания к представителям партии эсеров. Так, 9 июня на общегородском митинге в Томске была принята резолюция о применении к эсерам высшей меры наказания<sup>3</sup>.

В Омской губернии митинги были организованы с еще большим размахом. По данным губкома РКП(б), на 15 июня было проведено 64 митинга, в которых участвовали более 30 тыс. чел., при этом еще о 29 проведенных мероприятиях информация не была обобщена. На страницах «Советской Сибири» опубликованы резолюции всех 9 митингов, прошедших в сельской местности губернии и осудивших деятельность ПСР в прошлом и настоящем.

Наименее активной эта кампания была в Иркутской губернии, где основные мероприятия прошли до начала процесса. Губернская газета разместила на своих страницах всего 5 материалов, посвященных этой теме. Слабая агитационно-пропагандистская работа послужила поводом для критики иркутских губернских

<sup>1</sup> Добровольский А.В. Эсеры Сибири начала 20-х годов... С. 24–25.

<sup>2</sup> Там же. С. 27.

<sup>3</sup> См.: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 424. Л. 1; Яковлев Я.А. Дмитрий Дмитриевич Донской. Томск, 2000. С. 354.

руководителей на совещании секретарей губкомов РКП(б) Сибири 11–20 июня 1922 г.<sup>1</sup>

Особое место отводилось органам ГПУ. На них был возложен контроль за недопущением каких-либо эксцессов в связи с процессом над членами ПСР. Чекисты дежурили на всех массовых мероприятиях, имевших отношение к судебному процессу. «Дежурные» должны были выявлять всех «противников» мероприятий, в том числе и суда. В помощь чекистам делегировали отдельных проверенных представителей партийных организаций. По итогам «дежурств» составлялись мотивированные рапорты с указанием всего «интересного». Сводная информация передавалась в партийные органы для дальнейшего использования в работе. Апробация прошла успешно, и в последующие годы эта форма работы стала постоянной и обязательной; в бывших партийных архивах КПСС хранятся тысячи докладов и справок чекистов о тех или иных общественно-политических мероприятиях.

Планируемые результаты кампании были достигнуты. Судебный процесс над 34 видными деятелями партии социалистов-революционеров и приговор были восприняты населением страны как закономерный итог «враждебной» деятельности эсеров, суровость приговора никого не удивила, иного и не ждали<sup>2</sup>. Срежиссированный политический спектакль завершился в Москве, но в поступившей на места директиве ГПУ от 11 августа 1922 г. (практически сразу после вынесения приговора) предписывалось всем губотделам ГПУ при наличии «достаточных обвинений» передавать дела на активных эсеров в ревтрибуналы, «а остальных подготовить к ссылке...»<sup>3</sup>. Выходу директивы способствовало принятие на XII Всероссийской конференции РКП(б) в начале августа 1922 г. резолюции «Об антисоветских партиях и течениях», которой все некогда существовавшие демократическое партии, за исключением большевиков, признавались враждебными и антисоветскими. На местах начались аресты.

В августе и сентябре 1922 г. были арестованы 17 представителей партии социалистов-революционеров в Алтайской губернии. В Новониколаевске аресты членов Новониколаевского губкома ПСР и активистов организации были проведены в ночь на 24 августа 1922 г. Никто из членов группы в ходе следствия виновным себя не признал. Следствие по делу завершилось осуждением

<sup>1</sup> Добровольский А.В. Эсеры Сибири начала 20-х годов... С. 28–29.

<sup>2</sup> В соответствии с намерениями высшего партийного руководства страны первоначально планировалось привлечение к ответственности 43 членов ЦК ПСР и 140 активных членов партии за участие в организации вооруженного сопротивления советской власти, терроре и экспроприациях. Но первоначальный список претерпел изменения. Всего в ходе предварительного следствия обвинение было предъявлено 177 чел., 97 из которых к суду привлекать не собирались. Из планируемых на процесс 183 чел. обвинение было предъявлено 105 (25 и 80 соответственно). Кем была решена судьба других, не известно, но на скамье подсудимых оказались 34 чел. В московских тюрьмах на 1 апреля 1923 г. содержались 118 членов ПСР, еще 40 эсеров находились в ссылке под гласным надзором губернских органов ГПУ.

В отношении 12 чел. дело было прекращено за смертью обвиняемых, 42 дела были выделены в отношении лиц, находившихся за границей, 51 дело выделялось в связи с нерозыском обвиняемых, т.е. 83 чел. оказались недоступны власти. По обращении трибунала в Президиум ВЦИК 10 чел. были освобождены по причине заблуждения, осознания контрреволюционной роли партии и выходу из неё.

<sup>3</sup> Жертвы политических репрессий в Алтайском крае... Т. 1. С. 21.

Н.С. Дерковской, С.К. Тарабукина, И.В. Севастьянова и С.Г. Пузырёва, которые по решению Комиссии НКВД по административным высылкам от 13 июля 1923 г. были заключены в Соловецкий концлагерь сроком на три года. По завершении срока трое последних в 1926 г. были высланы на 3 года в Северо-Двинскую (двое) и Коми область соответственно. Н.С. Дерковская выслана в Киргизский край на тот же срок еще в 1925 г., поскольку имела грудного ребенка<sup>1</sup>.

Об инструктаже уездных уполномоченных начальником Алтайского губотдела ОГПУ исследователь темы Д. Павлов писал: «Органам ГПУ в настоящее время поставлена боевая задача разгромить партию социалистов-революционеров и тем самым вывести из строя одного из самых сильных врагов из рядов сплоченной контрреволюции... Во исполнение этой задачи губотделом и Вами... проведены массовые обыски и аресты эсеров с целью изъять и изолировать в губернском масштабе активных эсеров». Подобные операции по указанию СО ГПУ проводились раз в 2-3 недели до конца 1922 г.<sup>2</sup>

Следует отметить, что коммунисты-руководители на местах еще не успели «очерстветь душой» к бывшим соратникам по борьбе с самодержавием. Например, на закрытом заседании президиума Томского губкома РКП 14 октября 1922 г. был рассмотрен вопрос «Об арестах меньшевиков, эсеров и сионистов». В постановлении за подписью секретаря губкома А.В. Строганова было записано: «1. Предложить [председателю губЧК] тов. [В.Ф.] Беляеву сделать доклад об арестованных, наметив лиц, коих возможно будет освободить к Октябрьскому празднику. 2. Признать необходимым улучшить положение упомянутых арестованных»<sup>3</sup>.

Документ вызывает недоумение. Вне всякого сомнения, аресты членов названных партий проводились чекистами на местах по прямым указаниям вышестоящих чекистских органов с обязательным согласованием кандидатур с партийными органами, что наверняка было сделано. Но был ли смысл в арестах, если практически одновременно с их проведением ставился вопрос о возможности освобождения арестованных по амнистии?

С другой стороны, о каком улучшении положения «врагов» (и за счет чего) могла идти речь, если партийно-советские органы прекрасно знали о сложнейшей обстановке в местах заключения? Чрезмерное их переполнение, отсутствие средств на содержание, катастрофическая нехватка продуктов питания, медикаментов, постельных и столовых принадлежностей, предметов одежды, когда на содержащихся под стражей использовали вещи ранее умерших, и т.п. – всё это характерные явления для большинства мест заключения после передачи их в августе 1922 г. в ведение местных бюджетов<sup>4</sup>. Тем не менее вопрос рассматривался, и решение было принято.

Борьба с политическими оппонентами проходила под лозунгом выявления и разоблачения скрытых врагов советской власти, проникших в советские,

<sup>1</sup> Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 1. С. 353–357.

<sup>2</sup> Павлов Д.Б. Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – сер. 1950-х годов. М., 1999. С. 82–83.

<sup>3</sup> См. : ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 73. Л. 23.

<sup>4</sup> Подробнее см.: Уйманов В.Н. Пенитенциарная система...

хозяйственные и научные организации и учреждения для «продолжения подрывной работы изнутри» и противодействия становлению и укреплению советской власти.

Одним из таких «подрывников изнутри» в Томске стал В.И. Анучин, бывший член партии эсеров, видный областник. В 1920 г. Анучин в числе других членов ПСР, среди которых были участники подпольной офицерской организации Гавриловича, был арестован и приговорен к расстрелу, но по указанию ВЧК освобожден.

В марте 1922 г. полномочный представитель ГПУ по Сибири И. Павлуновский направил в Томский губотдел ГПУ телеграмму о недопустимости «...действия губотдела ГПУ в связи с докладом Анучина и публичными диспутами. На каком основании губотдел ГПУ ведет собственную линию доморощенного либерализма, допуская публичные противосоветские выступления Анучина и диспуты по ним...»<sup>1</sup>. В телеграмме шла речь о трехчасовом выступлении Анучина в начале марта с публичным докладом на тему «Международное положение Сибири в связи с Вашингтонской конференцией», которое он завершил призывом к свержению «цепляющихся за власть коммунистов»<sup>2</sup> и провозглашению автономной Республики Сибирь. Подобный окрик высокого начальства не остался без внимания, и Анучин был взят в оперативную разработку. В сентябре 1922 г. последовал арест, официальной причиной которого послужили пропагандируемые Анучиным идеи Сибирской автономии и критика советской власти. Авторитет Анучина был столь «высоким», что барон Унгерн в своем письме, хранящемся в архивно-следственном деле в Управлении ФСБ РФ по Томской области, писал ему: «...все наши руководители порешили единогласно:

1. Просить Вас, Василий Иванович, во имя нашей многократно проявленной любви к Родине, во имя тех страданий, которые Вы претерпели ради этой любви, просить Вас принять на себя тягостное бремя управления Сибирью на первое время. Форма правления, состав правительства и персональное приглашение представляются на полное Ваше усмотрение.

2. Просим Вас учесть страстное желание видеть Вас и Президентом Республики Сибирь, или Председателем Совета Министров, в зависимости от Конституции»<sup>3</sup>.

Бывший руководитель Федеральной архивной службы России член-корреспондент РАН В.П. Козлов, со ссылкой на РГАСПИ, привел ответ Анучина Унгерну: «Оставаясь при мысли, что применением насилия можно породить только новое насилие, что штыком и пулеметом можно только разрушать, но не создавать, я, естественно, не могу разделять надежд на вооруженное восстание, хотя бы и успешное.

По существу переданного Вами предложения я считаю долгом дать категорический ответ и сообщить, что абсолютно не пригоден на предлагаемую роль

<sup>1</sup> Из истории земли томской. 1921–1924... С. 267.

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-13031. С. 58. Каких-либо иных материалов, свидетельствующих о переписке Анучина с бароном Унгерном, в архивно-следственном деле не обнаружено. Вопрос о подлинности письма не рассматривался, так как следователю наличие такого документа было только «на руку» – налицо связь с ярым врагом советской власти.

<sup>3</sup>

Там

же.

С.

и отказываюсь от неё – по той причине, что я совершенно отошел от политической деятельности с намерением никогда к ней не возвращаться»<sup>1</sup>.

Копии названных писем были по распоряжению Ф. Дзержинского направлены всем членам ЦК ВКП(б) и В. Ленину, на знакомство с которым Анучин ссылался.

Будучи арестованным в сентябре 1922 г. и находясь под следствием, Анучин 13 января 1923 г. обратился с заявлением в адрес губернского прокурора, в котором писал:

«Узнавши о том, что мое «дело» опять передано в ГПУ, категорически заявляю:

1. Я не желаю иметь никакого дела с таким несерьезным учреждением, как Томское ГПУ.

2. Я отказываюсь идти в ГПУ.

3. Если меня отправят в ГПУ насильственно, то я не буду отвечать на вопросы и давать показания. Версия о «новых фактах» – это отвратительная попытка обхода закона с целью держать меня в тюрьме: никаких «фактов» у ГПУ нет и быть не может, и через три месяца (подчеркнуто в тексте. – В.У.) опять «обнаружится», что нет состава преступления.

Мне прискучила эта инквизиторская игра ГПУ в правосудие – и я хочу теперь ликвидировать её самым решительным образом и в кратчайший срок.

Прежде чем выполнить свое решение, я хочу и прошу, чтоб меня посетил во вторник 16-го янв. с. г. представитель прокуратуры, которому я имею сделать сообщение.

Предупреждаю, что после вторника 16 янв. в этом посещении не будет надобности.

Профессор В. Анучин

13 января 1923 г. Домзак № 2»<sup>2</sup>.

Это заявление – исторический документ, многие исследователи использовали и будут использовать его в своих работах. Но возникает несколько вопросов по его содержанию. Что значит «дело опять передано в ГПУ»? «Я отказываюсь идти в ГПУ» и «Если меня отправят насильственно...». Если он арестован, то только ГПУ им и могло заниматься, идти никуда не надо было.

Я. Яковлев и Ю. Рассамахин в «Рассказах о томской прокуратуре» привели воспоминания Анучина о методах воздействия на заключенных: «Условия были чрезвычайно тяжелые. Меня несколько раз били. Мне рукоятью нагана выбили

<sup>1</sup> Козлов В.П. Обманутая, но торжествующая Клио. Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке. М., 2001. С. 70–71. Автор указывает, что осталось много вопросов, связанных с данной ситуацией, основной из которых – а было ли письмо от Унгерна? Подлинник письма так и не был обнаружен. Но тогда возникает другой вопрос: а какое письмо хранится в деле Анучина? Письмо написано от руки, на нем не имеется отметки о том, что оно является копией, более того, на письме есть автограф «автора» письма. Проведение графологической экспертизы позволило бы внести полную ясность в установление его возможной подлинности. Скорее всего, названное письмо является фальсификацией со стороны самого Анучина для повышения своего авторитета и значимости у соратников по партии, о чем, в частности, пишет и В. Козлов, приводя многочисленные аргументы в доказательство этого. Более того, Анучин уже разоблачен как фальсификатор «писем», якобы направленных в его адрес В. Лениным и М. Горьким. См.: Там же. С. 62–77. Разделяю позицию тех исследователей, кто считает В. Анучина не только фальсификатором, но и умелым и грамотным интриганом.

<sup>2</sup> Яковлев Я.А., Рассамахин Ю.К. Рассказы о томской прокуратуре : в 2 т. Томск, 2004. Т. 1. С. 391; См. : ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 111. Л. 1.

шесть зубов. В декабре при сорокаградусном морозе выкинули на всю ночь рамы из окна камеры, утром полумертвого отнесли в больницу (я затем 2,5 года ходил на костылях)»<sup>1</sup>. Эти строки, скорее всего, плод свойственной Анучину необузданной фантазии. К этому времени уже не было потребности в таких методах обращения с арестованными, так как изменилась политическая ситуация в стране и изменился (пусть и не кардинально) состав сотрудников ГПУ. Трудно поверить в выставленные рамы и мороз. Переполненность мест заключения превышала в несколько раз их реальные возможности, были проблемы с отоплением и т.п. Между тем, по словам Анучина, ему была отведена отдельная камера. И если Анучин искал защиты у прокуратуры, то почему он не сообщил о факте «замораживания» в своем письме от 13 января – не это ли главный аргумент в его пользу?

К моменту завершения следствия в мае 1923 г. ситуация в стране претерпела серьезные изменения, уже не было необходимости применять к Анучину суровые законы военного времени. Комиссия НКВД по административным высылкам своим решением от 23 мая 1923 г. постановила: «Выслать Анучина В.И. в Казань сроком на 3 года, разрешив занятия в университете. Дело сдать в архив 14 отд. СО ГПУ». Последовавшая за решением Комиссии НКВД переписка о возможности предоставления Анучину права проживания в Омске ни к чему не привела<sup>2</sup>.

Примерно в это же время, 30 сентября 1922 г., согласно телеграмме секретного отдела ГПУ в Красноярске были арестованы «более активные эсеры». Дела с агентурными и следственными материалами на Боголепова, Ревич, Щеглова, Дискова, Ефимова и Кузнецова были представлены полномочному представителю ГПУ по Сибири для решения вопроса о «высылке перечисленных лиц из пределов Енисейской губернии». В соответствии с принятым решением все они были высланы 2 декабря 1922 г. в распоряжение Томского губотдела ГПУ<sup>3</sup>.

Принесла свои плоды и оперативная разработка томских чекистов, позволившая выявить в Томском университете антисоветски настроенную группу из 20 чел., члены которой поддерживали связь с единомышленниками в технологическом институте. Возглавляли группу представители партии эсеров Кронид Белкин (в 1917 г. был секретарем Томского горкома ПСР, участник краевого и губернского съездов ПСР) и Владимир Малиновский<sup>4</sup>. Организация именована-

<sup>1</sup> Яковлев Я.А., Рассмахин Ю.К. Указ. соч. С. 392; Козлов В.П. Указ. соч. С. 72.

<sup>2</sup> Анучин Василь Иванович, 1874 г.р., род. г. Красноярск, проживал в г. Томске, зав. Кабинетом института изучения Сибири. Арестован в 1922 г. Осужден к высылке в г. Казань. Умер в 1942 г. в Самарканде. Реабилитирован 10 сентября 1998 г. См.: Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-13031; Боль людская... 2-е изд. Т. 1. С. 65. Вообще Анучин был удобной фигурой для чекистов во всех отношениях. Ему приписывали действия, к которым он вообще не имел отношения, как это было в случае с убийством в марте 1922 г. жителя Томска после одного из городских митингов. «Свидетели» показали, что он был одним из активных участников событий, связанных с этим убийством. См.: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. Л. 118.

<sup>3</sup> Грани... С. 55–56.

<sup>4</sup> Белкин Кронид Константинович, 1894 г.р., и Малиновский Владимир Сергеевич, 1898 г.р., в июне 1923 г. осуждены к заключению в концлагерь сроком на 2 года каждый. В июне 1925 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ дело пересмотрело и вынесло решение об их высылке после отбытия наказания через ПП ОГПУ на Урал сроком на 3 года. См.: Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-11943.



лась Центральным комитетом студенческого демократического объединения и попала в поле зрения (первые 7 участников. – В.У.) томских чекистов еще в 1921 г. В меморандуме Томской губчека № 4 от 14 октября 1921 г. было отмечено: «Ведется разработка путем внутреннего наблюдения за взятыми на учет эсерами для установления эсеровской организации»<sup>1</sup>.

По результатам оперативной разработки в декабре 1922 г. было принято решение о проведении арестов членов организации. В заключении губотдела ГПУ по делу указывалось, что «организация ставила себе задачу демократизации вузов, противопоставление фракции коммунистов фракции беспартийных, противодействие коммунистическому влиянию на студенчество и т.д. В ночь на 6 октября 1922 г. этой организацией была выпущена контрреволюционная прокламация, которая была разбросана в университете, и была попытка замены красного флага белым на библиотеке университета, неудавшаяся вследствие падения с высоты и т.д.»<sup>2</sup>. В обвинении также отмечались участие членов организации в нелегальных «сборищах», выступления с антисоветскими речами на студенческих собраниях.

Судьба участников организации была predetermined задолго до официального принятия решения. Еще в марте Сиббюро ЦК РКП(б) приняло решение об административной высылке участников<sup>3</sup>. В июне 1923 г. решением Комиссии НКВД по административной высылке 12 чел. из числа участников организации были приговорены к различным срокам ссылки в Туркестан, Киргизский край, Марийскую область, в города Вятку и Северодвинск. Белкин и Малиновский были осуждены к отбытию наказания в концлагере<sup>4</sup>.

Арест группы студентов в Томске был далеко не случаен, так как партия эсеров особое внимание уделяла вопросам привлечения молодежи к партийной деятельности. Причин этому, на мой взгляд, было несколько. Во-первых, неоднородность студенческой массы, где наряду с пролетарской прослойкой значительное место занимала молодежь, демократически настроенная, мечтающая о свободах (личности, печати, слова), полагающая возможным существование нескольких партий и т.п. Во-вторых, многие студенты обладали определенными знаниями о партиях эсеров, меньшевиков и др., их активной деятельности в дореволюционный период в борьбе с царизмом (кто-то лично общался с представителями этих партий, знал о них через родных, близких, знакомых). В-третьих, молодежь традиционно тянулась к чему-то необычному, нестандартному, инстинктивно отторгая и противодействуя заорганизованному, формализованному, что было присуще политике, проводимой РКП(б) и советскими органами.

<sup>1</sup> См.: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 254.

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-11943. С. 362. В отчете Сиббюро ЦК РКП(б) за декабрь 1922 – январь 1923 г. в разделе «Землячество» об этом сказано следующее: «В Томске был такой случай – подпольная организация задалась целью сорвать красный университетский флаг, но не удалось. Посланный для этой цели член организации сорвался с крыши и переломал себе ребра». См.: ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 306. Л. 6.

<sup>3</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-11943. С. 3.

<sup>4</sup>

Там

же.

С.

О серьезном влиянии эсеров на молодежь Сибири говорилось в отчете Сиббюро ЦК РКСМ за декабрь 1922 г. – январь 1923 г. В частности, отмечалось: «В настоящее время эс-эры как организованная партия разбиты. Кружки молодежи, существовавшие в Иркутске, также ликвидированы... Но эсеровские настроения в деревне, частично в рабочих районах и значительно в интеллигентских учащихся кругах, очень живучи. В тех или иных формах противосоветские эсеровские группировки созревают и в первую очередь – в высших школах Сибири.

В университетах Томском, Иркутском и Красноярском педагогическом институте нелегально существуют организации студенчества, именуемые землячеством и руководимые эс-эрами. Землячества ведут энергичную борьбу с коммунистами и комсомольскими ячейками за овладение советами, кооперативными объединениями...»<sup>1</sup>.

На Алтае существовал союз учащихся школ 2-й ступени под названием «Свободный труд», объединявший до 300 учащихся, возглавлял его работу эсер, бывший член Учредительного собрания. Попытки организации союзов имели место и в других губерниях. Это объяснялось тем, что РКСМ не проводил активной работы в школах 2-й ступени.

Для выявления лиц, разделявших взгляды эсеров, «Бюро содействия» было рекомендовано организовать изучение студенческой среды. Более того, в ходе начавшегося процесса над членами ПСР органами ГПУ планировалось не только наблюдение за студенчеством, но и получение списков «подозрительных студентов с подробными о них сведениями на случай ликвидации». Протокол совещания СО ОГПУ, на котором было принято это решение, был направлен Дзержинскому, Уншлихту и Менжинскому. Каких-либо возражений с их стороны не последовало.

Решение поставленной задачи предполагало организацию агентурно-оперативного сопровождения студентов через выделение в вузах надежных коммунистов (по два на курс) для выполнения текущих заданий ГПУ, в первую очередь направленных на выявление неблагонадежных студентов. Эти же «двойки» должны были информировать в случае необходимости органы и о профессорско-преподавательском составе вузов, их политических взглядах и т.п.<sup>2</sup>

Л.И. Боженко в актив сибирских эсеров относил и создание Базаро-Незнамовской организации. Он писал: «Эсеры, озлобленные неудачей выступления кулацко-эсеровского Сибирского крестьянского союза в начале 1921 г., продолжали плести нити заговоров, создавая подпольные группы в городах и селах сибирских губерний. Именно эсерам и принадлежала инициатива в создании группы Базарова, в которой они занимают руководящее положение. Сам Базаров по партийной принадлежности тоже был эсером. (Однако в сноске Л. Боженко сделал оговорку, что «в других документах и материалах Базарова называли «народным социалистом», но если бы это было и так, то оно не меняет сути дела,

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 306. Л. 6–7.

<sup>2</sup> Морозов К.Н. Указ. соч. С. 338–339.

ибо, как метко говорил в своей обвинительной речи т. Березовский, «и эсеры, и народные социалисты – от одной родной матери дети»»<sup>1</sup>.

Монография Л. Боженко была написана в лучших традициях советской исторической науки, её методология основана на классовом подходе к историческим событиям и явлениям. По этой причине при рассмотрении Незнамовского филиала он показал смычку эсеров с «реакционным офицерством», когда в июне 1921 г. руководящая пятерка эсеров приняла в свою организацию одного из руководителей западно-сибирского мятежа – бывшего казачьего офицера-колчаковца, яркого монархиста Незнамова (Карасевича)<sup>2</sup>. Ему как «заслуженному спецу», опытному офицеру-карателю, «пятеркой» поручено руководство военной работой, подготовка и организация антисоветского мятежа. А далее, по Л. Боженко, Незнамов расставил на ключевые позиции своих людей («матерых законренных белогвардейцев, влиятельных попов и деревенских кулаков»), и организация приняла «типично белогвардейский характер». По этой причине именно вышеназванные категории членов организации начали играть «главенствующую роль» в её деятельности.

В таком случае возникает вопрос, а была ли эта руководящая пятерка эсеров и как они отдали знамя борьбы с советской властью в руки малоизвестного «спеца-карателя»? Считаю, что роль эсеров в деятельности организации несколько завышена. Участие в ней отдельных членов партии, их работа среди крестьянства, использование отдельных лозунгов ПСР наряду с монархическими и иными и «партийная» принадлежность одного из непосредственных лидеров организации – все это не позволяет сделать вывод об активной роли эсеров в Базаро-Незнамовской авантюре.

В ноябре 1922 г. в среде эсеров получило развитие ликвидаторское течение. Одними из первых в Сибири в этот процесс включились 8 членов ПСР из г. Мариинска, опубликовавшие коллективное письмо о полном отречении от партии и созыве съезда для выявления дальнейшей судьбы партии. «К вынесению этого решения содействовало ГПУ и Мариинский уком согласно данных им директив от Томского ГО ГПУ и губкома РКП». Призыв мариинских социалистов-революционеров был поддержан губотделом ГПУ и было организовано опубликование письма в губернской и местной печати, а также воздействие на местных эсеров через аппарат ГПУ в направлении присоединения к решению мариинцев<sup>3</sup>.

Поддержали мариинцев и красноярцы, опубликовавшие в газете «Красное знамя» 17 декабря 1922 г. открытое письмо следующего содержания: «Вследствие несогласия с программными и тактическими вопросами партии социали-

<sup>1</sup> Боженко Л.И. Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне... С. 113. По делу названной организации к уголовной ответственности были привлечены 95 чел. Несмотря на отсутствие доказательств их виновности, 33 чел. в ходе судебного процесса были приговорены к высшей мере наказания, но приговор был утвержден только 22 из них, 30 чел. приговорены к лишению свободы на срок от 1 года до 10 лет, 12 освобождены по амнистии и 20 оправданы.

<sup>2</sup> Карасевич Алексей Антипович, 1900 г.р., ур. Витебской губ., подбесаул в армии Колчака. Арестован и по приговору ревтрибунала расстрелян в Новониколаевске в 1922 г. См.: ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 375. Л. 6, 7, 21, 80.

<sup>3</sup> Из истории земли томской. 1921–1924... С. 350.

стов-революционеров, в которой мы состояли, выразившимися в её активности и идеологической борьбе с советской властью... считаем эту борьбу вредной и нецелесообразной, находим, что все революционные силы должны быть направлены для борьбы с врагами советской власти, против капиталистов. Высказав краткое мнение о партии, к которой мы принадлежали, мы заявляем, что с момента подачи настоящего заявления считаем себя выбывшими из таковой. Подписи: состоял в ПСР с 1917 г. Боголепов Анатолий Васильевич; с 1917 г. Дисков Григорий; с 1917 г. Ефимов; с 1917 г. Щеглов Юрий; с 1917 г. Ревич Григорий Яковлевич». В этом же номере газеты выступил со своим заявлением и Кузнецов: «С 1917 года работая на профессиональной работе среди т[оварищей] служащих, я внедрил себе идею народничества. И опираясь на партию социалистов-революционеров, оказывал содействие таковой.

В настоящее время пришел к убеждению, из пройденного жизненного опыта, что партия социалистов-революционеров обанкротилась в своем поведении перед революционным пролетариатом, которую я в настоящий момент осуждаю за борьбу её с советской властью и партией РКП. Считаю своим долгом заявить перед лицом революционного пролетариата и его единственной только способной довести до полного освобождения пролетариата от мирового капитала партией РКП, ибо остаюсь предан советской власти и на попытки антисоветских действий на борьбу с таковым общего как с народничеством, как и с партией социалистов-революционеров, иметь не буду, что и констатирую в настоящем письме».

Сложно предположить, какие действия или убеждения были применены к ним с целью получения этих заявлений, но, несомненно, что-то предпринято было, так как все были арестованы еще 30 сентября 1922 г. Письма были оценены по достоинству, и поэтому по распоряжению заместителя ПП ГПУ Ошмарина все арестованные возвращены к месту прежнего жительства – в Енисейскую губернию<sup>1</sup>.

В августе 1922 г. в соответствии с директивами ГПУ, основанными на решениях XII Всероссийской конференции РКП(б), принявшей специальное решение о применении репрессий против эсеров и меньшевиков, на местах начались операции по ликвидации организаций и групп этих партий. Начатые в 1922 г. аресты членов ПСР были продолжены в целом ряде губерний страны и в 1923 г.

В отдельных случаях организовывались показательные процессы над представителями партии эсеров. Два из них прошли в 1923 г. в г. Новониколаевске. В феврале состоялся процесс по делу видного представителя ПСР П.Я. Дербера и меньшевиков Гинзбурга и Вадзинского, обвинявшихся по ст. 60 и 62 УК<sup>2</sup>, а в июле – по делу эсеров Е.В. Барабанщикова, М.Ф. Лисицы, К.Е. Фуги, И.М. Бланкова и монархиста В.Ф. Королёва, обвинявшихся в контрреволюционной деятельности в Каменском уезде Новониколаевской губернии. В отчете о суде отмечалось, что «ПСР всегда боролась с советской властью по одну сторону фронта с черносотенными генералами и пр., мечтавшими насадить в России мо-

<sup>1</sup> Красное знамя. 1922. 17 дек.

<sup>2</sup> Советская Сибирь. 1923. 16, 20–21 февр.

нархию»<sup>1</sup>. Упоминание о монархии не было случайным, ведь в группу входил монархист. В соответствии с серьезностью обвинения – попытка организации вооруженного восстания против советской власти – суровым был и приговор – от 3 до 6 лет лишения свободы со строгой изоляцией. Ж. Рожнёва, со ссылкой на материалы отдела спецдокументации Управления архивного дела администрации Алтайского края, привела факты, подтверждающие фабрикацию материалов этого дела и использование следствием агента ГПУ<sup>2</sup>.

Для продолжения кампании по дискредитации ПСР политическое руководство Советского государства приняло решение о привлечении к этому бывших членов партии. При непосредственном участии ГПУ была организована работа по подготовке и проведению целого ряда конференций и съездов ПСР. Повсеместно составлялись списки бывших и действующих членов партии. Под контролем партийных и чекистских органов активизируются действия по выходу из партии, инициируются вопросы роспуска партии. Следствием организованной РКП(б) кампании стал Всероссийский съезд бывших (рядовых) социалистов-революционеров, состоявшийся в Москве 18–23 марта 1923 г. Хотя на съезд прибыло всего 55 делегатов, представлявших менее 900 бывших членов партии, было принято решение о роспуске партии. Решения съезда в соответствии с указаниями ЦК РКП(б) были напечатаны во всех центральных и местных газетах. 13 апреля 1923 г. губкомы РКП(б) получили телеграмму, в которой ЦК РКП(б) предлагал всем местным партийным организациям:

1. Отпечатать полностью в газетах резолюции этого съезда.
2. Поместить в газетах материалы, касавшиеся съезда, напечатанные в «Правде» и «Известиях», равно и статьи, комментировавшие постановления и резолюции.
3. Следить за центральной прессой и перепечатывать из неё материалы в местных газетах.
4. Не только не чинить препятствий, но и содействовать работе новых товарищей, работавших по фактической ликвидации партии эсеров.
5. Докладывать в ЦК как о ходе работы, так и обо всех случаях конфликтов между коммунистами и бывшими эсерами, работавшими по ликвидации эсеровской партии<sup>3</sup>.

В течение апреля в сибирской прессе были опубликованы основные материалы съезда бывших членов партии эсеров.

В ЦДНИ ТО хранится документ без названия с грифом «Совершенно секретно», но без подписи, адресованный уездному комитету РКП, а в копиях – губко-

<sup>1</sup> Советская Сибирь. 1923. 13 июля.

<sup>2</sup> Рожнёва Ж.А. Политические судебные процессы в Западной Сибири в 1920–1930-е годы : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2003. С. 82–83.

<sup>3</sup> См.: Добровольский А.В. Эсеры Сибири начала 20-х годов... С. 40. В ходе подготовки съезда на местах активно прорабатывался вопрос о возможности участия в его работе бывших членов ПСР, вступивших в РКП. Так, 5 декабря 1922 г. на заседании президиума Томского губкома РКП при рассмотрении этого вопроса было принято решение: «Не чинить препятствий к участию в работе легального съезда членов Партии С–Р и бывших членов Партии С–Р, ныне состоящих в РКП, но в рамках, указанных директивами ГПУ» (выделено мною. – В.У.). См.: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 73. Л. 78.

му РКП и уполномоченному ГПУ по Мариинскому уезду. Содержание позволяет сделать вывод о том, что он был подготовлен одним из партийных работников укома РКП.

Документ являлся своеобразным отчетом о реализации вышеупомянутого п. 4 и содержал информацию о действиях на местах бывших членов ПСР в период после проведения Всероссийского съезда бывших членов ПСР. Автор писал, что «числа 8–9 июля 1923 г. в уком РКП явился делегат Всероссийского съезда бывших рядовых членов Партии Соц[иалистов] Революционеров тов. Иглин» с протоколом совещания Новониколаевской группы о необходимости выяснения бывших членов партии эсеров к состоявшемуся съезду, высказав просьбу оказать помощь в работе по Мариинску и уезду. Следствием его обращения стала рассылка извещения о предстоящем собрании «всем известным до сих пор бывшим членам ПСР, которых было 9». Одновременно с извещением был послан второй номер бюллетеня Центрального исполнительного бюро съезда «Единый фронт», где были почти полностью помещены отчеты съезда и его резолюции.

На собрание прибыло семь человек (один был в отъезде, а один не прибыл по неизвестной причине), от уездного комитета РКП – Воронин, от ГПУ, по предварительной договоренности с укомом, не было никого. На повестке были отчет Иглина о съезде и вопрос о действиях Мариинской группы в соответствии с решениями съезда. Выступление Иглина у большинства присутствующих вызвало подавленное состояние. В ходе развернувшихся прений председатель собрания Степанов заявил, что в целом разделяет точку зрения съезда, а выступивший после него Хлебников, дав оценку съезду как принудительно организованному ГПУ, все-таки поддержал принятые постановления как «вполне отвечающие духу времени». При этом он предложил провести губернский съезд, «который бы был собран действительно на добровольном участии». Но это предложение поддержки не получило.

Из практических мероприятий собрания информатор выделил предложение Воронина о необходимости выступления по теме крушения ПСР на учительских курсах (по какой причине и почему, указано не было), которое позднее и было реализовано Замятиным и Иглиным.

Резюме данного документа по формулировке не совсем понятно: «Было бы, кажется, не лишним снять с них расписки о невыезде, усилив вместе с этим надзор над ними. Это не давало бы им возможности спекулировать этими подписками и, быть может, больше развязало»<sup>1</sup>. Что предполагало «развязывание», определить сложно.

С.А. Папков, рассказывая о ликвидации организации эсеров в Новониколаевске в 1922 г., в форме приложения представил несколько документов. В выписке из политпартсводки № 8 за период с 5 апреля по 20 июня 1922 г. описано посещение находившихся в исправтруддome города эсеров членами комиссии для выяснения их отношения к съезду бывших рядовых членов ПСР и к постановлениям съезда. Из 26 находившихся в камере эсеров участие в беседе приняли всего восемь человек, так как остальные демонстративно покинули её в знак протеста против участия

<sup>1</sup> См. : ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 91. Л. 171.

в комиссии сотрудника губотдела ГПУ. Участники беседы заявили, что «разделяют точку зрения съезда, но окончательно свое решение... выскажут после своего освобождения»<sup>1</sup>.

Под контролем партийных и чекистских органов была развернута работа по организации и проведению в губерниях конференций, посвященных роспуску ПСР. Первые конференции состоялись в Нижнем Новгороде, Туле, Пензе, Саратове и других городах европейской части страны. В Сибири первая конференция бывших членов ПСР состоялась 29 июля в г. Омске, а 17–18 августа прошла Омская губернская конференция бывших социалистов-революционеров. В её работе приняли участие 30 делегатов, не были представлены только организации Тары и Тюкалинска.

В Новониколаевске городская конференция бывших членов партии эсеров прошла 12 сентября 1923 г., на ней были заслушаны доклады о роли партии в русской революции, о прошедшем Всероссийском съезде бывших членов ПСР, о едином фронте и созыве Новониколаевской губернской конференции бывших членов партии социалистов-революционеров. Конференция по итогам своей работы подтвердила выводы Всероссийского съезда о том, что ПСР изжила себя, надо идти дальше с РКП и III Интернационалом. Другой вывод был еще более конкретным: «кто не с нами, тот против пролетариата»<sup>2</sup>.

В сентябре вопрос о возможности и целесообразности проведения губернских конференций обсуждался на заседании Сиббюро, которое приняло положительное решение, но при обязательном условии жесточайшего контроля со стороны партийных и чекистских органов. Несколько позднее (в октябре) было проведено обследование групп лояльных эсеров в Сибири. Платформу Всероссийского съезда бывших членов ПСР разделяли и поддерживали 269 чел.: в Новониколаевской губернии – 67, в Алтайской – 37, в Омской – 58, в Томской – 48, в Енисейской – 39 и Иркутской – 20 чел.<sup>3</sup>

В ноябре–декабре 1923 г. были проведены губернские конференции на Алтае (20–21 ноября), в Енисейской губернии (6–7 декабря), в Томске (12 декабря). Томской губконференции предшествовали городское собрание бывших эсеров (27 октября) и городская конференция (2 декабря). Членами ПСР в Томске на

<sup>1</sup> Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. 2005. Вып. 1. С. 354. Указанная в документе дата неверна, скорее всего, исходя из содержания сводки, речь идет о 1923 г.

17 августа 1924 г. участником той беседы И.В. Севастьяновым, заключенным Соловецкого концлагеря № 2, в ОГПУ было направлено обращение, в котором он указал, что 6 октября 1922 г. группа социалистов-революционеров из восьми человек, находившихся в заключении в Новониколаевском ГПУ, обратилась с письмом в ГПУ, заявив о выходе из партии, отказе от вооруженной борьбы с советской властью и готовности по восстановлению хозяйственно-экономического положения в стране работать совместно с советской властью и РКП. 9 мая (так в тексте. – В.У.) того же октября и Севастьянов подал в ГПУ заявление с просьбой о присоединении его подписи к данному заявлению. Теперь же, «находя подачу этого заявления ошибочным и в моральном, и в политическом отношении... заявляю, что я по своим убеждениям по-прежнему остаюсь в рядах социалистов-революционеров, а потому поданное мною в Новониколаевское ГПУ заявление считаю аннулированным» (Там же. С. 356–357). Отречение Севастьянова от ПСР в 1922 г. не помогло ему – в июле 1923 г. он был осужден на 3 года концлагерей, а по отбытии наказания в июле 1926 г. выслан на тот же срок в Северо-Двинскую губернию.

<sup>2</sup> Советская Сибирь. 1923. 27 сент.

<sup>3</sup> Добровольский А.В. Социалисты-революционеры Сибири... С. 79.

губконференции было принято решение о присоединении к резолюции Всероссийского съезда бывших (рядовых) социалистов-революционеров о роспуске партии. Эсеровская организация в Томской губернии прекратила свое существование. Выход из партии официально оформили 95 её членов, в том числе 12 рабочих, 32 служащих и 51 крестьянин<sup>1</sup>. Но и после этого бывшие члены ПСР не выпадали из поля зрения органов ОГПУ. Так, в отчете Томского губотдела ОГПУ за 1924 г. отмечалось, что «группировок среди членов с-р, носящих организованный характер, замечено не было, а также не было выявлено и активных действий, направленных в ущерб советской власти»<sup>2</sup>. На оперативном учете в губотделе ОГПУ в это время состояло 180 эсеров (правых – 63, выходцев – 17, легалистов – 92, ссыльных – 8).

Не состоялись конференции в Новониколаевской и Иркутской губерниях, как не состоялась и Всесибирская конференция: Сиббюро ПСР посчитало её проведение нецелесообразным.

В других губернских городах Сибири эсеровские организации также не были многочисленными. В Омске к началу 1922 г. существовали, по данным особого оперативного отдела ВЧК, меньшевистская, эсеровская и анархическая организации. Эсеровская организация насчитывала в своих рядах 125 чел., блокировалась с меньшевиками в борьбе с советской властью<sup>3</sup>.

Политика большевиков в отношении партии эсеров оказалась результативной. Используя все возможные средства – от запугивания до уголовного преследования и прямых репрессий – им практически удалось добиться самоликвидации ПСР. Однако следует оговориться, что после окончания процесса над эсерами оставшиеся на свободе члены партии смогли развернуть работу по восстановлению организации, было даже создано центральное бюро. Практическая деятельность сводилась к созданию новых подпольных организаций и подготовке к выступлению против советской власти. Но уже в конце 1923 г. организаторы бюро были арестованы. К концу 1924 г. не было ни одной организационно оформленной группы эсеров на всей территории Сибири. Возможно, последней из них была группа на Алтае, ликвидированная сотрудниками ОГПУ в ноябре–декабре 1924 г. Аресту предшествовала достаточно длительная разработка членов организации, так как толчком к этому послужили обнаруженные записки члена организации В.Н. Подольского-Взорова, случайно утерянные им в октябре 1923 г. Аресту подверглись 17 чел.

24 июля 1925 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ, рассмотрев материалы дела, приговорила трех человек к заключению «в места лишения свободы, подведомственные ОГПУ, на три года каждого», двоих – к ссылке в Чувашию, шестерым было запрещено проживание в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону и одноименных губерниях с прикреплением к постоянному месту жительства сроком на три года. Еще шесть человек к суду привлечены не были. Всем членам ликвидированной группы

<sup>1</sup> Из истории земли томской. 1921–1924... С. 351.

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Ф. 10. Д. 34. С. 226. Подсчитано автором.

<sup>3</sup> Бударин М.Е. Чекисты... С. 170–171.



было рекомендовано опубликовать в газете «Известия ВЦИК» заявления об отречении от партии эсеров с обязательством «отдать все силы и знания советскому строительству под идейным руководством ВКП(б)», что и было сделано.

В материалах дела также имелось постановление от 27 декабря 1924 г. о привлечении в качестве обвиняемых В.В. Белянина-Бианки<sup>1</sup> и П.А. Гайлевича как членов подпольной группы эсеров, принимавших активное участие в работе, направленной против советской власти, но первый в это время уже жил в Ленинграде, а второй – в Иркутске<sup>2</sup>.

И в последующие годы органы ОГПУ не оставляли представителей этой партии без внимания. Так, в 1927 г. в Томске был арестован Грехнев Гавриил Николаевич, зав. заготовками Сибторга. Временно исполняющий должность окружного прокурора Томского округа Кот 16 сентября 1927 г. в заключении по уголовному делу Томского окротодела ОГПУ по обвинению Грехнева в совершении преступлений по ст. 58-8-11 УК РСФСР («Террористическая и организационная деятельность») указал, что еще в 1918 г. Грехнев как активный член ПСР был одним из организаторов восстания в Нарыме: «После чехо-слов. переворота был назначен чрезвычайным комиссаром Нарымского края, где производил незаконные аресты, побои заключенных большевиков и вел активную борьбу против сочувствующих большевизму лиц. Находясь на территории Нарымского края в качестве заведующего отделением Госторга (уже в советское время. – В.У.) и пользуясь своим служебным положением, гр. Грехнев подбирал работников – членов эс-эровской партии, а также оказывал услуги политически-ссылным эсерам в их партийной работе. В мае 1926 года гр. Грехнев имел поручения от ссыльных эс-эров и СД по организации в Томске конспиративной квартиры и распространению нелегальной эс-эровской литературы.

В этом же году гр. Грехневым была доставлена нелегальная литература эсэру Евсееву, находящемуся на фактории Васьюган.

...Принимая во внимание, что следствие произведено с достаточной полнотой и обвинение предъявлено и доказано отчасти показаниями самого Грехнева и другими материалами дела и что Грехнев является социально опасным как активный член эс-эровской партии... полагал бы дело... направить в Особое совещание Коллегии ОГПУ на рассмотрение»<sup>3</sup>.

Результатом рассмотрения дела стало осуждение Грехнева 11 июня 1927 г. по ст. 58-13 УК РСФСР («активная борьба против рабочего класса и революционного движения в годы Гражданской войны») на 3 года исправительно-трудовых

<sup>1</sup> Белянин-Бианки Виталий Валентинович, 1894 г.р., ур. г. Петербурга, известный детский писатель. В партии эсеров с 1917 г. Был мобилизован в колчаковскую армию, после изгнания Колчака из Сибири жил в г. Бийске, в частности, работал в музее. В 1921 г. в Бийске дважды арестовывался органами ЧК, в последующие годы еще трижды арестовывался за политическое прошлое; в 1932 г. – ссылка на 3 года в Уральск, в 1935 г. – арест с последующим освобождением «за отсутствием улик». В 1935 г. арестовывался «как сын личного дворянина, бывший эсер, активный участник вооруженного восстания против советской власти». Особым совещанием при НКВД СССР был осужден на пять лет ссылки, но по ходатайству жены М. Горького от ссылки был освобожден. Умер в 1959 г.

<sup>2</sup> Гришаев В.Ф. Дважды убитые... С. 5–16.

<sup>3</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-14085. Л.

лагерей. В мае 1929 г. срок наказания был снижен на 6 месяцев. После отбытия наказания Грехнев подлежал высылке в Сибирь сроком на 3 года<sup>1</sup>.

Согласно документам Центрального архива ФСБ России, в конце 1920-х гг. наибольшую активность эсеры проявляли в центральных районах страны. Только за первое полугодие 1928 г. на Украине за антисоветскую деятельность были арестованы 34 активных члена партии эсеров, еще со 134 рядовыми членами партии были проведены профилактические мероприятия. В 1927–1930 гг. органами ОГПУ была «вскрыта» крупная организация в г. Иваново-Вознесенске, актив которой составляли эсеры, возвратившиеся из мест заключения. Они поддерживали связь с высланными членами ЦК партии, «развернули» активную антисоветскую деятельность в Архангельске, Костроме, Шуе и других городах. В апреле 1930 г. была ликвидирована антисоветская группа в Новгороде, где аресту подверглись 15 эсеров и 30 беспартийных. В 1929–1930 гг. эсеры принимали активные меры по воссозданию своего партийного аппарата в разных регионах страны, о чем, в частности, велась речь в циркуляре ОГПУ № 36 от 20 марта 1930 г. В июне этого же года в Москве была реализована разработка группы правых эсеров – «независимых», готовивших созыв российской конференции партии правых эсеров и возобновление организованной нелегальной деятельности. В сентябре была ликвидирована нелегальная эсеровская группа, состоявшая из бывших ссыльных, в Ташкенте. В 1931 г. выявлена крупная эсеровская организация на Украине, поддерживавшая связь с центром в Праге, аресту подверглись 150 её участников<sup>2</sup>.

В Западной Сибири в мае 1933 г. была ликвидирована контрреволюционная повстанческая организация «Коалиция», действовавшая на территории бывших Томского и Новониколаевского округов, в числе руководителей которой был бывший член ПСР Замятин. Согласно отчёту прокурора края И. Баркова перед Прокурором СССР И. Акуловым организация распространила свою деятельность на 8 районов и 5 городов края. В организацию были вовлечены 464 чел., из которых были арестованы и преданы суду «тройки» 116 (?) чел. Задачами организации были подготовка восстания, организация диверсий на железнодорожной магистрали, а также по «разрушению Анжеро-Судженской ЦЭС с целью приостановки и сокращения производственной работы рудника»<sup>3</sup>.

Можно предположить, что сотрудники органов ОГПУ зачастую выдавали желаемое (наличие в стране организованных структур, желавших и предпринимавших конкретные действия по свержению установленного режима) за действительное.

Вторая половина 1930-х гг. принесла членам ПСР новые испытания. Постоянный контроль за политссылкой и проведение «подготовительной работы», в частности после февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) (1937 г.), позволили собрать материал, чтобы «доказать»: несмотря на почти двадцатилетнее преследование и репрессии, «политические оппоненты» вели «активную подго-

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-14085. Л. 45.

<sup>2</sup> История советских органов государственной безопасности... С. 191, 236–237.

<sup>3</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 209. Л. 109.

товку» и «предпринимали конкретные шаги» в борьбе с советской властью. По этой причине уже с самого начала «массовой операции», например, эсеровские «подпольные контрреволюционные» организации стали вскрываться органами НКВД одна за другой. Только в Омской области уже в августе 1937 г. по материалам протоколов «тройки» прошли участники нескольких эсеровских организаций. Одна, кстати, была создана «не порвавшим связи с партией» до момента ареста А.А. Иванецким-Василенко в тюрьме в период следствия. В обвинении было отмечено, что члены созданной им группы занимались активной контрреволюционной агитацией среди заключенных.

«Чисто эсеровских» организаций сотрудники НКВД не выявляли, уже достаточным мотивом для ареста была принадлежность к ПСР в прошлом, пусть и в самом отдаленном. Из этих «бывших» уже и создавали руководящее ядро «контрреволюционной» организации, постепенно «наращивая на костяк мясо» из числа связей и просто знакомых главных фигурантов. В состав организации включались лица, не имевшие отношения к ПСР, часто даже не знакомые между собой. Так, например, к одной из конспиративных групп эсеров были «попутно» присоединены 15 чел., обвиненных в связи с организацией ссыльных. К группе «активного» члена ПСР А.Ф. Горохова присоединили нескольких священников, одни из которых установили связь с «контрреволюционной» группой Горохова, а другие активно участвовали в её подрывной деятельности. В 1937 г. было вскрыто несколько десятков эсеровских организаций. В одной Таре таковых выявили целый ряд, но интересно, что все они «действовали» самостоятельно, даже не пытаясь объединиться, что является прямым свидетельством отсутствия какой-либо реальной организующей силы со стороны ПСР и реального умысла в борьбе с советской властью.

Несмотря на усилия сотрудников Омского УНКВД, до конца 1937 г. так и не удалось «выкорчевать» всех эсеров и их организации. По этой причине уже в первые месяцы 1938 г. были вскрыты еще несколько «контрреволюционных» организаций с участием эсеров, в частности, все в том же Тарском районе. Следует отметить, что многим «врагам» на момент ареста было по семьдесят и более лет, например, Е.А. Емельянов родился в 1859 г.<sup>1</sup>

Активизация деятельности органов НКВД в 1938 г. была инициирована И. Сталиным, который потребовал усилить борьбу с представителями ликвидированной партии эсеров и даже указал, в каких регионах страны это надо сделать в первую очередь. Уже 18 января зам. наркома НКВД М. Фриновский отправил в названные регионы шифротелеграмму № 17089, затем переадресованную всем НКВД–УНКВД, в которой констатировалось, что эсеры продолжают активную повстанческую, диверсионную и террористическую деятельность. Местные аппараты НКВД ориентировались на обновление оперативных учетов и ликвидацию эсеровского подполья. Именно эти указания Сталина и НКВД активизировали деятельность УНКВД по поиску и «выявлению» эсеров. Успешное исполнение указаний

<sup>1</sup> Самосудов В. Как это было // Забвению не подлежит... Т. 5. С. 31–35. Однако если верить телеграмме УНКВД по Омской области в адрес Н. Ежова, подписанной начальником Управления К. Валухиным, то на 25 сентября 1937 г. была вскрыта всего одна эсеровская организация из 14 чел. См.: Трагедия советской деревни... Т. 5, кн. 1: 1937. С. 367–368.

руководства не замедлило сказаться. Уже в феврале–марте 1938 г. число донесений о вскрытых и ликвидированных подпольных эсеровских организациях из управлений НКВД резко возросло. Сообщения «подтверждали» наличие разветвленной сети подпольных организаций в стране и изобиловали выразительными примерами и фактами. В тех же случаях, когда ничего не было выявлено «выдающегося», обходились малым. Так, например, начальник УНКВД по Алтайскому краю С. Попов информировал Сталина о диверсионной работе эсеров, которые якобы по ночам разбирали железнодорожное полотно для организации крушений поездов<sup>1</sup>.

Для «борьбы с советской властью» эсеры «создавали» самые разнообразные организации – «кулацко-эсеровские», «эсерово-кадетские», «эсеровско-белогвардейские» и т.п.

На Алтае в Управлении НКВД на основе указаний 4-го отдела ГУГБ НКВД был разработан «План оперативных мероприятий по разгрому контрреволюционного эсеровского подполья в Алтайском крае». Вне всякого сомнения, подобные планы разрабатывались повсеместно. Никаких признаков эсеровского подполья не имелось, но ставившиеся Москвой задачи подлежали неукоснительному исполнению. Как результат – десятки «вскрытых» эсеровских организаций. Одним из основных мест сосредоточения эсеров, подобно Таре в Омской области, на Алтае стал г. Бийск, где, как установил краевед В. Гришаев, были выявлены целых семь эсеровских групп и организаций, ликвидированных сотрудниками НКВД. В отличие от Тары, деятельность всех этих организаций координировалась еще со времен Бийского уездного комитета ПСР, подчиненного Сиббюро партии. В состав руководящего ядра комитета входили бывший председатель Алтайского горного союза кооперативов, работник заготконторы «Маслопрома», преподаватели бийских школ, пенсионер (бывший бухгалтер) и бывший подпоручик. Отличным от событий в Омской области было и то, что первую организацию сотрудники НКВД выявили еще в ноябре 1936 г., а последующие – в 1938 г., что не стыкуется с «официальной позицией» о наличии комитета ПСР как организующего органа.

Арестованные члены «организаций» признавались во всех «смертных грехах» – вредили, уничтожали, организовывали антисоветские выступления, в том числе в Усть-Пристанском районе в марте 1930 г. («Добытинское восстание»), создавали «бандитские», «фашистские» и «террористические» группы в учебных заведениях, воспитывая учащихся в «духе ненависти к советской власти», и т.п. Правда, много нужных показаний следователи добывали лишь после многочисленных допросов и пыток. Так, В.А. Гремицкий, арестованный 11 августа 1937 г., «признался» только 31 января 1938 г., т.е. по прошествии более пяти с половиной

---

<sup>1</sup> Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 282–284. Уже 9 февраля 1938 г. Ежов представил Сталину материалы о «разгроме эсеровского подполья», заявив, что только в 1937 г. в стране были арестованы за принадлежность к ПСР 25 212 чел., но цифра эта завышена, так как в статотчетах НКВД значились арестованными в 1937 г. 11 367 эсеров, а в 1938 г. – 16 370, т.е. всего 27 737 чел. Он также отметил, что на оперативном учете состояли еще 5 388 эсеров, более тысячи из которых были членами ВКП(б) и 244 военнослужащими. К 9 февраля более двух тысяч из них уже были арестованы. «Возглавлял» деятельность эсеров Всесоюзный объединенный эсеровский центр, во главе которого стояли бывшие члены ЦК ПСР, большинство из которых находились в заключении, но тем не менее, по версии фальсификаторов, смогли создать обширную сеть подпольных организаций по всей стране.

месяцев. Не задумываясь, следователи могли изменить и биографию арестованного, сделав его «бывшим» или иным не угодным режиму лицом. Одним из арестованных – П.Я. Бирюкова – следователь не только «превратил» из сына крестьянина в сына фабриканта, но и приписал ему начало антисоветской деятельности в девятилетнем возрасте. На замечание Бирюкова об этом следователь отреагировал следующим образом: «Ничего, пройдет». И прошло.

В ходе следствия и фальсификации материалов применялись пытки, издевательства, угрозы, многочасовые «выстойки» и «конвейеры», переоформление протоколов с подгасовкой данных под отработанные схемы. Арестовывали, конечно же, не только бывших эсеров. В число жертв попали бывшие военнослужащие и партизаны, кулаки и прочие из «бывших», представители духовенства и интеллигенции, мужчины и женщины, старики и молодежь.

Всего было арестовано 163 бийских «эсера», 108 из которых были расстреляны, остальные осуждены к заключению в ИТЛ на длительные сроки лишения свободы<sup>1</sup>.

В иных случаях сотрудники органов НКВД поднимали из архивов прежние дела (абсолютное большинство дел на осужденных оставалось в архивах управлений регионов, где их привлекали к ответственности), внимательно изучали и начинали «перетряхивать» связи обвиняемых, которые по каким-либо причинам не были арестованы и осуждены. Подобная кропотливая работа позволила «вскрыть» целый ряд новых «контрреволюционных» организаций и «выявить» отдельных «неразоружившихся» членов ПСР. Таким действительно «неразоружившимся» представителем данной партии оказался, в частности, находившийся в ссылке в г. Новосибирске И.И. Жуковский-Жук<sup>2</sup>. На протяжении своей политической деятельности он не менял убеждений и взглядов. Жуковский-Жук был арестован в Москве в 1925 г. по делу объединенной организации левых эсеров и эсеров-максималистов; подал заявление об отходе от политической деятельности, но в 1927 г., находясь в ссылке в Великом Устюге, официально аннулировал его. На вопрос следователя: «Не отказались от борьбы с советской властью?», ответил утвердительно: «Не отказался. Я вел активную работу как эсер-максималист. С февраля 1933 г. в связи с моим арестом, осуждением и заключением в изолятор был вынужден

<sup>1</sup> Гришаев В.Ф. Дважды убитые... С. 148–173.

<sup>2</sup> Жуковский-Жук Иосиф Иванович, 1890 г.р., ур. Гродненской губ. В революционном движении с 1905 г., примыкал к партии эсеров-максималистов. Дважды арестовывался, отбывал наказание на Нерчинской каторге. В годы революции и Гражданской войны возглавлял Читинскую организацию эсеров-максималистов, участник антиколчаковского подполья. В последующие годы много времени уделял историческим исследованиям народничества, работал в Обществе политкаторжан и ссыльных в Москве, откуда как «нераскаявшийся» и репрессированный советской властью был исключен в 1925 г. и в этом же году «за контрреволюционную работу» был выслан на 3 года в Великий Устюг. В декабре 1928 г. отправлен в административную ссылку в Симферополь. В 1933 г. «за создание нелегальной эсеровской организации» заключен на 3 года в политизолятор, по истечении срока выслан в Новосибирск. Арестован в феврале и расстрелян в августе 1937 г. Реабилитирован в 1959 г. Из материалов архивно-следственного дела, хранящегося в УФСБ РФ по Новосибирской области, известно, что после ареста в 1922 г. находился в Ново-николаевском домзаке в одной камере с членом ЦК ПСР М.А. Лихачем, будущим участником процесса 1922 г., приговоренным к ВМН – расстрелу. Причину того ареста и характер обвинения установить не представилось возможным.

прекратить эту работу». Таким образом, только изоляция вынудила его прекратить активную деятельность.

Арест 1937 г. имел «плановый» для органов НКВД характер. Еще в конце 1936 г., согласно обвинительному заключению, «на территории Запсибкрая была вскрыта и ликвидирована «японо-эсеровская диверсионно-шпионская террористическая организация».

Следствием установлено, что указанная контрреволюционная организация создана в СССР в 1932 г. эсером И.Х. Петелиным по прямым указаниям существовавшего в СССР нелегального эсеровского контрреволюционного центра, так называемого Объединенного центрального бюро ПСР.

Эсеровскую организацию на территории ЗСК возглавлял Сибирский центр – Сиббюро ПСР – в составе И.Х. Петелина, В.С. Осипова-Занозина, И.М. Евстигнеева и И.Л. Гороха. Сибирским бюро ПСР в 1932–1936 гг. на территории Иркутской и Омской областей были «созданы» крупные эсеровские формирования, которые возглавляли областные бюро ПСР, на территории ЗСК – сеть эсеровских ячейек и 26 повстанческих отрядов из спецпереселенцев в Нарыме и Кузбассе.

Фрагмент обвинительного заключения о «вскрытой организации» стал «кочевать» из дела в дело по «эсеровским контрреволюционным организациям» и по делам на отдельных бывших членов ПСР.

«Действуя по указаниям Всесоюзного объединенного центра ПСР, Сиббюро ПСР приступило к... осуществлению указаний объединенного бюро ПСР», которые заключались:

- в расстановке кадров эсеровской организации на важнейших народнохозяйственных и оборонных участках в целях подготовки диверсий в момент войны с Японией;
- организации массового вредительства и развале хозяйственной деятельности колхозов и других хозяйственных предприятий в целях ослабления тыла и озлобления населения на органы советской власти;
- широком информировании японских разведывательных кругов о состоянии тыла и его обороноспособности;
- организации террористических групп для подготовки террористических актов, направленных против руководителей партии и советского правительства<sup>1</sup>.

Следствием также было установлено, что одним из активнейших членов организации был якобы И.И. Жуковский-Жук – бывший член объединенного центрального бюро левых эсеров и союза эсеров-максималистов, которому «припомнили» его ссылку в Великий Устюг, «минус» в Симферополе, связи с членом ЦК ПЛСР М. Спиридоновой и с целым рядом других видных членов эсеровского движения в стране. Более того, именно Жуковский-Жук был объявлен инициатором привлечения к «активной работе» Петелина. Следствие отвело ему одну из «заглавных» ролей по делу названной организации. Однако Жуковский-Жук виновным себя не признал и предъявленное обвинение отверг, заявив на следствии: **«Ни я лично, ни связанные со мною лица вопроса о вооруженном восстании как реальной форме в деле борьбы с советской властью никогда не ставили.**

<sup>1</sup> Боль людская... 2-е изд. Т. 2. С. 657–658; Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... С. 81–82.

**Выход я видел в установлении в стране трудовластия, которое могли провести лево-народнические элементы, отражающие в своих программах чаяния основной массы крестьянства»** (выделено мною. – В.У.)<sup>1</sup>.

А на обвинительном заключении он сделал собственноручную запись: «Показания Петелина и Сигорского я категорически отвергаю. Такой деятельностью я не занимался. Сигорского не знаю. Петелину никогда не доверял. Я никогда не являлся таким врагом советской власти, который бы пошел на такие мерзкие методы борьбы»<sup>2</sup>.

Отсутствие в его позиции каких-либо элементов экстремизма либо радикализма следователей не смущало. Не это было главным – судьба какого-то И.И. Жуковского-Жука для большевиков интереса не представляла.

Что касается И.Х. Петелина, то его роль в деле уничтожения бывших членов ПСР в Западной Сибири была действительно ведущей. Именно его показания по названному делу и делам данной направленности в соседних городах региона стали основными в разоблачении «врагов» советской власти из числа эсеров. Показания Петелина в буквальном смысле слова тиражировались и рассылались по горрайорганам НКВД. Многостраничные машинописные показания (иногда даже нескольких допросов) Петелина неоднократно встречались автору в архивных следственных делах в качестве основных «изобличавших» материалов. Следователям оставалось только «подогнать» показания обвиняемых и добиться подписания протокола(ов) допроса.

Петелин выразил готовность сотрудничать со следствием еще 13 ноября 1936 г., признав существование с конца 1933 г. в Новосибирске Сибирского бюро ПСР. Он стал давать показания о своих «соучастниках», называя имена многих известных и не очень членов ПСР, с которыми он якобы и занимался контрреволюционной деятельностью, объявив отдельных из них японскими шпионами. В показаниях он не пощадил даже братьев – Михаила и Николая, назвав их в числе участников организации.

Под влиянием его показаний многие из арестованных прекращали сопротивление следствию и признавались в «грехах», начинали сами давать показания, полные вымыслов. Так, по показаниям В.С. Осипова-Занозина, эсеровские группы существовали в краевом земельном управлении, в «Сибторге», Сибкрайсоюзе, краевой конторе «Сибпушнины», в системе образования и целом ряде других организаций и учреждений. Упоминание любого из них предполагало и упоминание новых фамилий, что было на руку следствию. Это, во-первых, подтверждало «наличие» действительно широко разветвленной эсеровской организации на территории Западной Сибири, а во-вторых, приводило к срабатыванию принципа цепной реакции по выявлению новых связей. А уж как добиваться нужных показаний, следователи НКВД были обучены<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Мамонтова Е.А. «На благо трудового народа». Судьба эсера-максималиста И.И. Жуковского-Жука // Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области... Вып. 2. С. 576–581.

<sup>2</sup> Леонтьев Я. Репрессии против членов ОПК // Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Образование, развитие, ликвидация. 1921–1925 : матер. междунар. науч. конф. (28–29.10.2001). М., 2003. С. 248–250, 258.

<sup>3</sup>

Согласно отчету УНКВД по Новосибирской области за 1937 г., ликвидированная эсеровская террористическая шпионско-диверсионная организация насчитывала 617 активных членов. Руководство УНКВД посчитало необходимым по каким-то причинам выделить эту организацию. Кроме того, на территории Томской области (в рамках современных административно-территориальных границ) сотрудниками Томского горотдела НКВД также были «вскрыты» несколько эсеровских (либо с участием эсеров) организаций. Так, по делам кадетско-монархической и эсеровской организаций были репрессированы 1 288 чел., 1 122 из которых расстреляны в 1937–1938 гг., по делу японо-эсеровской контрреволюционной организации осуждены 16 чел., в том числе 15 – к ВМН, еще двое прошли по делу ПСР и также были расстреляны. Таким образом, из 1 306 арестованных были расстреляны 1 139 (87,2%)<sup>1</sup>.

Не были оставлены без внимания бывшие члены ПСР и в послевоенные годы, когда в системе МГБ СССР были подняты из архивов все материалы на бывших членах «антисоветских» политических партий и движений. Были проведены оперативно-розыскные мероприятия по установлению их местонахождения и отдельные взяты в оперативную разработку, будучи уже в начале 1950-х гг. осуждены на длительные сроки лишения свободы, как, например В.А. Дорохов, получивший в 1952 г. 25 лет лагерей по приговору Военного трибунала войск МГБ Западно-Сибирского округа. По материалам следствия он организовал группу, поставившую своей целью создание разветвленной антисоветской эсеровской организации в городах Сибири, и даже составил для неё «Программу партии прогрессивных демократов»<sup>2</sup>.

Разработка отдельных бывших «политиков» и наблюдение за ними велось по 5–7 лет и даже на конец 1954 г. ещё 4 бывших члена ПСР продолжали оставаться в поле зрения Томского управления КГБ.

Еще одной формой активного воздействия на бывших соратников в борьбе с самодержавием была их политическая обработка и принуждение к отказу от своих взглядов и убеждений, в частности через публичное отречение от членства в рядах своих партий. В 1920-е гг. газеты регулярно публиковали заметки, сообщения и письма в редакции от отдельных представителей оппозировавших большевикам партий, чаще всего эсеров. Иногда эти обращения выносились на центральные полосы, в других случаях размещались где-то «на задворках», в зависимости от политической обстановки и потребности в таких покаяниях. Так, в августе 1923 г. в газете «Советская Сибирь» была опубликована заметка под названием «Образумились», в которой рассказывалось, что группа бывших членов партии эсеров из Барнаула опубликовала в местной печати письмо о разрыве всех связей с эсеровскими верхами, «докатившимися до формального соглашения с заматерелыми врагами рабочего движения... Партии С[оциалистов]-

<sup>1</sup> Подсчитано автором по результатам обработки базы данных репрессированных жителей Томской области.

<sup>2</sup> Дорохов Василий Антонович, 1895 г.р., ур. дер. Михайловка Красноярского края, проживал в г. Томске, не работал. Арестован в 1951 г. Осужден на 25 лет ИТЛ. Реабилитирован 29 марта 1990 г. См.: Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-10227; Боль людская... 2-е изд. Т. 1. С. 426.



Р[еволюционеров], как активной силы в процессе русской и международной революции нет, и возрождение её невозможно»<sup>1</sup>. Авторы письма, члены партии с 1902 г., одобряли постановление Всероссийского съезда бывших рядовых членов партии с.-р. и заявляли о готовности встать под знамена 3-го Интернационала. А в декабре 1924 г. газета поместила в самом уголке, у сгиба 11-й полосы, обращение бывшего члена партии эсеров М. Шадрина: «Гражданин Редактор! Не откажите напечатать в редактируемой Вами газете нижеследующее: В партию С.Р. я вступил в 1904 г., вследствие тактического расхождения в 1906 г. отошел к фракции максималистов-интернационалистов.

С первых дней февральской революции (1917 г.) мелкобуржуазная тенденция партии в целом, а равно и её левых группировок, и компромиссная политика, направленная во вред революции и трудящихся, убедили меня в невозможности оставаться в её рядах.

В сентябре 1917 г. я, по вышеуказанным причинам, из партии С.Р. вышел и ни идейного, ни организационного участия в работах этой организации с указанного выше времени не принимал и не принимаю.

Подтверждаю **вторично** о своем выходе из партии С.Р., считаю необходимым заявить свою солидарность с РКП(б), которая самоотверженной борьбой привела пролетариат России к совласти и верно и неуклонно ведет к созданию коммунистического общества на земле»<sup>2</sup>.

Практика подобных заявлений-самоотречений имела место в середине и во второй половине 1920-х гг. Время от времени кто-нибудь из «политических оппонентов» заявлял на страницах газет: «Я осуждаю преступное деяние партии с[оциал]-р[еволюционеров], променявшей интересы рабочего класса на Колчака, Юденича, Деникина, Врангеля и других прихвостней буржуазии. Осознавая, что я слепо верил в партию с[оциал]-р[еволюционеров], которая своими лозунгами ослепляла глаза рабочим, вела нас по ложному пути, я желаю смыть это позорное пятно, которое лежит на мне до настоящего времени. Я пред лицом всего пролетариата отрекаюсь от партии с[оциалистов]-р[еволюционеров], как от предательницы рабочего класса. Мохно С.Л.»<sup>3</sup>. Либо: «Считаю, что тактика партии с[оциал]-р[еволюционеров] гибельна для дела революции и тормозит работу компартии, направленную в интересах международного пролетариата. И.А. Айзенберг»<sup>4</sup>.

Иногда это были целые подборки, как, например, «Письма о выходе из анти-советских партий»: «Летом 1918 г. в г. Камне (ныне г. Камень-на-Оби Алтайского края. – В.У.) я вступил в партию эсеров, но в этом же году порвал всякую связь с нею и с тех пор эсером себя не считаю. Иван Ковригин.

<sup>1</sup> Советская Сибирь. 1923. 28 авг.

<sup>2</sup> Там же. 1924. 4 дек.

<sup>3</sup> Выписка из газеты «Коммуна» (г. Анжеро-Судженск), № 194 от 2 сентября 1924 г. См.: Архив УФСБ РФ по Томской области. Ф. 10. Д. 35. Л. 24.

<sup>4</sup> Из обращения 22 апреля 1927 г. в газету «Красное знамя» с просьбой опубликовать. См.: Там же. Л. 47. Айзенберг Илья Александрович, 1900 г.р., род. г. Красноярск, проживал в г. Томске, студент Томского университета. Арестован в 1923 г. Осужден к 2 годам ссылки в Марийскую область. Реабилитирован 27 ноября 1995 г. См.: Боль людская... 2-е изд. Т. 1. С. 29.

В апреле 1917 г. я вступил в ишимскую группу партии эсеров. В июле того же года я вышел из неё по причине контрреволюционности её позиции. Единственно революционной партией считаю РКП. М. Катков»<sup>1</sup>.

Что двигало этими людьми, можно только предполагать, скорее всего, желание выжить. Конечно же, подобные публикации сыграли значительную роль в развале рядов названных выше партий, внося сумятицу и сомнения в умы колеблющихся, разочарование в недавних соратниках и товарищах по борьбе за счастье народа.

Таким образом, эсеры стали «главной» политической партией из числа оппонировавших большевикам в годы советской власти, принявшей на себя основной удар репрессий. Большевики прекрасно понимали, что за ПСР могла пойти крестьянская масса, поскольку её призывы и лозунги разделялись миллионами сограждан. Поэтому советское руководство на протяжении нескольких десятков лет после своего прихода к власти продолжало политику преследования эсеров и добивалось их полного разгрома, в том числе через физическое уничтожение.

### 3.2. Меньшевики

Менее активно проявляли себя представители партии меньшевиков. С первых дней освобождения от колчаковцев их основные усилия были направлены на восстановление профсоюзных организаций. Уже через месяц в Томске было зарегистрировано 30 союзов. В Новониколаевске меньшевики заняли в профсоюзах руководящие позиции. Одновременно они активно участвовали и в кампании по выборам в Советы в 1920 г. Используя легальные возможности партии, меньшевики успешно вели агитационно-пропагандистскую работу, что позволило им найти поддержку в союзе печатников Красноярска, среди железнодорожников, металлистов и печатников Иркутска. Именно в этих городах они смогли получить мандаты в Советы, а в Иркутске даже сохранить свою фракцию, хотя число мест в Совете сократилось с 25 до 9<sup>2</sup>.

Прокатившиеся по Сибири в 1920–1921 гг. «мятежи» и «восстания» заставили большевистское руководство принимать меры по нейтрализации деятельности политпартий через систему репрессий. В частности, еще весной 1920 г. были запрещены (за исключением Иркутска) все эсеровские и меньшевистские газеты, а летом 1921 г. – последние меньшевистские организации; проведены аресты в ряде городов. Эсеры и меньшевики вынуждены были уйти в подполье и восстанавливать свои организации. Подпольные губкомы и горкомы существовали в Омске, Томске, Новониколаевске и Красноярске<sup>3</sup>. Органы ВЧК в этот период начали активно использовать агентурно-оперативные мероприятия по проникновению в эсеро-меньшевистские организации, вербовке агентуры из числа пред-

<sup>1</sup> Советская Сибирь. 1926. 5 февр. В этой же подборке размещена информация о выходе из партии меньшевиков еще в 1920 г.: «В конце 1920 г. я вышел из одесской организации РСДРП (меньшевиков) и до 1924 г. оставался внепартийным социал-демократом. Факты позорной деятельности меньшевиков заставили меня окончательно разорвать всякую связь с ними. И.Я. Серчук».

<sup>2</sup> Добровольский А.В. Эсеры и меньшевики Сибири в условиях перехода к нэпу... С. 8–17.

<sup>3</sup> Добровольский А.В. Эсеры и меньшевики в общественно-политической жизни Сибири (1919–1924 гг.) : автореф. дис канд. ист. наук. Новосибирск, 1995. С. 14.

ставителей этих партий. Если в 1920–1921 гг. они могли говорить о количестве организаций и числе их участников весьма приблизительно, то в 1922 г. уже были созданы оперативные позиции, позволявшие отслеживать почти все шаги и действия этих организаций.

Активизация деятельности чекистских органов была следствием прямых указаний ЦК РКП(б). Еще в мае 1921 г. на X Всероссийской конференции РКП(б) был заслушан специальный доклад ЦК «О роли эсеров и меньшевиков в переживаемый период», где было высказано предположение о возможных действиях эсеров и меньшевиков по укреплению своих позиций в советском аппарате, в профсоюзах и кооперации. В июне 1921 г. ЦК РКП(б) обсудил вопрос «О работе меньшевиков». Были отмечены активизация деятельности эсеровских и меньшевистских организаций, укрепление связи между ними. Эта активизация выражалась в организации меньшевиками и эсерами забастовочного движения в стране, в частности в связи с ухудшением продовольственного снабжения рабочих и служащих, задержками выплаты заработной платы. Например, в Иркутске, пользуясь легальным положением, меньшевики вели антикоммунистическую пропаганду и находили поддержку и понимание у части населения, преимущественно служащих (в Сибири они имели достаточно крепкие позиции среди связистов, печатников, учителей, врачей и соработников).

Органам ВЧК поручалось усилить борьбу с этими партиями на местах по пресечению их антисоветской деятельности. Соответствующие директивные документы ВЧК дублировали упомянутое выше партийное указание.

К этому времени «пути-дороги» меньшевиков и эсеров начали расходиться. Меньшевики не поддержали эсеров в организации крестьянских выступлений в Сибири в начале 1920-х гг. Более того, ЦК РСДРП(м) в письме сибирским партийным организациям о крестьянских волнениях в Западной Сибири уже в апреле 1921 г. предлагал всем меньшевистским организациям в Сибири «...по отношению к этим восстаниям и впредь продолжать держаться занятой ими резко отрицательной позиции. Наши партийные организации Сибири должны использовать всю сумму своего политического влияния на сибирскую деревню для предотвращения крестьянских восстаний»<sup>1</sup>. В изложенной далее программе действий предлагалось развернуть «широкую политическую кампанию» против восстаний и «расширить и углубить работу» среди крестьянства и рабочих по популяризации политической и экономической программ партии и т.п. При этом делалось предупреждение, что уклонение от указанной работы являлось бы политической ошибкой и прямым нарушением целого ряда партийных решений.

В работе состоявшейся в Новониколаевске во время съезда инструкторов-кооператоров губсоюза 5–8 августа 1921 г. Всесибирской конференции РСДРП(м) приняли участие представители организаций Москвы, Красноярска, Томска, Барнаула, Омска, Бийска и Семипалатинска, в том числе 2 члена ЦК партии, 3 члена Сиббюро РСДРП(м) и 7 представителей губернских городов Сибири. Член ЦК партии Дембский проинформировал участников конференции, что ряды членов

<sup>1</sup> Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. Меньшевики в 1921–1922 гг. М., 2002. С. 220–223.

партии в стране объединяли более 4 тыс. чел., а Новониколаевская организация насчитывала более 140 чел. Конференция постановила, что поскольку эсеры грубо нарушили соглашение о взаимoinформировании и координации действий, особенно во время февральских событий в Петропавловске и Тобольске (Западно-Сибирское восстание. – В.У.) и т.п., далее с ними ни в какие блоки не вступать. Что касается вопросов тактики, то конференция рекомендовала членам партии активнее входить в органы власти, в профсоюзы и месткомы. Решением конференции также был признан целесообразным перевод Сиббюро из Омска в Новониколаевск, что соответствовало положению дел в Сибири, там были лучшие условия для деятельности местных организаций партии<sup>1</sup>.

«Малозаметная» деятельность меньшевиков, возможно, была связана с уходом наиболее активной части партии в глубокое подполье, в котором руководящие кадры ничем себя не проявляли. Так, в сводке за март 1921 г. за подписью председателя Томской губчека отмечалось, что «организация с-д меньшевиков, вероятно, как в Томске, так и во всей Сибири, совершенно безличная. Во главе её хотя и стоят люди с многолетним партийным стажем, но их ряды делаются все реже и реже. Членов местной организации можно сосчитать по пальцам»<sup>2</sup>. К сводке прилагался список Томской организации социал-демократов меньшевиков из 24 чел. Тем не менее в ходе кампании чистки РКП(б) от идейно-политических противников В. Ленин в статье «О чистке партии», опубликованной в газете «Правда» 20 сентября 1921 г. в отношении меньшевиков, писал, что из вступивших в РКП позже начала 1918 г. меньшевиков надо бы оставить в партии не более одной сотой доли, да и то проверив каждого оставляемого трижды и четырёхжды. Результат – 72 «вычищенных» меньшевика.

Но уже к началу следующего года меньшевики и эсеры развернули достаточно активную работу в связи с выборами в Советы. Так, 8 января 1922 г. из Красноярска информировали Сиббюро ЦК РКП(б), что в связи с переброской большинства партийных работников на подработки меньшевики под видом «беспартийных» выставили свои списки для выборов в городской Совет, и при отсутствии надлежащих партийных сил в городе есть опасения, что таковые пройдут. В профсоюзе совслужащих за список «беспартийных кандидатов», выдвинутых меньшевиками и эсерами, проголосовало 120 чел. Выступившие на этом собрании меньшевики Кузнецов и Мельниченко не скрывали своей оппозиционности РКП(б) и критиковали политику советской власти. Более острая ситуация складывалась в Иркутске. Там в ряде организаций списки коммунистов бы-

<sup>1</sup> Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. Меньшевики в 1921–1922 гг. М., 2002. С. 571–574; Добровольский А.В. Эсеры и меньшевики Сибири в условиях перехода к нэпу... С. 32–33. Инициатором проведения конференции было бюро Омского комитета партии, которое направило во все партийные организации письмо, содержащее оценку положения в организациях, информацию о попытках легализации партийных организаций и необходимости «напрячь все силы к собранию на местах разрозненных с-д сил и к недопущению партийного раздора». Предлагалось установить связь с Омским бюро меньшевистской организации и оказать материальную поддержку для оплаты расходов по тиражированию литературы, которой снабжались все города Сибири. См.: Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. Меньшевики в 1921–1922 гг. С. 316–318.

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Ф. 10. Д. 34. С. 17–18.

ли провалены, что привело к рассмотрению «иркутского вопроса» 21 февраля 1922 г. на закрытом заседании Сиббюро ЦК РКП(б).

Не менее активно меньшевики вели себя и при выборах профсоюзных органов. На собрании служащих Енисейского губпродкома при выборах нового месткома все кандидатуры и предложения членов РКП(б) были отвергнуты. В сводке-донесении отмечалось, что «под влиянием меньшевистских лидеров речи коммунистов встречали с шумом, криком и чуть ли не свистом»<sup>1</sup>. Примеры подобного были не единичны.

Достаточно сильными и серьезными были позиции меньшевиков и эсеров в потребительской кооперации. В ряде губерний (Енисейская, Иркутская) управления потребкооперации возглавляли представители этих партий. И в «Сибцентросоюзе» они возглавляли целый ряд ведущих отделов, что позволяло проводить «свою политику» во взаимоотношениях с кооператорами, отличную от политики органов советской власти. Наличие крепкого ядра в Центросоюзе, в том числе занятие руководящих постов, позволяло использовать этот орган для проведения партийных совещаний и заседаний, поддерживать связь с другими регионами, Москвой через систему командировок курьеров.

Сильные позиции в кооперации у эсеров и меньшевиков сложились в силу грамотности специалистов (представителей этих партий) и крепких корпоративных связей. Представителей РКП старались по возможности не допускать в свои ряды, а при удобных случаях компрометировать, в том числе и за непрофессионализм. Потребовалось принятие кардинальных мер со стороны РКП(б), в том числе репрессивного характера, чтобы ситуацию в профсоюзах и кооперации переломить. Представители партий эсеров и меньшевиков стали утрачивать свои позиции. Несколько ранее изменилась в пользу РКП(б) ситуация и в Советах. К осени 1922 г. позиции меньшевиков сохранились только в профсоюзных организациях Наркомата связи в Омске, кожевенников и коммунхоза в Иркутске<sup>2</sup>.

Деятельность меньшевистских организаций была менее активной, чем организаций эсеров. Можно привести пример по делу, которое велось Томским губотделом ГПУ в 1922 г., на 7 жителей Томска – представителей партии меньшевиков. В ноябре 1922 г. сотрудник СО ГПУ Иванов вынес по этому делу следующее заключение: «Принимая во внимание, что данных для привлечения в судебном порядке... не добыто и что, по заключению Томского ГО ГПУ, эти лица активно себя не проявляют и на рабочую среду влияния не имеют, следовательно, являются для гор. Томска социально не опасными, дело о всех 7 прекратить и сдать в архив»<sup>3</sup>. Коллегия ГПУ на судебном заседании 27 ноября 1922 г. с этим заключением согласилась.

Но одновременно с этим в октябре 1922 г. в Томске были арестованы меньшевики Б.В. Тихомиров, А.П. Новицкий, В.Е. Воложанин, М.И. Елевич,

<sup>1</sup> Добровольский А.В. Эсеры и меньшевики в условиях перехода к нэпу... С. 42–45.

<sup>2</sup> Там же. С. 54.

<sup>3</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Ф. 10. Д. 1011. С. 144.

А.А. Наумов, И.М. Рыбальский и некоторые другие, в основном бывшие члены губернского и городского комитетов РСДРП. Часть из них была осуждена<sup>1</sup>.

Кампания арестов меньшевиков началась летом 1922 г., после того, как 27 июля региональные органы ГПУ получили циркуляр с указанием развернуть мероприятия против партии меньшевиков. В сентябре 1922 г. СО ГПУ потребовал от губернских отделов проведения операций по изъятию членов РСДРП; предписывалось обыски провести у всех активных и неактивных, а также и у сочувствующих. Арестованным предъявлять обвинение в принадлежности к партии меньшевиков и те контрреволюционные деяния, кои устанавливаются материалами, обнаруженными при обыске.

Осенью 1922 г., в соответствии с указаниями Центра, губотделы ГПУ начали работу по составлению списков членов антисоветских партий, проявивших себя враждебно по отношению к советской власти. Списки собирались в полномочных представительствах, где обрабатывались, обобщались, а затем направлялись на места для работы по принятию конкретных мер. Преобладали в списках представители партий эсеров и меньшевиков. Такая работа была проведена и в Западной Сибири.

Чтобы появилось полное представление о том, что собой представляли оперативные учеты, приведу конкретный пример, как накапливались сведения на одного из фигурантов.

**«Ф.И.О.** Ермолаев Петр Михайлович.

**Возраст** – 39.

**Социальное положение** – служащий.

**Образование** – высшее, юрист.

**Какое положение занимал в партии, должность и каким пользовался влиянием** – со школьной скамьи усвоил С.Д. идеологию. При царизме подвергался преследованиям. В 15–17 гг. издавал газету в Красноярске меньшевистского направления. Принадлежал к партии активистов, указывая, что примыкал к фракции большевиков. Замечен в агитации за рабочее правительство в Англии (Макдональда), каковое считает более применимым, чем соввласть. Требует освещения.

**К какому течению примыкал** – правому.

**Вступление в партию** – 1904.

**Активность** – пассивен, после последних перевыборов в Англии.

**Судимость** – не судился.

**Примечание** – рост высокий, телосложение слабое, волосы черные, глаза черные, лицо смуглое, продолговатое. Тип инородца»<sup>2</sup>.

Такого рода списки оформлялись в виде таблиц.

По результатам этой работы были проведены аресты, и к концу 1922 г. РСДРП фактически перестала существовать как общероссийская организация. Число участников меньшевистских организаций, по данным местных органов ГПУ, исчислялось единицами, в лучшем случае – десятками. Репрессии против

<sup>1</sup> См. сноску 4 на с. 314.

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Ф. 10. Д. 41. Л. 1.

партии заставили её уже осенью 1922 г. перейти на нелегальное положение. К концу 1923 г. организации РСДРП действовали лишь в 8 городах страны.

По решению Политбюро ЦК РКП(б) в декабре 1922 г. была начата акция по удалению меньшевиков из всех государственных и кооперативных организаций и учреждений. В первую очередь чистке подверглись структуры, где была возможность у меньшевиков контактировать с рабочим классом. Органы ГПУ получили право заменять административную ссылку заключением в лагерь тех «активных» меньшевиков, в отношении которых не было получено данных, позволявших предавать их суду<sup>1</sup>.

Наибольшая активность в вопросах борьбы с меньшевиками была проявлена в марте 1923 г. Инициатором её выступил Ф. Дзержинский, который 22 марта направил записку в адрес ряда руководителей ГПУ, в которой предлагал использовать возможности партийно-советских органов и органов ГПУ в работе с меньшевиками. Первые должны были организовать соответствующую кампанию в печати, мобилизовав партийно-комсомольский актив предприятий, фабрик, вузов. На органы ГПУ возлагались проведение оперативных комбинаций по внедрению агентуры в ряды меньшевиков с целью разложения организаций изнутри, применение мер репрессивного характера, удаление меньшевиков из госаппарата и вузов, лишение их связи с границей и средств для проведения партийной работы, а также ряд других мероприятий.

Предусматривалось получение санкции ЦК РКП(б) на право производства в государственном масштабе массовых операций против меньшевиков, Бунда и Поалей-Цион. Предполагалось изъятие меньшевиков из НКПочтеля, НКПС, Наркомвнешторга, НКВД, ВЦСПС и Профинтерна в целях пресечения связей с границей. Были определены места ссылки с учетом возраста и физического состояния. В вузах предполагалось изъятие активных меньшевиков-студентов и создание фильтровочных комиссий с представительством ГПУ в период набора студентов. Члены партии должны были помогать органам ГПУ, предоставляя информацию о меньшевиках; они могли быть привлечены к строгой партийной ответственности за контакты и помощь представителям партии меньшевиков. 24 марта состоялось очередное совещание руководителей ГПУ по данному вопросу с новой детализацией предстоящей кампании.

И уже 29 марта Политбюро ЦК РКП(б) приняло постановление «О меньшевиках», одоблив предложения Ф. Дзержинского. Была создана комиссия по окончательной разработке мер борьбы с меньшевизмом. Но в мае 1923 г. Ф. Дзержинский писал Уншлихту, направив копию Менжинскому: «Массовые высылки возбуждают у меня большие опасения...», так как они сплачивают и организуют высылаемых, чего допускать никак нельзя. Кроме того, надо было организовать отбор высылаемых – в ссылку наиболее активных, а с остальными разбираться более тщательно и внимательно. «Лучше в 1000 раз ошибиться в сторону либеральную, чем послать неактивного в ссылку, откуда он сам вернется, наверное, активным, а его осуждение сразу будет мобилизовано против нас. Ошибку всегда

---

<sup>1</sup> Павлов Д.Б. Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 50-х годов. М., 1999. С. 80–82.

успеем исправить. Высылку потому только, что он когда-то был меньшевиком, считаю делом вредным»<sup>1</sup>.

Завершая свое послание, он просил дать ход его записке. Однако следует констатировать, что по прошествии всего двух месяцев Ф. Дзержинский вынужден был задуматься о целесообразности проявленной им инициативы. Чем это было вызвано, судить сложно. Возможно, с осознанием того, что выбранный путь борьбы с меньшевиками не верен и не позволит добиться желаемого результата. Озвученная им позиция «услышана» не была. На места по партийной и чекистской линиям уже были направлены директивы и указания по развертыванию борьбы с меньшевиками, предполагавшие строжайшую ответственность и учет.

Исполнение не заставило себя ждать. Так, в отчете Томского губотдела ГПУ о деятельности эсеров, меньшевиков и анархистов в марте 1923 г. было подчеркнуто, что меньшевики свою работу вели в основном в рабочих районах, но были дезорганизованы. Действуя «...как в хозяйственных органах, так и среди рабочих, стараясь привлечь беспартийные массы на свою сторону, меньшевики, так же как и СР, опираются на ошибки РКП и линию проводят, аналогичную проводимой линии СР... Агитация меньшевиков в рабочих районах губернии замечается: в Ленинском, Прокопьевском, Анжерском и г. Томске среди промышленных предприятий. Агитация в общем направлена на дискредитацию соввласти и членов РКП и дезорганизацию в проведении тех или других коммунистических основ.

В Анжерском районе на почве несвоевременной доставки продуктов велась агитация к забастовке. Такие же явления замечены в Ленинском районе.

В Томске замечено проведение меньшевистской линии среди печатников»<sup>2</sup>.

Весной 1923 г. по «примеру ПСР» была предпринята попытка организации съезда бывших меньшевиков с целью ликвидации партии. Все началось с конференции в Тифлисе и организации групп по подготовке подобных форумов в ряде европейских городов России. Всей работой руководила специальная комиссия ЦК РКП(б), которая и предложила руководству страны не проводить общероссийский съезд. Это предложение было принято на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) 22 октября 1923 г. («О созыве съезда меньшевиков во Всесоюзном масштабе»). Однако Политбюро ЦК 10 ноября приняло постановление, в котором отмечалась необходимость дальнейшей работы по созыву съездов и конференций бывших меньшевиков в губернских масштабах, но решение вопроса о созыве съезда было отложено. Например, в ЦДНИ ТО хранится докладная записка начальника Томского губотдела ОГПУ М.А. Филатова<sup>3</sup> со списками мень-

<sup>1</sup> Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. Меньшевики в 1922–1924 гг. М., 2004. С. 654–658.

<sup>2</sup> Из истории земли томской. 1921–1924... С. 327.

<sup>3</sup> Филатов Михаил Алексеевич, 1891 г.р., ур. с. Слизнево Арзамасского уезда Нижегородской губ., русский, из крестьян, образование начальное. Служил в царской армии, учительствовал, снова служил в армии. В РКП(б) с марта 1919 г., в органах ВЧК – с мая 1919 г., служил в Омской губЧК, затем – зам. начальника Сибирской окружной транспортной ЧК, начальник Новониколаевской губЧК, начальник Томского губотдела ОГПУ. В сентябре 1925 г. откомандирован в распоряжение ЦК РКП(б). В мае 1928 г. вновь отозван в ОГПУ – зам. начальника ХОЗО ОГПУ. В июне 1930 г. – секретарь Президиума ВСНХ СССР, с 1931 г. – директор завода № 5 в г. Смоленске.



шевиков в связи с организацией ликвидационного съезда<sup>1</sup>. Ограничились проведением ряда региональных конференций, численность делегатов которых часто совпадала с численностью организаций, представляемых ими. В апреле 1924 г. решением Политбюро «операция по меньшевикам» была свернута, но в регионах конференции продолжались еще до сентября.

Все предпринимаемые властью шаги по «самороспуску» партий и проведению съездов «бывших» ни в коей мере не смогли затронуть социалистическое подполье, хотя именно оно и являлось главной целью в борьбе с «политическими оппонентами». Летом 1923 г. Бюро ЦК РСДРП при участии представителей правого крыла партии и Бунда провели в Подмоскowie конференцию, на которой приняли решение о недопустимости сокращения партийной работы. По этой причине власть в отношении «неразоружившихся» социалистов вернулась к прежней тактике.

В июне 1923 г. на места был разослан циркуляр ЦК РКП(б) с грифом «Совершенно секретно» «О мерах борьбы с меньшевиками», в котором отмечалось, что «при полном разгроме и дезорганизации буржуазно-либеральных партий, а также эсеров, находящихся в данное время в состоянии политического маразма, партия меньшевиков является сейчас единственной организацией, пытающейся развернуть работу на всей территории союза республик... Это обстоятельство делает партию меньшевиков в настоящее время самой значительной силой на нашей политической арене, работающей в направлении буржуазной контрреволюции. Вот почему одна из ближайших самых насущных задач нашей партии заключается в том, чтобы вырвать с корнем меньшевистские связи в рабочем классе, окончательно дезорганизовать и разбить партию меньшевиков, совершенно дискредитировать её перед рабочим классом и уничтожить всякую возможность меньшевистского влияния на него в будущем»<sup>2</sup>.

Партийным органам на местах рекомендовалось: «приступить в порядке партийного руководства профессиональными, кооперативными, советскими и хозяйственными органами к систематическому изъятию меньшевиков из профсоюзов, потребительской кооперации, трестов, страховых компаний и вузов. До сведения партийных комитетов было доведено, что по линии ГПУ даны специальные инструкции на предмет борьбы с меньшевиками»<sup>3</sup>. Партийные комитеты при этом обязывались оказывать всяческое содействие органам ГПУ.

Циркуляр был рассмотрен на закрытых заседаниях губкомов РКП(б); приняты конкретные решения и постановления.

В августе 1923 г. Сиббюро ЦК РКП(б) направило секретарям губкомов РКП(б) личные письма, в которых указывало на наличие в ряде районов организаций меньшевиков, а также неорганизованных групп, стремившихся распространить свое влияние среди рабочих, в профсоюзных, культурно-просвети-

<sup>1</sup> В списках названы, в частности, М.П. Кожевников и его жена Н.Г. Целикова, родители известного советского писателя, Героя Социалистического Труда, депутата Верховного Совета СССР, секретаря правления Союза писателей СССР В.М. Кожевникова. См.: *Кан Г.И.* Вадим Кожевников: история семьи писателя в документах томских архивов // Документ как социокультурный феномен : сб. матер. IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Томск, 29–30 октября 2009 г.). Томск, 2010. С. 436–441.

<sup>2</sup> Цит. по: *Павлов Д.Б.* Указ. соч. С. 88–90.

<sup>3</sup> Жертвы политических репрессий в Алтайском крае... Т. 1. С. 21.

тельских, кооперативных, советских организациях и учреждениях. Сиббюро потребовало провести учет меньшевиков во всех профорганах и незамедлительно снять их с занимаемых должностей. Рекомендовалось также провести проверку и чистку рабочих клубов, страховых органов и т.п. Кроме того, письма содержали рекомендации в отношении руководителей организаций и предприятий, их предупреждали о недопустимости оказания какой-либо помощи увольняемым меньшевикам<sup>1</sup>.

В соответствии с этим циркуляром все партийные организации оказались перегруженными работой не на один месяц: одни определяли тех, кто имел или мог иметь отношение к меньшевикам, другие, вышестоящие, решали судьбы отобранных. 5 ноября 1923 г. на закрытом заседании президиума Томского губкома РКП(б) был рассмотрен вопрос «О меньшевиках, работающих в данное время в учреждениях гор. Томска». По итогам рассмотрения вопроса президиум постановил: «I. Считать необходимым снятие с работы следующих:

1. Герцева [А.И.] из страхкасы.
2. Хотнянского [П.В.] из губсоюза.
3. Серебрянникова - «-».
4. Николинского из транспортного цеха, о чем сообщить последнему.
5. Каменева [Д.Н.] из ГСПС.

II. Седова [П.В.] оставить при условии дачи ему рекомендации губсоюза...»<sup>2</sup>.

Видимо, этим все и закончилось, так как в процессе обработки материалов архива Управления ФСБ РФ по Томской области ни один из названных выше не был выявлен в числе репрессированных, если только они не уехали из Томска и не попали в жернова репрессий в других регионах.

Достаточно заметную роль в борьбе с политическими оппонентами, особенно на первом этапе, сыграли созданные весной–летом 1922 г. при губернских и областных комитетах партии бюро содействия органам ГПУ. Решение об этом было принято ЦК РКП(б) 22 марта 1922 г. Бюро обязывались взять на учет всех эсеров и меньшевиков в учреждениях Наркомтруда, кооперативах и хозяйственных органах; выдавать необходимые справки и всячески содействовать органам ГПУ; представлять органам ГПУ нужную информацию.

Циркулярным письмом № 21 от 25 апреля 1922 г. Секретно-оперативным управлением (СОУ) ГПУ доводилась «Инструкции об организации Бюро содействия органам ГПУ на местах», в которой указывалось, что бюро прежде всего организуются в губернских центрах, во всех государственных, общественных, кооперативных и частных учреждениях и на предприятиях, а также в высших учебных заведениях. При этом комплектоваться они должны были только из коммунистов.

В состав бюро содействия ответственные руководители предприятий или учреждений (обязательно коммунисты), по согласованию с губотделом ГПУ, выделяли по три коммуниста с партийным стажем не менее трех лет, а в промышленных районах – не менее двух лет из числа ответственных работников учре-

<sup>1</sup> Добровольский А.В. Эсеры и меньшевики Сибири в условиях перехода к нэпу... С. 85–86.

<sup>2</sup> Из истории земли томской. 1921–1924... С. 343. По картотеке ЦДНИ ТО проходит Р.А. Серебрянникова.

ждения или предприятия. Коммунисты за работу в составе Бюро содействия вознаграждений не получали.

Обязанности членов этих формирований включали в себя систематический сбор сведений о различного рода антисоветских проявлениях по месту своей работы; выявление контрреволюционных элементов в учреждении (или на предприятии), а также и вне его; изучение политической благонадежности личного состава учреждения; учет выявленных членов антисоветских партий и других контрреволюционных элементов; на каждого заполнялась секретная анкета, разработанная СОУ ГПУ.

Бюро содействия помогали негласным сотрудникам органов ГПУ при поступлении на службу с целью разработки конкретных лиц и в контакте с губотделом ГПУ вырабатывали планы «политического оздоровления» учреждения или предприятия путем увольнения и «перевоски» тех или иных «нежелательных элементов».

Создавались бюро с таким расчетом, чтобы через отдельных своих членов охватить все учреждения в целом или их важнейшие отделы. Члены бюро вместе или по очереди обязаны были присутствовать на общих собраниях сотрудников учреждения, чтобы знать их настроения. К выполнению отдельных заданий можно было привлекать надежных и проверенных членов партии.

Не реже двух раз в месяц члены Бюро содействия должны были собираться для обсуждения политического состояния личного состава учреждения или предприятия. Результаты обсуждения в форме двухнедельной сводки передавались губотделу ГПУ через постоянного представителя бюро, который, в свою очередь, получал очередные задания от сотрудников губотдела. Члены бюро работали в условиях строжайшей конспирации. Всей деятельностью руководили секретные отделения губотделов ГПУ.

Из Сиббюро ЦК РКП(б) 15 апреля 1922 г. во все местные губернские партийные комитеты были направлены циркулярные телеграммы о необходимости незамедлительного создания Бюро на местах<sup>1</sup>. И уже через месяц партийные органы информировали Сиббюро о том, что бюро созданы на большинстве предприятий и учреждений, в том числе по Омской губернии – в 22, а Енисейской – в 25<sup>2</sup>. Создание подобного органа оказалось делом далеко не простым, так как не во всех учреждениях имелись партячейки, а многие руководители пытались уклониться от этого занятия, ссылаясь на загруженность. Другие просто отказывались выполнять данное поручение, не понимали сущности конспирации и допускали умышленно или неумышленно расконспирацию мероприятий и секретных сотрудников ГПУ. Однако поставленную вышестоящими органами задачу необходимо было решать, и 15 июля 1922 г. секретарь Сиббюро ЦК РКП(б) Ем. Ярославский подписал мандат № 4468 о поручении органам ГПУ создать при всех областных, советских, профессиональных, хозяйственных и других организациях Бюро содействия. Мандатом предписывалось: «Товарищи коммунисты, состоящие во главе этих учреждений и организаций, обязуются [в] порядке пар-

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 161. Л. 107.

<sup>2</sup> Добровольский А.В. Эсеры Сибири начала 20-х годов... С. 22–23.

тийной дисциплины оказывать губотделу ГПУ всемерное содействие и выполнение аккуратно всех возложенных на них задач»<sup>1</sup>.

Бюро содействия сработало как невод с мелкой ячеей (тотальный контроль за жизнью граждан и своевременная реакция на любые отступления от «норм и правил», принятых коммунистическим руководством страны).

На первом этапе роль Бюро содействия была достаточно значительной и позволила добиться определенных результатов в борьбе с эсерами и меньшевиками, в частности по их установлению, учету и организации контроля за ними, выявлению связей. Постепенно задачи расширялись, становились все более общими и расплывчатыми, сводились к общему наблюдению и информированию подразделений ГПУ. Эффективность работы бюро стала снижаться, на мой взгляд, вследствие нескольких причин. Во-первых, со временем на местах уже не ощущалась «острота» борьбы с политическими оппонентами в силу их малочисленности; во-вторых, бюро не могли объективно, в силу своей политической принадлежности, реально внедряться в организации «оппонентов», выведывать их планы и намерения, а тем более проводить работу по их разложению и подрыву (отсюда и переход к более общим задачам); в-третьих, накопились «обиды» со стороны партийных органов (особенно губернского и областного уровня) на отделы ГПУ, которые не всегда спешили делиться информацией по причине специфики своей деятельности. Передаваемая органами ГПУ в Центр информация обобщалась, докладывалась высшему партийному руководству страны и уже оттуда могла поступать в партийные органы на места с соответствующими указаниями. Часто получалось, что эти указания демонстрировали партийным органам на периферии, что те не владеют информацией.

Однако органы ГПУ–ОГПУ не собирались отказываться от такого удобного «инструмента» контроля за жизнью советского общества (многие десятилетия эта задача оставалась в ряду первоочередных). Партийное руководство страны также было удовлетворено получаемой от органов информацией. По этой причине Сиббюро ЦК РКП(б) 15 февраля 1924 г. вынуждено было направить циркулярное письмо всем секретарям губернских и областных комитетов РКП(б) об активизации Бюро содействия губотделам ОГПУ: «...как видно из сведений, поступающих с мест, коммунисты – члены «Бюро содействия» – за последнее время под разными предлогами и причинами заметно уклоняются от выполнения заданий «Б.с.», не посещают явки, назначаемые уполномоченными губотделов ОГПУ, вследствие чего последним для сбора необходимых сведений приходится посещать места службы членов «Б.с.» и этим расконспирировать последних.

Некоторые губкомы, считая работу «Б.с.» как бы отошедшей и не нужной в данное время, по отношению указанных партийцев никаких решительных мер не принимают, ограничиваясь лишь только мягким внушением, что на некоторых коммунистов никакого воздействия не производит.

Принимая во внимание, что Бюро содействия как подсобный орган губотделов ГПУ на местах имеет колоссальное значение и при правильной постановке

---

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 161. Л. 105.

дела хорошо подобранными старыми, ответственными и вполне сознательными коммунистами – членами «Б.с.» – значительно может облегчить работу органов ОГПУ, Сиббюро ЦК РКП предлагает всем губкомам принять все меры к восстановлению ослабевающей работоспособности членов «Б.с.» и следить за точным и своевременным исполнением коммунистами – членами «Б.с.» – циркуляра ЦК РКП от 22 марта 1922 г. за № 11543/1812»<sup>1</sup>.

Подобное указание позволило несколько активизировать деятельность губернских и областных комитетов партии, но к качественному улучшению работы не привело. Вина за это лежала не только на партийных органах, но и непосредственно на губотделах ОГПУ. Так, зам. начальника Томского губотдела ОГПУ Степняк в сообщении на запрос губкома РКП(б) о работе Бюро содействия в мае 1924 г. сообщал, что «за период ноябрь–декабрь 1923 г. и январь–апрель 1924 года работа бюро протекала слабо благодаря пассивному и казенному отношению членов его... за последнее время в связи с перемещением членов Б[юро]/с[одействия] в другие учреждения связь с многими порвалась и **лишь сейчас возобновляем** (выделено мною. – В. У.)»<sup>2</sup>.

Этот вывод говорит о многом: руководитель органа ОГПУ практически признал, что данной работой органы ОГПУ (как, впрочем, и партийные) всерьез не занимались, пустили её на самотек. Подобная ситуация была характерной и для других регионов Сибири. В конечном итоге Бюро содействия органам ОГПУ как форма оперативной деятельности и взаимодействия партийных органов и органов ОГПУ в борьбе с политическими оппонентами свое существование прекратили. Возможно, по причине постановки партией большевиков перед органами ОГПУ новых задач.

По данным органов ОГПУ, в период с 1923 по 1928 г. только в Москве были ликвидированы 6 составов нелегальных бюро ЦК меньшевиков, 3 состава малого бюро ЦК, бюро Московского комитета меньшевиков, 4 склада литературы, архив бюро ЦК и т.п. Деятельность партии меньшевиков «активный характер» носила преимущественно в крупных городах европейской части страны и республиках Закавказья<sup>3</sup>. В 1928 г. в Баку была арестована эмиссар заграничного ЦК меньшевиков Е.Л. Бройдо, нелегально прибывшая в СССР, согласно оперативным данным, для организации антисоветской работы. В 1929 г. был арестован еще один нелегал от меньшевиков – М.А. Броунштейн-Валерианов<sup>4</sup>. Сотрудники ОГПУ уго-

<sup>1</sup> См. : ЦДНИ ТО. Ф-1. Оп. 1. Д. 96. Л. 412.

<sup>2</sup> Там же. Л. 413.

<sup>3</sup> История советских органов государственной безопасности... С. 189; Меньшевики в большевистской России. Меньшевики в 1922–1924 гг. С. 671–673. В документальном сборнике «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД...» приведены несколько шифрограмм о восстании в Грузии, активными организаторами которого были меньшевики (Т. 2. С. 237–240). Восстание было подавлено, а несколько сот его участников расстреляны «по решениям Закчека» (С. 239).

<sup>4</sup> Броунштейн-Валерианов Михаил Адамович, 1886 г.р., ур. г. Елисаветграда, еврей, образование высшее, меньшевик с 1903 г., в 1922 г. за активную партийную деятельность выслан на Урал, откуда позднее выслан за границу. В 1929 г. нелегально с паспортом на имя Я.Н. Левина прибыл в СССР. В июне 1929 г. был арестован и в октябре осужден на 5 лет лишения свободы, в августе 1931 г. приговор был пересмотрен и срок увеличен до 10 лет заключения в политизолятор. Наказание отбывал в Суздальском политизоляторе. В 1934 г. направлен в ссылку в пос. Колпашево Нарымского округа, где работал экономистом-

товили им роль активных участников в готовящемся процессе по делу Союзного бюро меньшевиков.

Несмотря на определенную помощь из-за границы, работу на территории СССР организовывать стало сложнее, так как постоянный прессинг со стороны органов ОГПУ не мог не давать результатов. Восстановить и организовать работу Бюро ЦК уже не представлялось возможным. В силу этих обстоятельств упоминания о меньшевиках встречались все реже, в основном когда речь шла о ссылке политических оппонентов в отдаленные районы Сибири и об их положении в ссылке.

Таким образом, можно прийти к выводу, что в конце 1920-х гг. в СССР не существовало меньшевистской организации, планировавшей государственный переворот. Однако на протяжении десятилетий советская историческая наука рассматривала процесс Союзного бюро ЦК РСДРП, состоявшийся 1–9 марта 1931 г. в Москве, как результат разоблачения действовавшей на территории страны контрреволюционной организации<sup>1</sup>. Члены организации обвинялись в поддержке контактов с антисоветскими силами за рубежом, вредительстве на предприятиях народного хозяйства и, главное, в подготовке свержения советской власти.

Наличие целого ряда рассекреченных архивных документов однозначно свидетельствует об искусственном характере процесса над представителями партии меньшевиков, организованного по личному указанию Сталина. Процесс стал третьим в череде процессов над «вскрытыми» органами ОГПУ «контрреволюционными» организациями – Промпартии, Трудовой крестьянской партии и Союзного бюро меньшевиков. Были «выявлены» тесные связи между названными организациями по преследуемым целям и задачам.

На организованный процесс были выведены 14 чел. из числа бывших членов партии меньшевиков. Но следует учесть, что трое никогда не состояли в этой партии, а остальные вышли из её рядов еще в начале 1920-х гг. Все осуждены на 5 и 10 лет лишения свободы с поражением в правах. Всего к ответственности были привлечены 122 чел., многие из которых были арестованы и осуждены ранее. Осуждение остальных прошло через Коллегию ОГПУ и «тройки»<sup>2</sup>. Аресты основной массы участников прошли в период с августа 1930 г. по апрель 1931 г., т.е. когда процесс был уже завершен. Одной из жертв процесса стал секретарь Омского отделения политкаторжан Ф.Г. Виноградов (Ягодин-Виноградов), осужденный в 1931 г. за «протаскивание на лекциях (в педтехникуме и зерновом институте. – В.У.) меньшевистских установок и сочувственное отношение к

---

плановиком окружного земельного управления. Вновь арестован в 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 19 августа 1993 г. См. : Боль людская... 2-е изд. Т. 1 . С. 188.

<sup>1</sup> В соответствии с документами ОГПУ в 1929–1932 гг. в результате активных агентурно-оперативных мероприятий были «вскрыты и ликвидированы» меньшевистские организации на территории СССР. Например, в Ленинграде были вскрыты нелегальные группы, которыми руководили возвратившиеся в 1929 г. из ссылки меньшевики Фукс, Гольдберг, Зарх и др. Группы поддерживали связь с аналогичными организациями в других городах страны и с зарубежными организациями, откуда получали антисоветскую литературу. В качестве общего вывода: **Всей нелегальной деятельностью меньшевиков в СССР руководило так называемое Союзное бюро, вскрытое ОГПУ в 1931 г.**

<sup>2</sup> Меньшевистский процесс 1931 года : сб. документов : в 2 кн. М., 1999. Кн. 1. С. 6. О 100 арестованных неоднократно упоминалось сотрудниками ЭКУ ОГПУ, о чем в своем дневнике писал арестованный по данному делу М.А. Броунштейн-Валерианов (см. ниже).

меньшевикам, осужденным по процессу социал-демократов (меньшевиков)»<sup>1</sup>. Арест послужил причиной его исключения из Общества политкаторжан.

Следствие в ходе подготовки процесса вели сотрудники экономического управления ОГПУ. О методах следствия свидетельствуют участники процесса: И.И. Рубин<sup>2</sup>, Н.Н. Суханов<sup>3</sup> и М.П. Якубович<sup>4</sup>. Последний, в частности, в 1967 г. по вопросу своей реабилитации обращался к Генеральному прокурору СССР и рассказал, что «следователи ОГПУ и не стремились... вскрыть действительные политические связи и действительную политическую позицию... кого-либо... из обвиняемых. У них была готовая схема «вредительской» организации, которая могла быть сконструирована только при участии крупных и влиятельных работников государственного аппарата, а настоящие подпольные меньшевики такого положения не занимали и поэтому для такой схемы не годились. По-видимому, эта схема была подсказана работникам ОГПУ руководителями двух уже ранее намеченных процессов – Промпартии и ТКП – Рамзиным и Кондратьевым, которые впоследствии выступали свидетелями обвинения на процессе Союзного бюро... Необходимо было для стройности политической композиции дополнить нарисованную ими схему наличием третьей политиковредительской организации – социал-демократической»<sup>5</sup>.

Именно Н.Д. Кондратьев оказал «посильную помощь» в разоблачении руководителей Союзного бюро. Своими показаниями он подтвердил наличие устоявшихся связей между «контрреволюционными» организациями и их лидерами, единство в целях и задачах политической деятельности по свержению советской власти и реставрации капиталистических отношений в стране.

9 марта 1931 г. Специальным судебным присутствием Верховного Суда СССР все 14 обвиняемых, выведенных на процесс, были осуждены к различным срокам лишения свободы – от 2 до 10 лет.

<sup>1</sup> Виноградов (Ягодин-Виноградов) Филипп Гаврилович, 1882 г.р., ур. с. Ильинского Уральской обл., в революционном движении с 1903 г., меньшевик. Занимался партийной работой в Красноярске, Томске, Кургане, Омске, Петропавловске, четырежды арестовывался, дважды был судим (1904 и 1909 гг.). В советское время арестовывался в 1923 г. за принадлежность к партии меньшевиков. См.: *Папков С.* Эволюция политического контроля и преследования членов ОПК в Западной Сибири в 1925–1935 гг. // Всесоюзное общество политкаторжан... С. 174.

<sup>2</sup> Рубин Исаак Ильич, 1886 г.р., меньшевик и член Бунда с 1904 г., в 1917–1920 гг. – член ЦК Бунда, в 1921–1923 гг. – меньшевик. В 1926–1930 гг. – зав. кабинетом политэкономики Института К. Маркса и Ф. Энгельса. В 1931 г. осужден по процессу Союзного бюро на 5 лет лишения свободы, наказание отбывал в Верхнеуральском политизоляторе, с 1933 г. – в ссылке в Тургае, а затем в Актюбинске. Повторно арестован в 1937 г., расстрелян. Реабилитирован посмертно в 1991 г.

<sup>3</sup> Суханов (настоящая фамилия – Гиммер) Николай Николаевич, 1882 г.р., ур. г. Москвы, из семьи мелкого железнодорожного чиновника, в 1903–1906 гг. эсер, арестовывался в 1904 г., в 1910 г. выслан на три года в Архангельскую губ., в 1915–1920 гг. меньшевик. Член ВЦИК. Накануне ареста занимался научной и литературной деятельностью. Арестован в 1930 г. и осужден на 10 лет лишения свободы. Наказание отбывал в Верхнеуральском политизоляторе, откуда в 1935 г. был направлен на поселение в Тобольск, где работал учителем немецкого языка и экономистом. В 1937 г. арестован повторно. Обвинен в шпионаже в пользу немецкой разведки. Расстрелян в г. Омске. Реабилитирован посмертно в 1991 г.

<sup>4</sup> Якубович Михаил Петрович, 1891 г.р., в 1908–1921 гг. меньшевик. Зам. начальника сектора снабжения Наркомторга СССР. Арестован в 1930 г. и осужден на 10 лет лишения свободы. Наказание отбывал в Верхнеуральском политизоляторе и Унжлаге (Горьковская обл.). Особым совещанием НКВД за антисоветскую деятельность вновь был осужден на 10 лет ИТЛ. В марте 1952 г. освобожден и направлен в Карагандинский дом инвалидов под надзор органов госбезопасности.

<sup>5</sup> Подробнее см.: *Викторов Б.А.* Без грифа «Секретно»... С. 161–164.

В числе арестованных членов партии меньшевиков, не выведенных на процесс, оказался и М.А. Броунштейн-Валерианов. Казалось бы, его место должно быть в первых рядах участников процесса хотя бы по причине того, что он являлся сотрудником «Социалистического вестника» – печатного органа меньшевиков, а во-вторых, именно он нелегально прибыл в СССР из-за границы, пусть и по частным делам. Все это могло весьма удачно вписаться в ход процесса, но не случилось, хотя Броунштейн уже был арестован. Ни он, ни упоминавшаяся ранее Е. Бройдо «помощи» сотрудникам ОГПУ не оказали и на процесс выведены не были<sup>1</sup>. Причину произошедшего с Броунштейном удалось выяснить только по прошествии шестидесяти лет.

В процессе реабилитации в архиве Управления ФСБ РФ по Томской области было выявлено дело, связанное с арестом в 1937 г. экономиста-плановика Нарымского окрЗУ М.А. Броунштейн-Валерианова. О важности «преступника» свидетельствовал тот факт, что справку на его арест составил лично начальник 3-го отделения 4-го отдела УГБ УНКВД по ЗСК лейтенант госбезопасности Жук, с ним согласился начальник 4-го отдела, будущий начальник УНКВД по Алтайскому краю С. Попов, утвердил – зам. начальника УНКВД майор госбезопасности, будущий нарком внутренних дел УССР А. Успенский, а санкционировал арест прокурор края И. Барков (после ареста в 1938 г. выбросился из окна четвертого этажа здания УНКВД в Новосибирске). Сотрудникам Нарымского окрЗУ НКВД арест такой «фигуры» доверен не был.

В деле Броунштейн-Валерианова в качестве неоформленного приложения (см.: Архив УФСБ по ТО. Д. П-11575) хранилась машинописная копия его дневника<sup>2</sup>, на обложке которого была помета: «Т. Агранову<sup>3</sup>. Рукопись, написанная Броунштейном (Валерьяновым); найдена закопанной во дворе прогулки Суздальского п/из (политизолятора. – В.У.). Андреева<sup>4</sup>. 23/VI.33 г.». Каким образом копия оказалась в материалах дела, где хранилась и почему не была использована ранее, какова её роль в названном деле, установить не удалось. Эта ценная находка стала важнейшим источником информации по делу Союзного бюро меньшевиков.

В дневнике Броунштейн-Валерианов писал, что в конце декабря 1930 г. его перевели из Верхнеуральского политизолятора в Москву для «подготовки»

<sup>1</sup> Член исполкома Заграничного бюро ЦК РСДРП Р.А. Абрамович еще в 1936 г. писал, что Броунштейн не помог «чекистскому процессу против меньшевиков», и тогда был выбран вымышленный курьер ЦК партии в СССР – Р. Абрамович. См.: *Меньшевистский процесс 1931 года...* Кн. 1. С. 31.

<sup>2</sup> См.: Уйманов В.Н. Дневник меньшевика М.А. Валерианова-Броунштейна как исторический источник / В.Н. Уйманов // *Уголовно-исполнительная система : взаимодействие науки и практики : материалы науч.-практ. конференции, 9-10 ноября 2016 г. Новокузнецк. 2016. С. 219-236.*

<sup>3</sup> Агранов Яков (Янкель) Саулович (Шмаевич, Шевелевич), 1893 г.р., ур. Могилевской губ., еврей, образование начальное. В 1912–1915 гг. эсер, с 1915 г. в партии большевиков. В органах ВЧК с 1920 г., на момент процесса – начальник СО ОГПУ СССР, занимал руководящие должности в системе НКВД, последняя должность – начальник УНКВД Саратовской области. Комиссар госбезопасности 1-го ранга. Награжден двумя орденами Красного Знамени и двумя знаками «Почетный работник ВЧК–ГПУ». Арестован в 1937 г. Расстрелян в 1938 г. Не реабилитирован.

<sup>4</sup> Возможно, это Андреева-Горбунова Александра Азарьевна (1887–1951), из семьи священника, образование среднее, в партии большевиков с 1905 г. В органах ГПУ с 1921 г. – помощник, зам. начальника Секретного отдела ОГПУ. В 1939 г. осуждена на 15 лет ИТЛ. Реабилитирована в 1957 г.



к процессу. Уже в ходе второго допроса следователь Дмитриев<sup>1</sup> начал «прощупывать» подследственного на предмет сотрудничества: «Мы настолько сильны, что можем вас освободить». В ходе последовавшего разговора Броунштейн-Валерианов категорически отказался стать «чьим-нибудь политическим орудием». После этого допросы прекратились и были возобновлены только через три недели, но следствие вели уже два других следователя – сотрудники экономического управления ОГПУ. Методы допроса также претерпели изменения, «ибо это были [допросы] второй степени – полукофевейер с перерывами на завтрак, обед и ужин. Спать почти не удавалось: отпускали утром между 6 и 7 часами. Ложился, засыпал, через короткое время (приблизительно через час) давали щетку, ложился спать – звали в уборную, потом едва сомкнешь глаза – хлеб. Потом последовательно с известными промежутками – сахар, папиросы, кипятюк. После завтрака – опять допрос».

Целью этих допросов было получение сведений о деятельности меньшевистской организации, связях с границей, целях и задачах подрывной контрреволюционной деятельности и т.п. Был использован метод «убеждения», когда подследственному зачитывались «чистосердечные» показания других «подельников», дабы склонить к раскаянию и признанию вины. «Развернулась уже знакомая вам картина падения всех этих несчастных. Это было жалкое, но в то же время потрясающее зрелище. Теперь мы уже с этим свыклись. Но тогда я был потрясен. Я знал этих людей, и для меня не подлежало сомнению, что люди дали показания эти под пытками или при виде пыток. Пошли невероятные, гнусные и лживые показания, унижительные показания Суханова, Громана<sup>2</sup>, Шера<sup>3</sup>, Берлацкого<sup>4</sup>, Лежнёва<sup>5</sup>, Якубовича и прочих. Некоторые из них были моими друзьями, иные просто близкими людьми. Я хорошо знал их как порядочных людей, знал по десять, по двадцать лет. Не могло быть совершенно сомнений, что эти люди пережили нечто страшное раньше, чем дошли до такого безмерного падения... Чекисты хотели этими показаниями именно и убедить меня, чего я должен ждать. Подкреплялось это прямы-

---

<sup>1</sup> Дмитриев (Плоткин) Дмитрий Матвеевич, 1901 г.р., ур. г. Екатеринослава, еврей, большевик с 1922 г. (по другим данным – с февраля 1928 г.). В ВЧК с 1922 г., с 1924 г. – уполномоченный, помощник начальника и начальник отделения ЭКУ ОГПУ, с ноября 1931 г. – помощник начальника ЭКУ. С июля 1936 г. – начальник УНКВД по Свердловской области. Комиссар госбезопасности 3-го ранга. Награжден орденами Ленина и Красного Знамени, двумя знаками «Почетный работник ВЧК-ГПУ». Арестован в 1938 г. Расстрелян. Не реабилитирован.

<sup>2</sup> Громан Владимир Густавович, 1874 г.р., в 1903–1921 гг. член партии меньшевиков. Член президиума Госплана СССР, член коллегии ЦСУ СССР. Арестован в июле 1930 г. и осужден на 10 лет лишения свободы. Наказание отбывал в Верхнеуральском политизоляторе, а затем в Суздальском ИТЛ, где и умер 11 марта 1940 г. Реабилитирован посмертно в 1991 г.

<sup>3</sup> Шер Василий Владимирович, 1884 г.р., в 1903–1920 гг. меньшевик. Член правления Госбанка СССР, зам. заведующего архивом Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Арестован в 1930 г. и осужден на 10 лет лишения свободы. Наказание отбывал в Верхнеуральском политизоляторе. Умер в заключении в 1940 г. Реабилитирован посмертно в 1991 г.

<sup>4</sup> Берлацкий Борис Маркович, 1889 г.р., в 1904–1922 гг. меньшевик. Член правления Госбанка СССР. Арестован в 1930 г. и осужден на 8 лет лишения свободы. Наказание отбывал в Верхнеуральском политизоляторе, а затем в Балашовской тюрьме (Ленинградская обл.), где и умер в декабре 1937 г. Реабилитирован посмертно в 1991 г.

<sup>5</sup> Лежнёв А.И. – брат бывшей жены М.А. Броунштейна-Валерианова.

ми угрозами: когда я говорил, что давать показаний не буду, они не раз заявляли – “мы вас заставим говорить”».

Высказываемые в его адрес угрозы вызвали протестное сопротивление, завершившееся объявлением «смертельной голодовки». По возвращении в камеру «отдал надзору всю пищу, бывшую в камере (папиросы оставил), и написал заявление председателю ОГПУ, в котором писал приблизит[ельно] следующее. Мне, соц[иал]-д[емократу], борящ[емуся] за прекращение братоуб[ийственной] борьбы в раб[очем] кл[ассе], предъявляют гнуснейшие обвинения в интервенционизме и вредительстве. Я неоднократно опровергал эти мерзости. Однако ваши следователи продолжают приставать ко мне с этими гнусн[ыми] обвинениями. Меня хотят превратить в полит[ическую] проститутку. Не вижу другого выхода, как умереть. Объявляю с сегодняшнего вечера смертельную голодовку.

На другой день ко мне приходил врач, фельдшер, начальник, потом врач ходил часто... Отняли папиросы. Врач дал мне английскую соль – “в ваших же интересах, иначе будете страдать от скверного запаха”. Я это знал и без врача, но поставил условие, чтобы не было какой-нибудь питательной примеси... Врач резонно ответил, что в слабительном пит[ье] давать примеси все равно бесполезно. Мне дали еще (фельдш[ер]) мятные капли для полоскания рта».

В первые шесть дней допросы еще продолжались, но затем Броунштейн-Валерианов был переведен в Бутырскую больницу, где ему пытались давать искусственное питание: «Я оказал основат[ельное] сопротивление. Мне сели на ноги и на живот, держали руки и голову, раскровянили щипцами рот, чтобы разжать зубы. Удалось влить лишь незначительную часть молока, но и эта часть вызвала понос. На 9-й или 10-й... день сделали еще одно вливание через рот. На этот раз удачно. Ибо я так ослабел, что сопротивл[ение] было быстро сломлено. Но и на этот раз спасительный понос сделал питание безрезультатным.

Голодовка, вероятно из-за плохого сердца, оказала на меня сильное влияние. Со мной много носились, было у меня чуть не 5 врачей. Один специалист по сердцу. Видно за сердце очень боялись, а моя смерть в их расчет не входила... Решающее значение имело мое плохое состояние. Видимо, положение мое было опасно. Тут дело было в сердце. Кроме того, я стал как бы заживо разлагаться. Не у всех голодающих бывает, чтобы шел такой смрад, что вроде трупного запаха...».

На исходе двенадцатых суток голодания акция протеста была прекращена, в Коллегию ОГПУ было отправлено заявление следующего содержания: «Выслушав уверения п[омощника] н[ачальника] ЭКУ Гая<sup>1</sup>, что: 1) ОГПУ не намерено превратить меня в свое полит[ическое] орудие, 2) что угрозы, посулы и пр[очие] действия следователей, имеющ[их] целью выудить у меня нужные показания, больше применяться не будут, 3) что моя бывшая жена не будет арестована с це-

---

<sup>1</sup> Гай (Штоклянд) Марк Исаевич (Исаакович), 1898 г.р., ур. г. Винницы, еврей, родился в семье кустаря-шапочника, образование – 2 курса юридического факультета Киевского университета, большевик с 1919 г. В органах ВЧК–НКВД с 1922 г. В ЭКУ ОГПУ на различных должностях с мая 1927 г., с декабря 1932 г. – зам., начальник ОО ОГПУ СССР, начальник ОО ГУГБ НКВД СССР, с 1936 г. – начальник УНКВД Восточно-Сибирского края. Комиссар госбезопасности 2-го ранга. Награжден орденом Красного Знамени и двумя знаками «Почетный работник ВЧК–ГПУ». Арестован в апреле 1937 г. Расстрелян. В реабилитации отказано по причине нарушения законности и фальсификации следственных дел.

люю оказать на меня давление, 4) что следствие по делу будет закончено в течение 2 недель, и во всяком случае не позже чем в мес[ячный] срок, – я снимаю голодовку.

При этом я выражаю надежду, что ОГПУ не поставит меня вновь в положение, вынуждающее меня прибегнуть к столь острому средству».

Однако в ходе дальнейшего следствия он конкретных показаний так и не дал. По этой причине, а также в силу его активного сопротивления следствию и очень плохого состояния здоровья Броунштейн-Валерианов на процесс «выведен» не был. Не признал он и достижений социалистического строительства в стране, отказался от вступления в ВКП(б). После нескольких месяцев пребывания в тюрьме, уже после окончания процесса, он был переведен в Ярославль, где на основании данных следствия и протокола процесса меньшевиков ему предъявили обвинение в нелегальном переходе границы для организации партийной работы, участии в заседаниях Союзного бюро и составлении инструкций о вредительстве и интервенции. В октябре был вынесен приговор – 10 лет лишения свободы.

В дневнике М.А. Броунштейн-Валерианов очень подробно описал ситуацию, связанную с подготовкой процесса, условия и режим содержания под стражей, механизм следственных действий и методы работы следователей ЭКУ ОГПУ.

Подробный рассказ о Броунштейне-Валерианове в связи с процессом Союзного бюро меньшевиков, во-первых, позволяет еще раз оценить происходившие в стране события по уничтожению политических оппонентов большевиков и конкретизировать механизм фабрикации показательных политических процессов, роль и место в нем органов ОГПУ. Во-вторых, процесс связал данного «оппонента» с Сибирью до последних дней его жизни.

Однако вернемся к его аресту в 1937 г. В справке на арест указано, что Броунштейн-Валерианов с 1922 по 1929 г., проживая за границей, работал в Заграничной делегации РСДРП(м). В апреле 1929 г. под именем Левина Якова Нароновича направлен в СССР для нелегальной работы с целью создания руководящего меньшевистского центра и активизации меньшевистской работы, но был арестован и осужден на 10 лет заключения в политизолятор. В сентябре 1934 г. направлен для отбывания ссылки в пос. Колпашево Нарымского округа, где возобновил активную контрреволюционную работу по воссозданию меньшевистского подполья. С этой целью он восстановил связь с отбывавшим в г. Камне ссылку членом ЦК меньшевиков Цедербаум-Ежовым<sup>1</sup>, а также с томскими меньшевиками. Отмечались и факты проведения нелегальных собраний в 1935–1936 гг. с привлечением активных троцкистов и зиновьевцев. С учетом изложенного было принято решение о его аресте и привлечении к ответственности по ст. 58-2-11-10 УК РСФСР.

20 марта 1937 г. Броунштейн был допрошен начальником 3-го отд. Ойротского областного УНКВД (?!) лейтенантом Пасынковым. Протокол допроса содер-

---

<sup>1</sup> Ежов (Цедербаум) Сергей Осипович, 1873 г.р., в революционном движении с 1898 г. С 1906 г. член ЦК партии меньшевиков. Неоднократно арестовывался в годы советской власти. В марте 1935 г. Особым совещанием за «контрреволюционную деятельность» на 5 лет был выслан в г. Камень (ныне Алтайский край). Вновь арестован в марте 1937 г. Расстрелян в 1939 г. Реабилитирован посмертно в 1990 г.

жал сведения о биографических данных, констатировал второй брак и четверых детей от первого. В п. 14 анкеты указано, что до революции он арестовывался четырежды: по два раза в Елисаветграде (1904 и 1908 гг.) и Петербурге (1906 и 1910 гг.), трижды дела прекращались за недоказанностью (отсутствием улик), в последнем случае был осужден к 3 годам ссылки в Архангельскую губернию, которую отбывал в с. Кулугыры Пинежского уезда. После революции арестовывался трижды – в 1921 г. пробыл под стражей 10 месяцев, в 1922 г. осужден к ссылке на 1 год, но по его личному ходатайству ссылка была заменена на выезд за границу. «В 1929 г. вернулся в СССР нелегально, был арестован и заключен на 5 лет в политизолятор (расхождение со справкой на арест. – В.У.), по отбытии срока... выслан в Нарым, где и проживал до ареста, последовавшего 10 марта 1937 г. В белых и царской армиях не служил, кроме партии социал-демократов (м), ни в каких бандах и организациях не состоял... За время пребывания в ссылке политической деятельностью не занимался»<sup>1</sup>.

Участие Броунштейна в контрреволюционной организации подтверждалось «изобличавшими» его показаниями участников эсеровской контрреволюционной организации В.С. Осипова-Занозина и С.М. Музыкантова<sup>2</sup>. Так, Осипов-Занозин 25 апреля 1937 г. сообщил, что Броунштейн является одним из руководителей подпольной работы меньшевиков в Сибири<sup>3</sup>, а на допросе 15 июля он уже показал, что Броунштейн совместно с эсером Д.Д. Донским<sup>4</sup> вел работу по организации повстанческих кадров. С.М. Музыкантов на допросе 5 июля 1937 г. подтвердил факты контрреволюционной деятельности Броунштейна<sup>5</sup>.

Следствие шло, видимо, «ни шатко, ни валко», и 24 мая Броунштейн объявил «смертельную голодовку», о чем сообщил в своем заявлении на имя начальника УНКВД. Он писал: «После ареста 15 июня 1929 г. я в течение целых 8 лет подвергался тяжелой репрессии. 5 ½ лет я просидел в тюрьмах, 2 ½ года в полутюрьме в Нарымской ссылке. Оставаясь по убеждениям социал-демократом, я в ссылке никакой политической деятельностью, как это хорошо известно НКВД, не занимался. Тем не менее я был 10 марта без всяких оснований арестован. 2 ½ месяца меня держали в тюрьме без единого допроса, если не считать вызова для заполнения анкетных данных, и в нарочито тяжелых тюремных условиях (на полуголодном общем пайке, без книг, без тюфяка, два месяца валялся под койкой и т.д.).

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-11575. Л. 1–2, 12.

<sup>2</sup> Осипов-Занозин Василий Степанович, 1878 г.р., ур. Саратовской губ., проживал в г. Новосибирске, служащий Сибкрайсоюз. Арестован в 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован посмертно.

Музыкантов Семен Михайлович, 1888 г.р., ур. дер. Мышково Велижского р-на Западной обл., проживал в дер. Новосельцево Парабельского р-на, единоличник (так в деле. – В.У.). Арестован в 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 5 июня 1959 г. См.: Боль людская... 2-е изд. Т. 2. С. 408.

<sup>3</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-11575. Л. 47.

<sup>4</sup> Донской Дмитрий Дмитриевич, 1881 г.р., ур. г. Москвы, русский, образование высшее, член ЦК партии эсеров. Был осужден по процессу эсеров в 1922 г., сослан в Нарымский край на 3 года. Но срок ссылки неоднократно продлевался. Работал заведующим Парабельской районной больницей. Покончил жизнь самоубийством в сентябре 1936 г.

<sup>5</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-11575. Л. 29, 52.

Беспричинный арест после 8 лет тяжелых репрессий убеждает меня в том, что НКВД хочет меня физически извести. Я иду навстречу НКВД и объявляю смертельную голодовку (подчеркнуто в тексте. – В.У.) с требованиями:

1. Немедленно направить меня обратно в Колпашево для отбывания срока ссылки.

2. Если моя жена Ольга Васильевна Селикова увезена из Колпашево, то вернуть её обратно в Колпашево, чтобы соединить со мной.

3. Предоставить в ссылке работу по специальности...

В то время как в странах Западной Европы компартии по указанию Коминтерна создают единый фронт с моими товарищами по Рабочему Социалистическому Интернационалу и требуют объединения с социалистами в единые партии, НКВД не дает физически существовать социал-демократу даже среди тайги и болот Нарыма и доводит его до смертельной голодовки.

Моя смерть от голодовки является протестом против варварского преследования русских социалистов...»<sup>1</sup>.

В следующем (по хронологии) документе – рапорте на имя начальника 4-го отдела УГБ Попова от 7 июня 1937 г. – младший лейтенант госбезопасности Сыч докладывал о беседе с арестованным Броунштейном, состоявшейся 5 июня, в которой последний заявил, что «факт своей голодовки он расценивает как серьезный шаг, направленный против органов НКВД..., он уверен в том, что его голодовка поднимет шум в заграничной социал-демократической и другой печати, т.к. он фигура международного масштаба и находится под защитой II Интернационала, который знает каждый его шаг, т.к. следит за ним как за одним из крупнейших политических деятелей.

Этим своим шагом он... надеется привести к прекращению преследования с-д в России, т.к. считает, что Советскому Союзу в настоящей обостренной международной обстановке невыгодно портить отношения с международной с-д, тем более сейчас, когда особенно остро стоит вопрос о едином фронте в борьбе с фашизмом... Он заявил... «хочу показать международному пролетариату, что Советский Союз мало чем отличается от фашистской Германии, где также преследуют и сажают в концлагеря и тюрьмы политических деятелей, а в частности с-д»<sup>2</sup>.

Вне всякого сомнения, никого он своей голодовкой не напугал (изменились времена, а с ними и правила игры), как и заявлениями о своей значимости.

Следствие по делу Броунштейна-Валерианова было закончено 15 октября 1937 г., о чем свидетельствовали подписи на обвинительном заключении «следователей» и начальника УНКВД Г. Горбача. Он был обвинен в числе других ссыльных меньшевиков как организатор «контрреволюционной повстанческой шпионско-диверсионной террористической организации», вся подрывная деятельность которой проводилась совместно с контрреволюционной организацией эсеров, возглавляемой Сибирским бюро ПСР... Виновным себя не признал, но «изобличался показаниями Осипова-Занозина и Музыкантова»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-11575. Л. 10.

<sup>2</sup> Там же. Л. 8–9.

<sup>3</sup> Там же. Л. 56.

После этого началось нечто странное. В конце 1937 – начале 1938 г. в Западной Сибири регулярно проводились массовые расстрелы, в отдельные месяцы до нескольких тысяч человек, но Броунштейна не трогали. Только по прошествии 8 месяцев, 11 июня 1938 г., прокурор при Главной военной прокуратуре военюрюрист 2-го ранга Липов утвердил обвинительное заключение по ст. 58-2-8-11 УК. Был еще пункт 58-1 «а» («Измена Родине»), но чьей-то рукой он вычеркнут. Уже на следующий день был готов протокол подготовительного заседания Выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР. Члены суда соглашались с выдвинутым обвинением и принимали дело к производству и слушанию в закрытом судебном заседании в порядке постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г.

Заседание сессии началось 13 июня в 13 ч 10 мин. После соблюдения всех процессуальных норм было зачитано обвинительное заключение. На вопрос председательствующего, признает ли Броунштейн-Валерианов себя виновным, последний ответил, что виновным себя не признает и показания, данные им на предварительном следствии, не подтверждает. Были озвучены показания шести свидетелей, которые подсудимый также не признал. В СССР он приехал из-за границы нелегально в 1929 г. для ведения «демократической» работы. Ничего больше он добавлять не стал и в последнем слове заявил о своей невинности. После этого суд удалился на совещание и по возвращении объявил приговор. В 13 ч 20 мин заседание было закрыто.

Согласно приговору Броунштейн был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-1«а»-2-8-11 УК РСФСР (п. 1 «а» был вписан от руки в преамбулу приговора), и приговорен к ВМН – расстрелу с конфискацией принадлежавшего ему имущества. Приговор объявлялся окончательным и подлежал немедленному исполнению.

Вся судебная процедура заняла 10 мин. Фразу из протокола судебного заседания об оглашении свидетельских показаний, видимо, следует рассматривать как формальный акт. Скорее всего, речь шла об оглашении выдержек из этих показаний, так как многие протоколы (все в печатном виде) насчитывали до 10–20 страниц, либо о простом перечислении фамилий «свидетелей».

В этот же день приговор был приведен в исполнение, о чем к делу подшита справка 1-го спецотдела УНКВД по Новосибирской области № 814.

Прокуратурой Томской области М.А. Броунштейн-Валерианов был реабилитирован 19 августа 1993 г. «в связи с фальсификацией материалов дела и отсутствием доказательств виновности»<sup>1</sup>.

Арест Броунштейна-Валерианова 9 марта 1937 г. явился прямым следствием февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б): на пленуме из уст первого секретаря ЦК КП(б) Грузии Л. Берии прозвучали обвинения представителей бывших социалистических партий и движений в контрреволюционной деятельности, направленной против советской власти. Его посыл в той или иной степени был поддержан другими представителями партийно-советского руководства страны. Результат этого – циркуляр НКВД о чистке ссыльных представителей этих пар-

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-11575. Л. 60–62, 64–65.

тий и движений, их аресты. Учеты в органах НКВД были поставлены на должный уровень – выявить и изолировать необходимые контингенты труда не представляло. Позднее задачи по названным контингентам были конкретизированы в приказе НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г.

В Сибири оборвалась жизнь еще одного участника вышеназванного процесса – Н.Н. Суханова, отбывавшего ссылку в Тобольске. В 1937 г. он был арестован и обвинен в связях с немецкой разведкой. После ареста его перевезли в Омск, где под воздействием следователя Саенко он и подписал требуемое признание. В письме А.И. Микояну 10 сентября 1938 г. Н. Суханов изложил обстоятельства своего признания: «Мне было предложено самому изложить мои «преступления» против советской власти, то есть выдумать их. Это свое требование следователи подкрепляли всем арсеналом мер физического воздействия, постепенно пускаемого в ход в восходящем порядке... Главную роль в моем поведении сыграли угрозы поставить в аналогичное с моим положение мою жену, старую и больную женщину. На основании прецедента я знал, что это отнюдь не пустые угрозы. Избавить жену от подобной участи было для меня необходимой ценой. Я уступил требованиям омских властей...»<sup>1</sup>. Суханов полагал, что его протокол, полный несоответствий и нелепостей, при внимательном изучении на более высоком и профессиональном уровне позволит выявить предвзятость следствия и его невиновность. Но это никому не было нужно.

Долгое время Н. Суханов находился в омской тюрьме. Будучи приговоренным к высшей мере наказания еще 7 сентября 1939 г., он был расстрелян только 29 июня 1940 г., да и то после вмешательства Омского обкома ВКП(б), направившего в Управление кадров ЦК ВКП(б) письмо, в котором высказывалось беспокойство, что Военная коллегия Верховного Суда СССР и Особое совещание НКВД СССР не рассматривают дела по году. В качестве примера подобных «ненормальностей» было приведено дело Н. Суханова<sup>2</sup>. По какой причине обком партии направил данное письмо, выяснить вряд ли станет возможным, но явно одно – оно не преследовало цели облегчения участи или освобождения Н. Суханова.

Еще ранее, в августе–декабре 1936 г., в Томске были арестованы 10 членов меньшевистской организации, в том числе зав. тарифно-нормировочным отделом типографии «Красное знамя» Н.С. Колмаков<sup>3</sup>, кассир типографии Я.И. Ярошек<sup>4</sup> и др. Значение этой организации придавалось самое серьезное, так как в 1937 г. в НКВД СССР вышел специальный обзор, посвященный работе органов по меньшевикам, в котором, в частности, характеризуя обстановку в Западно-Сибирском крае, был приведен пример по г. Томску, где якобы действовала подпольная организация меньшевиков под руководством Н.С. Колмакова и др. Сфальсифициро-

<sup>1</sup> Цит. по: Самосудов В. Как это было // Забвению не подлежит... Т. 5. С. 36–37.

<sup>2</sup> Там же. С. 37.

<sup>3</sup> Колмаков Николай Сергеевич, 1877 г.р., ур. и житель г. Томска, зав. тарифно-нормировочным отделом типографии «Красное знамя». Арестован и расстрелян в 1937 г. Реабилитирован 3 марта 1959 г. См.: Боль людская... 2-е изд. Т. 2. С. 104.

<sup>4</sup> Ярошек Яков Иосифович, 1885 г.р., ур. и житель г. Томска, плановик Томского хлебокомбината. Арестован и расстрелян в 1937 г. Реабилитирован 3 марта 1959 г. См.: Там же. Т. 3. С. 516.

ванное сотрудниками УНКВД по Новосибирской области дело вошло во все отчетные документы Управления.

Большинство участников организации были сотрудниками типографий «Красное знамя» и «Транспечать». Роль лидеров была отведена бывшим активным членам томской организации РСДРП(м) – Н.С. Колмакову, М.И. Пильникову<sup>1</sup> и Е.А. Муравьеву<sup>2</sup>. Организация была «создана» по инициативе Колмакова для борьбы с ВКП(б) и советской властью в 1929 г. По его же инициативе был создан и «комитет» по руководству практической деятельностью организации, в его состав вошли вышеназванные лица.

Колмакову было предъявлено обвинение, что будучи враждебно настроен в отношении ВКП(б) и советской власти, он организовал при типографии «Красное знамя» подпольную контрреволюционную меньшевистскую группировку, систематически вел контрреволюционную агитацию, направленную против политики ВКП(б) и советской власти, дискредитировал и распространял контрреволюционную клевету на руководителей ВКП(б), проводил вербовку новых членов подпольной контрреволюционной меньшевистской группировки, т.е. в совершении преступления по ст. 58-10-11 УК РСФСР.

Анализ материалов дела показывает, что, начатое при начальнике горотдела НКВД М. Подольском<sup>3</sup>, велось оно достаточно пассивно. По словам преемника Подольского на посту начальника горотдела И. Овчинникова<sup>4</sup>, практически не развивалось и шло к развалу: «Принимая ГО НКВД, я не принял ни одной аг[ентурной] разработки на правых, на эсеров, на троцкистов... С моим приходом в Томск развернулось дело по вскрытому «Томскому комитету меньшевиков», возглавляемому старым м[еньшеви]ком Колмаковым...»<sup>5</sup>. Действительно, роль Овчинникова в названном деле была

<sup>1</sup> Пильников Марк Исаевич, 1884 г.р., ур. г. Томска, технический руководитель типографии «Трансжелдориздата». Арестован в 1936 г., расстрелян в 1937 г. Реабилитирован 3 марта 1959 г. См.: Большая людская... 2-е изд. Т. 2. С. 544.

<sup>2</sup> Муравьев Евгений Алексеевич, 1879 г.р., ур. г. Орла, проживал в г. Томске, кассир сберкассы. Арестован в 1936 г., расстрелян в 1937 г. Реабилитирован 3 марта 1959 г. См.: Там же. С. 410.

<sup>3</sup> Подольский Матвей Миронович, 1894 г.р., ур. г. Бердянска Таврической губ., из семьи ремесленника, еврей, образование низшее. В РКП(б) с 1919 г., в органах ВЧК–НКВД – с июня 1920 г., службу проходил в Закавказье. В Сибири с сентября 1929 г., возглавлял КРО ПП ОГПУ по Сибкраю. С октября 1932 г. по сентябрь 1936 г. – помощник, а затем начальник оперсектора. Затем последовал перевод в Новосибирск на должность помощника начальника УНКВД, по совместительству возглавлял ОО СибВО. Последняя должность – помощник начальника 2-го отдела (охрана Дипломатического корпуса) ГУГБ НКВД СССР. Майор госбезопасности. Арестован в мае и расстрелян в августе 1938 г. В 1989 г. его дело пересматривалось в порядке надзора Главной военной прокуратурой СССР – надзорное производство было прекращено «из-за отсутствия оснований для постановки вопроса о применении протеста».

<sup>4</sup> Овчинников Иван Васильевич, 1898 г.р., ур. дер. Леонтьево Варнавинского уезда Костромской губ., из крестьян, русский, образование начальное. В органах ОГПУ–НКВД с 1923 г. на административных, оперативных и руководящих должностях в Алтайском губотделе, в Рубцовском и Кузнецком окротделах ОГПУ, в ПП ОГПУ по Сибкраю. В 1933–1936 гг. – начальник Прокопьевского горотдела, с 1936 по 1938 г. – начальник Томского горотдела, начальник Томского оперсектора НКВД. Последняя должность – начальник Управления дорожного строительства Главного управления строительства Дальнего Севера НКВД. Капитан госбезопасности. Награжден знаком «Почетный работник ВЧК–ГПУ». Арестован в 1939 г. Расстрелян в 1941 г. Не реабилитирован.

<sup>5</sup> *Голоскоков И.В., Уйманов В.Н.* На страже... С. 110. Упоминание о воссоздании Томского меньшевистского комитета находившимися в ссылке бывшими членами Союзного бюро содержалось и в выступ-



значительной – дела на отдельных участников он вел лично, по другим – участвовал в допросах.

Информация от фигурантов дела «пошла», в Новосибирск сообщили, что 18 января у члена организации С.А. Беляева<sup>1</sup> была обнаружена и изъята типография. В ходе обыска «...обнаружен шрифт типографский обыкновенный... в количестве 5 кг. Шрифт обнаружен в поленнице дров, сложенной в три ряда к заплоту. Дрова старые, сложенные на землю». В этот же день при повторном обыске у Колмакова было «изъято для представления в Том[ский] ГО НКВД **три корзины** архива»<sup>2</sup>. Следует заметить, что измерение в объемах не было характерным для органов НКВД.

В это же время оперуполномоченный 4-го отдела младший лейтенант госбезопасности Б. Меринов<sup>3</sup> вынес постановление о том, что «изъятые при аресте участников к-р меньшевистской организации – Колмакова и Беляева отдельные предметы типографского имущества (линейки, россыпной шрифт, выколотка и др.) и архив меньшевистской организации уликовой ценности не представляют: документы архива отражают деятельность меньшевиков, относящуюся к дореволюционному периоду, и жизнь печатников Томска»<sup>4</sup>.

Материалы были сданы в архив, а типографское оборудование – в комендантуру горотдела. Названные документы подшили в дело, но ясности, была ли типография на самом деле, не наступило. В те времена в этом не было потребности. Активность деятельности горотдела НКВД по разоблачению «врагов» подтверждалась количеством возбуждавшихся дел. Дело меньшевиков явилось прямым подтверждением подобной политики. Проходившее по всем учетам как групповое, оно было разбито на отдельные следственные дела, поэтому очень часто на протоколах допросов можно было встретить пометки о необходимости их тиражирования вплоть до 11 экз. Эта цифра представляет интерес: по делу арестованы всего десять человек (последние четверо – 31 декабря 1936 г.), увеличение числа копий зависело от «прироста» арестованных членов организации. Для чего же был нужен одиннадцатый экземпляр? Возможно, из уже отработанной практики готовился задел на будущее, так как начало 1937 г. ознаменовалось арестом еще нескольких бывших меньшевиков. И формировались дела в соответствии с «потребностями» органов НКВД. Так, в деле Муравьева отсутствовали протокол допроса от 1 января 1937 г. и его заявление, на которые на допросе 7 января ссылался оперуполномоченный горотдела Усов. Видимо, причина крылась в том, что дело было на контроле в Москве, о чем свидетельствовали неоднократные

---

лении начальника УНКВД по ЗСК С.Н. Миронова на пленуме Запсибкрайкома ВКП(б) 17 марта 1937 г. См.: «Мы исторически созданы для борьбы с классовым врагом...». Кампания террора 1937 г. в Западной Сибири // Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области... Вып. 1. С. 422.

<sup>1</sup> Беляев Степан Андреевич, 1883 г.р., ур. и житель г. Томска, завхоз клиники мединститута. Арестован в 1936 г. Осужден на 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах. Реабилитирован 3 марта 1959 г. См.: Боль людская... 2-е изд. Т. 1. С. 133.

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-2969. Т. 1. Л. 12–13.

<sup>3</sup> Меринов Борис Ефимович, 1914 г.р., ур. с. Мереть Кировской обл., в 1937–1943 гг. сотрудник Нарымского окротдела УНКВД. В 1947 г. уволен с должности заместителя начальника отделения МГБ Молдавской ССР с формулировкой «по служебному несоответствию».

<sup>4</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-2969. Т. 1. Л.

постановления о продлении сроков следствия в центральном аппарате, а поэтому и дела компоновались в «выгодном» для следствия свете. В Москве вряд ли внимательно вчитывались в каждую строку присылаемых материалов.

Показания практически «выбивались» из обвиняемых. Например, В.А. Ловцевич<sup>1</sup> на допросе 25 ноября 1936 г. категорически отрицал свое участие в контрреволюционной организации, а затем вдруг признал свою вину. Вот выдержка из стенограммы допроса:

*«Вопрос:* Вам предъявляется обвинение в том, что вы являетесь активным участником контрреволюционной подпольной организации меньшевиков.

Вы признаете это?

*Ответ:* Нет, не признаю. Никогда не состоял в контрреволюционной организации меньшевиков и считаю, что предъявленное мне обвинение есть недоразумение.

*Вопрос:* Следствие располагает точными данными о том, что вы являетесь участником подпольной контрреволюционной меньшевистской организации, существующей в г. Томске.

Предлагаем вам не заперяться и рассказать правду.

*Ответ:* Я вторично заявляю, что представленное мне обвинение ни в коей мере не соответствует действительности, поэтому я не могу его признать...

*Вопрос:* Следствие предлагает вам... дать правдивые показания о контрреволюционной меньшевистской организации, членом которой вы являетесь.

*Ответ:* Согласен... Признаю. Я до момента ареста являлся членом Томской контрреволюционной организации меньшевиков и вел работу по борьбе с советской властью и коммунистической партией.

*Вопрос:* Когда и кем вы были завербованы в эту контрреволюционную организацию?

*Ответ:* Разрешите мне последовательно изложить историю своего вступления в партию меньшевиков...»<sup>2</sup>.

Сложно поверить, что человек, не признававший вины в совершении особо опасного преступления (и невиновный), вдруг взял и сознался, начал каяться в своих грехах. Сегодня уже не секрет, что способов и методов для этого было предостаточно, да и допрос мог продолжаться длительное время, а протокол лишь констатировал нужное признание.

Пытался отказываться и Колмаков. Но ему было «предложено» изменить отношение к следствию и дать правдивые показания<sup>3</sup>, что он вынужден был сделать.

По мере развития следствия менялись показания подследственных. Если сначала протоколы допросов занимали одну-две страницы, то по прошествии некоторого времени – уже несколько десятков. «Правдивые» показания становились все объемнее и полнее. Следователям оставалось одно – не потерять

<sup>1</sup> Ловцевич Владимир Антонович, 1884 г.р., ур. и житель г. Томска, верстальщик-наборщик типографии «Красное знамя». Арестован в 1936 г., расстрелян в 1937 г. Реабилитирован 3 марта 1959 г. См.: Большая людская... 2-е изд. Т. 2. С. 273.

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-2969. Т. 1. Л. 283–284; Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... С. 160–161.

<sup>3</sup>

Там

же.

Л.

главную линию следствия. К весне 1937 г. практически все обвиняемые уже достаточно четко формулировали цели и задачи организации – сказывались нарабатанный следователями опыт, умение «убеждать» обвиняемых. Так, на очной ставке Колмакова с Пильниковым последний показал: «В своей борьбе с ВКП(б) и советской властью наша организация меньшевиков исходила из того, чтобы свергнуть советскую власть и установить в стране буржуазно-демократическую республику. В этих целях мы считали необходимым интервенцию против СССР со стороны империалистических государств и поддержку этой интервенции внутри страны путем организации вооруженного восстания... Отсюда мы считали необходимым вести работу в Красной армии по разложению её рядов... пораженческую агитацию среди населения и армии... подрывную работу в промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве... чтобы ослабить экономическую мощь СССР в военной схватке с империалистами. В борьбе с ВКП(б) мы считали необходимым пойти на блок со всеми активно действующими против ВКП(б) политическими партиями и группировками: с эсерами, троцкистами, правыми...»<sup>1</sup>. Средствами борьбы были избраны террор и вредительство.

Однако в ходе следствия удалось доказать всю практическую деятельность организации только в одном аспекте – плохом качестве печати газеты «Красное знамя». Подтверждением этому явилось постановление о результатах выборочного просмотра подшивок газет «Красное знамя» за 1933–1937 гг. помощником начальника Томского горотдела НКВД лейтенантом госбезопасности Веледерским<sup>2</sup>. Им было установлено 11 «контрреволюционных выпадов», выразившихся в искажениях смысла текста путем опечаток, тенденциозного изложения материалов и т.п.<sup>3</sup> «Эксперту» Веледерскому выполнить эту задачу было легко, так как практически все «выпады» были подсказаны самими обвиняемыми. В 1958 г. в процессе пересмотра дел было установлено, что к большинству из «выпадов» обвиняемые не имели и не могли иметь (по роду служебной деятельности) никакого отношения, а отдельные из изложенных фактов вообще не нашли подтверждения.

Следствие завершилось в октябре 1937 г. Длительность его была связана с тем, что в действительности враждебной деятельностью участники «организации» не занимались. На суде, за исключением М.И. Пильникова, никто виновным себя не признал. Все «отказники» заявили, что в контрреволюционной организации не состояли и контрреволюционной деятельностью не занимались, причастность к меньшевикам признавали преимущественно в дореволюционном прошлом. Никто из них ни к меньшевикам, ни к другим оппозиционным

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-2969. Т. 1. Л. 129; Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... С. 162.

<sup>2</sup> Веледерский Константин Григорьевич, 1898 г.р., род. г. Одесса. Арестован в августе 1937 г. как японский агент. Под неоднократным физическим воздействием признал вину и 22 декабря 1937 г. по постановлению Комиссии НКВД и Прокурора СССР от 8 декабря 1937 г. расстрелян в г. Новосибирске. Реабилитирован 10 февраля 1959 г. См.: Боль людская... 2-е изд. Т. 1. С. 236; Голоскоков И.В., Уйманов В.Н. На страже... С. 132–133.

<sup>3</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-2971. Л. 99–100, 115, 304–307.

и антипартийным группировкам не примыкал. Более того, было установлено, что Н.С. Колмаков до 1915 г. занимался подпольной работой в большевистской организации; А.Д. Рыков<sup>1</sup> в справке на арест значился эсером, а с января 1937 г. проходил уже меньшевиком; С.А. Беляев был зачислен в черносотенцы и якобы в 1905 г. был одним из активнейших погромщиков<sup>2</sup>. Необходимо учитывать и то, что с июля 1937 г. активно проводились акции «массовой операции», в ходе которых репрессированию подлежал значительный круг иных «врагов» и «контр-революционеров».

Томская организация меньшевиков, по замыслу сотрудников горотдела НКВД, должна была стать более массовой (что очень поощрялось в системе НКВД), но по неизвестным причинам таковой не стала. Многие из названных обвиняемыми «соучастников» – Малых, Зимин, Пересторонин, Павпертов и др. – вообще не были привлечены к уголовной ответственности (каких-либо материалов в архиве УФСБ РФ по Томской области не выявлено), хотя в делах имеются постановления о выделении дел в отношении них в особое производство.

Особенностью дела меньшевиков является и то, что в материалах следствия достаточно много «свидетельских показаний» – Халдеевой, Толочко, Кузьминского и др., т.е. налицо все признаки попытки проведения объективного следствия. Однако о применении незаконных методов следствия мы уже говорили, а один из «свидетелей» показал, что «следователь Упоров записал [показания] необъективно, и я ему не мог возразить, так как при допросе он был в нетрезвом состоянии и вертел в руках пистолет...»<sup>3</sup>.

В 1959 г. дело в отношении томской группы меньшевиков было производством прекращено за отсутствием состава преступления.

Аресты меньшевиков в 1936 г. были проведены и в ряде районов ныне Томской области. Одним из них оказался Якубсон Лев Соломонович, отбывавший ссылку в Колпашево. В 1936 г. он был осужден к 5 годам ссылки в г. Минусинск Красноярского края. Судя по характеристике, осужден он был именно за свое политическое прошлое. Вступив в ряды меньшевистской партии только в 1919 г., он «за активную партийную деятельность четырежды арестовывался и ссылался в Сибирь, Казакстан и Соловки», переходил на нелегальное положение. Находясь в Тобольском политизоляторе, организовывал сходы и массовые голодовки заключенных, а в период нахождения в Верхне-Уральском политизоляторе был «вождем СД меньшевистской группы», продолжая оставаться «ярим врагом соввласти». В 1931 и 1933 гг. поддерживал голодовки троцкистов, сам объявлял трехдневную голодовку в поддержку акции троцкистов<sup>4</sup>. Вновь арестован и расстрелян в 1937 г.

<sup>1</sup> Рыков Александр Дорофеевич, 1893 г.р., ур. г. Кирова, проживал в г. Томске, завхоз типографии «Красное знамя», арестован в 1936 г. и осужден на 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах. Реабилитирован 3 марта 1959 г. См.: Боль людская... 2-е изд. Т. 3. С. 62.

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-2969. Т. 1. Л. 158.

<sup>3</sup> Там же. Т. 2. Л. 99.

<sup>4</sup> ИЦ УМВД России по Томской области. Д. 4723; Реабилитирован 6 февраля 1964 г. См.: Боль людская... 2-е изд. Т. 3. С. 509.

Активизация деятельности против меньшевиков в 1937 г. началась практически сразу после февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б). В. Хаустов и Л. Самуэльсон, со ссылкой на документы ЦА ФСБ России, отмечали, что 29 апреля НКВД СССР на места была разослана шифротелеграмма № 57057 с информацией о якобы имевшей место деятельности нелегальных организаций меньшевиков по возрождению партии. Вновь велась речь о реанимации в Москве «Союзного бюро меньшевиков», «установившего» тесные связи с правыми, троцкистами, эсерами и готовившего проведение террористических актов и подготовку вооруженного восстания. В условиях установленного в стране режима, беспрецедентных мер тотальной слежки и контроля со стороны органов НКВД за жизнью советского общества поверить в возрождение давно разгромленной партии сложно. Но в целях «развеивания» у сотрудников НКВД иллюзии о благополучности дел акцент был сделан на меньшевиков, отбывавших ссылку, которые якобы используя предоставленные Конституцией страны права, стремились укрепить свои позиции в обществе. Телеграмма предписывала принятие превентивных мер по недопущению роста влияния меньшевиков на население страны в связи с предстоящими выборами. По этим причинам сотрудникам НКВД следовало всемерно выявлять и вскрывать попытки меньшевистского подполья по развёртыванию антисоветской деятельности<sup>1</sup>.

В феврале 1938 г. НКВД СССР направил на места директиву № 17231 «Об оперативных мероприятиях по меньшевикам и анархистам», предписывавшую собрать наиболее полные данные обо всех проживавших в регионе меньшевиках и анархистах и передать эти данные (до 28 февраля) в 4-й отдел ГУГБ НКВД. В связи с чем родилась эта «инициатива», можно только предполагать, ведь в предыдущий период органы НКВД уже достаточно полно «просеяли» их ряды. Аресты чаще всего носили «штучный» характер. Так, в Томске после выхода директивы были арестованы всего два человека – Е.М. Берёзов<sup>2</sup> и И.П. Макогон<sup>3</sup>, причем в один день – 9 апреля 1938 г., первый был освобожден из-под стражи в июле, а второй – оправдан в декабре 1938 г. Но, видимо, Макогон был ярким «противником» советской власти – органы госбезопасности постоянно держали его в поле своего зрения, о чем свидетельствовали его аресты.

Таким образом, партия меньшевиков, учитывая её влияние на рабочие массы, постоянно находилась в поле зрения органов политического сыска на протяжении рассматриваемого периода истории СССР. Представители партии прекрасно «вписались» в организованную по инициативе Сталина кампанию по репрессиям

<sup>1</sup> См.: Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 68–69.

<sup>2</sup> Березов Ефим Михайлович, 1885 г.р., ур. Ордынского р-на Новосибирской обл., проживал в г. Томске по ул. Б. Подгорной, 33–3, помощник заведующего товарным отделом базы № 1 Томторга. Арестован в апреле 1938 г. Освобожден в июле 1938 г. в связи с болезнью. Реабилитирован 20 марта 2002 г. См.: Боль людская... 2-е изд. Т. 1. С. 138–139.

<sup>3</sup> Макогон Иван Прокопьевич, 1879 г.р., род. слобода Мостики Харьковской губ., проживал в г. Томске по ул. Красного пожарника, 41–2, маляр-кустарь. Арестовывался в мае 1920 г. Осужден на 1 год дома принудработ. Освобожден по Октябрьской амнистии в ноябре 1920 г. Вторично арестован в мае 1938 г. Освобожден в декабре 1938 г. – оправдан по суду. Вновь арестован в 1941 г. Приговорен к ВМН – расстрелу. Умер до приведения приговора в исполнение в тюремной больнице 8 января 1942 г. Реабилитирован 11 июня 1964 г. См.: Там же. Т. 2. С. 313.

против старых специалистов и ученых, чьи взгляды не совпадали с политикой коммунистического руководства страной. Большинство её членов отбывали наказания в лагерях, колониях и ссылке, но продолжали рассматриваться как потенциальные противники советской власти и подлежали уничтожению. Только в Запсибкрае в 1937 г. были арестованы и осуждены 617 эсеров и меньшевиков. В конце 1940-х гг. о них вновь вспомнили, направляя, по постановлению Совета Министров СССР № 416-159сс от 21 февраля 1948 г.<sup>1</sup>, в ссылку. Преследование продолжалось вплоть до начала 1950-х гг. В частности, старший инженер Томского управления лесного хозяйства, «видный меньшевик» В.Д. Николау был арестован в 1950 г. и осужден на 10 лет ИТЛ и 3 года поражения в правах с последующей ссылкой на 3 года в отдаленные районы СССР<sup>2</sup>. К концу 1953 г. в исправительно-трудовых лагерях НКВД содержалось еще около двух тысяч представителей партий эсеров и меньшевиков.

### 3.3. Анархисты

Из числа других политических оппонентов большевистской партии наиболее значимой «силой» были анархисты. Анархистская вольница поселилась на сибирской земле вместе с революцией. Особый расцвет она получила в партизанских отрядах периода Гражданской войны. Наиболее известным был отряд Н.А. Каландаришвили, действовавший на территории Иркутской губернии. На юге Западной Сибири был известен партизанский командир И.П. Новосёлов, возглавивший весной–летом 1920 г. антибольшевистский отряд. После ареста и освобождения (или бегства) из Новониколаевской ЧК он прибыл в Причернынский край, где стал проводить в деревнях собрания, направленные против коммунистов, здесь же нашел большую группу сторонников-анархистов из числа бывших партизан. Новосёлов заявлял, что революция не кончена и анархисты на полпути не остановятся. Следствием этой работы явилось то, что на территории Мариинской волости не было ни одной комячейки, а значительная часть населения сочувствовала антисоветским и антикоммунистическим настроениям. Активную работу анархисты вели и в воинских частях, расквартированных на Алтае (агитируя за партизанскую «вольницу» и т.п.)<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Ссылке в отдаленные районы СССР подлежали шпионы, диверсанты, террористы, троцкисты, правые, меньшевики, эсеры, анархисты, националисты, белоэмигранты и участники других антисоветских организаций и групп, освобожденных по отбытии наказания из тюрем и лагерей после окончания Великой Отечественной войны. Среди регионов ссылки этих контингентов была указана Новосибирская обл. По данным МВД СССР за период после окончания войны и до выхода названного постановления из тюрем и лагерей были освобождены 45 048 чел. указанных категорий преступников, в том числе: шпионов, диверсантов и террористов – 14 966 чел.; троцкистов, правых меньшевиков, эсеров, анархистов и участников антисоветских организаций и групп – 27 921 чел.; националистов и белоэмигрантов – 2 161 чел. См.: История сталинского ГУЛАГа... Т. 2. С. 634.

<sup>2</sup> Николау Владимир Дмитриевич, 1887 г.р., род. г. Одесса, проживал в г. Томске, старший инженер Томского управления лесного хозяйства. Арестован в 1950 г. Осужден на 10 лет ИТЛ и 3 года поражения в правах с последующей ссылкой на 3 года в отдаленные места СССР. Реабилитирован 9 марта 1957 г. См.: Боль людская... 2-е изд. Т. 2. С. 451.

<sup>3</sup>

К апрелю 1920 г. анархисты установили связь с Г.Ф. Роговым, одним из бывших партизанских командиров, и его бойцами. После митинга 1 мая в дер. Жуланиха был организован митинг, в ходе которого появилось черное знамя с надписью «Анархия – мать порядка», а уже 3 мая были начаты боевые действия, в ходе которых анархисты заняли села Кытманово, Тогул, Уксунай и др. В захваченных населенных пунктах разгонялись советы, ревкомы, громились милицейские участки. Общая численность восставших достигла 1 000 чел.<sup>1</sup>

Для придания движению организационно-политической формы и идейной направленности анархистами была предпринята попытка создания региональной организации – Федерации алтайских анархистов. Идея нашла поддержку, и к организации присоединилась целая группа партизанских командиров, ранее не разделявших взгляды анархистов. Следует отметить, что четкой программы действий не было. Резкой критике подвергались советская власть и коммунистическая партия, главным же был призыв к организации самоуправления и отказу от повиновения властям.

К лету 1920 г. влияние Федерации распространилось на Барнаульский, Бийский, Каменский, Горно-Алтайский уезды Алтайской губернии, а также на Кузнецкий, Щегловский, Мариинский и Новониколаевский уезды Томской губернии. В целом под знамена анархистов встали около двух тысяч человек. Справедливости ради следует отметить, что жертвами анархистов были не только структуры и лица, олицетворявшие советскую власть, но и бывшие колчаковцы-каратели, представители зажиточных слоев крестьянства, священнослужители и т.п. – «вольница» оправдывала свою суть<sup>2</sup>.

Власть смогла подавить это выступление, часть отрядов была разбита, часть рассеялась по уездам. Отряд И. Новосёлова отступил сначала в Бийский, а затем в Кузнецкий уезды, продолжая по дороге убивать и грабить. Вновь анархисты (И. Новосёлов и бывший партизанский вождь П. Леонов) проявились в ходе восстания под влиянием Сибирского крестьянского союза на Алтае, но советская власть уже была достаточно окрепшей и в очередной раз подавила это выступление.

Одним из наиболее подверженных влиянию анархистов оказался Щегловский уезд. В 1920–1921 гг. сотрудниками подразделений Томской губчека были вскрыты несколько организаций, причислявших себя к анархистам. Так, одной из первых в Щегловском уезде была ликвидирована организация анархистов «Лига Красного цветка», созданная в феврале 1920 г. «Инициатором» формирования организации был объявлен И.П. Новосёлов, вернувшийся на Алтай после освобождения из-под ареста.

Уже с первых дней существования члены организации изыскивали возможности для приобретения оружия, в связи с чем, в частности, планировали налет на склады в Кольчугино, где располагался их штаб. Свои ячейки организация

---

<sup>1</sup> По данным Сиббюро ЦК РКП(б), Рогову удалось собрать отряд численностью 2 000 чел., хотя вооружить его в должной мере не удалось. См.: *Абраменко И.А.* Коммунистические формирования – части особого назначения... С. 214.

<sup>2</sup> *Штырбул А.А.* Указ. соч. С. 79–80; *Шуклецов В.Т.* Сибиряки в борьбе за власть Советов... С. 253–254.

имела в Кузнецке, Кольчугино, Пестерево, Горскино и ряде других населенных пунктов с общим числом участников 700 чел. Эта цифра, вне всякого сомнения, завышена. Скорее всего, она была использована чекистами для придания большей значимости работе по выявлению «врагов».

Практически с первых дней существования организации в её ряды был внедрен секретный сотрудник ЧК Рубинсон. Через члена организации Девятова он был в курсе большинства событий и планов, сам непосредственно участвовал в ряде собраний организации. Так, на собрании 20 февраля 1921 г. в дер. Трекино присутствовали 18 чел., обсуждали вопрос о Протопоповской комячейке. По решению собрания предполагалось часть членов ячейки принять в организацию, а остальных физически уничтожить. Обсуждался вопрос и о созыве съезда организации. В целях более глубокой оперативной разработки Барачатской ячейки анархистов в неё был внедрен еще один секретный сотрудник – Краснов.

Вооруженное выступление было назначено на 1 мая, но накануне, в ночь на 30 апреля, сотрудники ЧК провели превентивные мероприятия по ликвидации организации, были арестованы 20 чел.<sup>1</sup>

5 июля 1921 г. помощник уполномоченного по политпартиям Томской губЧК Фрицлей, рассмотрев материалы на обвиняемых в принадлежности к организации анархистов, констатировал, что большинство из них – бывшие партизаны из числа красногвардейцев, соработников и примкнувших к ним отдельных уголовных элементов. Менее сознательная часть партизан наблюдала, как поступают их бывшие командиры, которые пользовались громадным авторитетом не как представители определенных партизанских группировок, а как люди, обладающие качествами, перед которыми рядовые партизаны преклонялись, т.е. героизмом, смелостью, энергией и умением руководить в боевой обстановке.

Одним из таких командиров и был И. Новосёлов. Скрываясь в тайге, он собирал силы для выступления против советской власти, вел активную агитационную работу среди местного населения, используя в качестве аргументов наличие всевозможных повинностей, возложенных на крестьянство властью, несправедливые действия ответственных советских работников. «Члены комячеек, вынесшие на своих спинах расправу белогвардейцев во время реакции Колчака, полагали, что всякая власть такими же способами должна расправляться со своими противниками, и для них совершенно непонятно гуманное отношение советской власти к таковым. Расправа, которую творил Новосёлов над кулаками и белогвардейцами, считалась справедливой. Отсюда вытекает недовольство органами власти и ответственными работниками, которых стали подозревать в предательстве. Все это прекрасно учитывалось Новосёловым и его агентами и использовалось ими сознательно для агитации»<sup>2</sup>.

7 декабря 1921 г. Томский губревтрибунал в составе Стефановского (председатель) и членов Сухорукова и Карташова приговорил Ф.И. Николаева, К.В. Пономарёва и А.И. Уфимцева к ВМН – расстрелу – как коммунистов-руководителей. К 5 годам лишения свободы со строгой изоляцией был приговорен

<sup>1</sup> Справка по делу организации «Лига Красного цветка». См.: ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 215. Л. 239.

<sup>2</sup> Из заключительного акта по делу организации «Лига Красного цветка». См.: Там же. Л. 526–527 об.



И.И. Зройчиков (по Октябрьской амнистии срок наказания снижен до 2 лет и 6 месяцев), к 3 годам с менее строгой изоляцией – И.М. Полозов (по этой же амнистии срок снижен до 1 года 6 месяцев), к 2 годам лишения свободы условно – П.Д. Протопопов, А.И. Девятюв и Ф.Г. Чечулин, к 1 году условно – В.М. Максимов, был оправдан П.К. Томилин. Восемь осужденных были членами РКП(б). Причину освобождения от суда еще девяти человек установить не представилось возможным<sup>1</sup>.

Практически одновременно, 23 мая 1921 г., была ликвидирована организация «анархистов-террористов», которая была раскрыта сотрудниками Щегловского политбюро 13 мая. Участники организации, согласно агентурным данным, планировали выступить в ночь на 23 мая под черным флагом с лозунгами «Долой тиранов комиссаров, долой замки, да здравствует анархия – мать порядка!».

Основой организации стали сотрудники отряда особого назначения, прикомандированного к Щегловской уездной милиции в середине апреля 1921 г., основу отряда составляли местные партизаны. Неформальным лидером был младший милиционер В.С. Кудрявцев, малограмотный, но умевший четко отражать суть «политического момента», критикуя власть за разных «гадов», сидящих в учреждениях, и комиссаров. Уже к концу апреля вокруг Кудрявцева и его единомышленников стали группироваться красноармейцы взвода охраны политбюро, пулеметного взвода 9-й роты 351-го полка, милиционеры уездной милиции и другие «соратники». Был выработан план восстания, предполагавший занятие политбюро, парткома на химзаводе и станции Кемерово, «после чего будем обезоруживать всех коммунистов, из таковых гадов будем убивать на месте. Далее займём все съезды и хлеб раздадим беднякам...». «Смарать» предлагалось 60 чел.

20 мая было проведено собрание участников предполагавшегося восстания и намечен срок выступления на 21 мая, скорректировали план выступления. Но затем начало восстания перенесли на 23 мая. По агентурным данным, анархисты располагали силами до 300 чел. В ночь перед выступлением были проведены аресты из числа сотрудников отряда особого назначения, сотрудников милиции, воинских частей и гражданского населения, всего 70 чел. Из их числа 44 чел. были освобождены за недоказанностью обвинения в причастности к анархистской организации. До «суда» умерли 2 чел., а дело на начальника милиции 4-го района Щегловского уезда Г. Соломкина было прекращено 9 июня 1921 г. Трое участников организации были приговорены к ВМН – расстрелу, 9 – к заключению в концлагерь на 3 года, 6 – к 1 году принудработ, остальные – к 1 году концлагерей условно. В мае 1922 г. указанный приговор был отменен и дело направлено

---

<sup>1</sup> ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 215. Л. 58. В марте 2003 г. прокуратурой Томской области все вышеназванные лица были реабилитированы, так как в ходе изучения материалов дела было установлено, что подпольная организация действительно существовала, но конкретной деятельности (кроме проведения собраний), причинившей вред советской власти, выявлено не было. Кроме того, материалы свидетельствовали о том, что целью организации было не свержение советской власти, а борьба с «буржуями», засевавшими в советских органах власти. Интересен тот факт, что по данным Томской губернии за июль 1921 г. «анархистов весьма мало, да и то себя ничем не проявляют, но зато по губернии имеются анархисты-бандиты (одна организация ликвидирована в Щегловском уезде), но члены таковых, как отдельные личности, на учёте не состоят...». См.: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 65.

на новое расследование. Согласно новому приговору губревтрибунала, к ВМН были осуждены трое других членов организации, которым, принимая во внимание «их социальное происхождение и неграмотность», мера наказания была заменена на 5 лет лагерей и 5 лет поражения в правах. В июне 1923 г. к 5 годам лагерей, уже по решению Томского губсуда, был осужден В. Лузин. В отношении других осужденных дело было прекращено по амнистии в ноябре 1923 г.

Более детальный анализ дела не позволяет выявить «анархическую сущность и корни» у членов этой организации. В основе их действий лежало недовольство работой отдельных представителей власти и коммунистов, в том числе и проявление с их стороны высокомерия и грубости по отношению к людям. Реальная цель организации предполагала не свержение режима, а устранение отдельных его представителей. По этой причине никто из участников организации вины за собой не признал. Замечу, что сотрудники Щегловского политбюро по делу организации видели в качестве недостатка только то, что «агентурной разработки почти не было»<sup>1</sup>.

После освобождения Сибири от колчаковцев наиболее сознательные партизаны были мобилизованы в Красную армию либо пошли в нее добровольно. Другие были привлечены к службе в войсках внутренней охраны, устроились в милицию и чрезвычайные комиссии на местах. Практически никто из них не был даже поверхностно знаком с теоретическими постулатами основателей анархизма, но в их поведении и образе жизни присутствовали такие черты, приобретенные и закрепленные в годы военного лихолетья, как вседозволенность, нетерпимость и непоколебимая уверенность в правоте своих решений и действий. Многие из них были молоды, малограмотны, бесшабашны, эмоции, а не разум подчас управляли их действиями. Все это при достаточно неограниченных правах (по должностям) в ЧК и милиции вело к нарушениям правовых норм.

В качестве одного из наиболее известных – пример Топкинской анархической организации, суд над членами которой состоялся весной 1922 г. В заключительном акте губернского отдела ГПУ было отмечено: «...перед правосудием... обвиняемые – исключительно пролетарии, коммунисты и, в большинстве сотрудники ж.д. ЧК – оперпункта ст. Топки. Не понимая политической обстановки Советского государства и в связи с этим нового курса экономической политики, они, полные духом партизанщины, не понимают терпимого отношения к торговле и узаконению её, удивляются той заботе, которой окружают спеца, ослабевшему нажиму пролетарской кары на голову контрреволюционеров и т.д. Политически неграмотные, они не понимают, почему вместо классового уничтожения врагов и террора в отношении к нему вводятся революционная законность, правовые нормы и, главное, это узаконяют «верхи»...

Непонимание текущей обстановки закрывало им глаза и не позволяло узреть правду.

---

<sup>1</sup> См.: ГАТО. Ф. Р-117. Оп. 1. Д. 471. Л. 299–300, 155–156. Все осужденные участники организации реабилитированы в марте 2003 г.

...Некоторые участники – коммунисты – говорят о своей левизне, которая в конце концов, притягивает их к анархизму как к более левому течению, причем никто из них, кроме Коптяева, не прочел ни одной книжонки об этом учении.

Было желание вести борьбу за безвластные Советы, за мать-анархию, за трудовую крестьянскую коммуну и т.д.»<sup>1</sup>.

Вышеназванные личные качества не соответствовали требованиям к сотрудникам ЧК, они защищали завоевания революции и мирное население от происков врагов, используя в арсенале «защитных действий» убийства невинных людей, провокации и т.п., привнося в свою деятельность ранее приобретенный опыт, хотя условия уже изменились. Все они были выходцами из среды «социально близких», поэтому председатель Сибирского отделения Верховного трибунала ВЦИК на заключительном акте наложил резолюцию следующего содержания: «...дело... заслушать в обычном порядке... не применяя высшей меры наказания ввиду малосознательности обвиняемых и абсолютного непонимания ими новой экономической политики советской власти»<sup>2</sup>.

Еще осенью 1921 г. на станции Топки Томской губернии была выявлена так называемая «анархо-синдикалистская организация», в состав которой входили четыре сотрудника линейно-транспортной ЧК и еще 20 местных коммунистов. Организация считала своим долгом борьбу с представителями «бывших» (офицерами, докторами, инженерами и прочей интеллигенцией), со всеми «примазавшимися к советской власти» и «закомиссарившимися и забюрократившимися» членами РКП(б). К «примазавшимся» относили всех выходцев из других партий, а также членов коммунистической партии, которые, по мнению членов организации, отстаивали интересы рабочего класса и трудового крестьянства. Членами организации был составлен обширный список из числа тех, с кем надлежало расправиться физически. В ноябре–декабре 1921 г. были совершены убийства трех специалистов из числа работников железной дороги и одного военнослужащего, а также два покушения на убийства.

Однако в ходе допроса 8 декабря 1921 г. одного из руководителей организации Г.Л. Коптяева на вопрос: «Расскажите подробнее планы и методы и связи по осуществлению задуманных вами целей борьбы под именем анархии», он ответил, что никаких выработанных планов не было, а были лишь его единоличные предположения о необходимости борьбы «с правым течением, подпольно учиняя террористические акты над контрреволюционным элементом... на что было предложено... составить список лиц, взятых на учёт по негласному материалу, чтобы их пустить в расход в первую очередь...». Не было у организации и каких-либо «широких планов организации, не было также связей организованных...»<sup>3</sup>.

Еще четче и конкретнее позиция топкинских «анархистов» изложена в обвинительном заключении по делу: «В части членов партии изменение политики (РКП. – В.У.) вызвало отрицательное отношение к существующему «полевению» во вновь установившемся порядке. Полевевшие коммунисты увидели прежний бюрократ-

<sup>1</sup> ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 288. Л. 99.

<sup>2</sup> Там же. Л. 100.

<sup>3</sup> Там же. Оп. 1. Д. 50. Л. 149.

тизм, абсолютный централизм с назначенчеством на местах, возрождение буржуазии и спекулянтов-торгашей, амнистирование контрреволюции вследствие того, что к РКП и Соввласти примазались чуждые им контрреволюционные элементы – эсэры и меньшевики, пролезшие в «верхи», – высшая администрация потому стала действовать неправильно. Бороться с этим явлением открыто, по их мнению, нет возможности, и остаётся один путь подпольной борьбы – террора «верхов» и контрреволюции из-за угла...»<sup>1</sup>.

По решению объединенного совещания с участием председателей губчека и ДТЧК, а также секретаря губкома РКП от 22 декабря 1921 г. из Томска был послан отряд для ликвидации организации путем проведения арестов её членов. Из 26 участников организации двое бежали, и дело в отношении них было приостановлено.

В июле 1922 г. Томский трибунал, изучив деятельность участников организации, вынес приговор: четверо – к высшей мере наказания, остальные 20 участников организации были оправданы<sup>2</sup>.

Следует обратить внимание, что только использование агентурных материалов (т.е. отсутствовала какая-либо доказательная база и проведения подрывной деятельности) позволило «на очных ставках заставить» обвиняемых «признаться в своих действиях». Этот факт был отмечен в общем докладе по делу названной организации<sup>3</sup>.

Анализ дел топкинских анархистов и «Лиги Красного цветка» позволяет сделать вывод: деятельность членов этих организаций может квалифицироваться как «красный бандитизм» (во втором случае – наличие намерений в этом). Никто из участников «анархистских» организаций не имел отношения к этому политическому течению, не был даже знаком хотя бы с отдельными теоретическими постулатами, не знал истинных лидеров анархизма. Вся анархическая сущность ими проявлялась лишь в свободе своих действий и поступков и неповиновении партийной и служебной дисциплине. В связи с этим относить их к политическим оппонентам большевиков можно, но только с оговорками и большой натяжкой.

Что касается деятельности истинно анархистских организаций, то в 1920 г. таких насчитывалось две – в Омске и Иркутске. Действовали они легально, в Иркутске в январе 1920 г. смогли провести в Совет 5 депутатов, а в Омске на деятельность организации было получено разрешение Сибревкома. По данным на сентябрь 1921 г. в Иркутске насчитывалось до 200 анархистов, «но приходится сознаться, что эта цифра далеко меньше действительного наличия анархических элементов по... губернии», имели свой клуб и секретариат местной федерации<sup>4</sup>. На Алтае действовала уже упомянутая Федерация алтайских анархистов. Небольшие группы вели работу в Кузнецке, Щегловске, Топках и еще нескольких населенных пунктах Томской губернии. На учете ЧК состояли группы (от 2 до 10 чел.) в Томске, Красноярске, Но-

<sup>1</sup> ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 306. Л. 1.

<sup>2</sup> Там же. Л. 13 об., 18. Лидер «организации» Г. Коптяев умер в Томском доме принудработ в апреле 1922 г.; *Угроватов А.П.* Красный бандитизм в Сибири... С. 88, 97.

<sup>3</sup> ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 215. Л. 239 об.

<sup>4</sup> Из доклада уполномоченного по политпартиям Иркутской губчека о состоянии политпартий. См.: ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 142. Л. 62 об.

вониколаевске, Петропавловске, Ишимском уезде Тюменской губернии и ряде населенных пунктов Восточной Сибири. Точное число участников организаций установить сложно, так как истинных анархистов было несколько десятков, а сочувствующих им или разделяющих их взгляды – несколько сот, состав и численность которых постоянно менялись.

Основные усилия анархисты направляли на работу в среде рабочих и военно-служащих, были даже воинские подразделения, командирами в которых были анархисты, например уже названный Н. Каландаришвили, имевшие очень серьезное влияние на подчиненных. Сильным было влияние анархистов на рабочих-железнодорожников в Томске и Красноярске, пицевиков в Омске и сапожников в Иркутске. В среде крестьянства влияние было заметно меньшим, в основном в южных районах Западной Сибири (Алтайская, Томская и Семипалатинская губернии). Влияние на служащих и интеллигенцию было еще меньшим, практически отсутствовало, число сторонников исчислялось единицами<sup>1</sup>.

На 1921 г. и первую половину 1922 г. пришелся очередной и последний всплеск активности анархистских групп в Сибири. Характеризуя деятельность оппонировавших большевикам политических партий, М. Бударин в отношении омских анархистов указывал: «Анархическая организация многочисленна. Устраивают собрания, имеют библиотеку. Имеют связь с Иркутском, Новониколаевском и Москвой»<sup>2</sup>. Так, омские анархисты, используя затруднения продовольственного и хозяйственного характера в стране, а также ухудшение материального положения рабочих Омска в осенне-весенний период 1921–1922 гг., активизировали агитационную работу.

Активизация анархистов вызвала серьезную озабоченность губкома РКП(б). Во все уездные и районные комитеты партии была разослана телеграмма, в которой звучало требование организации контрагитационных действий в ответ на работу анархистских агитаторов. Деятельность омских анархистов была взята под контроль сотрудниками ЧК. Совместные действия партийных и чекистских органов при некотором улучшении хозяйственной жизни региона и материального положения позволили изменить ситуацию. По сведениям сотрудников Омского губотдела ГПУ, движение анархистов утратило авторитет, а практическая деятельность свелась к распространению литературы анархистского содержания.

Осенью 1922 г. по анархистам был нанесен серьезный удар – в августе ЦК РКП(б) своим закрытым письмом «Об анархистах» в связи с изменившейся ситуацией в стране позволил органам ОГПУ начать повсеместно кампанию по арестам и осуждению, преимущественно в ссылке, представителей этого движения.

К концу 1922 – началу 1923 г. активная деятельность анархистских групп в Сибири практически прекратилась – распались группы в Иркутске и Омске и остатки Федерации алтайских анархистов, действовавшей на юге Кузбасса и на Алтае. Отдельные политически активные анархисты, продолжавшие стоять на

---

<sup>1</sup> Штырбул А.А. Указ. соч. С. 98–102.

<sup>2</sup> Бударин М.Е. Чекисты... С. 71.

идейных основах анархизма, серьезной роли играть не могли, практически все находились под контролем местных органов ГПУ<sup>1</sup>.

В монографии «Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века...» А. Штырбул применительно к указанному периоду рассматривает, в частности, деятельность «бандитско-партизанских» групп и отрядов, в которых имелось влияние анархистов либо возглавляемых анархистами. Это отряды уже упомянутых П. Лубкова, братьев П. и С. Мурзиных, Д. Барышникова и некоторые другие. На мой взгляд, относить их к анархистам можно только условно. Да, отдельные из руководителей и членов этих отрядов в годы Гражданской войны использовали лозунги и знамена анархизма. Но идейность этого анархизма заключалась в нежелании подчиняться кому-либо и жить по кем-то написанным правилам. Сказывалась «наследственность» предков, завоевывавших и осваивавших сибирские просторы в поисках лучшей доли, личной свободы от какого-либо притеснения. У сибирского анархизма не было идейных вдохновителей и лидеров, способных организовать и повести за собой. Следует также учитывать и пестроту рядов названных групп, лишь отдельные из участников разделяли взгляды своих командиров, абсолютное же большинство решало свои личные задачи в своей личной борьбе с советской властью, будучи обиженными ею. А черные знамена и анархистские лозунги были удобной формой оправдания чаще всего преступных действий. Были и те, кто в этой ситуации стремился побольше нагрabить в целях организации своего «светлого будущего».

Если следовать логике А. Штырбула, то анархизм и «красный бандитизм» по сути своей достаточно близкие явления, дополнявшие друг друга, а в отдельных случаях представлявшие единое целое. Да, красnobандиты сами считали себя властью и действовали по своему разумению и не допускали мысли о противоправности своих действий. Партийным и советским органам было удобно преступления своих коллег объяснять исключениями из правил, так как это позволяло переложить хотя бы часть вины за непопулярную в народе государственную политику на отдельных «отщепенцев». Это же во многом касается и тех «подпольных групп», которые время от времени вскрывались чекистами в ряде советских и хозяйственных органов власти. Члены этих групп не признавали политику советской власти в силу разных причин и пытались бороться с нею своими способами и методами. Вне всякого сомнения, их деятельность чаще всего была самостоятельной и обособленной, так как в стране уже не было организованного сопротивления, но это, на мой взгляд, ничего общего с анархизмом не имеет.

Движение анархистов не было однородным. Часть из них встала на сторону советской власти и даже вступила в ряды РКП(б), занимая важные посты в советских органах (в армии, ЧК и ряде наркоматов и ведомств). Другие, например члены Федерации алтайских анархистов, выступали против, получая поддержку населения, в основном крестьянского, недовольного, как и анархисты, военнo-диктаторскими методами управления со стороны советской власти. При этом в движении анархистов еще одной привлекательной стороной была и его анти-

---

<sup>1</sup> Штырбул А.А. Указ. соч. С. 146–149. По его подсчетам, в 1920 г. в Сибири было 9 организаций анархистов, в 1921 г. – 11, в 1922 и 1923 гг. – уже 4 и 2 соответственно.

колчаковская направленность в недалеком прошлом – крестьяне еще очень ярко помнили насильственные мобилизации в армию, реквизиции скота и фуража колчаковцами, порки, издевательства и казни. Но в отдельных случаях, как И. Новосёлов, анархисты блокировались и с антикоммунистическими силами.

Несмотря на то, что многие анархисты были настроены просоветски и занимали руководящие посты в органах власти, начиная с 1921 г. стала проследиваться тенденция со стороны коммунистического руководства по отмежеванию от политических противников и вытеснению их из органов власти. В этих условиях многие анархисты отказывались от своих убеждений и вступали в коммунистическую партию. Так, в 1921 г. в сибирских организациях РКП(б), без Дальнего Востока и Забайкалья, насчитывалось около 70 бывших анархистов, но в ходе «чистки» осенью 1921 г. 12 из них были исключены из партии. По данным Всероссийской партийной переписи 1922 г., в сибирских парторганизациях (с учетом Бурят-Монгольской и Забайкальской губернских организаций РКП(б)) было 65 бывших анархистов, что составляло 18% всех бывших анархистов в рядах РКП(б). В процентном отношении к общему числу коммунистов Сибири бывшие анархисты составляли 0,14%<sup>1</sup>.

Следует также учитывать, что летом 1923 г. была предпринята попытка покончить с анархизмом по варианту, отработанному на партии эсеров. Группа бывших анархистов выступила с инициативой созыва всероссийской конференции, на которой должна была быть принята специально подготовленная декларация о вступлении в РКП, но «мероприятие» сорвалось, все завершилось публичным отречением от анархизма в сентябре того же года.

Что касается деятельности анархистов в последующие годы, то мне не удалось обнаружить каких-либо материалов, свидетельствующих о её проведении, в том числе и в архивах, в частности Томского и Новосибирского управлений ФСБ. Вполне возможно, что анархисты не вели какой-либо деятельности, в отличие от представителей других оппозиционных большевикам партий, хотя бы по причине отсутствия лидеров или организующего ядра, что в соответствии с организационными принципами анархистов не предполагалось вообще. Вновь упоминания об анархистах появляются уже во второй половине 1920-х гг., но они связаны с материалами жизни политссылки. Наиболее полно практическая работа анархистов освещена в докладной записке уполномоченного Томского окротодела ОГПУ по Нарымскому краю Перминова заместителю прокурора Сибирского края Малинину (по данным на 10 февраля 1927 г.): «...самым наиактивнейшим и в то же время буйным элементом политической ссылки являются анархисты (34 чел.).

Из агентурных материалов видно, что анархисты в условиях ссылки не только активизировались сами, но и старались активизировать в анархическом духе и окружавшие их крестьянские массы, даже деревенские ячейки комсомола. Отдельным членам комсомола Чигаринская группа анархистов дает читать анархическую литературу и даже часто собирает у себя на квартирах деревенскую молодежь, напичкивая таковую идеями анархизма...

Лидеры анархистов, как-то: Володарский, Немерицкий... заняты организационной работой и стяжают себе лавры в «четырёх стенах», организуя своеобразные кружки по подготовке будущих «работников анархического строя», идя

<sup>1</sup> Маргиналы в социуме... С. 151.

вразрез с желанием своих рядовых членов, что привело к расколу и образованию в Нарымской ссылке 3 анархических группировок...»<sup>1</sup>.

Наиболее активной и авторитетной из этих групп была Чигаринская, возглавляемая «инвалидом Мясниковым», «благодаря своим резким выпадам против существующего строя. Это объясняется тем, что нарымский крестьянин также своеобразно настроен анархически, чему способствует ЕСХН (единый сельскохозяйственный налог. – В.У.), билеты на право охоты, рыбной ловли и проч. Так как в свое время этого нарымский крестьянин не знал, т.к. Нарымский край от налогов освобождался, и плюс – чрезмерная отсталость нарымского населения в политическом отношении»<sup>2</sup>.

Возможно, по причине того, что анархисты не были в первых рядах политических оппонентов большевиков, не имели заслуженного исторического прошлого, ярких лидеров, репрессии начала 1920-х гг. коснулись их в меньшей степени. Но события в стране – партизанщина, бандитизм, переустройство жизненного уклада практически всего населения – создали благоприятные условия для развития анархизма, пусть и неклассического, либо анархистских проявлений и потребовали приложения серьезных усилий со стороны государства для решительного подавления этого общественно-политического течения.

24 сентября 1929 г. начальник СОУ ПП ОГПУ Сибирского края Гарин подписал циркулярное письмо всем начальникам окружных и областных отделов ОГПУ края, в котором констатировал, что еще в 1925 г. секретный отдел ОГПУ своей директивой № 5454 ставил перед органами ОГПУ задачи по выявлению анархистов и их группировок в красноармейских частях, пресечению деятельности анархистов по разложению допризывников и учащейся молодежи. Планировалось проведение оперативных мероприятий в отношении анархистов, но директива и названные планы выполнены не были, как не было выполнено и указание ПП ОГПУ по Сибкраю № 51848 от 10 октября 1928 г., которое предполагало оперативную разработку и учет с целью вербовки осведомителей.

В письме содержался вывод, что окружные отделы ОГПУ недооценивали «политической вредности» работы анархистов. Такое «примиренческое отношение к анархистам неизбежно породило отсутствие четкости в работе по анархам, недовыявление... их организационной деятельности, идеологического влияния на окружающую среду, связей и т.п., что в данный момент терпимо быть не может, т.к. в условиях развертывающегося социалистического наступления в городе и деревне (социалистическое соревнование по улучшению производства и подъема производительности труда; чистка соваппарата и партии; угроза военной опасности и т.п.), возможно, будет порождать рост анархо-синдикалистских настроений, хвостистских и рваческих настроений среди отсталой части рабочих и особенно среди «новых» рабочих, еще не переварившихся в социалистическом производстве, и рост антисоветских настроений среди прочих слоев населения». При этом высказывалось опасение усиления анархического движения.

---

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 4. Л. 124.

<sup>2</sup> Там же. Л. 125.



Последствия письма не известны, так как не удалось найти других документов, могущих пролить свет на это, но резолюции на нем были серьезные. Начальник Томского окротдела ОГПУ И. Мальцев приказал начальнику секретного отдела: «Надо просмотреть, перепроверить всех анархистов и анархистующих по старым материалам», на что последний отреагировал своей визой подчиненному: «Немедленно приступай к составлению плана по опер. проработке и его реализ[ации]»<sup>1</sup>.

Следует отметить, что для анархистского движения в Сибири на протяжении всего периода его существования были характерны организационная слабость, относительная малочисленность и идейная пестрота. Преобладали организации низшего и среднего уровней – кружки и группы. Организационные принципы не предусматривали структур, способных, подобно партии, увязывать воедино деятельность оргобразований. В Сибири так и не возникло более или менее единого монолитного движения анархистов, отсутствовали связи между организациями, процветали раздробленность и разобщенность.

На протяжении первой четверти XX в. анархисты Сибири в своем большинстве оставались левой силой, союзной, но одновременно и альтернативной сибирским большевикам. История показала, что союзниками для большевиков они оказались слабыми и непоследовательными.

В базе данных жителей Томской области, репрессированных по политическим мотивам, содержится информация о 17 «членах контрреволюционной террористической анархической организации», осужденных после принятия УК РСФСР 1926 г. Большинство арестов относилось к первой половине 1930-х гг., когда были арестованы 10 чел., в 1937–1938 гг. аресту были подвергнуты всего 7 чел., в том числе две жительницы с. Каргасок – учительница Н.С. Болотова<sup>2</sup> и временно не работавшая О.Х. Прокопенко<sup>3</sup> (обе были из числа сосланных в Нарымский край), все осуждены на 10 лет лагерей и 5 лет поражения в правах. Кстати, из 17 репрессированных в с. Каргасок проживали семеро, все из числа ссыльных, остальные – в Томске. Об активной деятельности арестованных речь и не велась, все были арестованы за свое «прошлое». Но если в первой половине 1930-х гг. многие из них вновь «получили» ссылку или малые сроки наказания, а двоим в наказание был зачтен срок предварительного заключения, то из числа арестованных в 1937–1938 гг. были расстреляны четверо, женщины осуждены к заключению в ИТЛ. В числе расстрелянных был и экономист Каргасокского рыбтреста С.М. Зильберг, с 1930 г. один из активнейших членов московской организации анархистов и организаторов «Черного креста». Был сослан по решению Коллегии ОГПУ в марте 1934 года<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Из личного архива автора.

<sup>2</sup> Болотова Нина Сергеевна, 1907 г.р., род. г. Томск, проживала в с. Каргасок, учительница. Арестована в 1937 г. Осуждена на 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах. Вторично арестована в 1949 г. Осуждена к ссылке на поселение. Реабилитирована 17 мая 1958 г. См.: Боль лодская... 2-е изд. Т. 1. С. 166.

<sup>3</sup> Прокопенко Осанна Христофоровна, 1897 г.р., род. г. Кисловодск СКК, не работала. Арестована в 1937 г. Осуждена на 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах. Реабилитирована 28 июля 1956 г. См.: Там же. Т. 2. С. 598.

<sup>4</sup> См.: Архив ИЦ УМВД России по Томской обл. Д. 4820; Зильберг Семен Михайлович, 1897 г.р., род. г. Ковань (Польша). Реабилитирован 17 мая 1958 г. Боль лодская... 2-е изд. Т. 1. С. 517.

Арест А.А. Солоновича<sup>1</sup> как руководителя «контрреволюционной» организации анархистов в с. Каргасок был произведен в январе 1937 г. Согласно справке на арест, выходец из дворян осужден особым Совещанием в 1933 г. с продлением ссылки на два года, отбывая которую в Каргаске, не прекратил активную «контрреволюционную» деятельность. С целью пропаганды своих идей и организации борьбы с советской властью он создал в 1933 г. анархо-мистический кружок из числа ссыльных анархистов, провел несколько собраний, на которых обсуждались вопросы установления связей с заграницей и создания разветвленной организации для борьбы с существующим строем, изучалась также анархо-мистическая теория. В 1934–1935 гг. он продолжил работу по созданию новых кружков, предлагал политссыльным вступать во Всесоюзный альянс анархистов, который он, якобы, возглавлял. К 1936 г. Солонович вовлек в ряды организации еще несколько местных жителей и отбывавших ссылку анархистов<sup>2</sup>.

После ареста Солонович отрицал предъявленные обвинения, отказался давать какие-либо показания о своей политической деятельности и политических взглядах. Такую же позицию на первых допросах занимали Д. Бем<sup>3</sup> и Н. Болотова. Возможно, по причине неспособности справиться с арестованными последние были переданы из Нарымского окротдела в УНКВД по Запсибкраю. Болотова, продолжая отказываться от дачи каких-либо показаний, о чем писала в своих заявлениях следователям, 21 февраля даже объявила сухую голодовку.

«Руководитель» организации А. Солонович умер во время следствия 1 марта 1937 г. Смерть наступила вследствие голодовки, заболевания гриппом и миокардитом «при явлениях нарастающей слабости сердечной деятельности»<sup>4</sup>. Материалы следствия позволяют предположить, что А. Солонович страдал заболеванием, связанным с нарушением психики. Об этом могут свидетельствовать его почти маниакальная потребность в сочинительстве анархо-мистических сюжетов<sup>5</sup>, «создание» организации союзного масштаба, а еще в большей степени – дебош в доме предварительного заключения при УНКВД по ЗСК. 13 февраля в камере он бил окна, колотил в двери. На допросе в кабинете начальника 4-го отдела УГБ УНКВД Попова он оскорблял сотрудников, выкрикивал ругательства в адрес ВКП(б) и органов советской власти. «Солонович дошел в своей зверской ненависти до того, что схватил со стола массивную стеклянную пепельницу и

<sup>1</sup> Солонович Алексей Александрович, 1887 г.р., ур. Польши, математик, философ. В 1920 г. был одним из организаторов и руководителей Ордена тамплиеров в Москве, бывший секретарь Федерации анархистов. Арестован в январе 1937 г. Реабилитирован 25 февраля 1958 г. См.: Там же. Т. 3. С. 177.

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-2517. Л. 1.

<sup>3</sup> Бем Дмитрий Александрович. 1880 г.р., род. г. Москва, проживал в с. Каргасок, плановик Каргасокского райисполкома. Арестован в 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 17 мая 1958 г. См.: Боль людская... 2-е изд. Т. 1. С. 134.

<sup>4</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-2517. Л. 25.

<sup>5</sup> При обыске были обнаружены, изъяты и приобщены к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств две тетради под заглавием «Учение Канта о чистом разуме», блокнот под заглавием «История русской литературы», 3 тетради под заглавием «Мифология», тетрадь с заглавием «Аристотель – метафизика», а также еще несколько тетрадей и блокнотов с записями. По мнению сотрудников Каргасокского РО НКВД, во всех рукописях содержались контрреволюционные клеветнические нападки на советскую власть и учение Маркса // Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-2517. Л. 7.

бросил её в тов. Попова, и лишь благодаря тому, что тов. Попов успел увернуться в сторону, пепельница пролетела мимо... упала на пол и вдребезги разбилась»<sup>1</sup>.

Интересна реакция на его выходку сотрудников УНКВД: он был отправлен в камеру с предупреждением, что за свои действия будет посажен в карцер. От более сурового наказания и обращения его «спасло» только то, что февральско-мартовский Пленум ЦК ВКП(б) еще не расставил приоритеты в борьбе с «врагами» и не «развязал» следователям руки при ведении допросов.

Сотрудниками 4-го отдела УГБ УНКВД по ЗСК была «установлена» связь организации Солоновича с членами анархической группы из Москвы. После окончания следствия все материалы по делу были переданы из Новосибирска в Москву для приобщения к общему делу анархической организации. И уже в феврале 1938 г. сотрудники 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР вынесли решение о направлении дела анархической организации в Военную коллегия Верховного Суда СССР и применении к подсудимым закона от 1 декабря 1934 г., с чем согласился прокурор Главной военной прокуратуры военюрист 2-го ранга Липов.

По делу этой организации 18 февраля 1938 г. в Ленинграде был осужден доцент физико-математического факультета Томского университета А.А. Синягин, проживавший до ареста в августе 1937 г. в Томске. В ноябре 1937 г. он был этапирован в Ленинград. Признав вину и будучи «изобличенным» показаниями ранее осужденных участников названной организации, он был приговорен к ВМН – расстрелу по закону от 1 декабря 1934 г.<sup>2</sup>

В 1940 г. его мать – З.А. Синягина – обращалась к заместителю председателю СНК СССР А. Вышинскому, Главному военному прокурору страны и президенту Академии наук СССР, депутату Верховного Совета СССР В.Л. Комарову с просьбой разобраться с материалами дела и обоснованностью осуждения её сына. Ей сообщили, что её сын осужден на 10 лет лагерей. В своем обращении мать указывала на его научные достижения – около двадцати опубликованных, в том числе и за границей, научных работ, медаль Географического общества и т.п., приводила отзывы известных ученых и специалистов научных и учебных заведений страны. Письмо было подшито к делу расстрелянного сына и хранилось там многие годы<sup>3</sup>.

Упомянутая выше директива НКВД СССР № 17231 от февраля 1938 г. «Об оперативных мероприятиях против меньшевиков и анархистов» коснулась только плановика Каргасокского райисполкома Д.А. Бема. «Следствие» тянулось с января 1937 г., так как у сотрудников Нарымского окротдела НКВД на него не было оперативных материалов, кроме «прошлого», по этой причине следствие и велось не особенно активно. На основании предъявленного обвинения планировалось «вскрытие» еще одной контрреволюционной организации, но сделать этого не удалось. После выхода директивы его не судили еще четыре месяца, до

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-2517. Л. 233–234; 1937–1938 гг.; Операции НКВД: Из хроники «Большого террора» на томской земле. Томск ; Москва, 2006. С. 36.

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-7503; Синягин А.А. реабилитирован 27 июля 1957 г. Боль людская... 2-е изд. Т. 3. С. 137.

<sup>3</sup> Там же. Л. 57–60.

4 июня 1938 г. Приговоры в отношении Синягина и Бема были приведены в исполнение в день осуждения.

К анархистам была отнесена и группа из 8 студентов (Г.Д. Шапиро, Я.М. Ицкович, Я.А. Романов, П.И. Перегудов и др.) 2-го курса Новосибирского института военных инженеров железнодорожного транспорта, осужденных выездной сессией областного суда в июне 1941 г. на ст. Юрга. Четверо участников группы были осуждены на сроки от 4 до 5 лет лишения свободы, остальные оправданы. Все они «обвинялись в том, что являясь участниками антисоветской группы, ...они с января по октябрь 1940 г. своими высказываниями дискредитировали политику коммунистической партии Советского Союза и советского правительства, популяризировали среди студентов **анархизм**...». А суть их «анархизма» сводилась всего лишь к шутке, что «из наших ребят вышли бы хорошие анархисты, взяли бы порвали черную рубаху на знамя, вооружились бы учебными винтовками и пулеметами и пошли бы громить винзавод. Хотелось выпить, а денег не было»<sup>1</sup>.

Однако кампания против представителей меньшевиков и анархистов не успела набрать обороты. Скорее всего, это было вызвано отсутствием значительных оперативных контингентов – за предыдущие годы их ряды были значительно «прорежены» репрессиями. Да и в системе органов НКВД уже разворачивалась новая широкомасштабная операция по национальным организациям.

Анархисты в Западной Сибири к периоду «Большого террора» преимущественно отбывали сроки наказания и ссылку. По данной причине на территории Западной Сибири, как, впрочем, и в других регионах страны, органы НКВД не смогли «раскрыть» каких-либо массовых организаций из числа представителей этого политического движения. Не будучи массовой политической организацией, без истинных идейных руководителей, без организующей силы анархисты практически самоликвидировались на рубеже 1920–1930-х гг. и не являлись значимой политической силой. Жертвами репрессий они становились только благодаря хорошо отлаженной системе оперативных учетов органов ОГПУ–НКВД, куда были включены еще в первые годы советской власти. Принцип «учета и контроля», соблюдавшийся в органах неукоснительно, не дал сбой и в годы разгула террора.

\* \* \*

В марте 1931 г. для борьбы с враждебной деятельностью участников антисоветских партий и групп, с националистической контрреволюцией, антисоветской деятельностью церковников, сектантов, монархистов и др., а также с террором секретный и информационный отделы ОГПУ были объединены в единый – секретно-политический отдел (СПО). В этом же году приказом ОГПУ № 298/175 была составлена «Инструкция по учету и агентурной разработке антисоветских и контрреволюционных элементов по линии секретно-политического отдела». В соответствии с этим документом все подлежащие учету лица и антисоветские

---

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Новосибирской области. Д. 4430. Т. 2. Л. 241–251.

элементы разбивались на две категории: по литеру «А» – твердый (основной) учет и литеру «Б» – предварительно-вспомогательный учет.

В первом случае на учет брали бывших членов русских и национальных антисоветских партий и групп (эсеры, меньшевики, монархисты, националисты, троцкисты и т.п.), участников террористических и кулацко-повстанческих организаций, террористов-одиночек и других действующих антисоветских элементов. Все лица этой категории разрабатывались по делам-формулярам или агентурным делам. Последние, кстати, согласно циркуляру Секретно-оперативного управления от 2 марта 1931 г., заводились на каждого бывшего члена ЦК правых эсеров, сосланного в отдаленные районы страны за антисоветскую деятельность.

Во втором случае на учет ставились антисоветские элементы, работавшие на предприятиях и стройках, в государственных, профсоюзных, кооперативных организациях и добровольных обществах, в индивидуальном и социалистическом секторах деревни, а также руководящий состав церковных и сектантских организаций, бывшие чиновники царского и белых правительств и некоторые другие категории граждан. Однако на учет брались лишь лица, впервые попавшие в поле зрения органов ОГПУ, материалы в отношении которых требовали проверки. В случае подтверждения материалов фигуранты переводились на твердый учет. Что касается категории «социально близких», то рабочие, бедняки, середняки и колхозники при неподтверждении в течение года полученных на них компрометирующих материалов с учета снимались<sup>1</sup>.

После политических процессов начала 1930-х гг. «политические оппоненты» на некоторое время выпали из процесса активного преследования, так как изменились контингенты репрессий, курс и цели борьбы с врагами: на первый план вышли «бывшие» и кулачество. Подтверждение этому находим в письме бывшего начальника Томского горотдела НКВД И. Овчинникова в следственную часть НКВД СССР: «Как можно обвинять меня за ту политическую линию в работе, которая вытекала из решений XVII съезда партии и диктовалась НКВД-центра и УНКВД. Разве не известно... что тогда после инструкции ЦК и СНК от 8/V-33 г. настала целая полоса работы НКВД с курсом на вскрытие локальных, мелких контрреволюционных образований из числа бывших людей, кулаков и т.д.

...Что же касается ориентировки на разработку контрреволюционной низовки, то это правильно... Ведь после 1933 г. была провозглашена та знаменитая теория в УНКВД, согласно которой выходило, что сейчас... после ликвидации последнего капиталистического класса – кулачества – в СССР нет сил, способных поколебать его мощь. Все антисоветские политпартии, включая сюда и троцкистов... разбиты и дискредитированы в глазах широких трудящихся масс, от них остались лишь жалкие осколки, за которыми никто не пойдет... Поэтому могут быть только поколения мелких контрреволюционных образований, и их надо искать и громить»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> История советских органов госбезопасности... С. 216–217.

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. 5621. Т. 7. Л. 27–28.

Изменилась и система деятельности органов НКВД. Овчинников свидетельствовал, что с приездом в УНКВД по Запсибкраю С.Н. Миронова ситуация резко изменилась. Сторонники «вскрытия мелких, не связанных между собой в масштабе края и СССР контрреволюционных групп, установки на уважение к партруководству, к активу, к запрещению трогать членов партии без ведома и решений горкомов и райкомов, установки противодиверсионной профилактики и помощи хозяйственному руководству в деле выполнения планов», с его приходом были объявлены оппортунистами и чуть ли не предателями: «Миронов заявил, что нет и не может быть локальных контрреволюционных образований, все враждебные силы внутри страны – от эсеров, меньшевиков, кадетов, монархистов, бывших людей, кулаков, кончая агентурой иноразведок и троцкистов, – все это слилось и представляет единый фронт, и потому в работе разговор может быть только о контрреволюционных организациях в масштабе СССР или, в крайнем случае, в масштабах края»<sup>1</sup>. Учитывая принципы деятельности органов НКВД, строжайшую служебную дисциплину и ответственность, характерные для всех властных структур тех лет, сложно предположить, что только один начальник УНКВД проявил инициативу и рвение. Он просто донес до личного состава установки, полученные им в Москве.

### 3.4. Политическая ссылка

Ссылка не была порождением большевиков, пришедших к власти в октябре 1917 г., на вооружение был взят опыт царизма. Ссылка была и в годы самодержавия важным инструментом по устранению неудобных режиму лиц от активной общественной жизни и преступной деятельности путем направления в глухие отдаленные места. Кроме того, это был один из рычагов государства по освоению необжитых и слаборазвитых территорий. При незначительных затратах, так как не требовалось строительство новых тюрем, решался целый комплекс вопросов по удалению из общества преступных элементов.

Как постоянная мера наказания ссылка в сибирские губернии установилась с 1745 г. Только в 1804 г. – в год образования Томской губернии – в неё прибыло более семи тысяч ссыльных. В Томске была создана «экспедиция о ссыльных», и город стал одним из главных пересыльных пунктов. В семидесятых годах XIX в. в губернию ежегодно доставлялось около двух тысяч человек, которых селили преимущественно в Каинском и Мариинском округах, где сосланные составляли до 1/3 населения<sup>2</sup>.

Следует учитывать, что и многие из «победителей» испытали в свое время все сложности и проблемы пребывания в этих местах. В апреле 1917 г. ссылка и высылка в России были отменены Временным правительством, но в начале 1920 г. они были возрождены большевиками в качестве одной из мер борьбы со своими врагами. Органы ВЧК использовали высылку с момента своего создания, не будучи никак закрепленной нормативно-правовыми актами.

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. 5621. Т. 7. Л. 36.

<sup>2</sup> Юшковский В.Д. Эскиз сюжета: 40 этюдов о 400-летнем Томске. Томск, 2003. С. 338–340.

Большевики после прихода к власти, прекрасно понимая, что завоевания революции еще предстояло защитить, вынуждены были решать вопросы подавления сторонников прежнего режима, представителей политических партий и движений, не согласных с победой большевиков и не разделявших политику, которую те проводили. Одной из форм решения этого вопроса явились практические шаги в виде ссылки и высылки своих противников и оппонентов. Но если в годы царизма эти институты права были характерны и для политических, и для уголовных преступников, то у большевиков, особенно в первые годы после установления режима, возобладали политический контекст – будь то высылка родственников крестьян-повстанцев против советской власти либо ссылка представителей «антисоветских» партий. Даже в более поздние годы часто ссылаемые были жертвами очередных политических кампаний, проводимых в стране.

Правом принимать решение о ссылке и высылке первоначально обладали только ВЧК и ревтрибуналы. В 1922 г. ревтрибуналы были упразднены, а у преобразованного из ВЧК Главного политического управления права на высылку были отняты. Зато в Уголовном кодексе 1922 г. впервые появилась статья (ст. 46), которая предполагала выдворение отдельных лиц из мест постоянного проживания на сроки до 3 лет. В числе объектов первоочередного внимания оказались «антисоветчики» и профессиональные преступники как социально опасные элементы. Среди первых оказались и 300–400 представителей интеллигенции и деятелей культуры, которые во второй половине 1922 г. были высланы из России.

По мере удаления от Октября 1917 г. этот институт права принимал все более четкие очертания. Сначала юридическое определение было дано видам ссылки и высылки, в том числе и за пределы СССР. Немного позднее, в марте 1924 г., ЦИК СССР принял Постановление «О правах ОГПУ в части административных высылков, ссылок и заключения в концентрационный лагерь» (приказ ОГПУ СССР № 172 от 2 апреля 1924 г.). Этот документ значительно расширил круг социально опасных элементов, включив в него целый ряд «специалистов» уголовного и криминализованного сообщества. В принятом Уголовном кодексе 1926 г. ссылка уже была определена в качестве одной из мер «социальной защиты». Приказ ОГПУ № 19/10 от 11 января 1930 г., объявивший Инструкцию по применению Положения о ссылке и высылке, применяемых Постановлением Особого совещания при ОГПУ (утверждена ОГПУ и Прокуратурой СССР), еще более детализировал аспекты этих видов наказания, практически «пошагово» расписав жизнь ссылаемых (высылаемых) на весь период действия этого вида наказания.

В Сибири к местам ссылки были отнесены Нарымский край Томской, Туруханский край Енисейской и северные районы Иркутской губерний. И уже в начале 1920-х гг. для отбытия ссылки в Сибирь прибыло несколько сот человек, преимущественно руководителей и активных членов партий эсеров, меньшевиков, анархистов, сионистов и некоторых других. В стране только в 1921 г. ВЧК приговорила к ссылке и высылке 1 817 чел., что составило 5,1% от числа осужденных.

В числе первых сосланных в Сибирь были 27 эсеров-максималистов, направленных зимой 1921 г. в Канский уезд Енисейской губернии. По прибытии на место они развернули активную деятельность, установили связь с Иркутском, Новонико-

лаевском и Томском. По данным органов ВЧК, они открыто выступали на собраниях и конференциях, проводили тайные совещания и распространяли листовки и воззвания, эсеровскую литературу. Губком РКП(б), обеспокоенный влиянием этой группы на местное население (с подачи органов губЧК), распорядился в декабре произвести аресты членов этой группировки, что и было сделано в январе 1922 г. В последующем часть из них была выслана за пределы губернии<sup>1</sup>.

В начале 1920-х гг. первые ссыльные «политики», прибыв в Сибирь, стремились сохранять сплоченность, создавая фракции и группировки единомышленников. К концу 1923 г., по данным прокуратуры края, в большинстве районов Сибири сформировались группы политссыльных, особо сплоченные в Красноярске, Нарымском крае и Ойротской области. Исключение составляли Алтайская, Иркутская и Омская губернии. Объединение чаще всего происходило на почве преодоления возникавших материальных трудностей. В целом ссылка оставалась разобщенной по партийному, национальному и конфессиональному признакам на протяжении 1920-х гг. Характерным примером может быть разделение ссыльных в Нарымском крае, где органами ОГПУ к 1927 г. были выделены три группы анархистов (чигаринская, большевнистская и парабельская), пять – социал-демократов (колпашевская, инкинская, парабельская, нарымская и каргасокская). Наиболее сплоченной была колпашевская группа эсеров. Если у эсеров и меньшевиков были признанные лидеры (члены ЦК ПСР Д.Д. Донской<sup>2</sup> и М.С. Цейтлин<sup>3</sup>), то у анархистов их было пять (Мясников, Б. Володарский, Не-

<sup>1</sup> Маргиналы в социуме... С. 238, 269, 276.

<sup>2</sup> Донской Дмитрий Дмитриевич, 1881 г.р., род. г. Варшава, образование высшее, окончил университет в Мюнхене, член ЦК партии социалистов-революционеров, осужден в августе 1922 г. по процессу партии эсеров к ВМН – расстрелу с последующей заменой на 10 лет тюремного заключения. По решению Политбюро ЦК РКП(б) от 4 июля 1924 г. был освобожден с высылкой в отдаленные местности. На процессе Донской был единственным из осужденных, кому было предъявлено обвинение по 8 статьям УК: 57 – контрреволюционные действия, направленные на свержение советской власти; 58 – организация и участие в вооруженных действиях с контрреволюционными целями; 59 – сношение с иностранными государствами или их представителями с целью склонения их к вооруженной борьбе против Советской Республики...; 60 – участие в организации, действующей в целях совершения преступлений по ст. 57–59; 64 – организация в контрреволюционных целях террористических актов, направленных против представителей советской власти или деятелей революционных рабоче-крестьянских организаций, а равно участие в выполнении таких актов; 65 – саботаж; 76 ч. 1 – организация и участие в экспроприациях...; 76, ч. 2 – соучастие в экспроприациях... По четырем из названных статей УК предусматривалась смертная казнь.

<sup>3</sup> Цейтлин Михаил Соломонович, 1887 г.р., род. г. Витебск, перед высылкой проживал в г. Вятка. Осужден Особым совещанием при Коллегии ОГПУ по ст. 58-10 УК РСФСР 27 августа 1931 г. к 3 годам ссылки. В деле на Цейтлина М.С., отбывавшего ссылку в Томске, есть характеристика, утвержденная начальником Томского горотдела НКВД М. Подольским. В ней указано, что «Цейтлин (так в тексте. – В.У.) настроен а/с (антисоветски. – В.У.) и высказывает при разговорах свое недовольство. Переживаемые затруднения страной относит исключительно к неправильной политике партии, которая, по его мнению, страну привела в тупик и крах должен наступить не сегодня – завтра. Внутреннее положение страны напряжено до пределов, а взаимоотношения с капиталистическим миром день ото дня становятся хуже, так что они сами себе роют могилу своей политикой. В области промышленности и сельского хозяйства Цейтлин говорит, что эта политика ведет страну к неминуемому экономическому краху, голоду, нищете и морально-политическому угнетению населения. Большевики захватили политическую, экономическую и бытовую власть, связали народ так, что он теперь дегенерирует, спасти страну может только интервенция». И вывод – «считаем целесообразным продлить ему срок ссылки». (Архив ИЦ УМВД России по Томской области. Д. 4828).



мерицкий, Рейдман и С. Рысс), что, видимо, подтверждало сущность этого движения<sup>1</sup>.

Вот как охарактеризовал положение политссыльных один из агентов ОГПУ в декабре 1923 г.: «Колпашевская колония п/с (политссыльных. – В.У.) живут каждая сама по себе, никакой спайки нет и объединения п/с между собой. С приездом в Колпашево С/Р Бельского имеются возможности, что последним будут приняты меры к урегулированию этого вопроса по Колпаш[евской] колонии.

В Инкинской колонии положение иное, там существует столовая, кот[орая] до некот[орой] степени сближает п/с между собой и дает известную спайку и сближение.

Центр[альной] фигурой Инкинской колонии п/с является анархист Рубинчик. Чигаринскую колонию возглавляет С/Д Кононенко.

В Парабельской колонии положение неопределенное, т.к. существовавшая “колониальная организация” распалась в связи с арестом С/Р Чернова Бориса, у которого были все нити объединения не только Параб[ельского] района, но и по всему Наркраю.

Моральным центром явл [яется] Д[онской], который своим положением в полит[ической] работе дает спайку между всеми. В нужный момент его совет носит характер решения...»<sup>2</sup>.

Следует отметить, что для меньшевиков и эсеров было характерно наличие такого института, как старостаты. Выборные старосты распоряжались денежными средствами из касс взаимопомощи, организовывали различного рода общественные мероприятия, собрания, товарищеские суды, выступали в роли посредников при возникновении спорных ситуаций, решали и другие вопросы, возникавшие в повседневной жизни. В отдельных случаях старосты эсеров и меньшевиков встречались для консультаций по отдельным проблемам.

В первой половине 1920-х гг. политссыльные Нарыма предпринимали многочисленные попытки установления контактов с единомышленниками в других частях страны и за рубежом. В основном использовалась открытая переписка, иногда корреспонденция доставлялась через знакомых и родственников, но в отдельных случаях применяли язык условностей и «шифры», а также наколы букв в журналах, на папиросной бумаге. Все эти способы применялись и в общении между колониями. В отдельных случаях корреспонденцию доставляли курьеры. Одним из них была О.Л. Иоффе, которая возила пакеты, зашивая их в маленькую головную подушку<sup>3</sup>.

В работе по политссылке основное внимание органами ОГПУ уделялось эсерам и меньшевикам, прежде всего их лидерам. Осенью 1924 г. в ссылку в Нарымский край прибыл один из членов ЦК партии эсеров, осужденных по про-

<sup>1</sup> Маргиналы в социуме... С. 266–267; Яковлев Я.А. Дмитрий Дмитриевич Донской. Томск, 2000. С. 322–323.

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. 2574. Т. 1. Л. 336.

<sup>3</sup> Там же. С. 125. Это в своём докладе по итогам работы за 2-е полугодие 1924 г. отмечал и томский губпрокурор: «В июле месяце у политссыльных в Нарымском крае имелась тенденция к установлению связи с организациями как в СССР, так и за границей». См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 25. Л. 77.

цессу 1922 г., Д.Д. Донской. Поселен он был в 500 км от Томска в с. Парабель. В предписании уполномоченному Томского губотдела ОГПУ признавалась необходимость принять всевозможные меры по недопущению бегства Донского из ссылки. Для реализации этой установки штат уполномоченного губотдела ОГПУ по Нарымскому краю был увеличен до 8 сотрудников, а также предлагалось «...выделить гласного сотрудника с постоянной резиденцией в Парабели»<sup>1</sup>. Данное указание было выполнено почти незамедлительно, так как власть боялась Донского, его авторитета и влияния на политссылку. Другой причиной являлась информация о том, что Донской якобы был в числе тех, кто санкционировал покушение Ф. Каплан на Ленина (эта тема до настоящего времени обсуждается специалистами. – В.У.). Одно это делало из Донского ярого врага советской власти. Первоначально Д. Донской действительно сплотил политссылку, независимо от партийной принадлежности. Его квартира превратилась в штаб, где регулярно проводились собрания политических ссыльных. По данным оперативных источников ОГПУ, на этих собраниях обсуждались ситуация в стране и планы деятельности ссылки, вопросы установления связи с единомышленниками, в том числе и в других регионах страны, и т.п.

Один из оперативных источников в марте 1925 г. сообщал: «Донской говорит, что партия не бездействует, работает, но находится в таком периоде, как было в 1890–1900 гг. Партия за последние годы настолько разбита, потеряла свои лучшие силы, должна медленно оправиться, приобретая стойких борцов. Это можно достигнуть только медленной ровной работой, самой осторожной и конспиративной, т.к. 3 отделение ОГПУ, зная все недостатки 3 отделения царской охранки, теперь настолько хорошо поставлено, что малейший неосторожный шаг стоит многих жертв (очень). Что касается прекращения террора, то он не связан с тем, что сов. власть имеет С/Р заложников, а объясняется тем, что С/Р признают теперь, что они слабы, а террор забрал бы очень много С/Р жертв, которые нужны для более важной работы... Когда партия окрепнет, а коммунисты к тому времени не дадут возможности моральной агит[ационной] работы, тогда вероятно придется применить террор. Трудно в связи с этим сдерживать молодежь. В партию привлекают рабочих, учащихся, так и крестьян, где наиболее благоприятная почва, которая уменьшается в связи с привлечением коммунистами к себе середняков... Работа бесперспективна... Из-за местной работы не стоит получать несколько лет Соловков, т.к. слежка так поставлена, что только подумаешь что-либо сделать, как это уже известно ГПУ»<sup>2</sup>.

Со временем ситуация стала меняться, многие из ссыльных постепенно смирились с происходившими в стране переменами и невозможностью реальной борьбы с советской властью. Многие видели в большевиках не врага, а политического оппонента, более того, полагали, что большевики еще позовут их для совместной деятельности. На одной из вечеринок в августе 1925 г. меньшевик Зайчик в споре с Донским заявил: «Советская власть настолько окрепла, что на многие годы она будет существовать, несмотря на то, что европейские державы

<sup>1</sup> Яковлев Я.А. Указ. соч. С. 296–297.

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. 2574. Т. 1. Л. 58.

принимают все меры к её уничтожению. Лозунги коммунистов настолько привлекательны для рабочих, что никакие другие лозунги не в состоянии с ними конкурировать. Положение в Советской России улучшается с каждым годом, а с этим ухудшается возможность социал-демократов что-либо сделать и на многие годы отдалается возможность смены правления в России». Донской многое из сказанного признал, но отметил, что если у меньшевиков работы нет, так как пролетариат не пошел за ними, то «у нас очень благодарная почва для работы среди крестьян, которые в своем большинстве недовольны советской властью»<sup>1</sup>. В конечном итоге все остались при своих взглядах и позициях, но позднее ссоры на почве партийных разногласий стали учащаться.

Отношение крестьянства к политическим ссыльным было достаточно сложным. С одной стороны, власть делала все, чтобы не допустить распространения влияния ссыльных на местное население, всеми способами компрометируя ссыльных, а с другой стороны, само крестьянство неоднозначно относилось к сосланным: молодежь к ним тянулась, так как многое для нее было новым, интересным (в сибирской глуши много ли интересов и развлечений); те, кто постарше, чаще всего вели себя настороженно или негативно (анархист Святло получил, например, такой ответ от одного из крестьян: «Плохо будет, если эти ссыльные каким-нибудь образом очутятся у власти, т.к. они поведут политику, ничем не отличающуюся от царского строя»<sup>2</sup>). Большевик Танутров заявил в одной из бесед не менее емко: «Сейчас политикой заниматься нельзя. Все население на стороне существующего строя. Раньше было другое отношение крестьян к политссыльным, а сейчас они не доверяют, и сколько к ним ни приспосабливайся, они все равно знают волка в овечьей шкуре»<sup>3</sup>.

Часто отношение к ссыльным было «прохладным» на основе бытового антисемитизма – многие из сосланных были евреями, хоть и являлись членами разных партий. Так, отмечалось наличие взаимного отчуждения между меньшевиками и местным населением. Крестьяне воспринимали социал-демократов как чуждых им интеллигентов, что с учетом наличия бытового антисемитизма не могло не играть своей роли в положении сосланных<sup>4</sup>. К отдельным из сосланных в силу их профессиональной принадлежности отношение было уважительным (врачи, агрономы, учителя). Еще одной категорией, пользующейся уважением и поддержкой местного населения, было сосланное духовенство, сказывалось традиционное влияние церкви.

Со временем и сам Донской признал, что сопротивление ни к чему не приведет. Один из оперативных источников ОГПУ сообщал, что в беседе с ним о возможности подпольной партработы Донской заявил: «Вести работу в подполье при современной обстановке почти невозможно, и, если бы он, Донской, оказался на свободе, то очутился бы в отношении партработы в затруднительном положении, т.к. не знал бы, что ему делать. С одной стороны, никого из старших то-

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. 2574. Т. 1. Л. 148–149.

<sup>2</sup> Там же. Л. 374.

<sup>3</sup> Там же. Л. 515.

<sup>4</sup> Маргиналы в социуме... С. 277.

варищей по партработе на воле нет, а если и есть кто-либо, то местонахождения их ему не известны; с другой – молодые с[оциал]-р[еволюционеры] идут неправильным путем. Донской сожалеет о том, что придется окончить жизнь, не увидев с[оциал]-р[еволюционной] свободы, т.к., по его мнению, соввласть укрепилась настолько, что скорого её падения ожидать невозможно»<sup>1</sup>. Заявление Донского явилось невольным подтверждением разгрома всех антисоветских (политических оппонентов) сил в стране.

К концу 1920-х гг. Д. Донской уже полностью отказался от какой-либо борьбы с советской властью. Начальник секретного отдела Томского ОГПУ П. Шестаков в мае 1929 г. так характеризовал его: «Если в первые годы пребывания в ссылке Донской очень осторожно проявлял эсеровскую деятельность, то за последние два года таковой никакой политической работы как внутри ссылки, так и судя по перлюстрации документов, за её пределами не ведет»<sup>2</sup>.

Конфликт поколений был не только у эсеров, но и у меньшевиков. В уже упоминаемой докладной записке заместителю прокурора Малинину отмечалось, что «сплоченной работы среди с[оциал]-д[емократов] нет, что объясняется делением группы на два лагеря – «старых и молодых», расхождение которых в основном возникает на почве совместной работы всех полит[ических] группировок Нарымского края.

С[оциал]-д[емократическая] молодежь стремится к общей работе совместно с с[оциал]-р[еволюционерами], анархистами, другими фракциями, организовали в Колпашевской колонии общую библиотеку, а «старики» с[оциал]-д[емократы] тянут назад и категорически протестуют против данного положения»<sup>3</sup>.

По официальным данным в 1923 г. к несудебной ссылке и высылке были приговорены 2 044 чел. В Сибирь к началу 1924 г. в общей сложности было сослано 357 чел., или 17,5% всех приговоренных к административной ссылке. В 1924 г. рост числа сосланных и высланных в стране составил 180% к предыдущему году и достиг 5 724 чел., что объяснялось расширением круга социально опасных элементов. В последующие годы до 1930 г. ситуация стабилизировалась, сохранив высокие темпы роста численности административно-ссылных и высланных (в 1926–1929 гг. цифры прироста колебались в размере 31–39%), в 1929 г. в стране к этому разряду осужденных официально были отнесены 24 517 чел.

С середины 1920-х гг. доля «политиков» заметно уменьшилась, что было вызвано завершением активной фазы борьбы большевиков со своими политическими оппонентами, когда партии, которые они представляли, самораспустились и прекратили активную деятельность. А члены этих партий либо отказались от своих взглядов и убеждений, перейдя в лагерь большевиков, либо были репрессированы (осуждены, сосланы, высланы).

В Сибири к середине 1920-х гг. политическая ссылка заметно выросла. Если в 1923 г. в Нарымский край, одно из основных мест ссылки в Сибири, ссылные

<sup>1</sup> Яковлев Я.А. Указ. соч. С. 316–317.

<sup>2</sup> Маргиналы в социуме... С. 270.

<sup>3</sup> ГАНУ. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 4. Л. 126.

прибывали поодиночке – «в феврале месяце 2 человека, в апреле месяце 3 человека, в мае месяце – 7 человек, в июне – 8 человек и в июле месяце – 21 человек», из которых... 24 – разных политических оттенков»<sup>1</sup>. В январе 1924 г. их уже было 93, в том числе непосредственно политических – 33 (меньшевиков – 27, эсеров – 4, анархистов – 2)<sup>2</sup>, а в мае 1924 г. – 130 («74 политические и 56 прочих социально-вредный элемент»)³. Через год, в мае 1925 г., одних меньшевиков числилось уже 51 чел.<sup>4</sup>; к февралю 1927 г. – 148 (анархистов – 34, меньшевиков – 70, эсеров – 8, сионистов – 36)<sup>5</sup>.

На 11 декабря 1923 г. в Енисейской губернии, по сведениям губпрокурора, находилось до 25 политических ссыльных. Иркутская прокуратура сообщала в конце 1924 г. о 19 сосланных в губернию «контрреволюционерах», в том числе о пяти «политиках». Всего в 1924 г. в «распоряжение» сибирских органов ОГПУ было направлено 265 ссыльных и высланных за «контрреволюцию»: в Нарымский край – 119 чел., в Туруханский – 97, в Илимский – 19, остальные были распределены за другими районами. К представителям «антисоветских» партий относились 104 из них.

Самой массовой группой из представителей политических оппонентов большевиков в Сибири были меньшевики, которых к середине 1927 г. насчитывалось 111. К началу 1928 г. более всего их было в Нарымском крае – 70, в Енисейске – 19 (ждали отправки в Туруханский край), в Туруханском крае – 5, в Каменском округе – 8, в Барнаульском и Иркутском – по 2.

В Нарымском крае наиболее крупная группа меньшевиков находилась в Колпашеве – 28 чел., ещё 10 проживали в Парабели. Они имели свои библиотеки, столовые, кассы взаимопомощи, через которые вели всю организационную и внутривнутрипартийную работу. В качестве особенности следует выделить разделение меньшевистской колонии на два лагеря – «старых» и «молодых». Если первых можно было причислить к ортодоксам, то вторые стремились к развитию связей и контактов со всеми фракциями колонистов. Ещё одной отличительной особенностью было отсутствие какой-либо работы среди местного населения,

<sup>1</sup> Из истории земли томской. 1921–1924... С. 337. В 1939 г. на следствии бывший начальник Томского горотдела НКВД И. Овчинников охарактеризовал нарымскую ссылку следующим образом: «Томск – это ворота в Нарым, через которые проходила вся ссылка в Нарым и ее обратное движение, оставляя на связи явочные квартиры и проч. Томск – это город административной и политической ссылки эсеров, меньшевиков, бывших людей, троцкистов и т.п. с первых лет Советской власти и до 1937 г. включительно. Здесь... были в ссылке два члена ЦК эсеров, другие крупные эсеры и м[еньшеви]ки... Здесь сидела целая колония дашнаков с членами ЦК во главе, груз[инские] ме[ньшеви]ки и т.д.» (Из письма И. Овчинникова в следственную часть НКВД СССР // Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. 5621. Т. 7. Л. 36–37).

<sup>2</sup> Из истории земли томской. 1921–1924... С. 347. Только за 2-е полугодие 1924 г. число административно-высланных в Западной Сибири увеличилось с 329 до 1 074 чел. – в Новониколаевской губ. их число выросло с 25 до 41, в Томской – со 164 до 853, в Алтайской – с 35 до 49, в Омской – с 91 до 121. Только в Ойротии произошло уменьшение – с 14 до 10. Таким образом, в Томской губ. было сосредоточено более всего административно-высланных (в Енисейской – 844 чел.). В последующие 4 месяца число сосланных увеличилось до 1 215 чел. – в Новониколаевской губ. до 46, в Омской – до 132, в Томской – до 1 029, в Алтайской – 8 чел. В Енисейской губ. рост был ещё большим – до 1 280 чел. Одним из основных мест расселения ссылаемых стал Нарымский край – 1 016 чел. См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 18. Л. 30.

<sup>3</sup> Там же. Д. 30. Л. 19.

<sup>4</sup> Подсчитано автором. Архив УФСБ РФ по Томской области. Ф. 10. Д. 41.

<sup>5</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 4. Л. 124–128.

считая проведение её нецелесообразной. В свою очередь и у местного населения меньшевики авторитетом не пользовались – «интеллигентики».

Численность представителей ПСР исчислялась единицами. На конец 1924 г., по информации заместителя председателя ОГПУ Г. Ягоды, в распоряжение ПП ОГПУ по Сибири были отправлены 16 правых и 14 левых эсеров. Небольшая их численность объяснялась активным нежеланием сибирского руководства принимать этих «социально опасных лиц». К началу 1927 г. в Нарымском крае их было всего 8 чел., а в мае 1928 г. в Красноярске находился один левый эсер, в Туруханске – еще два. Социальная опасность крылась в их политических взглядах и ориентации на крестьянство, что в условиях Западной Сибири имело под собой реальную основу.

В отличие от представителей других партий эсеры в Нарымском крае, несмотря на свою малочисленность, имели определенный авторитет и даже уважение у местного населения. Творцом такого положения был их лидер – Д. Донской, умевший работать с крестьянами, грамотно и профессионально организовавший лечебное дело, да еще имевший связь с наркомом здравоохранения Семашко, с помощью которого он получал необходимые медикаменты для больницы с. Парабели. Местное население шло к нему за советами и помощью, что вызывало ревность и беспокойство у представителей местных органов власти, боявшихся роста и распространения его влияния на крестьянское население.

Что касается анархистов и сионистов, то основная масса их была сконцентрирована в Нарымском крае. На начало 1927 г. их число достигало 34 и 36 чел. соответственно, ни ранее, ни позднее их численность большей не была. По данным эмигрантских кругов, в конце первого полугодия 1928 г. семеро анархистов находились в Енисейске и еще двое – в с. Парабель Нарымского края. В Енисейске якобы существовала колония сионистов численностью 19 чел.<sup>1</sup>

Сионисты-социалисты прибыли в ссылку в Сибирь зимой 1925 г. По прибытии в Нарымский край примерно через месяц они предприняли попытку установить контакты с представителями других партий, но эти попытки оказались безуспешны – возможно, уже сказывались «усталость» предыдущих лет ссылки и разобщенность, достигнутая не без активного участия органов ОГПУ. Весной 1925 г. для ведения партийной работы ими было образовано Нарымское бюро из трех человек во главе с М.В. Бочковским<sup>2</sup>. Бюро установило связь с Москвой, предпринимало попытки связаться с единомышленниками за границей и предполагаемой томской организацией сионистов. В переписке с Центром использовали шифрованную связь и тайнопись, разработанные И. Мнухиным<sup>3</sup> и Я. Браиловским<sup>4</sup>, что было подтверждено результатами перлюстрации их корреспонденции.

<sup>1</sup> Яковлев Я.А. Указ. соч. С. 303–309, 320–321, 323–325 и др.; ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 4. Л. 125–127.

<sup>2</sup> Бочковский Михаил Вульфович, 1899 г.р., ур. г. Овруч Вольнской губ., проживал в дер. Б. Нестерово Парабельского р-на, ссыльный. Арестован в 1925 г. См.: Боль людская... 2-е изд. Т. 1. С. 181.

<sup>3</sup> Мнухин Илья Хаймович, 1895 г.р., ур. Гомельской губ., проживал в дер. Б. Нестерово, ссыльный. Арестован в 1925 г. Осужден на 3 года ссылки в Сибирь. См.: Там же. Т. 2. С. 390.

<sup>4</sup> Браиловский Яков Исаакович, 1902 г.р., ур. г. Кременчуга Полтавской губ., ссыльный. Арестован в 1925 г. Осужден на 3 года концлагерей. В 1928 г. лишен права проживания в 12 пп. с прикреплением к постоянному месту жительства сроком на 3 года. См.: Там же. Т. 1. С. 183.

В ходе взаимопосещений, часто нелегальных, обсуждались вопросы о положении в стране, планируемые мероприятия и т.д. Ссылные занимались разработкой шифра и средств тайнописи для ведения секретной переписки.

Активная деятельность сионистов не могла остаться вне внимания органов ОГПУ, и в ночь с 15 на 16 декабря 1925 г. были арестованы 9 членов группы. Всем предъявили обвинение в антисоветской деятельности. По представлению старшего помощника прокурора Сибири в связи с тем, что «вследствие быстрой ликвидации указанной группы органами ОГПУ деятельность их не имела преследуемого результата, что в качестве доказательного по делу материала фигурируют данные и документы, добытые агентурным путем, оглашение коих на суде представляется нежелательным...», дело было направлено в Особое совещание при Коллегии ОГПУ<sup>1</sup>. 2 апреля 1926 г. Особым совещанием все были осуждены к различным срокам наказания. Ранее, в 1924 г., они были осуждены «за активную работу в духе своей партии» к ссылке в Нарымский край сроком на 3 года. Вместе с ними были осуждены жены двоих из них, прибывшие в Нарым вслед за мужьями<sup>2</sup>.

Нет сомнения, что дело данной группы явилось одним из звеньев кампании, начатой органами ОГПУ против сионистов. И если раньше информация о членах этой партии, находящихся в ссылке, по крайней мере, в Нарымском крае, практически не встречалась, то теперь в информационных сводках ОГПУ они получили «свое место». Так, на начало 1927 г. в Нарымском крае их было 36 «всех оттенков». Проживали они «на территории Каргасок – Ильино – Нарым, Вялово, Парабель и Колпашево. Группа тесно замкнута внутри своей фракции, авторитетом как среди местного населения, так и в прочих политических партиях, совершенно не пользуется и живет обособленно. В своем большинстве сионисты имеют замену ссылки Палестиной»<sup>3</sup>.

В отчете за первое полугодие 1927 г. краевой прокурор Сибири, характеризуя состав ссылки, указывал, что «по контрреволюционным преступлениям больше всего участников контрреволюционных организаций – 273 ч[еловека] и шпионские – 213, из политпартий выделяются ме[ньшеви]ки – 111 чел., духовенство выросло с 28 до 41 чел.»<sup>4</sup>. Наряду с учетами действительных членов политиче-

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-11461.

<sup>2</sup> Были осуждены: Бочковский Михаил Вульфович, 1899 г.р., Мнухин Илья Хаймович, 1895 г.р., Киржнер Моисей Григорьевич, 1888 г.р., Финкельберг Файвуша Фроймович, 1898 г.р., Розенберг Борис Иосифович, 1903 г.р., Хаймович Юдифь Соломоновна, 1904 г.р., Михайловский Ехиль (Ехиль) Львович (Лейбович), 1900 г.р., Браиловский Яков Исаакович, 1902 г.р., Тернавский Натан Мордухович, 1905 г.р., Михайловская Фаня Савельевна, 1901 г.р., Беленькая-Финкельберг Хая Хацкелевна, 1903 г.р. Все, за исключением Мнухина, осуждены на 3 года концлагерей. В 1927–1928 гг. были сосланы на 3 года в Среднюю Азию и на Урал. Мнухин был осужден на 3 года ссылки. В 1927 г. ему было предложено выехать в Палестину. Все реабилитированы в 1993 г.

<sup>3</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 4. Л. 127.

<sup>4</sup> Там же. Д. 135. Л. 14. При этом следует отметить, что если на 1 января 1927 г., по данным ПП ОГПУ в Сибири, было 6 644 административно-ссылных, то на 1 июля – 7 053 чел., а также 352 чел., имеющих «минус 6», и 2 832 чел. перебежчиков, т.е. более 10 тыс. чел., основную массу из них составляли «соцпреды» (уголовники) – 1 919 чел. и по прочим преступлениям (контрабанда, валюта и др.) – 4 368 чел., т.е. «политики» составляли всего 6% от общего числа ссылных. В целом же к концу десятилетия общая чис-

ских партий-оппонентов органами велись учеты и списки заподозренных в связях с этими партиями. Такие списки были обнаружены в архиве Управления ФСБ РФ по Томской области. По спискам партии эсеров таковых значилось 34 чел., по спискам меньшевиков – 42<sup>1</sup>.

По данным С. Красильникова, на сентябрь 1927 г. в числе ссыльных по линии ОГПУ были 694 «контрреволюционера» и 2 372 бывших члена антисоветских партий<sup>2</sup>.

Можно согласиться с В. Пинкиным, что обе эти категории ссылаемых следует считать «политическими»<sup>3</sup>.

Увеличение численности политических ссыльных было естественным явлением. Ранее уже отмечалось, что, по отчетам ОГПУ, только в 1923–1928 гг. и только в Москве были ликвидированы 6 составов нелегальных бюро ЦК меньшевиков, 3 состава малого бюро ЦК, бюро Московского комитета меньшевиков, 4 склада литературы, архив бюро ЦК и т.д.

В марте–апреле 1926 г. органы ОГПУ арестовали 28 членов нелегальных ЦК сионистских партий, 15 технических секретарей, около 300 местных руководящих работников, изъяли антисоветские брошюры, листовки, журналы, ликвидировали 4 типографии<sup>4</sup>.

Характеризуя положение политической ссылки (по делу Д. Донского), сотрудник ОГПУ Новичков, со ссылкой на меньшевика Танутрова, отметил в мае 1927 г.: «Сейчас политикой – самообразованием – занимаются сионисты, которые по 18 часов сидят над книгами... а другие политколонии ничего не делают, шляются по домам и сплетничают...»<sup>5</sup>.

Всего по данным на 1928 г. в Сибири на специальном учете органов ОГПУ состояло 2 058 чел. – членов антибольшевистских партий: эсеров – 860, меньшевиков – 624, членов партии «Дашнакцутюн» – 132, анархистов – 131, сионистов – 30, народных социалистов – 28, оппозиционеров и троцкистов – 253<sup>6</sup>.

Одной из серьезнейших проблем, с которой пришлось столкнуться властям на местах, была проблема трудоустройства политссыльных. Основная масса ссылаемых направлялась в малонаселенные и неразвитые районы, где найти работу по специальности было очень сложно, особенно представителям интеллектуальных профессий. Существовавшие ограничения на передвижения вынуждали ссыльных братья за любую работу, чтобы получить возможность хоть что-то заработать, так как помощь извне была недостаточной и доходила не до всех. Кстати, этим положением ссыльных часто пользовались местные жители, привлекая их как дешевую рабочую

---

ленность ссыльных и высланных в регионе достигла 16 тыс. чел. См.: Пинкин В.И. Ссылка и высылка в Сибирь в 1920-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002. С. 14.

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Ф. 10. Д. 35.

<sup>2</sup> Красильников С.А. Политическая ссылка 1920-х гг.: некоторые проблемы и задачи изучения // Социально-политические проблемы истории Сибири. Новосибирск, 1994. С. 70.

<sup>3</sup> Пинкин В.И. Указ. соч. С. 14.

<sup>4</sup> История органов государственной безопасности... С. 189–190.

<sup>5</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. 2574. Т. 1. Л. 515.

<sup>6</sup> Угроватов А.П. Красный бандитизм в Сибири.... С. 187.



силу. Усугублялось положение еще и тем, что в первые годы после освобождения Сибири от колчаковцев затрудняла поиски работы массовая безработица.

Положение административно-ссыльных в Томской губернии, особенно в Нарымском крае, согласно заявлению начальника губотдела ОГПУ, было весьма тяжелым, большинство из них не работало, пособие составляло 6 руб. в месяц. В этом не было ничего удивительного, так как в крае были расселены 119 (из 130) ссыльных, тогда как в Томске – 6, в Томском уезде – 2, в Кузнецком – 3 чел.<sup>1</sup>

Несмотря на то, что каких-либо официально оформленных и закрепленных ограничений по вопросам трудоустройства ссыльных не было, устройство на работу представляло для них серьезные трудности – из-за препятствий, чинимых партийно-советскими органами на местах, и «позиции» органов ПГУ–ОГПУ, на которую вынуждены были ориентироваться руководители организаций и учреждений при приеме ссыльных на работу.

Большинство ссыльных стремились получить работу в различных учреждениях и организациях, немногие занимались физическим трудом. Так, в конце 1923 г. основная часть ссыльных в Омской губернии занималась преподавательской деятельностью в школах, меньшинство – физическим трудом. В Енисейской губернии – состояли на службе в советских учреждениях, а в Иркутской губернии на начало 1924 г., по информации прокурора Сибири, большинство ссыльных вообще не были трудоустроены, так как губотдел ОГПУ не допускал, чтобы они занимали должности «в силу неясности политической физиономии». Сосланные в 1923 г. в Барнаул меньшевики занимали преимущественно технические должности в советских учреждениях, но уже в октябре были уволены в процессе «чистки» учреждений от «неблагонадежных элементов». К середине 1923 г. в Нарымском крае на технические должности были приняты только 8 из 41 ссыльного. К началу 1924 г. в Нарыме из 27 сосланных по «религиозному вопросу» трое служили счетоводами. Два анархиста были приняты учителями в школы первой ступени. Из четырех эсеров на работу был принят только один. Большевики устроились в системе торговли, но вскоре все были уволены.

Отсутствие собственных квалифицированных специалистов заставляло местные власти все-таки привлекать специалистов из числа ссыльных. Например, к началу 1925 г. в Колпашеве весь персонал больницы состоял из ссыльных. В с. Парабель заведующим участковой больницей с сентября 1924 г. работал упомянутый выше Д. Донской<sup>2</sup>. Используя свои связи с наркомом здравоохранения Н.А. Семашко, Донской добился выделения ассигнований и медикаментов для Нарымского края, принял самое деятельное участие в строительстве и обустройстве новой больницы в с. Парабель, организовал там медицинские курсы, сделал еще много полезного в деле становления здравоохранения в крае.

<sup>1</sup> См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 30. Л. 19.

<sup>2</sup> Маргиналы в социуме... С. 259.

Научным сотрудником Васюганской агрометеорологической станции работал известный геолог и почвовед Р.С. Ильин<sup>1</sup>. В декабре 1927 г. ему было разрешено отбывать срок в Томске, где он сразу был оформлен на должность почвоведом Томской переселенческой партии. ПП ОГПУ ему было разрешено выезжать в командировки. Например, в мае 1929 г. он выезжал в пятимесячную командировку в Ачинский, Томский и Красноярский округа на обследование трассы, неоднократно бывал в Новосибирске. Р.С. Ильин опубликовал целый ряд научных статей и фундаментальное исследование «Природа Нарымского края».

Известный горный инженер Н.Я. Брянцев, сосланный весной 1924 г. в Нарымский край, был уже в октябре переведен в Новониколаевск на работу в Сибкрайплан по просьбе руководства этой организации. Вся последующая его деятельность в крайплане получила высокую оценку руководства края.

Отбывавший срок в Канском округе Ю.М. Зингер был переведен в Минусинск по причине острой нужды в фармацевтах. На таком же основании ссылка М.Л. Абрамовича в Илимский край была заменена на ссылку в Тару. Таких случаев было немало, хотя примеров противоположного отношения властей к ссылным гораздо больше. С другой стороны, власть использовала специалистов, чтобы в случае чего сваливать на них свои грехи. Самый яркий пример опять-таки связан с Д. Донским. Когда ему удалось добиться получения из Москвы 250 рублей и 2 кг хины для борьбы с малярией, то члены Нарымского уездного комитета РКП(б) обвинили его в дискредитации местных органов советской власти в глазах населения. В годы ссылки его постоянно в чем-то обвиняли и уличали.

Изучение материалов, связанных со ссылкой неугодных режиму лиц, позволяет разделить её на несколько этапов. В начале 1920-х гг. основным контингентом для ссылки и высылки были представители политических партий и движений, некогда вместе с большевиками боровшихся с царизмом в нашей стране. В середине 1920-х гг. наблюдается значительное расширение категорий ссылаемых и высылаемых, преимущественно за счет социально опасных элементов, к коим относили уголовников, участников бандитских проявлений и лиц, связанных с преступлениями экономической направленности. К концу 1920-х и в начале 1930-х гг. основу ссылаемых стали составлять социально вредные элементы – уголовники и деклассированный элемент, отдельную часть осужденных к этой мере наказания составили троцкисты как прямые противники политики И. Сталина и его ближайшего окружения. Но на протяжении всех 1920-х гг. ссылка и высылка носили политизированный характер – либо конкретно против «политиков», либо же как результат целенаправленных кампаний, регулярно проводимых в стране против отдельных категорий граждан, «выпадавших» из стройных рядов строителей государства «светлого будущего». Как правило, эти кампании идеологически обставлялись и сопровождались по мере развертывания. Достижимые результаты всякий раз преподносились как забота государства о своих согражданах, как уничтожение преград, мешавших движению вперед.

---

<sup>1</sup> Ильин Ростислав Сергеевич, 1891 г.р., ур. г. Москвы, проживал в г. Томске по ул. Кирова, 38-4, старший геолог Западно-Сибирского геологического треста. Арестован в 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 15 мая 1956 г. См.: Боль людская... 2-е изд. Т. 1. С. 554.

В первой половине 1920-х гг. особую заботу для большевистского руководства страны представляли ссылаемые политические оппоненты из числа членов политпартий и движений. Все стороны их жизни, пусть и в отдаленных экономически неразвитых районах, были постоянно в поле зрения органов власти на местах – отслеживались все их шаги и действия, встречи и разговоры, связи и контакты. Объяснение этому простое – боязнь их влияния на местное население, а отсюда непредсказуемость реакции этого населения. Отношение различных групп населения к ссыльным варьировалось от прямого неприятия до нескрываемого уважения за знание дела, нужность населению и т.п. Если старшее поколение относилось более настороженно, то молодежь, – наоборот, с интересом, так как большинство сосланных «политиков» были образованны, эрудированны, многое повидали, могли организовать, увлечь, повести за собой, что было немало важно в отсутствие возможности занять себя чем-либо, кроме рутинной крестьянской жизни. С другой стороны, партийно-советское руководство на местах проигрывало большинству этих ссыльных по всем статьям – многие имели лишь «низшее» образование, сами не всегда понимали суть изменений, происходивших в стране, регионе, не могли объяснить и донести их необходимость до местного населения. Им чаще всего приходилось организовывать и пытаться претворить в жизнь большое количество непопулярных у народа акций и кампаний. А отсюда и боязнь упустить ситуацию с этими «политиками» из-под контроля и нажать себе неприятностей, «упасть» в глазах простого народа.

Сотрудники органов ГПУ–ОГПУ в этом плане мало чем отличались от местных руководителей, а ответственность была много большей при постоянном спросе начальства.

Что касается ссылаемых «социально опасных» и «социально вредных», то здесь ситуация была еще сложнее. Найти занятие для них или заставить работать было практически невозможно. По мере увеличения их числа росло количество преступлений, в том числе и тяжких – убийства, грабежи, изнасилования и др., но особую озабоченность для местного населения представляло воровство, которое в Сибири всегда почиталось за тяжкий грех. И в этих случаях население часто само предпочитало решать судьбу «воров», вплоть до убийства. Эта категория преступных элементов чаще всего вызывала неприятие и ненависть.

Органы ОГПУ, выполняя установки коммунистического руководства страны, смогли разложить политическую ссылку, не допустили её сплочения, умело используя программные разногласия и неоднородность контингента по социальному положению, возрасту и т.п. Оперативное сопровождение ссыльных (агентурное наблюдение, перлюстрация корреспонденции и т.п.) практически лишало их возможности заниматься политической деятельностью и бороться с советской властью. Какие-либо массовые акции протеста развития не получили. Следует заметить, что часто ссыльные сами за собой и следили. Например, в отчете уполномоченного Анжеро-Судженского горотделения ОГПУ (август 1927 г.) указывалось, что из 33 состоявших на учете бывших членов антисоветских партий «состоит у нас в информационной сети и спецсети 19 человек... Бывшие члены антисоветских партий после вер-

бовки, если и часть работает плохо вообще, то обезврежены и за ними ведется перекрестное наблюдение»<sup>1</sup>.

Таким образом, политическая ссылка уже в конце 1920-х гг. потеряла свою активную направленность в политической работе. Отсутствие связей с однопартийцами в других регионах страны, подчас разобщенность в своей среде при достаточно целенаправленной работе чекистских органов по «разложению» ссылки, в том числе и через вербовку значительного числа ссыльных в агентурно-осведомительную сеть, привели некогда сильных оппонентов большевиков к поражению. Более того, они утратили социальную базу, на которую могли бы опереться в политической борьбе. Местное население не поддерживало их, в том числе и по причине бытового антисемитизма, а молодежь не была готова воспринимать их идеи, ориентируясь на изменения, происходившие в обществе, на новые «горизонты», которые открывала перед ней новая власть.

В годы «Большого террора» власть вспомнила вновь о своих политических оппонентах, преимущественно находившихся в ссылке. Так, секретарь Омского обкома ВКП(б) Булатов озвучил в 1937 г. численность «врагов советской власти» в Омской области «около 600 политссыльных из числа бывших меньшевиков, эсеров и представителей других партий»<sup>2</sup> для сотрудников НКВД, вне всякого сомнения, в качестве установки партии по их устранению и ликвидации.

Таким образом, победа большевиков в октябре 1917 г. и в Гражданской войне позволила им организовать подавление всякого инакомыслия. Бывшие соратники по борьбе с царским самодержавием оказались по «разные стороны баррикады». Большевики использовали представившиеся им возможности для уничтожения политических оппонентов, отказавшись от достижения каких-либо компромиссов. Для этого оказались хороши все средства – осуждение на крупных политических процессах либо по отдельным делам, ссылка и высылка, шельмование с помощью средств массовой информации, разложение партий изнутри через публичное отречение от партийных идеалов и политических целей и задач. Загнанные в глубокое подполье партии политических оппонентов к середине 1920-х гг. практически повсеместно (за редким исключением) прекратили свою деятельность. Арест в 1925 г. Центрального бюро ПСР подвел итог противоборства большевиков с эсерами – некогда самой крупной политической партией в России, насчитывавшей в своих рядах почти миллион членов. 1925 г. можно считать годом окончания активной деятельности РСДРП (меньшевиков), хотя некоторые отголоски её сопротивления правящему режиму еще прозвучали в конце 1920-х гг.

Несмотря на разгром всех политических партий и движений и прекращение ими активной политической деятельности, осуждение и ссылку абсолютного

---

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Ф. 10. Д. 35. Л. 1–2. Наличие значительного числа списков представителей антибольшевистских партий, хранящихся в архивах органов госбезопасности, сопровождается, кроме установочных данных (Ф.И.О., профессия и чаще всего адрес проживания), пометами «твёрдый учёт», «проверен», «обработан» с римскими цифрами (возможно, указание какого-либо месяца. – В.У.). Полагаю, что это своего рода характеристика объекта внимания и результат работы с ним либо в отношении него – вплоть до вербовки в агентурную сеть.

<sup>2</sup> Самосудов В. Как это было // Забвению не подлежит... Т. 5. С. 31.

большинства членов этих партий в самые глухие и отдалённые районы, большевистское руководство страны видело в них угрозу режиму. Так, в ст. 10 манифеста ЦИК СССР по случаю амнистии к 10-й годовщине Октябрьской революции подчёркивалось: «...Смягчить установленные... меры социальной защиты в отношении всех осужденных, за исключением активных членов политических партий, ставящих себе целью уничтожение советского строя...». И в Постановлении Президиума ЦИК СССР в п. 6 отмечалось: «Кроме лиц, изъятых согласно ст. 10 Манифеста из настоящей амнистии...»<sup>1</sup>.

Члены этих партий, однажды попав в «черные списки» органов ВЧК–ОГПУ, практически не могли больше рассчитывать на спокойную жизнь. Созданная большевиками система «учета и контроля» позволяла в любой момент отыскать «нужного» человека<sup>2</sup>. Осужденные к ссылке почти не имели шансов вернуться, по окончании срока отбытия ссылки назначался новый, а затем еще один и т.д. Созданные для ссыльных условия не позволяли им плодотворно трудиться и полноценно жить; «выживание» – так оценивалось положение ссыльных. Не помогало и отречение от партии и идеалов, не спасало и вступление в коммунистическую партию. Даже в конце 1940-х гг. принимались постановления и решения, издавались приказы и указания, на основании которых политические оппоненты большевиков получали новые сроки наказания и ограничения прав и свобод.

По мере усиления внутривнутрипартийной борьбы появились новые «оппоненты», уже из рядов ВКП(б), которым также нашлось место на таежных и болотистых просторах Сибири. Например, по постановлениям ОСО при НКВД СССР от 5, 10 и 17 февраля 1935 г. в Сибирь и Якутию были высланы сроком на 3-4 года 663 бывших сторонника Г.Е. Зиновьева, еще 325 чел. были переведены на работу в другие районы страны<sup>3</sup>.

Нарымский край не остался в стороне от этого процесса, в процессе работы с архивными материалами в Информационном центре Управления внутренних дел области уже выявлены материалы на 71 «зиновьевца». Первоначально выписки из протокола ОСО при НКВД СССР от 17 февраля 1935 г. поступили в УНКВД по ЗСК, где 5 марта было принято свое постановление о высылке 22 осужденных непосредственно в Нарымский округ. Утвердил постановление начальник СПО УГБ УНКВД по ЗСК И. Жабрев. Нарымский окротдел 18 марта доложил в Ново-

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 178. Л. 4 об., 6.

<sup>2</sup> Ярким примером наличия четко отлаженной системы «учета и контроля» могут служить данные Всесоюзной «ревизии» по троцкистам, правым, зиновьевцам и бывшим участникам антисоветских партий и групп, проведенной в конце 1940-х гг. По справке архива Томского управления госбезопасности таковых оказалось 1 753 чел., проходивших по 1 381 делу, в том числе меньшевиков – 401, эсеров и ТКП (Трудовая крестьянская партия. – В.У.) – 545, анархистов – 196. В результате были установлены 28 эсеров, 15 меньшевиков и 2 анархиста, проживавших на территории области, и 33 – непосредственно в Томске, в том числе 23 эсера, 8 меньшевиков и 2 анархиста. В отношении всех выявленных лиц, а также их связей были организованы оперативно-проверочные мероприятия. Отдельные из них (бывший член ПСР Дорохов В.А., бундовец Кугель Р.Е., член ЦК меньшевиков Николау В.Д.) были осуждены в 1951–1952 гг. к длительным срокам лишения свободы. По данным на декабрь 1954 г., в оперативном производстве продолжали находиться 4 бывших эсера и 2 меньшевика. См.: Справка о состоянии работы по троцкистам, правым, зиновьевцам и бывшим членам антисоветских партий и групп. Личный архив автора.

<sup>3</sup> Реабилитация: Политические процессы 30–50-х гг. М., 1991. С.170; Жуков Ю.Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2018. С.80.

сибирск о прибытии «зиновьевцев» в Колпашево для дальнейшего расселения по районам. Среди служебных материалов в каждом деле присутствует небольшая справка-объективка на фигуранта. Например, в деле на А.В. Степанова, помощника заведующего магазина «Красный Октябрь», написано, что «в 1927 г. примкнул к зиновьевской группе, вел активную работу по заданию последней, участвовал в нелегальных собраниях, на одном из которых накануне 10-летия Октябрьской революции делал доклад Карл Радек. Подписался под заявлением «121». Был в числе 16-ти активистов зиновьевской организации на заводе «Большевик». В период чистки 1929 и 1933 гг. скрыл о своей принадлежности к оппозиции. В 1927 г. за фракционную деятельность был объявлен выговор. В феврале 1935 г. исключен из ВКП(б)»<sup>1</sup>.

В отношении политических оппонентов в стране был организован целый ряд общественно-показательных судебных процессов, заведены тысячи уголовных дел, но процессы эти и дела были полностью сфальсифицированы органами ОГПУ–НКВД. Их проведение должно было сыграть «воспитательную» роль для бывших политических оппонентов, чтобы они не забывали, кем они были в недалеком прошлом и где их место в настоящем. Все это позволило органам НКВД к началу 1940-х гг. практически решить все задачи, поставленные коммунистическим руководством страны, по разгрому и уничтожению идейно-политических противников.

---

<sup>1</sup> Архив ИЦ УМВД России по Томской области. Д. 3847.

Человек – хозяин своей судьбы в том смысле, что у него есть свобода распоряжаться своей свободой. Но к чему это приведет – человеку неизвестно.

*Мохандас Карамчанд Ганди*

## **Глава 4. ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ СИСТЕМА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КАК ЭЛЕМЕНТ РЕПРЕССИВНОГО МЕХАНИЗМА**

### **4.1. Формирование и развитие пенитенциарной системы в Западной Сибири в 1920–1930-е гг. Организация мест заключения и образование Сиблага**

После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. были открыты двери тюрем и на свободу вышли десятки тысяч заключенных, примерно 80% из которых представляли уголовный мир. В условиях сложнейшей политической и социально-экономической ситуации в стране, развала и ликвидации органов правопорядка прежнего режима вышедшие на свободу уголовные преступники в массовом порядке терроризировали мирное население, грабя, насилюя, убивая. В обстановке возникшего правового беспредела их ряды активно пополнялись тысячами «обиженных царизмом», которые горели огромным желанием поквитаться за свое униженное прошлое с любыми представителями «бывших», в том числе с женщинами, стариками, детьми, кое-кто сводил счеты с личными врагами, не гнушаясь при этом самыми низкими и подлыми методами и способами.

Получив в результате государственного переворота в октябре 1917 г. власть, большевики уже с первых дней были озабочены вопросами её сохранения. В условиях тяжелой внешнеэкономической ситуации и глубочайшего экономического кризиса в стране, на фоне начинавшейся Гражданской войны, они столкнулись со сложнейшей криминогенной ситуацией, характерной для всей территории страны. В этой непростой обстановке были начаты реорганизация пенитенциарной системы и создание советской системы исправительно-трудовых учреждений, идеологической основой которой стал постулат о необходимости подавления классовых врагов. Полностью отказавшись от всех органов власти и управления, действовавших на территории страны, большевики полагали, что смогут создать собственные – более демократичные, а тем самым более эффективные и действенные. В области пенитенциарной политики возобладали идеи постепенного отмирания преступности как социального явления путем перевоспитания отдельных граждан, нарушивших закон, и «перековки» значительной части из числа «бывших». Явные враги и противники подлежали физическому уничтожению, содержанию в концлагерях (что считалось временным

явлением в жизни социалистического государства) либо ограничению в гражданских правах. В отношении «социально близких» репрессивные меры были возможны лишь в отдельных исключительных случаях. Гуманное отношение к преступным элементам, каковыми их «сделал царский режим», закрытие тюрем и т.п. должны были оказывать положительное влияние на преступивших Закон и Порядок.

При этом учитывался фактор необходимости проявления «революционного насилия» и к отдельным представителям трудящихся масс, поведение и образ жизни которых не соответствовали идеалам социалистического общества. И если основоположники марксизма вели речь о полном уничтожении органов подавления человека, в том числе и тюрем, то победившие большевики вели речь уже о необходимости реорганизации органов принуждения, но с качественно новым содержанием их деятельности.

Большевистские теоретики права полагали, что среди свободных граждан нового государства преступность должна была «отмереть», а остаться – лишь отдельные неустойчивые элементы, вставшие на преступный путь, которых следовало не наказывать, а исправлять методами трудового перевоспитания. Перевоспитание рассматривалось как основа деятельности органов принуждения в противовес «буржуазному» наказанию как форме устрашения.

Начиная ломку старой государственной машины, большевики не были готовы найти замену её механизмам, тюремная система не была исключением. Материальная база пенитенциарной системы была слабой, условия содержания заключенных тяжелыми. По причине отсутствия материальных и людских ресурсов пришлось практически без изменений использовать старую систему исполнения наказаний<sup>1</sup>. Нововведения были незначительными, революционными декретами были отменены телесные наказания и наказания карцером, камеры днем перестали запирались, заключенные получили возможность выбирать старост и своих уполномоченных представителей. Была уволена часть тюремной администрации. Но еще на протяжении нескольких лет продолжали действовать «старые» нормативные акты, регламентировавшие содержание заключенных под стражей.

Однако в ряде регионов органы власти, учитывая местные особенности и складывавшуюся оперативную обстановку, вырабатывали свои инструкции. Например, в Сибири действовали Инструкция Омского губернского революционного комитета по содержанию в тюрьме (1918 г.) и Временные правила внутреннего распорядка мест заключения Томской губернии (1920 г.)<sup>2</sup>. Так, положение о порядке содержания под стражей, принятое Томским губюстом в марте 1920 г., гласило, что все отбывавшие наказание в тюрьмах подлежали общему

<sup>1</sup> На 1 сентября 1917 г. в пенитенциарной системе России функционировали 719 тюрем, 495 полуэтапов, 704 арестных дома, 20 военных тюрем и дисциплинарных частей, 23 крепости, 23 гаупвахты, 7 тюрем военного ведомства, 20 монастырских тюрем, 61 учреждение для несовершеннолетних, а также более тысячи арестных помещений при полиции. См.: История исполнения уголовных наказаний в тюрьмах и колониях-поселениях России: учеб. пособие. М., 2010. С. 25.

<sup>2</sup> Кузьмина А.С. Становление исправительно-трудовых учреждений в Сибири (1917–1924 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1972. С. 3; Маланкин А. Тяжелые годы и большие надежды. Институт содержания под стражей в России в 1917–1924 гг. // Преступление и наказание. 2007. № 4. С. 64.



установленному правилами о лишении свободы режиму. Все подследственные делились на 3 категории: числящиеся за судебными учреждениями, ревтрибуналами и чрезвычайной комиссией. При этом режим содержания под стражей первых определялся комиссариатом юстиции, а остальных – им же, но по согласованию с названными учреждениями. При препровождении арестованных в тюрьму в обязательном порядке должен был указываться режим содержания. Каждое учреждение имело право контроля за содержанием арестованных, числящихся за ним<sup>1</sup>.

В этих условиях, не отказываясь от решения задач по подавлению классовых противников, советское государство сделало упор на исправление и перевоспитание правонарушителей. Основным средством решения этих задач был определен общественно полезный труд, который был необходим в том числе и в связи с потребностью сокращения расходов на содержание заключенных, что соответствовало требованиям январского (1918 г.) постановления НКЮ «О тюремных рабочих командах», регламентировавшего организацию использования в обязательном порядке труда заключенных по тяжести, не превышавшей труд чернорабочего.

Следует заметить, что в перевоспитании трудом ничего нового большевики, по сути, не изобрели. Труд арестантов активно использовался и в царской России, и во Франции, Англии, США, Канаде и других государствах. Обязательный труд должен был окупать содержание арестанта, а в соединении с тюремной дисциплиной создавать условия для его исправления. Нововведение большевиков касалось как раз аспекта отказа от строгой тюремной дисциплины, что и не позволит воплотить на практике воспитательную составляющую через общественно полезный труд. Но эксперимент был начат. Из числа работоспособных заключенных образовывали рабочие команды. За свой труд они получали оплату, 1/3 которой поступала в общетюремный фонд, а 2/3 записывались за арестованным и выдавались ему при его освобождении. В конце каждой рабочей недели заключенный мог по личной просьбе получить 1/10 заработанных денег.

Решению вопросов исправления и перевоспитания должна была способствовать и структура Центрального карательного отдела (ЦКО) НКЮ, созданного весной 1918 г., состоявшего из 9 отделений: по выработке воспитательно-трудовых и карательных мер; профессиональному обучению и кадровой работе; созданию производственной базы в местах лишения свободы; организации земледельческих колоний и сельскохозяйственного обучения; строительству и эксплуатации капитальных сооружений и др.<sup>2</sup> Но ЦКО не мог обеспечить заключенных работой, в 1918 г. только 2% из них были заняты трудом<sup>3</sup>.

Постановление НКЮ от 23 июля 1918 г., утвердившее Временную инструкцию «О лишении свободы, как мере наказания, и о порядке отбывания такового»,

<sup>1</sup> Временное положение о содержании арестованных под стражей. См.: ГАНО. Ф. Р-467. Оп. 1. Д. 63. Л. 10.

<sup>2</sup> *Зубков А.И., Калинин Ю.И., Сысоев В.Д.* Пенитенциарные учреждения в системе Министерства юстиции России. История и современность. М., 1998. С. 30–31; *Реент Ю.А.* Из опыта становления исправительно-трудовой системы РСФСР // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление: науч.-практ. и информ. издание. 2004. № 2. С. 20.

<sup>3</sup> *Маланкин А.Н.* Институт содержания под стражей в 1917–1933 гг. // История уголовных наказаний в России: сб. статей. М., 2006. С. 118.

было первым актом, непосредственно связанным с коренным переустройством пенитенциарной системы, определившим принципиально новую систему отбывания наказания. Инструкция должна была способствовать реализации основных принципов новой тюремной политики – самокупаемости содержания заключенных в местах лишения свободы и полного перевоспитания заключенных.

Согласно этой инструкции лишение свободы предполагало в обязательном порядке принудительный труд, а также кратковременные (до 3 месяцев) принудительные работы без заключения под стражу на время, свободное от работы, но присуждаемые судом. Места лишения свободы подразделялись на мужские и женские и представляли собой общие места заключения (тюрьмы); реформатории и земледельческие колонии как учреждения воспитательно-карательные, в особенности для молодых преступников; испытательные заведения для лиц, в отношении к которым имелись основания для послабления режима или для досрочного освобождения; карательно-лечебные заведения для помещения арестантов с заметно выраженными психическими дефектами, дегенератов и т.п.; тюремные больницы. Также существовали арестные помещения для кратковременного содержания задержанных милицией и числящихся за местными народными судами (до суда) и для арестантов, подлежащих пересылке. Эти арестные дома находились в ведении НКВД или местных Советов рабочих и крестьянских депутатов.

Устройство и содержание мест лишения свободы относилось за счет средств РСФСР. С отбывавших наказание и задержанных по подозрениям в совершении преступлений предусматривалось взыскание соответствующей доли расходов – с трудоспособных средства удерживались из причитающейся им платы за работы, а с нетрудоспособных, но располагавших собственными средствами, – с их имущества в доход казны по предписанию заведующего соответственным местом лишения свободы.

Продовольствие лишенным свободы отпускалось согласно общероссийской смете, передачи извне допускались только по особому постановлению распределкома, но в общий котел. Вознаграждение за труд производилось по ставкам профсоюзов соответствующих местностей.

К нарушителям порядка и дисциплины могли применяться следующие меры репрессивного характера: 1) более суровый режим (лишение свиданий, переписки и пр.); 2) меры изоляции (одиночное заключение или карцер до 14 дней) и 3) в исключительных случаях, при частых рецидивах недопустимого поведения, перевод в специальные тюрьмы (изоляторы). К нежелающим работать без уважительных причин применялись следующие меры: в их лицевой счет вписывались расходы на содержание в полном размере или они переводились на уменьшенный пропаяк как неработающие. Более того, распределкомиссии имели право решения судеб лиц, причисляемых к типу хулиганов, погромщиков или упорных рецидивистов, по окончании отбывания ими срока наказания. Их могли передавать в ревтрибуналы для решения вопроса о возможной дальнейшей изоляции.

Инструкция явилась прямым воплощением в реальности политики «военного коммунизма», проводимой государством в условиях хозяйственной разрухи

и Гражданской войны, в частности, предполагавшей плановое снабжение населения страны продуктами питания (карточная система), всеобщую трудовую повинность и «уравниловку» в оплате труда.

Однако в создавшихся условиях развитие получили только две формы лишения свободы из прописанных в Инструкции – общие места заключения и тюремные больницы. Чрезвычайная обстановка Гражданской войны привела к интенсивному развитию новых специфических мест заключения – лагерей принудительного труда, организация и заведование которыми первоначально возлагались на губернские ЧК. Начало их образования положил Декрет ВЦИК от 21 марта 1919 г. и его Постановление от 17 мая 1919 г., детально регламентировавшее порядок и условия организации лагерей, а также правовое положение заключенных. В соответствии с Декретом лагеря должны были быть открыты во всех губернских городах с расчетом на 300 чел. каждый. Содержание лагерей должно было окупаться трудом заключенных (сюда закладывалось и содержание администрации), поскольку в них направляли только физически здоровых людей.

В Томской губернии одним из первых был создан лагерь в районе Иркутского тракта г. Томска в помещении бывшего лагеря военнопленных. Немногим позднее в помещениях «арестантских рот» был открыт дом принудительных работ. В Мариинске дом принудработ был открыт в корпусах бывшего Мариинского «полуэтапа». Инициаторами его открытия выступили Мариинский ревком и уездное политбюро ВЧК. Затем дома принудработ были открыты в Кузнецке и Щегловске. А вот как описал создание Новониколаевского лагеря принудработ зав. подотделом принудработ при отделе Управления уезда: «Работа эта была не из легких, т.к. приходилось на каждом шагу встречать от различных организаций препятствия». Так, чтобы приобрести колючую проволоку для ограждения территории, находившуюся в Новониколаевске, пришлось вести почти двухнедельную переписку телеграммами с Чусоснабармом 5-й Армии в Красноярске, а для получения необходимого количества леса «пришлось предварительно выяснить количество леса у граждан города..., после чего взять у них его заимообразно, впредь до получения гублескомом», который в выделении леса отказал «за отсутствием у него леса». В иных случаях, чтобы работа была выполнена в срок, «приходилось почти всегда применять угрозы вплоть до Губчека». В конечном итоге лагерь на **2 500 чел.** был оборудован за городом вблизи кладбища в помещениях, занимаемых трудовым полком. Однако коменданту лагерь своевременно передан не был, так как не было получено соответствующее распоряжение из Омска о формировании необходимой для охраны лагеря караульной команды<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> *Марченко С.Г.* Страницы истории уголовно-исполнительной системы Кемеровской области. Кемерово, 2009. С. 55; Доклад о деятельности подотдела принудработ при отделе управления уездом. См.: ГАНО. Ф. Р-1958. Оп. 1. Д. 1. После ввода лагеря в действие он стал активно заполняться заключенными. Если на 1 июля 1920 г. в нем находились 139 чел., то на 1 августа – уже 701, а к 1 сентября – 1 149 чел. Заключенные активно использовались на различных работах. Только в сентябре на платных работах был отработан 18 931 рабочий день, в том числе 17 747 (по моим подсчетам – 17 817) – на внешних работах за пределами лагеря. На бесплатных работах внутри лагеря – ремонт бараков, заготовка дров, строительство конюшни и т.д. – 4 461 рабочий день. В ноябре из числившихся по списку 941 чел. отработали на платных работах только 6 169 рабочих дней, на бесплатных – 4 078, всего – 10 247. При этом в лагере уже действо-

Лагеря и дома принудработ просуществовали в Томской губернии до 1924 г. Были созданы и концентрационные лагеря ВЧК, в которые по постановлениям этих органов на период Гражданской войны помещались интернированные иностранцы и представители ранее господствовавших классов, могущие выступить с оружием в руках против советской власти. В Сибири в концлагерях в основном содержались бывшие колчаковцы, захваченные в плен в ходе боев с частями особого назначения «повстанцы» и другие «враги». Например, в районе г. Мариинска были взяты в плен более 5 тыс. колчаковцев. Для их фильтрации под концлагерь были использованы пустовавшие в окрестностях города помещения бывших лагерей военнопленных Первой мировой войны<sup>1</sup>.

Эти лагеря не входили в систему мест лишения свободы. В них фактически сохранялся режим мест предварительного заключения. Кроме того, лагеря принудработ находились в ведении НКВД, а концлагеря подчинялись ВЧК. Но между этими структурами, а также Центральной коллегией по делам пленных и беженцев (Центропленбеж) было тесное взаимодействие, так как в 1919–1922 гг. наркомом внутренних дел и председателем ВЧК был Ф. Дзержинский, руководивший этими органами как единым целым. Главное управление принудительных работ, объединявшее места заключения НКВД, ВЧК и Центропленбежа, и Центропленбеж также возглавлялись чекистами – И. Уншлихтом и А. Эйдуком.

Одним из основных проводников политики организации концлагерей выступил Ф. Дзержинский. На заседании ВЦИК 17 февраля 1919 г. при обсуждении проекта реорганизации чрезвычайных комиссий и ревтрибуналов он говорил: «Кроме приговоров по суду, необходимо оставить административные приговоры, а именно концентрационный лагерь. Уже и сейчас далеко не используется труд арестованных на общественных работах, и вот я предлагаю оставить эти концентрационные лагеря для использования труда арестованных, для господ, проживающих без занятий, для тех, кто не может работать без известного понуждения или, если мы возьмем советские учреждения, то здесь должна быть применена мера такого наказания за недобросовестное отношение к делу, за нерадение, за опоздание и т.д. Этой мерой мы сможем подтянуть даже наших собственных работников.

Таким образом, предлагается создать школу труда...»<sup>2</sup>.

Но если Ф. Дзержинский как-то мотивировал категории лиц, подлежащих изоляции, то В. Ленин был много категоричнее. В заключительном слове по докладу на Пленуме ВЦСПС 11 апреля 1919 г. «О задачах профессиональных союзов в связи с мобилизацией на Восточный фронт» он заявил: «Я рассуждаю трезво и категорически: что лучше – посадить в тюрьму несколько десятков или

---

вали кузнечно-слесарная, плотнично-столярная и сапожная мастерские, отработавшие 1 020 рабочих дней. ГАНО. Ф. Р-1958. Оп. 1. Д. 1. Л. 9, 19, 64.

<sup>1</sup> Марченко С.Г. Указ. соч. С. 55.

<sup>2</sup> Исторический архив. 1958. № 1. С. 10. Лагеря принудработ и концлагеря были ликвидированы в течение 1923 г. в соответствии с нормами УК и УПК 1922 г. Но уже в декабре 1923 г. постановлением СНК на базе ликвидированных Северных лагерей ГПУ было создано Управление Соловецкого лагеря принудработ особого назначения, что явилось началом процесса выделения мест заключения органов ОГПУ в отдельные, не зависящие от общей системы мест заключения.

сотен подстрекателей, виновных или невиновных, сознательных или несознательных, или потерять тысячи красноармейцев и рабочих? – Первое лучше...»<sup>1</sup>. Возможно, этот посыл и стал одним из кирпичиков выстраиваемой новой пенитенциарной системы, обосновывая путь решения задачи по изоляции ненадежных и сомнительных элементов. В это же время начал возобладать политический аспект при определении сущности наказания. Например, 26 сентября 1919 г., во исполнение Постановления СНК РСФСР от 23 сентября 1919 г. «О порядке регистрации бывших помещиков, капиталистов и ответственных чинов царского строя», было принято Постановление НКВД с аналогичной формулировкой. Обязательной регистрации в двухнедельный срок подлежали:

– чиновники «прежних правительств в чине не менее действительного статского советника, бывш[ие] офицерские чины особого корпуса жандармов, бывш[ие] прокуроры, товарищи прокуроров, председатели и члены судебных палат, министры и товарищи министров, директора и вице-директора департаментов, сенаторы, члены государственного совета, губернаторы, вице-губернаторы и генерал-губернаторы, полицмейстеры, исправники, градоначальники, председатели губернских и уездных земских управ, члены губернских земских управ, городские головы губернских уездных городов, члены городских управ губернских городов;

– бывшие владельцы какого бы то ни было предприятия, в котором было не менее двадцати рабочих и служащих;

– бывшие председатели или члены правлений акционерных обществ, имевших основной капитал не менее полмиллиона рублей;

– лица, которые имели в собственности не менее ста десятин земли или дом, оцененный в 1916 г. для взимания налога или страховки свыше пятидесяти тысяч рублей»<sup>2</sup>.

В последующие годы число граждан, относимых большевиками к «классовым» противникам, только увеличивалось.

К концу 1920 г. в ведении НКЮ находились: общие места заключения (тюрьмы, исправительные дома, дома принудработ) – 251, сельскохозяйственные колонии – 16, дом-колония для несовершеннолетних, центральная изоляционная тюрьма и трудовой дом для несовершеннолетних.

Но проблемой для НКЮ являлось отсутствие четкой нормативно-правовой базы по отбыванию наказания в подведомственных ему местах лишения свободы. По этой причине 15 ноября 1920 г. было принято Положение НКЮ «Об общих местах заключения РСФСР», ставшее важнейшим документом на последующие несколько лет. В условиях отсутствия исправительно-трудового законодательства Положение, содержавшее несколько сот параграфов, в течение нескольких лет выполняло его функции. Важное место отводилось вопросам правового регулирования в деятельности мест лишения свободы. Впервые была предпринята попытка определения содержания понятия режима, включающего в себя широкий круг вопросов – прием и распределение заключенных, внутренний распорядок, организацию питания, порядок и условия трудового использования

<sup>1</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 295.

<sup>2</sup> СУ РСФСР. 1919. № 47. С. 459.

заклученных, учебно-воспитательную работу, меры дисциплинарного воздействия и многое другое.

Важным моментом явилось категорирование заключенных в зависимости от состава и характера совершенных ими преступлений (некорыстного либо корыстного характера и рецидивисты той и другой группы). Воспитательно-исправительное значение имело занятие заключенных трудом, предполагая своей целью приучить и приохотить их к труду, дать им возможность после отбытия срока наказания жить трудовой жизнью. Вместе с тем труд являлся обязанностью. Заключенные штрафного разряда назначались на особые работы (уборку выгребных ям, отхожих мест, ассенизационные и т.п.).

Администрации не только разрешалось устройство для заключенных концертов, спектаклей и иных развлекательных мероприятий, но и вменялось в обязанность привлечение к организации подобных мероприятий и участию в них по возможности большего числа заключенных. Все заключенные в возрасте до пятидесяти лет обязаны были посещать школьные занятия, организуемые в местах заключения.

Положение в значительной мере было построено по принципу и нормам инструкции 1915 г., но с учетом новых идеологических установок. При этом часть завоеванных отбывающими наказание лицами «свобод», закрепленных в первых революционных декретах, была отменена, восстановлен целый ряд мер дисциплинарного характера.

Таблица 13

**Численность заключенных в лагерях Управления принудительных работ НКВД и в учреждениях Центрального карательного отдела НКЮ в 1920–1921 гг.**

Год	Численность заключенных, чел.	
	Лагеря Управления принудительных работ НКВД, в том числе военнопленные	Управление Центрального карательного отдела НКЮ
1920	25 336/–	47 863
На 01.01.1921	51 158/24 400	55 421
На 01.12.1921	40 913	73 194*

\* По учреждениям НКЮ включены как осужденные, так и подследственные, доля которых составляла 40–50%.

Источник: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: справочник. М., 1998. С. 12.

Но Положение было ведомственным документом и не могло выходить за рамки полномочий, определенных для НКЮ. При этом следовало учитывать, что в это же время к созданию собственных мест лишения свободы приступили и некоторые другие ведомства, например, интенсивно развивались места заключения НКВД – лагеря принудработ. Если на 1 января 1920 г. в ведении НКВД был 21 лагерь, то летом этого же года их уже было 49, к ноябрю – 84, в январе 1921 г. – 107, а в ноябре – 122 лагеря<sup>1</sup>. На каждую из 52 губерний России приходилось в среднем не менее 2 лагерей, хотя численность заключенных в них оставалась практически неизменной, а к концу 1921 г. даже сократилась (табл. 13).

<sup>1</sup> Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997. С. 20; Гиляров Е.М., Михайличенко А.В. Становление и развитие ИТУ Советского государства (1917–1925 гг.): учеб. пособие. Домодедово, 1990. С. 53–54.

В местах заключения системы ВЧК в конце 1921 г. – начале 1922 г. содержалось около 50 тыс. чел.<sup>1</sup>

Места заключения НКЮ предназначались, по замыслу большевиков, для содержания уголовных преступников, а лагеря НКВД – для изоляции реальных и потенциальных врагов советской власти. Но в результате отсутствия в стране какой-либо правовой базы деление на «политических» и «уголовных» было отдано на откуп членам ревтрибуналов и ЧК на местах, большинство из которых при вынесении приговоров чаще всего опирались на «пролетарское самосознание», а не на правовые знания. Некомпетентность этих «судей» не позволяла объективно оценивать виновность проступков, опасность осужденных для общества. Анализ документов тех лет показывает, что реального разделения между заключенными НКЮ и НКВД не было.

Режим содержания в лагерях принудработ отличался от режима в других местах заключения и был более строгим. Меры дисциплинарного воздействия были напрямую связаны с поведением осужденных. Так, за первый побег срок наказания увеличивался в десять раз, за второй – виновные предавались суду ревтрибунала, могущего определять наказание вплоть до расстрела. Для предупреждения побегов вводилась круговая порука. Но заключенные, проявившие себя в труде, могли рассчитывать на предоставление им возможности проживания вне лагеря на частных квартирах (с обязанностью явки на работы в назначенное время), а также на сокращение срока наказания.

Система лагерей принудработ достигла своего наивысшего развития к ноябрю 1921 г., когда их стало 122. Число заключенных в течение года менялось от 51 158 чел. в январе до 60 457 – в сентябре и 30 913 – в декабре. Характеристику лагерей могут дополнить данные о заключенных, отбывавших в них наказание (табл. 14).

По сложившейся практике в первые годы советской власти наказание в лагерях отбывало преимущественно местное население. Но в отдельных случаях для отбытия наказания осужденные этапировались из других мест. В частности, участники Тамбовского восстания и члены их семей с лета 1921 г. ссылались в Сибирь. Например, в Новосибирском лагере принудработ таковых было 401 чел., на них не имелось никаких документов, кроме регистрационных карточек, из которых невозможно было определить ни состав преступления, ни сроки наказания, ни орган, вынесший приговор.

По этой причине комиссия по применению Октябрьской амнистии (1921 г.) приняла решение обратиться в Тамбовский губюст о применении амнистии к этим лицам на месте либо выслать необходимый материал<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 12.

<sup>2</sup> Отчет о деятельности Новониколаевской губернской комиссии по применению Октябрьской амнистии [ноябрь–декабрь 1921 г.]. См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 39. Л. 26.

## Характеристика заключенных, отбывавших наказание в лагерях принудительных работ (на 1921 г.)

№ п/п	Характеристика	Количество заключенных, %
1	По полу:	
	– мужчины	92,3
	– женщины	7,7
2	По социальному происхождению:	
	– крестьяне	65,8
	– мещане	21,1
	– дворяне	5,5
	– из прочих сословий	7,6
3	По образованию:	
	– неграмотные	26,5
	– низшее	52,2
	– среднее	16,8
	– высшее	4,5
4	По учреждениям, которыми осуждены:	
	– органы ЧК	44,1
	– другие административные органы	7,9
	– народные суды	24,5
	– ревтрибуналы	8,7
	– реввоен трибуналы	11,6
	– прочие суды	3,2
5	По роду преступлений:	
	– уголовные	28,5
	– контрреволюционные	16,9
	– по должности	8,7
	– шпионаж	1,9
	– нелегальный переход границы	2,1
	– военное дезертирство	8,5
	– противообщественные (пьянство, хулиганство и т.п.)	18,3
	– прочие преступления	9,7
– следственные	5,4	
6	По срокам заключения:	
	– до 3 месяцев	8,25
	– до 6 месяцев	9,6
	– до 1 года	11,7
	– до 2 лет	14,55
	– до 3 лет	9,2
	– до 5 лет	30,3
	– заложники (иностранцы)	1,5
	– следственные	5,4
– срок не указан	9,5	

Источник: Детков М.Г. Содержание пенитенциарной политики российского государства и её реализация... С. 55–57; Иванова Г.М. Указ. соч. С. 21; Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 13.

В Томский лагерь были этапированы 176 «тамбовцев», информация о них фигурировала в переписке между губкомом РКП(б) и губисполкомом. Последнему вменялось создание фильтровочной комиссии в лагере. Но предписание с этим указанием по каким-то причинам до исполкома не дошло. К моменту получения нового в лагере их оставалось всего 25, в том числе один был осужден на 5 лет, один – на 4 года, четверо – на полтора года лишения свободы, девять – до ликвидации бандитизма, у десяти срок наказания указан



не был. Ранее 84 чел. из числа сосланных умерли от болезней, 4 – бежали, 63 были освобождены в результате пересмотра дел и по согласованию с Томским отделом ГПУ<sup>1</sup>.

На 17 июня 1922 г. в местах заключения Томской губернии и в ссылке числилось около 250 «тамбовцев». В связи с проводимой в стране весной–летом 1922 г. кампанией по амнистии участников антисоветских мятежей «тройка» фильтровочной комиссии г. Новониколаевска 14 апреля 1922 г. на своем заседании рассмотрела заявления 20 ссыльных жителей Тамбовской губернии с просьбой о получении разрешения на выезд на родину. Комиссия, учитывая пролетарское происхождение обратившихся и их политическую безграмотность, приняла решение о целесообразности обращения в ПП ГПУ по Сибири с ходатайством о разрешении им выезда. К июлю 1922 г. из числа находившихся в Томской губернии «антоновцев» не были амнистированы только 23 чел., 17 из них срок наказания был сокращен до одного-двух лет<sup>2</sup>.

Между органами НКВД и НКЮ постоянно велась борьба за право контроля над местами заключения. Еще в 1920 г. НКВД предлагал передать в его ведение все места заключения, но НКЮ отстоял свое «хозяйство». На IV Всероссийском съезде деятелей советской юстиции в 1922 г., под предлогом установления определенной системы в области применения лишения свободы, со встречной инициативой выступил уже НКЮ. Но решение правительства оказалось иным и в соответствии с Постановлением Совнаркома РСФСР от 25 июля 1922 г. в октябре того же года все места лишения свободы из НКЮ в целях их сосредоточения в одном месте были переданы в НКВД. Для организации работы в местах заключения Центральный исправительно-трудовой отдел (бывший Центральный карательный отдел) НКЮ и его местные органы по совместному постановлению НКВД и НКЮ от 12 октября 1922 г. были реорганизованы в Главное и местные управления местами заключения при НКВД и его губернских органах.

В первые годы советской власти на территории РСФСР по назначению использовалась лишь часть старых царских тюрем. А.А. Иванов, со ссылкой на Б.С. Утевского, привел данные, что большая часть из оставшихся к 1922 г. 355 тюрем была «перепрофилирована» большевиками, в тюремных корпусах были размещены школы и другие культурно-воспитательные учреждения (36), гостиницы (3), больницы (10), советские учреждения (59), склады (16), жилые помещения (32), было полностью разрушено и сожжено 37 тюрем<sup>3</sup>. На момент передачи мест заключения из НКЮ в НКВД в составе ГУМЗ находилось: домов заключения и тюрем – 115; сельхозколоний – 35; исправительных домов и домов лишения свободы – 207; трудовых домов для несовершеннолетних – 3; тюрем-

<sup>1</sup> Ответ Томского губисполкома на запрос губкома РКП(б) об отбывающих наказание «тамбовцах» от 23 июня 1922 г. См.: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. Л. 194. Хотя на 6 апреля 1922 г. в лагере еще числились 74 чел. согласно «Списку заключенных Томского лагеря принудработ, осужденных за восстание и бандитизм в Тамбовской губернии». Там же. Д. 56. Л. 225–226.

<sup>2</sup> Маргиналы в социуме... С. 238.

<sup>3</sup> Иванов А.А. Индивидуализация исполнения наказания в России. Теория, история и практика. М., 2010. С. 13.

ных больниц – 5. Из них только 23 имели общегосударственное значение с количеством заключенных 68 297 чел.<sup>1</sup>

Однако реорганизация не смогла улучшить ситуацию с местами заключения. В отчете НКВД по ГУМЗ X съезду рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, подписанном заместителем наркома НКВД А. Белобородовым и начальником ГУМЗ Е. Ширвиндтом, указывалось, что «в 1921 году из-за отсутствия достаточного количества денежных средств места заключения были в тяжелом положении: на заключенных не было достаточного количества пайков, мастерские не были оборудованы в достаточной степени, то ныне, в связи с переходом мест заключения в массу своей на местные средства, материальное положение мест заключения надо считать почти катастрофическим. До перехода на местные средства Центральное ведомство, имея..., хотя и незначительные, денежные средства на всю Республику, могло относительно равномерно в связи с действительной потребностью производить ассигнования на места...; в настоящий момент места заключения, предоставленные самим себе в большинстве губерний, не имеющих почти местных средств, поставлены исключительно в тяжелое положение. Главное Управление имеет целый ряд документов, удостоверяющих плачевное состояние мест заключения. Местные губисполкомы отказывают не только в выдаче необходимых сумм на ремонт зданий, оборудование мастерских, но даже отказывают в полной выдаче служащим заработной платы и пайка заключенным»<sup>2</sup>.

Сосредоточение всех мест отбывания наказания в системе НКВД постепенно привело к изменению приоритетов провозглашенной большевиками доктрины – карательная функция стала преобладать над исправительной и воспитательной.

К июлю 1922 г. система мест лишения свободы НКВД РСФСР имела картину, представленную в табл. 15. Особенность их положения заключалась в том, что число заключенных, находившихся в них, было меньше количества штатных мест. Но данная ситуация была временной и вскоре изменилась в обратную сторону.

Данные таблицы показывают, что наполнение мест заключения неравномерно. Но следует заметить, что из 56 концентрационных лагерей часть предполагалась к закрытию по причине того, что они не отвечали требованиям, предъявляемым к местам заключения, остальные должны были быть реорганизованы в общие и специальные места заключения.

---

<sup>1</sup> Зубков А.И., Калинин Ю.И., Сысоев В.Д. Указ соч. С. 35–36. Численность заключенных разными исследователями, в том числе зарубежными, приводится различная. Так, А.И. Зубков в работе «Карательная политика России на рубеже тысячелетий» (М., 2000. С. 8) приводит цифру в 70 тыс. чел. из расчета 67 заключенных на 1 000 чел. М.Г. Детков, характеризуя места заключения в 1922 г., приводит данные о 80 559 заключенных (см.: Детков М.Г. Содержание пенитенциарной политики... С. 66) и т.д. Исследователи оперируют архивными данными, но в ряде случаев ими использовались усредненные показатели, что, в конечном итоге, и не позволяет определить точное число заключенных.

<sup>2</sup> Пенитенциарное дело в 1922 году. Отчет НКВД по Главному Управлению Местами Заключения X-му Съезду Советов Р[абочих], Кр[естьянских] и К[расноармейских] депутатов. М., 1922. С. 2.

Характеристика мест заключения НКВД РСФСР (на июль 1922 г.)

№ п/п	Наименование мест заключения	Количество учреждений	Количество штатных мест	Количество заключенных / % наполнения
1	Исправительно-трудовые дома	159	38 266	47 175 / 123,3
2	Дома предварительного заключения	54	9 323	11 339 / 121,6
3	Места заключения без точно установленного наименования	17	4 521	5 939 / 131,4
4	Пересыльные, карантинные и другие спецназначения места заключения	3	1 935	2 079 / 107,4
5	Изоляционные тюрьмы	2	280	207 / 73,9
6	Сельскохозяйственные колонии	29*	4 875	2 653 / 54,4
7	Трудовые дома для несовершеннолетних	4	531	310 / 58,4
8	Трудовые колонии	1	50	31 / 62,0
9	Концентрационные лагеря	56	24 750	10 005 / 40,4
10	Тюремные больницы	5	1 000	821 / 82,1
	<b>Итого</b>	<b>330</b>	<b>85 531</b>	<b>80 559 / 94,2</b>

\* Еще по 3 сельскохозяйственным колониям данным получено не было.

Источник: Пенитенциарное дело в 1922 году... С. 7; Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. М., 1999. С. 122; Аношин А.И., Гетьман А.С., Кузнецова Н.Н. История системы исполнения наказания на Дальнем Востоке (к 200-летию Министерства юстиции России). Хабаровск, 2002. С. 29.

В Сибири в период установления Советской власти работой мест заключения продолжало руководить созданное в стране после Февральской революции Главное управление местами заключения. Но уже в январе 1918 г. начали свою деятельность ревтрибуналы и местные суды в Красноярске, Омске, Томске и Иркутске. В марте–апреле 1918 г. во всех губернских городах Сибири были созданы местные органы ВЧК. В тюрьмы советами и военно-революционными комитетами назначались комиссары для контроля за деятельностью тюремной администрации.

Тюрьмы подчинялись местным советам, единая система управления отсутствовала. Действовавшая в Западной Сибири Тюремная инспекция была упразднена, вместо нее была образована Коллегия по управлению местами заключения. Хозяйственной деятельностью тюрем управлял тюремный комитет, вопросы в котором решались только коллегиально.

В апреле 1918 г. при Омском областном совнаркоме был образован тюремный отдел. Областной комиссар по тюремным делам обратился ко всем отделам облсовнаркома с просьбой о делегировании своих представителей в тюремную коллегия «для совместного вырешения вопросов принципиального значения в связи с циркулярами, телеграммами и распоряжениями Главного управления местами заключения». 14 мая 1918 г. на расширенном заседании облсовнаркома был утвержден подготовленный тюремным отделом проект Инструкции по содержанию заключенных в тюрьме. На этом же заседании был утвержден состав совета, регулирующего деятельность домов заключения.

Уездные советы также пытались коллегиально решать организационные вопросы тюремного дела. Например, Петропавловский уездный исполком Омской

губернии на своем заседании 13 февраля 1918 г. обсуждал вопрос о назначении комиссара в тюрьму. Исполком также принял постановление о необходимости переименования тюремного комитета в уездный попечительский совет и оставлении его в прежнем составе, дополнив представителями от уездного совета народного хозяйства и от уездной милиции<sup>1</sup>.

Начатая работа по реорганизации мест заключения была прервана в связи со свержением советской власти в Сибири.

Вновь работа по построению исправительно-трудовой системы в Сибири была организована в конце 1919 г. сразу после освобождения от колчаковщины.

Наркомат юстиции еще в январе 1919 г. принял постановление, согласно которому создавались губернские отделы юстиции Сибири в составе четырех подотделов: общего, административно-хозяйственного, судебно-следственного и карательного. 23 сентября 1919 г. был создан отдел юстиции (Сибюст) Сибревкома, а затем карательный подотдел, ведающий системой мест заключения в Сибири.

Все места лишения свободы на освобождаемых территориях Сибири по постановлению Сибревкома от 7 октября 1919 г. переводились в ведение губотделов юстиции. Но ситуация в них была очень сложной. В докладе Сибюста в июне 1920 г. прямо отмечалось: «Карательное дело идет плохо... Тюрьмы, переименованные теперь в дома лишения свободы и дома принудительных работ, по существу остаются прежними тюрьмами царского и колчаковского периода, то с суровым режимом, то с распущенностью и заключенными и наблюдательского персонала. Советской власти они перешли в наследство... в совершенно разрушенном и всюду загаженном состоянии. Поэтому главные усилия здесь в течение всего истекшего времени затрачивались и затрачиваются до сих пор на приведение их в порядок и в сколько-нибудь санитарное состояние. ...Эпидемические заболевания в домах лишения свободы не исчезают и самые условия заключения (не хватает нар, постельных принадлежностей...) не поддаются сколько-нибудь коренному улучшению». И как вывод: «Работа по проведению начал советской карательной политики при таких условиях, когда главные усилия приходится затрачивать на упорядочение внешних условий заключения, да еще при наличности старого наблюдательского и частью административного персонала домов лишения свободы почти не делается»<sup>2</sup>.

В г. Кузнецке уездная тюрьма находилась «в подвальном помещении казенного винного склада. Помещение это совершенно сырое, душное и холодное, пригодно для хранения овощей и скоропортящихся продуктов питания, но отнюдь не для жилья живым существам, если таковыми могут быть признаны арестованные». Арестованные в количестве около 100 чел. содержались в помещении размером  $18 \times 7 \times 5$  аршин<sup>3</sup>, т.е. объем помещения составлял  $231 \text{ м}^3$ , а площадь – около  $64 \text{ м}^2$ . С учетом разделения помещения на 3 камеры и наличия

<sup>1</sup> Кузьмина А.С. Становление исправительно-трудовых учреждений в Сибири (1917–1924 гг.): учеб. пособие. Омск, 1989. С. 13–14.

<sup>2</sup> Доклад по отделу юстиции Сибревкома от 28 июня 1920 г. № 1021. См.: ГАНО. Ф. Р-467. Оп. 1. Д. 44. Л. 14.

<sup>3</sup> Аршин равен 71,12 см.

двухъярусных нар на одного человека приходилось примерно 1,3 квадратных метра<sup>1</sup>. Из-за постоянного наличия спиртовых испарений, что вредно отражалось на здоровье арестованных, они были переведены в один из купеческих домов и только в конце 1920-х гг. было построено деревянное здание тюрьмы. Реальной же датой завершения строительства следует считать 1932 г. Тюрьма располагалась в одном корпусе, где первый этаж был кирпичным, а второй – деревянным. В корпусе было 38 общих и 1 одиночная камера, 4 карцера. Здание было рассчитано на 360 чел. Вот как описывал тюрьму работавший в тюремном архиве в период «ежовских» репрессий Булаев: «Тюрьма располагалась между ул. Достоевского и площадью. Деревянный забор, опутанный колючей проволокой в три ряда, огораживал двухэтажный барак с кирпичным низом и рубленным верхом. Окна барака располагались высоко и были зарешечены арматурным железом. Внутри помещение было разбито на камеры с коридором в центре. Внутри двора, длиной 15 м, шириной 6 м, обустроена прогулочная площадь. Там же банька, кухня. По углам забора стояли смотровые вышки»<sup>2</sup>.

Состав заключенных в местах лишения свободы достаточно четко отражал картину классово-политической борьбы. Отчеты губернских карательных отделов Сибири за 1920 г. свидетельствовали, что наибольшее число заключенных составляли осужденные за контрреволюционную деятельность. Так, в 9 домах лишения свободы Омской губернии на 1 сентября 1920 г. число таких заключенных составляло почти половину от их общего числа<sup>3</sup>.

Основной проблемой этого периода стало значительное число «следственных» заключенных. В Омской губернии таковых было две трети, в Алтайской губернии на 1 августа 1920 г. – три четверти, в Иркутской губернской тюрьме из среднесуточного числа свыше двух третей также составляли «следственные», в Красноярской – более половины<sup>4</sup>. В этом не было ничего удивительного, «победители» вершили судьбы врагов и оппонентов, арестовывая всех, кто мог иметь отношение к «бывшим» – царским, колчаковским и прочим противникам, задерживая всякого, кому советская власть не была «люба». Такое количество «следственных» приводило к тому, что они неделями и месяцами сидели в камерах без допросов. Например, начальник Томского отдела Государственной охраны Департамента милиции (структура, выполнявшая функции органов политиче-

<sup>1</sup> Из жалобы А.М. Графа на имя председателя Томского губотдела юстиции от 20 июня 1920 г. В августе в Томский губотдел юстиции от заключенных Кузнецкой тюрьмы была подана коллективная жалоба, в которой были подтверждены тяжелейшие условия содержания, описанные А. Графом, приведены примеры других многочисленных нарушений со стороны администрации тюрьмы. В частности, 23 июля всем заключенным без объяснения причины было объявлено о лишении передач провизии на месяц, хотя уже с 20 июня (кроме фунта хлеба) они не получали горячей пищи. Когда заключенные обратились с ходатайством о замене горячей пищи другими продуктами – горохом, крупой, картофелем и пр. либо увеличением хлебного пайка или все-таки разрешить ежедневные передачи провизии, то были подвергнуты карцерному режиму (из личного архива автора). По требованиям Санитарного кодекса в 1940-е гг. площадь пола в помещении для заключенных должна была быть не менее 2,5 м<sup>2</sup>, а норма воздуха на одного заключенного в общей камере определялась в 7,0–7,5 м<sup>3</sup>.

<sup>2</sup> Белоусова О.А. К вопросу формирования уголовно-исполнительной системы Кузбасса (1917–1941 гг.) // История уголовно-исполнительной системы в России: сб. науч. статей. М., 2007. Вып. 3. С. 14.

<sup>3</sup> Кузьмина А.С. Становление исправительно-трудовых учреждений в Сибири... С. 36.

<sup>4</sup> Там же.

же.

С.

ского сыска колчаковского правительства. – В.У.) генерал С.А. Романов, фигура явно не рядовая, добровольно явившийся в следственную комиссию 5 января 1920 г., в первый раз был допрошен только 29 января<sup>1</sup>. Учитывая его бывшее служебное положение, этого не должно было произойти по определению – явный «враг».

Были и «курьезные» случаи. Так, в Каинском доме принудработ помощник заведующего карательным отделом во время обхода в ноябре 1920 г. обратил внимание на заключенную Введенскую, **содержавшуюся под стражей 11 месяцев**, будучи арестованной реввоенсоветом 5-й Армии по обвинению в укрывательстве мужа, «ныне по ее словам уже умершего». Её дело якобы находилось в Каинском политбюро, а затем было передано в Новониколаевскую ЧК, но нигде, судя по рапорту, обнаружено не было. Среди нескольких резолюций, наложенных на рапорте, судьбы Введенской касалась следующая: «Сообщить об этом т. Чудновскому для принятия мер»<sup>2</sup>.

В ЦДНИ ТО в фонде Томского губкома РКП(б) хранится документ, подготовленный в августе 1921 г. председателем Томской губчека М. Подгайским, в котором затрагивался вопрос о «следственных» заключенных. Он писал: «По списку, запрошенному от Зав. Домпринработ, в одном только из них **содержалось под следствием 410 человек, из коих 280 не были ни разу допрошены** (здесь и далее выделено мною. – В.У.). При посещении тюрьмы можно было видеть 60-летних неграмотных или малограмотных крестьян, сидящих за контрреволюцию, которые по всем признакам не могли быть сознательными контрреволюционерами. Количество арестованных наводило на мысль, что должно быть посажено несколько контрреволюционных организаций, на самом же деле **оказалось, что на многих уже нет никаких дел, ибо таковые были утеряны, или же сидели по несколько месяцев за разные маловажные преступления, дела по коим подлежали разбору народного суда. Большинство арестованных сидело под следствием даже с 1920 г. и первых чисел 1921 г...**»<sup>3</sup>.

В фонде губпрокурора в Госархиве Омской области в материалах переписки имеется значительное число заявлений-жалоб по делам на «политических». Так, в 1922 г. с заявлением к прокурору обратилась жительница Омска В.С. Новикова: «Около 3 месяцев с 1 июля 1922 г. арестован ГПУ мой муж Н.Ф. Новиков, и предъявлено ему обвинение в антисоветской деятельности, но в чем она заключается и какие преступления им сделаны ему до сих пор неизвестны...».

В сентябре этого же года с жалобой к губпрокурору обращался заключенный Омского дома принудработ Д.И. Адаев: «В заключении я нахожусь с 10 мая 1920 года, вот уже **свыше 2 лет и 4 месяцев** (выделено мною. – В.У.) и все время числюсь следственным... между тем никакого следствия не ведется за все время нахождения моего в Омске... приходится заключить, что дело обо мне было затеряно... За время заключения хворал цингой, плевритом, а теперь получил хро-

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-11729.

<sup>2</sup> Рапорт заведующему Томским губернским карательным отделом. См.: ГАНО. Ф. Р-804. Оп. 1. Д. 12. Л. 17.

<sup>3</sup> Выводы из доклада о положении дел в Томгубчека [на 24 августа 1921 г.]. См.: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 87.

ническое воспаление легких и чахотку». Направленный губпрокурором 23 сентября 1922 г. запрос в губотдел ОГПУ позволил установить, что Адаев числился за представителем ВЧК по Сибири и обвинялся в принадлежности к Томской организации левых эсеров<sup>1</sup>. Судьба же Адаева для сотрудников губотдела никакого интереса не представляла.

Подобная ситуация сохранялась практически повсеместно и на протяжении последующих лет. Так, Г. Ягода 26 января 1926 г. отдал распоряжение начальникам отделов ОГПУ о необходимости рассмотрения дел арестованных, находившихся в заключении более двух месяцев. Невыполнение этого приказа предполагало наложение взысканий и увольнение со службы. А в мае 1928 г. в письме начальнику секретного отдела ОГПУ Дерибасу он писал: «Вопрос о загрузке тюрем опять стоит остро. Необходимо принять не только меры внушения, но и репрессивные меры к товарищам, которые не могут, не хотят понять, что содержание в тюрьме необоснованно долго ложится пятном на нас...»<sup>2</sup>.

В ноябре 1930 г. начальником ЗСКАУ был издан приказ, в котором были приведены многочисленные факты и примеры нарушений содержания под стражей заключенных. Среди нарушений – факт содержания под стражей по линии уголовного розыска лиц с июня месяца, а «мер со стороны уголовного розыска к скорейшему продвижению дел и перечислению их за другими органами не предпринималось». Проверкой их личных дел установлено «допущение распространительного применения... циркуляра, в результате чего среди арестованных содержатся маловажные преступники». На устранение этого «недостатка» давалось десять дней. Другим нарушением стало совместное содержание несовершеннолетних и взрослых рецидивистов в общих камерах. В этих камерах наличествовали бандитизм, грабеж и хулиганство. Взрослые рецидивисты систематически отбирали у несовершеннолетних выдаваемый им продпаек, в результате чего последние недоедали, и одежду<sup>3</sup>.

Несмотря на строгие «окрики» сверху, порядок в этой части так и не был наведен. Так, Т. Солодкая приводит пример по УНКВД Алтайского края, относящийся к периоду конца 1938 г. В докладной записке от 15 декабря 1938 г. о результатах проверки арестованных, содержащихся в тюрьмах, приводились факты запущенности учета арестованных, их незаконного содержания и несвоевременного освобождения, в отдельных случаях арестованные содержались длительное время под стражей без санкции прокурора и без личных дел. В результате этого администрация тюрем не знала, кем

<sup>1</sup> Забвению не подлежит... Т. 2. С. 30. В процессе ревизии Томской губпрокуратуры прокурорами для поручений при НКЮ в мае 1924 г. были отмечены случаи, когда в Томском домзаке следственные заключенные (большинство из которых числилось за губсудом) содержались по 11, 12, 17 и даже 19 месяцев. См.: ГАО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 30. Л. 71.

<sup>2</sup> Ильинский М.М. Указ. соч. С. 278.

<sup>3</sup> Приказ начальника ЗСКАУ № 7/с от 22 ноября 1930 г. по обследованию Томской трудколони и Дома заключения. См.: ГАО. Ф. Р-1040. Оп. 1. Д. 4. Л. 52–53. В мае 1936 г. в соответствии с приказом НКВД СССР за нарушение ревзаконности были осуждены работники тюрьмы г. Орла. Суду военного трибунала они были преданы за то, что задержали 69 заключенных, подлежащих освобождению. См.: Ильинский М.М. Указ. соч. С. 278.

они арестованы, так как следственные заключенные принадлежали к различным ведомствам<sup>1</sup>.

В положении со следственными не было ничего удивительного, так как чекистские и милицейские кадры в абсолютном большинстве не имели какой-либо правовой подготовки, не могли квалифицированно оценивать действия тех, кого сажали. А этого и не требовалось, так как основными критериями оценки совершенного «преступления» были «политическая целесообразность» и «политическое самосознание» доморощенных следователей.

Однако в некоторых губерниях положительные результаты достигались. Так, отдел юстиции Сибревкома отмечал, что в отдельных местах проблема «следственных» по их привлечению к работам решалась через установление контактов с «чрезвычайными органами», когда более четко определялась категория этих заключенных под стражу, что позволяло использовать некоторых из них на внешних работах. А организация труда заключенных в Томском исправтруддome была признана лучшей – «за полтора месяца заработок заключенных выразился в сумме 1 700 000 рублей. Если работа будет идти тем же темпом, содержание заключенных, надзора и администрации будет окупаться трудом заключенных». В отчете также отмечалось, что труд заключенных в других губерниях использовался в меньшей степени. «Начинания Омского заведующего карательным отделом парализуются необычайной перегруженностью места лишения свободы»<sup>2</sup>. Но уже в скором времени вопросы занятости заключенных трудом обострились, причем без перспектив успешного разрешения.

Но в итоге все упиралось в кадры. Абсолютное большинство должностей в домах лишения свободы продолжали занимать лица, служившие при царизме или в период колчаковщины, которые не могли да и не хотели признавать советскую карательную политику. По этой причине уже 9 января 1920 г. Сибюст издал циркуляр, в соответствии с которым предлагалось принять срочные меры по замене лиц, возглавлявших места заключения и служивших при Колчаке. На эти должности должны были подбираться «по возможности партийные и преданные идеям советского строя»<sup>3</sup>. Что касается надзирателей, то здесь замена кадров шла очень медленно. Тяжелая работа и маленькая зарплата не способствовали процессу заполнения рабочих мест в системе мест заключения. В 1937 г. в Томске был арестован, а затем расстрелян по решению «тройки» УНКВД И.В. Таныгин, работавший на момент ареста сторожем на железной дороге, а ранее служивший надзирателем в Томской тюрьме – при царизме до революции, в период колчаковщины и при советской власти<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Солодкая Т.И. Становление уголовно-исполнительной системы на Алтае в 1917–1941 гг. // История становления органов внутренних дел России: взгляд из XXI века: межвуз. сб. науч. ст. Барнаул, 2001. С. 186.

<sup>2</sup> Отчет о деятельности отдела юстиции Сибревкома (сентябрь 1920 г.). См.: ГАНО. Ф. Р-467. Оп. 1. Д. 44. Л. 19.

<sup>3</sup> Кузьмина А.С. Становление исправительно-трудовых учреждений в Сибири... С. 38. Зам. заведующего Сибюста в докладе от 28 июня 1920 г., характеризующая положение карательного дела на местах, отмечая условия, при которых возможно улучшение этой работы. Первым и основным условием было «создание кадра новых, действительно проникнутых началами советского строительства работников на местах». См.: ГАНО. Ф. Р-467. Оп. 1. Д. 44. Л. 14 об.

<sup>4</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-10234.



Писатель Р.А. Иванов-Разумник в своих воспоминаниях рассказал историю об И.С. Гвиздоре, который отбывал в Сибири двенадцатилетнюю каторгу за политическую деятельность и обосновался на жительстве в Барнауле. «Революция сделала его городским головой этого города – и в течение ряда революционных лет волны революции то возносили его на свой гребень, то низвергали «в преисподнии земли». Приходили «красные» – и сажали его во главе городского управления. Приходили «белые» – и сажали его в тюрьму, угрожая расстрелом; такие взлеты и падения перемежались не один раз. То он инспектировал тюрьму как стоящий на вершине барнаульской власти, то сам сидел в этой тюрьме... одни и те же тюремщики уже не знали, как к нему относиться». Когда он в очередной раз сидел в тюрьме от «белых», один из надзирателей обратился к нему: «Товарищ Гвиздор, ну что вам здесь сидеть, еще неровен час и расстреляют; а тут опять придут красные, опять старшим будете». Через некоторое время надзиратели помогли ему бежать. А когда вновь вернулись «красные», то, будучи избранным в очередной раз городским головою, он снова инспектировал тюрьму. «Надзиратели рады, кланяются...»<sup>1</sup>. Надзиратели были незаменимыми кадрами.

А вот как характеризовал «коллегу» по службе член РКП(б) А. Бырганов, служивший в исправительно-трудовом доме № 1 г. Томска: «Заведующий административной частью Попрядухин (здесь и далее в тексте подчеркнуто синим карандашом. – В.У.) совершенно малограмотный, по его словам и некоторых служащих, он прослужил в старой николаевской тюрьме 13 лет и с приходом Красной Армии в 1919 г. он был подвергнут лишению свободы, за усердную деятельность в службе при Колчаке просидел 18 месяцев, был освобожден из-под стражи по амнистии и снова поступил в Дом принудительных работ и служит по сие время. В чем же выражается его работа, только в одних криках, площадной брани и т.п., естественно человек совершенно без нравственный. Ему вернее всего нужно было... быть давно на Каштаке (место проведения расстрелов в Томске. – В.У.), но все же он служит и тормозит своим тупоумием многое дело культурного развития заключенных как администратор, ...самый яркий монархист...

...Заведующий хозяйством пом[ощник] нач[альника] Добротворский, который был палачом Пермской тюрьмы при Николае II в старое время, прибыл сюда во время отступления Колчака и поступил в Домпринработ в 1920 году...

...Заведующий обозным двором помнач Князев<sup>2</sup>, прослуживший уже 10 лет, ...ярый противник Советской власти...<sup>3</sup>.

Докладная Бырганова была написана 17 июня 1922 г. Неизвестно, где и у кого этот документ находился, но ход ему был дан только спустя пять месяцев, когда заведующим орготделом губкома РКП(б) была наложена резолю-

<sup>1</sup> Иванов-Разумник Р.А. Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. М., 2000. С. 253.

<sup>2</sup> Судьба Попрядухина и Добротворского неизвестна, а Князев Иосиф Семенович, 1887 г.р., уроженец с. Киккоф Яранского р-на Кировской обл., проживал в г. Томске на ст. Томск-2, дом 82, до ареста в 1937 г. работал старшим надзирателем тюрьмы. Расстрелян. Реабилитирован 9 апреля 1959 г. См.: Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3036; Боль людская... 2-е изд. Т. 2. С. 80.

<sup>3</sup> Докладная записка А. Бырганова в Томский губком РКП(б) «О неправильной постановке в исправ-трудодоме № 1» от 17 июня 1922 г. См.: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 91. Л. 23–25. Здесь и далее при цитировании архивных документов орфография подлинника сохранена.

ция о необходимости «вызвать Воеводу, Векшина (начальник Томского губернского управления местами заключения. – В.У.) и Бырганова на понедельник 25 ноября».

Сложность замены кадров заключалась еще и в том, что большевики не располагали профессионально подготовленными кадрами, в частности юристами, способными заменить старых специалистов и организовать проведение политики молодого государства должным образом, так как на первых порах лозунги и призывы чаще всего преобладали над какими-либо конкретными программами. Сложно было в условиях Гражданской войны и разрухи расставлять приоритеты – все требовало внимания и заботы, не говоря уж о перестройке в свете социалистических преобразований.

В уже упоминавшемся отчете НКВД X съезду Советов «Пенитенциарное дело в 1922 году» в разделе «Режим в местах заключения» отмечалось, что «необеспеченность работников мест заключения... сильно отражалась на проведении пенитенциарных мероприятий. Имеются такие Исправдома, где остались только начальник и один надзиратель. Остальные сотрудники перешли на другую, лучше оплачиваемую работу. Если прибавим к этому отсутствие у работников мест заключения пенитенциарных знаний..., то будем иметь объяснение того факта, что Исправдома... не стоят на требуемой высоте». О незавидном положении тюремных служащих говорилось и в разделе «Снабжение мест лишения свободы», – все они были сняты с пайкового довольствия, а вещевым не снабжались с 1921 года. «В виду необеспеченности службы большинство надзора буквально бежит со службы, а некоторые и того хуже, спекулируют и входят в сделки с заключенными...»<sup>1</sup>.

В архивах встречается значительное число документов, подтверждающих наличие данной проблемы. Так, в фонде «Инспекции мест заключения административного отдела Томского губисполкома» хранится копия документа, озаглавленного «Сведения», в котором приводились данные о недовольстве и даже враждебном отношении к Советской власти ряда надзирателей из уже упоминавшегося исправтруддома № 1, в том числе Князева и Попредухина (так в тексте. – В.У.). Сообщалось и о том, что «надзирательница некто Абрамова принимает у себя заключенных и пьянствует, что было замечено много раз и ходят слухи, что гр[ажданка] Абрамова якобы сама гнала самогонку»<sup>2</sup>.

Судя по атрибутам, это анонимное послание было направлено в губЧК кем-то из сотрудников исправтруддома. Наложённая резолюция свидетельствовала, что оно было принято и рассмотрено, но судьба её, как и судьба упоминавшихся в ней лиц, из материалов дела не усматривается.

На губсовещании по борьбе с преступностью 21 декабря 1923 г. в докладе губинспектора мест заключения Крыжевского отмечалось, что в общих и специальных местах лишения свободы в городах Мариинске, Щегловске, Кузнецке и Томске «штат администрации... полный, но что же касается штата наблюдате-

<sup>1</sup> Пенитенциарное дело в 1922 году... С. 3, 17, 43.

<sup>2</sup> Копия анонимного заявления в Томскую губЧК. См.: ГАТО. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 18. Л. 22.

лей, то он как в количественном, так и в особенности качественном отношении далеко не оправдывает возложенных на него задач.

Слишком незначительное материальное обеспечение надзора (6 р[ублей] 40 к[опеек]) в месяц не дает возможности вербовать более или менее опытных работников, а приходится довольствоваться случайным элементом, не знакомясь подробно с его личностью (выделено мною. – В.У.). Такой несоответствующий своему назначению состав наблюдателей порождает за собой в общем ходе работ мест заключения массу дефектов».

Результатом этого доклада явилась запись в протоколе совещания – «признать необходимым увеличение заработной платы наблюдательному персоналу в пределах сметных ассигнований», т.е. повысить можно было, но только в ущерб другим статьям расходов<sup>1</sup>.

Наличие «случайного элемента» в штатах мест заключения продолжало оставаться проблемой и в последующие годы. Во второй половине 1924 г. после тщательного изучения административного состава в Омском доме лишения свободы были вычищены 45% от общего количества сотрудников за профнепригодностью, 11 сотрудников были преданы суду, в том числе бывший начальник Шукалюков. Должности уволенных были замещены демобилизованными красноармейцами<sup>2</sup>. Крайпрокурором П. Алимовым отмечалось в 1928 г., что Славгородской прокуратурой было возбуждено уголовное дело против заведующего совхозом Дома заключения Дорошенко по фактам пьянок с заключенными и получении взяток. Аналогичное дело в Омске было возбуждено против помощника начальника исправтруддома Студенникова<sup>3</sup>. В ходе чистки советского аппарата в 1928–1930 гг. из числа сотрудников Томского изолятора специального назначения (создан 16 июля 1927 г. на основе объединения ИТД и дома заключения. – В.У.)<sup>4</sup> только за связь с заключенными были уволены В.Г. Малышев (при обыске на посту были найдены три бутылки тройного одеколona и закуска для передачи заключенным), В.С. Комаров (за получение взятки у заключенного Синюшина), а

<sup>1</sup> Протокол № 21 губсовещания по борьбе с преступностью. См.: Там же. Л. 109. В отчете начальника ИТД № 2 о деятельности в 4-м квартале 1925 г. отмечалось, что месячные оклады (основная ставка и нагрузка) надзора в ИТД № 2 г. Новониколаевска составляли: воспитателей – 41,6 руб., старших надзирателей – 44, отделенных надзирателей – 28, младших надзирателей – 24,8 руб. См.: ГАНО. Ф. Р-1958. Оп. 1. Д. 87. Л. 88.

<sup>2</sup> Из отчета о деятельности Омской губпрокуратуры за 2-е полугодие 1924 г. См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 23. Л. 106.

<sup>3</sup> Бюллетень крайпрокурора Сибири № 9/2 на 15 октября 1928 г. См.: ГАТО. Ф. Р-804. Оп. 1. Д. 17. Л. 19.

<sup>4</sup> В 1929 г. Томский изолятор спецназначения был переименован в Томскую фабрично-заводскую и сельскохозяйственную колонию с домом заключения НКВД РСФСР (переименование установлено на основании угловых штампов. См.: ГАТО. Ф. Р-1040. Оп. 1. Д. 6. Л. 14). Колония была рассчитана на 1 600 мест, но содержалась в ней до 4 500–5 000 чел., из которых до 2 200–2 500 чел. работали на внешних производственных филиалах – на Яшкинском известковом заводе, Мариинском, Ново-Кусковском, Колпашевском и Томском кирпичных заводах, Заварзинской сельхозферме, Черемошинской пристани и торфо-лесоразработках в 34 км от Томска. С 1 октября 1930 г. колония была переведена на полную самоокупаемость и содержала заключенных и аппарат управления за счет прибылей своих предприятий (Там же).

П.П. Русинов был уволен с формулировкой «без права поступления в место заключения» и др. Всего увольнению подлежали несколько десятков сотрудников<sup>1</sup>.

Ситуация, видимо, действительно была критической, так как комиссия по чистке аппарата уже 13 января на своем заседании рассмотрела выводы по Томскому изолятору и вынесла постановление с указанием выявленных недостатков и предложениями по их устранению, частью декларативными. Неизвестно, как долго этот документ шел до изолятора, но резолюция на исполнение была наложена только 2 июня. Не в этом ли крылось отношение к местам заключения и их проблемам у местных властей<sup>2</sup>.

Начальником отдела мест заключения краевого административного управления Корзиловым в ходе проверки состояния охраны Новосибирского дома заключения были выявлены многочисленные нарушения режима лицами надзирательского состава – формы одежды и порядка несения службы (спали на постах), незнание должностных инструкций и т.п. А при проверке дежурной смены (19 чел.) было «обнаружено, что в числе надзирателей есть надзиратель Друченко, имеющий вторую судимость..., большинство же надзирателей осуждены по 116-й ст. УК»<sup>3</sup>.

В январе 1931 г. к дисциплинарной ответственности были привлечены начальник Мариинского межрайонного бюро принудработ – зав. кирпичным заводом М.А. Смирнов и младший надзиратель на Яшкинском известковом заводе С. Виль. Первый, прибыв в Мариинск с партией заключенных, в пьяном виде организовал дебош со стрельбой из револьвера, а второй, опять-таки в пьяном виде, загнал казенную лошадь и «вел стрельбу из нагана куда попало». Судьба Смирнова неизвестна, а Виль был «подвергнут строгому дисциплинарному взысканию» – ему был объявлен строгий выговор и он был лишен права выезда с завода на 1 месяц<sup>4</sup>.

В последующие годы ситуация еще более ухудшилась, несмотря на многочисленные приказы и указания руководства НКВД в Центре и на местах. Многократное увеличение заключенных и иных контингентов, находившихся на «попечении» органов ОГПУ–НКВД, только увеличило число случайных людей, пришедших в эту систему. Многие из них были людьми морально разложившимися, лодырями и бездельниками, не желающими действительно трудиться, с личными комплексами неполноценности и огромным желанием самоутвердиться, но классово близкими. А с учетом разбросанности мест проживания и отбытия наказания на значительные расстояния друг от друга контролировать их

<sup>1</sup> Протокол № 8 заседания окружной комиссии по чистке совapparата от 4 января 1930 г. См.: Там же. Д. 5. Л. 23–24. Русинов Павел Петрович, 1896 г., род. с. Васино Котельничского уезда Вятской губ., проживал в г. Томске по ул. Дальне-Ключевской, 5, надзиратель Томского изолятора. Арестован в 1930 г. Осужден на 3 года концлагерей. См.: Боль людская... 2-е изд-е. Т. 3. С. 56.

<sup>2</sup> Протокол заседания окружной комиссии по чистке совapparата от 13 января 1930 г. См.: ГАТО. Ф. Р-1040. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–3.

<sup>3</sup> Секретный приказ № 1 начальника отдела мест заключения и принудработ ЗСКАУ от 10 ноября 1930 г. См.: Там же. Д. 4. Л. 33–34.

<sup>4</sup> Материалы переписки по сотрудникам мест заключений, допустившим злостные нарушения. См.: Там же. Д. 4. Л. 10. 3–29.

службу, работу, исполнение приказов и инструкций должным образом у начальства не было возможности, а может быть, и желания. Как следствие подобной вольности приказы, подобные этому: «Ряд поступивших в последнее время сигналов говорят о серьезных фактах разложения и падения дисциплины в лагерных подразделениях ВОХР.

Вместо повседневной культурно-воспитательной и партийно-массовой работы в подразделениях ВОХР стало процветать пьянство, отмечены факты общения рядового состава с кулаками-переселенцами и их семьями, заболевания стрелков венерическими болезнями, зафиксированы отдельные случаи женитьбы стрелков на проститутках и кулачках...»<sup>1</sup>. И это один далеко не самый яркий пример. В ходе работы с архивными документами по личному составу органов госбезопасности и МВД неоднократно встречались приказы о наложении взысканий и предании суду с приговорами, в том числе о вынесении высшей меры наказания лицам рядового и начальствующего состава органов ОГПУ–НКВД за злоупотребление властью, превышение должностных полномочий, моральное разложение и т.п. Правда, начиная со второй половины 1930-х гг. подобные приказы практически не попадались, за исключением отдельных случаев о домашних арестах за волокиту по делам контрреволюционеров, нарушения сроков исполнения документов и приказов, т.е. за невыполнение своих прямых служебных обязанностей.

Анализ приведенных фактов свидетельствует о действительном наличии значительного числа «случайных людей» в рядах сотрудников, работавших с преступными элементами и теми, кого государство зачислило в разряд своих врагов. Кроме того, эти факты позволяют сделать вывод об отсутствии должного контроля как со стороны непосредственно отвечавших за работу мест заключения органов, так и со стороны органов власти (исполкомов, прокуратуры и т.п.). Канули «в лету» постулаты «Железного Феликса» о качествах, которыми должны были обладать чекисты, его предостережения, что служба в этих органах развращает молодых, неокрепших работников, пусть и с партийным билетом в кармане. Принимаемые органами власти решения не носили системного характера и не

---

<sup>1</sup> Приказ начальника Управления Томасинлага Автономова № 475 от 22 августа 1938 г. по Томско-Асиновскому ИТЛ НКВД СССР. См.: Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. 208. Т. 3. Л. 46. Централизованная курсовая подготовка сотрудников пенитенциарной системы была организована только в октябре 1939 г., когда приказом НКВД СССР № 001187 в Москве были созданы Центральные курсы ГУЛАГа для подготовки и переподготовки руководящих кадров лагерей и строев НКВД.

В начале 1940 г. централизованная система подготовки сотрудников включала в себя Киевские, Куйбышевские, Вяземские и Тайшетские курсы (преимущественно при лагерях НКВД) с общим числом обучаемых всего в 1 625 чел. в год. На момент образования в марте 1941 г. единого Управления учебных заведений курсовая сеть подготовки пенитенциарного персонала ГУЛАГа (без учета курсов и школ ВОХР) была представлена курсами в Люблино Московской области, Киеве, Вязьме и Куйбышеве. Но система так и не заработала в полной мере, а в годы войны ситуация еще более обострилась. Например, приказом НКВД СССР от 24 июля 1942 г № 0290 предусматривалась организация курсов по подготовке работников учетных аппаратов в количестве 100–150 чел. при Сиблаге (в Новосибирске и Мариинске). Однако из-за отсутствия подходящих помещений для занятий и общежития для обучаемых они не были организованы даже к весне 1943 г. См.: *Волошин Д.В.* Курсовая подготовка пенитенциарного персонала в предвоенное и военное время (1940-е гг.) // Вестник Вологодского института права и экономики ФСИН России. Преступление, наказание, исправление. 2014. № 1 (25). С. 75–76.

могли быть действенными в решении возникавших проблем по местам заключения, они просто не рассматривались в качестве первоочередных. А в 1930-е гг., особенно в годы «Большого террора», сотрудники мест заключения, надзирательский состав и охрана, стали активными участниками проведения политики беззакония и произвола по отношению к подследственным, активно содействуя «следствию» в получении «необходимых показаний» от обвиняемых путем всевозможных издевательств и истязаний над ними, создавая невыносимые условия при отбытии наказания осужденными «врагами». Свидетельства этого опубликованы во многих воспоминаниях бывших узников ГУЛАГа, выявлены в ходе пересмотра следственных дел на репрессированных по политическим мотивам, в многочисленных нормативных документах и документах официальной переписки тех лет органов ВЧК–ОГПУ–НКВД, партийных и советских органов.

Провозглашенный большевиками курс на борьбу с преступностью и преступниками путем их исправления («перековки») трудом стал определяющим на долгие годы. Но механизм занятия трудом в местах заключения отработан не был. Создание каких-либо новых мастерских в условиях хозяйственной разрухи и подчинения в первые годы советской власти всех ресурсов страны нуждам обороны было невозможным, приходилось использовать оставшиеся от прежнего режима. Это позволяло занять трудом в мастерских не более 10%, а на внешних платных и бесплатных работах, например в 1920 г., только 40% заключенных.

В приказе ВЧК № 10 от 8 января 1921 г. о карательной политике органов ЧК отмечалось, что острый период Гражданской войны завершился, оставив после себя «переполненные тюрьмы, где сидят главным образом рабочие и крестьяне, а не буржуа. Надо покончить с этим наследием, разгрузить тюрьмы и зорко смотреть, чтобы в них попадали только те, кто действительно опасен Советской власти. ...Но если заставить провинившегося рабочего вместо тюрьмы работать на своем же заводе под ответственностью остальных рабочих, то такое пребывание на всем честном народе, который будет ждать: украдет Сидоров или Петров еще раз, опозорит он опять завод или станет настоящим сознательным товарищем, — такой порядок будет действовать гораздо сильнее и целесообразней, чем сидение под следствием и судом. Рабочая среда сумеет выправить слабых, малосознательных товарищей, а тюрьма их окончательно искалечит. Лозунг органов Чека должен быть: «Тюрьма для буржуазии, товарищеское воздействие для рабочих и крестьян»<sup>1</sup>.

Возможно, это результат некоей эйфории от первых достижений новой власти после Октября 1917 г., иллюзии выдавать желаемое за действительное, либо заблуждения от неверных теоретических посылов о сломе старой буржуазной машины и господствовавших при прежней власти систем взаимоотношений и человеческих ценностей, либо что-то еще. Но жизнь сама все расставила по местам — отрезвление пришло достаточно быстро. Тяжелейшее экономическое положение государства вкупе с проведением целого ряда непопулярных мероприятий и кампаний, опять-таки ущемлявших интересы населения, привели к изменению, точнее

<sup>1</sup> История сталинского ГУЛАГа... / Т. 2. С. 558; Исторический архив. 1958. № 1. С. 13–14.

к корректировке постулата о перевоспитании правонарушителей из числа социально близких. Ф. Дзержинский, в свое время подписавший приказ 1921 г., в докладной записке в ЦКК ВКП(б) об основных принципах карательной политики 17 февраля 1924 г. писал: «Я в корне не могу согласиться с предложениями по карательной политике, выработанными комиссией ЦКК...

Основная мысль их – это льготы и послабления лицам пролетарского происхождения за преступления и смягчение карательной политики, переводя её на рельсы воспитания и исправления преступников, с организацией сельскохозяйственных и фабрично-заводских колоний и т.д. Такая карательная политика **в настоящее время** (выделено в тексте. – В.У.) будет иметь своим следствием увеличение преступлений, увеличение числа преступников, разложение рабочих и отвлечение государственной мысли в этой области по неправильному направлению. Преступления мы изжить сможем, исключительно только поднимая общее благосостояние. Преодолевая разруху, развивая производство, увеличивая производительность, поднимая и усиливая чувство общности и ответственности. А это требует величайшей дисциплины и чувства законности именно у рабочих и трудящихся. Это – долгий, тяжелый процесс. Жертвы неизбежны. Этими жертвами и являются так называемые преступники. И если с ними не бороться, если им давать «льготы», то мы для преходящего либерального чувства жалости и абстрактной справедливости жертвуем будущим, жертвуем самой возможностью изжить преступление, увековечиваем их».

Исходя из этого посыла, он и определял основные принципы карательной политики. Приведу отдельные из них: «Никакого классового признака **самого преступника** (выделено в тексте. – В.У.) не должно быть. Само преступление по своему существу должно определяться по классовому признаку, т.е. поскольку оно является опасным для власти рабочих и крестьян, долженствующих осуществить коммунизм. ...Наказание не имеет в виду воспитание преступника, а ограждение от него республики и воспитание общественного мнения трудящихся для того, чтобы в их среде не могли психологически воспитываться преступники... Республика не может быть жалостлива к преступникам и не может тратить на них больших средств, – они должны покрывать своим трудом расходы на них, ими должны заселяться пустынные, бездорожные местности – на Печоре, в Обдорске и пр.» и т.д.<sup>1</sup>

Документ аналитически выверен, хотя бы по причине определения условий, определявших как развитие преступности, так и направления борьбы с ней. Но необходимо учитывать, что это было мнение одного, пусть и авторитетнейшего государственного «мужа», непосредственно занятого борьбой с преступностью. Его аргументы и предложения приняты не были, и политика «перековки» правоотступников, с учетом их классовой принадлежности, была продолжена.

Политика классового подхода стала основополагающей в карательной политике советского государства. Еще в августе 1923 г. член ЦКК РКП(б) А. Сольц по результатам обследования московских тюрем в газете «Правда» опубликовал

<sup>1</sup> История сталинского ГУЛАГа... / Т. 2. С. 582–583; Исторический архив. 1958. № 1. С. 23–24.

статью «Наша карательная политика» о работе комиссии из трех членов ЦКК, ВЦИК, ГПУ и Московского совета, обладавшей правом освобождать от имени ВЦИК всех тех заключенных, кого «найдет нужным». Тон в статье был задан сразу: «Подход был исключительно классовый, не рабочих и не крестьян мы освобождали в очень исключительных случаях, ...более всего коснулись осужденных народными судами, где **кары слишком велики и не соответствуют совершенному наказанию** (здесь и далее выделено мною. – В.У.). Были в начале... попытки со стороны самих заключенных и их родственников осаждать нас заявлениями и прошениями, но **мы их даже не читали. Мы предпочитали с каждым поговорить и вынести личные впечатления**»<sup>1</sup>.

Результаты работы комиссии вылились в освобождение 65% заключенных, с кем они «лично побеседовали», в предложение через ВЦИК СССР создать повсеместно комиссии для проведения аналогичной работы по освобождению из мест заключения, а также в обращение «через НКЮ... понизить размер минимального наказания с 6 месяцев до одного. ...Наш суд должен исчислять теперь наказания месяцами, а потом в ближайшем будущем надо поднять вопрос об исчислении наказания днями. Трудящийся сам и суд трудящихся должны привыкнуть ценить свободу»<sup>2</sup>. Вне всякого сомнения, это была не просто позиция пусть и члена ЦКК А. Сольца, а позиция руководства страны, рупором которого и была газета «Правда». Эта позиция и стала руководством к действию. В УК РСФСР 1926 г. ст. 28 предусматривала сроки лишения свободы от **одного дня** (выделено мною. – В.У.) до 10 лет.

Подтверждением этому может служить дискуссия, развернувшаяся на заседании пленума Новониколаевского губсуда в феврале 1925 г. В заседании, кроме членов губсуда (14 чел.), приняли участие работники прокуратуры (7 чел.), народные судьи (9 чел.), следователи (7 чел.) и инспектор мест заключения Жариков. С основным докладом выступил врид председателя губсуда Предместьин, охарактеризовавший изменения в карательной политике в связи с директивным письмом УКК Верховного Суда и постановлениями ЦИК СССР об основах уголовного права и процесса. Эти изменения, по его мнению, были вызваны тем, что в стране отпала необходимость применения суровых мер репрессии, например за преступления, не направленные против основ советского строя, а имевшие преимущественно бытовой характер: «...Многие контрреволюционные и другие... преступления, будучи опасными в момент совершения, например, вследствие массового характера движения, через несколько месяцев, к моменту слушания дела, уже не представляют никакой опасности. Готовясь... к докладу, я заинтересовался, что же заставляет крестьян идти на сопротивление власти. Оказалось, что причина этого заключается в привходящих бытовых условиях, например, часто оказывают сопротивление при отобрании самогона. ...Сами деревенские власти подчас виноваты в том, что им оказывают сопротивление».

Но, говоря о смягчении наказания, он подчеркнул, что «в сибирских условиях к этому подходить надо с сугубой осторожностью, так как собственнические

<sup>1</sup> ГАТО. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 33. Л. 11.

<sup>2</sup> Там же.



чувства крестьянина очень сильны, и потому мы... можем натолкнуться на серьезное сопротивление мужика. ...Карательная политика с 20 по 22 год была очень неустойчива. Сегодня преступника осуждали, а завтра освобождали от наказания по амнистии. Крестьянство, получив эту неустойчивость, начало расправляться с преступниками, совершившими имущественные преступления, своим судом. 23 год был годом крестьянских самосудов. С опасностью вызвать новые самосуды мы можем и теперь столкнуться...»<sup>1</sup>.

Положения его доклада об избирательном характере подхода к преступникам с учетом классовой принадлежности поддержали все выступавшие, лишь в выступлении помощника прокурора Бжезницкого прозвучал призыв не снижать наказания за конокрадство, так как репрессии по этим делам «должны быть беспощадны, ...конокрадство – зло деревни»<sup>2</sup>.

В последующий период времени, в начале 1930-х гг., классовый подход еще декларировался правоохранительными органами, хотя кампания раскулачивания и коллективизации ярко продемонстрировала, что в погоне за показателями, а в отдельных случаях при сведении личных счетов и мести, значительное число «социально близких» из числа крестьян записывались в кулаки и в одночасье превращались в классовых врагов. Но официально государство защищало «социально близких». Так, краевой прокурор Д.А. Лисин и его старший помощник Блимбергс в октябре 1932 г., анализируя состояние дел в органах прокуратуры после опубликования 25 июня Постановления ЦИК и СНК СССР «О революционной законности» и обращения ЦК ВКП(б) в связи с этим постановлением, отмечали, что «в работе органов расследования... по многим делам продолжают иметь место грубые нарушения... политической линии (неосновательные аресты социально близких категорий, невыявление политической физиономии обвиняемых)...». Однако выявление социального (политического) лица обвиняемых существенным образом влияло на определение меры социальной защиты, а в отдельных случаях на применение репрессии вообще. Поэтому следовало «решительно пресекать... случаи привлечения социально близких категорий по ст. 58-10 УК за **высказывание своего мнения по вопросам работы колхоза, совета или отдельных должностных лиц, при отсутствии прямых признаков контрреволюционной агитации** (выделено мною. – В.У.). По получении циркуляра следовало незамедлительно освободить всех следственных заключенных (в том числе числившихся за местными органами ОГПУ) рабочих, колхозников, бедняков, середняков и т.д., содержащихся без достаточных оснований, независимо от срока нахождения под арестом»<sup>3</sup>. Замечу, что в конце 1930-х гг. именно эти высказывания и будут составлять основу состава преступления по ст. 58-10 УК.

Подобный документ всего лишь результат очередной кампании – в данном случае по соблюдению революционной законности. Но пройдет несколько лет и категория «социально близких» «канет в Лету» – в годы «Большого террора»

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 1д. Л. 19–19 об.

<sup>2</sup> Там же. Л. 20 об.

<sup>3</sup> Там же. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 204. Л. 22–23.

будут избраны другие критерии по определению и разделению на «своих» и «чужих», как изменятся и задачи, ставившиеся партийно-советским руководством страны перед правоохранительными органами.

В качестве иллюстрации «классового подхода» – результаты осуждения по делам, связанным с хлебоуборкой, хлебосдачей и хищениями хлеба в 1933 г. Кулаки и зажиточные составили 1 603 чел. (27,3%), а единоличники, колхозники и рабочие – 2 966 чел. (1 491 (25,5%), 1 403 (24,0%), 72 (1,2%) соответственно). Однако к лишению свободы были приговорены только 719 кулаков (84,8%) и 458 зажиточных (60,6%), к исправтрудработам 41 (4,8%) и 241 чел. (31,9%) соответственно. А в отношении колхозников применялись преимущественно меры исправительно-трудоустройства – 64% приговоров (896 чел.). Высокий процент осужденных к лишению свободы рабочих – 42 из 72 чел. (58,3%) объяснялся их осуждением за хищение социалистической собственности, в частности хлеба, по Закону от 7 августа 1932 г. Завершая анализ карательной политики по названным делам, прокурор края И. Барков констатировал, что **«карательная политика в отношении кулацко-зажиточной части вполне соответствовала последним партийным установкам»**<sup>1</sup> (выделено мною. – В.У.).

Принятие в марте 1921 г. Декрета СНК РСФСР «О лишении свободы и о порядке условно-досрочного освобождения заключенных» преследовало цель исправления преступников. Например, первоначально условно-досрочное освобождение могло быть применено к **любому заключенному** независимо от характера совершенного им преступления, лишь бы он своим поведением доказал, что заслужил право доверия к нему со стороны государства и общества. Возможностью досрочного освобождения могли воспользоваться и представители «бывших», и уголовники-рецидивисты. Но уже с 1922 г. при рассмотрении вопроса о возможности для заключенного условно-досрочного освобождения стал преобладать классовый подход. В Уголовный кодекс и в последующие нормативно-правовые документы исправительно-трудоустройства были внесены соответствующие изменения о порядке его применения. Немного позднее эта возможность сократить срок наказания стала допустимой только для выходцев из рабочих и крестьян, «классово чуждые» элементы начиная с 1930-х гг. возможностью условно-досрочного освобождения могли воспользоваться лишь по болезни и только в исключительных случаях.

Постулат о защите социально близких был для «силовых» органов определяющим всегда. Пытаясь скрыть факты арестов тысяч рабочих и крестьян, хотя бы по тому же «закону о колосках», в июне 1933 г. ОГПУ был издан совершенно секретный приказ по определению социального положения обвиняемых лиц. В приказе отмечалось, что ранее директивами ОГПУ неоднократно подчеркивалось важнейшее значение правильного определения социального положения, социального и политического прошлого обвиняемых. «Сравнительные данные о группах социального состава обвиняемых... свидетельствуют о том, что к вопросу правильного определения социального состава обвиняемых... на местах отно-

<sup>1</sup> Информационная сводка № 9 Западно-Сибирской краевой прокуратуры. См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 209. Л. 28–29.

сятся невнимательно, несерьезно, в результате чего процент близких нам социальных прослоек по данным учета оказывается раздутым, несоответствующим действительному положению». В связи с этим приказывалось при определении социального положения обвиняемых, работавших на момент ареста в совхозах, колхозах, на промышленных предприятиях и т.п., обязательно учитывать их прошлое имущественное и социальное положение. Если когда-то обвиняемый имел кулацкое хозяйство или был раскулачен, то следовало квалифицировать его как кулака, а лиц с уголовным прошлым – «деклассированным элементом». Определять социальное положение обвиняемых должен был оперативный работник, какой-либо проверки не предполагалось<sup>1</sup>.

Этот приказ развязал руки сотрудникам органов НКВД в процессе следствия по «политическим» делам. Вот почему в государстве победившего социализма «кулаков» арестовывали и в 1940-е гг., а уж в 1937–1938 гг. их насчитывали тысячами. В лучшем случае социальное прошлое обвиняемых подтверждали справками из сельсоветов, чаще всего сфальсифицированными, а часто обходились и без них, поскольку то, что писалось «следователями» (а ими были все оперативные сотрудники, вспомогательный персонал, работники милиции, пожарной охраны, ЗАГСов, даже шоферы, как это было в Кузбассе), практически не проверялось. А об исправлении трудом и перековке преступного элемента вспоминали лишь тогда, когда было необходимо высшему руководству страны.

Проводимая государством политика по перевоспитанию преступников способствовала распространению в Сибири разных в организационном плане ИТУ, в частности общих мест заключения (новое «социалистическое» название тюрем). Со второй половины 1920 г. они стали именоваться домами лишения свободы, домами принудительных работ или просто местами заключения, с 1922 г. – исправительно-трудовыми домами. К числу ИТУ относились и трудовые сельхозколонии. К концу 1921 г. в Сибири их было создано 6<sup>2</sup>. Эта форма была признана одной из наиболее «удачных находок» в деле реализации советской карательной доктрины. Но в Сибири она не получила распространения по причине особого состава заключенных. Здесь в 1921 г. число осужденных за контрреволюционные преступления составляло 39,2% от общего числа заключенных, в то время как по РСФСР этот процент составлял 12,1. Сказывались последствия Гражданской войны. В целом состав заключенных на 1921 г. в Сибири был сходен с тем, что был характерен для Центральной России 1919 г.<sup>3</sup>

Поэтому в силу сложившейся ситуации распространение получили лагеря принудработ. В течение 1921–1922 гг. подотделом принудработ Сибревкома совместно с губЧК лагеря были созданы во всех губернских и некоторых уездных городах Сибири. В основе это были лагеря смешанного типа, в которых содержались отдельно друг от друга «срочные» (т.е. осужденные), «следственные»

<sup>1</sup> Совершенно секретный приказ ОГПУ СССР № 00215 от 19 июня 1933 г. № «Об определении социального положения лиц, привлеченных органами ОГПУ по следственным делам». См.: Жертвы политических репрессий в Алтайском крае... Т. 2. 1931–1936. С. 31–32.

<sup>2</sup> Кузьмина А.С. Становление исправительно-трудовых учреждений в Сибири... С. 42.

<sup>3</sup>

Там

же.

С.

и военнопленные. Подотдел в отчете за 1920 г. указывал, что «вся деятельность направлена на осуществление основной цели: с одной стороны, оградить население от преступного нетрудового и контрреволюционного элемента, а с другой – использовать их труд более целесообразно, неуклонно и постепенно направляя таковой в общее русло трудовой деятельности всех свободных граждан». Так понималось назначение этих лагерей.

Циркуляр НКЮ № 22 от 4 июня 1922 г. разъяснял, что к заключению в лагеря принудработ могли быть приговорены только уклонявшиеся от общественно полезного труда, виновные в саботаже, мелкой спекуляции, контрреволюционеры, не представлявшие явной опасности для республики, незлостные дезертиры, а также лица, совершившие должностные преступления некорыстного характера. Все остальные, осужденные к лишению свободы, подлежали отбытию наказания в общих местах заключения, подведомственных НКЮ<sup>1</sup>.

К 1924 г. в Западной Сибири существовали почти все виды мест лишения свободы, которые были закреплены в Исправительно-трудовом кодексе РСФСР в 1924 г.: дома заключения, исправительно-трудовые дома, трудовые колонии и изоляторы специального назначения. Исключение составляли переходные исправительно-трудовые дома. Основным видом мест лишения свободы считались исправительно-трудовые дома. Крупные дома лишения свободы были преобразованы в «комбинированные» учреждения, включавшие в себя одновременно изолятор, дома исправительно-трудового и предварительного заключения с разделением всех осужденных по корпусам и камерам. Таким образом, система исправительно-трудовых учреждений в Сибири в 1924 г. приняла следующий вид:

а) в Томской губернии – 8 мест заключения (дом заключения и исправтруддом в Томске, в Томском уезде – трудовой дом для несовершеннолетних и две сельскохозяйственные колонии (Еловская и Заварзинская), а также дома заключения в Мариинске, Щегловске и Кузнецке)<sup>2</sup>;

б) в Омской – 7 мест заключения (дома лишения свободы в Омске, Таре и Тюкалинске, дома предварительного заключения в Татарске, Калачинске и Славгороде, а также Омская трудовая сельскохозяйственная колония)<sup>3</sup>;

в) в Алтайской – 2 места заключения (дома заключения в Барнауле и Бийске)<sup>4</sup>;

г) в Новониколаевской – 7 мест заключения (2 исправтруддома в Новониколаевске, по одному – в Каинске, Камне, Каргате и Черепанове, сельхоззаимка «Белоглинка»)<sup>5</sup>;

д) в Ойротской области – Ойротский дом заключения<sup>6</sup>;

<sup>1</sup> Кузьмина А.С. Становление исправительно-трудовых учреждений в Сибири... С. 43–45.

<sup>2</sup> Отчет о работе Томской губпрокуратуры за 1-е полугодие 1924 г. См.: ГАНУ. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 25. Л. 38.

<sup>3</sup> Отчет о работе Омской губпрокуратуры за 2-е полугодие 1924 г. См.: Там же. Д. 23. Л. 103.

<sup>4</sup> Отчет прокурора Алтайской губернии Сухова за 1-е полугодие 1924 г. См.: Там же. Д. 19. Л. 24–26.

<sup>5</sup> Отчет о деятельности прокурора Новониколаевской губернии за 2-е полугодие 1924 г. См.: Там же. Д. 22. Л. 63.

<sup>6</sup> Информация Сибадмотдела о местах заключения Сибири на 1925 г. См.: Там же. Оп. 1. Д. 71. Л. 53–54.

К 1925 г. Каргатский и Черепановский исправительно-трудовые дома были упразднены, но в Алтайской губернии начал действовать Рубцовский дом предварительного заключения.

К моменту районирования на территории Западной Сибири находилось 25 мест заключения и два арестных домов при исправительно-трудовых домах Бийска и Барнаула<sup>1</sup>.

В 1925 г. вся работа по управлению местами заключения была сосредоточена в краевой инспекции мест заключения при Сибирском административном отделе. Инспекция руководила «на правах первой высшей инстанции» всеми инспекциями мест заключения края, при этом решая вопросы по управлению местами заключения Новониколаевского округа и Ойротской автономной области. Во всех губернских городах (за исключением Иркутска) инспекции мест заключения были реорганизованы в окружные инспекции мест заключения. Иркутская губинспекция изменений не претерпела и непосредственно подчинялась краевой инспекции. Поскольку в Хакасском округе мест заключения не было, его обслуживание было возложено на Красноярскую инспекцию. Окружные инспекции состояли при соответствующих окружных административных отделах, а их аппарат содержался на местные средства<sup>2</sup>.

Штат краевой инспекции был утвержден из 6 чел.: инспектора, его заместителя (он же начальник отделения работ и хозяйства), начальника административно-пенитенциарного отделения, секретаря распрекомиссии, статистика и машинистки. Однако до 1 октября 1925 г. инспекция существовала в лице одного инспектора, занимавшегося работой организационного характера.

Проведение реорганизации не могло не сказаться на состоянии дел в местах лишения свободы. Нарушение функционирования ранее сформировавшейся системы (с учетом кадрового «голода», о чем свидетельствовал вышеприведенный пример по краевой инспекции) отрицательно сказалось на состоянии дел в местах лишения свободы, так как потребовалось время для отлаживания механизма организации работы структурных подразделений и взаимодействия, планирования и отчетности и т.п.

Однако в повседневной практике надзор за местами лишения свободы продолжал оставаться второстепенной задачей для работников прокуратуры. Например, в Томске в 1927 г. прокурор посетил Томский домзак всего один раз – в ходе амнистии к 10-летию Октябрьской революции. Посещение домзака представителями краевой прокуратуры вылилось со стороны арестованных в поток жалоб на плохую пищу, незаконные аресты и грубое обращение. Но этот пример не исключение, подобная ситуация была характерна для абсолютного большинства мест заключения Западной Сибири. Так, только Томским губернским и народными судами в первой половине 1920-х гг. были осуждены: в 1922 г. – 1 363 чел., в 1923 г. – 7 425 чел., в 1924 г. –

<sup>1</sup> Информация Сибадмотдела о местах заключения Сибири на 1925 г. // ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 63. Л. 2.

<sup>2</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 71. Л. 53–54.

14 484 чел., в 1925 г. – 4 460 чел. Число лишенных свободы постоянно росло, а места их содержания оставались неизменными еще с царских времен<sup>1</sup>.

В конце 1920-х гг. с принятием Постановления ВЦИК и СНК СССР 26 марта 1928 г. «О карательной политике и состоянии мест заключения» карательная политика в стране претерпевает серьезные изменения, направленные в сторону её ужесточения. Постановление предписывало применять суровые меры репрессии исключительно в отношении классовых врагов и деклассированных преступников-профессионалов и рецидивистов (бандитов, поджигателей, конокрадов, расстратчиков, взяточников, воров); дополнять назначение суровых мер репрессии в отношении перечисленных элементов не менее строгим осуществлением приговоров, допуская смягчение принятых судом мер социальной защиты и досрочного освобождения этих категорий преступников лишь в исключительных случаях.

В области исправительно-трудовой политики НКВД предписывалось немедленно принять меры по упорядочению режима в местах заключения через ограничение льгот (зачеты рабочих дней, предоставление отпусков, переводы в ряды) классово-чуждым элементам, рецидивистам и социально опасным преступникам через устранение совместного заключения социально опасных элементов и случайных преступников, расширение компетенции начальников мест заключения по поддержанию режима в местах заключения.

Принятие данного документа, конечно же, было продуманным шагом со стороны коммунистического руководства страны. Начавшееся наступление на трудовое крестьянство в связи с кампаниями индустриализации и коллективизации, сопровождавшееся репрессиями и произволом, не могло не вызвать ответной реакции со стороны крестьянства через неповиновение, саботаж решений властей и даже вооруженный отпор. Окрепшая за прошедшее десятилетие государственная машина уже могла бороться со своим народом, демонстрируя мощь мускулов принятием и реализацией на практике подобных документов.

Другими, можно даже сказать основополагающими, документами, решительным образом повлиявшими на проведение карательной политики в стране, стали постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «Об использовании труда уголовных арестантов» и «Об использовании труда уголовно-заключенных», вышедшие в мае и июне 1929 г. Первое предлагало активное использование труда за плату уголовных арестантов, имевших приговоры не менее 3 лет, но в районах Ухты, Индиго и т.д., где должен был быть создан концлагерь. Кстати, в соответствии со вторым постановлением концлагеря были переименованы в исправительно-трудовые лагеря. Принятое 11 июля 1929 г. Постановление СНК СССР «Об использовании труда уголовно-заключенных» (с грифом «Не подлежит опубликованию») устанавливало создание двух параллельных структур мест лишения свободы – в ведении ОГПУ и в ведении республиканских НКВД.

Основу первой составляли крупные исправительно-трудовые лагеря, создаваемые в отдаленных малонаселенных районах, при расширении системы уже действовавших. Цель – «колонизация этих районов и эксплуатация их природных

---

<sup>1</sup> Яковлев Я.А., Рассмахин Ю.К. Указ. соч. Т. 1. С. 412.

богатств путем применения труда лишенных свободы»<sup>1</sup>. Вторая, создаваемая в рамках существовавших ГУМЗ, предназначалась для содержания осужденных на сроки от 1 года до 3 лет. Существовавшие места заключения предполагалось сократить до минимума с сохранением у оставшихся функций изоляторов для находящихся под следствием и пересыльных пунктов. Для осужденных на сроки до 3 лет предполагалось создание трудколоний – промышленных и сельскохозяйственных.

Но главная цель – рациональное хозяйственное использование труда заключенных путем создания значительных по объему трудовых ресурсов для реализации проектов строительства крупных промышленных объектов и развития транспортной инфраструктуры. Как было и экономически невыгодным содержание ранее действовавших мест заключения, что вытекало из решений XIV съезда ВКП(б) (1929 г.) по реализации плана индустриализации страны. Решение поставленных государством задач на основе традиционных социально-экономических условий и факторов, без кардинальных изменений в плане организационной перестройки всего народнохозяйственного комплекса (на основе соответствующего правового обоснования) было невозможным.

Изменения карательной политики позволили достичь определенных результатов в достижении поставленных целей. Если в 1929 г. занять трудом удалось только 53,6% заключенных, то в 1930 г. – уже 74%. Официальная доходная часть бюджета мест лишения свободы за это время выросла с 6 985,5 до 28 995 тыс. руб., т.е. более чем в 4 раза<sup>2</sup>.

Однако складывалось впечатление, что, принимая этот документ, власть не была в полной мере готова к его реализации, так как не было определено местонахождение будущих лагерей, не были определены направления использования труда заключенных, кроме «эксплуатации природных богатств»<sup>3</sup>.

Отдельные «исполнители» на местах восприняли этот документ буквально, в части определения лиц, подлежащих передаче в лагерь ОГПУ, но вопросы кого и куда направлять отработаны не были, так как механизм еще не вступил в силу и новые лагеря образованы не были. В связи с тем, что с принятием данного постановления СНК СССР целый ряд циркуляров Отдела мест заключений ЗСКАУ,

<sup>1</sup> См.: История сталинского ГУЛАГа... / Т. 2. С. 58-59. Вопрос колонизации получил развитие в записке от 12 апреля 1930 г. зам. председателя ОГПУ о переводе заключенных лагерей на поселение: «Вопрос о лагерях надо перевести на другие установки. Сейчас лагерь является только сборищем заключенных, труд которых мы используем, на сегодняшний день, не давая перспективы заключенным, не давая ее и себе. Необходимо в условиях заключения сделать труд более добровольным, дав заключенным возможность жить вне работы более свободно. Надо превратить лагерь в колонизационные поселки (подчеркнуто в тексте. – В.У.)... Нам надо быстрее темпом колонизировать север».

Проект предполагал перевод заключенных на поселковое поселение до отбытия срока наказания. Группам заключенных (по 1500 чел.) давать лес и предлагать строить жилье. Слабосильные могли заниматься огородничеством. К поселкам присоединять ссыльных. «...Надо найти людей, которые увлекутся этой идеей о поставят на голову всю тюремную систему, которая прогнила до корней». См.: Там же. С. 80-81. Однако выбор был сделан в пользу создания системы лагерей.

<sup>2</sup> Жигалев А.В. Административно-правовые особенности организации производственной деятельности мест лишения свободы или ограничения свободы в России 20-х – начала 30-х гг. XX в. // Вестник Владимирского юридического института: науч.-образ. журнал. 2010. № 4(17). С. 184–185.

<sup>3</sup> Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 25–27.

основанных на нем, утратил силу, начальником отдела Корзиловым 19 сентября 1930 г. с грифом «Не подлежит оглашению. Весьма срочно» за № 110-8 на места был направлен циркуляр, дающий пояснения по вопросам направления одних категорий заключенных в лагерь ОГПУ и действиям в отношении других категорий заключенных. Данный документ содержал 16 позиций и затрагивал практически все категории осужденных, вопросы отношений со следственными и ссылными<sup>1</sup>. Вопросы направления заключенных в лагерь ОГПУ постоянно находились в поле зрения «силовиков», так как эта задача уже была доведена до организаторов и исполнителей, хотя механизм еще пробуксовывал. Так, в июне 1931 г. Полпредом ОГПУ по ЗСК, крайпрокурором, председателем крайсуда и начальником мест заключения по ЗСК был подписан совместный документ о создании постоянных (подчеркнуто в тексте. – В.У.) отборочных комиссий, которые должны «собираться для отбора заключенных, подлежащих направлению в лагерь не реже 2-х раз в месяц, причем комиссия ни в коем случае не должна ограничиваться только тем, что отобрала к отправке. Она должна проследить за точным и своевременным исполнением своей работы». В комиссию входили представители ОГПУ, прокурора и начальника мест заключения с привлекаемым для этой работы медперсоналом. Все отбираемые комиссией заключенные направлялись внеочередным этапом в Мариинский распределитель Сиблага ОГПУ. Персональная ответственность возлагалась на начальника оперсектора или горотдела ПП ОГПУ по ЗСК, прокурора и начальника мест заключения. «Работу по отбору заключенных, подлежащих отправке в лагерь... считать ударной, весьма ответственной и серьезной». Документ подчеркивал постоянный характер работы комиссии и предполагал привлекать к ответственности лиц, задерживавших отправку заключенных из домзаков в лагерь<sup>2</sup>.

Тема колонизации необжитых земель была далеко не нова. Еще в августе 1923 г. Ф. Дзержинский в записке И. Уншлихту (зам. председателя ВЧК с 1921 г. по осень 1923 г.) по вопросу применения смертной казни писал: «Необходимо будет далее заняться действительно организацией принудительного труда (каторжных работ) – лагеря с **колонизацией незаселенных мест** (здесь и далее выделено мною. – В.У.) и с железной дисциплиной. **Мест и пространства у нас достаточно**. Прошу Вас этот вопрос срочно поставить на обсуждение коллегии ГПУ для внесения его (желательно было бы от имени ГПУ при единомыслии) в ЦК»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> ГАТО. Ф. Р-1040. Оп. 1. Д. 4. Л. 27.

<sup>2</sup> Совершенно секретное с пометой «Лично» инструктивное письмо о создании постоянных отборочных комиссий по направлению заключенных в лагерь ОГПУ направлялось только начальникам оперсекторов и горотделений ПП ОГПУ ЗСК. См.: ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 16. Л. 13–14.

<sup>3</sup> Исторический архив. 1958. № 1. С. 21. В четвертом номере журнала «Советские архивы» за 1991 г. опубликована секретная докладная записка заместителя председателя ВСНХ СССР Г.Л. Пятакова председателю ВСНХ Ф.Э. Дзержинскому с предложением создания в некоторых местах принудительных поселений для «создания мало-мальских элементарных культурных условий работы. Вероятно, с точки зрения разгрузки мест заключения, эти вопросы точно так же имеют некоторый интерес. Я просил бы поручить ГПУ заняться этими вопросами...». К этим местам были отнесены: район устья Енисея (Курейское месторождение графита, Норильское месторождение полиметаллических руд, запасы угля), о. Сахалин, Киргизская степь (территория современных Алтайского края и Казахстана) с рудными месторождениями, запаса-



В октябре 1929 г. постановлением ВЦИК и СНК были упразднены распределительные комиссии, а 6 ноября 1929 г. было принято очередное Постановление ВЦИК и СНК СССР «Об изменении статей 13, 18, 22 и 38 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», приведшее к существенному ужесточению карательной политики государства. Так, в дополнении к ст. 13 Уголовного кодекса был указан расширенный список мер социальной защиты от «социально опасных элементов»: «Мерами социальной защиты судебно-исправительного характера являются: а) объявление врагом трудящихся с лишением гражданства СССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда; б) лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях в отдаленных местностях Союза ССР; в) лишение свободы в общих местах заключения; г) принудительные работы без лишения свободы; д) поражение в правах; е) удаление из пределов Союза ССР на срок; ж) удаление из пределов союзной республики или из пределов определенной местности с поселением в тех или иных местностях или без такового; з) увольнение от должности; и) запрещение занятий той или иной должности или занятия той или иной деятельностью или промыслом; к) общественное порицание; л) конфискация имущества; м) штраф; н) предостережение.

Перечень достаточно обширен. Вне всяких сомнений, и этот документ – заготовка для борьбы с собственным народом, тем же крестьянством. Пункты «ж» и «л» определено для него и были прописаны. Государство развязывало себе руки в этой борьбе, что последующие события и подтвердили.

Лишение свободы стало двух видов. В соответствии со ст. 18 предусматривалось лишение свободы в общих местах заключения до 3 лет и в ИТЛ в отдаленных местностях СССР – на срок от 3 до 10 лет. Тюремное заключение, как мера наказания, будучи исключенной Исправительно-трудовым кодексом 1924 г., было восстановлено в 1936 г. Следует заметить, что функционирование ИТЛ как самостоятельного вида учреждения для исполнения наказания в виде лишения свободы началось ранее принятия какого-либо нормативно-правового документа, регламентировавшего его деятельность. Такой документ – «Положение об исправительно-трудовых лагерях» – был принят постановлением СНК СССР только 7 апреля 1930 г., когда система ИТЛ уже «вовсю жила и развивалась».

Согласно вышеназванному постановлению СНК «Об использовании труда уголовно-заключенных» ОГПУ было предложено организовать новые ИТЛ в отдаленных районах СССР для колонизации и эксплуатации их природных богатств путем применения труда заключенных. 5 августа 1929 г. в целях «освоения природных богатств Севера европейской части страны» было создано Управление северных лагерей особого назначения (УСЛОН) ОГПУ.

По подобию лагерей УСЛОНа стали создаваться лагеря и в других районах страны – до конца 1929 г. были организованы Дальневосточный ИТЛ, а также

---

ми угля и возможностью развития сельского хозяйства, а также Нерчинский округ с серебро-свинцовыми рудниками. Ф. Дзержинским идея была поддержана, были даны поручения сотрудникам ОГПУ сделать соответствующие заключения для доклада В. Менжинскому (заместителю председателя ОГПУ. – В.У.) (см.: Советские архивы. 1991. № 4. С. 71–75). Возможно, что этот документ просто дождался своей очереди и мог быть использован при разработке названного выше постановления СНК СССР.

Сибирский ИТЛ (Сиблаг). В начале 1930 г. были образованы Казакстанский и Среднеазиатский ИТЛ. Объединенное руководство ими было передано созданному 25 апреля 1930 г. Управлению лагерей (УЛАГ) ОГПУ, вскоре ставшему главком – ГУЛАГ ОГПУ СССР и одновременно олицетворением тюремно-лагерной системы СССР.

Идея существования ИТЛ в системе ГУЛАГа была сформирована главой ОГПУ Г. Ягодой и председателем ВСНХ страны В. Куйбышевым, которые 15 мая 1930 г. подписали циркуляр за № 139 «Об использовании специалистов, осужденных за вредительство», в котором указывали, что «использование вредителей следует организовать таким образом, чтобы работа их проходила в помещении органов ОГПУ и была направлена на решение хозяйственных, научных, исследовательских задач СССР»<sup>1</sup>.

К 1932 г. в стране сформировалась сеть лагерей принудительного труда, официально преобразованных и переименованных в ИТЛ, абсолютное большинство которых имели четкую отраслевую направленность и специализацию. ГУЛАГ объединял 15 лагерных комплексов, официально именуемых Управлениями ИТЛ. Эти комплексы состояли из лагерных отделений, число которых в разные периоды времени могло изменяться, единой организованной структуры не было. Лагерные отделения, в свою очередь, имели свои «филиалы» – лагерные пункты и командировки, организуемые в местах нахождения отдаленных рабочих участков.

Система ИТЛ была строго централизованной. Структура и штат каждого вновь создаваемого лагеря утверждались центральным аппаратом ОГПУ. Права начальников лагерей были расширены настолько, что для заключенных они становились «царями и богами», могущими карать и миловать, превращать в «лагерную пыль».

Количество заключенных в лагерях ОГПУ на 1 июля 1929 г. составляло 22 848 чел., но уже на 1 января 1930 г. – 95 064, а к 1 июня выросло еще примерно на 60 тыс. чел. За один год действия лагерей численность заключенных стала сопоставимой с численностью заключенных, содержавшихся в системе лагерей НКВД, составлявшей на начало 1930 г. 250–300 тыс. чел.<sup>2</sup> В России число заключенных в рассматриваемый период, по данным А. Зубкова, характеризовалось данными, представленными в табл. 16.

Таблица 16

**Количество лиц, находившихся под стражей и отбывавших наказание  
в исправительных учреждениях**

Год	Количество заключенных, тыс. чел.	Количество заключенных на 100 тыс. чел. населения
1917	152,0	103
1922	70,0	67
1930	179,0	106
1937	820,8	469
1939	1 669,6	859
1941	2 204,4	1 119

Источник: Зубков А.И. Карательная политика России на рубеже тысячелетий. М., 2000. С. 18.

<sup>1</sup> Ильинский М.М. Указ. соч. С. 480.

<sup>2</sup> Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 27.

Данные таблицы свидетельствуют, что уже в 1930 г. были превышены показатели дореволюционного периода, а в последующие годы число заключенных постоянно увеличивалось, достигнув высшего предела за все 20-е столетие в 1941 г.

Однако следует заметить, что у разных исследователей (В. Земскова, М. Деткова, Н. Верта, А. Дугина и др.) эти данные разнятся. Практически все они ведут речь о заключенных, содержащихся в ИТЛ ГУЛАГа, хотя М. Детков такой оговорки не делает (табл. 17). Но Н. Верт в своих расчетах указал данные по заключенным, содержащимся в ИТЛ, ИТК и тюрьмах (с 1938 г.), суммирование которых дает заметно большие цифры. Например, численность заключенных в 1938–1941 гг. у него равна соответственно 1 786 800, 1 978 250, 1 846 270 и 2 400 422 чел. У А. Дугина данные по названным выше категориям заключенных появляются начиная с 1935 г., но при этом они не совпадают с данными Н. Верта.

Анализ таблицы показывает совпадение данных у всех за исключением Б. Нахапетова (у А. Зубкова совпадение по 1930 и 1937 гг.), сведения которым были получены в результате обработки статотчетов санитарного отдела ГУЛАГа. Имеется только одно несовпадение (по данным 1930 г.) у Н. Верта, несовпадение по 1932 г. у А. Дугина, видимо, просто техническая ошибка. В исследовании Н. Верта по 1930 г. также называл цифру в 179 тыс. заключенных, но только получалась она в результате суммирования данных по ИТЛ и ИТК.

Таблица 17

Численность заключенных в местах лишения свободы (1930–1941 гг.)

Год	Количество заключенных, чел., по:			
	М. Деткову	А. Дугину	Н. Верту	Б. Нахапетову
1930	179 000	179 000	<b>95 000</b>	–
1931	212 000	212 000	212 000	–
1932	268 700	<b>268 000</b>	268 700	275 861
1933	334 300	334 300	334 300	440 008
1934	510 307	510 307	510 307	586 477
1935	725 483	725 483	725 483	750 690
1936	839 406	839 406	839 406	765 683
1937	820 881	820 881	820 881	760 273
1938	996 367	996 367	996 367	–
1939	1 317 195	1 317 195	1 317 195	–
1940	1 334 408	1 344 408	1 334 408	–
1941	1 500 524	1 500 542	1 500 524	–

Источники: Детков М.Г. Содержание карательной политики Советского государства и её реализация при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы в тридцатые–пятидесятые годы. Домодедово, 1992. С. 66; Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010. С. 189; Дугин А.Н. Говорят архивы: неизвестные страницы ГУЛАГа // Социально-политические науки. 1990. № 7. С. 91; Нахапетов Б.А. Очерки истории санитарной службы ГУЛАГа. М., 2009. С. 34.

Все авторы, приводя свои расчеты, подчеркивали, что использовали для их получения материалы ГАРФа. Полагаю, что совпадение данных у Деткова, Дугина и Верта может свидетельствовать об использовании одних источников, но только Детков уточнил, что приведенные им показатели даны на 1 января каждого года.

Однако, проводя политику ужесточения наказания, партийно-советское руководство вынуждено было и в этом вопросе предпринимать шаги по искусственному сдерживанию репрессивной машины. Причин этому, на мой взгляд, было несколько. Во-первых, увеличение числа заключенных сопровождалось постоянным возрастанием затрат на их содержание, так как состояние пенитенциарной системы представляло печальную картину, о чем уже было сказано выше. Во-вторых, создавая индустриальную базу страны, приходилось использовать «рабочие руки» в абсолютном большинстве малограмотных и неподготовленных работников, что сказывалось и на результатах производственных процессов. В числе сотен тысяч заключенных оказалось значительное число тех, кто уже получил некоторый опыт работы «у станка», но попал в число расхитителей социалистической собственности, «вредителей» или их пособников и т.д. На их место на производство приходилось принимать новых работников, опять-таки преимущественно выходцев из крестьянской среды, и вновь затрачивать значительные ресурсы и время на обучение и подготовку, что не способствовало ни росту производительности труда, ни повышению качества выпускаемой продукции. В-третьих, с развертыванием маховика репрессий и ростом числа осужденных росло и количество жалоб и заявлений о неправомерности осуждения и просьбами о пересмотре дел и возможном освобождении. Закрывать глаза на это было нельзя, требовалось реагировать каким-либо образом. В-четвертых, с ростом числа заключенных и сосланных постоянно росло число беглецов с мест отбывания наказания. Их поиски также требовали значительных затрат. С другой стороны, беглецы несли в народ правду об ужасающем положении сотен тысяч таких же, как они, простых тружеников, граждан, которым были обещаны блага и «светлое будущее». Этот фактор также серьезно влиял на успешность и результативность проводимых в стране реформ<sup>1</sup>.

Показывая заботу о соотечественниках, большевистское руководство страны в очередной раз предприняло шаги, связанные с судьбами сотен тысяч осужденных, пойдя на послабление режима и досрочное освобождение через разгрузку

---

<sup>1</sup> С другой стороны, к концу 1930-х гг. ГУЛАГ превратился в крупнейшую хозяйственную структуру СССР и лагерная экономика охватывала целый ряд отраслей народного хозяйства. С приходом к руководству НКВД Л. Берии был начат пересмотр уголовных дел на осужденных в период «Большого террора» и освобождение части заключенных, что привело к сокращению лагерного населения. Только за 1939 г. численность заключенных лагерей, колоний и тюрем сократилась с 2 024 946 до 1 846 270 чел. В этой ситуации, с учетом экономических причин, руководство НКВД предприняло шаги по недопущению снижения численности заключенных. Из 352 508 заключенных, содержащихся в тюрьмах, в лагерь были переведены 166 230 чел., что позволило стабилизировать число заключенных в лагерях. Если на 1 января 1939 г. в ИТЛ содержались 1 672 438 заключенных, то на 1 января 1940 г. их было 1 659 992. См. : История сталинского ГУЛАГа... Т. 2. С. 34.

С целью удержания лагерного контингента, по предложению Л. Берии, Политбюро ЦК ВКП(б) 10 июня 1939 г. приняло решение (ПЗ/164) «прекратить рассмотрение дел по условно-досрочному освобождению из лагерей, ...прекратить практику зачетов рабочего дня за два дня отбывания наказания». В качестве стимулирования повышения производительности труда заключенных предлагалось «установить улучшенное снабжение и питание хороших производственников, ...денежное премирование этой категории заключенных и облегченный лагерный режим с общим улучшением их бытового положения». Условно-досрочное освобождение допускалось в исключительных случаях по решению Коллегии НКВД или Особого совещания НКВД «по особому ходатайству начальника лагеря и начальника Политотдела лагеря», в чем последние вряд ли были заинтересованы. См. : Там же. 158.

мест заключения. В Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 8 мая 1933 г. этому вопросу был посвящен специальный раздел. Так, было четко определено максимальное число лиц, могущих содержаться под стражей в местах заключения НКЮ, ОГПУ и милиции, кроме лагерей и колоний, в 400 тыс. чел. Чтобы добиться необходимой цифры, требовалось в двухмесячный срок общее число лишенных свободы сократить вдвое. Прокурору СССР и ОГПУ надлежало в двухдекадный срок определить предельное количество заключенных по отдельным республикам, краям и областям, исходя из вышеназванной цифры. Максимальное количество заключенных должно было быть определено для каждого места лишения свободы, принимать заключённых сверх установленного предела запрещалось. Предполагалось организовать пересмотр личного состава следственных и заключенных, кроме особо опасных, в целях изыскать возможность замены лишения свободы иным видом наказания. Часть мероприятий напрямую касалась осужденных – замена осуждения по суду на 3 года принудработами до 1 года, остальной срок следовало считать условным, осужденные на сроки от 3 до 5 лет направлялись в трудпоселки ОГПУ, свыше 5 лет – в лагеря ОГПУ. Осужденных на сроки от 3 до 5 лет кулаков надлежало направить в трудпоселки вместе с находящимися на их иждивении лицами.

Для разгрузки мест заключения в субъектах назначались специальные комиссии (а там, где количество заключенных превышало 30 тыс. чел., – дополнительные выездные подкомиссии) в составе прокурора, председателя суда, полпреда ОГПУ и начальника милиции под председательством прокурора и т.д.<sup>1</sup>

Принятый документ, по сути, носил декларативный характер. Механизм завертелся, но уже в следующем, 1934 г., количество заключенных вновь увеличилось.

Основным критерием классификации заключенных являлась направленность совершенного ими преступления. Лица, совершившие «контрреволюционные» преступления, выделялись в отдельную группу, что особым образом определяло их положение в местах лишения свободы. Чаще всего их называли «политиками» или «казрами» (от сокращения слова контрреволюционеры), отношение к ним со стороны администрации мест лишения и отбывавшего в них наказание уголовного контингента (социально близкие режиму) было как к заклятым врагам, с которыми можно было не церемониться. 58-я статья УК была клеймом, которое нельзя было уничтожить. Абсолютное большинство «политиков» таковыми в действительности не являлись, это были преимущественно люди, часто совсем случайные, которых Сталин и его ближайшее окружение «определили» во враги в процессе реализации своих политических целей. Определенную часть «политиков» представляли идейные противники режима, но их было не так много. В. Земсков привел некоторые статистические показатели, характеризующие количество осужденных за контрреволюционные преступления. Так, в 1934 г. в общей массе заключенных они составляли 26,5%, в 1935 г. – 16,3%, в 1936 г. – 12,6%, в 1937 г. – 12,8%, в 1938 г. – 18,6%, в 1939 г. – 34,5%, в 1940 г. – 33,1%, в 1941 г. – 28,7%<sup>2</sup>. Кого же тогда репрессировали в годы «Большого террора»?

<sup>1</sup> ГАТО. Ф. Р-597. Оп. 4. Д. 73. Л. 108.

<sup>2</sup> Земсков В. «Архипелаг ГУЛАГ»: глазами писателя и статистика // Аргументы и факты. 1989. № 45.

Анализируя эти цифры, можно сделать вывод, что число политических заключенных в стране постоянно менялось, и если в середине 1930-х гг. «политиком» был каждый 7–8-й заключенный, то начиная с 1939 г. – каждый третий. Эти показатели служат документальным подтверждением ужесточения политики государства, о чем речь пойдет ниже. Спорными выглядят цифры по 1937 и 1938 гг. – годам «Большого террора», когда преобладающее направление деятельности практически всей правоохранительной системы – это борьба с «врагами народа» – врагами, противниками, оппонентами режима, когда число арестованных в каждом субъекте исчислялось тысячами арестованных ежемесячно, когда следствие велось круглосуточно с привлечением сотрудников милиции, пожарных, работников ЗАГСов, работников технического персонала и даже шоферов. Однако данные по заключенным совпадают с показателями 1935–1936 гг.

7 апреля 1930 г. постановлением СНК СССР было утверждено «Положение об исправительно-трудовых лагерях», весьма объемный документ из 54 статей. Положение определяло место, роль и значение исправительно-трудовых лагерей в системе карательных органов. Данный документ также определял меры дисциплинарного воздействия на заключенных и некоторые другие составляющие изоляции преступных элементов в лагерях.

Особенность этого документа заключалась в том, что им положено начало формированию широкомасштабной лагерной системы, «жителями» которой стали миллионы человек, абсолютное большинство из которых подверглись репрессиям незаконно, преимущественно по политическим мотивам. Кроме того, можно сделать практически однозначный вывод, что появление «Положения» случайностью не было. В Советском государстве поменялись векторы по проведению внутренней политики. Населению страны раз и навсегда показывали место и роль на многие десятилетия вперед. И эта роль была незавидной – роль марионетки.

Наряду с лагерями ОГПУ функционировала и система НКВД с «общими местами заключения» – лагерями, ИТК, пересыльными пунктами и др. На 1 мая 1930 г. система ИТК включала 57 колоний – 12 сельскохозяйственного, 19 лесозаготовительного и 26 промышленного профиля, в которых работали около 60 тыс. осужденных<sup>1</sup>. В Сибири в мае 1930 г. под контролем административного управления Сибкрайисполкома находились 17 домов заключения, 10 трудовых колоний и 1 исправтруддом для несовершеннолетних преступников, в которых отбывал наказание 25 121 заключенный. В лагерных подразделениях СибУЛОНа в это время содержались более 24 тыс. чел.<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. С. 14. М. Ильинский в книге «Нарком Ягода» приводит иные данные – в ИТУ НКВД на 1 мая 1930 г. содержались 171 251 чел. Всего было 176 территориальных домов заключения, 24 лесозаготовительные колонии, 14 фабрично-заводских, 24 сельскохозяйственных и 18 других колоний (С. 483). Но в обоих случаях нет указания на источники информации. Исходя из данных о численности заключенных, данные М. Ильинского, на мой взгляд, более верны (см.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 33).

К началу войны сеть ГУЛАГа включала в себя 53 ИТЛ, 170 промышленных, 83 сельскохозяйственных, 172 контрагентских, 50 подростковых ИТК и 392 общих тюрьмы (без учета тюрем НКГБ СССР). См.: Реент Ю.А. История уголовно-исполнительной системы России. Рязань, 2007. С. 176.

<sup>2</sup>

Марченко

С.Г.

Указ.

соч.

С.

76–77.

К октябрю 1930 г. система ИТУ в Западной Сибири приняла следующий вид:

– 8 ИТК (Ачинская, Барнаульская, Омская, Минусинская, Новосибирская, Томская, Бийская, Барабинская) с числом штатных мест на 7 850 заключенных. Самыми большими были – Барнаульская, Омская и Томская, рассчитанные на 1 500 мест каждая. Первые три были сельскохозяйственные, но у Омской было еще и механическое производство, остальные – фабрично-заводского типа.

– 8 домов заключения (Ачинский, Барабинский, Бийский, Барнаульский, Минусинский, Новосибирский, Омский, Томский) на 2 750 штатных мест. Самыми крупными из них были – Томский (600 мест), Новосибирский и Омский (по 500 мест). Все дома заключения с 1 октября 1930 г. переводились на самообеспечение и должны были содержаться за счет средств производств трудколоний.

– Томская трудколлония для несовершеннолетних правонарушителей на 350 чел.

– 4 производственных предприятия в городах Камне, Рубцовске, Славгороде, Щегловске (на 1 650 чел.), занятых производством кирпича, извести, алебастра и лесозаготовками. На эти производства, помимо срочно-заключенных, поступавших из соответствующих арестных помещений и домов заключения, направлялись и приговоренные к принудительным работам из районов.

– Искитимский известковый завод на 450 заключенных.

Всего по Запсибкраю значилось 14 (так в тексте, видимо опечатка, так как число штатных мест равнялось всем вышеназванным объектам, либо ИТК и дома заключения учитывались как единые ИТУ) «исправительно-трудовых единиц с общим числом штатных мест 13 050 чел., из них: исправительно-трудовые колонии и производства – 10 300, дома заключения – 2 750»<sup>1</sup>. На 1 января 1931 г. в них содержались 14 122 чел.<sup>2</sup>

На территории Кемеровской области (в рамках современных границ) ИТУ стали создаваться уже в 1920-е гг. – в Тайге, Мариинске, Яе. В 1932 г. действовала 21 районная комендатура Сиблага. К середине 1930-х гг. в Кузбассе было более 10 ИТУ. В это же время на территории Кузбасса действовали 3 тюрьмы – в Мариинске, Кузнецке и Кемерове<sup>3</sup>, 11 отделений Сиблага – Антибесское, Арлюкское, Кемеровское, Кузнецкое, Мариинское, Ново-Ивановское, Орлово-Розовское, Осинниковское, Сусловское и Яйское, а также 9 отдельных лагпунк-

<sup>1</sup> Выписка из приказа № 45 начальника Отдела мест заключения и принудительных работ ЗСКАУ от 19 сентября 1930 г. См.: ГАТО. Ф. Р-1040. Оп. 1. Д. 4. Л. 28.

<sup>2</sup> Солодкая Т.И. Указ. соч. С. 183.

<sup>3</sup> К началу 1939 г. в стране имелись 622 тюрьмы, из них 392 общих, 47 тюрем ГУГБ и 192 внутренних тюрьмы НКВД–УНКВД. К 1 января 1941 г. в них содержалось 470 693 заключенных, в том числе 282 338 осужденных к отбыванию наказания в ИТЛ. На территории Западной Сибири была всего одна тюрьма ГУГБ – Мариинская, в которой на 1 марта 1939 г. содержалось 400 заключенных при лимите 539 человеко-мест. Тюрьма была построена накануне революции (в 1916 г.). В 1920 г. здание тюремного замка было передано органам здравоохранения под «дворец освобожденного труда». Но резко возросший уровень преступности заставил городские власти вернуть зданию его первоначальные функции. Для заключенных, содержащихся в тюрьмах ГУГБ, был установлен особый режим исполнения наказания. Правовой основой деятельности тюремной системы явилось «Положение о тюрьмах», объявленное приказом НКВД СССР № 11859 от 29 июля 1939 г. Организация охраны тюрем регламентировалась Инструкцией об охране тюрем, утвержденной приказом НКВД СССР № 0411 – 1939 г. См.: Баунов В.В., Детков Г.М. Тюрьмы НКВД–МВД СССР в карательной системе советского государства. М., 2000. С. 14–17; Белоусова О.А. Указ. соч. С. 16.

тов – Антибесский, Баимский, Кемеровский, Мариинский, Суловский, Тайгинский, Кожуховский, Юргинский и Яйский<sup>1</sup>.

Но одной из определяющих проблем этого периода вновь стала проблема нехватки кадров. Она была не нова, так как еще в отчете ГУМЗ НКВД РСФСР за 1923 г. отмечалось, что, несмотря на царившую в стране безработицу, охотников занять вакантные места «по тюремной службе» не всегда можно было найти. Трудность комплектования кадрами объяснялась прежде всего недостаточным уровнем их материального положения.

25 апреля 1930 г. ОГПУ был издан приказ № 131 «О записи добровольцев из чекистских кадров на руководящую работу вновь организуемых лагерей». В преамбуле приказа отмечалось, что постановлением Совнаркома от 11 июля 1929 г. на ОГПУ возложена задача освоения наименее доступных окраин страны путем использования труда изолируемых социально опасных элементов. «Одним из важнейших условий успешного выполнения этой правительственной задачи по организации новых лагерей в Сибири, на Севере, на Дальнем Востоке, в Средней Азии является комплектование руководящего состава лагерей из чекистских кадров. Чекисты не раз показывали себя энтузиастами всякого нового дела. Энтузиазм и энергия чекистов создали и укрепили Соловецкие лагеря, играющие большую положительную роль в деле промышленного и культурного развития далекого Севера европейской части нашего Союза. Новые лагеря под руководством чекистов так же... должны сыграть преобразовательную роль в хозяйстве и культуре далеких окраин».

Для добровольцев устанавливался трехлетний срок службы в лагерях, после чего они получали право перевода на оперативную работу в любую местность страны по их выбору. За особые и трудные условия работы устанавливались многочисленные льготы: до 50% надбавка к окладу, ежегодный двухмесячный отпуск с выдачей пособия в размере месячного оклада, по истечении трех лет службы – дополнительный отпуск на 3 месяца и вознаграждение в размере 3 месячных окладов, бесплатные «книжные пайки», максимальные льготы по приобретению «предметов культурной необходимости» и т.п. при сохранении иных льгот и привилегий сотрудников ОГПУ. Часть льгот распространялась и на членов семей этих добровольцев<sup>2</sup>.

Несмотря на это, желавших перейти на работу в систему лагерей было мало. Первые крупные лагеря ОГПУ были почти на «самообслуживании». Укомплектование лагерей кадрами, по практике предыдущих лет, происходила преимущественно за счет сотрудников, допустивших какие-либо нарушения по службе или даже осужденных. Одной из основных причин нежелания чекистов идти работать в лагерь служило то, что направление туда на работу рассматривалось как нака-

<sup>1</sup> Белоусова О.А. Указ. соч. С. 15–17.

<sup>2</sup> Лубянка. ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1960: Справочник. М., 1997. С. 182–183; История сталинского ГУЛАГа... Т. 2. С. 81–82. Однако 14 ноября 1930 г., в развитие приказа № 131, был издан приказ ОГПУ № 387/181, в котором были прописаны размеры ежемесячной надбавки к получаемому содержанию. Пункт 3 приказа гласил, что «с лиц, которые ...оставят службу в лагерях по собственному желанию до истечения 3-х лет, удерживать выплаченную им за все время надбавку к содержанию». См. : История сталинского ГУЛАГа... Т. 2. С. 88. Серьезный «стимул» для службы в лагерях.



зание за какие-либо проступки (чаще всего аморального характера) или «ссылка» за неумение работать. Сказывалось и нежелание контактировать с контингентами заключенных «в тьму-таракани» – лучше работать в «цивильных условиях» и в «белых перчатках». Попасты в это окружение не хотел никто, поэтому такими льготами и заманивали. При этом не надо забывать, что обычно предлагали переход на **руководящую работу**.

Решить (более или менее) кадровую проблему удалось только в 1930-е гг., когда ГУЛАГ превратился в огромный хозяйственный комплекс с десятками управлений, трестов, главков и т.п. – «государство в государстве».

Одновременно с усилением позиций начальников лагерей на местах Положением о лагерях предусматривалась организация прокурорского надзора за лагерями. Прокуроры имели возможность посещения лагеря в любое время суток, встречаться и опрашивать заключенных по всем интересующим их вопросам, в частности, связанным с их бытом, работой и т.п., принимать от заключенных заявления и жалобы. Кроме того, прокуроры имели возможность выдавать предписания администрации лагерей по устранению выявленных нарушений. По результатам проведения проверок прокурорские работники составляли мотивированные заключения, которые передавались по инстанциям, а в отдельных случаях – в партийные и советские органы.

Так, прокурор Томского округа В.М. Шаповалов 5–7 июня 1930 г. осуществил проверку условий труда и быта заключенных Томского отделения Сибирских лагерей особого назначения. По характеру изложенной в заключении информации чувствуется, что писалось оно, опираясь на структуру принятого Положения, так как отдельные фразы совпадали почти слово в слово. Например, что «исправительно-трудовые лагеря соответствуют поставленной задаче охраны общества от особо социально опасных правонарушителей. Изоляция этих нарушителей проводится в полном соответствии с требованиями, предъявленными лагерям, т.е. соединения с общественно полезным трудом и приспособления этих заключенных правонарушителей к условиям трудового общежития».

Заключение большое и развернутое. Кроме общей характеристики лагерей, прокурор описал работу аттестационной комиссии, обязанной учитывать индивидуальные способности и склонности заключенного к труду, организацию политико-воспитательной и врачебно-санитарной работы, контингенты заключенных и необходимость их фильтрации (по мере и срокам наказания) при направлении в ИТЛ. Подробно характеризовались организация труда, питания, применяемые меры дисциплинарного воздействия и т.д. В документе указано значительное число различного рода нарушений и замечаний, требовавших своего разрешения, но, к сожалению, не ясно кому и в связи с чем этот документ готовился. Имелась лишь фраза, что в связи с недостатком на строительстве (для организации земляных работ) лошадей «об этом будет доведено до сведения окр[ужного] Исп[олнительного] к[омите]та»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Из истории земли томской. 1930–1933... С. 307–310.

В более позднем документе от 7 июля 1930 г. – в отношении на имя крайпрокурора об учреждении двух специальных дополнительных прокурорских участков в Мариинске и Нарымском крае для организации прокурорского надзора за Сиб-УЛОНОм, так как на территории округа находилось 18 мест сосредоточения заключенных, не считая занятых на рыбной ловле в Александрово-Ваховском районе Нарымского края, вышеназванное заключение прилагалось с замечанием, что ранее, 18 июня, копия была передана в Новосибирск тов. Садовскому<sup>1</sup>.

Каких-либо материалов, свидетельствующих о принятии мер по устранению замечаний, выявить не представилось возможным, хотя, если судить по практике тех лет, какая-то информация в вышестоящие или местные партийно-советские органы должна была быть подготовлена.

Еще одной особенностью Томасинлага являлась фигура его первого начальника. На эту должность рядового лагеря был назначен Карл Мартинович Карлсон, носивший к тому времени звание комиссара госбезопасности 2-го ранга (по армейским меркам – генерал-лейтенант). Это, наверное, единственный подобный пример. В лагерь Карлсон прибыл с должности заместителя наркома внутренних дел Украины, с которой был снят в разгар первой волны репрессий 1937 г. Об уровне его понижения можно судить хотя бы по тому факту, что сменивший его в 1938 г. в должности начальника лагеря Ф.И. Автономов носил звание старшего лейтенанта госбезопасности, т.е. на пять ступеней ниже. Такое резкое понижение в должности объяснялось одним – К.М. Карлсон оказался не на «высоте положения» в борьбе с «врагами народа» на Украине. Пробыв в должности начальника Томасинлага менее 5 месяцев, он 11 января 1938 г. был уволен из органов НКВД, 22 января арестован и через три месяца следствия в Москве осужден и расстрелян. Позднее был полностью реабилитирован<sup>2</sup>.

Другим подтверждением честности, порядочности и добросовестности Карлсона может служить невольное свидетельство вышеупомянутого сотрудника лагеря Стукачёва в ходе его допроса по делу бывшего начальника 3-го отдела лагеря Флейшмана: «...Примерно в первых числах июня 1938 года на должность Нач[альника] 3 Отдела Томасинлага НКВД прибыл ст. лейтенант госбезопасности Флейшман. Основной состав оперработников 3 отдела (нач[альников] отделения) он проинформировал, что при его отъезде из Москвы его там проинформировали, что **аппарат 3 отдела Томасинлага вдарился в одну крайность, т.е. занялся очисткой лагеря и борьбой с бандитствующим и уголовным элементом** (выделено мною. – В.У.), совершенно забросив серьезнейшую работу по борьбе с троцкистами, правыми, шпионами, вредителями и диверсантами, и по-

<sup>1</sup> Из истории земли томской. 1930–1933... С. 313.

<sup>2</sup> Карлсон К.М. (настоящая фамилия – Огриетис Эдуард Иванович) (1888–1938). С 1905 г. участник латышского революционного движения. В ВЧК с 1918 г.: зав. разведкой и помощник начальника СОЧ ВЧК, уполномоченный ВЧК по Нижнему Новгороду, председатель Казанской губЧК. С июля 1919 г. в Секретно-оперативном отделе ВЧК, зав. политбюро и член коллегии Московской ЧК. В 1920 г. назначен начальником ОО Центральной УкрЧК, затем зампредом ЦУЧК, председателем Донецкой губЧК. С мая 1924 г. – зампред ГПУ Украины и начальник СОЧ (управления). В 1934–1936 гг. – начальник Харьковско-го губотдела ГПУ (УНКВД). С 1936 по 1937 г. – зам. наркома внутренних дел УССР. Снят с должности в 1937 г. См.: *Голоскоков И.* Генералы ЧеКанной карьеры // *Томские вести.* 2005. 27 апр. – 4 мая.

требовал подготовить материал для репрессий этой категории лиц. Через месяц [я]... от Флейшмана узнал, что им репрессировано около 50 человек и что в следствии он добился значительных успехов...»<sup>1</sup>. Выделенная мною «крайность» в действительности имела важное значение. Сегодня о прямых контактах администрации мест заключения с уголовными преступниками знают все, кто интересуется темой репрессий, но многие годы это тщательно скрывалось. В марте 1931 г. вышел приказ ОГПУ № 108/65, предписывавший органам ОГПУ проводить мероприятия по чистке личного состава милиции и уголовного розыска, вести борьбу с засоренностью их аппарата, предупреждать проникновение в агентурный аппарат милиции и угрозыска преступных элементов. Приказ рекомендовал привлекать классово близких пролетариату и крестьянству людей для выявления чуждых элементов, проникавших в названные структуры. Практиками это положение однозначно трактовалось как возможность использования уголовников.

Пример использования таких «социально близких» привел в своих воспоминаниях бывший уполномоченный ПП ОГПУ по Запсибкраю, а затем старший комендант Чаинской комендатуры Нарымского переселенческого округа И.Т. Бочарников. Рассказывая о сопровождении колонны спецпереселенцев в 1929 г., он отмечал: «**Крайне необходимо для меня было сохранить в людях [спецпереселенцах] к нам, своей власти, страх, иначе начнется неповиновение** (выделено мною. – В.У.). Упреждая нежелательные явления, я образовал в дороге самоохрану. Она состояла из небольших бригад уголовных рецидивистов, которые по добровольному согласию с нами, администрацией принялись присматривать за порядками. Для таких активистов я велел выделить небольшую хлебную пайку, обещая им какие ни на есть поправки в будущем. Рецидивисты с того дня радели не за страх, а за совесть. Конвоем можно было лежать на телеге, спать день-деньской, не опасаясь, что придется отвлекаться на поиски сбежавшего лишенца. А до того, что там, то здесь слышались вопли истязаемых ради запугивания лишенцев, им не было дела».

Далее он только подтвердил выгодность, а по сути «законность» такого союза администрации и уголовников. «Еще до наступления трудных зимних месяцев [зимы 1930–1931 гг.] мои рецидивисты-помогалы совокупно с конвоем и самоохраной из уголовной силы дружно так принялись разворовывать казенное продовольствие и пропивать. Так что благодаря их старанию до спецпереселенческого желудка мало что доходило»<sup>2</sup>.

Приведенные примеры лишь подтверждали вседозволенность и беззаконие, царившие по отношению к спецпереселенцам, – никто не был привлечен к ответственности либо каким-то образом наказан. За что их было наказывать? Ведь эти

---

<sup>1</sup> Меморандум «О компрометирующих материалах на б[ывшего] нач[альника] 3-го отдела Томасинлага Флейшмана Г.Е., нач[альника] отделения Попова А.Г. и др.» на имя заместителя наркома НКВД СССР Чернышева и Особоуполномоченного НКВД СССР Стефанова. См.: Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. 208. Т. 1. Л. 3–4.

<sup>2</sup> *Елегчев И.* Со слов Ивана Терентьевича... // За советскую науку. 1989. 15 июня.

«социально близкие» издевались, грабили и объедали врагов народа, а те иной участи и доли не заслуживали.

И. Говоров посвятил данному вопросу отдельную работу, в которой подробно рассмотрел принципы государственной политики в борьбе с профессиональной преступностью в 1920–1940-е гг.<sup>1</sup> Если в первой половине 1920-х гг. в период формирования советского уголовного законодательства преобладало достаточно снисходительное отношение к уголовной преступности, то в последующие годы в связи с резко возросшим числом уголовных преступлений (в 1924 г., по сравнению с 1922 г., число осужденных за уголовные преступления выросло с 1 до 2 млн чел.) власть стала воспринимать деятельность криминального мира такой же серьезной угрозой советской власти, как и контрреволюционные выступления. По этой причине в последующие годы борьба с уголовным миром постоянно ужесточалась, расширялись контингенты преступных элементов, попадавших под репрессии. Более того, в начале 1930-х гг. по предложению отдельных ученых-юристов уголовные преступления стали рассматривать по подобию контрреволюционных. Эта точка зрения стала популярной в среде работников правоохранительной системы и у партийного руководства страной, была поддержана прокурором страны А. Вышинским и лично И. Сталиным. Приравнивание уголовников к классовым врагам позволило идеологически обосновать начало репрессий против уголовных элементов в середине 1930-х гг.

Так, в апреле 1935 г. в ЗСК было создано отделение краевого суда при лагерях. В своем докладе на 1 января 1936 г. Прокурору СССР прокурор края И. Барков и прокурор Сиблага Минин констатировали, что довольно значительное количество рассмотренных дел падает на внутрилагерный бандитизм (ст. 59-3 УК). По 37 рассмотренным делам было осуждено 333 чел., из них приговорены: до 5 лет лишения свободы – 37, до 8 – 54, до 10 – 74, к ВМН – расстрелу – 48 чел., еще 9 – к заключению в штрафной изолятор на срок от 5 до 10 лет. По социальному положению к деклассированным элементам были отнесены 202 чел., к кулакам – 2, рабочим – 10 и служащим – 8 чел. За контрреволюционные преступления в этот же период были осуждены только 46 чел.<sup>2</sup>

А в мае 1935 г. в стране были созданы «тройки» НКВД по рассмотрению дел об уголовных элементах. В этом же году в СССР была проведена массовая операция по изъятию «социально вредных элементов», позволившая к ноябрю арестовать 256 тыс. таковых. «Тройками» НКВД было рассмотрено 85 тыс. дел, заключению в ИТЛ подверглись 65 тыс. чел., другим мерам социальной защиты (ссылка, высылка и т.п.) – 64,4 тыс. чел., переданы в суды дела примерно на 98 тыс. чел., освобождено 13,6 тыс. чел.<sup>3</sup>

Пик репрессий по отношению к уголовным элементам пришелся на 1937 г., когда к уголовной ответственности были привлечены 181 тыс. чел., приговорены

<sup>1</sup> Говоров В.И. Уголовно-правовые принципы государственной политики в области борьбы с профессиональной преступностью в Советской России (1920–1940-е гг.) // История государства и права: науч.-прав. издание. 2004. № 1. С. 31–39.

<sup>2</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 226. Л. 44–45.

<sup>3</sup> Говоров

В.И.

Указ.

соч.

С.

к ВМН – расстрелу – 73 тыс. чел. Более 30 тыс. уголовников были расстреляны в лагерях<sup>1</sup>. В лагерях Западной Сибири расстрелы уголовников также имели место. В совершенно секретной справке зам. начальника УНКВД по ЗСК И. Мальцева от 5 октября 1937 г. – отчете о ходе операции – отмечалось, что «установленный лимит для репрессирования по первой категории (расстрел. – В.У.) 800 чел. по Сиблагу исчерпан... Остались еще за отсутствием лимита не репрессированы бандиты-рецидивисты, занимающиеся внутрилагерным бандитизмом». В числе нерассмотренных дел – за отсутствием лимита – были дела на 200 бандитов<sup>2</sup>.

В другом документе, утвержденном И. Мальцевым, – справке об арестованных и осужденных судебной «тройкой» при УНКВД по ЗСК и приведенных в исполнение приговорах, хранящейся в ГАНО Новосибирской области, выделено всего четыре категории репрессируемых: кулаки, уголовники, прочие и участники РОВС. Однако лимиты для арестов устанавливались 14 из 15 оперсекторов или райотделов НКВД (исключение составил Нарымский окротдел НКВД) только для двух первых категорий. По состоянию на 5 октября 1937 г. предполагалось арестовать 4 279 уголовников, но в действительности было арестовано 3436, 1 294 из них были приговорены к ВМН – расстрелу (при лимите в 1 280 чел.), 1 281 были осуждены на 10, 8 и 5 лет ИТЛ (544, 610 и 127 чел. соответственно). Судьба 861 «уголовника» осталась неизвестной. Отдельной колонкой по справке проходил Сиблаг, в котором к ВМН были приговорены 803 уголовника (783 из них были расстреляны как прошедшие по 1-й категории), а 24 (19 и 5 соответственно) – приговорены к 10 и 8 годам ИТЛ. Какие-либо лимиты по Сиблагу не устанавливались<sup>3</sup>. На территории современной Томской области был репрессирован 451 заключенный, из них в 1937–1938 гг. – 209, 151 из которых были расстреляны<sup>4</sup>.

Репрессии против уголовников в будущем породили социальную проблему, связанную с тем, что уголовникам (в связи с вышеуказанной доктриной) часто в обвинении добавляли 58-ю – «политическую» – статью УК, что особенно вы-

---

<sup>1</sup> Кузьмин С.И. Волки преступного мира // Молодая гвардия. 1995. № 7. С. 266. Здесь уместно вспомнить, что ставший основополагающим в развертывании репрессий приказ НКВД № 00447 назывался «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» и гласил, что к контингентам, подлежащим репрессиям, относились «...7. Уголовники /бандиты, грабители, воры-рецидивисты, контрабандисты-профессионалы, аферисты-рецидивисты, скотоконокрады/, ведущие преступную деятельность и связанные с преступной средой».

Репрессированию подлежат также элементы этой категории, которые в данное время содержатся под стражей, следствие по делам которых закончено, но дела еще судебными органами не рассмотрены.

8. Уголовные элементы, находящиеся в лагерях и трудпоселках и ведущие в них преступную деятельность».

М. Юнге и Р. Биннер, со ссылкой на сводку НКВД СССР (ноябрь 1938 г.), приводят данные, что в СССР к расстрелу из 127 967 осужденных уголовников были приговорены 44 086 чел. (34,5%) и соответственно 83 729 чел. (65,2%) – к лагерному заключению. См.: Юнге М., Биннер Р. От «социально близкого» до «социально опасного» элемента: преступники и социальная чистка советского общества. 1918–1938 гг. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 475.

<sup>2</sup> Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 1. С. 428.

<sup>3</sup> Там же. 429–431.

<sup>4</sup> Подсчитано автором по базе данных репрессированных жителей Томской области.

годно было руководству лагерей для отчетов о борьбе с «врагами народа». С другой стороны, в отдельных случаях слова «кулак» и «уголовник» могли восприниматься как близкие по своему содержанию. У вышеназванных 209 заключенных установить их истинную принадлежность к уголовному миру можно только в результате достаточно глубокого изучения материалов уголовного дела. Судя по предъявленному им обвинению, все они занимались контрреволюционной деятельностью или проведением антисоветской агитации, были саботажниками или членами всевозможных контрреволюционных организаций – шпионских, «Союза спасения России», «Польской организации Войсковый» и др. К последней, кстати, были причислены 45 заключенных Бийского отдельного лагпункта Сиблага, арестованных в 1938 г. и приговоренных «тройкой» УНКВД по Новосибирской области к расстрелу<sup>1</sup>. Во время проведения «ровсовской операции» в 1937–1938 гг. подпольные «филиалы» этой «контрреволюционной» организации были «выявлены» в 17 лаготделениях Сиблага<sup>2</sup>.

С учетом бытовавших тогда упрощенных методов следствия сегодня иногда сложно отделить невинных жертв от уголовных преступников – политическая составляющая у следователей тех лет всегда стояла на первом плане. В процессе реабилитации жертв политических репрессий автору неоднократно приходилось сталкиваться с подобными ситуациями. Из материалов уголовного дела на одного из осужденных было установлено, что он неоднократно судим за воровство, в графе «профессия» было указано «вор», но в соответствии с тем, что 58-я статья у него оказалась «приоритетной», он был реабилитирован и признан жертвой политических репрессий.

Однако, несмотря на проводимые в стране кампании террора против уголовников, администрациям лагерей все-таки было выгодно сотрудничать с ними, так как они помогали «управлять» «врагами народа». Многочисленные свидетельства выживших в лагерях «казров» подтверждают достаточно привилегированное положение уголовников (занятие «блатных» должностей преимущественно среднего начальствующего состава), наличие сплоченных группировок из числа им подобных. Творимые ими произвол и беззаконие по отношению к политическим, поощряемые администрацией лагерей и чаще всего безнаказанные, заставляют признать определенную правоту о взаимоотношениях лагерных администраций с уголовными элементами.

Это отступление сделано не случайно. К.М. Карлсон в Томасинлаге и в этой ситуации оказался «белой вороной», так как действительно развернул активную борьбу с уголовниками. В архиве Информационного центра УМВД России по Томской области хранятся несколько групповых уголовных дел на заключенных Томасинлага, с двумя из которых удалось ознакомиться. Дела были реализованы уже после увольнения Карлсона, но, судя по материалам, были начаты при нем. Так, в период с 9 по 12 января 1938 г. была арестована группа братьев Азимовых, в состав которой входило 7 чел., а в феврале – группа Исабаева из 6 чел. Все участники этих групп были выходцами из республик Средней Азии и обвинялись в совершении бандитских действий по отношению к другим заключен-

<sup>1</sup> Политические репрессии в Алтайском крае... С. 163.

<sup>2</sup> Аблажей Н.Н. Указ. соч. С. 344.

ным. В соответствии с духом времени – нужны были результаты – обе группы следователями были признаны антисоветскими организациями. Например, группе Исабаева, признанной активной бандитской группой, занимавшейся грабежами и избиениями, что подтверждалось свидетельскими показаниями заключенных, были «довешены» подготовка бегства в Китай и призывы к заключенным не выходить на работу. Изучение материалов дела, в том числе и сотрудниками прокуратуры Томской области, позволяет сделать однозначный вывод об отсутствии контрреволюционной агитации и пропаганды в действиях членов группы, как и не было подтверждено наличие контрреволюционной организации. Однако п. 10–11 ст. 58 УК в обвинении были определяющими, а ст. 59 п. 3 УК как бы второстепенной.

По решению «тройки» УНКВД по Новосибирской области члены обеих бандитских групп были расстреляны<sup>1</sup>.

Численность заключенных Томасинлага на 1 января 1938 г. составила 11 912 чел. и в последующий период возросла незначительно, достигнув к 1 января 1940 г. 13 073 чел. Основную массу заключенных составляли «враги народа», «социально опасные» и «социально вредные» элементы. Так, из 11 112 заключенных на 1 октября 1938 г. за контрреволюционные преступления были осуждены 6 012 чел. (54,1%), а СОЭ и СВЭ – 3 259 (29,3%).

Как структурное подразделение Сиблага Томасинлаг просуществовал до 28 октября 1940 г., когда в соответствии с приказом НКВД и Наркомлеса № 0458/180 лагерь был ликвидирован, а имущество было передано тресту «Томлес» Наркомлеса. Фактическая же ликвидация лагеря была начата в июле 1940 г., когда в Томасинлаг на расселение были направлены 5 тыс. семей (преимущественно беженцев) из западных областей Украины и Белоруссии.

Заключенные Томасинлага по нарядам учетно-распределительного отдела ГУЛАГа (приказ НКВД № 0269 от 03.07.1940 г.) были направлены в Унжлаг (3 000 з/к), Усольлаг (200 з/к), Белбалтлаг (3 500 з/к) и Темлаг (1 300 з/к). Заключенные-инвалиды, не способные передвигаться самостоятельно, были сконцентрированы на Прикульском отдельном лагерном пункте<sup>2</sup>.

Однако быт названных выше спецпереселенцев мало чем отличался от быта заключенных. Представитель облздрава после обследования лагеря писала в Новосибирск: «Обследован лагерь «Сосновка» в Асиновском районе. В этом лагере в настоящее время сосредоточено примерно около пяти тысяч спецпереселенцев, прибывших туда 14–20 июля. На сравнительно небольшой площадке расположены бараки, которые ранее использовались под заключенных, с общими двухъярусными нарами. Капитально оборудованных барачных всего девять, а другие, около десяти, облегченного типа, в том числе те, которые были срочно выстроены в связи с прибытием спецпереселенцев. Эти бараки служат лишь защитой от дождя, бараки без потолка, без окон, без подсобных помещений, и люди располагаются на деревянном настиле, служащем одновременно полом... Из-за отсутствия мест в бараках спецпереселенцы располагаются под открытым небом, со-

<sup>1</sup> Архив УМВД Томской области. Ф. 8. Д. 1332, 1346.

<sup>2</sup> См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 482–483.

орудив импровизированные шалаши, натянув одеяла, платки для защиты от дождя, подобрав бросовые доски и оборудовав из них нечто вроде топчанов или нар... Транспорт не справляется с вывозом нечистот, они переполняют приемники, выливаются на поверхность и заражают территорию... Баня на момент обследования не работала, находилась на ремонте и по своей пропускной способности она не сможет обеспечить обслуживание этого контингента... Зафиксировано девять случаев брюшного тифа»<sup>1</sup>.

В связи с тяжелым материальным положением и частыми перебоями в обеспечении продуктами питания и одеждой в августе 1940 г. спецпереселенцы организовали в Томасинлаге массовое выступление протеста. В материалах Новосибирского обкома ВКП(б) отмечалось, что спецпереселенцы организовали «открытые контрреволюционные выступления» с требованиями права покинуть лагерь. С.А. Папков, со ссылкой на выявленные А.Э. Гурьяновым документы, сообщает, что «из-за жилищно-бытовой и продовольственной неблагоустроенности беженцев спецпоселка Тайга (115 кв.), численностью около 1 500 человек, 16 августа... подняли бунт и организованно, оставив поселок с детьми и вещами, направились к берегу реки Чулым... с требованиями возврата их в западные области УССР и БССР или в более теплый климатический пояс страны. Прибывшие на берег сбились в кучу, на протяжении 5 дней категорически отказывались от выполнения требований представителей власти о возвращении в поселок, требуя их отправки на Украину. Бастовавшие поддерживались спецпереселенцами близлежащих поселков..., также организованно отказавшихся от работы и требовавших возвращения на Украину. Принятыми мерами УНКВД и УИТЛ забастовки были ликвидированы без применения оружия и водворен соответствующий порядок во всех поселках. 45 человек зачинщиков и организаторов бунта арестованы и привлечены к уголовной ответственности».

В сентябре 1940 г. на бюро обкома ВКП(б) был рассмотрен вопрос о беспорядках среди беженцев, расселенных в Асиновском, Зырянском и Тегульдетском районах. Вина за случившееся была возложена на руководство лагеря «и непродуманное отношение со стороны руководства ГУЛАГа НКВД СССР к направлению в Томасинлаг большого количества беженцев-спецпереселенцев без учета возможности их бытового устройства». Начальник лагеря Борисов был отстранен

---

<sup>1</sup> Докладная записка от 17 августа 1940 г. заведующей Новосибирским облздравом Астафьевой. См.: ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 4а. Д. 17. Л. 23–24; *Макиев В.* Указ. соч. С. 67; *Папков С.А.* Обыкновенный террор... С. 274–275. «Беженцы» – лица, которые при разделе Польши получили отказ в выезде в Германию и были депортированы органами НКВД. По данным начальника ОТП ГУЛАГа М.В. Конрадова в докладной записке в августе 1940 г. на имя наркома внутренних дел Л.П. Берии о приеме и расселении беженцев из УССР и БССР (всего 24 772 семьи – 77 710 чел.), в Алтайский край, Новосибирскую и Омскую обл. были направлены 8 536 семей (1 115, 6 921 и 500 соответственно) общей численностью 27 203 чел. (4 085, 21 840 и 1 278 соответственно).

В Томасинлаг были направлены 5 825 семей, о чем докладывал Л.П. Берии зам. наркома НКВД В.В. Чернышов. В связи с возникшей ситуацией было дано указание о переброске беженцев из Томасинлага в Свердловскую обл. – 1200 семей для работы на предприятиях Наркомстроя и 1000 семей в Новосибирскую обл. для работы на предприятиях Кузбасса. См.: История сталинского ГУЛАГа... Т. 5. С. 300–304.



от руководства лагерем, а начальнику оперативно-чекистского отдела Салтымакову объявлен строгий выговор<sup>1</sup>.

Победившие в Октябре 1917 г. большевики в своем переустройстве государственного механизма, доставшегося от прежнего режима, особое внимание уделили перестройке пенитенциарной системы. Однако, отказавшись от старой системы, им пришлось столкнуться с огромным числом проблем и пережить «болезнь роста» новой, социалистической, системы изоляции и перевоспитания преступных элементов, сталкиваясь с теми же проблемами по подбору кадров административного и надзирательского состава, переполнению мест заключения, содержанию заключенных, их питанию, занятости трудом и др. В поисках наиболее эффективных организационных форм учреждения вновь создаваемой пенитенциарной системы были достаточно разнообразными, но в целом она была характерной для большинства других регионов Сибири и страны.

#### **4.2. Условия и режим содержания спецконтингентов пенитенциарной системы**

Вопросы условий и режима содержания спецконтингентов пенитенциарной системы, куда входила многомиллионная армия заключенных и спецпереселенцев, занимают особое место при исследовании темы репрессий. Изоляция любого человека от общества, вне зависимости от наличия или отсутствия вины, напрямую связана с ограничениями его прав. В рассматриваемый период истории советского государства нарушение этих прав было узаконенной нормой, правилом. В условиях построения социалистического государства и создания «новой» системы исправления и перевоспитания преступивших Закон, любому, попавшему в «зону интересов» этой системы, приходилось выдерживать серьезнейшие испытания и лишения. Частично эти вопросы уже получили отражение в предыдущих главах, однако необходимо признать, что на протяжении многих лет проблемой оставались вопросы обеспечения мест заключения топливом, медикаментами, продуктами питания, одеждой, средствами гигиены и т.п.

Так, в конце 1921 г. тяжелая ситуация сложилась в Омском доме лишения свободы. В рассчитанном на 278 чел. здании содержалось более двух тысяч заключенных. В октябре умерло трое заключенных от истощения, было зарегистрировано 16 случаев сыпного, брюшного и возвратного тифа. Председатель губернской распредкомиссии при губернском карательном отделе юстиции 2 ноября 1921 г. писал: «Число слабосильных и цинготных дошло до ужасающих размеров..., а число заключенных не уменьшается, а с каждым днем все более увеличивается». Служащие из-за продовольственного кризиса получали только по ½ фунта хлеба в день и кипяток. Распредкомиссия просила об изменении меры пресечения в отношении «не столь важных следственных» – на поручительство или под подписку о неотлучке.

---

<sup>1</sup> См.: Папков С.А. Обыкновенный террор... С. 276–277.

Серьезность ситуации потребовала вмешательства губернских властей, которые 3 января 1922 г. на заседании президиума губисполкома заслушали вопрос об Омском доме лишения свободы. На заседании отмечалось, что на 1 066 заключенных отпускалось всего 600 пайков. Только в декабре 1921 г. было зафиксировано 334 случая заболевания тифом и 36 случаев смерти от него. Принятые президиумом губисполкома решения предполагали организовать разгрузку дома лишения свободы<sup>1</sup>.

Большинство возникших вопросов было связано с отсутствием реального финансирования мест заключения, отсутствием достаточного числа профессиональных кадров административно-надзирательского состава. Но необходимо учитывать и то, что после победы в октябре 1917 г. были уничтожены или перепрофилированы под «иные нужды» почти 400 учреждений «старой» пенитенциарной системы, что в условиях дефицита мест лишения свободы не могло не сказываться на положении отбывавших сроки наказания.

Следует заметить, что в 1924 г. ситуация в местах лишения свободы губернии несколько изменилась в лучшую сторону. После возбуждения губпрокуратурой перед губисполкомом вопроса о снабжении мест лишения свободы одеждой и бельем, на эти нужды были выделены 5 000 руб. Кроме того, «были проведены ремонты и оборудование домов лишения свободы вообще и электрификация, в частности»<sup>2</sup>.

Еще одним подтверждением сложности ситуации в местах лишения свободы может служить выдержка из рапорта заведующего карательным отделом в адрес председателя Новониколаевского губревтрибунала: «Камеры страшно переполнены, соблюдать чистоту при такой стесненности не представляется никакой возможности, заключенные в камерах (на 250 мест приходилось более 600 заключенных. – В.У.) лежат вплотную на нарах, под нарами и на полу и, благодаря такому уплотнению, в тюрьме участились случаи тифозных и других серьезных заболеваний. Больных имеется более 100 человек. Больница же может вместить незначительное число людей... Хотя для больных и отведены в тюрьме особые камеры, приступлено к дезинфекции камеры и белья, но эти меры не могут дать положительного результата. ...Тюрьма в скором времени явится очагом заразы»<sup>3</sup>. В другом рапорте в губревтрибунал отмечалось, что в Каргатском арестном доме «арестованные не получали никакого продовольствия с 19 октября по 1 ноября 1921 г., т.е. 13 дней»<sup>4</sup>. Выше уже была описана сложившаяся годом ранее еще более серьезная ситуация в Кузнецкой тюрьме, где арестованные не получали горячей пищи с 20 июня, по крайней мере до дня написания жалобы 13 августа. Тюремная администрация также лишила всех арестованных передач провизии. Все питание сводилось к 1 фунту хлеба в день<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Забвению не подлежит... Т. 2. С. 30.

<sup>2</sup> ГАНУ. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 23. Л. 20.

<sup>3</sup> Рапорт заведующего карательным отделом Новониколаевской губернии в губревтрибунал от 4 ноября 1921 г. См.: Там же. Ф. Р-1096. Оп. 1. Д. 61. Л. 28.

<sup>4</sup> Там же. Л. 29.

<sup>5</sup> Из коллективной жалобы заключенных Кузнецкой тюрьмы. Копия хранится в личном архиве автора.

О дефиците продуктов может свидетельствовать и информация инспекции мест заключения административного отдела Томского губисполкома о режиме содержания. Так, по данным на 1922 г., в Томском исправтруддome подъем осуществлялся в 6 часов утра, с 6 до 7 часов уборка и утренний чай. С 8 часов и до 5 часов вечера работа в мастерских и на внутрихозяйственных работах с перерывом на обед в 12 часов дня. В 5 часов вечерний чай и **через день ужин** (выделено мною. – В.У.)<sup>1</sup>.

В отдельных случаях некоторые из тюрем не отапливались на протяжении всей зимы, и это в суровых сибирских условиях. Не удивительно, что в архивно-следственных делах начала 1920-х гг. регулярно попадались справки о смерти подследственных от различных болезней. В ГАТО в фонде «Прокурор Томского округа» хранится список вещей, оставшихся после умерших заключенных. Изучение этого списка позволяет сделать вывод об очень высокой смертности, по крайней мере в 1920 г. В перечне только верхней одежды указаны 113 полушубков, тулупов, дох, шуб, пальто и тужурок, 112 зимних шапок, 37 шинелей казенного образца, 6 зипунов крестьянских, 4 армяка и т.п. Составление подобного списка было вызвано необходимостью использования оставшегося имущества для нужд дома принудработ<sup>2</sup>.

Анализ состояния дел в «местах заключения» или в «исправительно-трудовых учреждениях» (использовалась и та и другая терминология. – В.У.) с 1924 г. стал обязательным разделом в отчетах о работе по полугодиям губпрокуратур. Перечень рассматриваемых вопросов был обширен: оценка наличия и состояния мест заключения, численность и социальный состав заключенных, снабжение их продуктами питания и одеждой, работа распрекомиссий и т.д. Все это стало явлением обычного порядка, так как на органы прокуратуры на местах надзор за местами заключения был возложен действовавшим Положением о прокуратуре страны. Причем в некоторых отчетах разделы, посвященные местам заключения, имели подразделы, озаглавленные как **«Достижения прокуратуры в деле улучшения состояния мест заключения»**, либо начинавшиеся с фразы, подобной этой: **«По местам заключения достижения прокуратуры в деле улучшения их состояния...»** (выделено мною. – В.У.)<sup>3</sup>. На практике же эти достижения выражались в обычной констатации проделанной прокурорами работы в местах заключения, что они обязаны были исполнять в силу возложенных на них обязанностей.

В повседневную практику входили обязательные посещения мест заключения работниками прокуратуры. Чаще всего это являлось рутинной обязанностью, обыденностью, но в отдельных случаях такие «походы» освещались в газетах. Например, о посещении Каргатского ИТД в мае 1924 г. рассказала газета «Советская Сибирь». Посетившие исправтруддом областной прокурор Сибири П. Алимов и председатель Новониколаевского губсуда С. Чудновский в сопровождении председателя уездного исполкома Землянова и помпрокурора Неволлина освобо-

<sup>1</sup> Из материалов дела. См.: ГАТО. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 8. Л. 4«а».

<sup>2</sup> Там же. Ф. Р-804. Оп. 1. Д. 12. Л. 18.

<sup>3</sup> Отчет о деятельности Томской губернской прокуратуры за период с 01.01 по 06.07.1924 г.; Отчет о работе Омской губернской прокуратуры за 1-е полугодие 1924 г. См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 25. Л. 38; Д. 23. Л. 19.

дили по распоряжению председателя ВЦИК М.И. Калинина около 50 крестьян, отбывавших наказание за мелкие преступления, чаще всего бытового характера. В процессе обхода камер прокурором были освобождены еще четверо крестьян.

Ранее, во время обхода 24 мая, П. Алимов освободил 12 чел., возбудивших ходатайства об отсрочке исполнения приговора по причине необходимости производства полевых работ<sup>1</sup>.

В ходе проведенной в ноябре 1925 г. очередной реорганизации число мест заключения в Сибири сократилось до 31 (из 37) при увеличении штатных мест на 708, все это позволило увеличить общее число мест до 8 755. При этом численность заключенных достигла на 1 января 1926 г. 15 462 чел. (без учета сведений по Барабинскому, Бийскому, Ачинскому и Щегловскому местам заключения ввиду их непредставления), т.е. переполнение достигало 95,3%, а в отдельных местах – до 200–300%<sup>2</sup>. Так, в Омском исправтруддome на 312 штатных мест в среднем за 2-е полугодие 1924 г. приходилось 983 заключенных, а в январе 1925 г. их было уже 1 192, переполнение составило 382%<sup>3</sup>. На 15 сентября 1925 г. ситуация еще более ухудшилась – на 272 штатных местах Омского ИТД размещалось 1 200 чел., т.е. переполнение на 441%<sup>4</sup>. В Барнаульском доме заключения на 400 штатных мест на 1 января 1924 г. было 900 заключенных (225%)<sup>5</sup>. В двух исправтруддoмах Новониколаевска (550 штатных мест) на 1 октября 1924 г. состояло 1 111 заключенных, а на 31 декабря уже 1 341. Подобная картина складывалась в домах заключения городов Каинска и Камня<sup>6</sup>.

В докладе крайпрокурора в Сибкрайком РКП(б) «О состоянии революционной законности в Сибири» состояние мест заключения на начало второго полугодия 1925 г. характеризовалось следующим образом: «...как самое состояние их, так и условия содержания в них заключенных были таковы, что невозможность дальнейшего оставления их в таком виде было очевидной.

Все без исключения места заключения пришли в полную негодность, население их во много раз превышало норму. Отсутствие мало-мальски приличного питания, эпидемические заболевания, уносившие ежедневно десятки жизней содержащихся, невозможность применения к ним хотя бы в малейшей степени тех мер воздействия, которые были признаны Советской властью как единственно целесообразные в деле исправления преступников, – все вместе взятое определенно говорило о необходимости принятия самых экстренных мер в этой области.

Места заключения, забытые всеми, за исключением органов, ежедневно заполнявших их новыми кадрами обитателей, были предоставлены сами себе. Наименование «Исправительно-трудовой дом» оставалось только наименованием и значило лишь на его вывеске.

<sup>1</sup> Советская Сибирь. 1924. 10 июня.

<sup>2</sup> Отчет о деятельности мест заключения Сибири за окт.–дек. 1925 г. См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 63. Л. 2–4.

<sup>3</sup> Отчет о деятельности Омской губпрокуратуры за 2-е полугодие 1924 г. См.: Там же. Оп. 3. Д. 23. Л. 105.

<sup>4</sup> Протокол междуведомственного совещания по борьбе с преступностью при Омском губпрокуроре от 15 сентября 1925 г. См.: Там же. Оп. 1. Д. 59. Л. 17.

<sup>5</sup> Отчет прокуратуры Алтайской губернии за 1-е полугодие 1924 г. См.: Там же. Оп. 3. Д. 19. Л. 24–25.

<sup>6</sup> Отчет о деятельности прокуратуры Новониколаевской губернии за 2-е полугодие 1924 г. См.: Там же. Д. 22. Л. 64.

По существу своему исправительно-трудовой дом оставался прежней тюрьмой. Заключенные содержались в нем в тех же, если не худших, условиях. Нередки были случаи, когда люди содержались в нем совершенно незаконно. Приговоренные к принудительным работам без лишения свободы постоянно содержались под стражей.

Характерен случай, имевший место в Н-Николаевском ИТД. Только что вступивший в должность губпрокурор при посещении ИТД № 1 обнаружил содержащуюся там женщину, при опросе которой было установлено, что осужден и заключен её муж в ИТД, она же по разрешению начальника поселилась в ИТД вместе с ним. Муж умер, а она осталась в нем и содержится уже около года. По проверке никакого дела на неё не оказалось. Эти отдельные случаи типичны и говорят достаточно ясно о том, что состояние ИТД ненормально...»<sup>1</sup>.

Ситуация с местами заключения не претерпела изменений в лучшую сторону и в более поздние годы. Так, при обсуждении вопроса на совещании по борьбе с бандитизмом в сентябре 1927 г. одноименного вопроса, рассматривая причины роста числа побегов из мест заключения, отмечалось, что это происходит по при-

---

<sup>1</sup> Доклад прокурора Сибири «О состоянии революционной законности в Сибири» в Сибкрайком РКП(б) (1925 г.). См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 19. Л. 47 об. В качестве сравнения приведу описание положения в тюрьмах начала 1921 г. 30 апреля политические заключенные Владимирской тюрьмы в своем обращении во Владимирский губисполком (копии: в Президиум ЦИК, в наркоматы здравоохранения, юстиции и рабоче-крестьянской инспекции), в частности, писали: «...Считаем необходимым отметить, какова та антисанитарная и бытовая обстановка, которая нас здесь окружает.

1. Заключенным вовсе не дают кипятку...

2. Уборные заперты. До недавнего времени заключенные отправляли свои естественные потребности, где приходится, в разных местах двора. Дней десять тому назад во дворе вырыты для этой цели 2 ямы (без всяких загорожек). В несколько дней наполнившиеся до краев и распространяющие зловоние по всему двору.

3. Вода в колодце, которую тюрьма вынуждена пить сырую..., мутная и грязная, да и этой воды очень мало и часто не хватает её. Ямы, заменяющие уборные, начинаются в 25 шагах от колодца, и жидкость и грязь из ям неизбежно просачиваются в колодец...

4. Никаких приспособлений для умывания нет. ...Мыльная и грязная вода, всасываясь в землю, вновь попадает в колодец.

5. Питание в тюрьме почти отсутствует. Заключенные питаются в сущности одним хлебом, выдаваемым в количестве одного фунта в день. Подаваемые дважды в день мутная и грязная водичка с ничтожной примесью квашеной капусты, порченой картошки и т.п., конечно, без всяких жиров, только в насмешку может быть названа обедом или ужином. Еще выдается иногда, не каждый день, по 3 золотника сахарного песка, и это все.

7. Баня и прачечная не функционируют, и мыть белье негде и нечем, так как нет мыла. ...В тюремной больнице уже больше десяти тифозных больных, а в городе распространяется дизентерия, которая неизбежно проникнет в тюрьму и конечно примет здесь характер грозной эпидемии. ...В тюремной больнице нет самых необходимых лекарств, не хватает воды и самого элементарного оборудования...» (Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. Меньшевики в 1921–1922 гг. М., 2002. С. 216–217).

В заявлении политзаключенных Бутырской тюрьмы от 1 июля 1921 г. в Президиум ЦИК (копии: в ЦК РКП(б), Совнарком и ВЧК) читаем: «...Нам пришлось столкнуться с целым рядом «запрещений». Запрещалось сидеть на окнах под страхом «лишения свободы и передач». Запрещались общие прогулки и срок их первоначально определен в 15 минут в день. ...Запрещались личные свидания и вводились свидания через двойной барьер. Запрещалось хождение в тюремную библиотеку... Запрещался контроль над кухней и непосредственное наблюдение за раздачей пищи.

Пищевой паек был установлен следующий: ½ фунта хлеба в день, по черпаку жидкого супа в обед и ужин и три раза (и не всегда) в день кипяток...» (Там же. С. 287).

Если официальный прокурорский доклад перевести на обычный человеческий язык, то ясно видно, что и через четыре года ситуация в местах лишения свободы не улучшилась.

чине непригодности помещений этих мест к содержанию в них заключенных: «Большинство ИТД помещаются в **обыкновенных жилых домах** (выделено мною. – В.У.), в некоторых округах, например Рубцовском, Кузнецком, Славгородском, – даже деревянных»<sup>1</sup>.

К этой оценке обстановки мест заключения, характерной для большинства из них, добавим несколько штрихов. Как и в прежние годы, на практике не выполнялся основной постулат о «перековке» трудом преступных элементов, в местах лишения свободы не было возможности выполнять требование соблюдения строгой изоляции осужденных по причине их чрезмерного «перенаселения». Отсутствовала какая-либо возможность целенаправленного использования (за редчайшим исключением) женского труда. Проблемой на долгие годы оставалась постоянно отмечаемая в отчетах и докладах многочисленных надзорных и контрольных органов непригодность большинства сотрудников ИТУ для работы в них, постоянный некомплект сотрудников надзора в связи с плохим материальным обеспечением и малой зарплатой при тяжелейших условиях труда, что особенно остро ощущалось в местах заключения, содержание которых осуществлялось за счет местных бюджетов.

В последующие годы ситуация обострилась еще больше. Так, на 1 января 1927 г. в Барнаульском округе число заключенных превысило число штатных мест на 308%, в Бийском – на 583% (!), в Каинском – на 307%, в Кузнецком – на 554% (!), в Рубцовском – на 482% и т.д. В целом перегруженность мест заключения составила 117,6%<sup>2</sup>.

На 1 июля 1927 г. ситуация по большинству округов несколько улучшилась после проведения разгрузки мест заключения. Например, в Томском округе места заключения были разгружены на 1 193 чел., но при этом в Томском изоляторе, рассчитанном на 800 чел., продолжали содержаться 1 167, а в Мариинском исправтруддome – 407 чел. вместо 300. К середине 1928 г. число заключенных в Томском домзаке достигло 1 733 чел. При этом питание отпускалось строго по норме наполняемости тюрьмы<sup>3</sup>. Приведенные цифры достаточно полно характеризуют сложившуюся в местах заключения Западной Сибири картину. Заключенные спали по сменам, посуда и инвентарь выдавались согласно числу штатных мест, предметов одежды и продуктов питания катастрофически не хватало.

Что касается питания, то еще 18 сентября 1918 г. Центральным карательным отделом НКЮ в циркуляре № 48 было указано, что заключенные должны получать нормальное питание на одного неработающего заключенного – 2 000, а на работающего – 2 400 калорий. Позднее в 1920 г. было указано, какое количество жиров, белков и углеводов должно получаться заключенным в соответствии с потребностями человеческого организма<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 135. Л. 18.

<sup>2</sup> Подсчитано автором по материалам доклада прокуратуры Сибири о результатах работы во 2-м полугодии 1926 г. См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 105. Л. 78). По стране перегрузка всех имевшихся мест лишения свободы составила 158%. См.: *Иванов А.А.* Указ. соч. С. 116.

<sup>3</sup> *Яковлев Я.А., Рассмахин Ю.К.* Указ. соч. Т. 1. С. 412–413.

<sup>4</sup> *Кузьмина А.С.* Становление исправительно-трудовых учреждений в Сибири... С. 58.

Тяжелейшее экономическое положение страны, царившие разруха и голод делали жизнь заключенных в лагерях невыносимой. В конце 1921 г. работники НКВД вынуждены были констатировать, что в лагерях сложились крайне тяжелые условия «ввиду чрезмерного сокращения отпускаемых на заключенных пайков, наблюдающихся на этой почве массовых эпидемических заболеваний, увеличившейся смертности от истощения»<sup>1</sup>.

Отпускаемых на содержание заключенных средств не хватало, в ряде мест возникла проблема существования лагерей в будущем. Ситуация обострилась по причине передачи мест заключения с августа 1922 г. на местные бюджеты. На государственном снабжении были оставлены лишь 15 мест заключения, имевших общегосударственное значение, – наиболее крупные тюрьмы, трудовые дома для несовершеннолетних и места заключения для политических преступников.

В 1922 г. Госпланом было выделено всего 100 000 пайков почти на 200 000 заключенных, что, конечно же, было недостаточным. Поэтому был установлен своеобразный принцип распределения пайков. В районах, пораженных голодом, пайки отпускались почти полностью. В более благополучных по урожайности 1921 г. местностях пайки отпускались в расчете один паек на два человека. Ухудшение питания происходило еще по причине того, что нормы, установленные Госпланом для заключенных на месяц: 30 фунтов (12,285 кг – здесь и далее будет переведенная в граммы и килограммы норма. – В.У.) муки, 7,5 фунта (3,071 кг) крупы, 5 фунтов (2,048 кг) мяса или рыбы, 1 фунт (409,5 г) жиров, полфунта (204,8 г) сахару, 1/8 фунта (51,2 г) кофейного напитка и 1,5 фунта (614,3 г) соли на местах полностью не выдавались. В зависимости от наличия продуктов нормы сокращались на 25% и более. По обобщенным данным (ГУМЗ были обработаны 842 отчета с мест за период с января по ноябрь 1922 г.), калорийность питания заключенных составляла от 600 до 2 000 и немногим более калорий, для 46,8% заключенных эта цифра не превышала 1 200 калорий.

В связи с этим НКЮ 7 октября 1922 г. издал особое циркулярное распоряжение № 96, устанавливавшее минимальную норму питания и ежесуточное количество наименований продуктов питания – 11. Для лиц, занятых физическим трудом, требующим особой затраты мускульной энергии, норма была определена в 2 788,82, для политических заключенных – в 2 508,37, для не занятых физическим трудом – в 2 220,16 калорий<sup>2</sup>. По научным данным норма питания для не занятых и занятых обыкновенными работами заключенных составляла 2 996 калорий, а для занятых усиленными работами – 3 581 калорию.

В циркуляре отмечалось, что эти нормы были выработаны на созванном по инициативе Подотдела снабжения НКЮ междуведомственном совещании представителей НКЮ, ЦИТО, НКВД, ГПУ и РКИ, которое на основании параграфа 14 Инструкции Медикосанитарной части для мест лишения свободы, утвержденной 21 июля 1921 г. наркомом здравоохранения (Н.А. Семашко), внутренних

<sup>1</sup> Детков М.Г. Содержание карательной политики... С. 63.

<sup>2</sup> Пенитенциарное дело в 1922 году... С. 41; Тарарышкин А.П., Корнеева Г.К. Ретроспектива организации питания в России (VI–XXI вв.) // История исполнения уголовных наказаний в России: сб. статей. М., 2006. С. 30.

дел (Владимировым), юстиции (Д.И. Курским) и зам. председателя ГПУ (И.С. Уншлихтом) в приказе Наркомпрода № 1050 1920 г., «во избежание излишней переписки, могущей возникнуть из-за отсутствия некоторых продуктов питания в нормах Госплана, и для урегулирования норм питания заключенных всех категорий».

Утверждая нормы, НКЮ сразу сделал оговорку, что администрация мест лишения свободы могла, в случае надобности, заменять одни продукты другими, «приблизительно соответствующими по калорийности», так как Госпланом на 1922/23 экономический год для заключенных устанавливались нормы только следующих продуктов: муки и крупы вместе – 40, мяса – 5, жиров – 1, картофеля – 30 фунтов<sup>1</sup>.

В письме начальника ГУМЗ Е. Ширвиндта (от 18 октября 1922 г.) начальникам губернских УМЗ вменялась обязанность в первые три дня каждого месяца информировать ГУМЗ об отпускаемых ежедневно продуктах питания «для своевременного принятия мер». Кроме того, губернские УМЗ должны были «непосредственно принимать меры к урегулированию питания заключенных и доведению такового до установленной нормы»<sup>2</sup>.

Издавая данное распоряжение, руководство НКЮ исходило из того, что при недостаточном получении продуктов неминуем рост заболеваний заключенных малокровием, цингой, туберкулезом, а также разного рода эпидемиями. Нельзя было не учитывать и то, что физическое истощение вследствие недостаточного питания вело к потере трудоспособности заключенного. Допускать этого было категорически нельзя – за «спиной» стояла экономика.

В 1924 г. ситуация с питанием не изменилась (табл. 18)<sup>3</sup>. Единственным отличием стало отсутствие деления на обычных и политических заключенных.

---

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-1958. Оп. 1. Д. 70. Л. 99. Этим же циркуляром устанавливалась месячная норма мыла для личных нужд заключенного в размере  $\frac{1}{4}$  фунта. На стирку белья, постельных принадлежностей и верхней летней одежды расход мыла был определен из расчета один фунт мыла на один пуд белья, что в месяц в среднем составляло не более 48 золотников (204 г) на человека.

<sup>2</sup> Там же. Л. 99 об. В деле 72 названного фонда хранятся сведения, отчеты по довольствию заключенных за 1923–1924 гг. Новониколаевского УМЗ. Во многих из них имеются пометки о замене части продуктов либо только о их частичной выдаче.

<sup>3</sup> Таблица составлена на основании вышеназванных циркуляров, опубликованных в статье заведующего кафедрой Уральской государственной юридической академии доктора юридических наук А.С. Смыкалина (см.: Смыкалин А.С. Питание в лагерях и тюрьмах Советской России: исторический аспект // Правосудие. Известия вузов: науч.-теор. журнал. 1998. № 4). Для заключенных, занятых трудом, предполагалось увеличение нормы выдачи некоторых видов продуктов (хлеба, мяса, овощей и т.д.). Расчет энергетической ценности для 1922 г., как отмечала редколлегия журнала, – в соответствии со стандартами 1920-х гг. По аналогии с расчетами 1922 г. мною была предпринята попытка расчетов энергетической ценности питания по 1924 г. Итоговые цифры приблизительные, так как нет точных данных по отдельным видам продуктов, поэтому расчет энергетической ценности «капусты и свеклы» проводился по аналогии с овощами политзаключенных, «гороха и пшеница» – с «крупой», а «масла растительного» – с «жирами».

Сомнения вызвали расчеты А. Смыкалина по «муке подправочной», в которые, возможно, вкралась опечатка или ошибка, скорее всего политзаключенным полагалось не 8,5 г, а 58 граммов. Тем не менее полученные расчеты по 1922 и 1924 гг. практически совпали, что позволяет вести речь о достаточной объективности результатов оценки. Данные по количеству продуктов в 1922 г. для облегчения восприятия и расчетов даны в граммах, а не в фунтах и золотниках, как в циркуляре. Кроме того, в циркуляре отсутствовала категория политических заключенных, поскольку ко времени выхода названного документа бывшие соратники по революционному прошлому превратились по воле большевистского руководства страны в непримиримых врагов.



К этому времени основная масса политических была изолирована и не представляла большой опасности для коммунистического руководства страны.

Таблица 18

**Суточная норма питания заключенных  
(в соответствии с циркуляром НКЮ № 96 от 7 октября 1922 г.  
и циркуляром ГУМЗ № 364 от 21 августа 1924 г.)**

Наименование продуктов	1922 г.		1924 г.	
	Для заключенных / для политических заключенных *		Количество, г	Энергетическая ценность, кал.
	Количество, г	Энергетическая ценность, кал.		
Хлеб	409,5/614,3	840/1260	500	1025
Крупа	136,5/102,4	486/365	87	310
Мука подправочная	49/8,5	24/30	–	–
Мясо	136,5/204,8	188/282	105	145
Корнеплоды	204,8/–	86/–	–	–
Картофель	409,5/–	384/–	206	193
Жиры	20,5/34,1	156/259	–	–
Чай	0,9/–	–/–	–	–
Сахар	13,7/34,1	56/140	–	–
Соль	13,7/25,6	–/–	25	–
Лук	8,5/8,5	–/–	8	–
Овощи	–/409,5	–/172	–	–
Кофе	–/3,4	–/–	–	–
Капуста	–	–	147	77
Свекла	–	–	37	
Горох	–	–	21	306
Пшено	–	–	65	
Масло растительное	–	–	20	152
Перец или лавровый лист	–	–	0,2	–
Мука подболточная	–	–	5	18
Итого	1 403,1/1 445,2	2 220/2 508	1 226,2	2 226

\* Для политических заключенных дополнительно полагалось 400 папирос и 3 коробка спичек в месяц.

Различия норм питания у заключенных в 1922 г. в соответствии с циркуляром НКЮ, если судить по общему весу продуктов, не очень заметны, политические получали всего на 42,1 г больше. Но качество продуктов было заметно различным – хлеба политические получали (должны были получать) в 1,5 раза больше (здесь и далее в скобках дан расчет на месяц – 6,444 кг), мяса – на 64,8 г (1,944 кг), жиров – на 13,6 г (408 г), сахара – на 20,4 г (612 г), соли – на 11,9 г (35 г), и если обычные заключенные получали 0,9 г чая, то политические – 3,4 г кофе. «Преимущества» обычных заключенных выражались в 34,1 г крупы, 40,5 г – муки подболточной и 204,8 г корнеплодов (409,5 г картофеля у политических заменялись таким же количеством овощей). Отсюда и энергетическая ценность на 288 калорий у политических выше<sup>1</sup>. Возни-

<sup>1</sup> Что касается политзаключенных, то для них в августе–сентябре 1922 г. по линии ГПУ были разработаны свои нормы раскладки, которые поддержал Г. Ягода, наложивший 1 октября 1922 г. резолюцию следующего содержания: «Согласен. Для всех политзаключенных. Провести через Наркомпрод». Согласно

кает естественный вопрос – чем вызвано это разделение? Возможно ли вести речь о том, что сохранилась некая общность во взаимоотношениях между теми, кто еще несколько лет назад вел совместную борьбу с самодержавием? Наверное, нет. К этому времени они уже не соратники по борьбе, а непримиримые противники, поэтому большевики судили, а остальные – сидели. Не исключено наличие определенного умысла – рассорить обычных заключенных с политическими, не допустить их возможного общения и как результат – предотвращение возможного распространения политических взглядов и воззрений, отличных от большевистских, вербовки новых сторонников в ряды политических оппонентов большевиков. По собственному опыту большевики знали, что тюрьма, по крайней мере при самодержавии, для многих из сидельцев превращалась в университеты, приводила к укреплению связей и контактов, спланировала. По практике тех лет различия в нормах питания часто стирались в силу отсутствия должного ассортимента и необходимых объемов продуктов, но о различиях в нормах питания заключенные знали, и это не могло не играть своей роли. «Политики» на долгие годы перешли в разряд изгоев пенитенциарной системы СССР. Велось определенное «зомбирование» на бытовом уровне социально близких категорий заключенных на разжигание у них неприязни к политическим.

21 августа 1924 г. циркуляром НКВД № 364 в целях установления единообразия питания для лиц, лишенных свободы, были определены ассортимент продовольственного пайка для заключенных из 13 наименований и примерная раскладка, по которой повсеместно в местах лишения свободы надлежало производить отпуск продуктов для приготовления пищи заключенным. В соответствии с этим документом заключенным, работавшим на бесплатных хозяйственных работах, полагалась добавка хлеба по 200–300 г в день, работавшие на оплачиваемых работах могли улучшать свое питание за счет заработанных ими денег. Отдельная норма была определена для детей, находившихся вместе с матерями.

---

раскладке (в переводе на граммы) им полагалось: хлеба – 820 г, мяса – 220 г, жиров – 46,2 г, крупы – 100,8 г, сахара – 52,5 г, муки подправочной – 8,4 г, соли – 25,2 г, кофе – 3,36 г, мыла – 205 г на месяц. Норма по мылу была увеличена вдвое. Включение в рацион папирос – 400 шт. и 3 коробков спичек в месяц произошло по инициативе И. Уншлихта, но при этом он уменьшил количество предлагавшихся для включения в раскладку овощей. По данным нормам с 1 сентября 1922 г. стали кормить осужденных эсеров.

В октябре 1925 г. начальником тюремного отдела ОГПУ Дукисом для политических заключенных были введены следующие нормы: хлеб черный – 600 г, мясо, рыба, сельди – 200 г, жиры (масло животное и растительное) – 34 г, крупа (пшено, ядрица, рис) – 136 г, овощи (картофель, капуста) – 400 г, соль – 25 г, мука подправочная – 10 г, перец – 0,5 г, лук – 5 г, чай – 3 г, сахар – 34 г, папиросы – 400 шт., спички – 3 коробка в месяц, мыло – 200 г в месяц. В отличие от раскладки 1922 г. сократилась норма по некоторым видам (мука подправочная, лук), но основное сокращение – норма хлеба, уменьшенная вдвое. См.: Морозов К.Н. Указ. соч. С. 524–525.

Нарком НКВД Н. Ежов в своем выступлении на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 2 марта 1937 г. привел пример обратного содержания: «16 октября 1934 г. секретно-политический отдел дал указание Главному управлению лагерей о том, чтобы всем бывшим членам антисоветских политических партий установить усиленный паек по сравнению с общим пайком, который существует для заключенных в лагерях». Объяснил он это тем, что в «СПО администрация страшно боялась... голодовок. И, конечно, всячески пыталась удовлетворить требования заключенных для того, чтобы сгладить недовольство». См.: <https://istmat.org/node/30230> – обращение 09.09.2022 г.

Определение ассортимента ни в коей мере не являлось гарантией его наличия на местах. Так, губинспектор Жариков в это же время указал начальникам Ново-николаевских ИТД № 1 и ИТД № 2, что ввиду имеющегося ограниченного запаса продуктов выдачу его на довольствие заключенным сократить – крупы, корнеплодов и картофеля – наполовину. В случае выдачи крупы не полагалось выдавать картофель и корнеплоды и наоборот – при выдаче картофеля и корнеплодов не выдавать крупы. А «при имении тех и иных продуктов выдавать их в половинном количестве против утвержденной раскладки»<sup>1</sup>.

В октябре 1925 г. в соответствии с циркуляром ГУМЗ НКВД № 531 норма суточного пайка хлеба была увеличена с 520 до 600 г, а в праздничные дни 1 Мая и 7–8 Ноября устанавливалось улучшенное питание путем дополнительной выдачи в день 400 г белого хлеба, 4 г чая, 25 г сахара и отпуска мяса в двойном размере для приготовления пищи в эти дни. Кроме того, в целях улучшения питания пересыльным заключенным в пути предписывалось выдавать по 600 г хлеба в день и по 100 г вареного мяса, порция должна была быть без костей<sup>2</sup>.

Практика же показывала, что выполнить «праздничные нормы» было сложно. Например, инспектор мест заключения Новосибирской окружной инспекции Иванов 28 апреля 1927 г. был вынужден испрашивать у краевого инспектора разрешение о выдаче заключенным на 1 Мая: белого хлеба – 1 фунт, мяса до 136 г, по 3 куска сахара (5 г) и 3 золотника (12,5 г) чая, т.е. в объемах, меньших от установленного. Также предполагалась выдача по 1/16 фунта махорки для неработающих и по 1 пачке папирос работающим в цехах, на производствах и внешних работах. Полученная резолюция гласила, что необходимо руководствоваться циркуляром 1925 г. и до 50% расходов отнести на средства лавок и рабочей части<sup>3</sup>.

Сложно судить о том, кто и на основании чего разрабатывал нормы питания для заключенных Сибири, но по норме отпуска продуктов (в калориях) их полагалось всего 2 308. В отчете деятельности мест заключения Сибири в 4-м квартале 1925 г. приведена таблица с примерным количеством калорий продуктов, отпускаемых на питание заключенных. Приведу её полностью (табл. 19).

Простой арифметический расчет показывает, что питание заключенных Тарского, Барнаульского и Омского ИТД, Славгородского и Кузнецкого домов заключения составляло менее 600 калорий в день при норме 2 308 (от 473 – в Тарском до 581 – в Омском ИТД). Это меньше, чем в более голодном 1922 г. Наиболее благополучной была обстановка в Рубцовске, во всех остальных местах

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-1958. Оп. 1. Д. 70. Л. 41.

<sup>2</sup> Там же. Д. 91. Л. 199; *Тарарышкин А.П., Корнеева Г.К.* Указ. соч. С. 31; *Маланкин А.Н.* Институт содержания под стражей в 1917–1933 гг... С. 131. Он приводит данные из циркуляров НКВД от 21 августа и 16 декабря 1924 г. о нормах фуража, топлива, освещения, водоснабжения и т.п. для мест заключения. Так, норма расхода воды на одного заключенного определялась в 37 л в сутки, норма расхода мыла – составляла 100 г для обихода и 200 г для стирки белья, одежды и постельных принадлежностей в месяц. Для набивки матрацев и подушек каждому заключенному полагалось 32 кг соломы в год.

<sup>3</sup> Письмо крайвому инспектору мест заключения Сибири о выдаче праздничного пайка заключенным.

заклучения ни о каком даже приближении к нормам положенности говорить не приходится.

В таблице приведены данные только по 16 местам заключения, но картина по другим вряд ли в чем-то отличалась.

Т а б л и ц а 19

Нормы питания в местах заключения в Сибири (по данным 1925 г.)<sup>1</sup>

№ п/п	Наименование мест заключения	Полагалось по норме отпуск продуктов на 3 дня, в калориях	Фактически отпускалось продуктов в калориях (% от нормы)
1	Канский домзак	6 924	4 186,62 (60,5)
2	Томский ИТД	– « –	2 794,0 (40,4)
3	Томский домзак	– « –	2 290,8 (33,1)
4	Мариинский – « –	– « –	1 943,48 (27,9)
5	Кузнецкий – « –	– « –	1 693,0 (24,5)
6	Щегловский – « –	– « –	2 143,15 (30,9)
7	Каменский – « –	– « –	2 243,50 (32,4)
8	Новониколаевский ИТД № 1	– « –	2 072,24 (29,9)
9	Барнаульский ИТД	– « –	1 535,26 (22,2)
10	Бийский – « –	– « –	2 173,97 (31,4)
11	Рубцовский домзак	– « –	5 684,10 (82,1)
12	Омский ИТД	– « –	1 743,0 (25,2)
13	Тарский – « –	– « –	1 419,0 (20,5)
14	Тюкалинский – « –	– « –	1 845,0 (26,7)
15	Славгородский домзак	– « –	1 649,0 (23,8)
16	Барабинский – « –	– « –	2 299,42 (32,5)

В связи с недостатком средств и отсутствием дополнительных кредитов на приобретение продуктов питания для заключенных, содержащихся сверх штата, начальство отдельных мест заключения вынуждено было сокращать продовольственные пайки заключенным до 50%. Что касается вещевого довольствия, то в прокурорском отчете о деятельности мест заключения Сибири в 4-м квартале 1925 г. отмечалось, что «положение с вещевым довольствием заключенных продолжает стоять очень остро. Имеющиеся запасы вещевого довольствия иссякли и по большинству мест заключения такового совершенно нет. В других же местах заключения обмундирование заключенным выдается в исключительных случаях при отправке пересыльно-заключенных этапным порядком и при освобождении заключенных, совершенно не имеющих собственной одежды»<sup>2</sup>.

19 ноября 1926 г. старший помощник прокурора по Бийскому округу Никитин докладывал краевому прокурору, что переполнение Бийского исправтруддома составило более 400%. При последнем посещении ИТД заключенные жаловались, что им не хватает полутора фунтов пайка хлеба, тем более что 15 ноября

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-1958. Оп. 1. Д. 91. Л. 6 об. – 7. Что касается калорийности питания, то информация о нормах самая разная. Часть цифр мною названа. Но омский губпрокурор в докладе 1924 г. ссылался на норму в 2 287 калорий (Отчет о работе Омской губпрокуратуры за 2-е полугодие 1924 г. См.: Там же. Оп. 3. Д. 23. Л. 104). М.Г. Детков в вышеназванной работе называет цифры («научно обоснованные») в 2 996 калорий для лиц, не занятых на работах, и 3 581 – для занятых на усиленных работах (С. 97). Но в обоих случаях нет отсылки, кем эти нормы были просчитаны и утверждены.

<sup>2</sup> Отчет о деятельности мест заключения Сибири за окт.–дек. 1925 г. См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 63. Л. 7.

начальником ИТД хлебный паек был уменьшен до 1 фунта «вследствие недостаточности отпускаемых пайков. Из местного бюджета на питание заключенных не отпускается ничего. Сибинспекция мест заключения перевела лишь на 600 человек пайков, из расчета 7 коп. на заключенного»<sup>1</sup>.

Немногим ранее, 30 июня 1926 г., Омский исправтруддом обследовала серьезная по составу комиссия, возглавляемая помощником краевого прокурора Баранниковым. В состав комиссии были включены: от РКИ – Сергеев, от профсоюзов – Чертищев, а также инспектор мест заключения Кикеев. В составленном комиссией акте было, в частности, отмечено, что «много заключенных из неминуемых, **совершенно нагие**» (выделено мною. – В.У.)<sup>2</sup>.

Названная комиссия была создана на основании письменного распоряжения старшего помощника краевого прокурора по Омскому округу К.Ф. Сизых от 26 июня 1926 г. по факту убийства в Омском исправтруддоме часовым заключенного, смотревшего в окно из камеры. В связи с этим случаем 267 заключенных объявили голодовку. Администрации ИТД были предъявлены требования из 31 пункта, абсолютное большинство которых касалось улучшения условий быта и положения заключенных – удаления из камер параш, открытия уборных, улучшения медицинской помощи, выдачи казенного белья, предоставления двухчасовой прогулки и проветривания камер, улучшения питания и т.д. (называю в порядке их фиксации в акте, составленном Сизых при посещении ИТД 25 июня 1926 г. – В.У.).

Но среди требований были и такие – «перевод срочных на работу, ...оплачивать работу арестованных, ...не отказывать зачета рабочих дней, если заключенный не имеет замечаний»<sup>3</sup>, т.е. поднимались вопросы, продекларированные государством в карательной политике.

Причина заключалась в том, что большинство заключенных тех лет, согласно статистическим данным, были по социальному положению рабочими и крестьянами – людьми, привыкшими всю жизнь трудиться и жить своим трудом, для которых сидеть без дела в битком набитых камерах, могу предположить, было делом мучительным. С другой стороны, зачет рабочих дней мог приблизить их освобождение, а получение денег за труд позволяло приобретать продукты питания или что-нибудь из иного необходимого.

Напомню, что уже 24 января 1918 г. было принято постановление НКЮ «О тюремных рабочих командах», согласно которому при тюрьмах образовывались «рабочие команды для производства необходимых государству работ, не превышающих по тяжести работы чернорабочего». А Временная инструкция «О лишении свободы как о мере наказания и о порядке отбывания такового» от 23 июля 1918 г. впервые установила обязательность общественно полезного труда в местах лишения свободы. В связи с этим предлагалось создавать на местах

<sup>1</sup> Информация старшего помощника краевого прокурора по Бийскому округу прокурору Сибири от 19 ноября 1926 г. См.: Там же. Оп. 2. Д. 117. Л. 89.

<sup>2</sup> Акт обследования Омского ИТД 30 июня 1926 г. См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 117. Л. 33.

<sup>3</sup> Акт старшего помощника краевого прокурора по Омскому округу от 25 июня 1926 г. о требованиях заключенных в связи с убийством арестованного часовым. См.: Там же. Л. 35.

различного рода мастерские, не требовавшие сложного оборудования: переплетные, сапожные, корзиночные, прачечные, шитья белья и т.п.

В 1920 г. работами в местах заключения было занято около 50%, а в 1921 г. – около 55% заключенных. После перевода в 1922 г. решением правительства всех мест заключения, за исключением пятнадцати, на местные средства и самокупаемость, в местах заключения НКВД на работах использовались 70–75% заключенных, в НКЮ – 35–45%. Одновременно с этим во исполнение Постановления ВЦИК от 12 декабря 1921 г. все лагеря НКВД были разгружены от нетрудоспособных заключенных, которым пребывание в лагере заменялось высылкой или ссылкой<sup>1</sup>.

По данным, полученным в 1922 г. из 192 мест заключения, в них имелись 982 мастерских, в том числе портновских – 178, сапожных – 202, белошвейных – 8, прядильных – 5, переплетных – 22, прачечных – 11, кузнечно-слесарных – 246, столярных – 195, типографий – 7, малярных – 7, корзиночных – 4, шорных – 7, бондарных – 36, жестяночных – 24, валяльных – 16 и 8 мастерских по изготовлению мелких кустарных изделий. Были механизированы 36. В местах заключения были и предприятия фабрично-заводского типа – 5 кирпичных, 2 литейных, 5 кожевенных, 1 мыловаренный и 1 гончарный заводы, 7 мельниц, 8 электростанций<sup>2</sup>.

В Сибири ситуация складывалась следующим образом: в Омской губернии были открыты типография, мыловаренный завод и электростанция; в Томской – кожевенный завод и химико-технологическая лаборатория; в Иркутской – 2 кожевенных завода, паровая мельница, электростанция. Обобщенных данных, к сожалению, нет, так как отсутствовали сведения по отдельным губерниям<sup>3</sup>. Но производства постоянно развивались.

Так, в местах заключения Томской губернии на 10 октября 1922 г. имелось 12 мастерских, в которых работали 292 чел., еще 1 285 чел. были заняты на оплачиваемых внутренних, внешних и хозяйственных работах, выполнившие к дате отчета 23 870 поденщин. За это же время «на рыбном промысле в Нарымском крае было добыто 700 пудов разной рыбы, из коих 277 пудов... доставлены в г. Томск для довольствия заключенных». Предполагалось до рекостава добыть еще 800 пудов рыбы. В трех сельхозколониях было «подкошено до 250 десятин луга и поставлено до 15 000 пудов сена»<sup>4</sup>. К 1924 г. в Томске работали в исправтруддome: кожзавод и овчинно-шубная (число занятых 25 чел.), железокровельных работ (40 чел.), столярно-бондарная (5 чел.), слесарно-механическая (15 чел.), крупорушка (10 чел.), корьедробилка (3 чел.), оборудовалась гречерушка; при доме заключения – столярная (до 20 чел.), слесарно-жестяная (до 10 чел.), пимокатная (до 20 чел.), портняжная (до 10 чел.), кошмовальня (до 20 чел.), бондарно-колесная (до 10 чел.), кузница (до 6 чел.), прачечная (до 20 чел.), химическая лаборатория (до 3 чел.), помадная (до 3 чел.), кондитерская (до 3 чел.),

<sup>1</sup> Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 14.

<sup>2</sup> Пенитенциарное дело в 1922 году... С. 27; Гиляров Е.М., Михайличенко А.В. Указ. соч. С. 66.

<sup>3</sup> Кузьмина А.С. Становление исправительно-трудовых учреждений Сибири... С. 73.

<sup>4</sup> Из отчета ВРИД начальника Управления местами заключения в Томский губотдел юстиции за июль-август 1922 г. См.: ГАТО. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 8. Л. 58.

кожзавод (до 15 чел.), переплетно-кулочная (до 6 чел.) и ассенизационный обоз – 6 чел.<sup>1</sup>

В Омской губернии в 1925 г. действовали 12 производственных мастерских<sup>2</sup>.

В эти же годы получили развитие как форма организации труда трудовые сельскохозяйственные колонии и фермы. По данным ГУМЗ РСФСР, к концу 1924 г. на учете состояли 38 самостоятельных сельхозколоний, 9 отделений и 70 ферм. В Сибири к этому времени такие колонии действовали в Омской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. Кроме того, во многих местах заключения были сельскохозяйственные отделения и фермы. Так, Томский труддом для несовершеннолетних занимался сельским хозяйством, будучи, по сути дела, сельскохозяйственной трудовой коммуной.

Во многих местах заключения были организованы подсобные производства, создавались различного рода кустарные мастерские, обслуживающие не только собственные нужды, но и потребности окрестного населения, особенно по ремонту сельскохозяйственной техники. А Омской колонией были проведены работы по электрификации прилегающих районов<sup>3</sup>.

В последующие годы привлечение к труду было продолжено. Так, в Новониколаевске привлечение к труду детей-правонарушителей позволило развернуть довольно серьезные работы сельскохозяйственной направленности, а непосредственно при трудовой колонии было организовано кирпичное и черепичное производство, велись работы «по постройке обжигательной печи». Планировалось организовать выпуск только в летние месяцы 600 тыс. штук кирпичей. Для постоянной работы этого производства предполагалось привлечение трудовых артелей из других детских учреждений<sup>4</sup>.

Развитие производств объяснялось не только необходимостью перевоспитания, но и потребностью выживания в связи с переводом на местный бюджет или самокупаемость. В качестве примера. В системе Главного управления принудработ в 1922 г. на пошив одежды и белья было выделено 200 000 аршин хлопчатобумажной ткани из расчета шесть аршин на человека, 1 000 пар ботинок и 11 343 пары лаптей при общем количестве заключенных, с учетом их движения, в 46 тыс. чел.<sup>5</sup> Будущее показало, что только отдельные места заключения могли действительно обеспечивать свои потребности. Иначе в те годы быть и не могло – претворение в стране в жизнь новой экономической политики, предполагавшей быстрое восстановление народного хозяйства и его социалистическую перестройку, не могло не сказаться на состоянии пенитенциарной системы. Переход к экономической модели с элементами капитализма и рыночных отношений заметно ухудшил и так недостаточно стабильное и устойчивое экономическое положение мест лишения свободы и, в первую очередь, отразился на условиях содержания заключенных.

<sup>1</sup> Доклад прокурору Республики о результатах ревизии Томской губпрокуратуры, проведенной в период с 15 по 22 мая 1924 г. прокурорами НКЮ. См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 30. Л. 68, 70–71.

<sup>2</sup> Протокол междуведомственного совещания по борьбе с преступностью при Омском губпрокуроре от 15 сентября 1925 г. См.: Там же. Оп. 1. Д. 59. Л. 17.

<sup>3</sup> Кузьмина А.С. Становление исправительно-трудовых учреждений Сибири... С. 73–74.

<sup>4</sup> Советская Сибирь. 1926. 28 янв.

<sup>5</sup> Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. М., 1999. С. 129.

Во-первых, в стране хватало свободных рук – разруха еще не была преодолена. Новониколаевский губпрокурор в отчете об итогах работы во 2-м полугодии 1924 г. отмечал, что часть осужденных «использовалась на хозяйственных работах, причем, вследствие большого наплыва безработных, найти платной работы, за небольшим исключением, не представлялось возможным. Всего за три месяца, октябрь–декабрь, от работ поступило 91 руб. 55 коп.»<sup>1</sup>. Несмотря на некоторое улучшение экономического положения страны в последующие годы, на биржах труда в 1928 г. было зарегистрировано 1,365, а в 1929 г. – 1,242 млн безработных. Поэтому вопросы трудоустройства заключенных стояли очень остро<sup>2</sup>. Например, проблемой была «полная невозможность использования женского труда», в частности в исправительно-трудовых домах Новониколаевска, о чем вел речь прокурор Сибири в отчете о работе прокуратуры Сибири за 2-е полугодие 1925 г.<sup>3</sup> Для большинства мест заключения Сибири этот вопрос был неразрешимым.

Во-вторых, создаваемые в местах заключения кустарные мастерские в силу объективных причин не могли решать как глобальных задач по перевоспитанию, так и частных – по выживанию, так как даже в период наивысшего развития их деятельности работать мог только один из трех заключенных. Нельзя не учитывать и тот факт, что обычно на работу шли люди «от станка и сохи», попавшие в места заключения чаще всего за бытовые преступления. А отбывавшие рядом с ними наказание профессиональные преступники, каковых было немало, жили по своим «воровским» законам, не работали, обирая тех же работяг.

В-третьих, сколько бы мастерских ни открывали, они не могли соперничать с промышленной продукцией аналогичных государственных и частных производственных предприятий по качеству и не могли обеспечить даже в малой степени потребности населения, хотя бы из-за отсутствия качественного оборудования для производства и недостаточности сырья.

В-четвертых, переполнение мест заключения, о чем уже шла речь выше. Занять чем-либо многотысячную массу заключенных было практически невозможно. Никакие амнистии, ни комиссии по разгрузке мест заключения не могли решить проблему переполнения мест заключения. Несколько примеров. В 1924 г. в соответствии с циркуляром ЦИК СССР с 29 мая по 25 июня в Томске работала комиссия по разгрузке мест заключения, которая вынесла решение об освобождении 465 чел.<sup>4</sup>, что позволило привести в соответствие численность заключенных числу штатных мест. Но уже все последующие отчеты, о чем говорилось выше, свидетельствовали вновь о переполнении мест заключения. Уменьшение государственных дотаций на фоне увеличения числа заключенных резко ухудшило условия их содержания в местах лишения свободы, что выше уже отмечалось.

24 ноября 1926 г. Председатель ВЦИК М.И. Калинин подписал циркуляр № 1011/с в адрес республиканских, краевых, областных и губернских исполни-

<sup>1</sup> Отчет о деятельности Новониколаевской губпрокуратуры за 2-е полугодие 1924 г. См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 22. Л. 64.

<sup>2</sup> Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России... С. 196.

<sup>3</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 19. Л. 247.

<sup>4</sup> Там же. Оп. 3. Д. 25. Л. 39.



тельных комитетов, Верховного Суда, НКЮ и НКВД РСФСР и Центральной распределкомиссии<sup>1</sup>, в котором предлагалось «местным распределительным комиссиям рассмотреть дела всех содержащихся в местах лишения свободы по приговорам народных, губернских и соответствующих им судов, а равно – военных трибуналов и применить условно-досрочное освобождение... или замену лишения свободы принудительными работами без содержания под стражей в отношении... заключенных, хотя бы и не отбывших половины срока, назначенного судом, которые в данный момент не являются социально опасными...». Работу необходимо было завершить в месячный срок<sup>2</sup>.

По амнистии 1927 г. к 10-летней годовщине Октябрьской революции из мест заключения было освобождено около 60 тыс. заключенных, так как их перегрузка составляла в среднем 158%, а в отдельных местах до 200%. Но уже через год число заключенных достигло 118 888 чел.<sup>3</sup>, а в 1930 г. – 179 тыс. чел.<sup>4</sup>, что вновь привело к переполнению мест лишения свободы.

<sup>1</sup> Распредкомиссии создавались на местах при губинспекциях мест заключения. (В 1925 г. их на территории Сибиря было 18. См.: ГАНО. Ф. Р-1958. Оп. 1. Д. 88. Л. 6). В комиссии входили: губинспектор мест заключения, член губсуда, представитель губРКИ, член губсовета профсоюзов, член комитета помощи содержащимся в местах заключения и освобождаемым из них. В работе комиссий принимали участие прокуроры, представители отделов здравоохранения, народного образования и другие специалисты. В функции комиссии входило: распределение осужденных по видам исправительных учреждений (это было одним из важнейших побудительных мотивов создания комиссий, так как с мест поступало много обращений о «перемешивании» в местах заключения осужденных «всех мастей», без учета их социального происхождения, совершенного преступления и т.п.) и перевод из одного учреждения в другое, принятие решения об отмене содержания под стражей или об увеличении срока, о досрочном освобождении, о предоставлении отпусков, зачете рабочих дней и т.д. В качестве примера работы распределкомиссии – данные из отчета прокурора Сибири о результатах работы во 2-м полугодии 1925 г. Распредкомиссиями округов за указанный период было проведено 180 заседаний, на которых было рассмотрено только о досрочно освобожденных 4 332 вопроса, о переводе на работы – 690 и зачете 2 дней работы за 3 дня лишения свободы – 2 152 (всего 7 174 вопроса). См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 19. Л. 301.

Одной из проблем в работе распределкомиссий была текучка кадров. «Советская Сибирь» 11 августа 1928 г. писала, что только за истекшее полугодие в Новосибирской окружной комиссии сменилось 6 представителей от РКИ, 3 – от административного отдела, 2 – от окружного суда, а «профсоюзные организации просто считают свое присутствие совершенно необязательным и не посылают своих представителей». Подобная картина была характерна и для других мест.

<sup>2</sup> Циркуляр ВЦИК СССР о работе распределкомиссий от 24 ноября 1926 г. См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 117. Л. 114–115. Циркуляр был исполнен на местах, но последствия его были неоднозначны. Так, прокурор Сибири в отчете о работе за 1-е полугодие 1927 г. отметил, что «несмотря на проведенную разгрузку мест заключения согласно циркулярного предложения ВЦИКа от 24/XI-1926 года № 1011/с» переполнение мест заключения края остается значительным (Доклад о результатах работы прокуратуры Сибири в 1-м полугодии 1927 г. См.: Там же. Оп. 1. Д. 159. Л. 112). Кроме того, по результатам «месячника» борьбы с бандитизмом, проведенным в Сибири в начале 1927 г., констатировалось недостаточно умелое проведение разгрузки мест заключения в ноябре 1926 г., что привело к тому, что часть «условно-досрочников» влилась в состав банд и приняла участие в налетах и грабежах (Совершенно секретный протокол № 3 совещания по борьбе с бандитизмом от 1 сентября 1927 г. См.: Там же. Оп. 2. Д. 131. Л. 14 об. –15).

<sup>3</sup> Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С. Указ. соч. С. 24.

<sup>4</sup> Зубков А.И. Указ. соч. С. 18. Однако наличие плановости, учета и контроля при социализме в сферах общества проявлялись и в пенитенциарной системе. Уже накануне выхода в мае 1933 г. постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР на места поступило указание о срочном пересмотре в сжатые сроки дел на всех следственно-заключенных и сокращении количества арестованных ОГПУ и милицией до 50%. И задача была выполнена. В отчете прокурора Сибири И. Баркова Прокурору СССР И. Акулову за 1933 и первый квартал 1934 г. отмечалось, что из свыше 10 тыс. заключенных на 1 мая 1933 г. осталось 8 748, на 1 июня – 5 167, на 1 июля – 2 316, «что соответствовало установленному в то время лимиту». В июле лимит для органов

Следует заметить, что при разгрузке мест лишения свободы из них освобождались и рецидивисты. С конца 1927 г. для разгрузки мест заключения рецидивистов стали ссылать и высылать чаще, чем в предыдущие годы. Например, таких к началу 1928 г. в Каменском округе числилось 21, в Барабинском – 45, в Барнаульском – 25, в Иркутском – 10 и в Тарском – 40 чел.<sup>1</sup>

В-пятых, поиск государством путей и форм привлечения заключенных к труду не дал конкретных результатов. Созданные в начале 1920-х гг. при губернских инспекциях мест заключения бюро принудительных работ или их отделы в уездах не могли решить проблемы, несмотря на то, что партийные и советские органы на местах обязывались к принятию мер по организации работ и оказанию конкретной помощи местам заключения в трудоустройстве заключенных.

10 мая 1927 г. краевой прокурор И.Д. Кунов издал циркуляр № 16 «Об организации бюро принудительных работ при РИКах». Циркуляр вновь констатировал, что основной мерой защиты государство «выдвигает осуждение к общественно-принудительным работам». Применение принудработ рассматривалось в качестве одной из самых рациональных и реальных мер, направленных на разгрузку чрезмерно перегруженных мест заключения, что должно было позволить уйти от принятия государством чрезвычайных мер по разгрузке. «Отсутствие в прошлом на местах правильно организованных Бюро принудительных работ не давало возможности привлекать к отбытию наказания осужденных и привлеченных (адморганам) к принудительным работам и приводило к тому, что огромное количество осужденных и привлеченных... не отбывало или отбывало [наказание] фиктивно. Такое положение создавало среди широких масс населения впечатление полной безнаказанности содеянных ими правонарушений, что, в свою очередь, вызывало нарекания на органы Советской власти – с одной стороны, и толкало судебные органы на путь вынесения приговоров с лишением свободы – с другой»<sup>2</sup>.

Вывод действительно представлял объективную картину тех лет. Существовал замкнутый круг – сажали – амнистировали (досрочно освобождали) – и вновь сажали.

Особенностью этого циркуляра являлось то, что вопросы организации всех работ ложилась на местные органы власти – райисполкомы. Окружным и участковым прокурорам предлагалось организовать рассмотрение этого вопроса на совещаниях по борьбе с преступностью, срочно – на ближайших заседаниях президиумов или пленумов окружных исполкомов, а также «оказывать местным органам власти всемерное содействие к изысканию общественных работ, к которым бы могли бы быть привлечены осужденные».

Непринятие соответствующих мер по претворению в жизнь Декрета ВЦИК от 6 сентября 1926 г. об организации принудительных работ являлось «большой политической недооценкой в общесоветском социалистическом строительстве»<sup>3</sup>.

---

ОГПУ был сокращен до 1 951 чел., и он выдерживался до октября, когда был выявлен перелимит на 53 чел. К началу 1934 г. за органами ОГПУ числились 2 137 чел. За 1-й квартал число заключенных сократилось до 727 чел. (соответственно по месяцам – до 1 453, 1 001 и 727 чел.). См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 209. Л. 93–94; Д. 214. Л. 4.

<sup>1</sup> Маргиналы в социуме... С. 251.

<sup>2</sup> Циркуляр № 6 краевого прокурора всем окружным и участковым прокурорам Сибкрая об организации бюро принудительных работ от 10 мая 1927 г. См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 145. Л. 65.

<sup>3</sup> Там же. Л. 65–66.

Характеризуя систему мест лишения свободы, но не касаясь (на данном этапе) режима пребывания осужденных в местах заключения, нельзя не остановиться на сложившейся и широко распространенной в 1920-е гг. практике предоставления отпусков заключенным.

По Временной инструкции 1918 г. «О лишении свободы...» устанавливался ограниченный порядок предоставления отпусков (смерть родственника или иной серьезный повод). По Положению об общих местах заключения 1920 г. отпуск рассматривался в качестве льготы и мог предоставляться заключенным из разряда исправляющихся или образцовых один или два раза соответственно по 7 дней каждый. Исправительно-трудовой кодекс 1924 г. признал неоспоримое право заключенного на отпуск как привилегию, но это право не распространялось на лиц, содержащихся в изоляторах специального назначения.

В Сибири с 1921 г. широко практиковалась система отпусков для осужденных крестьян на время полевых работ. Отпуск предоставлялся распределительной комиссией и не мог превышать в общей сложности шести недель, но в срок наказания не засчитывался. В апреле 1925 г. эта практика была окончательно закреплена Постановлением ВЦИК.

Число заключенных, получавших отпуска, увеличивалось с каждым годом. Так, если Алтайская губернская распределительная комиссия в 1923 г. разрешила 18 отпусков, а Омская – 27<sup>1</sup>, то в 1924 г. Омская комиссия предоставила уже 30 отпусков на общих основаниях и 47 – в экстраординарном порядке<sup>2</sup>, а Новониколаевская – 130 и 55 соответственно<sup>3</sup>.

Но, как показывают документы, отпуск предоставляли не только распределительные комиссии. Выше был приведен пример, когда прокурором края во время обхода Каргатского ИТД в мае 1924 г. были освобождены 12 чел., подавших ходатайства об отсрочке исполнения приговора в связи с необходимостью производства полевых работ.

В 1925 г. отпуска увеличились уже до 3 месяцев. И время отпуска стало засчитываться в срок отбывания наказания полностью или частично, не засчитывались лишь в случаях каких-либо допущенных осужденным нарушений во время отпуска. В этих случаях (по ходатайству населения или органов власти) заключенных возвращали в места отбывания наказания досрочно. Всего в 1925 г. на полевые работы по стране было отпущено 14 559 заключенных, из которых в места заключения не возвратились 617 чел. (4,24%)<sup>4</sup>.

Отношение к отпускам было неоднозначным. Например, старший помощник прокурора по Красноярскому округу Н.А. Седмиградский на окружном совещании по борьбе с преступностью в ноябре 1925 г. заявил, что «циркуляр об отпуске на полевые работы, освободивший многих заключенных, не встретил сочув-

<sup>1</sup> Кузьмина А.С. Становление исправительно-трудовых учреждений Сибири... С. 55.

<sup>2</sup> Отчет о деятельности Омской губпрокуратуры за 2-е полугодие 1924 г. См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 23. Л. 105.

<sup>3</sup> Отчет о деятельности Новониколаевской губпрокуратуры за 2-е полугодие 1924 г. См.: Там же. Д. 22. Л. 65.

<sup>4</sup> Детков М.Г. Содержание пенитенциарной политики... С. 118.

ствия у населения и на съезде Советов был подчеркнут вред от таких льгот»<sup>1</sup>. Возможно, и по этой причине в последующие годы число отпускников стало сокращаться. Тем не менее в 1927 г., по данным Сибирской краевой инспекции мест заключения, было предоставлено 1 923 отпуска (на 1 месяц – 598, на 2 – 792 и на 3 месяца – 533), в 2 218 случаях в предоставлении отпуска распредкомиссиями было отказано. Не возвратились 62 заключенных. 1 066 заключенным отпуск был зачтен в срок отбывания наказания полностью<sup>2</sup>. Несмотря на то, что число невозвращенцев в Сибири было наибольшим (за исключением Вятской и Московской губерний, где число невозвращенцев составило 49 (из 1069) и 51 (из 379) чел. соответственно, в других губерниях невозвращенцы исчислялись единицами), в процентном отношении невозвращенцев к отпущенным в отпуска Сибирь занимала только четвертое место (3,2%) после Московской губернии (13,45%), Дальне-Восточного края (5,0%) и Вятской губернии (4,6%).

Анализ состава преступлений, за совершение которых были осуждены лица, отпускаемые на полевые работы, свидетельствует о том, что распредкомиссии не делали никаких исключений, о чем свидетельствует табл. 20. Наибольший процент отпускаемых на полевые работы составляли **осужденные за имущественные преступления (разбой и грабеж, кража скота и прочие имущественные преступления), преступления против личности, убийства и против порядка управления** (выделено мною. – В.У.). Сложно заподозрить в них добропорядочных семьянинов, действительно стремящихся обеспечить себя и свои семьи пропитанием. Поэтому часть из отпущенных заключенных не возвращалась, используя отпуск для организации побега из мест лишения свободы.

Таблица 20

Сведения о составе преступления и соотношении числа отпускаемых на полевые работы к общему числу осужденных в РСФСР (по данным 1925–1926 гг.)<sup>3</sup>

Состав преступления	Средний удельный вес, %
Контрреволюция	1,9
Против порядка управления	16,1
Взяточничество и провокация взятки	3,4
Растрата и присвоение	4,4
Прочие должностные преступления	5,0
Убийства	20,4
Прочие преступления против личности	27,1
Разбой и грабеж	9,3
Кража скота	4,1
Прочие имущественные преступления	13,9
Воинские преступления	1,1
Прочие преступления	0,3

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 59. Л. 66. Несмотря на неоднозначное отношение к отпускам заключенных, и в Исправительно-трудовом кодексе 1933 г. ст. 78 констатировала право наблюдательным комиссиям предоставлять заключенным за ударную работу и образцовую дисциплину отпуска до 15 дней в год с зачетом в срок отбывания наказания. Колхозникам и единоличникам, отбывавшим наказание, в период проведения сельхозкомандировок могли предоставляться отпуска сроком до 3 месяцев.

<sup>2</sup> Детков М.Г. Содержание пенитенциарной политики... С. 119.

<sup>3</sup>

Там

же.

С.

При всей гуманности предоставления отпусков полагаю возможным рассматривать их предоставление как возможность для власти своеобразной разгрузки мест заключения – уходящий в отпуск освобождал место, питание и вещевое довольствие ему не полагались, работой был занят. Последнее особенно важно, так как перевоспитание предполагало, в первую очередь, занятие общественно полезным трудом, а руководство мест заключения не могло предоставить его в необходимых объемах и количестве.

Но советская пенитенциарная система в своей истории имела и немало случаев естественной «разгрузки» мест заключения, когда отбывавшие наказание бежали из них сотнями и тысячами. Так, по причине недостаточной изоляции заключенных из лагерей принудработ только в 1922 г. бежали 14 368 чел. Из мест заключения НКЮ, по неполным данным, опять-таки только за период с января по август 1922 г. совершили побег 11 162 заключенных<sup>1</sup>. В процентном отношении эти данные выглядят следующим образом. Если накануне Февральской революции из царских тюрем бежало ежегодно 0,7–0,8% заключенных, то в 1919 г. из мест заключения РСФСР – уже 3,97%, в 1921 г. – 3,77%, в 1922 г. – 19,2%, в 1923 г. – 8,3%<sup>2</sup>. Уменьшение побегов в 1923 г. произошло за счет наведения порядка в охране мест заключения и усиления режима отбывания наказания. За период с 1 апреля по 1 июля 1924 г. бежали 1 232 заключенных. В двенадцати случаях побег сопровождался насилием над стражей, в 43 случаях – подкопами, проломами и т.п.<sup>3</sup> За первое полугодие 1926 г. число побегов с насилием только по РСФСР превысило 400<sup>4</sup>.

Контроль мест заключения был постоянно действовавшей задачей для работников прокуратуры, которые были обязаны в своих отчетах дважды в год освещать эти вопросы. Кроме того, в мае 1924 г. Томская и Иркутская губпрокуратуры про-

<sup>1</sup> Пенитенциарное дело в 1922 году... С. 17.

<sup>2</sup> Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России... С. 143, 147–148.

<sup>3</sup> Там же. С. 139.

<sup>4</sup> Маланкин А.Н. Институт содержания под стражей в 1917–1933 гг... С. 139. Проблема изоляции заключенных и в последующие годы была очень острой. Только за 10 месяцев 1934 г. из мест заключения РСФСР бежало 61 905 заключенных (С. 148). Большое число беглецов объяснялось тем, что в местах заключения режим содержания был достаточно ослаблен. Так, в акте передачи мест заключения в систему Главного управления лагерей и мест заключения НКВД СССР в 1934 г. отмечалось: «Камеры, в которых содержатся как осужденные, так и подследственные, во все время суток открыты. В тюрьмах, даже где содержатся подследственные, имеется радио. Заключенные разгуливают по всей тюрьме, устраивают пьяные оргии, процветает разврат, картежные игры, разбойные налеты друг на друга. Совершенно свободно заключенные, в том числе и следственные, уходят из тюрьмы в город, где производят грабежи и награбленное приносят в тюрьму для продажи». См.: История исполнения уголовных наказаний в тюрьмах и колониях-поселениях России... С. 30.

А вот как описал режим содержания заключенных в политизоляторе Н.Ежов в своем выступлении на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 2 марта 1937 г.: «Осужденным представлялось право пользоваться литературой, бумагой, письменными принадлежностями в неограниченном количестве... Наряду с казенным пайком все заключенные имели возможность получать продукты с воли в любом количестве и любого ассортимента, в том числе и водку. Во многих случаях... представлялась возможность отбывать наказание вместе со своими женами... Заключенные в Челябинском политизоляторе играли в волейбол. Там... были спортивные площадки, где они играли в волейбол, крокет, теннис...». См.: <https://istmat.org/node/30230> – обращение 09.09.2022 г. Более подробно такие условия режима содержания описаны в совершенно секретном приказе НКВД СССР № 00112 «О результатах проверки тюрем особого назначения НКВД СССР» от 15 марта 1937 г. Сложно поверить, уж больно картина идилическая. Или режим просто не соблюдался должностными лицами?

верялись комиссией НКЮ, которая указала, что побеги имеют место. Но если по Томской губернии обошлись простой констатацией факта наличия побегов<sup>1</sup>, то Иркутской указали: «Побегов в 1921 г. было 30, в 22 – 29, в 23 – 30 и в 24 – 4, всего 93, из них 77 с внешних работ и 16 из-под караула и корпуса»<sup>2</sup>. Ничего удивительного в этом не было. И в Томской (5 чел. – 3 в ГО ОГПУ и 2 в ГАО), и в Иркутской губерниях (33 чел.) заключенные работали в организациях и учреждениях без конвоя и ночью в места содержания под стражей не возвращались, т.е. были фактически освобождены от контроля за ними, хотя часть и была осуждена к строгой изоляции на длительные сроки<sup>3</sup>.

В последующие годы информация о побегах все реже и реже, но еще встречалась в приказах, сводках и отчетах. Например, томский окринспектор мест заключения Редников 20 мая 1927 г. издал приказ № 13 в связи с участвовавшими случаями побегов с внешних работ, «благодаря невнимательному и огульному подбору партий, без учета трудового воздействия, оказываемого на этих заключенных, осужденных к лишению свободы со строгой изоляцией, преступников-профессионалов и следственных, несмотря на ряд личных и циркулярных распоряжений, даваемых мною, ...о недопустимости таких явлений». Причина побегов была определена в формулировке «неуяснения начальниками мест заключения принципов административно-пенитенциарной политики, считавшихся исключительно с хозяйственной целесообразностью и выгодностью». С учетом вскрытия причин предлагались и конкретные мероприятия по устранению случаев побегов. Умышленно не останавливаюсь на этих мероприятиях, так как следующим листом в архивном деле был приказ № 14 «О невыполнении приказа № 13», которым были объявлены выговоры начальнику Томского ИТД И.Г. Ковалеву и начальнику Томского изолятора спецназначения Н.В. Буинцеву<sup>4</sup>.

Если побеги периода первых лет Советской власти можно объяснить проблемами периода становления уголовно-исполнительной системы, когда отсутствовала единая система исполнения наказания, отсутствовали документы, регламентировавшие деятельность формирующейся системы, не было единого подхода у большевистского руководства страны к решению этого вопроса, когда старые кадры были уволены, а новые набраны не были в силу слабой их материальной защищенности, то в более поздние годы побеги можно рассматривать как организационные формы протеста и борьбы с новым режимом. Необходимо учитывать, что конвойная стража за период с 1923 по 1928 г. увеличилась вдвое – с 10 до 20 тыс. чел. и представляла собой внушительную силу. Нельзя не учитывать и тот момент, что во многих местах заключения вопросы охраны поддерживались самими заключенными.

---

<sup>1</sup> Доклад Прокурору Республики о результатах ревизии Томской губпрокуратуры, проведенной в мае 1924 г. прокурорами НКЮ. См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 30. Л. 75.

<sup>2</sup> Доклад Прокурору Республики о результатах ревизии Иркутской губпрокуратуры, проведенной в мае 1924 г. прокурорами НКЮ. См.: Там же. 141 об.

<sup>3</sup> Там же. Л. 69, 72, 137 об. –138.

<sup>4</sup> Приказ томского окружного инспектора мест заключения № 13 от 20 мая 1927 г. См.: ГАТО. Ф. Р-523. Оп. 1. Д. 6. Л. 43–44.

В наследство от старой тюремной системы новой власти достались обычаи и нравы, характерные для старого преступного мира. Профессиональный преступный мир не спешил «перековываться», браться за общественно полезный труд и жить по-новому, когда все и всем пополам. В условиях политической нестабильности и войн эти профессионалы еще более сплотились и организовались, так как появились возможности «урвать побольше» и сразу. В стране действовал преступный «орден» со своими правилами и уставом, «моральными» принципами (воровские законы), организационной структурой (воровские общины) и органами управления (воровские сходки и съезды), имевший и свою материальную базу («общак»). Количество уголовников-профессионалов никогда не было большим, но созданная ими система была государством в государстве, по их команде сотни и тысячи преступников рангом ниже были готовы беспрекословно, без обсуждения выполнить любой их приказ.

Именно эти профессионалы в местах лишения свободы терроризировали негодных им заключенных, обирали слабых, устраивали суд и расправу. Уже с первых лет система пыталась установить над этими профессионалами контроль, но сделать это было сложно, даже если их и изолировали от основной массы заключенных. Очень часто именно они были инициаторами разного рода «волынок», актов неповиновения администрации, массовых беспорядков, голодовок заключенных, побегов. Чем дальше от центра страны находились места заключения, тем все эти проявления были более остры и ярки.

В период нэпа в стране наблюдался рост уголовной преступности, значительное увеличение бандитских проявлений, имущественных и экономических преступлений. В 1924 г. число осужденных за уголовные преступления по сравнению с 1922 г. увеличилось вдвое – до 2 млн чел. Коммунистическое руководство стало всерьез воспринимать деятельность криминального мира наравне с контрреволюционными преступлениями<sup>1</sup>.

В середине 1920-х гг. Сибирь все чаще становится ареной схваток власти с бандами, орудовавшими на огромных сибирских просторах. Бандиты не останавливались ни перед чем, грабили, убивали, насиловали, жгли и разрушали. Особенно обострилась ситуация в Сибири к октябрю 1925 г. Прокурор Сибкрая П. Алимов вынужден был направить обращение в Прокуратуру страны с просьбой не возражать против применения расстрела к активной части уголовных банд<sup>2</sup>. Одновременно с его обращением в ОГПУ ушла шифртелеграмма за подписью заместителя полномочного представителя ОГПУ по Сибкраю Б. Бака, секретаря крайкома А. Лепы и заместителя председателя Сибревкома Р. Эйхе, в которой отмечалось, что «[за] последнее время чрезвычайно усилился уголовный бандитизм... имеется тенденция роста их [в] дальнейшем тчк **Банды пополня-**

<sup>1</sup> Говоров И.В. Указ. соч. С. 32. Для преступных авторитетов были созданы изоляторы особого назначения в целях их отделения от основной массы заключенных. К 1 января 1929 г. в них было сосредоточено по СССР 37 тыс. чел. элиты воровского мира (С. 33).

<sup>2</sup> Обращение прокурора Сибири П. Алимова 8 октября 1925 г. в Прокуратуру страны о разрешении расстрела активной части уголовных банд. См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 4. Л. 16.

**ются преимущественно уголовниками-рецидивистами[,] бежавшими [из] тюрем...»** (выделено мною. – В.У.)<sup>1</sup>.

О пополнении банд бежавшими в разное время из мест лишения свободы преступными элементами докладывал, в частности, на Совещании по борьбе с преступностью в 1924 г. начальник Иркутского губрозьиска Колпаков<sup>2</sup>.

Следует заметить, что провозглашенная государством политика перевоспитания заключенных предполагала использование не только труда. Особое место занимали вопросы и мероприятия культурно-воспитательного характера. В первую очередь предполагалась ликвидация неграмотности – явления почти всеобщего. Для решения этой проблемы в местах лишения свободы организовывалась система школьного образования. Так, в марте 1920 г. отделом юстиции Сибревкома в адрес всех заведующих домами принудработ был направлен циркуляр «Задачи культурно-просветительной работы в местах лишения свободы», в котором отмечалось, что «насколько важен труд для заключенного как элемент преобразующий его психику, настолько же важно заинтересовать заключенного школьным обучением и библиотекой».

Карательным отделам предлагалось уделить этому особое внимание, так как обучение в местах заключения велось бессистемно, а библиотеки находились в «жалком состоянии». Считалось, что «если преподавание, библиотека и труд будут рационально связаны между собой, то совместное их действие явится могучим рычагом социального перевоспитания». Соответственно поставленной задаче заведующие местами лишения свободы должны были ответить на целый комплекс вопросов, чтобы на их основе разработать планы необходимых мероприятий. Вопросы предполагали сбор данных от режима пребывания заключенного в местах лишения свободы до наличия учебной программы и её возможного улучшения, состава учебных групп, возможности обучения ремеслам или кустарному производству и т.п. Отдельно выделялся вопрос о возможности проведения лекций, собеседований и т.д., какие денежные затраты на это требовались<sup>3</sup>.

Другим направлением в процессе перевоспитания заключенных было их привлечение к культурной жизни через непосредственное участие в культурно-массовых и спортивных мероприятиях.

Следует отметить, что в начале 1920-х гг. многое из запланированного было выполнено. На практике реализовывалась большая культурно-просветительская работа, посещение школы заключенными, не достигшими 50-летнего возраста, стало обязательной нормой. В каждом месте заключения предусматривалось создание библиотек, читален, силами заключенных ставились спектакли, концерты, организовывались литературные вечера, живые газеты, спортивные упражнения и другие подобные мероприятия. В Томске, например, было разрешено спектакли, поставленные силами заключенных, ставить в черте города. Решение об этом было

<sup>1</sup> Обращение в ОГПУ СССР от 5 октября 1925 г. о расстреле бандитов. См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 4. Л. 24.

<sup>2</sup> Протокол совещания по борьбе с преступностью (г. Иркутск, 1924 г.). См.: Там же. Оп. 3. Д. 21. Л. 28.

<sup>3</sup> Циркуляр отдела юстиции Сибревкома «Задачи культурно-просветительной работы в местах лишения свободы». [март] 1920 г. См.: ГАНО. Ф. Р-467. Оп. 1. Д. 63. Л. 18.



принято на заседании президиумов губисполкома и губэконо 11 мая 1923 г., в постановлении которого отмечалось, что «ввиду превышения количества заключенных нормы, принятой местным бюджетом, и невозможности удовлетворения их за счет кредитов местных, а также недостаточного количества средств, отпускаемых Центром, – предоставить право домзаку ставить спектакли за пределами мест заключения в городе силами заключенных за исключением подследственных»<sup>1</sup>. Интересно, но информация о принятом решении до Управления местами заключения была доведена Отделом Управления телефонограммой с грифом «Весьма срочно». Резолюция начальника Управления местами заключения была лаконичной: «Учебно-воспитательной части. К руководству. 12/V-23 г. В. Векшин»<sup>2</sup>.

Решение, как видно из документа, преследовало одну цель – дать возможность дому заключения зарабатывать деньги на собственное содержание, а театр оказался успешным проектом, так как еще в 1921 г. в материалах НКЮ был опубликован отчет Томского губернского исправительно-трудового отдела: «В настоящее время слава театра пошла за пределы города; труппу Домпринраба стали приглашать в ближайшие сибирские города.

18 марта 1921 г. в день Парижской Коммуны в г. Мариинске был открыт театр имени Парижской коммуны и по окончании торжественного заседания была поставлена опера «Борис Годунов» в исполнении заключенных.

Успех Томского тюремного театра, вызвавший появление театра в Мариинском ДомПринРаба, дает надежду, что деятели Мариинского Дома принудраб сумеют повести дело в духе томских товарищей.

Театр Мариинского ДомПринРаба вмещает до 500 человек, превосходно оборудован и расписан местными художниками.

Успех и настойчивые просьбы местных организаций заставили Заведующего Томским карательным отделом дать еще 4 спектакля в Мариинском Народном доме для рабочих и красноармейцев.

...На пути из Мариинска «Борис Годунов» был поставлен для шахтеров Анжеро-Судженского района...

Заключенные артисты... по просьбе Губисполкома и Губполитпросвета поставили... «Бориса Годунова»... 5 раз в клубе имени Тимирязева в г. Томске.

Выполняя свою культурную миссию, театральные работники Томского ДомПринРаба стремятся насадить театральное искусство среди широких масс рабо-

<sup>1</sup> Выписка из протокола № 41/32 Объединенного заседания президиумов губисполкома и губэконо от 11 мая 1923 г. См.: ГАТО. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 8. Л. 349. Следует заметить, что заключенные Томского ИТД и дома заключения, работавшие на внешних работах и в мастерских, получали на руки 20% заработка. Из этой суммы вычитались деньги за усиленное (так в тексте. – В.У.) питание. В фонд местных средств сдавалось больше, чем предусматривалось соответствующим распоряжением ГУМЗа, что являлось инициативой инспектора мест заключения губисполкома. Эта «ненормальность» отражалась на развитии мастерских. Для сравнения – в Иркутской губернии на руки выдавалось 36% заработка, минус расходы на питание, а остальные 64% поступали в пользу дома заключения с вычетом 14% на оплату охраны. См.: ГАНУ. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 30. Л. 69, 71, 138.

<sup>2</sup> Телефонограмма № 174 Отдела Управления в УМЗ от 12 мая 1923 г. См.: ГАТО. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 8. Л. 348.

чих в самых захудалых углах Сибири. Для этой цели предложен целый ряд организованных поездок от Иркутска до Челябинска»<sup>1</sup>.

Упомянутый выше Мариинский театр также смог развернуть свою деятельность, пусть и в масштабах уезда, поставив в 1921 г. 16 платных спектаклей, что позволило заработать 18 млн руб. и 750 пудов муки, что было неплохим результатом для поддержки заключенных<sup>2</sup>.

В сентябрьском (1920 г.) отчете Сибюста отмечалось, что Томскому карательному подотделу удалось поставить работу на должную высоту, в частности, подчеркивалось, что «широко поставлена культурно-просветительная работа среди заключенных, устроены оперный и драматический театры, ...имеются струнный, симфонический и духовой оркестры; открыты художественная и скульптурная мастерские»<sup>3</sup>. В 1922 г. силами заключенных Томского дома заключения были даны 7 оперных («Фауст», «Борис Годунов», «Аскольдова могила» и «Гейша») и 55 драматических спектаклей (Островский, Чехов, Куприн и др.), 17 концертов, в которых исполнялись произведения Грига, Листа, Бетховена, Шопена, Мусоргского и др.<sup>4</sup> Вне всякого сомнения, результаты работы впечатляли, они, безусловно, «давали козыри» тем правоведам, кто считал возможным перевоспитание заключенных.

Кто же были те заключенные? Ответ можно найти в уже упоминавшейся статье А. Сольца в газете «Правда». Он писал: «Надо, чтобы культурная работа велась своей публикой, а не сосредотачивалась бы в руках нэпманов и взяточников...»<sup>5</sup>. Не этот ли посыл стал отправной точкой к прекращению деятельности театральных трупп, музыкальных коллективов и других творческих объединений, несших культуру в среде заключенных и позволявших выживать местам заключения в условиях постоянного дефицита средств? «Нэпманы и взяточники» успешно вписывались в реализуемую в стране карательную политику на основе классового подхода «свой» – «чужие». Необходимо отметить, что вся культурно-воспитательная работа велась в условиях жесточайшего дефицита средств. Так, в г. Новосибирске на два ИТД в 1926 г. в квартал на культурно-просветительские

<sup>1</sup> Выписка из отчета Томского губернского исправительно-трудового отдела «О культурно-воспитательной работе», опубликованного в материалах НКЮ, вып. XIV, 1921 г. См.: ГАТО. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 8. Л. 351.

<sup>2</sup> Марченко С.Г. Указ. соч. С. 55.

<sup>3</sup> Отчет о деятельности отдела юстиции Сибревкома (сентябрь 1920 г.). См.: ГАНУ. Ф. Р-467. Оп. 1. Д. 44. Л. 19.

<sup>4</sup> Отчет о работе театра Томского дома заключенных за 1922 год. См.: ГАТО. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 8. Л. 28. В отчете НКВД по ГУМЗ X съезду Советов рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов в разделе «Учебно-воспитательная работа» отмечалось, что на основе представленных с мест заключения отчетов о проделанной культурно-просветительной работе за 10 месяцев 1922 г. для тюремного населения было прочитано 8 764 лекции различной тематики и поставлено 3 650 воспитательных развлечений (спектакли, вечера, концерты и т.п.). В среднем на каждое место заключения приходилось по 6 лекций и 2,5 постановки в месяц. См.: Пенитенциарное дело в 1922 году... М., 1922. С. 19; Уйманов В.Н. Тюремный театр – элемент пенитенциарной системы или исключение из правил? // Вестник Кузбасского института ФСИН России: науч. журнал. 2014. № 4(21). С. 131.

<sup>5</sup> ГАТО. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 33. Л. 11 об.

расходы выделялось всего 144 руб. (17,14 %) вместо положенных 787,5 руб. И это на 2 239 заключенных (при норме вместимости ИТД – 550 чел.)<sup>1</sup>.

В феврале 1923 г. ГУМЗ НКВД разослал на места циркуляр, посвященный вопросам обучения заключенных. Все они должны были быть разделены на 3 категории – грамотные, малограмотные и неграмотные. Если ранее сроки обучения не были определены, так как отдавались на усмотрение местным органам, то теперь предполагалось, что две первые категории должны были обучаться в течение 3 месяцев по 12 часов в неделю. Категория неграмотных при той же нагрузке должна была проходить обучение 6 месяцев. Кроме того, циркуляр определял необходимый перечень предметов. В местах лишения свободы, содержавшихся за счет местного бюджета, главной задачей являлась ликвидация неграмотности. Обучение остальных было возможным при наличии средств. Организация этой работы была важной составляющей в процессе работы с заключенными, и на это делался особый упор. Если в 1924–1925 г. в местах заключения было 122 школы с числом штатных школьных работников в 251 чел., то в 1925–1926 г. их было 204 и 348 соответственно.

Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г. предоставил культурно-просветительным комиссиям в местах заключения право издавать газеты, журналы, сборники для осужденных. Это, по мнению руководителей ГУМЗ, играло важнейшую роль в воздействии на заключенных в процессе их «перековки». На начало 1926 г. газеты и журналы издавались в 18 местах лишения свободы, практически все они замыкались на вопросах внутренней жизни этих мест. Так, в Новосибирском окружном исправтруддome издавали газету «Путь к исправлению». В 1927 г. газета была выпущена тиражом 50, в 1928 г. – уже 100, а в 1929 г. – 120 экземпляров. Редколлегию газеты составляли пятеро заключенных, а ответственным редактором был зав. учебно-воспитательной частью<sup>2</sup>. В целом по РСФСР в 1931 г. в местах лишения свободы выходили 8 многотиражных и 400 стенных газет.

Однако многое из описанного выше не стало повседневной обыденностью в местах заключения. Культурно-просветительная работа все-таки носила эпизодический характер, так как главной задачей мест заключения считалась изоляция преступников. Пройдет всего несколько лет, и воспитание как один из основополагающих факторов «перековки» преступников отойдет на вторые роли. В пенитенциарной системе возобладают другие принципы – материальные и экономические. А воспитанием будут заниматься профессиональные преступники в борьбе с нововведениями, за пропаганду своих воровских обычаев и правил, в борьбе за молодежь, которую они стремились привлечь в свои ряды. Этот тезис был подтвержден самой жизнью. Помощник прокурора Новониколаевской губернии Перфильев, принимая участие в заседании пленума губсуда 11 февраля

<sup>1</sup> Из докладной записки председателя окрисполкома Зайцева о состоянии мест заключения г. Новосибирска. См.: ГАНО. Ф. Р-1958. Оп. 1. Д. 89. Л. 4–5.

<sup>2</sup> ГУВД Кемеровской области. 1917–2002. Страницы истории... Кемерово, 2002. С. 260. К сожалению, авторы не указали данных ни о периодичности выхода газеты, ни о количестве вышедших номеров и т.п., как не был и назван источник информации.

1925 г., в своем выступлении, касаясь темы осуждения к лишению свободы, говорил: «...тюрьма никого не исправляет, а наоборот, действует развращающе. Посидит в ней неопытный молодой человек и – «настроится» тюремной жизни, а по выходу из тюрьмы, когда возвратится в свою деревню, и других тюремной науке обучит. Поэтому нужно всеми мерами избегать назначать в тюрьму...»<sup>1</sup>. Никакого открытия он не сделал, он только констатировал суть тюремной действительности, ведь во многих местах заключения обычными вещами были азартные игры, грубое и циничное обращение с новичками, драки и другие правонарушения.

Но «невольными сибиряками» становились не только тысячи раскулаченных, сосланных из разных уголков СССР. Государство и в последующие годы продолжило проведение политики колонизации отдаленных мест страны, в частности северных районов Западной Сибири, куда регулярно направлялись новые контингенты ссыльных. Одними из первых стали «жертвы» паспортной системы, введенной в СССР в 1932 г., которая, по задумке власти, позволяла выявить контингенты лиц, скрывавшихся от государственных органов по разным причинам, а также должна была воспрепятствовать стихийному перемещению по стране многих тысяч людей, бежавших из деревень и сел. Выявленный в ходе паспортизации «деклассированный элемент» подлежал высылке в Сибирь на «перевоспитание», дабы не портить картины социалистических преобразований в стране<sup>2</sup>. В августе 1933 г. циркуляр ОГПУ определил порядок применения мер внесудебной репрессии в отношении лиц, нарушавших закон о паспортизации населения. Вне всякого сомнения, этот документ родился не на пустом месте, причина его появления крылась в многотысячном потоке жалоб и обращений по фактам проведения массовых облав и неправомерной отправки в Сибирь, так как воцарившийся произвол абсолютно противоречил здравому рассудку. Возможно, такой документ появился бы раньше либо он был бы принят на более высоком уровне, если бы стала известна трагедия, разыгравшаяся весной–летом 1933 г. на одном из островов р. Оби – Назинском. Можно лишь предполагать.

В результате мероприятий по паспортизации в апреле–мае 1933 г. на Томской пересылке скопилось до 25 тыс. чел., высланных из других регионов СССР<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Протокол № 5 заседания пленума Новониколаевского губсуда от 11 февраля 1925 г. См.: ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 1 «д». Л. 21.

<sup>2</sup> Ссылка в Сибирь «деклассированных элементов» стала повседневной практикой в СССР. Например, в 1929 г. по стране прокатилась кампания по «чистке» городов от нищих и «тунеядцев», и уже во втором полугодии в Сибирь стали поступать первые партии ссылаемых. В августе проследовала первая партия из 600 чел. для размещения в округах, в сентябре в Томский округ прибыли еще 700 чел. Если в сентябре 1929 г. в Славгородском округе насчитывалось 700 ссыльных, то к началу 1930 г. их было уже 1 078. К этому времени на пересыльных пунктах в Омске, Томске и Новосибирске скопилось 2 774 «социально вредных элементов» из Москвы и Ленинграда. Только в Нарымский край ежемесячно этапировалось до 300–400 уголовников из других городов РСФСР и «разгружаемых» мест заключения. В 1929 г. в край прибыло около 3 тыс. рецидивистов. По данным прокуратуры, к концу года в Сибкрае насчитывалось 9 тыс. ссыльных и высланных граждан данной категории. См.: Маргиналы в социуме... С. 251.

<sup>3</sup> Так, к ранее имевшимся контингентам только в период с 6 апреля по 30 мая 1933 г. в регион прибыло 7 767 чел. деклассированного элемента из Москвы и Ленинграда. К 7 августа их число увеличилось до 19 660 чел., при этом в пути были еще 4 405 чел. В числе выслаемых были 5053 совершивших преступления подростка, преимущественно из Москвы, которые в документах именовались

Многие были больны, истощены, плохо одеты. По мере очистки рек ото льда сосланных начали грузить в баржи и отправлять по местам расселения в северные районы Нарымского края. Более 6 тыс. были направлены на расселение в Александро-Ваховскую комендатуру, где условия приема были абсолютно не подготовлены. По маршруту следования караван из 2 барж останавливался только по крайней надобности. Почти 5 тыс. чел., находясь в не приспособленных для перевозки людей баржах, не имели возможности выхода на свежий воздух, в трюмах были только кадки с питьевой водой и параши. Женская половина была отделена от мужской лишь дощатой перегородкой. Никакие предметы хозяйственного обихода – кружки, ложки, чашки и т.п. – выданы не были. В дороге от Томска до места назначения умерли 34 чел. Таково же было положение и у двигавшихся вторым эшелоном 1 044 чел.

18 мая первые баржи высадили переселенцев на небольшом острове Назино «против остячко-русского поселка и пристани этого же названия (Александровский район, северная окраина Нарымского края)». Согласно докладу начальника Сиблага ОГПУ Горшкова в Москву решение о высадке на остров было принято комендатурой по «настоянию районных организаций... вопреки указанию Сиблага» о размещении ссылаемых в заранее подготовленных пунктах<sup>1</sup>. Погода была солнечная, теплая и люди разбрелись по острову. На следующий день выпал снег глубиной до четверти, поднялся ветер, ударил мороз. У высаженных на острове не было никаких инструментов, чтобы сделать хоть какое-либо убежище, многие были в легкой одежде, так как были привезены из мест, где уже было тепло, от ненастья пытались спастись кострами, но это помогало мало. После снега и мороза пошли холодные дожди. Такая погода держалась до середины июня. Необходимо учесть, что первое питание – ржаную муку – начали выдавать только на четвертый или пятый день, до этого люди ели мох, гнилушки, кору. «Получив муку, люди бежали к воде и в шапках, портянках, пиджаках и штанах

---

либо «детьми рецидивистами», либо «подростками». Отдельную группу составляли 5 222 цыган, выселявшихся из столичных и южных городов. «Деклассированные» составили 27% от общего числа высланных в регион в 1933 г. В последующий период руководство края неоднократно обращалось с просьбами не высылать данную категорию лиц в край. Проблема заключалась в том, что они не были приспособлены к физическому труду и даже в приказе ОГПУ от 16 апреля 1934 г. прямо признавалась неудачей попытка освоения северных регионов контингентом «деклассированных» и уголовных элементов.

Г. Ягода в ответ на просьбу Р. Эйхе докладывал И. Сталину позицию ОГПУ: «Действительно в Зап. Сиб. Край в Нарымский округ как район наиболее пригодный для освоения деклассированного контингента, направлено из Москвы и Ленинграда около 17.000 человек. ПП ОГПУ дано указание о расселении их в наиболее отдаленном и малозаселенном Александро-Ваховском районе Нарыма (до 1.000 км от Томска вниз по реке Оби). Для этого контингента по нашему указанию ПП ОГПУ установлен специальный режим, значительно более строгий с усилением охраны применительно к лагерному режиму и распорядку... Что касается прекращения направления в трудпоселки Зап. Сибкрая аналогичных элементов, то более подходящего района, чем Александро-Ваховский, едва ли можно подыскать». Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение о продолжении высылки деклассированного элемента в Александровский район. См. : Спец(труд)поселения Западной Сибири в 1933 г.: повседневность комендатур, Назинская трагедия. Сборник документов. Новосибирск, 2022. С. 14–15, 210, 233, 434, 438–439.

<sup>1</sup> Доклад начальника Сиблага ОГПУ в Центр о высадке нового контингента на о. Назино 27 июня 1933 г. См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938... С. 88–89.

разводили болтушку и ели её. При этом огромная часть их просто съедала муку (так как она была в порошке): падали и задыхались, умирали от удушья». Только отдельные пекли лепешки на костре.

Смертность была очень высокой, люди умирали десятками. К 20 августа из 6 100 чел., не считая 500–700 чел. (точных данных нет), дополнивших караван в пути следования, в живых осталось 2 200 чел. На острове имели место случаи людоедства – «людоеды стрелялись конвоем, уничтожались самими поселенцами». В акте медицинского обследования сосланных отмечалось, что при обходе острова были обнаружены «70 трупов, среди которых были... 5 трупов с вырезанными мягкими частями тела, из них с вынутыми и не найденными человеческой печенью и сердцем, легкими... 21 мая 1933 г. к медпункту были доставлены самими уголовными 3 человека с человеческими печенями в руках и вымазанные кровью.

Физическое состояние этих трех лиц не обнаруживало большой степени истощения, но по внешним признакам можно было отметить некоторые признаки дегенерации». Расчленение тел, по мнению медперсонала, могло свидетельствовать о возможной психопатологии лиц, совершавших расчленение<sup>1</sup>.

На острове процветало мародерство – «банды терроризировали людей еще в баржах, отбирая... хлеб, одежду, избивая и убивая людей. ...На острове открылась настоящая охота... за людьми, у которых были деньги или золотые зубы и коронки. Владелец их исчезал очень быстро, а затем могильщики стали зарывать людей с развороченными ртами». В мародерстве участвовали и некоторые из стрелков охраны.

В конце мая людей стали отправлять на участки, отведенные под поселки. Но и это не было организовано, не было инструментов, продуктов питания. Истощение поселенцев достигло предела. Когда на один из участков пришла лодка, то в ней оказались живыми только 12 человек из 78...

Обо всем этом в своем письме на имя И. Сталина, Р. Эйхе и секретаря Нарымского окружкома ВКП(б) К. Левица рассказал инструктор-пропагандист Нарымского окружкома ВКП(б) В.А. Величко: «Я трезво отдаю себе отчет в том, что написать такое письмо, значит взять на себя большую ответственность. Я допускаю, что ряд моментов изложен неточно, могут не подтвердиться или подтвердятся, но не полностью. Допускаю, что многого я просто не знаю, потому что пользовался неофициальными источниками, но я рассуждаю так: «Еще хуже молчать»». Письмо Величко имело гриф «Совершенно секретно» и писалось им в период с 3 по 22 августа 1933 г., что может свидетельствовать о возможном проведении им самостоятельного расследования. Скорее всего, направление

---

<sup>1</sup> Акт медицинского обследования первой партии трудпоселенцев, переданных Александровской комендатуре от 23 мая 1933 г. По мнению составителей сборника «Спецпереселенцы...», этот документ – свидетельство, которому не дали «хода». Более того, медиками, которые работали на острове с самого первого дня по оказанию помощи переселенцам, были составлены еще несколько докладных, в том числе и о выявленных новых случаях людоедства. Но в представленных партийной комиссией справках Сиблага эта информация отсутствовала. См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938... С. 80–81, 283.

письма в несколько адресов не позволило руководству Сиблага скрыть эту трагедию, а партийным органам пришлось организовать соответствующую проверку<sup>1</sup>.

Уже 15 сентября постановлением бюро Запсибкрайкома ВКП(б) была создана комиссия «для расследования всех фактов и безобразий и точного установления виновников» в составе представителя краевого контрольного комитета (Ковалев), прокуратуры (Курдов), ПП ОГПУ (Сорокин) и ГУЛАГа (Арнаутовский). Комиссии надлежало выехать на место немедленно<sup>2</sup>.

31 октября 1933 г. комиссия подготовила докладную записку в ЦК ВКП(б), председателю ЦК ВКП(б) Я.Э. Рудзутаку, секретарю Запсибкрайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе, установив, что «приведенные факты в письме [Величко] в основном подтвердились»<sup>3</sup>. В частности, отмечалось, что ссыльные действительно были направлены к месту расселения неподготовленными – не было соответствующей одежды, инструментов, предметов хозяйственного обихода и т.п. Несмотря на то, что **караваны были снабжены продуктами питания как на дорогу, так и на месяц проживания на месте расселения, котловое довольствие и снабжение печеным хлебом организовано не было** (выделено мною. – В.У.). Было выявлено, что запасы продовольствия были размещены на другом берегу реки, имели место случаи, когда тонны муки и печеного хлеба просто зарывались в землю, будучи испорченными при хранении дождями. Что касается смертности, то на острове были обнаружены 31 братская могила, в каждой из которых было захоронено от 50 до 70 умерших. Какого-либо учета умерших и мест их захоронения организовано не было. Многие умершие были не захоронены. Местные жители рассказывали, что неоднократно встречали трупы и скелеты в разных местах острова – в землянках, полуразрушенных шалашах и просто лежавшими в траве. Нашли свое подтверждение и случаи людоедства, органами ОГПУ были арестованы таковых 11 чел. При этом, путем опроса очевидцев из трудпоселенцев, работников комендатуры и района, комиссия не установила случаев людоедства по причине голода. «Комиссия считает, что людоедством занимались исключительно садистский элемент».

Строительство барачных полужемляного типа было начато только при переводе ссыльных на места будущих поселков. Все это время они жили в ямах, вырытых вручную, шалашах и землянках, покрытых ветками, травой и дерном.

Было установлено, что многие из сосланных обратились с жалобами на неправомерность ссылки (Величко писал об этом. – В.У.). Комиссией было разобрано 914 таких заявлений. «Через комиссию прошло живых людей 840 чел. Из этого количества было освобождено 174 чел., направлено для дополнительной

<sup>1</sup> Этот документ был обнаружен в ГАНО, о чем на страницах газеты «Советская Сибирь в очерке «Спецпереселенцы» рассказал научный сотрудник архива А. Жучков. См.: Советская Сибирь. 1992. 1, 2 окт.; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938... С. 89–100. Судьба Василия Арсентьевича Величко сложилась непросто – он и в последующие годы пытался «достучаться до верхов», в частности о бедственном положении аборигенов. Это «правдорубство» не нравилось партийному руководству округа, и он вынужден был уйти с работы. В последние годы жизни он стал литератором и написал несколько книг: «В большом снежном мире», «Лось с серебряной цепью» и др. См.: Нарымская хроника. 1930–1945. Трагедия спецпереселенцев. Документы и воспоминания. М., 1997. С. 53.

<sup>2</sup> См.: Шикин В.И. Остров смерти // Сибирские огни. 1993. № 5–6. С. 96.

<sup>3</sup> Слово «в основном» вписано кем-то от руки, ранее было напечатано «полностью подтвердились». См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938... С. 100.

проверки в Новосибирск – 231 чел., отказано – 51 чел. и направлено заявлений для проверки через аппарат Сиблага – 240».

Надо отметить, что комиссия при сборе заявлений, в беседах и опросе лично отдельных заявителей наталкивалась на факты, указывающие на явное нарушение революционной законности со стороны центральных организаций, ведавших задержанием и отбором людей на направление на трудпоселение. В Александровской комендатуре было обнаружено большое количество новых паспортов, комсомольских и воинских билетов, отпускных удостоверений, справок с места работы, пропуска с заводов и т.д. Но среди живых были найдены только отдельные из их владельцев. Среди «высланных» имелись инвалиды, без ног, без рук, слепые, явные идиоты, малолетние дети без родителей<sup>1</sup>.

Были зафиксированы факты многочисленных побегов ссыльных как с острова, так и с участков расселения на самодельных плотках из бревен и жердей или же путем ухода в тайгу. Большинство бежавших гибло в тайге и болотах, число их установить не представлялось возможным, отдельные возвращались назад. «По берегам речки Назинской и р. Оби было выявлено очень много трупов. Также находили трупы в тайге, около озер и в болотах».

Отдельный раздел отчета комиссии был посвящен учету трудпоселенцев, что непосредственно входило в компетенцию комендатур и участков комендантов. Учет практически по всем вопросам отсутствовал. Что касается численности поселенцев, точных цифр (прибыло, умерло, бежало и т.п.) не было ни на одном из участков<sup>2</sup>. Удалось установить, что из поступивших в Александровскую комендатуру 10 289 трудпоселенцев во всех поселках налицо имелось 2 025 чел. Еще 1 940 чел. были направлены для переселения в концлагеря. Из оставшихся 6 324 умерли 3 196, остальные значились в бегах, но «из этих бежавших надо считать значительную часть погибшими в тайге, в болотах и на речках».

Ко дню отъезда комиссии из 2 025 чел. «оставалось 1 400 с лишним человек, из которых комиссия определила 50% больных, лежащих, ...35–40% слабосильных и только 10–15% людей» могли выполнить какую-либо работу.

---

<sup>1</sup> Подобная картина отмечалась и в других местах. Так, пом. начальника учетно-распределительного отдела Омского оперсектора ОГПУ докладывал руководству о составе «контингента», прибывшего эшелонами из Москвы 16 июля 1933 г. При проверке заявлений о неправильной высылке было установлено, что «имеется значительная часть инвалидов, стариков и женщин с малолетними детьми, ...глухонемых 9, безногих 5, слепых 4, умалишенных 4 чел. и т.д.». Женщин с детьми, «в среднем трое на семью» свыше 90. Многие имели удостоверения колхозов и сельсоветов с разрешением на выезд в Москву (все преимущественно за хлебом) и были задержаны на вокзале, что подтверждалось документами о сдаче вещей на хранение и др., кто-то был в Москве проездом или прибыл в отпуск. См.: Спец(труд) поселения Западной Сибири... С.212–214.

<sup>2</sup> Проблема учетов в органах решалась сложно, особенно на местах, несмотря на то, что учетные подразделения были сформированы. При работе с делами в ГАТО приходилось сталкиваться с списками спецконтингентов, которые направлялись в сельсоветы для их установления и поисков, т.к. режим был недостаточно организован и спецпоселенцы достаточно свободно перемещались по населенным пунктам округа. Хотя не позднее марта 1930 г. в районы было направлено распоряжение об организации контроля, запрещалось какое-либо передвижение ссыльных из одного населенного пункта в другой без разрешения Томского окротдела ОГПУ по Нарымскому краю. О каждом вновь прибывшем следовало докладывать без задержки, склонных к побегу брать на строгий учет, учет организовать через систему явочных листов, самостоятельно не брать на учет ни одного из ссыльных и т.п. См.: ГАТО. Ф. Р-665. Оп. 1. Д. 6. Л. 31



Особое место в докладной записке было уделено личному составу комендатур. «...В значительной степени люди подобраны без достаточной проверки их социального положения, способностей, политического уровня и т.д. ...В среде этих людей оказались такие, которые становились на путь преступлений уголовного порядка (воровство продовольствия и снабженческих ресурсов, избиения и т.д.); нами за подобные проступки арестовано и привлечено к судебной ответственности 9 чел., отстранено от несения служебных обязанностей 3 чел., а всего с ранее привлеченными 26 чел.». Среди привлеченных к суду были стрелки ВОХР, коменданты и их помощники, к ответственности их привлекали за убийства и избиения трудпоселенцев, воровство, мародерство и т.п. Расстрелявший на о. Назино трудпоселенца стрелок Ходов был признан психически ненормальным, помещался в психиатрическую больницу<sup>1</sup>.

Всего с мая по октябрь 1933 г. к судебной ответственности было привлечено 84 чел., из них к ВМН – расстрелу – 34, в том числе 11 – «за людоедство», 23 – «за мародерство и избиения»<sup>2</sup>.

От поселковых комендантов зависело многое, если не все в жизни поселенцев, так как они олицетворяли советскую власть на местах. Но приведенные комиссией примеры только подтвердили, что очень часто эти люди не заботились о вверенных им контингентах, ведь они были врагами (даже дети, женщины и немощные старики), а наоборот, всячески помыкали ими, издевались и унижали. И это считалось в порядке вещей. Величко приводил пример коменданта Сулейманова, избивавшего людей, в частности, при получении сахара, поедая его в «невероятно больших количествах» на виду у всех до того, что потерял всякий вкус. Уполномоченный по расселению в Кето-Чулымском крае И. Бочарников вспоминал, что когда ему пришлось знакомиться с личными делами подчиненных ему **60 комендантов**, то он «столкнулся с таким обстоятельством. Коменданты, набранные в большинстве своем из милицейских работников... **все имели отрицательные характеристики** (выделено мною. – В.У.): иной сопричастен с кражей, иной судим за насилие и отбывал срок, да помилован, тот имеет строгое взыскание за неповиновение и т.д.». На его вопрос к начальнику отдела кадров – с кем ему предстоит работать, последний лишь сказал: «Я понял вас, но помочь ничем не в силах»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Совершенно секретная докладная записка по расследованию заявления Величко в ЦК ВКП(б), председателю ЦК ВКП(б) Я.Э. Рудзутаку, секретарю Запсибкрайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе от 31 октября 1933 г. См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938... С. 100–116; Трагедия спецпереселенцев. Документы и воспоминания. М., 1997. С. 53–65.

Секретарем Нарымского окружкома ВКП(б) К. Левцем на имя председателя комиссии крайкома ВКП(б) М.М. Ковалева, созданной для расследования Назинской трагедии, в конце октября 1933 г. была представлена докладная записка с анализом «состояния партмассовой работы» в северных комендатурах Сиблага, прежде всего в Александровском районе. В записке приводились примеры утраты коммунистами, работавшими в комендатурах, «классового чутья», «разложения», «искажения политики партии». Так, комендант 1-го участка Апанасенко «на протяжении длительного времени систематически занимался зверским избиением трудпоселенцев, сажал их в ямы во время дождя ночью, остальные члены партии, 2 чел., находящиеся там же, нисколько не реагировали на такие вопиющие антипартийные дела. Были случаи утопления трудпоселенцев со стороны стрелков (Головачева и Асямова)». См.: Из истории земли томской. 1933. Назинская трагедия. Томск, 2002. С. 189.

<sup>2</sup> Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938... С. 285.

<sup>3</sup> Елгачев И. Указ. соч. Следует учитывать, что с начала 1930-х гг. практиковалось назначение на эти должности расконвоированных заключенных, не отбывших срок наказания за совершение уголовных пре-

Положение комендантов, несмотря на многосторонний контроль со стороны чекистских и партийно-советских органов, было во многом независимым, а власть беспредельной. Нередко коменданты позволяли себе игнорировать поступающие команды и указания, не выполнять прописанные в инструкциях и приказах действия. При всей особенности их положения охотников на эти должности было мало, и Комендантское управление ПП ОГПУ края вынуждено было давать объявления о приеме на работу. Однако из 300 кандидатов, подавших заявления, отбор прошли только 180. За период с мая 1931 по июнь 1932 г. при штате комендатур в 410 чел. в порядке проверки состава комендатур и реорганизации Сиблага было уволено 450 чел., в том числе только по участковым комендатурам и только за 1-е полугодие 1932 г. – 117 чел. В целом к 1 июля 1932 г. было уволено 654 чел., в отношении 70 были возбуждены дела. Коллегией ОГПУ 48 из них были осуждены, в отношении 13 дела разрешили в административном порядке. Из числа осужденных один был приговорен к расстрелу, остальные получили сроки от 3 до 10 лет концлагерей<sup>1</sup>.

Вопрос кадров для комендатур не был решен и в последующие годы. Так, в течение 1941 г. в Новосибирской области лишились должностей по причине профнепригодности треть комендантов. Необходимо также отметить, что в связи с нехваткой вольнонаемного персонала для работы в штате северных комендатур привлекались спецпереселенцы. В сентябре 1933 г. из 367 работников участковых (районных) комендатур 148 (40,3%) были спецпереселенцами, среди 604 работников

---

ступлений. Именно эта категория лиц и издевалась и унижала спецпереселенцев. Еще в апреле 1932 г. циркуляром ОГПУ предполагалось в течение месяца снять с должностей комендантов, их помощников и стрелков всех заключенных, независимо от статей судимости. Но в ИТЛ привлечение заключенных к обеспечению охраны лагерей и надзора было явлением обычным. Формирование подразделений военизированной охраны за счет заключенных было выгодно администрации, так как эти лица несли службу за страх, а не за совесть, ибо возврат в среду заключенных имел бы для них весьма тяжкие последствия, практически обрекая на смерть. Но потребность ужесточения режима и упорядочения системы охраны лагерей вела к сокращению числа привлекаемых для этих целей заключенных. Так, если на январь 1939 г. заключенных-стрелков охраны насчитывалось 25 тыс. чел., то к началу 1940 г. – уже 12 тыс. чел. По данным В.Н. Земскова, к этому времени общая численность военизированной охраны лагерей составила около 107 тыс. чел. См.: *Земсков В.Н. «Архипелаг ГУЛАГ».*

Охрана заключенных активно использовалась вышестоящим начальством для «повышения производительности труда» заключенных. В этих целях увеличение зарплаты работников военизированной охраны увязывалась с результатами труда заключенных. М.Г. Детков, со ссылкой на документы ЦГАОР, приводит в качестве примера приказ начальника управления Москва–Волгострой и Дмитлага НКВД СССР № 2 от 4 января 1936 г., в котором устанавливался порядок, при котором дополнительная оплата стрелкам охраны, конвоирам бригад, занятых на лесозаготовках, ставилась в прямую зависимость от выполнения заключенными плановых заданий. Надбавки выплачивались при выполнении следующих условий. Вольнонаемным стрелкам при выполнении норм всей бригадой на 100% надбавки составляли 10% к окладу, на 110% – 25%, на 120% – 40%, на 125% и выше – 50%. Стрелкам-заключенным при выполнении норм выработки всей бригадой на 100% устанавливалась премия в сумме 10 руб., 110% – 20 руб., 120% – 30 руб., 125% и выше – 40 руб. Но на одного конвоира должно было приходиться не менее 20 охраняемых заключенных.

Введение этого порядка тяжело отразилось на положении заключенных. Охрана буквально «выколачивала» проценты выполнения норм. См.: *Детков М.Г. Содержание карательной политики Советского государства... С. 102–103.*

<sup>1</sup> Из отчетного доклада Сиблага ОГПУ об итогах хозяйственного освоения спецпереселенцами Нарыма за период с мая 1931 г. по июнь 1932 г. См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г. ... С. 241–242.

поселковых комендатур – 332 (55%) спецпереселенца, т.е. более половины<sup>1</sup>. После вселения «нового контингента» и образования новых комендатур аппарат комендатур комплектовался примерно в равных пропорциях между вольнонаемными работниками и спецпоселенцами (491 и 480 чел. соответственно)<sup>2</sup>.

Описанное выше было в порядке вещей. Очень часто проштрафившимся работникам органов правопорядка предлагался выбор – увольнение или перевод на службу в отдаленных местах. С учетом того, что вариантов выбора было немного, обычно выбирали последний. Но эта «воспитательная» мера только еще больше развращала людей, вскрывая и развивая подчас самые отрицательные и низменные качества личности, так как вседозволенность и «право сильного» не служили добру. Был и другой вариант – перебрасывали на новое место для «сокрытия следов» – ведь кадры были самым ценным, а безгрешных не бывает. Так, комендант Болховской районной комендатуры Сиблага ОГПУ, будучи осенью 1933 г. снятым с должности приказом ПП ОГПУ за многочисленные прегрешения в виде злоупотребления властью, что было полностью подтверждено в ходе проведенной проверки, получил новое назначение комендантом Саралинской комендатуры<sup>3</sup>. И это не было исключением.

Запсибкрайком ВКП(б) по итогам работы комиссии оценил «деятельность» большинства участников названных событий в постановлении от 1 ноября 1933 г. Виновные были найдены и наказаны. Руководство Сиблага (Горшков и Долгих) получили строгие выговоры, уполномоченный Сиблага Белокобыльский, коменданты Цепков и Фролов были исключены из партии, с работы сняты и отданы под суд. Интересно, что партийные, а не правоохранительные органы решали судьбы «чиновников от ГУЛАГа». Из партийных структур «пострадало» бюро Александровского райкома ВКП(б), на которое бюро Нарымского окротдела ВКП(б) наложило партийное взыскание (какое – неизвестно. – *В.У.*). Все остальные решения начинались со слов «поручить», «предложить», «указать». Для рассмотрения и разработки вопросов, связанных с улучшением дела обслуживания и расселения трудпоселенцев, была создана еще одна комиссия крайкома и крайисполкома. Два пункта постановления были адресованы в адрес Коллегии ОГПУ. В последнем просили об усилении руководства Сиблага, а в предпоследнем – «о расследовании и привлечении к ответственности организаций и лиц, допустивших незаконное действие в деле выселения лиц, неподпадающих под действие постановления правительства от 20/IV-1933 г., и безобразного отношения к снабжению этапиркуемых в Запсибкрай т/п (трудпоселенцев. – *В.У.*)»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Маргиналы в социуме... С. 335.

<sup>2</sup> В конце 1931 г. на 40 врачей и представителей среднего медперсонала из числа вольнонаемных работников приходилось 50 специалистов из числа ссыльных, заключенных и спецпереселенцев. В школах в 1932 г. из 413 учителей 286 были спецпереселенцами, в 1933 г. – из 447 учителей 200. Также в комендатуры были переданы 107 специалистов из числа заключенных, в том числе 47 профессионалов в области сельского хозяйства (экономисты, агрономы, ветеринары и др., из числа осужденных по 58-й ст. УК). Эта категория составляла две трети от общей численности специалистов – производственников и снабженцев. В целом, учителя, производственная интеллигенция и медики, обслуживавшие спецкомендатуры, составляли почти 450 чел. См. : Спец(труд)поселения Западной Сибири... С. 7–9.

<sup>3</sup> Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938... С. 289.

<sup>4</sup> См.: Шшикин В.И. Остров смерти... С. 110–113.

Судя по тому, что письмо Величко был обнаружено в архиве почти через 60 лет после тех трагических событий и не было известно, никогда не упоминалось ни в исторических, ни в иных работах, можно предположить, что это решение Запсибкрайкома ВКП(б) так и осталось решением для небольшого круга людей, которые его и принимали. Нет сомнения и в том, что хотя «стрелочники» и были определены, тем не менее «выносить сор из избы» партийно-советскому руководству края было крайне невыгодно, поскольку решение о высылке «деклассированного элемента» проходило по их вертикали.

По линии же ОГПУ были отданы два приказа. Полпред ОГПУ по ЗСК приказом от 4 ноября 1933 г. привлек к ответственности ряд должностных лиц, причастных к событиям на о. Назино. В приказе отмечалось, что «произведенным расследованием фактов значительной смертности и побегов среди... контингентов деклассированного элемента... установлено, что это явилось следствием недостаточных мероприятий со стороны Сиблага к подготовке и неорганизованности вселения их, а также в результате неточного выполнения аппаратом Сиблага на местах директив ОГПУ и Полпредства – установлены факты издевательства, мародерства, избиения спецпереселенцев со стороны как рядового, так и нач[альствующего] состава комендатур». Не на должной высоте оказался и аппарат ОГПУ в Нарымском крае, своевременно не отреагировавший на происходящее и не оказавший «достаточной помощи вселению на месте».

За непринятие необходимых мер к полному осведомлению полпредства и устранению безобразий на месте, за бездействие были арестованы и преданы суду Коллегии ОГПУ уполномоченные Александровского райаппарата ОГПУ Богданов, Семернев и Аришак. Ранее суду Коллегии были преданы коменданты Цепков, Кузнецов, Фролов, Белокобыльский, Колубаев и др. Начальник секретно-политического отдела Нарымского окротдела ОГПУ Жук был арестован на 15 суток, а начальнику окротдела П. Шестакову<sup>1</sup> был объявлен строгий выговор. Однако Коллегия ОГПУ своих сотрудников в те годы строго осуждала очень редко.

---

<sup>1</sup> Шестаков Пётр Матвеевич, 1891 г.р., род. в дер. Монастырщина Смоленской губ. Член РКП(б) с 1917 г. В органах госбезопасности с 1921 г., в Нарыме с октября 1932 г., с сентября 1934 г. – начальник пожарного отдела УНКВД по ЗСК. В декабре 1936 г. от должности освобожден «в связи с преданием суду». Фактическая сторона дела неизвестна. Видимо, обвинения были сняты, так как в августе 1937 г. был откомандирован в УНКВД по Калининской области. В апреле 1941 г. – зам. начальника тюремного отдела УНКВД, в апреле 1943 г. уволен с привлечением к уголовной ответственности за присвоение фондовых продуктов, предназначенных для заключенных. Дальнейшая судьба неизвестна.

Характеристикой П. Шестакову может служить такой пример. В 1933 г. в с. Леботер Чаинского района была вскрыта и ликвидирована «контрреволюционная кулацко-эсеровская группировка повстанческого характера», ставившая своей целью, конечно же, свержение Советской власти вооруженным путем. В заведенном уголовном деле есть заключение прокурора, в котором он предлагал дело в отношении 7 чел. прекратить, а по 6 – направить на доследование. В отношении всех 13 обвиняемых меру пресечения изменить на не сопряженную с содержанием под стражей.

Вместо того, чтобы выполнить указание прокурора, уязвленный П. Шестаков на 7 листах докладной записки в СПО ПП ОГПУ по ЗСК, частично признавая имевшиеся в деле недостатки, полностью опровергает доводы и аргументы прокурора. Интересен вывод этой записки: «**Свой криминал в отношении всех обвиняемых в числе 13 чел., считаем правильным** (выделено мною. – В.У.) и до получения соответствующего решения ПП ОГПУ обвиняемые из-под стражи не освобождаются». В этом выводе позиция П. Шестакова как представителя ОГПУ – вседозволенность, а надзирающий орган – прокуратура – ничто. См.: Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-11319. Л. 304; *Голоскоков И.В., Уйманов В.Н.* На страже... С. 137–139.

Чтобы к этой теме больше не возвращаться, приведем еще несколько примеров, характеризующих действия сотрудников ОГПУ на местах. Так, в приказе ПП ОГПУ по Тевризской участковой комендатуре отмечалось, что «среди строевого состава... комендатуры царят склоки, подсиживания, сплетни, отсутствует должная дисциплина. Участковый комендант Струлевич допустил личную связь с трудпоселенкой». Кроме того, он просмотрел факты нарушений – незаконные аресты и избиения трудпоселенцев, не принял по ним никаких мер. «Помощник участкового коменданта Вассерман давал прямые установки на расстрел стрелкам, сам издевался над трудпоселенцами». Выводы по приказу – Струлевича арестовать на 15 суток, понизить в должности до помощника участкового коменданта и «снять из Тевризской комендатуры». Вассермана предлагалось отстранить от работы и предать суду<sup>1</sup>.

В другом случае факты пьянства, половой связи со спецпереселенками, присваивания вещей и другие нарушения отмечались в Кольванской комендатуре. За систематическое пьянство, халатное отношение к обязанностям и незаконное расходование медикаментов был наказан ветсанитар Тоинской комендатуры Турк. Аресту на 5 суток с последующим направлением в Сиблаг был подвергнут завхоз больницы Бирилюсской комендатуры Полев за использование имущества больницы в личных целях и пользование продуктами больницы. В данном случае наказание не было особо строгим по причине того, что Полев уже являлся заключенным<sup>2</sup>.

Л.И. Гвоздкова в своей работе «История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе» привела пример, когда по приказу ГУЛАГа ОГПУ № 73 от 1 апреля 1934 г. вольнонаемный стрелок Сиблага Власенко был расстрелян «за систематическое издевательство над трудпоселенцами»<sup>3</sup>.

В мае 1936 г. приказ ПП ОГПУ констатировал факты использования трудпоселенков в качестве домработниц у всех вольнонаемных сотрудников Кузнецкой участковой комендатуры, а также случаи «получения в неуставных артелях продовольствия и других материальных ценностей работниками комендатур ОТП по удешевленным ценам». Эти примеры рассматривались как притупление классовой бдительности и извращение представлений о том, что можно, а что нельзя допускать, находясь на службе<sup>4</sup>.

Приведенные примеры, возможно, не самые информативные, но они характеризуют обстановку в комендатурах достаточно полно – налицо злоупотребления,

<sup>1</sup> Приказ ПП ОГПУ по ЗСК о недочетах в работе Тевризской участковой комендатуры от 23 февраля 1934 г. См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938... С. 187–188.

<sup>2</sup> См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938... С. 192–195.

<sup>3</sup> См.: Гвоздкова Л.И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. Кемерово, 1997. С. 406; В.Н. Земсков приводит пример осуждения к ВМН – расстрелу – с последующей заменой наказания на 10 лет заключения в концлагерь еще в конце 1931 г. трех поселковых комендантов из Чердынского и Чусовского районов Урала за умышленное убийство спецпереселенцев. Имели место случаи довольно сурового наказания комендантов (до 10 лет лишения свободы) за систематические избиения спецпереселенцев, изнасилования женщин-спецпереселенков, присвоение присылаемых в адрес спецпереселенцев денег и почтовых посылок и т.п. Достаточно часто издевались над спецпереселенцами расконвоированные заключенные из числа не отбывших срок наказания уголовников, которые назначались на вышеуказанные должности. См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2003. С. 30–31. Примеры подобного характера приводит и М.Г. Детков. См.: Детков М.Г. Содержание карательной политики... С. 60–61.

<sup>4</sup> См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938... С. 201–202.

распушенность, вседозволенность<sup>1</sup>. Должен заметить, что во время работы с приказами по личному составу сотрудников органов ОГПУ–НКВД мне неоднократно приходилось встречать констатацию фактов приговоров работникам комендатур к разным срокам лишения свободы и даже к ВМН – расстрелу – за допускаемый ими произвол в отношении спецпереселенцев. Но характерным это было только до начала второй половины 1930-х гг.

Второй приказ по результатам разбора «назинских» событий, совершенно секретный, был издан в апреле 1934 г. и касался всей системы органов ОГПУ. Приказ констатировал, что «имели место случаи неправильного выселения», и требовал, чтобы «1. При проведении по особым заданиям выселения контрреволюционного, воровского и бродяжнического элемента, а также лиц, нарушающих закон о паспортизации в порядке циркуляра ОГПУ № 96 – 1933 г., обеспечить строгий индивидуальный подход и тщательную проверку выселяемых.

2. Учитывая, что освоение одиночек из числа городского деклассированного элемента в условиях спецпоселков не дает должных результатов, такой элемент необходимо по приговорам направлять в исправительно-трудовые лагеря, а не в спецпоселки»<sup>2</sup>.

Завершая рассказ о трагедии на о. Назино, отмечу, что через шестьдесят лет после всего происшедшего, в июне 1993 г. на о. Назино в память о погибших был установлен шестиметровый деревянный крест с памятной табличкой и отслужен молебен по усопшим.

Жестокость, проявленную в отношении «назинцев», можно определить как преднамеренную акцию, в частности со стороны местного районного руководства, которое было заранее проинформировано о направлении каравана. И это не было случайностью. Напомню, что в начале 1920-х гг. в Сибири было распространено явление, получившее название «красного бандитизма». Жесткое применение партийных и административных мер воздействия позволило, как считало партийное и советское руководство Сибири, справиться с ним. Однако изжить его до конца так и не удалось, благодатная почва беззакония первых лет Советской власти на рубеже 1930-х гг. вновь дала ростки и позволила взрастить хороший урожай. Легче всего было жить по законам «военного времени», и многие «активисты» так и не смогли забыть ту легкость, которая позволяла им вершить судьбы, не задумываясь о последствиях. Они гордились своим «заслуженным» прошлым, охотно делились воспоминаниями, которые часто «ложились на ум» новой подрастающей волне – смене борцов за светлое будущее. Во имя этого

---

<sup>1</sup> Б.А. Нахапетов приводит многочисленные примеры «злоупотреблений» со стороны медперсонала, работающего в местах лишения свободы. Так, в 1934 г. на БАМе был подвергнут наказанию заключенный врач Кочкин за пьяные дебоши, оскорбление заключенных женщин и нанесение побоев, а заключенный Рябошапка – за халатное отношение к служебным обязанностям. В Карлаге за бытовое разложение был снят с работы и предан суду заключенный лекпом Фофанов, в Белбалтлаге были добавлены сроки заключенным врачам Вольфу и Плясецкому за производство аборт в антисанитарных условиях и пьяном виде, в результате чего в двух случаях последовал смертельный исход, и т.д. См.: *Нахапетов Б.А.* Очерки истории санитарной службы ГУЛАГа. М., 2009.

<sup>2</sup> Приказ ОГПУ от 16 апреля 1934 г. «О выселении криминального и деклассированного элемента в спецпоселки». См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938... С. 56.

«светлого будущего» эти борцы также были готовы судить по своему разумению и усмотрению либо приводить в исполнение приговоры судей, похожих по образу и подобию на них самих. Жестокость продолжала оставаться нормой жизни.

В качестве подтверждения пример. В октябре 1931 г. начальник ПВС Томской ИТК Веретов направил в адрес начальника Управления местами заключения ЗСК докладную записку, в которой сообщал, что в ходе его командировки в Нарымский край им было установлено, что проехавший до него по краю прокурор ЗСК «увидел целый ряд ненормальностей» в части использования ссыльных с принудительными работами. Причина ненормальностей была в безответственности и неорганизованности со стороны «ответственных за постановку дела» руководителей. Обратимся к документу (стиль и орфография сохранены): «...Прокурором было обнаружено весьма неправильные действия со стороны местных организаций [Александровского района] в части взаимоотношения к ссыльным с принудительными работами так например: открыто на улице в Александровском районе на берегу реки Оби расстреляно 5 чел. ссыльных с принудработами. Местный Начальник Милиции и уполномоченный ОГПУ совместно с Секретарем Районного Исполнительного Комитета составили акт, в котором указывают ряд причин, в части убийства. Тов. Прокурор на это реагировал вполне здравым, квалифицировал данное преступление по 136 ст. и 110 УК, что считаю в корне не правильно, открытый тирор к простому убийству и превышению ни в коем случае отнести не возможно. Тому же Прокурору известно, что в селе Александрове в одну ночь не так давно это было убито 11 чел. в огородах и последние находятся без всякого на то выяснения, местные органы Управления Милиции на это дело совершенно не реагировали.

Считаю, что такие действия местных организаций в особенности РУМ в корне не должны быть, а осужденные 4 чел. за расстрел 5 чел. считаю не правильным. Срока вынесенные от условного осуждения и до 4 лет»<sup>1</sup>.

Последствия данного «сигнала» неизвестны, так как резолюция на документе была краткой: «В ОГПУ СК. 30/Х 31» и неразборчивая подпись. Документ интересен хотя бы тем, что работник пенитенциарной системы критикует действия прокурора края (с правами помощника Прокурора Республики) за мягкотелость (по вынесенному наказанию) и практически сокрытие тяжелого преступления – групповое убийство граждан, пусть и ссыльных, без суда и следствия представителями власти.

В январе 1932 г. уже другой работник отделения исправительно-трудовых работ В.С. Шпак докладывал руководству мест заключения о фактах расправ над судебноссыльными в том же Александровском районе, куда в мае–октябре 1931 г. было ввезено около 800 чел. уголовного элемента. Район оказался неподготовленным к их приему. Прибывшие в район ссыльные не имели даже верхней одежды для проживания в северных условиях. Например, актом от 9 сентября 1931 г. Александровский РИК зафиксировал, что из 225 прибывших пароходом ссыльных: «...Раздетых сов[ершенно] – 80 человек, в брюках и рубашк[ах] – 145 человек, в зимней верхней одежде – 10 человек, обутых – 50 человек». Что

<sup>1</sup> Секретная докладная записка начальника ПВС Томской ИТК Веретова начальнику Управления местами заключения Запсибкрая [октябрь 1931 г.]. См.: ГАТО. Ф. Р-1040. Оп. 1. Д. 5. Л. 67.

касалось условий проживания, то ссыльные размещались «целыми таборами вокруг районного села (они вообще неохотно идут на расселение по отдельным населенным пунктам), строят себе примитивные землянки и живут в полном смысле первобытной жизнью, держа себя случайными заработками, воровством и нищенством»<sup>1</sup>. Как следствие, часть контингента пыталась бежать по Оби в Тобольск, часть менее физически и материально крепких осталась на месте, а так как никакой помощи им не оказывалось, начала воровать. В итоге после ограбления квартиры секретаря райкома партии Перепелицина терпение у руководства района «лопнуло» и было принято решение всех ссыльных собрать и отправить на остров, что и было сделано. **«На острове не было ни одного кустика, палки дров, поднялся холод, мороз, дождь, а ссыльные сидели раздетыми и голодными в течение 5-6 дней и не из чего было разложить костер** (здесь и далее выделено в тексте. – В.У.). Но не все ссыльные были собраны и отправлены на остров, некоторые ничего не знали и уклонились от сбора». По команде Перепелицина группа комсомольцев взяла в милиции винтовки и пошла искать тех, кто не явился. Одну такую группу комсомольцы обнаружили и предложили им следовать в деревню. «Когда ссыльные пошли, то **комсомольцы их взяли и расстреляли**. На обратной дороге комсомольцы встретили уполномоченного ПП ОГПУ Дохалатова и начальника РУМа, которым они и похвалились сделанным. После этого они отвели Дохалатова и начальника РУМа на место расправы. Последние убедились в случившемся, похвалили комсомольцев **«вот молодцы ребята, только давайте возьмите лопаты и заройте их»**, что и было сделано.

Увезенных на остров через 5-6 дней вернули, и они разбрелись по селу, где набросились от голода на огороды крестьян, стали воровать и резать скот. Административные органы ничего не предприняли, и население решило устроить **ночную засаду и самосудом расправилось с уголовным элементом**. По информации уполномоченного Александровского уголовного розыска Г.И. Кошарина в селе было убито 18 человек. Кроме того, 15 человек были расстреляны в бору, участие в расстреле принимали руководители района...»<sup>2</sup>.

Данное свидетельство хорошо иллюстрирует систему отношений и ценностей тех лет. Руководитель района дал команду, а те, кто должен стоять на страже закона, выполнили её, объявив благодарность исполнителям за его нарушение. Несмотря на то, что расправа касалась уголовников, считаю, что перед нами яркий пример проявления «красного бандитизма», пусть и не в «чистом» его виде. Отдельные представители власти на местах заменили своими действиями Закон. Возможно, поэтому (с одной стороны, вседозволенность и безнаказанность за содеянное, а с другой – бездействие) и произойдут события на о. Назино, тем более, что между этими событиями период времени менее полутора лет. Смерть спецпереселенцев стала обыденностью, никого не удивляла и не заставляла хотя бы задумываться или переживать за случившееся. Безразличие со стороны власти к спецпереселенцам воспринималось как пример и образец действий и местным населением, для которого сотни и тысячи «голодных ртов» ничего, кроме проблем, не принесли.

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 205. Л. 49–50.

<sup>2</sup> Из истории земли томской. 1933. Назинская трагедия... С. 23–27.



События в Александровском районе хоть как-то стали известны, пусть и не получив большой огласки, а сколько подобных «процессов» прошло по всей Сибири, но не ставших достоянием общественности, мы не узнаем никогда.

Всего на 1 декабря 1933 г. в Запсибкрае числилось 288 630 переселенцев, в том числе старого контингента – 216 731 чел., и нового – 71 899 чел. 174 768 спецпереселенцев были расселены по северным комендатурам (60,55%). В 1933 г. в Западную Сибирь было завезено 131 955 чел. нового контингента, но еще на 1 сентября 1933 г. почти 40 тыс. из них проходили по убыли (были переданы в лагеря, бежали, умерли, были освобождены и т.д.)<sup>1</sup>. При этом необходимо отметить, что только в 1930–1931 гг. в Западной Сибири было расселено 363 238 спецпереселенцев, или 82 457 семей, 284 146 чел. (78,22%) из которых были направлены на сельскохозяйственное расселение в Нарым и северные районы края. С их водворением население там увеличилось на 114,1%. Расселение этой массы людей проводилось в 3 этапа. Первый – конец 1929 г. – начало 1930 г. и частью в начале 1931 г. – расселено 96 349 чел. (24 738 семей). Основная масса спецпереселенцев (второй этап) была завезена в период с мая по сентябрь 1931 г. – 187 797 чел. (43 862 семьи). Третий – во второй половине 1933 г., когда были расселены 78 157 чел. (31 239 семей).

В абсолютном большинстве спецпереселенцы представляли собой «кулаков», 60% из которых были сибиряками, а 40% были завезены из европейской части СССР<sup>2</sup>.

После завершения первой массовой репрессивной акции против крестьянства в 1930–1931 гг., когда десятки тысяч семей «кулаков» из разных регионов страны были сорваны с насиженных мест и, по большому счету, без средств существования направлены за сотни километров в тайгу и болота для освоения новых сельскохозяйственных угодий, строительства заводов и фабрик, в системе ОГПУ были предприняты шаги по проведению очередной, не менее масштабной акции. Замечу, что в 1932 г. депортации крестьянства проводились в значительно меньших масштабах, так как само государство отменило свои планы об очередных перемещениях 40 тыс. крестьянских семей. Введение паспортной системы среди прочих задач предполагало очистку крупных городов страны от «деклассированного элемента» и высылку последних в отдаленные районы страны. Еще один поток представляли лица, отбывающие наказание в местах лишения свободы. В связи с перегруженностью последних было принято Постановление СНК СССР от 11 марта 1933 г. о разгрузке пенитенциарной системы за счет высылки уголовного элемента.

<sup>1</sup> Из справки отдела трудпоселений ПП ОГПУ Запсибкрайкому ВКП(б) о размещении спецпереселенцев по состоянию на 1 декабря 1933 г. См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938... С. 118–119. В докладной записке полпреда ОГПУ по ЗСК Н.Н. Алексеева на имя зам. председателя ОГПУ Г.Г. Ягоде «О хозустроенности спецпереселенцев вселения 1930, 1931 и 1933 год по Западно-Сибирскому краю» сообщалось: «За операцию 1933 года по официальным данным Сиблага всего вселено 131 955 человек...: деклассированных 26 957 и цыган ...5282 чел. Из указанного количества к отчетному числу выбыло 45 330 чел., в том числе сбежало 14 269 чел., умерло 7 737 чел. и освобождено по разным причинам 4 563 чел...». См. Спец(труд)поселения Западной Сибири... С. 29.

<sup>2</sup> Секретная докладная записка начальника ОТП УНКВД И. Долгих о передаче хозяйственной деятельности отдела в ведение Новосибирского облисполкома от 5 февраля 1938 г. См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938... С. 218–222.

К 1933 г. относится еще одно заметное событие – была предпринята попытка создания цыганских трудпоселков из числа тех, кто кочевал в Подмосковье. Так, в рапорте на имя Г. Ягоды отмечалось, что в результате проведенной в период с 28 июня по 9 июля 1933 г. операции по выселению цыган из окрестностей Москвы было «изъято и выселено 1 008 семей, 5 470 человек, в том числе 1 440 мужчин, 1 506 женщин, 2 524 детей. Весь указанный контингент направлен в гор. Томск в трудпоселки ОГПУ Зап[адно]-Сиб[ирского] края, где будет расселен в отдельных поселках по национальному признаку...». Для перевозки этих цыган были сформированы пять эшелонов, куда погрузили весь цыганский скарб и даже лошадей. Но задуманная идея провалилась, так как цыгане не желали обжиться в местах ссылки и при первых возможностях совершали массовые побеги. Уже к осени 1933 г. практически все цыгане бежали<sup>1</sup>, но никто не предпринял мер к их возвращению – уж больно много хлопот и беспокойства они доставляли местным жителям и местным органам власти.

В соответствии с новыми планами предполагалось в районах северной части Казахстана и Нарымском округе разместить два миллиона спецпереселенцев, но какой-либо проработки с органами власти на местах органы ОГПУ не проводили. К принятию этих контингентов на местах оказались не готовы. Руководство Запсибкрайкома ВКП(б) не согласилось с плановыми цифрами, назвав возможным принятие 300 тыс. чел., что равнялось численности уже принятых в 1930–1932 гг. спецпереселенцев.

С учетом того, что обоснование переселения миллионов человек вызывало серьезные сомнения и опасения, руководство страны резко ограничило ОГПУ в масштабах переселения, в частности по раскулачиванию. Ведь страну надо было кормить, продавать за границу хлеб для покупки новых машин, станков и оборудования для строящихся промышленных объектов, а смогла бы деревня вынести еще одну перетряску, уверенности не было. В результате «споров» и «борьбы» между ОГПУ и заинтересованными ведомствами компромисс был найден, и в апреле 1933 г. вышло постановление Политбюро ЦК ВКП(б), а затем и постановление СНК СССР об организации трудовых поселений ОГПУ. Коррективы в это решение вносились на протяжении всего 1933 г., но эшелоны уже тянулись в Сибирь и Казахстан. После 1933 г. депортации стали резко сокращаться и на протяжении нескольких лет носили ограниченный характер. Новые контингенты и новые потоки спецпереселенцев появятся в Сибири только после расширения границ СССР.

Что касается Западной Сибири, то благодаря инициативе местного партийно-советского руководства в 1935 г. была проведена локальная депортация, чуть ли не единственная на весь Советский Союз. Весной 1935 г. руководство края добились принятия постановления Политбюро ЦК ВКП(б), разрешавшего проведение акции по выселению в северные районы края единоличных хозяйств, «саботировавших» весенний сев<sup>2</sup>. Акции устрашения были проведены в трудпоселках. А осенью 1935 г. за саботаж хлебосдачи и других мероприятий по предложению секретаря крайкома Р. Эйхе из Кольванской комендатуры в отдаленные северные

<sup>1</sup> См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 46.

<sup>2</sup> Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938... С. 278.

районы были переселены 94 семьи в составе 460 трудпоселенцев<sup>1</sup>. Всего осенью 1935 г. в Запсибкрае переселению подверглись 218 семей трудпоселенцев<sup>2</sup>.

По состоянию на 1 января 1938 г. в Нарымском округе и северных районах Новосибирской области было расселено 117 360 чел. (30 222 семьи), в районах Кузбасса – 83 422 чел. (20 374 семьи), занятые на работах в «Кузбассугле», на Кузнецком металлургическом комбинате, в «Запсибзолоте» и на других предприятиях<sup>3</sup>.

Что касается вышеприведенных цифр, они разнятся. Понять причину этой разницы практически невозможно, так как принцип написания этих документов и их документальная основа не всегда известны. Полагаю докладную записку И. Долгих документом более точным и полным – к этому времени система учета в органах НКВД была отлажена, но и этот документ не гарантирует абсолютного порядка цифр, так как проведение генпереучета 1932, 1935, 1939 и 1941–1942 гг. всякий раз обнаруживало неучтенных переселенцев, несоответствие учетных данных и т.п. Необходимо учитывать и то, что отдельные сотрудники НКВД достаточно легко оперировали цифрами. Так, в справке начальника ОТСП УНКВД по Новосибирской области капитана госбезопасности Бурлака от 1 июня 1943 г. 363 238 спецпереселенцев (82 457 семей) значились сосланными в Запсибкрай за период 1930–1935 гг. (выделено мною. – В.У.). При этом число прибывших с 1936 г. по дату написания справки не указано вообще<sup>4</sup>.

Численность спецпереселенцев в Западной Сибири, начиная с сентября 1931 г. постоянно уменьшалась, что соответствовало общему положению по стране. Если на 24 сентября 1931 г. в крае проживали в 363 трудпоселках и 6 квартирах (Анжерка), при отсутствии данных по комендатуре Кузнецкстроя, а также распределительных лагерей и временных комендатур, 65 164 семьи и 295 320 членов семей спецпереселенцев<sup>5</sup>, то к середине 1941 г. при значительном росте числа трудпоселков (564) число семей и членов этих семей сократилось на 8 078 и 85 776 соответственно (табл. 21)<sup>6</sup>.

Судя по документам УНКВД по Новосибирской области, уменьшение числа трудпоселенцев произошло преимущественно за счет их бегства с мест поселения, о чем будет сказано ниже, и освобождения их детей в связи с Постановлением СНК СССР за № 1143-280с от 22 октября 1938 г. «О выдаче паспортов детям спецпереселенцев и ссыльных».

<sup>1</sup> Докладная записка помощника начальника ГУЛАГа НКВД Н. Алексеева наркому внутренних дел СССР Г. Ягоде о высылке трудпоселенцев Кольванской комендатуры в отдаленные районы Запсибкрая. См.: Там же. С. 63.

<sup>2</sup> Там же. С. 278.

<sup>3</sup> Докладная записка И. Долгих о передаче хозяйственной деятельности ОТП... См.: Там же. С. 222.

<sup>4</sup> Совершенно секретная справка УНКВД по Новосибирской области об изменениях в составе трудссылки за период 1930–1943 гг. (на 1 июня 1943 г.). См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945... С. 206.

<sup>5</sup> См. справку Сиблага ОГПУ в Запсибкрайисполком о дислокации спецпереселенцев от 24 сентября 1931 г. См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г. ... С. 287–288.

<sup>6</sup> Подсчитано автором по совершенно секретной справке НКВД СССР о количестве трудпоселков, семей и человек в них по краям и областям на 1 апреля 1939 г. и справке ОТСП ГУЛАГа НКВД о дислокации трудпоселков по краям и областям на 1 июля 1941 г. См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг... С. 40–41, 275–285. В июле 1938 г. в стране насчитывался 1 741 трудпоселок, для обслуживания которых имелись 150 районных и 800 поселковых комендатур. См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 30.

**Количество трудпоселков в Западной Сибири и проживавших в них семей и членов семей на 1939 и 1941 гг.**

Область (край)	На 1 апреля 1939 г.			На 1 июля 1941 г.		
	Труд-поселки	Кол-во семей	Кол-во членов семей, чел.	Труд-поселки	Кол-во семей	Кол-во членов семей, чел.
Новосибирская	490	48 897	198 852	460	46 984	171 114
Омская	104	9 467	39 647	95	9 220	35 626
Алтайский	18	834	2 750	9	882	2 804
Всего	612	59 198	241 249	564	57 086	209 544

Так, если в 1940 г. и в первом квартале 1941 г. в СССР было освобождено 99 184 чел. по этой причине, в соответствии с рапортом начальника ГУЛАГа НКВД СССР от 17 июня 1941 г., то только в Западной Сибири за 2-е полугодие 1940 и 1-е полугодие 1941 г. было освобождено 29 794 чел. Кроме названных причин, имели место случаи освобождения как неправильно содержавшихся в трудпоселках (57 чел.), освобожденных на учебу (724 чел.), передачи на иждивение (159 чел.) и некоторые другие. Число умерших в этот период составило 2 732 чел.<sup>1</sup>

Данные отдела трудовых и спецпоселений ГУЛАГа НКВД коррелируют с данными В. Земскова. По опубликованным им данным, число трудпоселков в Новосибирской, Омской областях и Алтайском крае на 1 июля 1938 г. равнялось 648 (517, 113 и 18 соответственно) с численностью проживавших в них в 242 684 чел. (195 523, 44 378 и 2 783 соответственно)<sup>2</sup>. С учетом вышеописанной тенденции уменьшения численности поселков и проживавших в них поселенцев данные по обоим источникам можно считать точными.

Ужесточение политики государства к осужденным в 1930-е гг. сопровождалось дальнейшим ухудшением их положения. Намеченный коммунистической партией и советским правительством курс на экономический «рывок» требовал скорейшего достижения результатов. Самым верным способом, по их мнению, была интенсификация труда, но не за счет использования достижений науки и техники, а за счет эксплуатации труда многомиллионной армии спецпереселенцев и заключённых. Выше уже достаточно подробно были описаны условия проживания, труда и результаты, достигнутые спецпереселенцами и заключёнными расположенных в Сибири лагерей. Но если жизнь спецпереселенцев все же несколько улучшилась за счет обустройства мест проживания – появились больницы, школы, клубы, библиотеки, детсады и т.п. (государство вынуждено было организовывать и развивать социальную сферу), то жизнь лагерников изменилась мало. Тяжелейший труд с завышенными нормами, часто с ненормированным рабочим днем, плохие условия питания и медицинского обслуживания продолжали оставаться неотъемлемыми чертами лагерной жизни.

<sup>1</sup> Подсчитано автором по отчетным докладным УИТЛиК и ОТСП УНКВД по Новосибирской области См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг. ... С. 61, 83, 97.

<sup>2</sup> Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки»... С. 126.

Тяжелыми были и бытовые условия заключенных. Многие лагеря строились «с колес», когда заключенных этапами высаживали в тайге, среди болот или голой степи, и они должны были сами «обживать» новые для себя места. Время года и погодные условия при этом в расчет не брались. Обустройство новых лагерей не освобождало заключенных от выполнения производственных планов, невыполнение которых приводило к применению наказаний. Поэтому очень часто после работы заключенные должны были строить жилые и хозяйственные помещения, не имея при этом возможности обогреться, обсушиться, выспаться. Приготовление и прием пищи проходили неорганизованно, выделяемые для питания продукты чаще всего не соответствовали нормам, не хватало посуды. Отсутствие условий для организованного отдыха после тяжелой работы (жилищно-бытовые, лечебно-санитарные, коммунальные и т.п.) на фоне некачественного, малокалорийного и скудного питания вело к антисанитарии, повышенной заболеваемости и смертности заключенных.

Но даже те заключенные, которые находились в менее суровых условиях, испытывали большие трудности и лишения. Так, краевой прокурор Г.Я. Мерэн в январе 1933 г. писал: «С одеждой, бельем и обувью в системе ИТУ обстоит дело не лучше, чем с питанием, по всем ИТУ края почти совершенно отсутствуют белье, верхней одежды и обуви совершенно не имеется и часть заключенных находится совершенно раздетой и их не только нельзя использовать на работах, но даже этапировать по месту назначения отбытия меры соцзащиты – в лагеря ОГПУ, так как некоторые из них не в состоянии даже дойти при наличии морозов от домзака до станции, а лагеря ОГПУ категорически отказываются от приема раздетых. Все это приводит к оседанию их в ДЗ (домах заключения. – В.У.) и так уже переполненных на 200–300% сверх нормы»<sup>1</sup>.

Используя ежегодные отчеты санитарных отделов ГУЛАГа, Б.А. Нахапетов подсчитал, что в период только с 1932 по 1940 г. умерло 318 582 заключенных. Минимальный уровень смертности был зафиксирован в 1936 г. – 2,43%, а максимальный – в 1933 г. – 15,2%. При расчетах за 1939 и 1940 гг. им было указано только число умерших, так как он не смог установить число заключенных, отбывавших наказание в эти годы. Этот пробел он устранил, назвав, со ссылкой на В.Н. Земскова, цифры умерших в процентном отношении – 3,83 и 3,47% соответственно<sup>2</sup>.

Страшнейший по своей сути пример в отношении ссыльных с приговорами о привлечении к исправительно-трудовым работам отмечен в докладе Прокурору Республики. В сентябре 1931 г. Колпашевская колония заключила с местным леспрохозом договор об использовании 700 ссыльных с ИТР на лесных работах. Леспрохоз обязывался обеспечить их жильем, продовольствием, одеждой и прочим наравне с вольнонаемными, приняв к концу октября всего 414 ссыльных. В ходе проверки, организованной в ноябре, было установлено, что все они живут в двух бараках, вместе и здоровые, и больные (62 чел. находились на карантине), в том числе и тифозные, венерические и прочие, много обмороженных. В бараках находились

<sup>1</sup> Из служебной записки краевого прокурора Г. Мерэна в адрес партийно-советского руководства ЗСК. См.: ГАНУ. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 210. Л. 1.

<sup>2</sup> Нахапетов Б.А. Указ. соч. С. 34.

6 трупов, умерших в предыдущие дни от истощения и тифа. Посуды не было – ни для приема пищи, ни для её готовки, ни для уборки помещений.

При повторном посещении 24 декабря была зафиксирована еще более удручающая картина. Отсутствовали продукты питания и печь для отопления, вывезенные из леса и самовольно бежавшие оттуда ссыльные лежали с отмороженными гниющими руками и ногами без всякого ухода. Медфельдшер в акте описал, что «из 47 человек нужно считать живыми трупами 30–40%, ...при немедленном улучшении питания и то 10–15% будут умершими. ...Из 28 человек имеются с помороженными ногами, руками, обожженными, с гангрену, переломом костей и другими заболеваниями. ...Имеется один обмороженный..., у которого отгнили и совершенно отпали ноги».

С октября по январь от тифа и истощения умерли 72 чел. Колпашевское межрайонное бюро принудработ смогло организовать снабжение этих ссыльных только с 6 декабря и только хлебом – по 500 г в сутки, а в период с 28 ноября по 6 декабря ссыльные не получали ничего – голодали<sup>1</sup>.

В описанном случае не было ничего экстраординарного и парадоксального для власти, по оценке ситуации того периода, тем более, что в этом межрайбюро принудработ не был даже налажен хотя бы минимальный учет ссыльных. Так, на 6 сентября, согласно акту прокуратуры, на учете состояло 1 277 ссыльных. В октябре «обследователь МПрбюро назвал цифру... 1 657 чел., из которых налицо 1 062 чел., остальные 648 чел. в бегах. Другой обследователь на 1/1–32 г. назвал цифру 1 664 чел., из которых значилось налицо 563 чел... Бригада из краевых органов в мае м-це с.г. (1932. – В.У.) нашла в МПрбюро 1 531 дело, по которым значилось налицо только 360 ссыльных, в розыске – 330 чел., а на остальных 841 чел. никто абсолютно никаких сведений дать не мог. ...Впрочем, **неудовлетворительное состояние учета ссыльных характерно для всей постановки учета отбывающих меру социальной защиты в ИТУ**» (выделено мною. – В.У.)<sup>2</sup>.

К такому выводу о состоянии системы учета пришли сотрудники краевой прокуратуры после обследования КУИТУ и краймилиции по вопросам исполнения судебных приговоров и проведения пенитенциарных мероприятий. Совершенно неожиданно вскрылось, что в краевой милиции и вообще в органах милиции отсутствовал какой-либо учет ссыльных без исправтрудработ, а по линии КУИТУ использование ссыльных с ИТР было организовано без всякой их, в смысле социальной опасности, дифференциации. В качестве подтверждения – в Томской городской милиции при проверке в феврале 1932 г. были обнаружены 1 690 дел на неизвестно куда и когда расселенных ссыльных<sup>3</sup>.

Более того, необходимо учитывать и то, что если спецпереселенцы по своей социальной «окраске» были близки друг другу (условия жизни во многом нивелировали ранее имевшуюся разницу), то лагерная среда была резко поделена по социальному признаку. «Социально близкие» из числа уголовников были опорой

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 205. Л. 55–56.

<sup>2</sup> Там же. Л. 52–53.

<sup>3</sup> Там же. Л. 47.

и поддержкой администрации лагерей по «наведению порядка» и «перевоспитанию» «врагов народа», активно использовались на различных вспомогательных должностях в местах отбывания наказания. В не меньшей степени от уголовников страдали и «бытовики» – попавшие в лагерь по различным указам и бытовым преступлениям, не таившим угрозу для устоев государства. Практически до конца 1930-х гг. они составляли основную массу заключенных.

Но, как и в 1920-е гг., особую проблему для пенитенциарной системы во второй половине 1930-х гг. составили следственные заключенные. Массовые аресты 1937–1938 гг. не могли не сказаться на состоянии пенитенциарной системы, оказавшейся не подготовленной к приему многих тысяч арестованных. Камеры были переполнены арестованными, которые вынуждены были спать попеременно. Катастрофически не хватало продуктов питания, средств гигиены. Практически отсутствовала возможность реального оказания медицинской помощи. Так, на Алтае в этот период действовали 4 тюрьмы, рассчитанные на 1 115 заключенных. Но фактически лимит превышался в 9–19 раз. На 1 января 1938 г. в тюрьмах содержалось 12 920 чел., т.е. превышение составило 11,6 раза. Начальник отдела мест заключения УНКВД по Алтайскому краю П.И. Редько в докладной записке начальнику УНКВД 25 февраля 1938 г. указывал, что «жилищно-бытовые условия тюрем Алтайского края в настоящее время находятся в неудовлетворительном состоянии. Подавляющее большинство контингента размещены на двухъярусных сплошных нарах, имеет место размещение на трехъярусных сплошных нарах (Бийская тюрьма), значительное количество заключенных спит на полу. На одного человека приходится менее 0,5 кв. метра. Все тюрьмы требуют капитального ремонта.

Ощущаем большой недостаток в постельных принадлежностях и умывальниках. Ввиду большого перелимита тюрем банно-дезо-прачечные установки стали недостаточны, требуют переоборудования и построек новых дезокамер. Питание заключенных... недостаточное. Имеют место частые перебои в продуктах питания. В Ойротской тюрьме в январе месяце были случаи перебоя с хлебом. Ассортимент продуктов беден.

Ощущается большой недостаток в котлах, титанах, кухонной посуде и в бочках для кипячения воды. В связи с перелимитом больничная коечная сеть недостаточна. Из заболеваний преобладают желудочно-кишечные болезни и туберкулез легких»<sup>1</sup>.

Слова Редько подтверждаются воспоминаниями З.А. Зернова о том, что «в камерах Барнаульской тюрьмы не было ни кроватей, ни нар. Спали на полу, на боку, переворачивались по команде. Питание – баланда (вода с кислой капустой) и кусочек хлеба»<sup>2</sup>. Переполнение тюрем было таковым, что приходилось открывать новые. О.Д. и Л.Д. Казак писали, что «кроме тюрьмы, которая размещалась в бывшем монастыре на горе, по ул. Канатной, но, по всей вероятности, не вмещала всех арестованных... были открыты дополнительные тюрьмы. Это – по Сибирскому проспекту (раньше там была баня, и она была переоборудована и впоследствии называлась тюрьма № 6)...»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Солодкая Т.И. Указ. соч. С. 184.

<sup>2</sup> Политические репрессии в Алтайском крае. 1919–1965... С. 371.

<sup>3</sup> Там же. С. 367.

О пребывании в омских тюрьмах написала в своих воспоминаниях П.А. Полякова-Керова-Загнойко: «Сидели мы в ужасных условиях. Женщины лежали на голых железных кроватях. Людей забрали в летних платьях, некоторых прямо с работы. Теснота страшная – в камере около сорока человек, спали на полу, где можно пристроиться. Появились насекомые, масса черных тараканов... За семь месяцев, что я там просидела, не дали ни одной прогулки. Несколько раз водили в баню, только ночью... У крана с водой сидел мужчина, по виду уголовник, раздавал воду и нагло улыбался – еще одно унижение!»<sup>1</sup>. А в камере, в которой пришлось сидеть Л.М. Литвиненко и рассчитанной на 25 чел., одновременно находились 137 женщин. Условия были до такой степени ужасающими, что женщины организовали «бунт» и заставили администрацию провести дезинфекцию камер и вытравить клопов<sup>2</sup>.

Камеру в Омской колонии пришлось «обживать» И.М. Вахненко: «Камера такая, что её так и назвать нельзя. Это хуже скотного двора. Столбы, а по столбам стропила, вот тебе и крыша. Что это за здание, точно не помню, ширина его метров двенадцать, а длина метров двадцать. Нас садили в шесть рядов к стенкам, с обеих сторон по ряду, двадцать два человека в ряд и посередине четыре ряда, причем с таким расчетом, чтобы спиной к спине. С одной стороны двадцать два человека и с другой. Таких рядов три, а в ряду получается сорок четыре человека. Экономили каждый квадратный метр. На этом квадратном метре четыре человека могли только сидеть. Лечь нельзя и вытянуть ноги нельзя.

В этом помещении находились постоянно двести восемьдесят–триста человек. Бочка железная, перерезанная пополам – это параша, кругом тоже люди сидят, окна закупорены двойными решетками, духота, вонь невозможная. Вшей так было много, что ползали на полу и по стенам. В баню не водили, на прогулки за сутки выходили минут на сорок и то не все. Многих арестовали летом, одежды теплой не было. Люди были полураздетые. Кормили баландой, так называли тюремный суп...»<sup>3</sup>.

Подобная картина была характерна практически для всех мест заключения – Западная Сибирь не была исключением. В эти годы вышеназванные проблемы – чрезмерная переполненность, отсутствие хотя бы минимально нормальных бытовых

<sup>1</sup> Забвению не подлежит... Т. 6. С. 435.

<sup>2</sup> Там же. Т. 5. С. 180.

<sup>3</sup> Там же. Т. 10. С. 106–107. Бывший начальник Томского горотдела НКВД И.В. Овчинников, будучи арестованным, так описывал в письме в следственную часть УНКВД свое пребывание в тюрьме: «В камере № 49, на площади 20 квадратных метров сидело от 12 до 16 человек, был все время такой хай, такой шум, крик и ругань, что совершенно невозможно было читать. К. с утра до ночи пел и крупно ругался по адресу Облпрокурора и суда; Х. зверски ругал Облпрокурора; другие тоже кричали, ругались, вытворяли всякие пошлости и низости, в которых я не мог принимать участие – мне противно это было... Праздной болтовни в камере было много, в том числе и с моей стороны. Учтите, что ведь это камера, это ненормальные условия, что у каждого, а у меня в особенности, психика была ненормальной, взвинченной, каждый, а я в особенности, был нервно возбужден до предела...». См.: Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. 5621. Т. 7. С. 409.

Если сравнить условия, описанные И. Овчинниковым, то они хоть несколько, но были лучше, чем в других тюрьмах, по крайней мере по наполнению камеры. Обращают на себя внимание его сетования на «взвинченность и нервное напряжение», он требует это учитывать при рассмотрении его дела, а что же тогда говорить о миллионах заключенных, которые также испытывали подобное, находясь в переполненных камерах. Сам он, в бытность начальником горотдела, арестовывая тысячи томичей и набивая ими камеры сверх всякого предела, почему-то об этом не задумывался.



условий, недостаточность медицинского обслуживания, перебои с питанием – были распространены повсеместно. Пенитенциарная система была просто не способна принимать сотни тысяч «врагов», организаторы и строители мест лишения свободы на такое число заключенных и не рассчитывали, они и предполагать не могли подобного развития ситуации.

Что касается вопросов снабжения заключенных, то в 1930-е гг. их решение продолжалось через Наркомснаб (бывший Наркомторг). Основным принципом снабжения для заключенных и спецпереселенцев в эти годы стало выполнение ими производственных заданий. Первоначально установленные для них пайки были меньше, чем пайки вольных рабочих тех же предприятий. Но постепенно произошло их сближение. В мае 1930 г. постановлением СТО и СНК СССР пайки спецпереселенцев были уравнены с пайками вольных рабочих тех же предприятий, на которых они трудились. Вызвано это было потребностью повышения производительности труда и ускорением ввода в строй новых промышленных объектов. Более того, нормы спецпереселенцев, работавших на крупных промышленных объектах, например в Кузбассе, превышали нормы вольных рабочих и служащих типографии или небольшого предприятия.

Снабжение в лагерях шло по тому же принципу – продукты выдаются только при выполнении производственного задания, больше получают те, кто лучше работает. Но в лагере снабжение продуктами зависело от многих факторов и всегда не в пользу заключенного. Пайки чаще всего были урезанными. Но это не было каким-то особым исключением, так как даже в армии, например, мясные нормы для красноармейцев в течение двух лет, начиная с 1932 г., уменьшались дважды, сначала с 250 до 200 г., а в 1933 г. – до 175 г<sup>1</sup>.

В ноябре–декабре 1932 г. резко ухудшилась ситуация в регионе с отпускаемыми для заключенных продуктами питания. В январе 1933 г. крайпрокурор Г. Мерэн вынужден был обращаться к секретарю крайкома ВКП(б) Кудрявцеву и председателю крайисполкома Зайцеву с совершенно секретной запиской о неблагоприятной обстановке по данному вопросу. Осложнение ситуации было вызвано неотпуском продуктов для лиц, лишенных свободы и следовавших этапами к местам заключения через Омск и Новосибирск, в которых эти этапы должны были получать питание из расчета на 6 дней по 600 г хлеба в день, консервы, рыбу, сахар и т.д. Краевое управление ИТУ вынуждено было урезать пайки из фондов, отпускаемых для контингентов, находящихся в местных домах заключения.

С учётом того, что отдельные проходившие этапы совершенно не снабжались хлебом и другими продуктами, произошли отдельные инциденты. Так, в декабре 1932 г. в Омске прибывшие с эшелонам заключенные «устроили волнения, вызвавшие необходимость оцепления вокзала с применением даже пулемета». 6 января 1933 г. этап численностью в 906 чел. не был снабжен хлебом и отправлен в Новосибирск голодным. В Новосибирске неоднократно снимали с эшелонов истощенных и больных, трупы умерших в дороге.

---

<sup>1</sup> Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1997. С. 92–96.

Неоднократное урезание выделяемых продуктов привело к тому, что КУИТУ в 1932 г. недополучило: муки – 1 054 т, мяса – 42, рыбы – 50, масла растительного – 37, крупы – 165, сахару – 143 т. Пайка хлеба была урезана с 600 до 300 г, выросла смертность среди лишенных свободы от истощения, увеличилось число инфекционных заболеваний.

По вопросу улучшения ситуации с выделением продуктов лишенным свободы и проходящим эшелонам Г. Мерэн поставил в известность и Прокурора Республики. К сожалению, но каких-либо документов с реакцией на поставленную проблему обнаружить не удалось<sup>1</sup>.

Сложившаяся практика урезания пайков явилась следствием целого ряда событий, оказавших серьезнейшее влияние на социально-экономическое положение страны. Неурожай 1931 и 1932 г. в ряде регионов страны – на Северном Кавказе, в Казахстане, Поволжье, Сибири, Украине и некоторых других – привел к массовому голоду в них, унеся миллионы жизней и заметно повлияв на ухудшение питания и условий жизни в целом по стране. П. Полян, со ссылкой на данные Н.А. Ивницкого, отмечает, что за период с осени 1932 по апрель 1933 г. население СССР сократилось на 7,7 млн чел., в том числе на Украине на 4 млн чел. и примерно на 1 млн чел. на Северном Кавказе, в Поволжье и Казахстане. Тяжелейшая ситуация сложилась в 1933 г. в Казахстане, где в результате голода и коллективизации поголовье скота сократилось на 90%. По разным данным, это привело к гибели от 1 до 2 млн казахов и их массовой откочевке на другие территории, в том числе и за пределы СССР в Китай. Возможно, по причине этих потерь и было принято решение использовать территорию Казахстана для депортации значительного числа этнических спецпереселенцев<sup>2</sup>.

Еще более важной была проблема снабжения продуктами питания спецпереселенцев. Только в первой половине 1930 г. выселенным в Сибирь кулакам были предоставлены: 91 тыс. ц муки, 10 тыс. ц крупы, 2,5 тыс. ц сахара, 20 тыс. ц рыбы, 786 ц растительного масла и другие продукты<sup>3</sup>.

В июне 1930 г. Наркомторгом СССР были даны указания союзным объединениям о выделении для спецпереселенцев нижеследующих видов продовольствия, в частности для Сибири (в тоннах): муки – 9 743, крупы – 989, сахара – 313,9, масла растительного – 113,6, рыбы – 2 844, а также мыла – 60, овса – 2 400. Но сюда вошли и объемы марта–июня 1930 г. Дошло ли это до переселенцев? Можно лишь предполагать, но уверен, что далеко не все. Вспомним хотя бы рассказ И. Бочарникова... А ведь «нахлебников», описанных им, были тысячи.

«В связи с окончательным решением вопроса о нормах снабжения спецпереселенцев» были приведены размеры этих норм: хлеба – 300 г в день или 6,5 кг муки в месяц (взрослое население, занятое на работах по освоению колонизационного фонда, подлежало снабжению из расчета 500 г хлеба в день или 10,8 кг муки в месяц), крупы – по 20 г в день (для отправляемых в особо отдаленные

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 210. Л. 1.

<sup>2</sup> Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 78–79.

<sup>3</sup> См.: Гуцин Н.Я., Ильиных В.А. Указ. соч. С. 270.

районы эта норма могла увеличиваться до 30 г, но при условии, если в приварке отсутствовали капуста, картофель и т.д.), сахар – 6 г взрослому и 12 г детям до 12-летнего возраста, растительное масло – ввиду крайней ограниченности его ресурса норма не была установлена, детям до 12 лет – не свыше 6 г в день, рыба – 75 г, мыло – в зависимости от ресурсов, исходя из примерной нормы от 50 г в месяц на одного человека<sup>1</sup>.

Все эти нормы были разработаны уже по прошествии почти полугода после начала кампании переселения, а с учетом традиционной пробуксовки согласования вопросов и «медленного запрягания лошадей» на практике стало реализовываться и в неполной мере еще позднее. Выше уже отмечалась высокая смертность среди переселенцев, особенно детей и стариков. Но с учетом красиво и обоснованно (кем?) оформленных норм выдачи продуктов питания для тех, кто останется живым, приведу пример, когда зав. Усть-Ягильятским фельдшерским пунктом, докладывая в Омский окрздрав о положении в Кулайской комендатуре, 3 мая 1930 г. писал: «...За последнее время [число] больных увеличилось, болезни... прогрессируют, общее опухание тела, кровавые поносы, сверлящие боли в животе, катары, простые поносы, запоры, вздутие животов и перитониты – страдают все возрасты, дети и взрослые, дети опухают и умирают от недоедания. 75% населения имеют вид тела истощенного, землистого цвета.

Матери, роженицы и кормящие грудью детей переносят мучительные страдания. После родов питаются неразмолотой рожью, ...ребенка кормят суррогатами, каковые парит и дает, а в грудях молоко отсутствует. В подкрепление питания выдать муки или крупы... или еще что, это все отсутствует. ...Питание совершенно отсутствует, только выдается рожь цельем, 15 фунтов в месяц. В медикаментах недостатка не ощущается, но применение лечебной цели совершенно безрезультатно при отсутствии питания...»<sup>2</sup>.

Нужны ли какие-либо комментарии или объяснения?

В крае для выселяемых также были разработаны и утверждены нормы путевого довольствия и снабжения на местах расселения. По этим нормам ежедневная выдача муки составляла 300 г, сахара взрослому – 6 г, детям – 9 г, подболтки – 2 г, соли – 15 г, крупы – 20 г, лука – 15 г, картошки – 195 г, капусты – 100 г, рыбы – 75 г и т.д. Перец и лавровый лист были исключены, животное масло не полагалось, а растительное – только детям<sup>3</sup>. Но этого было недостаточно.

В вышеупомянутой Инструкции по организационному построению выселения кулацких хозяйств в северные районы ЗСК также были определены **нормы** выделяемого **продовольствия на одно хозяйство** (выделено мною. – В.У.). Муки на 2 месяца – 72 кг, крупы – 5, соли – 3,6. Всего на семью – 81,4 кг (так в тексте. – В.У.) на 2 месяца. Исходя из вышеприведенных норм, в данном случае даны суммарные показатели из расчета 4 едока в одном хозяйстве. А если их было

<sup>1</sup> Секретный циркуляр Наркомторга РСФСР о нормах снабжения спецпереселенцев продовольствием от 2 июля 1930 г. См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. ... С. 240–241.

<sup>2</sup> Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. ... С. 259.

<sup>3</sup> Новокионов В. Крестьянская ссылка в Сибири... С. 107.

больше, то нормы не увеличивались, просто порции уменьшались соответственно количеству едоков<sup>1</sup>.

Следует заметить, что в январе 1932 г. в связи с решением комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросу высокой смертности детей спецпереселенцев младшего возраста (до 8 лет) – до 10% ежемесячно, в том числе и в Западной Сибири, крайними органами планировалось увеличение продовольственного пайка (дополнительного детского питания) в следующих размерах: муки – 12 кг в месяц вместо 8,6 кг, крупы – 1,5 кг вместо 0,8 кг, мяса или рыбы – до 2 кг вместо 1. Указывалось и на необходимость включения в месячный рацион до 3 кг овощей.

Если верить представленным документам, то, несмотря на целый ряд сложно решаемых вопросов, государство в лице своих представителей в органах власти предпринимало значительные усилия по снабжению переселяемых сотен тысяч человек. Однако сложно найти какие-либо документы, которые могли бы пролить свет на реальное воплощение «громдья этих планов» в реалиях. Тысячи свидетельств говорят об одном – выживать приходилось только благодаря прилагаемым неимоверным усилиям и терпению в стремлении выжить. Но преодолеть тяжелейшие испытания суждено было не всем, десятки тысяч сгнули в тайге и болотах, которые они «преобразовывали» своим трудом.

Всего в комендатурах Сиблага по состоянию на начало марта 1932 г. насчитывалось 58,5 тыс. детей до 8 лет (22% в составе спецпереселенцев). Если в январе 1932 г. было выделено 2 тыс. дополнительных пайков для детей, то в феврале – 11 тыс. Однако и они делились на категории: 50% должны были выдаваться по себестоимости, 25% – удешевлены и только 25% предполагалось выдавать бесплатно<sup>2</sup>.

Не улучшилась ситуация с продуктами питания и в 1933 г. Например, в докладной записке руководства ГУЛАГа от 3 июля 1933 г. в ЦКК ВКП(б) и РКК отмечалось, что с момента передачи спецпереселенцев Наркомлесу СССР «для трудового использования в лесной промышленности, т.е. с августа 1931 г., Правительством была установлена норма снабжения иждивенцев-спецпереселенцев на лесе из расчета выдачи в месяц: муки 9 кг, крупы 9 кг, рыбы 1,5 кг, сахару 0,9 кг. С 1 января 1933 г. по распоряжению Союзнаркомснаба нормы снабжения для иждивенцев были снижены до следующих размеров: муки 5 кг, крупы 0,5 кг, рыбы 0,8 кг, сахару 0,4 кг». В результате этого положение спецпереселенцев в лесной промышленности резко ухудшилось. Были отмечены случаи поедания несъедобных суррогатов, кошек, собак, трупов павших животных. Резко выросли заболеваемость и смертность спецпереселенцев, были зафиксированы случаи самоубийств, выросла преступность. «Голодные спецпереселенцы воруют хлеб и скот у окружающего населения, в частности у колхозников...». Производительность труда в отдельных леспромхозах упала до 25%. Отмечались случаи

<sup>1</sup> См.: ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 132. Л. 12. В 1930–1931 гг. на каждую сосланную семью приходилось в среднем 4,7 чел. К началу 1940 г. этот показатель снизился до 3,8, т.е. за 10 лет состав семей уменьшился почти на человека. В Западной Сибири на 1940 г. эти показатели равнялись: в Алтайском крае – 3,3, в Новосибирской области – 4,1 и Омской – 4,2 чел. См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960... С. 42–43.

<sup>2</sup> См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г. ... С. 329.

смерти спецпереселенцев от голода на рабочих местах или по возвращении с работы<sup>1</sup>.

На фоне недостаточности выделяемых фондов для спецпереселенцев, отсутствия должного контроля за их расходованием на местах и т.п. было принято решение о введении в стране карточной системы для снабжения семей спецпереселенцев.

Серьезное влияние оказала и массовая насильственная коллективизация, приведшая на рубеже 1930-х гг. к серьезному подрыву всей системы сельского хозяйства. К началу коллективизации до 80% индивидуальных крестьянских хозяйств страны обеспечивали себя продуктами питания, сельхозинвентарем, предметами обихода. Развивавшееся крестьянское хозяйство было основой благополучия городского населения. Насильственное изъятие хлеба у «кулаков», обобществление сельскохозяйственного инвентаря и скота, прямое разграбление имущества зажиточных крестьян подрывали сложившуюся веками жизнь крестьянства, вызвали активное противодействие – от «бабьих бунтов», уничтожения скота<sup>2</sup> и хлеба до открытого вооруженного сопротивления.

Государство, выбрав путь индустриализации, предприняло все меры для извлечения из сельского хозяйства всего, что могло принести доход от продажи за границу в целях покупки станков, оборудования, техники – в первую очередь у крестьян забирали хлеб, мясо, молоко и другие продукты, шерсть, шкуры и т.д. Была разрушена частная торговля, предприятия которой, преимущественно мелкого и кустарного производства, составляли более 75% от общего числа предприятий данной направленности, что привело к ухудшению условий реализации продуктов питания и иной сельхозпродукции в городе. Налицо диспропорция развития промышленности, легкая и пищевая заметно уступали, рассматривались только в перспективе.

С другой стороны, можно говорить, что государство наносило удар по «кулаку» и «торговцу-частнику», полагая, что предпринимает шаги по своей защите от возможной реставрации капитализма. Названные категории населения рассматривались в качестве основной и потенциальной силы, могущей привести к этой реставрации. Развертывание репрессий в процессе изъятия хлеба у крестьянства автоматически привело к сокращению крестьянского производства – уже к осени 1928 г. посевные площади уменьшились на 6,4%<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960... С. 34.

<sup>2</sup> Очень точно картину уничтожения скота показал в романе «Поднятая целина» М. Шолохов. Он писал: «Чуть стемнеет, и уже слышно, как где-нибудь приглушенно и коротко заблеет овца, предсмертным визгом просверлит тишину свинья или мыкнет телка. Резали и вступившие в колхоз и единоличники. Резали быков, овец, свиней, даже коров; резали то, что оставалось на завод... В две ночи было ополовинено поголовье рогатого скота в Гремячем. По хутору собаки начали таскать кишки и требушки, мясом наполнили погреб и амбары... «Режь, теперь оно не наше!», «Режьте, все одно заберут на мясозаготовку!», «Режь, а то в колхозе мясца не придется кусануть!» – полз черный слушок. И резали. Ели невпроворот. Животами болели все от мала до велика. В обеденное время столы в курнях ломились от вареного и жареного мяса. В обеденное время у каждого – масляный рот, всяк отрыгает, как на поминках; и от пьяной сытости у всех посоловелые глаза». См.: Шолохов М.А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. Поднятая целина: роман: в 2 кн. Кн. 1. М., 1986. С. 101–102. Полагаю, что писатель достаточно точно подчеркнул суть происходящего в те годы.

<sup>3</sup>

Материалы XVII съезда ВКП(б) подтверждают ухудшение положения в сельском хозяйстве. В 1932–1933 гг. уменьшились посевные площади в стране, особенно зерновые – со 104,4 млн га в 1931 г. до 99,7 млн га в 1932 г. и 101,5 млн га в 1933 г. Если валовая продукция зерновых в 1930 г. составила 835,8 млн ц, то в 1931 г. – 694,8, а в 1932 г. – 698,7 млн ц. В 1933 г. урожай зерновых составил 898,0 млн ц, но в стране наблюдался массовый голод, в частности по причине вывоза хлеба за границу. Что касается животноводства, то начиная уже с 1929 г. наблюдалось резкое снижение поголовья. Так, к 1934 г. поголовье лошадей составляло 16,6 млн голов (сократилось на 17,4 млн голов (на 51,2%), т.е. более чем вдвое), крупного рогатого скота – 38,6 млн голов, сократившись на 29,5 млн голов (на 43,3%), овец и коз – 50,6 млн голов, т.е. на 96,6 млн голов меньше (на 65,6%), свиней – 12,2 млн голов, уменьшение на 8,7 млн голов (на 41,6%). Причиной этому, по мнению И. Сталина, была усиленная кулацкая агитация за убой скота, имевшая «благоприятную почву в годы реорганизации» сельского хозяйства<sup>1</sup>.

Вне всякого сомнения, все это непосредственно отражалось на населении страны, в том числе, возможно в первую очередь, на заключенных. Несмотря на «значительный подъем материального положения трудящихся», о чем много говорилось в докладе Сталина на XVII съезде партии, вполне сознательно осталось в тени введение в 1929 г. карточной системы сначала по хлебу, а с лета 1930 г. и по мясу. В начале 1931 г. на фоне реальной перспективы голода в стране были официально установлены нормы снабжения–распределения продуктов питания, предметов одежды и т.п. К крестьянству карточная система отношения не имела, так как предполагалось, что крестьяне должны выживать самостоятельно, и это несмотря на то, что государство жило и развивалось только за счет крестьянства<sup>2</sup>.

В 1930-е гг. вопрос о нормах снабжения в НКВД рассматривался трижды в зависимости от продовольственной ситуации в стране, неизменной во всех случаях оставалась только минимальная норма хлеба – 400 г – штрафная норма. Но часто оно было таким, как его описал писатель Р.А. Иванов-Разумник, имевший опыт пребывания в тюрьмах в 1919, 1933 и 1938 гг.: «В полдень (1933 г. – В.У.) – кормление заключенных. Открывается форточка. В неё подаешь металлическую мисочку и тут же получаешь её обратно, изобильно наполненную – чаще всего – селедочной болтушкой; настолько изобильно, что иногда большой палец дежурного омывается этой

<sup>1</sup> XVII съезд ВКП(б) 26 января – 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934. С. 18–20; Е.А. Осокина, без ссылок на источники, приводит данные, что количество крупного рогатого скота в 1928 г. превышало 6 млн голов, но в результате убоя его крестьянством, в ответ на насильственное обобществление, поголовье сократилось до 3,3 млн голов в 1934 г. и даже в 1940 г. оно не достигло 5 млн. Численность лошадей сократилась с 3,2 млн в 1928 г. до 1,5 млн в 1934 г., а к 1940 г. поднялась только до 1,7 млн голов. См.: *Осокина Е.А.* Указ. соч. С. 73.

<sup>2</sup> На 1 января 1933 г. городское население СССР составляло порядка 40,4, а сельское – 125,4 млн чел. В расчете на душу населения в 1931–1933 гг. государство в среднем в год направляло на одного горожанина больше, чем на сельского жителя: муки – в 12–18 раз, крупы – в 12–28 раз, рыбы – в 10–14 раз, сахару – в 8–12 раз, винно-водочных изделий – в 2,5–3 раза, чая – в 1,5 раза. Мясо и животное масло в деревню практически не направлялись. Поставки непродовольственных товаров в год в период 1931–1935 гг. превосходили: по швейным изделиям – в 3–6 раз, мылу – в 3–10 раз, кожаной обуви – в 2,5–5 раз, трикотажу – в 5–12 раз. Только по так называемым товарам сельского спроса (хлопчатобумажные ткани, платки, махорка) дисбаланс сельского и городского снабжения был менее резким, но существовал. См.: *Осокина Е.А.* Указ. соч. С. 116.

селедочной жижей. За все мое пребывание в ДПЗ четыре раза – не шутите! – был мясной суп; это можно было заключить из того, что он не пах ни селедкой, ни треской (тоже иногда попадавшей в меню «супа»). Суп съеден, ...надо успеть вымыть под краном мисочку, чтобы получить второе блюдо – почти всегда пшеничную размазную без малейшего признака масла и в количестве не столь изобильном, как первое блюдо. Еще раз гремит форточка. Кружка кипятка. Обед кончен.

В шесть часов вечера – ужин: повторение обеденного блюда и кипяток; получающие «политпаек» пользуются привилегией иметь к ужину два блюда, то есть ту же селедочную болтушку на первое»<sup>1</sup>.

А вот как он описал питание в 1938 г. После утренней поверки камерный староста получал фунтовые куски хлеба и миску пиленого сахара – по два с половиной куска на человека, согласно дневному рациону. «Появлялись два громадных ведерных металлических чайника с желтеньким настоем из сушеной моркови или яблочной кожуры; каждому из нас была выдана кружка, и староста разливал этот «чай».

В полдень подавался обед – вносились ведра с супом или борщом. ...По сравнению с 1919 годом (и даже с 1933-м) прогресс был большой: порции были достаточны, а супы и борщи совсем неплохие и даже разнообразные. Каждый день меню менялось: по понедельникам бывал густой борщ из свеклы и капусты, с микроскопическими кусочками мяса; по четвергам – густой рыбный суп из трески; в остальные дни – разные супы, тоже густые. Часов в шесть вечера подавался ужин – большие ведра каши, каждый день разной и опять-таки строго по выдержанному расписанию: по понедельникам – гречневая размазня. По вторникам – пшеничная каша, потом перловая, ячневая, манная и всякие другие. Не скажу, чтобы мы были сыты, но нельзя было и умереть от голода. Однако цингой заболели, особенно проведя в тюрьме год, два, три (были и такие); и это несмотря на то, что существовала возможность... пополнять свое питание продуктами из «лавочки». После ужина – вечерний «чай», такой же, как утром»<sup>2</sup>. Упомянутая лавочка – торговые точки, открытые в тюрьмах, где заключенные могли приобретать некоторые продукты. Дело в том, что в 1930-е гг. передачи продуктов были заменены возможностью передавать заключенным денежные переводы.

Но описанная Ивановым-Разумником «идиллическая» картина не была характерной для многочисленных лагерей, там такого «изобилия» не было. В 1939 г. в соответствии с совершенно секретным приказом НКВД СССР № 0093 «О введении с 1 июля 1939 г. новых норм питания и вещевого довольствия для заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях ГУЛАГа НКВД СССР» нормы питания заключенных были увязаны с нормой выработки. Заключенные, не выработавшие производственную норму, следственные и инвалиды должны были получать норму продуктов, указанную в табл. 22. В зависимости от выработки производственной нормы от 60 до 99% можно было получить от 100 до 400 г хлеба дополнительно. Этой

<sup>1</sup> Иванов-Разумник Р.А. Указ. соч. С. 177.

<sup>2</sup> Там же. С. 288–289.

пайки, даже с учетом «премиальных блюд», человеку, занятому физическим трудом, было недостаточно, тем более, что на практике даже эти небольшие нормы часто не соблюдались. Из 13 наименований продуктов обычно встречались хлеб, рыба, овощи, соль. Несмотря на наличие утвержденных норм, нормы котлового довольствия заключенных каждый лагерь устанавливал самостоятельно, исходя из имевшихся возможностей.

Таблица 22

**Суточные нормы питания заключенных в лагерях и колониях в соответствии с приказами НКВД СССР в конце 1930-х – начале 1940-х гг. (в граммах)**

Наименование продуктов	№ 0093 – 1939 г.	№ 0473 – 1941 г.	№ 0463 – 1942 г.
Хлеб ржаной	600	700	600
Мука пшеничная	10	10	–
Мука подболточная	–	–	10
Крупа разная	100	–	–
Крупа – макароны	–	80	80
Мясо	30	–	–
Мясо и мясопродукты	–	25	20
Рыба	125	–	–
Рыба и рыбопродукты	–	100	60
Растительное масло	10	–	–
Жиры растительные и животные	–	15	13
Сахар	10	10	10
Чай суррогатный	2	2	2
Картофель и овощи	500	600	400
Томат-пюре	10	10	10
Перец стручковый	0,13	–	–
Лавровый лист	0,2	–	–
Соль	20	10	10
Сухофрукты	–	0,2	0,2
Мука картофельная	–	0,2	–
Калорийность	1 323,5*	2 778	2 650

\* Подсчитано автором без учета калорийности рыбы.

Источник: Нахапетов Б.А. Указ. соч. С. 26–27; Смыкалин А.С. Указ. соч. С. 84.

Штрафные нормы были еще меньше, примерно в 2–4 раза. Но были еще категории всякого рода «блатных», которые объедали заключенных, пользуясь своим служебным положением (охрана, служба и т.д.), либо по праву «сильного» (уголовники). Как следствие, истощение и смерть. В отдельных лагерях смертность составляла 15–20%, а число трудоспособных заключенных падало до 50%.

По данным Б.А. Нахапетова, со ссылкой на Большую медицинскую энциклопедию, по расчетам отечественных ученых-гигиенистов, суточные энергозатраты шахтеров, лесорубов, землекопов, каменотесов и других представителей тяжелого немеханизированного труда составляют не менее 4 500 килокалорий<sup>1</sup>. С учетом суровых условий обитания, плохой одежды, недостаточно защищавшей от

<sup>1</sup> Нахапетов Б.А. Указ. соч. С. 26.



холода, и других негативных факторов<sup>1</sup>, включая фактическое количество пищи, доходившее до заключенных, становится понятным, что указанные нормы не могли компенсировать физических затрат.

Продуктов для заключенных катастрофически не хватало не только в силу названных причин, но также из-за отсутствия фондов. Так, выделенные ГУЛАГУ на первый квартал 1940 г. фонды на продовольствие не обеспечивали потребностей лагерей. По мясу они покрывались на 62%, рыбе – на 43%, растительному маслу – на 55%, салу – на 26%, сахару – на 43%. Совершенно не предусматривалось поступление макарон. В этих условиях ГУЛАГ был вынужден пойти на сокращение всем категориям заключенных хлеба на 100 г, а для замены мяса (говядины, свинины и др.) предлагалось использовать конину<sup>2</sup>.

Таким образом, следует констатировать, что в тяжелейших условиях ликвидации последствий Мировой и Гражданской войн, в процессе строительства общества новой формации органами исполнительной власти советского государства была создана основа пенитенциарной системы «нового типа». Эту систему характеризовали единство подходов в вопросах перевоспитания лиц, заключенных в места лишения свободы, и отсутствие качественной материальной базы как по их содержанию, так и по возможности занятия общественно полезным трудом. На протяжении всего рассматриваемого периода нерешенными оставались вопросы питания заключенных, их медицинского и культурно-воспитательного обеспечения. Отсутствие четкой и стройной системы наказания приводило к постоянному переполнению мест заключения, попытки их разгрузки через амнистии и предоставление отпусков (для решения домашних проблем и т.п.) результатов не давали. Отдельные заключенные использовали отпуска для побегов с мест отбытия наказания. Все это привело к отказу от идеи перевоспитания «оступившихся», ужесточению функционировавшей карательной системы. Не имея реальной возможности решать назревшие в обществе проблемы экономиче-

<sup>1</sup> М.Г. Детков, со ссылкой на материалы ЦГАОР, привел пример, что в целях сбережения фондов лагерного оборудования и обуви циркуляром ОГПУ № 17–1933 г. заключенным разрешалось носить собственную одежду. На местах это привело к тому, что лагерное вещевое довольствие стали выдавать только заключенным, не имевшим собственной одежды. А ведь многие арестованные не имели возможности брать с собой какую-либо одежду, приезжая в лагерь в том, в чем были арестованы. В другом случае он описал ситуацию, отраженную в приказе НКВД СССР от 10 ноября 1935 г. по Дмитлагу, что только в результате «принятия мер по борьбе с ...поносами и дизентерией произошло снижение заболеваемости среди заключенных по разным районам строительства в 3–7 раз, а смертность сократилась в 8–10 раз по сравнению с показателями 1934 года. Потери же по болезни снизились на 6 320 000 человеко-дней, т.е. число ежедневно неработающих уменьшилось более чем на 17 тысяч человек» (выделено мною. – В.У.). См.: *Детков М.Г.* Содержание карательной политики Советского государства... С. 67, 70.

Б.А. Нахапетов привел пример, ссылаясь на приказ НКВД СССР № 0314 от 25 сентября 1939 г. «О санитарно-бытовом состоянии ОИТК НКВД Башкирской АССР», что «питание заключенных совершенно неудовлетворительное. Колонии длительное время не выдавали заключенным свежих овощей, мяса, жиров, в результате чего отмечено значительное количество случаев заболевания и даже смерти от пеллагры, цинги, а также до 50 случаев полной слепоты от ксерофтальмии и наряду с этим за 6 месяцев с.г. имеется «экономия» на питании заключенных 408 тысяч рублей». В зимнее время имели место ежедневный невыход на работу до 400 заключенных по причине «разутости и раздетости», а в колониях Удмуртии – массовые тяжелые обморожения, вызвавшие ампутации конечностей. См.: *Нахапетов Б.А.* Указ. соч. С. 113, 22. Что же тогда говорить о более суровых условиях Сибири и Дальнего Востока?

В годы Великой Отечественной войны проблема питания решалась урезанием пайка в приказном порядке, когда объем выдаваемой пищи на одного осужденного в сутки составлял 650 г сырых продуктов, в том числе 55 г крупы, 15 г мяса или мясопродуктов, 80 г рыбы, 10 г жиров (*Тарарышкин А.П., Корнеева Г.К.* Указ. соч. С. 33).

<sup>2</sup> *Тарарышкин А.П., Корнеева Г.К.* Указ. соч. С.

скими рычагами и снять социальную напряженность, государство пошло на изменение пенитенциарной системы, используя её как орудие подавления всякого инакомыслия и возможного активного сопротивления режиму.

В конце 1920-х гг. в условиях осуществления страной промышленного рывка и сопутствующих ему преобразований практически во всех сферах жизни общества государство начинает все активнее использовать труд лиц, отбывавших наказание или подвергшихся принудительному переселению в процессе кампаний по раскулачиванию и коллективизации, для решения народнохозяйственных задач.

## **Глава 5. РЕЗУЛЬТАТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ В ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

---

### **5.1. Роль и место заключенных и спецпереселенцев в решении задач экономического развития Западной Сибири**

Принятие целого ряда документов ВЦИК и СНК СССР в конце 1920-х гг. предполагало применение суровых репрессивных мер к преступным элементам и одновременно – активное использование труда заключенных для реализации проектов строительства крупных промышленных объектов и развития транспортной инфраструктуры. В этих целях в стране была создана сеть крупных исправительно-трудовых лагерей, имевших четкую отраслевую направленность и специализацию, в том числе и Сибирский ИТЛ (Сиблаг). Другим названием Сиблага было Сибирское управление лагерей особого назначения (Сиб-УЛОН)<sup>1</sup>. Территориально он охватывал центральную и южную части Западной Сибири и часть территории нынешнего Красноярского края. Отделения Сиблага организовывались преимущественно в районах лесозаготовок (территории нынешних Кемеровской и Томской области) и строительства крупных промышленных объектов как, например, Кузнецкого металлургического завода и др. Еще одним профильным направлением деятельности было сельское хозяйство, так как одной из целей при его создании являлось освоение новых территорий для производства сельхозпродукции, необходимой, в первую очередь, для обеспечения собственных нужд лагеря – питания многотысячной армии заключенных и ссыльных.

Среди других видов производственной деятельности были золото- и угледобыча, строительство железных дорог к северу от Томска – Итатка – Ксеньевка – р. Чулым (42,5 км) и Горно-Шорской – от ст. Кулеп Томской ж.д. до ст. Таштагол (95 км) для подвоза руды с Таштагольского месторождения на Кузнецкий металлургический завод, строительство 174-километрового Нифантовского шоссе в Туруханском крае и Чуйского тракта на Алтае, строительство и обслуживание кирпичных заводов и швейной фабрики в Кузбассе, рыболовство (преимуще-

---

<sup>1</sup> Приказ об открытии лагерь не был. Начальником лагеря приказом ОГПУ № 87 лс от 13.03.30 г. с 01.09.29 г. был назначен М.М. Чунтонов, штат ИТЛ был объявлен приказом ОГПУ № 363/166 от 27.10.30 г. См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 391–393. В моем детстве приходилось неоднократно слышать в обиходе как форму ругательства или отрицательной характеристики человека – «сибулонца». Не понимая сути определения, мы использовали его в качестве «дразнилки».

ственно на территории нынешней Томской области), выпуск швейной, трикотажной, кожевенно-обувной и иной продукции<sup>1</sup>.

В ИТЛ ОГПУ на территории Томского округа на 2 июля 1930 г. находилось 5 010 заключенных и 1 780 кулаков-переселенцев<sup>2</sup>. Но уже в ближайшие месяцы их число резко возросло, к концу 1930 г. в Сиблага содержались почти 25 тыс. заключенных, чей труд активно использовался в разных отраслях народного хозяйства. Для выполнения планов освоения региона на протяжении всех 1930-х гг. постоянно увеличивалась численность заключенных Сиблага, использование труда которых позволило превратить Западную Сибирь в экономически развитый район страны. В период с 1931 до 1 января 1938 г. их численность колебалась от 21 149 до 78 838 чел. Всего через лагерь за 1930–1940 гг. прошло почти 565 тыс. чел.<sup>3</sup> Для многих лагерь стал лишь перевалочной базой на пути скитаний по местам отбывания наказания. Кроме того, по нарядам ГУЛАГа в другие лагеря страны, в частности на объекты строительства, отправлялись этапы из Сиблага. Так, в 1938 г. только из Алтайского края были направлены в Усольлаг, Севураллаг, Вятлаг, Краслаг, Дальлаг, Бамлаг и другие исправительно-трудовые лагеря 11 730 заключенных<sup>4</sup>. Переселения же внутри Сиблага были обычной нормой. Чаще всего они касались спецпереселенцев, направляемых на промышленные объекты из северных районов края. По мере необходимости «рабочие руки» передавались на строящиеся завод комбайнов в Новосибирске, на Кузнецкий металлургический завод и другие объекты.

Большинство лаготделений Сиблага были созданы на базе действовавших мест заключения СибУЛОНа, но по мере роста государственных потребностей открывались новые. В связи с необходимостью ускорения завершения строительства железнодорожной ветки Мундыбаш – Таштагол, необходимой для увеличения объемов доставки руды на Кузнецкий завод, в апреле 1938 г. на базе 9-го Ахпунского отделения Сиблага был организован Горно-Шорский ИТЛ (Горношорлаг). На 1 октября 1938 г. число заключенных в лагере составляло 11 377 чел., в том числе 5 024 (44,2%) осужденных за контрреволюционные преступления, еще 2 145 (18,86%) – социально опасные (СОЭ) и социально вредные элементы (СВЭ). К началу 1939 г. число заключенных увеличилось примерно на 300 чел., а в последующем, до закрытия лагеря, неизменно сокращалось, составив к моменту закрытия всего 5 716 чел., так как по мере окончания работ заключенных переводили в другие лагеря. В связи со сдачей дороги в эксплуатацию Управлению Томской железной дороги последние заключенные были переданы в УИТЛК УНКВД по Новосибирской области. Поставленная перед лагерем задача была выполнена в достаточно короткий срок, и в январе 1941 г. он был закрыт<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 391–393.

<sup>2</sup> Из истории земли томской. 1930–1933... С. 319–320.

<sup>3</sup> Подсчитано автором. См: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР...

<sup>4</sup> *Солодкая Т.И.* Указ. соч. С. 185.

<sup>5</sup> Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 204.

Томско-Асиновский ИТЛ (Томасинлаг) был организован в августе 1937 г. Основная цель его организации – лесозаготовка. К этому времени были завершены основные работы по строительству железной дороги Томск – Асино, длившаяся девять лет, и пошли первые грузовые поезда. Появилась реальная возможность заготовки леса в больших объемах и вывозе его на Транссибирскую магистраль, на многочисленные стройки тех лет. Следует отметить, что строительство Томск-Чулымской железной дороги во многом велось силами заключенных СибУЛОНа, а затем Сиблага, так как освоение таежных богатств среднего Причулымья было поручено ГУЛАГу. Для освоения лагерю были переданы лесные массивы бывших Тегульдетского и Зырянского леспромхозов, а позднее и Прикульская лесная дача. Обширный лесной массив занимал площадь в 1,2 млн га с запасом древесины в 119 млн кубометров. Проектировал трассы ленинградский институт «Гипротранс», изыскания проводили новосибирцы, а утверждал программу энкаведешного лесоповала Наркомлес. Была создана сеть отдельных лагерных пунктов в тайге для обеспечения сырьем Асиновской лесоперевалочной базы и построенных временных лесозаводов – Каштаковского, Берегаевского, Сибиряковского, Бобровского, Абашево-Четского, Симоновского, Прикульского и Асиновского. Управление лагеря первоначально располагалось в г. Томске, а затем передислоцировалось в с. Асино.

Значение Томасинлага в хозяйственном механизме страны можно проиллюстрировать следующими примерами. До появления лагеря чулымский сплав не превышал 150–170 тыс. кубометров древесины. Перед войной объем сплава по Чулыму и его притокам, где располагались дальние «командировки», достигал уже 2 млн кубометров. Годовая вывозка древесины по железной дороге превышала миллион кубометров. Эти объемы соотносились с теми, что имел крупный государственный трест «Томлес», не использовавший труд заключенных. Подтверждение производственных успехов Томасинлага мною было обнаружено в архиве УФСБ по Томской области в следственном деле на бывшего сотрудника лагеря Г. Флейшмана. После его увольнения из органов НКВД была проведена проверка его заявления в ГУЛАГ НКВД, в котором приводились примеры якобы срыва производственных планов, поощрения антимеханизаторской практики в работе и многое другое<sup>1</sup>.

В ответе на имя начальника УНКВД по Новосибирской области и.о. начальника оперативно-чеккистского отдела Томасинлага младший лейтенант госбезопасности И.Г. Стукачев в апреле 1940 г. писал: «План первого квартала 1939 года состоял: по заготовке 400 тысяч кубометров, заготовлено 444 тысячи кубометров. Таким образом, по заготовке план выполнен на 111%. По вывозке план 450 тысяч кубометров вывезено 469 тысяч кубометров, или 104,2%. ...В 1939 году лагерь по механизированной вывозке выполнил план на 118%, что является рекордной цифрой не только в системе ГУЛАГа, но и в лесной промышленности вообще»<sup>2</sup>. Какой-либо умысел либо лукавство со стороны Стукачева вряд ли имели место, хотя система приписок действовала в ГУЛАГе всегда и была повсеместным явлением.

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. 208. Т. 1. Л. 113–114.

<sup>2</sup> Там же. Л. 116.

Говоря о достижениях, необходимо заметить, что деревопереработка оставалась крайне неразвитой и большая часть древесины отгружалась в неразделанном виде. Кроме того, постоянно ощущалась нехватка вагонов (их требовалось до 120–130 в сутки), а также специалистов – механизаторов, дорожников, лесохозяйственников. Чаще всего эта проблема решалась за счет вновь прибывавших контингентов заключенных. Другой проблемой являлись высокие плановые показатели. Отдельные из руководителей, будучи не в силах справиться с ними, шли на приписки. Факты такого рода вскрывались неоднократно<sup>1</sup>. Например, в мае–июне 1939 г. в ходе проверки Симоновского и Каштаковского лагерных пунктов начальники лагпунктов Хорунженко и Поколев, начальники производственных частей Алексиевский и Хитров, а также зав. лесобиржей Каштаковского лагпункта Мочалов были осуждены<sup>2</sup>.

Несмотря на значительное увеличение числа лагерей в 1930-е гг. и постоянно растущее число заключенных, основную массу эксплуатируемого государством населения составили спецпереселенцы. По данным отдела по переселенцам ГУЛАГа НКВД, только в 1930–1931 гг. на спецпоселение были отправлены 391 026 семей общей численностью 1 803 392 чел.<sup>3</sup> В районы Западной Сибири были выселены семьи из Украинской ССР, Башкирии, Московской и Ленинградской областей (6 556, 5 305, 4 729 и 1 269 семей соответственно), всего 17 859 семей. Выселенцы из Московской области и Башкирии сразу же были направлены на шахты Анжерки и Прокопьевска в систему Востугля и на Кузнецкстрой, куда в августе 1931 г. и прибыли 9 923 семьи (50 300 чел.)<sup>4</sup>. Еще 52 091 семья была переселена на новые места жительства в пределах региона. Таким образом, число переселенных в крае составило 69 950 семей, или 17,9% от общего числа выселенных семей. На 1 января 1932 г. в Западной Сибири на учете состояло 265 846 спецпереселенцев (14,7%), больше было только на Урале – 484 380 чел.<sup>5</sup>

Сибирские историки, составители сборника «Спецпереселенцы в Западной Сибири...», приводят иные цифры. По их данным, «в результате депортаций 1930–1931 гг. в Западной Сибири в комендатурах Сиблага было размещено более 80 тыс. семей общей численностью 363 тыс. чел., из них в Нарымском крае – 68 тыс. семей, или 284 тыс. чел. Согласно статистике Сиблага 2/3 спецпереселенцев региона составляли местные, сибирские «кулаки», в северных комендатурах их численность достигала 9/10. Результатом политики государства стало удвоение населения в промышленных районах Кузбасса, в северных районах края население почти утроилось – со 119 до 300 тыс. чел.»<sup>6</sup>

<sup>1</sup> Пашков В. Стахановцы в лагерной робе // Томские новости. 2000. 16 июня.

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. 208. Т. 1. Л. 118.

<sup>3</sup> Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки»... С. 118.

<sup>4</sup> Меморандум ОГПУ от 7 июля 1931 г. о переселении на территорию Запсибкрая раскулаченных из европейской части СССР // Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г. ... С. 48, 314.

<sup>5</sup> Подсчитано автором. См.: Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки»... С. 119–122.

<sup>6</sup> Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г. ... С. 4. Какие из этих цифр более точны, судить сложно. Но в любом случае они ярко демонстрируют «грандиозность» планов партийного и

При определении районов расселения специально выбирались места, из которых в силу природных условий было крайне затруднительно совершить побег. В одном из документов ПП ОГПУ Сибкрая от 25 апреля 1930 г. отмечалось, что «**изысканы и детально проработаны** под расселение необжитые, отдаленные северные районы... (ниже мы увидим, насколько эта информация соответствовала реальному положению дел. – *В.У.*) при этом в принципе отвода районов расселения для каждого округа наряду с экономическими соображениями (пригодность их к сельскохозяйственному и промышленному использованию) также учтены были и моменты политического характера, в частности в отводе районов учитывались природные обстоятельства, гарантирующие невозможность бегства выселенных обратно (болота, реки, отсутствие дорог)»<sup>1</sup>.

Выселяемое население расселялось в спецпоселках (трудпоселках). Сотни из них были организованы в совершенно непригодных для проживания условиях, где, несмотря на отчаянные усилия спецпереселенцев, освоение этих необжитых мест оказалось невозможным. Трудовые поселения НКВД были созданы в соответствии с постановлениями СНК 1931 и 1933 гг. На ГУЛАГ ОГПУ были возложены задачи и ответственность по надзору, устройству, хозяйственно-бытовому обслуживанию и трудоустройству выселенных кулаков и членов их семей. Управление осуществлялось через районные и поселковые комендатуры.

В Западной Сибири в ведение Сиблага были переданы (по данным на 24.09.1931 г.) все расположенные на территории нынешних Кемеровской и Томской областей спецпоселения – 363 поселка и 6 квартир в Анжерке с численностью населения 295 320 чел. Экономическое значение Сиблага резко возросло, он стал главным поставщиком рабочей силы для большинства строившихся и действовавших промышленных объектов в Сибири, в первую очередь для Кузбасса. Спецпереселенцы были рассредоточены следующим образом:

- сельское хозяйство (Нарымский край) – 247 поселков (41 053 семьи);
  - лесозаготовки (Нарымский край) – 35 поселков (8 374 семьи);
  - добыча золота и обслуживание рудников Цветметзолота (таежный Кузбасс) – 40 поселков (3 255 семей):
  - лесозаготовки (Анжерка, Яя, Крапивинск, Горная Шория) – 30 поселков и 6 квартир (4 172 семьи);
  - добыча угля (Анжерка, Прокопьевск) – 9 поселков (1 967 семей);
  - Кузнецкстрой – сведений о численности поселков нет – (4 390 семей).
- Всего: 63 211 семей. В распределенных и временных комендатурах находилось 1 953 семьи<sup>2</sup>.

---

советского руководства СССР по строительству «светлого будущего», при этом миллионы сломанных человеческих судеб в расчет не брались.

<sup>1</sup> См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 34.

<sup>2</sup> Справка Сиблага ОГПУ в Запсибкрайисполком от 24.09.1931 г. о дислокации спецпереселенцев. См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г. ... С. 287–288; Панков С.А. Ста-

По данным на 1 декабря 1932 г. в 21 районной комендатуре ОГПУ, с учетом Томского пересыльного пункта, насчитывалось уже 492 поселка и 8 совхозов (Барнаульская комендатура) с населением в 229 078 чел. без учета детей до 3-летнего возраста (табл. 23)<sup>1</sup>.

Таблица 23

**Сведения о дислокации комендатур Сиблага и численности в них переселенцев  
(по данным на декабрь 1932 г.)**

№ п/п	Наименование районных комендатур	Число поселков	Количество населения в них				Всего, чел.
			Мужчин	Женщин	Детей до 12 лет	Подростков 12–16 лет	
1	Каргасокская	59	5 119	5 958	7 718	2 782	21 577
2	Парабельская	114	5 969	6 594	7 945	3 178	23 683
3	Колпашевская	35	5 338	6 715	9 634	3 381	25 068
4	Чаинская	73	7 731	8 728	11 669	3 590	31 718
5	Могочинская	7	1 800	1 480	1 922	521	5 723
6	Ново-Кусковская	21	2 049	2 077	2 518	615	7 259
7	Кулайская	11	780	785	1 055	202	2 822
8	Тяжинская	44	3 858	4 296	5 942	1 426	15 522
9	Кольванская	7	1 498	1 752	2 338	653	6 241
10	Александровская	10	773	774	1 039	278	2 864
Итого по северным комендатурам		381	34 915	39 156	51 780	16 626	142 477
1	Томский пересыл. пункт	2	2 582	1 207	1 034	328	5 151
2	Анжерская	9	3 966	3 407	3 887	1 230	12 490
3	Прокопьевская	11	5 095	4 870	6 099	1 654	17 718
4	Кузнецкая	27	9 353	7 406	7 644	2 316	26 719
5	Крапивинская	6	466	522	819	237	2 044
6	Барнаульская 8 совхозов		911	884	573	272	2 640
7	Саралинская	13	1 362	1 262	1 568	435	4 627
8	Егоро-Салаирская	10	339	246	256	69	910
9	Курагинская	13	2 082	1 965	2 235	841	7 123
10	Мартайгинская	17	2 081	2 051	2 049	638	6 819
11	Таштыпская	3	125	86	123	26	360
Итого по южным комендатурам		Поселков 111, совх. 8	28 362	23 906	26 287	8 046	86 601
ВСЕГО по всем комендатурам		Поселков 492, совх. 8	63 277	63 062	78 067	24 672	229 078

*Источник:* Сведения о дислокации комендатур Сиблага и численности в них переселенцев по данным на декабрь 1932 г. // Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г. ... С. 308. И в названном сборнике документов, и в книге «Главное управление внутренних дел Кемеровской области. 1917–2002. Страницы истории» (Кемерово, 2002. С. 169), приведена эта таблица с указанием одного источника из ГАНО. Но при проверке опубликованных данных выяснилось, что в данных по Таштыпской комендатуре вкралась неточность – всего проживавших в ней 360 чел., а не 36, как указано в таблицах. Таким образом, можно предположить, что эта неточность присутствует в первоисточнике и никто не обращал на неё внимание либо авторы последней работы использовали как источник информации сборник «Спецпереселенцы...», но отсылку сделали к первоисточнику.

Таким образом, число спецпереселенцев в крае за период с октября 1931 по ноябрь 1932 г. сократилось на 66 242 чел. Причин этому несколько. Во-первых,

---

линский террор в Сибири... С. 128. С.А. Папков в своей работе указал 369 поселков, т.е. объединил число поселков с квартирами в Анжерке.

<sup>1</sup> В сентябре 1933 г. в северных комендатурах края численность переселенцев достигла 202 931 чел. См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг. ... С. 244.



очень высокая смертность – только с октября 1931 по май 1932 г., согласно официальным данным, умерло 14 679 чел. Во-вторых, за это же время бежали и не были пойманы 18 225 спецпереселенцев. В-третьих, 10 317 чел. были возвращены к местам прежнего проживания. Только эти данные определяют цифру уменьшения спецпереселенцев в 43 221 чел.<sup>1</sup>, поэтому цифра убыли в 66 242 чел. отражает действительную картину. Прибытие в край новых контингентов в 1932 г. не произошло по причине отмены руководством СССР ранее запланированных ОГПУ новых депортаций.

Размещение значительной части спецпереселенцев в Кузбассе соответствовало государственным планам, так как, не считая активного строительства металлургических заводов и объектов химической промышленности, активно развивалась угледобывающая промышленность, также требовавшая рабочих рук. Только в 1931–1932 гг. были построены 23 шахты. Согласно постановлению бюро Запсибкрайкома ВКП(б) от 5 декабря 1931 г. было принято решение о концентрации до 10 тыс. ссыльных на новых рудниках в Киселевке<sup>2</sup>, одном из крупнейших угольных рудников, находившихся в ведении Сиблага. В мае 1932 г. бюро принято еще одно решение, в котором отмечалось: «Ввиду острого недостатка в наемной рабсиле в «Кузбассугле» считать возможным привлечение в «Кузбассуголь» в качестве рабсилы спецпереселенцев Нарымского края. С этой целью перебросить с Нарымского севера в южный угольно-промышленный район» 3 000 семей спецпереселенцев с мест расселения по рекам Васюган, Парабель и Кеть (1 600, 800 и 600 соответственно). В составе переселяемых семей обязательно должно быть не менее одного трудоспособного мужчины. В первую очередь отбирать малочисленные семьи<sup>3</sup>.

В декабре 1933 г. глава ОГПУ Г. Ягода в письме к заместителю председателя СНК СССР Я. Рудзутаку в связи с обсуждением вопроса о пересмотре рыбных промыслов, планировавшихся к передаче ОГПУ, отмечал, что «в сентябре текущего года окончательно выяснилось, что расселяемый в Нарыме контингент трудспецпоселенцев сильно сокращен, так, из прибывшего немногочисленного контингента наиболее работоспособная его часть в количестве 19 тыс. чел. передана Кузбассуглю...»<sup>4</sup>.

Переброска спецпереселенцев из Нарыма в Кузбасс была мерой вынужденной, так как процесс переселения новых контингентов в стране на некоторое время замедлился и даже приостановился, а потребность в рабочих руках не ис-

<sup>1</sup> Подсчитано автором по статистическим приложениям к отчету Сиблага ОГПУ за период с июня 1931 по май 1932 г. См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г. ... С. 289.

<sup>2</sup> Совершенно секретное (Особая папка) постановление бюро Запсибкрайкома ВКП(б) от 5 декабря 1931 г. «О рабочей силе для Киселевки». См.: Неизвестный Кузбасс... С. 5.

<sup>3</sup> Совершенно секретное (Особая папка) постановление бюро Запсибкрайкома ВКП(б) от 15 мая 1932 г. «О недостаточности рабсилы в угольной промышленности «Кузбассугля». См.: Там же. С. 5–7. По данным на сентябрь 1933 г. численность трудоспособных трудпоселенцев, переданных «Кузбассуглю» составляли 41 512 чел. (около 40% от всей рабочей силы). На производство были вовлечены практически все спецпоселенцы, за исключением 4,5 тыс. женщин, занятых домашним хозяйством. См.: Спец(труд) поселения Западной Сибири... с. 416.

<sup>4</sup> См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг. ... С. 269.

чезала. И это несмотря на то, что Нарыму также уделялось особое внимание – в перспективе здесь планировалось открытие «сельскохозяйственного Клондайка». С учетом «планов громадьи» партийное руководство Сибири накануне коллективизации планировало активное освоение огромной территории. Значительную часть спецпереселенцев предполагалось разместить в полосе спроектированной железной дороги Томск – Енисейск, рассматриваемой как магистраль для вывоза древесины, заготавливаемой в бассейне р. Чулым. Этот район был признан перспективным по наличию лесных фондов и возможности снабжения лесом шахт Кузбасса и районов Средней Азии по Туркестано-Сибирской железной дороге. В одном из журналов «Жизнь Сибири» за 1927 г. отмечались преимущества этого проекта, такие как возможность освоения богатых лесных районов и «немалая емкость колонизационного фонда». Строительство железной дороги Томск – Енисейск обеспечивало расселение на новых землях, согласно проекту, 438 тыс. чел., в то время как на подобной стройке железной дороги Енисейск – Ачинск – только 150 тыс.<sup>1</sup>

Интересный документ о планах использования железной дороги Томск – Енисейск приводит С. Папков. В конце января 1930 г. Р. Эйхе на совещании партийных руководителей в Новосибирске, доводя до них план ликвидации кулаков, инструктировал их следующим образом: «В отношении наиболее злостной махровой части кулачества применять уже немедленно меры резкого подавления. Эти меры должны, по-нашему, вылиться в то, чтобы выслать их в наиболее далекие районы севера, скажем, в Нарым, в Туруханск, в концентрационный лагерь; другую часть кулачества можно будет применить в порядке работы для использования в трудовых колониях. ...**Мы сейчас будем строить Томско–Енисейскую дорогу, строить в необжитых, непроходимых районах тайги, через лесные массивы. Пусть пойдут туда кулаки, пусть они поработают. Проведут несколько лет трудовой жизни** (здесь и далее выделено мною. – В.У.), а потом мы посмотрим, что из себя будет представлять тот или иной кулак. Если они свои волчьи интересы в порядке трудовой жизни изменят и покажут себя там ведущими трудовой образ жизни, тогда, может быть, можно будет говорить об их принятии или непринятии»<sup>2</sup>.

В этом примере четко проявилось многое – и возможность управлять подневольным (для власти) народом, отправляя в «тьму-таракань», и решать его судьбу – «мы посмотрим», и навешивать ярлыки – «волчьи интересы». При этом полностью забыли про семьи кулаков – женщин, детей, стариков. Их судьба интереса для власти не представляла – нужны были только рабочие руки для достижения поставленных целей.

Р. Эйхе высказывал не свою точку зрения, а выработанную позицию руководства страны. Еще более конкретен в планах по отношению к кулакам был полпред ОГПУ в Сибири Л. Заковский, разработавший целую программу по лик-

<sup>1</sup> См.: Дмитриенко Н.М. Как строили дорогу до Асина // Земля асиновская: сб. науч.-поп. очерков к 100-летию г. Асина. Томск, 1995. С. 170.

<sup>2</sup> См.: Папков С.А. Обыкновенный террор... С. 55.

ликвидации кулачества еще до выхода официальных указаний по развертыванию операции на местах. Он предлагал осуществить не механическое переселение кулаков, что, по его мнению, не приведет к их ликвидации, а, наоборот, станет базой для всех сил, противоборствовавших большевикам, а занятие их трудом в трудовых колониях – на лесоразработках, лесозаводах, строительстве дорог, добыче полезных ископаемых и т.д. Члены же семей должны были работать на вспомогательных предприятиях кустарного типа. Но в этом он не был первооткрывателем, ГУЛАГ уже разбрасывал сеть своих лагерей по всей стране, решая вопросы колонизации необжитых районов. А вот в части установления норм труда в 1,5–2 раза выше существовавших при оплате труда вполнину меньшей, он, возможно, был новатором.

Ссылаемые лишались прав, колониями управляли назначаемые ОГПУ сотрудники. Только по прошествии трех лет формы управлений отдельных колоний могли изменяться путем перевода в «коллективные хозяйства, совхозы или другого типа хозяйства» с одновременным решением вопроса о восстановлении в правах<sup>1</sup>.

Весной 1930 г. работы по строительству дороги были начаты. Планировалось уже за первый сезон работ построить головной участок протяженностью почти в 100 километров. Практически все работы предполагалось вести вручную. Но в запланированные сроки задача строительства выполнена не была. Причина в том, что главные цели развития Сибирского региона были изменены – приоритетом стало строительство КМК и завода «Сибкомбайн» в Новосибирске, куда и началось стягивание ограниченных ресурсов Сибири в ущерб другим уже развернутым стройкам, многие из которых закрывались (в том числе и навсегда. – В.У.). Железная дорога Томск – Енисейск была построена к концу 1930-х гг. только частично, регулярное движение поездов началось в 1938 г., а официальный пуск в эксплуатацию зарегистрирован 1 ноября 1939 г., но называлась она уже Томск – Асино<sup>2</sup>.

Строительство железной дороги в планируемые сроки не укладывалось, а тысячи семей «кулаков» на основе прогнозов возможного расселения уже направлялись в таежные районы, где отсутствовали какие-либо более или менее сносные условия для проживания, отсутствовала даже сама возможность организации их труда. Кормить тысячи и тысячи переселенцев практически было нечем, местные власти не имели ни ресурсов, ни возможностей для этого. Это явилось одной из причин их переброски на объекты Кузбасса – строившиеся и действовавшие. Экономически и социально не просчитанный неподготовленный проект по освоению территории Нарымского края потерпел неудачу. Но, к сожалению, тысячи, в первую очередь детей и стариков, навсегда остались в этих страшных местах.

К 1938 г. практически все северные (нарымские) комендантуры превратились в обузу для местных органов власти. В связи с изменением планов развития региона снабжение их велось по остаточному принципу, а значительное число

<sup>1</sup> См. подробнее: *Панков С.А.* Обыкновенный террор... С. 96–97.

<sup>2</sup> Там же. С. 172–179.

спецпереселенцев были нетрудоспособными (иждивенцами). Васюганская, Парбельская, Парбигская и некоторые другие комендатуры сократились по численности кратно, а целый ряд был вообще ликвидирован – Кето-Чулымская, Кетская, Кулайская. В свою очередь, увеличились комендатуры южных районов края – Прокопьевская, Кузнецкая, там, где активно велось промышленное строительство. Если осенью 1931 г. в северных комендатурах размещалось 203 тыс. из 295 тыс., то к началу 1938 г. осталось 117 из 200 тыс. спецпереселенцев региона<sup>1</sup>.

О причинах складывания такой трагической картины свидетельствовал уже упоминавшийся И.Т. Бочарников – один из непосредственных участников расселения ссылаемых «кулацких семей». В 1929 г. он служил в милиции г. Енисейска, но как коммунист по решению Красноярского крайкома партии был направлен в Новосибирск в распоряжение полпреда ОГПУ по ЗСК Л. Заковского, где получил назначение на должность уполномоченного по расселению кулаков в междуречье Кети и Чулыма. Было ему 27 лет. Непосредственным его начальником стал начальник комендантского отдела представительства И. Долгих.

Обширная территория в средней части этих рек по решению правительства и решению «Комитета Севера» подлежала заселению спецпереселенцами. В эту категорию населения вошли «зажиточные крестьяне (кулаки), городские буржуи, священники или попы, проститутки из крупных городов, воры-грабители, рецидивисты и прочий социальный отброс». Основную массу составляли «кулаки» со своими семьями. Но, как выяснилось в последний момент, не оказалось топографических карт района предполагаемого расселения. Поставленный об этом в известность И. Долгих сделал запрос в ГУЛАГ ОГПУ, откуда получил ответ, что карты со временем будут высланы. А пока было необходимо приступить к выполнению поставленной задачи. Доводы о невозможности расселять тысячи семей без какой-либо ориентации на местности нашли поддержку у Л. Заковского, и начались поиски карт в Новосибирске. Вскоре необходимые карты были найдены у вдовы чиновника царского переселенческого управления Г.З. Поливахы, который всю жизнь занимался составлением топографических карт Сибири. Через некоторое время, когда колонны переселенцев уже дошли до р. Чулым, фельдъегерем из представительства были доставлены «топографические карты, поступившие из ГУЛАГа ОГПУ с отметками будущих поселений. ...Уполномоченному указывалось, что необходимо было рассматривать эти отметки как руководство к действию. ...Карты царского чиновника и геодезиста... во внимание не брать».

Расселение началось в соответствии с поступившими указаниями. Все «происходило просто, без особых хлопот и выбора места для будущего села. Бралась «пачка» из трех-четырёх тыс. чел. и подконвойно сопровождалась до отметки ГУЛАГа. На карте с отметкой «новое поселение» значился лес или взгорье, или луг, а **в действительности здесь хлюпало болото** (здесь и далее выделено мною. – В.У.). А в ином месте селение предполагалось ставить **посреди озера**, которое на карте не значилось. ...[Стало] ясно, что карты ГУЛАГа липовые, не

---

<sup>1</sup> Маргиналы в социуме... С. 336.

соответствуют действительности, составлены наспех». На запрос по рации Новосибирска с очередной просьбой об использовании карт Поливахи был получен отрицательный ответ. Более того, шифровкой было выговорено, чтобы меньше пользовались рацией «для неразглашения государственных секретов», а по вопросам расселения сосланных и снабжении их продуктами питания в полномочное представительство больше не обращаться<sup>1</sup>.

Подтверждение рассказанному находим в спецсводке ОГПУ о состоянии кулацкой ссылки в Западно-Сибирском крае (по данным на 9 августа 1931 г.), что «участки расселения были определены заранее на основании данных, имевшихся в краевом земельном управлении и Переселенческом управлении (от 1903-1914 гг.). Предварительные практические изыскания проведены не были и в результате участки старых комендатур не сходятся с планом вселения на 50%, а вновь организуемые – на 80 %. 11 тыс. кулацких хозяйств, подлежащих расселению на участках Верхне-Васюганской комендатуры, расселены в районе Нижней и Средней Васюганских комендатур, т.к. Верхне-Васюганский район оказался совершенно непригодным для расселения<sup>2</sup>.

В справке Сиблага ОГПУ в Запсибкрайисполком о хозяйственном использовании и бытовом устройстве спецпереселенцев в крае, подготовленной не позднее марта 1932 г. В разделе «Переселение» отмечалась необходимость переселения в этом году 10 961 семейства спецпереселенцев по причинам: недостатка земли – 7 042 (64,1%), непригодности земельных участков – 605 (5,5%), затопляемости – 576 (5,3%), расположения на болоте – 522 (4,8%), отдаленности от места работ – 243 (2,2%), отсутствия у участков производственных перспектив – 1 501 (13,7%), отсутствия воды – 472 (4,4%)<sup>3</sup>.

Высокая смертность ссыльных на территории Кулайской комендатуры, куда выселили «кулаков» Омского округа, вынудила краевые власти направить в бассейн р. Ягыл-Яг представительную комиссию из Новосибирска. После десятидневной работы комиссия возвратилась и 19 августа [1930 г.] доложила о сложившейся ситуации на заседании, на котором присутствовали представители ОГПУ, прокуратуры, административных управлений края и Омского округа, земельного и переселенческого управлений, Сибздрава. В докладе работника краевого земуправления Белокобыльского отмечалось, что «высланные кулаки расселены за болотами на весьма низком месте – четыре поселка во время весеннего половодья затопляются. По приблизительному подсчету можно насчитать 2 500 га чуть-чуть возвышенных мест, остальная часть заболочена и покрыта моховыми ярмовыми болотами... Постройка произведена: избышки без моху, прорезаны ок-

<sup>1</sup> Елегечев И. Указ. соч..

<sup>2</sup> История сталинского ГУЛАГа... Т. 5. С.151-152.

<sup>3</sup> Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 гг. ... С. 186. Это только учтенные для переселения семьи, тысячи семей вынуждены были оставаться там, куда их поселили. В феврале 1938 г. И. Долгих в секретной докладной записке о передаче хозяйственной деятельности отдела трудпоселений в ведение Новосибирского облисполкома так охарактеризовал ситуацию 1931 г.: «Разработанный план расселения 200 000 человек на основании имевшегося в краевых организациях картографического материала и материалов об естественных условиях районов расселения оказался несостоятельным по причинам неполноты этих материалов. Не менее 50% участков, намеченных для поселений, заселить оказалось невозможным за их непригодностью». См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938... С. 220.

на, но не застеклены ввиду отсутствия стекла, крыши отсутствуют, забросаны кое-как березовой корой, полы в очень редких избушках деревянные, большинство – земляные. На вспаханных почвах произрастание огородных культур остановилось на стадии развития первых листьев. ...До 16 июня включительно, в утренние зори температура доходила до ноля градусов, было несколько инеев, почва в низких местах до сих пор промерзшая, протаяла не более чем на 1–1,5 метра... Заниматься там сельским хозяйством, учитывая вышесказанное и большую затрату рабочей силы на раскорчевку леса, – хозяйственно нецелесообразно...».

Из прибывших на место расселения 8 891 «кулака» к моменту приезда комиссии сбежали 6 622, умерли 80, были освобождены 208 чел., остались на месте 1 607. В основной массе это старики, дети, больные и те, кто рассчитывал на освобождение. Ввиду малого пайка в пищу добавляли травяные и древесные суррогаты, вместо чая употребляли перегнившие шишки. «Заболеваемость доходит до 80 процентов населения, преобладают желтизна, опухоли, дизентерия, совершенно отсутствует какой бы то ни было учет, даже неизвестно о родившихся и умирающих...».

С учетом изложенного комиссия предложила перевести «кулацкие» хозяйства в другое место, более подходящее для занятия сельским хозяйством. «А наличный штат комендатуры, в связи с его **переутомленностью и истрепанностью нервов** (выделено мною. – В.У.), требует немедленной замены...»<sup>1</sup>.

Интересна реакция участников совещания на доклад комиссии. Практически все «силовики» выступили против переселения, приводя такие аргументы: акт комиссии односторонен и не указывает положительные факты местности (так в тексте. – В.У.), ликвидировать комендатуру не следует; бегут «кулаки» с места расселения не из-за голодного пайка, а из «нежелания осваивать эти места и непримиримости», переводить их на юг «было бы сейчас очень нелепым»; в переселение уже вложены средства, если переселять, то надо вкладывать вновь и насколько это необходимо и т.д. Все это свидетельствовало о том, что отдельные участники совещания не хотели признать хотя бы какой-либо части своей вины в случившемся – ведь речь шла о кулаках, которых государство объявило врагами.

Картина, описанная И. Бочарниковым, была характерной для всех районов расселения, коменданты вынуждены были жить и действовать по инструкциям, данным им вышестоящими органами. Потребовалось более полутора лет, прежде чем ситуация стала меняться, но вновь не обошлось без указания свыше. Выступая 1 октября 1931 г. на совещании в крайкоме ВКП(б) по вопросу о спецпереселенцах, секретарь крайкома Р. Эйхе сделал заявление, что «...главное в... расселении поселков – надо дать возможность самим спецпереселенцам проявить свою инициативу и хозяйственные навыки. Поселок для спецпереселенцев, место для поселка пусть выбирает не комендант, а они сами. А комендант пусть бракует или принимает выбранное место, если оно подходит, но выбирать-то предоставить возможность самим спецпереселенцам. Я уверен, что спецпереселенцы... легче выберут место для поселения, а коменданту подобрать труднее. Спецпере-

---

<sup>1</sup> Макиев В. Указ. соч. С. 21–23.

селенец обнюхает каждую пядь земли, прежде чем туда переедет»<sup>1</sup>. «Мудрое» партийное решение, но чтобы принять его, понадобилось «загнать в могилу» тысячи человек, а еще большему числу – серьезно подорвать здоровье.

Вернемся к рассказу И. Бочарникова. Как результат расселения в зиму 1929/30 года скородельные селения были поставлены в местах, для проживания не пригодных. Тухлую болотную воду нельзя было употреблять для приготовления пищи и питья. Вредные болотные испарения вызывали болезни.

Другой проблемой являлся постоянно присутствовавший голод. Бочарников рассказывал, что при сопровождении колонн сухой паек на дорогу выдавали лишь конвою и комендантам. Спецпереселенцам ничего из продовольствия не полагалось. Часто на практике власть запрещала переселенцам брать что-либо с собой – «домашний инвентарь, постель, обувь, лишняя одежда и т.п. ...Кое-кто, правда, успел захватить с собой малую толику ржаных сухариков, но ко дню сухопутно-пеше-тележного путешествия оных сухариков не оставалось в мешках ни грамма, и семьи питались бог знает чем. От голода и слабостей многие не могли двигаться, их укладывали на повозки. Многие от слабости и истощения умирали, их хоронили на обочине дороги, вырывая неглубокие могилы...».

Летом, в основном, жили на подножном корме – питались рыбой, ягодами, съедобными растениями, кедровыми орехами. Зимой, в первый год, питаться практически было нечем. От цинги, тифа и просто от истощения умирали тысячами. Хоронить не успевали и укладывали трупы в штабеля на берегу реки. На следующий [1930 г.] год стало поступать продовольствие и были созданы некоторые запасы. Но охрана и помощники-уголовники активно разворовывали их, пропивали. **«Муку, сахар, крупу по скудости запасов делили ложками. Соль – щепотью. Тушенка обычно уходила на сторону»** (здесь и далее выделено мною. – В.У.).

И. Бочарников, с его слов, пытался хоть что-то сделать, но его попытки были тщетны. «Очищая совесть за людскую погибель, выполняя инструкции, я каждую декаду строчил донесения с обозначением числа погибших от тифа, цинги, замерзших и умерших голодной смертью и т.д. Я указывал о необходимости принятия неотложных мер по спасению людей, но полномочное представительство в ответ на мои просьбы хранило упорное молчание.

**...После первой зимы от сорока тысяч человек лишенцев в живых осталось ещё половина. После второй – едва пять тысяч. Подсчет был точный. Я сам посылал сведения... Мужчин меньше, чем женщин. Стариков – единицы. Детей – никого...»<sup>2</sup>.**

А вот как описала страшную дорогу в ссылке М. Плотникова: «Сгрузив на подводу нехитрый скарб, со слезами и воем, семья Матвиец с еще несколькими такими же семьями-страдальцами покидает родную Максимовку. Их везут пока только в Омск, а отсюда, сотнями таких же несчастных, грузят на баржи и отправляют в долгий путь по рекам до Васюгана Нарымского края. ...На барже загнули нас всех в трюмы, а мы, дети, вылезли на палубу и смотрели, как по реке

<sup>1</sup> Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938... С. 154.

<sup>2</sup> Елегечев И. Указ. соч.

плыли ванны, тазы, кастрюли, подушки и другая домашняя утварь. Все у людей забирала и сбрасывала в Иртыш. Везли долго: по Иртышу, по Оби, Васюгану, а затем потянули баржу по небольшой реке – притоку Васюгана. В дороге многие люди не выдерживали и умирали, ведь везли и стариков, и малых детей, и больных, и немощных. Мертвых не хоронили, а зашивали в ткань, и когда баржа причаливала к берегу, мешки с мертвыми телами выбрасывали на берег, некоторых затягивала река. Так и оставались они, без холмика, без креста и надписи, кто есть кто<sup>1</sup>. У нас умерла младшая сестра, Рая, отцу удалось спрятать её тельце, и, когда в очередной раз баржа причалила к какому-то селению, он выскочил на берег и передал тельце ребенка первой попавшейся на берегу женщине. Уплатив чем-то ей, он уговорил похоронить девочку по-людски. Причалив в очередной раз где-то к высокому берегу, нас стали высаживать в тайгу. Лес был непролазный, комарье и мошки заедали насмерть.

...В поселке ссыльных жизнь шла своим чередом. ...Многие умирали с голоду. В поисках пищи (ягод, грибов, черемши) уходили в тайгу и, заблудившись, погибали. Да и медведи задирали часто. В поселке повесили лемех от старого плуга и постоянно били по нему железом, чтобы на звук могли выйти люди из тайги.

К зиме, кто выжил, в землянках соорудили печки: зима в тайге суровая. Стали давать паек. На человека понемногу соли, муки, хлеба. Мама вспоминала: “Мать разрежет хлеб на кусочки, а мы все крошечки потом соберем и оближем то место, где хлеб лежал”...»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> В.С. Хохлов, будучи 6-летним ребенком, стал переселенцем. Он вспоминал, что когда в 1931 г. их семья в числе прочих спецпереселенцев перевозилась на барже на Север по р. Оби, то умер его двухмесячный брат. Многочисленные просьбы причалить к берегу, чтобы его похоронить, оставались без внимания. Тогда мать «положила завернутого в тряпицу младенца в берестяное лукошко, и, когда конвоиры в очередной раз разрешили людям выбраться из трюма на палубу, она, подойдя к борту, протянула с него свою ношу над обской водой и выпустила её из рук. Упав на воду, легонькая посудинка не зачерпнулась, а, покачиваясь на волнах, поплыла за кормой баржи... Они смотрели на берестяную куженьку, которая, удаляясь, все плыла и плыла за баржой, словно тот, кто там лежал, не хотел оставаться один на пустой реке. И еще долго-долго виделось вдали на обском плесе светлевшее там махонькое белое...». См.: *Макшеев В. Указ. соч. С. 56.*

В более поздние годы обязанность по захоронению умерших во время перевозок была возложена на местные органы власти. В 1997 г. автору пришлось непосредственно участвовать в организации расследования по факту обнаружения подобной могилы на берегу р. Томи, у её впадения в р. Обь у с. Козюлино Томского р-на. Местные жители обратились с заявлением о том, что обнаружили под берегом человеческие останки – черепа и кости. Срочно была создана комиссия из числа сотрудников правоохранительных органов, санэпиднадзора и представителей районных властей. При выезде на место были обнаружены под обрушившимся берегом шесть человеческих черепов, в том числе и небольшого размера (детские), а также части человеческих скелетов. Позднее, по результатам экспертизы, установлено, что были подняты останки 13 чел. (В. Макшеев, со ссылкой на воспоминания спецпереселенцев, пишет, что причаливали к берегу для захоронения умерших, когда на баржах набиралось до десятка покойников. С. 57). Дальнейшее расследование позволило установить, что эти останки, скорее всего, принадлежали сосланым из Прибалтики в Сибирь в конце 1940-х гг. и умершим в пути на Север. Их погребение было произведено в нескольких десятках метров от реки, но со временем река подмыла берега, и могила оказалась вскрытой. Установить, кто был захоронен в этой могиле, не представилось возможным. Останки умерших были перезахоронены в этом же селе на следующий год на высоком яру, а на месте могилы был установлен 5-метровый крест. Вне всякого сомнения, сотни подобных могил навсегда исчезли, будучи размытыми реками Сибири.

<sup>2</sup> Забвению не подлежит... Т. 5. С. 411.



Подобных примеров можно приводить и приводить, очередной будет только дополнять картину произвола и страданий. И все-таки еще. В Баксинском районе Новосибирского округа один из уполномоченных по организации высылки (в феврале 1930 г. – В.У.) Ведрашко в своем письме руководству докладывал, что неоднократно фиксировались случаи замерзания детей у высылаемых, так как теплая одежда была отнята. В отдельных случаях на санях лежали по три-четыре замерзших ребенка. Другой свидетель, ленинградский рабочий Иванов, побывав вблизи мест ссылки в Тарском районе Омского округа весной 1930 г., писал: «18 мая мне пришлось наблюдать такой факт: в Екатериновском сельсовете я увидел арестованных лишенцев и между ними женщин с грудными детьми, беременных на восьмом-девятом месяце и больных стариков. ...Между ними была одна женщина с грудным ребенком. Ребенок – одни кости. Когда ему дали сырую картошку, он стал её есть, а ему всего был один год. Я попросил здесь же, во дворе, стакан молока и дал ему, он набросился на молоко с волчьим аппетитом. Я не мог удержаться от слез. Случай не единичный... Был даже случай, когда местные власти давали приказание, чтобы врачи не оказывали помощи лишенцам на пути следования. ...Подвозчики, ездившие зимой возить лишенцев за болото, рассказывают, что дорога усеяна брошенными вещами, сельхозинвентарем, трупами лошадей и людей (особенно много детей)...»<sup>1</sup>.

Приведенные рассказы свидетелей отразили реальную действительность, так все и было. Секретной инструкцией ЦИК и СНК СССР от 4 февраля 1930 г. было четко определено, что «при конфискации у кулаков имущества им **должны быть оставлены лишь самые необходимые предметы домашнего обихода, некоторые простейшие средства производства в соответствии с характером их работы на новом месте и необходимый на первое время минимум продовольственных запасов**. При конфискации наличных денег у кулаков им оставляется некоторая минимальная сумма (до 500 рублей на семью), необходимая для переезда и устройства на новом месте»<sup>2</sup>.

Ретивых же исполнителей таких приказов всегда находилось предостаточно. Отдельные из них были еще и инициативными и предприимчивыми в свою пользу, отбирая все или почти все у выселяемых «кулаков». В подтверждение этого приведу выдержку из закрытой части решения бюро Панкрушихинского райкома ВКП(б): «Решительно предупредить уполномоченных, ячейки, с[ельские]/советы о недопустимости изъятия у кулаков вещей домашнего обихода (одежда, посуда, мебель и др.). Указать недопустимость поступков местных работников, как это было в Н. Петровском с/совете, когда секретарь с/совета Глотов (член ВКП(б)), председатель с/совета Строгин (кандидат ВКП(б)) и др. члены с/совета отобрали

<sup>1</sup> См.: Папков С.А. Обыкновенный террор... С. 60.

<sup>2</sup> Секретная инструкция ЦИК и СНК СССР ЦИКа и совнаркомом союзных и автономных республик, краевым и областным исполнительным комитетам «О мероприятиях по выселению и раскулачиванию кулаков, конфискации их имущества» от 4 февраля 1930 г. См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. ... С. 22–23.

вещи домашнего обихода (ручная швейная машина, самовар и др.), воспользовавшись этим, приобрели эти вещи в свое личное пользование»<sup>1</sup>.

Известный в Сибири писатель В. Макшеев был сослан в Сибирь из Эстонии со своей семьей ребенком за «белое» прошлое своего отца. Прожив в качестве спецпереселенца долгие годы, он не мог забыть свое прошлое и многократно возвращался к этой теме в своих работах. В 2007 г. он выпустил очередную книгу под названием «Спецы. Исследование», в которой снова вернулся к теме ссылки, активно используя для раскрытия темы материалы архивов. Ведя речь о выселении кулаков, он цитирует служебные документы партийно-советских органов, хранящиеся в Госархиве Новосибирской области, в содержании которых беспристрастно освещались события тех лет: «...В Исилькульском районе (Омский округ) в селах Кольцовка, Плотниковка, Вяженка, Серебрянское и др. при раскулачивании отчуждалось не только имущество, находящееся в сундуках, но снималось с веревок сырое белье»;

«...В Кузнецком округе уполномоченный Топкинского райисполкома Прокопьев давал подчиненным установки: ”**Поступать по-большевистски** (выделено мною. – В.У.) и не отпускать кулаков в новых пимах... кулаку – только плохое и рваное. Маловеров и трусов будем предавать суду. Предлагаю сейчас же арестовать делающих ляпсусы – отпуская кулаков в новых пимах”»;

«...При выселении из пос. Тропино кулака Чернигина члены сельсовета присвоили себе три пары подошв и две пары стелек, заявив: “Походил в сапогах, теперь поезжай в тайгу и привыкай там ходить босиком”»;

«...В деревне Подьянда Ирбейского района (Канский округ) председатель сельсовета Мозгалевский при входе в дом к кулакам прежде всего брался за одежду и ящики... Забирали все, оставляя членов семьи только в том, что было на них. Где попадалось варенье, сметана, масло – часть съедали на месте, остальное забирали с собой»;

«...При выселении из села Кандаурово (Колыванский район) кулачки Максимовой члены сельсовета Ерофеев и Чернов сняли у неё с пальца обручальное кольцо... Выселенная Ежова Татьяна постелила себе на санях потник. Члены сельсовета, увидев, что потник хороший, вытащили его из-под сидящей женщины и взяли себе в личное пользование...»;

«...В деревне Плоское Саргатского района Омского округа колхозники в числе 15 человек во главе с председателем сельсовета Зориным ходили по домам кулаков, отбирая всю домашнюю утварь. Пришли к Григорьевой Ксении, муж которой арестован окротделом ОГПУ; дома её не было, были дома старик семидесяти лет и двое детей. Старик, увидев толпу, закрылся и в квартиру никого не пускал, тогда Зорин взял лом и выломал дверь. Девочка 12 лет, испугавшись, выскочила в окно на улицу, порезавшись стеклом, двухлетний мальчик с испугу помешался. Вломившись в дверь, колхозники унесли с собой все, включая ложки, чашки»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> О выселении кулаков // Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. 2: 1931–1936... С. 181.

<sup>2</sup> Макшеев В.Н. Указ. соч. С. 14–15.

Это всего лишь несколько примеров. Полпред ОГПУ по Сибкраю Л. Заковский в своей записке в ОГПУ о ходе кампании по раскулачиванию в феврале 1930 г. писал, что в процессе раскулачивания практикуется «отбор у экспроприруемых полностью всего имущества вплоть до нижнего белья, ложек, снимая последние пимы, шапки... Среди... недочетов проведения кампании к крайне отрицательным относятся факты грубостей, издевательства, взлома ящиков, расхищения, присвоения, бесхозяйственного обращения с конфискуемым имуществом, граничащих в некоторых случаях с явным мародерством и участием в этом отдельных партийцев и комсомольцев, что нервирует широкие круги населения»<sup>1</sup>. В многочисленных исторических исследованиях по теме коллективизации и репрессий такие примеры исчисляются десятками и сотнями. Нет ни одного региона, где не было бы подобных злоупотреблений.

Бочарникову можно верить или не верить, что он «пытался что-то сделать». Проверить это практически невозможно. Я склонен к первому. Причина этого кроется в удостоверении (копия хранится в личном архиве автора). Приведу его полностью.

Полномочное представительство по Запсибкраю Комендантское управление Отдел _____ Сектор _____ «б» мая 1931 г. г. Новосибирск. Тел № 14-61.	<u>Предъявляется только должностным лицам</u>
---	---

#### У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Предъявитель сего тов. Бочарников комендант Кето-Чулымской к-ры является Начальником экспедиции Комендантского Управления ПП ОГПУ по Запсибкраю по стационарному закреплению спецпереселенцев, выселяемых из Запсибкрая в северные районы.

Тов. Бочарникову предоставляется право через местные органы мобилизовать все имеющиеся на местах средства передвижения у частных лиц учреждений, организаций (подводы, катера, мотолодки, паузки и проч.), производить за их использование денежные расчеты; привлекать через те же органы необходимых специалистов на местах, проводников, а также должностных лиц учреждений и организаций, необходимых для проведения операции; распоряжаться материальными и продовольственными спецфондами Комендантского Управления.

Всем учреждениям и организациям, должностным лицам оказывать немедленное и всемерное содействие законных требований т. Бочарникову как при выполнении боевых заданий, со всей вытекающей отсюда ответственностью за невыполнение таковых.

ЧЛЕН ПРЕЗИДИУМА ЗСКИКа – ПП ОГПУ по ЗСК – Начальник Комендантского Управления –	ЗАКОВСКИЙ ДОЛГИХ
--	---------------------

<sup>1</sup> См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. ... С. 47–48.

Удостоверение предоставляло большие права и полномочия, предполагало содействие т. Бочарникову **«как при выполнении боевых заданий, со всей вытекающей ответственностью»**. Оно очень напоминает мандат периода революции и Гражданской войны, но это все-таки только бумажка. Суровая действительность рубежа 1920–1930-х гг. не позволяла сделать что-либо по описанным выше событиям – не было реальной возможности. Государство, начав «поход», оказалось не готовым ни к его организации, ни к сопровождению, ни к «пожинанию плодов рук своих».

Для окончательного представления района расселения вышеназванных «кулаков» приведу выдержку из официального документа: «Материалов, уточняющих экономику данного района (Кето-Чулымского. – В.У.), от комендатуры не имеется. ...Большая удаленность от сибирской магистрали и отсутствие водной системы сообщения, так как Кеть... не судоходная, что, конечно, имеет весьма существенную роль в экономике района.

...Почва земли... в преобладающем большинстве светло-серая подзолистая, почему для разведения с[ельского] х[озяйства] является скудной. Отсюда сельское хозяйство возможно при условии севооборота кормовых культур или при значительных удобрениях, и все же, благодаря суровости климата, пшеница там не вызревает. ...Что касается лесоразработок, то, несмотря на тысячные лесные там пространства, последние, весьма скудного качества, лес на 80–90% фаутовый (пораженный болезнями и вредителями. – В.У).

Большое значение будет иметь для района намеченный (и уже утвержденный СКИКом) к постройке в 1930–1931 гг. писчебумажный комбинат в д. Ворожейка стоимостью в 20 млн рублей. Здесь также может вопрос с постройкой комбината встать в зависимость от постройки Томско-Енисейской трассы<sup>1</sup>.

Таким образом, ссылаемые практически заранее обрекались на смерть, так как выжить в этих условиях было очень сложно, местному населению, чтобы приспособиться к жизни в этих местах, потребовались годы тяжелейшего труда. Наконец, переселенцы прибыли к месту расселения в сентябре 1929 г., а запланированные железная дорога и писчебумажный комбинат остались только на бумаге в планах партийно-советского руководства края, тем более, что строительство комбината по сути было утопией. Даже если бы и удалось построить железную дорогу, то где было взять электроэнергию, затраты которой на производстве бумаги очень высокие. И еще одна деталь. Немногим выше, когда мы говорили о строительстве железной дороги Томск – Енисейск, то отмечали, что она была нужна, в первую очередь, для вывозки древесины, так как специалистами этот регион был признан «перспективным по наличию лесных фондов». Исходя из данных докладной, резонно встает вопрос – не являются ли эти «лесные перспективы» аналогией по ситуациям с картами ГУЛАГа?

---

<sup>1</sup> Из итоговой докладной записки информотдела ПП ОГПУ Сибкрая в Сибкрайисполком об экспроприации кулачества в Сибири от 25 апреля 1930 г. См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. ... С. 106. Следует учитывать, что в 1931 г. пятилетний план с учетом ограниченных ресурсов был пересмотрен и сведен к 65 ударным стройкам, в которые уже были вложены и освоены большая часть предусмотренных средств.

А вот как описывалось состояние поселков спецпереселенцев в 1931 г. в справке, подписанной Прокурором Верховного Суда СССР П.А. Красиковым: «В Нарымском крае водворено до 50 тыс. кулацких хозяйств, численностью до 200 тыс. чел., выдворенных из районов сплошной коллективизации... Количество нетрудоспособных, включая детей, в среднем составляет 50% общего населения кулацких поселков, а в некоторых районах и выше.

В большинстве районов края спецпереселенцы в хозяйственном отношении устроены неудовлетворительно... Положение с инвентарем можно иллюстрировать следующими данными: в Тогурском районе (так в тексте. – *В.У.*) на 2 934 хозяйства имелось: топоров – 908 шт., пил – 164, лопат – 30 шт., отсутствует и с/х инвентарь. В ряде поселков один плуг приходится на 50–60 и даже 100 хозяйств. Недостаток хозяйственного инвентаря задерживает хозяйственное устройство. Так и при раскорчевке участков в ряде поселков 1 топор приходится на 20–30 человек... Жилстроительство своевременно начато не было. В результате этого по ряду поселков положение с жилищем крайне обострилось и переселенцы к началу зимы оказались в шалашах и землянках, не защищающих от холодов и дождей. Это положение усугублялось необеспеченностью теплой одеждой и обувью большинства переселенцев. Почти все поселки, стоящие на больших расстояниях от водных путей, к концу навигации продовольствием обеспечены не были... Мед-обслуживание поставлено неудовлетворительно. Сеть медпунктов совершенно недостаточна.

В результате высока смертность стариков и детей, особенно последних. Так, по Парабельской комендатуре в течение лета по 1 сентября умерло: 1 375 человек, из них 1 106 детей. По Средне-Васюганской комендатуре с момента расселения спецпереселенцев по 1 сентября умерло 2 158 чел., или 10,13% к общему составу, из них... детей – 1 559... На Нижне-Васюганской комендатуре за время с июля по 1 сентября... умерло 1 166 чел., из них... детей до 11 лет – 1 003 и подростков от 11 до 16 лет – 56 чел.<sup>1</sup>

В общем балансе рабочей силы лесной промышленности Нарымского края спецпереселенцы занимают значительное место... Однако её использование поставлено совершенно неудовлетворительно. До обследования ряд работников лесотреста считал, что эту рабочую силу можно эксплуатировать, не заботясь о её материально-бытовых условиях, что ярко иллюстрируется заявлением дирек-

<sup>1</sup> Трагедия советской деревни... Т. 3. С. 236–237; Режим личной власти Сталина. К истории формирования. М., 1989. С. 81–82. Информация о высокой смертности в этой комендатуре подтверждается и В. Макшеевым. Он писал, что в музее с. Каргаска (ныне райцентр Томской, ранее – Новосибирской области) хранится карта комендатуры, на которой были отмечены участки на р. Васюган, где выгружали спецпереселенцев с барж в мае 1931 г. «На карте указано, сколько людей на каждый участок доставлено, откуда эти люди выселены. Всего тогда на берега таежного Васюгана привезли водным путем 40 550 человек, из которых 16 248 – на территорию Средне-Васюганской комендатуры. На другой составленной позже карте северных районов Новосибирской области (хранится в ГАНУ) работниками Сиблага сделаны пометки о численности спецпереселенцев во всех подведомственных им комендатурах по состоянию на 1 января 1938 г. К этому времени в Средне-Васюганской комендатуре, переименованной в Васюганскую, насчитывалось 5 193 спецпереселенца». Информация взята из докладной записки начальника ОТП УНКВД Долгих руководству созданной тогда Новосибирской области. (Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938... С. 223). И это, несмотря на то, что все годы, с 1931 по 1938, контингент ссыльных пополнялся, в том числе и в Васюганской комендатуре. См.: *Макшеев В.* Указ. соч. С. 37–38.

торов Могочинского и Молчановского лесотрестов, которые заявили: “Спецпереселенцев надо держать как можно больше в черном теле”. Заботы об улучшении материально-бытовых условий рассматривались как «правый уклон»...<sup>1</sup>.

Приведенные примеры вызывают недоумение и ужас – как такое могло быть возможным, неужели государство не ведало, что происходит? Ведало, контролируя процессы переселения сотен тысяч человек, и даже проявляло заботу о них, если верить документам. Так, в начале 1930 г. в стране была создана комиссия по устройству выселяемых кулаков, которую возглавил зам. председателя СНК СССР В.В. Шмидт. Согласно постановлению комиссии от 11 апреля 1930 г. кулакам, переселяемым в Сибирь, предоставлялась семенная ссуда – 12 тыс. ц пшеницы, овса, ячменя, а также семян огородных культур для засева 2 тыс. га. Согласно этому же постановлению, переселенцам было отпущено большое количество сельскохозяйственного инвентаря: 7 тыс. плугов, 7 тыс. борон, 40 тыс. кос и т.п.<sup>2</sup>

Более того, если верить информации Полпреда ОГПУ по ЗСК Л. Заковского [не позднее июня 1931 г.] в комиссию А.А. Андреева о выселении 39 978 кулацких хозяйств в северные районы края, то в счет общего количества экспроприированного, а также в счет местных ресурсов выселяемые были «обеспечены: 1) месячным запасом продовольствия – в тоннах: муки, сухарей – 1 773, крупы – 100, соли – 586, картофеля – 47; 2) скотом: лошадьми – 14 301 (8 357 временно оставлены в колхозах под сохранные расписки); коровами – 1 919 (в колхозах 1 269), быков – 52 (30 в колхозах), овцами – 2 369 (в колхозах – 1 664); 3) фуражом в тоннах: сена – 1 110, овса – 1 132, отрубей – 45, соломы – 586, общего количества по сохранным распискам сдано Союзхлебу – 1 214; 4) сельскохозяйственным инвентарем **в значительной мере мало пригодным** (так в тексте. – В.У.): плугов – 8 448, борон – 6 719, телег – 15 551, сбруи – 1 925, кос – 35 296, серпов – 30 487, молотилок – 87, вил – 141 371, лопат – 18 773, ломов – 758, кирок – 2 035, пил – 13 983, топоров – 28 152, кузнечных инструментов – 1 043, столярных – 3 108, рыболовных принадлежностей – 216»<sup>3</sup>.

Всего этого, конечно же, было недостаточно, но куда только делось и это?

Сегодня уже известны сотни различных нормативно-правовых актов, принятых в Центре и на местах, посвященных судьбам выселяемых кулаков. По ним видно, как происходило постепенное отрезвление «власть предержащих» от «первых успехов», так как выселение оказалось делом сложным и хлопотным, в том числе и в экономическом плане. Сотни тысяч человек с разных концов страны надо было перевезти на тысячи километров, кормить (даже если

<sup>1</sup> Режим личной власти Сталина... С. 82.

<sup>2</sup> См.: Гуцин Н.Я., Ильиных В.А. Указ. соч. С. 269–270.

<sup>3</sup> Трагедия советской деревни... Т. 3. С. 136–137. Названный документ напоминает «глас вопиющего в пустыне», так как Л. Заковский в заключительной части несколько раз употребил слово «повторяю». Он писал, что освоение районов вселения и производство посевов, могущих обеспечить всех переселенцев продовольствием, возможно только осенью 1932 г., «повторяю 1932 г.», но для этого необходимо было обеспечить переселенцев хотя бы минимальным количеством продовольствия, которое исчислялось тысячами и десятками тысяч тонн, о чем заявка из края была направлена. Но для доставки всего этого был необходим кредит в размере 7 млн руб., «повторяю 7 млн. Прошу это требование края продвинуть».

только многотысячную армию охраны) и поить, обеспечить им хоть малейшую медицинскую помощь. По прибытии на места расселения эти проблемы не снимались, к ним добавлялись новые – расселение, строительство жилья, трудоустройство. В абсолютном большинстве мест к этому оказались неподготовленными, начались болезни, эпидемии, резко возросла смертность. Началось массовое бегство с мест поселения, ловля беглецов стала еще одной серьезной проблемой, отнимавшей значительные силы сотрудников ОГПУ и милиции, требовавшей значительных материальных затрат. С ростом числа побегов выросло число регистрируемых преступлений, в том числе и политического характера.

В этих условиях власть стала менять свою позицию. Так, в феврале 1930 г. было принято дополнение к постановлению президиума Сибкрайисполкома по вопросу переселения кулаков в отдаленные необжитые районы, в котором, в частности, говорилось: «...2. Имея в виду, что кулачество, подлежащее переселению на Север, будет водворено в совершенно необжитые или малообжитые районы, считать необходимым оставить из конфискованного имущества специальный натуральный фонд, поступающий вместе с семьями выселяемых на ст[анции] ж[елезно]-д[орожной] отправки в распоряжение коменданта сборного пункта.

Натуральный фонд на одно хозяйство должен ориентировочно выражаться в следующем:

1. Лошадей	1
2. Плугов	1/3 [1 на 3 хозяйства]
3. Борон	1/4 [1 на 4 хозяйства]
4. Кос	3
5. Серпов	2
6. Молотков или бабок для кос	1/3 [1 на 3 хозяйства]
7. Вил железных	1
8. Лопат	2
9. Саней или телег	1
10. Сбруи комплектов	1
11. Пил поперечных	1
12. Пил продольных	1/10 [1 на 10 хозяйств]
13. Топоров	2

и т.д., всего 18 позиций...

Примечание. Лошадь с упряжью, сани и земледельческие орудия выделить обязательно...

3. ...Переселяемым семьям необходимо оставить минимальное количество продовольствия из расчета пребывания в пути следования до 2 месяцев, т.к. в дороге питание будет производиться за счет переселяемых семейств.

Каждой переселяемой семье разрешается иметь денег до 500 рублей»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Совершенно секретное дополнение к постановлению президиума Сибкрайисполкома о подготовке к переселению кулацких хозяйств в отдаленные необжитые районы от 11 февраля 1930 г. См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. ... С. 35–39.

Анализ документа позволяет сделать вывод, что понимание проблемы у советских аппаратчиков было, но было оно, скорее всего, поверхностным, неглубоким. Начнем с самого простого – можно ли все это перевезти на одной лошади и одних санях (какие телеги зимой?!), ведь было и личное имущество и сама семья, во-вторых, на чем везти 2-месячный запас продовольствия, а главное – фуража – лошадь ведь тоже кормить надо. В-третьих, «весной день год кормит», а здесь один плуг на 3 семьи (может быть, те, кто посылал, знали, что пахать придется озера, болота да тайгу непроходимую?). А что значит одна продольная пила на 10 семей – столы, нары уж, как минимум, нужны? В-четвертых, этим дополнением к постановлению предусматривалось выделение рогатого скота и овец, а как их доставлять к месту поселения, чем кормить в дороге и т.д. и т.п. Можно продолжать дальше, но остановлюсь на определяющем моменте – **«срок начала переселения назначить [на] 25 февраля 1930 года»** (выделено мною. – В.У.).

Большинству переселяемых хозяйств надлежало переселиться на несколько сот километров. Казалось бы, недалеко, на чаще всего это были километры бездорожья, глухомани. А в Сибири морозы до –40 градусов – явление характерное и для марта, февраль-март – месяцы метелей и буранов, когда поездки даже на небольшие расстояния сопряжены с риском для жизни. Таким образом, переселяемые сразу ставились в сложное, экстремальное положение, так как часто их маршруты лежали в стороне от населенных пунктов либо последние были разбросаны друг от друга на большие расстояния. Но караваны (колонны, обозы) все-таки направлялись в дорогу.

Несмотря на ограничения объема вывозимых в ссылку вещей, именно эта ситуация стала серьезнейшей проблемой для партийно-советского руководства на местах. Так, Новосибирский окрисполком 27 февраля 1930 г. направил в крайисполком докладную записку, в которой обосновал невозможность доставить к местам расселения в намеченные сроки почти 5 000 семей переселенцев из Новосибирского и Каменского округов (соответственно 2 964 и 1 938). Для перевозки 578 191 пуда груза требовалось 28 909 лошадей; учитывая пропускную способность, переброску можно было завершить только за 57 дней, тогда как с 15 апреля на Севере дороги портятся и проезда нет. При этом требовалось изыскание 227 658 пудов сена и 141 760 пудов овса для лошадей. Задание по переброске «кулацких» хозяйств оказалось нереальным. Более того, выполнение его могло привести к срыву посевной кампании по причине нехватки лошадей<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Спецпереселенцы в Западной Сибири... С. 134–135. Уже 12 марта 1930 г. секретарь Сибкрайкома ВКП(б) Р. Эйхе вынужден был лично обращаться к И. Сталину по вопросу размещения в Сибири 18 тыс. семейств «кулаков». В шифротелеграмме он писал: «...Перевести эту массу людей на север гужем не можем. Хозяйственные организации в Сибири слабы, и использовать их также не можем...». См.: Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: в 2 кн. М., 2005. Кн. 1. С. 144. Руководители Барабинского окрисполкома в своем письме в Сибкрайисполком 11 апреля сообщали, что для перевозки натурфондов «кулакам» на Север были бесплатно мобилизованы 12 тыс. подвод. От населения стали поступать жалобы и заявления об уплате, росло недовольство тем, что лошади замучены и возникла угроза пригодности их к севу. Часть лошадей единоличников и кулаков при перевозке натурфондов пала (до 50 голов). По этой причине принято решение об их замене за счет находившихся в колхозах конфискованных лошадей. Подобную картину описывал и уполномоченный Новосибирского окрисполкома Машинистов по



Говоря об установленных ограничениях объема вывозимых вещей, следует иметь в виду, что на местах вводили свои ограничения. Например в августе 1931 г. СПО ОГПУ, анализируя хозяйственное устройство и хозяйственное использование высылаемых «кулаков» в большом перечне выявленных в ходе кампании недостатков отмечал, что «очень остро обстоит дело в начале расселения с продовольственным аопрсом. Значительная часть спецпереселенцев приехала без всяких запасов продовольствия. В ряде районов (Сузунский, Н.Коргаский (так в документе, полагаю, что речь идет о Карасукском р-не, где с 1913 г. было с. Новокарасук). Каргасокский же р-он, как его определили авторы сборника, сам был северным районом, куда ссылали – В.У.), Волчихинский) переселенцам разрешалось брать с собой только 25 кг груза, включая сюда одежду, фураж, инструменты и пр.»<sup>1</sup>.

Результаты реализации решений Сибкрайисполкома хорошо видны в письме руководителей Томского округа, отмечавших, что при наличии политической и уголовной ссылки в округе наибольшие проблемы с передвижением прибывающих кулаков. Так, для нужд кулацких семей только в одно с. Подгорное (Чаинский район Нарымского края) надлежало перевезти ржи, пшеницы, овса и семенных материалов 105 тыс. пудов, без учета того, что у каждой прибывающей семьи было до 30–35 пудов домашних вещей. Необходимые для сопровождения колонн продовольствие и фураж приходилось перевозить на пункты концентрации на 400–500 верст. Опыт первых четырех прибывших эшелонов показал, что **средства передвижения у ссылаемых были в безобразном состоянии** (здесь и далее выделено мною. – В.У.). «У прибывших эшелонов не оказалось лошадей, саней, сбруи – так, в первом эшелоне из 200 лошадей две пали в дороге, 4 непригодны к передвижению на 300 километров, так как на месте отправки хороших лошадей заменили клячами, причем, по заявлению прибывших, обмен происходил несколько раз. Эшелоны прибывают без саней, ...в первом эшелоне оказалось только 85 саней. Многие сани без оглобелей, крестовин и т.д.

**При таком состоянии средств передвижения** не только не приходится говорить о перевозке домашних вещей и двухмесячного запаса продовольствия, но даже **нельзя перевезти детей и стариков, которых в эшелоне свыше 50%. Поэтому пришлось оставить в Томске все кулацкое имущество: домашние вещи, продовольствие и проч.**

Для перевозки хлеба и фуража, перевозки вещей в пункты концентрации требуется мобилизация около 20 000 подвод (все расчеты сделаны только для переброски натурфондов кулацких х[озийств], проходящих непосредственно через г. Томск), что является громадной дополнительной нагрузкой к заготовкам леса, перевозкам сена, перевозкам Нарымских грузов (рыба, орех) и т.д.

...Кулацкие обозы являются «саранчой» для тех населенных пунктов, через которые они проходят. На остановках они буквально поедают все: фураж, продовольствие. Зброшенные в Нарым без домашних вещей, необходимых запасов про-

---

Баксинскому району. См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. .... С. 81, 158; Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение 1930–1940. Кн. 1. С. 770–771.

<sup>1</sup> История сталинского ГУЛАГа... Т. 5. С. 152-153.

довольствия, они являются кадрами для бандитских шайек, признаки чего в Нарыме уже налицо».

Среди предлагаемых срочных мер называлось полное урегулирование вопроса обеспечения установленных для кулаков натуральных фондов уже на местах высылки, особенно лошадьми, саями и сбруей. При нерешении этой проблемы эшелоны не отправлять. Среди прочих мероприятий... – укрепление аппаратов ОГПУ в Нарымском крае, выделение денег на наем конвоя для сопровождения кулаков в Нарым, временное прекращение посылки уголовников (на период кампании, перевозки кулаков) и др. Особо выделялся вопрос гужевой повинности, так как стоимость перевозки одного пуда груза обходилась до одного рубля, её введение было «политически невозможно». Последним мероприятием значилось оказание помощи «работниками для партийного и советского аппарата, который на местах очень слаб».

Проведение всей операции, по мнению авторов письма, «неизбежно ведет к самым сложным осложнениям»<sup>1</sup>.

Ситуация, представленная в письме, не была единичным случаем. Так, 2 декабря 1931 г. Тарским РИКом было принято решение, что в связи с необходимостью перевозки хлеба для бывших кулаков, сосланных на Кулай, необходимо сформировать обоз. Предполагалось, что для его «перевозки за болото» (подчеркнуто мною. – В.У.) привлечь от Имшегальского сельсовета 50 подвод, Сырбашинского – 180, Егоровского – 300, Федоровского – 230, Унарского – 50, Ермаковского – 50, от Тары – 100 подвод, всего – 960. Планировалось на sani грузить по 25 пудов, что должно было позволить одновременно перевезти сразу 24 тыс. пудов хлеба. Даже с учетом минимальных норм питания, установленных для спецпереселенцев, этого хлеба не должно было хватить на продолжительное время, а значит, надо было возить и возить – и это только хлеб<sup>2</sup>. Что касается сена, то В. Макшеев писал, что «с момента заброски кулаков [в урочище Кулай – бассейн р. Ягыл-Яг] сена лошадям не было, доставили только овес, который выдавали на каждую лошадь по 5 фунтов; кормили лошадей – раскапывая снег, собирали листву... В данный момент [лето 1930 г.] осталось кулацких лошадей 333, а было приведено 2 254. Пало 877... Оставшиеся лошади к работе ввиду истощения, исправились до сих пор недостаточно...»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Совершенно секретное письмо секретаря Томского окружкома ВКП(б) И. Нусинова и председателя Томского окрисполкома И. Решикова секретарю Запсибкрайкома ВКП(б) Р. Эйхе и председателю Запсибкрайисполкома И. Клименко от 7 марта 1930 г. См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. ... С. 56–58.

<sup>2</sup> Забвению не подлежит... Т. 2. С. 39–40.

<sup>3</sup> Макшеев В.Н. Указ. соч. С. 22. Когда в 1933 г. обсуждался вопрос о расселении в северных районах Западной Сибири 1 млн спецпереселенцев, то Р. Эйхе в шифртелеграмме И. Сталину докладывал, что завезти такое количество людей невозможно. Как «невыполнимо предложение о завозе санным путем в северные районы 100 тыс. человек. Для завоза такого количества людей[,] также минимального необходимого им до начала навигации продовольствия, потребовалось бы мобилизовать 30 – 35 тысяч лошадей, что превышает все конское поголовье северных районов. Такая массовая мобилизация, не говоря о полном срыве лесозаготовок, приведет к неизбежной гибели лошадей, срыву посевной кампании в северных, а также прилегающих к ним районах». См.: Спец(труд) поселения Западной сибирей... С. 161–162. Вывод Р. Эйхе основывался на результатах прежних лет.

Подобные ситуации складывались повсеместно, и уже к середине 1931 г., на основе «извлечения уроков» сибирские руководители приняли очередной совершенно секретный документ – Инструкцию по организационному построению выселения кулацких хозяйств в северные районы Западно-Сибирского края. Инструкция подробно разъясняла активу на местах, как надлежало организовывать работу по определению контингентов, подлежащих выселению, что необходимо предпринимать, чтобы не допускать бегства намеченных к выселению людей, уничтожения ими своего имущества и т.д. В документе вновь велась речь о выделяемом имуществе для выселяемых. Что касается сельхозинвентаря, то он в перечне совпадал с уже вышеназванным за исключением основного – теперь одна лошадь полагалась на два хозяйства, корова – на 25 хозяйств, овца – на 15, сена на них выделялось 8, 8 и 5 кг в сутки соответственно, но корове еще полагалось 3 кг мякины или отрубей, а лошади – 3 кг овса. Чтобы скот и инвентарь не подменяли, предлагалось составление специальных описей в 3 экземплярах с указанием примет и возраста лошадей, состояния и изношенности инвентаря и т.п., перевозимых выселенцами<sup>1</sup>.

Появление этого документа было связано с очередным этапом переселения в отдаленные районы края 40 тыс. хозяйств. Полпред ОГПУ по Сибкраю Л. Заковский еще в марте 1931 г. выступил с докладом о планах переселения на 1931 г. в Сибкрае перед специальной комиссией, созданной по решению Политбюро ЦК ВКП(б). В обязанности комиссии входило «наблюдение» за кулаками и спецпереселенцами. В докладе были учтены просчеты предыдущей кампании и намечен конкретный план действий, исполнение которого должно было обеспечить заметное снижение проблем реализации задуманной акции. Например, были определены более поздние сроки отправки ссылаемых (весенне-летние месяцы), районы и места расселения, цели использования переселенцев с учетом экономической целесообразности, определен минимум инструментов и т.п., которые семья могла взять с собой, была «отработана» система более рациональной организации снабжения переселенцев продовольствием, фуражом и рабочим скотом. Обязательным условием было размещение переселяемых в районах, откуда был бы затруднен их побег. Следует заметить, что районы расселения намечались в соответствии с данными, подготовленными Сибирским переселенческим управлением еще в 1920-х гг.<sup>2</sup> Как позднее отмечал в своем докладе начальник Комендантского управления ПП ОГПУ И. Долгих, не менее 50% участков оказались непригодными для заселения. Все это потребовало перестройки планов расселения уже в ходе операции. Однако к 1 сентября 1931 г. все ссыльные были размещены на точках расселения<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> См.: ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 132. Л. 10–12.

<sup>2</sup> См. воспоминания коменданта Бочарникова: *Елегечев И.* Указ. соч.; *Уйманов В.Н.* Пенитенциарная система... Для обеспечения депортации почти 160 тыс. чел. были определены 43 пункта погрузки на железной дороге и реках, 3 пункта концентрации – Томск, Ижморское, Суислово, 22 места выгрузки в тайге. Для сопровождения 73 эшелонов и 222 водных караванов предполагалось задействовать вооруженную охрану и сотрудников ОГПУ в количестве 3 620 чел. Для выявления укрывавшихся крестьян и конвоирования этапов привлекались крупные силы милиции. См.: *Панков С.А.* Обыкновенный террор... С. 71–72.

<sup>3</sup> См.: *Красильников С.А.* Серп и Молох... С. 100–109.

В Томске 14 октября 1931 г. состоялось совещание секретарей райкомов ВКП(б) районов расселения спецпереселенцев при участии представителей краевых и ведомственных организаций, работающих на Севере и комиссии крайкома по руководству совещанием. С докладом о мероприятиях по хозяйственному устройству спецпереселенцев выступил Биксон (Сиблаг), содокладчиками были Милютин (крайОНО) и Гришкевич (крайздрав). По итогам совещания были намечены мероприятия по вопросам хозяйственного устройства спецпереселенцев, использования их труда, медицинского обслуживания, народного просвещения, транспортировки грузов, о взаимоотношениях между комендатурами и организациями и др.

Вывод из многостраничного документа – пример заботы и внимания руководителей разного уровня к нуждам и проблемам спецпереселенцев, например, к обязательному возврату и передаче им имущества, изъятого при выселении или в процессе следования к месту расселения и пр. Но это по содержанию. Большинство пунктов начиналось со слов «обязать», «поручить», реже «просить» и «предложить»<sup>1</sup>. К сожалению, но «благими намерениями вымощена дорога в ад». Основная масса переселенцев к зиме подготовиться не успела, что привело к большим жертвам.

Переселение 1931 г., в отличие от 1930 г., по данным ПП ОГПУ по Сибкраю, прошло более «спокойно»: «Зафиксировано массовых волынок 21, анонимов, воззваний 3, терактов 40, что объясняется огромной профилактической работой наших органов (ликвидировано с 1 января до начала выселения контрреволюционных организаций – 51, участников – 2 326, группировок – 292, участников – 2 290, активных одиночек – 5 849). Всего по селам и городам изъято активного контрреволюционного элемента 18 960 [чел.]»<sup>2</sup>.

«Спокойной» операцию по выселению можно было назвать условно. Привезенный сельхозинвентарь оказался в значительной мере малопригодным, как оказались непригодными из-за отсутствия дорог телеги, часть их была брошена. Не полностью перевезли скот (лошади и коровы), около 20% его погибло при перевозке из-за отсутствия кормов и т.п. Транспортная проблема оказалась нерешенной, что привело к длительным задержкам при перевозках, неоднократным перегрузкам и т.п. Караваны не были и в малой степени обеспечены необходимыми медикаментами, что привело к смерти около 500 детей и стариков, преимущественно по причине желудочных заболеваний. Позднее выяснилось, что это число жертв только караванов из Томска. В обозах, следовавших из Омска (у С.А. Красильникова – «из Томска», что невозможно. – В.У.), смертность была еще выше – от 1 500 до 2 000 чел. Уже на новых участках расселения смертность вновь увеличилась, достигнув 1 000 чел.

<sup>1</sup> См.: ЦДНИ ТО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-7. Уже 15 апреля 1932 г. бюро Запсибкрайкома ВКП(б) по докладу комиссии, обследовавшей положение спецпереселенцев в Нарыме, приняло постановление, признававшее неудовлетворительное (по большинству вопросов) исполнение ранее разработанного плана мероприятий. См.: Там же. Л. 33-37.

<sup>2</sup> Красильников С.А. Серп и Молот... С. 105; Трагедия советской деревни... Т. 3. С. 137. (Информация ПП ОГПУ по ЗСК Л.М. Заковского для комиссии А.А. Андреева о выселении кулаков в северные районы края – не позднее 5 июня 1931 г.).

Сроки операции затянулись в силу «некачественного» отбора выслаемых семей. В результате фильтрации подразделениями ОГПУ число «отбракованных» семей исчислялось десятками. Это требовало их замены, порождая цепочку других нерешенных вопросов. Более того, в числе переселенцев были члены ВКП(б) и комсомольцы, семьи раненых красноармейцев и партизан и даже гости, оказавшиеся в момент выселения в домах кулаков<sup>1</sup>.

Сложно рассмотреть в вышеназванных документах элементы действительной, хоть мало-мальской искренней заботы о судьбах выслаемых, аппаратчики вынуждены были выполнять свалившиеся на них обязанности по спецпереселенцам. Да, то были враги, с которыми надлежало бороться, но, с другой стороны, это были строители и работники будущих промышленных гигантов, строительство и пуск которых были запланированы сибирскими партийно-советскими лидерами уже на достаточно ближайшую перспективу. К ранее названным железным дорогам в Кузбассе и Томске, угольным шахтам и объектам металлургии в Кузбассе можно назвать 5 крупных лесозаводов в Енисейском районе, 300-верстную железную дорогу Тайшет – Усть-Кут (через Братск), строительство мощной Ангарской гидроэлектростанции, разработку разведанных месторождений полезных ископаемых и др. И конечно, развитие сельского хозяйства во всем многообразии его специализаций.

Но просто обвинять их в прожектерстве будет не совсем правильным, ведь более высокие начальники занимались тем же самым. Так, Постановление СНК СССР при рассмотрении вопроса «О хозяйственном устройстве спецпереселенцев в Нарымском крае» ставило перед западносибирскими организациями задачу в течение двух лет полностью освободиться от завоза в Нарымский край хлеба, фуража и овощей для снабжения спецпереселенцев и перейти на снабжение продуктами собственного производства.

С целью достижения поставленной цели предполагалось спецпереселенцам Нарымского края отвести «земельных фондов 855 000 га, из коих землеустроить в 1932 г. 427,5 тыс. га (т.е. ровно половину. – В.У.), раскорчевать 75 690 га, построить 970 колодцев и проложить не менее 285 км проселочных дорог. Освоить под полевые и огородные культуры не менее 34 700 га»<sup>2</sup>. Для реализации этих планов предполагалось задействовать 55,7 тыс. спецпереселенцев (из них 25 тыс. работоспособных) Галкинской, Тоинской, Парбигской и Шегарской комендатур Нарымского края. Еще 160,2 тыс. спецпереселенцев (из них 60 тыс. работоспособных) Ново- и Средне-Васюганской, Парабельской, Кетской, Кето-Чулымской и Александрово-Ваховской комендатур должны были заниматься лесоповалом. Следует обратить внимание, что в более суровые и неподготовленные районы планировалось заселение втрое большее, чем в районы с более благоприятными условиями. Одно это уже на первом этапе предполагало значительно большее число жертв от пребывания в неблагоприятной для человека среде без создания условий и соответствующей подготовки.

<sup>1</sup> Красильников С.А. Серп и Молох... С. 106–108.

<sup>2</sup> Выписка из Постановления СНК СССР № 292/сс от 28 декабря 1931 г. «О хозяйственном устройстве спецпереселенцев в Нарымском крае». См.: ЦДНИ ТО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

Этот документ детализировал отдельные направления развития региона на 1932 год (будучи принятым только 28 декабря 1931 г.), принцип определения показателей которых понять сложно. Так, не решив вопрос обустройства, лежавшего полностью на региональных органах власти, и обеспечения спецпереселенцев продовольствием и необходимым инвентарем и инструментами, по лесозаготовкам была утверждена заготовка и вывозка 2 300 тыс. кубометров деловой древесины и дров; по транспорту – «для создания надлежащих условий из Нарыма доставки лесоматериалов, продукции промыслов, для ввоза продпромтоваров, всевозможного инвентаря и пр.: предложить Союздортрансу обеспечить в 1932 г. прокладку 370 км. дорог государственного значения»; план добычи рыбы утверждался в размере 5 000 тонн<sup>1</sup>.

3 февраля 1932 г. Президиум Запсибкрайисполкома своим постановлением № 2174 «О мероприятиях на 1932 года по хозяйственному устройству спецпереселенцев северных районов края» конкретизировал задачи по каждому району, исходя из поставленных в Постановлении СНК СССР. Если большинство позиций совпадало по количественным показателям, то по строительству дорог Край обязывал районы построить 630 км, т.е. почти вдвое больше, что, несомненно, сделать было невозможно<sup>2</sup>.

Среди множества документов по «кулацкой ссылке» нельзя не остановиться еще на одном, обнаруженном новосибирскими исследователями темы репрессий. Документ был подготовлен начальником комендантского отдела ПП ОГПУ по ЗСК И. Долгих и назывался «Докладная записка об организации совхоза на Галке» – речь шла о территории, расположенной в границах Чаинского (ныне Бакчарского района Томской области). Суть записки сводилась к использованию труда спецпереселенцев для преобразования Нарымского края. По предложению Долгих, Галкинские гривы (бассейн р. Галка площадью 70–75 тыс. га) позволяли организовать «мощное показательное земледельческо-льняное и скотоводко-конеvodческое хозяйство, могущее питать продовольствием, семенами, рогатым скотом, породистыми лошадьми, свиньями, продуктами молочного хозяйства, медом и кустарными изделиями не только наши комендатуры, но также и весь Нарымский край».

Появление такого документа было вполне естественным, так как в те годы в различных властных кабинетах регулярно рождались многочисленные грандиозные планы и проекты, о чем уже выше говорилось. Не захотел оставаться в стороне и молодой, но честолюбивый И. Долгих, тем более, что он со своим отделом непосредственно отвечал за жизнь сотен тысяч спецпереселенцев, к началу января 1932 г. их числилось 265 846 чел.

Его план был представлен в форме экономической программы по созданию совхоза-комбината. Вывод проекта был конкретен – при вкладывании в его реа-

<sup>1</sup> ЦДНИ ТО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 1. Л. 10. Фактическая же заготовка леса за период 1932-1939 гг. составила всего 41,28 тыс. м<sup>3</sup>, т.е. всего в среднем 0,5 тыс. м<sup>3</sup> в год. Планируемый вылов рыбы был достигнут только в 1937 г. См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г. ... С. 312.

<sup>2</sup> См. : ЦДНИ ТО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 1. Л. 13 об.

лизацию примерно 700 тыс. руб. можно создать крупный экономическо-культурный центр в Нарымском крае. Проведение планов в реальность «возможно только при заброске на Галку 6–8 тысяч вполне трудоспособных спецпереселенцев и жестокой эксплуатации их в течение двух-трех лет (выделено мною. – В.У.) для того, чтобы проложить дорогу, осушить болота, произвести раскорчевку гарей и рек, сделать их судоходными...». Объективности ради замечу, что район, о котором идет речь, очень сильно заболочен.

Летом 1931 г. началось претворение в жизнь этого прожекта, были начаты строительство дороги, соединяющей район освоения с Томском, и раскорчевка тайги под будущие плодородные нивы. Эксплуатация переселенцев действительно была жестокой. Уже в течение первого года работ численность поселенцев Галкинской комендатуры уменьшилась на 20%. Из 7,4 тыс. чел., преимущественно мужского населения, к осени 1932 г. в живых осталось 5,9 тыс. чел. Желание добиться намеченной цели любым путем вылилось в дальнейшее увеличение численности Галкинской комендатуры до 12 тыс. чел., но работа по созданию ГУЛАГовского «шедевра» завершена не была<sup>1</sup>.

Этот документ приведен по нескольким причинам. Во-первых, документ является примером бездумной политики руководства ГУЛАГа, тратившего огромные суммы на реализацию «прожектов». Во-вторых, он ярко характеризует отношение власти к спецпереселенцам, их использованию. В-третьих, эта записка и последствия её реализации ярко высвечивают портрет человека, в руки которому были вверены сотни тысяч человеческих жизней, человека честолюбивого, амбициозного, жестокого<sup>2</sup>. Еще одна причина связана с тем, что в этих местах в 1931 г. было организовано одно из самых массовых восстаний спецпереселенцев – Чаинское.

Привлечение в Западную Сибирь сотен тысяч рабочих рук заметно повлияло на экономическое развитие края. Были возведены крупные промышленные предприятия, открыты новые шахты и рудники, построены тысячи километров автомобильных и железных дорог, сотни мостов, зданий, гидротехнических сооружений и многое другое. Но какими жертвами был достигнут экономический подъем. Потомственные хлебобобы часто использовались в качестве некавалифи-

<sup>1</sup> Возвращение памяти: историко-публицистический альманах. Новосибирск, 1991. С. 99–100; *Иванова Г.М.* Указ. соч. С. 87–89.

<sup>2</sup> Очень ярко описал категорию таких руководителей в романе «Отрешение» известный русский писатель П. Проскурин: «Поднявшись вверх, на обрыв, Раков, окинув взглядом немереное и не обжитое на сотни и тысячи верст безлюдное пространство..., где он отныне должен был... заготавливать лес для нужд молодого пролетарского государства и где он отныне является верховным и полномочным представителем власти с неограниченными правами в жизни и смерти тысяч людей, ощутил прилившую к голове горячую волну... Нечто сходное происходило сейчас на всем огромном теле обновляющейся страны, шло небывалое переселение народов, и от мысли о своем собственном участии в таком государственном деле он весь молодецкато подтянулся, скрипя новыми ремнями и портупейей... «Надо работать, – сказал он себе... Надо честно работать и доказать всем, что работать он умеет и любит и что дело во имя государства поставит. В конце концов, такая сейчас эпоха, или – или, вот из этого и нужно исходить...». ...Зрелище тысяч выгруженных и нетронутый лес мертвых и живых людей, женщин, детей, стариков действовало на Ракова угнетающе, в то же время он ощущал некий мистический холодок восторга; все эти люди, дети, женщины, мужчины и старики, живые и мертвые, были в его полной беспредельной власти...». См.: *Проскурин П.* Отрешение // Роман-газета. 1990. № 21. С. 48–52.

цированной рабочей силы. Сколько при этом было недополучено хлеба, мяса, молока, яиц и другой сельхозпродукции, сколько полей выведено из севооборота и заброшено, сколько деревень и сел захирело от нехватки тех же рабочих рук, сколько немощных хозяйств, не способных существовать самостоятельно, появилось в виде новообразований советской власти.

Однако, по данным официальной статистики, в 1930–1937 гг. спецпереселенцами было раскорчевано 183 416 га и расчищено от кустарника и мелкого леса 58 800 га. Основной объем этих работ пришелся на Нарымский край (138 600 га), Архангельскую обл. (14 453 га), на северные районы Омской обл. (20 150 га), Вологодскую обл. (7 612 га), Коми АССР (4 710 га), Иркутскую обл. (6 694 га) и Дальневосточный край (9 279 га). Простой арифметический подсчет показывает, что на Западную Сибирь пришлось почти 2/3 (65,54%) из всего этого объема. Из 2 988 га осушенных по РСФСР болот на Новосибирскую обл. (преимущественно в Нарыме) приходилось более половины – 1 500 га. Из 1 662 280 га освоенных земель на Новосибирскую и Омскую обл. пришлось 1 106 222 (1 054 000 и 52 222 соответственно). К сожалению, достаточно многое из очищенного, раскорчеванного и осушенного было брошено и вновь было поглощено тайгой и болотами, но «достижения» остались в отчетных документах и стали достоянием истории.

Силами спецпереселенцев на 1 января 1938 г. в бездорожных районах были проложены 7 294 км дорог, в том числе 3 812 км в таежно-болотных районах Нарыма и 593 км – в северных районах Омской обл., или 60,4% от общей протяженности построенных спецпереселенцами дорог. Это действительно оказался богатый подарок потомкам.

Протяженность нарымских дорог складывалась из 165 км дороги союзного значения Богородск – Галка как результат плана И. Долгих о строительстве на р. Галке совхоза-гиганта, 162 км дороги краевого значения Суслово – Тегульдэт, 1 589 км полевых дорог и 1896 км межпоселковых дорог. Кроме того, было выстроено до 10 км различных мостов и труб и до 150 км настилов и гатей. Строительство дорог стало первоочередным делом для малозаселенного Нарымского края. К моменту расселения спецконтингентов между многими населенными пунктами имелись только труднопроходимые тропы, которые не могли и в малой доле обеспечить доставку спецконтингентов к местам постоянной дислокации. Наиболее сложная ситуация была в районах расселения по рекам Кеть, Чулым, Парабель и др. Поэтому еще в 1931 г. было уложено либо капитально отремонтировано до 1 000 км дорог.

С учетом большой обводненности районов расселения спецконтингентов очень остро стоял вопрос поддержания связи с участками расселения. Для этого были проведены значительные работы по очистке рек, частичному углублению русел или их спрямлению. Все это позволило сделать судоходными 3 500 км водных путей. В процессе мелиоративных работ сооружено 28 водных бассейнов, построено 475 колодцев для подъема питьевой воды. За 1934–1937 гг. осушено болот общей площадью 1 402 га, в том числе 520 га в районе Галкинской комендатуры Бакчарского района.



Посевные площади увеличились с 1931 по 1937 г. в 10 раз, с 8 до 82,1 тыс. га. Только в 1937 г. план раскорчевки-расчистки был выполнен в объеме 8 396 га.

Медицинская сеть на середину 1932 г. составляла всего 80 коек. В момент проведения операции по вселению были организованы больницы при пересельных пунктах: в Омске – на 210 коек, Томске – сначала на 60, а затем 600 коек, Ачинске – на 100 коек. К октябрю 1937 г. число больниц достигло 13, приемных покоев – 7, акушерско-фельдшерских и фельдшерских пунктов – 32, зубокабинетов – 3, малярийных пунктов и домов ребенка – по 2. Часть медучреждений в 1934 г. отошла к вновь образованным Омской области и Красноярскому краю вместе с переданными комендатурами<sup>1</sup>.

Если на 1 июля 1932 г. по северным комендатурам было 128 школ, 15 клубов, 9 изб-читален, то уже к 1936 г. школ стало 238, участковых клубов – 22. 45 клубов и 163 красных уголка были организованы непосредственно в артелях.

В сентябре 1938 г. в трудпоселках имелось 1 106 начальных и 370 неполных средних и 136 средних школ, 230 школ профтехобразования и 12 техникумов. Работали 813 клубов, 1 202 избы-читальни и красных уголка, 440 кинопередвижек, 1 149 библиотек<sup>2</sup>.

Приведенные цифры однозначно свидетельствуют о качественном изменении положения в таежной глуши Нарыма, в Кузбассе и других районах края. Построено было много, но это ни в коей степени не соответствовало реальным потребностям. Наличие нескольких сотен объектов соцкультбыта не могло решить действительных проблем, хотя бы по причине того, что поселки спецпереселенцев часто находились на расстоянии десятков километров друг от друга и наличие, например, больницы в месте дислокации участковой комендатуры не могло удовлетворить жителей поселковых комендатур по режиму, доставке, получению стационарного лечения и многому другому. Отдельного рассмотрения требуют вопросы наличия соответствующих специалистов. Остановимся на простой констатации фактов – их постоянно не хватало, а привлекаемые специалисты из числа ссыльных политиков и заключенных часто не могли помочь по причине отсутствия реальных возможностей. Названные проблемы не были решены ни в рассматриваемый период, ни в более поздние годы.

Сделано спецпереселенцами было много, северные районы региона действительно получили импульс к их развитию, цели их колонизации были в основном достигнуты. Однако не следует забывать, что сельскому хозяйству края был нанесен значительный ущерб. Так, Р. Эйхе в секретной телеграмме в ЦК ВКП(б) в мае 1930 г. сообщал, что если на Украине сокращение крупного рогатого скота составило 14%, то в Сибири – 30–40–50, а по некоторым округам – 60%. На партийной конференции в Барнауле член крайкома ВКП(б) М.Т. Зуев привел данные, что в 1930 г. поголовье крупного рогатого скота в крае уменьшилось с 5 857 до 3 396 тыс. голов, лошадей – с 3 522 до 2 691 тыс., а овец – с 11 064 до

<sup>1</sup> Секретная записка начальника ОТП УНКВД по Новосибирской области И. Долгих о передаче хозяйственной деятельности отдела в ведение Новосибирского облисполкома от 5 февраля 1938 г. См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938... С. 218–242.

<sup>2</sup> Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки»... С. 124, 126–128.

6 448 тыс., т.е. потери составили почти 2,5 млн коров, свыше 800 тыс. лошадей и 4,6 млн овец. В 1931 г. ситуация продолжила ухудшаться, что не могло не сказаться негативно на положении в сельском хозяйстве<sup>1</sup>.

Еще один вопрос – о спецпереселенческих поселках. Ситуация с их размещением, особенно в период начала кампании переселения, была катастрофической. Уместно вспомнить примеры И. Бочарникова по расселению в Кето-Чулымском крае, по расселению в Александрово-Ваховской комендатуре, когда поселенцев на лодках забрасывали в верховья речушек, впадавших в р. Обь, а затем вывозили обратно в поисках более удобных для расселения мест, когда практически невозможно было построить какое-либо жилье, кроме шалашей и землянок, когда не было никакой возможности (либо она была экономически неоправданной) заниматься производительным трудом, так как эти районы не предназначены для занятия сельским хозяйством и лесодобычей. Единственно возможной реальностью были ловля рыбы, охота и сбор дикоросов, но на первых порах расселения власти об этом не задумывались, а переселенцы готовы не были. Если они и пытались этим заниматься, то с единственной целью – прокормиться, так как не было возможности даже сделать запасы для своей семьи, а не то чтобы организовать плановую заготовку и переработку. В результате этих обстоятельств отдельные группы поселенцев вынуждены были перебираться с одного места на другое по нескольку раз.

Обратной стороной этой проблемы была связь между «Большой землей» и отдаленными комендатурами, она была возможна только водным путем. С учетом того, что большинство северных рек Нарыма вскрываются в мае, а весенне-летнее половодье иногда длится практически до середины июля–августа, то навигация была очень кратковременной и за это время сколько-либо полно решить вопросы отдаленных поселений не представлялось возможным. Малые реки в это время также несудоходны по причине отсутствия четкой береговой линии, разливов по полям и т.п. Для примера две цифры: расстояние от Томска до с. Александровского почти 950, а от Колпашева – более 600 км. С учетом этих расстояний не было возможности организовать какое-либо рентабельное производство. Необходимо было учитывать малочисленность и маломощность речного флота на Оби. По опыту первого года переселения ПП ОГПУ по Сибири пришлось срочно размещать заказ на десятки катеров и лодок в ущерб другим заказам.

В связи с насильственной системой расселения спецпереселенцев на отведенных участках у местных властей число проблем и забот резко возросло – от строительства жилья до доставки продуктов питания и предметов первой необходимости, оказания медицинской помощи, организации учебного процесса детей поселенцев и многих других. Главная проблема – чем поселенцев занять, в частности, в силу изменения планов по развитию севера Сибири, выше об этом отмечалось, оставалась головной болью на протяжении не одного года. Именно в силу этих обстоятельств секретарь крайкома ВКП(б) Р. Эйхе, выступая в октяб-

---

<sup>1</sup> См.: Папков С.А. Обыкновенный террор... С. 61,75.

ре 1931 г. на совещании в крайкоме ВКП(б), вынужден был призвать руководителей с мест дать самостоятельность спецпереселенцам по выбору мест поселения. Принять такое решение партийного лидера заставили суровая действительность и многочисленные обращения за помощью как со стороны спецпереселенцев, так и со стороны местных органов власти.

В Нарыме основная масса спецпереселенцев была занята в сельском хозяйстве и лесодобыче. В Омской области (после образования 7 декабря 1934 г.) спецпереселенцы были расселены в 13 районах, где размещалось 120 трудпоселков, в которых на 1 января 1935 г. числилось 52 330 чел. Районами преимущественного расселения были северные – Тарский, Знаменский и Тевризский. К основным видам производств относились работы сельскохозяйственной направленности и кустарные промыслы – сеяли рожь, пшеницу, овес, ячмень, бобы, лен, коноплю, картофель, овощи, разводили скот, устраивали мельницы, занимались дегтекурением, рогожеплетением, пимокатным и бондарным делом, валили лес<sup>1</sup>.

На Алтае основная масса спецпереселенцев также трудилась в сельском хозяйстве и на объектах переработки сельскохозяйственной продукции. Так, на 1 марта 1933 г. только в системе Сахаротреста числился 2 601 переселенец, хотя число трудоспособных исчислялось всего 1 500 чел.<sup>2</sup> На 1 апреля 1940 г. в ОИТК УНКВД по Алтайскому краю значились 3 промышленных и 1 сельскохозяйственная колонии, в отдел также входили 2 районных и 12 поселковых комендатур, бюро исправительных работ, база ОИТК и детприемник. В колониях содержались 3 855 заключенных, осужденных к исправительно-трудовым работам числилось 4 465 чел. В 20 спецпоселках и 19 трудпоселках было размещено 2 098 семей (8 945 чел.). Спецпоселки размещались в Косихинском, Троицком, Усть-Пристанском, Тальменском и Змеиногорском районах, трудпоселки – в Алтайском, Зональном, Змеиногорском, Косихинском, Рубцовском, Троицком и Топчихинском районах.

<sup>1</sup> Забвению не подлежит... Т. 2. С. 32.

<sup>2</sup> Из совершенно секретной объяснительной записки директора Сахаротреста в Запсибкрайисполком по вопросам жилищно-бытового устройства спецпереселенцев от 20 марта 1933 г. См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938... С. 123. Интересный документ о нетрудоспособной части спецпереселенцев хранится в ЦДНИ ТО. Зам. начальника ОТП УНКВД по ЗСК 2 января 1935 г. с грифом «Лично. Совершенно секретно» писал секретарю Нарымского окружкома ВКП(б) Левицу: «По данным, полученным от Вас, у Вас имеется нетрудоспособных женщин, обремененных детьми, стариков, инвалидов, не могущих быть освоенными с точки зрения втягивания их в сельское хозяйство или промышленность, 6 250 человек. Эти люди, по существу, являются только иждивенцами комендатуры... Краевой комитет [ВКП(б)] решил всю эту массу, т.н. балласт, ни к чему не способный, **рассосать** (выделено мною. – В.У.) двумя путями. Путем выявления родственников (братьев, сестер и т.д.): списаться с ними и передать им на иждивение... Не имеющих родственников, дальних и близких, и не подлежащих хоть в какой-то мере быть использованными – после проверки в местных отделениях НКВД и установления, что это лицо ни в чем плохом, антисоветском себя не проявило, нужно освобождать... Ту часть нетрудоспособных, которую можно рассосать по артелям в качестве сторожей, мастеров или инструкторов, не нужно представлять к освобождению». См.: *Макиев* В. Указ. соч. С. 39.

Только в первом квартале 1940 г. ИТУ края было выпущено на сумму 6 331,8 тыс. руб., преимущественно трикотажной, текстильной, швейной и шерстобитной продукции, а также частично от лесозаготовок и деревопереработки<sup>1</sup>.

В Кузбассе, по данным на сентябрь 1933 г., до 40% всей рабочей силы, занятой в угольной промышленности, составляли трудпоселенцы – 41 512 чел.<sup>2</sup>

В 1941 г. по тресту «Анжеруголь» (Анжерская комендатура) имелось 49 мастеров угля, 253 стахановца и 531 ударник из числа трудпоселенцев. По тресту «Прокопьевскуголь» (Прокопьевская комендатура) – мастеров социалистического труда – 231, стахановцев – 794 и ударников – 2 113 чел. На шахте 9/15 треста «Анжеруголь» участок № 5 целиком был укомплектован трудпоселенцами, которые за производственные успехи удерживали переходящее Красное знамя<sup>3</sup>.

Так, если на начало 1938 г. на Кузнецком металлургическом заводе трудились 2 126 трудпоселенцев<sup>4</sup>, то на конец 1940 г. их уже было 3 231. В системе «Запсибзолота» – 1 531, в Наркомлеспроме – 8 134 чел. и т.д.<sup>5</sup>

В Омской области в указанный период трудпоселенцы в основном использовались на работах треста «Обьлес» – 2 550 семей, «Обьрыбтреста» – 3 371 семья, в Горстрое – 240 семей и в Интегралцентре – 113 семей<sup>6</sup>. В фонде «2-го отделения отдела ИТК и ТП УНКВД по Омской области» (ГАОО) хранятся документы, подтверждающие высокие показатели в работе у спецпереселенцев, организации среди них стахановского движения. В отчете Тарской спецкомендатуры отмечалось, что «на работе Тевризского лесоучастка Тарского леспромхоза имеется 66 трудпоселений. На отдельных объектах трудпоселенцы дают объем производительности труда больше, чем вольнонаемные»<sup>7</sup>.

В системе Наркомтяжпрома СССР из 142 311 трудпоселенцев на начало 1938 г. только в Новосибирской области трудились 19 600 чел. (13,77%), в системе Наркомлеса – из 63 926 трудпоселенцев на Новосибирскую и Омскую области приходилось 10 052 (соответственно 6034 и 4 018 чел.), что составляло 15,73%. В «кулацкой ссылке» на этот же период времени существовала 141 неуставная кулпромартель, охватывавшая 8 181 чел. Из этого числа на Западную Сибирь приходилось 111 – 51 в Новосибирской и 60 – в Омской области. Кроме того, работали 452 неуставных сельхозартели из 1 058 по СССР, т.е. 42,7%<sup>8</sup>.

<sup>1</sup> Солодкая Т.И. Указ. соч. С. 187–188.

<sup>2</sup> Из секретной докладной записки Западно-Сибирской краевой контрольной комиссии РКК по проверке трудового использования и хозяйственно-бытового устройства трудпоселенцев, занятых в системе Кузбасс-угля – не ранее 15 сентября 1933 г. См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938... С. 150.

<sup>3</sup> Из секретного отчетного доклада ОТСП УНКВД по Новосибирской области в ОТСП ГУЛАГа НКВД о состоянии трудссылки по области за первое полугодие 1941 г. (1 августа 1941 г.). См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945... С. 99.

<sup>4</sup> Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 49.

<sup>5</sup> Из совершенно секретного отчетного доклада УИТЛК УНКВД по Новосибирской области в ОТП ГУЛАГа НКВД о состоянии трудссылки за 2-е полугодие 1940 г. от 21 марта 1941 г. См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945... С. 86.

<sup>6</sup> Из совершенно секретного доклада начальника ОИТК УНКВД по Омской области Мартынова о состоянии трудссылки Омской области на 1 января 1941 г. См.: Там же. С. 81.

<sup>7</sup> Забвению не подлежит... Т. 2. С. 32.

<sup>8</sup> Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 48–52.

Практика ссылки в Сибирь неугодных режиму лиц была продолжена и большевиками. В 1920-х гг. основу «новоиспеченных сибиряков» составили преимущественно бывшие союзники большевиков в борьбе с царизмом – представители оппозирующих им партии эсеров, меньшевиков, «дашнаки», «мусаватисты» и др. К сожалению, учеты на местах еще не были организованы должным образом, приходится пользоваться в основном служебными документами и перепиской различного рода структур. За основу брались сведения по линии ОГПУ-НКВД. У многих ссыльных политическую партийную принадлежность определить сложно. Например, в отношении члена ЦК партии эсеров Д.Д. Донского выявлены только год рождения и место проживания – с. Парабель. У других имелись пометы – «политссыльный (на 1925 год)», «иноподданный», «перебежчик», у С.А. Артемьева – «паразит политически вредный», у Д.А. Белова – «общественно вредный элемент» и т.п.

Значительное число ссылавшихся значились за органами милиции и административными органами – это уголовные преступники, осужденные за грабежи, кражи и др. уголовные преступления, лица осужденные к отбыванию трудпобинности и т.д. Почему то часть подобных преступников проходила по линии ОГПУ.

Во второй половине 1920-х гг. органам ОГПУ были подведомственны следующие категории ссыльных – спекулянты, контрабандисты, участники антисоветских партий, социально вредные элементы, бандиты, шпионы, контрреволюционные элементы, осужденные за хозяйственные преступления, фальшивомонетчики и некоторые другие.

В ГАТО выявлены материалы на примерно 100 человек, высланных в 1929 году из Белоруссии, многие целыми семьями, скорее всего, из приграничных районов. Это, на мой взгляд, всего лишь «малая толика» из этой категории сосланных. Со второй половины 1920-х до середины 1930-х гг. в Нарымский край были высланы (из числа установленных по архивным документам) 6083 чел. не «кулаков» (5475 мужчин и 608 женщин). С ними прибыли 849 членов семей. Но эти депортации не были массовыми.

Еще одну группу сосланных составили осужденные преимущественно по ст. 61 ч. 3. УК РСФСР «Отказ от выполнения повинностей...» – см. гл. 2 УК РСФСР «Иные преступления против порядка управления»). Интересный факт, по постановлению прокурора Кривошеинского р-на в октябре-ноябре 1932 г. 94 чел. из этой категории осужденных были освобождены как «неправильно осужденные» или «в связи со старческим (преклонным) возрастом и неправильным осуждением», пробыв необоснованно в ссылке от года до полутора лет<sup>1</sup>. Подобных сведений по другим районам выявить не удалось.

В 1930-е гг. спецпереселенцы в Западной Сибири уже являлись основным контингентом, подведомственным органам ОГПУ-НКВД, которые, при непосредственном участии партийно-советского руководства края, через систему Сиблага и его структурные подразделения – комендатуры – осуществляли полный контроль за расселением прибывающих спецпереселенцев, решение вопро-

---

<sup>1</sup> См.: ЦДНИ ТО. Ф. Р-193. Оп. 1. Д. 131.

сов их бытового устройства, организацию режима пребывания и трудовой деятельности. Будучи не готовыми к решению данных вопросов на первом этапе, допустив многочисленные случаи неорганизованности и безразличия к судьбам спецпереселенцев, что привело к распространению массовых заболеваний и эпидемий, увеличению смертности, особенно среди детей и стариков, к середине 1930-х гг. Сиблаг превратился в развитую экономическую структуру, оказывавшую серьезное влияние на всю социально-экономическую обстановку в Сибирском регионе. В отдельных случаях это влияние было выше влияния местных органов власти, в силу отсутствия у последних реальных возможностей, в частности по организации жизнедеятельности многотысячной армии спецпереселенцев. Сиблаг же, став государством в государстве, мог свободно распоряжаться сосредоточенными в его руках громадными средствами и материальными ресурсами.

К началу 1940-х гг. спецпереселенцы составляли значительную часть трудоспособного населения региона, занятого в основных отраслях хозяйственного механизма – в строительстве в том числе транспортных магистралей, в угле- и золотодобыче, на объектах химии и металлургии, в сельском хозяйстве и на лесоразработках, в отраслях легкой промышленности и др., добиваясь высоких показателей и результатов в работе, становясь ударниками и передовиками производства, что было естественно. Этим людям не требовалось прохождения «перековки трудом», это были труженики, привыкшие своими руками добывать «кусочек хлеба», строить самостоятельно свое будущее. Будучи сорванными с насиженных мест, заплатив сотнями тысяч жизней, умерших и не родившихся, они в очередной раз доказали, что не являются врагами, хотя государство еще долгие годы не будет признавать этого.

Благодаря их самоотверженности и трудолюбию, Западная Сибирь превратилась в развитый экономический район СССР, где была создана инфраструктура, позволяющая сделать рывок «от сохи к ракетам» и дать импульс дальнейшего развития региона. Подчеркну еще раз, что достигнуто это было не благодаря системе и организации ГУЛАГа, а в результате высочайшей самоотдачи спецпереселенцев, так как подневольный труд «жителей» ГУЛАГа не был эффективен и экономически оправдан, носил чаще всего экстенсивный характер. Сегодня это уже научно доказанный факт, но в те годы нужные для страны результаты были достигнуты.

Следует заметить, что накануне войны Западная Сибирь стала вновь одним из основных регионов для ссылки десятков тысяч депортированных граждан из Польши, Прибалтики, западных районов Украины и Белоруссии. Но эти потоки не были столь внушительными, как в начале 1930-х гг. По результатам массового выселения жителей этих регионов в 1940 г. в регион были направлены 37 840 чел. из числа «осадников» и беженцев (16 144 и 21 696 соответственно), что составило 27,1% от общего числа арестованных. Основная масса переселенцев была направлена в систему Томасинлага НКВД – крупнейшего лесопромышленного комплекса. Однако их использование на лесоразработках или в других отраслях промышленности оказалось затруднительным, так как основную массу данных спецпереселенцев составляли «за единичным исключением... люди ум-

ственного труда, а не физического». Из 10 300 способных заниматься физическим трудом оказалось всего 4 100 чел. Об этом, с просьбой прекратить дальнейшую отправку заключенных в регион, докладывал в сентябре 1940 г. в ЦК ВКП(б) первый секретарь Новосибирского обкома ВКВ(б) Г.Н. Пуговкин<sup>1</sup>.

Уже в мае–июне 1941 г. в регион прибыли из Прибалтики, Молдавии и западных районов УССР и БССР еще 48 364 чел. ссыльнопоселенцев – жертв чисток в приграничных районах СССР и «политически неблагонадежных». К началу войны в северных районах Новосибирской области и в спецпоселках Нарымского округа было размещено 628 семей (2 367 чел.). Отличие их положения от «осадников» и беженцев заключалось в том, что расселялись они не в спецпоселках НКВД, а в колхозах, совхозах и поселках при предприятиях лесопереработки под надзором местных властей<sup>2</sup>.

Таким образом, изменения конца 1920-х гг., привели к тому, что пенитенциарная система в 1930-е гг. стала мощной экономической составляющей всего народнохозяйственного механизма страны, включавшей в себя систему промышленных, научных и производственных предприятий, организаций и учреждений, транспорта, связи и др., обслуживаемую многомиллионной армией заключенных и спецпереселенцев. В эти годы руководство страны продолжало политику хозяйственного освоения необжитых отдаленных районов страны за счет насильственного переселения в эти районы «провинившихся» перед государством граждан. Западная Сибирь стала одним из основных таких мест, приняв для расселения сотни тысяч человек, преимущественно крестьян, но в том числе и несколько тысяч уголовников и «деклассированного элемента». Будучи помещенными в тяжелейшие условия без средств существования, многие из них погибли или стали жертвами произвола со стороны представителей органов власти на местах. Однако их труд был востребован и внес серьезный вклад в экономическое развитие региона.

## 5.2. Система наказания и ее изменения в зависимости от перемен политического курса советского государства

Для первых лет после освобождения Сибири от колчаковщины и до середины 1920-х гг. применяемые наказания, в том числе и за квалифицируемые как

<sup>1</sup> См.: Папков С.А. Обыкновенный террор... С. 272, 275; Начальник ОТП ГУЛАГа М.В. Конрадов в докладе наркому НКВД Л.П. Берии отмечал, что в ряде областей и краев, в том числе в Алтайском крае и Омской области средний процент трудоспособных из общего числа «осадников» составлял 43%, а по отдельным поселкам снижался до 35%. См.: История сталинского ГУЛАГа... Т. 5. С. 274.

<sup>2</sup> Папков С.А. Обыкновенный террор... С. 277–278. Начальник ГУЛАГа В.Г. Наседкин в рапорте от 28 мая 1941 г. на имя Л. Берии о расселении и трудоустройстве ссыльных поселенцев из Западных областей УССР докладывал, что по Омской области планировалось расселить 750 семей (3 тыс. чел.) в Тобольском округе на базе пустовавших трудпоселков для использования на предприятиях «Химлессырье», в южных районах области – в колхозах, совхозах и предприятиях местной промышленности. В Новосибирской обл. подлежали расселению 1000 семей (4 тыс. чел.) в Нарыме на базе существовавших трудпоселков с использованием в трудпоселенческих сельхозартелях и на предприятиях кустарно-промысловой кооперации в артелях по сбору ягоды, живицы, смолокурения и на других работах. См. : История сталинского ГУЛАГа... Т. 2. С. 628.

контрреволюционные антисоветские преступления, были достаточно мягкими при их многообразии. Осуждали на лишение свободы от нескольких месяцев до заключения в концлагерь до окончания Гражданской войны (либо до окончания войны с Польшей), условно, вплоть до «расстрела условно», к замене расстрела на лишение свободы, чаще всего на 5 лет, на этот же срок могло меняться заключение в концлагерь до окончания войны, к различным штрафам, очень часто освобождали из-под стражи за малозначительность и несознательность обвиняемым содеянного. Иногда освобождение подводилось под объявляемые амнистии. Изучение архивно-следственных дел органов госбезопасности и дел тех лет, хранящихся в государственных архивах, в частности Томской области, позволяет сделать вывод, что 5 лет лишения свободы являлось высшей мерой наказания в победившем государстве, так как наказание на большие сроки лишения свободы встречается в исключительных, единичных, случаях.

Необходимо заметить, что в первых декретах советской власти, связанных с правоприменительной практикой, речь о конкретизации мер наказания за совершенные преступления не велась. Предполагалось лишь разбирать судьями возникавшие уголовные дела на основе революционного правосознания со «всей строгостью революционного закона», что и возобладало на практике в первые годы советской власти. На основании Декрета СНК от 21 марта 1921 г. максимальный размер наказания в виде лишения свободы был установлен в 5 лет, но только в августе 1921 г. НКЮ своим циркуляром предложил сократить все ранее вынесенные сроки наказания до указанного предела, если они его превышали. Однако уже в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. максимальный срок лишения свободы был определен в 10 лет, а УК 1926 г. этот срок подтвержден.

По устоявшейся практике тех лет дважды в год объявлялись амнистии, обычно к годовщине революции и Первомаю, иногда, в редких случаях, могли объявляться (по согласованию с Центром) не очень массовые местные амнистии. Амнистии чаще всего сопровождалась освобождением от наказания «вовсе», либо сокращением срока наказания наполовину, либо на фиксированный срок (например, на одну треть или одну четверть). Очень часто амнистированный уже через полгода, к очередному празднику, мог вновь попасть под амнистию.

Первая амнистия по предложению VI Всероссийского съезда Советов была объявлена 6 ноября 1919 г., когда было принято постановление «Об освобождении некоторых категорий заключенных». Освобождению подлежали все, кому не было предъявлено обвинение в непосредственном заговоре против советской власти или подготовке к нему.

О каждом случае амнистии население извещалось через газеты. Так, газета «Знамя революции» (г. Томск) в рубрике «По Советской России» 5 мая 1920 г. опубликовала подписанное председателем Сибревкома И. Смирновым и заведующим отделом юстиции Сибревкома А. Гойхбаргом постановление Сибревкома из Омска, в котором, в частности, отмечалось, что «в ознаменование первого Всероссийского дня праздничного труда, первомайского праздника освобожденных трудовых масс России, свидетельствующего об укреплении власти рабочих и крестьян в их Советской республике, Сибревком, решив облегчить участь лиц,



принадлежащих к трудовым слоям населения и осужденных и находящихся под судом, постановляет:

1/ применить в широких размерах досрочное освобождение находящихся в местах заключения в Сибири ко дню 1-го Мая 1920 года осужденных военными и гражданскими революционными трибуналами, народными судами, органами Всероссийской чрезвычайной комиссии, ревкомами, комдезертирами и другими учреждениями, за исключением тех из них, которые осуждены за участие в вооруженной борьбе или за содействие в вооруженной борьбе против советской власти или совершили преступления с явно корыстной целью...».

Обращает на себя внимание перечень органов, имевших право судить, отдельные из них не имели никакого отношения к правоохранительной системе, но судили. Другой отличительной чертой была корысть как мотив совершения преступления, что играло определяющую роль при исследовании личности, преступившей закон.

Амнистия распространялась и на подсудимых, находившихся в заключении, либо находившихся на свободе, на дезертиров (одну из серьезнейших проблем Советского государства в тот период времени), если они добровольно сдадутся властям до 20 мая. Все подлежащие освобождению по амнистии красноармейцы должны были направляться в распоряжение военных властей для отправки в штрафные части или на фронт.

Для проведения в жизнь названного постановления в каждой губернии Сибири создавались комиссии в составе пяти человек – по одному представителю от губревкома, губтрибунала, губчека, губсовета народных судей и губкомдезертира<sup>1</sup>.

Но при проведении амнистии в ознаменование третьей годовщины Октябрьской революции в ноябре 1920 г. в состав губкомиссии, имевшей право выносить решения о применении амнистии к конкретным лицам, уже входили председатель губисполкома в качестве председателя комиссии, представители губчека, губтрибунала, губчека и воентрибунала. Замены в составе комиссий несомненно вызваны изменениями, происшедшими в оперативной и социально-экономической обстановке в регионе. Что касается уездных комиссий, то на них была возложена задача подготовки списков амнистируемых, которые надлежало передавать в губкомиссию для последующего рассмотрения.

По подсчетам Е. Михеенкова, в Алтайской, Омской и Томской губерниях в ходе амнистии были амнистированы не менее 4 700 чел., более полутора тысяч из которых были освобождены от наказания в виде лишения свободы<sup>2</sup>. К сожалению, не приведены данные общей численности заключенных в регионе.

Постановление по Первомайской амнистии 1921 г. было более конкретным и детальным. Досрочному освобождению подлежали представители трудовых слоев населения, «будучи обмануты врагами РСФСР» за вооруженную борьбу

<sup>1</sup> ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

<sup>2</sup> Михеенков Е.Г. Особенность реализации исправительно-трудовой политики РСФСР в эпоху нэпа на территории Западной Сибири // Вестник Вологодского института права и экономики ФСИН. Преступление, наказание, исправление: науч.-практ. журнал. 2014. № 1(25). С. 75–76.

против своего класса, за вооруженное свержение Советской власти в 1918 г., за письменную и устную агитацию против власти своего класса, за противодействие продовольственной политике и некоторые другие. Срок наказания осужденным за «все виды преступлений и не вошедших в разделы 1 и 3 означенного постановления» сокращался по амнистии на одну треть.

Не подлежали амнистии:

- члены контрреволюционных партий, групп и организаций, бывшие мятежники и офицеры, содержавшиеся в лагерях;
- осужденные за агитацию (независимо от формы) против Советской власти, если была установлена их принадлежность к контрреволюционным организациям, ставившим целью свержение Советской власти, а также при условии, что агитация носила злобный характер;
- осужденные за вооруженное свержение Советской власти в 1918 г. при установлении факта их службы в контрразведке, охранке, карательных частях и учреждениях;
- те же лица, в случае занятия ими командных должностей, руководителей и организаторов восстания, а также лица, принимавшие участие в расстрелах и избиваниях советских работников и членов их семей;
- дезертиры, совершившие дезертирство неоднократно, либо дезертировавшие с оружием в руках в целях вступления в банды;
- спекулянты, если таковые совершали свои действия, используя свое служебное положение, профессиональные крупные дельцы;
- осужденные за противодействие продовольственной политике, если таковое было связано с вооруженным сопротивлением и злобной агитацией, а также определенные как зачинщики и подстрекатели;
- уголовные преступники-рецидивисты, грабители, убийцы, профессиональные воры и бандиты<sup>1</sup>.

Несмотря на обширный перечень категорий лиц, не подлежавших амнистированию, власть была «щедрой» при вынесении решений при рассмотрении дел на амнистируемых, проявляя гуманность и великодушие. В ГАТО в фонде «Исправительно-трудовой отдел отдела юстиции Томского губисполкома» автором были обнаружены семь протоколов комиссии по Первомайской амнистии 1921 г. (за № 1–6 и 9). Члены комиссии: Ангевич – председатель, Столяр (предгубчека) и Беркович (предгубревтрибунала) в период с 6 по 25 мая 1921 г. рассмотрели дела на 1 127 осужденных. Согласно решению комиссии 797 из них были освобождены от наказания, дела в отношении еще 26 чел. были прекращены, у 182 были сокращены сроки отбытия наказания. Отказы в применении амнистии были вынесены в отношении 163 чел., что составило 14,46% от числа обратившихся, т.е. только каждому седьмому. В отдельные дни комиссия вообще не выносила решений с отказами<sup>2</sup>.

В ходе Октябрьской амнистии 1921 г. Новониколаевская губкомиссия провела 13 заседаний (сроки работы не указаны) и рассмотрела 503 обращения. К 209 чел.

<sup>1</sup> ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 1. Д. 1. Л. 8–9.

<sup>2</sup> Там же. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 91. Л. 1–34.

амнистия была применена в полном объеме, 147 наказание было сокращено наполовину, а 43 – на одну треть. Еще 16 чел. высшая мера была заменена на срочное наказание. В числе амнистированных оказались и четверо осужденных условно. Наибольшее число амнистированных составили осужденные за кражи и хищения – 191 чел., за контрреволюционные преступления – 55, за преступления по должности – 37, за дезертирство – 34, за конокрадство – 25, за взяточничество – 9, за пьянство – 6, за самогонку (так в тексте. – В.У.) – 3 и т.д.

За принадлежность к бандитам и участие в белогвардейском заговоре в применении амнистии было отказано 94 чел.<sup>1</sup>

При пересмотре дел концлагеря комиссией были выявлены 9 чел., в отношении которых не имелось никаких документов, позволявших установить состав совершенных ими преступлений и вынести какое-либо решение. В этом же лагере находились участники Тамбовского восстания (401 чел.), на которых также не было никаких документов, кроме регистрационных карточек, что также не позволяло установить ни состав преступления, ни срок наказания, ни орган, вынесший приговор. Было принято решение о целесообразности обращения в Тамбовский губюст для возможного применения амнистии на месте либо высылки необходимых материалов. Кроме того, комиссия посчитала возможным обратиться во ВЦИК с ходатайством о полном освобождении 9 чел.<sup>2</sup>

Гуманность комиссий в отдельных случаях, возможно, была чрезмерной. Так, за зверское убийство красноармейца на Гурьевском заводе в 1918 г. были осуждены в 1920 г. на пять лет лишения свободы И.С. Антонов, Ф.И. Кожевников и некто Устюжанин. Уже 29 декабря 1920 г. по Октябрьской амнистии срок наказания им был снижен до 2 лет лишения свободы, а 29 ноября 1921 г. по амнистии ВЦИК было принято решение об их полном освобождении из заключения<sup>3</sup>. Примеров подобного гуманного отношения власти за совершение тяжелейших преступлений в те годы было предостаточно, в частности в случаях проявления «красного бандитизма». Например, в декабре 1920 г. в г. Канске состоялся судебный процесс над 128 коммунистами, обвиненными в убийстве десятков «участников контрреволюционной организации» без какого-либо следствия и суда. По приговору ревтрибунала все они были оправданы – «в ответ зал взорвался громом аплодисментов, завершилось... всё... исполнением «Интернационала»»<sup>4</sup>. А осужденный в 1921 г. по «Мариинскому делу» за беспричинные расстрелы, обыски, аресты к высшей мере наказания – расстрелу – бывший начальник уездного политбюро К. Зыбко уже в апреле 1922 г. по амнистии ВЦИК получил замену ВМН на 5 лет лишения свободы, а в 1923 г. был вообще освобожден от наказания, продолжив службу в чекистских органах<sup>5</sup>. Приведенные примеры свидетельствуют, что человеческая жизнь в те

<sup>1</sup> Отчет о деятельности Новониколаевской губкомиссии по применению Октябрьской амнистии [1921 г.]. См.: ГАНО. Ф. Р-1958. Оп. 1. Д. 39. Л. 26.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Выписка из протокола № 79 заседания Томской губЧК от 29 ноября 1921 г. См.: ГАТО. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 19. Л. 7.

<sup>4</sup> Шишкин В.И. Красный бандитизм в Сибири... С. 5–8; Красноярский рабочий. 1921. 7 янв.

<sup>5</sup> Голоскоков И.В., Уйманов В.Н. Указ. соч. С. 79–81.

годы не стоила ничего, а политические решения власти о применении амнистий к бывшим противникам реализовывались на местах по принципу политической целесообразности.

В названные и последующие годы печать регулярно сообщала о проводимых в стране кампаниях по амнистиям. О результатах Первомайской амнистии 1922 г. на Алтае, например, опубликовала материал газета «Красный Алтай» 5 сентября 1922 г., в котором было рассказано, что Первомайская амнистия была применена к 175 обвиняемым в агитации против Советской власти и других политических преступлениях. А 7 ноября этого же года в газете было опубликовано обращение Сибревкома «Всему трудовому населению Сибири», в котором после изложения истории Гражданской войны и констатации того, что еще «имеются лица, которые злоумышляют против власти рабочих и крестьян...», Сибревком заявил о прощении старых грехов и заблуждений и объявил об амнистии ВЦИК «всем участникам свержения советской власти в 1918 г., кроме членов организаций, поставивших себе целью свержение советской власти путем вооруженной борьбы, ...всем партизанам из рабочих и крестьян, принимавшим участие в последних волнениях, кроме руководителей банд и членов организаций; всем дезертирам, которые добровольно явятся в срок; всем участникам колчаковских карательных отрядов, которые поступили на службу не добровольно, а по мобилизации, кроме офицеров... Амнистия должна распространяться как на осужденных, так и не осужденных еще»<sup>1</sup>.

Надо заметить, что принятие амнистий было направлено на смягчение обстановки и сложившегося противостояния в период Гражданской войны. Власть рассчитывала этими действиями привлечь на свою сторону бывших противников, но, к сожалению, добиваться этого удавалось не всегда. Население оказалось неподготовленным к таким шагам новой власти и очень часто само пыталось разрешать «политические споры» через месть, самосуды – еще живы были воспоминания о недавно творимом произволе со стороны амнистированных, еще горел «огонь мести». Непонимание проводимой государством политики в этой области привело к тому, что отдельные члены РКП(б), сотрудники органов правопорядка сами вставали на путь внесудебной расправы над освобожденными от наказания, непосредственно участвуя в событиях, получивших название «красного бандитизма», явления, характерного преимущественно для Сибири. Среди крестьянской массы населения самосуды получили развитие в первой половине 1920-х гг. против преступников, совершавших имущественные преступления, по той причине, что власть, по мнению крестьян, была непоследовательной в своих действиях – преступника ловили, осуждали и почти сразу отпускали по амнистии, а последний вновь вставал на преступный путь<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Безруков Г.Н. История политических репрессий в Алтайском крае (1919–1965 гг.) // Политические репрессии в Алтайском крае. 1919–1965. Барнаул, 2005. С. 77.

<sup>2</sup> Непоследовательность действий со стороны органов власти привела к обострению ситуации с самосудами в середине 1925 г., в связи с чем НКВД СССР своим циркуляром № 450/74/цс от 22.08.1925 г. вынужден был поставить вопрос о принятии решительных мер к предотвращению подобных случаев. В этих условиях Сибревком, Сибадмотдел и прокурор Сибири направили на места циркуляр № 3/с от 12.10.1925 г., в котором констатировали наличие случаев «недостаточно твердого и последовательного проведения на

Другой немаловажной целью применения амнистий была разгрузка мест заключения, так как все они были перегружены в несколько раз и содержание заключенных являлось очень серьезной проблемой для государства. Но освобождение заключенных проблемы не снимало. Выйдя на свободу, им приходилось сталкиваться с проблемой трудоустройства – высокая безработица, характерная особенно для первой половины 1920-х гг., вновь подталкивала освобожденного к преступному пути, надо было выживать. Об этом на совещании по борьбе с преступностью в июне 1924 г. говорил начальник губернского УМЗ Жариков: «Многие освобожденные этими комиссиями (по применению амнистий. – В.У.) возвратились обратно в ИТД. При освобождении тех или других заключенных следует отметить, что некоторые из них успевают вернуться в ИТД пять-шесть и более раз...»<sup>1</sup>.

Однако регулярное применение амнистий себя не оправдывало. Член ЦКК А. Сольц в газете «Правда» в августе 1923 г. писал, что «суровые наказания... до сих пор сопровождалось большим количеством амнистий. Преступники, получившие 10 и 5 лет заключения, через полгода оказывались на воле. ...Такой порядок был необходим в прошлом, когда плохо работали суд и следственные органы. Это вредно и не нужно сейчас, когда существует кодекс и везде и всюду функционируют более или менее налаженные суды»<sup>2</sup>.

Неблагополучие дел по применению амнистий подтвердил и новониколаевский прокурор П. Алимов на 2-м губернском съезде работников юстиции, подчеркнувший, что после создания в сентябре 1922 г. органов прокуратуры в Сибири были объявлены пять амнистий, но по их применению «дело обстоит неблагоприятно. Амнистии по многим делам не проведены. Мы никак не можем привыкнуть к их применению и научиться немедленно по получении амнистии просматривать все дела и применять где нужно»<sup>3</sup>.

Советское государство, отказавшись от системы норм и законов Российской империи, вынуждено было на первых порах опираться на различного рода декреты и постановления, а не систему законов. Часто судьба людей зависела от «революционного правосознания» судей и «революционной целесообразности» выносимых ими решений. Имевшее хождение среди юристов понятие

---

местах... карательной политики», связанных с недостаточной увязкой работы органов дознания, следствия, суда и инспекции мест заключения. Но предлагаемые меры вряд ли можно полагать исчерпывающими, полными и действенными – принятие «самых решительных мер по борьбе с преступностью», «чтобы местные органы дознания, суда, следствия и инспекции мест заключения, дополняющие друг друга в общей карательной системе – наиболее умело закрепляли взаимные достижения, по возможности избегая применения меры пресечения содержания под стражей, досрочного освобождения и представления отпусков тем уголовникам-рецидивистам, которые являются бичом крестьянского хозяйства», а для «устранения неувязок и недоговоренностей в этой работе вопрос по борьбе с самосудами проработать на совещаниях по борьбе с преступностью». См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 47. Л. 33. Сложно предположить, что данный документ с общими фразами и формулировками мог стать руководством к действию, кардинально и оперативно изменить ситуацию на селе, но еще многократно этот циркуляр будет упоминаться в других руководящих документах по борьбе с преступностью.

<sup>1</sup> Из протокола Новониколаевского губернского совещания по борьбе с преступностью от 24 июня 1924 г. См.: ГАНО. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 11. Л. 89.

<sup>2</sup> ГАТО. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 33. Л. 11 об.

<sup>3</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 47. Л. 33. 1. Д. 12. Л. 42.

«революционная (позднее «социалистическая») законность», по своему содержанию трансформировалось в разные годы к более мягкому или жесткому соблюдению и толкованию законов. Государство в той или иной мере определяло эти процессы. Так, на XIV партийной конференции ВКП(б) в апреле 1925 г. было принято специальное постановление «О революционной законности», в котором отмечалось, что «интересы укрепления пролетарского государства и дальнейшего роста доверия к нему со стороны широких масс... в связи с проводимой ныне политикой партии требует максимального упрочения революционной законности». Эта задача была объявлена в качестве одной из важнейших задач, «стоящих в настоящий момент перед Советской властью»<sup>1</sup>. В марте 1928 г. было принято Постановление ЦИК и СНК СССР «О мерах по обеспечению социалистической законности», на основе которого Коллегия ОГПУ обязала руководящий состав в центре и на местах «усилить контроль за соблюдением социалистической законности в следственной работе, во всех случаях нарушения законности принимать меры, вплоть до предания суду...»<sup>2</sup>.

Дальнейшему развитию и укреплению «революционной законности» должен был способствовать и принятый в новой редакции в 1926 г. Уголовный кодекс РСФСР. Нарком юстиции Д.И. Курский подчеркнул, что принятие кодекса – очередной шаг вперед, так как для него характерно общее снижение применяемых по отдельным видам преступления мер социальной защиты – по 30 статьям из 179 вообще не предусматривалось лишение свободы<sup>3</sup>. С вступлением в силу нового Уголовного кодекса изменились и меры наказания, именно в новом кодексе появилась печально знаменитая ст. 58, по 13 из 14 подпунктов которой предусматривалась, при прочих видах наказания, высшая мера наказания – расстрел. Перечень приговоров, особенно в 1930-е гг., значительно расширился – сроки лишения свободы увеличились до 25 лет, часто сопровождалось поражением в правах и конфискацией имущества. Ссылки ограничивались сроками от 1 года до 5 лет либо были бессрочными, были ссылки под надзор, иногда условными. Часто применялась такая мера, как запрещение проживания в определенных городах и районах (6, 12, 15 пп.) с прикреплением к постоянному месту жительства на определенный срок, обычно на 3 года. Среди прочих были – зачет в наказание срока предварительного заключения, отбывание наказания в трудпоселке, условное наказание, но могла добавляться ссылка. Освобождение из-под стражи имело место по причинам недостаточности обвинительных материалов, неподтверждения предъявленного обвинения, болезни и некоторым другим. Оправдание по суду было делом крайне редким, для практики внесудебных органов неприемлемым.

На практике смягчение карательной политики имело место в период 1924–1927 гг. Подтверждением этому может служить таблица, приведенная в докладе краевого прокурора в Сибкрайком РКП(б) «О состоянии революционной закон-

<sup>1</sup> КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1979. Т. 3. С. 385.

<sup>2</sup> О Вячеславе Менжинском: Воспоминания, очерки, статьи. М., 1985. С. 164.

<sup>3</sup> Правда. 1926. 26 нояб.

ности в Сибири» (табл. 24)<sup>1</sup>. Так, если во 2-м полугодии 1924 г. только в Новониколаевской и Томской губерниях были осуждены 10 117 чел. (6 533 и 3 584 соответственно), то в 1-м полугодии 1925 г. – уже 6 343 (3 695 и 2 647 соответственно). Число осужденных к ВМН – расстрелу – уменьшилось в 8 раз, к лишению свободы – с 2 517 до 2 057 чел. Осуждение к принудительным работам увеличилось с 10 до 13,95%, вдвое – к «общественному порицанию» и другим наказаниям. Не изменилось количество приговоров к условному лишению свободы.

Таблица 24

Данные об осужденных в Новониколаевской и Томской губерниях (2-е полугодие 1924 г. – 1-е полугодие 1925 г.)

Наименование губерний	Общее число осужденных	Приговоры								
		К расстрелу	Расстрел заменен 10 годами	Условное лишение свободы	Лишение свободы на срок	Принудительные работы	Имущественное взыскание	Общественное порицание	Освобождение по амнистии	Др. наказания
2-е полугодие 1924 г.										
Новониколаевская	6 533	17	8	524	1 404	647	3 840	3	76	14
Томская	3 584	6	–	1 005	1 113	368	988	102	–	–
ИТОГО	10 117	25	8	1 529	2 517	1 015	4 828	105	76	14
1-е полугодие 1925 г.										
Новониколаевская	3 695	1	–	1 039	972	492	1 200	191	–	–
Томская	2 647	2	2	482	1 085	393	572	20	64	27
ИТОГО	6 343	3	2	1 521	2 057	885	1 772	211	64	27

Основной причиной изменений стало проявление классового подхода к обвиняемым. Не случайно в комментарии к таблице подчеркивалось, что еще «бывают случаи, когда Судами **до сих пор** не выдерживается классовая линия»<sup>2</sup>.

В период смягчения карательной политики заметно сократилось число приговоров, связанных с лишением свободы. Но необходимо признать, что эта мера была вынужденной – места лишения свободы были переполнены заключенными в два, три и более раза, которых надо было содержать и занимать какой-либо деятельностью, что далеко не всегда удавалось. Так, анализ данных по вынесенным приговорам народными и губернскими судами края за 1924 г. – 1-е полугодие 1927 г. позволяет выделить следующие особенности:

а) осуждение к высшей мере наказания сократилось с 0,2 до 0,1%, а число приговоренных к ВМН по годам составило 121, 87, 34 и 26 чел. соответственно;

б) увеличилось число приговоров от 7 дней до 6 месяцев – с 12,2% в 1924 г. до 27,4% в 1-м полугодии 1927 г.;

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 19. Л. 36. Следует также заметить, что за период с 1923 г. по июль 1925 г. заметно уменьшилось и количество дел, прошедших через органы ОГПУ. Так, без учета данных по Ойротской области, а в 1925 г. и Алтайской губ., в 1923 г. прошло 1 306, в 1924 – 816 и за 1-е полугодие 1925 – 297 дел. (Там же. Л. 42 об.).

<sup>2</sup>

Там

же.

Л.

42

об.

в) вынесение приговоров к принудработам возросло с 10,8% в 1924 г. до 23,1% в 1927 г.;

г) осуждение к общественному порицанию – с 0,8% в 1924 г. до 1,6% в 1927 г.

При этом число осуждений, связанных с лишением свободы на сроки от 6 месяцев до 1 года, от 1 года до 2 лет, от 2 до 5 и от 5 до 10 лет, в количественном отношении уменьшилось в 2–2,8 раза, как и уменьшилось и общее число осужденных с 58 280 чел. в 1924 г. до 50 754 – в 1927 г.<sup>1</sup>

Начиная с 1925 г. в крае ежегодно сокращалось число осужденных за государственные преступления – 131 чел. (0,38% от общего числа заключенных) в 1925 г., 85 (0,21%) – в 1926 и 47 (0,18%) – в первом полугодии 1927 г.<sup>2</sup>

С 1928 г. ситуация резко изменилась. Более четко стала проявляться тенденция «классового подхода» в борьбе с преступностью. Вышедшее 26 марта Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О карательной политике и состоянии мест заключения» отмечало в качестве положительных моментов применение исправительно-трудовых мер воздействия на лиц, находившихся в местах лишения свободы, рост культурно-просветительной работы среди заключенных, а также организацию научного изучения преступника и преступности. Одновременно был отмечен ряд отрицательных явлений и крупных недочетов в деятельности судов и в постановке карательной и исправительно-трудовой системы. К ним были отнесены: чрезвычайный рост числа осужденных, в том числе увеличение числа осужденных на малые сроки лишения свободы без применения судами других мер социальной защиты вместо лишения свободы; практика вынесения судами условного осуждения вместо оправдательных приговоров; медленность следственного и судебного производства; имевшая место недостаточная обоснованность привлечения к уголовной ответственности; отсутствие достаточного контроля за исполнением приговора и ряд других.

В связи с этим в постановляющей части в области карательной деятельности была отмечена необходимость «применять суровые меры репрессии исключительно в отношении классовых врагов и деклассированных преступников-профессионалов и рецидивистов». Строительство новых мест заключения было признано нецелесообразным.

Важнейший государственный акт был сразу принят к исполнению всеми силовыми ведомствами. Циркуляр НКЮ от 10 апреля 1928 г. по вопросам досрочного освобождения и режима в местах заключения во многом повторял позиции Постановления ВЦИК и СНК. В соответствии с решением председателя Центральной распредкомиссии А. Сольца и начальника ГУМЗ Е. Ширвиндта перевод

<sup>1</sup> Подсчитано автором по делу 146 («Сибирская краевая прокуратура»). См.: ГАНО. Оп. 1. Л. 35–36. Статистические данные о количестве осужденных по социальному положению и мерам социальной защиты за 1924 – 1-е полугодие 1927 г.). П. Соломон также отмечает, что в середине 1920-х гг. четверть всех рассматриваемых в судах дел заканчивалась оправдательными приговорами: 25% – в нарсудах, 26% – в губсудах, в том числе и по политическим, например, как участие крестьян в годы Гражданской войны на стороне белых, и т.п. Осуждением завершались только 40% рассматриваемых дел. В первые годы нэпа 80% осужденных в судебном порядке получали приговор в виде исполнения принудительных работ. См.: Соломон П. Указ. соч. С. 50–51.

<sup>2</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 146. Л. 34.



этих категорий заключенных на полусвободный режим или досрочное их освобождение запрещались.

Кроме того, следует отметить, что уже в эти годы исполнение приговоров стало обязательным практически только для осужденных по политическим статьям, так как на уголовный элемент как на «социально близких» продолжали распространяться регулярно объявляемые к политическим праздникам и событиям амнистии. Это было одним из отличий от правосудия первой половины 1920-х гг. Другим свидетельством «классового подхода» в борьбе с преступностью могут быть данные об осужденных по линии ОГПУ СССР: в 1927 г. – 12 267 чел., в 1928 г. – 16 211, в 1929 г. – 25 853, в 1930 г. – 114 443 чел.<sup>1</sup> Точных данных о числе осужденных в этот период в Западной Сибири нет, возможно, по причине недостаточной разработанности архивов, преимущественно ведомственных. Имеющиеся в настоящее время информационно-поисковые системы в Томской и Кемеровской областях, в Республике Алтай и Алтайском крае позволяют назвать число осужденных по линии ОГПУ в этих регионах в названные годы. Так, на Алтае, в Томской и Кемеровской областях (в современных границах) были осуждены 5 052 чел. (соответственно 3 286, 558 и 1 208)<sup>2</sup>, или **3% от общего числа осужденных по линии ОГПУ СССР**. Процент очень высок, ведь еще не были учтены жители, проживавшие на территории современных Новосибирской и Омской областей и Республики Алтай. Тенденция роста числа осужденных в Западной Сибири в указанный период времени соответствовала тенденции, характерной для страны в целом. Значительно большее число осужденных по Алтаю было получено за счет 1930 г. (2 735 чел.), что было результатом активного проведения политики раскулачивания и коллективизации.

Наряду с увеличением числа хозяйственных и должностных преступлений, в конце 1920-х гг. наблюдается заметный рост осужденных за государственные преступления, рассмотрением дел по которым занимались преимущественно органы ОГПУ. Наличие «классового подхода» при осуждении четко просматривается на предлагаемом к рассмотрению примере Алтайского края, Томской и Кемеровской областей (табл. 25–27).

Таблицы 25–27 позволяют выделить несколько закономерностей, связанных с увеличением числа выносимых смертных приговоров в отдельные периоды времени. Все они связаны с какими-либо политическими изменениями в жизни советского государства, могут служить свидетельством изменения политики (идеологического подхода) руководства страны в борьбе с «врагами».

---

<sup>1</sup> Реент Ю.А. Из опыта становления исправительно-трудовой системы РСФСР... С. 23; Он же. К вопросу об использовании общих мест лишения свободы во второй половине 20-х годов XX века (на материалах Кабардино-Балкарии) // Уголовно-исполнительная система России глазами гуманитариев: история и современность: сб. науч. тр. Рязань, 2004. С. 49.

<sup>2</sup> Подсчитано автором на основе обработки сведений, содержащихся в электронных базах данных репрессированных жителей Алтайского края, Томской и Кемеровской областей.

**Число осужденных на территории современной Томской области  
в 1920 – 1-е полугодие 1941 г. и вынесенные им приговоры**

Год	Кол-во осужденных, чел.	Мера наказания							Оправдание	Освобождение из-под стражи
		ВМН	25 лет	10 лет	5 лет	Ссылка	Осуждение условное	Иные		
1920	785	231	–	3	256	1	26	267	1	222
1921	204	30	–	5	33	1	33	94	8	123
1922	71	–	–	5	15	–	17	34	–	11
1923	22	–	–	–	1	16	–	5	–	6
1924	7	–	–	1	–	1	–	5	–	5
1925	6	1	–	–	1	–	–	4	–	1
1926	19	1	–	–	–	3	–	15	–	–
1927	12	–	–	–	–	2	–	10	–	4
1928	20	–	–	–	1	9	–	10	–	10
1929	37	5	–	7	8	8	–	9	–	6
1930	489	279	–	56	78	20	14	42	–	92
1931	432	31	–	46	141	60	108	45	1	216
1932	194	–	–	35	44	18	34	63	–	83
1933	616	18	–	201	206	51	29	107	4	142
1934	168	24	–	56	42	8	5	30	3	28
1935	294	1	–	48	88	43	2	108	4	33
1936	206	–	–	23	82	8	1	76	16	52
1937	8 738	6 608	–	1 500	139	3	1	485	2	26
1938	3 940	3 484	2	200	84	3	–	159	8	35
1939	136	6	1	58	16	–	–	44	11	143
1940	131	2	–	38	37	2	–	51	1	24
Янв.–июнь 1941	99	4	–	40	19	–	–	26	–	–
Всего	16 626	10 725	3	2 322	1 291	257	270	1 689	59	1 262

*Источник:* Подсчитано автором по результатам обработки базы данных на репрессированных жителях Томской области.

**Число осужденных на территории современной Кемеровской области  
в 1920 – 1-е полугодие 1941 г. и вынесенные им приговоры**

Год	Кол-во осужденных, чел.	Мера наказания						
		ВМН	25 лет	10 лет	5 лет	Ссылка	Осуждение условное	Иные
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1920	709	38	–	–	51	–	14	606
1921	313	7	–	–	9	–	10	287
1922	65	–	–	–	8	–	2	55
1923	14	–	–	–	2	–	1	11
1924	4	–	–	–	3	–	–	1
1925	7	–	–	–	–	–	–	7
1926	3	–	–	–	–	–	–	3
1927	53	2	–	–	6	–	1	44
1928	81	–	–	2	1	2	1	75
1929	120	1	–	3	19	8	1	88
1930	954	146	–	68	64	7	26	643

Окончание табл. 26

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1931	626	24	–	25	84	16	33	444
1932	306	3	–	13	10	25	19	236
1933	1 414	18	–	221	164	44	41	926
1934	610	2	–	76	93	2	19	418
1935	657	–	–	59	93	14	10	481
1936	774	18	–	34	79	10	–	633
1937	19 707	13 359	1	2 190	163	73	8	3 913
1938	9 236	7 604	20	277	91	16	2	1 226
1939	646	10	5	39	55	–	1	536
1940	347	1	1	61	65	8	–	211
Янв.– июнь 1941	224	–	–	33	25	1	–	165
Всего	36 870	21 233	27	3 101	1 085	226	189	11 009

Источник: Подсчитано В. Онищенко (г. Кемерово) по результатам обработки базы данных на репрессированных жителей Кемеровской области. Отдельные данные требуют корректировки.

Таблица 27

**Число осужденных на территории современного Алтайского края  
в 1920–1941 гг. и вынесенные им приговоры**

Год	Кол-во осужденных, чел.	Мера наказания						Осужденные условные	Иные
		ВМН	25 лет	10 лет	5 лет	Ссылка			
1920	355	128	–	6	26	1	2	192	
1921	426	53	–	–	32	–	194	149	
1922	66	–	–	–	–	–	–	66	
1923	6	–	–	–	2	1	–	3	
1924	10	–	–	–	1	6	–	3	
1925	12	–	–	–	–	2	–	10	
1926	7	–	–	–	–	–	–	7	
1927	42	2	–	2	2	11	–	25	
1928	56	–	–	–	3	27	–	26	
1929	453	81	–	60	66	102	1	143	
1930	2 735	762	–	587	779	295	90	222	
1931	3 369	399	–	416	975	296	137	1 146	
1932	746	3	–	152	123	37	10	421	
1933	3 706	720	–	1 072	1 105	87	131	591	
1934	459	59	–	98	75	4	14	209	
1935	482	26	–	53	98	1	–	304	
1936	396	2	–	9	74	8	1	302	
1937	11 871	6 349	2	2 469	776	–	–	2 275	
1938	8 829	4 886	28	3 000	254	–	–	661	
1939	782	12	2	75	79	1	–	613	
1940	337	1	–	33	96	2	1	204	
1941	1 467	294	–	446	118	–	–	609	
Всего	36 612	13 777	32	8 478	4 684	881	581	8 181	

Источник: Подсчитано сотрудниками ОСД УАДАК по результатам обработки базы данных на репрессированных жителей Алтайского края. Но на момент подсчетов база данных находилась в стадии доработки, что может привести к изменению указанных сведений.

Так, число осужденных в Томской области в 1920–1921 гг. (989 чел.) в 4,6 раза превышает число осужденных в 1922–1929 гг. (214 чел.), в Кузбассе число осужденных в 1920–1921 гг. в 3 раза превысило число осужденных в 1922–1929 гг. (1 022 и 347 чел. соответственно), на Алтае это превышение составило 1,2 раза (781 и 652 чел. соответственно). Объяснение этому достаточно простое – историческая контрреволюция была в основном уничтожена, а политические оппоненты из числа бывших союзников большевиков в борьбе с царизмом были также активно подавляемыми. Многочисленные официальные ограничения и оперативное «воздействие» на них со стороны чекистских органов привели к тому, что большинство политпартий социалистической направленности практически прекратили активную деятельность и вступили в стадию самоликвидации. Проведение ряда открытых судебных процессов против эсеров в 1922 г. в Москве и на периферии привели к тому, что к середине 1920-х гг. в стране не было ни одной активной политической организации, оппозирующей большевикам.

Что касается выносимых приговоров, то можно отметить большую «предвзятость» к жителям Кемеровской области, где были осуждены к высшей мере наказания – расстрелу – более 21 тыс. чел., что на 7,5 и 11,5 тыс. больше, чем в Алтайском крае и Томской области соответственно. Число осужденных к лишению свободы в Кузбассе превышает число осужденных в двух других субъектах вместе взятых. Однако в Алтайском крае на 10 и 5 лет лишения свободы были осуждены немногим более 13 тыс. чел. (половина из них пришлось на 1937–1938 гг.), что на 40% превышает число осужденных на эти сроки в Кузбассе и Томской области. Сложно говорить о каком-либо человеколюбии и либеральном отношении к арестованным со стороны «тройки» УНКВД по Алтайскому краю, но необходимо констатировать, что тысячи жителей были осуждены к лишению свободы, а не к расстрелу.

За первые три года после принятия УК РСФСР в редакции 1926 г. в Томской области было осуждено всего 69 чел. из 123 арестовывавшихся. К высшей мере наказания из них были приговорены только 5 чел., а к 10 годам концлагерей – 7, все в 1929 г., приговоры в отношении других были достаточно мягкими. Но начались коллективизация и раскулачивание – и, как следствие, резкий всплеск осужденных за «контрреволюцию» – 1 115 чел. за 1930–1932 гг. В 1933 г. – период борьбы с «бывшими» – арест 616 чел., большинство из которых обвинялось в причастности к так называемому «Белогвардейскому заговору» – «крупнейшей контрреволюционной организации, действовавшей на территории Запсибкрая, преследовавшей своей целью свержение Советской власти». К этому же году относилось «раскрытие» органами ОГПУ целого ряда крупных контрреволюционных организаций – старообрядческой контрреволюционной повстанческой организации «Сибирское братство», «Томского рабочего комитета» и др.

Подобная динамика роста арестов и осуждений была характерной для Алтайского края и Кемеровской области (табл. 28). Более высокие цифры по Алтаю объясняются спецификой региона – развитостью сельского хозяйства и наличием большего числа «крепких» хозяйств.

Таблица 28

**Число арестованных и осужденных на территории современных  
Алтайского края и Кемеровской области в 1927–1933 гг.**

Регион	1927–1929 гг.			1930–1932 гг.			1933 г.		
	Арестовано	Осуждено		Арестовано	Осуждено		Арестовано	Осуждено	
		ВМН	10 лет ИТЛ		ВМН	10 лет ИТЛ		ВМН	10 лет ИТЛ
Алтайский край	551	83	62	6 850	1 164	1 155	3 706	720	1 072
Кемеровская область	254	3	5	1 886	173	106	1 414	18	221

*Источник:* Подсчитано автором по результатам обработки баз данных на репрессированных жителей Алтайского края и Кемеровской области.

Таблица 29

**Число осужденных на территории современной Томской области  
в 1937–1938 гг. и вынесенные им приговоры**

Год	Месяц	Кол-во осужденных, чел.	Мера наказания						
			ВМН	15 лет	10 лет	8 лет	5 лет	Иные	Ссылка
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1937	Январь	18	–	–	–	–	17	–	1
	Февраль	29	4	–	4	–	5	16	–
	Март	27	5	–	–	–	10	12	–
	Апрель	66	32	–	15	4	10	5	–
	Май	7	–	–	–	–	3	2	2
	Июнь	17	6	–	3	–	5	3	–
	Июль	158	137	1	12	2	5	1	–
	Август	1 140	939	–	95	68	32	6	–
	Сентябрь	1 568	1 178	–	260	111	16	3	–
	Октябрь	1 765	1 280	–	316	141	21	7	–
	Ноябрь	1 492	760	–	644	78	7	2	–
Декабрь	2 451	2 267	1	151	22	8	3	–	
<b>Всего</b>		<b>8 738</b>	<b>6 608</b>	<b>2</b>	<b>1 500</b>	<b>426</b>	<b>139</b>	<b>60</b>	<b>3</b>
1938	Январь	660	606	–	30	6	8	10	–
	Февраль	477	462	–	11	–	2	2	–
	Март	837	792	2	13	16	3	11	–
	Апрель	949	920	–	23	–	4	1	1
	Май	28	9	–	10	1	5	3	–
	Июнь	88	66	6	15	–	–	1	–
	Июль	79	35	8	22	4	7	3	–
	Август	37	23	–	3	3	5	3	–
	Сентябрь	15	8	–	2	–	1	4	–
	Октябрь	613	492	6	44	29	23	17	2
	Ноябрь	101	65	–	10	3	17	6	–
	Декабрь	56	6	6	17	10	9	8	–
<b>Всего</b>		<b>3 940</b>	<b>3 484</b>	<b>28</b>	<b>200</b>	<b>72</b>	<b>84</b>	<b>69</b>	<b>3</b>
<b>Итого</b>		<b>12 678</b>	<b>10 092</b>	<b>30</b>	<b>1 700</b>	<b>498</b>	<b>223</b>	<b>129</b>	<b>6</b>

*Источник:* Подсчитано автором по результатам обработки базы данных на репрессированных жителей Томской области.

Убийство С. Кирова в 1934 г. было использовано И. Сталиным для развертывания кампании репрессий. И уже в 1935 г. число осужденных в Томской области на 126 чел. превысило показатели предыдущего года. А февральско-мартовский (1937 г.) Пленум ЦК ВКП(б) придал репрессиям вообще невиданное ускорение – начался период «Большого террора». Данные табл. 29 подтверждают эту тенденцию. Не успел Пленум ЦК ВКП(б) завершить свою работу, а в г. Томске уже осуждены 66 «врагов», 32 из которых были приговорены к расстрелу, еще 15 чел. – к 10, а четверо – к 8 годам ИТЛ. Последующее снижение числа осужденных было вызвано подготовкой к «массовой операции» – термины «подготовка» и «заготовка» (аресты. – В.У.) постоянно присутствовали в руководящих документах органов НКВД тех лет.

Важность решений февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) для всех ветвей органов исполнительной власти на местах подтверждается хотя бы тем, что на заседании крайкома ВКП(б) 16–18 марта разъяснения принятых решений ЦК Р. Эйхе давал на протяжении нескольких часов. Кроме того, материалы пленума активно изучались и в местных партийных организациях. В отдельных случаях заседания продолжались по несколько дней. Итогом всех собраний, совещаний и заседаний стало активное начало очередной кампании – по повышению бдительности, что привело к обширнейшему потоку всевозможных заявлений, обращений, решений, резолюций (от граждан, из учреждений и организаций, в том числе и общественных и т.п.), сигнализировавших о контрреволюционных вылазках «врагов» всех мастей. Заметную роль в организации и сопровождении кампании сыграла печать, так как газеты печатали все «разоблачительные» материалы, тем самым подогревая развертывание кампании. Не в эти ли годы зародился тезис о том, что СМИ – «четвертая власть»?

Действительно, краевая и местные газеты перепечатывали публикации из центральных газет и каждый номер содержал многочисленные статьи и заметки о вражеских проявлениях практически во всех сферах жизни общества, что способствовало нагнетанию истерии подозрительности. Так, в восьми номерах «Советской Сибири» публиковалась статья начальника УНКВД по Ленинградской области Л. Заковского «О некоторых методах и приемах иностранных разведорганов и их троцкистско-бухаринской агентуры». В газете «Красное знамя» – статья А. Вышинского «О некоторых методах иностранных разведок и их троцкистско-бухаринских агентов». В июле 1937 г. в «Советской Сибири» вышла статья «О некоторых приемах вербовочной работы иностранных разведок, в которой приводились примеры по Новосибирску, Прокопьевску и немецкому району<sup>1</sup>.

Практически в каждой газете были открыты рубрики «Письма читателей» и «Письма в редакцию», в которых публиковались письма с сигналами, часто

---

<sup>1</sup> Советская Сибирь. 1937. 18 июля. Кампания публикаций материалов о подрывной деятельности иностранных государств против СССР была активно развернута в центральной печати весной 1937 г. Так, 23 апреля в «Правде» вышла статья «Иностранный шпионаж на советском «Дальнем Востоке», 26 апреля в газете «Известия» – статья «Шпионы за работой», в «Комсомольской правде» в этот же день – «Агенты капитана Обара», 4 мая «Правда» печатает статью «О некоторых коварных приемах вербовочной работы иностранных разведок» (статья позднее выпустили брошюрой двумя тиражами в объеме 950 тыс. экземпляров), 21 июля – «Шпионский интернационал» и др. Суть всех публикаций сводилась к призыву о повышении бдительности.

анонимные. Некий нештатный корреспондент Проскураков неоднократно вскрывал происки врагов на Кузнецком металлургическом заводе, опубликовав заметки «Подрывная работа врага», «Прикрывают вредителей» и др.<sup>1</sup>

Публиковали газеты и «отклики» на эти материалы, сообщая о принятых мерах, чаще всего репрессивного характера. Большинство публикаций относилось к разоблачению руководителей разного уровня, а по жизни – к сведению личных счетов. Полагаю, что отдельные публикации преследовали цель отвести возможный удар от автора, обезопасить себя, но гарантии не давали.

Многочисленные публикации касались вскрытия контрреволюционных организаций и вылазок врагов в разных районах региона – «Вражеская работа в Курьинском райисполкоме» (3 публикации)<sup>2</sup>, по контрреволюционным организациям в Северном (Там же. 15 и 21 сент.) и Барабинском (26 и 29 нояб., 5 дек.) районах, «Вражеские дела в Беловском райисполкоме» (4 янв.1938 г.) и т.д. Все публикации касались руководителей этих районов, что привело к их «зачистке» органами УНКВД, начатой еще Р. Эйхе и завершенной его преемником И. Алексеевым. С санкции Эйхе и при его содействии были арестованы: председатель крайисполкома Ф.П. Грядинский и его заместители – Воронин и В.Ф. Тиунов, члены крайкома: зав. сельхозотделом крайкома ВКП(б) А.И. Колотилов, редактор газеты «Советская Сибирь» Г.Т. Тимофеев, зав. крайздравом М.Г. Тракман и др. При И. Алексееве аресту подверглись: председатель облисполкома С.А. Шварц, секретарь горкома ВКП(б) И.М. Миллер, десятки руководителей партийных и советских органов Новосибирской области.

По делу «право-троцкистского центра» в Томске были осуждены 145 чел., преимущественно руководителей, в том числе: И.Я. Внуков – председатель Чаинского РИКа, Г.Д. Юрков – председатель Шегарского РИКа, М.Ф. Малышев – секретарь Томского ГК ВКП(б), П.В. Мамотов – секретарь Тегульдетского РК ВКП(б), Т.К. Заикин – директор химзавода, Б.П. Токин – директор университета, и др.

На Алтае по этому делу были репрессированы: Д.А. Ефремов – первый секретарь Угловского РК ВКП(б), П.Ф. Ларин – председатель Угловского РИКа, П.А. Жоров – зав. райфо, М.Л. Пьянзин – зав. отделом Залесовского РИКа, и др.

В Кузбассе только в 1937 г. были арестованы более 20 секретарей горкомов и райкомов ВКП(б), 18 председателей гор- и райисполкомов, в том числе: К.В. Рыневич и Д.И. Блинкин – секретари Кемеровского ГК ВКП(б), А.А. Токарев – председатель Кемеровского горисполкома, Н.С. Лебедев – председатель Сталинского горисполкома, Г.Ф. Буксман – первый секретарь Тисульского РК ВКП(б), Я.Ф. Ксендзов – председатель Тисульского РИКа, и др.

В Новосибирской области, по неполным данным, были репрессированы 30 из 69 членов крайкома ВКП(б) – все избраны 6–8 июня 1937 г., в их числе все 9 членов бюро крайкома. Из 4 кандидатов в члены крайкома – 2, еще один застрелился после снятия с работы, а также 6 заведующих отделами. За 11 месяцев с июля 1937 г. в области были сняты с работы и разоблачены как «враги народа» 31 председатель райисполкомов и 15 их заместителей, 68 заведующих отделами,

<sup>1</sup> Советская Сибирь. 1937. 6, 23, 26, 30 июля.

<sup>2</sup> Там же. 17 авг., 11 и 16 окт.

почти все члены президиума крайисполкома, заведующие отделами и их заместители.

Свидетельством размаха репрессий среди партийных, советских и хозяйственных руководителей в Новосибирской области стали показания бывшего начальника УНКВД С.Н. Миронова. На допросе в январе 1939 г. он показал, что в апреле 1938 г. проездом из Монголии в Москву он встречался в Новосибирске с руководителями УНКВД И. Мальцевым и Г. Горбачем. В ходе разговора последний рассказал, что они арестовали по три состава районного и областного руководства, заметив, что, несмотря на это, отстали от современных темпов<sup>1</sup>.

Проникли «троцкистско-бухаринские шпионы и диверсанты» практически во все комсомольские организации региона и в их руководящие органы – в Сталинске, Томске, Бийске, Новосибирске, в Горной Шории и др. «Врагами» были названы: секретарь крайкома ВЛКСМ Н.Г. Пантюхов, зав. отделом руководящих комсомольских органов крайкома ВЛКСМ Мурашкин, члены бюро крайкома ВЛКСМ Шольский, Забелин, Аркуша, секретари Юргинского и Мариинского РК Мязин и Щербачков, Кемеровского ГК Любимов, Колпашевского и Кожевниковского РК Паршин и Борисов, врио секретаря Сталинского ГК Акимов и многие другие<sup>2</sup>.

Публикации в газете было достаточно для ареста человека, как это произошло с секретарем Томского ГК ВЛКСМ Р.Я. Спрингисом, которого в передовице «Советской Сибири» зачислили в троцкисты. Следом эту тему подхватила газета «Красное знамя». Кем и в связи с чем была инициирована публикация в «Советской Сибири», неизвестно. Бывший начальник томского горотдела НКВД И. Овчинников показал следующее: «...Печать центра подняла резкую кампанию против врагов народа. Краевая печать ей вторила. И я не могу не привести случая со Спрингисом. Он – секретарь ГК ВЛКСМ, член ГК ВКП(б), он возглавлял организацию ВЛКСМ в 7 000 человек, и вдруг в передовой газеты «Советская Сибирь» я читаю, что он враг народа, террорист и т.д., а Спрингис в это время работает. В какое, подумайте только, положение был поставлен я и ГО НКВД. **Краевая печать** утверждает, что Спрингис враг народа, а он возглавляет 7 000 комсомольцев, и **в ГО НКВД никаких на него материалов** (выделено мною. – В.У.)<sup>3</sup>.

В другом случае, когда Овчинникову предъявили обвинение в развале агентурной работы в период проведения «массовой операции», он заявил, что сотрудники горотдела НКВД не успевали разгрести многочисленные сигналы, поступавшие от граждан<sup>4</sup>.

Выход в июле 1937 г. приказа НКВД № 00447 привел к аресту и осуждению уже в августе более 1 100 чел. В последующие месяцы, в соответствии с поступавшими на места «контрольными цифрами», число арестованных только увеличивалось.

<sup>1</sup> Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... С. 156–157; Архив УФСБ РФ по Новосибирской области. Д. 977721. С. 172.

<sup>2</sup> Советская Сибирь. 1937. 10 авг.; 1938. 14 янв.; Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... С. 158.

<sup>3</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. 5621. Т. 8. Л. 37; Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... С. 150.

<sup>4</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. 5621. Т. 8. Л. 43.



Подготовка и последующее проведение «массовой операции» проходили в условиях беззакония в полном смысле этого слова. Органы прокуратуры повсеместно мгновенно превратились в «статистов», роль которых сводилась преимущественно к «утверждению», «согласованию» и «санкционированию» тех материалов и действий, которые готовили и проводили органы НКВД. Тем самым косвенно, а зачастую непосредственно прокурорские работники были включены в проведение массовых репрессий. Начальник УНКВД по ЗСК комиссар 3-го ранга госбезопасности С.Н. Миронов на оперативном совещании с начальниками оперпунктов, оперсекторов, ГО и РО УНКВД края в июле 1937 г. (накануне выхода приказа НКВД № 00447), инструктируя подчиненных, прямо заявил: «Постановление [на арест] с прокурором не согласовывается. Прокурору мы посылаем только списки арестованных... Списки на арестованных Вы даете прокурору **уже после операции** (выделено мною. – В.У.), ...кратко указываете в списке: уголовник или кулак, по какой статье привлекался и дату ареста. Это все, что вы указываете в списке, направляемом прокурору.

Сроки содержания арестованных в КПЗ ломаются. Сейчас можно будет содержать арестованных в КПЗ в течение 2<sup>1/2</sup> месяцев...»<sup>1</sup>.

При всей всеисильности наркома НКВД Н. Ежова в этот период трудно представить, что начало страшной «зачистки» страны от всех неугодных режиму лиц могло начаться без согласования на самом «верху». Период бесконтрольности органов НКВД до осени 1938 г. привел к огромному числу жертв, к гибели сотен тысяч человек самой активной и дееспособной части населения общества, что подтверждается многочисленными исследованиями, миллионам искалеченных судеб, насаждению атмосферы страха и подавления воли у значительной части населения, к восприятию происшедшего как должного и обыденного. И те, кто должен был стоять на страже закона, блюсти его, немо взирали на произвол и беззаконие, потакавая этому своим бездействием, вернувшись к своим обязанностям лишь после команды «Хозяина», когда цели «массовой операции» были достигнуты...

Активный этап операции завершился после состоявшихся в декабре 1937 г. выборов в Верховный Совет СССР, когда только в Томске были арестованы почти две с половиной тысячи человек, из которых 2 267 – расстреляны. Подтверждение этому находим в выдержке из письма начальника Особого отдела УГБ НКВД 78-й стр. дивизии П. Егорова И. Сталину, написанного в декабре 1938 г., в котором он, в частности, писал, что с октября 1937 г. стали регулярно поступать указания с категорическими требованиями по усилению операции. Судебная «тройка» должна была закончить свою работу 10 декабря, после чего ликвидироваться, но «неожиданно 10.12. в Томск приехал [И.] Мальцев (зам. начальника УНКВД по Новосибирской области. – В.У.) и на... совещании оперсостава выступил буквально с такими «указаниями»: **«Партия и правительство продлило срок работы «троек» до 1 января** (здесь и далее выделено мною. – В.У.). За два-три дня, что остались до выборов в Верховный Совет, вы должны провести подготовку к операции, а **13 декабря – после выборов в Верховный Совет**, начать

<sup>1</sup> Стенограмма оперативного совещания от 25 июля 1937 г. Из личного архива автора.

«заготовку». Даю вам три дня на «заготовку», а затем вы должны «нажать» и быстро закончить дела... **Возрастным составом я вас не ограничиваю – давайте стариков.** ...По РОВСу вы должны дать до 01.01.38 г. не менее 1100 человек, по полякам, латышам и др. не менее 600 человек в день, но в общей сложности, я уверен, что за эти дни вы «догоните» до 2 000 человек...»<sup>1</sup>.

В начале 1938 г. большое количество арестов и расстрелов было вызвано реализацией «линейных» приказов, издаваемых по аналогии с приказом № 00485, – арестами по «национальным контрреволюционным» организациям. Приговоры по нацконтингентам выносились на основе «альбомных списков, формируемых на местах и направляемых в Москву для рассмотрения (создание иллюзии «объективности рассмотрения»). К лету 1938 г. скопилось большое количество нерассмотренных «альбомов» на более чем 100 тыс чел. Другой проблемой было переполнение мест содержания арестованных на местах. Выше уже отмечалось, что переполнение в отдельных случаях было в десятки раз от возможного.

В связи с создавшейся ситуацией 15 сентября 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о создании «особых троек» для рассмотрения и вынесения приговоров по нерассмотренным делам по «нацконтингентам». В отличие от приказа № 00447 их состав не подлежал утверждению в Политбюро. Выносимые ими решения (на всех арестованных до 1 августа 1938 г.) утверждения в Москве не требовали, приговоры приводились в исполнение немедленно. Время действия «троек» ограничивалось двумя месяцами – до 15 ноября 1938 года<sup>2</sup>.

Этим и объясняется «всплеск» активности органов НКВД в октябре 1938 г. Были пересмотрены дела в отношении почти 108 тыс. человек. Велась «зачистка» накануне выхода Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». Поверить, что руководство НКВД не знало о подготовке этого постановления, нельзя. Органы НКВД просто поспешили «разгрести свои запасы» и избавиться от большого числа нежелательных свидетелей.

Соответствовали изменению числа арестов и выносимые приговоры (см. табл. 25–29). Полагаю возможным рассмотреть и данные по применению высшей меры наказания – расстрела – (табл. 30) в отдельные «значимые» периоды рассматриваемого временного отрезка, связанные с первыми годами советской власти после освобождения Западной Сибири от колчаковщины, коллективизацией и годами «Большого террора». Полные данные о применении высшей меры наказания – расстрела – в Алтайском крае и Томской области приведены в табл. 31.

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-5046. Т. 2. С. 165, 170–171; Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... С. 98–99. В апреле 1938 г. И. Мальцев вновь приезжал в Томск, где на совещании обвинил оперсостав в нежелании бороться с контрреволюцией, ссылаясь на малое количество арестованных. На реплику кого-то из сотрудников, что компроматериалов нет и арестовывать некого, он с возмущением ответил, что в Томске насчитывается 500–600 чел., исключенных из рядов ВКП(б), и приказал составить списки на этих лиц. Когда списки были составлены, то по ним были оформлены стандартные справки на арест, и люди арестовывались как участники право-троцкистской организации. (Из показаний бывшего сотрудника Томского горотдела НКВД Г.И. Горбенко на допросе 31 марта 1939 г. См.: Архив УФСБ РФ по Новосибирской области. Д. 977721. С. 173). Данный пример можно рассматривать как очередную «контрольную цифру».

<sup>2</sup>

Таблица 30

## Изменение динамики репрессий и применения высшей меры наказания – расстрела

Регион	1920–1921 гг.		1930–1931 гг.		1937–1938 гг.	
	Осуждено	Расстреляно чел. / %	Осуждено	Расстреляно чел. / %	Осуждено	Расстреляно чел. / %
Алтайский край	781	181 / 23,2	6 104	1 161 / 19,0	20 700	11 235 / 54,3
Кемеровская область	1 022	45 / 4,4	1 580	170 / 10,76	28 943	20 963 / 72,4
Томская область	989	261 / 26,4	921	310 / 33,66	12 678	10 092 / 79,6
Всего	2 792	487 / 17,44	8 605	1 641 / 19,07	62 321	42 290 / 67,85

Источник: Подсчитано автором по результатам обработки сведений, содержащихся в базах данных на репрессированных жителей названных регионов.

Таблица 31

Число жителей современных Томской области и Алтайского края, арестованных по политическим мотивам и расстрелянных в период 1919 – 1-е полугодие 1941 г.<sup>1</sup>

Год	Томская область		Алтайский край	
	Арестовано	Расстреляно	Арестовано	Расстреляно
1919	10	–	13	–
1920	1 099	230	398	128
1921	289	34	363	53
1922	60	1	61	–
1923	16	–	4	–
1924	7	–	17	–
1925	22	1	4	–
1926	1	2	17	–
1927	27	–	39	2
1928	31	1	130	–
1929	65	12	676	81
1930	627	283	3 175	762
<b>Всего</b>	<b>2 254</b>	<b>564</b>	<b>4 897</b>	<b>1 026</b>
1931	613	20	2 679	399
1932	395	15	1 078	3
1933	656	4	3 286	720
1934	222	27	560	59
1935	377	4	516	26
1936	382	74	385	2
1937	9 492	7 252	13 210	6 349
1938	3 304	2 758	7 824	4 886
1939	97	4	221	12
1940	191	7	383	1
Январь–июнь 1941	112	6	446	50
<b>Всего</b>	<b>15 841</b>	<b>10 171</b>	<b>30 588</b>	<b>12 507</b>
<b>Итого</b>	<b>18 095</b>	<b>10 735</b>	<b>35 485</b>	<b>13 533</b>

<sup>1</sup> Таблица составлена на основе автоматизированных баз данных «Учет граждан, осужденных по политическим мотивам» Управления архивного дела Алтайского края и репрессированных жителей Томской области. К сожалению, эти базы данных продолжают оставаться в числе немногих, так как работа по их созданию не организована в большинстве регионов Сибири, как и в стране в целом. Данные по Алтайскому краю не совсем корректны по причине имевшего место сбой программы. Косвенные данные позволяют сделать вывод, что число репрессированных по политическим мотивам в соседних регионах не превышало приведенных в таблице. Так, в Омском исправительном доме на 15 сентября 1925 г. содержалось всего 18 осужденных за контрреволюционные и другие государственные преступления (из 845 заключенных, т.е. менее 2% от общего числа). См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 59. Л. 17. Протокол междуведомственного совещания по борьбе с преступностью при Омском губпрокуратуре 15 сентября 1925 г.

После массовых расстрелов в 1937–1938 гг. – «падение показателей» до единичных приговоров. Наступило «прозрение», что уничтожается наиболее трудоспособная часть населения, что в условиях надвигавшейся войны было нерациональным, ведь рабочие руки были крайне необходимы.

Приведенные данные не позволяют аркажать всю полноту картины беззакония, но наглядно демонстрируют активизацию политики репрессий и ужесточение системы наказания по мере удаления от истоков рассматриваемого периода. Для более четкого понимания творившегося беспредела приведу несколько примеров:

– по делу председателя колхоза «Эдазе» Мошковского района Новосибирской области К.Д. Пелло и др., всего 43 чел., расстреляно 36, остальные получили срок по 10 лет ИТЛ;

– по делу на группу рабочих, служащих и колхозников Колыванского и Новосибирского районов той же области были арестованы 58 чел., 54 из них расстреляны, 4 заключены в лагерь;

– по делу на бывшего инспектора бюджета Новосибирского финотдела Т.Я. Дьячкова было арестовано 44 чел., из которых 40 расстреляно;

– по делу на Н.Л. Попова и др. было арестовано 48 чел., из которых 46 расстреляно;

– по делу на бывшего секретаря Алейского райкома ВКП(б) Г.Я. Бедейца и др. были арестованы 21 чел., 19 из них осуждены к расстрелу;

– по делу бухгалтера маслозавода И.Г. Ленартовича и др. были арестованы 110 чел., все расстреляны, и т.д.

Эти примеры взяты из обвинительного заключения на бывшего начальника одного из отделов УНКВД по Новосибирской области Ф.Н. Иванова. Всего же следствие доказало его сопричастность к «разоблачению» более 40 «контрреволюционных» организаций и осуждению более 1 200 чел., 1 110 из которых были расстреляны.

Прокурор Новосибирской области А.В. Захаров в докладной записке в обком ВКП(б) и Прокурору СССР в июне 1940 г. сообщал об обнаружении «нескольких десятков искусственно созданных дел по Кемерово, Новосибирску, Мошковскому, Чистоозерному, Куйбышевскому, Ленинскому, Ояшинскому и др. городам и районам», приведя примеры по:

– созданию в Мошковском районе дела на 30 чел. – участников эстонской фашистско-националистической контрреволюционной организации, 24 из которых были расстреляны;

– делу на 60 латышей в г. Новосибирске – участников латышской диверсионной организации, 58 расстреляны;

– делу на 43 «диверсантов» в Ояшинском районе, все расстреляны, и др.<sup>1</sup> По этим делам уже «отличились» непосредственные подчиненные Иванова.

Л.И. Фойгт, рассказывая о репрессиях в Кузбассе, приводит примеры только за первое полугодие и только по одному г. Сталинску (ныне г. Новокузнецк)

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 259. Л. 33–37.

о 9 групповых делах<sup>1</sup>. О групповых делах на Алтае рассказал Г.Н. Безруков<sup>2</sup>. О целом ряде «организаций» рассказано автором в монографии и Книге Памяти репрессированных томичей<sup>3</sup>. Изучение материалов дел на эти «контрреволюционные организации» вызывает недоумение – если было столько врагов, то куда смотрели соответствующие органы на протяжении двух десятков лет, позволяя «врагам» безнаказанно мешать строить «светлое будущее». Вне всякого сомнения, «наверху» знали об этих липовых контрреволюционных организациях, так как принципы социализма – учет и контроль – реализовывались в СССР в полной мере. Никто из партийно-советского руководства страной не пытался предпринять хотя бы минимальных шагов по прекращению беспредела. Они сами регулярно заявляли о «врагах» и их происках, призывали население страны к повышению бдительности и борьбе с этими «врагами». А знакомясь с отчетами НКВД о проделанной работе по выкорчевыванию «врагов», они видели перед собой не живых людей, а только «сухие цифры» либо немые перечни фамилий.

Ужесточение карательной политики выражалось не только в применении высшей меры наказания – расстрела, но и в увеличении сроков наказания. Осуждение на различные сроки лишения свободы также претерпело значительные изменения. Анализ этого процесса можно рассмотреть на примере данных табл. 32.

Так, в начале 1920-х гг. чаще всего выносились приговоры к лишению свободы на срок 5 лет – в 1920–1921 гг. таковых было 407 случаев, что составило 14,57% от числа осужденных. К 1931 г. этот процент несколько увеличился – до 18,58% от общего числа приговоров за период 1920–1930 гг., т.е. эта мера наказания продолжала оставаться наиболее часто применяемой при определении сроков наказания. Но следует заметить, что после вступления в действие УК РСФСР (1926 г.) в период с 1927 по 1929 г. пятилетний срок за «контрреволюционную деятельность» получили только 106 жителей названных регионов.

В 1929 г. на 10 лет ИТЛ (это был предельный срок лишения свободы. – В.У.) были осуждены 70 чел., а в 1930 г. этот срок получили уже 711 чел.

Начиная с 1930-х гг. все чаще выносились приговоры со сроками на 7, 8 и 10 лет лишения свободы, а пятилетний срок в 1930-х гг. был вынесен в 5 509 случаях (6,88% от числа осужденных)<sup>4</sup>.

В 1937–1938 гг. эта мера наказания была применена только в отношении 1 507 (2,42%), в то время как к 10 годам лишения свободы были приговорены

<sup>1</sup> Фойгт Л.И. Сталинск в годы репрессий. Воспоминания. Письма. Документы. Новокузнецк, 1995. Вып. 2. С. 8.

<sup>2</sup> Безруков Г.Н. История политических репрессий в Алтайском крае... С. 53–322.

<sup>3</sup> Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было...; Боль людская... 2-е изд. Т. 2.

<sup>4</sup> Необходимо также учитывать, что в рассматриваемый период политический подтекст в СССР часто присутствовал и при осуждении за преступления иного характера. Принятие в августе 1932 г. Указа о борьбе с расхитителями государственной собственности было направлено, в первую очередь, против крестьянства, которое советское государство приучало к новому укладу жизни. «Закон о колосках» предполагал первоначально всего две меры наказания – 10 лет лишения свободы для «трудолюбивых единоличников и колхозников» и ВМН – расстрел – для остальных. Только за первые четыре месяца применения этого закона в Западной Сибири были осуждены 13 237 чел., 85% из которых составляли представители крестьянства различных категорий. Преимущественной мерой наказания было вынесение наказания на 10 лет лишения свободы. См.: Папков С.А. Обыкновенный террор... С. 78–79.

## Изменение сроков лишения свободы в 1920–1941 гг.

Годы	Алтайский край					Кемеровская область					Томская область				
	Осуждено	5 лет ИТЛ	10 лет ИТЛ	Ссылка	Условное осуждение	Осуждено	5 лет ИТЛ	10 лет ИТЛ	Ссылка	Условное осуждение	Осуждено	5 лет ИТЛ	10 лет ИТЛ	Ссылка	Условное осуждение
1920–1921	781	58/7,42*	6/0,76	1	196/25,1	1 022	60/5,87	–	–	24/2,35	989	289/29,2	8/0,8	2	59/5,7
1922–1930	3 387	853/25,18	649/19,16	444/13,1	91/2,68	1 031	103/10,0	73/7,1	17/1,65	32/3,1	683	104/15,2	69/10,1	59/8,64	31/4,54
1937–1938	20700	1 030/4,98	5 469/26,42	–	–	28 943	254/0,88	2 467/8,52	89/0,3	10	12 678	223/1,76	1700/13,4	6	1
1931–1941	32444	3 773/11,62	7 823/24,1	436/1,34	294/0,9	34 990	946/2,7	3 151/9,0	208/0,6	133/0,38	14 954	898/6,0	2 245/15,0	196/1,31	180/1,2
Всего	36612	4 684	8 478	881	581	37 043	1 109	3 224	225	189	16 626	1 291	2 322	257	270

\* Здесь и далее в числителе указано количество человек, в знаменателе – проценты.

Источник: Подсчитано автором по результатам обработки сведений, содержащихся в базах данных на репрессированных жителей названных регионов.

уже 9 636 чел. (15,46%). В отдельных случаях в приговорах определялись сроки 8, 10, 12, 15 и даже 25 лет лишения свободы.

Ссылка как мера наказания широко применялась в начале 1930-х гг., например, за 1931–1935 гг. к ссылке были приговорены 706 чел. (5% осужденных). И это было закономерным и естественным явлением по меркам государства – шел процесс «перевоспитания» крестьянства путем привлечения их для освоения новых земель и территорий. Но необходимо учитывать, что речь идет только об **осужденных** к ссылке. В 1937–1938 гг. ссылка была почти полностью исключена «из оборота» при вынесении приговоров такая мера наказания была определена всего 95 осужденным (0,12%), что, видимо, следует считать исключением, причины которого ясны – «контрреволюцию» уничтожали более радикальными методами и приемами.

В начале 1920-х и в первой половине 1930-х гг. очень часто приговоры предусматривали условную меру наказания. Таких в 1920–1921 гг. оказалось 279 чел., или каждый десятый осужденный. В 1930–1931 гг. «условников» было 408 (5,74%), а в 1937–1938 гг. – всего 11 чел., при том, что на Алтае не было вынесено ни одного приговора, предусматривавшего условную меру наказания.

С одной стороны, условное осуждение можно рассматривать в качестве элемента гуманного отношения к осужденному, но с другой – в 1930-х гг. условное осуждение в большинстве случаев имело формулировку «на... лет ИТЛ условно со **ссылкой** на Север», что на практике часто имело негативные последствия для осужденного и членов его семьи, так как ссылка предполагала разрушение устоявшегося жизненного уклада семьи осужденного, упадок его хозяйства и многочисленные испытания в тяжелейших условиях среди болот и тайги.

Освобождение из-под стражи также имело место. Например, в Томской области в 1920–1921 гг. из-под стражи по результатам ведения следствия были освобождены 345 чел. (34,9%), в 1930–1931 гг. – 308 (33,45%), в 1937–1938 гг. – только 61 чел. (0,48%). Освобождение в эти годы было возможно только в случаях, если дело рассматривалось судебными органами, либо в процессе следствия, внесудебные органы такие решения практически не выносили. В отдельных случаях освобождению предшествовало решение о зачете в наказание срока предварительного заключения. Скорее всего, эту форму освобождения можно рассматривать как некую уловку «судей» по сокрытию фактов незаконного лишения свободы.

С учетом изложенного можно предположить, что подобная практика вынесения приговоров была характерной для абсолютного большинства территориальных органов ВЧК–ОГПУ–НКВД, в том числе и дислоцированных на территории Западной Сибири. В течение всего рассматриваемого периода в практике деятельности названных органов активно использовалась форма направления на места обзоров по результатам оперативно-служебной деятельности чекистских органов и регулярное проведение служебных совещаний, когда вопросы следственной работы рассматривались с обменом «положительным» опытом и выдачей конкретных рекомендаций.

В конце 1930-х гг. ужесточение политики в отношении заключенных проявилось в окончательном отходе от прогрессивной системы исполнения наказаний.

Временной инструкцией по режиму содержания заключенных в ИТЛ, утвержденной приказом НКВД СССР от 2 августа 1939 г., отменялись все ранее изданные нормативные документы, касавшиеся мер поощрения, применяемых к заключенным. Одновременно приказом № 001167 от 2 октября этого же года, утвердившим Положение о следственных изоляторах ИТЛ, к следственно-арестованным за нарушение режима разрешалось применять меры наказания, заметно отличавшиеся в сторону ужесточения от ранее действовавших и закрепленных в Исправительно-трудовом кодексе 1933 г., упрощался и порядок их наложения.

Что касается условно-досрочного освобождения, то в соответствии с Указами ПВС СССР от 15 и 20 июня 1939 г. НКЮ страны (приказ № 16/27/с от 21 июня 1939 г.) было предложено органам суда и прокуратуры прекратить рассмотрение дел на условно-досрочное освобождение (УДО) заключенных из лагерей, лиц, отбывавших наказание в тюрьмах и ИТК НКВД, отменялись и зачеты рабочих дней. Однако с целью недопущения каких-либо протестных акций со стороны заключенных, осужденных за «политику», их производственные показатели вносились в карты зачета рабочих дней, но начисление зачетов не производилось. Приказ НКВД № 0168 от 15 июня 1939 г. «О прекращении практики зачетов рабочих дней и условно-досрочного освобождения» вызвал активное сопротивление со стороны части агрессивно настроенных заключенных, что выразилось в увеличении числа побегов, саботаже на производстве и организации эксцессов и неподчинении администрации. С целью подавления возникшего сопротивления администрации на местах в соответствии с циркуляром 3-го отдела ГУЛАГа № 148 от 31 июля 1939 г. устанавливался 10-дневный срок по выявлению зачинщиков протестных акций и побегов, их аресту и преданию суду<sup>1</sup>.

Установленный Указом порядок об УДО был направлен на то, «чтобы осужденный к лишению свободы полностью отбыл назначенный ему по приговору срок наказания». Исключение допускалось только для «отдельных заключенных – отличников производства, дающих за длительное время пребывания в местах лишения свободы высокие показатели труда», но их УДО допускалось только по решению Коллегии НКВД СССР или Особого совещания при НКВД СССР, что однозначно не предполагало массового характера по УДО заключенным<sup>2</sup>. Инициатором этой меры ужесточения режима выступил непосредственно И. Сталин.

Ужесточение репрессивной политики во второй половине 1930-х гг. коснулось и спецпереселенцев. В 1935–1936 гг. были осуждены 6 530 поселенцев, в том числе из Новосибирской и Омской областей 1 589 (24,3%), в 1937–1938 гг. число осужденных составило 41 215 чел., из них на Новосибирскую, Омскую области и Алтайский край пришлось 5 809 трудпоселенцев (14,1%). В 1939–1940 гг. осуждению подверглись 5 467 трудпоселенцев<sup>3</sup>.

В ГАТО в фонде «Прокурор Томского округа» выявлен очень интересный и важный документ – список заключенных Томской закрытой колонии с домом

<sup>1</sup> Кузьмин С.И. Указ. соч. С. 31–32.

<sup>2</sup> ГАТО. Ф. Р-597. Оп. 4. Д. 7. Л. 32.

<sup>3</sup> Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 58–59.



заклучения, осужденных и расстрелянных в г. Томске **только в марте–апреле 1930 г.** В списке 329 фамилий жителей Томска и округа, 87 из которых были обвинены по ст. 58 УК РСФСР. Большею частью остальных было инкриминировано совершение преступления по ст. 59 УК («Преступления против порядка управления»), где п. 2 («массовые беспорядки..., сопряженные с явным неповиновением законным требованиям властей или с противодействием исполнению последними возложенных на них обязанностей») и п. 3 («...организация вооруженных банд и участие в них...») были наиболее часто применяемыми<sup>1</sup>. Неужели столько бандитов-уголовников было арестовано? Конечно же, нет. Начавшееся наступление государства на крестьянство вызвало ответную реакцию в форме активного сопротивления вплоть до вооруженных выступлений. По этой причине Совнарком РСФСР в ноябре 1929 г. в очередной раз объявил Сибирь «неблагополучной по бандитизму», что позволило партийно-советским и правоохранительным органам Сибири активно применить чрезвычайные меры по подавлению крестьянского сопротивления. Несмотря на политическую направленность сопротивления, задержанным участникам часто предъявлялось обвинение в бандитизме, т.е. в преступлении уголовного порядка.

Там же обнаружен документ, датированный 5 октября 1930 г. и содержащий информацию о заключенных, обвиняемых по 58-й статье УК. В списке 61 чел. – 16 из них значились за Томским окротделом ОГПУ, а остальные – за ПП ОГПУ по Сибкраю<sup>2</sup>. Основная часть этих «контрреволюционеров» опять-таки имела прямое отношение к крестьянству. Интересна лишь одна деталь – 45 чел. из числа заключенных значились за ПП ОГПУ по Сибкраю, что, в принципе, было повседневной практикой – «курировавшие» проведение коллективизации в стране органы ОГПУ, особенно вышестоящие, должны были подчеркивать важность дел и сложность оперативной обстановки, непосредственно участвуя в «борьбе» с «врагами народа».

Еще одним примером ужесточения политики репрессий стало не имевшее аналогов в мировой практике решение руководителей Советского государства (1929 г.) о том, что несовершеннолетние преступники должны были отбывать наказание на общих основаниях со взрослыми, а Постановлением СНК СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних» уголовная ответственность за совершение отдельных видов уголовных преступлений устанавливалась с 12 лет. На «малолеток» распространялись все меры репрессий (ссылка, высылка, исправительные работы, поражение в правах и т.п.) вплоть до применения смертной казни.

Интересно свидетельство Ю. Мухина, который пишет, что накануне принятия ВЦИК и СНК СССР названного постановления на Украине прошло совещание прокурорских работников по этому вопросу. Генеральный прокурор Украинской ССР А.С. Киселев, открывая совещание, сказал: «Нам

<sup>1</sup> Из истории земли томской. 1930–1933... С. 298–303.

<sup>2</sup> Там же. С. 321–325.

нужно знать мнение педагогов, людей, непосредственно касающихся детей, о том, кого мы будем предавать суду: несовершеннолетних, совершивших то или другое преступление (насилие, убийство, грабеж), в возрасте от 12 лет или в возрасте 16–17 лет. Мы не останавливаемся даже перед расстрелом, даже в том случае, если бы в Москве нам это не утвердили, мы приложим все усилия, но мы добьемся этого в Москве (зачеркнуто в протоколе. – Ю.М.).

Ему возражала прокурор Яновская: «Неверно, если мы будем требовать применения высшей меры наказания к детям. Если мы стреляем взрослых, мы применяем такую меру наказания в отношении тех, которые не дают надежду к исправлению – к классовому врагу и т.д. Правонарушителя-мальчишку, помещенного на длительный период [в] дом заключения – можно исправить. Применять же тут высшую меру наказания – нецелесообразно...».

Однако, подводя итог совещания, Киселев попрекнул Яновскую: «...Тут некоторые товарищи либерально отнеслись к некоторым вопросам. Мы либеральничать не можем. Будем стрелять, если 16-летний мальчишка увязывает свой бандитизм с государственным преступлением. Будем стрелять, не постесняемся, не постесняемся и опубликовать...»<sup>1</sup>.

Вывод Киселева следует рассматривать как четкую позицию, сформированную свыше, проводником которой он просто являлся. В ином случае признание преступником подростка с отрицанием возможности его перевоспитания в принципе – верх цинизма, полного безразличия к судьбе этого подростка либо пример конформизма и угодничества перед «всесильными вождями».

Наличие такого количества врагов требовало соответствующих доказательств проведения ими враждебной деятельности. И такие доказательства регулярно предоставлялись населению страны через отработанную систему политических и показательных судебных процессов, через принятие законов и подзаконных актов, публикацию в центральной печати и тиражирование в региональных и местных печатных органах материалов о подрывной деятельности внешних и внутренних врагов Советского государства, радио, многочисленные приказы, указания, обзоры и циркуляры, часто с ограничительными грифами, поступавшие в партийно-советские, правоохранительные, военные и иные органы власти и управления, через систему общественных организаций, часто выполнявших по указке «сверху» функции обличителей и обвинителей, и т.д. Но абсолютное большинство жителей страны не могло представить и малой толики (за исключением посвященных либо испытавших на себе) того произвола, который допускался с молчаливого согласия и благословения со стороны руководства страны при получении этих «доказательств».

А произвол этот был представлен обширнейшим арсеналом средств. Для арестованных – прямое физическое воздействие на них, многочасовые «выстойки», «конвейерная» система допросов, когда следователи по очереди сменяли друг друга, продолжая беспрерывно допросы без сна и воды по несколько суток (за-

---

<sup>1</sup> Мухин Ю.А. Указ. соч. С. 196–197.

местителя начальника Особого отдела Сибирского военного округа капитана госбезопасности П.Ф. Коломийца допрашивали в течение 52 суток, его жену, кстати, врача санчасти Управления НКВД, – 13 суток), создание невыносимых условий для арестованных в чрезмерно переполненных камерах, где продолжалась их «внутрикамерная» обработка через агентуру по склонению к признанию своей вины, неоказание необходимой медицинской помощи, психологическое давление, угрозы и шантаж (иногда реализуемые на практике) по аресту и возможным попыткам ближайших родственников и многое другое.

Для сотрудников – право на все вышеназванное, а также – на фантазию и оперативную смекалку по созданию вымышленных контрреволюционных (шпионских, диверсионных, террористических, националистических, повстанческих и иных) организаций, на прямую фальсификацию всех следственных материалов – от справки на арест, протоколов допросов как обвиняемого, так и «свидетелей» по делу (часто такие протоколы полностью готовились самими сотрудниками (в отдельных случаях еще за несколько дней до ареста человека), требовалось только получить подписи под ними, но и здесь имели место многочисленные примеры подделки ими этих подписей) до вынесения обвинительного заключения, на аресты без санкций и даже совершенно посторонних лиц (как это было с Л. Вагул, которую забрали вместо тяжелобольной дочери) или если вдруг не оказывалось нужного объекта, на набор материалов только обвинительного характера, на недопущение обвиняемых к ознакомлению с материалами следствия и обвинительным заключением и др. Но главное – быть отмеченным (награжденным, повышенным в должности, звании) за достигнутые успехи в соревновании по поиску и выкорчевыванию врагов народа.

Вышеназванное, но более конкретно, с многочисленными примерами (перечень далеко не полон, так как какие-либо иные «особенности» действия репрессивной машины были присущи многим подразделениям органов госбезопасности, особенно в годы «Большого террора»), содержится в многостраничном обвинительном заключении по материалам расследования в отношении бывших сотрудников 3-го отдела УГБ УНКВД по Новосибирской области.

Резкий рост репрессий на пороге третьего десятилетия XX в. объясняется вступлением в решающую фазу борьбы государства с трудовым крестьянством, когда ломался хребет «старого» сельского хозяйства, шло приучение крестьянства к новым условиям их жизни, а точнее, выживания, учитывая, что крестьянам и их семьям предстояло испытать в ближайшие годы – холод, голод, развал хозяйства и разрушение семей.

Необходимо также отметить, что в конце 1920-х гг. в стране стало развиваться и набирать обороты так называемое «кампанейское правосудие». Суть его сводилась к тому, что работников суда и прокуратуры практически в приказном порядке вышестоящие инстанции, а часто и партийные органы на местах заставляли рассматривать дела и выносить приговоры в соответствии с теми кампаниями (читай – политическими целями и задачами), которые объявлялись в стране и на местах, будь то весенние или осенние полевые работы, хлебозаготовки или

лесозаготовки, борьба с хулиганством или самогоноварением либо что-то иное. При этом они вынуждены были отказываться от многих процессуальных норм. Уголовное наказание стало основным в развернувшейся борьбе, в частности за перестройку сельского хозяйства, за коллективизацию. Работники суда недели и месяцы проводили в командировках в выездных бригадах, рассматривавших дела в упрощенном порядке (за один-три дня), исходя не из норм закона, а из политической целесообразности и необходимости. Прокуроры только успевали издавать циркуляры и приказы о порядке и сроках рассмотрения дел и принятии мер, способствующих «правильной их трактовке и применению». Все эти документы имели строгую политическую направленность поиска и борьбы с врагами.

Примером такой кампании являются события, связанные с организацией процессов «над кулаками, задерживающими в целях спекуляции имеющиеся у них излишки хлеба». Так, томская окружная «тройка» в соответствии с циркулярами крайпрокуратуры, крайсуда и ПП ОГПУ по Сибкраю на заседании 3 февраля 1928 г. постановила провести по округу 70 процессов по ст. 107 УК РСФСР над названными выше кулаками. Между районами это количество было разверстано следующим образом: Болотнинский район – 10 чел., Вороновский – 7, Богородский, Мариинский и Мало-Песчанский – по 6, Зырянский, Ижморский и Ишимский – по 5, Верх-Чулымский – 4, Поломошинский, Юргинский, Ново-Кусковский и Троицкий – по 3, Зачулымский и по Анжерскому в районе ст. Яя – по 2. В это число вошли 22 чел., ордера на арест которых были выписаны окружным прокурором ранее.

Особенность этого решения заключалась в изменении механизма реализации. Если раньше аресты и следствие производили сотрудники ОГПУ, то теперь они должны были выявлять кулаков как скупающих или задерживающих в целях спекуляции хлеб, заводить на каждое выявленное лицо меморандум, куда следовало **включать проверенные негласным путём** (выделено мною. – В.У.) сведения об этих кулаках, а также указывать свидетелей. Затем меморандум передавался участковому прокурору, который, в свою очередь, согласовывал с секретарем райкома РКП(б) список лиц, подлежащих аресту и суду. Превышать показатели разверстки не разрешалось. После согласования списков прокурор выписывал ордер на арест определенного лица и на имеющийся у того запас хлеба. Аресты производили сотрудники милиции, процедурой ареста руководил лично прокурор. Следствие должно было завершаться «в суточный срок с момента ареста. Ни при каких обстоятельствах расследование не может быть затянуто». Арестованному от имени народного суда объявлялось под расписку об его привлечении к суду по ст. 107 УК РСФСР, через трое суток дело рассматривалось Выездной сессией (их было создано четыре), одна на несколько районов. Рассмотрение всех дел должно было быть завершено до 15 февраля, т.е. за неделю (с учетом даты подписания этой директивы). Отдельным прокурорам на исполнение давалось всего два дня. Дела надлежало рассматривать в тех селах, где проживали арестованные, на злостных кулаков – рассматривать в показательном порядке «всякий раз по особому решению местного райкома РКП(б)». Меморан-

думы ОГПУ в следственные дела не вкладывались, а по миновании надобности возвращались уполномоченному ОГПУ<sup>1</sup>.

Пример этой кампании, как, впрочем, и большинства других, демонстрирует наличие системы и отработанного механизма по реализации и достижению конкретных результатов. Несмотря на многозвенность её исполнителей, наличествовала четко отработанная система учета, контроля и ответственности, чаще всего персональной. Но главное заключалось в том, что эти кампании – прямое свидетельство наличия организующей и направляющей роли коммунистической партии при их проведении. Во главе пирамиды из правоохранительных органов, действовавших по указаниям своих вышестоящих структур, «стоял» партийный секретарь, в данном случае райкома РКП(б), с которым все должно было согласовываться, и именно он принимал окончательное решение. Кроме того, при наличии фактора соподчиненности вступал в силу фактор «круговой поруки»<sup>2</sup>.

Вне всякого сомнения, подобные примеры можно было привести по любому другому региону страны. Единая система не могла действовать как-либо по-иному. Командно-административная машина не могла позволить появление (или проявление) каких-либо сбоев в своей работе.

Когда в 1928 г. в стране развернулась кампания самокритики, направленная на вскрытие «узких мест» и проблем, «мешающих и тормозящих» процесс социалистического строительства в стране, газеты не успевали публиковать корреспонденции рабселькоров с мест с информацией о всевозможных недостатках. Причем многие из этих заметок носили анонимный характер, чтобы не допустить сведения счетов с их авторами. Правда, случаи «расконспирации» периодически происходили, что приводило в отдельных случаях к физическим расправам и даже убийствам рабселькоров.

В этих условиях государство встало на защиту этих активистов-общественников. Так, летом 1928 г. краевой прокурор И.Д. Кунов обратился с циркулярным письмом к целому ряду органов и учреждений, в котором требовал организации защиты рабселькоров от преследователей и репрессий, возможных в связи с осуществлением задачи самокритики. Объявленные в циркуляре меры наказания и их пределы подчас были выше, чем за целый ряд особо тяжких преступлений. Причина такой жесткости наказания крылась в политической направ-

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 191. Л. 4–6.

<sup>2</sup> Достаточно подробно «кампанейское правосудие» рассмотрено у английского исследователя П. Соломона. В качестве иллюстрации приведу пример из его работы: «Судебно-прокурорские работники Центрально-Черноземной области оставили следующий отчет о своей деятельности в ходе кампании коллективизации. За период с 1 января по 15 марта 1930 года, определяемый как «весенняя посевная кампания», 53 бригады работников юстиции совершили 347 выездов на село. Было проведено 253 собрания, по итогам которых составлено 1 158 отчетов. 51 человек был осужден по обвинению в терроризме, 117 – за контрреволюционную агитацию, 1 544 – за убой скота, 2 115 – за невыполнение плана посевной, 753 должностных лица – за халатность или злоупотребление властью. Осенью, во время уборочной страды, судебные и прокурорские работники провели на селе 8 409 человеко-дней. За невыполнение заданий были осуждены 7 347 крестьян, 1 414 – получили срок за спекуляцию или за сокрытие зерна, 3 066 должностных лиц – за халатность или злоупотребление властью». См.: Соломон П. Указ. соч. С. 86.

ленности оценки преступления. За убийство рабселькора предполагалось наказание вплоть до высшей меры наказания, за **незаконные аресты и задержания** (здесь и далее выделено мною. – В.У.) – до 10 лет лишения свободы, за **разглашение данных** на рабселькора – лишение свободы на срок от 6 месяцев до 10 лет, за угрозы – до 3 лет. Все преступления данного характера брались на непосредственный контроль краевого прокурора<sup>1</sup>.

Как и следовало ожидать, циркуляр был принят к руководству и исполнению незамедлительно, тем более, что повод представился очень быстро. В августе 1928 г. в с. Яр Коларовского района Томского округа был убит общественник-селькор член ВКП(б) Николай Струк, когда поймал на выгонке самогона чету Пырсыковых<sup>2</sup>. Следствие было проведено в сжатые сроки, и уже в ноябре Сибкрайсуд рассмотрел дело и вынес приговор – по ст. 58-8 («Террористическая деятельность») УК Иосиф Пырсыков и еще двое местных жителей – Пётр и Василий Соколовы, были приговорены к ВМН – расстрелу (приговор приведен в исполнение 28 января 1929 г.), а Акулина Пырсыкова по ст. 17-58-8 УК была приговорена к 3 годам лишения свободы, но с учетом её малосознательности и имущественного положения суд нашел возможным «снять строгую изоляцию и не конфисковать имущество»<sup>3</sup>.

В ноябре и декабре 1928 г. газета «Красное знамя» рассказала еще о 2 случаях преследования рабкоров. На ст. Юрга-1 Томской ж. д. (ныне Кемеровская обл.) был устроен показательный процесс над председателем месткома железнодорожников Левковичем «за разоблачение рабкора Куликова». Редакция газеты направила в адрес Левковича неопубликованную заметку Куликова для возможного принятия мер, на что тот отреагировал достаточно своеобразно – не дал хода документу и стал знакомить с заметкой других лиц с указанием её автора. Суд, рассмотрев материалы дела, приговорил его к 3 месяцам лишения свободы, но...

<sup>1</sup> Советская Сибирь. 1928. 5 июля. Такая забота о рабселькорах была явлением вполне закономерным. Еще в 1922 г. НКЮ издал соответствующие указания о необходимости реагирования на публикации в газетах, содержащих информацию о каких-либо недостатках или возможных преступлениях. После образования органов прокуратуры на местах последние были **обязаны** периодически отчитываться перед вышестоящими органами о проведенной ими работе по реагированию на публикации в газетах. Работники прокуратуры регулярно проводили встречи с сотрудниками редакций и рабкорами, в газетах открывались рубрики с информацией о реагировании органов прокуратуры на опубликованные и **неопубликованные** материалы. Так, в томской газете «Красное знамя» в конце 1920-х гг. регулярно публиковались отчеты прокурора по данной тематике в рубрике «Прокурор отвечает». А примером встречи прокурора с рабкором может служить публикация в газете 18 августа 1925 г. статьи «Рабкор – лучший помощник прокурора», в которой рассказывалось о результатах «живой связи» рабкоров с прокуратурой. Только за 1-е полугодие 1925 г. было использовано 386 заметок в процессе работы Томской прокуратуры – по 195 из них были сделаны запросы в соответствующие организации, по 71 – проведено дознание, по 37 – организованы следственные мероприятия, 83 были приняты во внимание. На встрече присутствовали 76 рабкоров, «общение затянулось до позднего вечера».

Следует учитывать, что в январе 1925 г. циркуляром НКЮ № 23 было «категорически предложено» всем прокурорам на местах немедленно сообщать о всех случаях убийств и других насилий над рабселькорами или представителями низового советского аппарата. В октябре 1925 г. эта директива была подтверждена циркуляром НКЮ № 3/с. К обвиняемым по таким преступлениям следовало избирать мерой пресечения содержание под стражей, а их действия квалифицировать по ст. 58-8 УК во всех случаях, если мотивом преступления являлась общественно-политическая деятельность потерпевшего. См.: ГАНУ. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 128. Л. 1–2; Циркуляр краевого прокурора Сибири П. Алимова от 19 января 1927 г.

<sup>2</sup> Советская Сибирь. 1928. 16 авг.

<sup>3</sup> Красное знамя. 1928. 12 сент., 25 нояб.; Из истории земли томской. 1925–1929... С. 273–276.

учитывая, что «он является преступником случайным и имеет первую судимость суд лишение свободы заменил общественным порицанием»<sup>1</sup>. В декабре директор Томского дрожжевого завода Арановский за преследование рабкора Панова, выразившееся в его увольнении с работы, был предан суду по ст. 109 УК<sup>2</sup>.

Приводя примеры политического реагирования на преследования этих активистов-общественников через многочисленные публикации в печати, уместно будет вспомнить обращение Ф. Дзержинского в Политбюро ЦК РКП(б). Когда в 1925 г. в печати стали появляться заметки и отчеты о процессах над убийцами сельских корреспондентов, он осудил эту кампанию и в своем обращении писал: «Печатающие в газетах статей, заметок, сообщений об убийствах сельских корреспондентов, а также отчетов о судебных по ним процессах считаем вредным. Эти сообщения в нашей печати прежде всего организуют силы, враждебные нам, учат их: каких ошибок избегать, чтобы не попасться, и воодушевляют их идти по тому же пути... По-моему, тут нужна совсем не газетная шумиха, а огромная, длительная работа, вытекающая из всех наших резолюций и лозунгов «лицом к деревне»... Метод обличения в печати без достаточной и необходимой организации подготовки – это не реальный метод борьбы... Это огромнейшая текущая работа, на которую, по-моему, и ЦК, и губкомы, и ЦКК, и губКК должны уделить много сил и внимания. Газетная же шумиха заменить эту работу не в состоянии»<sup>3</sup>.

В тот период позиция Ф. Дзержинского была признана обоснованной, и публикации подобной направленности стали готовиться более тщательно. Но в 1928 г. партийное руководство страной, разворачивая политику коренных преобразований в стране, уже «не боялось» шумихи, используя печать и радио в выгодных для себя целях, поощряя деятельность рабселькоров и, с другой стороны, разоблачая «происки» всякого рода затаившихся «врагов». Это позволяет говорить об активном развертывании кампании по психологической обработке и своеобразному зомбированию населения страны, направленными на формирование в их

<sup>1</sup> Красное знамя. 1928. 27 нояб.

<sup>2</sup> Там же. 7 дек. В лице рабселькоров государство нашло средство тотального контроля и слежки за повседневной жизнью страны, тем более, что никаких особых усилий по организации их деятельности не требовалось, а информаторы конспирировались. В декабре 1928 г. в Москве состоялось Всесоюзное совещание рабселькоров, в работе которого приняли участие 746 чел. Перед участниками выступили ряд руководящих работников высших органов власти, прокурор республики Н. Крыленко. В своем выступлении он привел данные, характеризующие результаты деятельности рабселькоров. В 1927 г. по их информации было возбуждено 19 408 уголовных и 4 094 дисциплинарных дел, а за 1-е полугодие 1928 г. – 6 894 и 1 836 дел соответственно. Такие результаты были хорошим «подспорьем» для работников прокуратуры на местах. Одновременно Крыленко затронул вопрос защиты рабселькоров, отметив, что прокуратурой прорабатывались вопросы усиления репрессий за их преследование или высказывания угроз.

<sup>3</sup> Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография. М., 1983. С. 275. Сказанное Ф. Дзержинским находит подтверждение в циркуляре Томского губпрокурора А. Пачколина в адрес участковых помощников прокуроров. «Мы должны объявить открытую и беспощадную борьбу против всяких попыток прорвать наш общественный фронт путем расправы с застрельщиками его – корреспондентами стальных и других местных газет». А посему предлагалось принять к неуклонному исполнению организацию немедленных выездов следователей на места происшествий в каждом случае убийства или другого вида преследования селькоров и сотрудников стеногазет. По окончании расследования дела полагалось незамедлительно направлять в суд для скорейшего их рассмотрения, о чем широко информировать население через печать, в выступлениях на собраниях и т.д. См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 52. Л. 4.

сознании образа врага, с которым надлежало бороться всеми возможными силами и средствами.

Следует отметить, что в процессе «кампанейского правосудия» целый ряд статей УК РСФСР из разряда обычных стали получать «политическую» окраску – ст. 61 («Невыполнение твердых заданий»), ст. 109 и 111 («Злоупотребление властью» и «Халатная преступность»), что позволяло расправляться с противоборствующим и противостоящим власти крестьянством, а также примерно наказывать отдельных сельских руководителей, в частности, председателей колхозов и иных должностных лиц.

Партийно-советские органы привлекали прокурорско-судебный корпус для реализации планов регулярно проводимых кампаний, что было очень выгодно и удобно – налицо соблюдение законов, действовавших в стране, и исполняют их те, кому это положено – юристы-профессионалы. Какие могут быть вопросы и претензии к власти. Но вдруг вскрылась проблема – в местах заключения скапливались следственные заключенные, число которых неуклонно росло, а их дела рассматривать было некому, что было отмечено в письме бюро крайкома РКП(б) и президиума краевой контрольной комиссии о революционной законности от 15 августа 1933 г.: «Крайком и крайКК считают совершенно неправильным и недопустимым тот факт, когда вследствие отрыва по решению районных организаций (а кто им ставил задачи? – В.У.) скапливается и залеживается масса судебных дел...». В связи с этим парткомы и контрольные комиссии обязывались любые командировки прокуроров, судей и следователей на работы, не связанные с их служебными полномочиями, проводить только с разрешения краевого прокурора или председателя краевого суда.

На практике же данное решение крайкома и крайКК ВКП(б) саботировали не только партийные органы, но и работники районных прокуратур, продолжая без уведомления вышестоящих органов выезжать в длительные командировки в качестве уполномоченных РИКов и райкомов, как это сделал прокурор Тальменского района Мельников. И. Барков предположил, что подобные действия были связаны с нежеланием «нести ответственность за прокурорскую работу в районе...»<sup>1</sup>.

Возможно, следует согласиться с его выводом-предположением. Поездка в длительную командировку освобождала работника прокуратуры или суда от тяжёлой рутинной работы по следствию и осуждению людей часто по заведомо несправедливому или формальному обвинению без учёта смягчающих обстоятельств и т.п. Более того, оформление таких дел, как и вынесение решений по ним (судебное следствие), требовали значительно больших усилий и ответственности. «Расследовать» и «судить» же в командировке было много проще – там шел поток подобных друг другу дел, где многие следственные действия заведомо не предполагались, не требовалось сопоставлять детали и скрупулезно уточнять факты, никого не интересовала ни объективная, ни субъективная сторона дей-

<sup>1</sup> Обращение прокурора ЗСК И. Баркова к областным, окружным, городским и районным прокурорам в связи с решениями XVII съезда ВКП(б), ликвидацией органов РКИ и реорганизацией органов ОГПУ. См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 213. Л. 1–4.



ствий и поступков обвиняемого и многое другое. Вся последовательность действий работников прокуратуры и суда уже была прописана в принятых свыше и утвержденных партийно-советским руководством циркулярах и директивах, что уже снижало меру ответственности с этих работников. Главное – своевременно выполнить разрядку и отчитаться о проделанной работе.

Здесь уместно привести оценку деятельности судов, данную Л.Э. Разгоном: «Во время Сталина суд и Уголовный кодекс составляли лишь ничтожную часть механизма репрессий. «Внесудебный порядок» был легальным и общеустановленным. Каждый, кто... совершал... что-либо противоестественное жизни нормального советского человека, расписывался... что за всякое нарушение известное или неизвестное, он «будет отвечать во внесудебном порядке». Никогда еще русское слово «порядок» не приобретало такой смысл! Если верить Далю, то «порядок» означает «правильное устройство», «соблюдение стройности», оно имело синонимы: «основательно, дельно, обдуманно, не зря, не как попало»... «Порядок», который у нас назывался «внесудебным», давал возможность одному или нескольким людям заочно присуждать арестованных к любому сроку заключения – вплоть до двадцати пяти лет, к каторжным работам, к пожизненной ссылке, к расстрелу... Какое уж там «присуждать»! Составляли список и убивали. Или же сначала убивали, а потом составляли список. Или же убивали и никакого списка не составляли...

И гласные законы, и суд, призванный их осуществлять, носили столь же откровенно разбойничий характер, как и «внесудебный порядок». Начать с того, что сами эти законы были не только беспредельно жестоки, но и необыкновенно гибки, растяжимы... Их можно было применять к любому человеку, за любой проступок, и давать такие сроки, **какие судье хотелось или же какие ему указывались негласными инструкциями, директивами...** (выделено мною. – В.У.)»<sup>1</sup>.

Ведя речь о «кампанейском правосудии», необходимо учесть и тот фактор, что очень часто суды подменялись внесудебными органами («тройки», «двойки», «особое совещание»), которые имели безграничные права и возможности по вынесению приговоров, которые не подлежали пересмотру. Создание таких органов привело к утрате на практике понятия «законность». Их деятельность стала преобладающей в годы «Большого террора», и именно она связана с вынесением самых страшных приговоров.

Если на Алтае в 1920-е гг. было репрессировано по политическим мотивам 4 350 мужчин и 49 женщин, то уже в следующем десятилетии репрессированных мужчин на Алтае оказалось 29 032, а женщин – 1 085, т.е. число репрессированных мужчин увеличилось в 6,7 раза, а женщин – более чем в 22 раза! Чем был вызван такой рост числа арестованных женщин на Алтае, объяснить трудно.

В Томской области в 1920-е гг. репрессиям подверглись 2 135 мужчин и 119 женщин, а в 1930-е гг. – 15 301 и 540, увеличение составило в 7,2 и 4,5 раза

<sup>1</sup> Разгон Л.Э. Непридуманное. Повесть в рассказах. М., 1989. С. 116–118.

соответственно. Эти показатели по Кемеровской области равняются 2 593 и 33 305 (по мужчинам) и 68 и 848 (по женщинам), увеличение – в 12,8 и 12,5 раза.

Что касается вопросов национальной принадлежности, то в период репрессий 1919–1930 гг. какой-либо избирательности выделить невозможно. Как на территории современной Томской области, так и на территории Алтая среди пострадавших были представители 24 и 25 национальностей соответственно.

Основными контингентами стало русское население и население, преобладавшее в данных местностях. На Алтае это было более выражено, где вслед за русскими (со значительным отрывом) больше других пострадали украинцы и немцы. В 1930-е гг. число представителей национальностей, попавших в жернова репрессий, значительно расширилось. В Томской области были репрессированы представители 52, на Алтае – 43, а в Кузбассе – 42 национальностей и народностей. У значительного числа репрессированных жителей Алтайского края национальная принадлежность определена не была. В Томской области также у нескольких десятков человек не было четкого определения национальной принадлежности – в анкетах и протоколах допросов в графе «национальность» было указано «инородец», «казак», «гуземец», «магометанин», «чулымец», «ясачный – не бурят» и т.п. У некоего М.И. Богрянова в данной графе записано, что он «национальный вопрос не разделяет». Чаще всего национальная принадлежность не была указана (по Томской области) у арестованных в начале 1920-х гг., при обработке информации принадлежность к какой-либо национальности определялась по каким-либо вторичным признакам. Но в целом эта погрешность не могла кардинальным образом повлиять на общую тенденцию<sup>1</sup>.

В 1930-е гг., до начала «Большого террора», «вскрывались» лишь отдельные национальные контрреволюционные организации. Основу их составляли немецкие организации, преимущественно на Алтае и в Омской области. Это было связано с эмиграционными настроениями у части немецкого населения и оказанием ему материальной помощи из Германии. Осенью 1934 г. после посещения Сибири председателем СНК В. Молотовым аресту подверглось руководство Немецкого района – секретарь райкома ВКП(б) И.А. Вильгаук, председатель РИКа П.И. Динкель, райпрокурор Г.П. Фриш и судья А.Г. Конрад. Всех обвинили в срыве кампании хлебозаготовок и защите кулачества.

В ноябре 1934 г. из ЦК ВКП(б) поступила секретная телеграмма, давшая начало процессу «чистки» немецкого населения от «антисоветских элементов». Выполняя полученную установку, в немецкие поселения были направлены специальные бригады работников ОГПУ и крайкома ВКП(б) для вскрытия фактов контрреволюционной деятельности и изъятия социально чуждых элементов. К началу 1935 г. были арестованы 577 чел., но операция была продолжена и в наступившем году.

В апреле 1935 г. в Новосибирске был проведен закрытый процесс спецколлегии краевого суда, на который были выведены 33 обвиняемых – лица немецкой национальности – бывшие руководители районов, председатели колхозов, дирек-

---

<sup>1</sup> Подсчитано автором по базе данных репрессированных жителей Томской области и по данным, опубликованным во 2–4-м томах книги «Жертвы политических репрессий в Алтайском крае».

тора школ, учителя и др. Все обвиняемые в принадлежности к «фашистской организации» признали свою вину. Семеро участников организации были приговорены к ВМН – расстрелу, а остальные – к лишению свободы на сроки от 5 до 10 лет.

В январе–апреле 1934 г. в Ойротии, Хакасии и Горной Шории были «раскрыты» националистические организации. В Ойротии в организацию входили почти 50 чел., основу организации составляли представители национальной интеллигенции. Руководителем организации был объявлен алтайский художник Г.И. Гуркин (Чорос-Гуркин). Процесс над «буржуазными националистами» состоялся в августе 1934 г. в Новосибирске, обвинение было предъявлено почти 40 хакасам, шорцам и ойротам. Большинство из них было осуждено на сроки от 2 до 8 лет лишения свободы, но несколько человек, в том числе и Г. Гуркин, были оправданы либо дело в отношении них было прекращено «за отсутствием состава преступления»<sup>1</sup>.

В годы «Большого террора» уже четче просматривалась национальная принадлежность репрессированных. Вызвано это было, в частности, так называемыми «линейными» арестами. По линии НКВД оперативным подразделениям был отдан целый ряд приказов о проведении репрессий в отношении лиц конкретной национальности – по полякам, немцам, латышам, эстонцам, «харбинцам» и представителям некоторых других национальностей. Все они попадали в «жернова» репрессий в первую очередь потому, что государства, в которых данные национальности являлись преобладающими, на протяжении ряда лет официально признавались противниками Советского Союза и, по устоявшейся позиции советского руководства, должны были иметь свою агентуру на территории СССР.

Интересный факт – ни один из местных «линейных» приказов не копировал приказ наркома НКВД. Так, в связи с выходом приказа НКВД № 00485 от 11 августа 1937 г. по репрессированию лиц польской национальности в УНКВД по ЗСК 19 августа был подписан собственный приказ № 812/79, в котором констатировался факт вскрытия и ликвидации в Москве центра крупнейшей шпионско-диверсионной организации, созданной польской разведкой, «Польской организации войсковый», создавшей на территории СССР многочисленные «фашистско-повстанческие, шпионско-диверсионные и террористические организации и группы», что стало возможным «благодаря нашей беспечности и плохой работы органов УГБ». В первую очередь, это относится к нашему краю, о беспечности работников УГБ, плохой работе по вскрытию польских вредительско-шпионских диверсионных формирований в нашем крае... указывает в своем приказе Народный комиссар внутренних дел... Несмотря на наличие большой концентрации в... крае польских перебежчиков, политэмигрантов и старых кадров «Польской организации войсковый», на протяжении ряда лет в ЗСК не вскрыто ни одно сколько-нибудь значительное шпионско-диверсионное формирование, созданное разведкой...».

<sup>1</sup> Папков С.А. Обыкновенный террор... С. 151–159.

А далее прописывались категории граждан, подлежащие аресту, рекомендации по ведению следствия, механизм следствия – «допросы арестованных должны вскрывать все... контингенты и организующие центры польской разведки и хотя бы этим путем ликвидировать наш провал в агентурно-следственной работе на этом участке оперативной работы...» (выделено мною. – В.У.)<sup>1</sup>.

Единственное сходство двух приказов только в указании очередности проведения арестов названных контингентов, да и то в «местном» приказе уже присутствовали конкретные промышленные объекты региона, где надлежало провести аресты.

Большинство «линейных» приказов были идентичны по своему содержанию – перечисление вскрытых «вражеских» организаций, констатация наличия развитой сети филиалов этих организаций на территории страны и резолютивная часть с указанием сроков проведения операции и контингентов «врагов», подлежащих репрессированию, система отчетности. Вполне возможно, что те, кто их писал, брали за основу ранее вышедшие приказы и «не ломали голову». Кстати, наличие подобия и единообразия скорее всего использовалось в качестве «методического указания» по изданию приказов на местах. Но только с учетом местных особенностей. Иногда найти нужные контингенты было почти невозможно хотя бы в силу специфики отдельных регионов по проживавшему там населению. Но это не было препятствием для выполнения приказов Центра – выручали находчивость и оперативная смекалка сотрудников.

Поиск представителей этих национальностей велся через адресные бюро, паспортные столы, спецотделы на предприятиях и в учреждениях, в ЗАГСах, в списках профессиональных и общественных организаций и т.п. В случае когда таковых оказывалось недостаточно в силу объективных причин, то сотрудники органов НКВД начинали отбор по вторичным признакам, например по созвучности и окончаниям фамилий. Так, если фамилия оканчивалась на «ский», то человека автоматически причисляли к полякам, и т.п. По «теории», разработанной сотрудником 3-го отдела УГБ УНКВД по Новосибирской области И.И. Кононовым, «это окончание... говорило о том, что человек, фамилия которого оканчивается на «ский», обязательно поляк и подлежит аресту. Эта теория известна всему оперсоставу УНКВД по НСО и многие ею пользовались»<sup>2</sup>. Помогала также «оперативная смекалка» сотрудников НКВД, оперработников и следователей в одном лице, позволяя вскрывать контрреволюционные организации, исходя из возможностей – в разработку брались преобладавшие национальные группы населения. Например, в Томске сотрудниками горотдела НКВД были «вскрыты» военномусульманская контрреволюционно-повстанческая организация «Гаскери-Уешма», преимущественно состоявшая из лиц татарской и башкирской национальностей, немецкая, китайская, корейская, латышская и другие шпионские (диверсионные, вредительские и т.п.) организации.

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-4903. Т. 2. Л. 79–81.

<sup>2</sup> См.: Показания бывшего сотрудника 3-го отдела УГБ УНКВД по Новосибирской области Ю. Бермана. Архив УФСБ РФ по Новосибирской области. Д. 18447 о/ф. Т. 7. Л. 333.

Такие же национальные контрреволюционные «организации» были характерны и для Алтая. Из основных национальностей, проживавших на территории края, наибольшие потери понесли представители следующих национальностей – русские, украинцы, немцы, поляки, белорусы, казахи и т.д. Бывший начальник УНКВД по Алтайскому краю С.П. Попов впоследствии на одном из допросов показал, что «по линии третьего отдела Лазарев развернул аресты ионационалов, которые часто арестовывались и без всякого компрометирующего материала по одному признаку, национальности. Так, Лазарев арестовал 150 поляков-перебежчиков, на которых сфабриковал дела по... ранее вскрытой организации «ПОВ». Таким же порядком Лазарев арестовал около пятисот или шестисот человек латышей, немцев, харбинцев, корейцев и др.».

В декабре 1937 г. на территории Немецкого, Славгородского, Андреевского, Ново-Киевского, Знаменского и Хабарского районов Алтайского края были арестованы 298 чел. (290 – немцы, 5 – русские, 3 – украинцы) участников «фашистской шпионско-диверсионно-повстанческой организации». Решением «тройки» УНКВД все участники «организации», в том числе 5 женщин, были приговорены к расстрелу. По делу другой «шпионско-диверсионно-повстанческой организации» – «Общество латышских стрелков», состоявшей из латышей, к высшей мере наказания – расстрелу – были приговорены все 50 чел.<sup>1</sup>

В Новосибирске в 1937 г. по делу о принадлежности к шпионско-диверсионной организации, созданной японской разведкой, были арестованы 38 чел., 36 из которых были по постановлению НКВД и Прокурора СССР расстреляны. Среди участников «организации» было много китайцев и корейцев, в том числе и не владевших русским языком, но все в ходе следствия дали «признательные показания» о своей враждебной подрывной деятельности, хотя ни один переводчик при допросах не принимал участия<sup>2</sup>.

В январе 1938 г. Рубцовским оперсектором НКВД были арестованы 65 немцев из числа жителей Локтевского района, в феврале и июне 1938 г. были арестованы 42 эстонца, проживавших в Змеиногорском, Белоглазовском и Курьинском районах, а по другому делу по группе из 26 «шпионов и диверсантов», наоборот, собрали всех «понемногу». По делу проходили немцы, австрийцы, румыны, венгры, украинцы, поляки, чех и словенец<sup>3</sup>.

Не отставали в «работе» по созданию подобных «контрреволюционных организаций» органы НКВД и в других субъектах Западной Сибири (в рамках современного административно-территориального деления). Иначе и быть не могло –

<sup>1</sup> Жертвы политических репрессий в Алтайском крае... Т. 3, ч. 1. С. 20.

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Новосибирской области. Дело № 18447 о/ф. Т. 15. Л. 49. В ходе национальной операции были арестованы около 100 китайцев, что в конечном итоге привело к ликвидации китайского колхоза. Ведший следствие сотрудник 3-го отдела Маркин, не владевший китайским языком (большинство китайцев не умели читать по-русски и плохо говорили), спрашивал их – умеют ли читать и, получив отрицательный ответ, задавал следующий вопрос – не хочет ли допрашиваемый поехать в китайскую Красную армию. Чаще всего отвечали: «Хочу» и подписывали протокол. См. показания бывшего сотрудника 3-го отдела Ю. Бермана. Там же. Л. 333.

<sup>3</sup> Политические репрессии в Алтайском крае. 1919–1965... С. 174–178.

ведь «линейные» приказы НКВД строго требовали и обязывали территориальные подразделения органов НКВД искать и находить (в обязательном порядке. – В.У.) таковые организации. Операции по «национальным организациям» наибольшее распространение получили в 1938 г.

Приведенная ниже табл. 33 также подтверждает, что «чистых» операций по линейным приказам не было. Более того, только в сентябре-ноябре 1938 г. по «польской операции», наряду с 20 147 поляками были репрессированы представители более 20 национальностей – белорусы, украинцы, русские, евреи, немцы, литовцы, латыши, эстонцы, чехи, цыгане, австрийцы, болгары, венгры, румыны, греки, молдаване, татары и прочие, всего 36 768 чел.<sup>1</sup>. Подобная картина была характерна для всех операций с национальной «окраской»<sup>2</sup>.

Таблица 33

**Национальный состав и количество репрессированных по «национальным операциям» в СССР (на 10.09.1938 г.)\***

Национальная принадлежность	Рассмотрено дел	Осуждено к ВМН	Осуждено к другим наказаниям	Передано в суды	Возвращено на следствие
Поляки	106666	84471	19018	943	2234
Немцы	31753	24858	5750	676	569
«Харбинцы»	30938	19312	10669	251	706
Латыши	17581	13944	2741	512	384
Греки	11261	9450	1553	70	180
Румыны	6292	4021	2077	42	152
Финны	5880	5224	423	140	93
Эстонцы	5680	4672	625	69	224
Иранцы	2180	908	1154	17	101
Афганцы	691	99	400	12	180
Другие	9064	5781	2494	488	301
Итого:	227986	172830	46912	3120	5124

\*Из доклада «Комиссии П.Н. Поспелова».

Система и принципы наказания 1920-х гг. отличались в достаточной степени мягкостью вынесения приговоров, в том числе и за тяжелейшие (не контрреволюционные) преступления, активно применялась система амнистий. Принятие Уголовного кодекса в 1926 г. предполагало по отдельным видам преступлений снижение мер социальной защиты. Однако мягкость приговоров была связана не с реализацией на практике принципа гуманизма к осужденным, а вызывалась объективной необходимостью, так как места лишения свободы были постоянно

<sup>1</sup> См.: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Национальные\\_операции\\_НКВД](https://ru.wikipedia.org/wiki/Национальные_операции_НКВД) – обращение 13.02.2023 г.

<sup>2</sup> Первое слово правды: Доклад Комиссии ЦК КПСС Президиуму ЦК КПСС по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии, 9 февраля 1956 г. М., 2022. С. 22. Прудовский С.Б., рассматривая так называемую «харбинскую» операцию, приводит данные, что по приказам НКВД № 00593 и 00606 было рассмотрено 35 561 дело, по которым 22942 чел. был вынесен смертный приговор. См.: Прудовский С.Б. Была такая «нация»...С. 86. Всего в Западной Сибири по «харбинцам» были рассмотрены 3 143 дела, по которым к ВМН приговорены 2 696 чел., к другим срокам наказания – 406. В период с 15.09 по 15.11.1938 г. по решению Особых троек по первой категории в Новосибирской и Омской областях были расстреляны 749 чел. (638 и 111 соответственно), осуждены по второй – 150 (84 и 66 соответственно) чел. См.: Там же. С.505-511.

переполненными. По этой причине содержание заключенных и решение вопросов их занятости вызывали озабоченность у всех структур, каким-либо образом имевших отношение к деятельности пенитенциарной системы.

Изменение политического курса страны по мере продвижения к «светлому будущему» самым непосредственным образом отразилось на пенитенциарной системе. По мере достижения политических и экономических целей, провозглашенных руководством страны и ВКП(б), был сделан акцент на ужесточение мер наказания в ответ на сопротивление, в частности со стороны крестьянства, судьба и жизнь которого напрямую зависела от успехов страны. А успехи эти зависели от того, насколько успешно правящий режим сможет «выжать» из крестьянства производимый им продукт. С другой стороны, государство пользовалась тем, что труд спецконтингентов обходится много дешевле труда свободных рабочих и крестьян, а получать от них можно несоизмеримо больше за счет увеличения продолжительности рабочего времени, установления зависимости их выживания от норм выработки. Не требовалось решать и многие социальные вопросы, поскольку заключенные, как и спецпереселенцы, жили и пользовались только тем, что им предоставлялось, их жизнь в этих условиях ничего не стоила. Но, как показала практика, результаты вложений в систему ГУЛАГа не оправдывали себя. Тем не менее они позволили государству решить многие задачи по созданию в те годы новых промышленных центров и освоению новых территорий.

Ложный посыл об обострении классовой борьбы по мере построения социализма, высказанный Сталиным, стал доминирующим на протяжении ряда лет, в частности для правоохранительных органов страны. Многие события и явления повседневной жизни стали рассматриваться под этим «углом», что в конечном итоге привело к массовым арестам невинных граждан, произволу и беззаконию. Политическую окраску «получали» даже хозяйственные преступления, всевозможные случаи невыполнения планов, поломок машин, инвентаря и т.п. Органами НКВД «вскрывались» сотни «контрреволюционных» организаций, «насчитывавших» десятки и сотни участников, ставивших своей целью свержение Советской власти. В 1937–1938 гг. размах репрессий достиг своего пика. По Постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) «Об антисоветских элементах» и приказу НКВД СССР № 00447 предполагалось подвергнуть аресту 259 450 чел, расстрелу подлежали 72 950 из них. Однако, на практике число арестов превысило 1,5 млн (1 548 366) чел., а расстреляно – 682 692 чел. Только в Западной Сибири аресту были подвергнуты десятки тысяч человек. При арестах не делалось никаких различий по полу, возрасту, социальному положению, национальной принадлежности либо иным факторам и условиям.

Мертвые живы, пока есть живые,  
чтобы о них вспоминать.  
*Эмиль Анрио*

## **Глава 6. РЕАБИЛИТАЦИЯ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

---

### **6.1. «Бериевская оттепель»**

Вторая половина 1938 г. ознаменовалась изменением курса репрессивной политики, резко пошедшей на убыль. Причин было несколько. Так, Советский Союз был заинтересован в дальнейшем развитии внешнеэкономических связей и добился значительных успехов в этом, но в целом международное положение страны заметно ухудшилось. Будучи не допущенным к решению вопросов европейской политики со стороны Франции и Англии, СССР пошел на сближение с фашистской Германией, что потребовало прекращения репрессий по немецкой линии и ряду других инациональностей. Во-вторых, число репрессированных втрое превысило планируемые показатели и по этой причине лимиты в 1938 г. были заметно ограничены и «давались» только отдельным регионам, таких оказалось 22. В-третьих, инакомыслящие и колеблющиеся, в том числе и в партийных рядах, в большинстве своем были уже уничтожены. В-четвертых, в стране произошла смена элит, в частности в промышленности и других сферах народного хозяйства, однако новая элита оказалась не готовой в полной мере решать задачи по подъему экономики страны в условиях надвигавшейся войны. В-пятых, попытки вывести экономику на необходимый уровень через борьбу с «вредителями» из числа тех же руководителей и специалистов также не способствовали повышению эффективности функционирования народного хозяйства. В-шестых, из активного процесса функционирования народного хозяйства репрессиями «выбивалась» наиболее трудоспособная и деятельная часть мужского населения, что вело не только к подрыву экономики, но и ослабляло обороноспособность страны. В-седьмых, система ГУЛАГа оказалась не способной «переварить» миллионы арестованных – постоянно возникали проблемы с передислокацией сотен тысяч заключенных, их размещением, питанием, медицинским обслуживанием и т.д. Результаты труда заключенных были значительными, но экономически не выгодными. Можно назвать еще ряд причин, но главным оказалось некое, на мой взгляд, «прозрение» правящей верхушки страны от результатов сотворенного ими и обострением целого ряда проблем, решить которые не удалось.



В этих условиях, по инициативе И. Сталина, в начале октября 1938 г. под председательством Н. Ежова была создана комиссия в составе Л. Берии, А. Вышинского, А. Рычкова и Г. Маленкова, которой необходимо было в десятидневный срок разработать проект постановления высших органов власти по вопросу арестов, прокурорского надзора и ведения следствия. Это решение оказалось одним из первых шагов в «наступлении» на всеильный наркомат НКВД. Началось же оно еще в сентябре 1938 г., когда был изменен порядок утверждения в должностях ответственных работников целого ряда наркоматов страны и непосредственно НКВД, в котором утверждению в ЦК ВКП(б) подлежали даже руководители всех городских и районных подразделений. А 14 ноября во все партийные органы была направлена директива о проверке руководящих сотрудников НКВД. Назначения на должности стали проходить через партийные бюро соответствующих структур. Главная цель всех этих мероприятий заключалась в организации кампании «чистки» органов НКВД от проникших в них «врагов и шпионов». Началась массовая «зачистка» органов НКВД по всей вертикали управления. Сталин сместил акценты, и «опричники» стали уже не нужны, теперь партия «искореняла зло», восстанавливая справедливость.

Был снят с должности наркома НКВД Н.И. Ежов, проведена замена почти всего руководящего состава органов от наркомата до руководителей НКВД–УНКВД республик, краев и областей. Партийные руководители на местах «прозрели» в один миг и стали сигнализировать о нарушениях законности со стороны сотрудников органов, добиваться их ареста. Сталину оставалось лишь направлять на места комиссии для разбора сообщений. Прямым исполнителем его воли стал Л. Берия. Только с сентября по декабрь 1938 г. было арестовано 140 чел. из центрального аппарата и 192 – с периферии, в том числе 18 наркомов внутренних дел союзных и автономных республик, заменено большинство руководителей УНКВД и руководителей подразделений УГБ УНКВД на местах.

Не могу согласиться с С.А. Папковым, что первыми жертвами, в частности в Западно-Сибирском регионе, организованной осенью 1938 г. кампании «по восстановлению революционной законности» стали сотрудники прокуратуры. Да, был организован в Омске судебный процесс над бывшим прокурором области И.И. Бусоргиным и начальником следственного отдела облсуда В.И. Никифоровским, обвиненным в превышении должностных полномочий и халатности, приведших к преданию суду почти 500 чел. по «контрреволюционным» статьям. Однако приговор явно не соответствовал совершенному ими – два года лишения свободы прокурору и оправдание следователя с объявлением общественного порицания. За аналогичные преступления был осужден и прокурор Новосибирской области И.Д. Новиков. На него возложили ответственность за преследование **советско-колхозного актива** (выделено здесь и далее мною. – В.У.). Конечно же, не было никакой кампании, а названные лица оказались «стрелочниками». Да и пример с инспектированием области М. Шкирятовым только подтверждает это. Его проверка установила «вопиющие факты нарушения революционной законности, привлечения **советско-колхозного актива**, массового привлечения к судеб-

ной ответственности...», как заявил, выступая перед работниками УНКВД, секретарь обкома ВКП(б) И. Алексеев<sup>1</sup>.

«Стрелочников» наказали, в частности И. Новикова, а немногим позднее и самого И. Алексеева не за массовые необоснованные репрессии, а за срыв уборочной кампании и **«аресты колхозно-советского актива»**.

В 1939 г. аресты продолжились, было арестовано 1 960 чел. из оперативного состава НКВД, пограничников, сотрудников третьих отделов ГУЛАГа. В целом в процессе «ликвидации» заговора в НКВД было арестовано более трех тысяч человек<sup>2</sup>.

Причины арестов бывших коллег объяснялись приказами, издаваемыми в НКВД СССР и местных управлениях НКВД. Например, в приказе УНКВД по Новосибирской области № 719 от 4 июля 1939 г. весь личный состав оперативных отделов УГБ и горрайотделений Управления информировался «о несвойственных методах ведения следствия работниками райотделения НКВД Пучкиным, Песоцким, Бузновым и райотделения милиции Вавриш, Свешниковым и о решении Военного трибунала пограничных и внутренних войск НКВД». В 1937–1938 гг. сержант милиции Вавриш в Шегарском районе (ныне Томская обл.) арестовал 40 чел. и привлек их к уголовной ответственности по сфальсифицированным материалам, «тройкой» УРКМ все были осуждены. При участии сотрудников РО НКВД к арестованным применялись меры физического воздействия, «выстойки» и другие неправомерные действия. По приговору трибунала Вавриш

<sup>1</sup> См.: *Панков С.А.* Обыкновенный террор... С. 250–251.

<sup>2</sup> *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Указ. соч. С. 254–259. В справке Отдела кадров НКВД СССР о движении оперативно-чекистских кадров органов НКВД за 1939 г. от 23 марта 1940 г. отмечалось, что «в результате очищения органов НКВД от вражеских и преступных элементов и людей сомнительных [и] негодных по политическим и деловым признакам к работе в органах государственной безопасности за истекших 1939 год было уволено из органов УГБ – 7 372 чел., что составляет по отношению к фактической численности оперативно-чекистского состава – 22,9%... 65% занимают лица, уволенные за должностные преступления, контрреволюционную деятельность и по различным компрометирующим материалам... Из общего количества уволенных и убывших сотрудников 12,7 % арестовано и передано суду...».

За 1939 г. было принято на оперативно-чекистскую работу 14 506 чел., что составило по отношению к списочной численности 45,1%. Более 75,0% пополнения составили выходцы из партийно-комсомольских органов и школ НКВД.

В течение года на руководящие должности были выдвинуты 12 227 чел., в том числе: с должностей **помощников оперуполномоченных и младших следователей** на должности начальников райотделений (353), отделений (141) и даже отделов (14) – 508 чел., **из оперуполномоченных и следователей** (выделено мною. – В.У.) – на должности начальников райотделений (800), отделений (463), отделов (65), помощников и заместителей начальников УНКВД (7) и начальника УНКВД (1) – 1336 чел. В целом обновление коснулось более 60% руководящего состава. См.: *История сталинского ГУЛАГа...* Т. 2 С. 173–177. Значительные кадровые изменения и назначения, подчас не подкрепленные профессиональными знаниями, умениями и опытом. Не отсюда ли и последовавший рост числа арестов и осуждений новых «врагов народа»? Доверие ведь надо было оправдывать.

В докладе на имя И. Сталина Л. Берия о реорганизации ГУЛАГа, в частности писал: «Руководство ГУЛАГа и его аппарат были засорены антисоветскими людьми и неспособными работниками». В конце 1938 и начале 1939 гг. «за вражескую работу» были арестованы 83 руководящих работника ГУЛАГа. На работу в систему было направлено 3 430 специалистов с высшим и средним образованием и 906 работников, направленных из ЦК ВКП(б) и «выдвинутых из числа чекистов». На должности в охрану лагерей было направлено свыше 400 чел. среднего и 17 чел. высшего начальствующего состава. См.: Там же. Т. 2. С. 34–35.

был осужден на 10 лет, Пучкин и Свешников – на 8, Песоцкий – на 6, а Бузнов – на 3 года исправительно-трудовых лагерей<sup>1</sup>.

Мне довелось ознакомиться с материалами этого дела в архиве УФСБ РФ по Томской области. В своей изобретательности сотрудники милиции превзошли даже своих «старших братьев» – сотрудников госбезопасности. В случае если арестованный не соглашался с содержанием заранее написанного протокола и отказывался его подписывать, то Вавриш и Свешников предлагали ему самому изложить собственное видение ситуации (события, происшествия и т.п.), что обычно тот и делал. После этого его просили подписать все листы протокола, в том числе и заранее сфальсифицированные. Объяснялось это тем, что они должны доложить обо всем своему начальству, после чего заранее подготовленный протокол выкинут, оставив собственноручно им написанный. Начальство должно убедиться, что арестованный видел «неправильный» протокол. Такой довод часто действовал «убедительно» на допрашиваемого. Получив необходимые подписи, арестованного отправляли в камеру, а написанный им протокол просто уничтожали, оставляя первый. Таким образом и формировалось дело. В иных случаях допрашиваемого накачивали самогоном – для сговорчивости, иногда в совокупности с применением силы, но в конечном итоге добивались получения признательных показаний. Подобное «творчество» применялось неоднократно<sup>2</sup>.

Однако уничтожая или ниспровергая бывших «опричников», Сталин не инициировал открытые судебные процессы над ними. Едва ли не единственным случаем такого рода был суд над бывшими сотрудниками Ленинск-Кузнецкого горотдела УНКВД по Новосибирской области. 2 января 1939 г. А. Вышинский направил записку И. Сталину о нарушениях законности сотрудниками названного горотдела НКВД и прокуратурой города. Сотрудники горотдела арестовали 17 учителей и учащихся средней школы, в которой процветали воровство и хулиганство. Было создано дело о контрреволюционной организации, в состав которой входили несовершеннолетние школьники. 27 декабря бюро Новосибирского обкома ВКП(б) приняло решение о привлечении к уголовной ответственности двух сотрудников горотдела НКВД по причине нарушения ими Постановления Правительства от 7 апреля 1935 г. о недопущении привлечения к ответственно-

<sup>1</sup> Из личного архива автора.

<sup>2</sup> В подобных методах ведения следствия не было ничего нового. На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г. Н. Ежов поделился действовавшей в НКВД практикой написания протоколов допроса: «Прежде чем протокол давать на подпись обвиняемому, его вначале просматривал следователь, потом передавал начальству повыше, а важные протоколы доходили до наркома. Нарком вносил указания, говорил, что надо записывать так, а не эдак, а потом протокол давали подписывать обвиняемому. Практика не плохая, а просто преступная... Вообще я не исключаю такого положения, когда следователь, записав показания со слов, приходит к начальнику и спрашивает: так ли я записал, так ли я уловил мысль, конечно, дают арестованному, тот корректирует. Но чтобы заранее решать, что надо записать то-то и то-то, а то-то и то-то выбросить, – это никуда не годится». Несомненно, речь шла о работе центрального аппарата НКВД, но на местах все было проще – протокол писали заранее, иногда один (по содержанию) для целой группы арестованных, требовалось лишь получить подпись под ним (способы, как видите, были различны). В случае необходимости протоколы переписывались, если надо было вставить или изменить нужную информацию. См.: <https://istmat.org/node/30243> – обращение 09.09.2022 г.

сти за контрреволюционные преступления несовершеннолетних. В ответ на записку Сталин дал указание о проведении открытого суда над виновниками. Решение Сталина было поддержано Политбюро ЦК ВКП(б). Одновременно была удовлетворена просьба Новосибирского обкома ВКП(б) об обсуждении принятого им постановления о допущенных нарушениях законности в партийных организациях всех уровней областного НКВД и областной прокуратуры<sup>1</sup>.

Что же произошло на самом деле? Начальник Ленинского ГО НКВД А. Луньков спецзапиской проинформировал руководство УНКВД по Новосибирской области о наличии группы детей, «занимающихся политическим хулиганством в школах». Начальник УНКВД Г. Горбач откомандировал на место сотрудника областного управления, дав «указание Лунькову о немедленной ликвидации оперативной разработки на несовершеннолетних детей, закончить следствие в течение 5 дней и придать делу при ведении следствия политическую окраску. В результате... указания были арестованы 17 человек школьников (без учителей. – В.У.) – Старцев, Паршин и др. как участники контрреволюционной фашистской организации и привлечены к ответственности за контрреволюционную деятельность. Впоследствии большинство из них были освобождены за отсутствием состава преступления, просидев под стражей около 6 месяцев...»<sup>2</sup>.

Однако после этого открытого судебного процесса, инициированного И. Сталиным, было сфабриковано немало уголовных дел, по которым проходили учащиеся.

В этих условиях борьбы с «нарушениями законности» со стороны проникших в органы «врагов и шпионов» началась кампания реабилитации жертв репрессий. На протяжении всего последующего периода реабилитация использовалась в качестве политической карты, зачастую разыгрываемой руководством СССР от случая к случаю, по мере «необходимости».

Точкой отсчета явилось принятие Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», адресованного органам НКВД, прокуратуры и ВКП(б) всех уровней до горкомов и райкомов включительно.

Документ этот интересен во многих отношениях. В нем отмечались «несомненные заслуги» органов НКВД перед Советским государством и советским народом по разоблачению и уничтожению многочисленной армии врагов – шпионов, диверсантов, террористов и вредителей, мешавших успешному построению социализма и движению к «светлому будущему» – коммунизму. Но здесь же делалась оговорка, что врагов осталось еще много и следует впредь вести с ними беспощадную борьбу. Таким образом, ранее поставленные перед «силовиками» задачи продолжали оставаться в числе первоочередных и важнейших. Предлагалось лишь вести эту работу новыми

<sup>1</sup> Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 257.

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Новосибирской области. Д. 198. Л. 85 «а»; Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... С. 147–148. В монографии названы еще несколько подобных «контрреволюционных» организаций, состоявших из школьников: «Союз январевичей» на Алтае (1939 г.), «Голубая гвардия» в с. Зырянка Кемеровской области (1944 г.), а также молодежная организация в с. Сузун Новосибирской области (С. 145–150).

методами, так как «работники НКВД совершенно забросили агентурно-осведомительную работу, предпочитая действовать более упрощенным способом, путем практики массовых арестов, не заботясь при этом о полноте и высоком качестве расследования. Работники НКВД настолько отвыкли от кропотливой, систематической агентурно-осведомительной работы и так вошли во вкус упрощенного порядка производства дел, что до самого последнего времени возбуждают вопрос о предоставлении им так называемых «лимитов» для производства массовых арестов... (Как это совпадает с доводами бывшего начальника Томского ГО НКВД И. Овчинникова в следственную часть НКВД о том, что агентурная работа была практически заброшена, не успевали разбираться с потоком заявлений и обращений граждан, поступающих в горотдел с информацией о всевозможных врагах! – В.У.).

Органы прокуратуры не только не устраняют нарушений революционной законности, но фактически узаконивают эти нарушения...».

«Новизна» заключалась в том, что были упразднены созданные по инициативе Л. Кагановича в 1935 г. «тройки», ограничены права Особого совещания при НКВД. Воссоздавалась видимость действия в стране правовых механизмов – запрещалось проведение массовых операций по арестам и выселению, аресты предлагалось проводить только с санкции прокурора или по постановлению суда, при этом органы НКВД должны были представлять доказательства вины подозреваемого. Следствие полагалось вести с соблюдением всех требований Уголовно-процессуального кодекса, а работники прокуратуры должны были проверять выполнение этих требований.

Реализация положений постановления предполагала недопущение впредь тех «недостатков и извращений», которые стали возможными благодаря подрывной деятельности, как уже отмечалось выше, «пробравшихся» в органы НКВД «врагов». Согласно принятому документу именно они запутывали уголовные дела, проводили необоснованные аресты, организовали систему упрощенного ведения следствия и суда, бездоказательно осуждая тысячи невинных к расстрелу либо длительным срокам наказания в лагерях и тюрьмах.

В заключении постановления работники НКВД и прокуратуры предупреждали о возможном привлечении к ответственности, вплоть до судебной, в случае «нарушений советских законов и директив партии и правительства». Возникает резонный вопрос о наличии этой двойственности. Законы выработало и приняло к исполнению государство, оформив их в виде нормативно-правовых актов. Но исходя из формулировки постановления, получалось, что директивы партии и правительства приравнивались к законам. Обстановка в стране в те годы действительно позволяла поставить знак равенства между законами и волей вождя. Таким образом, воля Сталина не просто приравнивалась к закону, но была много выше и значительней. Компетентные органы подгоняли законы под волю и желания Сталина.

Постановление от 17 ноября 1938 г. по своему содержанию напоминало «Инструкцию всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и про-

кураторы», подписанную 8 мая 1933 г. И. Сталиным и В. Молотовым. Инструкция эта констатировала необходимость сокращения репрессий, связанных с кампанией коллективизации, так как потребность в массовых репрессиях, задевавших, как известно, не только кулаков, но и единоличников и часть колхозников, отпала. Приведенные в документе примеры требований с мест о выселении сотен тысяч семей и применении к ним репрессий, о фактах беспорядочных арестов партийно-советским руководством были осуждены. Складывалась картина, что Сталин и его окружение предпринимали шаги к прекращению или, по крайней мере, резкому ограничению масштабов террора и дальнейшему укреплению революционной законности в работе всех властных, в том числе и правоохранительных структур.

В обоих документах внимание сосредоточивалось на конкретных исполнителях, допуская «перегибы» и извративших политику партийного и советского руководства, направленную на благо всего советского народа. Все они заслуживали сурового наказания, но страна не должна была останавливаться на своем пути к «светлому будущему». На практике же за некоторым ослаблением репрессий предполагалось дальнейшее проведение уже намеченного Сталиным курса движения государства вперед на основе политики репрессий.

Следствием выхода данного постановления явилось издание 26 ноября 1938 г. приказа НКВД № 00762 (с грифом «Совершенно секретно»), в котором положения постановления были уже детализированы применительно к деятельности подразделений НКВД как в Центре, так и на местах, давались указания по его выполнению. В последующие месяцы НКВД и Прокуратура СССР издали еще несколько приказов и директив, разъяснявших положения и установки постановления, механизм его реализации. В их числе приказ НКВД № 00786 «О порядке согласования арестов», приказ НКВД и Прокурора СССР № 001214 от 26 декабря 1938 г. «Об отмене решений бывших троек НКВД», приказ НКВД № 00116 от 4 февраля 1939 г. «О порядке рассмотрения жалоб осужденных бывшими тройками НКВД (УНКВД)», приказ НКВД и Прокурора СССР № 001156 от 20 февраля 1939 г. «О мероприятиях по обеспечению выполнения Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия»» и др. Все названные документы имели гриф «Совершенно секретно»<sup>1</sup>.

Верховный Суд СССР своими постановлениями также внес изменения в процесс расследования политических преступлений, в частности по доказательной базе наличия умысла и политической мотивации преступления. Однако при этом продолжал действовать тезис А. Вышинского о признании обвиняемого как доказательстве вины. Еще в 1937 г. в процессе по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра» он заявлял: «Нельзя требовать, чтобы в деле о заговоре, о государственном перевороте мы подходили с точки зрения того – дайте нам протоколы, постановления, дайте нам членские книжки, дайте нам номера ваших членских билетов; нельзя требовать, чтобы заговорщики совершали заговор по удостоверению их преступной деятельности в нотариальном порядке. Ни

---

<sup>1</sup> Документы рассекречены, доступны для исследователей.

один здравомыслящий человек не может так ставить вопрос в делах о государственном заговоре. Да, у нас на этот счет имеется ряд документов. Но если бы их и не было, мы все равно считали бы себя вправе предъявлять обвинение на основе показаний и объяснений обвиняемых и свидетелей и, если хотите, косвенных улик<sup>1</sup>. На допросах к арестованным по-прежнему применялись пытки, которые были «узаконены» указанием Сталина в январе 1939 г. в отношении «явных и неразоружившихся врагов народа». Деление на «явных» и «неявных» отдавалось на откуп следователей.

Особенность постановления от 17 ноября 1938 г. заключалась и в том, что во всех бедах и прегрешениях обвинялось самое могущественное ведомство страны – НКВД. Принятием постановления (пусть и совершенно секретного) преследовалась цель показать советскому народу мудрость и справедливость «вождя народов», проявление им внимания и заботы к своему народу. С другой стороны, с учетом того, что поставленные цели кампании массового террора были достигнуты – уничтожены все настоящие и мнимые враги и оппоненты Сталина, на фоне ухудшения международной обстановки и возможной войны, маховик репрессий стоило притормозить, одновременно избавившись от наиболее одиозных и рьяных организаторов и исполнителей репрессий. Что и было сделано. Все это позволяло Сталину снять всю ответственность как с себя, так и со своего ближайшего окружения.

Аналогию с инструкцией 1933 г. мы уже отметили, но ситуация с постановлением во многом напоминала и ситуацию со статьей И. Сталина «Головокружение от успехов», опубликованной в марте 1930 г. в газете «Правда», в которой «вскрывались» «искривления генеральной линии партии» в вопросах коллективизации опять-таки отдельными руководителями и должностными лицами. Единственное отличие заключалось в том, что в постановлении от 17 ноября 1938 г. виновными были названы не отдельные лица, а уже целое ведомство.

Так или иначе издание приказа привело к началу пересмотра дел осужденных. А. Топтыгин в книге «Лаврентий Берия. Неизвестный маршал госбезопасности» со ссылкой на датированный мартом 1940 г. отчет, подписанный заместителем начальника ГУЛАГа старшим майором госбезопасности А.П. Лепиковым, приводит данные, что «за один 1939 год было освобождено как за истечением сроков изоляции, так и по другим основаниям: из лагерей – 223 600 человек, из колоний – 103 800 человек, а за первых два месяца 1940 года – 51 500 человек (в т.ч. из лагерей 33 000, из колоний 18 500 чел.)». Общая цифра в 378 900 чел. внушительна, но реальной обстановки по реабилитации или пересмотру дел не показывает. Надо учитывать, что основная масса освобожденных – это лица, осужденные за общеуголовные преступления, и были освобождены они не по причинам прекращения или пересмотра дел. Подтверждением этому могут служить данные, приведенные тем же автором. Он пишет, что за первый квартал

<sup>1</sup> Цит. по: Ленинградский мартиролог. 1937–1938. Т. 1: Август–сентябрь 1937 г. СПб., 1995. С. 11–12.

1940 г. из ИТЛ были освобождены 53 778 чел., в том числе по прекращению и пересмотру дел 16 448 чел. (9 856 и 6 592 соответственно), что составило 30,58% от общего числа освобожденных. Данные цифры могут быть вполне объективными, но только для какого-то небольшого периода времени (к сожалению, источник информации неизвестен), хотя с общим выводом А. Топтыгина, что «даже если в полгода таким образом освобождалось 20–25 тыс. человек, число освобожденных к началу войны могло составить от 100 тыс. до 120–130 тыс. человек», согласиться сложно. Автор указывает, что его «предположение основано на одном только факте анализа состава освобожденных за один квартал», поэтому приведенные им общие цифры следует рассматривать не более как предположение<sup>1</sup>.

Однако отдельные исследователи выводят еще большие цифры по числу реабилитированных. Так, журналистка из Петербурга Е. Прудникова, уже полемизируя с А. Топтыгиным, приводит данные – 170–180 тыс. чел. и резюмирует: «...до начала войны было освобождено около тридцати процентов заключенных в годы ежовских репрессий». Эти цифры и вывод являются, на мой взгляд, неверными. Прудникова оперирует цифрами, не подтвержденными официальными источниками и документами, допускает их вольную трактовку: «около половины “репрессированных” получили малые сроки... в системе исправительно-трудовых колоний...», либо, говоря об освобождении: «...мы не учитываем тех, кому, например, снизили сроки заключения» и т.п.<sup>2</sup>

Подобными аргументами и выводами исторической правды не восстановить. Приведу несколько контраргументов.

1. *Об освобождении из-под стражи.* В результате компьютерной обработки архивно-следственных дел на репрессированных жителей нынешних Алтайского края, Томской и Кемеровской областей установлено, что в 1939–1940 гг. из-под стражи были освобождены всего 841 чел. (536, 171 и 134 соответственно) в связи с прекращением дел за отсутствием состава преступления, за неподтверждением предъявленного обвинения и по другим причинам (табл. 34). Например, прокурор Новосибирской области А. Захаров в обзоре на имя А. Вышинского в марте 1939 г. привел несколько примеров освобождения из-под стражи. Так, освобожденным УНКВД Ивановым<sup>3</sup> (один из активнейших проводников политики массовых репрессий в регионе в годы «Большого террора». – В.У.) было воз-

<sup>1</sup> Топтыгин А. Лаврентий Берия. Неизвестный маршал госбезопасности. М., 2005. С. 79–80.

<sup>2</sup> Прудникова Е. Берия. Последний рыцарь Сталина. М., 2008. С. 125–128.

<sup>3</sup> Иванов Федор Николаевич, 1905 г.р., род. дер. Мураши Еланского р-на Омской обл., из семьи крестьянина-середняка, образование среднее, член ВКП(б) с 1930 г. В органах ОГПУ с 1 октября 1931 г., с 1936 г. в г. Сталинске помощник начальника горотдела НКВД, с 1937 г. – врио начальника 3-го отдела, с 1938 г. – начальник 3-го отдела УНКВД по Новосибирской обл. В январе 1941 г. отстранен от должности и 19 апреля арестован. Освобожден 26 июля 1941 г. «по мотивам нецелесообразности привлечения к уголовной ответственности в условиях военного времени». Направлен на фронт начальником Особого отдела 22-й танковой бригады, после контузии в 1942 г. возглавил отдел «Смерш» Томского гарнизона. С 1947 г. – начальник отдела контрразведки Саратовского УМГБ, с 1950 г. – начальник отдела охраны МГБ железнодорожной станции Львов. В 1952 г. уволен в запас в звании полковника. Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды (дважды), медалями. В 1954 г. исключен из рядов КПСС. Арестован 10 октября 1955 г. и в апреле 1958 г. Военным трибунал СибВО осужден на 10 лет ИТЛ и 3 года поражения в правах по ст. 58-7 УК («вредительство») за фальсификацию следственных материалов, по результатам чего были расстреляны более 1000 чел.



буждено в декабре 1937 г. в отношении начальника ТПО УНКВД Аскарлова, его заместителя Пискарёва и других работников подразделения дело по ст. 58-7-11 УК РСФСР. После 14 месяцев содержания под стражей прокуратура предложила освободить арестованных, так как в их действиях содержались только должностные преступления, но начальник УНКВД И. Мальцев отказался освободить их, и только после его ареста (через месяц) все арестованные были освобождены.

Таблица 34

**Численность освобожденных из-под стражи в связи с прекращением или пересмотром дел в 1939–1940 гг. в Алтайском крае, Томской и Кемеровской областях (в рамках современных границ)**

Субъект	Количество арестованных в 1937–1938 гг.	Число освобожденных из-под стражи в 1939–1940 гг.	% от числа арестовывавшихся в 1937–1938 гг.
Алтайский край	15 465	536*	3,47
Томская область	12 710	171	1,35
Кемеровская область	25 621	134	0,52
<b>Всего</b>	<b>53 796</b>	<b>841</b>	<b>1,56</b>

\* В Алтайском крае статданные сформированы по принципу учета прекращенных дел (в том числе прекращенных в связи со смертью).

Источник: Подсчитано автором по результатам обработки данных автоматизированных баз данных репрессированных жителей Алтайского края, Томской и Кемеровской областей.

В Ленинск-Кузнецке после 15 месяцев содержания под стражей по обвинению в преступлении по ст. 58-10 УК был освобожден работник парткабинета И.А. Шпилькевич, а в Прокопьевском ГО НКВД более двух лет велось следствие по ст. 58-7 УК в отношении бухгалтера отделения «Кузбассторга», освобожден в марте 1939 г. только после вмешательства прокурора, и т.д.<sup>1</sup>

В последующие годы, например в Томской области, число освобождаемых из-под стражи в год не превышало нескольких десятков человек, сократившись к 1948 г. до единиц<sup>2</sup>.

Приведенные цифры не позволяют вести речь о трети освобожденных от общего числа осужденных «контрреволюционеров». Учитывая существовавшие в системе НКВД принципы соревнования по направлениям оперативно-служебной деятельности, выполнению «контрольных» цифр и т.п., трудно допустить, что чекисты Алтая и Томска входили в число худших.

Еще более категоричен в оценке числа освобожденных А. Солженицын. Он писал: «Обратный выпуск 1939 года – случай в истории Органов невероятный,

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 4. Д. 3. Л. 2–4. Освобождение основной массы арестованных стало возможным опять-таки в силу указания «свыше» – в п. 7. приказа НКВД «Об образовании Особых троек для рассмотрения дел на арестованных в порядке приказов НКВД СССР № 00485 и других» указано, что Особые тройки могли выносить решения «об освобождении обвиняемых из-под стражи, если в делах нет достаточных материалов для осуждения обвиняемых». Это позволило закрыть тянувшиеся иногда годами дела, по которым обвиняемых сломить в ходе следствия не удалось, и освободить, хоть в малой степени, переполненные места их содержания.

<sup>2</sup> Подсчитано автором по результатам выборки из автоматизированной базы данных на репрессированных жителей Томской области.

пятно на их истории! Но впрочем этот антипоток был невелик, около одного-двух процентов взятых перед тем – еще не осужденных, еще не отправленных далеко и не умерших. Невелик, а использован умело. Это была сдача копейки с рубля, это нужно было, чтобы все свалить на грязного Ежова, укрепить вступающего Берия и, чтобы ярче воссиял Вождь. Этой копеей ловко вбили оставшийся рубль в землю. Ведь если «разобрались и выпустили» (даже газеты бестрепетно писали об о т д е л ь н ы х оклеветанных) – значит остальные-то посаженные – наверняка мерзавцы! А вернувшиеся – молчали. Они дали подписку. Они онемели от страха...»<sup>1</sup>.

А ведь если вдуматься, то следует безоговорочно согласиться со сказанным. Ведь действительно выпускали «отдельных» и преимущественно не из лагерей, а находившихся под следствием. И если следовать этой логике, то если были «отдельные», то кто остальные? Вывод однозначен – враги. Следствие же этого вывода – наличие и усиление чувства страха и опасности для большинства населения, с одной стороны, а с другой – вера в утверждения «власть придержавших» о необходимости всемерного повышения бдительности и поиска этих врагов, опять же для того, чтобы обезопасить себя (инстинкт самосохранения). И искали, и находили...

2. *О малых сроках заключения.* Необходимо четко представлять, что абсолютное большинство всех руководящих и директивных документов как партийно-советских, так и правоохранительных структур, по крайней мере конца 1920–1930-х гг., обычно предполагали и рекомендовали применять «суровые меры» ответственности за содеянное преступниками, т.е. «врагами народа». В октябре 1937 г. постановлением ВЦИК СССР максимальная мера лишения свободы за контрреволюционные преступления была увеличена с 10 до 25 лет. Необходимо также учитывать, что с апреля 1935 г. по Постановлению ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» можно было расстреливать даже двенадцатилетних подростков.

В 1937–1938 гг. лишение свободы на срок менее 5 лет практически не применялось. Из 12 710 репрессированных жителей Томской области срок менее 10 лет в эти годы получили 820 чел. (6,45%). На Алтае такие сроки получили 3 766 чел. (24,35%), в Кемеровской области – 254 чел. (0,99%)<sup>2</sup>. Однако следует учитывать, что очень часто осуждали на 8 и 7 лет, что, конечно же, к малым срокам отнести нельзя.

3. *О сокращении сроков наказания.* Сокращение срока наказания не является реабилитирующим основанием и в рассматриваемый период на политических не распространялось.

На мой взгляд, число освобожденных было намного меньше от приведенных А. Топтыгиным и Е. Прудниковой цифр и исчислялось лишь несколькими десятками тысяч человек. Поддержу позицию П. Соломона, который привел пример, что Верховный Суд СССР начал пересмотр и отмену приговоров, вынесенных по

<sup>1</sup> Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1. М., 1990. С. 75.

<sup>2</sup> Подсчитано автором по результатам выборки из автоматизированных баз данных на репрессированных жителей Томской, Кемеровской областей и Алтайского края.

политическим делам, в конце декабря 1938 г., о чем достаточно широко освещалось в советской печати. При этом данные Р. Медведева о нескольких «десятках тысяч» отмененных приговоров (цифры, несомненно, завышены. – В.У.) он берет в кавычки. Пересмотр же дел на осужденных «тройками» НКВД требовал непосредственного участия в процедуре пересмотра начальников УНКВД, что было нереально, и «в результате общее количество заключенных, осужденных тройками, которые обрели свободу в 1939 и 1940 гг., было незначительным. Предположительно оно не превышало нескольких тысяч человек...»<sup>1</sup>.

Причин этому несколько. Во-первых, приказ НКВД от 26 ноября 1938 г. начал поступать на места только в декабре. Механизм его исполнения был во многом не ясен. Во-вторых, надлежало провести отбор «кандидатов на освобождение» из почти миллионной армии заключенных по политическим мотивам. Эта проблема была наиболее сложной, так как в лагерях сделать отбор было практически невозможно: на заключенного имелся совсем незначительный набор документов – учетная карточка заключенного, содержащая краткие биографические данные, сведения об осуждении (каким органом, когда и по какой статье) и некоторые другие. В деле чаще всего содержались «набор» тех же данных, а также служебная переписка в отношении заключенного – выписка из решения «тройки», справка о состоянии здоровья, меморандум с характеристикой заключенного и оценкой его социальной опасности, информация о передвижении по местам лишения свободы, если таковое имело место. Но на основании этих документов выяснить правомерность или неправомерность осуждения практически невозможно, так как материалы следствия хранились в органах НКВД, ведших следствие.

Сложности с исполнением Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. испытывали и органы прокуратуры на местах, опять-таки в силу уже названных причин, в чем вольно или невольно признался прокурор Новосибирской области А. Захаров. В отчете по итогам работы спецотдела прокуратуры за первый квартал 1939 г. в Прокуратуру страны он докладывал, что работа по пересмотру дел, рассмотренных «тройкой» УНКВД, по жалобам от осужденных и их родственников была «в основном начата нами с половины февраля 1939 г. За полтора месяца было пересмотрено 173 дела, по которым в 32 случаях (18,5%) решения «тройки» опротестованы, еще 44 дела (25,4%) были направлены на исследование»<sup>2</sup>. Таким образом, сотрудники прокуратуры признавали, что в 97 случаях осуждение за «контрреволюционное» преступление соответствовало харак-

<sup>1</sup> Соломон П. Указ соч. С. 247.

<sup>2</sup> ГАНУ. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 244. Л. 5–6. Одновременно он сообщал в Москву, что в прокуратуре находится около 2 тыс. жалоб, по которым необходимо было пересматривать дела. «Практика пересмотра этих дел показала, что сейчас по Новосибирской области требуется пересмотреть все дела, рассмотренные «тройкой», о чем мною направлена... специальная докладная записка». См.: Там же. Л. 6.

К сожалению, мне не удалось обнаружить этот документ. Полагаю его очень важным, хотя бы с целью понимания причин его написания и последовавшей (или не последовавшей) реакции со стороны вышестоящих инстанций, а еще – выводов и предложений прокурора одной из крупнейших областей страны, содержащихся в записке. Неужели произошло хоть какое-то осознание и признание проявлений беззакония и произвола со стороны лиц, олицетворявших собой Закон в Государстве?

теру обвинения – в шпионаже, измене Родине, вредительстве, в проведении контрреволюционной агитации, совершении диверсий и т.п. Да и отправка дел на следствие не преследовала, по крайней мере вряд ли предполагала оправдание обвиняемых.

Подобные действия можно понимать и воспринимать как элемент некоей перестройки и проявления осторожности – сложно понять и воспринять резкую смену проводимой в стране политики – еще только что признаваемой всеми как единственно правильной и верной, по борьбе с врагами. Кому как не сотрудникам прокуратуры приходилось видеть и реализовывать на практике путем «благословения» органов власти и управления на реализацию на практике принимавшихся «свыше» решений, ощущать смену векторов и т.п., ведь еще летом 1937 г. государство сделало их просто статистами, отведя роль пособников и соучастников в развернувшихся в стране массовых репрессиях. И вдруг уже они требуют и побуждают совсем недавно «всесильные» органы НКВД выполнять их требования и претензии. А что может произойти завтра, в ближайшем или отдаленном будущем?

Вопрос не риторический, в такой форме поставлен не случайно. Сотрудники прокуратуры (суда, милиции, пенитенциарной системы и др.) действительно стали соучастниками творившегося беспредела и беззакония. Сегодня, по прошествии десятков лет, в сознании населения продолжает жить уверенность в том, что виновниками в организации и проведении массовых репрессий в стране были сотрудники НКВД, в частности, Управления государственной безопасности НКВД СССР. И подпитка, и воздействие на сознание граждан в этом направлении продолжают до настоящего времени. При этом никто, на мой взгляд, серьезно не исследует и не оценивает реальное участие в репрессиях органов суда, прокуратуры, милиции, пенитенциарной системы, партийно-советских органов всех уровней. Так проще, удобнее для очень многих государственных структур и ведомств поддерживать устоявшийся стереотип, самим оставаясь в стороне. Но нельзя забывать и то, что лишь за два дня до выхода Постановления от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» А. Вышинский отдал распоряжение прокурорам на места о приостановлении рассмотрения всех дел на «тройках».

Несомненно, органы НКВД сыграли главную роль в происшедших трагических событиях, но документы свидетельствуют также и против их «подельников». Например, в совершенно секретном информационном бюллетене от 20 ноября 1937 г. отдела по спецделам Новосибирской областной прокуратуры указывается, что «органами прокуратуры по Новосибирской области за последние месяцы (июль–ноябрь) **вскрыты и ликвидированы** (выделено мною. – В.У.) в промышленных предприятиях, земельных органах, МТС, совхозах, колхозах и заготовительных органах **ряд контрреволюционных подрывных, вредительских и саботажнических групп и контрреволюционные элементы**» (подчеркнуто в тексте. – В.У.). А далее на 12 листах приводятся 45 примеров с

кратким описанием сути материалов, а еще 82 чел. были преданы суду за контрреволюционную агитацию<sup>1</sup>.

В другом случае назначенный и.о. прокурора области вместо арестованного И. Баркова И. Новиков докладывал в обком ВКП(б) и облисполком о вскрытии прокуратурой контрреволюционной вредительской группы, состоявшей из активных карателей и участников Колыванского восстания (как уже отмечалось, участие в восстании, независимо от роли в нем, стало «черной отметиной» для сотен человек). Этими карателями и участниками восстания были объявлены председатель колхоза «Политотдел» Лифашин, зав. молочно-товарной фермой Борисенко и бригадир Калинин. Все они были обвинены во вредительстве и контрреволюционной агитации (ст. 58-7-10 УК), дело было передано в спецколлегию областного суда. В конце справки имеется помета, что «настоящее письмо всем адресатам вручено лично т. Новиковым на бюро обкома 2.Ш.[1938 г.]»<sup>2</sup>.

В апреле 1938 г. Новиков отчитался об аресте прокуратурой и привлечении к уголовной ответственности по ст. 58-7-11 УК девяти участников контрреволюционной вредительской группы в колхозе «Кузнец» Кемеровского района и т.д.<sup>3</sup>

Подобных справок, докладов, информационных писем (а были также многочисленные циркуляры, директивы на места, многие из которых публиковались в печати), в государственных архивах хранятся тысячи, а вот уголовные дела – преимущественно в архивах органов госбезопасности, лишь небольшая их часть передана в госархивы. Не это ли также сыграло определенную роль в выработке и формировании стереотипа о «стрелочниках»?

Разделяю позицию А. Здановича, что, к сожалению, отдельные авторы (в прошлом работники прокуратуры), такие как В. Бобренев и В. Рязанцев (см. работу этих авторов «Палачи и жертвы»), Главный военный прокурор, зам. Генерального прокурора России А. Савенков (см. «Военная прокуратура. История и судьбы») и некоторые другие излишне акцентируют внимание на наличии противоречий между чекистскими органами и прокуратурой по вопросу контроля последних за деятельностью сотрудников органов. Подобные «конфликты» имели место, особенно на низшем уровне, но в целом данная позиция – попытка переложить всю ответственность за репрессии только на органы госбезопасности<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 4. Д. 1. Л. 1–12.

<sup>2</sup> Там же. Оп. 1. Д. 239. Л. 4–6.

<sup>3</sup> Там же. Л. 16–17. Подобная активность была характерной не только для Западной Сибири. Е. Прудникова привела пример по Куйбышевской области. Председатель ЦКК нарком РКИ Андреев 4 февраля 1938 г. докладывал: «Начали проверять, нет ли произвольных арестов. Оказалось **много фактов произвольных арестов по областной и районной прокуратуре** (выделено мною. – В.У.). Так как органы НКВД оказывали известное сопротивление произволу, идущему от обкома и секретарей РК (райкомов. – В.У.), ныне разоблаченных как врагов народа, то арестовывали без оснований через областного и районных прокуроров. За прокуратурой имеется 250 человек, арестованных по ст. 58. Все эти дела мы перечислили в НКВД с поручением через свой следственный аппарат проверить каждый арест...». Цит. по: Прудникова Е. Хрущев. Творцы террора. М., 2012. С. 187.

<sup>4</sup> См.: Зданович А. Указ. соч. С. 141–146.

Выполнение приказов именно в органах НКВД оказалось серьезной проблемой в силу нескольких факторов.

1. Постановление от 17 ноября 1938 г. констатировало не только допущение сотрудниками НКВД нарушений закона, но и необходимость продолжения борьбы с «врагами народа». Назначенный в ноябре 1938 г. секретарем Новосибирского обкома ВКП(б) Г.А. Борков на совещании сотрудников УНКВД разъяснил реальный смысл данного документа следующим образом: «Будет совершенно неправильно понимать это решение как решение, которое должно ослабить наш аппарат, внимание органов НКВД и судебно-следственного аппарата в вопросах борьбы с контрреволюционными и иными преступлениями. Безусловно, если кто так понимает – это неправильно.

Решение Центрального Комитета партии обязывает нас умножить нашу большевистскую бдительность. Усилить борьбу с врагами народа... Разоблачительная работа, выкорчевывание вражеских остатков должно продолжаться еще более напряженно, с еще более нарастающими темпами, но должно продолжаться иными методами. Методами, которые записаны в Сталинской Конституции...»<sup>1</sup>.

И эта борьба была продолжена. Число только осужденных за контрреволюционные преступления в 1939–1940 гг. составило 135 695 чел. (63 889 и 71 806 соответственно). Число арестованных и находившихся под следствием было еще большим. Только в Томской и Кемеровской областях и Алтайском крае за период с 1939 по июнь 1941 г. за контрреволюционные преступления были арестованы 4 169 чел. (366, 1 217 и 2 586 соответственно), из них в Томской области и на Алтае расстрелу подверглись 1 450 чел. (400 и 1 050 соответственно)<sup>2</sup>.

2. Кадровая проблема: городские и районные аппараты НКВД по численности редко превышали 30–40 чел. всего личного состава, а оперативный состав насчитывал менее половины этой численности. Начало кампании по «исправлению ошибок» совпало с чисткой органов НКВД, организованной Берией, в ходе которой часть сотрудников была арестована и предана суду, часть уволена из органов или переведена в другие подразделения НКВД либо направлена в другие органы. Вновь принятые на службу сотрудники не имели ни опыта, ни знаний форм и методов оперативной работы, не владели чаще всего и в малой степени спецификой следственного процесса. Более того, никто из сотрудников не понимал сути реабилитации и механизма пересмотра дел. Ведь еще накануне приходили приказы и указания со ссылками на решения партии и правительства об искоренении многочисленных «врагов». Невольно возникали вопросы: как (и кого) в этих условиях искать и устранять свои собственные «ошибки, недостатки и извращения», как выглядеть в глазах «молодых» сотрудников и др. А за что тогда давали ордена и звания, повышали по службе?

Прокурор Новосибирской области А. Захаров в марте 1939 г. в обзоре по делам НКВД, прошедшим через областную прокуратуру за ноябрь–февраль (4 месяца) на имя прокурора страны А. Вышинского, прямо отмечал, что «после полу-

<sup>1</sup> Цит. по: Папков С.А. Обыкновенный террор... С. 252.

<sup>2</sup> Подсчитано автором. Данные по осужденным в Алтайском крае даны за весь 1941 г.

чения постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г., особенно после привлечения к уголовной ответственности работников Ленинского горотдела НКВД за искусственное создание дела, среди работников НКВД чувствуется растерянность, о чем свидетельствует изъятие из областного суда дел, ранее направленных по ст. 58 УК, освобождение по этим делам арестованных и прекращение их по ст. 58 УК...».

О растерянности, имевшей место среди работников НКВД области, свидетельствовал и такой факт: «...за время с 20 ноября 1938 г. по 1 марта 1939 г. за санкциями на арест обратились в облпрокуратуру только на 4-х человек. Об этом свидетельствуют факты, когда работники НКВД при наличии в действиях привлеченных лиц контрреволюционных преступлений, переквалифицируют дела по ст. 109 УК и направляют в суд»<sup>1</sup>.

Немногим ранее, при анализе поступавших в прокуратуру дел из УНКВД, он отметил, что из 545 дел только 226 были переданы в суд, а остальные были возвращены для доследования, прекращены и получили другие направления. Из возвращенных в органы УНКВД дел «только небольшая часть дел возвратилась снова в облпрокуратуру. Часть из них прекращена в органах НКВД, а по остальной части возвращённых дел, в количестве около «190» (вписано от руки. – В.У.) дел, прокуратура до сего времени не может добиться ясности – где и в каком положении они находятся»<sup>2</sup>.

Неоднократное обращение в УНКВД по Новосибирской области к устранению окончания следствия по этим делам ни к чему не привели. По вопросу о возможности оказать воздействие на управление через НКВД СССР А. Захаров вынужден был обращаться в отдел по спецделам Прокуратуры страны<sup>3</sup>.

Психологическое состояние сотрудников органов НКВД, на мой взгляд, достаточно полно характеризовал бывший начальник Томского городского отдела НКВД И. Овчинников. Будучи арестованным, он написал в следственную часть НКВД письмо (на заготовках для свертывания самокруток размером примерно 6 × 6 см, что после «расшифровки» вылилось в 24 листа (форматом свыше А 4 каждый) машинописного текста практически без интервала и полей, в котором, в частности, писал, что его «посадили в тюрьму за поступки и действия, в правильности которых он не сомневается... и не имел права сомневаться, которые в те времена при той обстановке не считались даже ошибкой, но которые сейчас (в 1940 г. – В.У.)... возведены в ранг тяжелого преступления. ...Впечатления о следственной обстановке в Москве... страшные по существу рассказы арестованных о методах следствия; анализ своих собственных поступков, действий и работы; мысли об этой принявшей при Ежове такие грандиозные, умопомрачающие размеры операции, арестов по всему СССР; ненависть и злоба по отношению к себе, к судьбе за то, что в силу сложившейся обстановки и **внушения сверху** (здесь и далее выделено мной. – В.У.) принимал участие в этой операции,

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 4. Д. 3. Л. 10.

<sup>2</sup> Там же. Л. 1.

<sup>3</sup> Там же. Оп. 1. Д. 244. Л. 6.

не оставляло меня ни на минуту, толкало от одной глупости к другой и довело до состояния, близкого к помешательству.

Безумная обстановка 1937 года, безумное проклятое время, тот психоз, которым были охвачены все мы, лишили разума и обрекли с неизбежностью рока на действия, которые возведены сейчас в преступление.

Я совершил в прошлом действия и поступки, которые при совершении их в той обстановке не считал преступными, ибо никакой другой цели, как польза дела и **точное выполнение директив УНКВД, я не имел.** Да во всех этих поступках, которые возведены в ранг преступления, виновен не столько я, сколько та объективная обстановка работы и поведение других работников, **указания и директивы УНКВД, которые я не мог не выполнять.** Тогда была другая политическая обстановка, другой политический разум и вытекающая из него оперативная сознательность. Сейчас же “другие времена, другие песни”.

Я был поражен установками на размеры операции, на упрощенный порядок следствия, на методы вскрытия правотроцкистских организаций и т.д. Я пережил тогда жуткие минуты страшной внутренней борьбы, примерял свою совесть и рассудок, не согласные с этой операцией, с необходимостью выполнения долга службы, диктуемого сверху со ссылкой на Москву, но бороться с этой линией НКВД не смел, т.к. думал, что раз Москва требует – значит, так надо; значит, я оперативно и политически отстал, не вижу того, что видно с Московской колокольни, на которой сидел Ежов. А ведь **Ежов – это не только Нарком НКВД, это для меня был, прежде всего, секретарь ЦК и председатель комиссии партийного контроля. Это, как говорится, не фунт изюму. Все ссылки на него в УНКВД я понимал, прежде всего, как ссылки на указания ЦК ВКП(б). Да и как можно было сомневаться, если тебе говорят о директивах ЦК и правительства, если прокуратура дает такие же директивы, если дела по правым и троцкистам рассматривались в суде явно упрощенным порядком...»<sup>1</sup>.**

Ему вторили другие сотрудники органов НКВД региона, пусть и через годы. Так, начальник отделения 3-го отдела УНКВД по Новосибирской области О. Эденберг в ходе судебного заседания в марте 1958 г. показал: «Мне нельзя предъявлять обвинение в совершении... преступления, ибо я... как и другие сотрудники органов НКВД, в то время выполняли приказы и директивы начальников, хотя я лично никогда этих документов и не читал. Возражать из нас никто не мог, иных мнений, чем были в директивах начальства, не высказывалось никем. Вообще-то для меня было дико и непонятно всё это: официальные указания начальства о массовых арестах, давление партийных организаций в этом же направлении, митинги, плакаты, лозунги об усилении репрессий. Но что мог сделать я, если существовала официальная линия.

Я – не философ, но ведь теперь признано, что теоретически неправильной была формула Сталина об усилении массовых репрессий в связи с, якобы, имеющимся обострением классовой борьбы. А ведь это была директива ЦК, и я, как и другие, должен был выполнять эту директиву...»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. 5621. Т. 8. С. 25–26, 43.

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Новосибирской области. Д. 18447 о/ф. Т. 16. Л. 27.



Ссылкой на волю вышестоящих и их указания «оправдывал» себя и бывший начальник отделения 3-го отдела Сиблага НКВД И.И. Колесников, показавший на допросе в 1957 г.: «Необходимо заметить, что оперативные работники... видели, что допускается беззаконие, однако не только противостоять этому беззаконию, но даже и обсуждать его мы не имели права потому, что руководство управления и отдела заявляло, что такова директива центра, и мы обязаны выполнять её, в противном случае сами можем понести тяжелое наказание... В результате такой тяжелой обстановки в управлении, где на моих глазах избивали и истязали известных мне честных сотрудников органов, таких, например, как Сурнов, Мортон (правильно Суров, Мартон. – В.У.) и других, я вынужден был выполнять все, что мне приказывало непосредственное начальство»<sup>1</sup>.

Действительно, были приказы, указания и директивы, были оперативные и партийные совещания и собрания, на которых давали установки и разъяснения, объяснявшие необходимость репрессий и санкционировавшие прямое нарушение Закона, фальсификацию материалов, применение физического насилия над арестованными и многое другое. Но если это случилось, значит зомбирование и оболванивание, в данном случае сотрудников правоохранительной системы страны, было достигнуто и дало свои результаты. А отличались ли от них те, кто пришел им на смену? Скорее всего нет.

3. Количество дел, подлежащих пересмотру, по стране составляло сотни тысяч, от дел на отдельных лиц до дел с десятками и сотнями фигурантов. В качестве примера приведу выдержку из письма начальника Особого отдела УГБ НКВД 78-й стр. дивизии П.А. Егорова Сталину, написанного в декабре 1938 г.: «...примерно до конца сентября или начала октября месяца 1937 года операция... не касалась широких слоев населения. С октября 1937 года в массовом количестве стали поступать категорические требования усиления операции. Телеграммами указывалось подвергнуть массовым арестам всех перебежчиков, поляков, латышей, иранцев, лиц, прибывших с КВЖД («харбинцев»), и др.

УНКВД НСО (Новосибирской области. – В.У.) стало спускать периферии «контрольные цифры» на арест, называвшиеся «минимум», так как давать результаты ниже их запрещалось. Например, Томск получил такие контрольные цифры на 1 500, 2 000, 3 000 человек».

А приехавший в Томск в начале декабря зам. начальника УНКВД И. Мальцев на совещании с оперативным составом поставил задачу в связи с продлением срока «операции» активизировать работу по арестам «врагов»... «Нам нужно «нажать», т.к. наши уральские соседи нас сильно «поджимают» (идут по операции впереди Новосибирского УНКВД. – В.У.)... **Каждый ведущий следствие должен заканчивать не менее 7–10 дел в день – это немного, т.к. у нас шофера в Сталинске и Новосибирске «дают» по 12–15 дел в день...** Учтите, что ряд горотделов – Кемеровский, Прокопьевский и Сталинский – вас

<sup>1</sup> Политические репрессии в Алтайском крае. 1919–1965. Барнаул, 2005. С. 163.

могут опередить. Они взяли на себя самообязательства выше, чем я вам сейчас предложил»<sup>1</sup>.

Другим подтверждением наличия соревнования между подразделениями могут стать показания бывшего сотрудника УНКВД Ю. Бермана: «Несколько... фактов по 3 отделу, свидетельствующих о том, как люди в погоне за орденами, медалями, значками почётного чекиста изошрялись и соревновались «кто больше даёт дел».

В конце 1937 г. начальник 3-го отдела Иванов, придя... с совещания от Мальцева созвал оперсовещание отдела, на котором перед отделом поставил задачу в ближайшую десятидневку дать 300–350 дел... Кононов в ответ на такой призыв Иванова бросил клич «Я с отделением дам 150 дел в 3-4 дня, вызываю отделение Шестовицкого и Эденберга... И действительно Кононов с отделением 5-6 человек выполнил своё обещание. Но... как Кононов сумел в 5 дней провести арест около 150 человек и провести следствие? Это раскрывается очень просто, надо только иметь желание, грубую безответственность, пойти на такое крупное преступление...».

Для достижения результата были использованы адресные листки из адресного бюро – в отдел были принесены несколько сот таких листков, из которых сотрудники отделения выбирали «поляков» и готовили списки. На вопрос, чем сотрудники занимаются, последовал ответ: «...поляков выбираем, садить-то надо, слышал – наш начальник соревнуется. Таким образом, компрометирующие материалы из адресных листков были найдены. Списки подписаны, санкция от прокурора была получена незамедлительно, Барков был в любое время готов к услугам – и наложить санкцию, и арест 150 человек, проходящих по списку, «санкционирую» ему стоили 3 минуты времени. Дальше... всё отделение мобилизуется на выпуск ордеров. Ордера за... 4–5 часов готовы...». Затем брались на практику слушатели оперативных курсов, сотрудники, всего человек 70, которым раздавали ордера и после 10 часов вечера начинались аресты.

Кононов вышел победителем в «соревновании», Шестовицкий и Эденберг немного отстали. Они использовали для подбора нужных контингентов учеты отделов кадров разных учреждений и организаций<sup>2</sup>.

Мною приведен один пример по одному гораппарату НКВД, а ведь таких подразделений в системе НКВД были сотни, и контрольные цифры доводились до всех, а правила соревнования требовали их выполнения, так как победителей награждали и возвышали, а последних наказывали – таков принцип социалисти-

---

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области Д. П-5046. Т. 2. С. 165, 170–171; Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... С. 98–99. В январе 1940 г. прокурор Новосибирской области А. Захаров в докладе на имя первого секретаря Новосибирского обкома ВКП(б) Пуговкина привел пример, что в Кемеровском ГО НКВД в 1937–1938 гг. сотрудники горотдела Белобородов, Яковлев, Мартемьянов, Юдин и др. втянули в фальсификацию дел ряд работников партактива города – «принуждали их давать ложные показания против арестованных в их контрреволюционной деятельности, заставляли сочинять протоколы допросов арестованных и признание ими вины, подделывать подписи арестованных на протоколах допросов, когда обвиняемые отказывались подписывать такие протоколы (дела Кушнаренко Г.И., Скок и др., где подделывали подписи)». См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 259. Л. 4.

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Новосибирской области. Д. 18447 о/ф. Т. 7. Л. 331–332.

ческого соревнования, общий для всех, независимо от направления и профиля деятельности.

Таким образом, несмотря на рост численности кадрового состава НКВД, можно с большой вероятностью утверждать, что плановой кампании реабилитации организовано не было, а в органах НКВД на местах обошлись минимумом приложения усилий. Так, при проработке фондов приказов по делопроизводству и личному составу УНКВД по Новосибирской области не было выявлено каких-либо распорядительных документов об организации работы по пересмотру уголовных дел, созданию каких-либо рабочих органов для этой деятельности.

В. Онищенко, со ссылкой на архив новосибирского УФСБ, отмечал, что приказом от 9 мая 1940 г. в Управлении была создана и действовала следственно-оперативная группа по пересмотру архивно-следственных дел на осужденных бывшей «тройкой» УНКВД. Но группа работала непродолжительное время, серьезных результатов не достигла, и работа была прекращена<sup>1</sup>.

Информация, несомненно, представляет интерес, но одновременно возникают вопросы – почему группа была создана только в 1940 г. и для каких целей, ведь период так называемой «Бериевской оттепели» уже завершился, её задачи, численность, состав, результаты работы, почему она оказалась свернутой и др. Какое-либо объяснение этому факту найти трудно, тем более своего «следа в истории» эта группа не оставила.

4. Работа с архивно-следственными делами позволяет сделать предположение, что пересмотру подверглись, в первую очередь, дела групповые и те, которые велись «врагами народа и шпионами», проникшими в органы НКВД. Такими в УНКВД по ЗСК (НСО) оказались Г.Ф. Горбач, И.А. Мальцев, Н.С. Великанов, И.В. Овчинников, А.И. Успенский, Д.К. Салтымаков, Ф.Н. Иванов, А.П. Невский, Б.Е. Меринов, В.И. Евсеев, Н.И. Таныгин, Ф.В. Воистинов, Б.М. Резниченко, М.И. Длужинский, М.О. Голубчик, А.А. Белобородов, А.М. Степанов, Д.Т. Кононов, А.Г. Луньков, А.И. Белоусов и др. **На Алтае** – С.П. Попов, П.Р. Перминов, И.К. Лазарев, И.Я. Юркин, Т.К. Салтымаков, В.И. Смольников, Г.С. Каменских, Г.Л. Биринбаум, И.Я. Шутилин, А.Т. Степанов, А.А. Жилков, Т.У. Баранов. **В Омской области** – К.Н. Валухин, К.К. Пастаногов, Г.Я. Витковский, Г.Н. Саенко, сотрудники Тарского окротдела НКВД Шиманов и Шиповалов, «следователи» З.А. Пешков, О.О. Вазбис, М.Л. Залкин, В.Г. Каган, Г.Л. Ракита и др.

Другим источником для пересмотра дел могли быть обращения осужденных к лишению свободы в адрес ЦК ВКП(б), И. Сталина, членов Политбюро и секретарей ЦК ВКП(б), Прокурору СССР, наркомам, которые в абсолютном большинстве адресатам не направлялись, а подшивались в дела документами служебной переписки. Факты использования этих обращений при пересмотре подтверждаются материалами, хранящимися в пересмотренных делах.

---

<sup>1</sup> Онищенко В.В. Трудная дорога к правде (о реабилитации жертв политического террора в Кузбассе) // Известия Алтайского университета. 2009. № 4/2 (64/2). С. 148.

Количество жалоб, особенно после выхода постановления от 17 ноября 1938 г., в последующий период времени постоянно возрастало, абсолютное большинство из них поступало в органы НКВД и прокуратуры на местах. Например, прокурор Новосибирской области А. Захаров в июне 1940 г. на бюро обкома ВКП(б) в связи с постановкой вопроса о работе по надзору за органами УНКВД в докладной записке на имя секретаря обкома ВКП(б) Пуговкина сообщал, что только за 1939 г. в спецотдел прокуратуры области поступило 15 915 жалоб от осужденных внесудебным порядком или от их родственников, а за первые 5 месяцев 1940 г. поступило еще 4 713 жалоб. Еще 600 жалоб поступило непосредственно в Управление НКВД. Из общего числа поступивших обращений граждан на 1 ноября 1940 г. нерассмотренными оставались 3 614 (17,52%). При этом Захаров объяснял, что к систематическому рассмотрению жалоб в прокуратуре приступили с 1 августа 1939 г., так как «до этого имевшиеся в аппарате отдела два прокурора не успевали даже читать жалобы».

За указанный период времени были рассмотрены 4 110 дел, опротестованы решения «троек» по 581 делу, направлено на доследование 1 566 дел<sup>1</sup>.

Порядок рассмотрения жалоб был следующим. Если прокурор по спецделам усматривал нарушения в проведении следственных мероприятий в отношении осужденного, то он выносил протест на предмет пересмотра дела. После вынесения протеста органы НКВД начинали дополнительное расследование, связанное с перепроверкой ранее полученных показаний, выявлением новых свидетелей и передопросом старых, направлением запросов и т.п. Но очень часто это расследование превращалось в формальный акт. И. Гридунова, рассматривая роль прокуратуры в реабилитационных мероприятиях 1939–1941 гг.<sup>2</sup>, отмечала конкретные случаи, когда следствие прокуратуры, доказывавшее невиновность осужденного, не становилось причиной для более качественного доследования сотрудниками НКВД и не влияло на пересмотр дела.

Рассмотрение жалоб шло очень медленно. Так, за период с января по сентябрь 1940 г. в краевую прокуратуру поступило 27 253 жалобы, из них 12 845 (47,1%) – по спецотделу на приговоры, вынесенные внесудебными органами – «двойками», «тройками» и Особым совещанием. В отдельных случаях эти жалобы рассматривались по нескольку месяцев. Так, прокурор Змеиногорского района держал дело на «проверке» 3 месяца, Смоленского – 4, а Павловского – 6. Со временем «скорость» рассмотрения дел несколько выросла: если в 1939 г. проверялись 7–8 жалоб в день, то в 1940 г. – уже 15–16. Ускорение в работе было вызвано развернувшимся соревнованием между сотрудниками спецотдела краевой прокуратуры – яркий пример социалистических реалий – не служебный долг

<sup>1</sup> См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 259. Л. 31, 21. К началу 1940 г. штат отдела был увеличен до 6 чел., однако для рассмотрения массового наплыва жалоб и обращений приходилось привлекать периферийных прокурорских и следственных работников.

По другим данным, в 1939 г. в спецотдел Новосибирской облпрокуратуры поступило 31 473 жалобы от осужденных «тройкой» УНКВД и Особым совещанием и их родственников. При этом поток не уменьшался. Если в октябре их поступило 2 157, в ноябре – 1 469, то в декабре – 3 003. См.: Там же. Л. 1.

<sup>2</sup> Гридунова И.А. Роль прокуратуры в реабилитационных мероприятиях 1939–1941 гг. на материалах Алтайского края и Новосибирской области // Сталинизм в советской провинции... С. 647–662.

и обязанность, а соревнование и показатели. Качество отходило на второй план, ведь главное – пересмотреть как можно больше, даже если все решения будут отрицательными. Тем не менее если на начало 1940 г. приходилось 4 194 нерассмотренных жалобы, то к 1 октября их осталось 1 367, в том числе 348 с 1939 г. Медленное рассмотрение жалоб было связано с двумя причинами: органы НКВД часто не высылали вовремя запрашиваемые прокуратурой дела, а районные прокуроры медлили с их проверкой<sup>1</sup>.

Необходимо учитывать еще одну особенность проверки законности осуждения «тройками». В случае осуждения к ВМН – расстрелу – законность осуждения проверке не подлежала, даже если в результате доследования устанавливалась необоснованность осуждения. По существовавшей практике следователь НКВД еще до доследования указывал на нецелесообразность проведения проверки в отношении таких приговоров. Важную роль при пересмотре играло социальное происхождение осужденного. Например, факт контрреволюционной агитации со стороны жительницы с. Загайново Тальменского района П.И. Игонькиной в ходе доследования не подтвердился, но в постановлении прокурора спецотдела было отмечено: «...принимая во внимание, что осужденная... является классово чуждой», жалобу «оставить без удовлетворения»<sup>2</sup>, т.е. приговор «тройки» не отменять. Социальное происхождение решало судьбу человека и определяло его виновность или невиновность. Этот пример опровергает утверждение А. Теплякова, что «реабилитации в 1939–1941 гг. подлежали уцелевшие лица. Если речь шла об отмененном приговоре *тройки* (так в тексте. – В.У.), то **оставшиеся в живых фигуранты объявлялись невиновными** (выделено мною. – В.У.), а все остальные (нередко сотни человек), расстрелянные по делу, продолжали оставаться врагами»<sup>3</sup>. Как видите, на практике все было по-другому.

Все вышеперечисленные факторы не позволили развернуть работу по пересмотру дел в кратчайшие сроки и на плановой основе. А с 1940 г. число арестов в стране вновь стало расти (табл. 35)<sup>4</sup>. Но если рост числа заключенных составил чуть менее 1/3, то политических – почти вдвое, что может свидетельствовать о продолжении преследований по политическим мотивам.

<sup>1</sup> Гринунова И.А. Указ. соч.. С. 653–655. По данным доклада о работе отдела по спецделам за период с 01. 01. по 01. 11. 1940 г. поступило 8 296 жалоб, 13 996 повторных жалоб, т.е. 22 292 жалобы. За 10 месяцев в производстве отдела находилась 12 091 жалоба, 3 795 из которых остались окончательно неразрешенными с 1939 г. Из 12 091 жалобы были разрешены 11 488, оставшиеся 603 не были рассмотрены по причине истребования дел из УНКВД. См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 256. Л. 3.

<sup>2</sup> Гринунова И.А. Указ. соч. С. 656–657.

<sup>3</sup> Тепляков А.Г. Машина террора... С. 252.

<sup>4</sup> Таблица составлена М. Детковым по материалам исследований В. Земскова и Д. Волкогонова. См.: Детков М.Г. Содержание карательной политики Советского государства... С. 66, 74. По данным А. Дугина, приведенным М. Детковым, в 1940 г. число заключенных было равно 1 659 992 чел. А. Зубков количество лиц, находившихся под стражей (под арестом – заключением под стражу) и отбывающих наказание в ИТУ, определяет по 1939 г. в 1 669,6 тыс. чел., а по 1941 г. – в 2 204,4 тыс. чел., т.е. оно достигло наивысшего уровня в расчете на 100 тыс. населения – 1 119 чел. См.: Зубков А.И. Указ. соч.. С. 18.

**Численность заключенных в местах лишения свободы в СССР  
в 1938–1941 гг. (на 1 января)**

Год	Численность заключенных всего, чел.	Осужденных за контрреволюционную деятельность, %
1938	996 367	18,6
1939	1 317 195	34,5
1940	1 334 408	33,1
1941	1 500 524	28,7

5. Была ли заинтересованность у сотрудников НКВД в пересмотре дел на осужденных по политическим статьям? Однозначно нет. Выше причины этого уже были названы. Но еще несколько штрихов. После привлечения к ответственности начальника Ленинск-Кузнецкого ГО НКВД А. Лунькова, уполномоченных Белоусова и Савкина и прокурора Клипы за искусственное создание уголовного дела против групп несовершеннолетних по обвинению их в контрреволюционных преступлениях работники Новосибирского УНКВД под предлогом «вновь открывшихся обстоятельств» стали изымать из областного суда ранее направленные на рассмотрение дела, таких оказалось более 50. Позднее часть этих дел была возвращена в суд с прежней квалификацией, но у части «контрреволюционная» статья была заменена на должностные преступления. Еще одна часть дел была прекращена и сдана в архив, а вместо них возбуждались совершенно новые дела по ст. 109 УК и проводилось новое расследование. Были зафиксированы случаи, когда из дел изымались протоколы с признательными показаниями обвиняемых, где они признавали себя участниками контрреволюционной организации, их передопрашивали снова, и дела принимали характер должностных преступлений. Такие случаи, по заявлению прокурора Новосибирской области А. Захарова, были не единичны, например, в Сталинском, Ижморском, Прокопьевском и других районах<sup>1</sup>.

И одно дополнение. В отдельных делах изредка встречаются документы, содержавшие информацию о пересмотре дела и необходимости освобождения осужденного из заключения. Однако зачастую не предпринималось ни малейших усилий по поиску осужденного в местах отбытия наказания, что делать было необходимо, и человек продолжал отбывать срок наказания, иногда не доживая до освобождения. А бывало и так – 31 марта 1940 г. зам. облпрокурора по спецделам Новосибирской области Эпштейн вынес заключение, согласно которому осужденному в 1937 г. на 10 лет ИТЛ и пять лет поражения в правах как участнику контрреволюционной организации «Партия народных героев» П.К. Литвину (обращался с заявлением о пересмотре дела), согласно приказу Прокурора СССР и наркома НКВД за № 001214, срок наказания следовало сократить до пределов отбытого. Казалось бы, справедливость восторжествовала. Однако уже через несколько страниц в деле подшито постановление от 1945 г., под-

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 4. Д. 3. Л. 5–8.

готовленное следователем УНКГБ Е. Бабиковой и утвержденное начальником УНКГБ по Томской области полковником Я.С. Турчаниновым<sup>1</sup>, об оставлении ходатайства П.К. Литвина без удовлетворения по причине его смерти в Усольяге НКВД СССР 27 января 1943 г. Значит, никто его и не пытался найти и освободить<sup>2</sup>.

Возможно, это связано с тем, что, как пишет П. Соломон, в «период с 26 декабря 1939 г. по 22 апреля 1940 г. руководители областных управлений НКВД имели право отменять решения бывших троек и обращаться в центральный аппарат НКВД с ходатайством о разрешении на освобождение заключенных из лагерей. Начиная с 23 апреля 1940 г. руководители НКВД областного масштаба могли лишь просить Особое совещание НКВД в Москве о принятии подобных решений. Подобная процедура была установлена уже в октябре 1939 г. для ходатайств о простом сокращении наказания по делам, рассмотренным тройками»<sup>3</sup>. Подобная практика вряд ли способствовала проявлению «интереса» к работе по пересмотру дел при прочих более важных задачах оперативно-служебной деятельности органов НКВД.

Выводы И. Гридуновой о незначительной результативности работы по реабилитации в 1939–1941 гг. подтверждаются фактическими данными. Так, согласно материалам отдела спецдокументации Управления архивного дела Алтайского края органы НКВД края по протестам прокурора в 1939–1940 гг. вынесли постановления о прекращении дел в отношении всего 42 лиц, что составило лишь 0,35% от общего количества осужденных «тройкой» УНКВД края<sup>4</sup>. В Новосибирской области, по данным А. Теплякова, за первые пять месяцев 1940 г. прокуратурой области было опротестовано 402 дела, а еще 850 дел направлены на проверку в УНКВД. Однако количество дел, которые якобы сотрудники УНКВД «не смогли отыскать», в архиве уже к июню 1940 г. достигло 815. На 225 запросов, направленных в УНКВД в начале года, к маю 1940 г. прокуратура получила всего несколько ответов. В горотделах Томска и Кемерово не были доследованы даже те дела, «где были специальные предложения прокурора СССР по заданиям ЦК ВКП(б)». За 1939–1940 гг. только из

<sup>1</sup> Турчанинов Яков Семенович, 1903 г.р., род. с. Боровское Мендыгаринского р-на Кустанайского уезда Оренбургской губ. в семье крестьянина, русский. В органах ОГПУ с 1926 г. на различных должностях в Барнаульском окротделе и оперсекторе ОГПУ, начальник Уч-Пристанского райотделения ОГПУ Алтайского края. В 1933 г. – сотрудник ПП ОГПУ по ЗСК, в 1934 г. – начальник СПО Барнаульского оперсектора НКВД, затем Омского оперсектора НКВД. 1935–1942 гг. – служба в УНКВД по Омской обл. и руководство строительством объекта № 8 Управления аэродромного строительства НКВД (г. Омск). В 1942–1944 гг. – начальник экономического отдела, зам. начальника УНКВД по Воронежской обл. С августа 1944 г. по апрель 1949 г. – начальник УНКГБ (УМГБ) по Томской области. В апреле 1949 г. переведен в г. Ужгород на должность начальника 2-го отдела УМГБ по Закарпатской обл. В марте 1954 г. уволен в запас. Полковник. Награжден Орденами Красного Знамени, Красной Звезды (дважды), медалями.

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-9315. Л. 200, 213–214. Реабилитирован П.К. Литвин был только в сентябре 1989 г. (Там же. Л. 217).

<sup>3</sup> Соломон П. Указ. соч. С. 258–259.

<sup>4</sup> Гридунова И.А. Указ. соч. С. 658–659.

числа арестованных КРО УНКВД по Новосибирской области были реабилитированы всего 107 чел.<sup>1</sup>

6. Что изменилось в работе подразделений органов НКВД. Вышедшее в ноябре 1938 г. постановление казалось бы должно было встряхнуть органы НКВД и прокуратуры, так как появилась возможность перестроить свою работу и перевести её хоть в какой-то степени в русло исполнения закона должным образом. Но этого не случилось. Во-первых, кадровая чистка, затеянная в органах, не позволяла в сжатые сроки пополнить органы квалифицированными специалистами, способными быстро и качественно перестроить работу в подразделениях, особенно на местах в окружении «старых» кадров, убежденных в правоте совершенного ими. Тем более, что касается «квалифицированных специалистов», то надо давать чёткую оценку, что подготовить сотрудника специальной службы (оперативного работника, следователя и даже технического специалиста) дело многих месяцев и даже лет. Поэтому реальных изменений в подразделениях НКВД на практике не произошло.

Если верить показаниям бывшего сотрудника 3-го отдела УГБ УНКВД по Новосибирской области Ю. Бермана, что ему пришлось непосредственно «прорабатывать» постановление от 17 ноября 1938 г. на оперативном совещании с сотрудниками Анжерского ГО НКВД, то, по его оценке, «на этом совещании было видно глубокое удовлетворение и можно сказать радость всего оперсостава, что ЦК и СНК вскрыли и положили конец творившимся в органах безобразиям, хотя и каждый в той или иной степени делал эти безобразия. Я же в своём заключительном слове крепко предупредил оперсостав, чтобы не повторялось не только того, что указывали ЦК и СНК – это главное, а даже, чтобы при допросах не применялся мат, грубость и т.д.».

Однако уже через 3-4 дня после совещания секретарь партийной организации горотделения А. Дёмочкин, придя на работу в вечернее время в состоянии опьянения, избил арестованного, которого допрашивал другой сотрудник горотделения. В процессе проверки А. Дёмочкин признал факт издевательства и избития допрашиваемого. Материалы проверки были направлены особоуполномоченному УНКВД Новосибирской области, но, видимо, серьезных последствий для Дёмочкина они не имели, так как он продолжил работать в Анжерском ГО НКВД<sup>2</sup>.

А во-вторых, борьбу с врагами советского государства никто не отменял. Данные приведенной выше таблицы подтверждают это. Главным при поиске врагов стало изменение предъявляемого обвинения. Если активную борьбу с советской властью и вредительство доказывать стало сложнее, чем в предыдущие годы, крен обвинения был смещен в сторону борьбы с «контрреволюционной агитацией», доказывать которую было много проще. Любое высказанное человеком критическое замечание или недовольство по отношению к органам власти, происходившим событиям, явлениям повседневной жизни истолковывалось од-

<sup>1</sup> См.: Докладная записка прокурора Новосибирской области А. Захарова в обком ВКП(б) о работе по надзору за органами УНКВД в связи с постановкой этого вопроса на бюро обкома ВКП(б). ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 259. Л. 31–33; *Тепляков А.Г.* Машина террора... С. 252.

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Новосибирской области. Д. 18447 о/ф. Т. 7. Л. 330.



нозначно как «контрреволюционная агитация» (иногда уже упоминалась и «антисоветская агитация»), хотя человек мог никого не агитировать и ни к чему не призывать. Инакомыслие было расценено и определено в качестве главного зла и угрозы для установленного в стране режима. Если в 1939 г. в Новосибирской области за весь год было возбуждено по «контрреволюции» немногим более 100 дел, то за первые 5 месяцев 1940 г. уже – 90, из них по ст. 58-10 УК – 68 (75,5%)<sup>1</sup>.

7. И еще. Только ли в сотрудниках НКВД и в их «хотении» было дело? Заместитель председателя Верховного суда Республики Мордовия В.Н. Мартышкин в статье о первом советском народном судье г. Омска Т.В. Васильеве, со ссылкой на публикацию в газете «Правда» за 1 сентября 1989 г., писал, что «после выхода приказа № 00447 А. Вышинский дал шифротелеграмму прокурорам субъектов: «Ознакомьтесь в НКВД с оперативным приказом Ежова от 30 июля 1937 года за № 00447. Соблюдение процессуальных норм и предварительные санкции на арест не требуются. Требую активного содействия успешному проведению операции и сохранения секретности в аппарате прокуратуры о проводимой операции»<sup>2</sup>.

Как-то ранее не попадала в поле моего зрения информация об этой установке Прокурора страны представителям надзорного органа, несмотря на то, что темой репрессий занимаюсь более тридцати лет. Да и не верилось, что все заранее было предопределено и «роли участников» страшнейшего, по своей сути, преступления были расписаны заранее.

Но подтверждение наличия такого указания было найдено в показаниях бывшего начальника Томского горотдела НКВД И. Овчинникова, в его письме в следственную часть НКВД, в котором он писал о начале массовой операции в Томске, как реализации установок из Центра, указав, в частности, что «по линии союзной прокуратуры за подписью Вышинского были аналогичные директивы; что упрощенный метод следствия... указан в директивах союзной прокуратуры; что о лимитах знала прокуратура; что в Томске большинство дел прокурор Пилюшенко<sup>3</sup> рассматривал ранее, утверждал ранее, чем я...»<sup>4</sup>.

Полагаю уместным привести выдержку из выступления А.Я. Вышинского 3 марта 1937 г. на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б), где он осуждает практику следственных органов НКВД и прокуратуры строить следствие на собственном признании обвиняемого: «Наши следователи очень мало заботятся об объективных доказательствах, о вещественных доказательствах, не говоря уж об экспертизе. Между тем центр тяжести расследования должен лежать именно в этих объективных доказательствах. Ведь только при этом условии можно рассчитывать на успешность судебного процесса, на то, что следствие установило исти-

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 259. Л. 29.

<sup>2</sup> См.: Право и собственность. 2013. № 1–2 (44). С. 128.

<sup>3</sup> Пилюшенко Николай Лаврентьевич, 1897 г.р., ур. г. Новосибирска, проживал в г. Томске по ул. Равенства, 3–6, прокурор г. Томска. Арестован в 1938 г. Освобожден в ноябре 1939 г. в связи с прекращением дела за недостаточностью обвинительных материалов. См.: Боль людская... 2-е изд. Т. 2. С. 544.

<sup>4</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. 5621. Т. 7. С. 34.

ну. ...В большинстве случаев следствие на практике ограничивается тем, что главной своей задачей ставит получение собственного признания обвиняемого. Это представляет значительную опасность, если все дело строится лишь на собственном признании обвиняемого. Если такое дело рассматривается судом и если обвиняемый на самом процессе откажется от ранее принесенного признания, то дело может провалиться. ...Это ...и до последнего времени продолжается. Такая методика ведения следствия... и до сих пор имеет большое распространение»<sup>1</sup>.

К сожалению, жизнь доказала, что часто признания вины было достаточным, чтобы решить судьбу человека или целой группы лиц. Но даже не это главное. Еще раз прочитайте в телеграмму А. Вышинского – нарушайте любые процессуальные нормы. Это указание дал человек, отвечавший за соблюдение процессуальных норм и ответственный за контроль по их соблюдению<sup>2</sup>.

О косвенном соучастии сотрудников прокуратуры спорить не приходится – правовое сопровождение всех проводимых в стране мероприятий и кампаний, связанных с репрессиями в отношении тех или иных социальных групп, наций и народностей, политических оппонентов большевистского режима, «контроль» за соблюдением норм социалистической законности, разъяснение населению сущности проводимых в стране преобразований и, наконец, санкционирование юридических процедур в отношении преступников. Во всех этих процессах прокуратура играла ведущую роль. Только «преступников» оказалось очень много и сотни тысяч из них невиновных, как это впоследствии сотрудники прокуратуры «вдруг» выяснили, разбирая последствия и результаты преступной деятельности сотрудников органов ОГПУ–НКВД.

Однако есть свидетельства и прямого соучастия работников прокуратуры в терроре против собственного народа. Выше уже приведены факты и примеры этого, но еще несколько. Так, в деле сотрудников Ленинского ГО НКВД Лунькова и др. по фальсифицированию следственных материалов в отношении несовершеннолетних «контрреволюционеров» одну из ведущих ролей играл прокурор Клип<sup>3</sup>. Выше уже отмечалась готовность прокурора области И. Баркова

<sup>1</sup> См.: <https://istmat.org/node/30241> – обращение 09.09.2022 г.

<sup>2</sup> В своем выступлении далее А.Вышинский заявил: «Задача прокуратуры заключается в том, чтобы, когда заканчивается агентурная разработка и дело переходит в стадию следствия, проверить следственное производство и обеспечить направление в суд доброкачественных и полноценных следственных материалов. Качество следственного производства у нас недостаточно, и не только в органах НКВД, но и в органах Прокуратуры. Наши следственные материалы страдают тем, что мы называем в своем кругу «обвинительным уклоном». Это тоже своего рода «честь мундира», **если уж попал, зацепили, потащил обвиняемого, нужно доказать во что бы то ни стало, что он виноват** (выделено мною. – В.У.). ...Благодаря таким нравам вместо действительного виновника на скамью подсудимых иногда попадают люди, которые впоследствии оказываются или виновными не в том, в чем обвиняют, или вовсе невиновными. Ведь известно, что у нас около 40% дел, а по некоторым категориям дел – около 50% дел кончаются прекращением, отменой или изменением приговоров». См.: Там же. Казалось бы, что этот посыл следует рассматривать в качестве указания для правоохранительной системы в целом, как не следует делать, но последующие события показали, что именно такой подход стал основным в ходе так называемого «следствия». И уж если «попадал» человек, то иногда держали на следствии по году и более, стараясь «доказать» его вину «во что бы то ни стало».

<sup>3</sup> См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 4. Д. 3. Л. 5.

визировать представляемые ему документы, связанные с арестом граждан, в любое время суток.

А в Анжерке (ныне Кемеровская обл.) прокурор Томасевич принимал участие в допросах обвиняемых в порядке подготовки к суду. Допрос (в декабре 1938 г. – В.У.) проводили сотрудники ГО НКВД в его присутствии, он стоял, повернувшись к окну. Сотрудник горотдела задавал «пару вопросов обвиняемому, отвечая на которые обвиняемые признают себя виновными в контрреволюционной работе». Показания записывались в протокол, обвиняемого уводили, а Томасевич отходил от окна, ставил «свою подпись на протоколе, не задав ни одного вопроса обвиняемому и, по существу, не видев его». Обвиняемые не знали, что на допросе присутствует прокурор и что допрос производится в его присутствии, не предупреждался обвиняемый и о том, что он имел право объясниться с прокурором. Если обвиняемый отказывался подписывать свои «признательские» показания, то Томасевич уходил, обещая вернуться в случае согласия подписать показания. Приведенная информация подтверждалась конкретными примерами.

В ходе дальнейшей дачи показаний Ю. Берман высказал мысль, что нарушениями революционной законностью грешили не только сотрудники УНКВД по НСО, но и сотрудники прокуратуры, осуществлявшие надзор за деятельностью УНКВД. «...Я бы сказал, что и прокурорский надзор по делам УНКВД служил Мальцеву, ибо стоило какому-нибудь прокурору не дать санкцию на арест на постановлении или на списке, где имеется подпись Мальцева или Горбача, то на него будет найден выход от какого-нибудь уже арестованного прокурора. ...Сами прокуроры, будучи напуганы таким вот руководством УНКВД... и при выкшие сперва к нарушениям и потом к собственным нарушениям ревзаконов, санкцию давали безо всяких и на любое количество, и устно и письменно, и передним и задним числом, и с материалами и без материалов, на человека, подлежащего аресту. ...Как-то по поручению начальства я ходил к облпрокурору Баркову получить санкцию на 70–80 человек по списку. Барков взял список и посмотрел есть ли там подпись Мальцева, затем перелистнул на последний лист, посмотрел порядковый номер и на углу первого листа пишет «арест 80 человек санкционирую». Я тут же заметил: «Посмотрите хотя бы фамилии в списке, может быть и ваша фамилия есть в нем, так, не глядя, вы можете и на себя дать санкцию». Он ответил: «Ну, брось ты, на меня то, наверное, из Москвы возьмете санкцию...». Но как будто Мальцев его так и арестовал в последующем без всякой санкции Москвы»<sup>1</sup>.

Что касается упомянутого прокурора И. Баркова, то обвинявшийся в фальсификации уголовных дел бывший начальник 3-го отдела УНКВД по Новосибирской области Ф.Н. Иванов показал, что многие установки по ведению кампании давались непосредственно И. Барковым. Например, что при взаимном изобличении обвиняемых по групповым делам допрашивать свидетелей излишне. Что касалось арестов и квалификации преступлений, то «по многим делам в то время

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Новосибирской области. Д. 18447 о/ф. Т. 7. Л. 335–339.

нас консультировали прокуроры». Когда при арестах поляков мы ссылались на приказ НКВД, то Барков порекомендовал писать, что «лицо арестовывается по подозрению в принадлежности к «ПОВ» (или другой антисоветской организации)... Квалификация преступления по делам – вопрос второстепенный, что главное заключается в том, чтобы нанести быстрый оперативный удар по антисоветским элементам и этим самым выполнить директивы Центра об изъятии по линиям». Другой его установкой было заявление, что «если есть время, то дело надо документировать, а если его нет – следует обходиться без документации».

Списки подлежащих аресту лиц корректировались начальником УНКВД и прокурором, они отбирали, кого арестовать, «затем списки перепечатывали и прокурор подписывал их, как казалось, некоторые страницы, не глядя»<sup>1</sup>.

Что касается других сотрудников прокуратуры, то Ю. Берман в ситуации со списком, упомянутым выше, например, посещал военного прокурора СибВО Нелидова, но тот лишь уточнил, нет ли в списке (речь шла о национальных организациях. – В.У.) русских, и попросил прислать копию списка, так как ему тоже необходимо было отчитываться перед Москвой о проделанной работе. О случаях подписания прокурорами протоколов допроса обвиняемых с признаниями в присутствии обвиняемых, когда те отрицали свою вину, Берман говорить и приводить примеры посчитал не нужным – «это все общеизвестно, по-моему»<sup>2</sup>.

Вне всякого сомнения, среди прокуроров находились честные люди, которые отказывались от участия в репрессиях и сами попадали в их «жернова». Но на каком-то этапе, может быть, еще в конце 1930-х либо в середине 1950-х гг., видимо, «честь мундира» возобладали над долгом и совестью и все грехи достались сотрудникам органов госбезопасности. Сделать это было несложно, ведь следствие, как и работу по пересмотру уголовных дел и реабилитации, возглавляли органы прокуратуры. И решения принимали тоже они, как и готовили доклады в инстанции, где эти решения и доклады утверждались, исходя из политической целесообразности и политической конъюнктуры.

Таким образом, период первой волны реабилитации<sup>3</sup>, названный отдельными исследователями «бериевской оттепелью», таковым на практике не стал. К. Симонов, давая оценку событиям тех лет, писал: «Назначение Берии выглядело так, как будто Сталин призвал к исполнению суровых, связанных с такой ответственностью обязанностей человека..., которого он знал, которому он, очевидно, доверял и который должен был там, где не поздно, поправить сделанное Ежовым. Надо ведь помнить, что те, кто был выпущен между концом тридцать восьмого и началом войны, были выпущены при Берии. Таких людей было много..., было выпущено более четверти военных, арестованных при Ежове. Так что почва для слу-

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Новосибирской области. Д. 18447 о/ф. Т. 7. Л. 57–59.

<sup>2</sup> Там же. Л. 339.

<sup>3</sup> Отдельные исследователи вообще не рассматривают описанные события 1938–1939 гг. в качестве какой-либо кампании по реабилитации. Так, А.Г. Петров в своей докторской диссертации выделяет только три этапа процесса реабилитации жертв политических репрессий, начиная отсчет первого с конца марта 1953 г. См.: *Петров А.Г. Реабилитация жертв политических репрессий (историко-правовой анализ): дис.*

... д-ра ист. наук. Нижний Новгород, 2007. С.

хов о том, что Берия, восстанавливая справедливость, стремился поправить то, что наделано Ежовым, была. Почва была достаточно основательная...»<sup>1</sup>.

Однако сегодня мы знаем точно, что реальному освобождению подверглось лишь ограниченное число попавших под «каток» репрессий. Но благодаря идеологическому аппарату, печати и радио, было создано впечатление, как писал К. Симонов, об основательности реабилитационных мероприятий. На практике же партийно-советское руководство продемонстрировало «готовность» к восстановлению справедливости по отношению к незаконно репрессированным гражданам, наказанию виновников произвола – «врагов», пробравшихся в органы НКВД, и т.п. Но одновременно с этим население страны было вновь ориентировано на необходимость повышения бдительности и поиск якобы притаившихся врагов, так как страна находилась в окружении враждебных государств. В реальности же не было предпринято и малой толики от необходимого по остановке произвола против собственного народа. Преследования и аресты за «враждебную деятельность» продолжались повсеместно.

## 6.2. Кампания массовой реабилитации в середине 1950-х – 1980-е гг.

Начало очередного «витка» восстановления справедливости в отношении жертв политических репрессий пришлось на первую половину 1950-х гг., когда после смерти Сталина произошло ослабление сложившегося в стране режима власти и начались преобразования, которые можно охарактеризовать как первые реальные шаги по восстановлению справедливости по отношению к жертвам репрессий. Высшими органами власти страны были приняты решения, позволившие тысячам невинно осужденных за «контрреволюционные преступления» выйти на свободу. Так, 1 сентября 1953 г. «в целях дальнейшего укрепления социалистической законности и повышения роли советского правосудия» был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об упразднении Особого совещания при Министерстве внутренних дел СССР», в соответствии с которым Верховный Суд СССР наделялся правами пересмотра по протесту Генерального прокурора страны решений бывших коллегий ОГПУ, «троек» НКВД–УНКВД, Особого совещания при НКВД–МГБ–МВД<sup>2</sup>. Но принятие указа не означало, что «силовики» бросились немедленно его исполнять. Только 17 октября вышел совместный секретный приказ МВД СССР и Генеральной прокуратуры СССР об исполнении названного указа. Предполагалось, в частности, следственные дела, расследованные органами МВД, направлять на рассмотрение в соответствующие суды по подсудности, а на рассмотрение жалоб и обращений отводилось всего 20 дней, после чего заключения по делам вместе с жалобами и следственным делом полагалось направлять в МВД СССР и Прокуратуру СССР для рассмотрения в установленном порядке<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М., 1990. С. 58–59.

<sup>2</sup> Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 71.

<sup>3</sup> Там же. С. 74–75.

Активизация процесса реабилитации на местах началась после создания в 1954 г. комиссий (в Сибири – областных и краевых) по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления. Эти комиссии создавались на основе Постановления Президиума ЦК КПСС (февраль 1954 г.) в соответствии с совершенно секретным приказом Генерального прокурора СССР, министра юстиции СССР, министра МВД СССР и Председателя КГБ при Совете Министров СССР № 96сс/0016/00397/00252 от 19 мая 1954 г. «Во исполнение решений директивных органов» приказ обязывал пересмотреть **все уголовные дела на осужденных за контрреволюционные преступления**, отбывавших наказание в лагерях, колониях и тюрьмах МВД, а также в отношении лиц, находившихся в ссылке на поселении. Для пересмотра дел на местах создавались комиссии, в состав которых в обязательном порядке входили руководители выше-названных ведомств соответствующих административно-территориальных образований, возглавлял их прокурор. К работе комиссии привлекались следователи Особой инспекции отдела кадров УМВД, следователи УКГБ, народные следователи районных и областных (краевых) прокуратур, члены областных (краевых) судов.

Комиссии имели право отменять решения по делу и полной реабилитации осужденного, о переквалификации состава преступления, о сокращении срока наказания, применении Указа ПВС СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии»<sup>1</sup>, об отмене ссылки на поселение и об отказе в пересмотре решения по делу. Выносимые комиссией постановления являлись окончательными и пересмотру не подлежали.

Приказ также определял порядок и механизм рассмотрения дел и их документального оформления, извещения осужденного о принятом решении и т.д. Предполагалось в случае отмены решения по делу и полной реабилитации снимать с оперативного учета лиц с уничтожением учетных карточек. Но последнее выполнено не было, возможно, по причине того, что следственные дела уничтожению не подлежали.

Рассмотрению не подлежали дела на лиц, осужденных за побег, членовредительство, отказ от работы в лагерях, квалифицированные по ст. 58-14 УК РСФСР («Контрреволюционный саботаж») и соответствующим статьям УК союзных республик. Несмотря на то, что в УК РСФСР была соответствующая статья за побег (ст. 82), достаточно часто при осуждении применяли ст. 58-14, так как побег рассматривался в качестве одной из форм сопротивления режиму, и мера наказания по

---

<sup>1</sup> Одним из факторов, повлиявших на принятие данного документа, видимо, следует считать направление Л. Берией 26 марта в Президиум ЦК КПСС записки о необходимости проведения амнистии и освобождении около миллиона человек, сокращении сроков наказания и т.д. В записке отмечалось, что «из общего числа заключенных (2 526 402 чел.) количество особо опасных государственных преступников (шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, эсеров, националистов и пр.), содержащихся в особых лагерях МВД, составляет всего 221 435 человек. Содержание большого количества заключенных в лагерях, тюрьмах и колониях, среди которых имеется значительная часть осужденных... не представляющих серьезной опасности для общества, не вызывается государственной необходимостью...». Цит. по: *Петров А.Г.* Указ. соч. С. 67. К началу августа 1953 г. из мест заключения по амнистии были освобождены 1 032 000 чел., число осужденных по политическим мотивам среди них было незначительным (Там же. С. 69).

этой статье позволяла применять расстрел. Использование этой статьи было удобным во всех отношениях, так как способствовало предупреждению и запугиванию возможных беглецов, а во-вторых, улучшало показатели работы по выявлению «врагов народа». Также не подлежали рассмотрению дела на лиц, отбывших наказание за контрреволюционные преступления, но вновь осужденных в местах заключения за уголовные преступления. Жалобы от них рассматривались в общем порядке<sup>1</sup>.

Систему и механизм работы этих комиссий можно рассмотреть на примере работы комиссии Томской области в 1954 г. Первое её заседание состоялось 7–8 июля 1954 г. под руководством председателя комиссии – прокурора области старшего советника юстиции Я.Ф. Выпряхкина при участии её членов – начальников управлений Минюста и КГБ по Томской области В.Ф. Скрыбина и Н.С. Великанова. Секретарем комиссии значился подполковник КГБ Д.К. Салтымаков. Вот они, причуды советской действительности, – реабилитировать должны были те, кого мы, в частности, уже назвали в числе творивших беззаконие и произвол<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации... С. 78–80.

<sup>2</sup> Н.С. Великанов проработал в органах ОГПУ–НКВД–КГБ СССР более 30 лет, из них 11 лет (с перерывом) в Томске на должностях оперуполномоченного оперсектора ОГПУ и начальника отделения горотдела НКВД, а с 1949 г. – начальника Управления. С 1938 по 1941 г. (до момента ликвидации) проходил службу в АССР немцев Поволжья, пройдя путь от начальника отдела до наркома НКВД республики.

В 1965 г. по результатам проверки, инициированной сотрудниками Томского УКГБ, Указом ПВС СССР № 5009-VI от 23 мая 1966 г. Великанов за необоснованные аресты советских граждан, фальсификацию материалов и незаконные методы следствия, выразившиеся в составлении соответствующих документов на арест и санкционирование ареста 520 чел. (впоследствии расстрелянных), подготовке обвинительных заключений по 415 уголовным делам (частично им же и утвержденным) и т.п., был лишен восьми орденов СССР, двух знаков почетного сотрудника органов госбезопасности (награждался в 1938 и 1940 гг.), пенсии военнослужащего и т.д., исключен из членов КПСС (повторно, так как в 1960 г. уже исключался бюро ЦК КП Латвии за допущенные нарушения законности, но по решению ЦК КПСС при ЦК КПСС наказание было заменено на строгий выговор).

Все последующие годы, до гибели в автокатастрофе в 1981 г., Великанов добивался восстановления «справедливости» по отношению к себе, но решения всех инстанций, вплоть до ЦК КПСС, только подтверждали принятое ранее.

Судьба Д.К. Салтымакова сложилась следующим образом. В конце 1956 г. в Томское управление КГБ поступило анонимное письмо в его адрес (к этому времени он уже вышел на пенсию), копии были направлены начальнику управления и секретарю обкома КПСС В.А. Москвину (орфография и стилистика сохранены):

«Совершенно случайно, проездом, узнал, что ты жив, здоров и подвигаешься в органах Госбезопасности. Если ты потерял совесть перед Советским народом, то ты хоть перед инстинктом самосохранения заяви в партийную организацию о своих ЧЕРНЫХ делах, которые ты творил, начиная с 1937 года. Может ты творил эти черные дела и раньше – мне неизвестно.

Ведь ты приехал в Кожевниковский район замухрышкой, с двумя или тремя «кубиками», а уехал, кажется в БЕЛОВСКИЙ район с одной или двумя «шпалами», которые «заработал» на Кожевниковских коммунистах и другом честном народе, а сейчас говорят подвигаешься в Органах Госбезопасности в чине полковника или подполковника.

Как горько, что ты ходишь по советской земле, которая полита потом и кровью честных советских людей, а ты, омыв этой кровью свои грязные руки, пользуешься благами этой земли.

Если ты забыл свою подлость, которую ты творил, я тебе напомню, сколько ты арестовал, осквернил честных людей на всю жизнь, сколько оставил сирот, которые сейчас незаслуженно носят кличку «дети врага народа»:

1. Панченко\*, быв. Зав. РАЙЗО, отсидевший в тюрьме более двух лет, который подписал показание, которое ты требовал под пытками.

2. Николаев, директор Чилинской МТС. (Погиб на фронте).

3. Почебут\*, директор колхозной школы.

4. Юзефович\*, преподаватель-бухгалтер колхозной школы.

5. Макушин\*, председатель пром. артели «Смычка».

6. Лепницкая, зав. Акортом или Сибторгом.

7. Лепницкий\*\*, муж Лепницкой, работник конторы связи.

8. Литвинов\*\*, председатель колхоза «Красный колос», один из способных и честных председателей колхозов того времени. Он же бедняк и ты знаешь его избушку, а окрестил его КУЛАКОМ.

9. Запорожец, зам. предрайисполкома. Один из активнейших партизан и старейший коммунист Сибири.

10. Архипов\*, молодой врач, комсомолец, который вернулся из тюрьмы парализован.

11. Завьялов, секретарь Райисполкома.

12. Горб, секретарь Райисполкома.

13. Марин\*\*, председатель Райплана, молодой специалист, коммунист.

14. Гавриченко, председатель колхоза «Работник» (умер в тюрьме, не выдержав твоей пытки).

15. Зав. райветлечебницей, фамилию забыл.

16. Галицкий\*\*, зав. Вороновским вет. участком.

17. Гулько\*\*, инструктор-бухгалтер Райзо.

18. Грабовский\*\*, инструктор Госстраха.

19. Федотов\*, председатель Райисполкома (отсидевший около двух лет в тюрьме), который при аресте хотел покончить с тобой, а потом и с собой, но это как тебе известно не удалось, жаль.

Чертков, директор Заготзерно, почти со всем аппаратом арестован, правда к твоему несчастью, освобожден за невиновностью. Вспомни, как ты заставлял заведующего семенной лабораторией искать клещей в складах Заготзерно.

20. Бартновский\*\*, старейший учитель деревни Еловка.

21. Слепников, коммунист с 1919 года, местный житель с. Базой.

22. Редькин, предрайисполкома, на которого ты сфабриковал документы, что он кулак. Сейчас проживает кажется в Томске. Да разве всех перечтешь. Подумай и продолжи этот список (**лица, помеченные \*\***, были расстреляны, а помеченные \* – освобождены из-под стражи за недоказанностью предъявленного обвинения в 1939 г., отсидев от полутора до двух с лишним лет под следствием. – В.У.).

Большинство из этих людей длительное время сидели в тюрьме, а потом почти все освобождены из коммунистов и полностью реабилитированы, в этом заслуга не твоя. В этом заслуга Новосибирского обкома КПСС, за что, очевидно и заплатились секретари обкома тов. Алексеев и Лобов, которые начали восстанавливать законность после январского Пленума ЦК КПСС. Сколько ты отправил на каторгу людей за свое ЧЕРНОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ.

Вспомни, как ты на одном партийном собрании выступил и запретил записывать свое выступление. Там ты заявлял, что Панченко, Почебут, Николаев на следствии признались, что они враги народа, что они посланы со специальным заданием начальника Запсибкрайзу Фомина для контрреволюционной работы в Кожевниковском районе. Вспомни, какими ты методами вел «следствие» над Панченко, Николаевым, Почебутом, Архиповым и другими.

Вспомни, как ты в качестве провокатора садил в камеры к кожевниковским коммунистам своего помощника, фамилия его кажется Головин – небольшой ростиком, у него и ухватка похожа на провокатора.

Вспомни, как ты по телефону в Базой звонил своему пом. оперуполномоченного Смыкову и задавал вопросы – «Сколько нашел по КР».

Пойди в парторганизацию и расскажи о себе все, обязательно, только по правде, ведь я не мог все рассказать, прошло много времени, все не вспомнишь, да и подлость я всю твою не знаю, а я буду возможно в ваших краях и поинтересуюсь.

«Друзья» встречаются вновь.

XI–1937 – XI–1956 гг.

(ПРАВДИН)»

См.: ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2538. С. 11–12.

В результате проведенного расследования было установлено, что Салтымаков имел прямое отношение к судьбе 16 из 23 названных лиц – все они были репрессированы. Позднее было установлено, что число жертв по сфальсифицированным им делам увеличилось до 55 чел. (39 расстреляно). Он же в



На первом заседании комиссия рассмотрела всего 18 архивно-следственных дел, из которых только по двум (на 6 чел.) были вынесены решения о реабилитации в связи с отменой решения «тройки» УНКВД за недоказанность состава преступления. Четверо из проходивших по этим делам были расстреляны в 1937 г., в отношении Д.Д. Сухих и А.Ф. Хоменко (подавали ходатайства о пересмотре дел и освобождении из ссылки на имя Генерального прокурора СССР и Председателя ПВС СССР соответственно) было принято решение о вхождении с представлением в Центральную комиссию по пересмотру следственных дел об отмене решения Особого совещания МГБ СССР 1950 г. об их ссылке на поселение после отбытия срока наказания.

В отношении А.Н. Ежакова, с учетом его участия в Великой Отечественной войне, трижды раненного и являющегося инвалидом 2-й группы, был принесен протест на предмет снижения срока наказания с 10 до 5 лет ИТЛ. В соответствии с Указом ПВС СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» он был из-под стражи освобожден со снятием судимости. К моменту принятия этого решения Ежаков уже отсидел 8 лет из назначенного ему срока наказания.

Еще в одном случае решение «тройки» ПП ОГПУ по ЗСК было отменено за недоказанностью, и судимость с В.П. Парфёнова была снята; по отбытии срока наказания он обращался в Верховный Совет СССР с ходатайством о пересмотре дела. В отношении 10 других его «подельников» решение «тройки» было признано правильным и оставлено без изменений.

По всем остальным делам квалификация составов преступления была признана правильной и решения также оставлены в силе. С учетом дела В.П. Парфёнова в пересмотре дел и реабилитации было отказано 30 гражданам.

Принцип отбора дел понять сложно. Так, в частности, в 12 случаях это были дела на лиц, отбывавших наказание в ОИТК УМВД Томской области, осужденных в 1946–1953 гг. преимущественно по ст. 58-10 либо по ст. 58-10-11. Сведе-

---

объяснении, направленном в обком КПСС, признал свое участие в решении судеб 150–160 чел. См. : ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2538. С. 20–33.

Причины нарушения законности Д. Салтымаков объяснил в 1956 г. так: «Но ведь же не моя инициатива, не мое желание нарушить советскую законность. Тогда была такая обстановка и система, при которой невозможно было соблюсти все нормы УПК и проверить показания арестованных. Об этой системе тогда знали органы прокуратуры, почему же они не добились своевременно исправления и устранения ошибок и почему в настоящее время стараются оттолкнуться от дел 1937 года, за которыми они вели наблюдение? ...В тот период времени все коммунисты и беспартийный актив были мобилизованы партийными и советскими органами на повышение большевистской бдительности и активную помощь органам НКВД в выявлении кулацко-белогвардейских, сектантских и других антисоветских элементов. ...Вы, товарищи, возможно, спросите меня, почему я согласился выполнять указания в нарушении советской законности? Во-первых, я знал, что в тройке, кроме начальника УНКВД, состояли областной прокурор и секретарь крайкома... ВКП(б) и считал, что все указания об арестах и методах следствия... исходили не без их ведома и согласия. Во-вторых, чтобы я смог сделать один против такой системы?». См. : ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2538. Л. 29–32.

По представлению военной прокуратуры Томский обком КПСС 1 апреля 1960 г. рассмотрел персональное дело Д.К. Салтымакова и исключил его из членов КПСС «за грубые нарушения социалистической законности, массовые необоснованные аресты советских граждан и незаконные методы следствия в 1937–1938 годах, в результате чего пострадало большое количество невинных людей».

Р.С. Расстрелянный на Алтае Т.К. Салтымаков и Д.К. Салтымаков оказались родными братьями.

ний об их обращениях и ходатайствах в какие-либо властные структуры о пересмотре дел в протоколе заседания комиссии нет.

К периоду 1934, 1937 и 1938 гг. относились только три дела из числа вынесенных на рассмотрение.

Сложно определить наличие какой-либо системы и в подборе докладчиков по делам, их оказалось шестеро – от рядового следователя районной прокуратуры до члена областного суда и трех руководителей подразделений УКГБ<sup>1</sup>.

Протокол содержит минимальную информацию по каждому делу – установочные данные на фигуранта(ов), какой инстанцией осуждены, когда и на какие сроки, если было известно, то указывалось место отбытия наказания, кто был докладчиком по данному делу. В резолютивной части – решение, занимавшее от 7 до 20 строк колонкой размером менее половины ширины листа.

Заключения по материалам слушаний подшивались в уголовные дела. Изучение этих материалов позволяет более полно понять принцип организованной в стране работы. Так, если гражданин обращался с ходатайством в какую-либо инстанцию, то его обращение для проверки направлялось в тот орган, где он был осужден. После этого дело поднималось из архива, изучалось, затем проводился передопрос заявителя и иных лиц, проходивших по этому делу в качестве обвиняемых либо свидетелей. В случае необходимости допрашивались и другие лица, которые могли дать информацию по существу дела. Например, в случае с А.Ф. Хоменко изучение уголовного дела позволило выявить факты подтасовки, несоответствий и т.п. Основным и единственным доказательством виновности были признательные показания самих обвиняемых. Установлено, что протоколы допросов подписывались обвиняемыми и свидетелями из боязни, что к ним могут применить меры физического воздействия. «Компрометирующими» материалами явились однотипные справки на обвиняемых (по делу проходили еще 4 чел. – все расстреляны 14 октября 1938 г.), констатировавшие их «враждебность», составленные сотрудниками Томского горотдела НКВД. Данных, подтверждавших причастность обвиняемых к шпионско-диверсионной группе, в деле не имелось, как и не была подтверждена причастность отдельных из них к японской разведке. Каких-либо иных материалов, подтверждавших «преступные действия» обвиняемых, в деле не было. «Факты» не перепроверялись, свидетели не допрашивались, очные ставки не проводились.

Более того, если А. Хоменко показала на следствии, что «сведения шпионского характера она получала от своего мужа, Шлыкова Алексея Николаевича, старшего лейтенанта Красной армии», то по делу Шлыкова, арестованного в феврале 1938 г. (за четыре месяца до её ареста) и расстрелянного за контрреволюционную деятельность, она вообще не проходила<sup>2</sup>. Материалами дела и в результате проведенной в 1954 г. проверки, в том числе и негласными методами, связь А. Хоменко с другими фигурантами доказана не была.

С шестистраничным заключением старшего следователя Особой инспекции отдела кадров УМВД Томской области ст. лейтенанта Стекольников по делу

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Ф. 10. Оп. 7. Д. 29. С. 1–13.

<sup>2</sup> Там же. Д. П-860. Л. 248–250.

Хоменко и др. **об отмене решения «тройки» УНКВД по Новосибирской области и реабилитации всех осужденных** (выделено мной. – В. У.) согласился зам. прокурора области по спецделам советник юстиции Кравцов.

Далее в деле подшиты выписка из протокола № 1 заседания областной комиссии по пересмотру дел и сопроводительное письмо на имя Генерального прокурора СССР действительного государственного советника юстиции Р.А. Руденко о направлении дела с заключением и выпиской из протокола Комиссии. В письме содержалось обращение **только о рассмотрении дела** Центральной комиссией «для решения вопроса об отмене решения Особого совещания МГБ СССР от 13 февраля 1950 г. в отношении А.Ф. Хоменко и освобождении её из ссылки». Несмотря на то, что заключение содержало исчерпывающую информацию, подтверждавшую невиновность Хоменко и других фигурантов по делу, что было отмечено в протоколе областной комиссии, вопрос о реабилитации перед Центральной комиссией не ставился. Письмо было направлено 19 июля 1954 г., а уже 9 августа Центральная комиссия своим протоколом № 12 утвердила решение областной комиссии. Все документы, за исключением заключения, носили гриф «Совершенно секретно».

Реабилитация проходивших по делу лиц произошла позднее. Механизм её был запущен справкой оперуполномоченного 5-го отдела УКГБ по Южно-Казахстанской области лейтенанта Алёхина по названному делу от 23 мая 1955 г., в которой он обращал внимание на то, что решение областной комиссии в части отмены решения «тройки» УНКВД и реабилитации Центральной комиссией не утверждалось, как не было и соответствующего ходатайства областного прокурора по этому вопросу<sup>1</sup>.

В другом случае член Томского областного суда Чернышев, рассмотрев материалы следственного дела по обвинению 6 чел. в совершении преступления по ч. 2 ст. 58-10, 58-11 и 58-14 УК РСФСР, не нашел «доказательств» необходимости отмены решения судебной коллегии по уголовным делам Нарымского окружного суда от 5 июля 1944 г. Е.А. Маковой, 1896 г.р., учитывая её преклонный возраст и неграмотность, было предложено от поселения освободить (она обращалась с просьбой об этом к Генеральному прокурору СССР). С его аргументами согласился зам. прокурора области Кравцов, но комиссия по пересмотру дел оставила приговор в силе, а в ходатайстве Маковой отказала<sup>2</sup>. К сожалению, ни в деле, ни в протоколе комиссии о причинах такого решения информации нет. Вновь к этому делу вернулись в апреле 1955 г., когда прокурор РСФСР подал протест в порядке надзора в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. Согласно протесту приговор Нарымского окружного суда признавался неправильным и подлежал изменению, в частности, по причине отсутствия материалов о наличии какой-либо контрреволюционной организации либо об организационной контрреволюционной деятельности. В связи с этим обвине-

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-860. Л. 254–262.

<sup>2</sup> Там же. Д. П-6806. Л. 332–337.

ние по ст. 58-11 и 58-14 УК РСФСР из приговора подлежало исключению и дело в этой части производством прекращалось за отсутствием состава преступления. Обвинение же по ст. 58-10 ч. 2 считалось доказанным, и мера наказания была определена в соответствии со степенью содеянного каждого из осужденных. 15 апреля 1955 г. Судебная коллегия с внесенным протестом согласилась<sup>1</sup>.

В очередной раз это дело было пересмотрено в октябре 1964 г., когда президиум Верховного Суда РСФСР на своем заседании рассмотрел его по протесту заместителя председателя Верховного Суда РСФСР А.К. Орлова и постановил: «Приговор Нарымского окружного суда от 5 июня 1944 г. и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 15 апреля 1955 г. ...отменить и дело производством прекратить за отсутствием состава преступления»<sup>2</sup>. Справедливость восторжествовала через 20 лет после осуждения и через 10 лет после первого пересмотра дела. Это дело – показательный пример отражения того, как политические «ветры» в нашей стране влияли на судьбы людей.

Реабилитация еще одного «фигуранта» первого заседания комиссии затянулась на долгие 38 лет, так как А.И. Бошко был реабилитирован в соответствии со ст. 3 и 5 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» только 24 июня 1992 г. К сожалению, в разделе заключения о реабилитации «Данные о реабилитированном и его родственниках» значится: «сведений не имеется»<sup>3</sup>.

О том, как эта работа была организована в Кузбассе, рассказал ветеран органов госбезопасности В.Г. Рудин: «...В 1954 году... следственный отдел Кемеровского УКГБ начал пересмотр уголовных дел 1937–1938 годов. Весь Кузбасс был поделён между работниками отдела, а мне достался юг: Новокузнецк, Осинники, Мундыбаш, Таштагол, Мыски. В моём кабинете установили огромный железный шкаф с внутренними замками, где выстроились рядами первые десятки поднятых из архива дел. Приносили их по мере поступления жалоб и просьб о пересмотре дел от оставшихся в живых родственников репрессированных – после смерти Сталина такие заявления пошли в Президиум Верховного Совета на имя К.Е. Ворошилова.

В течение последующих лет отдел пересмотрел около двенадцати тысяч архивных дел – тысячи человеческих судеб...»<sup>4</sup>.

Цели, поставленные и продекларированные в приказе № 96сс/001бсс/00397/00252 от 19 мая 1954 г., не были выполнены по целому ряду причин. Во-первых, его авторы не представляли всего объема предстоявшей работы (предполагалось завершить работу по пересмотру дел за восемь месяцев). Во-вторых, механизм пересмотра дел был достаточно сложным, требовал значительных материальных и временных затрат. В-третьих, составы комиссий были неработоспособными по причине их малочисленности и состояли только из руководителей ведомств, для которых эта задача не была первоочередной. За этими причинами скрывается главная из них – государство не было готово к резким кардинальным переменам в части решения судебных «врагов народа». Об этом свидетельствует хотя бы тот

<sup>1</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-860. Л. 338–340, 343–344.

<sup>2</sup> Там же. Л. 349–352.

<sup>3</sup> Там же. Д. П-10774. Л. 171.

<sup>4</sup> Государственность. Законность. Честь. Страницы современности. Кемерово, 2007. С. 574.

факт, что, снимая обвинения по ряду пунктов ст. 58 УК, пункт ст. 58-10 («анти-советская агитация и пропаганда») оставлялся почти всегда. Необходимо учитывать и то, что решения по делам принимали люди, которые еще совсем недавно, практически накануне, сами в массовом порядке отправляли этих «врагов» в лагерь. Перестраивать свое мировоззрение и свои взгляды им было сложно. Даже несмотря на указания и директивы ЦК партии, а также руководителей соответствующих структур.

О неготовности государства к организуемой кампании реабилитации можно, видимо, судить и по тому, что работа комиссий была засекреченной. Выше уже отмечалось, что вся переписка, связанная с работой комиссий, имела гриф даже не «Секретно», а «Совершенно секретно». Кроме того, уже 18 июня 1954 г. за № 186сс/108сс/37сс были даны разъяснения (вновь «Совершенно секретные»), подписанные заместителями министра МВД, Генерального прокурора и Председателя КГБ, что заключенные не знакомятся с выписками решений комиссий по пересмотру, они даже не зачитываются заключенным, а просто объявляются от имени Прокуратуры, МВД и КГБ СССР – «знакомить заключенных и ссыльных с выписками из протоколов Центральной и местных комиссий по их делам запрещается. Запрещается также устно сообщать о том, что дело рассматривалось Центральной или местной комиссией».

В выдаваемых администрацией мест заключения и поселений справках необходимо было указывать, что заключенный или ссыльный освобождены на основе постановления Прокуратуры, МВД и КГБ СССР<sup>1</sup>.

По какой причине проводилось засекречивание работы комиссий, четких объяснений нет ни в одном нормативном документе. Можно только предположить, что власть боялась широкой огласки и возможной широкой волны массовых обращений граждан, создания «нездоровой» обстановки, способной привести к негативным для государства, правящей партии и их руководителей последствиям...

---

<sup>1</sup> Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации... С. 81–82. А.Г. Петров в диссертации привел информацию о результатах работы названных комиссий. По данным председателя Комиссии Политбюро ЦК КПСС М. Соломенцева, были реабилитированы «сотни тысяч невиновных». Исходя из примеров по Томской области, поверить в эти цифры весьма сложно. На мой взгляд, обычный прием отчетности в советский период – преувеличение. Б.А. Викторов подчеркивал, что комиссии вообще не решали вопросов о реабилитации, а занимались разгрузкой мест заключения. Далее, со ссылкой на работу «ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои» (СПб., 1998. С. 20), Петров указывает, что этими комиссиями было освобождено более 60 тыс. «особо опасных государственных преступников». Замечу, что в издании книги в 1999 г. речь о работе комиссий и освобождении вообще не ведется.

Более конкретные цифры результатов работы комиссий привела Е. Прудникова. На 16 апреля 1956 г. эти комиссии рассмотрели дела в отношении 337 183 чел., у 183 681 осужденного приговоры оставили без изменения, а 153 502 чел. получили амнистии, сокращение срока наказания или же дела были прекращены. Что касается именно реабилитации, то на 1 июля комиссии рассмотрели 97 639 дел. По ним около 60% были освобождены со снятием судимости, а у 20% сокращены сроки наказания. Политические заключенные (в общем числе рассмотренных дел) составили 46 737 чел., 61,5% из них освободили со снятием судимости, а **реабилитированы как осужденные по сфальсифицированным делам только 1 487 чел.** (выделено мною. – В.У.). Соглашусь с вопросом Е. Прудниковой – значит остальных 45 250 чел. все-таки невиновными не признали? Получается, что нет. См.: Прудникова Е. Хрущев. Творцы террора... С. 348–349.

Подтверждение этому находим еще в одном документе. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1954 г. Генеральный прокурор СССР 29 декабря 1954 года издал приказ № 220с «О порядке рассмотрения жалоб и заявлений от лиц, отбывших наказание по решениям бывшей коллегии ОГПУ, троек НКВД–УНКВД и Особого совещания при НКВД–МГБ–МВД СССР». Приказ вносил изменения в ст. 2 Указа ПВС СССР от 1 сентября 1953 г. «Об упразднении Особого совещания...», было исключено требование получения предварительного заключения МВД при рассмотрении обращений. Этот документ также не предполагал допуск к информации населения страны о репрессиях, обращаться могли только те, кто уже отбыл наказание по решениям названных органов.

Влияние на процесс реабилитации оказывали многие факторы, о некоторых из них выше уже говорилось. Но главное препятствие крылось в политике государства и КПСС – в нежелании признаться всему миру в беззаконии и произволе. Н. Хрущев в своих мемуарах писал: «Уже после XX съезда партии мы реабилитировали почти всех невинных (огромное заблуждение либо умышленное (по непонятным причинам) сокрытие истинных масштабов репрессий. – В.У.), но тех, кто проходил по открытым процессам (Рыков, Бухарин, Зиновьев, Каменев и др. – В.У.), мы не реабилитировали, но не потому, что существовали доказательства вины. Тут имелись соображения иного характера. Мы спрашивали тогда прокурора: “Были ли реальные доказательства их вины для суда?” Никаких доказательств нет! А судя по тем материалам, которые фигурировали в деле... они не заслуживали не только обвинения, но даже ареста. Прокурор Руденко так и докладывал членам Президиума ЦК партии в 1950-е годы.

Почему же их тогда не реабилитировали? Лишь потому, что после XX съезда партии, когда мы реабилитировали многих несправедливо арестованных, на это бурно реагировали люди внутри страны и за границей. Руководители братских коммунистических партий были обеспокоены, потому что это событие потрясло их партии...».

По словам Н. Хрущева, наиболее бурно реагировали лидеры итальянской и французской коммунистических партий П. Тольятти и М. Торез, обратившиеся с заявлением о том, что реабилитация обвиняемых на этих процессах создаст невероятные условия для братских компартий, особенно для тех, чьи представители присутствовали на процессах: «Мы не хотели фактом признания несостоятельности этих процессов вооружить своих врагов против братских компартий...»<sup>1</sup>.

Но была еще одна веская причина, повлиявшая на свертывание работы по реабилитации, – боязнь огласки перед собственным народом правды о произволе и беззаконии. Е. Прудникова пишет: «Выжившие «оппозиционеры», категория на редкость упертая, будучи восстановлены в партии, тут же принялись за привычное дело – воду мутить. Уже в декабре 1956 г. на Пленуме ЦК Хрущев говорил: «Я считаю, что у нас в партии не совсем правильно поняли решения XX съезда КПСС. Много тысяч людей освободили из заключения. Но там не только чистые были. Там и очень нечистые были – троцкисты,

<sup>1</sup> Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 55–56.

зиновьевцы, правые, всякая шваль. Теперь их тоже освободили. Некоторых из них восстановили в партии. Восстановились и те, которые являются врагами нашей партии. Они сейчас болтают всякий вздор, а наши товарищи лапки сложили и держат нейтралитет. Надо дать отпор таким людям, надо исключать из партии, если они будут проводить разлагающую работу в ней, надо арестовывать. Другого выхода нет...»<sup>1</sup>.

Не вдаваясь в позицию Прудниковой – что означает «воду мутить», остановимся на позиции Н. Хрущева. Не правда ли, интересные характеристики реабилитированных – «нечистые», «шваль», «враги партии», в том числе и ставших однопартийцами после реабилитации. Освободили как жертв, восстановили в партии и вновь записали в ряды врагов, пусть не народа, но партии. А где демократия, о которой так твердили в те годы, где свобода слова, возможность заявлять о своей оценке событий, известных по собственному опыту, и т.д. Вот так, правда «глаза колола», а такой она партийной верхушке нужна не была.

Именно это затормозило процесс реабилитации на десятилетия. Именно по этой причине и вся работа по реабилитации была засекреченной. Слова Хрущева подтверждают и мое предположение о боязни реакции со стороны народа на всего лишь приоткрытие завесы с информации о «мудром и справедливом» руководстве И. Сталина.

Датой начала массовой реабилитации следует, видимо, считать сентябрь 1955 г. – после выхода Указа ПВС СССР от 19 августа 1955 г. «О внесении изменений в ст. 3 Указа ПВС СССР от 1 сентября 1953 г. «Об упразднении Особого совещания при министре внутренних дел СССР». Указ позволил пересматривать дела военным трибуналам, верховным судам союзных республик, президиумам верховных судов АССР, краевых и областных судов<sup>2</sup>.

XX съезд КПСС, осудивший культ личности Сталина, официально признал наличие в СССР политических репрессий и их незаконность. Решения съезда подняли работу по реабилитации на качественно новый уровень. Так, уже в марте 1956 г. были приняты два указа ПВС СССР, оказавших серьезное влияние на организацию работы по реабилитации. Указ ПВС от 10 марта отменил Указ ПВС от 21 февраля 1948 г. «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР». Все сосланные по этому указу автоматически подлежали освобождению<sup>3</sup>. 19 марта 1956 г. вышел приказ Генерального прокурора, министра МВД и Председателя КГБ СССР № 35с/0066сс/00124, разъясняющий механизм действия этого указа. А 24 марта 1956 г. был принят секретный Указ ПВС СССР «О рассмотрении дел на лиц, отбывающих наказание за политические, должностные и хозяйственные пре-

<sup>1</sup> Цит. по: Прудникова Е. Хрущев. Творцы террора... С. 371.

<sup>2</sup> Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева... С. 72.

<sup>3</sup> Там же. С. 47; Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации... С. 119. Указ 1948 г. и директива МГБ и Прокуратуры СССР от 26 октября 1948 г. обязывали органы МГБ вновь арестовывать государственных преступников, уже отбывших наказание, предъявлять обвинение в том же преступлении, за которое они отбыли наказание, и вновь проводить следствие.

ступления». И уже 14 апреля КГБ при СМ СССР был издан секретный приказ № 042 о реализации этого указа в практической деятельности органов КГБ СССР на местах. В соответствии с указом создавались комиссии (всего было создано 97 комиссий ПВС СССР. – В.У.), в частности, для проверки в местах лишения свободы обоснованности осуждения лиц, обвиненных в совершении преступлений политического характера. Комиссии имели право принимать на месте окончательные решения об освобождении из мест лишения свободы лиц, неправильно осужденных, а также тех, чье содержание под стражей не вызывалось необходимостью. Комиссиям было разрешено принимать решения о сокращении сроков наказания; это разрешение очень активно использовалось. С освобождаемых от наказания граждан комиссии снимали судимость и ограничения в правах.

Несмотря на непродолжительную работу этих комиссий (в соответствии с указом они работали до 1 октября 1956 г.), из мест лишения свободы были освобождены десятки тысяч человек. А.Г. Петров, со ссылкой на сообщение председателя Центральной комиссии А.Б. Аристова, направленное 17 октября 1956 г. в ЦК КПСС, привел данные, что на 1 октября 1956 г. были рассмотрены дела на 176 325 чел., из которых 100 139 были освобождены, а 42 016 снижены сроки наказания. Из числа освобожденных 50 944 чел. (50,9%) были осуждены за политические преступления<sup>1</sup>.

В середине 1950-х гг. Верховным Советом и Советом Министров СССР был принят целый ряд документов, имевших важнейшее значение для реабилитации жертв режима. Среди них и амнистии, касавшиеся некоторых категорий осужденных, в том числе и за политические преступления, и постановления «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей» (№ 898-490с от 29 июня 1956 г.), «О трудовом стаже, трудоустройстве и пенсионном обеспечении граждан, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированных» (сентябрь 1955 г.), «О снятии с учета некоторых категорий спецпереселенцев» (1955 г.), «О порядке расчетов по возмещению реабилитированным гражданам стоимости изъятого у них имущества» (ноябрь 1956 г.) и др. По большинству этих документов издавались ведомственные приказы и указания. Так, по постановлению в отношении судеб военнопленных 30 июля 1956 г. был издан приказ КГБ при СМ СССР № 0112, а в Министерстве обороны страны – директива № 52690 от 23 июля 1956 г. Если приказ КГБ предусматривал механизм и порядок отбора контингентов и оформления соответствующих документов, то директива предполагала организацию работы по восстановлению бывших военнопленных в воинских званиях, их увольнению со службы в запас или в отставку, засчитывание времени пребывания в плену в срок службы и даже награждение отдельных из них<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Петров А.Г. Указ. соч. С. 80. К сожалению, не указано число реабилитированных. Судя по примерам работы комиссии в Томской области, это число должно исчисляться всего несколькими тысячами человек.

<sup>2</sup> Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева... С. 142–143; Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации... С. 139–143, 168–176. За период с 1953 по 1961 гг. в партийном отношении были реабилитированы несколько тысяч руководящих военных работников. Кроме того, в период 1956–1961 гг. в КПСС были восстановлены 16 233 чел. из числа бывших военнопленных и лиц, находившихся на оккупированной территории. См.: Петров А.Г. Указ. соч. С. 102, 104.



По указам ПВС СССР снимались ограничения в правах в отношении находившихся на спецпоселении немцев (декабрь 1955 г.), калмыков (март 1956 г.), греков, болгар, армян (март 1956 г.), крымских татар, балкарцев, турок – граждан СССР, курдов, хемшилов (апрель 1956 г.) и представителей других национальностей.

Несмотря на то, что продолжали действовать ограничения по их возвращению к местам прежнего проживания, возврату конфискованного имущества и некоторые другие, эти документы можно отнести к первым шагам со стороны государства по реабилитации этих народов.

В Западной Сибири в 1954–1960 гг. процесс реабилитации шел заметно активнее, чем в других субъектах страны. Если в СССР в 1954–1960 гг. были реабилитированы 737 182 чел., то сотрудниками органов госбезопасности Алтайского края, Новосибирской, Кемеровской и Томской областей и Республики Алтай (в современных административно-территориальных границах) в эти годы – 80 тыс. чел., в основном осужденных «тройками» и Особым совещанием, что составило 10,85% от общего числа реабилитированных в стране.

До начала 1960-х гг. процесс реабилитации был на постоянном контроле КГБ и Прокуратуры СССР. Вопросы, связанные с этой работой, постоянно рассматривались на заседаниях коллегий, советах при начальниках территориальных органов, на служебных совещаниях, партийных собраниях и собраниях коллективов правоохранительных органов<sup>1</sup>. Сотрудники, занимавшиеся пересмотром архивно-следственных дел, чаще всего были сотрудниками следственных подразделений, за положительные результаты в этой работе отмечались и поощрялись. Например, секретным приказом начальника УКГБ при СМ СССР по Томской области № 014 от 5 октября 1956 г. была объявлена благодарность и выдана денежная премия за достигнутые положительные результаты в работе, в частности, за пересмотр 67 архивно-следственных дел и вынесение по ним заключений в отношении 567 чел. сотрудникам следственного отдела К.П. Челнокову, А.Н. Гузяеву и др. Такие примеры не были единичными.

С началом 1960-х гг. работа по пересмотру архивно-следственных дел пошла на убыль, о чем свидетельствуют табл. 36–38. Эти таблицы наглядно отражают

<sup>1</sup> Примером контроля может служить обзор «Об итогах и состоянии работы по пересмотру дел о контрреволюционных преступлениях и разрешению жалоб по этой категории дел за 1955-1956 гг.», подготовленный прокурором Томской области Я. Выпряжкиным и помощником Военного прокурора СибВО по Томской области Ларионовым в декабре 1956 г. В обзоре рассмотрены результаты деятельности следователей УКГБ при СМ СССР по Томской области за 1955-1956 гг. по пересмотру дел в связи с Указом ПВС СССР от 22 декабря 1954 г. и приказом Генерального прокурора СССР № 220 от 29 декабря 1954 г. В обзоре рассматривались качественные и количественные показатели работы (по каждому из 20 следователей, занимавшихся пересмотром дел), отмечались положительные и отрицательные моменты в ее организации – наличие (отсутствие) плановости, персонального контроля и др. Проанализированы сроки рассмотрения жалоб (факты заволокивания, в т.ч. и по причине несвоевременности выполнения следственных действий и обезличка) и жалоб особого контроля, несвоевременное рассмотрение которых приводило к повторным обращениям граждан в ЦК КПСС, Совет Министров и ПВС СССР. Освещены вопросы качества проверки архивно-следственных дел (наличие формального рассмотрения дел и жалоб), особое внимание уделено содержанию и мотивировке заключений. В заключении приведены данные об остатке неразрешенных дел и жалоб на 1 января 1957 г. – 685 дел на 2605 чел. (количественные показатели и принцип отбора дел даны без пояснения). См. : ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2268. Л. 170-192.

цикличность процессов реабилитации. Если в период с 1954 по 1970 г. в пяти субъектах Западной Сибири было реабилитировано 94 061 чел., то в период 1970-х и до 1989 г. – всего 1 129 чел.

Таблица 36

**Динамика реабилитации жертв политических репрессий в Западной Сибири по десятилетиям (1954–2009 гг.)**

Годы	Кол-во реабилитированных, чел.					Всего, чел.
	Алтайский край	Кемеровская область	Новосибирская область	Томская область	Республика Алтай	
1954–1960	17 507	26 384	27 102	9 012	142	80 147
1961–1970	3 000	2 522	5 609	2 692	91	13 914
1971–1980	172	208	272	56	–	708
1981–1990	9 284	4 869	5 508	3 675	805	24 141
1991–2000	6 843	6 501	4 728	3 189	5 334	26 595
После 2000	571	1 572	1 020	874	279	4 316
<b>Всего</b>	<b>37 377</b>	<b>42 056</b>	<b>44 239</b>	<b>19 498</b>	<b>6 651</b>	<b>149 821</b>

Таблица 37

**Динамика реабилитации жертв политических репрессий в Западной Сибири до и после выхода Указа ПВС СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов»**

Годы	Кол-во реабилитированных, чел.					Всего, чел.
	Алтайский край	Кемеровская область	Новосибирская область	Томская область	Республика Алтай	
1954–1988	20 857	29 261	33 057	11 782	233	95 190
После 1988	16 520	12 795	11 182	7 716	6 418	54 631
<b>Всего</b>	<b>37 377</b>	<b>42 056</b>	<b>44 239</b>	<b>19 498</b>	<b>6 651</b>	<b>149 821</b>

Оживление работы по реабилитации началось после выхода в свет Указа ПВС СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов». До 2001 г. справедливость была восстановлена еще в отношении 50 тыс. жителей этих регионов. К началу нового тысячелетия работа по пересмотру архивно-следственных дел и реабилитации жертв политических репрессий в основном была завершена – в названных субъектах были реабилитированы 149 821 чел.<sup>1</sup> К сожалению, руководством УФСБ РФ по Омской области мне было отказано в предоставлении официальных данных о результатах работы по реабилитации жертв репрессий. Что касается данных на лиц, включенных в Книгу Памяти Омской области «Забвению не подлежит», то их число составило 31 150 чел. Таким образом, число реабилитированных жертв массовых репрессий периода 1920 – начала 1953 г. на территории Западной Сибири определяется в 180 тыс. чел.<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Таблицы составлены автором на основе обработки баз данных УФСБ РФ по Кемеровской и Томской областям, Республики Алтай, Управления архивного дела администрации Алтайского края и оперативных учетов УФСБ РФ по Новосибирской области.

<sup>2</sup> Число жертв политических репрессий всегда вызывало оживленные споры и дискуссии. Что касается Западной Сибири, то в начале 1990-х гг. отдельные сибирские исследователи и представители общественности достаточно вольно оперировали цифрами, приводя непроверенные данные. Так, И.Н. Кузнецов

Считаю уместным напомнить, что речь идет только о лицах, осужденных по политическим мотивам, без учета направленных в Западную Сибирь на спецпоселение (несколько сот тысяч человек), реабилитация этой категории граждан отнесена к компетенции органов внутренних дел страны. Осужденные же по ст. 61 УК РСФСР («За отказ от выполнения повинностей, общегосударственных заданий или производства работ, имеющих государственное значение») или по Закону от 7 августа 1932 г. («Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности») и целому ряду других указов и законов Советского государства реабилитации не подлежали. Между тем осуждение по этим правовым актам, не будучи провозглашенным официально, практически всегда подразумевало политический характер их применения.

В целом число репрессированных в рассматриваемый период времени только в Алтайском крае, Кемеровской и Томской областях и Республике Алтай составило около 97 тыс. чел. Анализ таблиц однозначно свидетельствует, что основным контингентом жертв репрессий являлось русское население – более 65% от общего числа репрессированных. Далее «идут» украинцы (7,6%), немцы (5,65%), поляки (4,8%), белорусы (2,72%), латыши (1,75%) и др.

Эти данные опровергают утверждение отдельных иностранных исследователей о том, что «всеобщая программа массового уничтожения» определялась русским национальным шовинизмом и что к смертной казни приговаривалось

---

в своих работах «Репрессии 30–40-х годов в Томском крае» (1991 г.) и «Знать и помнить» (1993 г.) приво-  
дил данные об осуждении по политическим мотивам только в Томской области в 1930–1953 (1956) гг. 40,  
а затем «свыше 50 тыс. чел.», отмечая, со ссылкой на данные общества «Мемориал», что «только в Томске  
в период 1937–1938 гг. было арестовано и репрессировано... свыше 30 тыс. чел.». При этом число репрес-  
сированных по политическим мотивам в Западной Сибири он определял в 250 тыс. чел. Замечу, что  
И. Кузнецов с такими подсчетами не одинок. Даже министр госбезопасности РФ Н. Голушко писал, что  
в Кузбассе в период 1920–1954 гг. «по политическим мотивам было привлечено к уголовной ответственно-  
сти свыше 150 тысяч советских граждан» См.: *Голушко Н.М.* В спецслужбах трех государств. М., 2009.  
С. 392. Представленные же И. Кузнецову органами госбезопасности данные, что в Новосибирской области  
было репрессировано 45, в Кемеровской – 40, Томской – около 20 тыс. чел. (что, кстати, очень близко  
с данными, опубликованными в приведенной табл. 35), он считал заниженными, так как многие докумен-  
ты органов госбезопасности, по его мнению, были уничтожены, что не учитывались «повторно репресси-  
рованные жители Запсибкрая в лагерях, колониях, тюрьмах, высланные в другие области, а также осуж-  
денные на территории других областей и республик страны». Эти аргументы не выдерживают никакой  
критики, так как занижение или сокрытие реальных цифр не могут быть вызваны уничтожением каких-то  
справок и т.п. – **дела на осужденных по политическим мотивам не уничтожались, имея гриф «Хра-  
нить вечно»**. А повторное осуждение не ведет к механическому удвоению.

Должен признать, что в полемике с И.Н. Кузнецовым сам называл примерную цифру в 150 тыс.  
репрессированных (*Уйманов В.Н.* История – наука точная // Труды Томского областного краеведческого  
музея. Томск, 2000), но в те годы еще не были созданы базы данных, да и никто из сотрудников органов  
госбезопасности, занятых работой по реабилитации, не считал нужным проводить подсчеты на уровне  
научных исследований – это не входило в круг их обязанностей при пересмотре архивных следственных  
дел. Создание Книг Памяти и баз данных на репрессированных позволит окончательно прекратить эти  
споры, тем более, что за многие годы работы над пятитомной Книгой Памяти «Боль людская», как и над  
вторым, трехтомным изданием, в 2016 г., не поступило ни одного обращения от граждан о судьбе того или  
иного человека, сведения о которых не были бы найдены.

Динамика реабилитации жертв политических репрессий в Западной Сибири (1954–2009 гг.)

Год	Кол-во реабилитированных, чел.					Год	Кол-во реабилитированных, чел.				
	Алтайский край	Кемеровская область	Новосибирская область	Томская область	Республика Алтай		Алтайский край	Кемеровская область	Новосибирская область	Томская область	Республика Алтай
1954	90	50	355	13	–	1982	5	5	11	2	–
1955	396	738	3 525	271	1	1983	–	1	8	1	–
1956	3 401	5 448	3 139	1 006	8	1984	12	13	4	3	–
1957	2 900	9 762	6 424	2 005	3	1985	1	1	12	1	–
1958	3 136	5 578	4 522	1 988	92	1986	4	3	6	2	–
1959	6 146	3 528	6 869	2 325	34	1987	4	21	1	2	–
1960	1 438	1 280	2 268	1 404	4	1988	150	100	27	11	–
1961	720	462	1 816	738	2	1989	8 734	4 373	4 561	3 484	261
1962	476	461	894	393	33	1990	372	349	873	169	544
1963	322	317	1 029	343	2	1991	286	113	200	245	768
1964	213	339	576	351	6	1992	1 727	2 080	471	933	1 215
1965	410	309	444	494	41	1993	2 190	575	841	1 196	1 000
1966	206	241	303	215	4	1994	491	141	1 243	123	1 500
1967	244	125	151	66	2	1995	569	270	285	167	393
1968	187	116	152	36	1	1996	358	326	743	120	152
1969	101	72	158	40	–	1997	796	351	396	27	51
1970	121	80	86	16	–	1998	313	181	320	275	18
1971	40	44	88	12	–	1999	70	382	75	88	135
1972	22	33	26	9	–	2000	43	2 082	154	15	102
1973	19	44	24	4	–	2001	57	1 340	287	248	68
1974	22	28	36	6	–	2002	229	203	246	310	189
1975	14	9	36	9	–	2003	138	28	481	297	14
1976	10	19	21	1	–	2004	147	–	1	–	1
1977	10	20	12	5	–	2005	–	–	–	4	7
1978	21	6	25	3	–	2006	–	–	1	3	
1979	11	1	2	1	–	2007	–	–	3	1	
1980	3	4	2	7	–	2008	–	–	–	–	
1981	2	3	5	–	–	2009	–	1	1	9	
						2010	–	–	–	2	
						<b>Всего</b>	<b>37 377</b>	<b>42 056</b>	<b>44 239</b>	<b>19 498</b>	<b>6 651</b>

преимущественно население нерусских национальностей<sup>1</sup>. Хотя если рассматривать в процентном отношении число репрессированных к проживавшему на территории Западной Сибири населению, то может показаться, что они правы. Так, в Кузбассе были расстреляны все арестованные калмыки и чеченцы (соответственно 15 и 10 чел.). Среди расстрелянных оказались 82,29% корейцев, 84,7% карелов, 83,8% австрийцев, 83,3% туркмен, 80,16% китайцев, 81,8% латышей, по 80% бурят и ассирийцев, 76,9% поляков, 58,5% немцев, 57,8% литовцев и т.п. В Томске в числе наиболее пострадавших в процентном отношении оказались китайцы – 97,3%, корейцы – 88,9%, финны – 84,9%, поляки – почти 82% и татары – 63%. На Алтае таковыми оказались венгры – 73%, румыны – 69,23%, белорусы – 65,1%, латыши – 62,95%, поляки – 61,48%, эстонцы – 59,6%<sup>2</sup>. В данном случае уместно всего одно замечание – представители указанных наций и народностей не являлись преобладающим населением в названных субъектах и численность их исчислялась обычно несколькими десятками или сотнями человек (табл. 39-40). Даже в Ойротии, где коренное население было преобладающим, число репрессированных лиц иных национальностей много выше числа репрессированных представителей этого коренного населения.

В качестве дополнительного примера можно привести данные, что русских в Томске было арестовано более 14 тыс. чел., что составило 68% от общего числа арестованных, расстрелу подверглись 47% из них, т.е. более 6,5 тыс. чел. В Кузбассе из 28 526 чел. арестованных русских были расстреляны 13 692, т.е. 44,33%. На Алтае эти цифры составили 29 144 и 9 168 чел. (31,5%). Даже в Республике Алтай и только в довоенный период число арестованных русских жителей в два раза превысило число арестованных коренных жителей – алтайцев – 4 176 и 2 038 чел. соответственно. Из них, по подсчету автора, расстрелу подверглись 1 059 чел. русских и 534 алтайца, что также соответствует пропорции, характерной для указанного числа арестованных.

Напомню, что в Западной Сибири проживали более ста наций и народностей, а репрессиям подверглись представители менее половины из них. При этом число репрессированных среди мордовского населения (третьего по численности проживавших в регионе) составило 0,77%, татар и казахов – четвертых и шестых по численности – соответственно 0,57 и 0,19%. Так, из 30 тыс.

<sup>1</sup> См.: Кип Джон, Литвин Алтер. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография / пер. с англ. В.И. Мутузовой. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 142, 153–154. Их позицию, в частности, разделяет В.П. Булдаков. Он пишет, что «если в среднем «тройками» приговаривалось к высшей мере наказания почти 50% арестованных, то по «национальным» делам» – 71,3%. При этом процент расстрелянных по «польской линии» (самой крупной) был много выше этой цифры... – в период с 25 августа 1937 г. по 15 ноября 1938 г. было расстреляно 79,4% всех осужденных... По греческой, финской и эстонской линиям ставили к стенке с еще большей легкостью». См.: Булдаков В.П. Красная смута... С. 569. Бездоказательно его заявление в отношении лиц еврейской национальности: «По всему видно, что репрессии против евреев стали побочной частью «национальных» – польской, немецкой и т.п. – операций «Большого террора» (Там же. С. 878). Во-первых, никаких специальных операций по репрессированию лиц еврейской национальности в СССР не проводилось, во-вторых, представители целого ряда других национальностей пострадали от репрессий в гораздо большей степени, чем евреи, но и по ним органами НКВД никаких целенаправленных операций не проводилось.

<sup>2</sup> Подсчитано автором по базам данных репрессированных жителей названных субъектов.

**Национальный состав репрессированных на территории современных Томской, Кемеровской областей  
и Алтайского края в 1920–1941 гг.**

Национальная принадлежность	1919–1930 гг.				1931–1941 гг.				Всего
	Томская область	Алтайский край	Кемеровская область	Всего	Томская область	Алтайский край	Кемеровская область	Всего	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Русские	1 934	3 706	1 655	7 295	10 523	20 542	27 787	58 852	66 147
Поляки	59	11	24	94	1 381	834	2 100	4 315	4 409
Украинцы	53	334	108	495	895	2 545	3 390	6 830	7 325
Белорусы	39	21	30	90	544	759	1 147	2 450	2 540
Немцы	22	147	17	186	479	2 443	2 159	5 081	5 267
Латыши	14	5	12	31	440	263	868	1 571	1 602
Евреи	56	13	7	76	330	126	385	841	917
Эстонцы	19	3	14	36	229	229	615	1 073	1 109
Татары	22	4			167	46	300	513	
Литовцы	7	1	2	10	83	43	150	276	286
Финны	–	–			83	18	80	181	
Карелы	–	–			81	1	143	225	
Корейцы	1	–			79	57	157	293	
Китайцы	1	3			72	163	229	464	
Мордва	–	26			66	227	400	693	
Чуваши	–	3			58	21			
Армяне	1	–			52	15			
Чехи	2	1			31	20			
Австрийцы	1	–			29	52			
Венгры	3	–			21	84			
Грузины	1	–			23	44			
Молдаване	–	–			24	18			
Селькупы	12	–			10	–			
Греки	1	–			18	11			
Румыны	1	1			17	26			
Болгары	–	–			17	16			

Продолжение табл. 39

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Башкиры	–	–			16	–			
Буряты	–	–			9	1			
Сербы	2	–			6	3			
Марийцы	–	1			7	–			
Хакасы	–	–			6	–			
Удмурты	–	1			4	5			
Кабардинцы	–	–			4	–			
Цыгане	1	–			3	1			
Коми	–	1			3	5			
Черкесы	–	1			3	–			
Словаки	–	–			3	–			
Итальянцы	1	–			1	4			
Казахи	–	1			2	103	63	168	
Калмыки	–	1			2	–			
Хорваты	–	1			2	–			
Осетины	–	–			2	1			
Хорваты	–	–			2	–			
Шведы	–	–			2	–			
Якуты	–	–			2	–			
Японцы	–	–			2	–			
Узбеки	–	–			2	–			
Киргизы	–	4			1	6			
Алтайцы	–	3			1	18			
Англичане	–	–			1	–			
Датчане	–	–			1	–			
Норвежцы	–	–			1	–			
Ногайцы	–	–			1	–			
Черногорцы	1	–			–	–			
Чеченцы	–	–			1	–			
Югославы	–	1			–	–			
Турки	–	–			–	4			
Французы	–	–			–	2			
Кумандинцы	–	–			–	7			

Окончание табл. 39

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Лезгины	–	–			–	2			
Швейцарцы	–	–			–	2			
Уйгуры	–	–			–	1			
Шорцы	–	–			–	1	151	152	
Телеуты	–	–			–	1			
Не указано	–	106			–	961			
<b>Всего</b>	<b>2 254</b>	<b>4 400</b>			<b>15 839*</b>	<b>29 731</b>			<b>~90 000</b>

\*Данные по Томской области на 1 июля 1941 г.

*Примечание.* Подсчитано автором по результатам обработки баз данных репрессированных жителей Томской области. Данные по Алтайскому краю – результат выборки из статистических данных, опубликованных в Книге Памяти «Жертвы политических репрессий в Алтайском крае». Сведения по Кемеровской области представлены канд. ист. наук. В. Онищенко, но не в полном объеме, поэтому позиции таблицы заполнены частично.



казахов, проживавших на Алтае и в Республике Алтай, репрессиям подверглись 270 чел. А у отдельных многотысячных по составу коренных национальностей число репрессированных исчислялось несколькими десятками человек. Более того, линейных приказов и иных директивных документов было издано только двенадцать<sup>1</sup>. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что приказы издавались для реализации по всему СССР без учета реального проживания в регионах представителей тех или иных народностей. Даже с учетом насильственных депортаций периода Великой Отечественной войны общее число народов, подвергшихся репрессиям, исчисляется несколькими десятками. Во-вторых, наличие оперативных учетов в органах НКВД и регулярное обновление их через систему властных структур в стране позволяло отслеживать необходимые «оперативные» контингенты, незамедлительно проводя их аресты в случае «надобности». В-третьих, следует учитывать наличие регулярно поступающих от руководства НКВД указаний и команд о необходимости скорейшего «выкорчевывания» вражеских агентов, диверсантов и шпионов, что без очевидной фальсификации материалов сделать было невозможно и на что шли сотрудники органов НКВД на местах. В случае отсутствия необходимых национальных контингентов производились аресты лиц любых других национальностей, как в описанном выше примере по Алтаю, когда в числе 26 «шпионов и диверсантов» оказались представители 8 национальностей. При недостатке представителей «нужных» национальностей «необходимые» националы объявлялись руководителями «вскрытых» «контрреволюционных» организаций, но с нужной национальной окраской.

В табл. 40 представлены количественные показатели национального состава репрессированных на территории современных Томской и Кемеровской областей, Алтайского края и Республики Алтай в 1931–1941 гг. **наиболее крупных национальных диаспор.** В её основу положены результаты Всесоюзной переписи населения 1939 г. и данные автоматизированных БД репрессированных жителей этих регионов.

В противовес ученым и специалистам, которые пытаются разыгрывать национальный аспект при проведении репрессий, приведу тезис, озвученный председателем комиссии Моссовета А.А. Мильчаковым на встрече Председателя КГБ СССР В.А. Крюкова с активистами московских объединений лиц, пострадавших от необоснованных репрессий, 14 июня 1991 г.: «...**в Москве казнили в общей сложности представителей 119 национальностей. ...Здесь был такой геноцид, не только против русского народа, против всей страны. Там уже не**

<sup>1</sup> Подтверждение этому находим в приказе НКВД СССР № 00606 от 17 сентября 1938 г., практически дублировавший Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о введении «особых троек», и Циркуляре НКВД от 21 сентября 1938 г.с разъяснениями этого приказа. Циркуляр гласил, что рассмотрению Особыми тройками подлежали дела «в отношении всех лиц польской, латышской, эстонской, финской, болгарской, македонской, греческой, румынской, иранской, афганской и китайской национальностей, а также харбинцы и участники белогвардейских организаций (РОВС, БРП, РФП)...». См.: Прудовский С.Б. Была такая «нация» – харбинцы. Харбинская операция НКВД в документах. СПб.: Алетей, 2022. С. 500-501; [https://docs/historyrussia.org/nodes/171982](https://docs.historyrussia.org/nodes/171982) – обращение 13.02.2023 г.

Таблица 40

**Национальный состав репрессированных на территории современных Томской и Кемеровской областей,  
Алтайского края и Республики Алтай (1931–1941 гг.)**

Национальная принадлежность	Количество проживавших на территории Западной Сибири, чел.	В том числе в Новосиб. обл. и Алт. крае, чел.	Количество репрессированных					% к числу проживавших	% к числу репрессированных
			Томская область	Кемеровская область	Алтайский край	Республика Алтай	Всего		
Русские	7 620 518	5 730 611 (1)*	10 523	27 787	20 542	2 534	61 386	1,07	63,3
Украинцы	483 105	324 605 (2)	895	3 390	2 445	15	6 845	2,11	7,06
Татары	161 909	70 033 (4)	167	300	46	2	515	0,74	0,53
Немцы	101 429	41 597 (9)	479	2 159	2 443	34	5 115	12,3	5,27
Казахи	99 479	47 588 (6)	2	63	103	308	476	1,0	0,49
Мордва	89 627	81 862 (3)	66	400	227		693	~0,85	0,71
Белорусы	63 923	48 667 (5)	544	1 147	759	12	2 462	5,06	2,54
Чуваши	55 918	45 095 (7)	58		21				
Ойроты	44 988	44 093 (8)	–		–	1 102		~2,5	~1,14
Коми	24 074	9 140 (15)	3		5	–			
Поляки	21 805	14 588 (11)	1 381	2 100	834	59	4 374	30,0	4,5
Евреи	20 814	14 092 (12)	330	385	126	14	855	6,06	0,88
Эстонцы	18 831	10 994 (13)	229	615	229	17	1 090	9,9	1,12
Ханты	18 377	Нет данных	–	–	–	–			
Латыши и латгальцы	18 172	10 757 (14)	440	868	263	37	1 608	14,95	1,66
Шорцы	14 811	14 801 (10)	–	151	1	3	155	1,05	0,16
Ненцы	14 508	12	–	–	–	–			
Удмурты	9 091	8 609 (16)	4		5				
Манси	5 871	7	–	–	–	–			
Цыгане	4 578	3 340 (18)	3		1				
Башкиры	3 965	3 468 (17)	16		–				
Литовцы	3 451	2 894 (19)	83	150	43	12	288	7,19	0,3

\* Цифра в скобках показывает рейтинговый показатель численности проживавших.

**было разницы, кого убивать: расстреливали представителей всех вер и национальностей...»** (выделено мною. – В.У.)<sup>1</sup>.

Разыгрывание «национальной карты» – процесс осознанный, продуманный, программно оформленный, имеющий конкретные цели и задачи. Здесь уместно будет привести слова одного из героев романа А. Ананьева «Годы без войны», написанного еще в 70-е гг. прошлого столетия: «Разве не видите, что происходит в мире? Наше социалистическое содружество всем на Западе как бревно в глазу, и против нас применяют сейчас самое скрытое и самое подлое оружие – разжигание национализма. Национальные чувства любого народа – это натянутая струна, и нельзя допускать, чтобы по ним прыгали чужие пальцы. А пальцы эти начинают прыгать, червь выпущен из коробки и принимается за своё дело, и то, на что рассчитывали т а м, что червь-то не таврован, а будто свой, доморощенный, так и воспринимается нами. Этот соблазнительный червь уже проник и в литературу, и в искусство, и, к сожалению, во многие другие кабинеты, и самое опасное, если уж говорить начистоту, это если русский народ клюнет на эту нетаврованную приманку. Там думают, взрывом национализма можно развалить любую державу»<sup>2</sup>.

Насколько точно сформулирована и охарактеризована эта скрытая угроза. В истории неоднократно фиксировались события, чаще всего трагические, основой которых становились «национальные особенности» того или иного народа. XXI столетие не стало исключением – ярчайшим цветом национализм расцвел в Украине, где уже почти завершен процесс переписывания истории своей многонациональной страны с упором на особый статус украинцев. Для этого даже был придуман «голодомор», якобы непосредственно организованный против украинского народа. И миллионы украинцев, воспитанные на «новой» истории, искренне верят в это.

На протяжении многих лет не утихали дискуссии о том, почему в 1960-х гг. процесс реабилитации замедлился, а потом практически прекратился. Одна часть исследователей считает, что уже в эти годы были предприняты первые попытки реабилитации Сталина, а по этой причине возвращаться к теме репрессий было нецелесообразно. Другие, на мой взгляд, справедливо полагают, что в политический курс страны были внесены существенные коррективы – советские граждане приступили к реализации конечной цели развития советского общества – построению коммунизма. Перед населением страны были поставлены новые цели и задачи – началась новая кампания, что было явлением обычным для советского государства. А процесс реабилитации так и не был завершен – бюрократическая машина сначала затормозила, а к середине 1970-х гг. практически прекратила эту работу.

Тема массовых репрессий и реабилитации постепенно была «изъята» высшим партийным руководством из жизни страны, и поколение 1970–1980-х гг. уже мало что знало об этом. Официальная доктрина требовала умолчания. О культуре личности Сталина или докладе Н. Хрущева на XX съезде КПСС в эти годы уже практи-

<sup>1</sup> Стенограмма встречи. С. 32. Из личного архива автора.

<sup>2</sup> Ананьев А. Годы без войны. Роман. Кн. 2 // Роман-газета. 1980. № 1/887. С. 43.

чески не говорили, даже на исторических и юридических факультетах вузов об этом обычно упоминали вскользь. Одна из причин – то, что многие из тогдашних руководителей страны лично принимали непосредственное участие в организации и проведении массовых репрессий против собственного народа. Инициировав процесс реабилитации, они, в первую очередь, преследовали личные цели, связанные с их собственным положением, с обеспечением личной безопасности партийного и государственного руководства.

Когда мы говорим о реабилитации жертв репрессий, то понимаем, что эта работа предполагает проведение, в первую очередь, определенного комплекса процессуальных процедур юридического характера, без результатов которых невозможно судить и принимать решение о судьбе того или иного человека. Этот процессуальный порядок официально закреплён соответствующими нормативно-правовыми актами. Однако в советском государстве, как показала практика, это условие не является основополагающим и безальтернативным. Так, уже спустя несколько месяцев после смерти И. Сталина Президиум ЦК КПСС 13 июля 1953 г. принял постановление, формулировки которого содержали конкретные указания следующего характера:

«1. Обязать Военную Коллегию Верховного Суда СССР пересмотреть дела на осужденных генералов и адмиралов, имея в виду:

а) прекратить дела и полностью реабилитировать генералов и адмиралов (далее список из 37 фамилий)...

б) снизить наказание до фактически отбытого ими срока и освободить из-под стражи осужденных бывших генералов (3 фамилии).

2. Обязать МВД СССР:

а) прекратить дела и полностью реабилитировать генералов (15 фамилий)...)»<sup>1</sup>.

Вот так просто – «обязать». И не надо объяснять причины, мотивы, пересматривать имевшиеся материалы, указывать реабилитирующие основания и прочую «юридическую ерунду». Но говоря о генералах и адмиралах, забыли или просто не захотели вспомнить о тысячах офицеров и солдат...

В 1950-е гг. реабилитацию отличало наличие выборочного характера, чаще всего в отношении лиц, занимавших высокие посты в партийно-советском аппарате, отдельных категорий военнослужащих, членов партии. И часто через очередное проявление воли Вождя, уже нового. При этом была реабилитирована и часть тех, кто принимал самое непосредственное участие в организации массовых репрессий в стране и в непосредственной реализации установок на проведение репрессий, например, в органах НКВД. Это и Р. Эйхе (одна из главных «жертв» Л. Берии), и С. Косиор, бывший начальник УНКВД по Московской области, и нарком НКВД Казахской ССР С. Реденс и некоторые другие. И если Реденса в 1957 г. не реабилитировали, то «в 1961 г. дело было прекращено «за отсутствием состава преступления». В определении было указано, что «Реденс, работая начальником УНКВД по Московской области и наркомом внутренних дел Казахской ССР, производил массовые аресты советских гражд-

<sup>1</sup> Цит. по: Прудникова Е. Хрущев. Творцы террора... С. 315.

дан, применял к арестованным незаконные методы следствия и допускал фальсификацию следственных материалов. Эти его действия подлежат квалификации по статье Уголовного кодекса, предусматривающей ответственность за должностное преступление. Однако в настоящее время решать вопрос о квалификации действий Реденса нецелесообразно».

Более того, Е. Прудникова, со ссылкой на И. Пыхалова, отмечает, что когда в перестроечный период выяснилось, что С. Реденс реабилитирован незаконно, то вдруг оказалось, что ничего изменить уже нельзя, как это было отмечено в справке за подписью заместителя Генерального прокурора СССР И.П. Абрамова и секретаря Комиссии по реабилитации Н.И. Савинкина. «Доводы, приведенные ими, были поддержаны главным идеологом перестройки А.Н. Яковлевым на заседании комиссии Политбюро ЦК КПСС 17 октября 1989 г.»<sup>1</sup>

Вновь мелькает фамилия А. Яковлева и вновь в негативном контексте. Думается, что благодаря его руководству процессом реабилитации в стране общество еще долгие годы будет жить в неведении или заблуждении от той «честной и правдивой» информации, которая была запущена и растиражирована. С учетом его возможностей и служебного положения допускаю мысль, что о некоторых событиях в советской истории мы уже не узнаем никогда.

Примеры подобного характера можно продолжать еще, но будут только меняться фамилии, должности, даты и т.п., но суть останется прежней. Я уже отмечал, что в советском государстве законы страны и директивы и указания коммунистической партии имели одинаковую силу, но последние, в случае необходимости для партийно-советского руководства страны, могли иметь большее значение. Приведенные примеры только укрепили уверенность в этом.

Кстати, не следует забывать, что, начиная с XX съезда КПСС и до начала 1990-х гг., пропагандистская машина и весь идеологический аппарат партии активно и настойчиво убеждали население страны, что основными жертвами в годы репрессий были члены партии. И если данные по их реабилитации были известны, то по беспартийным, нашим с вами согражданам, не назывались даже приблизительно. Это сегодня мы знаем, что их было во много раз больше.

В качестве вывода. Реабилитация жертв репрессий – дело политическое, основанное на соблюдении норм права, но события особенно 1950-х гг. показали, что этот процесс практически всегда очень сильно зависел от позиции партийно-советского руководства страны.

### **6.3. Новый этап реабилитации жертв массовых репрессий (конец 1980-х – 2000-е гг.)**

Начало демократических преобразований в стране способствовало актуализации темы массовых репрессий. Страницы газет и журналов буквально захлестнула волна публикаций, связанных с темой массовых репрессий, – появились десятки

---

<sup>1</sup> См.: Прудникова Е. Хрущев. Творцы террора... С. 333–334, 356–357.

художественных произведений, публиковались мемуары очевидцев и участников тех страшных событий, на телевидении и в кинотеатрах стали выходить публицистические телепередачи и демонстрироваться художественные фильмы. Все это было новым, необычным, привлекало внимание и вызывало неподдельный интерес, но очень часто не давало объективной картины происшедшего в еще недалеком прошлом нашей страны – субъективизм авторов очень часто искажал истину.

В этих условиях начала работу созданная в сентябре 1987 г. Комиссия Политбюро ЦК КПСС по изучению фактов и документов, связанных с репрессиями 1930–1950-х гг. В июле 1988 г. вышло Постановление ЦК КПСС «О дополнительных мерах по завершению работы, связанной с реабилитацией лиц, необоснованно репрессированных в 30–40-е годы и начале 50-х годов», в соответствии с которым Прокуратуре и КГБ СССР поручалось продолжить работу по пересмотру дел, а судебным органам незамедлительно их рассмотреть. Работа должна была вестись независимо от наличия заявлений или жалоб граждан. Организация работы на местах предусматривалась Указанием Генерального прокурора СССР и Председателя КГБ СССР № 42с/13/40с от 30 июля 1988 г., детализировавшим положения партийного постановления и вводившим в действие порядок пересмотра уголовных дел.

Следует заметить, что работа комиссии не предполагала реабилитации в широком масштабе. Публикации в журнале «Известия ЦК КПСС» и некоторых других изданиях результатов пересмотра следственных дел по нескольким крупным политическим процессам 1930-х гг. не способствовали активизации работы по реабилитации. В 1988 г. состоялось семь заседаний Комиссии, на которых были рассмотрены материалы нескольких крупных политических процессов 1930–1940-х гг. Всего в Комиссию Политбюро ЦК КПСС в 1988 г. поступило 6 587 обращений граждан, в 1989 г. – 6 327<sup>1</sup>.

Однако постановление ЦК КПСС не выполнило той роли, каковая предполагалась, тем более что не был отработан механизм пересмотра дел. В январе 1989 г. вышло очередное постановление ЦК КПСС по данному вопросу, но только принятие Верховным Советом СССР 16 января 1989 г. Указа «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий 30–40-х и начала 50-х годов» позволило четко определить круг вопросов и задать ускорение работе по реабилитации. Более конкретно было сформулировано вышедшее 4 февраля 1989 г. очередное указание Генерального прокурора СССР и Председателя КГБ СССР № 4с/13/18с «О порядке исполнения Постановления ЦК КПСС от 5 января 1989 г. и Указа ПВС СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

Указ осудил внесудебные массовые репрессии, признал антиконституционными действовавшие в указанный период «тройки» НКВД–УНКВД, коллегии ОГПУ и «Особые совещания» НКВД–МГБ–МВД СССР и отменил вынесенные ими решения, не отмененные к моменту издания настоящего Указа. Граждане,

<sup>1</sup> Реабилитация: Политические процессы 30–50-х гг. М., 1991. С. 330.

которые были репрессированы решениями этих органов, включая лиц, осужденных впоследствии за побег из мест незаконного спецпоселения, считались реабилитированными.

Это правило не распространялось «на изменников Родины и карателей периода Великой Отечественной войны, нацистских преступников, участников бандформирований и их пособников, работников, занимавшихся фальсификацией уголовных дел, а также лиц, совершивших умышленные убийства и другие уголовные преступления». В отношении данных лиц действовал установленный законом порядок обжалования приговоров и иных решений.

Указ также предусматривал участие Совета Министров СССР в решении вопросов пенсионного, жилищного и иного обеспечения реабилитированных. «Силовые» ведомства должны были определить порядок сообщения гражданам о реабилитации. На местные органы власти и общественность возлагались задачи по оказанию необходимой помощи реабилитированным, созданию памятников жертвам репрессий и содержанию в надлежащем порядке мест захоронений<sup>1</sup>.

Следует заметить одно важное отличие: **в предыдущие годы пересмотр уголовных дел производился только сотрудниками прокуратуры** и только по заявлениям граждан. На органы КГБ возлагались задачи по розыску архивных дел, направлению их в суды, военные трибуналы и органы прокуратуры, а также по регистрации смерти расстрелянных через отделы ЗАГСов и рассмотрению заявлений о выплате компенсации за конфискованное имущество. **После выхода Указа задача пересмотра дел была возложена не только на органы прокуратуры, но и на сотрудников КГБ СССР.** Выдача справок о реабилитации также осуществлялась органами прокуратуры. Механизм пересмотра уголовных дел в отношении лиц, осужденных судами, трибуналами и внесудебными органами, оставался прежним.

**Закон Российской Федерации от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» пересмотр уголовных дел вновь возложил непосредственно на органы прокуратуры,** которые «с привлечением... органов госбезопасности и внутренних дел устанавливают и проверяют все дела с неотмененными до введения в действие настоящего Закона решениями судов и несудебных органов на лиц, подлежащих реабилитации...»<sup>2</sup>. За прокуратурой осталось право выдачи справок о реабилитации. В случае отсутствия конкретных заявителей сведения о реабилитации передавались для публикации в местной печати. Но замечу, что на практике этот механизм передачи информации в средства массовой информации так и не был отработан. В случае отсутствия оснований для реабилитации (при наличии заявлений от заинтересованных лиц или общественных организаций) заключения прокуратуры передавались в суд для судебного рассмотрения и вынесения решения.

При осуждении по суду решения принимали суды, которые выносили последние судебные решения. Территориальная подсудность дела определялась по

<sup>1</sup> Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации... С. 186–187.

<sup>2</sup> Там же. С. 197.

месту вынесения последнего решения по делу, на осужденных внесудебными органами – Верховными судами автономных республик, областными, краевыми судами и судами автономных областей и округов. Решения в отношении военнослужащих принимали военные трибуналы округов и флотов, на территории которых действовали соответствующие внесудебные органы.

Органы госбезопасности должны были знакомить реабилитированных или их родственников с материалами прекращенных уголовных дел, а также выдавать справки о реабилитации лицам, уголовные дела в отношении которых были прекращены органами госбезопасности в период следствия по реабилитирующим основаниям, а также выполнять отдельные поручения органов прокуратуры. По ходатайству заявителей (реабilitированных и их наследников) органы, осуществлявшие архивное хранение дел, связанных с репрессиями, обязывались передавать им сохранившиеся в делах личные документы, фотографии, рукописи. Кроме того, эти органы должны были сообщать причину и время смерти, а также место захоронения реабилитированного.

С осени 1988 г., еще до выхода январского Указа ПВС СССР, во всех республиканских, краевых и областных центрах начали действовать комиссии содействия реабилитации и увековечения памяти лиц, репрессированных в 1930–1940-е и начале 1950-х гг. В Томске такая комиссия была образована по инициативе областного исполнительного комитета и приступила к работе в октябре 1988 г. В состав комиссии вошел 21 чел. Её председателем был назначен секретарь Томского облисполкома Г.З. Парфёнов. Каких-либо четких указаний по структуре такого рода комиссий не было. В Томской комиссии были созданы три группы – содействия реабилитации, по решению социально-бытовых проблем реабилитированных и пресс-группа. Заседания комиссии проводились ежемесячно, прием граждан осуществлялся членами комиссии один раз в неделю в одном из кабинетов облисполкома. За первые пять месяцев работы в комиссию на прием обратились около ста человек<sup>1</sup>.

Власть вновь оказалась не готова к работе по реабилитации. Об этом, в частности, свидетельствовало название комиссии («содействия») и рабочих групп. Другим подтверждающим фактом может служить информация о количестве принятых заявителей – «около ста человек», т.е. работа комиссии не была гласной, не стала востребованной. Кроме того, в составе комиссии преимущественно преобладали чиновники, непосредственно не занятые решением практических вопросов по реабилитации.

Согласно Указанию № 4с/13/18с КГБ СССР от 4 февраля 1989 г. в территориальных органах были изданы соответствующие приказы об организации этой работы, в том числе и о создании рабочих групп из числа наиболее опытных оперативных работников и сотрудников следственных подразделений. Например, в Управлении КГБ СССР по Кемеровской области такая группа была создана из 17 сотрудников, а в последующие годы состав группы был еще расширен. В отдельных органах состав групп не был постоянным, но затем было принято решение

<sup>1</sup> За отсутствием состава преступления // Красное знамя. 1989. 12 февр.



о закреплении этих сотрудников на данных участках работы до её завершения с освобождением от других обязанностей. Это позволило организовать работу более интенсивно, так как не требовало времени на обучение привлеченных сотрудников. Учитывался и тот фактор, что каждый новый человек на первых порах тратил много времени на чтение и изучение (с учетом общественного резонанса и ажиотажа) материалов архивно-следственных дел – удовлетворял простое человеческое любопытство, ведь никто ранее, кроме сотрудников архивных подразделений, доступа к ним не имел.

Механизм пересмотра архивных следственных дел практически во всех случаях был одинаков, независимо от наличия или отсутствия заявления, и заключался в следующем. После ознакомления с делом сотрудник осуществлял проверку по оперативным учетам органов госбезопасности и внутренних дел на предмет уточнения уже имевшихся или получения дополнительных сведений. В отдельных случаях это было вызвано отсутствием данных о судьбе осужденного. Например, в Томском управлении госбезопасности таких дел насчитывалось несколько десятков. Одновременно проводилось установление по адресному бюро родственников фигуранта(ов) или их самих, если приговор не предусматривал вынесение высшей меры наказания. К сожалению, проверка по учетам адресного бюро не всегда давала ожидаемый результат, особенно если устанавливались родственники по женской линии, так как, выйдя замуж, многие меняли фамилию и найти их было практически невозможно<sup>1</sup>. Другим имевшим отрицательное значение фактором было изменение места жительства, связанное с переездом в другой регион. При наличии в деле каких-либо иных материалов, содержащих дополнительную информацию (хранящиеся в контрольно-наблюдательном деле материалы служебной переписки в отношении осужденного, письма, заявления, например, с просьбами о пересмотре дела, сообщения сведений о судьбе осужденного и т.п., материалы ранее проводимых проверок на предмет реабилитации и т.д.), поиски осужденного (если он оставался живым) либо его родственников для направления в их адрес справки о реабилитации продолжались. В случае отказа в реабилитации материалы проверки подшивались с мотивированным заключением, утвержденным прокуратурой области, в уже названное контрольно-наблюдательное дело, хранящееся вместе с уголовным делом. Если же контрольно-наблюдательное дело не было сформировано раньше, то оно оформлялось как новое и в последующем хранилось неразрывно с архивным уголовным делом.

---

<sup>1</sup> В конце 1980-х гг. в ходе одной из встреч с жителями многоэтажки, расположенной рядом со зданием Управления КГБ, возник разговор о репрессиях, вызвавший большой интерес у жителей дома. По окончании встречи ко мне подошли три пожилые женщины, как оказалось потом – родные сестры, и задали вопрос, связанный с судьбой их репрессированного отца, до революции бывшего участником Императорского хора. Подняв дело из архива, увидел, что их пытались искать, но перемена ими фамилий в связи с замужеством не позволила раньше сообщить о судьбе отца, хотя рядом с Управлением они жили много лет. Они боялись, да и не знали куда следовало обратиться. Их пригласили в управление, вручили справку о реабилитации и некоторые личные вещи отца, хранившиеся в его следственном деле (фотографии, некоторые документы). Но ведь это произошло лишь по воле случая.

В случае смерти осужденного в органы ЗАГС направлялось обращение с просьбой о внесении изменений в соответствующие записи причины его смерти.

В целях усовершенствования механизма документального оформления пересмотра дел сотрудниками территориальных органов госбезопасности в обязательном порядке по согласованию с органами прокуратуры отрабатывались формы унифицированных образцов документов – бланков и справок заключений, запросов, извещений и т.п. Эти документы всегда содержали исчерпывающий перечень необходимых сведений и данных, которые могли потребоваться реабилитируемому либо его родственникам в случае обращения в органы власти.

В первоочередном порядке пересматривались дела, по которым имелись заявления о реабилитации. Если уголовные дела носили персональный характер, то вопросов не возникало. Однако если дела были групповыми, то ждать очередного заявления и вновь поднимать материалы было бы неправильным и неоправданным, так как все фигуранты признавались реабилитированными. В этих случаях заключения выносились по всем осужденным лицам.

Вот пример заключения, вынесенного по одному из следственных дел<sup>1</sup>.

«УТВЕРЖДАЮ»

Прокурор Томской области  
старший советник юстиции  
И.Н. Крутов

28. 03. 1989 г.

### ЗАКЛЮЧЕНИЕ

**в отношении МИРОНОВА АНДРЕЯ СЕРГЕЕВИЧА по материалам уголовного дела (арх. № 192)**

**Фамилия, имя, отчество** Миронов Андрей Сергеевич

**Дата и год рождения** 1891

**Место рождения** с. Кармалы Чистопольского уезда Казанской губернии

**Сведения о партийности (в том числе № партийного билета)** б/п

**Место работы и должность до ареста** Военторг, бухгалтер расчетной группы.

**Данные о родственниках** Жена – Миронова Анна Николаевна, 1907 г.р., дочь – Миронова Людмила Андреевна, 1924 г.р., сын – Байченко Арнольд Андреевич, 1927 г.р. Проживали по адресу: г. Томск, ул. Спасская, 14, кв. 2.

**Дата ареста, предъявлявшееся обвинение, когда и каким несудебным органом было вынесено решение по делу** Арестован 27 июля 1937 года. Обвинялся в том, что является активным участником контрреволюционной монархической организации. 7 сентября заседанием Тройки Управления НКВД Запсибкрая приговорен к ВМН. 20 сентября 1937 года приговор приведен в исполнение.

Миронов Андрей Сергеевич, **подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».**

Помощник прокурора (прокурор Управления, отдела)  
Начальник подразделения КГБ УКГБ

Л.И. Колесова  
Ю.А. Петрухин

<sup>1</sup> Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... С. 230. Недостатком подобной практики, на мой взгляд, было то, что иные лица, проходившие по уголовным делам, например освобожденные либо умершие в процессе следствия, «выпадали» из процесса пересмотра, и заключения по ним не выносились.

Разработка унифицированных бланков позволила намного облегчить и ускорить документальное оформление результатов работы по пересмотру архивно-следственных дел. Только в 1989 г. органы госбезопасности Сибири пересмотрели более **25 тыс.** дел. Число реабилитированных в этом году на Алтае составило 8 734 чел., в Томской области – 3 484, в Новосибирской – 4 561, в Кемеровской – 4 373, в Республике Алтай – 261, всего – 21 413 чел.<sup>1</sup> В последующие годы наряду с «троечными» делами был продолжен пересмотр дел на лиц, репрессированных по решению военных трибуналов и судами различных инстанций. Сложность этой работы заключалась в том, что процесс пересмотра замедлялся по причине необходимости реабилитации человека соответствующим органом того субъекта, где он был осужден. Некоторые из направленных в военные трибуналы и Верховные суды (тогда еще союзных республик) дела не возвращались по году и более, несмотря на неоднократные напоминания. Причины были на поверхности – практически все органы госбезопасности занимались вопросами реабилитации, и дела «со стороны» не являлись первоочередными для рассмотрения. Главное же заключалось в том, что уже начался процесс развала СССР и в ряде республик начали просто игнорировать запросы из органов госбезопасности России – сначала это были «страны Балтии», а затем Украина, особенно её западные области. Игнорировались даже запросы в отношении коренных жителей этих новых стран.

После возвращения утвержденного заключения из прокуратуры в соответствующие органы ЗАГСа направлялось извещение о необходимости внесения изменений в актовые записи об истинных причинах смерти того или иного человека и выдачи свидетельства о смерти репрессированного гражданина родственникам. Этот акт был одним из важнейших, так как ранее, в период с 1955 по 1963 г., родственникам выдавали свидетельства, в которых были указаны вымышленные причины и даты смерти. Чаще всего в качестве причины смерти указывались какие-либо заболевания. В повседневной деятельности сотрудники органов госбезопасности пользовались специально разработанным перечнем болезней, от которых «умирали» репрессированные. Эти действия были частью системы мер, позволявшей скрывать длительный период времени от населения страны истинные масштабы физического уничтожения подвергшихся аресту граждан.

Такой порядок ответов на обращения граждан, приговоренных к ВМН – расстрелу несудебными органами, был установлен в соответствии с совершенно

---

<sup>1</sup> А.Г. Петров приводит данные, что по Указу ПВС СССР от 16 января 1989 г. к 25 июля 1989 г. было реабилитировано 235 тыс. чел., а в течение 1989–1990 гг. – 917 тыс. чел. Но при этом он говорит о пересмотре органами прокуратуры в этот же период около 800 тыс. дел, по которым было реабилитировано 1 005 114 чел. См.: *Петров А.Г.* Указ. соч. С. 144, 136.

В ходе встречи Председателя КГБ СССР В.А. Крючкова с представителями московских объединений лиц, необоснованно пострадавших от репрессий, в июне 1991 г. им были озвучены данные, что «за 1988–1990 годы и 3 месяца 1991 года с участием органов КГБ реабилитирован один миллион 60 тысяч 761 человек». См.: Стенограмма встречи (С. 36). Из личного архива автора.

секретным указанием КГБ СССР № 108сс от 24 августа 1955 г. Указание предусматривало следующий механизм информирования заявителей:

«...1. На запросы граждан **о судьбе осужденных за контр-революционную деятельность к ВМН** (здесь и далее выделено мною. – В.У.) бывш[ей] Коллегией ОГПУ, тройками ПП ОГПУ и НКВД–УНКВД и Особыми совещаниями при НКВД СССР органы КГБ **сообщают устно, что осужденные были приговорены к 10 годам ИТЛ и умерли в местах заключения.**

Такие **ответы**, как правило, **даются только членам семьи осужденного**: родителям, жене-мужу, детям, братьям-сестрам. Гражданам, проживающим вне областных, краевых и республиканских центров, устные ответы даются через районные аппараты КГБ, а там, где таковых нет, – через районные аппараты милиции, согласно письменному уведомлению органа КГБ в каждом отдельном случае.

2. **В необходимых случаях** при разрешении родственниками осужденных имущественных и правовых вопросов (оформление наследства, раздел имущества, оформление пенсии, регистрация брака) и в других случаях по требованиям родственников **производится регистрация смерти осужденного к ВМН в ЗАГСах по месту их жительства до ареста**, после чего родственникам осужденного выдается установленного образца свидетельство о смерти осужденного.

В таком же порядке регистрируется смерть осужденных к ВМН, если они впоследствии были реабилитированы.

3. Разрешение о регистрации смерти осужденных по делам, расследование по которым производилось по линии органов государственной безопасности, принимаются председателями комитетов госбезопасности при Советах министров союзных и автономных республик, начальниками краевых и областных управлений КГБ (в том числе управлений областей республиканского и краевого подчинения).

4. Указания ЗАГСам о регистрации смерти осужденных даются органами КГБ через управления милиции. В них сообщаются: фамилия, имя, отчество, год рождения и **дата смерти осужденного (определяется в пределах десяти лет со дня его ареста), причина смерти (приблизительно)** и место жительства осужденного до ареста.

5. Регистрация в ЗАГСах смерти осужденных Военной Коллегией Верховного Суда СССР производится по указаниям Военной коллегии Верховного Суда СССР.

6. **О данных заявителю ответах о смерти осужденных** учетно-архивные отделы КГБ–УКГБ направляют письменные уведомления в первые спецотделы МВД–УМВД по месту ведения следствия для производства отметок в оперативно-справочных картотеках **с обязательным указанием сообщенной заявителю даты и причины смерти**. Если смерть зарегистрирована в ЗАГСе, в учетных карточках оперативно-справочных картотек МВД–УМВД делается запись: «Смерть зарегистрирована в ЗАГСе». Одновременно учетно-архивные отделы КГБ–УКГБ направляют соответствующие уведомления в Первый спецотдел МВД СССР для производства таких же отметок в Центральной оперативно-справочной картотеке.

Если осужденные в результате пересмотра дела реабилитированы и сняты с оперативного учета, отметки о данных заявителям ответах производятся в учетных карточках на прекращенные дела.

7. Переписка по заявлениям граждан о судьбе осужденных к ВМН приобщается к архивно-следственным делам на осужденных»<sup>1</sup>.

Представленный в указании **механизм предусматривал** двойную, если не тройную, **систему подстраховки недопущения возможной утечки информации о расстрелах осужденных в годы массовых репрессий**. Вне всякого сомнения, выход этого указания не мог быть инициативой КГБ СССР, его положения и отдельные формулировки многократно выверялись и согласовывались в самых высоких партийных кабинетах и инстанциях. Заложенная в указании ложь не позволяла даже ближайшим родственникам узнать правду о трагической судьбе репрессированных родных и близких. Те, кто десятилетиями пытался узнать правду, направляя запросы, письма и заявления в разные инстанции, всегда получали ответы с одной и той же информацией – четко налаженная система учетов сбоев не допускала.

В связи с указанным выше считаю уместным привести один пример. 15 сентября 1939 г. прокурор Новосибирской области А. Захаров направил в адрес секретаря обкома ВКП(б) Боркова совершенно секретную записку, в которой писал, что по указанию Прокурора СССР и НКВД СССР родственникам осужденных «тройкой» УНКВД, Особым совещанием НКВД СССР и Военной коллегией Верховного Суда СССР не сообщалось о расстреле арестованных. «Нам предложено объявлять, что арестованные осуждены к заключению в дальние лагеря без права переписки, что мы делали, делаем и сейчас». Если первоначально таким справкам верили, то теперь требуют конкретной информации, что с их родными и какова их судьба, тем более, что при обращении этих людей в Управление мест заключений НКВД СССР им выдавались справки о том, что «разыскиваемые ими арестованные в лагерях не содержатся».

«Я считаю, что дальше нельзя обманывать родственников осужденных и заставлять их без конца жаловаться и бесполезно наводить справки. Многие из граждан знают уже о многочисленных фактах безобразий, которые творились в органах НКВД в период 1937–1938 гг., поэтому наши справки... не только не достигают... цели, а, наоборот, подрывают авторитет прокуратуры».

Далее Захаров указывал, что прокуратура никаких разъяснений не дала, несмотря на обращение туда по ряду конкретных дел, где было установлено, что расстрелу подверглись невиновные люди. «Мы считаем, что в таких случаях должны быть реабилитированы семьи расстрелянных и было бы преступно продолжать издевательство над этими семьями – убеждать..., что арестованные их родственники осуждены правильно, что они заключены в лагеря и т.д. Поэтому вопрос о реабилитации семей лиц незаконно расстрелянных должен быть разрешён в ближайшее время».

---

<sup>1</sup> Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... С. 231–232.

В заключение записки высказывалась просьба поставить эти вопросы перед ЦК ВКП(б)<sup>1</sup>.

Попытаемся разобраться, что это за документ и что за ним стоит. Во-первых, ни органы НКВД, ни прокуратура не могли самостоятельно принимать каких-либо решений по вопросам, имевшим отношение к репрессиям. Такие решения могло принимать только высшее руководство страны, о чем Захаров и пишет. Во-вторых, события последующих лет показали, что это высшее руководство считало целесообразным продолжать скрывать правду, возможно, из боязни последующих непредсказуемых действий со стороны населения страны – страх все-таки был, и немалый. Кстати, не по этой ли причине, в частности в 1939–1940 гг., резко увеличилось число осужденных за контрреволюционную агитацию. В-третьих, большевистское руководство предпочло свернуть активную работу по Постановлению от 17 ноября 1938 г., продолжив политику дальнейшего насаждения страха и боязни через новые репрессии. Это является прямым подтверждением, что «бериевская оттепель» не стала реальной кампанией (этапом) в политике государства по реабилитации необоснованно репрессированных в те годы. Свидетельством этому может служить Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1940 г., в котором было сформулировано положение, что «задача теперь заключается в том, чтобы продолжая и впредь беспощадную борьбу со всеми врагами СССР, организовать эту борьбу при помощи более совершенных и надёжных методов»<sup>2</sup>.

В январе 1940 г. А. Захаров вновь поднимает вопрос информирования родственников расстрелянных в записке на имя уже нового секретаря обкома ВКП(б) Пуговкина, направляя копию записки секретарю ЦК ВКП(б) Андрееву и Прокурору СССР. Во многом пересказывая предыдущую записку, он пишет, что в работе с жалобщиками «мы... довелись до такой степени, что нам не верят и в тех случаях, когда мы говорим правду...»<sup>3</sup>.

Чем был вызван «крик души» прокурора Захарова? Боязнью за своё будущее – неумение провести на практике решения партийно-советских органов или это была озабоченность и боль прозревшего или прозревавшего гражданина и человека, возможности которого не позволяли что-то изменить, пусть и в одном конкретном вопросе. К сожалению, найти причину озабоченности прокурора и установить истину уже невозможно.

В период с 1963 по 1989 г. факты смерти расстрелянных регистрировались в отделах ЗАГСов с указанием точной даты смерти, но без указания причины. В случае обращения родственников с заявлениями о выдаче свидетельств о смерти, смерть которых была зарегистрирована в 1955–1963 гг. от «болезни» в местах заключения, им выдавалось свидетельство, аналогичное выданному ранее. Сведения о дате расстрела и причинах смерти не сообщались. Порядок изменился только

<sup>1</sup> См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 248. Л. 9–10.

<sup>2</sup> Из доклада зам. прокурора Новосибирской области по спецделам Назарюка 20 марта 1941 г. См.: Там же. Д. 272. Л. 1.

<sup>3</sup> См.: Там же. Д. 259. Л. 2.

после выхода Указа 1989 г., когда стали выдавать свидетельства с указанием точной даты и причины смерти.

Заключения, выносимые сотрудниками подразделений УМВД, несколько отличались от заключений сотрудников органов госбезопасности, но содержали все необходимые для принятия решения о реабилитации или отказе в таковой сведения. Существо материалов излагалось в произвольной форме с обязательным указанием сроков нахождения на поселении. Также заключение содержало запись о принятом по обращению решении и направлении справки о реабилитации с указанием точного адреса. Составленное заключение проверял начальник отдела, согласовывал начальник информационного центра и утверждал зам. начальника УМВД субъекта, курирующий это направление деятельности. Какого-либо утверждения этого документа в прокуратуре не требовалось.

Потребовались десятилетия, чтобы близкие смогли получить документ с правдивой информацией о судьбе дорогих им людей и возможность отдать им посмертные почести и знаки памяти.

В августе 1990 г. вышел в свет Указ Президента СССР «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20–50-х годов», признавший наличие в СССР на протяжении нескольких десятилетий массовых репрессий, что стало возможным в силу того, что Сталин и его ближайшее «окружение присвоили практически неограниченную власть, лишив советский народ свобод, которые в демократическом обществе считаются естественными и неотъемлемыми». Указ констатировал, что восстановление справедливости велось непосредственно и, по существу, прекратилось уже во второй половине 1960-х гг. Приведенные выше таблицы однозначно подтверждают этот факт. Несмотря на проведенную специальной комиссией работу по реабилитации жертв репрессий, принятие целого ряда документов, отменивших многие незаконные акты против народов, подвергшихся насильственному переселению из родных мест, по восстановлению в правах жертв произвола и т.п., в Указе отмечалось, что «...еще не подняты тысячи судебных дел. Пятно несправедливости до сих пор не снято с советских людей, невинно пострадавших во время насильственной коллективизации, подвергнутых заключению, высланных с семьями в отдаленные районы без средств к существованию, без права голоса, даже без объявления срока лишения свободы». Реабилитации также подлежали репрессированные представители духовенства и граждане, преследовавшиеся по религиозным мотивам.

Репрессии против крестьянства в период коллективизации, а также в отношении других граждан по политическим, социальным, национальным, религиозным и иным мотивам в 1920–1950-х гг. признавались незаконными, противоречащими гражданским и социально-экономическим правам человека; права всем вышеназванным категориям граждан восстанавливались<sup>1</sup>.

Однако следует признать, что этот документ так и не был полностью реализован, в частности, по причине распада СССР на отдельные государства. Процесс

<sup>1</sup> Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации... С. 189–191.

разрушения одного из крупнейших государств мира очень сильно повлиял на решение вопросов реабилитации граждан, так как практически мгновенно перестали признаваться государственно-социальными органами справки и иные документы о реабилитации, если они были выданы органами власти другого государства (другой бывшей союзной республики), что лишало людей соответствующих компенсаций и льгот. И сегодня, по прошествии лет, проблема до конца не решена.

Другим фактором, заметно повлиявшим на процесс реабилитации, стало смещение политических акцентов в странах Балтии и в Украине в определении жертв массовых репрессий. Лица, участвовавшие в бандформированиях либо воевавшие на стороне фашистской Германии и её союзников, в этих странах были приравнены (даже с большими правами) к жертвам политических репрессий.

Такой подход противоречил и вышеназванному Указу Президента СССР и Указу ПВС СССР от 16 января 1989 г., но названные государства уже ими не руководствовались, принимая и издавая собственные документы. Политические амбиции лидеров названных стран возобладали над разумом и даже над международными правовыми решениями по осуждению фашизма и его разновидностей, необходимости предания суду нацистских преступников и их пособников независимо от места и времени совершения преступлений. Перечисленные указы, дополняемые другими нормативно-правовыми актами, действовали только на территории России.

Реабилитация явилась своеобразной призмой, через которую многие проблемы нашего общества проявились четче и ярче. В 1990-х гг. реабилитация превратилась в козырную карту, которую нещадно разыгрывали: и в предвыборной борьбе за депутатские кресла, и при разработке новых законов, и при реализации льгот, причитавшихся реабилитированным, и во многих других случаях.

В подтверждение приведу следующие примеры. В соответствии с Законом «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. и Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 декабря 1991 г. «О комиссиях по реабилитации жертв политических репрессий» глава администрации Томской области 23 марта 1992 г. подписал постановление № 119 об утверждении комиссии по реабилитации жертв политических репрессий в составе 12 чел. под руководством заместителя главы администрации В. Бауэра. Этим документом предусматривалось также создание в УВД подразделения для работы по реабилитации, изготовление администрацией области временных удостоверений на право получения льгот (почему временных, а не установленного образца, единого для всей страны, – это еще один пример роли государства в решении этого вопроса), а также подготовка записки в Правительство РФ об ускорении исполнения названного Закона.

Но уже 20 мая 1992 г. Малый совет Томского областного Совета народных депутатов принял решение № 97 «О положении о комиссии по реабилитации жертв политических репрессий», которое предполагало «с учетом специфики области подготовить дополнения к положению, утвержденному Президиумом Верховного Совета РФ, согласованные с исполнительными органами власти, финансовым управлением, органами социальной защиты населения, прокуратуры,



внутренних дел и безопасности, и внести их для рассмотрения на очередную сессию малого Совета».

На очередной сессии малого Совета предполагалось утвердить и состав областной комиссии по реабилитации. Согласно данному решению бывший председатель областной комиссии утверждался уже в должности первого заместителя председателя комиссии. Кроме того, вводилась дополнительно должность заместителя от общественных организаций. Количественный состав комиссии прописан не был. В Положении о комиссии предполагалось формирование штата комиссии, где предусматривались должности референта, секретаря-машинистки, освобожденных работников и совместителей, работавших по контракту.

Комиссия обеспечивалась за счет средств администрации области «помещениями и средствами оргтехники: компьютером, принтером, средствами микрофильмирования, диктофоном и картотеками для информационно-аналитического обеспечения, телефоном, малой оргтехникой (канцтовары, бумага), оборудованием рабочих мест и помещений (мебель, сейф и пр.). Комиссия имела возможность использовать факс, копировальную и множительную технику. Председатель имел право вызова служебного автомобиля. Финансирование комиссии осуществлялось за счет областного бюджета на содержание местных органов власти и управления.

Немалый интерес представляли функции комиссии. Первые пять подпунктов начинались со слов: «осуществляет контроль», «координирует работу», «организует совместно с правоохранительными органами», «изучает и анализирует работу государственных органов», «вносит... предложения» и только в следующем подпункте предполагалось рассмотрение и разрешение жалоб и заявлений реабилитированных на действия и решения городских и районных комиссий по реабилитации и органов исполнительной власти, т.е. что-то конкретное по деятельности комиссии. Властность просматривалась и в разделах о полномочиях комиссии, и в регламенте её работы – комиссия облекала себя полномочиями органа исполнительной власти, а решения, принятые в рамках её компетенции, были «обязательны для исполнения должностными лицами на территории Томской области»<sup>1</sup>.

Анализ документа позволяет осознать «значимость и важность» создаваемой структуры, но её функции мало напоминали функции действительно рабочего органа, призванного решать достаточно сложные и серьезные задачи по реабилитации жертв массовых репрессий. Здесь ярко просматриваются элемент самолюбования депутатов – авторов Положения и некоторая напыщенность в формулировках и содержании документа. Возможно, это следствие того, что к разработке Положения не была привлечена ни одна из структур, которым предстояло непосредственно решать задачи по реабилитации.

Начавшийся в 1989 г. новый виток реабилитации был во многом превращен в политическую кампанию, разыгранную определенными политическими силами. Принятие новых законов, внесение изменений в ранее принятые, значительное расширение круга лиц, подлежащих признанию жертвами репрессий, не имели под собой эконо-

---

<sup>1</sup> Копии рассмотренных документов хранятся в личном архиве автора.

мической основы, что негативно сказывалось на всей работе. Более того, не завершив работу по реабилитации лиц, непосредственно пострадавших от репрессий, правоохранительные органы получали новые задачи – оформление признания пострадавшими от репрессий уже потомков репрессированных. Делать это надо было, но на практике привело к новому валу заявлений и обращений граждан в органы прокуратуры, ФСБ и МВД. Объемы работ увеличивались, но подразделения, занимавшиеся решением этих задач, не укреплялись ни кадрами, ни материально. Это, в частности, привело к тому, что ответы на отдельные заявления задерживались на год и более.

Так, по данным информационного центра УВД Томского облисполкома, такая ситуация сложилась к концу 1994 г. В справке, подготовленной в адрес областной комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, отмечалось, что в ИЦ УВД за 10 месяцев 1994 г. поступило 11 125 письменных обращений граждан по вопросам реабилитации, из которых были рассмотрены 4 796. Остаток заявлений на 1 ноября составил 12 142, 1 017 из которых относились к обращениям 1993 г. Но за тот же период 1994 г. сотрудниками ИЦ было выдано 13 490 справок о реабилитации и 19 227 – о признании пострадавшими от политических репрессий. Только по рассмотренным заявлениям были реабилитированы 43 610 чел., в том числе 36 581 член семьи кулака, 5 520 лиц немецкой национальности, 968 членов семей социально опасных элементов, 108 лиц прибалтийских национальностей и 129 членов семей иеговистов. Вся эта работа была выполнена всего 10 сотрудниками информационного центра<sup>1</sup>. Следует учесть, что в областной прокуратуре вопросами реабилитации граждан занимались 6 чел., а в управлении госбезопасности всего двое. Некоторое увеличение численности занимавшихся реабилитацией в последующем произошло в силу появления новых контингентов, подлежащих реабилитации. В данном случае на первый план вышли лица, подвергшиеся ссылке. В Томской области их насчитывалось несколько сот тысяч человек – более 105 тыс. семей.

Задержка с рассмотрением заявлений вызывала недовольство у обратившихся с просьбами, необоснованные претензии, что, в свою очередь, не способствовало решению возникавших вопросов и проблем.

Для более полного отражения сложившейся в органах внутренних дел Западной Сибири ситуации по реабилитации обратимся к табл. 41–43<sup>2</sup>. Так, органами МВД в 6 субъектах Западной Сибири только за 2000–2009 гг. было рассмотрено 183 516 обращений граждан из 192 593 поступивших, что составило 95,3%. Более низкий про-

<sup>1</sup> Из личного архива автора. Ситуация, описанная на примере Томской области, была характерной практически для всех органов МВД региона, так как именно эти районы явились местами массовой ссылки. Так, если на 1 января 1932 г. число спецпереселенцев в Западной Сибири достигало 265 846 чел., больше было только на Урале – 484 380, то на 1 января 1933 г. эти цифры составляли 227 684 и 365 539 чел. соответственно. А к 1 июля 1938 г. только в Новосибирской области число поселенцев достигло почти 200 тыс. чел. Ссылка в Сибирь продолжалась и в конце 1930-х и все 1940-е гг. См.: *Земсков В.Н.* Судьба «кулацкой ссылки»... С. 122, 126. В 1992–1994 гг. в информационные центры органов МВД субъектов России поступило свыше 2 млн 40 тыс. заявлений, связанных с решением вопросов о реабилитации. См.: *Петров А.Г.* Указ. соч. С. 283.

<sup>2</sup> Таблицы 41–43 составлены на основе обработки автором данных, содержащихся в обзорах деятельности подразделений реабилитации жертв политических репрессий и архивной информации информационных центров МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации за 2000–2009 гг. ГИЦ МВД России.

цент был только в УВД Алтайского края и Томской области (90,35 и 92,3% соответственно). Доля обращений в органы МВД Западной Сибири составила 9,1% от всех обращений граждан по России, процент же рассмотренных составил 13,35.

Наибольшее число обращений пришлось на УВД по Кемеровской области – 81 465, т.е. 42,4% от числа всех обращений по Западной Сибири, что, например, в 2,5 раза больше, чем в УВД Алтайского края и Омской области (33 101 и 32 112 соответственно). Рассмотрены были 78 366 из них – 96% от числа поступивших в УВД и 40,7 % от общего числа обращений по Западной Сибири. Выше процент рассмотренных обращений был только в Омской (98,8%) и Новосибирской (97,1%) областях. Начиная с 2001 г. число обращений в органы УВД Западной Сибири постоянно уменьшалось количественно, находясь в 2002–2005 гг. в диапазоне от 6,5 до 6,8% от общего числа обращений по стране, с последующим ростом до 17,7% в 2009 г. Этот показатель является косвенным подтверждением, что Западная Сибирь являлась местом наибольшего сосредоточения репрессированных. Увеличение числа обращений в некоторых УВД региона в период после 2005 г. вызвано тем, что в Закон о реабилитации были внесены дополнения от 4 ноября 2005 г. о реабилитации детей, находившихся на поселении с родителями, ранее этих детей признавали пострадавшими от репрессий.

Обращает на себя внимание тот факт, что организация работы по рассмотрению обращений граждан в органах УВД Западной Сибири была организована на очень высоком уровне исполнительской дисциплины. Во всех органах УВД с 2000 по 2009 г. только в трех случаях процент рассмотрения обращений граждан был ниже 90% – в Томской области – 68,6% в 2000 г. и на Алтае – 82,7 и 71,4% в 2000 и 2001 гг. соответственно. В отдельные отчетные периоды процент рассмотрения обращений достигал 100. Если для Республики Алтай это было естественным в силу малочисленности обращений, то в Омской области такие показатели были достигнуты на протяжении последних четырех лет. Между тем как по России после 2001 г. процент рассмотрения обращений превысил 90 только в 2008 г., достигнув минимального показателя в 2002 г. – 48,9, показатель в 60% был превышен только в 2005 г.

Если вести речь о выдаче документов по обращениям граждан, то анализ табл. 41 позволяет говорить о наличии разных подходов к рассмотрению обращений граждан. Наибольшее число справок о реабилитации или признании пострадавшими от репрессий было выдано УВД по Кемеровской области – 27 453, идущее на втором месте по этому показателю УВД по Алтайскому краю выдало 18 116 справок. Но если у кемеровчан число справок составляет 33,6% от общего числа рассмотренных обращений граждан, то на Алтае этот показатель был равен 60,6%, что на 19% больше, чем у томичей и новосибирцев (41,6 и 41,4% соответственно). В Республике Алтай этот показатель составил 42,1%, но там было выдано всего 122 справки. В Омской области были реабилитированы или признаны пострадавшими только 29% граждан, обратившихся с заявлениями в УВД. Более низкий процент при наибольшей выдаче документов по реабилитации в Кемеровской области объясняется только

Таблица 41

**Сведения о результатах работы по рассмотрению обращений граждан о реабилитации  
территориальными подразделениями МВД РФ Западной Сибири в 2000–2009 гг.**

Субъект Федерации	Кол-во заявлений	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Алтайский край	Всего заявлений*	4 931	5 137	4 314	2 955	2 916	2 777	3 576	3 108	1 743	1 644	33 101
	Из них рассмотрено / %	4 078/82,7	3 667/71,4	3 998/92,7	2 879/97,4	2 690/92,2	2 584/93,1	3 570/99,8	3 089/99,4	1 729/99,2	1 623/98,7	29 907/90,4
Кемеровская область	Всего заявлений	12 173	11 841	9 574	7 511	6 062	6 652	5 081	6 828	8 452	7 471	81 645
	Из них рассмотрено / %	11 926/98,0	11 076/93,5	9 053/94,6	6 855/91,3	5 940/98,0	6 636/99,8	4 996/98,3	6 159/90,2	8 374/99,1	7 351/98,4	78 366/96,0
Новосибирская область	Всего заявлений	3 389	3 965	3 449	2 739	2 608	2 169	3 364	2 206	1 464	1 486	26 839
	Из них рассмотрено / %	3 189/94,1	3 769/95,1	3 289/95,4	2 697/98,5	2 586/99,2	2 131/98,2	3 332/99,0	2 192/99,4	1 448/98,9	1 433/96,4	26 066/97,1
Омская область	Всего заявлений	4 537	4 417	3 155	3 055	2 750	2 722	2 577	2 689	2 510	3 700	32 112
	Из них рассмотрено / %	4 424/97,5	4 318/97,8	3 098/98,2	3 003/98,3	2 734/99,4	2 677/98,3	2 577/100	2 689/100	2 510/100	3 700/100	31 730/98,8
Томская область	Всего заявлений	2 669	3 128	2 884	2 487	2 269	1 615	1 132	977	789	656	18 606
	Из них рассмотрено / %	1 830/68,6	2 882/92,1	2 804/97,2	2 409/96,9	2 188/96,4	1 566/97,0	1 104/97,5	953/97,5	782/99,1	650/99,1	17 168/92,3
Республика Алтай	Всего заявлений	38	40	67	39	18	20	24	17	20	7	290
	Из них рассмотрено / %	37/97,4	37/92,5	63/94,0	39/100	18/100	20/100	24/100	14/82,4	20/100	7/100	279/96,2

Окончание табл. 41

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Всего в 6 субъектах Западной Сибири**	Всего заявлений / % от кол-ва заявлений в России	27 737/15,3	28 528/8,7	23 443/6,7	18 786/6,5	16 623/6,5	15 955/6,8	15 754/8,5	15825/14,0	14978/14,5	14964/17,7	192 593/9,1
	Из них рассмотрено / %	24424/91,7	25 749/90,3	22 305/95,1	17 882/95,2	16 156/97,2	15 614/97,9	15 603/99,0	15096/95,4	14863/99,2	14764/98,7	183516/95,3
Россия	Всего заявлений	18 0911	32 6726	351 145	289 090	254 263	234 463	186 095	112 842	103 301	84 521	2 123 357
	Из них рассмотрено / %	167826/92,8	162964/49,9	171799/48,9	153950/53,3	129094/50,8	141107/60,2	161589/86,8	97127/86,1	96237/93,2	82783/97,9	1364476/64,3

\* В том числе с нерассмотренными в предыдущем отчетном периоде.

\*\* Западная Сибирь без учета Тюменской области и Ханты-Мансийского автономного округа.

Таблица 42

**Сведения о выдаче справок о реабилитации (и признании пострадавшими) территориальными органами МВД РФ Западной Сибири в 2000–2009 гг.**

Субъект Федерации	Количество справок	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Алтайский край	Выдано / % от рассмотренных заявлений	2 539/62,3	2 086/56,9	2 747/68,7	1 522/52,9	1 622/60,3	1 469/56,8	2 391/67,0	1 878/60,8	945/54,7	917/56,5	18 116/60,6
	Отказано / % от рассмотренных заявлений	591/14,5	579/15,8	514/12,9	358/12,4	287/10,7	314/12,2	319/8,9	409/13,2	242/14,0	202/12,4	3 815/12,8

Продолжение табл. 42

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Кемеровская область	Выдано / % от рассмотренных заявлений	7 009/51,2	6 007/54,2	3 104/34,3	2 243/32,7	2 234/37,6	2 184/32,9	1 266/25,3	1 156/18,8	1 261/15,1	989/13,5	27 453/33,6
	Отказано / % от рассмотренных заявлений	490/4,1	415/3,7	636/7,0	946/13,8	942/15,9	351/5,3	289/5,8	421/6,8	435/5,2	344/4,7	5 269/6,5
Новосибирская область	Выдано / % от рассмотренных заявлений	1 701/53,3	1 809/48,0	925/28,1	840/31,1	1 056/40,8	826/38,8	1 575/47,3	1 131/51,6	683/47,2	577/40,3	11 123/41,4
	Отказано / % от рассмотренных заявлений	12/0,4	7/0,2	4/0,1	2/-	2/0,1	3/0,1	2/0,1	103/4,7	51/3,5	65/4,5	251/0,94
Омская область	Выдано / % от рассмотренных заявлений	1 120/25,3	875/20,3	817/26,4	811/27,0	849/31,1	846/31,6	732/28,4	867/32,2	923/36,8	1 477/39,9	9 317/29,0
	Отказано / % от рассмотренных заявлений	921/20,8	583/13,5	279/9,0	146/4,9	227/8,3	194/7,2	154/9,0	557/20,7	286/11,4	682/18,4	4 029/12,5
Томская область	Выдано / % от рассмотренных заявлений	1 296/70,8	1 198/41,6	1 211/43,2	958/39,8	841/38,4	600/38,3	432/39,1	415/43,5	394/50,4	396/60,9	7 741/41,6
	Отказано / % от рассмотренных заявлений	10/0,5	317/11,0	874/31,2	1 091/45,3	1 008/46,1	757/48,3	560/50,7	446/46,8	340/43,5	220/33,8	5 623/30,2

Окончание табл. 42

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Республика Алтай	Выдано / % от рассмотренных заявлений	13/35,1	23/62,2	30/47,6	18/46,2	6/33,3	5/25,0	7/29,2	10/71,4	6/30,0	4/57,1	122/42,1
	Отказано / % от рассмотренных заявлений	11/29,7	3/8,1	3/4,8	4/10,3	2/11,1	-	1 / 4,2	1/7,1	4/20,0	1/14,3	30/10,3
Всего в 6 субъектах Западной Сибири	Выдано / % от кол-ва выданных в России	13678/18,6	11998/16,3	8834/10,7	6392/8,9	6608/10,3	5930/6,9	6403/5,3	5457/7,9	4212/8,1	4360/10,3	78872/10,0
	Отказано / % от рассмотренных заявлений	2035/6,0	1904/5,6	2310/6,6	2547/8,3	2468/10,0	1619/6,3	1325/5,8	1937/10,0	1358,8,5	1514,11,4	19017/7,4
Россия	Выдано / % от рассмотренных заявлений	73499/43,8	73621/45,2	82407/48,0	71853/46,7	64132/48,1	85600/60,7	121179/75,0	69363/71,4	51946/54,0	42525/51,4	736125/34,7
	Отказано / % от рассмотренных заявлений	33944/20,2	34128/20,9	35068/20,4	30577/19,9	24743/19,2	25784/18,3	23005/14,2	19508/20,1	16034/16,7	13228/16,0	256019/12,1

Таблица 43

**Сведения о нагрузке сотрудников территориальных органов МВД РФ Западной Сибири в 2000–2009 гг. при рассмотрении обращений граждан**

Субъект Федерации	Параметр	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Алтайский край	Кол-во сотрудников	10	10	10	8	8	8	8	8	7	8
	Кол-во рассмотренных обращений в расчете на 1 сотрудника	407,8	366,7	399,8	359,9	336,3	323	446,3	386,1	247	202,9

Окончание табл. 43

Кемеровская область	Кол-во сотрудников	8	7	10	11	7	7	7	7	7	7
	Кол-во рассмотренных обращений в расчете на 1 сотрудника	1 490,8	1 582,3	905,3	623,2	848,6	948	713,7	975,4	1 196,3	1 050,1
Новосибирская область	Кол-во сотрудников	12	12	12	15	12	14	15	15	15	15
	Кол-во рассмотренных обращений в расчете на 1 сотрудника	265,8	314,1	274,1	179,8	215,5	152,2	222,1	146,1	96,5	95,5
Омская область	Кол-во сотрудников	12	15	14	11	6	10	11	10	20	20
	Кол-во рассмотренных обращений в расчете на 1 сотрудника	368,7	287,9	221,3	273	455,6	267,7	234,3	268,9	125,5	185
Томская область	Кол-во сотрудников	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6
	Кол-во рассмотренных обращений в расчете на 1 сотрудника	305	480,3	467,3	401,5	364,7	261	184	158,8	130,3	108,3
Республика Алтай	Кол-во сотрудников	1	1	1	1	1	2	1	2	2	2
	Кол-во рассмотренных обращений в расчете на 1 сотрудника	37	37	63	39	18	10	24	7	10	3,5
В 6 субъектах Западной Сибири	Кол-во сотрудников	49	51	53	52	40	47	48	48	57	60
	Кол-во рассмотренных обращений в расчете на 1 сотрудника	566	559,4	442,3	361,3	415,6	339,5	369,9	329,7	280,3	249,4
Россия	Кол-во сотрудников	439	449	467	486	501	555	572	577	590	631
	Кол-во рассмотренных обращений в расчете на 1 сотрудника	382,3	362,9	367,9	316,8	257,8	254,2	282,5	168,3	163,1	131,2



большим объемом поступивших обращений граждан – в несколько раз больше, чем в других органах.

В целом органами МВД Западной Сибири в рассматриваемый период было выдано 73 872 справки с положительными решениями, что составило 40,25% от всех рассмотренных обращений граждан по региону и 10% от числа выданных справок по России.

Интересные тенденции в этой работе просматриваются в результатах УВД Кемеровской и Омской областей. Если у первого начиная с 2001 г. (исключение – 2004 г.) наблюдается тенденция постоянного уменьшения (с 54,2 до 13,5%) выдачи положительных решений, то у второго в этот же период (исключение – 2006 г.) – тенденция роста с 20,3 до 39,9%. Найти какое-либо документально подтвержденное объяснение этому сложно. Можно, пожалуй, вести речь лишь о роли субъективного фактора при рассмотрении обращений граждан.

Еще более интересная картина просматривается с отказами в реабилитации или признании пострадавшими. Наибольшее число отказов зафиксировано в Томской области – 30,2% (по 5 623 обращениям), а наименьшее – в Новосибирской области – 0,94% (по 251 обращению), при том, что в Томской области было рассмотрено 17 168 обращений, а в Новосибирской области – 26 066 обращений граждан. В Кемеровской области число отказов составило 5 269 (6,5%), в Алтайском крае – 3 815 (12,8%), в Омской области – 4 029 (12,5%), в Республике Алтай – 30 (10,3%). В целом по Западной Сибири было отказано каждому десятому из обратившихся (10,36% – 19 017 обращений), что меньше показателей по России, где отказы получили 12,1% обратившихся. Но, например, в Томской области в 2003–2008 гг. этот показатель не опускался ниже 43,5%, в 2006 г. превысив отметку в 50% (50,7%). В Новосибирской же области процент «отказников» на протяжении 5 лет (с 2002 по 2006 г.) был на уровне 0,1 и ниже. Данные статистические показатели, на мой взгляд, являются прямым подтверждением отсутствия единого подхода к рассмотрению обращений граждан. Решение судеб людей во многом зависело от подходов к рассмотрению обращений и компетенции сотрудников, занимавшихся этой работой. Вести речь о какой-либо предвзятости было бы неверно. Однако наличие подобной ситуации привело к тому, что тысячам граждан выданы документы, подтверждавшие или, наоборот, не подтверждавшие их невиновность, за совершение одних и тех же действий и проступков. Были ли соблюдены при этом объективность и законность?

Дополняет картину о работе по реабилитации в территориальных органах МВД Западной Сибири табл. 43, в которой отражена нагрузка на одного сотрудника при рассмотрении обращений граждан. Наибольшая нагрузка приходилась на сотрудников УВД по Кемеровской области – от 623,2 до 1 582,3 рассмотренного обращения на одного сотрудника в год, т.е. почти от двух до четырех–пяти заявлений граждан в день. Зная механизм работы по реабилитации, поверить в это сложно, скорее всего, для работы привлекались сотруд-

ники из других подразделений. Минимальные показатели приходятся на Республику Алтай, опять-таки в силу малочисленности обращений. В других органах милиции Западной Сибири никто не приблизился к показателям кемеровчан. В сравнении с показателями по России в Западной Сибири на протяжении всего рассматриваемого периода эти показатели были выше, достигая в отдельные годы почти двукратного превышения. Но в целом приведенные данные могут свидетельствовать о высокой организации работы в управлениях внутренних дел Западной Сибири.

Что касается категорий репрессированных, то представление о них может дать табл. 44.

В рассматриваемый период в органы МВД России поступило 1 373 616 обращений граждан по вопросам реабилитации<sup>1</sup>. Наибольшее число заявлений поступило от лиц, репрессированных по национальному признаку, – 765 542, что составило 55,7% от общего числа. Другую большую группу составили кулаки и члены их семей – 458 046 обращений (33,3%). На эти две группы репрессированных пришлось почти 90% обращений (89%). К сожалению, составители обзоров в ГИЦ МВД России не посчитали необходимым расшифровать, кто был отнесен к категории «других репрессированных».

Справки о реабилитации были получены 735 394 гражданами, о признании пострадавшими от репрессий – 2 826. Отказано в выдаче справок о реабилитации 250 653 лицам, в выдаче справок о признании пострадавшими – 5 371<sup>2</sup>.

Начав новую кампанию, государство оказалось несостоятельным в возвращении долгов пострадавшим. Законы принимались, но некоторые из их положений сразу «замораживались» на неопределенный срок, и делалось это неоднократно.

Причина простая – Закон включал значительный перечень льгот репрессированным (целый комплекс вопросов по улучшению жилищных условий, медицинскому обслуживанию, бесплатному либо льготному проезду в пассажирском транспорте и др.)<sup>3</sup>, но экономическая ситуация в стране не позволяла реализовывать на практике положения Закона в полном объеме. Наибольшей проблемой оказались вопросы по возвращению конфискованного имущества. Абсолютное большинство жилых помещений за прошедшие годы исчезло физически в силу разных обстоятельств, а оставшиеся были перестроены, реконструированы и уже не представляли того имущественного комплекса, который был когда-то конфискован. В иных случаях это имущество пришло в ветхое состояние и не представляло никакой ценности. Что касается предметов утвари, мебели, библиотек и т.п., то многое еще в тот период было передано для использования различным организациям и учреждениям, реализовано через продажу населения, утрачено, унич-

<sup>1</sup> В 1992–1999 гг. в органы МВД России поступило 4 121 261 обращение граждан, из которых были рассмотрены 3 211 305 (77,9%), наибольшее число запросов пришлось на период 1992–1995 гг. См.: Петров А.Г. Указ. соч. С. 314.

<sup>2</sup> Подсчитано автором по материалам годовых отчетов подразделений ИЦ МВД России 2000–2009 гг.

<sup>3</sup> Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации... С. 201–203.

Таблица 44

## Сведения о количестве заявлений граждан, поступивших в органы МВД России в 2000–2009 гг. (по категориям репрессированных)

Категории репрессированных	Кол-во поступивших заявлений / % от общего количества поступивших заявлений (по годам)										
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Всего
Кулаки и члены их семей	78754/46,05	74491/30,9	72146/38,2	63484/44,8	46389/38,4	38738/34,2	26431/19,55	22410/23,6	19123/21,7	16080/20,5	458046/33,3
Лица, репрессированные по национальному признаку	73838/43,2	148888/61,8	98803/52,4	62873/44,4	57947/47,9	59106/52,2	95461/70,6	60574/63,9	57762/65,4	50290/64,2	765542/55,7
Репатриированные российские граждане (военнопленные и гражданские лица), служившие в строевых и специальных формированиях немецко-фашистских войск, полиции	2231/1,3	2732/1,13	1966/1,04	1660/1,17	2032/1,69	1590/1,4	1194/0,88	1062/1,12	1015/1,15	910/1,16	16392/1,2
Лица, репрессированные по религиозному признаку	186/0,11	95/0,04	225/0,12	189/0,13	396/0,33	320/0,28	535/0,4	158/0,17	239/0,27	184/0,23	2527/0,18
Другие категории репрессированных	16007/9,36	14603/6,06	15401/8,17	13372/9,45	14127/11,7	13408/11,85	11556/8,55	10600/11,18	10158/11,5	11877/15,16	131109/9,55
Всего поступило заявлений	171016	240809	188541	141578	120891	113162	135177	94804	88297	78341	1373616
Из них рассмотрено	167826	162964	171799	153950	129094	141107	161589	97127	96237	82783	1364476

Источник: Подсчитано автором по материалам годовых отчетов подразделений ИЦ МВД Российской Федерации.

тожено и просто расхищено лицами, имевшими ко всему этому доступ. В этой ситуации и материальное возмещение ранее конфискованного имущества и т.п. не могло в должной мере компенсировать утраченное. Более того, требовались значительные усилия и затраты для достижения положительного результата. Такие примеры были единичными. Хотя один из жителей Томска, будучи наследником одного из владельцев Обь-Иртышского пароходства, смог выявить и доказать существование имущества, некогда принадлежащего этому владельцу, что позволило получить значительную материальную компенсацию. Но для достижения результата ему потребовалось потратить несколько лет на поиски необходимых документов по разным архивам и выдержать многомесечные судебные процедуры.

Не сыграло положительной роли и распределение обязанностей и функций по пересмотру дел – кто и что должен пересматривать, какие решения выносить. В силу этого и приходилось иногда ждать по 7–8 лет, когда человек будет реабилитирован, будучи осужденным по ст. 58-10 УК РСФСР – за «контрреволюционную (или антисоветскую) агитацию», хотя закон признал всех осужденных по этой статье невиновными. Так долго не «доходили руки» чаще всего у работников военной прокуратуры. Например, в военной прокуратуре СибВО на 3–4 сотрудников одновременно приходилось 2–3 тыс. дел, присланных для их пересмотра со всех концов страны. Каждое дело требовало внимательного изучения и проведения комплекса проверочных мероприятий. Следователь военной прокуратуры СибВО подполковник юстиции В.В. Жданов показывал автору одно из присланных дел – оно насчитывало 68 томов и по нему проходили несколько сот человек. По его словам, только установление всех фигурантов и определение, какие по ним есть материалы, кто из них и в чем обвинялся, чем эти обвинения подтверждались, сопоставление всех показаний на предмет определения их полноты, достоверности и т.п. требовали не менее пяти-шести месяцев интенсивной работы, может быть, целой группы следователей. Но если заняться одним этим делом, то работа практически остановится и другие дела, более простые для рассмотрения, должны лежать без движения длительное время. Между тем необходимо было еще и отчитываться перед вышестоящими органами за проделанную работу, цифры здесь играли не последнюю роль.

В первой половине 1990-х гг. у органов военной прокуратуры возникала и другая проблема – из-за отсутствия финансирования уже пересмотренные дела месяцами лежали без движения, так как не было денег на их пересылку.

По прошествии более четверти века работа по-прежнему далеко не завершена. Если пересмотр дел на лиц, осужденных по политическим мотивам, дела которых хранятся в органах ФСБ, завершен примерно в 70 субъектах страны, то по другим категориям, преимущественно ссыльным, еще продолжается. В 1990-е – начале 2000-х гг. большая нагрузка легла на органы прокуратуры, которые были буквально завалены заявлениями родственников репрессированных о признании их пострадавшими от репрессий. А по каждому такому заявлению приходилось проводить почти полный комплекс работ, как и по реабилитации, при том, что сроки

рассмотрения заявлений никто не отменял. Позднее были поставлены задачи по реабилитации детей репрессированных и др.

Вопрос этот не так прост, как может показаться. Автору самому приходилось принимать заявителей, выслушивая нелюбимые вещи, и получать письма с обидами и упреками, например, по причине того, что «соседа реабилитировали, а меня почему-то нет», а ведь мы с ним пострадали за одно и то же. Конечно же, не было никакого «злого умысла» у тех, кто занимался пересмотром дел, просто, стремясь сделать одно, невольно упускали другое. Необходимо учитывать и то, что до настоящего времени отсутствует единый подход к рассмотрению дел и определению жертв репрессий. Практически по одинаковым ситуациям решения бывали диаметрально противоположными. Рассмотрим, к примеру, дела на выявленных агентов охранного отделения или сотрудников «белых» контрразведок. Одни из них были реабилитированы, в отношении других ранее принятые решения оставлены в силе. Отдаю себе отчет, что вина у всех различна, но при более глубоком анализе материалов проявляется субъективизм тех, кто эти дела пересматривал, либо чувствуется влияние неких политических ветров.

В 1936 г. Томским горотделом НКВД было сфальсифицировано дело, получившее название «Партия народных героев». Одним из главных фигурантов по делу проходил некто Пушкин, агент городского отдела НКВД. Именно с его помощью была создана «контрреволюционная» организация из лиц польской национальности в одном из сел Томского района. Для того чтобы войти в доверие к сельчанам, он даже женился на дочери одного из них. Позднее, при выводе его из «дела», сотрудниками НКВД была разработана комбинация по его мнимой смерти (фотографии Пушкина, лежащего в гробу, были посланы его жене). Но когда «члены организации» отказались признавать свое участие в организации, то Пушкин был вызван в Томск для «изобличения» врагов, чем он активно и занимался. Несмотря на осуждение по делу на 10 лет ИТЛ, он не был направлен в лагерь для отбытия наказания, а остался в городе для использования сотрудниками горотдела НКВД во внутрикамерной обработке несговорчивых «врагов народа», в чем сильно преуспел, издеваясь над таковыми. В камере он был «официальным представителем» следствия. При поступлении в камеру «свежих» людей они в первую очередь подвергались допросу Пушкиным. Он объявлял о принадлежности их к организации и объяснял, что они не должны сопротивляться следствию, так как это ни к чему не приведет. Все это сопровождалось агитацией, что арест мера временная и все скоро будут освобождены, что это вызвано сложной международной обстановкой и т.д. Тем, кто под воздействием Пушкина и других «сознавшихся» соглашались не сопротивляться следствию, Пушкин давал бумагу и требовал заявления, что арестованный обязуется «чистосердечно» все рассказать и не сопротивляться следствию. В отношении упорных он принимал репрессивные меры: загонял под нары, к параше, практиковал избиения и т.п. Ведущим себя «примерно» организовывал свидания, передачи, покупку продуктов и курева. По мнению сотрудников горотдела НКВД, «помощь» Пушкина была колоссальной...<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... С. 106–107.

В очередной раз разбирая газетные публикации в личном архиве, я практически случайно обнаружил в одной из статей упоминание о Пушкине. Житель Чаинского района В.А. Капишников в 17-летнем возрасте был арестован как участник контрреволюционной организации, в частности «готовившей покушение» на секретаря Запсибкрайкома ВКП(б) Эйхе, и после ареста содержался в подвале здания Томского горотдела НКВД. Он вспоминал, что «...там битком, на нарах и под ними, сотни полторы арестантов. Началась для меня новая жизнь. ...Утром нас поднял «староста» Пушкин... и провел «профилактическую» беседу: **“Беспрекословно требую подписывать любую бумагу, которую предъявит следователь... Иначе будете иметь дело со мной”**. Насколько эта угроза была реальной, я убедился в тот же день...»<sup>1</sup>. Видимо, «сила» Пушкина была действительно настолько реальной, что Капишников помнил о нем и по прошествии более пятидесяти лет.

В апреле 1956 г. Пушкин обратился с письмом на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Ворошилова «по поводу снятия... грязного, незаслуженного пятна, которое... было напачкано в 1936 году»<sup>2</sup>. Но по заключению прокуратуры Томской области «снятие пятна» было признано нецелесообразным.

Отказали Пушкину в реабилитации и сотрудники УКГБ СССР по Томской области и в 1989 г. как лицу, принимавшему участие в фальсификации уголовных дел. Однако Президиум Верховного Суда РСФСР своим постановлением от 18 апреля 1990 г., отменив приговор спецколлегии Запсибкрайсуда от 15–18 сентября 1936 г. в отношении участников контрреволюционной организации «Партия народных героев» за отсутствием состава преступления, реабилитировал и Пушкина, так как, по мнению суда, **он не являлся должностным лицом (сотрудником НКВД), субъектом преступления, участвуя в фальсификации уголовных дел**<sup>3</sup>.

Таким образом, налицо двойственность подходов при реабилитации. Пушкина реабилитировали, а агента охраны «А», на которого не было никаких конкретных данных о преступной деятельности, кроме сведений, что был агентом охраны, и не совершившего в своей жизни ничего подобного, прокуратура реабилитировать отказалась.

<sup>1</sup> «Я остался живым...». Свидетельства человека, прошедшего ад сталинских лагерей // Красное знамя. 1989. 29 янв.

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-10282. Т. 4. С. 2.

<sup>3</sup> См. подробнее: Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... С. 186–195. Позднее информацию об этой организации ввел в научный оборот (не будучи ознакомленным с делом) И.Н. Кузнецов (*Кузнецов И.Н.* Знать и помнить...). При его описании «Партии народных героев Польши» не совпадают сроки, название организации, фамилии сотрудников горотдела НКВД, ведших следствие, и т.п., неверен и его вывод о репрессировании по этому делу более 3 тыс. чел. в крае, тогда как по делу **были арестованы 34 жителя только одного населенного пункта**.

Следует также заметить, что А. Тепляков ситуацию с реабилитацией Пушкина рассматривает в качестве уловки, специально придуманной прокурорами, «которые из опыта пересмотра громадного количества дел прекрасно понимают роль сексотов в их фабрикациях». Уловка, по его мнению, не что иное, как результат «гласной либо негласной договоренности с чекистами» и действует до настоящего времени.

См.: Тепляков А.Г. Машина террора... С. 299.

Отдельного внимания заслуживают дела на лиц, осужденных в 1920-е гг. – задолго до появления печально знаменитой 58-й статьи в редакции УК РСФСР 1926 г. В те годы судили по революционным законам, основами которых были «политическая целесообразность» и «революционное правосознание» судей. Человека могли осудить за прошлые «грехи» – службу в уже упоминавшейся охранке, различных контрразведках Белой армии, просто службу у «белых» и многое другое. Об отношении к борьбе с преступностью в эти годы свидетельствует позиция одного из первых наркомов НКЮ, а с 1923 г. Председателя Верховного Суда РСФСР П.Я. Стучки: «Слово “преступность” не что иное, как вредная отрывка буржуазной науки... Возьмем... крестьянина, который напился “вдрызг” и в драке случайно убил того или другого... Если крестьянин совершил убийство по бытовым побуждениям, мы этого убийцу могли бы отпустить на свободу с предупреждением... И наоборот, кулак, эксплуататор, даже сам он формально и не совершал никаких преступлений, уже самим фактором своего существования в социалистическом обществе является вредным элементом и подлежит изоляции»<sup>1</sup>.

Революция и Гражданская война разделили общество на два непримиримых лагеря: в одном были «социально близкие», в другом – «социально чуждые». Это позволяло победителям сводить счеты с проигравшими – представителями буржуазии, помещиками, военными, духовенством, интеллигенцией и другими, неудобными новой власти лицами из «бывших». Затронуты были все слои, сословия и социальные группы населения. Но парадокс в том, что как и в те далекие годы, так и сегодня судьба у всех этих людей различна. Одни из них признаны невиновными, другие продолжают оставаться в рядах врагов, несмотря на полное изменение государственного строя в нашей стране, на замену всех идеологических институтов.

В 1920-е гг. различного рода подпольные организации, часто из бывших офицеров, раскрывались органами ВЧК с завидным постоянством. Тех, кто явно или неявно не признавал советскую власть, было достаточно много. Миллионы человек в короткий промежуток времени потеряли все – имущество, благополучие, достаток и т.п., и не все из них могли спокойно с этим мириться. Сегодня большинство участников этих организаций реабилитированы, в частности по банальной причине – «следствие в отношении этих лиц проведено поверхностно, отсутствует доказательная база и т.п.». С этим спорить сложно – оценка законна. Но следователи тех лет в абсолютном большинстве были юридически неграмотны, не имели ни подготовки, ни опыта, да и новых законов еще не было, а все прежние большевики отвергли<sup>2</sup>. Не могли они и предвидеть, что кто-то когда-то

<sup>1</sup> Цит по: *Кожанов В.* Россия. Век XX-й (1901–1939). С. 736–737. См.: Downloads / Kojinov\_V\_Rossiya\_Vek\_XX\_yi\_1901\_1939.ab.pdf

<sup>2</sup> Прямым подтверждением сказанному может служить заявка Алтайской губЧК в Алтайский губсоюз профсоюзов, подписанная председателем губЧК И. Карклиным. В заявке, в частности, отмечалось, что «комиссия крайне перегружена работой. **Нельзя ручаться за справедливость вынесенных постановлений, ибо из губернии поступает такая масса дел, следственные материалы по которым за слабостью работников на местах очень плохи. Комиссия в интересах справедливости, чего требует дело революции, просит срочно откомандировать в распоряжение таковой возможно большее**

через три четверти века будет пересматривать дела, которые они вели. Однако читая заключения по делам тех лет, сталкиваешься с неоднозначным подходом к рассмотрению материалов дел. Например, в мае 1920 г. в Томске была ликвидирована подпольная организация из числа бывших белых офицеров, возглавляемая А.И. Гавриловичем<sup>1</sup>. Организация готовилась к вооруженному восстанию против советской власти. В настоящее время все участники организации, за исключением одного, реабилитированы, в частности по названной выше причине слабости доказательной базы. А тот единственный виноват только в том, что хранил у себя дома оружие организации.

Вывод заключения интересен тем, что за «участие в подпольной белогвардейской организации» он подлежал реабилитации, а «за принадлежавшее ему и хранившееся у него на квартире по месту жительства без соответствующего разрешения оружие и боеприпасы» признавался «обоснованно осужденным по настоящему делу и не подлежащим реабилитации». А кто в те годы давал «соответствующее разрешение»? Кроме того, оружие ведь было общим, принадлежало всем членам организации! А бороться они хотели с властью, от которой сегодня государство, в принципе, открестилось.

Особая категория реабилитируемых – это дезертиры, уклонявшиеся от службы в Красной армии в годы Великой Отечественной войны, либо лица, совершившие уголовные преступления во время службы в армии. В Западной Сибири в годы войны дезертиры доставляли серьезное беспокойство для местного населения, а тем более властей, грабя, убивая и воруя. В отдельных случаях приходилось проводить целые чекистско-войсковые операции по пресечению бандитских проявлений дезертиров. Обычно таковые лица осуждались по ст. 193 УК РСФСР – за воинские преступления, но так как «виделась» контрреволюционная подоплека случившегося, практически всем из них «добавлялась» ст. 58-10 УК («Антисоветская агитация»). До середины 1990-х гг. многие дезертиры получали полную реабилитацию и пользовались всеми предоставленными государством льготами, позднее они реабилитировались только по 58-й статье, но по уголовным приговорам признавался обычно правомерным, т.е. они должны были считаться уголовными преступниками. Но и здесь возникал нюанс – обычно наказание по политической статье было более «весомым», и оно поглощало наказание по уголовной статье, а значит, за весь срок более «уголовного» он считался репрессированным по политическим мотивам. Именно законопослушание заставляло следователей при пересмотре дел высчитывать не годы, а часто месяцы и дни в их приговорах. И если упомянутый нюанс «всплывал», то человек получал реабилитацию и включался в списки Книги Памяти репрессированных жителей Томской области «Боль людская».

---

**количество работников более развитых, могущих работать...». См.: «Руководствуясь революционной совестью...». С. 37.**

<sup>1</sup> Гаврилович Альберт Игнатьевич, 1880 г.р., ур. г. Киева, проживал в г. Томске по ул. Б. Подгорная, 39, агент райлескома. Арестован в 1920 г. Расстрелян. Реабилитирован 16 марта 1993 г. См. : Боль людская... 2-е изд. Т. 1. С.293.



Если уж мы затронули тему Великой Отечественной войны, то необходимо хотя бы упомянуть, что особого глубокого исследования заслуживает тема советских военнопленных, значительному числу которых пришлось пройти и советские концлагеря. Кто-то из них практически сразу после освобождения из фашистской неволи, кто-то по иным обстоятельствам прошел и эти «круги ада». В практике работы по реабилитации пришлось столкнуться с удивительной ситуацией и судьбой одного из них. Считаю уместным рассказать об этом случае, так как он имеет прямое отношение к некоторым нюансам в работе по реабилитации. В один из обычных рабочих дней начала 1990-х гг., став невольным свидетелем бурно-эмоциональной сцены между каким-то гражданином и помощником коменданта Управления КГБ, вступил в разговор, в ходе которого удалось выяснить следующее. Некто З. в довольно жесткой форме высказывал обвинения в адрес представителей партийно-советских органов г. Томска и области, суть которых сводилась к тому, что его семью, в частности детей, преследуют за его прошлое (отчислили из вузов и т.п.), так как он был в немецком плену, а после войны по «доносу» одного из односельчан отбывал срок по ст. 58-10 УК РСФСР. На протяжении многих лет З. обращался в партийные и советские органы, но ничего изменить не мог, как не мог и подтвердить свое участие в Движении сопротивления в Бельгии и во Франции. Выяснив необходимые данные, оставил его на некоторое время и связался по оперативной связи с коллегами из новосибирского управления. Результат был ожидаем, материалы его фильтрационного дела хранились там, и он мог ознакомиться с ними. Дело в том, что в армию его призвали из Новосибирской области, а дела на такую категорию лиц направлялись на хранение в субъекты, откуда человек призывался в армию. Если бы он знал, что достаточно было обратиться в любое подразделение органов госбезопасности, и его вопрос мог бы разрешиться ранее. Объяснив порядок его последующих действий, мы расстались.

Буквально через несколько дней мне сообщили, что ко мне пришел посетитель, и попросили принять его, хотя в тот период времени я непосредственно не занимался вопросами реабилитации. Выяснилось, что меня разыскивал З. Но внешне это был уже другой человек, чувства буквально переполняли его. Прежде всего, он выложил на стол около ста старых фотографий, они хранились в фильтрационном деле, и ему вернули их. На нескольких фотографиях, в том числе и на той, где он был в инвалидной коляске, были надписи на английском языке. З. пояснил, что, бежав из плена, он примкнул к одному из интернациональных отрядов, действовавших на территории Бельгии, в ходе боев был несколько раз легко ранен, но после тяжелого ранения долго лечился, в том числе и в Англии. Когда вернулся на родину, преподавал в школе в одном из райцентров Новосибирской области, был арестован и отбывал наказание на Дальнем Востоке. После окончания срока решил не возвращаться в родное село и осел на жительство в Томске, где и женился, через некоторое время родились двое сыновей.

Поездка в Новосибирск во многом изменила его жизнь. Он получил реабилитацию, его признали участником войны, что предполагало получение некоторых льгот и для его семьи было событием немаловажным. Еще более неожиданным

событием стало его приглашение в Москву, где в один из приездов Президента Франции была организована встреча с участниками французского Сопротивления, и он в числе других участников был награжден французской медалью с вручением специальной грамоты. Администрация города выделила ему двухкомнатную квартиру.

В последующие годы мы еще несколько раз встречались. Не все в жизни З. складывалось так, как ему хотелось бы, но, по его словам, жить как-то стало легче, ведь удалось восстановить, пусть хотя бы частично, справедливость, он даже начинал писать воспоминания.

Эта история, кстати, с одной стороны, является свидетельством, что если искать, то можно добиться результата, а с другой – пример, что многие граждане не всегда знали, куда им следует обращаться по интересующим их вопросам, а государство не организовало ликвидацию подобных «пробелов».

Говоря о реабилитации, необходимо учитывать и то обстоятельство, что в гонке за показателями, особенно в период «Большого террора», никто не отменял развернувшегося в те годы соревнования между отдельными подразделениями и целыми управлениями НКВД по разоблачению «врагов народа» и «контрреволюционных организаций». Часто в этой ситуации политическими преступниками становились обычные уголовники или «бытовики», т.е. лица, совершившие, например, преступления общеуголовного характера в силу исполнения ими своих служебных обязанностей. Так, в июне 1937 г. прокуратурой ЗСК был привлечен к уголовной ответственности за хищение колхозного имущества, должностные злоупотребления и нанесение убытка колхозу председатель колхоза «Красный россиянец» Благовещенского района И.Н. Мошкин. Но начало «массовой операции» по приказу № 00447 привело к тому, что материалы на него из прокуратуры были переданы в Управление НКВД, где первично выдвинутое обвинение было изменено на «вредительство и подрыв колхозного животноводства» – ст. 58-7 УК РСФСР. Также были переквалифицированы дело счетовода колхоза им. 19-летия Октября Тогульского района А.З. Воронина, дело о хищениях в Солтонском райпотребсоюзе и целый ряд других.

К вредительству относили и невыполнение планов сдачи сельскохозяйственной продукции, за что поплатились многие председатели колхозов. На Алтае в период с октября 1937 по март 1938 г. практически на всех крупных элеваторах были раскрыты «контрреволюционные вредительские группы» из числа руководящего состава, инженерно-технического персонала и рядовых работников хлебоприемных пунктов. Причиной их осуждения послужили многочисленные случаи ненадлежащего хранения и очистки зерна. Еще в августе 1937 г. на места поступила директива «О борьбе с клещом», подписанная Сталиным и Молотовым, согласно которой требовалось организовать борьбу с клещом, заражающим зерно, в противном случае виновников подлежало привлекать к уголовной ответственности как «вредителей и врагов народа». Казалось бы, директива касалась хозяйственной деятельности, но подтекст у нее был политический. Прокуратура СССР продублировала эту сталинскую установку соответствующим циркуляром,

обязавшим работников прокуратуры на местах проверять подобные сигналы в пятидневный срок, а виновных привлекать к ответственности по ст. 58-7 УК за «вредительство». Выполнить это указание оказалось довольно-таки несложно. С учетом отсутствия должного финансирования на большинстве элеваторов возникли проблемы с решением поставленной задачи, но эти объективные трудности сотрудниками органов НКВД и прокуратуры в расчет не брались. Поставленная перед ними задача была выполнена<sup>1</sup>.

«Политиками» становились и обычные уголовники. Будучи включенными в перечень «врагов» по приказу № 00447, они активно преследовались сотрудниками НКВД. Многим из них автоматически «навешивали» 58-ю статью УК лишь по той причине, что их уголовная деятельность была несовместима со строительством «светлого будущего», а значит, носила антиобщественный, антисоветский характер. В процессе реабилитации часть из них была признана жертвами политических репрессий, что, на мой взгляд, было одним из недостатков в работе по пересмотру уголовных дел тех лет, так как срабатывал принцип формального подхода, исходивший из положений документов о реабилитации.

Еще одним доказательством того, что реабилитация была превращена в очередную кампанию, явилось то обстоятельство, что правоохранительные органы, честно и добросовестно выполняя возложенную на них благородную миссию, сами в какой-то мере стали жертвами кампанейщины. В процессе пересмотра дел практически не учитывалась часть 2 пункта 2 Указа ПВС СССР от 16 января 1989 г. о том, кто не подлежал реабилитации. А реальные преступники были, многие из которых совершили тягчайшие преступления против своих соотечественников. И сегодня в госархивах Сибири, а не только в архивах управлений ФСБ и МВД, хранятся тысячи дел, фигурантам которых в реабилитации отказано, даже несмотря на неоднократные пересмотры этих дел сотрудниками органов прокуратуры. Государство и сегодня продолжает считать преступниками тех «политических», которые убивали, грабили, насиловали, изменяли Родине и т.п., сделав для них единственное – сняв клеймо политических статей и переквалифицировав их деяния на другие статьи УК, чаще всего уголовные, «вычеркнуло» их из числа «врагов народа». Они обычные уголовные преступники. Но всегда ли это было сделано правильно, показывает вышеприведенный пример по организации Гавриловича.

Реабилитация предполагает не только пересмотр дел и выдачу соответствующих справок и иных документов. Процесс реабилитации должен иметь и общественный резонанс хотя бы потому, что репрессировали «громогласно», с собраниями, митингами и демонстрациями, с навешиванием ярлыков не только на репрессируемых, но и на членов их семей – сын, дочь «врага народа», «член семьи изменника Родины (ЧСИР)» и др., которые «приклеивались» на годы, если не на всю жизнь. Вот и восстановление социальной справедливости должно быть таким же достоянием общества.

Сегодня во многих городах и населенных пунктах страны установлены памятники жертвам репрессий, официальными кладбищами признаны многие ме-

<sup>1</sup> Разгон В.Н. Репрессии против бывших «кулаков» в Алтайском крае в 1937–1938 гг. .... С. 94–95.

ста захоронений жертв репрессий, открываются музеи, мемориальные уголки, организуются выставки.

С началом очередной кампании по реабилитации в 1989 г. впервые были «приоткрыты двери» архивов органов госбезопасности для историков, правоведов, писателей, краеведов, журналистов и исследователей-общественников, была приподнята завеса тайны над страшными событиями еще такой недавней истории нашего государства. Ознакомление их с архивно-следственными делами привело к информационному всплеску в виде публикаций, выпусков сборников документов, подготовки теле- и радиопередач и т.п. Рядовые граждане стали узнавать о людях, представлявших собой гордость России, но вычеркнутых из жизни советской карательной системой, канувших в небытие в годы репрессий.

В Кемеровской области вышли на телеэкраны передачи «Территория закона», «Особое мнение» – о деятельности сотрудников Управления госбезопасности по реабилитации жертв политических репрессий; «Щепки» – о репрессированном поэте Г. Тюрке, отбывавшем наказание в Мариинске; ряд телепередач, связанных с гонениями представителей Русской православной церкви, и т.д. В Томске в 1990-е гг. было снято 9 документальных фильмов – о репрессированных представителях известнейших в России дворянских фамилий, о поэте Н. Клюеве, о репрессированных на территории области представителях польской и эстонской национальностей, серия фильмов «Машина террора» – о сотрудниках Томского горотдела НКВД, принимавших активное участие в репрессиях, и их жертвах и др. Ряд этих работ был удостоен премий и призов на международных и всероссийских кинофестивалях.

Контакты с этими исследователями не были кулуарными, об этих встречах и проводимой работе рассказывалось в средствах массовой информации. Практиковались их встречи с сотрудниками органов ФСБ и МВД, на которых активно обсуждались вопросы по организации работы по реабилитации жертв репрессий, увековечению их памяти, месте и роли общественности в этой важной и столь необходимой для всего нашего общества работе. Об одной такой встрече, например, рассказала газета «Красное знамя». В июле 1989 г. в Томском управлении КГБ было проведено открытое партийное собрание сотрудников, на которое были приглашены прокурор Томской области Х.У. Пономарёв, председатель совета областного общества «Мемориал» Л.Ф. Пичурин, представители обкома КПСС, преподаватели исторического факультета Томского университета, журналисты томских СМИ. Темой собрания было определение задач коллектива сотрудников Управления в работе по реабилитации. В обсуждении поставленного на рассмотрение вопроса приняли активное участие многие из сотрудников и практически все приглашенные. Собрание позволило вскрыть узкие места, которые ранее не учитывались в работе по реабилитации, позволило сверить правильность выбранного курса на открытость в этой деятельности, показало взаимную заинтересованность в достижении поставленных задач<sup>1</sup>. По окончании собрания представители общественности провели рабочую встречу, позволившую спланировать

---

<sup>1</sup> Только правда! // Красное знамя. 1989. 13 июля.

совместные действия в дальнейшей работе по восстановлению социальной справедливости в отношении жертв репрессий, были намечены мероприятия по привлечению историков, журналистов к подготовке публикаций по наиболее интересным (для общественности) архивно-следственным делам.

Особенно велика роль средств массовой информации в организации работы по восстановлению справедливости, увековечению памяти жертв репрессий. За прошедшие годы сняты сотни документальных и игровых фильмов, в печатных СМИ опубликовано тысячи статей, очерков, официальных документов, писем, воспоминаний и других материалов. Так, в газетах «Алтайская правда», «Кузбасс», «Красное знамя» и «Советская Сибирь» только в 1989–1992 гг. было опубликовано 407 материалов по данной тематике. В эти годы журналисты охотно брались за работу над материалами, посвященными теме массовых репрессий.

Среди авторов, работавших по этой теме, хотелось бы назвать И. Гущина – прокурора группы реабилитации прокуратуры Алтайского края, В. Галкина – председателя комиссии по реабилитации Кемеровской области, А. Жучкова – заведующего партийным архивом Новосибирского обкома КПСС, С. Андреева – редактора газеты Томского р-на «Правда Ильича», Н. Маскину – журналистку газеты «Красное знамя», В. Гришаева – краеведа, члена Союза писателей России, В. Гузееву – бывшую сотрудницу партархива Новосибирского обкома КПСС, рассказавшую о судьбах руководителей Запсибкрая и Новосибирской области – Ф.П. Грядинского, Р.И. Эйхе, редактора газеты «Советская Сибирь» Г.Т. Тимофеева, о судьбах «членов семей изменников Родины» и т.д. А. Жучков поведал читателям языком документов правду о судьбах спецпереселенцев, высаженных ранней весной 1933 г. на необитаемом обском острове Назино, а в рубрике «Новосибирский обком ВКП(б): начало пути» – о судьбах репрессированных членов партии. Судьбам отдельных представителей научной и творческой интеллигенции были посвящены публикации Н. Маскиной, ею же в рубрике «Заложники у времени» были опубликованы статьи о репрессированных чекистах. Регулярно информировал читателей о ходе реабилитации И. Гущин.

Именно в газетах в те годы была организована публикация списков реабилитированных. В Томске списки реабилитированных публиковались в областной газете «Красное знамя», но делалось это нерегулярно. Эти публикации вызывали неподдельный интерес у читателей, большое количество отзывов, а еще больше вопросов – когда публикация списков будет продолжена, так как газеты по объективным причинам не могли выделять много места на своих страницах под эту информацию. Очень часто публиковавшиеся списки насчитывали всего несколько десятков фамилий. В сложившейся ситуации эта работа могла затянуться на долгие годы. Выборки из уже опубликованных списков перепечатывались в большинстве городских и районных газет, в заводских и вузовских многотиражках. Подобная форма увековечения памяти оказалась наиболее востребованной у репрессированных и у их родственников, ведь печатное слово традиционно вызывало большее доверие и часто почиталось более других официальных документов, в частности среди сельского населения. В архиве автора есть письма, в которых об этом говорилось прямо: «До публикации меня считали, а иногда и обзы-

вали сыном “врага народа”, после публикации информации о реабилитации отца отношение односельчан ко мне заметно изменилось» и т.п.

Невозможность решения вопроса о плановых и более объемных публикациях привела к тому, что в Томском управлении КГБ СССР родилась идея подготовки и выпуска Книги Памяти репрессированных жителей области. Автором идеи был начальник архивного подразделения Ю.А. Петрухин. После получения поддержки у руководства Управления, в частности, у заместителя начальника полковника А.В. Машкова, приступили к решению поставленной задачи. Но решение её оказалось делом непростым, так как не было опыта такой работы, не было никаких методик и рекомендаций. Не сразу определились с объемами информации, которую следовало отбирать для публикации, пробовали несколько вариантов, рассматривая каждый на предмет информативности и целесообразности упоминания каких-то сведений. В частности, по этой причине отказались от упоминания пунктов ст. 58 УК РСФСР, по которым человека репрессировали, – все репрессированные на момент начала работы были осуждены по этой статье. С другой стороны, среди дел на репрессированных по политическим мотивам стали попадаться дела на лиц, осужденных в 1920-е гг. Опять возник вопрос – как поступать в этих случаях. После «дебатов» приняли решение: на тот момент о них пока ничего не сообщать, позднее этот пробел устранили.

Первый том был подготовлен в июне 1991 г. и должен был выйти из печати в конце августа – начале сентября. По решению руководства Управления в работе над ним приняли участие многие сотрудники – все подразделения должны были выделять людей для обработки материалов. В силу известных событий – «путча» – этого не случилось, возникло сомнение, выйдет ли книга вообще, так как КПСС прекратила свое существование, а Томский обком партии был одним из «спонсоров» по выделению части необходимой для печати бумаги. Был решен и этот вопрос, но в Москве началась реорганизация органов КГБ СССР, и что следовало ожидать от этого, никто не знал. И все-таки в октябре 1991 г. Книга вышла из печати. Названная «Боль людская», она, в нашем понимании, действительно отражала всю боль и трагедию происшедшего. Уместно отметить, что на выпуск этого тома, как и последующих, деньги вносили практически все сотрудники Управления – это было хорошей помощью для оплаты работ по набору, верстке, корректуре текста.

Выход Книги оказался событием. Видимо, неверие, что она увидит «свет», было сильным даже у сотрудников, работавших над подготовкой её к выпуску. Только после выхода книги некоторые из них признались о наличии в ней сведений о своих родственниках, ранее никто об этом не говорил. Но еще больший интерес книга вызвала у общественности. В декабре 1991 г. в газете «Красное знамя» была опубликована большая статья профессора Томского университета, доктора исторических наук М.Е. Плотниковой, посвященная выходу книги. Детально разобрав её содержание, дав оценку представленным в ней материалам, она сделала вывод, достаточно четко отразивший роль, значение и важность выхода такой работы. Она писала: «Книга «Боль людская» очень нужна нам, сегодняшним, переживающим тоже не самые легкие дни в жизни нашего государ-

ства. Она необходима для восстановления исторической памяти, без чего невозможно создать истинно демократическое общество, в котором бы не оставалось и самых малых условий для повторения трагического прошлого. Она необходима родственникам всех безвинно погибших: ведь для многих из них судьба их близких оставалась неизвестной.

Книга эта необходима и историкам. И не только для восстановления полной правды о масштабах репрессий, осуществленных тоталитарным сталинским режимом, но и для более глубокого понимания наиболее болезненных... вопросов: как мы, великий народ, могли терпеть это, как объяснить психологическое состояние общества, мирившегося с безумной политикой тоталитарного уничтожения его членов, почему доноительство (а ведь многие подвергались арестам по доносу своих сограждан) приняло огромные масштабы, как все это вместе повлияло на нравственность КПСС и всего нашего народа и почему до сих пор находится немало людей, мечтающих о возврате сталинских порядков...»<sup>1</sup>.

Почти сразу после появления информации о выходе книги в Управление буквально посыпались письма от оставшихся в живых репрессированных и родственников погибших в лагерях или умерших в последующие годы с просьбами о высылке книги. С подобными просьбами обращались и представители общественных организаций, в том числе и историко-просветительского общества «Мемориал». Все обращения удовлетворялись без какой-либо задержки. Уже в скором будущем обращения с просьбой о высылке книги стали поступать из ближнего, а затем и дальнего зарубежья.

Особенностью тома было включение документальных вставок между буквами алфавита из архивно-следственных дел, демонстрировавших механизм фальсификации этих дел. Вставки публиковались под названием «Фальсификация. Как это было». Эти выдержки касались наиболее крупных дел по «контрреволюционным» организациям либо были из документов, раскрывающих обстановку тех лет, формы и методы следствия. Позднее слово «фальсификация» было убрано из названия, так как мы стали публиковать в полном объеме выдержки или документы, регламентирующие деятельность органов НКВД, решения по отдельным делам, образцы документов. Все это делалось впервые на основе архивных документов, ранее недоступных исследователям.

---

<sup>1</sup> Красное знамя. 1991. 10 дек. Идея выпуска такой Книги буквально витала в воздухе, но без какого-либо публичного озвучания. В архиве автора хранится стенограмма встречи Председателя КГБ СССР В.А. Крючкова с активистами московских объединений лиц, пострадавших от необоснованных репрессий, **14 июня 1991 г.** В ходе встречи В. Крючков принял решение о необходимости составления стенограммы этой встречи и рассылки во все «территориальные органы госбезопасности, чтобы с ней ознакомился весь личный состав, и для того, чтобы они тоже глубоко прониклись пониманием и значимостью этой проблемы. Пусть читают, запоминают и... делают соответствующие выводы». В ходе этой встречи и прозвучали предложения о выпуске Книги Памяти. Первым озвучил эту тему председатель комиссии Моссовета, бывший политзаключённый В.А. Булгаков (С. 9), а поддержал другой председатель этой же комиссии А.А. Мильчаков (С. 31–32). Возможно, эта встреча могла бы повлиять на реализацию проекта выпуска Книги, но события августа – так называемого «путча», заставили на время вообще забыть о реализации такой формы увековечения памяти жертв репрессий.

О выходе книги начальником Управления полковником В.А. Соболевым (впоследствии заместителем секретаря Совета безопасности страны) было проинформировано руководство КГБ РСФСР, и уже в конце октября 1991 г. книга была представлена сотрудникам центрального аппарата, где получила высокую оценку. Было принято решение распространить инициативу Томского управления на все территориальные органы. Приказ по Агентству федеральной безопасности (новое название органов госбезопасности на тот период времени) № 13 от 4 ноября 1991 г. закрепил это решение, обязав все структуры на местах организовать работу по подготовке и изданию Книги Памяти жертв политических репрессий. Этим же приказом составители Книги Памяти были награждены ценными подарками – наручными часами.

В последующие годы были подготовлены и выпущены еще три тома: два – в 1992 и один – в 1994 г. Работа над заключительным, пятым, томом началась в 1995 г. и продолжалась долгие пять лет, так как необходимо было вернуть дела из других территориальных органов госбезопасности и органов военной прокуратуры страны, где они находились на пересмотре по году и более. Для ускорения этой работы с военной прокуратурой Сибирского военного округа в Управлении была вновь создана рабочая группа из числа сотрудников следственного подразделения, которые пересматривали дела, готовили заключения по ним, а потом представляли заключения с делами в военную прокуратуру для принятия окончательного решения. Это заметно облегчало работу военных следователей и позволило в сжатые сроки пересмотреть несколько сот дел, вернуть их в место постоянного хранения в архивное подразделение Томского управления госбезопасности. Более того, сотрудники военной прокуратуры помогли ускорить пересмотр и возвращение нескольких десятков дел из органов военной прокуратуры других субъектов страны и ряда бывших союзных республик. Окончание пересмотра этих дел позволило завершить и работу по изданию пятого, заключительного, тома Книги Памяти репрессированных жителей Томской области «Боль людская»<sup>1</sup>.

Одновременно с работой над Книгой Памяти сотрудниками Томского управления была создана автоматизированная база данных (БД) на 21 тыс. репрессированных на территории Томской области. Сформированная электронная карточка на репрессированного представляла собой перечень данных по 32 позициям, основными из которых были: Ф.И.О., год и место рождения, пол, национальность, место жительства перед арестом (до указания конкретного адреса), место работы и занимаемая должность, социальное положение до революции и на момент ареста, образование, партийность, дата ареста, инкриминируемая статья УК РСФСР, характер обвинения, дата осуждения, приговор (указывался в цифровом или буквенном обозначении – «Р» – расстрел, «10-5» – осуждение на 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах и т.д.), дата (заполнялась в случаях вынесения приговора к ВМН –

---

<sup>1</sup> В 2016 г. Книга Памяти «Боль людская», дополненная и переработанная была переиздана. В 3-х томах нового издания содержатся данные на почти 21 тыс. чел. (20 991), ставших жертвами необоснованных массовых репрессий, представлены новые, ранее не публиковавшиеся документы, раскрывающие как механизм репрессий, так и работу по реабилитации жертв репрессий.



расстрелу, смерти или освобождения (оправдания) осужденного), номер уголовного дела и дата реабилитации. В ходе заполнения базы данных по отдельным позициям были сформированы словари для облегчения занесения данных – по национальности, социальному положению, характеру обвинения и некоторым другим. Так, «характер обвинения» предполагал, в частности, указание названий «контрреволюционных» групп и организаций. Уже эти данные показали разнообразие «полетов фантазии» следователей, ведших эти уголовные дела, подчеркивали особенности выдвигавшихся обвинений. Наличие этих данных позволяет достаточно быстро и удобно заниматься поисковой работой, подготовкой информационных материалов, справок.

Первоначально шло наполнение одной базы данных, получившей название «Память». В нее включались лица, репрессированные по печально знаменитой 58-й статье УК РСФСР. Но после выхода в свет 13 августа 1990 г. Указа Президента СССР «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20–50-х годов» была сформирована еще одна БД («Память 2»), куда вошли все репрессированные до 1926 г. К настоящему времени в нее включены данные на 1 502 чел. В целом же названные БД репрессированных жителей Томской области включают сведения на 21 991 чел. Основная работа по формированию БД была завершена к 2000 г., в последующий период в нее была внесена информация всего на 381 чел., дела на которых были выявлены в ходе дополнительной проверки и пересмотра сотрудниками областной прокуратуры в фондах ГАТО и Информационного центра УВД Томской области.

В конце 1990-х гг. БД была передана историко-просветительскому обществу «Мемориал» для информационной работы, туда также постоянно поступали обращения граждан по вопросам поиска следов своих родственников, получения каких-либо сведений и т.п. Позднее уже общество «Мемориал» передало БД, дополненную материалами ИЦ УВД Томской области, в Государственный архив Томской области, где доступ к ней получили все желающие. Использование БД «Память» позволило автору в работе над монографией «Репрессии. Как это было...» привести целый ряд данных, характеризовавших обстановку в Западной Сибири в период репрессий, выделить наличие закономерностей при их проведении, выявить национальный состав репрессированных, их возрастной и образовательный уровень, социальное положение и ряд других вопросов. Позднее сведения БД были использованы сотрудниками ГАТО и членами общества «Мемориал» при выпуске сборников документов, например, в серии «Из истории земли томской» – «Год 1937...» и «Архивы Сибири. Под грифом «Секретно»» – «1936–1937 гг. Конвейер НКВД: Из хроники «Большого террора» на томской земле» и др. В Алтайском крае созданная Г.Д. Ждановой автоматизированная база данных «Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК РСФСР)» оказалась активно востребованной в работе над 7-томной книгой «Жертвы политических репрессий на Алтае» и в ряде других исследований.

К сожалению, к настоящему времени такая БД создана только в Управлении архивного дела администрации Алтайского края, в управлениях ФСБ РФ по Республике Алтай и Кемеровской области. Материалы названных баз данных были активно

использованы в работе над монографией «Пенитенциарная система Западной Сибири (1920–1941 гг.)». В других субъектах Западной Сибири такая работа не организована.

В настоящее время главной проблемой при создании баз данных является отсутствие целевой установки на данную работу (по крайней мере, в системе правоохранительных органов) и единого подхода к организации этой работы. Так, например, на Смоленщине база данных содержит всего 16 поисковых полей<sup>1</sup>, а в Томске – 32. Между тем увеличение полей заметно расширяет возможности проведения аналитических исследований. Однако, на мой взгляд, как показала практическая работа с БД «Память», достаточно примерно 20 или чуть более «основных» позиций, поскольку заполнение остальных оказывалось чаще всего невозможным в силу разных обстоятельств либо малоинформативным. Но в любом случае создание таких баз данных – насущная потребность, так как позволит установить действительное число репрессированных в годы советской власти и провести исследования по составу репрессированных (национальному и половозрастному составу, образовательному уровню, социальному положению и т.д.), применению мер репрессий и т.п.

Еще в период начала работы над Книгой Памяти «Боль людская» отмечались случаи (по групповым делам) несовпадения числа осужденных с числом арестованных по делу. Чаще всего это было связано с тем, что отдельные из арестованных в ходе следствия по разным причинам освобождались из-под стражи или умирали. Но тогда получалось, что их арест был обоснованным, а ведь содержание под стражей иногда доходило до нескольких месяцев. Так почему освобожденных по решению «суда» мы включаем в число жертв репрессий, а об этих лицах должны забывать? По этой причине в Томске в Книгу Памяти такие «освобожденцы» включались. Так, в одном из документов тогда еще УКГБ при СМ СССР по Томской области содержалась информация на граждан, репрессированных по групповым делам. Проверка этих фигурантов по базе данных «Память» позволила установить гораздо большее число лиц, нежели было названо в документе. Например, в официальной справке речь шла о семи осужденных «кулаках» с Беловодово Зырянского района, а по материалам дела в базу данных оказались включенными восемь человек; по другому делу об осуждении в ссылку промышленников вместо четверых оказалось пятеро; еще по одному делу упоминалось осуждение 38 «кулаков»-спецпереселенцев, а в базе данных содержится информация о 48 привлеченных к ответственности по этому делу<sup>2</sup>. Наличие разницы данных объяснялось как раз включением в БД «Память» лиц, освобожденных из-под стражи во время следствия по названным делам.

В конечном счете, создание электронных баз данных имеет важное значение по ряду причин. Во-первых, непосредственно для ведомственных архивов ФСБ и МВД России они могут служить вспомогательным учетом, облегчающим работу с архивными материалами в случаях поступления запросов или заявлений от родственников репрессированных либо от органов власти или других учрежде-

<sup>1</sup> Козин Е.В. Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917–1953 гг. М., 2011. С. 8–9.

<sup>2</sup> Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. 42.

ний и организаций. Во-вторых, создание БД является определенного рода гарантией сохранения информации, пусть и в усеченном виде, от различного рода техногенных катаклизмов, могущих привести к уничтожению или утрате названных архивных документов. В-третьих, использование сведений из названных БД открыто для всех интересующихся этой темой в условиях ограниченного доступа к персональным данным граждан. В-четвертых, проведение на основе БД аналитических исследований позволит снять многие вопросы о количестве репрессированных, их национальности, социальном положении и ряда других, что, в конечном итоге, даст возможность более объективно и всесторонне рассматривать репрессивную политику большевистского руководства СССР. В-пятых, уйти от вольного оперирования необоснованными цифрами о количестве жертв репрессий на основе механического суммирования цифр. Сегодня отдельные составители Книг Памяти включают в свои мартирологи лиц из ранее опубликованных подобных книг других регионов по той причине, что эти лица имели какое-либо (преимущественно по рождению) отношение к их региону. Более того, часть репрессированных арестовывалась и осуждалась неоднократно (в разных регионах проживания, в период отбытия наказания в исправительно-трудовых лагерях, при отбытии или направлении в ссылку после отбытия наказания, а также по Указу ПВС СССР от 21 февраля 1948 г., директиве МГБ СССР и Прокуратуры СССР от 26 октября 1948 г. № 66/241сс, и т.д.). Если на практике это не ведет к увеличению числа репрессированных, то при «механических» подсчетах приводит к увеличению их числа. В случае проведения каких-либо статистических исследований все это также не позволяет получить объективную картину.

Кроме того, электронные базы данных позволяют уточнять информацию в источниках, сомневаться в которых казалось бы не приходится. Так, например, А. Тепляков в своей монографии «Машина террора» высказал в мой адрес, со ссылкой на конкретный архивный источник, претензию об искажении данных о расстрелянных по политическим мотивам в Томской области в 1933 г.<sup>1</sup> Обращение к «Расстрельным спискам» позволило установить, что 30 апреля 1933 г. в Томске действительно были расстреляны 104 чел. из числа участников «заговора в сельском хозяйстве», но все они были жителями населенных пунктов, относящихся в настоящее время к Красноярскому краю, где в Управлении ФСБ и хранятся материалы уголовного дела в отношении них. Таким образом, факт казни подтвержден, но никакого сокрытия информации не произошло, никто из репрессированных «потерян» не был. Просто в результате административно-территориальных преобразований материалы из архива Томского управления госбезопасности были переданы в Красноярск. Данный пример подтверждает необходимость создания региональных баз данных, поскольку в процессе этой работы появляется возможность проведения «ревизий» хранящихся в архивах материалов и их систематизации. Например, в середине 1990-х гг. в ходе работы над Книгой Памяти между архивными подразделени-

---

<sup>1</sup> Тепляков А.Г. Машина террора... С. 15.

ями УФСБ и УМВД по Томской области был произведен «обмен» несколькими десятками дел как хранившихся не по месту назначения.

Но в этой работе необходимо избежать возможных перекосов. Так, в 2002 г. автору пришлось принимать участие в международной конференции по созданию электронной Книги Памяти жертв политических репрессий. Конференция проходила в г. Нижнем Тагиле, в её работе принимали участие представители Украины, Казахстана и других стран, ряда зарубежных организаций и фондов. В процессе обсуждения проблемы высказывались разные предложения по организации этой работы, по определению круга сведений, необходимых для включения в БД, что было естественно, но когда перешли к обсуждению категорий лиц, подлежащих включению в БД, поступило неожиданное предложение наряду с включением в БД членов националистических организаций, сотрудничавших с немецкими фашистами, позднее осужденных советским судом либо несудебными органами, включить в БД информацию о немецких военнопленных (в том числе и совершивших преступления против человечества), отбывавших сроки наказания в советских лагерях, в частности умерших там. По мнению авторов этого предложения, они тоже были жертвами репрессий. И это абсурдное предложение обсуждалось вполне серьезно.

Сегодня Книги Памяти жертв репрессий выпущены в большинстве субъектов нашей страны, где-то работа над ними еще продолжается. Однако поиск жертв репрессий следует продолжать, так как целые «пласты» документов на репрессированных хранятся не только в архивах ФСБ и МВД, но и в других. Заведующая отделом использования и публикации документов Госархива Омской области Л. Огородникова прямо указывает, что в их архиве «хранятся десятки тысяч дел, содержащих сведения о политических репрессиях»<sup>1</sup>. В подтверждение своих слов она называет около десяти фондов, где хранятся подобные материалы, приводит немало конкретных примеров по омичам, осужденным по политическим мотивам. Все эти лица подлежат реабилитации, но никто эти вопросы, видимо, не поднимал, так как в Книгу Памяти были включены только лица, проходящие по учетам фондов Управления ФСБ РФ по Омской области. К пересмотру подобных дел должны подключиться, например, сотрудники прокуратуры, как это было сделано в Томске, где за 2000–2008 гг. были пересмотрены дела, хранившиеся в Госархиве Томской области, почти на 200 чел., еще примерно столько же человек были «найжены» в фондах информационного центра УВД Томской области. Проведенная работа позволила реабилитировать многих из них. В качестве примера приведу результаты этой работы.

Сотрудниками прокуратуры было вынесено решение о реабилитации 381 чел. (318 мужчин и 63 женщин), в отношении еще четверых лиц была получена дополнительная информация об арестах в другие годы. До 1927 г. – начала действия ст. 58 УК РСФСР – были арестованы 237 чел., в том числе 22 женщины, в последующий период были арестованы 103 мужчины и 41 женщина. 367 чел. из числа арестованных были беспартийными, 14 чел. состояли в коммунистической

---

<sup>1</sup> Забвению не подлежит... Т. 2. С. 28.

партии. Все были репрессированы в период 1920-х – середины 1950-х гг. Другая дополнительная информация в отношении этих лиц представлена в табл. 45–50.

Таблица 45

## Национальный состав репрессированных

Русские	283	Остяки (селькупы)	4
Литовцы	23	Узбеки	3
Украинцы	16	Татары	2
Немцы	15	Белорусы	1
Эстонцы	10	Калмыки	1
Евреи	8	Поляки	1
Латыши	8	Румыны	1
Молдаване	5	<b>Всего</b>	379

Таблица 46

Социальное положение  
(на момент ареста)

Крестьяне	169
Служащие	58
Рабочие	54
Заключенные	29
Военнослужащие	28
Священнослужители	22
Без определенных занятий	16

Таблица 47

## Уровень образования

Высшее	8
Н/высшее	3
Среднее	41
Н/среднее	2
Начальное	274
Неграмотные	53

Таблица 48

## Аресты по годам

Годы	Кол-во человек
1920	67
1921	130
1922	38
1923	2
1927–1930	9
1931–1936	25
1937–1938	31
1939–1940	5
1941–1950	62
1951–1952	12

Таблица 49

## Характер предъявленного обвинения

Характер обвинения	Кол-во человек
Контрреволюционная деятельность	170
Контрреволюционная (антисоветская) агитация	70
Побег	94
Анархисты	34
Измена Родине	5
Социально опасные и социально вредные элементы	4
По Указу 1948 г.	3
Контрреволюционный саботаж	1

## Вынесенные приговоры\*

Приговор	Кол-во человек
Освобождены	75
3 года ИТЛ	64
ВМН	33
5 лет ИТЛ	23
2 года ИТЛ	22
1 год л/с условно	20
1 год л/с	16
В наказание зачтен срок предварительного заключения	13
Оправданы	10
Умерли во время следствия	8
Неизвестен	15

\* Выбраны наиболее часто встречающиеся приговоры, всего были применены к репрессированным 36 разных видов приговоров. Приговор «неизвестен» означало чаще всего, что в материалах служебной переписки по делу имелись какие-либо документы, свидетельствующие об осуждении, но сам приговор указан не был.

Полученные в результате подсчетов данные только подтверждают ранее выявленные тенденции по социальным группам репрессированных, национальному составу, уровню образования и т.п. Обращает на себя внимание информация о большом числе репрессированных священнослужителей, а также осуждение за побег с мест отбывания наказания, что было характерно, в частности, для периода 1940-х гг.

Таким образом, число осужденных по политическим мотивам на территории Томской области (в современных границах) за годы советской власти составило 20 990 чел., из которых 19 727 чел. в настоящее время официально реабилитированными. Оставшиеся в абсолютном большинстве были освобождены до осуждения, либо умерли во время следствия, либо были оправданы.

До принятия в 1926 г. Уголовного кодекса РСФСР были репрессированы 1 470 чел. По 58-й ст. УК РСФСР осуждены 19 305, еще 14 чел. привлекались к уголовной ответственности по ст. 70 УК РСФСР. По ст. 82 УК РСФСР («По-бег») были осуждены 95 чел., как члены семьи изменника Родины к ссылке на 5 лет – 106. Были осуждены по обвинению в проведении «контрреволюционной (антисоветской) пропаганды и агитации» (ст. 58-10 УК) 14 601 чел. (69,26%), обвинение в «организационной деятельности» (58-11 УК) было предъявлено 13 586 чел. (64,72%) В жернова репрессий попали представители почти 60 наций и народностей не только бывшего СССР, но и многих стран мира. В числе осужденных были австрийцы, американцы, англичане, болгары, венгры, греки, монголы, румыны, сербы, турки, финны, хорваты, черногорцы, чехи, шведы, японцы, итальянец, норвежец, француз и др. Более всего от репрессий пострадали представители национальностей, указанных в табл. 51.

В числе реабилитированных 1 192 женщины (5,68%), 245 из которых были расстреляны (20,55% от общего числа женщин и 1,24% от общего числа реабили-

тированных). Среди мужчин был расстрелян каждый второй – 10 593 чел. (53,5% от общего числа мужчин).

Таблица 51

**Данные о наиболее пострадавших от репрессий национальностях  
на территории современной Томской области**

Национальная принадлежность	Количество репрессированных, чел.	% от общего числа репрессированных	Из них расстреляно, чел.	% расстрелянных данной национальности
Русские	14 263	67,95	6 623	46,50
Поляки	1 507	7,03	1 205	79,89
Украинцы	1 158	5,52	661	57,08
Немцы	750	3,57	421	56,13
Белорусы	638	3,04	394	61,76
Евреи	479	2,28	196	40,92

В 1937–1938 гг. из 12 787 арестованных были расстреляны 10 093 (78,3%), т.е. каждые четверо из пяти осужденных. Это намного больше, чем где-либо в Советском Союзе. В отдельные месяцы число расстрелянных превышало более одной тысячи человек, а в декабре 1937 г. это число достигло почти 1 600 чел. Проявленную жестокость понять невозможно.

По социальному положению в числе реабилитированных 7 153 крестьян (36,16%), 5 407 служащих (27,38%), 5 006 рабочих (25,37%), 716 военнослужащих (3,63%) и т.д.

Высшее и незаконченное высшее образование имели 1 258 чел. (5,99%), среднее, среднее специальное и неполное среднее – 3 684 (17,55%), начальное – 14 360 (68,41%). Только у 1 688 чел. (8,04%) в анкетах было отмечено, что они неграмотные.

Самому молодому из репрессированных на момент ареста было 13 лет, а пятеро родились в первой половине XIX века, старшему из которых на момент ареста в 1933 г. было 90 лет (С.М. Сибиряков, 1843 г.р.).

Таким образом, рассмотрение проблемы реабилитации жертв политических репрессий периода советской власти показывает, что государство возвращалось к этой работе неоднократно, не имея четкой программы действий. Будучи не готовой к кардинальному решению вопроса, власть сама задавала темп этому процессу. Организация работы либо её прекращение (замедление) практически всегда зависели от субъективного фактора, что особенно ярко проявилось в начале 1960-х гг. Как в конце 1930-х, так и в середине 1950-х гг. реабилитация жертв массовых репрессий была организована таким образом, чтобы снять вину с руководства КПСС и государства, а в середине 1950-х – возложив ответственность на Сталина и отдельных «врагов», пробравшихся в органы НКВД–МГБ–МВД и организовавших массовые необоснованные репрессии против советского народа, приведшие к многочисленным жертвам. И только открытие архивов позволило вскрыть эту ложь.

Говоря о репрессиях и их масштабах, власть всегда уходила от указания не только точных, но даже приблизительных данных о числе репрессированных, об их категориях. Вне всякого сомнения, делалось это умышленно по

причине боязни негативной реакции со стороны населения по отношению к КПСС и многочисленному отряду номенклатуры, скрывавших правду от народа и непосредственно участвовавших в репрессиях. Была боязнь потери сторонников и в международном коммунистическом движении, о чем писал в своих мемуарах Н. Хрущев.

О плановой и организованной работе по реабилитации можно говорить только начиная с 1989 г. Определение этой работы в качестве одной из первоочередных задач для правоохранительных органов дало возможность организовать этот процесс планомерно с постоянным контролем и отчетами перед вышестоящими органами. Это, в свою очередь, позволило в достаточно короткий отрезок времени определить объемы предстоящей работы, категории и количество лиц, подлежащих реабилитации, и выработать механизм пересмотра дел. Одновременно с работой по пересмотру и реабилитации в субъектах страны была развернута работа по увековечению памяти жертв репрессий путем создания музеев и мемориальных уголков, установки памятников и мемориальных досок, признания официальными кладбищами мест захоронений, издания Книг Памяти. Работа по увековечению памяти жертв массовых репрессий проводилась органами власти и правоохранительными органами совместно с представителями общественности, историко-просветительским обществом «Мемориал» и средствами массовой информации.

Наибольшие объемы в работе по реабилитации жертв репрессий в 1990–2000-х гг. пришлось на органы внутренних дел, где были сосредоточены материалы на сосланных по национальному и религиозному признакам, на кулаков и членов их семей и др. Анализ работы органов МВД Западной Сибири показал, что они успешно решали и продолжают решать эту задачу, превышая все среднестатистические показатели аналогичной работы по России. Одновременно с пересмотром дел в органах УВД создаются автоматизированные банки данных на лиц, поставленных на учет, реабилитированных или признанных пострадавшими от репрессий, и т.п. Сотрудники информационных центров участвуют в разработке архивных фондов, поиске сведений и материалов для последующей передачи их в историко-просветительское общество «Мемориал» для возможного использования в работе с общественностью, для подготовки Книг Памяти жертв политических репрессий, тематических теле- и радиопередач, публикаций, научных исследований и т.п.

Однако, несмотря на высокую организацию работы по реабилитации лиц, находившихся на спецпоселении, наличие соглашений со странами ближнего зарубежья о взаимном признании официальных документов о реабилитации пострадавших или их детей, еще имеются нерешенные вопросы. Так, дети уроженцев Казахстана, родившиеся там в период нахождения на спецпоселении их родителей, но в настоящее время проживающие в России, не могут быть признаны пострадавшими от репрессий без решения суда. Проблема заключается в том, что в Казахстане (с недавних пор) им не дают справку, так как они не являются гражданами Казахстана, а у нас их не реабилитируют по причине их репрессирования не в России, а в Казахстане. По информации сотрудников УМВД, ранее та-



кая практика отсутствовала и все получали необходимые справки, но кто-то в Казахстане почему-то изменил устоявшуюся практику, сделав акцент на гражданстве ходатайствующего лица. Вопрос казался бы простой, но пока никто не смог (или не захотел) вернуться к ранее действовавшей системе рассмотрения обращений граждан по вопросам реабилитации.

Следует заметить, что сегодня ведется реабилитация только тех лиц, кто проходит по учетам ФСБ–МВД. Однако опыт Омской и Томской областей показывает, что значительный объем материалов по персоналиям хранится, например, в государственных архивах субъектов Российской Федерации. Вне всякого сомнения, подобные материалы могут храниться и в центрах документации Новейшей истории. Более того, следует учесть и то обстоятельство, что не все лица, дела на которых хранятся в фондах пересмотренных дел в управлениях ФСБ, прошли процесс официальной реабилитации. Например, в пятом томе Книги Памяти репрессированных жителей Томской области «Боль людская» (1-е издание) была приведена цифра о 20 656 реабилитированных, чьи данные были опубликованы в мартирологе<sup>1</sup>. Однако официально реабилитированными из них были только 18 814 чел., у части лиц в делах нет каких-либо официальных документов о признании их жертвами политических репрессий. В 2000-х годах прокуратурой Томской области были официально признаны реабилитированными еще 913 человек.

Совет по правам человека при Президенте Российской Федерации в марте 2011 г. (Президенту страны было передано 1 февраля в г. Екатеринбург) опубликовал предложения об учреждении общенациональной государственно-общественной программы «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении». Одной из основных целей программы было заявлено не обвинение тех, кто «творил геноцид, разрушение веры и морали», а увековечение памяти жертв режима и окончания Гражданской войны, развязанной в 1917 г. Конкретные шаги, согласно программе, должны были быть направлены на увековечение памяти жертв репрессий через установку памятников и обелисков, определение мест захоронений; рассекречивание архивов и доступ к ним исследователей; оказание конкретной помощи оставшимся в живых жертвам репрессий; создание Книг Памяти и Единой базы данных жертв тоталитарного режима и некоторые другие.

Несомненно, что предлагаемая программа предполагает приложение значительных усилий для её реализации. Потребуется не только материальные и финансовые затраты на претворение в жизнь тех предложений, которые были Советом по правам человека при Президенте России заявлены, необходимо, в первую очередь, оказаться самому обществу быть готовым воспринять предлагаемое, т.е. уместно вести речь о переоценке многих укоренившихся в сознании миллионов людей институтов и норм. В этих условиях главенствующими становятся задачи и проблемы морально-нравственного характера – готово ли наше общество сегодня к очередной переоценке своей истории

---

<sup>1</sup> Боль людская... 1999. Т. 5. С. 8.

XX столетия. Скорее всего, не готово, но двигаться по предлагаемому программой пути все-таки надо.

В октябре 2019 года Центром изучения исторической памяти Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова совместно с Управлением МВД России и Госархивом Томской области начат проект «Сибирские спеццы», главная цель которого назвать, по возможности, всех, кто был насильно переселен в Томскую обл., попав в «жернова репрессий» по национальному, религиозному, социальному и иным признакам. Итогом работы по проекту является создание Книги памяти наших соотечественников, бесосновательно подвергшихся ссылке и высылке.

Выход такой Книги (возможен электронный вариант) позволит тем, кто не знает куда и как обратиться для получения необходимой информации о своих репрессированных родных и близких. Во-вторых, получить более полную картину о принципах распределения потоков спецпереселенцев по районам области, исходя из национальной принадлежности, вероисповедания, социального положения с учетом событий тех лет и проводимой в стране политики. В-третьих, внести ясность в вопрос о численности спецпереселенцев, сосланных в Томскую обл., т.к. на протяжении ряда лет в СМИ и работах отдельных исследователей темы называются, на наш взгляд завышенные, не соответствующие действительности, цифры.

Число жертв репрессий в стране обычно определялось путем механического суммирования разных категорий, подвергшихся репрессиям в ходе кампаний по раскулачиванию, преследования политических оппонентов большевиков, «социально чуждых» – бывших офицеров, духовенства и сектантов, «старых специалистов», «шпионов», «диверсантов», «вредителей», «террористов» и пр. периода «Большого террора», изменников Родины, коллаборационистов, членов националистического бандподполья, депортированных народов и др. Результаты подобных подсчетов, сопровождаемые вбрасыванием разного рода «сенсационных» сведений, возможно и с какими-то конкретными политическими целями, подвергали сомнению официальные данные, не способствовали установлению истины.

Однако, работа с архивными делами позволила выявить наличие, как минимум, двойного учета отдельных лиц. Так, например, часть дел (на одних и тех же) членов семей изменников Родины (ЧСИР) периода Великой Отечественной войны хранилась не только в ИЦ УВД, но и в архиве Управления ФСБ, данные о которых уже опубликованы в Книге памяти репрессированных жителей Томской области «Боль людская». Часть спецпереселенцев (в отдельных случаях сотни и тысячи человек) переводились в другие субъекты, где на них заводились новые дела, при этом старые продолжали храниться в архиве ИЦ УВД. Такая ситуация, вне всякого сомнения, характерна и для других архивов ИЦ УВД других субъектов.

В-четвертых, будет восстановлена социальная справедливость в отношении лиц, подвергшихся репрессии в виде ссылки и депортации в силу целей и замыслов руководства СССР, путем опубликования их имен.

В настоящее время в результате обработки дел в ИЦ УВД и Госархиве Томской области на сайте музея «Следственная тюрьма НКВД» выложено 2200 страниц текста, содержащего 21 584 биограммы, названы имена более 63 тыс. человек членов этих фамилий – дети, родители, братья, сестры и иные родственники, оказавшиеся в ссылке.

Ведущаяся параллельно электронная обработка выявленных материалов позволяет, например, проводить научные исследования. Так, уже на данном этапе выявлены представители 60 национальностей, ставших «невольными жителями нашей области». По «Характеру обвинения» выявлено также более 60 формулировок. Здесь кулаки и члены их семей, выселенцы (немцы, калмыки, латыши, эстонцы, турки, ассирийцы и др.) и члены их семей, участники антисоветских организаций и партий, националисты и бандпособники, сектанты, ЧСИРы (полицейские, старосты и пр., сотрудничавшие с фашистами на оккупированных территориях с семьями – учителя, работавшие в школах, медработники, оказывавшие помощь населению и те, кто работал с одной целью – прокормить семью). Есть и такие формулировки – «немецкий агент», «жаратель», «власовец», «полицай» и др. Судя по таким формулировкам, они должны были понести более суровое наказание, но были направлены в ссылку.

Особый интерес представляет хранящаяся в делах переписка (письма руководителям страны, в органы власти, различного рода заявления и т.п.), что позволяет получить информацию, освещающую обстановку в стране, регионе, какой-либо социальной группе и т.д.

Следует заметить что опыт работы с архивными делами показал, что цели проекта определены правильно. Выявлены новые, ранее неизвестные документы, которые привлекут внимание профессиональных историков, юристов, политологов, краеведов, всех, кому небезразлична история России и своей Малой родины. Например, выявлено дело агронома В.И. Гвоздева, создателя первого в северных районах страны, действующего и поныне Бакчарского плодоягодного питомника, содержащее подлинные документы, заслуживающие общественного внимания. Среди отбывавших ссылку были: Н.А. Клюев, считавшийся «духовным отцом» поэта С. Есенина, член ЦК партии эсеров Д.Д. Донской, сделавший многое для налаживания системы здравоохранения в северных районах области, деятели науки и культуры, члены семей руководителей властных структур ряда стран Европы, спецпереселенцы, в том числе и женщины, удостоенные государственных наград за боевые заслуги и достижения в труде в годы Великой Отечественной войны и др.

Несомненно, что реализация проекта позволит уточнить и конкретизировать ранее проведенные исследования, расширить горизонты дальнейшего изучения темы судеб тысяч спецпереселенцев, ставших по воле государства «невольными сибиряками».

Позиция и озабоченность создателей государственной программы по увековечению памяти жертв репрессий заключается в том, что для завершения работы по реабилитации предстоит еще многое сделать.

По данным В.Н. Земскова, к 2000 году была практически завершена работа по реабилитации лиц, осужденных по политическим мотивам, материалы на которых хранились в архивах органов ФСБ. Так, из почти 3 млн 854 тыс. человек (по персонифицированному учету ФСБ России) к началу 2000 года были реабилитированы 2 млн 483 тыс. человек (63,3), а не были реабилитированы около 1 млн 416 тыс. человек (см. табл. 52).

Таблица 52

Результаты реабилитации в 1953 – 1999 годах

Годы	Реабилитировано (чел./%)		Остались нерабilitированными (чел./%)	
	Чел.	%	Чел.	%
1953-1961	737 182	19,1	3 116 718	80,9
1962-1986	157 055	4,1	2 959 663	76,8
1987-1990	1 043 750	27,1	1 915 913	49,7
1991-1999	500 013	13,0	1 415 900	36,7
К началу 2000 г.	2 438 000	63,3	1 415 900	36,7

В числе последних были преимущественно лица, изменившие Родине в годы Великой Отечественной войны, воевавшие на стороне Германии и ее союзников или сотрудничавшие с оккупационными властями. Еще ряду лиц, проходившим по делам с политической окраской, органами прокуратуры изменили состав преступления с 58-й статьи УК на иные, связанные с преступлениями уголовного характера. По действовавшим Законам СССР, а затем и России, реабилитации они не подлежат<sup>1</sup>.

Однако еще остаются те, кто был репрессирован по уголовным статьям или решениям органов власти (по постановлениям, указам и т.п.), но эти репрессии были вызваны политическими решениями и действиями со стороны руководства страны. Реабилитация их должна состояться. Для этого, например, необходимо решить вопрос о создании в стране каких-либо специальных рабочих органов с привлечением сотрудников архивных подразделений (для отбора материалов) и правоохранительных органов, в частности, прокуратуры, для пересмотра материалов и дел, хранящихся в государственных и ведомственных архивах. Но организация этой работы должна проводиться при обязательной поддержке органами власти. Завершить эту работу – значит никого из тех, кто попал в жернова репрессий, не забыть и не потерять. Пусть хотя бы в этом справедливость восторжествует.

Завершая тему реабилитации жертв политических репрессий, считаю своим долгом назвать имена сотрудников правоохранительных органов Западной Сибири, внесших немалый вклад в дело восстановления справедливости в отношении безвинных жертв массового террора в СССР. Это сотрудники Управлений органов госбезопасности: в Томске – А.В. Анопченко, Ю.А. Бычков, В.В. Волков, А.В. Машков, Г.Н. Паньков, Г.Н. Перемитин, Ю.А. Петрухин, В.А. Соболев,

<sup>1</sup> <https://politpros.com/jornal/read> – обращение 18.01.2023 г.

Л.В. Цыганкова, С.В. Черепанов, В.П. Шороховецкий; в Республике Алтай – О.Н. Борозовская, Т.А. Бурак; в Омске – Г.Н. Ичетовкин, В.М. Суптело (информация о сотрудниках УФСБ по Новосибирской и Кемеровской областям не была представлена).

Сотрудники органов МВД России: в Барнауле – Е.М. Басаргина, Н.Н. Кудряшов, А.А. Лаас, О.В. Пермякова, Е.Н. Харина, В.П. Чернов; в Новосибирске – Н.М. Артеменко, Н.П. Голубева, Т.Г. Игнатьева, А.А. Литвинов, Т.Г. Орехова, Е.А. Рузанова, Т.В. Солдатова, Н.А. Тупицына, В.А. Цегельникова, Г.П. Шляпина; в Кемерове – С.М. Дмитриев, Е.П. Здвижкова, Е.Н. Ручинская, О.А. Юдина; в Томске – Н.Р. Ахметшин, Е.В. Мерзлякова, В.К. Мерзлякова, В.А. Мурзин, И.И. Рупаков, М.Н. Фёдорова; в Омске – Л.Д. Базарова, А.В. Коновалова, О.Г. Крокос, И.А. Матвеев, Н.П. Покидов, Н.П. Прокопьева; в Республике Алтай – Г.В. Кудрявцева.

Сотрудники прокуратуры: в Томске – Е.А. Богачёва, В.Д. Бушманов, А.К. Волков, Г.Ф. Гуштенина, А.В. Ермолаев, Н.Г. Исаева, Х.У. Пономарёв, М.П. Рахлевский, Н.В. Самушева, С.Ф. Юрченко; в Республике Алтай – В.Н. Новиков, Г.Я. Тинина.

Сотрудники военной прокуратуры СибВО – полковник юстиции В.П. Слученко, подполковники юстиции А.В. Воевода и В.В. Жданов.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вся история советского государства пронизана непримиримостью ко всякому инакомыслию, отличавшемуся от официальной доктрины. Его искоренение осуществлялось всеми возможными способами. В первые годы советской власти – преимущественно путем физического устранения, в 1930–1950-е гг. – через «перевоспитание» и «перековку» в исправительно-трудовых лагерях и колониях, в 1960–1970-е гг. – путем применения ст. 70 и 190-1 УК РСФСР, позволявших преследовать недовольных советским строем за «антисоветчину» и «распространение клеветнических измышлений», порочивших самое передовое в мире государство. В 1980-е гг. борьба с инакомыслящими чаще всего проводилась через профилактические беседы в органах КГБ и Прокуратуры СССР с вынесением официальных предостережений о привлечении к уголовной ответственности по вышеуказанным статьям УК в случае повторения «незаконных» действий.

Были и более «гуманные» способы борьбы с инакомыслием, выражавшиеся в высылке неугодных за пределы советского государства – иногда целыми пароходами, но преимущественно поодиночке. Другим способом было принудительное лечение в психиатрических лечебных заведениях.

Октябрь 1917 г. действительно стал «великим» по причине того, что его последствия привели к социальному катаклизму мирового масштаба, на долгие годы обусловив противостояние и противоборство двух систем – капиталистической и социалистической. Для России одним из его результатов стало развязывание гражданской братоубийственной войны, а другим – дальнейшее расслоение общества не только по социальному и имущественному признакам, но и по политической ориентации.

В условиях разрушения экономической системы страны и открытого саботажа со стороны государственного аппарата прежнего режима большевики, опираясь на постулаты марксизма о необходимости защиты завоеваний революции вооруженным путем и необходимости подавления свергнутых противников, приступили к их претворению в жизнь. Однако и проигравшая сторона не собиралась без боя сдавать свои позиции, надеясь на реванш.

Уже по истечении нескольких месяцев после Октябрьского переворота победители вынуждены были вернуть в качестве средства борьбы с «бывшими» смертную казнь. В первую очередь к числу потенциальных жертв были отнесены офицерские кадры – те, кто мог, обладая знаниями и опытом, организовать и повести за собой на борьбу с большевиками всех недовольных режимом.

Многочисленные акции и кампании со стороны большевиков в отношении бывших офицеров преследовали цель установления полного контроля за их жизнью и поведением. По этой причине регулярно «вскрывались» среди них разного

рода «заговоры» и «контрреволюционные» организации, что автоматически вело к развертыванию очередного витка репрессий. Например, «Белогвардейский заговор» – «контрреволюционная» организация, не имевшая аналогов в других регионах страны, был полностью сфальсифицирован сотрудниками ОГПУ Запсибкрая. Для доказательства «преступной» деятельности членов организации активно использовались подтасовка фактов, незаконные методы ведения следствия, секретная агентура. В годы «Большого террора» тысячи офицеров, осевших на жительство в Западной Сибири, были репрессированы по вымышленному делу РОВСа. Таким образом, бывшие офицеры не выпадали из поля зрения сотрудников ОГПУ–НКВД на протяжении всего предвоенного периода, так как власть продолжала видеть в них потенциальную опасность.

Другой социальной группой, от которой, по мнению большевиков, могла исходить угроза большевистскому режиму, были «старые» специалисты. Саботаж чиновников в первые месяцы советской власти показал, что новый режим не способен управлять огромной страной в создавшихся условиях. Подавив сопротивление бывшего управленческого аппарата, большевики были вынуждены использовать его сотрудников на своей службе, одновременно окружая их целым сонмом разного рода уполномоченных и комиссаров. Любой акт неприятия специалистами решений новой власти мог повлечь однозначную оценку их действий как контрреволюционных. Однако наличие на службе прежних специалистов давало местным советским аппаратчикам, да и самому государству возможность списывать на них либо на принимавшиеся ими решения и действия все провалы и ошибки в хозяйственной жизни страны. В целях «подтверждения» их враждебного отношения к советской власти и контрреволюционности на рубеже 1920–1930-х гг. в стране был срежиссирован и проведен целый ряд показательных процессов над «старыми» специалистами. Кроме того, государство постоянно использовало для контроля над «старыми специалистами» систему регулярно проводимых «чисток», в ходе которых «спецы» могли подвергаться прямым унижениям и преследованиям за свое прошлое и принадлежность к «бывшим».

Одновременно с этим власть изредка брала старых специалистов под свою «защиту», требуя внимательного и заботливого отношения к ним со стороны местного партийно-советского руководства и актива, представителей рабочего класса. Политика «двойных стандартов» нужна была большевикам, в частности, для выигрыша времени, необходимого для восстановления разрушенной войнами экономики страны и для подготовки собственного аппарата управленцев и новых инженерно-технических кадров. Результатом проводимой в отношении «старых» специалистов политики стало практическое их удаление и вытеснение со всех ведущих постов и уровней управления к началу второй половины 1930-х гг. Тем не менее в 1937–1938 гг. многие из них вновь «попали в поле зрения» органов НКВД, пройдя через жернова репрессий в качестве всевозможных «вредителей» и «диверсантов».

Не были оставлены без внимания представители духовенства и сектанты. Большевики прекрасно понимали, что невозможно одномоментно оторвать человека от веры, от того, что на протяжении поколений являлось стержнем и сутью

его мировоззрения и убеждений. Если в случаях с офицерским корпусом и буржуазной интеллигенцией большевики «покушались» на устои и принципы жизнедеятельности социальных групп, то в данном случае ими велась борьба с основами мировоззрения всего населения страны и теми, кто проводил их в жизнь. В условиях коренной ломки всех институтов общества развал этой системы ценностей находился в числе первоочередных. Без победы над названным «врагом» большевики не могли рассчитывать на успех и претворение в реалии многих своих планов, призывов и лозунгов, в привлечении масс на свою сторону. С учетом этого и строилась работа по уничтожению духовных основ общества – от раскола церкви на отдельные направления до физического устранения духовенства и разрушения храмов, мечетей, церквей и иных молитвенных объектов. Для реализации задуманного в масштабах страны была задействована и реализована целая программа по уничтожению основ веры у населения. Этот механизм уничтожения активно действовал и на территории краев и областей Западной Сибири на протяжении четверти века после Октября 1917 г.

Борьба большевиков распространялась не только на разрушение официальных религиозных верований и течений, но и на сектантство. Секты были при любых режимах, так как всегда находились несогласные с официальными институтами веры. Поэтому во все времена сектанты активно преследовались органами власти, равно как и церковью. Большевики только продолжили начатые задолго до них репрессии против сектантов. В данном случае срабатывали два момента – естественное неприятие сектантства, присущее многим едва ли не на бессознательном уровне, и целенаправленная кампания государства по их уничтожению. Следует учитывать, что если официальная церковь боролась с отступниками от веры, то большевики боролись с «соперниками», которые могли «украсть» у них часть паствы и увлечь ее за собой.

На протяжении всего рассматриваемого периода ежегодное число страдальцев за веру неукоснительно росло, достигнув апогея в 1937–1938 гг. Только в Алтайском крае, в Новосибирской, Омской и Томской областях в эти десятилетия были репрессированы более 1 700 священнослужителей и представителей церковного актива, многих расстреляли. Однако даже проведение целенаправленной антирелигиозной политики не позволило большевикам коренным образом переломить ситуацию. Значительная часть населения, пусть и тайно, продолжала верить в Бога, выполнять религиозные обряды и отмечать церковные праздники.

В борьбе за сохранение своей власти большевики устраняли от активной деятельности и своих бывших соратников по борьбе с самодержавием, прежде всего эсеров, которые имели значительное влияние в крестьянской среде.

Практически все политические партии и движения были лишены возможности даже информировать население о своей конкретной деятельности, планах и намерениях, о своей позиции и несогласии с политикой большевиков через печать, так как были закрыты все их печатные издания. Были также организованы кампании по дискредитации антибольшевистских партий и движений, в том числе и по эсерам в 1922 г., что позволило начать постепенное их вытеснение из кооперации, профсоюзов и местных органов власти. Для достижения этой цели в организациях и учреждениях создавались специальные структуры – «бюро содействия», целью



которых был сбор информации в отношении меньшевиков и эсеров, организация учета и контроля за их деятельностью, выявление круга связей и т.п., а главное – недопущение объединения их усилий в борьбе с правящим режимом. Многие из представителей небольшевистских партий были направлены в ссылку, в том числе в Нарымский край, где органы ОГПУ продолжили работу по дальнейшему разложению и дискредитации этих партий. Для достижения поставленных целей активно использовалась агентура из числа самих «оппонентов», что позволяло осуществлять перекрестную проверку получаемой органами информации и проводить конкретные упреждающие мероприятия по пресечению каких-либо «антисоветских» действий со стороны отбывавших ссылку контингентов. При этом власть старалась использовать опыт и знания отдельных ссыльных специалистов для реализации на практике народнохозяйственных задач и разрешения конкретных вопросов. Но даже честное и добросовестное исполнение ими своих обязанностей на благо общества и государства, без какой-либо политической подоплеки, не убергло их от попадания в «жерна» репрессий в годы «Большого террора».

Несмотря на то, что к середине 1920-х гг. деятельность этих политических оппонентов большевиков была полностью парализована, а практическая партийная работа прекращена, во второй половине 1930-х гг. в соответствии с инструкциями «сверху» «выяснилось», что политические оппоненты вновь стали «активно заниматься антисоветской подрывной деятельностью». По этой «причине» преследования их продолжались, о чем может свидетельствовать издание в 1937–1938 гг. приказов НКВД, направленных на организацию работы по их дальнейшему разоблачению как «врагов народа». Вновь пересматривались архивные материалы, отработывались бывшие связи и контакты, передпрашивались сами «оппоненты». И каждая новая фамилия, полученная в ходе этой рутинной работы, удлиняла цепочку «преступных» связей, приводя к вскрытию новых замаскированных «контрреволюционных» организаций. В результате дополнительно было «выявлено» несколько сотен, в том числе достаточно крупных организаций, хотя в некоторых из них бывшие политические оппоненты исчислялись единицами. Нет ни одного субъекта в Западной Сибири, где не было бы ликвидировано по несколько таких организаций и групп.

Командные чрезвычайные методы управления государством, избранные большевистским руководством страны в качестве основных, заставляли всю страну жить в рамках жесточайшей дисциплины и чрезмерной требовательности, когда какое-либо отступление от общеустановленных норм и правил приравнивалось к преступлению антигосударственной направленности. Постоянный перенос, в частности в 1920-е гг., методов и форм управления, характерных для периода Гражданской войны, на мирную жизнь привел к порождению многочисленных перегибов в управлении страной в целом и на местах в частности. Одним из таких порождений стало явление, получившее широкое распространение в Сибири под названием «красный бандитизм», когда часть членов РКП(б), преимущественно из числа руководителей низшего звена управления, сотрудников уездных политбюро и милиции самостоятельно вершили судьбы граждан по своему усмотрению, в том числе допуская физическое уни-

чтожение всех членов их семей. Чаще всего эти действия были вызваны несогласием с действиями государства по отношению к этим лицам, например амнистирование за прошлые «грехи» и т.п.

Большевистское руководство страны для сохранения установленного в стране режима использовало все имевшиеся в его распоряжении институты власти, в первую очередь правоохранные. Особое место отводилось пенитенциарной системе. В первые годы советской власти, когда страна была наводнена многочисленными бандами из профессиональных преступников и примкнувших к ним «обиженных царизмом», да и новой властью, грабившими, насилующими и убивавшими мирное население, в области пенитенциарной политики возобладала идея постепенного отмирания преступности как социального явления через систему перевоспитания отдельных нарушителей закона. Применение репрессий предполагалось только к явным врагам и противникам, преимущественно из числа «бывших».

Однако уже через несколько лет советское государство стало использовать пенитенциарную систему как важнейший механизм в борьбе со всеми «противниками» режима – «бывшими», политическими оппонентами из числа представителей партий и движений, с которыми еще в недавнем прошлом совместно боролись с царизмом. Но в числе контингентов системы особое место стало отводиться и тем, кого государство относило к «социально близким», кого по каким-либо причинам не устраивали советская власть и проводимая ею политика. Чаще всего это было крестьянство, так как власть активно нарушала нормы и правила в ходе проведения хлебозаготовительных и иных подобных кампаний. Для выкачки хлеба в Западную Сибирь были направлены тысячи продармейцев, которые выполняли поставленную перед ними задачу, несмотря ни на какие обстоятельства и условия, обычно чиня произвол и беззаконие. Неумелая организация этой работы со стороны представителей советских органов на фоне допускаемых правонарушений вызывала протест со стороны крестьянского населения, в том числе и в форме организованного сопротивления в виде вооруженных восстаний, как это неоднократно случалось в начале 1920-х гг. на Алтае и в Томской губернии. Порой в таких восстаниях принимали участие десятки тысяч крестьян. Самым массовым стало Западно-Сибирское восстание. Для подавления этих «мятежей» власть вынуждена была привлекать не только вооруженные отряды партийно-советского актива, милиции и ЧК, но и кадровые подразделения Красной армии с бронепоездами и артиллерией. Подавление восстаний обычно сопровождалось проявлениями жестокости и насилия по отношению к их участникам.

В 1930-е гг. проведение политики коллективизации и раскулачивания привело к очередному наступлению на крестьянство, сопровождавшемуся массовой ссылкой миллионов сельских жителей в отдаленные малообжитые районы. Результатом такой политики явилось уничтожение наиболее сильных крестьянских хозяйств, дававших основную часть хлеба и продовольствия стране, что привело к серьезному подрыву и разрушению сельского хозяйства. В этой борьбе с «врагами» власть в лице своих представителей допускала многочисленные нарушения, перегибы и злоупотребления. Подобные действия также способствовали взрыву народного

негодования и протеста в форме «волынок», «бабьих бунтов», прямого неподчинения и активного сопротивления. Последнее проявлялось в форме актов вредительства, порчи техники и инвентаря, поджогов имущества, в убийствах представителей сельского и партийного актива и в открытых вооруженных выступлениях, как это было в Чаинском, Чумаковском и других районах Западной Сибири. Другим проявлением протеста становились многочисленные случаи бегства спецпереселенцев с мест их расселения. Число бежавших с мест поселения в Западной Сибири исчислялось десятками тысяч человек. Только в 1934–1935 гг. в Западной Сибири числились в бегах 47 992 чел., т.е. каждый третий бежавший в стране. Тысячи из них погибли в тайге и болотах, пытаясь вырваться на свободу.

Изоляция неугодных режиму лиц дорого обходилась стране, средств на содержание, питание, обслуживание, охрану, а главное – на заявленное перевоспитание в условиях тяжелой экономической ситуации катастрофически не хватало. Начатая индустриализация требовала привлечения миллионов рабочих рук, найти которые естественным образом оказалось невозможно. Выход был найден через использование контингентов исправительно-трудовых учреждений пенитенциарной системы. Более того, для регулярного пополнения «трудовых резервов» на рубеже 1930-х гг. произошло ужесточение карательных мер, увеличились сроки наказания, а осужденных, включая огромную массу переселяемых крестьян, все чаще стали привлекать для колонизации отдаленных необжитых, но перспективных в экономическом плане районов страны через систему ГУЛАГа.

В соответствии с планами экономического развития Западная Сибирь должна была превратиться в крупнейший промышленный центр на востоке страны, предполагавший развитие целого ряда отраслей промышленности: металлургической, химической, машиностроительной и др. Развитие транспортной инфраструктуры посредством строительства системы железных и автомобильных дорог должно было обеспечить решение комплекса задач, поставленных руководством страны. В их числе значилось обеспечение сырьем не только строившихся фабрик и заводов в Западной Сибири, но и других регионов страны, в частности путем значительного увеличения объемов лесозаготовок и добычи угля, разработки рудных месторождений. Так, в Кузбассе строились десятки новых угольных шахт, добываемый на которых уголь должен был в первую очередь удовлетворить потребности промышленных объектов Урала. Планировалось строительство ряда гидро- и теплоэлектростанций.

Реализация этих планов была невозможна без привлечения значительных трудовых ресурсов, которыми регион не располагал, в связи с чем требовалось перемещение в Западную Сибирь сотен тысяч человек из европейской части страны. Организация государством добровольного переезда для освоения труднодоступных и малообжитых мест не могла дать желаемого результата. Поэтому колонизация новых земель решалась путем насильственного перемещения части населения, в том числе за счет раскулачивания зажиточного крестьянства, когда в Западно-Сибирский регион были высланы сотни тысяч крестьянских семей. На 1 июля 1941 г. в Алтайском крае, в Новосибирской и Омской областях только в трудпоселках продолжали проживать почти 210 тыс. спецпереселенцев, или

57 тыс. семей. Именно руками этих крестьян «филиал» ГУЛАГа Сиблаг решал вопросы прокладки новых транспортных магистралей, строительства фабрик, заводов, рудников, шахт, заготовки и переработки леса, необходимого на строящихся объектах экономики, развития сельского хозяйства. Перемещение контингентов новых поселенцев привело к кратному увеличению населения Западной Сибири.

Сотни тысяч заключенных и спецпереселенцев-«кулаков» подвергались нещадной эксплуатации. На них распространялись большие по продолжительности рабочий день и нормы выработки, меньшие затраты на содержание (уменьшенные нормы питания, минимальные обустроенные условия проживания, медицинское и культурно-досуговое обслуживание и т.п.). Поставленные в нечеловеческие условия, они вынуждены были подчиняться установленному режиму, часто обреченные на медленную мучительную смерть. Смертность среди спецпереселенцев достигала невиданных размеров, исчисляясь десятками тысяч, преимущественно стариков, женщин и детей. Но места выбывших быстро замещались новыми контингентами. Причем резкое увеличение числа заключенных в 1930-е гг. привело к тому, что в 1941 г. был достигнут наивысший их уровень за все XX столетие. Будучи помещенными в тяжелейшие условия, многие из них погибли. Тем не менее своим трудом они внесли существенный вклад в экономическое развитие региона.

По мере своего развития пенитенциарная система превратилась в мощную экономическую составляющую народнохозяйственного механизма, в «государство в государстве», решая важнейшие задачи по обустройству и развитию целых регионов страны. Но не имея возможности решать возникавшие в обществе проблемы экономическими рычагами и снимать возникавшее социальное напряжение, партийно-советское руководство страны пошло на перестройку пенитенциарной системы, используя её в качестве незаменимого механизма подавления всякого инакомыслия и возможности активного сопротивления режиму путем «перевоспитания» миллионов тех, кого большевики посчитали своими «врагами», через изоляторы, тюрьмы, колонии и лагеря.

Наряду с политической, Западная Сибирь стала и местом ссылки уголовной, что не могло не придавать региону особенного положения, заметно влияя на многие происходившие события. Незрелость пенитенциарной системы, возобладание заблуждений и тенденций по вопросам борьбы с преступностью и «перековке» преступных элементов на фоне сложной экономической и социальной ситуации в регионе привели к ухудшению криминогенной обстановки. В силу названных и ряда иных причин Сибирь во второй половине 1920-х гг. неоднократно объявлялась «неблагополучной по бандитизму».

Концентрация в регионе многотысячной армии «врагов» позволяла органам власти на местах списывать на них и их происки многие из собственных недочетов и провалов в планировании и практической деятельности.

Некое «прозрение» от результатов политики массового террора у большевиков пришло только во второй половине 1938 г., когда начали было исправлять «ошибки», допущенные «врагами», пробравшимися в органы НКВД. В конце

1938 – 1940-х гг. была организована кампания по пересмотру дел на незаконно осужденных граждан и их освобождению из мест заключения. Скорее всего, эти действия носили умышленный характер, так как цели кампании по уничтожению истинных и мнимых врагов и оппонентов Сталина были достигнуты, и можно было избавиться от очередных одиозных и рьяных исполнителей его воли. Аресту подверглись более трех тысяч сотрудников НКВД. В Западной Сибири были арестованы и осуждены несколько десятков человек, преимущественно из числа руководящего состава, хотя масштабы репрессий в регионе, особенно в 1937 г., превосходили все допустимые пределы и были самыми массовыми в СССР. Своими решениями «вождь народов» снял с себя всю ответственность за совершенные деяния, попутно обелив и свое ближайшее окружение.

Результатом этой кампании, получившей название «Бериевской оттепели», стало освобождение нескольких десятков тысяч осужденных, хотя аресты в это же самое время продолжались по всей стране, имея тенденцию постоянного их увеличения. В Западной Сибири освобожденные исчислялись лишь единицами.

Реальная реабилитация жертв необоснованных политических репрессий началась только в середине 1950-х гг. Пересмотру подверглись тысячи уголовных дел, и честное имя было возвращено сотням тысяч незаконно репрессированных. На территории пяти субъектов Западной Сибири (Республики Алтай, Алтайского края, Кемеровской, Новосибирской и Томской областей) в период с 1954 по 1960 г. были реабилитированы более 80 тыс. чел., что составило 53,7% от общего числа реабилитированных в регионе за весь период до настоящего времени. Однако по мере «продвижения к коммунизму» вопросы реабилитации стали постепенно отодвигаться на задний план и в 1970-е гг. эта работа практически прекратилась. Идеологический аппарат КПСС сделал все для постепенного её свертывания и замалчивания мрачных страниц нашей истории. Потребовались долгие годы ожидания и кардинальные изменения в общественно-политическом устройстве страны, смена приоритетов и ценностей, чтобы общество вновь вспомнило о судьбах миллионов безвинно пострадавших соотечественников. Только привлечение значительных усилий, в первую очередь общественности, реанимировало работу по пересмотру дел незаконно осужденных в годы массовых репрессий. Государственными органами в 1988–1989 гг. был принят ряд документов, определивших комплекс мероприятий и порядок организации этой работы.

В результате был придан новый импульс пересмотру архивно-следственных дел, что позволило в короткий промежуток времени пересмотреть десятки тысяч новых дел. В Западной Сибири только в пяти названных субъектах в одном только 1989 г. было реабилитировано более 21 тыс. чел., а к 2001 г. число реабилитированных выросло до 50 тыс. Открытие архивов органов КГБ позволило установить судьбы многих россиян, составлявших гордость страны, обнаружить хранившиеся в архивах казалось бы навсегда утраченные исторические реликвии. Ознакомление с делами привело к информационному «взрыву» в виде тысяч книг, брошюр, отдельных рассказов и очерков, посвященных теме репрессий, вскрытию механизма их проявления, причин и последствий. Были обнародованы имена тех, кто должен был нести ответственность за содеянное, кто активно про-

водил кампанию террора против собственного народа в Центре и на местах. Благодаря совместным действиям сотрудников органов госбезопасности, членов ИПО «Мемориал» и иных общественных организаций были выявлены многие места захоронений жертв репрессий, что позволило установить сотни памятников, обелисков и мемориальных досок в качестве символов увековечения памяти жертв репрессий.

Другим символом увековечения памяти незаконно репрессированных стало издание Книг Памяти, инициаторами выпуска которых стали сотрудники Томского управления КГБ СССР. В 2023 г. исполняется более 30 лет со дня выхода первой официально изданной в нашей стране Книги Памяти жертв репрессий «Боль людская». У сотрудников, кто взялся в Томском управлении КГБ за организацию этой работы, никогда не возникало мысли, что делается она с целью «отмывания грязных пятен с мундира». Абсолютное большинство служивших в эти годы в органах госбезопасности знало о массовых репрессиях в советской истории не более того, что знали обычные рядовые граждане. Более того, никто из них не имел никакого отношения к событиям такого еще недавнего страшного прошлого. Деятельность по реабилитации жертв массовых репрессий, а затем и над подготовкой материалов к изданию мартиролога, воспринималась не как рутинная работа с формальным подходом и отношением, а как исполнение гражданского долга и обязанности по отношению к невинно пострадавшим в годы репрессий, к их родным и близким, кому долгие годы приходилось «отвечать» своей жизнью, часто сломанной судьбой и несбывшимися мечтами и надеждами за несуществовавшие грехи репрессированных родственников.

Возможно, впервые решение о разворачивании такой работы в масштабах страны принималось без согласования с уже не партийным, но все еще советским руководством страны – не по указанию «сверху», а по совести. Говорю об этом как непосредственный свидетель всего происходившего при решении этого вопроса.

Книги содержат не только установочные данные на репрессированных, но и информационно-справочные материалы и конкретные документы, позволяющие любому человеку, кто возьмет их в свои руки, понять многое из того, что происходило в те далекие годы, ощутить атмосферу тех дней. Сегодня Книги Памяти выпущены в десятках субъектов Российской Федерации, во многих работа близка к завершению.

Немногим позднее к работе по реабилитации подключились и территориальные органы МВД. Объем их работы был несоизмеримо большим, как и мера ответственности. В целом сотрудники правоохранительных органов выполнили поставленные перед ними задачи по реабилитации жертв массовых репрессий и увековечению их памяти, подготовив и выдав заявителям миллионы справок о реабилитации, признании пострадавшими от репрессий, об имущественном положении и составе семей, а также другие документы и материалы.

Организация работы по реабилитации жертв массовых репрессий на протяжении всего периода ее проведения носила циклический характер. Сегодня уже явно просматривается тенденция падения «интереса» к ней. Погружение страны в череду очередных экономических и политических перемен и событий привело

к утрате актуальности темы репрессий. Хотя еще далеко не все жертвы советской репрессивной политики выявлены. В государственных архивах страны имеются фонды, где хранятся дела на еще не реабилитированных наших соотечественников.

Таким образом, на протяжении всего периода советской истории партийно-советским руководством страны велась борьба с «врагами народа», подавляющее большинство из которых таковыми на самом деле не являлись. Наряду с постоянным тиражированием и внедрением в сознание людей тезиса об обострении классовой борьбы часто политическая окраска придавалась в силу классовой их оценки и уголовным и хозяйственным преступлениям. Людей необоснованно наказывали за хозяйственные просчеты и ошибки. Среди пострадавших – значительное число председателей колхозов, директоров совхозов, агрономы, представители инженерно-технического корпуса, бригадиры, мастера и др., многих из которых обвиняли в умышленном вредительстве, что автоматически переводило их в категорию политических противников режима.

С этой целью в стране была создана и постоянно совершенствовалась система карательных органов, под неусыпным контролем и вниманием которой находились все сферы жизни общества... Постоянные призывы к усилению бдительности, поиску вредителей и врагов, мешавших советским людям строить «светлое будущее», в сочетании с социалистическими принципами учета и контроля, постоянной отчетности и т.п. привели к искаженному восприятию. В угоду исполнению воли вождя с целью реализации директив и указаний партии выросшая армия идеологически «зомбированных» членов общества была готова верить во все сказанное «чутким и заботливым руководством страны во главе с вождем народов И. Сталиным» и слепо исполнять их приказы. Более того, сформированная на рубеже 1920–1930-х гг. командно-бюрократическая система позволяла реализовывать на практике все установки партийно-советского руководства страны на принципах строгой партийной дисциплины. В этих условиях целенаправленная кампания по уничтожению всех истинных и мнимых противников государства и личных оппонентов Сталина привела только в довоенные годы к миллионам необоснованных жертв.

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)  
ВМН – высшая мера наказания  
ВНУС – внутренняя служба  
ВОХР – военизированная охрана  
врид – временно исполняющий должность  
ВСНХ – Высший Совет народного хозяйства  
ВТ – военный трибунал  
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет  
ВЦСПС – Всероссийский центральный Совет профессиональных союзов  
ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия  
г. – город  
г – грамм  
га – гектар  
ГАНО – Государственный архив Новосибирской области  
ГАОО – Государственный архив Омской области  
ГАТО – Государственный архив Томской области  
губ. – губерния  
ГУГБ – Главное управление государственной безопасности  
ГУЛаг – Главное управление лагерями  
ГУМЗ – Главное управление местами заключения  
ГПУ – Государственное политическое управление  
губЧК – губернская чрезвычайная комиссия  
Д – дело  
дер. – деревня  
ж.д. – железная дорога  
зав. – заведующий  
зам. – заместитель  
з/к – заключенный  
ЗСК – Западно-Сибирский край  
ЗСКАУ – Западно-Сибирское краевое административное управление  
ИТД – исправительно-трудовой дом  
ИТК – исправительно-трудовая колония  
ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь  
кв. – квартал  
кг – килограмм  
КГБ – Комитет государственной безопасности  
КРО – контрразведывательный отдел  
ЛПХ – леспромхоз  
л/с – лишение свободы  
МВД – Министерство внутренних дел  
МГБ – Министерство государственной безопасности  
млн – миллион



- НКВД – Народный комиссариат внутренних дел  
НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности  
НКПС – Народный комиссариат путей сообщения  
НКЮ – Народный комиссариат юстиции  
о. – остров  
обл. – область  
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление  
ОО – особый отдел  
Оп. – описание  
ОСД УАДАК – отдел спецдокументации Управления архивного дела Алтайского края  
ОТП – отдел трудовых поселений  
ПВС – Президиум Верховного Совета  
пгт – поселок городского типа  
пос. – поселок  
ПП – полномочное представительство, полномочный представитель  
пп. – пункт проживания  
ПСР – партия социалистов-революционеров (эсеров)  
р. – река  
РВСР – Революционный военный совет Республики  
РИК – районный исполнительный комитет  
РКИ – рабоче-крестьянская инспекция  
РККА – рабоче-крестьянская Красная армия  
РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевики)  
РКСМ – Российский коммунистический союз молодежи  
РОВС – Российский общевоинский союз  
РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия: (б) – большевиков, (м) – меньшевиков  
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика  
РФ – Российская Федерация  
р-он – район  
с. – село  
сб. – сборник  
СибВО – Сибирский военный округ  
СМ – Совет Министров  
СОУ – секретно-оперативное управление  
СОЧ – секретно-оперативная часть  
СПО – секретно-политический отдел  
ст. – статья, станция, станица  
стр. – стрелковый  
СВЭ – социально вредный элемент  
СКИК – Сибирский краевой исполнительный комитет  
СКК – Северо-Кавказский край  
СОЭ – социально опасный элемент  
ТКП – Трудовая крестьянская партия  
УВД – Управление внутренних дел  
УГБ – Управление государственной безопасности  
УИТЛК – Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний  
УК – уголовный кодекс  
УЛag – управление лагерями  
УСЛОН – Управление северных лагерей особого назначения  
УФСБ – Управление федеральной службы безопасности  
Ф – фонд

ФСБ – Федеральная служба безопасности

ц – центр

ЦДНИ ТО – Центр документации Новейшей истории Томской области

ЦИК – Центральный исполнительный комитет

ЦК – Центральный комитет

ЦКК – Центральная контрольная комиссия

ЦКО – Центральный карательный отдел

ЦЧО – Центрально-Черноземная область

ЧК – чрезвычайная комиссия

ЧОН – части особого назначения

чел. – человек

шт. – штук

ЭКО – экономический отдел

## ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аблажей Н. 210, 211, 214  
Абраменко И.А. 98, 166  
Абрамов И.П. 641  
Абрамов-Шабалин А.П. 185, 206  
Абрамова 422  
Абрамович М.Л. 398  
Абрамович Р.А. 356  
Абуашвили 247  
Автономов Ф.И. 446  
Агафанген митрополит (Преображенский А.Л.) 262  
Агафонов 155  
Агранов Я.С. 356  
Адаев Д.И. 418, 419  
Азарх 269  
Азимов 450  
Айзенберг И.А. 341  
Акимов 564  
Акулов И. 252, 334, 469  
Александров 285  
Александров К.М. 182  
Алексеев И. 188, 563, 590  
Алексеев Н.Н. 253, 493, 495, 620  
Алексеева Т. 289  
Алексиевский 514  
Алексий архиепископ 288  
Алехин 622  
Алимов П. 33, 35, 37–39, 44, 49, 50, 423, 455, 456, 475, 553  
Алюбаев 80  
Аморантов И.А. 287  
Ананьев А. 639  
Ананьев П. 100  
Ангович 550  
Андреев А.А. 300, 530, 536, 601, 650  
Андреев И.Н. 153  
Андреев Н.С. 239  
Андреев С. 673  
Андреева-Горбунова А.А. 356  
Анненков 10, 258  
Анопченко А.В. 688  
Антипин И.В. 205  
Антонов И.С. 551  
Анучин В.И. 270, 322–324  
Арановский 579  
Аргудеев 113  
Аржанов И.А. 95  
Аристов 144  
Аристов А.Б. 628  
Аришак 488  
Аркашев А.С. 160–163  
Аркуша 564  
Арнаутовский 483  
Артеменко Н.М. 689  
Артемьев С.А. 545  
Артоболевский А.И. 280  
Архипов 620  
Аскарлов 597  
Астапов 80  
Астафьев 103  
Астафьева 452  
Асямов 485  
Атрашкевич 93–95  
Афанасьев 42  
Ахметшин Н.Р. 689  
Бабарыкин К.Г. 194  
Бабилова Е. 611  
Бабинцев 32  
Багаев М. 115  
Баженов А.Ф. 50  
Базаров 326  
Базарова Л.Д. 670  
Байченко А.А. 646  
Бак Б.А. 35, 37, 41, 48, 51–54, 82, 149, 168, 296, 475  
Бакич 10, 258  
Бакланов 57  
Баландин Н.Л. 209  
Баландин М.Ф. 70  
Балицкий В.А. 179, 184  
Банковец 62  
Барабанщикова Е.В. 328  
Баранников 463  
Баранов Т.У. 607  
Барахович М.Б. 145, 146  
Барков И. 128, 140, 210, 334, 356, 430, 448, 469, 580, 601, 614–616  
Баргновский 620  
Барышников Д. 378  
Басаргина Е.М. 689  
Батурин 269

- Бауэр В. 652  
Бафтальский В.И. 212  
Бахов А.С. 185  
Бахов П.И. 185  
Бедейц Г.Я. 568  
Безруков Г.Н. 569  
Бейцман Б.А. 156  
Беккер А.Г. 298  
Беленец А.И. 304  
Беленькая-Финкельберг Х.Х. 395  
Белкин К.К. 325  
Белобородов А. 414  
Белобородов В.А. 506, 507  
Белов Б.А. 545  
Белокобыльский 487, 488, 521  
Белоногов Т.П. 234  
Белоусов 610  
Белоусов А.И. 607  
Бельский 389  
Беляев В.Ф. 32, 72, 321  
Беляев А.П. 238  
Беляев С.А. 365, 368, 365  
Беляевский 258,  
Белянин-Бианки В.В. 333  
Бем Д.А. 382-384  
Беневоленский И.А. 280  
Бердинский Д.А. 239  
Бердников В.М. 280  
Березиков С. 127  
Березовский В.В. 162, 327  
Берёзов Е.М. 369  
Берия Л.П. 362, 440, 452, 547, 548, 589, 590, 595, 602, 616–618, 640  
Беркович 550  
Берлацкий Б.М. 357  
Берман М.Д. 160, 225, 229  
Берман Ю. 53, 584, 606, 612, 615, 616  
Бергуш Б.Я. 269, 270  
Берх Ф.Ф. 299  
Бессмертнов 258  
Бессонов П.Д. 239  
Бетховен 478  
Бжезицкий, 429  
Биксон 536  
Биннер Р. 449  
Биринбаум Г.Л. 607  
Бирюков П.Я. 337  
Биструхин Г.С. 24  
Бланков И.М. 328  
Блимбергс 429  
Блинкин Д.И. 563  
Блинов И.Ф. 209  
Блинов П. 270  
Блох Р.А. 314  
Блюхер В. 69  
Бобренёв В. 601  
Бобров 159  
Богачёва Е.А. 689  
Богданов 488  
Богданов М.А. 103  
Богданов С.П. 166  
Боголепов А.В. 324, 328  
Боголюбов А.В. 209  
Богрянов М.И. 582  
Боженко Л.И. 78, 85, 93, 98, 326, 327  
Бойко 109  
Бойко В.П. 124  
Болдырев В.Г. 188, 195, 202, 222, 223  
Болотова Н.С. 381, 382  
Большдт Я.С. 299  
Большаков В.Е. 202  
Борисенко 601  
Борисковский 262  
Борисов 16, 452, 564  
Борисов Ю. 229  
Борков Г.А. 602, 649  
Борозовская О.Н. 689  
Бортгаузен М.Н. 244  
Босых М.А. 287  
Бочарников И.Т. 447, 485 502, 520, 522, 523, 527, 535, 542  
Бочкарев В.И. 259  
Бочковский М.В. 394  
Бошко А.И. 622  
Бражников П.В. 222  
Браиловский Я.И. 394, 395  
Брандес Д. 298  
Бранецкий 46, 47  
Брауде В.П. 159  
Бройдо Е.Л. 353, 356  
Брокар 28  
Броунштейн-Валерианов М.А. 353, 354, 356–362  
Брудинский Н.М. 212  
Брусилов 163  
Брычков П. 190, 201  
Брюханов Н.П. 114  
Брянцев Н.Я. 398

- Буда Н.М. 153  
Бударин М.Е. 377  
Буздакин 82  
Бузнов 590, 591  
Буинцев Н.В. 474  
Буксман Г.Ф. 563  
Булавин 113  
Булаев 417  
Булак-Булахович 23  
Булатов 109, 400  
Булатов Д.А. 288  
Булгаков В.А. 675  
Булдаков В.П. 61, 633  
Булыгин 247  
Буньков Е.Т. 194  
Бурак Т.А. 689  
Бурдин 285  
Буриченко 109  
Бурлак 131, 495  
Бурмистров 57  
Бурнашев 261  
Бусоргин И.И. 589  
Бугенко Х.Е. 189  
Бугоровский 74  
Бугягин П.В. 231, 233  
Бухарин Н.И. 626  
Бушков А. 179  
Бушманов В.Д. 689  
Быковский К.К. 227  
Бырганов А. 421, 422  
Быстров 204, 205  
Бычков 97  
Бычков Ю.А. 688
- Вавилов Н.И. 225  
Вавриш 590, 591  
Вагул Л. 575  
Вадзинский 328  
Вазбис О.О. 607  
Валейко Г.О.(И.) 42, 45, 82  
Валухин К.Н. 335, 607  
Ваньян А.Л. 247, 248  
Вардин И. 318  
Варкентин Г.Я. 298  
Васильев Д.И. 280  
Васильев И. 93  
Васильев Н.С. 280  
Васильев Т.В. 613  
Васильков Н.И. 286
- Васинский А. 70  
Васнецов А.И. 280  
Вассерман 489  
Вахненко И.М. 500  
Введенская 418  
Веденеев Д.В. 24  
Ведерников П.А. 149  
Ведрашко 525  
Векшин В. 422, 477  
Веледерский 367  
Великанов Н.С. 607, 619  
Великосельцев Б.Н. 296  
Величко В.А. 482, 483, 485, 488  
Вельский Л. 183  
Венедикт епископ (Плотников В.В.) 263  
Веретов 491  
Вернадский В.И. 225  
Верт Н. 439  
Веселкова Т.И. 65  
Веселовский 29  
Виктор епископ (Богоявленский) 265, 266  
Викторов Б.А. 216, 625  
Виллисов В.П. 162  
Виль С. 424  
Вильгаук И.А. 582  
Виноградов 57  
Виноградов Ф.Г. 354  
Винокуров 252  
Витгефт 240  
Витковский Г.Я. 607  
Владимиров 460  
Власенко 489  
Внуков И.Я. 79, 80, 563  
Воевода А.В. 422, 689  
Возилкин 91  
Воистинов Ф.В. 607  
Войков П.Л. 176, 177  
Войтовецкий 264  
Волков А.К. 689  
Волков В.В. 688  
Волкогонов Д. 314, 609  
Волконский А.В. 208, 209, 212  
Володарский Б. 379, 388  
Володарский В. 318  
Воложанин В.Е. 314, 345  
Волошенко К.С. 303  
Вольф 490  
Вольфович В.А. 309  
Вольфрам 82

- Вольхин Ф.Е. 145, 147  
Воробьев М. 279  
Воронин 329, 563  
Воронин А.З. 670  
Воронин Ф. 193, 284  
Воронков 184  
Ворошилов К.Е. 622  
Врангель П.Н. 168, 257, 341  
Вреден 159  
Выпряжкин Я.Ф. 619, 629  
Вышинский А.Я. 252, 253, 383, 448, 562, 591, 594, 596, 600, 602, 613, 614
- Габов 91  
Гаврилович А.И. 149, 158–161, 167, 322, 668  
Гавриченко 620  
Гагарин А.А. 212  
Гай (Штоклянд) М.И. 358  
Гайденко В.Т. 70  
Гайлевич П.А. 333  
Гайлит Я.К. 38, 209  
Галицкий 620  
Галкин В. 673  
Галкина Т. 87  
Гамм Г.Г. 298  
Гарин 380  
Гаринов 205  
Гвиздор И.С. 421  
Гвоздев В.И. 687  
Гвоздкова Л.И. 489  
Генделев А.Е. 230  
Георгиевский Ф.П. 258  
Гермайзе 179  
Герман епископ (Кокель) 275  
Герцев А.И. 350  
Герштейн 314  
Гиммер 355  
Гинзбург 328  
Глогов 525  
Гнусин А.Т. 248  
Говоров И. 448  
Гойхбарг И. 548  
Голиков Ю.И. 173  
Головачев 485  
Головин 620  
Голубева Н.П. 689  
Голубчик М.О. 607  
Голушко Н. 631  
Гольшев 204
- Гольдберг 354  
Гончаренко М.С. 298302  
Гопаненко (Гапоненко) 82  
Горб 620  
Горбач Г.Ф. 211, 212, 361, 564, 592, 607, 615  
Горбачев М.С. 180  
Горбенко Г.И. 566  
Горвиц Т.О. 159  
Гордиенко 79, 80  
Горелкин 28  
Горох И.Л. 338  
Горохов А.В. 203  
Горохов А.Ф. 335  
Горчаков 128  
Горшков 481, 487  
Горький М. 230, 323, 333  
Горячков 242  
Грабовский 258, 620  
Граф А.М. 417  
Грачев 247  
Гревз В. 10  
Гремицкий В.А. 336  
Грехнев Г.Н. 333, 334  
Григ 478  
Григорьева К. 526  
Гридошко 155  
Гридунова И.А. 608, 611  
Гринченко 63  
Гришаев В. 336, 673  
Гришкевич 536  
Громан В.Г. 357  
Громов Е.Г. 203  
Гронский 246  
Гронский Ю.Н. 283  
Грузевич-Нечай М.Г. 145, 146  
Грушецкий Б.Д. 18, 184, 189  
Грядинский Ф.П. 201, 563, 673  
Гузеева В. 673  
Гузняев А.Н. 629  
Гулько 620  
Гуркин Г.И. (Чорос-Гуркин) 583  
Гурович 33  
Гурьянов А.Э. 452  
Гусев 149  
Гусельников 315  
Густомесов 164, 310  
Гуськов И.М. 88  
Гуштенина Г.Ф. 689  
Гущин И. 673  
Гущин Н.Я. 18, 54, 55, 121

- Давыдов 174  
Дагаев М.В. 288  
Даль 581  
Данилов 174  
Девитияров 128  
Девятков А.И. 372, 373  
Дембский 343  
Дементьев Н.А. 145, 146  
Демидов Н.М. 285, 286  
Демидов П.В. 287  
Деникин А.И. 168, 257, 341  
Денисенко 209  
Дербер П.Я. 328  
Дерibas 419  
Дерковская Н.С. 321  
Детков М. 414, 439, 464, 586, 509, 609  
Дёмочкин А. 612  
Дзерве 32  
Дзержинский Ф.Э. 90, 114, 118, 154, 220, 239, 317, 323, 347, 348, 408, 427, 436, 437, 579  
Дик Г.Я. 299  
Динкель П.И. 582  
Дисков Г. 324, 328  
Дистлер К.А. 309  
Длугач Г.И. 239  
Длужинский М.И. 202, 607  
Дмитриев (Плоткин) Д.М. 357  
Дмитриев С.М. 689  
Дмитрий архиепископ 267  
Добровольский А.В. 314, 318  
Добровольский П.Н. 259  
Добротворский 421  
Добытин Ф.Г. 122, 123  
Дозорец 133  
Домарев 133  
Долгих И.И. 20, 113, 481, 493, 495, 520, 521, 527, 535, 538, 541  
Долгоруков Ф.В. 185, 186, 206  
Долингер П.Н. 185  
Домненко 156  
Донской Д.Д. 360, 388–392, 396–398, 545, 687  
Дорохов В.А. 340, 401  
Дорошенко 423  
Дохалатов 492  
Драверт П.Л. 234, 235  
Драчук 163, 164  
Друченко 424  
Дрягин 64  
Дубинский 266  
Дубровинский Я.Ф. 305  
Дугин А. 439, 609  
Дукис 462  
Дьяконов 315  
Дьячков Т.Я. 568  
Дюженко 202  
Дятлов 271  
Евдокимов Е. 183  
Евсеев 109, 333  
Евсеев В.И. 607  
Евстигнеев И.М. 338  
Егоров П.А. 565, 605  
Ежаков А.Н. 621  
Ежов (Цедербаум) С.О. 339  
Ежов Н.И. 208, 211, 292, 293, 300, 462, 473, 589, 591, 598, 603, 604, 613, 616, 617  
Ежова Т. 526  
Елевич М.И. 345  
Емелин А.Ф. 165  
Емельянов Е.А. 335  
Емельянов Н.Ф. 231, 233  
Енукидзе А.С. 69  
Ермолаев А.В. 689  
Ермолаев П.М. 346  
Ерофеев 526  
Ерохин П.Ф. 200  
Ершов 57  
Ефименко П. 127  
Ефимов 324, 328  
Ефимов И. 251  
Ефремов 179  
Ефремов Д.А. 563  
Жабрев И.А. 203, 401  
Жабров 66, 316  
Жалилов Н.Ф. 273, 274  
Жариков 428, 553  
Жарков П.М. 219  
Жданов А.Н. 227  
Жданов В.В. 689  
Жданова Г.Д. 677  
Жилков А.А. 607  
Жиромская В. 299  
Жоров П.А. 563  
Жуйков И.М. 230  
Жук 356, 488

- Жуковский-Жук И.И. 337–339  
 Журавлёв 155, 246  
 Журавлёв А.С. 289  
 Жучков А. 673
- Забелин 564  
 Завадовский Н.А. 162  
 Завьялов 620  
 Заикин Т.К. 563  
 Зайцев 501  
 Зайцев И. 83  
 Зайцев П.П. 288  
 Зайчик 390  
 Заковский Л.М. 14, 19, 20, 45, 46, 52, 242, 253, 518, 520, 527, 530, 5352, 536, 562  
 Залкин М.Л. 607  
 Замятин 326, 334  
 Замятин А.П. 71, 74  
 Заплетин М.Г. 88  
 Запорожец 622  
 Зарухович М.Я. 227, 228  
 Зарх 354  
 Захаров А.В. 568, 599, 602, 603, 608, 610, 612, 649, 650  
 Захаров М.Е. 303  
 Захожий К.Т. 127  
 Звездинский С. 287  
 Звездов 170  
 Зданович А.А. 61, 180, 601  
 Здвижкова Е.П. 689  
 Зеликман Н.М. 212  
 Землянов 455  
 Земсков В. 132, 136, 137, 439, 441, 486, 496, 497, 609, 698  
 Зернов З.А. 499  
 Зильбербарт 185  
 Зильберг С.М. 381  
 Зимин 368  
 Зимонин Ф.Я. 301  
 Зингер Ю.М. 398  
 Зиновьев 56, 113  
 Зиновьев Г.Е. 318, 401, 626  
 Зиновьев К.В. 194  
 Зорин 526  
 Зройчиков И.И. 373  
 Зубков 128  
 Зубков А.И. 414, 438, 439, 609  
 Зубкова–Тышкевич В.П. 149, 150  
 Зудерман 295
- Зуев М.Т. 541  
 Зугис П. 148  
 Зугис П. 150  
 Зыбко К.А. 66, 71–74, 551  
 Зыбченко И.П. 29  
 Зыков 144  
 Зыков С.С. 262
- Иваницкий-Василенко А.А. 335  
 Иванов 223, 274, 345, 463, 525, 596  
 Иванов А.А. 413  
 Иванов И. 64  
 Иванов Н.П. 162  
 Иванов Ф.Н. 5865, 606, 607, 615, 596, 606, 607, 615  
 Иванов-Разумник Р.А. 421, 506, 507  
 Иванцов В.С. 199  
 Ивницкий Н.А. 502  
 Иглин 330  
 Игнатъев 285  
 Игнатъев В.И. 97, 103, 310, 315  
 Игнатъева Т.Г. 689  
 Игонькина П.И. 609  
 Изотёнок И.А. 127  
 Ильин 190, 205  
 Ильин А.И. 239  
 Ильин Р.С. 398  
 Ильина В.В. 280  
 Ильина К.В. 280  
 Ильина Л.В. 280  
 Ильинский К.Н. 209  
 Ильинский М. 442  
 Иннокентий епископ (Тихонов Б.Д.) 263, 270  
 Иноземцев 107  
 Иоанн протоиерей (Беневоленский) 280  
 Иозефер А.Л. 234, 235  
 Иоффе О.Л. 389  
 Ипполитов И.А. 238  
 Исабаев 450  
 Исаева Н.Г. 689  
 Исаков Л.И. 193  
 Итин В. 61, 63  
 Ицкович Я.М. 384  
 Ичговкин Г.Н. 689
- Каган В.Г. 607  
 Каганович Л.М. 246, 247, 275, 299, 300, 593  
 Каганович П.К. 86  
 Каешко 285



- Каешко О. 289  
Казак Л.Д. 499  
Казак О.Д. 499  
Казанцев М. 83  
Кайгородов А.П. 112, 113  
Какурин Н. 179  
Каландаришвили Н.А. 370, 377  
Калашников В.В. 31  
Калашников Г.С. 246  
Калинин М.И. 66, 73, 109, 456, 468  
Калинкин 601  
Калиняк-Гричановский С.А. 71, 74  
Калмыков 237  
Калугина К.В. 273  
Каменев Л.Б. 626  
Каменев Д.Н. 350  
Каменских Г.С. 214, 607  
Капишников В.А. 666  
Каплан Ф. 390  
Капогов 170  
Карасевич-Незнамов 152  
Каратыгин Е.С. 225, 227  
Карклин И. 667  
Карлсон К.М. 446, 450  
Карпенко 72  
Карташев 372  
Катков М. 342  
Кахов 25  
Керенский А.Ф. 25  
Киржнер М.Г. 395  
Кикеев 465  
Кикин А. 284  
Кип Джон 291  
Киров С.М. 562  
Киселёв А.С. 573, 574  
Клементьев 155  
Кликушин М.В. 231  
Клименко И. 534  
Климов Н.С. 266, 280  
Климович С.А. 75  
Клип 610, 614  
Клиппенштейн Я.Г. 298  
Клюев Н.С. 209, 672, 687  
Князев 233  
Князев И.С. 421, 422  
Ковалёв И.Г. 474  
Ковалёв М.М. 483, 485  
Ковригин 32  
Ковригин И. 341  
Кожевников В.М. 349  
Кожевников В.С. 29  
Кожевников М.В. 54  
Кожевников М.П. 349  
Кожевников Ф.И. 551  
Кожин 97  
Кожин Н.А. 246, 247  
Козлов 97  
Козлов В.П. 322, 323  
Козлов И.Д. 282  
Коккель Г. 193  
Колесник А.Н. 180  
Колесников А.А. 291, 370  
Колесников И.И. 604  
Колесова Л.И. 646  
Колмаков Н.С. 363–368  
Колмакова А.И. 159  
Коломыйц П.Ф. 575  
Колосов Е.И. 238  
Колотилов А.И. 563  
Колпакиди А. 24  
Колпаков 476  
Колубаев 488  
Колчак А.В. 67, 144, 146, 149, 155, 168, 188, 195, 257, 309, 316, 327, 341, 420, 421  
Колыванов-Ратмиров П.М. 166  
Колобакин Н.Б. 222  
Комаров В.Л. 383  
Комаров В.С. 423  
Комаровский 74  
Кондратьев Н.Д. 355  
Конинин А.Ф. 246  
Коновалов 48  
Коновалова А.В. 689  
Коногоров (Кураев) П.Ф. 309  
Кононенко 389  
Кононов Д.Т. 606, 607  
Кононов И.И. 584  
Коноплёва Л. 318  
Конрад А.Г. 582  
Конрадов М.В. 452, 547  
Концевич М. 281, 282  
Кончиц К.А. 258  
Кооп Д.А. 299  
Коптяев Г.Л. 375, 376  
Копылов 166  
Корелин А.К. 262  
Корзилов 436  
Корзун П.С. 198

- Корицкий Н.И. 108  
Коркин Е.А. 270  
Корняков 31  
Королёв В.Ф. 328  
Королёнок (Рябова) В.Г. 132  
Коротков 149  
Кортусов П.И. 234  
Корушин Т.Д. 108, 111  
Косарев В.М. 91  
Косиор С.В. 175, 640  
Кочкин 490  
Кошарин Г.И. 492  
Кравцов 623  
Кравчик 33  
Красиков П.А. 262, 529  
Красильников 149  
Красильников С.А. 18, 121, 122, 133, 221, 222, 396, 536  
Краснов 188  
Краснов Г.А. 189, 196  
Креймер Г.М. 298  
Крестьянинов 160  
Крестьянников А.С. 88  
Кривоносенко Д.И. 147  
Крокос О.Г. 689  
Крутов И.Н. 646  
Крыжевский 422  
Крыленко Н.В. 119, 252, 579  
Крымов 268  
Крючков В.А. 638, 647, 675  
Ксендзов Я.Ф. 563  
Кугель Р.Е. 401  
Кудрявцев 501  
Кудрявцев В.С. 373  
Кудрявцева Г.В. 689  
Кудряшов Н.Н. 689  
Кузнецов 90, 324, 328, 348, 488  
Кузнецов И.Н. 125, 630, 631  
Кузнецов И.С. 109  
Кузнецов П.А. 288  
Кузьмин С.И. 137  
Кузьминский 368  
Кузьминых (Караваев) М.Ф. 149, 160–162  
Куйбышев В.В. 438  
Куклин 155  
Кулагин 91  
Куликов 578  
Кунов И.Д. 470, 577  
Куприн 478  
Куприянов 46, 52, 54, 152  
Курдов 483  
Курский Д.И. 460, 554  
Курц И.Ф. 290  
Курышев И. 59  
Кутепов А.П. 25, 212  
Кутепов С.П. 212  
Кухман О.И. 293, 300, 301  
Кухтерин А.Е. 203  
Куцых 155  
Кучкин А.П. 88  
Кушнарченко Г.И. 606  
Лаас А.А. 689  
Лазарев 585  
Лазарев И.К. 607  
Лаксберг И.А. 189  
Ландышев Е.В. 280  
Ланский Г.Г. 162  
Лаптев В. 68  
Ларин П.Ф. 563  
Ларионов 113, 629  
Ларьков Н.С. 167  
Лаурис М.А. 88  
Лацис М.Я. 216  
Лашевич М.М. 116  
Лебедев А.К. 162  
Лебедев К.В. 266  
Лебедев Н.С. 563  
Лебединов 202  
Левин Я.Н. 353, 359  
Левитин М. 144, 148  
Левиц К. 482, 485, 543  
Левицкий-Щербина Г.Л. 209  
Левкович 578  
Лежнёв А.И. 357  
Ленартович И.Г. 568  
Ленин В.И. 16, 65, 105, 106, 115, 216, 263, 314, 318, 323, 344, 408  
Леонов П. 56, 91, 371  
Лепа А. 35, 38, 475  
Лепиков А.П. 595  
Леплевский И.М. 184  
Лепницкая 620  
Лепницкий 620  
Ливанов И. 193  
Липов 362, 383  
Лисенков-Кочурин 158  
Лисин Д.А. 429

- Лисица М.Ф. 328  
Лист 478  
Литвин А. 291  
Литвин П.К. 610, 611  
Литвиненко Л.М. 500  
Литвинов 620  
Литвинов А.А. 689  
Лихач М.А. 337  
Лифашин 601  
Лобанова М.З. 65  
Лобов 620  
Ловцевич В.А. 366  
Локкенберг И.А. 281  
Ломакин И.Р. 232, 233  
Ломов Ф.Г. 95  
Лорер В. 299  
Лубков П.К. 30, 57, 73, 98, 99, 378  
Лузин В. 374  
Лузин П.Н. 209  
Луканин 246  
Лукин 81  
Лукиных Н.С. 204  
Лукьянов А.Ф. 75  
Лукьянчиков 80  
Луначарский А.В. 318  
Луньков А.Г. 592, 607, 610, 614  
Лупенко Г.В. 287  
Лысых Х.Л. 127  
Лыткин 33  
Любимов 564
- Мавлитов 33  
Магницкий А.А. 244, 245  
Макаренко И.Г. 74, 264–266, 269  
Макаров В. 68, 69  
Макаров И. 68  
Макаров-Тонский Ф.В. 185, 186, 206  
Маковой Е.А. 623  
Макогон И.П. 369  
Максимов В.М. 373  
Макушин 620  
Макшеев В.Н. 526, 529, 534  
Малаховский М.И. 29  
Маленков Г. 589  
Малинин 275, 379, 392  
Малиновский В.С. 324, 325  
Малых 368  
Мальшев В.Г. 423  
Мальшев М.Ф. 563
- Мальцев И.А. 184, 381, 449, 564, 565, 597, 605–607, 615  
Мальчевский 149  
Маматказин 155  
Мамонтов 79  
Мамогов П.В. 563  
Манаков Ф.Д. 126  
Мануйльский Д. 253  
Марин 620  
Маркин 585  
Марковский С.С. 230  
Мартемьянов 606  
Маргон С.С. 605  
Мартышкин В.Н. 613  
Маскина Н. 673  
Масленников А. 156  
Матвеев И.А. 689  
Матвиец 523  
Машинистов 532  
Машков А.В. 674, 688  
Мащенко В.Ф. 209  
Медведев Р. 599  
Медведко И.М. 208  
Медзыховский 247  
Меламед 206  
Мельников 580  
Мельников В.Ф. 280  
Мельниченко 344  
Менгерг В.И. 209  
Менжинский В.Р. 52, 54, 183, 262, 326, 347, 437  
Мерецкий 164  
Мерзлякова Е.В. 689  
Мерзлякова В.К. 689  
Меринов 310, 315  
Меринов Б.Е. 365, 607  
Мерц 298  
Мерцалов А.А. 287  
Мерэн Г.Я. 120, 497, 501, 502  
Мессинг С. 183  
Микоян А.И. 363  
Милицин А.Т. 101  
Миллер 25  
Миллер И.М. 563  
Миловидов А. 288  
Мильчаков А.А. 638, 675  
Милоков 25  
Милютин А.И. 235  
Милютина 536

- Минин 448  
Миронов С.И. 145, 146  
Миронов А.С. 646  
Миронов С.Н. 208–210, 213, 386, 564, 565,  
Миронов Ф.К. 61  
Миронова А.Н. 646  
Миронова Л.А. 646  
Мирошник 46, 48, 52, 53  
Мирошниченко А.Д. 282  
Митбрейт 52  
Михайлов 18  
Михайлов В.С. 178, 209, 212  
Михайлович В.Ф. 64  
Михайловская Ф.С. 395  
Михайловский Е.Л. 395  
Михалаш Е.И. 88  
Михеенков Е.Г. 549  
Мицкевич 66  
Мнухин И.Х. 394, 395  
Могилевчик 74  
Мозгалевский 526  
Молгачев 198  
Мологов В.М. 176, 229, 263, 594  
Морин М.Н. 126  
Морозов К.Н. 316  
Москаев И. 286  
Москвин В.А. 619  
Москвитин 202  
Мохно С.Л. 341  
Мочалов 514  
Мошкин И.Н. 670  
Мошалов В.В. 159  
Музыкантово С.М. 360, 361  
Муравьев Е.А. 364, 365  
Мурашкин 564  
Мурзин 91  
Мурзин В.А. 689  
Мурзин П. 378  
Мурзин С. 378  
Мусоргский 478  
Мухин Ю. 180, 573  
Мязин 564  
Мясников 380, 388
- Набойченко М.К. 71  
Назаров М.Д. 197  
Наседкин В.Г. 547  
Наумов А.А. 346  
Наумов Л.А. 207
- Наханович В.Л. 213  
Нахапетов Б.А. 439, 497, 508, 509  
Неволин 455  
Невский А.П. 607  
Незнамов (Карасевич) 327  
Нейман 42, 301  
Некрасов 91  
Нелидов 616  
Немерицкий 379, 388  
Нестеров 64  
Нестеров Д.М. 239  
Нефёдов Н.Г. 202  
Никитин 464  
Никифоров 68  
Никифоровский В.И. 589  
Николаев 620  
Николаев Ф.И. 372  
Николай епископ (Клементьев Н.Ф.) 263  
Николау В.Д. 370, 401  
Николенко 247  
Николинский 350  
Новак 170  
Новиков 242  
Новиков В.Н. 689  
Новиков Д. 83  
Новиков И. 83  
Новиков И.Д. 589, 590, 601  
Новиков Н.Ф. 418  
Новикова В.С. 418  
Новицкий А.П. 314, 345  
Новичков 396  
Новичков К. 127  
Новодерёжкин В.А. 262  
Новомбергский Н.Я. 222  
Новосёлов А.С. 262  
Новосёлов И.П. 56, 91, 103, 370–327, 379  
Ноява В. 147  
Носков Д.М. 286  
Носов 202  
Нусинов И. 534  
Нюрина 252
- Обложко Е.С. 127  
Овчинников И.В. 255, 364, 385, 386, 393,  
500, 564, 603, 607, 613  
Огородникова Л. 680  
Огриетис Э.И. 446  
Озернин М. 64  
Олиферов 56, 64, 102

- Ольский Я.К. 183  
Ольшаневский 205  
Онищенко В.В. 559, 601, 636  
Оргин 159  
Орджоникидзе С. 251  
Орехова Т. Г. 689  
Орлов А.К. 624  
Осадчий 225  
Осипов 80  
Осипов Д.А. 68, 69  
Осипов И.И. 230, 234  
Осипов-Занозин В.С. 338, 339, 360, 361  
Осокина Е.А. 506  
Осташко Т.Н. 229  
Островский 478  
Охотин 99  
Охотин Н.Г. 212  
Ошмарин 328
- Павел Вятский архиерей (Борисковский) 262  
Павлов Д. 321  
Павлов П.Н. 262  
Павлуновский И.П. 37, 56, 92, 94, 102, 105, 108, 112, 146, 165, 166, 168, 315, 322  
Павпертов 368  
Панасенко 204  
Пангин А.С. 76  
Панов 579  
Панов И.Л. 239  
Пантюхов Н.Г. 564  
Панченко 620  
Паньков Г.Н. 688  
Папенфус (з) П.А. 192  
Папков С.А. 330, 452, 518  
Парфёнов В.П. 621  
Парфёнов Г.З. 644  
Парховников И.П. 280  
Пархоменко 202  
Паршин 564, 592  
Паскевич 316  
Пастаногов К.К. 205, 607  
Пасынков Я.А. 202, 359  
Пахомов 64  
Пачколин А. 46–48, 52, 54, 82, 274, 579  
Пащенко 292  
Пелло К.Д. 568  
Пепеляев А.Н. 164, 195  
Пепеляев М.Н. 186, 187, 198, 206, 264,  
Первышев С. 99
- Первалов М.Х. 64, 70, 71, 75  
Перегудов П.И. 384  
Перемитин Г.Н. 688  
Перепелицын 492  
Пересторонин 368  
Пермикин 31, 32  
Перминов 379  
Перминов П.Р. 607  
Пермякова О.В. 689  
Перфильев 479  
Песоцкий 590, 591,  
Петелин И.Х. 208, 212, 338, 339  
Петелин М. 339  
Петлюра 23  
Петренко М.Н. 65  
Петров А.Г. 616, 625, 628  
Петров Н.А. 287  
Петровский 46, 52, 274  
Петровский Г.К. 316  
Петрухин Ю.А. 647, 674, 688  
Пешков 289  
Пешков З.А. 607  
Пилляр Р. 168  
Пильников М.И. 364, 367  
Пилюшенко Н.Л. 613  
Пинкин В. 396  
Пискарев 597  
Пичурин Л.Ф. 672  
Платонов К.В. 282  
Плахов М.А. 124  
Плинер И.И. 131  
Плотников 38, 97, 98  
Плотникова М. 523, 674  
Плясецкий 490  
Пляскин В.Н. 282  
Подгайский М. 418  
Подольский М.М. 364, 388  
Подольский-Взоров В.Н. 332  
Подонин П.И. 75  
Позднышев 38  
Покидов Н.П. 689  
Поколев 514  
Полев 489  
Поливаха 520, 521  
Полисонов А.В. 110  
Политик 165  
Полозов И.М. 373  
Полякевич С.А. 88  
Полякова-Керойко-Загнойко П.А. 500

- Пономарёв Д.П. 287  
Пономарёв К.В. 372  
Пономарёв Х.У. 672, 689  
Попиначенко В.С. 301  
Попов 62, 81, 82  
Попов А.Г. 447  
Попов Н.Л. 568  
Попов Н.Н. 262  
Попов С.П. 203, 336, 356, 361, 585, 607  
Попрядухин 421, 422  
Поспелов Т.Н. 586  
Потанин П. 193, 284  
Почебут 620  
Почуев Ф. 123  
Предместын 428  
Преображенский А.Л. 262  
Прибытков Н. 284  
Проворкин 140, 141  
Прокопенко О.Х. 381  
Прокопьев 526  
Прокопьева Н.П. 689  
Прокофьев 170  
Прокофьев Г.Е. 38  
Прокудин Ф.Т. 64, 70  
Пронский С.И. 283  
Просандеев Ф.А. 273  
Проскурин П. 539  
Проскураков А. 281, 282, 562  
Протопопов П.Д. 373  
Прудникова Е. 210, 596, 598, 601, 625–627, 641  
Прудовский С.Б. 586  
Пруцкий П.Е. 70  
Пуговкин 547, 608, 650  
Пудовиков П.В. 280  
Пузырёв С.Г. 321  
Пухарев М.М. 238  
Пучкин 590, 591  
Пушнин 665, 666  
Пушилин 74  
Пырников И. 578  
Пырникова А. 578  
Пыстина Л.И. 174, 216, 239, 249  
Пыхалов И. 641  
Пьянзин М.Л. 563  
Пятаков Г.А. 436  
Радек Карл 402  
Радзинский Э.С. 229  
Радиончик Л.Л. 280  
Развозжаев 57  
Разгон Л.Э. 581  
Разгон В. 92  
Ракита Г.Л. 607  
Рамзин Л.К. 225, 355  
Рассамахин Ю.К. 323  
Рахлевский М.П. 689  
Рахманов 31  
Рахманов Н.Н. 112  
Ревич Г.Я. 324, 328  
Ревякин 285  
Реденс С. 640, 641  
Редников 474  
Редькин 620  
Редько П.И. 499  
Резниченко 607  
Рейдман 389  
Ремпель Я.А. 298  
Репалов 79  
Репин 269  
Реут К.Г. 162  
Решиков И. 534  
Римский-Корсаков Е.М. 145  
Рогинский А.Б. 212  
Рогов 80, 165  
Рогов Г.Ф. 56, 91, 371  
Родионов 113  
Родин 106  
Родюков Я.Я. 238  
Рожнёва Ж. 329  
Розенберг Б.И. 46, 395  
Роллер 190  
Романов К. 25  
Романов С.А. 66, 149, 418  
Романов Я.А. 384  
Рубин И.И. 335  
Рубинсон 372  
Рубинчик 389  
Рудзугак Я.Э. 240, 483, 485, 517  
Руденко Р.А. 623, 626  
Рудин В.Г. 622  
Рузанова Е.А. 689  
Рупаков И.И. 689  
Русинов П.П. 424  
Ручинская Е.Н. 689  
Рыбальский И.М. 346  
Рыбьяков 205  
Рыков А.Д. 368

- Рыков А.И. 626  
Рыневич К.В. 563  
Рысин 225, 229  
Рысс С. 389  
Рычков 589  
Рябошапка 490  
Рязанцев А.В. 225, 227  
Рязанцев В. 601
- Сабашников В.В. 230  
Савенков А. 601  
Савин А.И. 32, 288, 291, 293, 294, 298, 300, 303  
Савинкин Н.И. 641  
Савинков 23  
Савкин 610  
Савченко 310  
Савченко К.Д. 139  
Савченко М.Д. 139  
Садковский 245  
Садовский 446  
Саенко Г.Н. 363, 607  
Саламатова М.С. 175  
Салтымаков Д.К. 607, 619, 621  
Салтымаков Т.К. 607, 621  
Салынь Э.П. 287  
Самодаров И.И. 250  
Самосудов В. 288  
Самойлов Н.Н. 239  
Самородов 202  
Самушева Н.В. 689  
Самуэльсон Л. 279, 369  
Сапожников В.М. 288  
Сапожников С.М. 185  
Сапожников-Рачков П.М. 166  
Сафиуллин Г.Н. 290  
Сафонов М. 68  
Сафронов 113  
Свешников 590, 591  
Святло 391  
Святослав иерей 128  
Святочевский П.И. 65, 66  
Севастьянов И.В. 321, 331  
Седмиградский 471  
Седов П.В. 350  
Селикова О.В. 361  
Семашко Н.А. 327, 459  
Семенович А.Ф. 88  
Семериков 271
- Семернев 488  
Семёнов 10, 16, 164  
Семёнов А.А. 238  
Семёнов А.В. 287  
Семёнов В.Ф. 234  
Семёнов (Васильев) Г. 317, 318  
Сенотрусов 57  
Сербин М.Н. 209  
Сербулов Б. 64  
Сергеев 648  
Сергий архиепископ 286  
Сергий архимандрит 286, 287  
Сергий митрополит 281  
Серебрянников 350  
Серебрянникова Р.А. 350  
Сережников 230  
Серчук И.Я. 342  
Серяков 292  
Сибирский 160–162  
Сибирцев Н. 69  
Сибиряков С.М. 683  
Сигорский 338  
Сидегова 250  
Сизиков 91  
Сизых 468  
Сикаченко 109  
Силаенков С.Г. 231, 233  
Симонов К. 616, 617  
Синюшин 424  
Синягин А.А. 383, 384  
Синягина З.А. 383  
Ситников 170  
Скворцов 202  
Скворцов М.С. 212  
Скок 606  
Скорняков И.Н. 230, 234  
Скоропадский 146  
Скрипальщиков С.З. 286  
Скрипко 231  
Скрипов Б.С. 238  
Скрылёв В.В. 236  
Скрылёва-Капишникова Л.П. 238  
Скрябин В.Ф. 619  
Слепенков 620  
Слинкин Ф.Я. 111  
Слободский Н.А. 209  
Смирнов И.Н. 65, 88, 92, 106, 108, 114, 548  
Смирнов М.А. 424  
Смолин 97

- Смольников В.И. 607  
Смыкалин А. 460  
Смыков 620  
Смячин 242  
Снесарев А. 168  
Собин 133  
Соболев В.А. 676, 688  
Соколов 91  
Соколов В. 578  
Соколов В.Г. 88  
Соколов Г.Г. 227  
Соколов Г.Е. 269  
Соколов Н.Ф. 242  
Соколов П. 578  
Соколов-Свиридов 149  
Солдатова Т.В. 689  
Солженицын. А.И. 316, 597  
Солнцев С.Е. 258  
Соловьёв И.Н. 64, 71, 74, 113  
Солодкая Т. 419  
Соломенцев М.С. 625  
Соломин 64  
Соломкин Г. 373  
Соломон П. 26, 246, 556, 577, 598, 611  
Солонович 382, 383  
Сольц А. 427, 428, 478, 553, 556  
Сорокин 483  
Сорокин Н.И. 76  
Сороко С.И. 145, 146  
Соскин П.В. 162  
Сосновский Л.С. 230  
Софроний епископ 270  
Спиридонова М. 338  
Сполохов 81  
Спрингис Р.Я. 564  
Сталин И.В. 11, 139, 176, 177, 179, 183, 203, 208, 211, 225, 229, 243, 251, 254, 292, 300, 335, 336, 448, 481, 482, 506, 532, 534, 562, 565, 581, 589, 590, 591–595, 605, 607, 617, 622, 627, 639, 640  
Станкевич 126  
Стариков 184  
Старцев 592  
Стацевич Б. 266  
Стеклов Ю. 318  
Стекольников 622  
Степанов 315, 320  
Степанов А.В. 402  
Степанов А.М. 607  
Степанов А.Т. 607  
Степняк 353  
Стефанов 447  
Стефановский 372  
Стефанский 246  
Столяр 550  
Строганов А.В. 237  
Строгин 525  
Струк Н. 578  
Струлевич 489  
Струмилини С.Г. 8  
Студенников 423  
Студитов И.П. 108, 109  
Стукачёв И.Г. 446, 513  
Стучка П.Я. 667  
Сулейманов 485  
Суптело В.М. 689  
Супьян Я.М. 213  
Суров 605  
Суханов Н.Н. 225, 355, 357, 363  
Сухих Д.Д. 621  
Сухов 28  
Сухоруков 97, 372  
Сучков 144  
Сырцов С.И. 175, 218  
Сыч 361  
Табанаков 29  
Табашников 113  
Тайченачев Е. 16  
Таланов В.А. 282  
Тамаркин С.М. 300  
Танутров 391, 396  
Таныгин И.В. 155, 420  
Таныгин Н.И. 607  
Тарабукин С.К. 321  
Твердохлебов 144  
Теплов Н.П. 264, 269  
Тепляков А.Г. 32, 161, 229, 310, 609, 611, 679  
Тернавский 395  
Тешков 202  
Тизенгаузен Д.О. 222, 223  
Тимофеев 32  
Тимофеев Г.Т. 5631, 673  
Тимочкин 259  
Тинина Г.Я. 689  
Тинченко Я. 180  
Титов 72  
Тиунов В.Ф. 563



- Тихомиров А.Н. 242, 245  
Тихомиров Б.В. 314, 345  
Тихон Партиарх 262, 270  
Тихонова Л.И. 302  
Тишков 131, 136  
Токарев А.А. 563  
Токин Б.П. 563  
Толочко 368  
Тольятти П. 626  
Томасевич 615  
Томилин П.К. 373  
Топорнин Д.А. 288  
Топтыгин А. 595, 596, 598  
Торез М. 626  
Травников 80  
Тракман М.Г. 563  
Трегубов Е.Э. 145  
Трегубова Т. 289  
Третьяков Н.Г. 106, 107, 111  
Трифонов И.Я. 111, 179, 256  
Троицкий И. 179  
Троцкий Л.Д. 62, 318  
Трудолобов Н.И. 155  
Тулин 246, 247  
Тумаркин Д. 69, 70  
Тупицына Н.А. 689  
Туполев А.Н. 254  
Турк 489  
Турчанинов 611  
Тухачевский М.Н. 179  
Тюрк Т.Г. 672  
Тягунов 310  
Тяпкин 209, 310
- Угроватов 84  
Узников 81  
Улыбушев Я.Н. 209  
Унгерн 10, 322, 323  
Уншлихт И.С. 230, 326, 347, 408, 436, 460  
Упеник А.М. 148  
Упоров 368  
Урицкий М. 318  
Усов 365  
Усков 127  
Успенский А.И. 356, 607  
Устюжанин 551  
Утевский Б.С. 413  
Уткин 38  
Уфимцев А.И. 372  
Ушаков 57, 124
- Фаст М. 270, 285, 291  
Фаст Н. 270, 285, 291  
Федосеев 147  
Федорович Ф.Ф. 314  
Федотов 620  
Фёдоров 38  
Фёдорова М.Н. 689  
Филатов 31  
Филатов И.Н. 246  
Филатов М.А. 348  
Финк Я.И. 298  
Финкельберг Ф.Ф. 395  
Флейшман Г.Е. 446, 447, 513  
Фойгт Л.И. 568  
Фокин К.И. 287  
Фомин 620  
Фот Г.Г. 298  
Фофанов 490  
Фрейлих 63, 259  
Фридман И.Г. 64  
Фриновский М.П. 208, 335  
Фрицлей 372  
Фриш Г.П. 582  
Фролов 487, 488  
Фрумкин М.И. 305  
Фуга К.Е. 328  
Фукс 354  
Фуксман Г.И. 203
- Хаймович Ю.С. 395  
Халдеева 368  
Харина Е.Н. 689  
Хаустов В. 279, 369  
Хитров 514  
Хлебников 330  
Хмаренко Ф. 44  
Ходов 485  
Хоменко А.Ф. 621–623  
Хорунженко 514  
Хотнянский П.В. 350  
Хохлов В.С. 524  
Хрущев Н.С. 626, 627, 639, 684  
Худяков П.В. 80  
Хурамшин 290
- Цаликов Г.А. 262  
Цаликова А.К. 262  
Цегельникова В.А. 689  
Цейтлин С.С. 388

- Целикова Н.Г. 349  
Цепков 487, 488  
Цепляев 31  
Церпенто И. 283  
Цибульский К. 76  
Цыганкова Л.В. 689
- Челноков К.П. 629  
Чельшев 242  
Черединов 75  
Черемных Г.И. 189  
Черепанов С.В. 689  
Черкасов Н. 295  
Чернаков 238  
Чернигин 526  
Чернов 526  
Чернов Б. 389  
Чернов В.П. 89  
Чернышев 38, 622  
Чернышев В.В. 447, 452  
Чертищев 465  
Чертков 620  
Чечулин Ф.Г. 373  
Чехов 478  
Чигрин 206  
Чикилёв А. 69  
Чинаев 159  
Чистосердов Н.А. 280  
Чубарро И.В. 152  
Чудновский С. 455  
Чунтонов М.М. 511  
Чухланцев С.А. 163  
Чухломин М.П. 1941
- Шавров Н.П. 188, 189  
Шадрин М. 341  
Шалаев 205  
Шалаев А. 193, 284  
Шальгин С.А. 288  
Шапиро Г.Д. 384  
Шаповалов В.М. 280, 445  
Шатилов М.Б. 189, 197, 204, 235, 686  
Шварц С.А. 563  
Шевченко 109  
Шевчук 109  
Шевякова О.И. 233  
Шелюттэ 164, 165  
Шер В.В. 357  
Шестаков П.М. 3926, 488
- Шестовицкий 606  
Шилдаев И.С. 230  
Шиманов 289, 607  
Шиповалов 289, 607  
Ширвиндт Е. 414, 460, 556  
Ширинский-Шихматов Н.А. 209  
Шитиков 144  
Шитиков П.В. 239  
Шишкин 97, 98  
Шишкин В.И. 61, 62, 69, 84, 93, 103, 107, 111, 165  
Шишков А.В. 94  
Шкирятов М. 589  
Шлёгель К. 244, 251  
Шлыков А.Н. 622  
Шляпина Г.П. 689  
Шмидт В.В. 530  
Шмидт Я.А. 38  
Шолохов М.А. 505  
Шолохов Я.М. 190  
Шольский 564  
Шопен 478  
Шорин В.И. 108, 112, 114  
Шороховецкий В.П. 689  
Шорр М.Л. 202  
Шпак В.С. 491  
Шпилькевич И.А. 597  
Шпилярский Л.И. 145, 147, 148  
Штубис Г.Э. 14  
Штырбул А.А. 378  
Шукалоков 424  
Шуклецов В.Т. 60  
Шулицкий А.О. 76  
Шульдель 223  
Шутилин И.Я. 607
- Щеглов Н.И. 164  
Щеглов Ю. 324, 328  
Щербак Х.П. 104  
Щербаков 564  
Щетинов Ю.А. 311  
Щукина Н.А. 222
- Эглит-Симборт 158  
Эденберг О. 604, 606  
Эйдук А. 408  
Эйхе Р.И. 35, 38, 201, 210, 290, 475, 481, 483, 485, 494, 518, 522, 532, 534, 541, 562, 563, 640, 666, 673

- 
- Эпов 145  
Эпштейн 610  
Эскин Н.А. 207–209, 212
- Юденич Н.Н. 168, 341  
Юдин 315, 606  
Юдина О.А. 689  
Юзефович 620  
Юнг Н.А. 213  
Юнге М. 449  
Юриксон А.Я. 261  
Юркин И.Я. 607  
Юрков Г.Д. 563  
Юрченко С.Ф. 689  
Юшков С. 70
- Яблонский 32  
Ягода Г.Г. 37, 183, 394, 419, 438, 461, 481,
- 493, 494, 495, 513  
Ягодкин 190  
Яковлев 606  
Яковлев А.Н. 179, 180, 207, 291, 641  
Яковлев Л.Г. 262  
Яковлев Я.А. 323  
Яковлева 66  
Якубович М.П. 355, 357  
Якубсон Л.С. 368  
Якушев М. 68, 69  
Янаров Ш.Я. 290  
Яновская 574  
Янчукович 209  
Ярославов Г.Г. 280  
Ярославский Ем. 73–75, 85, 291, 300, 351  
Ярошек Я.И. 363

## ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Акмолинская обл. 10  
Аларский аймак (ныне Аларский р-он Иркутской обл.) 82  
Александрово, с. Сургутского уезда (ныне село Александровское, райцентр Томской обл.) 542  
Александровский р-он Нарымского края (ныне Александровский р-он Томской обл.) 481  
Алейская, ст. (Алтайский край) 248  
Александро-Ваховский р-он Нарымского края (ныне часть Александровского р-на Томской обл.) 481  
Алтайская губ. 10, 30, 67, 81, 112–114, 151, 210–212, 218, 295, 291, 310, 320, 331, 371, 377, 388, 417, 432, 433, 549  
Алтайский край 5, 6, 176, 211, 279, 291, 301, 302, 304, 341, 496, 504, 511, 557, 559–561, 566, 567, 572, 578, 596, 597, 602, 629–632, 634, 637, 638, 655–657, 659, 661, 670  
Алтайский р-он (район Алтайского края) 193, 199, 284, 286, 543  
Алтайское, с. (ныне райцентр в Алтайском крае) 112  
Андреевский р-он (ныне Баганский р-он Новосибирской обл.) 298, 302, 585  
Анжерка, пос. (ныне г. Анжеро-Судженск Кемеровской обл.) 319, 495, 504, 515, 615  
Анжеро-Судженский р-он (р-он Кемеровской обл.) 296, 348, 477, 576  
Антоньевка, дер. Уч-Пристанского р-на (ныне Алтайский край) 123  
Архангельск, г. 97, 310, 334  
Архангельская вол. (ныне часть Исетского р-она Тюменской обл.) 107  
Архангельская губ. 355, 529  
Архангельская обл. 540  
Асино, г. (город и райцентр Томской области) 513, 519  
Асиновский р-он (ныне Томская обл.) 133, 451, 452  
Астрахань, г. 146  
Ачаирский женский монастырь (с. Ачаир Омского р-на и обл.) 164  
Ачинск, г. 64, 100, 541  
Ачинский округ (ныне часть Красноярского края) 37, 42, 43, 49, 50, 98, 398  
Ачинский уезд (ныне часть Красноярского края) 28, 32, 42, 51, 64, 65, 67, 68, 71, 74, 100, 165, 283  
Базой, с. Кожевниковского р-на (ныне в Кожевниковском р-не Томской обл.) 620  
Б. Владимировка Славгородского уезда (ныне с. Владимировка Славгородского р-на Алтайского края) 98  
Баксинский р-он (ныне Кольванский р-он Новосибирской обл.) 12,  
Баку, г. 353  
Бакчарский р-он (Томская обл.) 127, 538, 540  
Балашов, г. 61  
Балаганский уезд (ныне часть Балаганского р-на Иркутской обл.) 99  
Барабинск, г. 69, 128, 268  
Барабинский округ (ныне часть Новосибирской обл.) 37, 42, 43, 51, 119, 470  
Барабинский р-он 563  
Барнаул, г. 49, 60, 113, 142, 193, 194, 217, 284–286, 287, 301–302, 311, 314, 319, 343, 397, 421, 432, 433, 541, 689  
Барнаульский округ (административно-территориальная единица РСФСР в 1925–1930 гг.) 16, 22, 37, 38, 41, 43, 51, 263, 393, 470  
Барнаульский р-он (Алтайский край) 301  
Барнаульский уезд (ныне часть Алтайского края) 91, 98, 267, 371  
Башкирская Республика (ныне Республика Башкирия) 226, 514  
Бекишевское, с. Тюкалинского уезда (ныне с. Бекишево Тюкалинского р-на Омской обл.) 259  
Белобородово, дер. (ныне часть г. Северска Томской обл.) 96, 160  
Белово, пос. (город в Кемеровской обл.) 301  
Беловодово, с. Зырянского р-на (ныне Томская обл.) 678  
Белоглазовский р-он (Алтайский край) 585  
Белоярск, с. (пос. в Алтайском крае) 287  
Бельмесово, с. (ныне пос. в Центральном р-не г. Барнаула) 287

- Бергамак, с. (ныне с. в Муромцевском р-не Омской обл.) 121
- Берикульская вол. (ныне часть Ижморского р-на Кемеровской обл.) 102
- Берлин г. 26, 317
- Бийск, г. 28, 142, 193, 194, 280, 284, 286, 301, 333, 336, 343, 432, 433, 564
- Бийский округ (ныне часть Алтайского края) 37, 42, 43, 50, 51, 458
- Бийский р-он (Алтайский край) 193, 284
- Бийский уезд (ныне часть Алтайского края) 91, 103, 371
- Благовещенский р-он (Алтайский край) 670
- Бобринка, дер. Чановского р-на (ныне Новосибирская обл.) 16
- Богородская вол. (ныне часть Шегарского р-на Томской обл.) 160
- Богородское, с. (ныне с. Мельниково Шегарского р-на) 540
- Богородский р-он 576
- Боготол, г. (Красноярский край) 64, 148, 156, 319
- Богучаны, с. (ныне с. и райцентр Богучанского р-на Красноярского края) 138
- Бодайбо, с. (ныне г. и райцентр Иркутской обл.) 138
- Болотнинский р-он (р-он Новосибирской обл.) 290, 576
- Болотное, пос. (город и райцентр в Новосибирской обл.) 301
- Болотный, пос. (прекратил существование) 132
- Большеистокский р-он (Алтайский край) 193
- Борисовский р-он Омского окр. 119
- Братск, с. 537
- Булаевский район (ныне район Северо-Казахстанской обл.) 139
- Бурмонгольская обл. (в 1921–1923 гг. в составе Дальневосточной Республики, из части Забайкальской губ. вошла в состав Бурят-Монгольской АССР) 82
- Б-Истокский р-он (ныне Быстроистокский р-он Алтайского края) 190
- Васильевка, дер. Чановского р-на (ныне Новосибирская обл.) 16
- Вахрушево, с. Коченевского р-на Новосибирского окр. 95
- Великий Устюг, г. 337, 338
- Верх-Чулымский р-он (ныне часть Чулымского р-на Новосибирской обл.) 576
- Веселоярское, с. (ныне с. Веселоярск Рубцовского р-на Алтайского края) 89
- Воеводское, с. (село в Целинном р-не Алтайского края) 192
- Вознесенская вол. (ныне часть Родинского р-на Алтайского края) 97
- Вологодская обл. 540
- Волчиха, с. (ныне село и райцентр в Алтайском крае) 98
- Вороновский р-он (ныне часть Кожевниковского р-на Томской обл.) 576
- Ворожейка дер. (ныне дер. в Енисейском р-не Красноярского края) 528
- Высокий Яр, дер. (село в Бакчарском р-не Томской обл.) 124
- Вьюны, дер. Кольванского р-на (р-он Новосибирской обл.) 94
- Вязенка, с. Исиль-Кульского р-на 526
- Вязьма, г. 425
- Вялово, дер. (Парабельский р-он Томской обл.) 395
- Вятка, г. (ныне г. Киров) 325
- Вятская губ. 472
- Гляденский с/с (Алтайский край) 299
- Глядень–2, с. (ныне село в Благовещенском р-не Алтайского края) 299
- Глядень–3, с. (ныне село в Благовещенском р-не Алтайского края) 299
- Голуметь, с. (село в Черемховском р-не Иркутской обл.) 99
- Горно-Алтайский уезд (ныне часть Республики Алтай) 371
- Горно-Шорский р-он (Кемеровская обл., упразднён в 1939 г.) 30, 513
- Горскино, с. 372
- Готопуповская вол. (часть Сорокинского р-на Тюменской обл.) 107
- Грязнухинский р-он (ныне Советский р-он Алтайского края) 286
- Гурьевск, г. (город в Кемеровской обл.) 301
- Дагестан (ныне Республика Дагестан) 280
- Дальневосточный край 472, 540
- Даурское, с. 138
- Евгашино, дер. (ныне с. в Большереченском р-не Омской обл.) 88
- Егоровский с/с Тарского р-на (Омская обл.) 534
- Екатеринбург, г. 685
- Екатериновский с/с Тарского р-на (Омская обл.) 525
- Елисаветград, г. (ныне г. Кировоград, Украина) 360
- Еловка, дер. Кожевниковского р-на (ныне Томская обл.) 620

- Енисейск, г. 393, 520, 528  
 Енисейская губ. 10, 30, 43, 56, 64, 65, 67, 75, 100, 102, 114, 115, 155, 163, 218, 309, 318, 324, 328, 331, 345, 351, 387, 393, 397, 469  
 Енисейский р-он (Красноярский край) 537  
 Ермаковский сс Тарского р-на (Омская обл.) 534  
 Жуланиха, дер. (ныне село в Заринском р-не Алтайского края) 371  
 Загайново, с. Тальменского р-на (ныне Новосибирская обл.) 609  
 Запорожская губ. 101  
 Зачулымский р-он (ныне Первомайский р-он Томской обл.) 18, 185, 576  
 Зиминский уезд (часть Зиминского р-на Иркутской обл.) 38  
 Змеиногорский р-он (р-он в Алтайском крае) 543, 585  
 Змеиногорское, с. (ныне г. Змеиногорск, райцентр Алтайского края) 287, 608  
 Знаменский р-он (Омская обл., упразднён в 1963 г.) 202, 543, 585  
 Зубково, с. Родицкого р-на (ныне Алтайский край) 16  
 Зональный р-он (Алтайский край) 543  
 Зырянская вол. (ныне часть Зырянского р-на Томской обл.) 98, 102  
 Зырянский р-он (ныне Томская обл.) 18, 133, 185, 452, 576, 678  
 Ивановка, с. (с. в Чебулинском р-не Кемеровской обл.) 16  
 Иваново-Вознесенск, г. (ныне г. Иваново) 334  
 Ивановская Промышленная обл. (в 1936 г. разделена на Ивановскую и Ярославскую обл.) 225, 226  
 Ижморская, ст. (ныне в Кемеровской обл.) 98  
 Ижморский р-он (ныне Кемеровская обл.) 576, 610  
 Ижморское с. (ныне пгт и райцентр Кемеровская обл.) 535  
 Илимский край 393, 398  
 Ильино, дер. (дер. в Каргасокском р-не Томской обл.) 395  
 Имшегальский с/с (ныне Омская обл.) 26, 534  
 Ингаш, с. (ныне пгт и райцентр Красноярского края) 62  
 Индерский р-он Новосибирского окр. 122  
 Ирбит, г. (г. в Свердловской обл.) 286  
 Иркутск, г. 34, 142, 145, 151, 152, 155, 342-344, 376, 377, 387, 415, 433, 478  
 Иркутская губ. 10, 34, 35, 37, 38, 42, 43, 57, 67, 75, 99, 138, 155, 218, 295, 313, 315, 319, 331-333, 345, 370, 387, 397, 466, 469, 474  
 Иркутская обл. 5, 338, 540  
 Иркутский округ (административно-территориальная единица РСФСР в 1925–1930 гг.) 15, 42, 43, 50, 51, 393, 470  
 Иркутский уезд 38  
 Исиль-Куль, с. (ныне Омская обл.) 108  
 Исилькульский р-он (ныне Омская обл.) 288, 290, 298, 526  
 Итат, ст. (Кемеровская обл.) 28, 64  
 Итатка, с. (ныне Томской обл.) 511  
 Итатская вол. Мариинского уезда Томской губ. (ныне Кемеровская обл.) 64  
 Ишим, г. (город и райцентр Тюменской обл.) 105, 287  
 Ишимский р-он (Тюменская обл.) 576  
 Ишимский уезд (ныне часть Ишимского р-на Тюменской обл.) 88, 104, 105, 107, 111, 165, 310, 377  
 Казань, г. 145, 159, 324  
 Казанская губ. 646  
 Каинск, г. (ныне г. Куйбышев Новосибирской обл.) 68, 128, 432  
 Каинский округ (административно-территориальная единица РСФСР в 1925–1930 гг.) 386, 458  
 Каипская вол. (ныне часть Ключевского р-на Алтайского края) 97  
 Калачинск (ныне город в Омской обл.) 432  
 Калужская губ. 276  
 Каменский округ (административно-территориальная единица РСФСР в 1925–1930 гг.) 37, 42, 43, 51, 393, 470  
 Каменский уезд (ныне часть Каменского р-на Алтайского края) 90, 103, 151, 328, 371  
 Камень, г. (г. Камень-на-Оби Алтайского края) 151, 152, 341, 359, 432, 443  
 Кандаурово, с. Колыванского р-на (Новосибирская обл.) 526  
 Канск, г. 44, 61-63, 141, 551  
 Канский округ (административно-территориальная единица РСФСР в 1925–1930 гг.) 37, 42-44, 51, 398, 526  
 Канский уезд (ныне часть Канского р-на Красноярского края) 100, 387  
 Карасукский р-он (Новосибирская обл.) 534  
 Каргасок, с. (ныне райцентр в Томской обл.) 381, 382, 395, 529

- Каргат, с. (райцентр в Новосибирской обл.) 80, 128, 273, 432  
 Каргатский уезд (ныне часть Каргатского р-на Новосибирской обл.) 80, 81  
 Кармалы, с. Чистопольского уезда Казанской губ. 646  
 Каштаново, разъезд 28  
 Кемерово, г. 161, 373, 689  
 Кемеровская обл. 5, 6, 159, 176, 213, 247, 275, 443, 511, 557, 558, 560, 561, 567, 578, 582, 588, 596-598, 611, 615, 629-632, 634, 637, 638, 655, 656, 659, 660, 661, 672,  
 Кемеровский р-он 601  
 Киев, г. 179, 332, 425  
 Киевский округ (ныне часть Киевской обл., Украина) 280  
 Киргизский край, официальное название на 1923 г. – Киргизская Автономная Социалистическая Советская Республика, образована в августе 1920 г. из территорий Акмолинской, Уральской, Закаспийской и Астраханской губерний бывшей Российской империи, с октября 1924 г. – Кара-Киргизская автономная обл. в составе РСФСР, затем переименована в Киргизскую автономную обл. и Киргизскую АССР. С декабря 1936 г. союзная республика 325  
 Киренский округ (административно-территориальная единица Сибирского края в 1926–1930 гг.) 37  
 Киселёвка, дер. (ныне райцентр и г. Киселевск в Кемеровской обл.) 517  
 Киселевский р-он 301  
 Ключевская вол. (ныне часть Ключевского р-на Алтайского края) 97  
 Кожевниковский р-он (Томская обл.) 96, 619  
 Козеюльская вол. (ныне часть Мариинского р-на Кемеровской обл.) 102  
 Козюлино, с. Томского р-на (Томская обл.) 524  
 Кокчетав, г. (ныне г. Кокшетау, Казахстан) 105, 109  
 Кокчетавский уезд (ныне часть Кокчетавского р-на, Казахстан) 104  
 Коларовский р-он (ныне часть Томского р-на) 273, 290, 578  
 Коломинские Гривы, с. (с. в Чаинском р-не Томской обл.) 128  
 Колпашево, пос. (ныне город и райцентр в Томской обл.) 25, 125, 260, 261, 359, 361, 368, 389, 395, 397, 402, 542  
 Колпашевский р-он (ныне Томская обл.) 19, 124  
 Колыванский р-он (район Новосибирской обл.) 568  
 Колывань, с. (ныне пгт и райцентр в Новосибирской обл.) 93, 94, 160  
 Кольцовка, с. Исиль-Кульского р-на (Омская обл.) 526  
 Кольчугино, пос. (ныне г. Ленинск-Кузнецкий Кемеровской обл.) 314, 319, 372  
 Коми обл. (ныне Республика Коми) 321, 540  
 Кондратьевское, с. (село в Муромцевском р-не Омской обл.) 121  
 Косихинский р-он (район Алтайского края) 120, 123, 543  
 Кострома, г. 334  
 Коченево, с. (ныне районный центр Новосибирской обл.) 94  
 Кош-Агач, с. (с. и райцентр в Республике Алтай) 138  
 Крапивинск (пгт и райцентр Кемеровской обл.) 515  
 Красногорская вол. (ныне часть Исетского р-на Тюменской обл.) 107  
 Красноярск, г. 71, 76, 142, 152, 155, 158, 159, 165, 174, 176, 213, 217, 268, 283, 295, 310, 324, 342-344, 346, 376, 377, 388  
 Красноярская губ. 164, 295, 417  
 Красноярский край 5, 368, 511, 541  
 Красноярский округ (административно-территориальная единица РСФСР в 1925–1930 гг.) 37, 42, 43, 46, 51, 138, 398, 471  
 Красноярский уезд (ныне часть Красноярского края) 32, 75  
 Красный Дол, с. Немецкого р-на (не сохранилось) 298  
 Кривошеино, с. (райцентр Томской обл.) 125  
 Кривошеинский р-он (ныне Томская обл.) 124, 545  
 Крутинский р-он (райцентр Омской обл.) 140  
 Крыловка, дер. (Бакчарский р-он) 124, 128  
 Ксеньевка, дер. (ныне г. Асино Томской обл.) 511  
 Кубарево, с. Усть-Чебулинского р-на 16  
 Кузбасс (Кузнецкий угольный бассейн), 60, 102, 208, 212, 224, 245, 301, 338, 377, 431, 443, 511, 514, 517, 518, 537, 541, 544, 560, 563, 568, 582  
 Кузнецк, пос. (г. Новокузнецк Кемеровской обл.) 126, 151, 245, 372, 376, 407, 416, 422, 432, 443

- Кузнецкий округ (ныне часть Кемеровской обл.) 30, 37, 42, 49-51, 74, 458, 526
- Кузнецкий р-он (Кемеровская обл.) 30
- Кузнецкий уезд (ныне Кемеровская обл.) 32, 67, 79, 80, 91, 113, 371, 397
- Куйбышев, г. (Новосибирская обл.) 128
- Куйбышев г. (ныне г. Самара) 425
- Куйбышевский р-он (Новосибирская обл.) 568
- Кулеп, ст. (Кемеровская обл., ст. Горно-Шорской ж.д.) 511
- Кулугары, с. Пинежского уезда (ныне Вологодская обл.) 360
- Купинский р-он (район Новосибирской обл.) 140, 298, 301
- Курган, г. 15, 142
- Курганский уезд (ныне Курганская обл.) 110
- Кургусяул, пос. Ачинского уезда (ныне Кемеровская обл.) 28
- Кытманово, с. (с. и райцентр Кытмановского р-на Алтайского края) 371
- Леботер, с. Чаинского р-на (ныне Томская обл.) 488
- Ленинград, г. 332, 333, 351, 383, 480, 481
- Ленинградская обл. 280, 514
- Ленинский р-он 287, 568
- Ленинск-Кузнецк (город Кемеровской обл.) 597
- Липовский, пос. Каргатского уезда 80
- Локоть, с. (ныне село в Локтевском р-не Алтайского края) 91
- Локтевская вол. (ныне часть Локтевского р-на Алтайского края) 90, 585
- Лондон, г. 26
- Лосево, с. Исилькульского р-на (не сохранилось) 288
- Львов, г. 546
- Любинский р-он (Омская обл.) 190, 299
- Люблино, пос. Московская обл. 425
- Ляпуновка, с. Муромцевского р-на, 121
- М. Владимировка Славгородского уезда (ныне с. Владимировка Славгородского р-на Алтайского края) 98
- Майминский аймак 193
- Максимовское, с. (ныне дер. Максимова Крапивинского р-на Кемеровской обл.) 102
- Мало-Песчанская вол. (ныне часть Мариинского р-на Кемеровской обл.) 28, 102
- Мало-Песчанский р-он 576
- Мамонтовский р-он (р-он в Алтайском крае) 288
- Мариинск, г. (Кемеровская обл.) 102, 184, 265, 272, 319, 326, 407, 408, 424-426, 432, 443, 446, 477, 672
- Мариинский округ (административно-территориальная единица РСФСР в 1925-1930 гг.) 386
- Мариинский уезд (ныне часть Мариинского р-на Кемеровской обл.) 57, 64-66, 76, 98, 99, 113, 296, 330, 371
- Мариинский р-он (район Кемеровской обл.) 576
- Марийская обл. (ныне Республика Марий Эл) 325
- Марушка, с. (ныне Целинный р-он Алтайского края) 82, 193
- Медведка, пос. (Алтайский край) 298
- Медодатская вол. (ныне часть Первомайского р-на Томской обл.) 102
- Мезенцево, с. (село в Тюменском р-не Алтайского края) 298
- Мельниково, с. (ныне Шегарский р-он Томской обл.) 161
- Мендерская вол. Курганского уезда (ныне часть Белозерского р-на Курганской обл.) 110
- Минусинск, г. (Красноярский край) 102, 201, 285, 368, 398
- Минусинский округ (ныне часть Красноярского края) 37, 42, 43, 51, 138, 195
- Минусинский уезд (ныне часть Минусинского р-на Красноярского края) 32, 67, 102
- Михайловка, дер. Зырянской вол. (ныне с. Михайловка Зырянского р-на Томской обл.) 98
- Михайловская вол. Славгородского уезда (ныне часть Михайловского р-на Алтайского края) 97
- Молчаново, с. (ныне райцентр в Томской обл.) 148
- Молчановский р-он (ныне райцентр Томской обл.) 126, 259
- Москва 20, 25, 35, 38, 106, 163, 179, 184, 187, 217, 232, 270, 298, 316, 319, 320, 329, 332, 334, 337, 343, 351, 354, 356, 365, 366, 377, 383, 394, 396, 398, 446, 480, 481, 484, 494, 565, 579, 603, 604, 638, 669, 674
- Московская губ. 472
- Московская обл. 20, 280, 425, 514
- Мошковский р-он (Новосибирская обл.) 568
- Мундыбаш, ст. (Кемеровская обл.) 512, 624



- Мыски, г. (Кемеровская обл.) 624  
 Мюнхен, г. 388  
 Называевский р-он (Омская обл.) 140  
 Нарым, с. (ныне село в Парабельском р-не Томской обл.) 22, 127, 171, 208, 281, 333, 338, 360, 389, 393, 395, 493, 517, 534, 541, 543  
 Нарымский край и округ 12, 19, 25, 38, 50, 123, 138, 142, 152, 183, 208, 252, 263, 274, 285, 274, 285, 329, 333, 351, 381, 387, 389, 390, 392, 393, 394, 395, 397, 401, 446, 466, 480, 481, 494, 495, 514, 515, 519, 533, 537, 538, 540, 545  
 Немецкий р-он (район Алтайского края) 298, 299, 301, 582, 585  
 Нерчинский округ (Забайкальский край) 437  
 Нижне-Волжский край (в 1928–1934 гг., ныне Астраханская, Волгоградская, Саратовская обл. и Республика Калмыкия) 232  
 Нижний Новгород, г. 155, 331  
 Нижний Тагил, г. 176, 184, 680  
 Николаевка, с. Верх-Чебулинского р-на 257  
 Нишино, с. (Красноярский край) 62  
 Новгород, г. 334  
 Новокузнецк, г. 568, 624  
 Ново-Кусковский р-он (ныне Асиновский р-он Томской обл.) 18, 185, 576  
 Новониколаевск, г. (ныне г. Новосибирск) 35, 38, 60, 93, 94, 126, 128, 142, 152, 188, 217, 258, 273, 295, 309, 310, 319, 320, 330, 331, 343, 344, 376, 387, 398, 407, 456, 467, 468  
 Новониколаевская губ. 30, 38, 81, 90, 115, 295, 328, 331, 332, 432, 555  
 Новониколаевский округ (ныне часть Новосибирской обл.) 37, 42, 43, 51, 52, 334, 433  
 Новониколаевский уезд (ныне часть Новосибирской обл.) 79, 91, 93, 371  
 Новокарасук, с. (Новосибирская обл.) 533  
 Ново-Киевский р-он (ныне Кулундинский р-он Алтайского края) 302, 585  
 Ново-Колосовский р-он (ныне Колосовский р-он Омской обл.) 190  
 Ново-Омск, пос. (ныне Омская обл.) 38  
 Ново-Омский р-он (ныне Омская обл.) 298  
 Ново-Павловка, с. 108  
 Ново-Петровский с/с Панкрушихинского р-на (Алтайский край) 525  
 Новосибирск, г. 123, 126, 152, 175, 176, 179, 188, 189, 192, 195, 196, 198, 202, 204, 205, 209, 210, 214, 218, 205, 207, 208, 210, 213, 222, 234, 245, 247, 259, 286, 337, 339, 356, 376, 383, 425, 444, 446, 478, 480, 562, 564, 568, 582, 585, 605, 669, 689  
 Новосибирский р-он 568  
 Новосибирская обл. 5, 128, 202, 210, 211, 287, 290, 302, 370, 486, 495, 496, 501, 504, 540, 533, 544, 561, 564, 572, 611, 613, 629-632, 637, 638, 654-656, 658, 660, 681  
 Новосибирский округ (административно-территориальная единица РСФСР в 1925–1930 гг.) 283  
 Н-Тимофеевка Омского округа (ныне Кокпектинский р-он Восточно-Казахстанской обл.) 44  
 Ново-Удинская вол. (часть Усть-Удинского р-на Иркутской обл.) 100  
 Н-Шипуново, дер. (ныне Кыштовский р-он Новосибирской обл.) 83  
 Обдорск, (ныне г. Салехард) 109  
 Одесса, г. 332  
 Одесский округ (ныне часть Одесской обл., Украина) 280  
 Ойротия (Ойротская автономная обл.) – административно-территориальная единица РСФСР в 1922–1948 гг. 37, 43, 56, 192, 193, 388, 432, 433, 582, 633  
 Ойротский округ (ныне часть Республики Алтай) 42, 43  
 Ойрот-Тура, г. (г. Горно-Алтайск) 193, 284  
 Омск, г. 35, 49, 60, 106, 126, 142, 145, 146, 151, 159, 163, 166, 174, 176, 189, 190, 194, 201, 205, 213, 217, 234, 268, 277, 278, 281, 285, 298, 299, 309-311, 319, 324, 332, 342-344, 376, 377, 415, 416, 423, 432, 466, 480, 501, 523, 536, 541, 548, 589, 689  
 Омская губ. 10, 30, 87, 90, 91, 105, 114, 115, 155, 218, 230, 237, 267, 295, 318, 321, 351, 388, 397, 415, 417, 436, 467, 549  
 Омская обл. 5, 103, 121, 204, 205, 278, 285, 289, 291, 294, 297, 335, 338, 496, 504, 540, 541, 544, 547, 557, 572, 582, 665, 658, 660, 661, 685  
 Омский округ (административно-территориальная единица РСФСР в 1925–1930 гг.) 37, 42, 44, 51, 190, 521, 525, 526  
 Омский уезд (ныне часть Омской обл.) 90, 163, 296  
 Онгудайский аймак (ныне часть Онгудайского р-на Республики Алтай) 193  
 Ордынское, с. (ныне райцентр в Новосибирской обл.) 290  
 Оренбург, г. 38

- Орловка, дер. Чановского р-на (ныне Новосибирская обл.) 16
- Осиновка, пос. (ныне г. Осииники Кемеровской обл.) 212, 624
- Ояшинский р-он (ныне пос. в Болотнинском р-не Новосибирской обл.) 568
- Павловский р-он (район Алтайского края) 608
- Павловское с. (ныне пгт и райцентр Павловского р-на Алтайского края)
- Панкрушинский р-он (Алтайский край) 525
- Парабель, с. (райцентр в Томской обл.) 132, 390, 393, 394, 395, 397, 545
- Париж, г. 212
- Пачинская вол. Томского уезда (ныне Томская обл.) 75
- Пекин, г. 26
- Пенза, г. 331
- Первая Покровка, с. Покровского р-на 16
- Пермская губ. 159
- Пермь, г. 164
- Пестерево, с. 372
- Петербург, Петроград, г. (ныне г. Санкт-Петербург) 105, 264, 319, 360, 596
- Петровка, с. Немецкого р-на (Алтайский край) 299
- Петропавловск, г. (ныне Казахстан) 105, 107, 108, 344
- Петропавловский уезд (ныне часть Кокчетавского р-на, Казахстан) 104, 108
- Петропавловское, с. Томского окр. 119
- Петуховский р-он (ныне часть Петуховского р-на Курганской обл.) 105
- Пинежский уезд (ныне Вологодская обл.) 360
- Плоское, дер. Саргатского р-на Омского округа (ныне Омская обл.) 526
- Плотниковка, с. Исиль-Кульского р-на (Омская обл.) 526
- Подгорное, с. (ныне райцентр Томской обл.) 533
- Подоба, дер. Томского уезда (ныне село в Шегарском р-не Томской обл.) 93
- Подольская губ. 102
- Подьянда, дер. Ирбейского р-на (ныне Красноярский край) 526
- Покровская вол. (ныне часть Родинского р-на Алтайского края) 97
- Покровский р-он (ныне Краснощёковский) 16
- Поломошинский р-он (Кемеровская обл.) 576
- Полтавская губ. 101
- Причернский край 165, 370
- Прокопьевск, г. 53, 198, 201, 514, 515, 562
- Прокопьевский р-он (район Кемеровской обл.) 301, 610
- Республика Алтай 5, 6, 176, 557, 629-631, 637, 638, 655, 656, 659, 660, 661, 689
- Решоты, с. Канского округа (ныне Красноярский край) 44
- Родинская вол. (ныне часть Родинского р-на Алтайского края) 97
- Родинский р-он (район в Алтайском крае) 16
- Рождественская вол. Томского уезда 76
- Рождественское, с. Канского уезда (ныне с. Держинское Красноярского края) 62
- Ростов-на-Дону, г. 332
- Рубцовск, г. (город и райцентр в Алтайском крае) 287, 443, 463
- Рубцовский округ (административно-территориальная единица РСФСР в 1925–1930 гг.) 16, 37, 42, 43, 49, 51, 83, 458
- Рубцовский р-он (Алтайский край) 543
- Рубцовский уезд (Алтайский край), 264
- Самарканд, г. 324
- Самойловское, с. Омского уезда 90
- Саратов, г. 80, 331
- Саргатский р-он Омского окр. 526
- Свердловск, г. (ныне г. Екатеринбург) 38
- Святославка, с. Мариинского уезда (ныне в Мариинском р-не Кемеровской обл.) 66, 99
- Северный р-он (район в Новосибирской обл.) 563
- Северодвинск, г. 325
- Северо-Двинская губ. 321
- Северо-Кавказский край (1924–1937 гг., ныне Ростовская обл., Краснодарский и Ставропольский края, Респ. Адыгея, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия–Алания, Чеченская Респ.) 232, 280
- Седельниковский р-он (район в Омской обл.) 299
- Семипалатинск, г. 142, 217, 343
- Семипалатинская губ. (ныне Казахстан) 114, 137
- Семипалатинская обл. (Казахстан) 10
- Серебряковка, с. Исиль-Кульского р-на (Омская обл.) 526
- Сереж, с. (село в Назаровском р-не Красноярского края) 100
- Сережская вол. Ачинского уезда (Красноярский край) 165
- Симферополь, г. 338
- Синьцзян, г. (город в Китае) 10

- Скрипачи, с. Ачинского уезда (ныне Шарыповский р-он Красноярского края) 64  
 Славгород, г. (Алтайский край) 258, 432, 443  
 Славгородский округ (ныне часть Алтайского края) 37, 42, 43, 51, 298, 458  
 Славгородский р-он (район Алтайского края) 138, 298, 302, 585  
 Славгородский уезд (ныне часть Славгородского р-на Алтайского края) 97, 294, 296, 310  
 Смелый, пос. (прекратил существование) 132  
 Смоленский р-он (район Алтайского края) 19, 193, 286  
 Смоленское, с. (ныне с. и райцентр Смоленского р-на Алтайского края) 608  
 Солонешенский р-он (Алтайский край) 193, 199  
 Солоновка, с. Сычѳвского р-на (ныне Смоленский р-он Алтайского края) 81  
 Сорокино, с. (ныне г. Заринск Алтайского края) 103, 104  
 Сорокинский р-он (Алтайский край) 104  
 Сочига, пос. (поселок в Парабельском р-не) 132  
 Спасское, с. (ныне с. Венгерovo Новосибирской обл.) 69  
 Спасское, с. Шатровской вол. (ныне село в Шатровском р-не Курганской обл.) 107  
 Сталинск, г. (г. Новокузнецк) 201, 212, 302, 568, 596, 605  
 Сталинский р-он (часть Новокузнецкого р-на Кемеровской обл.) 610  
 Старо-Бардинский р-он (ныне Красногорский р-он Алтайского края) 193  
 Судженка, ст. (село и станция в Кемеровской обл.) 246  
 Сузунский р-он (Новосибирская обл.) 533  
 Сургут, г. (город в Тюменской обл.) 109  
 Суслово, с. (ныне Мариинский р-он Кемеровской обл.) 534  
 Сырбашинский с/с Тарского р-на (Омская обл.) 610  
 Сычѳвский р-он (ныне Смоленский р-он Алтайского края) 81  
 Тайгинская вол. 79  
 Тайга, ст. (ныне станция и город в Кемеровской обл.) 152, 171, 242, 247, 284, 314, 443  
 Тайгинский р-он (Кемеровская обл.) 296  
 Тайшет, пос. (ныне город в Иркутской обл.) 537  
 Тальменский р-он (ныне Алтайский край) 16, 274, 543, 669  
 Тамбарская вол. (ныне часть Тисульского р-на Кемеровской обл.) 28  
 Тамбовская губ. 101, 413  
 Тара, г. (ныне город в Омской обл.) 268, 277, 278, 285, 289, 331, 335, 336, 392, 398, 432, 534  
 Тарский округ (административно-территориальная единица РСФСР в 1925–1930 гг.) 37, 51, 470  
 Тарский р-он 335, 525, 543  
 Тарский уезд (ныне часть Тарского р-на Омской обл.) 104  
 Тасеево, с. (ныне село и райцентр Красноярского края) 62  
 Татарск, г. (Новосибирская обл.) 44, 432  
 Татарский уезд (ныне часть Татарского р-на Новосибирской обл.) 296  
 Ташкент, г. 334  
 Таштагол ст. (ныне город Кемеровской обл.) 511, 512, 624  
 Тевризский р-он (Омская обл.) 190, 199, 205, 543  
 Тегульдет, с. (ныне с. и райцентр Томской обл.) 540  
 Тегульдeтский р-он (Томская обл.) 563  
 Тельбес, пос. (ныне часть пос. Мундыбаш Кемеровской обл.) 245  
 Тисульский р-он (Кемеровская обл.) 28  
 Тифлис, г. 348  
 Тобольск, г. (ныне город и райцентр в Тюменской обл.) 105, 107, 109, 112, 142, 344, 363, 482  
 Тобольская губ. 10  
 Тобольский уезд (ныне часть Тобольского р-на Тюменской обл.) 104  
 Тогул, с. (Алтайский край) 371  
 Тогульский р-он (Алтайский край) 193, 670  
 Тогурский р-он, 529  
 Томск, г. 18, 25, 28, 34, 48, 60, 93, 96, 126, 132, 142, 144, 148, 149, 152, 153, 155-161, 167, 186, 187, 189, 198-200, 202, 208, 212, 213, 217, 231, 234, 235, 254, 264, 265, 268, 269, 276, 278, 283, 285, 295, 296, 302, 309, 311, 314, 315, 325, 333, 342-345, 348, 350, 363, 364, 369, 376, 378, 381, 383, 386, 388, 390, 397, 398, 407, 415, 420-422, 432, 433, 476, 477, 480, 481, 494, 511, 513, 518, 519, 533, 535-537, 539, 541, 542, 548, 563-565, 573, 584, 597, 605, 611, 613, 633, 644, 668, 672, 678, 680, 688, 689  
 Томская губ. 10, 65, 66, 98, 113-115, 142, 148, 155, 218, 265, 271, 295, 318, 331, 332, 375-377, 386, 387, 397, 407, 408, 413, 432

- Пристань, с. 260, 273, 275, 291, 340, 368, 381, 466, 467, 474, 511, 512, 538, 549, 548, 554, 555, 557, 558, 560-562, 566, 567, 571, 581, 582, 590, 596, 597, 598, 619, 661, 629-632, 634, 637
- Томский округ (административно-территориальная единица РСФСР в 1925-1930 гг.) 37, 38, 42, 47, 51, 52, 119, 273, 280, 283, 333, 334, 398, 480, 533, 587
- Томский р-он 529
- Томский уезд (ныне часть Томского р-на и обл.) 67, 75, 76, 93, 95, 159, 160, 171, 397, 426
- Топки, ст. (ныне станция и город в Кемеровской обл.) 374-376
- Топчихинский р-он (Алтайский край) 543
- Троицкий р-он (район в Алтайском крае) 193, 284, 543, 576
- Тропино, пос. (с.в Кольванском р-не Новосибирской обл.) 514, 526
- Тула, г. 331
- Тулунский округ (административно-территориальная единица РСФСР в 1925-1930 гг.) 37, 51
- Тунгусово, дер. (Молчановский р-он Томской обл.) 126
- Туркестан (территории в Средней и Центральной Азии) 325
- Туруханск, г. (город в Красноярском крае) 518
- Туруханский край (ныне северная часть Красноярского края) 50, 123, 142, 387, 393, 511
- Тутальское, с. (Кемеровская обл.) 265
- Тымск, с. Каргасокский р-он (Томская обл.) 292
- Тюкалинск, г. (Омская обл.) 331, 432
- Тюкалинский уезд (ныне часть Тюкалинского р-на Омской обл.) 88, 91, 259
- Тюкалинский р-он (район Омской обл.) 285
- Тюмень, г. 60, 142
- Тюменская губ. 105, 106, 108, 111, 112, 377
- Тюменская обл. 6, 102
- Тюменский уезд (ныне часть Тюменского р-на и обл.) 104
- Тюменцевский р-он (район в Алтайском крае) 293
- Тяжин, с. (ныне пгт и райцентр в Кемеровской обл.) 148
- Тяжинская вол. (ныне часть Тяжинского р-на Кемеровской обл.) 64
- Угловское, с. (ныне с. и райцентр Угловского р-на Алтайского края) 138
- Удалинский аймак (ныне часть Табунского р-на Республики Алтай) 193
- Ужур, с. (ныне город в Красноярском крае) 64
- Узунгуль, дер. Чановского р-на (ныне Новосибирская обл.) 16
- Уксунай, с. (ныне с. в Тогульском р-не Алтайского края) 371
- Улыбинская, дер. (ныне село в Новосибирской обл.) 90
- Умыган, с. (ныне село в Тулунском р-не Иркутской губ.) 15
- Урянхайский край (историческое название Республики Тыва) 165
- Усинское, с. 138
- Успенский аймак (ныне часть Чойского р-на Республики Алтай) 193
- Усть-Каменогорский уезд Семипалатинской обл. 79
- Усть-Кут, с. (ныне город в Иркутской обл.) 537
- Усть-Таркский р-он (ныне район в Новосибирской обл.) 69
- Уч-Пристанский р-он (ныне Усть-Пристанский р-он Алтайского края) 122, 336, 543
- Уч-Пристань, с. (Алтайский край) 123
- Уч-Чебулинский с/с Тарского р-на (Омская обл.) 16
- Фёдоровский с/с (ныне Северный р-он Новосибирской обл.) 534
- Филиппово, с. (ныне село в Ордынском р-не Новосибирской обл.) 258
- Хабаровск, г. 38
- Хабарский р-он (район Алтайского края) 302, 585
- Хакасия (субъект РФ) 32, 42, 43, 44, 582
- Хакасская обл. 195
- Хакассий округ (ныне Республика Хакасия) 37, 42, 44, 51, 138, 433
- Харьков, г. 179, 319, 332
- Харьковский округ (ныне часть Харьковской обл., Украина) 280
- Худяшовский с/с (ныне Ленинск-Кузнецкий р-он Кемеровской обл.) 80
- Центрально-Чернозёмная обл. (1928-1934 гг., ныне Белгородская, Воронежская, Курская, Липецкая, Орловская и Тамбовская обл.) 232
- Чаинский р-он (ныне район Томской обл.) 123, 124, 533, 538, 666
- Чановский р-н (ныне Новосибирская обл.) 16, 290
- Чебаки, с. (ныне дер. в Ширинском р-не Хакасии) 138

- Чекишевский с/с (ныне Крутинский р-он Омской обл.) 140  
 Челябинск, г. 31, 105, 108, 109, 284, 286, 472  
 Челябинская обл. 300  
 Чердынский р-он (Пермский край) 489  
 Черемхово с. (ныне г. Черемхово Иркутской обл.) 100  
 Черемхово, с. (дер. в Чаинском р-не Томской обл.) 128  
 Черемховские копи Иркутской губ. (ныне г. Черемхово Иркутской обл.) 66  
 Черемховский уезд (ныне часть Черемховского р-на Иркутской обл.) 99  
 Черепаново (пгт и райцентр Новосибирской обл.) 432  
 Черлакский р-он (Омская обл.) 190, 199  
 Черлаковское, с. (пгт и райцентр в Омской обл.) 286  
 Чернореченская, ст. (ныне в Козульском р-не Красноярского края) 100  
 Чесноковка, с. 301  
 Чистоозёрный р-он (район в Новосибирской обл.) 301, 568  
 Чистопольский уезд Казанской губ. (ныне Республика Татарстан) 647  
 Чумаково, с. (село в Куйбышевском р-не Новосибирской обл.) 128  
 Чумаковский р-он (часть Убинского и Северного р-нов Новосибирской обл.) 128  
 Чусовской р-он (Пермский край) 489  
 Шадринск, г. (ныне г. в Курганской обл.) 184  
 Шанхай, г. 26  
 Шарыпово, с. (райцентр Красноярского края) 64, 65, 70  
 Шарыповская вол. (Красноярский край) 68  
 Шатровская вол. (Курганская обл.) 107  
 Шатура, г. (Московская обл.) 20  
 Шегарский р-он (Томская обл.) 96, 161, 590  
 Шеломки, с. (ныне Дзержинский р-он Красноярского края) 62  
 Шипуновский р-он (район Алтайского края) 288  
 Шуя, г. 334  
 Щегловск, пос. (ныне г. Кемерово) 161, 376, 407, 422, 432, 443  
 Щегловский уезд (ныне часть Кемеровского р-на и обл.) 67, 76, 80, 102, 113, 164, 371, 373  
 Щука, пос. (прекратил существование) 132  
 Юдино, с. 106  
 Юрга, пос. (город в Кемеровской обл.) 245, 266, 384, 578  
 Юргинский р-он (Кемеровская обл.) 296, 576  
 Юрт-Калтай, дер. Коларовского р-на Томского округа (ныне Томский р-он Томской обл.) 273  
 Яковлевка, дер. (Кемеровская обл.) 103  
 Ялуторовск, г. 105  
 Ялуторовский уезд (ныне часть Тюменской обл.) 104, 165  
 Яр, с. Коларовского р-на Томского округа (ныне с. Ярское Томского р-на и обл.) 578  
 Ярославль, г. 359  
 Яшкино, дер. (ныне пгт и райцентр в Кемеровской обл.) 159  
 Яя, с. (ныне пгт и райцентр Кемеровской обл.) 443, 515, 576



## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

### Опубликованные документы

- Боль людская. Книга Памяти томичей, репрессированных в 30–40-е и начале 50-х годов : в 5 т. Томск : Управление ФСБ РФ по Томской области, 1991–1999.
- Боль людская: Книга Памяти жителей Томской области, репрессированных в 1920-х – начале 1950-х гг. : в 3 т. / Сост. В.Н. Уйманов. – Томск : Изд-во Том. ун-та. – 2016. – 2038 с.
- Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга Памяти жертв политических репрессий. М., 1998.
- Власть и интеллигенция в сибирской провинции. У истоков советской модернизации. 1926–1932 : сб. док. Новосибирск, 1999.
- Жертвы политических репрессий в Алтайском крае : в 7 т. Барнаул : Упр. арх. дел адм. АК, 1998–2005.
- За советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии. 1921 : сб. док. / сост. В.И. Шишкин. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000.
- Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий в Омской области : в 11 т. Омск : Кн. изд-во, 2000–2003.
- Изгой коллективизации: алтайская деревня в 1928–1933 годах : сб. док. Барнаул : Управление архивного дела Алтайского края, 2007.
- Из бездны небытия. Книга Памяти репрессированных калужан. Калуга : Управление ФСК РФ по Калужской области, 1994.
- Из истории земли томской. 1917–1921. Народ и власть : сб. док. и матер. Томск, 1997.
- Из истории земли томской. Сибирский Белосток : сб. док. и матер. Томск, 1998.
- Из истории земли томской. Год 1937... : сб. док. и матер. Томск, 1998.
- Из истории земли томской. 1921–1924. Народ и власть : сб. док. и матер. Томск, 2000.
- Из истории земли томской. 1925–1929. Народ и власть : сб. док. и матер. Томск, 2000.
- Из истории земли томской. Народ и власть. 1930–1933 : сб. док. и матер. Томск, 2001.
- Из истории земли томской. Невольные сибиряки. 1940–1956 : сб. док. и матер. Томск, 2001.
- Из истории земли томской. Назинская трагедия : сб. док. и матер. Томск, 2002.
- Из истории ВЧК. 1917–1921 гг. : сб. док. М., 1958.
- История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах / Т. 2. Карательная система: структура и кадры. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 696 с.
- История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах / Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 824 с.
- Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Новосибирск : Сова, 2005–2014. Вып. 1–4.
- Книга Памяти жертв политических репрессий в Новгородской области. Новгород : Ассоциация жертв репрессий: Администрация области, 1993.
- Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири (1927–1937 гг.). Документы и материалы. Томск, 1972.





- Коллективизация сибирской деревни. Январь–май 1930 г. : сб. док. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2009. 488 с.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1979.
- Красная книга ВЧК : в 2 т. М. : Изд-во полит. лит., 1989.
- Крестьянская Голгофа. Книга памяти репрессированного крестьянства Омской области : в 5 т. Омск: Кн. изд-во, 2013–2015.
- Ленинградский мартиролог. Книга памяти жертв политических репрессий. 1937–1938 : в 5 т. СПб. : Изд-во Российской национальной библиотеки, 1995–2002.
- Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД, янв. 1922 – дек. 1936. М., 2003.
- Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. М.: МФД, 2003.
- Лубянка – Старая площадь. Секретные документы ЦК КПСС и КГБ о репрессиях в 1937–1990 гг. в СССР / сост. В.Н. Бредихин. М. : Посев, 2005.
- Меньшевитский процесс 1931 года : сб. док. : в 2 кн. М., 1999.
- Неизвестный Кузбасс. Вып. 2: Тоталитарная система: Палачи и жертвы : сб. арх. док. Кемерово, 1995.
- Не предать забвению: Книга Памяти репрессированных в 30–40-е – начале 50-х годов, связанных судьбами с Ярославской областью / сост. В.П. Голиков, В.А. Виноградов. Ярославль : Верхне-Волж. кн. изд-во, 1993.
- Первое слово правды: Доклад Комиссии ЦК КПСС Президиуму ЦК КПСС по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии. 9 февраля 1956 г. М.: Музей истории ГУЛАГа, РГАСПИ. 2022. 182 с.
- Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940 : в 2 кн. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. Кн. 1. 912 с.
- Правозероковский политический процесс в Москве. 8 июня – 4 августа 1922 г. Стенограмма судебных заседаний : в 14 т. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. Т. 1, 2. 687 с.
- «Руководствуясь революционной совестью...» : сб. док. по истории Алтайской губЧК, 1919–1922. Барнаул : Управление архивного дела Алтайского края, 2006.
- Сборник законодательных документов по вопросам организации и деятельности советской милиции (1917–1934 гг.). М., 1957.
- Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М. : Республика, 1993.
- Сибирская Вандея. 1920–1921 гг. Документы : в 2 т. / под ред. А.Н. Яковлева ; сост. В.И. Шишкин. М. : Международный фонд «Демократия», 2001.
- Сибирский революционный комитет (Сибревком). Авг. 1919 – дек. 1925 г. : сб. док. и матер. Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 1959.
- Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы : в 4 т. Т. 1: 1918–1922. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 864 с.
- Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы : в 4 т. Т. 2: 1923–1929. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 1168 с.
- Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы : в 4 т. Т. 3: 1930–1934. Кн. 1: 1930–1931 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 864 с.
- Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы : в 4 т. Т. 3: 1930–1934. Кн. 2: 1932–1934 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 840 с.
- Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг. Документы и материалы. Новосибирск : Посох, 2004.
- Социальный портрет лишенца (на материалах Урала) : сб. док. / сост. Е.В. Байда, В.М. Кириллов, Л.Н. Мазур и др. ; отв. ред. Т.И. Славко. Екатеринбург : УрГУ, 1996.

Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. / сост. С.А. Красильников, В.Л. Кузнецова, Т.Н. Осташко и др. Новосибирск : ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1992.

Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г. / сост. С.А. Красильников, В.Л. Кузнецова, Т.Н. Осташко и др. Новосибирск : ЭКОР, 1993.

Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг. / сост. С.А. Красильников, В.Л. Кузнецова, Т.Н. Осташко и др. Новосибирск : ЭКОР, 1994.

Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг. / сост. С.А. Красильников, Д.Н. Нохотович, Т.Н. Осташко и др. Новосибирск : ЭКОР, 1996.

Спец(труд) поселения Западной Сибири в 1933 г. : повседневность комендатур, Назинская трагедия. Сборник документов / сост.: С.А. Красильников, О.В. Филиппенко. Новосибирск, 2022. – 470 с.

Томские заморозки хрущевской оттепели: сб. док. и матер. / ред. Ю.В. Куперт, Л.Н. Приль. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы : в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999–2004.

Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1980-е годы. Аннотированный перечень архивных документов и материалов. Избранные документы / сост., вступ. статья и комментарии А.И. Савина. Новосибирск ; Санкт-Петербург : Посох, 2006.

Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы: эмиграция и репрессии. Документы и материалы. Новосибирск : Посох, 2009.

1936–1937 гг. Конвейер НКВД: Из хроники «Большого террора» на томской земле. Томск ; Москва : Водолей Publishers, 2004.

1937–1938 гг. Операции НКВД: Из хроники «Большого террора» на томской земле. Томск ; Москва : Водолей Publishers, 2006.

### Неопубликованные источники

#### Государственный архив Новосибирской области:

Фонд Р-20. Прокуратура Новосибирской области (1922 – н. вр.). Оп. 1. Д. 3, 6, 7, 10, 12, 20–22, 29, 30, 39, 46, 47, 54, 56, 58, 59, 63, 71, 75, 87, 105, 136, 145, 146, 159, 183, 198, 199, 205, 209, 210, 213, 226, 239, 248, 256, 259, 1272.

Оп. 2. Д. 3, 4, 10, 15, 17, 19, 20, 47, 67, 70, 117, 128, 131, 135, 143, 152, 164, 180, 181, 229.

Оп. 3. Д. 18, 19, 21–23, 25, 30, 54.

Оп. 4. Д. 1–3.

Фонд Р-467. Отдел юстиции Сибревкома (Сибюст). Оп. 1. Д. 3, 33, 40, 44, 63, 66, 67.

Фонд Р-878. Управление прокурора Новониколаевской губернии (1922–1925 гг.). Оп. 1.

Фонд Р-1027. Новосибирский областной суд Министерства юстиции Российской Федерации (1922 г. – н. вр.). Оп. 1. Д. 280; Оп. 2, 3.

Оп. 6. Д. 1–1ж, 7а, 7д, 9–11, 13–16.

Оп. 7. Д. 4, 7, 10, 17–20, 26, 31, 39, 43, 52.

Оп. 8. Д. 2, 4, 7, 18, 32.

Оп. 10. Д. 1, 13, 21.

Фонд Р-1061. Новосибирский окружной суд (1925–1930 гг.). Оп. 1.

Фонд Р-1096. Новониколаевский единый губернский революционный трибунал Сибирского отделения Верховного трибунала ВЦИК (1920–1922 гг.). Оп. 1. Д. 331, 333.

Фонд Р-1146. Сибирский отдел Верховного Суда РСФСР (1920–1923 гг.). Оп. 1. Д. 3, 11, 22, 55, 59–63, 74, 105, 152–207, 216–219, 848, 856, 868–872.

Фонд Р-1185. Чрезвычайный Сибирский революционный трибунал Сибревкома (1920 – не уст.). Оп. 1.

- Фонд Р-1240. Новониколаевский губернский суд (1922–1925 гг.). Оп. 1, 2.  
Фонд Р-1958. Сибирская краевая инспекция мест заключения. Оп. 1. Д. 1, 14, 39, 70, 72, 87, 89, 91.  
Фонд П-1. Сиббюро ЦК РКП(б). Оп. 1. Д. 125, 132, 188, 254, 435, 750.  
Оп. 2. Секретно-директивная часть Сиббюро ЦК РКП(б). Д. 98, 106, 142, 155, 157, 161, 166, 188, 202, 204, 260, 275, 290, 292, 306, 309, 367, 375, 468.  
Оп. 2«а». Д. 29.  
Оп. 9. Д. 15а.  
Фонд П-302. Штаб командующего частями особого назначения (1920–1924 гг.). Оп. 1. Д. 78.

**Государственный архив Томской области:**

- Фонд Р-105. Революционный военный трибунал Томской железной дороги и бассейна рек Оби и Енисея Главного революционного военного железнодорожного трибунала. Оп. 1. Д. 2.  
Фонд Р-117. Томский губернский суд. Оп. 1. Д. 471.  
Фонд Р-118. Народные суды Томской губернии (1920–1925 гг.). Оп. 1. Д. 31, 135, 174, 197, 267.  
Фонд Р-159. Отдел юстиции Томского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Губюст), г. Томск (1919–1922). Оп. 1, 2, 5, 6, 8, 11.  
Фонд Р-173. Томский губернский исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (губисполком), г. Томск (1920–1925). Оп. 1. Д. 524, 987.  
Фонд Р-183. Исправительно-трудоустройственный отдел юстиции Томского губисполкома, г. Томск (1920–1922). Оп. 1. Д. 5, 6, 11, 12, 16, 21, 27, 40, 46, 50, 57, 61, 62, 64, 70, 72, 83, 91, 128, 139.  
Фонд Р-188. Инспекция мест заключения административного отдела Томского губисполкома, г. Томск (1922–1925). Оп. 1. Д. 2–5, 7, 8, 12, 13, 16, 19, 26, 28–30, 32, 33.  
Фонд Р-193. Кривошеинский райсовет депутатов трудящихся и его исполком, с. Кривошеино Кривошеинского р-на. Оп. 1. Д. 131.  
Фонд Р-236. Томский губревтрибунал, г. Томск (1920–1922). Оп. 1. Д. 1, 2, 7–9, 16, 20, 26, 28, 49, 50, 85, 166, 173, 176.  
Оп. 2. Д. 81, 91, 92, 96, 100, 112, 141, 142, 152, 157, 215, 217, 234, 259, 288, 306, 330, 401.  
Оп. 3. Д. 116, 117, 120, 162, 172, 195, 279, 322, 325, 445, 449, 558, 570.  
Оп. 4. Д. 51, 84, 128, 130, 247, 266, 278.  
Оп. 5. Д. 1421, 1450, 1473, 1542, 1695–1697.  
Оп. 6. Д. 2–6, 65.  
Фонд Р-277. Управление Томской губернской рабоче-крестьянской советской милиции отдела управления Томского губисполкома, г. Томск (1920–1923). Оп. 1. Д. 51.  
Фонд Р-278. Управление Томской уездной рабоче-крестьянской советской милиции отдела управления Томского уисполкома, г. Томск (1920–1923). Оп. 1. Д. 26, 38, 863, 866, 882, 895, 908, 955, 974, 982 «а», 991, 998, 1004, 1054, 1061, 1066, 1077.  
Оп. 2. Д. 2–11, 13, 15, 17, 18, 22, 25, 27, 35, 37, 38.  
Оп. 3. Д. 1, 3–5, 8–10, 12, 15, 17, 20–22, 25–27, 30, 33, 38, 44, 50, 53, 59, 60.  
Фонд Р-279. Управление Томской городской рабоче-крестьянской советской милиции отдела управления Томского уисполкома, г. Томск (1919–1921). Оп. 1. Д. 2, 10, 56, 76, 78 «а», 88, 97, 153, 166, 194; Оп. 2. Д. 1 «а», 9, 18, 46, 118; Оп. 3. Д. 11.  
Фонд Р-193. Кривошеинский райсовет депутатов трудящихся и его исполком, с. Кривошеино. Оп. 1. Д. 102.  
Фонд Р-338. Отдел здравоохранения Томского окрисполкома. Оп. 1. Д. 39, 93.  
Фонд Р-427. Административный отдел окружного исполкома Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Оккрадмотдел), г. Томск (1925–1930). Оп. 1. Д. 1–6, 9–12, 24, 34.

- Фонд Р-428. Управление Щегловской рабоче-крестьянской советской милиции, г. Щегловск (1920–1925). Оп. 1.
- Фонд Р-430. Томский городской совет народных депутатов. Оп. 3. Д. 5.
- Фонд Р-496. Моряково-Затонский (Тигильдеевский) с/с и его исполком, затон Моряковский. Оп. 1. Д. 159.
- Фонд Р-523. Инспекция мест заключения административного отдела Томского окрисполкома, г. Томск (1925–1927). Оп. 1. Д. 2–6.
- Фонд Р-528. Волостные исполкомы Томской губернии. Оп. 1. Д. 1662.
- Фонд Р-579. Штаб командующего частями особого назначения Томской губернии (1920–1924 гг.). Оп. 1. Д. 83.
- Фонд Р-597. Нарымский окружной суд, г. Колпашево (1932–1944). Оп. 1, 4, 5, 51.
- Фонд Р-638. Колпашевский леспромхоз Томского государственного комбината «Томлес», раб. пос. Колпашево. Оп. 1. Д. 6.
- Фонд Р-641. Колпашевский райсовет депутатов трудящихся и его исполком, г. Колпашево. Оп. 1. Д. 658.
- Фонд Р-654. Колпашевский с/с и его исполком, с. Колпашево Колпашевского р-на. Оп. 1. Д. 16.
- Фонд Р-656. Широковский с/с и его исполком, юрты Широковы Колпашевского р-на. Оп. 1. Д. 2, 73, 77, 90.
- Фонд Р-657. Моховский с/с и его исполком, дер. Моховая Колпашевского р-на. Оп. 1. Д. 7, 73, 113, 114.
- Фонд Р-658. Зайкинский с/с и его исполком, дер. Зайкина Колпашевского р-на. Оп. 1. Д. 6, 7, 13, 14, 27.
- Фонд Р-660. Новоильинский с/с и его исполком, с. Новоильинское Колпашевского р-на. Оп. 1. Д. 77, 135.
- Фонд Р-661. Тогурский с/с и его исполком, с. Тогур Колпашевского р-на. Оп. 1. Д. 7, 26, 57, 84, 89, 125, 126, 175, 243, 252-254.
- Фонд Р-662. Суготский с/с и его исполком, дер. Сугот Колпашевского р-на. Оп. 1. Д. 79, 100, 164, 203, 213, 276.
- Фонд Р-663. Верхнекетский (Максимоярский) с/с, юрты Максимоярские Колпашевского р-на. Оп. 1. Д. 100.
- Фонд Р-664. Абрамкинский с/с и его исполком, дер. Староабрамкина Колпашевского р-на. Оп. 1. Д. 23, 85.
- Фонд Р-665. Матюшкинский с/с и его исполком, дер. Матюшкин Мыс Колпашевского р-на. Оп. 1. Д. 6.
- Фонд Р-666. Жигаловский с/с и его исполком, дер. Жигалова Колпашевского р-на. Оп. 1. Д. 23, 28, 113, 161, 230, 231, 300.
- Фонд Р-667. Петропавловский с/с и его исполком, дер. Усть-Чая Колпашевского р-на. Оп. 1. Д. 103, 203.
- Фонд Р-668. Северский с/с и его исполком, дер. Север Колпашевского р-на. Оп. 1. Д. 43, 53, 91, 92.
- Фонд Р-673. Прокурор Кривошеинского р-на, с. Кривошеино. Оп. 1. Д. 10, 15, 17, 68.
- Фонд Р-674. Кривошеинский с/с и его исполком, с. Кривошеино Кривошеинского р-на. Оп. 1. Д. 42, 55.
- Фонд Р-702. Семеновский с/с и его исполком, дер. Ипатовка Бакчарского р-на. Оп. 2. Д. 12.
- Фонд Р-706. Першинский с/с и его исполком, дер. Першина Кривошеинского р-на. Оп. 1. Д. 22.
- Фонд Р-707. Козырбакский с/с и его исполком, дер. Казырбак Кривошеинского р-на. Оп. 1. Д. 28, 138.
- Фонд Р-723. Парабельский с/с и его исполком, с. Парабель. Оп. 1. Д. 5.

- Фонд Р-724. Нестеровский с/с и его исполком, дер. Малая Нестерова Каргасокского р-на. Оп. 1. Д. 21.
- Фонд Р-727. Басмасовский с/с и его исполком, дер. Басмасова Каргасокского р-на. Оп. 1. Д. 30, 63.
- Фонд Р-728. Чигаринский с/с и его исполком, с. Чигара Каргасокского р-на. Оп. 1. Д. 21, 27, 31, 54, 85, 86.
- Фонд Р-730. Нарымский с/с и его исполком, с. Нарым Каргасокского р-на. Оп. 1. Д. 19, 27, 31, 33.
- Фонд Р-731. Алатаевский с/с и его исполком, дер. Алатаева Каргасокского р-на. Оп. 1. Д. 12, 20, 24.
- Фонд Р-735. Подгорный с/с и его исполком, с. Подгорное Чаинского р-на. Оп. 1. Д. 18, 79; Оп. 2. Д. 6, 8, 26, 27, 50.
- Фонд Р-740. Каргасокский с/с и его исполком, с. Каргасок. Оп. 1. Д. 11.
- Фонд Р-743. Шерстобитовский с/с и его исполком, дер. Шерстобитово Каргасокского р-на. Оп. 1. Д. 15.
- Фонд Р-745. Кривоуццкий туземный с/с и его исполком, с. Кривоуцкое Александровского р-на. Оп. 1. Д. 7, 25.
- Фонд Р-747. Напасский туземный с/с и его исполком, юрты Напас–Летний Тымского р-на. Оп. 1. Д. 3, 40.
- Фонд Р-804. Прокурор Томского округа, Томск ([1926]–1930). Оп. 1. Д. 1, 2, 6 (ОД), 7, 9 (ОД), 10, 11, 13 (ОД)–15, 17.
- Фонд Р-809. Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности (губЧК), г. Томск (1919–1922). Оп. 1. Д. 1–11, 18.
- Фонд Р-811. Александровский районный совет депутатов трудящихся и его исполком, с. Александровское Александровского р-на. Оп. 1. Д. 120, 141.
- Фонд Р-870. Органы управления архивными учреждениями Томской области. Оп. 1. Д. 323.
- Фонд Р-914. Ласкинский с/с и его исполком, юрты Ласкины Каргасокского р-на. Оп. 1. Д. 7.
- Фонд Р-1023. Парабельский районный совет депутатов трудящихся и его исполком, с. Парабель. Оп. 1. Д. 3а.
- Фонд Р-1026. Томский областной суд (1944 – н. вр.). Оп. 1–3.
- Фонд Р-1040. Томская фабрично-заводская и сельскохозяйственная закрытая колония с домом заключения административного отдела Томского окрисполкома, г. Томск (1927–1931). Оп. 1. Д. 2–5, 7, 9, 10–12.
- Фонд Р-1135. Административный отдел Томского губисполкома Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (губадмотдел), г. Томск (1923–1925). Оп. 1. Д. 6 «а», 8, 12, 16–19, 24, 27, 34, 41, 44, 54.
- Фонд Р-1152. Томско-Асиновский ИТЛ ГУ ИТЛ НКВД СССР (Томсинлаг), с. Асино (1937–1940). Оп. 1.
- Фонд Р-1310. Висково-Ярский с/с и его исполком, дер. Прорыто Каргасокского р-на. Оп. 1. Д. 3, 5, 11.
- Фонд Р-1432. Инспектора Государственной статистики. Оп. 1. Д. 12.
- Фонд 3. Томское губернское управление, Томск. Оп. 41. Д. 285.

**Управление архивного дела администрации Алтайского края:**

Фонд Р-2. Управление ФСБ РФ по Алтайскому краю. Оп. 6. Д. 186.

**Центр документации Новейшей истории Томской области:**

Фонд 1. Томский губернский комитет РКП(б). Общий отдел. Оп. 1. Д. 1, 4, 27, 33, 39, 54, 55, 59, 73, 75, 78, 80, 87, 91, 96, 107, 111, 136, 204, 424.

Фонд 76. Томский окружной комитет ВКП(б). Оп. 1. Д. 78, 502, 646, 700, 838, 846, 848, 942–944, 989.

Фонд 80. Томский горком КПСС. Оп. 1. Д. 6, 54, 55, 132, 133, 164, 166, 167, 186, 265, 361–363, 379, 400, 401, 407, 415, 416, 471, 493, 497, 502, 541, 560, 602, 616, 617, 649, 650, 654, 661, 662, 666, 671, 684, 689, 700, 711–714, 740–744, 776, 778, 779, 784, 800, 801, 807, 830, 831, 862, 865, 866, 873.

Оп. 3. Д. 15, 327, 328.

Фонд 102. Васюганский райком КПСС. Оп. 1. Д. 26, 34.

Фонд 206. Нарымский окружной комитет ВКП(б). Оп. 1. Д. 1, 131, 582.

Фонд 607. Томский обком КПСС. Оп. 1. Д. 47, 242, 243, 282, 293, 400, 401, 729, 934, 948, 949, 1151, 1160, 1317, 1333, 1693, 1698, 1700, 1707, 1924, 2248, 2249, 2253, 2267, 2268, 2279, 2412, 2418, 2504, 2538, 2566, 2621, 2678, 2683, 2943, 2947.

#### **Управление ФСБ РФ по Новосибирской области:**

Фонд архивно-следственных дел. Д. 198, 1236, 3591, 4430, 4495, 4513, 4530, 4534–4536, 4543, 4739, 4809, 4934, 4944, 6507, 6510, 7285, 8437, 11516, 11959, 13672, 18477 о/ф.

#### **Управление ФСБ РФ по Томской области:**

Фонд архивно-следственных дел. Д. 311, 2574, 5621, П-765, П-860, П-898, П-2096, П-2107, П-2110, П-2517, П-2527, П-2969, П-2971, П-3441, П-3521, П-3843, П-5046, П-5690, П-6806, П-7503, П-7884, П-8556, П-8805, П-9315, П-9846, П-10220, П-10282, П-10774, П-10975, П-11190, П-11235, П-11240, П-11412, П-11461, П-11575, П-11698, П-11726, П-11729, П-11738, П-11943, П-11947, П-12049, П-13011, П-13021, П-13030, П-13031, П-13052, П-14001, П-14075, П-14085.

Фонд личных дел сотрудников.

Фонд 10. Отделения регистрации и архивных фондов. Д. 29, 34, 35, 41, 85, 1011.

Фонд 16. Коллекция документов, представляющих оперативную или историческую ценность. Д. 60.

#### **Информационный центр Управления внутренних дел Томской области:**

Фонд архивных уголовно-следственных дел 8–9. Д. 1–5889, 7147, 7731, 53327; Р-1 – Р-684, Р-26282, Р-32079, Р-53527; ОР-2253; 513-ор, 2317-ор, 2584-ор.

Обзоры деятельности подразделений реабилитации жертв политических репрессий и архивной информации информационных центров МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации за 2000–2009 гг. М. : ГИЦ МВД России.

### **Периодические и продолжающиеся издания**

Алтайская правда (Барнаул). 1989–1992.

Аргументы и факты. 1989–1995.

Вопросы истории. 1989–1990.

Знамя революции (Томск). 1920–1921.

Известия ЦК КПСС. 1989–1990.

Карта: Российский независимый исторический журнал. 1994.

Красное знамя (Томск). 1922–1938, 1989–1995.

Красный Алтай (Барнаул). 1922.

Кузбасс (Кемерово). 1938–1939, 1989–1993.

Молодой ленинец («ТМ-Экспресс» (Томск)). 1989–1993.

Народная трибуна (Томск). 1990–1994.

Политическая информация (Томск). 1989–1990.

Томский вестник (Томск). 1990–1995.

Сибирские огни (Новосибирск). 1989, 1993.  
Советская Сибирь (Новосибирск). 1922–1938, 1989–1992.

### Воспоминания

- Алин Д.Е.* Мало слов, а горя реченька... Невыдуманные рассказы. Томск : Водолей, 1997.  
*Берия С.* Мой отец – Лаврентий Берия. М. : Современник, 1994.  
*Беспалько А.А.* Отчие дали. М. : Издат. группа «Граница», 2015. 360 с.  
*Варкентин Я.* Я остался живым... // Красное знамя. 1989. 29 янв.  
Возвращение памяти : историко-публицистический альманах : в 3 вып. Новосибирск, 1991–1997.  
Вся наша жизнь. Воспоминания Галины Ивановны Левинсон и рассказы, записанные ею. М. : Мемориал, 1996.  
*Гинзбург Е.Н.* Крутой поворот // Юность. 1988. № 8.  
*Голушко Н.М.* В спецслужбах трех государств. М. : Редакция «Историческая газета», 2009.  
*Иванов-Разумник Р.А.* Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки / вступ. статья, сост. В.Г. Белоуса. М. : Новое литературное собрание, 2000.  
Из прошлых лет (Из рукописи воспоминаний И.Н. Филатова) // Забвению не подлежит: Книга Памяти жертв политических репрессий в Омской области. Омск : Кн. изд-во, 2003. Т. 10.  
*Ларина А.М.* Незабываемое // Знамя. 1988. № 10–12.  
Мемуары Никиты Сергеевича Хрущёва // Вопросы истории. 1990. № 2–12; 1991. № 1–12; 1992. № 1–3, 6–9, 11–12; 1993. № 2–10; 1994. № 1–7.  
*Разгон Л.Э.* Непридуманное: Повесть в рассказах. М. : Книга, 1989.  
Служение Отечеству: воспоминания, статьи, документы. 1917–2005 гг. : в 2 кн. Кемерово, 2005.  
*Тамарина Р.* Такая планида, или Зарубки на «Щепке». Томск : Водолей, 2002.  
Театр ГУЛАГа / сост., вступ. ст. М.М. Кораллова. М. : Мемориал, 1995.  
*Фойт Л.И.* Сталинск в годы репрессий. Воспоминания. Письма. Документы. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1995. Вып. 2.  
*Штраус А.С.* Изгой. Сер. «Русский народ». Иваново : Ковровская заря, 1991.  
«Я остался живым...». Свидетельства человека, прошедшего ад сталинских лагерей // Красное знамя. 1989. 29 янв.  
*Яковлев А.Н.* Сумерки. М. : Материк, 2005.

### Справочные и статистические издания

- Административно-территориальное деление Сибири : справочник. Новосибирск : Зап-Сиб. кн. изд-во, 1966.  
Возвращённые имена (О репрессиях в годы культа личности Сталина в Башкирии) / сост. Г.Д. Иргалин, Е.П. Асабин. Уфа : Башк. кн. изд-во, 1991.  
Забвению не подлежит. О репрессиях 30-х – начала 50-х годов в Нижегородской области. Нижний Новгород, 1990.  
*Забелин А.А.* Имя им легион. Судьбы смолян, репрессированных в других республиках, краях, областях. Смоленск : Изд-во Смол. гум. ин-та, 1998.  
Звенья. Исторический альманах. М. : Прогресс: Феникс: Atheneum, 1991. Вып. 1.  
Звенья. Исторический альманах. М. ; СПб. : Прогресс: Феникс: Atheneum, 1992. Вып. 2.  
Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. Новосибирск, 2009.  
История Сибири. Л. : Наука, 1968. Т. 4.  
Книги Памяти жертв политических репрессий в СССР. Аннотированный указатель. СПб., 2003.  
Лубянка. ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1960 : справочник. М. : Издание МФД, 1997.

Марченко С.Г. Страницы истории уголовно-исполнительной системы Кемеровской области. Кемерово, 2009.

Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. Приказ № 00447. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд «Президентский центр им. Б.Н. Ельцина», 2010. 751 с. (История сталинизма. Документы).

Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. Меньшевики в 1921–1922 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 622 с.

Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. Меньшевики в 1922–1924 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 728 с.

Нарымская хроника 1930–1945: Трагедия спецпереселенцев. Документы и воспоминания / сост. и комментарии В.Н. Макшеева. М. : Русский путь, 1997.

Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934–1941 : справочник / Общество «Мемориал», РГАСПИ, ГАРФ ; под ред. Н.Г. Охотина и А.Б. Рогинского. М. : Звенья, 1999.

Политические репрессии в Алтайском крае. 1919–1965. Барнаул : Алтайский полиграфический комбинат, 2005.

Преобразование Кузбасса в индустриальный регион (1927–1937 гг.). Кемерово : Кем. ун-т, 1995.

Принудительный труд. Исправительно-трудовые лагеря в Кузбассе (30–50-е гг.) / отв. ред. Л.И. Гвоздкова и др. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1994. Т. 1.

Регистрационный сборник особоучётников. М. : ОГПУ, 1924.

Реквием. Орёл : УФСК РФ по Орловской области, 1994.

Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. 1.

Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960 : справочник / Об-во «Мемориал», ГАРФ ; сост. М.Б. Смирнов ; под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. М. : Звенья, 1998.

Список быв[ших] чинов Отдельного корпуса жандармов. М. : ОГПУ, 1927.

Список быв[ших] унтер-офицеров, филеров жанд. управл. и охран. отдел., чинов Департа. полиции. Ч. 1. М. : ОГПУ, 1929.

Список контрразведчиков, милиции, официальных чинов МВД белых правительств. М. : ОГПУ, 1930.

Список секретных сотрудников б[ывших] охранных отделений и жандарм[ских] управлений. Ч. 2. М. : ОГПУ, 1929.

Список бывш[их] чинов Отдельного корпуса жандармов, унтер-офицеров, секретных сотрудников губернских жандармских управлений, охранных отделений и жандармских полицейских управлений железных дорог, розыск коих прекращен. М. : ОГПУ, 1929.

Справочник-список офицерского и рядового состава жандармских управлений, охранных отделений, агентов охранной агентуры Дворцового коменданта и чинов Департамента полиции Министерства внутренних дел царской России. М. : ГАУ НКВД СССР, 1940.

Управление ФСБ РФ по Кемеровской области. Служение Отечеству: 1917–2005 гг. Воспоминания, статьи, документы : в 2 кн. / автор-сост. В.В. Онищенко. Кемерово, 2005.

## Публикации государственных и партийных деятелей

Ленин В.И. Маленькая картинка для выяснения больших вопросов // Полн. собр. соч. Т. 37.

Ленин В.И. Предложения о работе ВЧК // Полн. собр. соч. Т. 37.

Ленин В.И. О задачах профессиональных союзов в связи с мобилизацией на Восточный фронт: Речь на Пленуме ВЦСПС 11 апреля 1919 г. // Полн. собр. соч. Т. 38.

Маркс К. Конспект книги Бакунина // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 18.

Сталин И. Доклад на объединённом Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 07–12.01.1933 г. «Итоги первой пятилетки» // Собр. соч. Т. 13. М., 1951.

Сталин И. «О правом уклоне в ВКП(б)»: Речь на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. (стенограмма) // Собр. соч. Т. 12. М., 1953.



Энгельс Ф. Об авторитете // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18.  
Ярославский Ем. О красном бандитизме: (Маринское дело). Томск, 1922.

### Научная и научно-популярная литература

Аблажей Н.Н. «Жулацкая» и «ровсовская» операции по приказу № 00447 // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. 2-е изд. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина ; Германский исторический институт в Москве, 2009.

Абраменко И.А. Боевые действия коммунистических отрядов – частей особого назначения в Западной Сибири (1920–1923 гг.) // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1965. Вып. 4.

Абраменко И.А. Коммунистические формирования – части особого назначения (ЧОН) Западной Сибири (1920–1924 гг.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1973.

Агарков А.В. Формирование пенитенциарной системы СССР с 1917 по 1935 г. и её оперативное обслуживание // История уголовно-исполнительной системы в России : сб. науч. ст. М.: НИИ ФСИН России, 2007. Вып. 3.

Агарков А.В. Трансформация задач оперативных подразделений пенитенциарной системы СССР в первой половине XX в. // Вестник Владимирского юридического института: Науч.-образов. журнал. 2010. № 2(15).

Адибеков Г.М. Спецпереселенцы – жертвы «сплошной коллективизации». Из документов «особой папки» Политбюро ЦК ВКП(б) 1930–1932 гг. // Исторический архив. 1994. № 4.

Аладына Л.С., Ковалев О.Г., Шабанов Г.Х. Российская уголовно-исполнительная система: исторические этапы формирования. М., 2007.

Александров К.М. Народ, режим и армия. «Великий перелом» 1930–1933 годов. (Электронная версия).

Алексеев В.И. Принудительный и обязательный арестантский труд : аспект соотношения (1879–1917 гг.) // Уголовно-исполнительная система : право, экономика, управление: Науч.-образов. и информ. издание. 2012. № 2.

Алтайская деревня в 20–30-е годы XX века : сб. науч. тр. / отв. ред. В.Н. Разгон. Барнаул, 2010. 170 с.

«...А мы можем любить» (интервью с директором музея ГУЛАГА) А.В. Антоновым-Овсеевым // Преступление и наказание. 2002. № 4. С. 68–71.

Анашкин А.П. Раскулачивание на Алтае в 1927–1931 гг. // Алтайская деревня в 20–30-е годы XX века : сб. науч. тр. Барнаул, 2010.

Андреева А. Как это было // Красное знамя. 1993. 9 июня.

Аношин А.И., Гетьман А.С., Кузнецова Н.Н. История системы исполнения наказания на Дальнем Востоке (к 200-летию Министерства юстиции России). Хабаровск : РИОТИП, 2002.

Антонов-Овсеев В.А. Сталин и его время // Вопросы истории. 1989. № 1–4, 6–8.

Араловец Н.А. Потери населения России и СССР в конце 20-х – 30-е годы в историографии // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1984.

Базунов В.В., Детков М.Г. Тюрьмы НКВД–МВД СССР в карательной системе советского государства. М. : НИИ УИС Минюста России, 2000.

Безруков Г.Н. История политических репрессий в Алтайском крае (1916–1965 гг.) // Политические репрессии в Алтайском крае. 1919–1965. Барнаул : Алтайский полиграфический комбинат, 2005.

Белади Л., Краус Т. Сталин : пер. с венг. М. : Политиздат, 1989.

Белозёрова М.В. Проблемы интеграции и национального самоопределения коренных народов Южной Сибири : дис. д-ра ист. наук (рукопись). Томск, 2008. 794 с.

- Белоносов В.О.* Особенности становления советской пенитенциарной системы и исправительно-трудового права 1917–1934 гг. // Вестник Владимирского юридического института: Науч.-образов. журнал. 2013. № 1(26).
- Белоусова О.А.* К вопросу формирования уголовно-исполнительной системы Кузбасса (1917–1941 гг.) // История уголовно-исполнительной системы в России : сб. науч. ст. М., НИИ ФСИН России, 2007. Вып. 3.
- Берия: конец карьеры : сб. / сост. и общ. ред. В.Ф. Некрасова. М. : Политиздат, 1991.
- Берия Л.П.* Спасенные дневники и личный архив. Самое полное издание / Л. Берия. М. : Яуза-пресс, 2014. 992 с.
- Бешанов В.В.* «Летающие гробы» Сталина. «Всё ниже, и ниже, и ниже...». М. : Яуза-пресс, 2011.
- Бобренёв В.А., Рязанцев В.Б.* Палачи и жертвы. М. : Воениздат, 1993.
- Богданов М.А.* Разгром западносибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г. Тюмень, 1961.
- Боженко Л.И.* Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне (конец 1919 – 1927 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1969.
- Боженко Л.И.* Об одной из форм классовой борьбы в Сибири накануне и в первые годы новой экономической политики // Тр. Том. гос. ун-та. Сер. ист. 1969. Т. 214, вып. 4.
- Бойко В.* Вернуть честное имя крестьянству // Советский учитель. 1990. 19 марта.
- Бойко В.* Чаинское восстание // Народная трибуна. 1991. 8, 10, 13 авг.
- Бондаренко А.А.* Разгром колчаковщины и самоликвидация левозэсеровских организаций в Сибири // Партийные организации Сибири и Дальнего Востока: история и современность : сб. статей. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991.
- Борисова Е.В.* К вопросу формирования системы Государственного управления лагерей на территории Обь-Иртышского края. 1918–1940 // Вестник Тобольского гос. пед. ин-та. Тобольск, 2003. № 1.
- Боффа Дж.* История Советского Союза : в 2 т. М. : Международные отношения, 1990.
- Бриммерберг В.* Великомученики «Партии святых» // Народная трибуна. 1991. 15, 17 авг.
- Бударин М.Е.* Были о чекистах. Омск, 1976.
- Бударин М.Е.* Чекисты. Омск : Кн. изд-во, 1987.
- Булдаков В.П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. 2-е изд., доп. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 967 с. (История сталинизма).
- Булок Алан.* Гитлер и Сталин: Жизнь и власть: Сравнительное жизнеописание : в 2 т. Смоленск : Русич, 1994.
- Бушин В.С.* Иуды и простаки. М. : Эксмо; Алгоритм, 2010. 224 с.
- Ваксберг А.* Процессы // Литературная газета. 1988. 4 мая.
- Ваксберг А.* Царица доказательств // Литературная газета. 1988. 27 янв.
- Ванюков Д.А., Суслов И.В.* Годы репрессий. М. : Мир книги, 2007. 240 с. (Сер. История России).
- Варкентин Я.* Я остался живым... // Красное знамя. 1989. 29 янв.
- Васильева А.* Музей истории ГУЛАГа // Преступление и наказание. 2007. № 3. С. 70–71.
- Велидов А.С.* К истории ВЧК–ОГПУ. Без вымысла и купюр. СПб. : Алетейя, 2011.
- Верт Н.* История советского государства. 1990–1991 : пер. с фр. М. : Прогресс : Прогресс-Академия, 1992.
- Верт Н.* Террор и беспорядок. Сталинизм как система / пер. с фр. А.И. Пигалева. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010.
- Викторов Б.А.* Без грифа «Секретно». Записки военного прокурора. М., 1990.
- Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления: пер. с англ. А.В. Бардина. М. : Российская политическая энциклопедия ; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010.

«Включён в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. / О. Лейбович, А. Колдушко, А. Казанков и др. М. : Российская политическая энциклопедия ; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009.

*Волгогонов Д.* Триумф и трагедия // Роман-газета. 1990. № 19, 20.

*Волгогонов Д.А.* Сталинизм: сущность, генезис, эволюция // Вопросы истории. 1990. № 3.

*Волгогонов Д.А.* Семь вождей : в 2 кн. М., 1996.

*Волошин Д.В.* Курсовая подготовка пенитенциарного персонала в предвоенное и военное время (1940-е гг.) // Вестник Вологодского ин-та права и экономики ФСИН. Преступление, наказание, исполнение. 2014. № 1(25).

*Воронцов С.А.* Правоохранительные органы и спецслужбы Российской Федерации. История и современность. Сер. Учебники и учебные пособия. Ростов н/Д, 1999.

Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Образование, развитие, ликвидация. 1921–1935 // Материалы междунар. науч. конф. (26–28.10.2001 г.). М. : Общество «Мемориал»; Звенья, 2004.

*Выгон С.* Необъяснимый вымысел, или Одна романтическая история тридцатых годов, которую грубо и жестоко разрушили в кабинете следователя НКВД // Красное знамя. 1991. 14–15 июня.

*Гагарин А.* Трагическая страница // Политическая информация. 1989. № 12.

*Галкин В.* Во имя чести и правды // Кузбасс. 1989. 5 февр.

*Галкин В.* «Кемеровское дело» // Кузбасс. 1990. 8 апр.

*Галкин Н.В.* «Раскулачивание» в Кузбассе (Обзор рассекреченных документов) // XX век: исторический опыт аграрного освоения Сибири. Красноярск, 1993.

*Галкина Т.И.* Продовольственные отряды Омской губернии в борьбе за хлеб (1920–1921 гг.) // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Вып. 4. Томск, 1965.

*Гвоздкова Л.И.* История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1997.

*Генина Е.С.* К истории дела «ФОВС» в Западной Сибири // История белой Сибири : матер. 5-й Междунар. науч. конф. Кемерово, 2003.

*Генина Е.С.* Преследование «бывших белых» в ходе проверки партийных документов в 1935 г. [по материалам Кемеровского горкома ВКП(б)] // История белой Сибири : матер. 6-й Междунар. науч. конф., 7–8 февр. 2005 г. Кемерово, 2005.

*Герман Е.Н.* Хлебозаготовительная кампания 1932/1933 г. в Западной Сибири // Сибирская деревня: проблемы истории : сб. науч. тр. Новосибирск, 2004. 206 с.

*Гиляров Е.М., Михайличенко А.В.* Становление и развитие ИТУ Советского государства (1917–1925 гг.) : учеб. пособие. Домодедово : ВИПК МВД СССР, 1990.

Главное управление внутренних дел Кемеровской области. 1917–2002. Страницы истории. Кемерово : Кем. кн. изд-во, 2002.

*Говоров И.В.* Уголовно-правовые принципы государственной политики в области борьбы с профессиональной преступностью в советской России (1920–1940-е гг.) // История государства и права. 2004. № 1.

*Голиков Ю.И.* Служащие в условиях «чистки» госаппарата Сибири в конце 1920-х – начале 1930-х годов // Социально-политические проблемы истории Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 1994.

*Голиков Ю.И.* Генеральная «чистка» советского аппарата Сибири в конце 20-х – начале 30-х гг. // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–30-е гг.) : сб. науч. тр. Новосибирск, 1994.

*Голоскоков И.* Генералы ЧеКанной карьеры // Томские вести. 2005. 27 апр. – 4 мая.

*Голоскоков И.В., Уйманов В.Н.* На страже безопасности Государства Российского: очерки истории томских органов госбезопасности в биографиях их начальников. Томск, 2008.

Гонгало В.М. Крестьянское восстание 1921 г. в Петропавловском уезде // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и Гражданской войне (1905–1921 гг.) : сб. науч. статей. Омск, 2006.

Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы. М. : Политиздат, 1989.

Государственность. Законность. Честь. Страницы современности. Кемерово, 2007. 841 с.

Грани. Чекисты Красноярья от ВЧК до ФСБ. Красноярск : БУКВА, 2000.

Григорчук В. Люди «вечного поселения» (в воспоминаниях и документах) // Советская Сибирь. 1989. 2, 3, 5, 7 марта.

Гридунова И.А. Роль прокуратуры в реабилитационных мероприятиях 1939–1941 гг. на материалах Алтайского края и Новосибирской области // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009.

Гридунова И.А., Разгон В.Н. Реабилитация // Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. Приказ № 00447. М., 2010.

Гришаев В.Ф. Реабилитированы посмертно. Барнаул, 1995.

Гришаев В. Дважды убитые (К истории сталинских репрессий в Бийске). Барнаул, 1999.

Гузеева В. Р.И. Эйхе. Фанатизм и трагедия // Советская Сибирь. 1989. 25 авг.

Гузеева В. Роберт Эйхе: От фанатизма к трагедии // Коммунист Советской Латвии. 1990. № 9/10.

Гузеева В. «Дело» И.М. Миллера // Советская Сибирь. 1990. 3 апр.

Гузеева В. С бюро крайкома не вернулся... // Советская Сибирь. 1990. 5 мая.

ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои (Раскулачивание и гонение на Православную церковь пополняли лагеря ГУЛАГа) / Международное общество прав человека. Франкфурт н/Майн ; Москва, 1999.

Гуцин Н.Я. Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне (1926–1933 гг.). Новосибирск, 1972.

Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск : Наука, 1973.

Гуцин Н.Я. «Раскулачивание» в Сибири. 1928–1933 гг.: методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. 1996. № 2.

Гуцин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне. 1920-е – середина 1930-х гг. Новосибирск : Наука, 1987.

Данилов В., Ильин А., Тепцов П. Коллективизация: как это было // Урок даёт история. М. : Политиздат, 1989.

Демидов В.В. Укрепление сибирской партийной организации в ходе чистки РКП(б) в 1921 г. // Партийные организации Сибири и Дальнего Востока: история и современность : сб. статей. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991.

Детков М.Г. Содержание карательной политики Советского государства и её реализация при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы в тридцатые–пятидесятые годы. Домодедово : РИПК работников МВД СССР, 1992.

Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. М.: Вердикт-1М, 1999.

Дизендорф В.Ф. Прощальный взлёт // Судьбы российских немцев и наше национальное возрождение. Кн. 1: От национальной катастрофы – к попытке возрождения. М., 1997.

Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–30-е гг.) : сб. науч. тр. Новосибирск, 1994. 210 с.

Дмитриенко Н.М. Дело томских церковников 1922 г. // Социально-политическое развитие Сибири (XIX–XX вв.). Томск, 1993.

Дмитриенко Н.М. Как строили дорогу до Асины // Земля асиновская : сб. науч.-популяр. очерков к 100-летию г. Асины / отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995.

Добровольский А.В. Эсеры Сибири начала 20-х годов (1921–1923 гг.). Новосибирск, 1993.

- Добровольский А.В.* Эсеры и меньшевики Сибири в условиях перехода к нэпу. Новосибирск, 1995.
- Добровольский А.В.* Эсеры и меньшевики в общественно-политической жизни Сибири (1919–1924 гг.) : автореф. дис. канд. ист. наук. Новосибирск, 1995.
- Добровольский А.В.* Социалисты-революционеры Сибири: от распада к самоликвидации. Новосибирск, 1997.
- Долдин Н.И., Колыхалов Вен.А.* Нарыма дети. Томск : Изд-во «Ветер», 2020. 500 с.
- Дугин А.Н.* ГУЛАГ: открывая архивы // На боевом посту. 1989. 27 дек.
- Дугин А.Н.* Говорят архивы: неизвестные страницы ГУЛАГа // Социально-политические науки 1990. № 7.
- Дугин А.Н.* Сталинизм: легенды и факты // Слово 1990. № 7.
- Егоров В.С.* Система уголовных наказания в период становления советской власти // Уголовно-исполнительная система : право, экономика, управление 2006. № 4.
- Егорова Л.П.* Классовая борьба в западносибирской деревне в ходе хлебозаготовительных кампаний (1928–1930 гг.) // Осуществление аграрной политики КПСС в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1986.
- Елегчев И.* Со слов Ивана Терентьевича... // За советскую науку. 1989. 15 июня.
- Емельянов Ю.В.* Разгадка 1937 года / Ю.В. Емельянов. – М. : Вече. 2013, – 384 с.: ил. – (Историческое расследование).
- Ермакова Л.И.* Значение воспоминаний родственников репрессированных для изучения истории политических репрессий // Политические репрессии в Алтайском крае. 1919–1965. Барнаул : Алтайский полиграфический комбинат, 2005.
- Ефимов И.* Большой террор в России // Звезда 1999. № 5.
- Жанры 30-х годов.* Сонька Золотая Ножка // Невский проспект 1991. № 4.
- Жданова Г.Д.* Статистический анализ реализации приказа № 00447 в Алтайском крае в октябре 1937 – марте 1938 г. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009.
- Жданова Г.Д.* Применение статьи 58 УК в ходе коллективизации и раскулачивания на Алтае (1928–1933 гг.) // Алтайская деревня в 20–30-е годы XX века : сб. науч. тр. / отв. ред. В.Н. Разгон. Барнаул, 2010.
- Жертвы репрессий.* Нижний Тагил. 1920–1980-е годы / В.М. Кириллов. Екатеринбург, 1999.
- Жигалов А.В.* Административно-правовые особенности организации производственной деятельности мест лишения или ограничения свободы в России 20-х – начале 30-х гг. XX в. // Вестник Владимирского юридического института: науч.-образов. журнал. 2010. № 4(17).
- Жижков В.В.* «Дело Сорочьего лога»: Из истории гонений на Русскую православную церковь в 1920-х гг. // Сибирь на перекрестке мировых религий. Новосибирск, 2002.
- Жирнов Е.* «Процедура носила омерзительный характер» // Комсомольская правда. 1990. 28 окт.
- Жуков Ю.Н.* Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933-1937 гг. – М. : Концептуал, 2018. 368 с.
- Жучков А.* Спецпереселенцы // Советская Сибирь. 1992. 1, 2 окт.
- За отсутствием состава преступления* // Красное знамя. 1989. 12 февр.
- Загороднюк Н.И.* Ссылка крестьян в Северо-Западную Сибирь : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1999.
- Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе:* матер. XXVII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. 432 с.
- Запецкий В.* Колпашевский яр. Новосибирск, 1992.
- Захарченко В.Г.* Статья 58 УК РСФСР 1926 г. и некоторые особенности современного российского государства // Вестник Самарского юридического института: науч.-практ. журнал. 2014. № 3(14).
- Зданович А.А.* Органы госбезопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК–ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934 гг.). М., 2009.

- Земсков В.* «Архипелаг ГУЛАГ» глазами писателя и статистика // Аргументы и факты. 1989. № 45.
- Земсков В.* Спецпоселенцы (1930–1959 гг.) // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграция. М., 1994.
- Земсков В.Н.* Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954 гг.) // Отечественная история. 1994. № 1.
- Земсков В.* Политические репрессии в СССР (1917–1990 гг.) // Россия XXI. 1994. № 1–2.
- Земсков В.Н.* К вопросу о масштабах репрессий в СССР // СОЦИС. 1995. № 9.
- Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960 / Ин-т рос. истории. М. : Наука, 2003.
- Зубков А.И., Калинин Ю.И., Сысоев В.Д.* Пенитенциарные учреждения в системе Министерства юстиции России. История и современность. М.: НОРМА, 1998.
- Зубков А.И.* Карательная политика России на рубеже тысячелетий. М. : PRI, 2000.
- И ещё о реабилитации // Неделя. 1990. № 20.
- Иванов А.А.* Индивидуализация исполнения наказания в России. Теория, история и практика. М., ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2010.
- Иванова Г.М.* ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М. : МОНФ, 1997.
- Иванова Н.* Приговор вынесен «тройкой» // Красное знамя. 1989. 26 окт.
- Иванова Н.Ю.* К вопросу о репрессивной деятельности частей Красной армии и ЧОН в период народно-повстанческого движения в Горном Алтае 1920–1922 гг. // Актуальные вопросы истории Сибири. Пятое научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина : сб. науч. тр. Барнаул, 2005. 302 с.
- Иванова Н.Ю.* Силловые структуры раннесоветского режима и народно-повстанческое движение в Горном Алтае 1920–1922 гг.: особенности противостояния // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и Гражданской войне (1905–1921 гг.) : сб. науч. статей. Омск, 2006.
- Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994.
- Ивницкий Н.А.* Раскулачивание и депортация зажиточной части крестьянства (начало 1930-х гг.) // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе : матер. XXVII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001.
- Игнатова Н.* Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–1940 гг.: заселение и условия жизни // Корни травы : сб. статей молодых историков. М. : Звенья, 1996.
- Ильинский М.М.* Нарком Ягода. М. : Яуза [и др.], 2005.
- Ильиных В.А.* Выявление хозяйств, относимых к кулацким, в ходе налоговых кампаний конца 1920-х – 1930-х гг. // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе : матер. XXVII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001.
- Ильиных В.А.* Централизованные закупки хлеба в Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.) // Налоги и заготовки в сибирской деревне (1890–1920-е гг.) : сб. науч. тр. Новосибирск, 2004.
- Ильиных В.А.* Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири). М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 343 с.
- Ильиных В.А., Ноздрин Г.А.* Очерки истории сибирской деревни. Новосибирск, 1995.
- Иофе В.В.* Реабилитация как историческая проблема // Мир после ГУЛАГа: Реабилитация и культура памяти. Второй Международный симпозиум памяти В.В. Иофе. Сыктывкар, 10–11 сент. 2003 г. : сб. докл. СПб., 2004.
- Исаев В.И.* Наказаны без вины // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. Новосибирск, 2001. № 2.
- Исаев В.И.* «Они хотели убить Сталина»: ОГПУ против немецких студентов в показательном судебном процессе 1925 г. / Ин-т истории СО РАН. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005.
- Исторические чтения на Лубянке. 1997. Российские спецслужбы: история и современность. Москва ; Великий Новгород, 1999.
- Исторические чтения на Лубянке. 1998. Российские спецслужбы на переломе эпох: конец XIX века – 1922 год. Москва ; Великий Новгород, 1999.

- История белой Сибири : тез. третьей науч. конф., Кемерово, 2–3 февраля 1999 г. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999.
- История белой Сибири : матер. 5-й Междунар. науч. конф., Кемерово, 4–5 февраля 2003 г. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2003.
- История белой Сибири : матер. 6-й Междунар. науч. конф., Кемерово, 7–8 февраля 2005 г. / отв. ред. С.П. Звягин. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2005.
- История исполнения уголовных наказаний в тюрьмах и колониях-поселениях России : учеб. пособие. М.: РИОР, ИНФРА-М, 2010.
- История Отечества: новые подходы к содержанию предмета : учеб. пособие. Псков, 1994.
- История и сталинизм : [сб. ст. / сост. и авт. предисл. А.Н. Мерцалов]. М. : Политиздат, 1991.
- История советских органов государственной безопасности : макет учеб. пособия / Научно-издательский отдел ВШ КГБ при СМ СССР им. Ф.Э. Дзержинского. М., 1967.
- Какоурова Н.А.* Карательно-репрессивный характер судебно-прокурорской системы и партийно-государственное влияние на формирование органов суда и прокуратуры в Восточной Сибири в 20-е гг. XX века // Силовые структуры и общество: исторический опыт взаимодействия в условиях Сибири : матер. науч.-техн. семинара, Иркутск, 24–25 июля 2003 г. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2003.
- Кан Г.И.* Владимир Кожевников: история семьи писателя в документах томских архивов // Документ как социокультурный феномен : сб. матер. IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Томск, 29–30 октября 2009 г.). Томск, 2010. С. 436–441.
- Капчинский О.* Госбезопасность изнутри. Национальный и социальный состав. М. : Яуза ; Эксмо, 2005.
- Кащеев Н.* Он хотел быть честным чекистом // Томский вестник. 1991. 28 июня.
- Кип Джон, Литвин Алтер.* Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография [пер. с англ. В.И. Матузовой]. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009.
- Кириллов В.М.* Жертвы репрессий. Нижний Тагил, 1920–1980-е годы. Екатеринбург, 1999.
- Киричук У.Н.* Командир повстанческих отрядов Пётр Шевченко в воспоминаниях земляков // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и Гражданской войне (1905–1921 гг.) : сб. науч. статей. Омск, 2006.
- Киселев И.Н.* Естественное движение населения в 1930-х годах // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1984.
- Кладова Н.В.* Региональные особенности реализации политики коллективизации и «ликвидации кулачества как класса» (на примере Барнаульского округа Алтайской губернии) // Алтайская деревня в 20–30-е годы XX века : сб. науч. тр. / отв. ред. В.Н. Разгон. Барнаул, 2010.
- Кликушин М.В.* Летопись арестов: научная интеллигенция Сибири в годы сталинских репрессий // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–30-е гг.) : сб. науч. тр. Новосибирск, 1994.
- Климова О.Г.* Милиция Западной Сибири: её развитие и деятельность в условиях нэпа (1921–1925 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2001.
- Климук Я.А.* Раскулачивание и красные партизаны Алтая в 1928–1933 гг. // Алтайская деревня в 20–30-е годы XX века : сб. науч. тр. / отв. ред. В.Н. Разгон. Барнаул, 2010.
- Клямкин И.* Была ли альтернатива административной системе? // Политическое образование. 1988. № 10.
- Клямкин И.* Ещё раз об истоках сталинизма // Политическое образование. 1989. № 9.
- Кобелев А.И., Потапов Н.Д.* Сквозь завесу времён. Рассекреченные судьбы / Главное управление внутренних дел Алтайского края. Барнаул : Алтай, 2002.
- Кобелев А.И., Чернов А.С.* Забвению не подлежат! / Главное управление внутренних дел Алтайского края. Барнаул : Алтай, 2002.

*Кодин Е.В.* Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917–1953 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 270 с.

*Колоскова Т.Г.* Об идейно-психологических предпосылках сталинизма // Вопросы истории КПСС. 1989. № 9.

*Колосов И.В.* История контрразведки России от Ивана III до Колчака. Северск : Изд-во СГТИ, 2003.

*Колпакиди А.И., Серяков М.Л.* Щит и меч. Руководители органов государственной безопасности Московской Руси, Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации. СПб. : Нева ; М. : ОЛМА – ПРЕСС Образование, 2002.

*Колпакиди А.И.* Ликвидаторы КГБ. М. : Яуза; Эксмо, 2009. 768 с. (Энциклопедия спецслужб).

*Конквест Р.* Большой террор // Нева. 1989. № 9–12; 1990. № 1–2.

*Конквест Р.* Жатва скорби // Вопросы истории. 1990. № 4.

Корни травы : сб. статей молодых историков. М. : Звенья, 1996.

*Корушин Т.Д.* Дни революции и советского строительства в Ишимском округе (1917–1926 гг.). Ишим, 1926.

*Краевская И., Черказьянова И.* От «тьмы» к «свету» предлагала двигаться советская власть, начав бороться с церковью // Забвению не подлежит: Книга Памяти жертв политических репрессий в Омской области. Омск : Кн. изд-во, 2002. Т. 8.

*Красильников С.А.* Политическая ссылка в 1920-х годах: некоторые проблемы и задачи изучения // Социально-политические проблемы истории Сибири. Новосибирск, 1994.

*Красильников С.А.* Высылка и ссылка интеллигенции как элемент советской карательной политики (1920 – начало 1930-х гг.) // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–30-е гг.) : сб. науч. тр. Новосибирск, 1994.

*Красильников С.А.* Политические настроения послереволюционной интеллигенции в обзоре ОГПУ (лето 1926 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. 1996. № 2.

*Красильников С.А.* Переселения как инструмент сталинской политики 1930-х гг.: тенденции, формы, масштабы, последствия // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах : сб. науч. тр. / отв. ред. О.Н. Шелегина. Новосибирск : Новосибир. гос. ун-т, 2006. 168 с.

*Красильников С.А.* Серп и Молох: Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2009. 343 с.

Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и Гражданской войне (1905–1921 гг.) : сб. науч. статей / под ред. И.В. Курышева. Ишим : Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2006. 364 с.

*Кудюкина М.М.* Зажиточное крестьянство в конце 1920-х гг.: попытка выживания // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе : матер. XXVII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001.

*Кузнецов И.Н.* Знать и помнить (историческое исследование массовых репрессий и реабилитации жертв террора 30-х годов). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993.

*Кузнецов И.С.* «Проклятем заклеймённые?». Социально-психологические предпосылки российского тоталитаризма. Новосибирск, 1994.

*Кузнецов И.С.* Сибирские «кондратьевцы» в годы «Великого перелома» // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–30-е гг.) : сб. науч. тр. Новосибирск, 1994.

*Кузьмин С.И.* Волки преступного мира // Молодая гвардия. 1997. № 7.

*Кузьмин С.И.* Побег заключенных как форма протеста против карательной политики и условий содержания в местах лишения свободы в 30–50-е гг. XX в. // Уголовно-исполнительная система : право, экономика, управление: науч.-образов. и информ. изд. 2013.

№



*Кузьмин С.И., Селезнева М.В.* Становление режима содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях (1929–1941 гг.) // Вестник Владимирского юридического института: науч.-образов. журнал. 2011. № 2(19).

*Кузьмина А.С.* Становление исправительно-трудовых учреждений в Сибири (1917–1924 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1972.

*Кузьмина А.С.* Становление исправительно-трудовых учреждений в Сибири (1917–1924 гг.): учеб. пособие. Омск: ОВШМ МВД СССР, 1989.

*Куперт Ю.В.* К вопросу о некоторых особенностях массовой коллективизации в Западной Сибири (1930 г.) // Социалистическое и коммунистическое строительство в Сибири. Томск, 1966. Вып. 4.

*Куперт Ю.В.* Проблемы классовой борьбы в западносибирской деревне накануне и в годы коллективизации (1927–1932 гг.) // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Курган, 1971.

*Куперт Ю.В.* Руководство Коммунистической партии общественно-политической жизнью западносибирской деревни в условиях социалистической реконструкции. Томск, 1981.

*Куренных А.А.* Повстанческое движение и «непартийные» «всекрестьянские» организации России в годы Гражданской войны (1918–1922 гг.) // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и Гражданской войне (1905–1921 гг.): сб. науч. статей. Омск, 2006.

*Курьшев И.В.* Повстанческо-партизанское движение в Западной Сибири в годы Гражданской войны (1918–1922 гг.): к вопросу о нравственно-психологическом облике участников // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и Гражданской войне (1905–1921 гг.): сб. науч. статей. Омск, 2006.

*Курьшев И.В.* Командующий Сибирским фронтом В.А. Родин: штрихи портрета // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и Гражданской войне (1905–1921 гг.): сб. науч. статей. Омск, 2006.

*Кутузов В.А.* Так называемое «Ленинградское дело» // Вопросы истории КПСС. 1989. № 3.

*Ларьков Н.* Долгая дорога к правде // Красное знамя. 1988. 14 янв.

*Ларьков Н.* Была такая установка // Политическая информация. 1989. № 12.

*Ларьков Н.* Он возглавлял ГУЛАГ // Красное знамя. 1990. 21–22 июля.

*Ларьков Н.С.* Сибирский Махно // Народная трибуна. 1991. 18 июня.

*Ларьков Н.С.* Руководство Коммунистической партии процессом объединения сибирских партизан с Красной армией // Партийные организации Сибири и Дальнего Востока: история и современность. Томск, 1991.

*Ларьков Н.С.* Начало Гражданской войны в Сибири: армия и борьба за власть. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995.

*Ларьков Н.С., Чернова И.В.* Полицейские, комиссары, начальники (Руководители правоохранительных органов Томской губернии, округа и области в XIX–XX вв.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999.

*Ларьков Н.С., Чернова И.В., Войтович А.В.* Двести лет на страже порядка (Очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX–XX вв.). Томск: Красное знамя, 2002.

*Ларьков Н.С.* Сибирский белый генерал. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017.

*Леонтьев Я.* Репрессии против членов ОПК // Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Образование, развитие, ликвидация. 1921–1925: матер. междунар. науч. конф. (28–29.10.2001). М., 2003.

*Лиценбергер О.* Репрессии против лютеранских и католических священнослужителей в СССР // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М., 1999.

*Макеев А.* Сиблаг НКВД. Последние письма пастора Вагнера. Личный опыт поиска репрессированных. М., 2020.

*Максудов С.* Потери населения в годы коллективизации // Звенья: Исторический альманах. М.: Прогресс: Феникс: Atheneum, 1991. Вып. 1.

- Макиеев В.* Спецы. Исследование. Томск : СК-Сервис, 2007.
- Маланкин А.Н.* Институт содержания под стражей в 1917–1933 гг. // История уголовных наказаний в России : сб. статей. М. : НИИ ФСИН России, 2006.
- Маланкин А.Н.* Тяжелые годы и большие надежды. Институт содержания под стражей в России в 1917–1924 гг. // Преступление и наказание. 2007. № 4.
- Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С.* НКВД–МВД Российской Федерации. М., 2000.
- Мальшиева М.П., Познанский В.С.* Бывший соратник открывает глаза Предсовнаркому // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. Новосибирск, 1994. № 2.
- Мамонтова Е.А.* «На благо трудового народа». Судьба эсера-максималиста И.И. Жуковского-Жука // Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 2. Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). Новосибирск : Сибирский хронограф, 2004.
- Мартышкин В.Н.* Мордовский самородок из сибирской Тавлы // Право и безопасность. 2013. № 1–2 (44)(www.dpr.ru).
- Марченко С.Г.* Страницы истории уголовно-исполнительной системы Кемеровской области. Кемерово, 2009.
- Маскина Н.* Он был и будет: О трагической судьбе учёного-философа Г.Г. Шпета // Красное знамя. 1989. 4 июня.
- Маскина Н.* Заложники у времени // Красное знамя. 1989. 2, 9, 23 авг.
- Маслихин А.В.* Принцип гуманизма в истории советского исправительно-трудового права (1917–1936 гг.) : лекция. Рязань : НИ и РИО РВШ МВД СССР, 1976.
- Маслихин А.В.* Принцип гуманизма и исполнения наказания в виде лишения свободы : учеб. пособие. Рязань : РВШ МВД СССР, 1978.
- Медведев Р.* О Сталине и сталинизме // Знамя. 1989. № 1–4.
- Медведев Р.* Трагическая статистика // Аргументы и факты. 1989. № 5.
- Медведев Р.А.* Они окружали Сталина. М. : Политиздат, 1990.
- Меликян А.М.* Институт наказания в виде лишения свободы в советском государстве довоенного периода // Уголовно-исполнительная система : право, экономика, управление: науч.-образов. и информ. издание. 2009. № 1.
- Мельгунов С.П.* Красный террор в России 1918–1923 гг. М., 1990.
- Минеева Г.* «...Попов расстрелять, церкви – под клуб» // Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий в Омской области. Омск : Кн. изд-во, 2001. Т. 3.
- Минеева Г.* Судьба Владыки Алексея // Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий в Омской области. Омск : Кн. изд-во, 2002. Т. 6.
- Минеева Г.* Приняли крестные муки // Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий в Омской области. Омск : Кн. изд-во, 2003. Т. 7.
- Михайлов В.С.* Меры воздействия, применяемые к лицам, лишенным свободы, в период функционирования ГУЛАГа (порядок, условия, особенности применения) // Вестник Владимирского юридического института: науч.-образов. журнал. 2013. № 1(26).
- Михеенков Е.Г.* Особенности реализации исправительно-трудовой политики РСФСР в эпоху нэпа на территории Западной Сибири // Вестник Вологодского института права и экономики ФСИН. Преступление, наказание, исполнение. 2014. № 3(27).
- Мишин И.А.* Из истории создания и развития пересыльных тюрем на Южном Урале // Уголовно-исполнительная система : право, экономика, управление: науч.-образов. и информ. издание. 2011. № 3.
- Мишина Е.М.* «Книги памяти» жертв политических репрессий в СССР как источник для реконструкции социального портрета репрессированных в 1935–1937 гг.: анализ полноты и репрезентативности данных // Вестник Томского государственного университета. История. – 2022. – № 80. – С. 152–162.
- Млечин Л.* КГБ. Председатели органов госбезопасности. Рассекреченные судьбы. М. : Центрполиграф, 2001.

- Мозохин О.Б.* ВЧК–ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. М. : Яуза ; Эксмо, 2004.
- Морозов К.Н.* Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1923–1926): этика и тактика противоборства. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005.
- Мухин Ю.С.* Если бы Сталина не убили... Вождь в России должен жить долго! М. : Яуза-пресс, 2011. 224 с.
- «Мы исторически созданы для борьбы с классовым врагом...». Кампания террора 1937 г. в Западной Сибири // Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. 2005. Вып. 1.
- Налоги и заготовки в сибирской деревне (1890–1920-е гг.) : сб. науч. тр. / под ред. В.А. Ильиных. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2004. 235 с.
- Нарышкина Н.И.* Социально-правовое назначение тюрем в России (исторический аспект) // Уголовно-исполнительная система России глазами гуманитариев: история и современность : сб. науч. тр. Рязань : Академия права и управления Минюста России, 2004.
- Нарышкина Н.И.* Виды тюрем, функционирующих в российском государстве на различных этапах исторического развития // Вестник Самарского юридического института: науч.-практ. журнал. 2014. № 3(14).
- Население России в XX веке. Исторические очерки : в 3 т. Т. 1: 1900–1939. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000.
- Наумов И.В.* Органы государственной безопасности Иркутской губернии в 1920 – начале 1922 года // Силовые структуры и общество: исторический опыт взаимодействия в условиях Сибири : матер. науч.-техн. семинара, Иркутск, 24–25 июля 2003 г. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2003.
- Наумов Л.А.* Борьба в руководстве НКВД в 1936–1938 гг. («Опричный двор Иосифа Грозного»). М. : Модерн – А, 2006.
- Наумов Л.* «Кровавый карлик» против Вождя народов. Заговор Ежова. М. : Эксмо, 2009, 448 с.
- Наханетов Б.А.* Очерки истории санитарной службы ГУЛАГа. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009.
- Нашей истории строки : сб. очерков и воспоминаний / Главное управление внутренних дел Алтайского края. Барнаул : Алтай, 2002.
- Небогин О.Б., Сланская М.Д.* «...Нельзя оставить в рядах партии» (Как Л.М. Кагановича исключали из КПСС) // Вопросы истории КПСС. 1989. № 5.
- Николаев П.Ф.* Советская милиция Сибири (1917–1922). Омск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1967.
- Новиков П.А.* Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005.
- Новокионов В.* Крестьянская ссылка в Сибири. 30-е годы // Сибирские огни. 1989. № 12.
- Новокионов В.* В тридцатые – комендатурские (Очерки по истории Тегульдетского района). Тегульдэт, 1993.
- О Вячеславе Менжинском: Воспоминания, очерки, статьи / сост. М.А. Смирнов. М. : Политиздат, 1985.
- О капиталистическом окружении и о методах работы иностранных разведок. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1937. 156 с.
- О некоторых приёмах и методах борьбы контрреволюции против Советской власти (Материалы к истории ВЧК–ОГПУ–НКВД). М., 1939.
- Оганесян С.М.* Характерные черты исправительной системы государства в первые годы советской власти (1918–1919 гг.) // История государства и права. 2004. № 5.
- Онищенко В.В.* Трудная дорога к правде (о реабилитации жертв политического террора в Кузбассе) // Известия Алтайского госуниверситета. 2009. № 4/2 (64/2).
- Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М. : РОССПЭН, 1997.
- Осмыслить культ Сталина. М. : Прогресс, 1989.

*Осташко Т.Н.* Государственное регулирование профессиональной деятельности интеллигенции в период «военного коммунизма» // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–30-е гг.) : сб. науч. тр. Новосибирск, 1994.

*Осташко Т.Н.* Власть и интеллигенция: динамика взаимоотношений на рубеже 1920–1930-х годов // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. 1998. № 2.

*Осташко Т.Н.* Дело «Краевого филиала ЦК Трудовой крестьянской партии»: политический заказ и его воплощение // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. Новосибирск, 1999. № 2.

*Павлов Д.Б.* Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 50-х годов. М. : РОССПЭН, 1999.

*Павлова И.В.* «Иркутское дело» 1926 года // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. Новосибирск, 1995. № 1.

*Павлова И.В.* Сталинские репрессии как способ преобразования общества // Возвращение памяти : историко-архивный альманах. Новосибирск : Изд-во Сибирского отделения РАН, 1997. Вып. 3.

*Павлова И.В.* Показательные процессы в российской глубинке в 1937 году // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. Новосибирск, 1998. № 2.

*Папков С.А.* Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Новосибирск : Изд-во Сибирского отделения РАН, 1997.

*Папков С.А.* Репрессивная политика советского государства в Сибири (1929 – июнь 1941 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000.

*Папков С.* Эволюция политического контроля и преследования членов ОПК в Западной Сибири в 1925–1935 гг. // Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Образование, развитие, ликвидация. 1921–1935 : матер. междунар. науч. конф. (26–28.10.2001 г.). М. : Общество «Мемориал»; Звенья, 2004.

*Папков С.А.* «Белогвардейский заговор» в Западно-Сибирском крае в начале 1930-х годов («Дело генерала Болдырева») // Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Новосибирск : Сова, 2005. Вып. 1.

*Папков С.А.* «Ликвидация» организации эсеров в Новониколаевске в 1933 г. // Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Новосибирск, 2005. Вып. 1.

*Папков С.А.* «Социально опасные субботники» барона Тизенгаузена и его друзей // Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Новосибирск, 2005. Вып. 1.

*Папков С.А.* Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири / С.А. Папков. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 440 с.

*Парфёнов П.С.* (Пётр Алтайский). Гражданская война в Сибири. 1918–1920. М., 1924. 168 с.

*Паишков В.* Стахановцы в лагерной робе. Дешёвый труд заключённых СИБЛАГА приближал наше «светлое будущее» // Томские новости. 2000. 16 июня.

Пенитенциарное дело в 1922 году. Отчет Народного комиссариата внутренних дел по Главному управлению местами заключения 10-му съезду Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. М., 1922.

*Перченко Ф.Ф.* Академия наук на «Великом переломе» // Звенья : исторический альманах. М. : Прогресс : Феникс : Atheneum, 1991. Вып. 1.

*Петров А.Г.* Реабилитация жертв политических репрессий (историко-правовой анализ) : дис. д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2007.

*Петров С.П.* Упущенные возможности. Гражданская война в восточно-европейской части России и в Сибири, 1918–1920 гг. М. : АИРО – XX, 2006.

*Пинкин В.И.* Ссылка и высылка в Сибирь в 1920-е годы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002.

*Пичурин Л.Ф.* Опечатка. Невыдуманная повесть. Томск, 1997.

*Плотникова М.* Как это было // Красное знамя. 1991. 10 дек.

- Поварцов С.* Как это было. Пётр Драверт и дело ОИС (по материалам Омского архива ФСБ) // Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий в Омской области. Омск : Кн. изд-во, 2003. Т. 3.
- Пограничники : сб. статей. М. : Молодая гвардия, 1973.
- Подлесных Г.Ю., Терешонок А.Я.* Воры в законе: бросок к власти. М. : Худ. лит., 1994.
- Полиция и милиция России: страницы истории. М. : Наука, 1995.
- Полян П.М.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.
- Портнов В.П.* ВЧК (1917–1922 гг.). М. : Юрид. лит-ра, 1987.
- Призвание – Родине служить! : сб. статей. Новосибирск, 1997.
- Проблемы создания единого электронного банка данных жертв политических репрессий в пределах СССР : сб. докл. участников междунар. науч.-практ. конф., 18–21 мая 2000 г. Нижний Тагил, 2000.
- Проблемы урбанизации восточных районов России в XIX–XX вв. / под общ. ред. Ю.В. Куперта, К.В. Фадеева. Томск : Изд-во ТГАСУ, 2007.
- Проскурякова Н.Л.* Из биографии командующего Северо-Ишимским повстанческим «фронтом» П.С. Шевченко // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и Гражданской войне (1905–1921 гг.) : сб. науч. статей. Омск, 2006.
- Прощальный взлёт // Судьбы российских немцев и наше национальное движение. Кн. 1: От национальной катастрофы – к попытке возрождения. М., 1997.
- Прудникова Е.* Берия. Последний рыцарь Сталина. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008.
- Прудникова Е.* Хрущев. Творцы террора. М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2012. 640 с.
- Прудовский С.Б.* Была такая нация – «харбинцы». Харбинская операция НКВД в документах / С.Б. Прудовский. – СПб. : Алетей, 2022. 730 с., ил.
- Пыстина Л.И.* Спецеедство в Сибири в 20-е годы // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–30-е гг.) : сб. науч. тр. Новосибирск, 1994.
- Пыстина Л.И.* «Буржуазные специалисты» в Сибири в 1920-е – начале 1930-х годов (социально-правовое положение и условия труда). Новосибирск, 1999. 160 с.
- Пыстина Л.И.* «Чистка» специалистов Сибкрайсовнархоза в 1930 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. 2001. № 2.
- Разгон В.Н.* Репрессии против бывших «кулаков» в Алтайском крае в 1937–1938 гг. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009.
- Разгон В.Н.* «Большой террор» 1937–1938 гг. и колхозное крестьянство Алтая (по материалам архивно-следственных дел) // Экономическая история Сибири XX–XXI века : матер. II Всерос. науч. конф., 27–28 июня 2009 г. / под ред. Е.В. Демчик. Барнаул : Академия развлечений, 2009.
- Разгон В.Н.* Коллективизация и раскулачивание на Алтае: репрессивная социальная политика и жизненные стратегии крестьян (1928–1933 гг.): постановка проблемы // Алтайская деревня в 20–30-е годы XX века : сб. науч. тр. / отв. ред. В.Н. Разгон. Барнаул, 2010.
- Разумов А.* Боль людская: Из архивных тайн // Вечерний Петербург. 1993. 5 июля.
- Распяты. Писатели – жертвы политических репрессий : в 2 т. СПб. : Северо-Запад, 1993.
- Рассказов Л.П.* Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в советском государстве (1917–1941 гг.). Уфа, 1994.
- Расстрел по разнарядке, или Как это делали большевики // Труд. 1992. 4 июля.
- Реабилитация: Политические процессы 30–50-х гг. / под общ. ред. А.Н. Яковлева. М. : Политиздат, 1991.
- Реабилитирован посмертно : в 2 вып. М. : Юрид. лит., 1988.
- Реент Ю.А.* Из опыта становления исправительно-трудовой системы РСФСР // Уголовно-исполнительная система : право, экономика, управление. 2004. № 2.
- Реент Ю.А.* История уголовно-исполнительной системы России. Рязань, 2007.
- Реент Ю.А.* История уголовно-исполнительной системы России (1879–2009). М., 2009.

- Режим личной власти Сталина. К истории формирования. М. : Политиздат, 1989.
- Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М. : Звенья, 1999.
- Репрессии 30–40-х гг. в Томском крае. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991.
- Рожнёва Ж.А.* Политические судебные процессы в Западной Сибири в 1920–1930-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2003.
- Рожнёва Ж.А.* Политические судебные процессы в Западной Сибири в 1920–1930-е годы : дис. канд. ист. наук (рукопись). Томск, 2003.
- Рожнёва Ж.А.* Политические судебные процессы в Западной Сибири в период «Большого террора» // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Томск : Комиссия по правам человека в Томской области, 2005. Вып. 6.
- Рожнёва Ж.А.* Политические судебные процессы в Западной Сибири в 1920–1930-е годы. Томск, 2008. 224 с.
- Рудакова И.Ф.* Медицинское обслуживание спецпереселенческого населения Нарымского края в 30-е гг. XX в. // Актуальные вопросы истории Сибири: Шестые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина : сб. науч. тр. : в 2 ч. Барнаул, 2007. Ч. 2. 302 с.
- Савин А.И.* Продразвёрстка и продналог в немецкой деревне Сибири // Налоги и заготовки в сибирской деревне (1890–1920-е гг.) : сб. науч. тр. Новосибирск, 2004.
- Савин А.И.* Трагедия евангельских христиан. «Дело» пресвитера О.И. Кухмана (1937 г.) // Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. 2005. Вып. 1.
- Савин А.И.* Репрессии в отношении евангельских верующих в Сибири в 1939–1941 гг. // Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. 2008. Вып. 2.
- Савин А.И., Колесников А.А.* Дело священника. Репрессии в отношении Православной церкви СССР // Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. Приказ № 00447. М., 2010.
- Савин А.И., Толкачев А.Г.* Заложничество в Сибири в начале 1920-х годов ([providenie.narod.ru/1106.html](http://providenie.narod.ru/1106.html)).
- Савина Г.А.* Чистые линии (В.И. Вернадский и Н.И. Вавилов) // Трагические судьбы: репрессированные учёные Академии наук СССР. М. : Наука, 1995.
- Саламатова М.* Лишённые избирательных прав в Новосибирске в 1927–1936 гг. // Корни травы : сб. статей молодых историков. М. : Звенья, 1996.
- Самосудов В.* Муромцевское восстание 1930 года // Омская старина. Омск, 1994–1995. Вып. 3.
- Самосудов В.* Как это было // Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий в Омской области. Омск : Кн. изд-во, 2002. Т. 5.
- Сбитнева М.* Из бездны небытия // Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий в Омской области. Омск : Кн. изд-во, 2003. Т. 10.
- Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1965. Вып. 4.
- Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1972. Вып. 6.
- Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1976. Вып. 8.
- Славин М.* Где эти скорбные места? // Красное знамя. 1989. 28 июня.
- Славнин В.* Томск сокровенный. Томск : Том. кн. изд-во, 1991.
- Славнин В.* Человек чистый и герой // Народная трибуна. 1991. 6 апр.
- Сирота Сибири. Томск : Изд-во «Ветер», 2015. 584 с.
- Служение Отечеству: воспоминания, статьи, документы. 1917–2005 гг. : в 2 кн. / УФСБ РФ по Кемеровской области. Кемерово, 2005. Кн. 1.
- Слушали... Постановили... // Политическая информация 1989. № 12.
- Смыкалин А.С.* Питание в лагерях и тюрьмах Советской России : исторический аспект // Известия высших учебных заведений. Правосудие 1998. № 4.
- Советская история: проблемы и уроки : сб. статей. Новосибирск, 1992.

- Соколов Б.В.* Наркомы террора. Они творили историю кровью. М. : Яуза ; Эксмо, 2005.
- Соколов Г.Е.* Кампания 1922 г. по изъятию церковных ценностей (на примере Москвы) // Государство, религия. Церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень. № 3 (27). М. : Изд-во РАГС, 2001.
- Солодка Т.И.* Становление уголовно-исполнительной системы на Алтае в 1917–1941 гг. // История становления органов внутренних дел в России: взгляд из XXI века : межвуз. сб. науч. статей. Барнаул, 2001.
- Соломон П.* Советская юстиция при Сталине : пер. с англ. М. : РОССПЭН, 1998.
- Сорокин М.В., Сорокина О.Е.* Организация режима и охраны в тюрьмах и следственных изоляторах НКВД СССР в 30-х – 40-х годах XX века // Уголовно-исполнительная система : право, экономика, управление: науч.-образов. и информ. издание. 2013. № 5.
- Сорокин М.В., Сорокина О.Е.* Предупреждение правонарушений в тюрьмах и следственных изоляторах НКВД в 40-х гг. XX в. // Вестник Самарского юридического института: науч.-практ. журнал. 2014. № 3(14).
- Соскин В.Л.* Учёные Сибири в фокусе дискриминации (20-е гг.) // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–30-е гг.): сб. науч. тр. Новосибирск, 1994.
- Софинов П.Г.* Очерки истории ВЧК (1917–1922 гг.). М. : Госполитиздат, 1960.
- Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / [сост.: М. Юнге, Б. Бенвеч, Р. Биннер]. 2-е изд. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина ; Германский исторический институт в Москве, 2009.
- Становление органов безопасности в Сибири : сб. статей. Новосибирск : Институт ФСБ России, 2007.
- Тарарышкин А.П., Корнеева Г.К.* Ретроспектива организации питания в России (VI–XXI вв.) // История исполнения уголовных наказаний в России : сб. ст. М. : НИИ ФСИН России, 2006.
- «Твоя пища хорошо, моя бей мало-мало...» // Невский проспект. 1991. № 6.
- Тепляков А.Г.* Портреты сибирских чекистов (1920–1953 гг.) // Возвращение памяти: историко-архивный альманах. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1997. Вып. 3.
- Тепляков А.* «Непроницаемые недра»: ВЧК–ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М. : АИРО-XXI, 2007.
- Тепляков А.Г.* Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М. : Новый Хронограф ; АИРО-XXI, 2008. 632 с.
- Тепляков А.Г.* Органы ОГПУ–НКВД–КГБ в Сибири: структура и кадры (1929–1941 гг.) : автореф. дис ... канд. ист. наук. Томск, 2011.
- Тимонин Е.И.* История Сибири : учеб. пособие. Омск : Прогресс, 2004.
- Только правда! // Красное знамя. 1989. 13 июля.
- Томская область: исторический очерк. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994.
- Топтыгин А.* Неизвестный Берия. СПб. : Нева, 2002.
- Топтыгин А.* Лаврентий Берия. Неизвестный маршал госбезопасности. М. : Яуза ; Эксмо, 2005.
- Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Томск : Комиссия по правам человека в Томской области, 2005. Вып. 6.
- Трагические судьбы: репрессированные учёные АН СССР. М. : Наука, 1995.
- Третьяков Н.Г.* Состав руководящих органов Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. 1994. № 2.
- Третьяков Н.Г.* Западно-Сибирское восстание 1921 г. : дис канд. ист. наук. Новосибирск, 1994.
- Третьяков Н.Г.* «Красный бандитизм» при ликвидации Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и Гражданской войне (1905–1921 гг.) : сб. науч. статей. Омск, 2006.

- Трифонов И.Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа (1921–1937). М., 1960.
- Трифонов И.Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921–1923 гг.). Ч. 1: Борьба с вооруженной кулацкой контрреволюцией. Л., 1964.
- Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975.
- Троцкий Л. Сталин : в 2 т. М. : Терра, 1990.
- Троцкий Л. Сталинская школа фальсификации. М. : Терра, 1991.
- Уголовно-исполнительная система России глазами гуманитариев: история и современность : сб. науч. тр. Рязань : Академия права и управления Минюста России, 2004.
- Угроватов А.П. Красный бандитизм в Сибири (1921–1929 гг.). Новосибирск, 1999.
- Угроватов А.П. Уголовный розыск в Сибири. 1920–1926 гг. // ГУВД Кемеровской области. 1917–2002. Страницы истории. Кемерово : Кем. кн. изд-во, 2002.
- Уйманов В.Н. Наш долг, наша боль // Политическая информация. 1989. № 12.
- Уйманов В.Н. КГБ – «Мемориал»: практика взаимодействия // Вестник контрразведки. 1992. № 1.
- Уйманов В.Н. «Дольше всего живёт память...» // Вестник контрразведки. 1993. № 20.
- Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... (Западная Сибирь в конце 20-х – начале 50-х годов). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. 336 с.
- Уйманов В.Н. История – наука точная // Труды Томского областного краеведческого музея : сб. статей / отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 210–218.
- Уйманов В.Н. Без права на жизнь // Земля чаинская : сб. науч.-популяр. очерков к 100-летию с. Подгорное / отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 205–227.
- Уйманов В.Н. Возвращение из небытия // Земля первомайская : сб. науч.-популяр. очерков / отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 451–512.
- Уйманов В.Н. Формирование системы ИТУ в 1920-х гг. в Сибири // Правовые и психолого-педагогические аспекты деятельности сотрудников правоохранительных органов : сб. матер. межрег. науч.-практ. семинара / под общ. ред. Ю.К. Якимовича ; Томский филиал Кузбасского института ФСИН России. Томск : Изд-во Том. политех. ун-та, 2010. С. 34–48.
- Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Западной Сибири (1920–1941 гг.). Томск, 2011. 330 с.
- Уйманов В.Н. О некоторых формах сопротивления режиму спецпереселенцами Западной Сибири в 1930-х годах // Правовые и психолого-педагогические аспекты деятельности сотрудников правоохранительных органов : матер. межрег. науч.-практ. семинара / под общ. ред. С.А. Елисеева. Томск : Изд-во ФГБОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет», 2011. С. 88–101.
- Уйманов В.Н. Роль Сиблага в экономическом развитии Западной Сибири в 1930-е годы // Вестник ФГОУВПО «Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний». 2011. № 1 (4). С. 37–41.
- Уйманов В.Н. Процесс «Союзного бюро меньшевиков» и судьба меньшевика М.А. Валерианова-Броунштейна // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 355. С. 76–82.
- Уйманов В.Н. Была ли «бериевская оттепель» в СССР? (К вопросу о реабилитации жертв репрессий) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 358. С. 39–45.
- Уйманов В.Н. Кампания массовой реабилитации жертв политических репрессий в Западной Сибири в середине 1950-х – 1980-е годы // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 2(18). С. 92–99.
- Уйманов В.Н. Капитан государственной безопасности Иван Овчинников // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. Вып. 5(120). С. 229–235.
- Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Томской губернии 1879 – середина 1930 гг.: Историко-правовые аспекты / Е.Г. Михеенков, В.Н. Уйманов. Томск : Изд-во Том. гос. педагог. ун-та. 2012. – 277 с.



Уйманов В.Н. Ликвидация и реабилитация: Политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919-1941 г.) – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. – 562 с.

Уйманов В.Н. Ликвидация и реабилитация: Политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919-1941 г.) – 3-е изд., доп. и перераб. – Томск : Издательский дом ТГУ, 2019. – 736 с.

Уйманов В.Н. Тюремный театр – элемент пенитенциарной системы или исключение из правил? // Вестник Кузбасского института ФСИН России: науч. журнал. 2014. № 4(21). С.126–134.

Уйманов В.Н. К вопросу о национальном составе репрессированных на территории Западной Сибири // Вестник Пермского института ФСИН России: науч.-популяр. журнал. 2014. № 4(15). С.41–46.

Уйманов В.Н. Наша история / Управление ФСБ России по Томской области. 70 лет. Томск, 2014. С. 6–15.

Уйманов В.Н. Проблемы питания спецконтингента в пенитенциарной системе СССР в 1920-1930-х годах (на примере западносибирского региона) / В.Н. Уйманов // Вестник Пермского института ФСИН России. 2015 – № 4 (19). – С. 52-65.

Уйманов В.Н. Спецпереселенцы в системе Сибирского ИТЛ (Сиблага) ОГПУ-НКВД в 1930-х годах / В.Н. Уйманов // Инновационная наука. Международный научный журнал. – 2016. – № 2. – Часть 5. – С. 58-66.

Уйманов В.Н. Дневник меньшевика М.А. Валерианова-Броунштейна как исторический источник / В.Н. Уйманов // Уголовно-исполнительная система : взаимодействие науки и практики : материалы науч.-практ. конференции, 9-10 ноября 2016 г. – Новокузнецк. – 2016. – С. 219–236.

Уйманов В.Н. Дольше всего живет память... (К 25-летию выхода Книги Памяти репрессированных жителей Томской области «Большая людская» / В.Н. Уйманов // Вестник Томского гос. ун-та. История. – 2018. – № 52. – С. 136-141.

Уйманов В.Н. Долгое эхо Гражданской войны : уроженцы западных губерний России и Карпатской Руси в жерновах репрессий на территории Томской области / В.П. Зиновьев, В.Н. Уйманов // Русин. 2018. – № (53). Вып. 3. – С. 210-222.

Уйманов В.Н. Сибирские «спецы» (проект создания Книги памяти спецпереселенцев, сосланных в Томскую область) / В.Н. Уйманов // Индустриальное наследие России: междисциплинарные исследования, опыт сохранения, стратегия реновации : сб. тезисов Всерос. науч. конф., посвященной 175-летию Русского географического общества и 90-летию Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. – Ханты-Мансийск : Югорский формат, 2020. – С. 193–199.

Уйманов В.Н. К вопросу о спецпереселенцах в Западной Сибири / В.Н. Уйманов // Вклад уголовно-исполнительной системы в развитие Кузбасса : материалы региональной науч.-практ. конф., 9 декабря 2020 г. – Новокузнецк: ФКОУ ВО «Кузбасский институт ФСИН России. – 2020. – С. 56-63.

Уйманов В.Н. Нужны ли Книги Памяти? / В.Н. Уйманов // панельная дискуссия на тему создания цифрового прототипа базы документов о жертвах репрессий, 15 октября 2021 г. – Москва. – 2021.

Уйманов В.Н. Личные дела спецпоселенцев как исторический источник / В.Н. Уйманов // Вклад уголовно-исполнительной системы в развитие Сибири : материалы межрегион. науч.-практ. конф., 18–19 ноября 2021 г. – Новокузнецк: ФКОУ ВО «Кузбасский институт ФСИН России. – 2021.

Уйманов В.Н. Кто они, «сибирские спецы»? // Красное знамя. 2021. 14 дек.

Улица Чайковского, кабинет Домбровского... // Невский проспект. 1991. № 7.

Урланис Б.Ц. История военных потерь. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооружённых сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. (историко-статистическое исследование). СПб. : Полигон, 1994.

Ушатиков А.И., Казак Б.Б. Пенитенциарная психология : учеб. Рязань : Академия права и управления Минюста России, 2003.

- Фадеев К.В.* Г.Ф. Рогов – крестьянский предводитель повстанческо-партизанского движения // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и Гражданской войне (1905–1921 гг.) : сб. науч. статей. Омск, 2006.
- Фаст В.* Открытое письмо // Советский учитель (Томск). 1990. 19 марта, 2 апр.
- Фаст М.В., Фаст Н.П.* Нарымская гологофа: материалы к истории церковных репрессий в Томской области в советский период. Томск ; Москва : Водолей Publishers, 2004.
- Феликс Эдмундович Дзержинский:* Биография. М. : Политиздат, 1983.
- Фролов Е.* Только правда // Красное знамя. 1989. 13 июля.
- Фурман М.* Так это было, или Возвращение в прошлое // Преступление и наказание. 2007. № 5. С. 60–67.
- Халецкая А.А.* Экспедиция Ф.Э. Дзержинского в Сибирь (1922 г.). Омск : Омское кн. изд-во, 1963.
- Ханевич В.* Белостокская трагедия (Из истории геноцида поляков в Сибири). Томск : Изд-во редакции газеты «Томский вестник», 1993.
- Хаустов В.* Репрессии против советских немцев до начала массовой операции 1937 г. // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М., 1999.
- Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2010.
- Хацкевич А.Ф.* Солдат великих боёв: жизнь и деятельность Ф.Э. Дзержинского. Минск : Наука и техника, 1982.
- Хинштейн А.* Тайны Лубянки. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008.
- Хлебозаготовительная политика советского государства в Сибири в конце 1920-х гг. : хрон.-док. сборник. Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2006.
- Хлевнюк О.В.* 1937 – Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992.
- Хорошилов А.* Подпольщики из «Союза январевичей» // Алтайская правда. 1989. 15 янв.
- Часовые советских границ: Краткий очерк истории пограничных войск СССР. М. : Политиздат, 1979.
- Чекисты Красноярья : сб. статей. Красноярск, 1991.
- Чекисты Кузбасса. 1943–2003 гг. Страницы истории. Кемерово, 2003.
- Чертков В.* Обнаженный яр, или История одного захоронения // Правда. 1989. 11 мая.
- Шабунин Е.А.* Духовенство Новосибирской епархии в период сталинских репрессий 1937 г. // Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. 2008. Вып. 2.
- Шарыповское дело // Сибирские огни. 1993. № 5–6.
- Шашков В.Я.* Раскулачивание в СССР и судьба спецпереселенцев (1930–1954 гг.). Мурманск, 1996.
- Шилова И.С.* Политические репрессии против технической и идеологической интеллигенции в конце 1920 – конце 1930-х годов (по материалам Пермского региона) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2013.
- Шишкин В.И.* Красный бандитизм в Сибири // Советская история: проблемы и уроки. Новосибирск, 1992.
- Шишкин В.* Остров смерти // Сибирские огни. 1993. № 5–6.
- Шишкин В.И.* Сибирская Вандея: вооружённое сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году. Новосибирск : Олсиб, 1997.
- Шишкин В.И.* Численность и состав народной повстанческой армии Степного Алтая (лето 1920 г.) // Актуальные вопросы истории Сибири: Научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина : матер. конф. Барнаул, 1998. 304 с.
- Шишкин В.И.* «Белый» след в красной Сибири // История белой Сибири : тез. Третьей науч. конф., Кемерово, 2–3 февраля 1999 г. Кемерово, 1999.
- Шишкин В.И.* «Разбейся в доску – сдай развёрстку». Советская продовольственная политика в Ишимском уезде Тюменской губернии (сент. 1920 – янв. 1921 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. Новосибирск, 1999. № 2.

- Шишкин В.И.* Ишимский судебный процесс (22–28 февраля 1921 г.) // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и Гражданской войне (1905–1921 гг.) : сб. науч. статей. Омск, 2006.
- Шишкин И.Б.* Дело Рюгина // Вопросы истории. 1989. № 7.
- Шлёгел К.* Террор и мечта. Москва 1937. М. : РОССПЭН ; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.
- Шлыков В.В.* Пенитенциарное производство в России XX века : историко-правовое исследование // Уголовно-исполнительная система : право, экономика, управление: науч.-образ. и информ. издание. 2012. № 1.
- Шпет в Сибири: ссылка и гибель. Томск : Водолей, 1995.
- Штырбул А.А.* Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века: Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика. Ч. 2: 1918–1925. Омск : Изд-во Омского пед. ун-та, 1996.
- Шуклецов В.Т.* Сибиряки в борьбе за власть Советов. Новосибирск, 1981.
- Шуклецов В.* 1935-й и другие годы... // Вечерний Новосибирск. 1991. 17 апр.
- Щетинов Ю.А.* Крушение мелкобуржуазной контрреволюции в Советской России (конец 1920 – 1921 г.). М., 1984.
- Это было так... // Политическая информация (Томск). 1989. № 12.
- Юнге М., Биннер Р.* От «социально близкого» до социально опасного» элемента: преступники и социальная чистка советского общества. 1918–1938 гг. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / [сост.: М. Юнге, Б. Бенвеч, Р. Биннер]. 2-е изд. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина ; Германский исторический институт в Москве, 2009.
- Юнге М., Биннер Р.* Как террор стал «Большим» // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447... М., 2009.
- Юшковский В.* «С годами многое видится иначе» // «ТМ-Экспресс» (Томск). 1991. 26 апр.
- Яковенко М.М.* Агнесса. М. : Звенья, 1997.
- Яковлев Я.А.* Дмитрий Дмитриевич Донской. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000.
- Яковлев Я.А., Рассмахин Ю.К.* Рассказы о томской прокуратуре : в 2 т. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004.

### Художественные издания

- Ананьев А.* Годы без войны. Кн. 2 // Роман-газета. 1980. № 1.
- Белов В.* Кануны. Хроника конца 20-х годов // Роман-газета. 1989. № 15–16.
- Еременко В.Н.* Заложники // Роман-газета. 2008. № 21.
- Жуков Д.А.* Сны Шульгина // Роман-газета. 2013. № 13–14.
- Знаменский А.Д.* Красные дни. Роман-хроника // Роман-газета. 1989. № 2.
- Лавров В.В.* Катастрофа: Исторический роман. М.: Валентин Лавров, 2001. 752 с.
- Нароков Н.В.* Мнимые величины // Роман-газета. 2013. № 17.
- Проскурин П.* Отречение // Роман-газета. 1990. № 21.
- Решетько В.М.* Черноводье: Роман. Томск : ОАО «Изд-во «Красное знамя», 2005. 406 с.
- Романов В.И.* Месть: Роман. М. : «Олимп», «Издательство АСТ», 1977. 480 с.
- Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. М. : Инком – НВ, 1991.
- Солженицын А.И.* «Один день Ивана Денисовича» и другие рассказы. Томск : Том. кн. изд-во, 1990.
- Старовойтов В.* Возмездие. – Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2018. 148 с.
- Шаламов В.* Левый берег: Рассказы. М. : Современник, 1989. 559 с.

## ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
<b>Глава 1. Социально-политическая и оперативная обстановка в Западной Сибири в 1919–1941 гг.....</b>	<b>7</b>
1.1. Основные особенности социально-политической и оперативной обстановки.....	7
1.2. Бандитизм.....	26
1.3. «Красный бандитизм».....	58
1.4. Крестьянское сопротивление.....	86
<b>Глава 2. «Социально чуждые».....</b>	<b>142</b>
2.1. Первые жертвы новой власти после освобождения Сибири от колчаковщины.....	144
2.2. Бывшие офицеры и полицейский корпус.....	157
2.3. Старые специалисты.....	216
2.4. Духовенство и сектанты.....	255
<b>Глава 3. Политические оппоненты большевиков.....</b>	<b>307</b>
3.1. Эсеры.....	308
3.2. Меньшевики.....	342
3.3. Анархисты.....	370
3.4. Политическая ссылка.....	386
<b>Глава 4. Пенитенциарная система Западной Сибири как элемент репрессивного механизма.....</b>	<b>403</b>
4.1. Формирование и развитие пенитенциарной системы в Западной Сибири в 1920–1930-е гг. Организация мест заключения и образование Сиблага.....	403
4.2. Условия и режим содержания спецконтингентов пенитенциарной системы.....	453
<b>Глава 5. Результаты функционирования пенитенциарной системы в преобразованиях Западной Сибири.....</b>	<b>511</b>
5.1. Роль и место заключенных и спецпереселенцев в решении задач экономического развития Западной Сибири.....	511
5.2. Система наказания и ее изменения в зависимости от перемен политического курса государства.....	547
<b>Глава 6. Реабилитация жертв политических репрессий в Западной Сибири.....</b>	<b>588</b>
6.1. «Бериевская оттепель».....	588
6.2. Кампания массовой реабилитации в середине 1950-х – 1980-е гг.....	617
6.3. Новый этап реабилитации жертв массовых репрессий (конец 1980-х – 2000-е гг.).....	641
<b>Заключение.....</b>	<b>690</b>
<b>Список сокращений.....</b>	<b>700</b>
<b>Именной указатель.....</b>	<b>703</b>
<b>Географический указатель.....</b>	<b>720</b>
<b>Список использованных источников и литературы.....</b>	<b>730</b>

*Научное издание*

УЙМАНОВ Валерий Николаевич

ЛИКВИДАЦИЯ И РЕАБИЛИТАЦИЯ:  
ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ  
В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СИСТЕМЕ  
БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ВЛАСТИ  
(КОНЕЦ 1919–1941 г.)

Редактор – В.Г. Лихачева  
Оригинал-макет Т.В. Дьяковой

---

Подписано в печать 10.04.2023.

Формат 70x100<sup>1/16</sup>. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.  
Печ. л. 46,0; усл. печ. л. 64,4; уч.-изд. л. 64,8. Тираж 500. Заказ

---

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4  
Тип. «ИП Е.А. Завгородний», 634040, г. Томск, ул. Высоцкого, 28, стр. 1